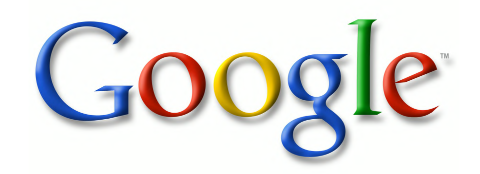

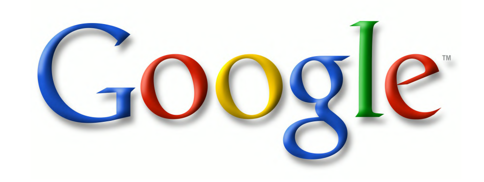

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ХРИСТОМАТІЯ

по

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ХРИСТОМАТІЯ

ПО

РУССКОЙ ИСТОРІИ

ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ

ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЖИЗНИ, ПИСЬМЕННОСТИ И ЛИТЕРАТУРЫ,

ОТЪ НАЧАЛА ПИСЬМЕННОСТИ ДО XVI ВѢКА.

(Одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія).

СОСТАВИЛЪ

Н. Я. АРИСТОВЪ

Профессоръ Русской Исторіи Варшавскаго Университета.

ВАРШАВА.

Изданіе В. Ф. Голубинскаго.

1870.

Дозволено Цензурою. Варшава. 15 Октября 1870 года.

Печатано въ Типографіи Варшавскаго Жандармскаго Округа.
На Королевской улицѣ, домъ С. Клеменсовской, № 413аа,

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемыя у насъ Христоматіи назначаются преимущественно для изученія русскаго языка и словесности; я представляю опытъ „Христоматіи по Русской Исторіи", въ которомъ содержаніе древнихъ памятниковъ выдвигается на первый планъ, поэзія уступаетъ мѣсто исторіи, внѣшняя сторона подчиняется внутренней.

Такимъ образомъ я даю средства желающимъ ознакомиться съ дѣйствительной, а не идеальной древне-русской жизнью по самымъ памятникамъ. Затѣмъ помѣщалъ я въ Христоматіи статьи изъ новыхъ сочиненій по Русской Исторіи и Словесности, съ цѣлью показать, какимъ образомъ ученые дѣлаютъ выводы на основаніи историческихъ данныхъ. Въ этомъ случаѣ я не держался одного опредѣленнаго направленія, а выбиралъ разнообразныя статьи, желая познакомить съ воззрѣніями на русскую жизнь прежнихъ историческихъ дѣятелей, и потому не стѣснялся ни противорѣчіями статей, ни невѣрностями въ частностяхъ или въ общемъ взглядѣ.—Я хотѣлъ-было сообщить читателямъ еще цѣлый отдѣлъ памятниковъ археологическихъ, приложить къ Христоматіи снимки съ древнихъ рисунковъ, монетъ, крюковыхъ нотъ и т. под.; но дороговизна подобнаго изданія разрушила мои планы.

Христоматію свою я назначаю для лицъ болѣе или менѣе уже подготовленныхъ: для воспитанниковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, для студентовъ Университета и другихъ высшихъ заведеній, а также для учителей. Имѣя въ виду такой кругъ читателей, я постоянно дѣлалъ указанія на сочиненія и статьи, изъ которыхъ можно получить свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ древне-русской жизни. Указанія эти не полны; но для желающаго заниматься онѣ не безполезны, какъ руководящія нити.

Порядокъ статей и распредѣленіе предмета у меня въ Христоматіи довольно произвольны, (что много зависитъ отъ личнаго взгляда); по этому я счелъ нужнымъ приложить одинъ указатель древнихъ памятниковъ, вошедшихъ

въ Христоматію, въ хронологическомъ порядкѣ, а другой—по родамъ и видамъ различныхъ произведеній письменности и народной поэзіи.

Издаваемая мною книга доведена до московскаго періода (1462 г.) и можетъ служить пособіемъ при изученіи древне русской областной жизни. Продолженіе Христоматіи, которое должно обнимать московскій періодъ или среднюю Русскую Исторію, появится въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени, если будутъ благопріятствовать обстоятельства.

Н. Аристовъ.

Варшава 20 октября 1870 года.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
9	22	*нерехитрила*	*перехитрила*
135	16	хозяеву	хозяину
140	40	встрѣчаетъ	встрѣчаемъ
157	7	въ	къ
165	26	князя	князья
244	28	мяжемь	можемь
251	(прмѣч.)	творѣ	дворѣ
302	12	Рисскихъ	Русскихъ
362	6	Молитвы	Мотивы
374	39	шедшю	сѣдшю
387	10	закопавъ	заковавъ
388	31	подъ ятъ	подъятъ
394	38	*Анорею*	Андрею
395	22	сборби	скорби
419	35	замятия	замятня
425	36	имать	имамь
426	8	брота	доброта
429	22	пишу	пищу
437	2	сонмъ	своимъ
439	8	благодатити	благодарити
448	19	Ощира	Ощѣра
457	25	своему	твоему
497	30	поможети	поможеши
510	37	лирскаго	мирскаго
522	15	подъ имя	подъимя
551	7	да ни же	дани же
556	38	Моску	Москву
569	4	тясяцкой	тысяцкой
572	33	инокахъ	иконахъ
598	37	Ориминьское	Орининьское
599	32	гервчатѣ	червчатѣ
602	7	покы	пакы
603	4	Завотскую	Заволотскую
605	37	московськънъ	московскіѣ
605	45	Гародець	Городець
614	26	овъ	онъ
627	27	отрожекъ	острожекъ
660	5	Н. Д.	И. Д.
677	7	штужницы	истужницы
679	32	посаннику	посаднику
679	41	послуживай	посуживай
681	25	свои	трои
—	—	половочникъ	полавочникъ
682	15	нишенную	мишенную
687	1	въ колы	въполы
687	39	за божественное	за рожественное
696	18	Бородѣлъ	Городѣлъ
699	22	(беревеньи)	(*береженьи*)
700	32	нашего	нашею
705	43	христіяново	христіянство
707	5	попче	попъ
709	13	Парамишна	Парамшина
714	29	посужити	посужати
715	16	утворятся	уговорятся
726	35	(*помощника*)	(*отреченье, отказъ*)
728	43	орудка	орудиа
732	12	часъ	часть
733	19	коръмы	корчмы
737	25	или	ими
738	19	служити	служиши
740	3	созиждети	созиждеши
752	4	ротѣшьдъ	ротѣ шьдъ
754	2	рурокоу	рукоу
755	18	оучичитъ	оучинитъ
760	17	и него	іі его
761	13	полъберьковыка	полъберьковьска
762	25	намѣстники	намѣстника
770	10	ее	се
794	20	укоренные	укорененные
820	25	кавтанъ	кафтанъ
822	18	наречетися	наречешися
822	38	но	ни
840	15	цадруси	пардуси
847	13	гробъ	гробѣ
853	21	черство	черичство
857	29	1456	1156
861	2	этай	отай
864	18	обѣтовъ	отвѣтовъ
866	7	владыкъ	владыко
869	21	одержды	одежды
883	19	сѣлю	сѣмо
892	35	показался	покаялся
898	4	(*Азьякъ*)	(*Азбякъ*)
903	20	тог пусготити	того пустити
905	20	прилучаго	прилучаю
910	31	подоптливые	податливые
914	15	носла	посла
914	25	брети	бреги
914	48	спѣси	снѣси
914	56	сочтется	сотчется
915	13	дѣвинаго стручю	дѣвичю
915	12	едина	единаго струпа
916	5	отвѣшая	отвѣщая
918	16	нишивъ	нашивъ
921	26	го	ко
923	1	Сатвръ	Ставръ
925	2	конницу	оконницу
925	21	повѣливѣе	повѣжливѣе
928	28	мытшица	мытница
934	17	соединялось	соединялась
936	23	Багры	Вагры
938	19	епикопъ	епископъ
940	10	исподѣдывали	исповѣдывали
941	41	иностраца	иностранца

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
987	16	16 п	ibn
988	4	къ путеш.	путеш.
988	10	Ньнъ	Ибнъ
995	6	Вручею	Вручего
997	16	воимина	волмина
998	15	въ семъ	въ селѣ
1002	15 и 22	скальи	скалви
1006	43	но	не
1008	4	отложить	отложишь
1010	10	Русути	Русу ти
1013	16	третника	третники
1014	26	мой	мои
1018	16	предати	продати
1018	31	посторожь	посторонь
1027	39	и	а
1031	41	но	ни
1040	46	борты	борти
1044	35	слобии	слободни
1045	28	кунець	купецъ
1046	23	куницемъ	купцемъ
1046	44	деять	девять
1058	25	по	ко
1061	6	Георгіево	Георгіеву
1061	18	зрѣри	звѣри
1066	42	тб	то
1069	55	на	да
1073	8	описанія	описанію
1084	25	спискивать	снискивать
—	41	послѣдстія	послѣдствія
1093	18	перемѣмы	перемѣны
1094	37	начальчикахъ	начальникахъ
1098	1	человчку	человѣку
1108	39	были	была
1118	15	утлое	цѣлое
1120	26	*Прохорева*	*Прохорова*
1122	30	Язв.	Изв.
1129	3	нарѣй	царѣй
1134	27	на вашь	за вашь
1136	9	пивы	нивы
1142	30	толкмо	токмо
1146	38	*Промнецъ*	*Просинецъ*
1147	4	есе	еси
1148	11	имуменомъ	игуменомъ
1167	10	Воломеру	Володимеру
1169	20	внязь	князь
1171	13	Волоримерь	Володимерь
1179	24	огъ	отъ
1184	22	Бѣжи цахъ	Бѣжицахъ
1194	15	на московь	на московьской
1200	32	Двивяне	Двиняне
1219	40	наче	паче
1220	6	внезану	внезапу
1225	1	истебляла	истребляла
1228	4	ив	не
1233	13	Новгоргда	Новгорода
1237	40	минты	минуты
1242	7	*Н. Д.*	*И. Д.*
1243	24	Печеченѣзи	Печенѣзи
1267	30	веведеть	ведеть
1276	16	коніа	кобіа
1277	33	тололемь	гоголемь
1284	33	*иногородн ы*	*иногородцы*
1286	32	Болтаре	Болгаре
1290	26	пожрени	пожрети
1310	42	шитъ	щитъ
1312	30	тѣтомъ	тѣломъ
1343	4	никаго	никако
1351	24	тотовъ	готовъ
1357	39	оряскіе	еряскіе
1364	25	Суражане	Сурожане

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Язычество и христіанство въ древней Руси.

Стр.

А. Памятники письменные:

Нравы и обычаи Славянъ 1
Извѣстія о Славянахъ X в. 4
Объ Андреѣ Первозванномъ 7
Крещеніе св. Ольги 8
Идолы языческіе 12
Русскіе первомученики 13
Испытаніе вѣры 14
Крещеніе Руси 18
Новгородскій Перунъ 21
Крещеніе Новгородцевъ 22
Слово Иларіона 24
О Волхвахъ 35
Поученіе Θеодосія 40
Изъ слова Григорія Богослова . . . 45
Языческія божества 46
Слово Серапіона 49
Слово пророка Исаіи 51
Изъ слова Григорія Богослова . . . 53
Изъ слова отъ евангелья 54
Слово Христолюбца 55
Изъ слова Златоуста 59
Тоже 62
Слово Моисея 64
О идолахъ русскихъ 65

Б. Памятники народной поэзіи и ихъ историческое значеніе:

Идолище поганое 68
Добрыня Никитичь 70
Два стиха 73
Стихъ о грѣшницѣ 74
Объ историческомъ значеніи русскихъ пѣсенъ 76
Сказка и миѳъ 87
Пословицы, заговоры, загадки и примѣты 96

В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:

Развитіе языческихъ вѣрованій. *Аѳанасьева* 111
О славянской миѳологіи. *Ербена* . 124
Богослужебные обряды Славянъ-язычниковъ. *Срезневскаго* 142
Распространеніе христіанства. *Преосв. Макарія* 153
О борьбѣ христіанства съ язычествомъ. *Знаменскаго* 159

II. Состояніе образованія.

1) Взглядъ на ученіе книжное.

А. Памятники письменные:

Кириллъ и Меѳодій 179
О письменахъ черноризца Храбра . 181
Ярославъ любитель книгъ 185
Послѣсловія рукописей 186
Предисловіе къ житію Θеодосія . . 188
Надпись на евангеліи 190
Послѣсловіе евангелія 191
Гаданье на книгѣ . . . . —
Владиміръ волынскій . . . . —

Стр.
Древняя тайнопись 194
Послѣсловіе Лаврентьевской лѣтописи 196
Запись на книгѣ. 197
Слово о четьи книгъ. 198

2. Взглядъ на явленія природы.

Знаменія въ XI в. 169
Знаменіе въ Кіевопечерскомъ мон. . 202
Сѣверныя сіянія. 204
Солнечныя затмѣнія 205
Землетрясенія. 207
Гаданія по явленіямъ природы. . . 209
Безведріе . . . . —
Голодъ 211
Кометы 213
Пожары 214
Дивныя явленія 217
Моръ. 219
Вихрь, дождь, громъ. 221
Сказаніе о трусѣ 223
Б. Преданія и легенды:
Пророчество Варлаама о снѣгѣ . . 227
Изъ бесѣды Андрея съ Епифаніемъ 229
О сотвореніи солнца 231
Суевѣрія и примѣты. 232

3. Византійское и славянское вліяніе.

А. Памятники письменные:
О различныхъ мѣсяцахъ 235
О злыхъ женахъ. . . . . —
О Югрѣ и дикихъ народахъ. . . . 242
Изъ слова Кирилла Туровскаго . . 243
Слово Даніила Заточника 247
Хожденіе Богородицы по мукамъ. . 257
Слово о мытарствахъ. 261
Посланіе Іакова болгарскаго м-ту Кириллу 267
Хожденія въ Царьградъ 269
Посланіе о раѣ 276
Перечень ложныхъ книгъ. 281
Имена ангеловъ. 285
Сказаніе о сотвореніи Адама . . . 285
Лживыя молитвы и заговоры . . . 289
О сотвореніи міра 291
Б. Памятники народной поэзіи:
Легенда о Пятницѣ 293
Легенда о Ноѣ 294
Изъ повѣсти: »Александрія« . . . 298
Стихъ объ Іоасафѣ. 302
Стихъ о страшномъ судѣ. 304
Стихъ о Θеодорѣ Тиронѣ 306
О Голубиной книгѣ 310
В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:
Историческіе очерки міросозерцанія. *Щапова*. 315
Характеръ древне-русской образованности. *П. Кирѣевскаго* . . 332
О Книжной литературѣ. *Пыпина* . 352

III. Значеніе христіанства въ развитіи древне-русской жизни.

А. Памятники письменные:
Изъ житія Θеодосія 365
Кіевопечерскіе иноки. 379
Духовная Антонія 385
Житіе Антонія 386
Изъ житія Агапита 399
Житіе Авраамія. 401
Объ Алексѣѣ м-тѣ. 413

	Стр.
Житіе Стефана Пермскаго	423
Плачь о смерти Стефана	425
Изъ житія Сергія	429
Посланіе Кирилла Бѣлозерскаго	434
Другое посланіе его же	438
Вліяніе новгородскаго владыки	441
Дѣйствія м. Фотія	444
Дѣйствія Іоны	446
Посланіе духовенства Димитрію Юрьевичу	449
Б. Памятники народной поэзіи.—Былина:	
О Василіѣ Буслаевѣ	463
В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:	
Нравственный характеръ древне-русскаго человѣка. *Соловьева*	467
Вліяніе христіанства на народъ	472
Государственное значеніе православія. *Кавелина*	488

IV. Управленіе древней Руси.

1. Власть духовная.

А. Памятники письменные:	
О Латинахъ	493
Слово Ѳеодосія	495
Избраніе владыки	499
Посланіе Симона къ Поликарпу	500
Посланіе патріарха Германа	506
Посольство папы къ Даніилу	508
Изъ правила м-та Кирилла	509
Изъ поученія его же	513
Ярлыкъ Узбека	515
Ярлыкъ Тайдулы	520
Дѣйствія м-та Ѳеогноста	521
Грамота Ѳеогноста	524
Повѣсть о Митяи	525
Уставная Діонисія	533
Избраніе архіепископа	537
Изъ посланія патріарха Антонія	538
Настольная м-та Кипріана	548
Грамота Кипріана	550
Отдѣленіе кіевской митрополіи	551
Посланіе м-та Фотія	552
Поученіе владыки Семіона	554
Благословенная грамота Павлу Обнорскому	555
О м-тѣ Сидорѣ	556
Б. Легенда:	
О построеніи Варяжской божницы	563

2. Власть свѣтская.

А. Памятники письменные:	
Отношеніе Владиміра къ дружинѣ	565
Отношеніе Новгорода къ князю	567
Убіеніе Игоря 1147 г.	—
Убіеніе Андрея Боголюбскаго	571
Обращеніе къ князьямъ	579
Романъ Галицкій	—
Борьба Мстислава съ боярами	580
Борьба Даніила съ боярами	583
Борьба Пскова съ княземъ	589
Борьба Новгорода съ княземъ	591
Волненіе въ Новгородѣ	592
Договорная Новгорода съ кн. Ярославомъ	593
Изгнаніе князя изъ Новгорода	595
Борьба Новгорода съ тверскимъ княземъ	597
Духовная І. Д. Калиты	598
Возстаніе въ Торжкѣ	601
Лука Вареоломѣевъ и сбойчатые люди	602
Слово о князѣхъ	604

Стр.
Договорная Василія Дим. съ кн. Владиміромъ 604
В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:
Отношеніе епископовъ къ князьямъ и народу. *Макарія* 607

Стр.
Замыслы папы. *Филарета* 615
Отношеніе приднѣпровскихъ городовъ къ варяжскимъ князьямъ. *И. Бѣляева* 619
Дружина княжеская. *Соловьева* . . 624
Вѣче и князь. *Сергѣевича* 631

V. Законы и суды

1. По дѣламъ духовнымъ.

А. Памятники письменные:
Уставъ св. Владиміра 661
Уставъ Ярослава 663
Уставъ Всеволода 669
Уставная церкви Іоанна на Опокахъ 674
Уставная смоленской епископіи . . 676
Ярлыкъ Тайдулы до 1357 г. . . . 681
Ярлыкъ Атюляка. 682
Грамота Кипріана Псковичамъ . . . 684
Уставная в. к. Василія Дим. и м-та Кипріана 685
Грамота архіеп. Іоны 688
Б. Преданіе:
Видѣніе Спасова образа 689

2. По дѣламъ свѣтскимъ.

А. Памятники письменные:
Правда русская 691
Завѣщаніе Владиміра галицкаго . . 695
Духовная Климента 696
Рядная Тѣшаты 698
Жалованная Калиты 699
Изъ Вислицкаго статута . . . . . —
Купчія 706
Духовная в. кн. Іоанна 1356 г. . 707
Договорная Д. Ив. Донскаго и Владиміра Андр. съ Михаиломъ Александров. 711
Кабальная. 716
Уставная 719
Жалованная новгородская 721
Изъ Псковской судной грамоты. . . 722

3. О недостаткахъ древняго судопроизводства.

Изъ посланія м. Никифора къ Мономаху 735
Бесѣда еп. Симеона съ кн. Константиномъ 741
Б. Памятники народной поэзіи:
Повѣсть о Шемякиномъ судѣ . . . 741

4. Памятники, касающіеся сношеній Руси съ иностранцами.

Договоръ Игоря 745
Мирная Новгородцевъ съ Нѣмцами . 751
Договоръ Мстислава смоленскаго съ Нѣмцами 752
Грамота смоленскаго кн. Θеодора къ рижскому епископу. 759
Договоръ смоленскаго кн. Ивана съ рижскимъ Гермейстеромъ 760

	Стр.
Договорная Полоцка съ Ливонс. орденомъ	760
Полоцкая грамота Ливонскому ордену	762
Договорная Казиміра со Псковомъ	763
Договорная в. кн. Василія съ Казиміромъ	765
В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:	
Значеніе Божьихъ судовъ по рус. праву. *А. Лохвицкаго*	771
О юридическомъ значеніи духовенства. *Н. Калачова*	787
О Магдебургскомъ правѣ. *Мацѣевскаго*	802

VI. Общественная жизнь, нравы и обычаи.

А. Памятники письменные:	
Извѣстія о Русскихъ 922 г.	817
Поученіе Луки Жидяты	821
Поученіе Θеодосія	823
Изъ посланія м. Іоанна	825
Паломникъ Даніила	829
Поученіе Владиміра Мономаха до 1125 г.	851
Каноническіе вопросы Кирика	857
Споръ о постѣ	864
Раскаяніе Игоря въ плѣну	865
Изъ слова о богатомъ и убогомъ	866
Похвалы княгинямъ	868
Похвалы князьямъ	870
Похвалы епископамъ	872
Слово Серапіона о кончинѣ міра	875
Его же слово о мятежи житія сего	876
Поученіе м. Петра	877
Грабежъ на пожарахъ	882
Изъ поученія до 1350 г.	884
Моръ	886
Ушкуйники	890
Поученіе отъ всѣхъ книгъ	892
Слово о пьянствѣ	896
Слово о челяди	897
Идеалъ князя	898
Убіеніе Юліаніи Вяземской	899
О началѣ Колочскаго монастыря	900
Исповѣданіе архіеписк. Θеодосія	904
Б. Памятники народной поэзіи:	
Объ образѣ Спаса преданіе	907
Сказаніе о Михалицкомъ монастырѣ	908
Стихъ о страшномъ судѣ	909
О Петрѣ и Θевроніи	911
Данила и Василиса	919
Добрыня Никитичъ	923
В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:	
Характеръ Балтійскихъ Славянъ. *Гильфердинга*	929
Религіозные обычаи. *Филарета*	944
Несвободныя состоянія въ древней Россіи. *Чичерина*	952

VII. Промышленность и торговля

А. Памятники письменные:	
Грамота Мстислава	989
Уставъ Святослава	991
Надпись на крестѣ Евфросиніи	992
Защита торговцевъ	993
Владимірскія церкви	995
Вкладная Варлаама	997
Данная Васильевскому монаст.	998
Убранство войска Даніила	999
Украшеніе г. Холма	1000
Мирная Новгородцевъ съ Нѣмцами	1001
Грамота кн. Андрея на Двину	1003
Грамота Рижанъ	—
Грамота архіеп. Θеоктиста	1008
Грамота Ганзейскому союзу	—

	Стр.
Договорная Новгорода съ кн. Михаиломъ	1009
Торговый договоръ Полоцка съ Ригой	1011
Грамота Калиты на Двину	1012
Жалованная сокольникамъ	1013
Грамота Кестутія и Любарта	—
Жалованная Ярославскому мон.	1014
Закладная Власья	1015
Духовная игумена Василія	1016
Три купчія	1017
Жалованная Отрочу монаст.	1019
Жалованная Евсевку	1021
Духовная Остафья	—
Жалованная Андрею Фрязину	1025
Духовная Димитрія Донскаго	—
Уставная Кипріана	1033
Жалованная Спасскому монаст.	1035
Жалованная Толгскому монаст.	—
Обводная запись	1036
Купчая Червонно-русская	1037
Жалованная Солотчинскому мон.	1038
Жалованная Савво- сторожевскому мон	—
Договорная Полоцка съ Ригой	1041
Таможенная Молдавскаго господаря	1043
Неурожай въ 1422 г.	1047
Жалованная Троицкому Сергіеву мон.	1048
Ввозныя послушныя грамоты	1049
Заемная и закладная	1050
Данная Московс. Успенскому собору	1051
Показаніе Микулинича	1052
Денежное дѣло въ Новгородѣ	—
Жалованная Чухломскому мон.	1054
Купчая Кирилова мон.	1056
Б. Памятники народной поэзіи:	
Сказаніе о Щиловѣ мон.	1055
Стихъ о Егоріѣ	1059
Олегъ Святославичъ	1065
Микула Селяниновичъ	1067
Садко богатый	1070
В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:	
Торговля древней Руси. *Карамзина*	1073
Объ имуществахъ рус. духовенства. *Вл. Милютина*	1076
О поземельномъ владѣніи. *Н. Бѣляева*	1102

VIII. Областная борьба и возвышеніе Москвы.

А. Памятники письменные:	
Племена славянскія	1123
О народѣ русскомъ изъ Синопсиса	1127
Смерть Игоря и месть Ольги	1132
Убіеніе Бориса и Глѣба	1137
Ослѣпленіе Василька	1142
Борьба между князьями 1146 г.	1155
Переговоры съ Володимеркомъ	1159
Борьба Новгородцевъ съ Суздальцами	1162
Междоусобія въ Рязани	1166
Борьба города Владиміра съ Рязанью 1207	1168
Липицкая битва	1171
Междоусобія во Владимірѣ	1182
Договорная Новгорода съ вел. кн. тверскимъ Александромъ Михайловичемъ 1327 г.	1184
Отношенія между Новгородомъ и Псковомъ	1186
Борьба Москвы съ Рязанью 1371	1187
Борьба Новгорода съ Тверью 1372.	1188
Борьба Москвы съ Тверью 1375.	1191
Договорная в. кн. рязанскаго Олега Ив. съ в. кн. Дмитріемъ Ив. и братомъ его кн. Владиміромъ Андреевичемъ 1381	1193
Подчиненіе Нижняго Новгорода Москвѣ	1196

Стр.

Борьба Москвы съ В. Новгородомъ

Подчиненіе Суздаля Москвѣ 1204

Изыманіе московскаго князя въ Троицкомъ мон. 1446 г. 1205

Посланіе Іоны Вятчанамъ 1209

Усмиреніе Новгорода московскимъ княземъ 1211

Б. Народныя преданія:

Сказаніе о началѣ Москвы 1213

Пророчество о Москвѣ святителя Петра 1219

Былина о Василіѣ Буслаевѣ . . . 1220

В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:

Взглядъ на древне-русскую исторію. *Н. Полеваго* 1223

Единство русской земли при областной раздробленности. *К. Аксакова* 1234

IX. Борьба Руси съ разными племенами и народами.

1. Степняки.

А. Памятники письменные:

Авары, Хозары и Печенѣги . . . 1243

Набѣгъ Печенѣговъ 992 г. . . . 1246

Осада Бѣлгорода 1248

Косоги. 1250

Половцы . . . . —

Борьба съ половцами 1251

Нашествіе Боняка 1255

Походъ Игоря на Половцевъ . . . 1256

Б. Памятники народной поэзіи:

Слово о полку Игоревѣ 1265

Сказаніе о плѣнномъ Половчинѣ. . 1278

2. Волжскіе Болгары.

А. Памятники письменные:

Сношенія и борьба съ Болгарами . 1285

Побѣды надъ Болгарами 1287

Отношенія къ Болгарамъ въ XIII в. 1291

Битва съ Болгарами и казанскими Татарами 1293

3. Татары.

Битва при Калкѣ 1295

Нашествіе Батыя 1301

Побоище Батыево 1307

Сказаніе о татарахъ. *Плано-Карпини* 1312

Кончина кн. Михаила въ Ордѣ. . 1316

Даніилъ Галицкій въ Ордѣ. . . . 1322

Возстаніе противъ Татаръ 1262 г. 1324

Убіеніе кн. Романа 1325

Житіе Петра ордынскаго. 1326

Сказаніе о Михаилѣ тверскомъ . . 1337

Житіе Александра тверскаго . . . 1349

Битва съ Арапшей 1352

Слово о Задонщинѣ 1354

Нашествіе Тохтамыша 1361

Крещеніе Татаръ 1390 г.. . . . 1373

Нашествіе Тамерлана 1374

Нашествіе Едигея 1380

Посланіе Едигея 1385

Плѣненіе г. Владиміра Талычемъ . 1387

Б. Памятники народной поэзіи:

Отъ чего перевелись витязи на св. Руси. 1387

Щелканъ Дудентьевичъ 1389

Илья и Батый 1391

Изъ пѣснопѣній въ честь Меркурія 1396

Легенда о Егоріѣ и Татарахъ . . 1398

4. Племена Финскія.

Стр.
Борьба съ Финнами въ XI и XII в. 1401
Борьба съ ними въ XIII 1404
Борьба съ ними въ XIV в. . . . 1407
Мордва 1408

5. Нѣмцы и Шведы.

Отношеніе Новгорода къ Нѣмцамъ и Шведамъ. 1411
Повѣсть объ Александрѣ Невскомъ. 1412
Борьба съ Шведами. 1421
Договоръ Новгорода съ Шведами 1323 г. 1423
Борьба съ Шведами въ XIV в.. . 1425
Борьба съ Нѣмцами 1427
О королѣ Магнусѣ 1428
Рукописаніе Магнуша. 1430
Борьба съ Нѣмцами. 1432
О томъ же 1434

6. Латышскія племена.

Ятвяги. 1437
Отношенія Руси къ Ятвягамъ . . 1441
Литовскія вѣрованія 1443
Борьба съ Литвой. 1445
Сказанія о кн. Довмонтѣ. 1446
Гедиминъ. 1450
Казиміръ. 1451
Походъ Ольгерда на Новгородъ . . 1452
Первый походъ его къ Москвѣ . . 1453
Второй походъ. 1455
Битва подъ Мстиславлемъ 1456
Листъ перемирный тверскаго кн. Бориса съ Витовтомъ 1457
Подчиненіе Смоленска Литвѣ. . . 1459
Нашествіе Витовта на Псковъ . . 1460
Тоже 1462
В. Статьи изъ новыхъ сочиненій:
Слѣдствія татарскаго нашествія. *В. Стоюнина*. 1465
Куликовская битва. *Н. Костомарова* 1474
О литовскомъ княжествѣ. *Кояловича* 1494

Указатель древнихъ памятниковъ въ хронологическомъ порядкѣ 1509
Указатель памятниковъ по родамъ и видамъ 1511

I. ЯЗЫЧЕСТВО И ХРИСТІАНСТВО ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

1. Нравы и обычаи Славянъ.

Имяху бо обычаи свои *(Славяне)* и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо *(каждое племя)* свой нравъ.

Поляне (*Кіевляне*) бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыденье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыденье имѣху; брачныи обычаи имяху; не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтря приношаху по ней, что вдадуче (1). А *Древляне* живяху звериньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но *умыкиваху* (2) у воды дѣвиця. И *Радимичи*, и *Вятичи*, и *Сѣверъ* (Сѣверяне) (3) одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще вся нечисто; срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся (*соглашался*); имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умряше, творяху *трызну* (1) надъ нимъ, и по семъ творяху кладу (*костеръ дровъ*) велику, и възложахуть и на кладу мертвеца, сожьжаху, а по семъ собравше кости, вложаху въ судину (*посуду*) малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая *Кривичи*, прочіи поганіи, не вѣдуще закона божья, но творяще сами собѣ законъ...

(Лаврент. списокъ лѣтописи, помѣщенный въ Пол. Собр. Рус. Лѣтоп , изд. Археогр. Ком. т. I, стр. 6).

См. также ,,Лѣтопись Несторова по древнѣйш. сп. мниха Лаврентія,“ изд. *Профес. Тимковскаго*. М. 1824, списокъ Радзивиловскій въ Рос. Историч. Библ., изд. Акад. Н. I. 1767. Софійс. Времен. въ Пол. С. Лѣт. V. 81—155. Воскресенс. списокъ. Тамъ же т. VII, 260—345.

Лаврентьевская лѣтопись получила названіе свое отъ имени писца монаха Лаврентія, который переписалъ ее въ 1377 г., и этотъ списокъ доселѣ считается древнѣйшимъ. Въ немъ заключается первоначальная лѣтопись, которая приписывается преп. Нестору (до

(1) Т. е. съ вечера приводили невѣсту, а на другой день приносили приданое. Похвала лѣтописца обычаямъ Полянъ или Кіевлянъ и униженіе другихъ племенъ справедливо считаются пристрастными, п. ч. лѣтопись писана въ Кіевѣ.

(2) *Умыкать*—умчать, увести, похитить.

(3) О разныхъ племенахъ Славянскихъ см. въ этой Христоматіи далѣе.

(1) *Тризна*—языческіе похоронные и поминальные обряды.

1110 г.) и лѣтопись Суздальская (съ 1112 до 1305 г.), сохранившая преимущественно событія Ростовской, Владимірской и Суздальской областей. Временникъ Нестора, современный Зонарѣ и Космѣ Пражскому, и предварившій Гельмольда и Кадлубека, составляетъ первоначальный памятникъ отечественнаго бытописанія, по справедливости пользующійся всемірною извѣстностью. Онъ проливаетъ свѣтъ на глубокій сѣверъ IX, X и XI столѣтій, увѣковѣчиваетъ бытіе Руси непреложностью сказаній о ея происхожденіи и сообщаетъ свѣдѣнія о дѣяніяхъ древнихъ князей, на пространствѣ вѣковъ, непосредственно слѣдовавшихъ за эпохою государственнаго возрожденія. Это—священная книга народа.

Лѣтопись составлена изъ народныхъ преданій, статей греческихъ хроникъ, отдѣльныхъ повѣстей о частныхъ лицахъ, напр. о Кириллѣ и Меѳодіѣ, Борисѣ и Глѣбѣ, ослѣпленіи Василька, изъ поученій и лѣтописныхъ замѣтокъ современниковъ, которыя можно видѣть до 986 и 1054 г. (Лавр. 8).

О русскихъ лѣтописяхъ можно читать слѣд. статьи и сочиненія: Несторъ, рус. лѣтописи на древне-словенс. яз. *Авг. Шлецера*, въ перев. Языкова 1809—1819, 3 ч. Изслѣдов. замѣч. и лекціи *М. П. Погодина* 1, 91—97; IV. 1—70. Оборона лѣтоп. Нестора *П. Буткова*. Спб. 1840. О Несторѣ и его продолжателяхъ. *Н. Б—ва*. Вѣстн. Евр. 1810, ч. 53, № 20, стр. 279; ч. 53. Сынъ Отеч. 1834, CLXVIII; 1835, CLXIX и CLXX. Вѣстн. Евр. 1811, ч. 59, № 18, стр. 19, 106; 1809, ч. 48, № 18, 133. О мнимой древности, первобытномъ состояніи и источникахъ нашей лѣтоп. *С. Строева* Спб. 1834. О лѣтописяхъ статьи во Временникѣ, кн. 1. 2. 3. 5. 7. 13. Историко-критич. разсужд. о началѣ рус. лѣтописей. *М. П. Погодина*. М. 1839. Рус. Историч. Сборн. IV. О рус. лѣтоп. и лѣтописателяхъ по 1240 г. *В. Перевощикова*. Спб. 1836. О лѣтописяхъ *Полѣнова*. Уч. Зап. Акад. II. 1, 59. Ж. Мин. Народ. Просв. XVIII. 1. Библіографич. обзоръ рус. лѣт. *Полѣнова*. Спб. 1850. О Несторѣ. *П. С. Казанскаго*. От. Зап. 1851, LXXIV, 8, с. 80. О значеніи рус. лѣтоп. въ духовн. развитіи народа. *Клеванова*. Чт. общ. 1848, кн. I. О древней лѣтописи, какъ памятн. литературномъ. *М. И. Сухомлинова*. Уч. Зап. 2 отд. Акад. III. Ист. Рос. *С. М. Соловьева*. III. 116. 133. IV, 371—84. Замѣчанія *И. И. Срезневскаго*: Изв. Акад. II, 23. 26. 77. О южно-рус. лѣтоп. издан. Н. Бѣлозерскимъ. *Н. И. Костомарова*. От. Зап. 1857, CX, II. 114—23. Рус. Бесѣда 1857, III. 45. Лекціи по Рус. Ист. *Костомарова*. Спб. 1861. Взглядъ на лѣтописи. Прав. Собес. 1859, II, 45. 414; 1860, I, 385; II, 46. 176. Духъ Христіан. 1861, № 2. 3. Чт. общ. Ист. Годъ 2-й, V. О преданіяхъ въ древне-рус лѣтоп. *Сухомлинова*. Основа. 1861, № 7. О составѣ рус. лѣтоп. до конца XIV в. *Бестужева—Рюмина*. Лѣтоп. занятій Археогр. Ком. 1868, IV кн. и отдѣльно. По вопросу о первыхъ рус. лѣтописцахъ. *А. Разсудова*. Моск. Универс. изв. 1868, № 9.

2. Извѣстія о Славянахъ начала X вѣка.

Славяне не имѣютъ ни виноградниковъ, ни пашень. Изъ дерева выдѣлываютъ они родъ кувшиновъ, въ которыхъ находятся у нихъ и ульи для пчелъ и сберегается медъ пчелиный. Зовутся эти кувшины *улищъ* и заключаютъ въ себѣ каждый около 10 кружекъ меду. Разведеніемъ свиней занимаются они, равно какъ другіе овцеводствомъ [1]. Когда умираетъ кто-либо изъ нихъ, они сожигаютъ трупъ его. Женщины ихъ, когда случится у нихъ покойникъ, царапаютъ себѣ ножемъ руки и лица. На другой день по сожженіи покойника, отправляются на мѣсто, гдѣ оно происходило, собираютъ пепелъ и кладутъ его въ урну, которую ставятъ за тѣмъ на холмъ. Чрезъ годъ, по смерти покойника, берутъ кувшиновъ 20 меду, иногда нѣсколько больше, а иногда меньше, и несутъ ихъ на тотъ холмъ, гдѣ родственники покойнаго собираются, ѣдятъ, пьютъ и затѣмъ расходятся. Если у покойника было 3 жены, то та изъ нихъ, которая утверждаетъ, что она особенно любила его, приноситъ къ трупу его 2 столба и вбиваетъ ихъ стоймя въ землю, потомъ кладетъ третій столбъ поперекъ, привязываетъ посреди этой перекладины веревку, становится на скамью, и конецъ этой веревки завязываетъ вокругъ своей шеи: тогда скамью вытаскиваютъ изъ подъ нея, и женщина остается повисшею, пока не задохнется и не умретъ. Послѣ этого трупъ ея бросаютъ въ огонь, гдѣ онъ и сгараетъ.

Всѣ Славяне—огнепоклонники. Хлѣбъ наиболѣе ими воздѣлываемый—просо. Въ

---

[1] Мусульманина, которому запрещала религія употребленіе свинины, поражало это обстоятельство.

пору жатвы кладутъ они просяныя зерна въ ковшъ, поднимаютъ его къ небу и говорятъ: ,,Господи, ты, который даешь намъ пищу, снабди теперь насъ ею въ полной мѣрѣ!" Есть у нихъ разнаго рода лютни, гусли и свирѣли; послѣднія длиною въ два локтя, лютня же ихъ осмиструнная. Хмѣльной напитокъ приготовляютъ изъ меду. При сожиганіи покойниковъ предаются шумному веселью, выражая тѣмъ радость свою, что Богъ оказалъ милость покойному, взявъ его къ себѣ. Рабочаго скота у нихъ мало, а верховыхъ лошадей имѣетъ только одинъ человѣкъ (?). Вооруженіе ихъ состоитъ изъ дротиковъ, щитовъ и копій; другаго оружія не имѣютъ...

Въ землѣ Славянъ холодъ бываетъ до того силенъ, что каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ въ землѣ родъ погреба, который покрываетъ деревянною остроконечною крышею, какія видимъ у христіанскихъ церквей, и на крышу эту накладываютъ земли. Въ такіе погреба переселяются со всѣмъ семействомъ, и взявъ нѣсколько дровъ и камней, раскаляютъ послѣдніе на огнѣ до красна. Когда же раскалятся камни до высшей степени, поливаютъ ихъ водой, отчего распространяется паръ, нагрѣвающій жилье до того, что снимаютъ уже одежду. Въ такомъ жильѣ остаются до самой весны...([1])

Когда у кого изъ Руси родится сынъ, отецъ новорожденнаго беретъ обнаженный мечъ, кладетъ его предъ дитятею и говоритъ: ,,Не оставлю въ наслѣдство тебѣ никакаго имущества: будешь имѣть только то, что пріобрѣтешь себѣ этимъ мечемъ..." Единственный промыселъ ихъ—торговля собольими, бѣличьими и другими мѣхами, которые и продаютъ они желающимъ; плату же получаемую деньгами, завязываютъ накрѣпко въ пояса свои. Съ рабами обращаются хорошо... Гостямъ оказываютъ почетъ и обращаются хорошо съ чужеземцами, которые ищутъ у нихъ покровительства, да и со всѣми, кто часто бываетъ у нихъ, не позволяя никому изъ своихъ обижать или притѣснять такихъ людей. Въ случаѣ же, если кто изъ нихъ обидитъ или притѣснитъ чужеземца, помогаютъ послѣднему и защищаютъ его... Когда кто изъ нихъ имѣетъ дѣло противъ другаго, то зоветъ его на судъ къ царю, предъ которымъ и препираются; когда царь произнесетъ приговоръ, исполняется то, что онъ велитъ; если же обѣ стороны приговоромъ царя не довольны, то, по его приказанію, должны предоставить окончательное рѣшеніе оружію; чей мечь острѣе, тотъ и одерживаетъ верхъ. На борьбу эту родственники (обѣихъ тяжущихся сторонъ) приходятъ вооруженными и становятся. Тогда соперники вступаютъ въ бой, и побѣдитель можетъ требовать отъ побѣжденнаго, чего хочетъ.

Есть у нихъ, изъ среды ихъ, *врачи* (*жрецы*), имѣющіе такое вліяніе на царя ихъ, какъ будто они начальники ему. Случается, что приказываютъ они приносить въ жертву творцу ихъ, что ни вздумается имъ: женщинъ, мужчинъ и лошадей; а ужъ когда прикажетъ врачъ,—не исполнить приказанія его нельзя никоимъ образомъ. Взявъ человѣка или животное, врачъ накидываетъ ему петлю на шею, навѣшиваетъ жертву на бревно и жметъ, пока она не задохнется. Тогда говоритъ: ,,вотъ это—жертва Богу..." Когда умираетъ у нихъ кто-либо изъ знатныхъ, то выкапываютъ ему могилу въ видѣ большаго дома, кладутъ его туда и вмѣстѣ съ нимъ кладутъ въ ту же могилу какъ одежду его, такъ и браслеты золотые, которые онъ носилъ; далѣе опускаютъ туда множество съѣстныхъ припасовъ, со-

([1]) Очевидно, здѣсь описываются землянки, которыя устроивали наши предки для бань, а иногда и для жилья. См. ниже преданіе объ Андреѣ Первозванномъ.

суды съ напитками и чеканеную монету. Наконецъ кладутъ въ могилу живою и любимую жену покойника. Затѣмъ отверзтіе могилы закладывается, и жена умираетъ въ заключеніи.

(Извѣстія арабс. писателя Ибнъ-Даста. Изд. Д. А. Хвольсона 1869 г. стр. 28—40).

Обратить вниманіе на языческій бытъ Славянъ.— Съ другими арабскими писателями о Россіи можно познакомиться изъ сочиненія *Френа* Ibn— Foszlans und anderer Araber Berichte... Спб. 1823; также *Шармуа* Memoires de l'Akademie Imper. des Sciens de St. Peterb. 1834, VI. 317; *Аделунга* Объ иностранныхъ путешественникахъ по Россіи М. 1866.

3. Объ Андреѣ Первозванномъ.

А Днѣпръ втечеть въ Понетьское море жереломъ (1), еже море словеть Руское, по нему же училъ св. Оньдрѣй, братъ Петровъ. Оньдрѣю учащю въ Синопіи и пришедшю ему въ Корсунь (*Херсонь*), увидѣ, яко изъ Корсуня близь устье днѣпрьское, въсхотѣ поити въ Римъ, и приде въ устье днѣпрьское; оттолѣ поиде по Днѣпру горѣ (*вверхъ*) и по приключаю (*случаю*) приде и ста подъ горами на березѣ. Заутра въставъ и рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: ,,видите ли горы сія? яко на сихъ горахъ возсіяеть благодать божья, имать градъ великъ быти, и церкви многи Богъ въздвигнути имать.'' Въшедъ на горы сія, благослови я, постави крестъ, и помолився Богу и сълѣзъ съ горы сея, идѣже послѣже бысть Кіевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ Словѣни, идѣже нынѣ Новъгородъ; и видѣ ту люди сущая, како есть обычаи имъ, и какъ ся мыють, хвощутся (*парятся вѣникомъ*), и удивися

(1) *Понетьское* — Черное море. *Жереломъ* — жерломъ, устьемъ.

имъ. Иде въ Вараги и приде въ Римъ, исповѣда, елико (*сколько*) научи и елико видѣ и рѣче имъ: ,,дивно видѣхъ Словеньскую землю, идучи ми сѣмо видѣхъ бани древены, и пережьгутъ ѐ рамяно (1), совлокуться и будуть нази, и облѣются квасомъ усніянымъ (2), и возмуть на ся (*себя*) прутье младое, бьються сами и того ся добьють, егда влѣзуть ли (*еле*) живи, и облѣются водою студеною, тако оживуть; и то творять по вся дни немучими никимъже, но сами ся мучать, и то творять не мовенье собѣ, а мученье.'' Тѣ слышаще дивляхуся; Оньдрѣй же бывъ въ Римѣ, приде съ Синопію.

(П. Собр. Лѣт. 1, 3—4).

Объ апостолѣ Андреѣ см. «Изслѣд. об ист. и древн. Херсонеса Таврич.» Кене. Спб. 1848.

4. Крещеніе св. Ольги и характеръ Святослава.

а. Въ лѣто 6456. Въ лѣто 6457. Въ лѣто 6458. Въ лѣто 6459. Въ лѣто 6460. Въ лѣто 6461. Въ лѣто 6462. Въ лѣто 6463 (3) (955). Иде Ольга въ Греки и приде Царюгороду. Бѣ тогда царь имянемъ Цѣмьскій; и приде къ нему Ольга, и видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслену, удививъ ся царь разуму ея, бесѣдова къ ней и рекъ ей: ,,подобна еси царствовати въ градѣ съ нами.'' Она же разумѣвши рече ко царю: ,,азъ погана есмь (*язычница*), да аще мя хощеши крестити, то крести мя самъ; аще ни, то не крещюся,'' и крести ю царь съ патреархомъ. Просвѣщена же бывъши, ра-

(1) Накалятъ ихъ до красна.
(2) *Усніе* — кожа; квасомъ кислымъ, которымъ отквашиваютъ овчины.
(3) Такая форма означенія годовъ доказываетъ, что первоначально дѣлали таблицы годовъ и подъ ними отмѣчали достойное памяти, пропуская годы, когда не случилось ничего замѣчательнаго.

довашеся душею и тѣломъ; и поучи ю патреархъ о вѣрѣ, рече ей: ,,благословена ты въ женахъ рускихъ, яко возлюби свѣтъ, а тьму остави; благословити тя хотять сынове рустіи въ послѣднiй родъ внукъ твоихъ.'' И заповѣда ей о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостыни и о въздержаньи тѣла чиста: она же поклонивши главу, стояше аки губа напаема внимающи ученья; поклонивъшися патреарху, глаголющи: »молитвами твоими, владыко, да схранена буду отъ сѣти непріязньны.« Бѣ же речено имя ей во крещеньи Олена, якоже и древняя цариця, мати великаго Костянтина. Благослови ю патреархъ, и отпусти ю. И по крещеньи возва ю царь и рече ей: »хощю тя пояти собѣ женѣ.« Она же рече: »како хочеши мя пояти, крестивъ мя самъ и нарекъ мя дъщерью? а въ хрестеянехъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси.« И рече царь: »переклюкала (*нерехитрила*) мя еси, Ольга;« и дасть ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныя, и отпусти ю, нарекъ ю дъщерью собѣ. Она же хотящи домови, приде къ патреарху, благословенья просящи на домъ, и рече ему: »людье мои погани и сынъ мой, дабы мя Богъ съблюлъ отъ всякого зла.« И рече патреархъ: »чадо вѣрное! во Христа крестилася еси и во Христа облечеся. Христосъ имать схранити тя; якоже схрани Еноха въ первыя роды, и потомъ Ноя въ ковчезѣ, Аврама отъ Авимелеха, Лота отъ Содомлянъ, Моисѣя отъ Фараона, Давыда отъ Саула, 3 отроци отъ пещи, Данила отъ звѣрiй, тако и тя избавить отъ непріязни и отъ сѣтій его;« благослови ю патреархъ, и иде съ миромъ въ свою землю и приде Кіеву. Се же бысть, якоже при Соломанѣ, приде царица Еѳіопьская къ Соломану, слышати хотящи премудрости Соломани, и многу мудрость видѣ и знаменья: такоже и си блаженная Ольга искаше доброѣ мудрости божьи, но

она человѣчьски, а си божья. Ищющи бо мудрости обрящють. Премудрость на исходищихъ поется, на путехъ же деръзновенье водить, на краихъ же забральныхъ (*на крѣпостяхъ*) проповѣдаеть, во вратѣхъ же градныхъ дерзающи глаголеть; елико бо лѣтъ незлобивіи держатся по правду, не постыдятся. Си бо отъ възраста блаженая Ольга искаше мудростью все въ свѣтѣ семъ, налѣзе (*нашла*) бисеръ многоцѣньныхъ, еже есть Христосъ. Рече бо Соломанъ: желанье благовѣрныхъ наслажаетъ душю; и приложиши сердце твое въ разумъ; азъ любящая мя люблю, и ищущіи мене обрящють мя. Господь рече: приходящаго ко мнѣ не изжену вонъ. Си же Ольга приде Кіеву и присла къ ней царь гречьскій, глаголя: »яко много дарихъ тя; ты бо глаголаше ко мнѣ, яко аще возъвращюся въ Русь, многи дары прислю ти, челядь, воскъ и скъру ([1]), и вои въ помощь.« Отвѣщавши Ольга и рече къ сломъ: »аще ты,« рьци, »такоже постоиши у мене въ Почайнѣ, якоже азъ въ Суду ([2]), то тогда ти дамъ« — и отпусти слы (*послы*) съ рекъши.

Живяше же Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ, и учашеть и мати креститися, и не брежаше того ни во уши прiимати; но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому. Невѣрнымъ бо вѣра хрестьянска уродьство есть; не смысливша бо, ни разумѣша во тьмѣ ходящіи, и не вѣдять славы господня, одобьлѣша бо сердца ихъ, ушима тяжько слышати, очима видѣти. Рече бо Соломанъ: дѣла нечестивыхъ далече отъ разума; понеже звахъ вы и не послушасте мене, простроxъ словеса и не внимасте, но отметасте моя съвѣты, моихъ же обличеній не внимасте; възненавидѣша бо пре-

---

([1]) *Челядь* — рабовъ, *скъру* — шкуры, мѣха, оттуда сл. *скорнякъ*.
([2]) *Суда*—гавань цареградская.

мудрость, а страха господня не изволиша, ни хотяху моихъ внимати съвѣтъ, подражаху же моя обличенья.. Якоже бо Ольга часто глаголашеть: »азъ, сыну мой, Бога познавъ и радуюся; аще ты познаеши, и радоватися почнешь.« Онъ же не внимаше того, глаголя: »како азъ хочю инъ законъ пріяти единъ? а дружина сему смѣятися начнуть.« Она же рече ему: »аще ты крестишися, вси имуть тоже створити.« Онъ же не послуша матере, творяше норовы (*обычаи*) поганьскія, не вѣдый, аще кто матере не послушаеть, въ бѣду впадаеть; яко же рече· аще кто отца, ли матере не постушаеть, но смерть пріиметъ. Се же ктому гнѣвашеся на матерь. Соломанъ бо рече: кажай злыя пріемлеть собѣ досаженье, обличаяй нечестиваго поречеть собе; обличенья бо нечестивымъ мозоле суть; не обличай злыхъ, да не възненавидять тебе. Но обаче любяше Ольга сына своего Святослава, рькущи: »воля божья да будеть; аще Богъ хощеть помиловати рода моего и землѣ Рускіѣ, да възложить имъ на сердце обратитися къ Богу, якоже и мнѣ Богъ дарова.« И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся нощи и дни, кормящи сына своего до мужьства его и до взраста его.

б. Въ лѣто 6464. Въ лѣто 6465. Въ лѣто 6466. Въ лѣто 6467. Въ лѣто 6468. Въ лѣто 6469. Въ лѣто 6470. Въ лѣто 6471. Въ лѣто 6472 (964). Князю Святославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легко ходя аки пардусъ (*леопардъ*), войны многи творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядяше, ни шатра имяше, но подъкладъ (*войлокъ*) постлавъ и сѣдло въ головахъ: такоже и прочіи вои его вси бяху. Посылаше къ странамъ глаголя: »хочю на вы ити«...

в. Въ лѣто 6477 (969). Рече Святославъ къ матери своей и къ боляромъ своимъ: »нелюбо ми есть въ Кіевѣ быти, хочю жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть середа въ земли моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина, овощеве разноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угоръ (*Венгровъ*) сребро и комони (*кони*), изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь.» Рече ему Волга: «видиши мя больное сущю, камо (*куда*) хощеши отъ мене ити?» бѣ бо разболѣлася уже, рече же ему: »погребъ (*схоронивъ*) мя, иди же аможе (*куда*) хочеши.« По трехъ днехъ умре Ольга, и плакася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людье вси плачемъ великимъ, несоша и погребоша ю на мѣстѣ; и бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны надъ собою, бѣ бо имущи презвутеръ ([1]), сей похорони блаженую Ольгу. Си бысть предътекущія крестьяньстѣй земли, аки деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ, си бо сьяше аки луна въ нощи, тако и си въ невѣрныхъ человѣцѣхъ свѣтящеся аки бисеръ въ (*грязи*) калѣ; кальни бо бѣша, грѣхъ не омовени крещеньемъ святымъ. Си бо омыся купѣлью святою, и совлечеся грѣховныя одежа ветхаго человѣка Адама, и въ новый Адамъ облечеся, еже есть Христосъ...

(*П. Собр. Лѣт. 1, 25—29).*

5. Идолы языческіе.

И нача княжити Володимеръ въ Кіевѣ единъ (980), и постави кумиры (*идолы*) на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ ([2]), и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь. Жря-

([1]) Языческихъ похоронныхъ и поминальныхъ обрядовъ не дѣлать, п. ч. имѣла священника.

([2]) Изъ этого *уса злата* поздніе лѣтописцы, Герберштейнъ и польскіе историки сдѣлали бога *Услада*.

ху (*приносили жертвы*) имъ, наричюще я богы, привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами (*жертвами*) своими, и осквернися кровьми земля Руска и холмъ — отъ. . . Володимеръ же посади Добрыну уя (*дядю*) своего въ Новѣгородѣ; и пришедъ Добрына Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье ноугородстіи аки Богу.

(*Лавр. 34*).

6. Русскіе первомученики.

В лѣто 6491 (983). Иде Володимеръ на Явтяги, и побѣди Явтяги и взя землю ихъ, и иде Киеву, и творяще потребу кумиромъ с людми своими. И рѣша старци и боляре: мчемъ (*бросаемъ*) жребии на отрока и дѣвицю; на негоже падеть, того зарѣжемъ богомъ. Бяше Варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идеже есть церкви Святая Богородица, юже сдѣла Володимеръ: бѣ же Варягъ то пришелъ изъ Грекъ, держаше вѣру хрестеяньску, и бѣ оу него сынъ красенъ (*красивъ*) лицемъ и душею, на сего паде жребии по зависти дьяволи. Не терпяшеть бо дьяволъ, власть имыи надо всѣми, и се бяшеть ему аки тернъ в сердци, тьщашеся (*старался*) потребити оканьныи и наоусти (*подучилъ*) люди. Рѣша пришедше послании к нему: яко паде жребии на сынъ твои, изволиша бо и бози собѣ; да створимъ потребу богомъ. И рече Варягъ: »не суть бо бози, но древо; днесь есть, а оутро изъгнееть; не ядять бо, ни пьютъ, ни молвять, но суть дѣлани руками в деревѣ; а Богъ есть единъ, емуже служать Грьци и кланяются, иже створилъ небо, и землю, звѣзды, и луну, и солнце, и человѣка, далъ есть ему жіть на земли: а си бози что сдѣлаша? сами дѣлани суть; не дамъ сына своего бѣсомъ.« Они же шедше повѣдаша людемъ; они же

вземше оружье, поидоша нань, и розъяша дворъ около его, онъ же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ. Рѣша ему: вдаи сына своего, да вдамы богомъ. Онъ же рече: »аще суть бози, то единого собе послють бога, да имуть сынъ мои; а вы чему претребуете?« И кликнуша и посѣкоша сѣни подъ нима, и тако побиша я, и не свѣсть никтоже, гдѣ положиша я. Бяху бо тогда человѣци невѣголоси (*невѣжи*) и погани; дьяволъ радовашеся сему, невѣдыи, яко близь погибель хотяше быти ему. Тако бо тщашеся погубити родъ хрестеяньскии, но прогонимъ бяше крестомъ честнымъ и в онѣхъ странахъ; сде же мняшеся оканьныи: яко сде ми есть жилище, сде бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли. Невѣдыи пророка глаголюща: и нарекъ не люди моя люди моя; о апостолѣхъ бо рече: во всю землю изидоша вѣщанья ихъ, и в конецъ вселенныя глаголи ихъ. Аще и тѣломъ апостоли не суть сде были, но оученья ихъ аки трубы гласять по вселенѣи в церквахъ. Имьже оученьемъ побежаемъ противнаго врага, попирающе подъ нози; якоже попраста и си, приемше вѣнецъ небесныи съ святыми мученики и праведники.

(*Изд Тимков. 50—51. П. Собр. Лѣт. 1, 35*).

7. Испытаніе вѣры.

В лѣто 6494 (986). Придоша Болгары вѣры Бохмичѣ (¹), глаголюще (*Владиміру*): яко ты князь еси мудръ и смысленъ, не вѣсі закона; но вѣруи в законъ нашъ, и поклонися Бохмиту. И рече Володимеръ: како есть вѣра ваша? Они же рѣша: вѣруемъ Богу, а Бохмитъ ны оучитъ, глаголя: свинины не ясти,

---

(¹) Магометовой, мусульманской.

вина не пити; дасть Бохмитъ комуждо по семидесятъ женъ красныхъ, исбереть едину красну, и всѣхъ красоту възложить на едину, та будеть ему жена; Володимеръ же слушаше ихъ, бѣ бо самъ любя жены, послушаше сладко; но се ему бѣ нелюбо, и о неяденьи мясъ свиныхъ, а о питьи отинудь; рька: *Руси есть веселье питье, не можемъ без того быти.* Потомъ же придоша Нѣмьци глаголюще: придохомъ посланни отъ папежа (*папы*); и рѣша ему: реклъ ти тако папежь: земля твоя яко и земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша; вѣра бо наша свѣтъ есть, кланяемся и Богу, иже створилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяцъ и всяко дыханье, а бози ваши древо суть. Володимеръ же рече: кака заповѣдь ваша? они рѣша: пощенье по силѣ; аще кто пьеть или ясть, то все въ славу божью, рече оучитель нашь Павелъ. Рече же Володимеръ Нѣмцемъ: *идьте опять, яко отці наши сего не прияли суть.* Се слышавше Жидове Козарьстии придоша, рекуще: слышахомъ, яко приходиша Болгаре и Хрестеяне, оучаще тя ктоже (*каждый*) вѣрѣ своеи; Хрестеяне бо вѣрують, егоже мы распяхомъ, а мы вѣруемъ единому Богу авраамову, исакову, яковлю. И рече Волидимеръ: что есть законъ вашь? они же рѣша: обрѣзатися, свинины не ясти, ни заячины, суботу хранити. Он же рече: *то гдѣ есть земля ваша?* они же рѣша: въ Ерусалимѣ. Онъ же рече: *то тамо ли есть?* они же рѣша: разъгнѣвася Богъ на отци наши, и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша Хрестеяномъ. Он же рече: *то како вы инѣхъ оучите, а сами отвержени отъ Бога и расточени? аще бы Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, то не бысте расточени по чюжимъ землямъ; еда намъ тоже мыслите прияти?*

Посемь же прислаша Грьци къ Володимеру Философа, глаголюще сице: слышахомъ, яко приходили суть Болгаре, оучаще тя прияти вѣру свою, ихъже вѣра оскверняеть небо и землю, иже суть прокляти паче всѣхъ человѣкъ, оуподобльшеся Содому и Гомору... Слышахом же и се, яко приходиша отъ Рима пооучить васъ к вѣрѣ своеи, ихъже вѣра маломъ с нами разъвращена (*малымъ отъ нашей разнится*); служать бо опрѣсноки, рекше (*т. е.*) оплатки, ихъже Богъ не преда, но повелѣ хлѣбомъ служити... Рече же Володимеръ: придоша ко мнѣ Жидове, глаголюще: *яко Нѣмци и Грьци вѣрують, и егоже мы распяхомъ.* Философъ же рече: въистину в того вѣруемъ, тѣхъ бо пророци прорѣцаху, яко Богу родитися, а друзии, распяту быти, и погребену, а 3-й день воскреснути и на небеса взити; они же пророки избиваху, другия претираху. Егда же сбысться прореченье сихъ съниде на землю, и распятье прия, и въскресъ, на небеса взиде: на сихъ же ожидаше покаянья за 46 лѣтъ, и не покаяшася и посла на ня Римляны, грады ихъ разбиша, и самы расточиша по странамъ, и работають въ странахъ. Рече же Володимеръ: *то что ради сниде Богъ на землю, и страсть такою прия?* отвѣщав же Философъ рече: аще хощеши послушати, да скажу ти из начала, чьсо ради сниде Богъ на землю. Володимеръ же рече: послушаю радъ (¹).

В лѣто 987. Созва Володимеръ боляры своя и старци градьскиѣ, и рече имъ: се приходиша ко мнѣ Болгаре, рькуще: приими законъ нашъ; посем же приходиша Нѣмци и ти хваляху законъ свои; по сихъ придоша Жидове. Се же послѣже придоша Грьци, хуляще вси законы, свои же хваляще и много глаголаша ска-

---

(¹) Далѣе въ лѣтописи изложена свящ. исторія отъ сотворенія міра, какъ написана въ *Палеѣ*, книгѣ древностей, отъ греч. *палеосъ*—древній.

зающе отъ начала миру, о бытьи всего мира; суть же хитро сказающе, и чюдно слышати ихъ, любо комуждо слушати ихъ, и другии свѣтъ повѣдають быти: да аще кто, дѣеть *(де)*, в нашю вѣру ступить, то паки, оумеръ, станеть и не оумреті ему в вѣки; аще ли въ інъ законъ ступить, то на ономъ свѣтѣ в огнѣ горѣти: да что оума придасте? что отвѣщаете? И рѣша бояре и старци: *вѣси, княже, яко своего никтожс не хулить, но хвалить:* аще хощеши испытати гораздо, то имаши оу собе мужи; пославъ испытати когождо ихъ службу, и како служить Богу. И бысть люба рѣчь князю и всѣмъ людемъ; избраша мужи добры и смыслены числомъ 10, и рѣша имъ: идѣте первое в Болгары, и испытаите первое вѣру ихъ. Они же идоша, и пришедше видѣша скверньная дѣла и кланянье в ропати (*капищѣ*); придоша в землю свою, и рече имъ Володимеръ: идѣте паки в Нѣмци, и съглядаите такоже, и оттудѣ идѣте въ Греки. Они же придоша в Нѣмци, съглядавше церковную службу ихъ, придоша Царюгороду, и внидоша ко царю; царь же испыта, коея ради вины придоша, они же сповѣдаша ему вся бывшая. Се слышавъ царь, радъ бывъ, и честь велику створи имъ во тот же день. Наоутрия посла къ патреарху, глаголя сице: придоша Русь пытающе вѣры нашея, да пристрои церковь и крилосъ, и самъ причинися въ святительския ризы, да видять славу Бога нашего. Си слышавъ патреархъ, повелѣ создать крилосъ, по обычаю створиша праздникъ, и кадила вожьгоша, пѣнья и лики съставиша. И иде с ними въ церковь, и поставиша я на пространьнѣ мѣстѣ, показающе красоту церковную, пѣнья и службы архиерѣйски, предстоянье дьяконъ, сказающе имъ служенье Бога своего; они же во изумѣньи бывше, оудивившесь, похвалиша службу ихъ. И призваша ѐ цари Василии и Костянтинъ, рѣста имъ: идѣте в землю вашю, и отпустиша я с дары велики и съ честью. Они же придоша в землю свою, и созва князь боляры своя и старца. Рече Володимеръ: се придоша послании нами мужи, да слышимъ отъ нихъ бывщее, и рече: скажите предъ дружиною. Они же рѣша: »яко ходихомъ в Болгары, смотрихомъ, како ся покланяють въ храмѣ, рѣкше в *ропати*, стояще *бес пояса*; поклонився, сядеть и глядить сѣмо и онамо яко бѣшенъ, бо нѣсть веселья в нихъ, но печаль и смрадъ великъ, нѣсть добро законъ ихъ. И придохомъ в Нѣмци, и видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоеяже. И придохомъ же въ Греки, и ведоша ны, идеже служать Богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли; нѣсть бо на земли такаго вида, ли красоты такоя, и недооумѣемъ бо сказати; токмото вѣмы, яко онъдѣ (*тамъ*) Богъ с человѣки пребываеть, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы оубо не можемъ забыти красоты тоя; всякъ бо человѣкъ, аще оукусить сладка, послѣди горести не приимаеть, тако и мы не имамы сде быти.« Отвѣщавше же боляре рекоша: *аще бы лихъ законъ греческии, то не бы баба твоя прияла Ольга, яже бѣ мудрѣиши всѣхъ человѣкъ*. Отвѣщавъ же Володимеръ, рече: кде крещенье прiимемъ? они же рекоша: гдѣ ти любо.

(*Изд. Тимковс. 52. 55. 72—74. П. Собр Лѣт. 1, 36—46*).

8. Крещеніе Руси 988 г.

Володимеръ же посемъ поемъ царицю (¹) и Настаса, и попы корсуньски с мощми святаго Климента и Фифа, оученика его, поима съсуды церковьныя, иконы на бла–

(¹) Анну, сестру царя греческаго, за мужъ за себя.

гословенье себѣ. Постави же церковь в Корсунѣ на горѣ, юже съсыпаша средѣ града, крадуще приспу (1), яже церкви стоить и до сего дне. Вэя же, ида (*идя*), мѣдянѣ двѣ капищи, и 4 конѣ мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею, якоже невѣдуще мнять я мрамаряны суща. Вдасть же за вѣно Грекомъ Корсунь опять царицѣ дѣля (2), а самъ приде Киеву. Яко приде, повелѣ кумиры испровреци (*ниспровергнуть*), овы осѣчи, а другия огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту, и влещи съ горы по Боричеву на Ручаи, 12 мужа пристави тети жезлиемъ (*бить палками*). Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прелыцаше симъ образомъ человѣкы, да възмездье приметь отъ человѣкъ, а поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю к Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху приялн святаго крещенья; и привлекше, вринуша и въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: аще кде пристанеть вы, то отрѣвайте его отъ берега, дондеже пороги проидеть; то тогда охабитеся (*бросьте*) его, они же повелѣная створиша. Яко пустиша и проиде сквозѣ пороги, изверже и вѣтръ....

Посемь же Володимиръ посла по всему граду, глаголя: аще не обрящеться кто рѣцѣ, богатъ ли, ли оубогъ, или нищь, ли работникъ,—противенъ мнѣ да будеть. Се слышавше людье, с радостью идяху, радующеся и глаголяще: *аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли*. Наоутрия же изиде Володимиръ с попы царицины и с корсуньскыми на Дънѣпръ, и снидеся бещисла люди; влѣзоша в воду и стояху

(1) *Приспа*, т. е. насыпь, которую дѣлали Русскіе при осадѣ Корсуня, а Греки по ночамъ *крали*.

(2) *Дѣля* — ради царицы, т. е. Анны, на которой женился Владиміръ; за нее и возвратилъ онъ Корсунь въ видѣ *вѣна* (выкупа за невѣсту).

овы до шие, а друзи до персии (*груди*), младии же отъ берега, друзии же млади держаще, свершенин же бродяху, попове же стояще молитвы творяху. И бяше си вѣдѣти радость на небеси и на земли, толико душь спасаемыхъ; а дьяволъ стеня гляголаше: оувы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь! сде бо мняхъ жилище имѣти, яко сде не суть оученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, иже служаху мнѣ; и се оуже побѣженъ есмь отъ невѣгласъ (*невѣждъ*), а не отъ апостолъ, ни отъ мученикъ; не имамъ оуже царствовати въ странахъ сихъ. Крестившимъ же ся людемъ, идоша кождо въ домы своя; Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье его, възрѣвъ на небо, рече: »Боже створивый небо и землю! призри на новыя люди сия, и дажь имъ, Господи, оувѣдѣти тобе истиньнаго Бога, якоже оувѣдѣша страны хрестьянскыя; оутверди и вѣру в нихъ праву и несовратьну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его.« И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идеже стояху кумири; и постави церковь святаго Василья на холмѣ, идеже стояше кумиръ Перунъ и прочии, идеже творяху потребы князь и людье; и нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. Пославъ нача поимати оу нарочитое чади (1) дѣти, и даяти нача на оученье книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся оутвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакахуся. Сим же раздаяномъ на оученье книгамъ, събысться пророчество на Русьстѣи земли, глаголющее: во оны дние оуслышатъ глусіи словеса книжная, и яснъ будетъ языкъ гугнивыхъ.

(1) Знатныхъ людей.

Си бо не бѣша преди слышали словесе книжного, но по божью строю, и по милости своеи помилова Богъ, якоже рече пророкъ: помилую, егоже аще помилую. Помилова бо ны пакы банею бытья и обновленьемъ духа, по изволенью божью, а не по нашимъ дѣломъ. Благословенъ Господь Iисусъ Христосъ, иже възлюби новыя люди, Руськую землю, просвяти ю крещеньемъ святымъ.

(*Изд. Тимков. 81—83. П. Собр. Лѣт. 1, 50—51. Здѣсь заимствовано изъ Христоматiи Ореста Ѳ. Миллера*)

9. Новгородскiй Перунъ.

Въ лѣто 6496 (988) прiиде епископъ Iоакимъ, и требища разори и Перуна посѣче, что въ Вел. Новѣградѣ стоялъ на Перыни, и повелѣ повлещи въ Волховъ; и повязавше ужи (*веревками*), влечаху и по калу, бiюще жезлiемъ и пхающе, и въ то время бяше вшелъ бѣсъ въ Перуна и нача кричати: ,,о горе мнѣ! охъ! достахся немилостивымъ судiямъ симъ'' — и вринуша (*бросили*) его въ Волховъ. Онъ же пловяше сквозѣ великiй мостъ, верже палицу (*палку*) свою на мостъ, ею же безумнiи убивающеся утѣху творятъ бѣсомъ. И заповѣда никому же нигдѣ же не переняти его. И иде Пидблянинъ рано на рѣку, хотя горньци (*горшки*) везти въ городъ, и Перунъ приплылъ къ берегу, *къ бервы* (¹), и отрину его шестомъ, и рѣче ему: Перунище! досыти еси ѣлъ и пилъ, а нынѣ прочь плови—и плы изъ свѣта *некощное* (въ преисподнее окно), сирѣчь во тму кромѣшную.

(*Новгородс. III лѣт. въ Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. III, стр. 207*).

(¹) Berme, Bräme — закраина. Линде Słownik 1, 71 и Словарь Даля.

Новгородскихъ лѣтописей напечатано въ Полн. Собранiи Археогр. Ком. 4. Самая важная изъ нихъ 1-я лѣтопись, которая отличается болѣе древнимъ составомъ, чѣмъ другiя лѣтописи, и необыкновенной силой, сжатостью и энергiей выраженiя. Она дошла до насъ въ спискѣ XIV в.

Всѣ Новгородскiя лѣтописи изображаютъ древнее гражданское устройство Новгорода, дѣла церковныя, отличавшiяся своеобразными чертами, союзы и раздоры Новгородцевъ съ князьями, войны съ Чудью, Шведами, Литвою, Ливонскими рыцарями и русскими областями, раннюю торговлю съ Европою (Данiей, Готландомъ, Ганзою), внутреннiе мятежи, народныя бѣдствiя, напр. голодъ, моръ, пожары и проч. Достовѣрность содержанiя лѣтописей проистекаетъ изъ самаго свойства матерiаловъ, состоящихъ или изъ сказанiй, основанныхъ на свѣжемъ преданiи, или изъ правительственныхъ актовъ, или изъ замѣтокъ людей, бывшихъ очевидцами описанныхъ въ нихъ событiй. Начало Новгородскихъ лѣтописей положено весьма рано, именно не позже 1-й половины XI вѣка. (II Новгор. 121; III Нов. 210).

См. о писателѣ 1-й Новг. лѣтоп. *Прозоровскаго*. Ж. Мин. Нар. Просв. 1825, № 7; *Срезневскаго*. Из. Акад. 2-го отд. II; *Погодина* о Новгор. лѣт. Тамъ же, VI.

10. Крещенiе Новгородцевъ.

Въ Новѣградѣ людiе увидавше (990), еже Добрыня идетъ крестится, учиниша вече, и заклящася вси, не пустити во градъ, и не дати идолы опровергнути, и егда прiидохомъ, они разметавше мостъ великiй, изыдоша со оружiемъ, и аще Добрыня прельщенiемъ и лагодными словы увѣщевая ихъ, обаче они не слышати хотяху, и вывесше два порока великiе со множествомъ каменiя поставиша на мосту, яко на сущiе враги своя, вышнiй же надъ жрецы Славянъ Богомилъ, сладкорѣчiя ради нареченъ *Соловей*, вельми претя люду покоритися. Мы же стояхомъ на торговой странѣ, ходихомъ по торжищамъ и улицамъ, учахомъ люди елико можахомъ; но гиблющимъ въ нечестiи слово крестное, яко апостолъ рeклъ, явися безумiемъ и обманомъ. И тако пребыхомъ два дни, нѣколико сотъ крестя. Тогда ты-

сяцкій новогородскій Угоняй, ѣздя всюду вопилъ: лучше намъ помрети, нежо боги наша дати на поруганіе. Народъ же оныя страны разсвирѣпѣвъ, домъ Добрынинъ раззориша, имѣніе разграбиша, жену и нѣкіихъ отъ сродникъ его избиша. Тысяцкій же Владимировъ Путята, яко мужъ смысленный и храбрый уготовавъ лодія, избравъ отъ Ростовцевъ пять сотъ мужей, нощію перевезеся выше града на ону страну, и вшедъ во градъ никому же пострегшу; вси бо видѣвши чаяху своихъ воевъ быти. Онъ же дошедъ до двора Угоняева, онаго и другихъ преднихъ мужей ять, и абіе посла къ Добрынѣ за рѣку. Людіе же страны оныя услышавше сіе, собрашася до пяти тысящь, оступиша Путяту и бысть между ими сѣча зла. Нѣкіе шедше церковь Преображенія господня разметаша, и домы христіанъ грабляху. На разсвѣтаніи Добрыня со всѣми сущими при немъ приспѣ, и повелѣ у брега нѣкіе домы зажещи, чимъ люди устрашены бывше, бѣжаху огнь тушити, и абіе преста сѣчь. Тогда предніи мужи пришедши къ Добрынѣ, просиша мира.

Добрыня же, собра вои, запрети грабленіе и абіе идолы сокруши, древянніи сожгоша а каменніи изломавъ въ рѣку ввергоша, и бысть нечестивымъ печаль велика. Мужіе и жены видѣвше тое съ воплемъ великимъ и слезами просяще за ны, яко за сущіе ихъ боги. Добрыня же насмѣхаяся имъ вѣща: *что безумніи сожалѣете о тѣхъ, которые себя оборонить не могутъ! кую пользу вы отъ нихъ чаять можете!*—и посла всюду объявляя, чтобы шли ко крещенію. Воробей же посадникъ, сынъ Стояновъ, иже при Владимирѣ воспитанъ, и бѣ вельми сладкорѣчивъ, сей иде на торжище, и паче всѣхъ увѣща. Идоша мнози, а нехотящихъ креститися, воини влачаху и крещаху, мужи выше моста, а женъ ниже моста. Тогда мнозіи некрещенніи повѣдаху о себѣ крещенными быти, того ради повелѣхомъ всѣмъ крещеннымъ кресты на шеѣ, ово деревянны, ово мѣдяны, и каперовы (сіе видится греческое *оловянны* испорчено) на выю возлогати, а иже того не имутъ, не вѣрити и крестити, и абіе разметанную церковь паки сооружимъ, и тако крестя Путята, иде ко Кіеву. Сего дѣля людіе поносятъ Новгородцевъ: ***Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ.***

(*Ист. Рос. Татищева. 1, 38—40*).

Этотъ отрывокъ заимствованъ изъ лѣтописи Якимовской, сохранившейся въ сводной лѣтописи Татищева. Названіе она получила отъ перваго архіепископа новгородскаго Іоакима. Долгое время ученые отвергали ея подлинность и обвиняли Татищева, будто онъ самъ написалъ эту лѣтопись; но въ послѣднее время изслѣдованія показали, что Татищевъ имѣлъ подъ руками списокъ Якимовской лѣтописи, хотя это не даетъ права приписывать составленіе ея Іоакиму и вѣрить ея показаніямъ безусловно: ихъ можно принимать какъ народныя преданія.

См. Изслѣдов. о Хронографахъ. Н. А. *Иванова*. Изслѣд. о Якимовс. лѣтоп. Н. А *Лавровскаго*. Уч. Зап. Акад. 2 отд. II, вып. 1. В. Н. Татищевъ и его время. Н. А. *Попова*. Архивъ Калачова 2, 1, III, 15—40. Труды Кіевс. Акад. 1862, N. 2, 197—228.

11. Слово о законѣ и благодати митроп. Иларіона 1051.

Благословенъ Господь Богъ израилевъ, Богъ христіанескъ, яко посѣти и створи избавление людемъ своимъ, яко не прѣзрѣ твари своея до конца идолскимъ мраченіемъ гибнути, но оправді прежде племя авраамле, скрижалми и закономъ; последѣ же Сыномъ своимъ вся языки спасе, еуангелиемъ, и крещениемъ, и вводя въ обновление бытиа, в жизнь вѣчную.

Да хвалимъ убо и прославляимъ хвалимаго отъ ангелъ безпрестани, кланяются херувими и серафими, яко призря призрѣ на люди своя, и не солъ (*не*

посолъ), ни вѣстникъ, но Самъ спасе ны; не привидѣниемъ, пришедъ на землю, но истинно пострадавъ за ны, къ живущимъ бо на земли человѣкомъ, и в плоти одѣвся прииде, къ сущимъ же въ адѣ распятиемъ и в гробѣ положениемъ снидe. Да обои—и живии, и мертвии—познають посѣщение свое и божие прихожение, и разумѣють, яко есть живымъ и мертвымъ, крѣпокъ и силенъ Богъ. Кто бо велий, яко Богъ нашъ! тъ единъ творяй чюдеса, положивый законъ, на проуготование истины и благодати, да в немъ обыкнетъ человѣческое естество, отъ многобожества идольскааго укланяяся, въ единого Бога вѣровати. Да яко сосудъ скверненъ человѣчество помъвенъ водою закономъ и обрѣзаниемъ приимотъ млѣко; благодати и крещенья законъ бо, предтеча бѣ и слуга будущому вѣку, жизни нетленнѣй: яко законъ привождааше взаконныя къ благодѣтному крещенью; крещеніе же прѣпущаетъ сыны своя на вѣчную жизнь... И что успѣ законъ, что ли благодать прѣжде закона, ти потомъ благодати; прѣжѣ стѣнь, ти потомъ истина, образъ же закону и благодати— Агарь и Сарра, работнаа Агарь и свободнаа Сарра; работнаа прѣже, ти потомъ свободнаа,—да разумѣетъ иже чтеть... ...Кое бо причастие, стѣни съ истиною? и юдейству съ христіанствомъ? Отгнана бысть Агарь раба, съ сыномъ ея Измаиломъ, и Исакъ сынъ свободныа наслѣдникъ бысть отцю своему Авраамy; и отгнани быша Июдеи, и расточени по странамъ,—и чада благодатьная христиани — наслѣдници быша Господу и Отцу. Отъиде бо свѣтъ луны, солнцю въсиавшу, тако и законъ благодати явльшися, и студенство ночное погыбе, солнечнѣй теплотѣ землю съгрѣвши; и уже не гроздиться в законѣ человѣчество, но въ благодати пространно ходить. Иудеі бо прі свѣщи законнѣй дѣлаху свое оправдание; христанні же, при благодатьнѣмъ солнци свое спасение жи-

жутъ... законъ бо прежде взнеся вмалѣ, и отъиде. Вѣра же христианьская послѣждь явльшись болши прьвыя бысть, и расплодись на множьство языки, и христова благодать всю землю исполни и, яко вода морьская, покры ея обетшавшу завистью июдеискою, и по пророчеству Исаіну: ветха мимо идоша и новая вамъ възвѣщаю.... Сего ради приходя Інсусъ къ Іерусалиму, видѣвъ градъ, прослезися о немъ, глаголя: яко аще бы разумѣлъ ты в день твой сь, яже к миру твоему, нынѣ же съкрыся отъ очію моею, яко приидутъ дньe на тя, и обложать врази твои острогъ (*крѣпость*) о тебѣ, и обиидутъ тя всюду, и разбиют тя и чада твоя в тебѣ, понеже не разумѣ посѣщения твоего.... Се оставляетъ домъ вашь пустъ, яко же и бысть; Пришедъ бо Римляне, плѣниша Іерусалимъ, і разбиша и до основания его,—и іюдеиство оттолѣ погыбе, и законъ носемъ, яко вечерняя заря погасе; и разсѣяни быша Июдеи по странамъ, да не вкупѣ злое пребываетъ. Прииде бо Спасъ, и неприятъ бысть отъ Израиля, и по еуангельскому слову: въ своя прииде, и свои его не прииша, отъ языкъ же пріятъ бысть, яко же рѣче Иаковъ: и тъ (*той*) чаание языкомъ. Ибо и в рожении его волсви отъ языкъ прѣжде поклонишася ему, а Июдеі искахуть его убити, его же ради и младенца избіша; и събысться слово Спасово: яко мнози отъ востокъ и западъ приідутъ и возлягутъ съ Авраамомъ, Исакомъ и Яковомъ во царствиі небеснѣмь; а сынове царствиа изгнани будутъ во тму кромѣшнюю...

Не могше бо закона стѣня удржати; но многажды идоломъ ся покланявше, како истинныя благодати удрьжать учение! Но, ново учение, новы мѣхы—новы языкы, новое и сблюдеться, яко же и есть. Вѣра бо благодатная по всей земли распрострѣся и до нашего языка русьскаго доиде, и законное езеро пресше.

Іуангельскый же источникъ наводнився, и всю землю покрывъ, и до насъ проліявся. Се бо уже и мы съ всѣми христіанми славимъ св. Троицу, а Иудея молчитъ; Христосъ славимъ бываетъ, а Іюдей мьноми *(нѣмы?)* языцы привидени, а Июдеи отриновени... И уже не идолослужителе зовемся, христіанами; не и еще безнадежницы, но уповающе жизнь вѣчную; и уже не капищь съграждаемъ, но христовы церкви зиждемъ; уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга, но Христосъ за ны закалаемъ бываетъ, и дробимъ в жертву Богу и Отцу; и уже не жертвенныа крове вкушающе погибаемъ, но Христовы пречистыя крове вкушающе спасаемся. Вся страны благый Богъ помилова, и насъ не презрѣ: въсхотѣ—и спасъ ны, и в разумъ истинный приведе. Пустѣ бо и пресъхши, земли нашей сущи, вънезаапу потече источникъ еуангельскый, напаяя всю землю нашу, якоже рече Исаия: и будетъ безводнаа въ блата, и в земли жадней источникъ воды будетъ; и бывшимъ намъ слѣпымъ, истиннаго свѣта невидящемъ, но въ льсти идольстѣй блудящемъ, ксему же и глухому отъ спасеннаго ученья,—помилова ны Богъ и въсиявъ на насъ свѣтъ разума, еже познати Его... Къ сему же и гугнахомъ языки нашими, моляаще идолы, а не Бога своего и творца. Посѣти насъ человѣколюбие божие, и уже не послѣдуемъ бѣсомъ, но ясно славимъ Христа Бога нашего, по пророчеству: тогда скочитъ яко елень хромый, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ. И прѣжѣ бывшимъ намъ, аки звѣремъ и скотомъ, неразумѣющемъ десницѣ и шуйцѣ, и земленыхъ прилежащемъ, и ни мала отъ небесныхъ попекущемся, посла и к намъ Господь заповѣди, ведуща в жизнь вѣчную... И тако странни суще, людіе божии нарекохомся—и друзи божии нарекохомся, а не июдейскы хулимъ, но христьяньскы благословимъ; не совѣта творимъ, якоже распяти,

но яко распятому поклонитися; не распинаемъ Спаса, но руки к нему въздѣваемъ; не прободаемъ ребръ, но отъ нихъ пиемъ источникъ нетлѣния; не тридесять сребра взимаемъ на немъ, но другъ друга и весь животъ тому прѣдающе; не таимъ воскресенія, но во всѣхъ домахъ своихъ зовемъ: Христосъ воскресе із мертвыхъ! Не глаголемъ, яко украденъ бысть, но яко възнесеся, идѣже и бѣ; не невѣруемъ, но яко Петръ к нему глаголемъ: ты еси Христосъ, сынъ Бога живаго,—съ Фомою: Господь нашъ и Богъ, ты еси,—с разбойникомъ: помяни ны Господи, егда придеши во царствѣ еси!...

Хвалитъ же похвалными гласы римьская страна Петра и Павла, има же вѣроваша въ Інсуса Христа Сына божія, Асіа и Ефесъ, Патьмъ—Іоана Богослова, Индіа—Фому, Египетъ—Марка; вся страны, гради, и людіе чтутъ и славятъ коегождо ихъ учителя, иже научиша православнѣй вѣрѣ. Похвалимъ же и мы, по силѣ нашей малыми похвалами, великая і дивнаа створшаго, нашего учителя и наставника, великаго *кагана* (князя) нашея земля—Владимера, внука стараго Игоря, сына же славнаго Святослава, иже в своя лѣта владычествующа, мужьствомъ же и храбрьствомъ прослуша (*прослылъ*) въ странахъ многихъ, и непоминаються нынѣ и словутъ. Не в худѣ бо, и не въ невѣдомѣ земли владычествоваша, но в Руской, яже вѣдома и слышима есть всѣми концы земля. Сій славный, отъ славныхъ рождейся, благородный отъ благородныхъ, каганъ нашъ Владимеръ и въздрастъ (*вырось*), и укрѣпивъ, отъ дѣтьскыа младости, паче възмуждавъ крѣпостію, и силою свершаяся мужьствомъ же и смысломъ прѣдспѣя, и единодержець бывъ земли своей, покоривъ подъ ся округныя (*окрестныя*) страны, овы миромъ, а непокоривыа мечемъ. И тако ему живущу в дні своя, и землю свою пасущу правдою, мужьствомъ же и смысломъ, приидe нань посѣщение Вышняаго,

призрѣ нань всемилостивное око благааго Бога, и вьсия разумъ в сердци его, яко разумѣти суету идольскыя лсти, и взыскати единаго Бога, створившаго всю тварь видимую и невидимую. Паче же слышано ему бѣ всегда о благовѣрнѣй земли гречьстѣй, христолюбивѣй же и силнѣй вѣрою, како единого Бога въ трехъ (*лицахъ*) чтутъ и кланяються, каковии дѣються силы, и чюдеса и знамениа, како церкви людиі исполнены, како веси (*села*) и гради благовѣрниі вьси молитвахъ прилежатъ, вси готови предстоять,—и си слышавъ, въжела сердцемъ, и взгорѣся духомъ, якоже быти ему крьстьянину и земли есть, еже и бысть, Богу тако изволившу и взлюбившу человѣческое естество. Съвлечежеся убо каганъ и с ризами ветхаго человѣка, сложи тлѣнныа, оттрясе прахъ невѣрствиа, и вшедъ в святую купѣль, породися отъ Духа и воды, въ Христа крестися, въ Христа облечеся, и изыде отъ купѣли, бѣлообразуяся; сынъ бывъ нетлѣнья, имя приимъ вѣчно и імянито в роды и роды, Василій (¹), имже написася в книги животныа в вышни градъ, і нетлѣнныі Ерусалимъ. Семужь бывшу не доселѣ стави подвига благовѣрья, ни о томъ токмо яви сущую в немъ к Богу любовь, но подвижися паче и заповѣда по всей земли своей: крестити въ имя Отца и Сына и св. Духа, и ясно и велегласно—въ всѣхъ градѣхъ славитися святѣі Троицѣ и всѣмъ быти крестьниномъ, малымъ і великимъ, рабомъ и свободнымъ, унымъ і старымъ, богатымъ и убогимъ. И не бысть ни единого же противящеся, благочестному его повелѣнию; *да аще кто и не любовью, но страхомъ повелѣвшаго крещахуся*; понеже бѣ благовѣрие его съ властью съпряжено, и въ едино время вся земля наша въслави Христа съ Отцемъ и съ св. Духомъ.

Тогда начатъ мракъ идольскый отъ насъ отходити, и заря благовѣрна явишась; тогда тма бѣсовскаго служенья погыбе, и солнце еуангельское землю нашу осия; капища раздрушишася и церкви поставляються; идоли скрушаються и іконы святыхъ являахуся, бѣси побѣгаахуъ; крестъ грады освѣщааше, и пастыри словесныхъ овець христовъ сташа, епископи и презвутери, и диакони бескверную жертву възносяще, и вьсь клиросъ украсиша в лѣпоту и одѣяша св. церкви. Апостольская труба и еуангельскыі громъ вся грады огласи, темианъ (¹) Богу въспущаемъ, въздухъ освяти; монастыреве на горахъ сташа; мужи и жены, малиі и велиі, вся людье, исполъніше св. церкви, въславиша, глаголюще: Единъ святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ, въ славу Богу Отцу аминь. Христосъ побѣди, Христосъ одолѣ, Христосъ въцарися, Христосъ прославися! Велиі еси Господи, и чюдна дѣла твоя, Боже нашъ, слава тобѣ!

Тебе же како похвалимъ, отче честный і славный в земленыхъ владыкахъ, преиужьственный Василье, како добротѣ ти (*твоей*) почюдимся, крѣпости же и сілѣ! Како ти благодарение въздадимъ, яко тебою познахомъ Господа и льсти идолскыя избыхомъ, яко твоимъ повелѣниемъ Христосъ по всей земли славиться! Ли (*или*) что ти приречемъ, христолюбче, друже правдѣ, смыслу мѣсто, милостыни гнѣздо, како вѣрова, како разгорѣся в любовь христову, како вниде в тя разумъ, выше разума земльныихъ мудрець, еже взлюбити невидимаго и о небесныхъ подвігнутися, како взлюбі ты Христа, како прѣдася ему! Повѣждь намъ, рабомъ твоимъ, повѣждь намъ, учителю нашь, откуда ти припахну воня св. Духа, откуду испи памяти будущая жизни сладкую чашу, откуду вкуси и видѣ, яко благъ Господь? Не видѣлъ еси Христа, не ходилъ еси по немъ,—како ученикъ его обрѣтеся, и не-

(¹) Въ крещеніи Владиміру дано имя Василій.

(¹) Θиміамъ, ладонъ.

видѣвше его вѣроваша? По истинѣ събыстся на тобѣ блаженьство Господа Іисуса, реченное къ Фомѣ: блажени не видѣвше —и вѣроваша. Тѣмже съ дрьзновеннемъ несумненно зовемъ ти: О блаженіче, самому тя Спасу нарекшу; блаженъ еси, яко вѣрова к нему і не съблазнися о немъ, по словеси его не ложному: блаженъ есть, иже не соблазниться мнѣ. Вѣдущеи бо законъ и пророки распяша и, ты же ни закона, ни пророкъ почитавъ, распятому поклонися. Како ті сердце разверзеся, какъ вниде в тя страхъ божій и како прилѣпися любве Его! Не видѣ апостола пришедши в землю твою, нищетою своею и нагетою, и гладомъ и жаждею, сердце твое клоняща на смѣреніе. Не видѣ бѣсъ изгонящь именемъ христовымъ, болящуихъ здравствующь, огня на хладъ прелагаема, мертвыихъ встающе. Сихъ всѣхъ не видѣвъ, како убо вѣрова? Дивно чюдо! Инні царіе и властеле видяще вся си бывающа отъ святыхъ мужъ, не вѣроваша, но паче на отрасти и муки прѣдаша ихъ. Ты же, о блаженниче, безъ всѣхъ сихъ притече ко Христу, токмо отъ благааго помысла и остроумия разумѣвъ, яко есть Богъ единъ творець, видимымъ и невидимымъ, небеснымъ и земнымъ, и яко посла въ миръ спасенье възлюбленнаго своего Сына; с сими и помыслы вниде в святую купѣль; и еже инѣмъ уродство мниться, тебѣ—сила намѣнися. Къ сему же кто исповѣсть иносыя твоя нощныя милостыня, и деньныя щедроты, яже къ убогыимъ творяше, къ сирыимъ же и болящіимъ, къ жадныимъ, къ вдовамъ и ко всѣмъ трѣбующимъ милости! Слышалъ бо бѣ глаголъ господень, Даниiломъ Навуходоносору царю: свѣтъ твой да будетъ ти вгоденъ, грѣхи твоя милостинями очисти, и неправды твоя щедротами нищиихъ. Еже слышавъ ты, о честниче (*о честный*), дѣломъ скончa слышанное просящиимъ подавая, нагыя одѣвая жадныа и алчныа насыщая, болящиимъ велико утѣшение посылаа

должныа искупая, работнаа свобождаа: твоя бо щедроты и милостыня и нынѣ въ человѣцѣхъ помнемы суть, и предъ Богомъ и ангелы его; ея же ради добропрелюбныа прѣдь Богомъ милостиня, много дрьзновение имѣеши къ Нему, яко присный христовъ рабъ. Помогаетъ ми слово написано: милость хвалится на судѣ; милостыни мужу аки печать с нимъ; всесилнаго и милосердаго Бога глаголъ: блажени милостивіі, яко ти помилованн будутъ. Ино же апостолское послушьство приведемъ о тебѣ отъ святыхъ писаніи, рѣченое отъ Іакова: яко обративый грѣшніка отъ заблуждениа пути его, спасеть душу отъ смерти, и покрыеть множьство грѣховъ. Да аще едіного человѣка обратившу, толико безмездие отъ благаго Бога; то каково убо спасение обрѣте, о Василие, колико брѣмя грѣховно расыпа,—не единого обративъ человѣка отъ заблуженіа идольския лсти, ни десяти, ни града, но всю областъ свою. Показаетъ ны и увѣряетъ самъ Спасъ Христосъ, какоя тя славы и чьсти сподобилъ есть на небесѣхъ, глаголя: иже исповѣсь мя прѣдъ человѣкы, ісповѣмъ і и азъ прѣдъ Отцѣмъ Моимь, иже есть на небесѣхъ. Колико ты похваленъ имаши быти, не токмо ісповѣдавъ, яко Сынъ божій есть Христосъ, но и вѣру уставль, по всей земли сей, и церквы христовы поставль, и служителя его введе, подобниче великаго Коньстянтина, равноумне, равнохристолюбче равночьстітелю служителемъ его. Онъ съ св. отци Никеіскаго сбора законъ человѣкомъ полагааше; ты же съ новыими отци нашими епискoпы снимаяся часто, съ многимъ смѣрениемъ съвѣщаваашеся, како въ человѣцѣхъ сихъ новопознавшиіхъ законъ уставити. Онъ въ Елинѣхъ и в Римлянѣхъ царетво Богу покори; ты же, о блаженниче, подобно: уже бо и въ онѣхъ и в насъ Христосъ царемъ зовется. Онъ, съ матерію своею Еленою, крестъ отъ Ерусалима принесша и по всему миру своему

разъславша, вѣру утвердиша; ты же убо подобенъ тѣма, принесе крестъ отъ новаго Іерусалима, Коньстянтінія града, и сего на землѣ своей поставивъ утверди. Его убо подобникъ сы с тѣм же единая славы и чьсти обещника створи Господь на небесѣхъ, благовѣрья твоего раді, еже имѣ въ животѣ своемъ.

Добръ послухъ (*свидѣтель*) благовѣрью твоему, о блаженниче, святаа церквы св. Богородица Марья, юже създа на правовѣрнѣй основѣ, идеже мужьственное твое тѣло лежітъ, ожидая трубы ангеловы. Добръ зѣло послухъ, сынъ твой Георгиі, его же створі Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству, не рушаша твои уставъ, но утверждающа; ни умаляюща твоему благовѣрию положенья, но паче прилагающа; не казяща, но учиняюща,—иже недокончаная твоя накончавая, аки Соломонъ Давиду, иже домъ божий великъ святый въ премудрости създа, на святость и украшение граду твоему, иже всякою красотою украси, златомъ и сребромъ и каменіемъ драгымъ, и съсуды честными, яже церкви дивна и славна всѣмъ округнымъ странамъ, якоже ина не обрящется въ всемъ полунощи земнѣмъ, отъ встока дъ запада. И славный градъ твой Кыевъ величьствомъ, яко вѣнцемъ, обложилъ, предалъ люди твоя и градъ всеславнѣй, скорѣй на помощь христіаномъ, святѣй Богародици, ей же и церковь на великыихъ вратѣхъ създа въ имя перваага господскааго праздника св. Благовѣщеніа, да еже цѣлованіе архангелъ дастъ Дѣвицы, будетъ и граду сему. Къ оной бо: радуйся, обрадованная, Господь съ тобою! Къ граду же: радуйся, благовѣрный граде, Господь съ тобою!

Встани, о честнаа главо, отъ гроба твоего, встани, отряси сонъ! Нѣси бо умерлъ, нѣсть бо ти лѣпо умрети, вѣровавшу въ Христа, живота всему міру. Отряси сонъ, взведи очи, да видиши, какоя тя чьсти Господь тамо сподобивъ, и на земли не безпамятна оставилъ сыномъ твоимъ. Встани, виждь чадо свое Георгіа, виждь утробу свою, виждь милааго своего, виждь, его же Господь изведе отъ чреслъ твоихъ; виждь красящаго столъ земля твоей, и возрадуйся, възвеселися. Къ сему же виждь и благовѣрную сноху твою Ерину, виждь вънукы твоа и правнукы, како живуть, како хранимы суть Господемъ, како благовѣріе держать по преданію твоему, како въ святыа церкви чястять ([1]), како славять Христа, како покланяются имени Его. Виждь же и градъ величьствомъ сіяющь, виждь церкви цвѣтущи, виждь христіанство растуще, виждь градъ иконами святыихъ освѣщаемь блистающеся, и тиміаномъ объухаемь (*благоухающь*) и хвалами и божественами пѣніи святыими оглашаемь. И си вся видѣвъ, възрадуйся, и възвеселися, и похвали благаго Бога, всѣмъ симъ строителя ([2]).

(*Чтен. общ. Ист. 1848 г. №7*).

Слово Иларіона, свидѣтельствуя объ умѣ и образованности его, важно по изображенію заслугъ св. Владиміра и описанію Руси въ религіозномъ отношеніи. О. И. Бодянскій справедливо замѣтилъ: »Слово Иларіона, кромѣ указанныхъ уже достоинствъ его первымъ издателемъ, т. е. глубокаго познанія догматовъ вѣры, обширной начитанности въ св. писаніи, знанія исторіи церкви, сильнаго христіанскаго чувства, свѣтлаго ума, живаго воображенія, умѣнья пользоваться словами ветхаго и новаго завѣтовъ, (что, между прочимъ, указываетъ на существованіе у насъ уже въ то время всей Библіи въ переводѣ), правильности расположенія мыслей, остроумныхъ сравненій и оборотовъ рѣчи, силы и обилія слова, короче—достоинствъ вообще великаго духовнаго оратора, —въ особенности драгоцѣнно для насъ взглядомъ его на юное христіанство у нашихъ предковъ, отношеніемъ крещенія Руси къ прочимъ хри-

(1) Учащають, часто ходять.

(2) Эту похвалу Иларіона Волынскій лѣтописецъ приспособляетъ къ умершему князю Владиміру Васильковичу и преемнику его брату Мстиславу, съ небольшими измѣненіями. (*См. Ипат. лѣт. стр. 221, 222*). Въ заключеніе слова помѣщена молитва, въ которой Иларіонъ обращается къ Богу отъ лица всей Русской земли. (*Ист. Рус. Ц. Макарія 1, пр. 222*).

стіанскимъ странамъ и царству благодати, равно какъ и сужденіемъ о виновникѣ всего этого... Признаюсь, я во всей нашей словесности, древней и новой, ничего не знаю, чтобы лучше, вѣрнѣе и живѣе, съ такою правдой исторической, чувствомъ сердечнымъ, прелестью и свѣжестью выраженій и поэтическимъ колоритомъ, изображало намъ нашего Владиміра Великаго; это, по справедливому замѣчанію народа, дѣйствительно красное солнышко Руси. Видно въ каждомъ словѣ, что говоритъ человѣкъ по собственному наглядному опыту, коротко знакомый съ своимъ любимцемъ, слѣдившій долго и съ любовью за нимъ, который всматривался и вдумывался въ подвиги своего единодержца Рускія земли, и когда его не стало, въ одинъ разъ весь долголѣтнія думы и чувства сердца высказалъ въ своей огненной рѣчи, запечатлѣлъ въ образѣ, которымъ этотъ чудный и святой государь является глазамъ самаго позднято потомства какъ бы присущимъ, живымъ. Такъ живописуютъ одни, лишь великіе художники.«

См. Прибав. къ Твор. св. От. 1844, № 2 и 3, стр. 223—252. Ист рус. ц. *преосв. Макарія* I, 90—100. Разборъ слова у *С. П. Шевырева* въ Ист. рус. Литер. I.

Житіе и похвала св. Ольгѣ и Владиміру мниха Іакова. Хр. Чт. 1849, II, 317—329. 336. Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 79, VI. 25. О мнихѣ Іаковѣ *Погодина*. Изв. Акад. I. 326—334. *Макарія.* Тамъ же: II, 145—157.

12. О волхвахъ.

Въ лѣто 6579 (1071). Воеваша Половци у Растовьця и у Неятина... Въ си времена приде волхвъ, прелщенъ бѣсомъ; пришедъ бо Кыеву глаголаше сице, повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли на Руской, а Русьскѣй на Гречьской, и прочимъ землямъ измѣнитися; его же невѣгласи (*невѣжи*) послушаху, вѣрніи же насмѣхаются, глаголюще ему: ,,бѣсъ тобою играетъ на пагубу тобѣ.'' Се же и бысть ему: въ едину бо нощь бысть безъ вѣсти. Бѣси бо подътокше на зло вводять, посемъ же насмисаются ввергъше и въ пропасть смертную, научивше глаголати; якоже се скажемъ бѣсовьское наущенье и дѣйство. Бывши бо единою скудости въ

Ростовьстѣй области, встаста два волъхва отъ Ярославля, глаголюща: ,,яко вѣ свѣвѣ (*узнали*), кто обилье держить;'' и поидоста по Волзѣ, кдѣ придуть въ погостѣ, туже нарицаху лучьшіѣ жены, глаголюща, яко си жито держить, а си медъ, а си рыбы, а си скору (*мѣха, шкуры*). И привожаху къ нима сестры своя, матере и жены своя; она же въ мечтѣ прорѣзавше за плечемъ, вынимаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, имѣнье ихъ отъимашета собѣ. И придоста на Бѣлоозеро; и бѣ у нее людій нѣ 300. Въ се же время приключися прити отъ Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатину: повѣдаша ему Бѣлозерци, яко два кудесника (*колдуна*) избила уже многы жены по Волъзѣ и по Шекснѣ и пришла еста сѣмо. Янъ же испытавъ, чья еста смедра (*люди простые*), и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ къ нимъ иже около ею суть, рѣче имъ: ,,выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста моего князя;'' они же сего не послушаша. Янъ же поиде самъ безъ оружья, и рѣша ему отроци его: ,,не ходи безъ оружья, осоромять тя;'' онъ же повелѣ взяти оружья отрокомъ, и бѣста 12 отрока съ нимъ, и поиде къ нимъ по лѣсу. Они же сташа исполчившеся противу, Яневи же идушю съ топорцемъ, выступиша отъ нихъ 3 мужи, придоша къ Яневи, рекуще ему: ,,видя идеши на смерть, не ходи;'' оному повелѣвшю обити я, къ прочимъ же поиде. Они же сунушася на Яня, единъ грѣшися Яня топоромъ. Янъ же оборотя топоръ удари и тыльемъ, повелѣ отрокомъ сѣчи я; они же бѣжаша въ лѣсъ, убиша же ту попина Янева. Янъ же вшедъ въ градъ къ Бѣлозерцемъ, рече имъ: ,,аще не имете волхву сею, не иду отъ васъ и за лѣто.'' Бѣлозерци же шедше яша я, и приведоша къ Яневи, и рече има: ,,что ради погубиста толико человѣкъ?'' Онѣма же рекшема: ,,яко ти держать обилье, да аще истре-

бивѣ сихъ, будетъ гобино (*изобиліе*); аще ли хощеши, то передъ тобою вынемевѣ жито, ли рыбу, ли ино что.“ Янъ же рече: ,,по истинѣ лжа то: створилъ Богъ человѣка отъ землѣ, оставленъ костьми и жылами отъ крове, нѣсть въ немъ ничтоже; и не вѣсть ничтоже, но токмо единъ Богъ вѣсть.“ Она же рекоста ,,вѣ вѣвѣ (*мы знаемъ*), како есть человѣкъ створенъ.“ Онъ же рече: ,,како?“ Она же рекоста: ,,Богъ мывъся въ мовници и вспотивъся, отерься ветъхомъ (*ветошкой*), и верже съ небесе на землю: и распрѣся (*заспорилъ*) сотона съ Богомъ, кому въ немъ створити человѣка? и створи дьяволъ человѣка, а Богъ душю въ нѐ вложи; тѣмже аще умреть человѣкъ, въ землю идеть тѣло, а душа къ Богу.“ Рече има Янъ: ,,по истинѣ прельстилъ васъ есть бѣсъ; коему Богу вѣруета?“ Она же рекоста: ,,антихристу.“ Онъ же рече има: ,,то кдѣ есть?“ Она же рекоста: ,,сѣдить въ безднѣ.“ Рече има Янъ: ,,какый то богъ, сѣдя въ безднѣ? то есть бѣсъ, а Богъ есть на небеси, сѣдя на престолѣ славимъ отъ ангелъ, иже предстоять ему со страхомъ, не могуще на нь зрѣти; сихъ бо ангелъ сверженъ бысть егоже вы глаголета антихрестъ, за величанье его низъверженъ бысть съ небесе, и есть въ безднѣ, якоже то вы глаголета, жда, егда придеть Богъ съ небесе, сего имъ антихриста свяжетъ узами и посадить и емъ его съ слугами его и иже къ нему вѣрують: вама же и здѣ муку пріяти отъ мене и по смерти тамо.“ Онѣма же рекшема: ,,нама бози повѣдають: не можеши нама створити ничтоже.“ Онъ же рече има: ,,лжють вама бози.“ Она же рекоста: ,,нама стати предъ Святославомъ, а ты не можеши створити ничтоже.“ Янъ же повелѣ бити я, и потергати (*дергать*) брадѣ ею. Сима же тепенома (*битымъ*), и брадѣ ею потерганѣ проскѣпомъ, рече има Янъ: ,,что вама бози молвять?“ Онѣма же рекшема:

,,стати намъ предъ Святославомъ.“ И повелѣ Янъ вложити рубль (*отрубокъ*) въ уста има, и привязати я къ упругу (*дуга въ лодкѣ*), и пусти предъ собою лодьѣ, и самъ по нихъ иде. Сташа на усьтьи Шексны, и рече има Янъ: ,,что вамъ бози молвять?“ Она же реста: ,,сице нама бози молвять, не быти нама живымъ отъ тобе.“ И рѣче има Янъ: ,,то ти вама право повѣдали.“ Она же рекоста: ,,но аще наю (*насъ*) пустиши, много ти добра будетъ; аще ли наю погубиши, многу печаль пріимеши и зло.“ Онъ же рече има: ,,аще ваю пущю, то зло ми будеть отъ Бога.“ И рече Янъ повозникомъ: ,,ци (*или*) кому васъ кто родинъ (*родственникъ*) убьенъ отъ сею?“ Они же рѣша: ,,мнѣ мати, другому сестра, иному роженье (*дѣти*).“ Онъ же рече имъ: ,,мьстите своихъ.“ Они же поимше, убиша я и повѣсиша е на дубѣ: отмьстье пріимша отъ Бога по правдѣ. Яневи же идущю домови, въ другую нощь медвѣдь възлѣзъ, угрызъ ею и снѣсть; и тако погыбнуста наущеньемъ бѣсовьскымъ, инѣмъ вѣдуща, а своее пагубы не вѣдуча. Аще ли быста вѣдала, то не быста пришла на мѣсто се, идеже ятома (*взятымъ*) има быти; аще ли и ята быста, то почто глаголаста: ,,не умрети нама,“ оному мыслящю убити я? Но се есть бѣсовьское наученье; бѣси бо не вѣдять мысли человѣчьское, но влагають помыслъ въ человѣка, тайны не свѣдуще. Богъ единъ свѣсть помышленья человѣчьская, бѣси же не свѣдають ничтоже, суть бо немощни и худи взоромъ. Яко и се скажемъ о взорѣ ихъ и о мраченьи ихъ. Въ си бо времена, въ лѣта си, приключися нѣкоему Новгородцю прити въ Чюдь, и приде къ кудеснику (*колдуну*), хотя волхованья отъ него; онъ же, по обычаю своему, нача призывати бѣсы въ храмину свою. Новгородцю же сѣдящу на порозѣ тоя же храмины, кудесникъ же лежаше оцѣпѣвъ (*оцѣпенѣлъ*), и шибе имъ

бѣсъ; кудесникъ же вставъ рече Новгородьцю: „бози не смѣють прити, нѣчто имаши на собѣ, его же боятся.“ Онъ же помянувъ на собѣ крестъ, и отшедъ постави кромѣ (*внѣ*) храмины тое; онъ же нача опять призывати бѣсы, бѣси же метавше имъ, повѣдаша, что ради пришелъ есть. Посемъ же поча прашати его: „что ради боятся его, его же се носимъ на собѣ креста?“ Онъ же рече: „то есть знаменье небеснаго Бога, его же наши бози боятся.“ Онъ же рече: „то каци (*какіе*) суть бози ваши кдѣ живуть?“ Онъ же рече: „въ безднахъ; суть же образомъ черни, крилаты, хвосты имуще, всходять же и подъ небо, слушающе вашихъ боговъ; ваши бо ангели на небеси суть, аще кто умреть отъ вашихъ людій, то възносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ умираеть, то носимъ къ нашимъ богомъ въ бездну.“ Якоже и есть: грѣшници бо въ адѣ суть, ждуще мукы вѣчныя, а праведници въ небеснѣмъ жилищѣ водваряются со ангелы. Сиця (*такова*) ти есть бѣсовьская сила, и лѣпота, и немощь; тѣмъ же прелщают человѣкы, веляще имъ глаголати видѣнья, являющеся имъ несвершенымъ вѣрою, являющеся во снѣ, инѣмъ въ мечтѣ, и тако волхвують наученьемъ бѣсовьскымъ. Паче же женами бѣсовьская вълшвенья бывають, искони бо бѣсъ жену прелсти, си же мужа; тако въ си роди (*въ это время*), много волхвують жены чародѣйствомъ, и отравою, и инѣми бѣсовьскыми козньми. Но и мужи прелщени бывають отъ бѣсовъ невѣрніи; яко се въ первыя роды при апостолѣхъ бо бысть Симонъ волхвъ, иже творяше волшьствомъ псомъ глаголати человѣчьскы, и самъ премѣняшеться, ово старъ, ово молодъ, ово ли и иного премѣняше во иного образъ, въ мечтаньи сице творяше: Анни и Мамврій волшвеньемъ чюдеса творяшеть противу Моисіови, но вскорѣ не възмогоста противу Моисіови; но и Конобъ творяше мечтанье бѣсовьско, яко и по водамъ ходити, ина мечтанья творяше, бѣсомъ лстимъ, на пагубу собѣ и инѣмъ. Сиць бѣ волхвъ всталъ при Глѣбѣ Новѣгородѣ; глаголеть бо людемъ, творяся акы Богъ, многы прельсти, мало не всего града; глаголашеть бо, яко „все вѣдаю,“ и хуля вѣру хрестьяньскую, глаголашеть бо: „яко переиду по Волхову предъ всѣми.“ И бысть мятежь въ градѣ, и вси яша ему вѣру, и хотяху погубити епископа; епископъ же вземъ крестъ и облекъся въ ризы, ста рекъ: „иже хощеть вѣру яти волхву, то да идеть за нь; аще ли вѣруеть кто, то ко кресту да идеть.“ И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва; и бысть мятежъ великъ межи ими. Глѣбъ же возма топоръ подъ скутомъ (*подъ полою*), приде къ волхву и рече ему: „то вѣси ли, что утро хощеть быти, и что ли до вечера?“ Онъ же рече: „все вѣдаю.“ И рече Глѣбъ: „то вѣси ли, что хочеть быти днесь?“ „Чюдеса велика створю“ рече. Глѣбъ же вынемъ топоръ, ростя (*разрубилъ*) и, и паде мертвъ, и людье разидошася; онъ же погыбе тѣломъ и душею, предавъся дьяволу...

Въ лѣто 6599 волхвъ явися Ростовѣ, иже вскорѣ погыбе.

(*П. Собр. Лѣт. 1, 75—78. 92*).

О Волхвахъ см. *Руднева* „Разсужд. о ересяхъ и расколахъ“ Ж. М. Н. Просв. ч. XIV, стр. 213.

13. Поученіе о казняхъ божіихъ преп. Феодосія Печерскаго 1068—1073 г.

Наводитъ Богъ, по гнѣву своему, казнь каку любо, или поганыя, зане не встягнемся к Богу; а усобнаа рать бываеть отъ соблажненія діаволя и отъ злыхъ человѣкъ. Богъ бо не хощетъ зла человѣкомъ, но блага, а діаволъ радуется все-

му злому, творимому въ человѣцѣхъ: искони бо той есть врагъ намъ, хощеть убійства и кровопролитья, подвизаа на свары и убійства, и зависти, и братоненавидѣнія, и клеветы. Странѣ убо съгрѣшивши коей либо, казнить Богъ смертью, или гладомъ, или наведеніемъ поганыхъ, или бездождіемъ, и инѣми различными казньми. Аще ли покаявшеся будемъ, в немже ны Богъ велить быти, — глаголеть бо намъ пророкомъ: *обратитеся ко мнѣ всѣмъ сердцемь вашимь, постомъ и плачемъ* (Іоил. 2, 12),— въ семъ волю божію творяще, да аще быхомъ в заповѣдѣхъ божіихъ пребыли: то и сдѣ, ходяще, пріимемъ блага земнаа, и по отшествіи сего свѣта — жизнь вѣчную. Но мы присно, аки свиния в калѣ (*грязи*) грѣховнѣмъ валяясь, грѣхи къ грѣхомъ прилагающе, во всемъ гнѣвяще Бога, злое предъ очима его творяще по вся дни. Того ради пророкомъ глаголеть к намъ: разумѣхъ, рече, яко жестоціи, каменосердіи, лениви есте творити волю; того ради удержахъ отъ васъ дождь, и предѣлъ единъ одождихъ, а другаго не одождихъ, и исше земля нивъ вашихъ, и поразихъ вы различными казньми; то и тако не обратистеся ко мнѣ. Сего ради винограды ваша и древа всякаа, носящаа плодъ, и нивы, и все истрохъ, глаголетъ Господь, а злобъ вашихъ не могу истерги; но посылаю на вы помалу различныя напасти, нѣкли покаявшеся встягнетеся отъ злобъ вашихъ... Се слышаще, подвигнемся на добро; взыщите судъ, избавите обидимаго, и на покаяніе пріидѣте, не въздающе зла за зле, ни клеветы за клевету, но любовію прилпемся Господеви, постомъ, рыданіемъ и слезами омывающе прегрѣшеніа наша, не словомъ нарицающеся христіане, а погански живуще. Се бо не погански ли творимъ? Аще кто усрящетъ черньца или черницю, то възвращаются, ли свинію, ли конь лысъ: то се не погански ли есть? Се бо, по дьяволю наученью, кобь держать. Друзіи зачиханью вѣруютъ, яже бываетъ многажды на здравіе главѣ; но сими діаволъ лстить и другими нравы, и всяческими лестми превабляемы отъ Бога, влъхвованіемъ, чародѣяніемь, запоиствомъ, рѣзоиманіемъ, (*процентами*) приклады, татбою, и лжею, завистію, клеветою, зубами (*дракой*), скоморохи (¹), гусльми, сопѣлми и всякими играми, и дѣлесы неподобными. Видимъ бо и ина злаа дѣла: вси дръзливы (*падки*) на піанство, и на игры злыя, ихъже нѣсть лзѣ христіаномъ тако творити. И се паки, егда стоимъ въ церкви: то како смѣемь смѣатися, или шепотъ творити? Припадает бо окаанный діаволъ и влагаетъ въ ухо наше смѣхъ, и шепотъ, и ина неподобная творити, въ церкви стояще предъ небеснымъ Царемъ: какіа мукы нѣсть мы достойни? Ты же, брате, стоа въ церкви и видиши кого неподобно стояща, възбрани ему и поноси ему тяжцѣ. Молю вы, братіе, съ страхомъ и любовію другъ другу стоимъ на молитвѣ, и во истину молящеся, речемъ: »да ся исправить молитва моа, яко кадило предъ тобою, въздѣніе руку моею жертва вечерняя.« Да аще руцѣ твои ничтоже имата грабленія: добрѣ то глаголеши, река: »въздѣніе руку моею.« Оглядай убо руцѣ си и испытай о нею, да аще ничтоже имата грабленія и нечистаго рѣзоиманья. Аще ли еси грабилъ, или приклады ималъ, или корчемный прикупъ, или кого чѣмъ приобидѣлъ еси, еже святое писаніе отрекло: то не глаголи, не възвышай руки си, дондеже очистишися отъ всего зла. Аще бо възмеши въздѣти руцѣ попущеніемъ божіемь: то молитва ти будетъ гнусна и непріятна Богу. Но слыша Господа, глаголюща пророкомъ: егда руцѣ твои прострещи ко мнѣ, отвращю очи свои отъ васъ и аще умножиши молитву,

---

(¹) О скоморохахъ. *И. Д. Бѣляева.* См. Времен. общ. ист. кн. XX, 69—92.

не послушаю тебѣ, глаголеть Господь, руцѣ твои исполнь неправды. И се, възлюбленнаа чада, будете вѣдуще: святіи отци наши уставили постныа дни, по наученію господню и по заповѣди святыхъ апостолъ, святыя праздникы праздновати духовно заповѣдаша, а не тѣлесно, не чреву работающе безгоднымъ (*безвременнымъ*) пьанствомъ, но Богу молящеся о своихъ съгрѣшеніихъ, немощныа накормляюще с собою в подобно время, тѣло кормяще земнымъ брашномъ, а душю духовнымъ. Тоже брашно в судѣхъ (*сосудахъ*) книжныхъ с небесе снесено, иже глаголется, хлѣбъ аггельскій ясть человѣкъ, брашно посла имъ до изобиліа, рекше—писаніе святыхъ книгъ... На праздники же великіа пировъ не творити, піанства бѣгати, испити мало и блюсти душа своя, и стеречи часа, в онъже Богу молитися трезвымъ умомъ, а не пьанымъ, якоже Петръ апостолъ рече: братія, будите трезви, якоже супостатъ вашь діаволъ ищетъ піаныхъ, да я пожретъ. О горе, паки реку, о горе пребывающимъ въ піанствѣ! Піанствомъ аггела хранителя своего отгонимъ отъ себе, и злаго бѣса привлачимъ к себѣ, и Святаго Духа далече есмы піанства ради, и близь ада, и слова божіа не имуще въ устѣхъ своихъ, гнили ради піаньственыа. Бѣси бо ради бываютъ о нашемъ піанствѣ, и радующеся приносятъ къ діаволу жертву пьянственую отъ піаниць; діаволъ же, радуясь, глаголеть: яко николиже тако веселюся и радуюся о жертвахъ поганыхъ языкъ, якоже о пьанствѣ христіанъ; всяка бо дѣла моего хотѣнія въ пьяницахъ суть. Писано бо есть: яко и поганыа набдитъ Богъ, а піаниць ненавидитъ и отвращается отъ нихъ. Но толико супостатъ нашь радуется о нашемъ піанствѣ, а искони бо не хощетъ добра роду человѣчю, и глаголетъ: яко мои суть пьяніи, а трезвіи суть божіи. И посылаетъ діаволъ бѣсы, рекъ: идѣте, поучаите христіаны на піанство и на всяку дѣтель моего хотѣнія. Аггели же святіи, приходяще, повѣдали се святымъ отцамъ с печалію великою, да быша писаніемъ отлучили христіанъ отъ піанства, а не отъ питья: ино бо піанство есть злое, а ино питье в мѣру, и в законъ, и в подобно время, и въ славу божію. Святіи же отци, написавше честное сіе святое правовѣрное ученіе, предаша христіаномъ, на проводеніе жизни сеа, и на причастіе вѣчныа жизни, да кто послушаетъ сего правила св. отець и поживетъ лѣта своа, творя волю божію,—житель будетъ вѣчныа жизни; не послушавшій сихъ книгъ, осужденъ будетъ съ діаволомъ в муку вѣчную.

Се слышаще, братіе, подвигнемся работати Господеви, и заповѣди Его творити, и в законѣ Его поживемь вся дни живота нашего, о Христѣ Іисусѣ, Ему же слава съ Отцемъ и Св. Духомъ и ныня и присно.

(*Учен. Зап. 2 отд. Акад. Н. т. II, вып. 2*).

Это слово »о ведрѣ и о казняхъ божіихъ,« приписываемое Өеодосію, извлечено изъ греческаго Златоструя (*О малоизв. и неизв. памятн. Срезневскаго, III, 34—43*). Но по всей вѣроятности, оно приспособлено къ русской жизни. Въ первоначальной лѣтописи слово это передается нѣсколько иначе (*П. С. Л., 1 73*).

Поученія Өеодосія имѣютъ характеръ преимущественно обличительный: съ одной стороны языческія вѣрованія, остававшіяся въ жизни народной, съ другой — грубые нравы, не сдерживаемые нравственнымъ закономъ, а главнымъ образомъ недостатки монастырской жизни,—вызывали на обличеніе любвеобильнаго пастыря. По этому сочиненія Өеодосія написаны не на отвлеченныя произвольныя задачи, но рисуютъ состояніе современнаго ему общества и выражаютъ практическое направленіе—привить семена нравственности къ народу, монахамъ и князьямъ. Краткость и изящная простота формы составляютъ отличительную черту поученій этого замѣчательнаго древне-русскаго подвижника.

О сочиненіяхъ Өеодосія см. Уч. Зап. 2 отд. Акад. Н т. II, в. 2. Москвит. 1850.

N. 23. Поуч. объ-умѣренности въ застольномъ питьѣ. Прав. Собес. 1858. III, 255. Другія поученія и житіе Өеодосія см. ниже.

14. Изъ слова Григорія Богослова до 1100 г.

...Овъ (*иной*) путь съмѣреномъ уклони и прѣврати на неправьдьныя правьду. Овъ възненавидѣ въ вратѣхъ обличающа, и слово божие възненавидѣ. Овъ пожьре (*жертву принесъ*) неводу своему имъшю много. Овъ трѣбу (*жертву*) сътвори на студеньци (*колодци*), дъжда искы отъ него, забывъ, яко Богъ съ небесе дъждь даетъ. Овъ несущимъ Богомъ жьреть, и Бога створьшаго небо и землю раздражаеть. Овъ рѣку богыню нарицаеть, и звѣрь живущь въ ней яко Бога нарицая, трѣбу творить—овъ Дыю, а другыи Дивии. А инъ градъ чьтеть (1). Овъ же дьрьнъ *въскрущь*, на главѣ покладая, присягу творить (2); овъ присягы костьми человѣчами творить. Овъ *кобени* птичь(*ворожбу по птицамъ*) смотрить(3). Овъ сърѣтения сумьниться (4). Овъ мущьнъ (?) скотъ творя убияеть. Овъ въ неделю и въ святыя дьни дѣлаеть, прибытъкъ себѣ творя (*на*) свою погыбѣль, да елико вьсею недѣлею съдѣлаеть

(1) Въ этомъ словѣ преслѣдуется языческое поклоненіе студенцамъ и колодезямъ, Дію или Зевсу, Діи или Дивіи (Діанѣ? Въ Сл. о пол. упоминается *Дивъ)*, обоготвореніе рѣкъ и звѣря или животнаго рѣчнаго. Въ поученіи Серапіона означено, что водяному божеству бросали людей во время голода. См. ниже.

(2) Здѣсь разумѣется дерновая присяга; по скандинавскому обычаю, во время клятвы клали кусокъ дерна на голову (воскручали?); тоже было и въ Россіи.

(3) Говорится о гаданіяхъ и предсказаніяхъ по птицамъ.

(4) Т. е. вѣрить во стрѣчу, что бываетъ счастливая и несчастная (*Лавр. 73)*.

тѣмь дьньмь погубить. Овъ на мощьхъ лъжею присязаеть.

(*Изд. Ак. Н. 2-го отд. 1855 г.*)

15. Языческія божества.

Пришедшю ми въ *Ладогу* (1141), повѣдаша ми *Ладожане:* яко сдѣ есть, егда будеть туча велика, и находять дѣти наши глазкы стекляныи, и малыи и великыи, провертаны, а другые подлѣ Волховъ беруть, еже выполоскываеть вода, отъ нихъ же взяхъболѣ ста; суть же различна. Сему же ми ся дивлящю, рекоша ми: се не дивно; и еще мужи старіи ходили за Югру и за Самоядь (1), яко видивши сами на полунощныхъ (*въ съверныхъ*) странахъ, спаде туча, и въ той тучи спаде вѣверица (*бълка*, *векша*) млада, акы *топерво* (2) рожена, и възрастши и расходится по земли, и пакы бываеть другая туча, и спадають оленци мали въ ней, и възрастають и расходятся по земли. Сему же ми есть послухъ (*свидътель*) посадникъ Павелъ ладожскій и вси *Ладожане*. Аще ли кто сему вѣры не иметь, да прочтетъ Хронографа (3): Въ царство право (*Прова*), дожгьцю бывшю и тучи велицін, пшеница съ водою многою смѣшена спаде, юже собравше насыпаша сусѣкы (*закрома*) велія; такоже при Аврильянѣ крохти сребреныя спадоша, а въ Африкѣ тріе камени спадоша превелици. И бысть по потопѣ и по раздѣленьи языкъ, поча царьствовати первое Местромъ отъ рода Хамова, по немъ Еремія (*Гермесъ*), по немъ Феоста (*Гефестъ*), иже и *Сварога* нарекоша Егуптяне; царствующю сему Феостѣ въ Егуп-

(1) Эти страны лежали на сѣверѣ Азіи между Уральскими горами и р. Обью.
(2) Какъ сейчасъ.
(3) Тоже, что Лѣтописецъ, Временникъ отъ *хроносъ*—время, *графо*—пишу.

ть. въ время вѣщества его. сказаемо клещи съ небесе. нача ковати оружье. преже бо того палицами и камениемь бьяхуся [1]. Тъ же Феостъ законъ устави женамъ за единъ мужь посагати и ходити гов'ющи. а иже прелюбы дѣющи. казнити повелѣваше. сего ради прозваша и богъ Сварогъ. преже бо сего жены блудяху. къ нимъ же хотяше. и бяху акы скотъ блудяще. аще родяшеть дѣтищь. которыи ей любъ бываше. даяшеть. се твое дѣтя. онъ же створяше празньство и прияше. Феостъ же сь законъ расыпа. и въстави единому мужю едину жену имѣти. и женѣ за одинъ мужь посагати. аще ли кто преступить. да ввергуть и въ пещь огнену. Сего ради прозваша и Сварогомъ и блажиша и Егуптяне [2]. И по семь царствова сынъ его. именемь *Солнце*. егоже наричють *Дажьбогомъ*. семь тысящь и 470 и семьдесять дний. яко быти лѣтома двѣманадесятьма по лунѣ. видяху бо Егуптяне иніи чисти. ови по лунѣ чтяху. а другіи... деньми лѣтъ чтяху. двою бо на десять мѣсяцю число потомъ увѣдаша. отнелѣ же начаша человеци дань давати царемъ. *Солнце-царь* сынъ *Свароговъ*. еже есть *Дажьбогъ*. бѣ бо мужь силенъ. слышавше нѣкую отъ Егуптянинъ богату и въ велицѣ сану. и нѣкоему въсхотѣвшю блудити съ нею. искаше ея яти и не хотя отца своего закона расыпати Сварожа. поемъ съ собою мужь нѣколко своихъ. разгадавъ годину *(время)*. егда прелюбы дѣеть. нощью западе на ню. *не замиши* мужа съ нею. а ону обрѣте лежащю съ инѣмь. съ нимъ же хотяше. емъ же ю и мучи и пусти ю водити по

[1] [illegible]. како не рѣки и въ другихъ [illegible] списковъ, [illegible]

[2] О Сварогѣ богѣ [illegible] Снегир. [illegible] 184[illegible] № 1. Смѣсь. 20—21.

земли въ кругъ *(съ укоризною. со срамомъ)*. а того любодѣица всѣкну: и бысть чисто житье по всей земли Егупетьской и хвалити начаша.

(Ипатьев. списокъ въ Пол. Собр. Лѣт. т. II. стр. 4—5).

Сочинитель [illegible] его [illegible] въ [illegible] *Александріи*, [illegible] *Лѣт. Перея*[illegible]*.— Суздал. М. 1851. XVI*. [illegible] Феоста—[illegible]—Дажьбогъ [illegible] такъ же.

Ипатьевская лѣтопись названа такъ потому, что [illegible] *XIV или начала XV в.* [illegible] *Ипатьевскому монастырю; теперь хранится въ библіотекѣ Академіи наукъ. Эта лѣтопись* [illegible] *на три части. Первая (стр. 1—1*[illegible]*) содержитъ въ себѣ Временникъ Нестора съ продолженіемъ,* [illegible] *до 1200 года* [illegible] *Лаврентьевскою* [illegible] *XII* [illegible]*. Во второй части (стр.* [illegible]*—229)* [illegible] *Южно-Русскихъ* [illegible] *Волынская или Галицкая, оканчивающаяся 1292 годомъ. Замѣчательно, что* [illegible] *Временника Не*[illegible] [illegible] *Ипатьевская лѣтопись* [illegible] *XIV стол.* [illegible] *Въ 1-й части* [illegible] *во 2-й же части, по словамъ Карамзина,* [illegible] *П. С. Лѣт. т. II.* [illegible]

16. Слово блаженнаго Серапіона о маловѣрьи до 1275 г.

Печаль многу имамъ въ серрдци о васъ, чада: никакоже не премѣните отъ злобы обычая своего; вся злая творите въ ненависть Богу на пагубу души своей. Правду есте оставили, любве не имате, зависть и лесть жируетъ (*живетъ*) въ васъ и вознесеся умъ вашъ. Обычаи поганскіи имате, во хламъ (*волхвамъ*) вѣру имете и пожигаете огнемъ не повинныя человѣки. Гдѣ се есть въ писаньи, еже человѣкомъ владѣть обильемъ или скудостью, подавати или дождь или теплоту. О неразумніи, вся Богъ творитъ, якоже хощетъ, бѣды и скудость (*голодъ*) посылаетъ за грѣхи наши и наказая насъ, приводя на покаянье. О маловѣрніи, слышасте казни отъ Бога: въ первыхъ родѣхъ потопа на гиганты, огнемъ пожжени, а Садомляне огнемъ же сожжени, а при Фараонѣ 10 казней на Египетъ, при Хананни—каменье огненное съ небесѣ пусти, при Судьяхъ—рати наведе, при Давидѣ—моръ на люди, при Титѣ—плѣнъ на Ерусалимъ, потомъ трясенье земли и паденьемъ града. И въ наша лѣта, чего не видѣхомъ зла, многи бѣды и скорби, рати, голодъ, отъ поганыхъ (*отъ Татаръ*) насилье; но никакоже премѣнимся отъ злыхъ обычай нашихъ. Нынѣ же гнѣвъ божій видяще и заповѣдаете хто буде удавленика или утопленика погреблъ, не погубите люди сихъ, выгребите (¹). О безумье злое, о маловѣрье! Полни есмы зла исполнени, о томъ не каемся. Потопъ бысть при Нои не про удавленаго, ни про утопленика, но за людскія неправды, и иныя казни безщисленыя. Драчьградъ 4000 лѣтъ стоялъ, отъ моря потопленъ бысть и нынѣ въ мори (¹); въ Лясѣхъ (*въ Польшѣ*) отъ умноженья дождя 600 люди потопло, а иніи въ Перемышли градѣ 200 потопоша и гладъ былъ 4 лѣта тамо жъ. Се все бысть въ сія лѣта за грѣхи наша. О человѣци, се ли ваше покаянье, симъ ли Бога умолите, что утопла или удавленика выгрести, симъ ли божію казнь хощете утишити. Лучше, братья, престанемъ отъ зла, лишимся всѣхъ дѣлъ злыхъ, разбоя, грабленья, пьянства, скупости, лихвы, обиды, татбы, лжива послушьства, гнѣва, ярости, злопоминанья, лжи, клеветы, рѣзоиманья (*роста, процентовъ*). Азъ бо, грѣшный, всегда учю вы, чада, велю вамъ каятися; вы же не престанете отъ злыхъ дѣлъ. Егда кая на насъ казнь отъ Бога придетъ, то болѣ прогнѣваемъ, извѣты кладуче: (²) того ради ведро, сего дѣля дождь, того дѣля жито не родится,—и бываете строители божіей твари, а о безумьи своемъ почто не скорбите? Поганіи (*язычники*) бо, закона божія не вѣдуще, не убиваютъ единовѣрникъ своихъ, ни ограбляють, ни обадять (*не обманываютъ*), ни поклеплютъ, ни украдутъ, ни запрутся чужаго, всякъ поганый брата своего; (но) кого въ нихъ постигнетъ бѣда, то искупять его и на промыслъ дадуть ему, а найденыя—въ торгу проявляють. А мы творимся вѣрніи, во имя божіе крещени есмы и заповѣди его слышаще всегда,—неправды есмы исполнени и зависти, немилосердья; братью свою ограбляемъ, убиваемъ, въ погань продаемъ, обадами, завистью,—аще бы мощно, снѣли бы другъ друга, но вся Богъ боронитъ. Аще вельможа или простый, то весь (всякій) добытка желаетъ, како бы обидѣть кого. Окаянне, кого снѣдаеши? Не такой же ли человѣкъ, якоже и ты? Не звѣрь есть, ни иновѣрець. Почто плачь и

(¹) Суевѣрный обычай откапывать утопленика или удавленика доселѣ окончательно не изкоренился въ русскомъ простонародьи.

(¹) Преданіе.

(²) Ложно говоряще.

клятву на ся влечеши? Или безсмертенъ еси, не чаеши ли суда божія, ни воздаянья комуждо по дѣломъ его? Отъ сна бо вставъ не на молбу умъ прилагаеши, но како бы кого озлобити, лжами премочи кого. Аще не останете сихъ, то горшая бѣды почаете посемъ; но моляся вамъ глаголю: пріимемъ покаянье отъ сердца, да Богъ оставитъ гнѣвъ свой и обратимся отъ всѣхъ дѣлъ злыхъ, да Господь Богъ обратится къ намъ. Се вѣдѣ, азъ поучаю вы, яко за моя грѣхи бѣды сія дѣются; придѣте же со мною на покаянье, да умолимъ Бога, вѣдѣ убо, аще ся покаевѣ, будемъ помиловани; аще ли не останетесь безумья и неправды, то узрите горшая напослѣдь.

(*Поѣздка Шевырева въ Бѣлоз. мон. II, 36*).

Тоже слово съ измѣненіями см. въ Приб. къ твор. св. Отцевъ 1843, кн. 3.

Еще слово Серапіона въ Ж. М. Н. Просв. ч. 39, VI, 42. О писателѣ см. Лѣт. Литер. 1859, I. Сюда же относится „Поученье къ духовн. сыну" Зарубскаго черноризца Георгія XIII в. Здѣсь излагаются нравств. наставленія и сильно вооружается писатель противъ лихаго скомороха, гудца и свирца (свирельника?), что ихъ водятъ въ дома *глама ради:* «поганско то есть, а не крестьянско.» (*О малоизв. и неизв. памят. Срезневскаго 1, 54—57. См. также Слово Кирилла о злыхъ дусѣхъ по сп. XV в. Москвит. 1844, I. 241*).

17. Слово пророка Исаіи, истолковано св. I. Златоустомъ. (1)

...*Рече Господь: наслѣдятъ гору святую мою избранніи мои, раби мои.* Раби суть то, иже служатъ Богу и волю его творятъ, а не Роду, ни Рожаницамъ, ни кумиромъ суетнымъ: то суть слуги божіа, иже приносятъ честную жрътву живу Богу въ крѣпости сердца своего съ разумомъ добраго ученіа. *И будутъ въ лузѣ* (на лугу) *огради овцамъ.* Лугъ наречется рай, а огради райская мѣста, а овцѣ—вѣрніи людіе, иже работаютъ Богу, а не Рожаницамъ. *И дебрь Охорьска въ покой воломъ.* Дебрь есть вышняго Іерусалима пажить, а волове—кротціи епископи и попове, иже ходя по цръковному ученію и инѣхъ добрѣ учаще, иже възыскаютъ врѣмена и не оставляютъ святыя горы. *Вы же оставльше мя и забывающе гору святую мою и готовающе трапезу* Роду и Рожаницамъ, *наплънѧюще бѣсомъ чръпаніа. Азъ прѣдамъ вы на оружіе и вси заколеніемъ падете.* Заколеніе есть смерть, а оружіе—мука вѣчная. *Яко възвахъ вы,—не отзвастеся, глаголахъ—и не слышасте, и творите злое прѣдъ мною, ихже не хощу,—то избрасте. Сего ради тако глаголетъ Господь: се работающіи ми ясти начнутъ, вы же възалчете;* но тою сыти есте трапезою, яже готовасте Рожаницамъ. *Се работающіи ми пити начнутъ, вы же въжадаете;* но то пійте, иже то исполниваете чръпаніа бѣсомъ. *Се работающеи мнѣ възвеселятся, вы же постыдитеся. Се работающіи ми възрадуются въ веселіи сердца, вы же,* работающеи бѣсомъ и служащеи идоломъ и ставляюще трапезу Роду и Рожаницамъ, *възопіете въ болезни сердца вашего и отъ скрушеніа духа въсплачетеся.* (1) Тому же ся събыти нѣсть зде, но въ ономъ вѣцѣ: остависте бо утѣшеніе ваше и покой будущаго вѣка избраннымъ моимъ, васъ же убіетъ Господь Богъ; а работающіи ми благословятся, поютъ Богу истинному, а вы поете пѣсни бѣсовьскыя идоломъ, Роду и Рожаницамъ. Въ велику пагубу вводитъ невѣжество книжное. Велико зло, еже не разумѣти почитаемаго, и велико зло, еже не слышати разумнѣйша себе, или разумѣя честна, не творити воля бо-

(1) Слово это постоянно входитъ въ составъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Златоустовъ*.

(1) Прор. Исаія гл. 65, ст. 9—14.

жіа по писанному закону. Се же, чада, слышащеи останѣте ся пустошнаго того твореніа и службы тоя сатанины, наставлѣніе (*и ставленія*) трапезы тоя кумирьскыя, нареченыя Роду и Рожаницамъ. Братіа, творите воля божія, якоже ны учатъ книгы пророчскыя и апостольскыя и отчьскыя, да пріимемь оставленіе грѣховъ и получимъ жизнь вѣчную о Христѣ Іусѣ Господи нашемъ, ему жъ слава въ вѣкы, аминь.

(*По ркп. Спб. Публ. Библ. Q. отд. I. № 18. См. Архивъ историко-юридич. свѣд. 2, 1. отд. 1. 100—101; II, отд. VI, 66*).

18. Изъ слова Григорія Богослова XIV в.

Еллины дѣлаютъ »требокладенье (*жертвоприношеніе*) грому и молньи и Вилу, богу вавилоньскому, его же разби Данило пророкъ; тѣмъ же богамъ требу кладуть и творять. И словеньскый языкъ Виламъ (¹) и Мокошьи, Дивѣ (²), Перуну, Хърсу, Роду и Рожаници (³), Упиремъ и Берегынямъ (⁴) и Пепелуту,— и вертячеся пьютъ ему въ розѣхъ (⁵), и огневи Сварожицю молятся и навьмь (*мертвымъ*) мъвь творять и въ тѣстѣ мосты дѣлаютъ и колодязѣ и ина многая...

(¹) *Вилы*—русалки, въ другомъ сп. смѣшаны съ вавилонскимъ *Виломъ*.

(²) *Дива*—вѣроятно, *Дія, Діана*.

(³) *Рожаница* — богиня судьбы, надѣляющая счастьемъ при рожденіи человѣка. О Рожаницахъ упоминается въ ркп. 1271 г., гдѣ сказано, что люди приготовляли счастью (случаю) раствореніе или *чьрпаніе*, т. е. разбавленное питье. О *Родѣ* говорится въ Вопросахъ Кирика и въ Словѣ Заточника.

(⁴) *Упирь*—вампиръ, волкодлакъ, перемѣтчикъ. *Берегиня*—водяное существо, русалка.

(⁵) Т. е. изъ роговъ, которые въ древнее время служили вмѣсто стакановъ.

Начаша Елини ставити трапезу Роду и Рожаницямъ, таже Римляне, даже и до Словенъ доиде. Се же Словене начали трапезу ставити Роду и Роженицямъ, переже Перуна бога ихъ, а преже того клали требы Упиремь и Берегынямъ. По святѣмъ же крещеніи Перуна отринуша, а по Христа Бога яшася; нъ и нына по Украинамъ ихъ молятся проклятому богу ихъ Перуну, Хърсу и Мокоши и Виламъ; нъ то творять акы отай, сего же не могуть ся лишити, наченше въ поганствѣ (¹), даже и доселѣ проклятаго того ставления вторыя трапезы Роду и Рожаницамъ (²) на прѣльсть вѣрнымъ хрестьяномъ и на хулу святому крещенію и на гнѣвъ Богу. По святѣмь крещеніи череву работни попове уставиша трепарь прикладати Рожства Богородици къ Рожаничьнѣ трапезѣ отклады дѣюче (³). Таковии нарицаются кармогузьци (*обжоры?*), а не раби божьи. И недѣли день и кланяются написавше жену въ человѣчьскъ образъ тварь“ (⁴).

(*Лѣт. рус. лит. Тихонрав. IV, 100—101; также 97*).

19. Изъ слова отъ св. евангелья XIV в.

...Тѣлесніи грѣси инаци и душевнии инаци... Тѣлесніи же суть грѣси: убиства, чародѣиства, *потвори*, волшьба,

(¹) Со времени язычества.

(²) *Вторая трапеза*—secunda mensa, состоящая изъ плодовъ и вина.

(³) Преп. Ѳеодосій преслѣдовалъ сильно этотъ обычай въ словѣ »О тропаряхъ и пьянствѣ.«

(⁴) Въ Кормчей 1280 г. въ правилахъ VI вселенскаго собора упоминаются колядьі (calendae?), Рожаницы, облакопрогонники и преслѣдуются игры, переряживанья и обычай—скакать черезъ зажженный костеръ (*Истор. Христ. Буслаева. 381—382*).

наужи (1), идолоиоленіе, трѣбы идоломъ бесомъ, по мьзде лихоимание, еже есть всему злу мати, пиянство и всего нужно писати. А се душевнии грѣси: хула, злии помышли, ереси, злопоминание, завистъ, клевѣта, ненавистъ, прозерьство, *(презрѣніе?)*, уныние, отчаяние, неупование еже къ Богу, иновѣрье, еже чюжю вѣру хвалити и примѣшатися къ иной вѣрѣ, и лгати, не право глаголати, росокы дѣяти, облыговати правыя и клятися и инаго клатвы догонити (*принуждать*) и ротѣ *(къ присягѣ)* водити и къ иной вѣрѣ поганой приступати и по кривѣмь прю дѣяти *(защищать неправаго)* и учитися остроноиии *(остроломы)* и вѣровати в метание *(мечтаніе, сонъ?)* и въ лживая писания и въ елиньскыя книгы, кощуны и въ баснотворья и устрацю и въ чехъ и въ Мокошь и въ сносудець *(въ сновидѣнія)*, птицни чарове, въ громникъ и в колядникъ и въ весь мартолои проклятыи, и иже творять злы дни и часы да будеть пърсть *(прокляти)*... Се же мало написахомъ о тѣлесныхъ грѣсѣхъ и о душевныхъ: нужа бо есть много писати, да сами паки расъсмотрите.

(Лѣт. литер. Тихонр. IV, отд. III, стр. 105 — 106. Ркп. Соф. библ. № 1262).

20. Слово Христолюбца ревнителя по правой вѣрѣ, около 1400 г.(2).

Яко Илья Фезвитянинъ (3), заклавы ереа жерца идольскія числомъ 300, и

(1) *Наузы*—волшебныя навязки, амулеты. *Потвори*—претворенія, или волшебныя измѣненія людей и явленій (оборотни).

(2) Слово это помѣщено въ *Златой чепи* и въ *Паисіевск. Сборникѣ* XIV в. Содержаніе Сборника представлено Шевыревымъ. *Поѣздка въ Бѣлозерск. мон. II, 32—39* Содержаніе Чепи въ *Чт. общ. ист. 1846, № 2. Смѣсь 16*.

(3) Илья пророкъ изъ города Ѳесвы.

рече: ревноуя поревновахъ по Господѣ вседержители. Тако и сей не мога терпѣти хрестьянъ *двоевѣрно* живущихъ,—и вѣрують въ Перуна, и въ Хорса, и въ Мокошь, и въ Сима и Рьгла, и въ Вилы, ихъ же числомъ тридевять сестрѣницъ, глаголять невѣгласи и мнять богинями, и та подкладывахуть имъ теребы, и куры имъ рѣжють, и огневѣ моляться, зовуще его *Сварожичемъ* (1) и *чесновитокъ (творять?)*; (2) богомъ же его творять. Егда же у кого будеть пиръ, тогда же кладуть въ ведра и въ чаши и пьють о идолѣхъ своихъ, веселящися; не хужьши суть еретиковъ, ни жидовъ, иже в вере и во крещеньи тако творять, не токмо невѣжи, но и вѣжи (*просвѣщенные*), попове и книжници. Аще ли не творять того вѣжи, да пьють и ядять моленое (*жертвенное*) то брашно. Аще ли не пьють, ни ядять, да видять дѣянія ихъ злая; яще ли не видять, да слышать—и не хотять ихъ поучити. О таковыхъ бо пророкъ речеть: »окаменѣ сердце людій сихъ, оушима тяжко слышать, очи свои смѣжиша..« Самъ Господь рече: »мнози пастуси погубиша виноградъ мой.« Пастуси суть книжници, а виноградъ—вѣра: человѣци въ вѣрѣ погибають лихими пастуси. Учители безумнымъ, аще не лишаться *(не отстанутъ)* проклятаго моленья и службы дьяволя, то достойни огню негасимому. Си же учители будуть имъ подгнѣтати, аще ихъ необратять отъ дѣла того сотонина. Глаголеть бо пророкъ отъ лица невѣрныхъ людій, приходящихъ во крещенье и оученью добрыхъ дѣлъ: »да обратять ны боящися тобе, и вѣдуще свидѣнья твоя« .. Рече Господь: »иже добре научитъ хто, то великъ на—

(1) Т. е. сыномъ Сварога. См. выше Ипат. лѣт.

(2) Доселѣ въ Галиціи соблюдается въ праздникъ Коляды обрядъ чеснока. Бытъ рус. народа. Терещенко. Опис. празд. коляды.

речется во царствіи небеснѣмъ.« Павелъ рече къ Римляномъ: »аще многи наставники имате о Христѣ, но не многи отцѣ, о Христѣ бо Іисусѣ азъ вы родихъ еуангеліемъ. Молю же вы ся, подобници *(подобны)* мнѣ будите, и попове и книжници.« Будете же вы подобни Павлу великому учителю, оучите же люди на добро и обращайте ихъ ото лсти дьяволя къ вѣрѣ истиннѣй, служити истинному Богу, да і вы речете предъ Богомъ пророчимъ гласомъ: »се азъ и дѣти моя, яже ми далъ еси, Господи, и азъ народихъ оученьемъ.« Того ради пьете, ясте и дары емлете отъ нихъ. Аще ли не хощете оучити ихъ, то не примѣшайтеся имъ по еуангельскому слову: »аще имаши око свое лукаво, то исткни ѐ вонъ, аще ли руку, то отсѣцы ю,—лучше бо одинъ оудъ погибнеть, нежели все тѣло.« Не можетъ бо погибнуть праведникъ про беззаконника. Кое причастье Христу съ бѣсомъ? Тако и служащихъ Богу кое причастье къ служащимъ бѣсомъ і оугодья дьяволя творящимъ? Павелъ бо Коренфѣемъ рече: »братья, писахъ вамъ въ посланьяхъ, не примѣшайтеся къ рѣзоимцемъ (¹), ни грабителемъ, ни корчмитомъ (²) і къ служащимъ кумиромъ, но должни есте отъ міра сего изыти, рекше оумрети. Нынѣ же писахъ вамъ, съ таковымъ ни пити, ни ясти, не въ законъ, но въ упой и быша пьяни, і восташа іграти,—и того дни погибе ихъ 620 за свое не истовое пьянство.« Того ради не подобаетъ крестьяномъ игръ бѣсовскихъ играти, еже есть плясанье, гуденье, пѣсни мирьскія, и жертвы идольскія; еже молять ся огневѣ подъ овиномъ, и Виламъ, и Мокоши, и Симу, и Рьглу, и Перуну, и Роду и Рожаницѣ, и всѣмъ тѣмъ,

(¹) Берущимъ лихву, проценты.

(²) Обмѣривающимъ при продажѣ вина или мѣшающимъ вино съ водою.

иже сутъ тѣмъ подобни (¹). Се же оученіе намъ вписася въ конецъ вѣка. Да не во лжи будемъ рекли, крещающеся, отрицаемся сотоны и всѣхъ дѣлъ его и всѣхъ ангелъ его, и всего студа его, да обѣщахомся Христови. Да аще ся обѣщахомъ Христови; то чему ему не служимъ, но бѣсомъ служимъ, и вся угодья имъ творимъ на пагубу душамъ своимъ. Не тако же зло творимъ просто, но и мѣшаемъ нѣкія чистыя молитвы со проклятымъ моленьемъ идольскимъ, иже ставять лише кутья ины трапезы, законнаго обѣда, иже нарицается беззаконная трапеза, мѣнимая *(приносимая)* Роду и Рожаницамъ и въ прогнѣванье Богу. Самъ бо Господь речеть: не всякъ внидеть во царствіе мое, рекъ ми—Господи, Господи, но творяй волю отца моего" (²). Павелъ рече: видѣхъ облакъ кровавъ распростертъ надъ всѣмъ міромъ и вопросихъ, глаголя: Господи, что се есть? И рече ми: се есть молитва человѣческая, смѣшена съ безаконьемъ; того ради Господь речетъ: „не можетъ рабъ работати двѣма господинома; одиного возлюбить, а другаго возненавидить. Тако и мы, братья, возненавидимъ дьяволя, а Христа возлюбимъ,— вонь бо крестихомся, вонь облекохомся; его хлѣбъ ямы и чашу его піемы; оумираемъ, здрави бываемъ о немъ. Рече: слава тебѣ о всемъ, данымъ намъ тобою, не токмо здѣ, но и въ будущемъ вѣце. Рече же Павелъ: то оубо требы

(¹) Въ другомъ спискѣ это мѣсто читается такъ: »Того ради не подобаетъ хрьстьяномъ въ пирехъ и на свадьбахъ бѣсовьскихъ игръ играти; аще ли то не бракъ наричется, нъ *(но)* идолослуженне, иже есть пляска, гудьба *(игра на музыкальныхъ инструментахъ)*, пѣсни бѣсовскыя, сопѣли, бубьни и вся жертва идольска. Иже молятся огневи, Виламъ, Мокошьи, Симу, Рьглу, Перуну, Хърсу, Роду и Рожаницамъ и всѣмъ проклятымъ богомъ ихъ.« *Ркп. Соф. библ конца XV в. № 1285.*

(²) Далѣе мѣсто взято изъ апокрифическаго сказанія: »Хожденіе апостола Павла по мукамъ.« *Пам. отречен литер. II, 43.*

кладуть страны бѣсомъ, а не Богу. Не велю же вамъ общникомъ быти бѣсомъ, и не можете бо пити чаши господня, и не можете бо причаститися трапезѣ господни, да не разгнѣваемъ Бога. Аще кто повѣсть вамъ, яко се требно (*жертвенное*) куміромъ, не ядите того; аще ль пьете, или ясте, то все въ славу Богу творите: господня бо земля и конци ея.... Братія, не велю же вамъ не вѣдати бесѣды сія, но инѣмъ будите на пользу хотящимъ спастися. Истерьгнитеся отъ сѣти дьяволя. Да пріидемъ къ пречистому свѣту Господа нашего Іисуса Христа. Беззаконнымъ непокоривымъ, противящимся здравому ученью, нечестивымъ, хулящимъ отца и матерь, славы божія не наслѣдовати.

(*Лѣтоп. литер. Тихонравова. IV, 93*).

21. Изъ слова, приписываемаго Златоусту до 1400 г. (¹).

Горе вамъ, вожевѣ слѣпии: ни сами въходите, но и хотящимъ внити не даете. Человѣчи забывше страха божия небрежениемь и крѣщения отвѣргошася, и приступиша къ идоломъ, и начаша жрети молнии и грому, и солнцю и лунѣ. А друзии Перену, Хурсу, Виламъ и Мокоши, Упиремъ и Берегынямъ, ихже нарицають три—9 сестриниць; а инии въ Сварожитца вѣрують, и въ Артемиду, имже невеглаши (*невѣжи*) человѣчи молятся, и куры имъ режуть. О убогая курята! оже не на честь святымъ породишася, ни на

честь вѣрнымъ человѣкомъ; но на жертву идоломъ режються,—и то *блутивше* сами ядять, и инѣми въ водахъ потопляеми суть. А друзии къ кладязѣмъ приходяще моляться, и въ воду мечють велеару (*сатанѣ*) жертву приносяще. А друзии огнѣви и камению и рѣкамъ, и источникомъ, и Берегынямъ, и въ дрова; не токмо же преже в поганьствѣ (¹), но мнози и нынѣ то творятъ; а крестьяны ся наричающе, мосты и просвѣты, и бдѣлники, и чересъ огнь скачють, мнящеся (*кажутся*) крестьяны, а поганьская дѣла творять; навѣмъ мовь творять (*окликають мертвыхъ*) и попелъ посреде сыплють, и проповедающе мясо и молоко, и масла и яица, и вся потребная бесомъ; и на пець й льюще въ бани, мытися имъ велятъ. Чехолъ и убрусъ (*платокъ*) вѣщающе въ молвици, (*въ мовници, т. е. въ банѣ*). Беси же злоумию ихъ смѣющеся пороприщются (*пройдутся*) в пепелу томь, и следъ свои показують, на прелщение имъ; они же видѣвше то отходять, поведающе другъ другу, и то все проповѣданье сами ядять и пиють, ихже не достоитъ ни псомъ ясти. О злая дияволя прельсть, иже ни погани того не творять! А друзия вѣрують въ Стрибога, Дажьбога (²), и Переплута, иже вѣртячеся ему пиють въ розѣхъ, забывше Бога, створившаго небо и землю, моря и реки и источникы,—и тако веселящеся о идолѣхъ своихъ.... Словомь бо и слытьемъ (*слывутъ*) мнози суть крестьяни, а образомь мало ихъ; образомь же аки и ученики христовы, а деломъ предатели; словѣсемь богобоязниви, а деломь нечестиви; словѣсемь милосерди, а образомь

¹) Полное заглавіе памятника слѣдующее: «Слово св. отца нашего І. Златоустаго, архіеп. Констянтина града, о томь, како пьрвое погании вѣровали въ идолы, и требы имъ клали, и имена имъ нарекали, яже и нынѣ мнози тако творять и въ крестьяньстве суще; а не вѣдають, что есть крестьяньство.» *Изъ Златой Чепи.*

(¹) Въ Златой Чепи XIV в. упоминается о вѣрѣ народа въ домоваго или «бѣса хоморожителя.» *Очерки древн. Буслаева. II, 125. Опис. Рум. Муз. Востокова 552.*

(²) Стрибогъ и Дажьбогъ упоминаются въ *Сл. о Пол. Игор.*

Елини (*язычники*); нарономъ (*по названью, нареченью*) крестьяни, а деломь страньници: съсмѣсишабося съ странами и навыкоша дѣла ихъ. По истинѣ въ насъ ся сконца пророчество: каци бо суть крестьяни, а послушающе кощюнъ елинскыхъ и басиии жидовьскихъ, и рождество (*рожаницу*) и почитании звездъныхъ, и птица гласа (1), и чаровѣ, и волхвования, и заскопия деннии, и лѣтъ и сновъ, и надъ источникы свѣща вжагающа, и кумирьскую жертву ядять, и кровь и удавленину, и звѣремъ уядено, и птицами угнѣтено. Многа ина подобная симъ: како крестьяни нарещися имуть, а сице творяще? Кимьли (*какимъ*) дьрзновениемь смѣють наричатися крестьяни? Како ли смѣють къ святымъ таинамъ прити? а горше суще Елинъ. Послушаите бо паки: каци (*какіе*) убо крестьяни, а поганыхъ образъ носяще и прокужающе (*намазывающе, надѣвающе маску*) лице, или утварь (*нарядъ*) женьскую на мужехъ ся творяще? И нѣсть имъ никоея же пользы наричатися крестьяномъ.... Разумѣите же вси възлюбльнии, яко малыми словесы всѣхъ сихъ отвѣргохомся глаголюще: »Отмѣтаемся сотоны и всѣхъ дѣлъ его,« и рече же при всѣхъ да помышли, что всѣхъ дѣлъ его да блюди и помышли кому ся обеща? ни ангелу земному, ни царю, ни князю вѣка сего; но царю царствующимъ, и князю князьствующимъ,— тому же ся и обеща и исповеда предъ многыми послухы, да уже в руку его ты и словеса твоя. Или к тому жди его приходяща съ небеси ждеши его? несущая написаныя книгы твоя, имже почестися есть предъ ангелы и человѣкы. Тѣмже, брате, сохранися, поне нынѣ отъ поганыхъ странъ писания.... Мнози учители изгыбели, и еще умножитися имуть.

(*Лѣтопис. литерат. Тихонравова. IV, стр. 105 — 110 въ концѣ*).

22 Тоже слово измѣненное.

Слышите убо: мнози суть слытьемъ (*на словахъ*) крестьяни, а обычаемъ и делы аки погани невѣрнии; навыкоша бо елиньскы дѣяти. О насъ бо сконцася пророчество: како есте вѣрнии, обыкше кощюны и елиньскыя басни жидовьскыя, и у родословья (*рожаницы?*) и глумление на улицахъ, и на беседахъ рада, (*родъ?*), чары же и волхвование, и снове и кровиядение и давленины, инна неподобная многа дѣюще. Како крестьяни есте, аще си творите, и како святыя таины смѣете приниматн, а горша будуще Елинъ? Навыкосте бо поганьскоя дѣла творити: плясание, плескание руку сотонину, пѣсни, пияньство, блудня, гнѣвъ, зависть и иная же, нѣсть аже ни глаголати ихъ здѣ. Творяи бо сия, како крестьяни есте, а горее невѣрныхъ?..... Многи бо вѣрнии творятся, а не вѣдають что есть крестьянство, како есть въ вѣрѣ и въ законѣ взаконено. Не вижю убо не уныя токмо неистовы что и неразумны, но и старыя, о нихъ же вельми тужю, егда на бесѣдахъ и на улицахъ града вижю мужа отъ сединъ честна, а злая и неподобная вѣстующа (*разсказывающаго*), или на позоры или въ миръ дѣти съ собою влекуща. О вернии, како ся на погыбель деете! скверно бо се и зло. Отець свои чада ведеть на зло дѣло. А крестьяномъ бы подобно закону божию своя дѣти учити, а не пагубѣ. Аще же кто въспросить бесъстудныхъ (*безсовѣстныхъ*) тѣхъ старечь, како пророчи и апостоли положили, и колико апо-

(1) Т. е. гадаютъ и дѣлаютъ предсказанія по крику птицъ. Доселѣ еще сохранилось много примѣтъ: если ворона кричитъ—дождь будетъ, воронъ каркаетъ — къ покойнику или другому несчастью и т. п.

столъ и пророкъ,—не вѣдять убо и не умѣють о томъ что рещи. Аще ли о конехъ или о птичахъ, или о иномъ о чемь; то философи, хитреци. Еще же и се глаголють: въ глумлении (*весельи*, *смѣхѣ*) нѣ грѣха. О человѣче, далъ ти Богъ пожити время, да ему угодиши и волю его створиши и правду дѣяи; а ты же на пияньство, и на блудню, и на вся злая вдався..... Аще здѣ учение слово продолжать, то мнози (*въ церкви*) аки у некоего зла с нужею предъстоять; або будеть на беседѣ града, или на улици, или на игрищи,—то ту пребудете и дале. А будеть пити, то и нощи не спать, пагубная дѣяи Како вы крестьяни есте, а се творяще, а горее поганыхъ? Сотонино бо замышление, тои бо и позоры научилъ есть, смѣхотворца, и кощюньники, и игрьца, да тыхъ злыми дѣлы и зрящая ихъ погубить. Како бо позорующая не тоеже ли творять. Аще пустошникъ ([1]) глумяся что изорчеть, тогда сии боле насмѣються, егоже бы деля злословнаго кощюньника биюще отгнати. Но сии зряще чюдятся, ти учаться злу, друзии же мзды игречемъ дають ([2]). Да темъ болии огнь на свою главу вжагають. Но аще бы ни зрели, ни дивилися имъ; то оставили бы тѣі пустования. Но не токмо дивятся зряще, но и словеси ихъ извыкли. Да егда зберутся в пиру или инде гдѣ, то подобно бы крестьяномъ глаголати было о пророчьстве, о учении святыхъ, то сии в того мѣсто вѣщають,—се глаголють: онсии скоморохъ, или онъ игречо. Да тѣмь многы собе пути готовять, вѣдущѣ в муку вѣчную. Се бо нѣсть крестьянско, аще игръ и бесѣды дѣемъ, и кощюны и злы грѣхы, смѣхы и блудъ творимъ, а неправды не останемся и прочихъ злобъ. Но се есть тѣхъ дѣло, иже диаволи суть угодники, имже нѣсть чаяния жизни; но с бесы осужени будуть в неугашимыи огнь...

(*Лѣтоп. литер. Тихонравова, IV. стр. 110—112*).

([1]) Пустой человѣкъ. Здѣсь преслѣдуются позоры или зрѣлища скомороховъ, которые были игрецами — актерами и гудцами — музыкантами, веселыми пѣсенниками и разсказчиками, смѣхотворцами.

([2]) Временникъ, кн. XX.

23. Слово св. отца Моисея о ротахъ и о клятвахъ ок. 1400 г.

Пророкъ глаголеть: яко того ради затворися небо—не пустити дождя на землю, зане кленуться человѣци Богомъ и его святыми, и другъ друга догоняеть клятвы, и св. церковь, невѣсту христову, ротою (*клятвою*) скверняще; приходяще закалають Сына предъ Матерью, слуги же тоя матерь рожсшагося по духу брата своего св. крещеньемъ, пьютъ кровь заколенаго Сына Матере тоя. И того раги вся силы небесныя трепещють со страхомъ, зане же не велить Господь Богъ догонити (*доходить*) до клятвы и роты. По истинѣ бо Спасъ нашъ Христосъ рече: человѣци си токмо ротою кя знають; сего ради съ небесѣ съходяще серпъ огненъ пророкъ Захарья видѣ идущь на землю, в долготу 30 локотъ, а в ширину 9 локотъ; и о семъ молящеся Богу, да проявить ему. И сниде к нему гласъ глаголющь: се есть серпъ гнѣвъ божий, исходящьи на тѣхъ, иже ся на кривѣ ротятъ ([1]), да поженеть я, и ихъ огню негасимому предасть. Семуже другая вина подобна тому—жертву приносять бѣсомъ, недуги (*болѣзни*) лѣчать чарами, и наузы, немощнаго бѣса, глаголемаго трясцю (*лихорадку*) мняться прогоняюще нѣкими ложными писмяны про-

([1]) Криво, ложно клянутся.

клятыхъ бѣсовъ еленьскихъ ([1]); пиша имяна на яблоцѣхъ, покладаютъ на святѣй трапезѣ в годъ люторгѣгрѣи (*во время литургіи, службы*), и тогда ужаснуться со страхомъ ангельская воиньства. И того ради разъгнѣвленъ Господь Богъ, не пущаетъ дождя на землю, овогда же пожаромъ, и ратми (*войнами*) частыми, и прочими бѣдами многими казни намъ посылаетъ,—да мы предстанемъ отъ злобъ, и на покаянье обратимься; но мы одинако пребываемъ, не останущеся грѣхъ, яко велми претить Господь святыми своими и не велить чарамъ недухъ лѣчити, и ни наузы, ни бѣсъ искати, ни въ стрѣчю вѣровати, ни в ловы идуще, или на куплю отходящи, или отъ князя милости хотяще сихъ искати ([2]). Аще ли кто отъ хрестьянъ волъхвуя и кобленья (*чародѣянія*) творяще, горше поганыхъ (*язычниковъ*) осудяться таковии, аще покаянья о томъ не приимуть, ни остануться.

(*Изв. Акад. Н. X. стр. 703—704*).

24. О идолахъ рускихъ.

Здѣ нѣчто скажемъ о богахъ рускихъ, не яко достойни суть воспоминанія, но да увидимъ, каковою слѣпотою тогда діаволъ помрачилъ бяше человѣки и въ таковое безуміе приведе, яко не токмо не знаху истиннаго Бога, но еще приведе ихъ въ се, яко худымъ и бездушнымъ вещемъ и стихіямъ богоподобную честь воздаваху. Во 1, *Перконосъ*, си есть Перунъ, бяше у нихъ старѣйшый богъ, созданъ на

([1]) Здѣсь не мѣшаетъ вспомнить ложное сказаніе о св. Сисиніѣ и о 12 трясавицахъ. *I. Екзархъ Болгарск. Калайдовича*. стр. 240.

([2]) Т. е. заговоры, когда идетъ кто на охоту, на торгъ или въ судъ къ князю.

подобіе человѣче, ему же въ рукахъ бяше камень многоцѣнный аки огнь, ему же яко Богу жертву приношаху и огнь неугаюсающій зъ дубового древія непрестанно паляху; аще ли бы случилося за нерадѣніемъ служащаго іерея когда сему огню угаснути, таковаго іерея безъ всякаго извѣта (*пощады*) и милости убиваху. 2, *Волосъ*, богъ скотій, бяше у нихъ во великой чести. 3, *Позвиздъ*, Ляхи его нарицаху Похвистъ, сего вѣрили быти бога аеру, си есть воздуху, а иныя погоды и непогоды, иныи его вихромъ нарицаху, и сему Позвизду, или вихру, яко богу кланяющеся моляхуся. 4, *Ладо* (си есть Pluton), богъ пекельный (*адскій*); сего вѣрили быти богомъ женитвы, веселія, утѣшенія и всякаго благополучія, якоже Еллины Бахуса; сему жертвы приношаху хотящіи женитися, дабы его помощію бракъ добрый и любовный былъ, сего *Ладона*, бѣса, по нѣкакихъ странахъ, и донынѣ на крестинахъ и на брацѣхъ величаютъ, поюще своя нѣкія пѣсни, и руками о руки или о столъ плещуще—*Ладо*, *Ладо*, преплетающе пѣсни своя, многажды поминаютъ. 5, *Купало*, якоже мню, бяше богъ обилія, якоже у Елинъ Цересъ (*Церера*), ему же безумныи за обиліе благодареніе приношаху въ то время, егда имяше настати жатва. Сему Купалу, бѣсу, еще и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память совершаютъ, наченше іюня 23 дня, въ навечеріе рождества Іоанна Предтечи, даже до жатвы и далѣй, сицевымъ образомъ: съ вечера собираются простая чадь, обоего полу, и соплетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядомого зелія (*травы*), или коренія, и препоясавшеся быліемъ возгнѣтаютъ огнь, индѣ же поставляютъ зеленую вѣтвь, и емшеся за руцѣ около обращаются окрестъ оного огня, поюще своя пѣсни, преплетающе Купаломъ; потомъ чрезъ оный огнь прескакаютъ, оному бѣсу жертву себе приносяще. 6, *Коляда*, ему же празд-

никъ прескверный бяше дек. 24. Сего ради и нынѣ, аще и благодать Христовымъ Рождествомъ осія насъ и идолы погибоша, но единоче (*однако*) діаволъ еще и доселѣ во безумныхъ память свою удержа: сему бѣсу въ память простая чадь сходятся въ навечеріе Рождества Христова, и поютъ пѣсни нѣкія, въ нихъ же аще и о Рождествѣ Христовомъ поминаютъ, но боліе Коляду бѣса величаютъ. И негодѣ бысть безумнымъ людемъ сихъ боговъ: не довѣряху бо имъ, ниже смѣяху положити на нихъ совершенную надежду, и въ лѣпоту не бысть бо на кого уповати; но имѣяху еще и болѣй боговъ, си есть: ***Хорса***, ***Дажбога***, ***Стрибога***, ***Семаргла***, ***Мокоша***, иныи же кладяземъ, езеромъ, рощеніямъ жертвы приношаху. Отъ сихъ единому нѣкоему богу на жертву людей топяху, ему же и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память творятъ: во день пресвѣтлого Воскресенія Христова, собравшеся юніи и играюще, вметаютъ человѣка въ воду, и бываетъ иногда дѣйствомъ тыхъ боговъ, си есть бѣсовъ, яко вометаемыи въ воду, или о древо, или о камень, въ водѣ разбиваются и умираютъ, или утопаютъ; по иныхъ же странахъ не вкидаютъ въ воду, но токмо водою обливаютъ, но единаче тому же бѣсу жертву сотворяютъ.

(Пол. Собр. Лѣт. II, 256—257).

Этотъ отрывокъ заимствованъ изъ Густынской лѣтописи, которая такъ названа по монастырю, которому принадлежала рукопись. Эта лѣтопись составлена въ 1670 г. на основаніи польскихъ хроникъ Стрыйковскаго, Кромера и другихъ. Въ нее занесены позднѣйшіе взгляды и разные не вѣроятные разсказы о дивныхъ явленіяхъ. По всему этому Густынская лѣтопись болѣе другихъ нуждается въ строгой критикѣ.

Кромѣ указанныхъ памятниковъ, о языческихъ обычаяхъ и вѣрованіяхъ можно еще читать въ слѣд. статьяхъ этой христоматіи: *въ Церковн. Уставѣ* св. Владиміра преслѣдуются умычка и обычай кравить сыръ про дѣвку; а *въ Уставѣ Ярослава*—игрища. *Лука Жидята* и *м-тъ Іоаннъ* (до 1089 г.) вооружаются противъ скверноядения и срамословія; послѣдній говоритъ, что ядятъ удавленину и не зарѣзанную дичь и кровь, не соблюдаютъ постовъ, живутъ безъ вѣнчанія, имѣютъ по двѣ жены, вѣрятъ волхвамъ и чародѣямъ, приносятъ жертвы болотамъ и колодезямъ, ходятъ на игры и т. п. Въ ***Вопросахъ Кирика*** читаемъ о жертвоприношеніяхъ богамъ языческимъ, о приносахъ больныхъ дѣтей къ волхвамъ для излѣченія. ***Хожд. Богородицы по мукамъ*** говоритъ о поклоненіи Хорсу и другимъ языч. богамъ. Въ поученіи ***Кирилла Туровскаго*** есть выраженіе, что не нарекутся уже богомъ стихіи, кончилось идолослуженіе и закаланія младенцевъ бѣсамъ. Относительно жертвоприношенія водяному божеству, можно напомнить былину о Садкѣ богатомъ и замѣтки въ Рус. Бесѣдѣ, какъ пчеловоды ***топили перваго роя***, совершая жертву водяному на богатство дому и на удачный разводъ пчелы *(1860, I. 1, 82. См. Густынс. л. 257).* ***М-тъ Кириллъ*** (1274) вооружался противъ позоровъ бѣсовскихъ — свистанія, воплей, кулачной борьбы и убійства. ***Въ словѣ о мытарствахъ*** упоминается о игрищахъ, наузахъ, чародѣйствѣ, вѣрѣ во встрѣчу, въ птичій грай и ворожбу, сказываніи басенъ, игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ. См. также ***Вопросы І. Богослова и легенду о Февроніи Муромской.***

25. Идолище поганое.

Пріѣжалъ идблище поганое въ стольно-Кіевъ градъ,
Со грозою, со страхомъ со великіимъ
Ко тому ко князю ко Владиміру,
И становился онъ на княженецкій дворъ,
Посылалъ посла ко князю Владиміру,
Чтобы князь Владиміръ стольно-кіевскій
Ладилъ бы онъ ему поединщика,
Супротивъ его силушки супротивника...
Тутъ Владиміръ князь ужахнулся,
Пріужахнулся, да и закручинился.
Говоритъ Илья таковы слова:
«Не кручинься, Владиміръ, не печалуйся:
«На бою мнѣ-ка смерть не написана,
«Поѣду я въ раздольице чистó поле
И убью-то я идблища поганаго.»
Обулъ Илья лапотики шелкóвые,
Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку надѣлъ шляпку земли греческой
И пошелъ онъ ко идолищу ко поганому.
И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:
Не взялъ съ собой палицы булатнія
И не взялъ онъ съ собой сабли вострыя,
Идетъ-то дорожкой—пораздумался:
«Хоть иду-то я къ идолищу поганому,
«Ежели будетъ не пора мнѣ-ка, не времячко,
«И съ чѣмъ мнѣ съ идолищемъ будетъ поправиться?»
На ту пору на то времячко
Идетъ ему въ стрѣчу каличище Иванище,

Несетъ на рукахъ клюху девяноста пудъ.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«Ай же ты, каличище Иванище!
«Уступи-тко мнѣ клюхи на времячко,—
«Сходить мнѣ къ идолищу къ поганому?»
Не даетъ ему каличище Иванище,
Не даетъ ему клюхи своей богатырской.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«Ай же ты каличище Иванище!
«Сдѣлаемъ мы бой рукопашечный:
«Мнѣ на бою вѣдь смерть не написана,
«Я тебя убью, мнѣ клюха и достанется.»
Разсердился каличище Иванище,
Здынулъ эту клюху выше головы,
Спустилъ онъ клюху во сыру землю,
Пошелъ каличище—завбрыдалъ.
Илья Муромецъ едва досталъ клюху изъ сырой земли.
И пришелъ онъ во палату бѣлокаменну
Ко этому идолищу поганому,
Пришелъ къ нему и проздравствовалъ.
Говорилъ ему идолище поганое:
«Ай же ты калика перехожая!
«Какъ великъ у васъ богатырь Илья Муромецъ?»
Говоритъ ему Илья таковы слова:
«Толь великъ Илья, какъ и я,»
Говоритъ ему идолище поганое:
«По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣстъ,
«По многу ли Илья вашъ пива пьетъ?»
Говоритъ Илья таковы слова:
«По стольку ѣстъ Илья, какъ и я,
«По стольку пьетъ Илья, какъ и я.»
Говоритъ ему идолище поганое:
«Экой вашъ богатырь Илья:
«Я вотъ по семи ведръ пива пью,
«По семи пудъ хлѣба кушаю.»
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьянинъ,
«У него была корова ѣдучая:
«Она много пила и ѣла, и лопнула.»
Это идолищу не слюбилося:
Схватилъ свое кинжалище булатное
И махнулъ онъ въ калику перехожую
Со всея со силушки великія.
И пристранился Илья Муромецъ въ сторонушку малешенько,
Пролетѣлъ его мимо-то булатній ножъ,
Пролетѣлъ онъ на воиную сторону съ простѣночкомъ.
У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,
Схватилъ съ головушки шляпку земли греческой,
И ляпнулъ онъ въ идолище поганое,
И разсѣкъ онъ идолище на полы.

(Пѣсни Рыбникова. I, 85—87).

26. Добрыня Никитичъ.

Доселѣва Рязань она селомъ слыла,
А нынѣ Рязань слыветъ городомъ.
А жилъ въ Рязани тутъ богатый гость,
А гостя-то звали Никитою;
Живучи-то Никита состарѣлся, преставился.
Послѣ вѣку его долгаго
Оставались житье—бытье, богатество,
Осталась его матера жена
Амелфа Тимофеевна,
Осталось чадо милое
Добрынюшка Никитичъ младъ.
А и будетъ Добрыня семи годовъ,
Присадила его матушка грамотѣ учиться
А грамота Никитичу въ наукѣ пошла.
Присадила его матушка перомъ писать.
А будетъ Добрынюшка въ 12 лѣтъ,
Изволилъ Добрыня погулять молодецъ
Со своею дружиною хороброю,
Во тѣ жары во петровскіе;
Просился Добрыня у матушки:
«Пусти меня матушка купатися,
Купатися на Израй-рѣку.»
Она вдова многоразумная,
Добрынѣ матушка наказывала,
Тихонько ему благословенье даетъ:
«Гой еси ты, чадо милое,
А и Добрыня Никитичъ младъ!
Пойдешь ты Добрыня на Израй-рѣку,
На Израѣ-рѣкѣ станешь купатися,—
Израй рѣка она быстрая (¹),
А быстрая она сердитая:
Не плавай, Добрыня, за перву струю,
Не плавай ты, Никитичъ, за другу струю.»
Добрыня-то матушки не слушался:
Надѣлъ на себя шляпу земли греческой,
Надъ собой онъ невзгоды не вѣдаетъ,
Пришелъ онъ на Израй на рѣку,
Говорилъ онъ дружинушкѣ хоробрыя:
«А и гой еси вы, молодцы удалые!
Не мнѣ вода грѣть, не тѣшити ее (²).»
А всѣ молодцы разболокалися (³)
И тутъ Добрыня Никитичъ младъ.
Никто молодцы не смѣетъ, никто нейдетъ,—
А Добрынюшка Никитичъ младъ,
Перекрестясь въ Израй-рѣку пошелъ.

(¹) Въ другихъ спискахъ рѣка называется или *Сафатъ-рѣкой* или *Пучай-рѣкой*, и все это мѣсто читается такъ:

Добрынюшкѣ матушка говорила:
«Что молодъ началъ ѣздить во чисто поле,
На тую гору Сорочинскую,
Топтать-то молодыхъ змѣенышей,
Выручать-то полоновъ русскіихъ.
Не купайсь, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ,
Пучай-рѣка есть свирѣпая:
Середня струйка, какъ огонь, сѣчетъ.»

(²) Т. е. не мнѣ первому идти въ воду.
(³) Разоблачались, раздѣвались.

А поплылъ Добрынюшка за перву струю:
А двѣ-то струи самъ переплылъ,
А третья струя подхватила молодца,
Унесла во пещеры бѣлокаменны;
Ни отколь взялся тутъ лютый звѣрь,
Налетѣлъ на Добрынюшку Никитича,
А самъ-то говоритъ Горынчище,
А самъ онъ змѣй приговариваеть:
«А стары люди пророчили,
Что быть змѣю убитому
Отъ молодца Добрыни Никитича,
А нынѣ Добрыня у меня самъ въ рукахъ.»
Взмолился Добрыня Никитичъ младъ:
«А и гой еси, змѣище Горынчище!
Не честь хвала молодецкая—
На нагое тѣло напущаешься!»
И тутъ змѣй Горынчище
Мимо его пролетѣлъ.
А стали его ноги рѣзвыя,
А молода Добрынюшки Никитьевича,
А грабится онъ ко желту песку,
А выбѣжалъ добрый молодецъ,
Нагребъ онъ шляпу песку желтаго;
Налетѣлъ на его змѣй Горынчище,
Хочетъ Добрыню огнемъ спалить,
Огнемъ спалитъ, хоботомъ ушибить:
На то-то Добрынюшка не робокъ былъ,
Бросаетъ шляпу земли греческой
Со тѣми пески жолтыми
Ко лютому змѣю Горынчищу:
Глаза запорошилъ и два хобота ушибъ.
Упалъ змѣй Горынчище
Во ту во матушку во Израй-рѣку...
Когда ли змѣй исправляется!
Въ то время и во тотъ же часъ
Схваталъ Добрыня дубину, тутъ убилъ до смерти,
А вытащилъ змѣя на берегъ,
Его повѣсилъ на осину на согнутую;
«Сушися ты, змѣй Горынчище,
На той-то осинѣ на согнутой!»
А и поплылъ Добрынюшка
По славной матушкѣ по Израй-рѣкѣ,
А заплылъ въ пещеры бѣлокаменны,
Гдѣ жилъ змѣй Горынчище,
Засталъ въ гнѣздѣ его малыхъ дѣтушекъ,
А всѣхъ прибилъ, пополамъ перервалъ;
Нашелъ въ пещарахъ бѣлокаменныхъ
У лютаго змѣища Горынчища
Нашелъ онъ много злата серебра,
Нашелъ онъ въ палатахъ у змѣища
Свою онъ любимую тетушку,
Тоя-то Марью Дивовну,—
Выводитъ изъ пещеры бѣлокаменны,
И собралъ злата—серебра,
Пошелъ къ матушкѣ родимыя своей:
А матушка дома не годилася (¹),
Сидитъ у князя Владиміра;
Пришелъ-де онъ во хоромы свои,
И спряталъ онъ свою тетушку,

(¹) Не случилась, отъ сл. *годъ*, время.

И пошелъ ко князю явитися.
Владиміръ князь запечалился,
Сидитъ онъ, ничего свѣту не видитъ.
Пришелъ Добрынюшка
Къ великому князю Владиміру,
Онъ Спасову образу молится,
Владиміру князю поклоняется.
Скочилъ Владиміръ на рѣзвы ноги,
Хватя Добрынюшку Никитича,
Цѣловалъ его во уста сахарныя;
Бросилася его матушка родимая,
Схватала Добрыню за бѣлы руки,
Цѣловала его во уста сахарныя,—
И тутъ съ Добрынею разговоръ пошелъ,
А стали у Добрыни выспрашивати:
А гдѣ побывалъ, гдѣ ночевалъ?
Говоритъ Добрыня таково слово:
«Ты гой еси, мой сударь дядюшка (¹),
Князь Владимеръ солнце кіевско!
А былъ я въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
У лютаго змѣища Горынчища,
А всю породу змѣиную я убилъ
И дѣтей всѣхъ погубилъ,
Родимую тетушку повыручилъ.»
А скоро послы побѣжали по ее,
Ведутъ родимую его тетушку,
Повели ко князю во свѣтлу гридню.
Владиміръ князь свѣтелъ, радошенъ,—
Пошла-то у нихъ пиръ-радость великая,
А для ради Добрынюшки Никитича,
А для другой сестрицы родимыя—Марьи Дивовны.

(*Древ. рос. стих.* 345—351).

Въ формѣ уродливыхъ великановъ и животныхъ Русскіе представляли не рѣдко враждебные народы (*Очерки Буслаева. II*, 27).

Былевой богатырскій кругъ распадается у насъ на двѣ рѣзко-различающіяся между собою ступени. Къ первой принадлежатъ богатыри—старшіе. *Они еще очень походятъ на существа сверхъестественныя; нѣкоторые изъ нихъ надѣлены, между прочимъ, способностію обращаться въ животныхъ (оборотни); силы этихъ богатырей до того чрезмѣрны, что не рѣдко становятся имъ самимъ въ тягость. Эти богатыри (первоначально боги), соотвѣтственно греческимъ титанамъ, отличаются силами исполинскими и часто разрушительными. Вторую ступень занимаютъ такіе богатыри, которые уже ближе къ людямъ и не мѣняютъ никогда человѣческаго образа; силы еще и у нихъ громадны, но уже въ меньшей степени, и служатъ имъ въ прокъ, употребляются ими по большой части съ благою человѣческою цѣлью. Это—богатыри* младшіе; *собственно они-то, по народному вѣрованью, и жили во времена Владиміра, и въ пѣсняхъ объ-нихъ уже постоянно является и онъ самъ.*

(¹) Добрыня былъ дядей Владиміра, а не на оборотъ.

Такимъ образомъ въ богатырскій ихъ кругъ входитъ уже непремѣннымъ членомъ лицо историческое и тутъ, какъ и вездѣ въ народной поэзіи, одна ступень развитія не разграничивается рѣзко съ другою, а онѣ заходятъ одна въ другую, какъ звенья въ цѣпи.

Богатыри постоянно представляются въ борьбѣ съ разными немирными существами. Борьба—ихъ домъ; иному и не хочется, да надобно—не переводятся въ конецъ злыя чудища, Соловьи-разбойники, да Тугарины Зміевичи, жигучи они, окаянные, и налетаютъ бѣдою на Русскую землю. Чудища эти, сперва имѣвшія миѳическое значеніе, впослѣдствіи стали обозначать и враговъ Руси: Добрыня выводитъ изъ пещеры змѣя Горынича полоны русскіе. Налетали на землю Русскую то Печенѣги, то Половцы: богатыри были необходимы и борьба неизбѣжна. Такъ миѳъ съ теченіемъ времени затемнялся все болѣе и болѣе очеловѣчиваясь; самыя чудища, получая значеніе историческихъ враговъ Русской земли, какъ бы вступали въ человѣческій кругъ, иной же разъ замѣнялись прямо человѣческими образами разбойниковъ, воинской силы и т. п. Съ принятіемъ христіанства завязалась борьба его съ язычествомъ,—и эту борьбу не упустила изъ виду былина объ идолищѣ поганомъ. Этимъ именемъ, придуманнымъ, очевидно, уже въ христіанскія времена, для презрительнаго обозначенія имъ враждебнаго языческаго начала,—этимъ именемъ только прикрывается древнѣйшее, миѳически чудовищное значеніе этого существа, въ сущности тожественное съ Соловьемъ-разбойникомъ и т. п. Это та же первоначально физически темная сила, которая нападала на ясное солнышко, и только позже стала, въ качествѣ собирательнаго лица со бытовымъ значеніемъ, нападать на солнце Русской земли—св. Владиміра. Такимъ образомъ борьба богатырей въ былинахъ ведется и съ внѣшними врагами и съ внутренними—язычниками и разбойниками, которые при Владимірѣ были одно и тоже: не желая новыхъ христіанскихъ порядковъ, становились открытыми врагами государственными—разбойниками. Но особенно замѣчательны двѣ былины, когда Илья Муромецъ спасаетъ отъ идолища не Русскую землю, а Царьградъ, средоточіе православнаго христіанства (Опытъ историч. обозр. рус. словесн. О. Ѳ. Миллера. Спб. 1866. стр. 203—228).

См. Русскій богатырскій эпосъ. *Ѳ. Ив. Буслаева.* Рус. Вѣстн. 1862 г. № 3. 9. 10.

27. а, Намекъ на жертвоприношеніе.

Уродилаеь Коляда
На канунѣ Рождества
За рѣкою за быстрою.
Въ тѣхъ мѣстахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе (1),
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя,
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни каледушки,
Въ серединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ,
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ:
Хотятъ козла зарѣзати.

б, Изъ стиха о страшномъ судѣ.

Вступилась расплакалась
Матушка сыра земля
Передъ Господомъ Богомъ:
«Тяжелъ то мнѣ, тяжелъ, Господи, вольный свѣтъ;
Тяжелъ много грѣшниковъ, болѣ беззаконниковъ.»
Речетъ же самъ Господь сырой землѣ:
—Потерпи же ты, матушка сыра земля!
Не придутъ ли рабы грѣшники
Къ самому Богу съ чистымъ покаяніемъ?
Ежели придутъ, прибавлю я имъ свѣту вольнаго,
Царство небесное.
Ежели не придутъ ко мнѣ къ Богу,
Убавлю я имъ свѣту вольнаго,
Прибавлю я имъ муки вѣчныя (2).

(*Ист. р. слов. С. Шевырева. I, стр. 245*)

28. Стихъ о вольной грѣшницѣ.

По морю по синему, по Хвалынскому
Тутъ ишли, пробѣгали черезъ корабли,
Во этыхъ корабляхъ св. ангели сидятъ;
На срѣчу имъ самъ Іисусъ Христосъ;
Самъ небесный царь.
Сталъ онъ въ ангелахъ выспрашивать и выспытывать:
«Св. ангели, архангели,
Гдѣ вы хаживали, гдѣ вы гуливали?»
—Самъ Іисусъ Христосъ, самъ небесный царь!

---

(1) Доселѣ въ тамбовс. губ. по селамъ въ ночь на Рождество и преимущественно во время утрени на многихъ дворахъ сгребаютъ въ кучи навозъ и солому и зажигаютъ ихъ. Это называется—*пурынь жечь*.

(2) Обратить вниманіе на олицетвореніе земли.

Мы хаживали на вольномъ на свѣту,
Много слышали, много видѣли,
Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася.
Разставши душа, сама прочь пошла
И отошедши душа, взворотилася,
Со своимъ съ бѣломъ тѣломъ попростилася:
Ты прости тѣло бѣлое мое,
Ты пойдешь, тѣло, во сыру землю,
Червамъ тѣло на источеніе,
Вы кости земли на преданіе,
А я, душа, къ самому Христу на спокаяніе.—
На стрѣчу души самъ Іисусъ Христосъ:
Почему же ты, душа, грѣхи угадываешь?
Потому я, душа, грѣхи угадываю,
Что я жила на вольномъ на свѣту,
—Середы и пятницы не пащивалась,
Великаго говленія не гавливалась,
—Заутрени, вечерни просыпывала я,
Въ воскресный день обѣдни прогуливала,
—Въ полюшкахъ душа много хаживала,
Не по праведну землю раздѣливала:
Я межку черезъ межу перекладывала,
Съ чужой нивы земли украдывала.
Во этихъ грѣхахъ Богу не каялась,
И отцу духовному не сказывала (¹),
Безкорыстный грѣхъ себѣ получивала.
—Еще душа Богу согрѣшила:
Не по праведну покосы я раздѣливала,
Вѣшку за вѣшку позатаркивала,
Чужую полосу позакашивала:
—Еще душа Богу согрѣшила:
Въ соломахъ я *заломы заламывала,*
Со всякаго хлѣба споръ отнимывала (²).
—Еще душа Богу согрѣшила:
Я въ поляхъ душа много хаживала,
Проворы (³) въ поляхъ пораскладывала,
Скотину въ поле понапущивала,
Сусѣдній хлѣбъ повыстравливала,

(¹) Эти два стиха повторяются послѣ описанія каждаго грѣха!

(²) *Заломомъ* называется особый видъ колдовства: связываютъ на корню узломъ рожь или на чью-нибудь голову, или чтобъ вынуть *спорынью* изъ хлѣба. Точно также крадутъ землю съ чужой нивы для этой послѣдней цѣли: стихъ упоминаетъ объ этой ворожбѣ выше.

(³) Отъ сл. *воръ*, *ворокъ*—загородки изъ жердей.

(⁴) Это дѣлаютъ, по суевѣрному взгляду, чтобы корова не давала молока, или чтобы молоко испортилось у ней. Вмѣсто корня употребляютъ осиновый сучокъ; а въ одномъ стихѣ такимъ образомъ говорится объ этой порчѣ:

Четвертая душа согрѣшила—
Въ чистомъ полѣ корову заклинала,
У коровки молочко отымала,
Во сырую землю выливала,
Горькую осину забивала,
Горькую осину засушила.

Калѣки, вып. 6 стр. 165.

Я добрыхъ людей оголаживала.
—Еще душа Богу согрѣшила:
Смалешеньку дитя своего проклинывала,
Во бѣлыхъ во грудяхъ его я засыпывала,
Въ утробы младенца запорчивала.
—Еще душа Богу согрѣшила:
Мужа съ женой я поразваживала,
Золотые вѣнцы поразлучивала.
—По улицамъ душа много хаживала,
По подоконью душа много слушивала,
Хоть не слышала, скажу—слышала,
Хоть не видѣла, скажу—видѣла.
—По свадьбамъ душа много хаживала,
Свадьбы звѣрьми оборачивала.
—По игрищамъ душа много хаживала,
Подъ всякія игры много плясывала,
Самаго сатану воспотѣшивала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Напилася душа зеленаго вина,
Отъ зеленаго вина душа пьяна была;
Померла эта душа безъ покаянья,
Безъ того ли безъ попа, безъ духовнаго.
Провалилася душа въ преисподій адъ,
Вѣкъ мучиться душѣ и не отмучиться
За свое великое согрѣшеніе,
За свое великое беззаконіе.

(Сборн. Якушкина 39—41 Сборникъ Варенцова 144—148).

Въ этомъ духовномъ стихѣ душа грѣшная кается въ чародѣйской силѣ, которая, разумѣется, существовала только въ воображеніи народа. Вообще по характеру самыхъ грѣховъ можно заключать, что стихъ этотъ сложился у насъ въ первые вѣка по принятіи христіанства. Плаваніе ангеловъ здѣсь сохранилось, по всей вѣроятности, отъ старины миѳической и они явились въ христіанствѣ и замѣнили какихъ—нибудь языческихъ перевозчиковъ душъ черезъ море, подобныхъ греческому Харону. Самые грѣхи суть ни больше, ни меньше, какъ обряды языческіе, которые продолжали совершать и въ христіанствѣ подъ именемъ колдовства и чародѣйства.

29. Объ историческомъ значеніи русскихъ пѣсенъ.

Устная словесность, которою не обдѣленъ рѣшительно ни одинъ народъ, у народовъ, отличающихся своей развитостью, вполнѣ историческихъ, является важною потому, что въ ней замѣчаются корни всего ихъ дальнѣйшаго нравственнаго развитія. Уже до появленія первыхъ признаковъ письменности, устная словесность успѣваетъ прожить не одинъ весьма дол-

гій періодъ... Устная поэзія неподвижна только въ сравненіи съ тою быстротою движенія, какою отличается вполнѣ развитая литература. Вслѣдствіе такой быстроты, идеи и идеалы, увлекавшіе одно поколѣніе, могутъ уже оставлять равнодушными людей поколѣнія слѣдующаго. При такой быстротѣ періоды такъ и смѣняютъ другъ друга; они срокомъ своимъ коротки, и въ тоже самое время обширны по содержанію. Напротивъ того, при той не значительной, едва замѣтной степени подвижности, какая однако же ощущается и въ устной словесности, періоды длятся цѣлыми вѣками, и въ тоже самое время содержаніе ихъ весьма ограничено. Тѣмъ не менѣе цѣлые періоды и словесностью устною—не столько *переживаются*, сколько такъ сказать *проживаются*. Другими словами: старое изъ устной словесности вполнѣ никогда не уходитъ, хотя это и не мѣшаетъ мало по малу входить въ нее новому.

При такой, такъ сказать, *живучести старины* въ народной словесности, въ ней до сихъ поръ уцѣлѣли остатки даже самой отдаленной поры *миѳической*. Уцѣлѣвъ подъ позднѣйшею христіанскою оболочкой, они могутъ быть выдвинуты изъ подъ нея, соединены, сопоставлены, и изъ нихъ можетъ снова сложиться передъ нами нѣчто цѣлое...

Первою по времени формою народной поэзіи является пѣсня *миѳическо-обрядовая*. Только позже отдѣляется отъ обряда миѳическое повѣствованіе, и возникаютъ различные виды уже собственно *эпоса*—сказка, загадка и т. п. Первоначально же смутные зародыши и лирики, и эпоса, и драмы сливались въ служеніи одной цѣли—спасительно-дѣйствующему *обряду*. Тутъ именно была опредѣленная цѣль, и цѣль еще практическая, житейская. Человѣкъ признавалъ себя совершенно зависящимъ отъ явленій природы;—нужно было подумать о томъ,

чтобы исходъ ихъ постоянно былъ благопріятенъ для человѣка. Дѣло въ томъ, что въ этихъ явленіяхъ видѣлъ человѣкъ настоящія *дѣйствія*, въ этихъ дѣйствіяхъ—*настоящія живыя силы*, или лучше сказать, *существа*...

Съ сознаніемъ торжествующей, перевѣшивающей силы свѣта явилось и благоговѣніе передъ нею, и теплая къ ней благодарность—за то, что́ давала она человѣку. Только съ этихъ поръ могло явиться понятіе о благоволеніи божествъ къ людямъ, о тѣсной пріязненной связи между небеснымъ и человѣческимъ міромъ. Только съ этихъ поръ *въ миѳологіи* зараждается и *религія*, которая именно и основывается на такой связи. Только съ этихъ поръ прежнее обращеніе чувствъ къ свѣтлымъ силамъ становится *молитвеннымъ* обращеніемъ къ нимъ, изъ прежняго соединенія пѣсенъ съ обрядами возникаетъ *богослуженіе*.

Относясь къ благотворнымъ явленіямъ свѣта, возвеличивая ихъ торжество надъ силами тьмы, оно особенное значеніе должно было получать въ извѣстные сроки, когда яснѣе сказывалось и послѣдовательно возрастало это торжество. Каждому новому успѣху въ годичной борьбѣ свѣта съ непріязненной тьмой долженъ былъ посвятиться особенный праздникъ, а всѣ они вмѣстѣ составили цѣлый годичный праздничный кругъ, съ особыми пѣснями и обрядами для каждаго составнаго его звена. Вотъ изъ этихъ—то праздничныхъ пѣсень и дошли до насъ нѣкоторыя, до сихъ поръ воспѣваемыя народомъ, только относимыя уже къ праздникамъ христіанскимъ, по времени ихъ справленія, сотвѣтствующимъ прежнимъ языческимъ празднествамъ.

Началомъ праздничнаго языческаго года можно считать время, непосредственно слѣдовавшее за зимнимъ солоноворотомъ, т. е. то, когда, послѣ рѣшительнаго преобладанія *ночи*, снова начинаетъ при-

бывать *день*. Какъ ни незначительно еще прибываніе свѣта въ концѣ декабря, въ это время праздновали уже возвращеніе свѣтлыхъ явленій желаннаго лѣта, и вотъ языческій праздникъ *рожденія свѣта физическаго* и замѣстился впослѣдствіи *духовнымъ* праздникомъ *христіанскаго Рождества*....

Названіе, придаваемое пѣснямъ, распѣваемымъ о Рожествѣ—*колядки*; въ самыхъ же пѣсняхъ упоминается не рѣдко *Коляда*, какъ бы имя собственное. Въ прежнее время видѣли въ немъ *особое божество*, не смотря на то, что такое имя не встрѣчается въ числѣ Владиміровыхъ боговъ у Нестора, а упоминается только у Димитрія Ростовскаго въ позднѣйшемъ чети— минейномъ житіи Владиміра (Снегирева «Рус. простонародн. праздн. и обряды» II, 28. Сравни Hanus, Bajeslowny Kalendarz Słowanski 49). По смыслу колядскихъ пѣсень выходитъ, что *Коляда* (отъ сл. *коло*—символъ солнца)— это было имя свѣтлаго солнечнаго божества, т. е. одно изъ многаго множества его именъ, соотвѣтствовавшаго многому множеству его образовъ... Въ одной великорусской пѣснѣ небесныя свѣтила уподобляются: мѣсяцъ— хозяину, солнце—хозяйкѣ, частыя звѣзды—дѣтямъ ихъ. Это примѣненіе, конечно, явилось позже, а первоначально мѣсяцъ, солнце и звѣзды были тутъ сами по себѣ, какъ совершенно самостоятельная *семья небесная*... Это рѣшительно подтверждается сходными пѣснями изъ другихъ краевъ. Такъ въ одной карпато-русинской не хозяюшкѣ, хозяину и ихъ дѣтямъ уподобляются свѣтлыя явленія неба, а *Богу, Сыну божьему и божьимъ дѣткамъ*...

На служеніе богу—громовнику (во время святокъ или колядокъ) указываетъ пѣсня, въ которой описывается принесеніе въ жертву козла. Что тутъ именно принесеніе жертвы— это ясно уже изъ самаго мѣста дѣйствія—за быстрой рѣкой въ дремучихъ лѣсахъ: у Славянъ, за неимѣніемъ храмовъ, мѣстами богослуженія служили лѣса и берега рѣкъ, почитавшіеся обиталищами божествъ и проч...

Такимъ образомъ праздникъ Коляды былъ праздникомъ возвращенія всѣхъ вообще явленій, господствующихъ въ лѣтнюю пору, т. е. праздникомъ вообще *поворота на лѣто*...

Канунъ нашего теперешняго новаго года ознаменовывается своими особыми пѣснями, въ которыхъ воспѣвается какой— то добрый молодецъ *Овсень* (Ясень). Его, какъ и Коляду, приходится считать однимъ изъ множества образовъ солнечнаго божества. Самое имя его заключаетъ въ себѣ понятіе о *ясности*, этомъ основномъ свойсвѣ солнца... Васильевымъ этотъ вечеръ называется уже отъ христіанскаго празднованія въ день новаго года памяти св. Василія Великаго. Въ малороссійской пѣснѣ, относящейся къ этому вечеру, на Василья ходитъ Илья;—христіанскимъ же именемъ замѣнился въ народныхъ преданіяхъ языческій богъ громовникъ, что произошло вслѣдствіе представленія себѣ этого бога раскатывающимся по небу въ колесницѣ, которой народъ и уподобилъ огненную колесницу Ильи пророка. Въ нашей пѣснѣ такимъ образомъ ходящимъ на Васильевъ день первоначально являлся Перунъ, слѣдствіемъ же его появленія становится въ пѣснѣ зарожденіе пшеницы и всякаго хлѣба. Мальчики, ходящіе съ такими пѣснями по домамъ, посыпаютъ при этомъ изъ рукава различными зернами, что соблюдается до сихъ поръ у различныхъ Славянъ....

Къ красному солнцу имѣлъ отношеніе народный праздникъ, справляемый въ Ѳомино воскресенье и на возвышенностяхъ, отчего праздникъ—и называется *Красной горкой*. Съ этого дня начинается рядъ хороводовъ и продолжается до конца іюня. Самое наименованіе *хоровода* можно свя-

зывать съ *Хорсомъ*—однимъ изъ названій солнечнаго божества (1).

Съ хороводами соединяется множество пѣсень, относящихся большею частію уже къ позднѣйшему времени и имѣющихъ предметомъ любовь или различныя отношенія семейной жизни. Но между этими пѣснями попадается въ различныхъ варьянтахъ одна, въ которой повѣствуется о какомъ—то *свѣтломъ* князѣ, ищущемъ своей *свѣтлой* княгини. Чтобы добыть ее, онъ сѣчетъ и рубитъ своимъ мечемъ ворота,—черта уже рѣшительно выходящая за предѣлы обычнаго народнаго быта. Такаго рода воинственное добываніе невѣстъ очень часто попадается въ сказкахъ, и тамъ оно объясняется миѳически. Между тѣмъ нашей пѣснѣ, которой содержаніе при томъ и разыгрывается, соотвѣтствуетъ у Сербовъ, Чеховъ и Моравамъ такъ называемое *хожденіе краля и кралицы*. Въ нашемъ свѣтломъ князѣ, сербскомъ кралѣ слѣдуетъ видѣть или бога—громовника, разсѣкающаго облака и выводящаго изъ—за нихъ дѣву—солнце; или же солнечнаго молодца, пробивающаго своими лучами зимній покровъ земли, отворяющаго себѣ входъ къ ней, и вступающаго въ бракъ съ освобожденною имъ землею.

Съ наступленіемъ весенняго времени желанными становятся плодотворно дѣйствующіе на землю дожди. Весной его усиленно призываютъ—въ настоящее время уже только дѣти, обѣщающія выставить ему на дубокъ горшокъ борщу, въ чемъ сохранился, какъ надобно думать, намекъ на приносившуюся дождю жертву...

Но вотъ наступаетъ *Егорьевъ день*, о которомъ говоритъ чешская пѣсня, какъ о настоящемъ вѣнцѣ весенняго празднованія. Въ русскихъ пѣсняхъ Егорій величается *Храбрымъ*,—чѣмъ указывается на побѣду его надъ змѣемъ и спасеніе отъ него царевны. Подвигъ этотъ существуетъ въ миѳологіи всѣхъ народовъ, и то обстоятельство, что его приписали почти всюду св. Георгію, прямо указываетъ на замѣну этимъ послѣднимъ древняго языческаго божества;—какаго именно, солнечнаго или громоваго, этого навѣрное рѣшить еще нельзя. И то, и другое божество представлялось благопріятствующимъ какъ скотоводству, такъ и земледѣлію; а такимъ представляется и Егорій въ величающихъ его праздничныхъ пѣсняхъ. Отсюда и обычай въ Егорьевъ день выгонять стада въ поле. Въ Болгаріи при этомъ до сихъ поръ еще совершается какъ бы цѣлое жертвоприношеніе,—а именно съ торжественными обрядами закалаются *стариками* бараны, дѣвушки же подбираютъ траву, на которую льется ихъ кровь...

Съ приближеніемъ лѣта наступаютъ новые праздники, сопоставляемые въ великорусской пѣснѣ:

Первый праздникъ—Семикъ честной,
Другой праздникъ—Троицынъ день,
А третій праздникъ—Купальница.

Семикомъ завершается рядъ весеннихъ праздниковъ. Въ эту пору года даже въ суровомъ климатѣ уже окончательно распускаются—по крайней мѣрѣ *березки*; обряды совершаются съ деревьями и цвѣтами. Въ пѣсняхъ, сопровождающихъ эти обряды, обращаются къ березамъ, какъ къ живымъ существамъ; упоминаются въ нихъ и небесныя существа, способствующія растительности, каковы *туча и громъ*, собирающіеся гулять вмѣстѣ; упоминаются наконецъ два человѣкообразныя существа, молодецъ и дѣвица, которые уже не просто гуляютъ, а борются. Быть можетъ, это — только новые образы для тѣхъ же небесныхъ существъ, какъ можно судить по одной сербской пѣснѣ, въ которой *дѣвица—молнія* борется съ

Архивъ Колачова 1, 32. Ж. Мин. Н. Просв. 1841, Февр. 1846. Іюль. Чт. Общ. Ист. 1846 № 2.

молодцемъ-громомъ и побѣждаетъ его (¹).

Въ семицкихъ пѣсняхъ миѳы уже являются значительно затемненными; то же еще болѣе относится къ пѣснямъ, поющимся на Троицу и на Петровъ день...

Праздникъ Ивана— Купалы установленъ въ честь солнечнаго существа; это доказывается многими обрядами Ивановой ночи, сходными у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Между ними особенно замѣчательно скатываніе съ горы зажженнаго колеса. Если оно и вообще служило подобіемъ солнца, то тѣмъ болѣе это достигалось *горѣніемъ* колеса... Съ первыми признаками умаленія дня народъ уже предвидитъ постепенное приближеніе зимы, и потому самыя пѣсни имѣютъ напѣвъ унылый... Купальскія пѣсни отличаются темнотою и сходятся въ томъ, что въ нихъ указывается на что-то трагическое; имѣется еще рядъ пѣсень, столько же не ясныхъ, но указывающихъ на брачныя отношенія....

Наступаетъ іюль съ его усиленными жарами, но и со свѣтомъ, все болѣе и болѣе убывающимъ, сулящимъ впереди—зиму. Самый жаръ этого времени,—жгучій, часто губительный жаръ, а уже не то благотворное, живительное тепло, которое *растворяетъ* и дѣлаетъ плодотворною землю. И чѣмъ теплѣе климатъ, тѣмъ скорѣе и самый жаръ сулитъ уже впереди—желтый листъ, этотъ признакъ умиранья природы, провозвѣстникъ зимы. Понятно послѣ этого, почему живое воображенье народа замѣчаетъ уже съ этой поры—поворотъ на зиму. По народному дневнику, 20 іюля уже первый *осенній праздникъ*. Но служа только переходомъ къ осени, онъ еще ознаменовывается лѣтнимъ явленіемъ—громомъ, долженствующимъ проявиться во всей своей силѣ—какъ бы на прощаніе. Онъ, по народному вѣрованію, не можетъ не быть въ этотъ день;—потому что это былъ день, когда то посвященный Перуну, богу грома и молніи, въ настоящее время скрывающемуся подъ именемъ *Ильи-громовника*. Одинъ изъ величайшихъ народныхъ праздниковъ, Ильинъ день, при всемъ томъ уже не отличается какими—либо особыми пѣснями. Такія пѣсни слышатся за то въ августѣ, въ самомъ началѣ котораго, замѣчая уже быстрое убываніе дня, стерегутъ солнышко на закатѣ и обращаются къ нему съ мольбою подождать. Особыми пѣснями ознаменовывается жатва, начало и конецъ которой отличаются и обрядами особаго рода. Жатва, это собираніе даровъ благодатнаго лѣта, не могла не представляться дѣломъ священнымъ. И теперь еще въ Малороссіи мѣстами ее долженъ начинать священникъ, въ языческія же времена она, надо думать, начиналась старѣйшиною. Въ другихъ мѣстахъ зачинщицею жатвы должна еще и теперь быть женщина, отличающаяся безукоризненностью своей жизни. Въ Малороссіи употребительно убираніе послѣдняго сжатаго снопа въ сарафанъ и отнесеніе его на хозяйскій дворъ, гдѣ принимаютъ его съ почетомъ. При этомъ поются пѣсни, воспѣвающія хозяина; первоначально же въ нихъ, повидимому, воспѣвалось какое—то свѣтлое божество.

Съ окончательнымъ наступленіемъ осени многое мѣняется въ народномъ быту. И трудъ, и веселье происходятъ уже не на вольномъ воздухѣ, а въ избѣ. И тутъ раздается пѣсня, никогда и нигдѣ не покидающая народа,—но это уже пѣсня съ позднѣйшимъ характеромъ, не носящая миѳическо-обрядоваго характера. И въ промежутокъ времени отъ начала осени до Коляды имѣются свои праздники, но уже не имѣется собственно къ нимъ относящихся обрядовыхъ пѣсень, и миѳическій смыслъ въ нихъ уже меньше замѣтенъ..

(¹) Сербскія пѣсни Вука Караджича. 1. 151—152.

Что же касается до свадебныхъ русскихъ пѣсень, то въ нихъ находится множество языческихъ воззрѣній. Въ этихъ пѣсняхъ свекоръ съ дѣтьми уподобляется свѣтлому мѣсяцу со звѣздами, свекровь же съ ея дочерьми—красному солнышку съ яркими его лучами. Если же припомнить миѳическія отношенія мѣсяца къ солнцу, какъ мужа къ женѣ, и миѳическое значеніе звѣздъ, какъ дѣтей ихъ, то не трудно будетъ понять, что въ нашей пѣснѣ земная семья служитъ какъ бы отраженьемъ семьи небесной....

Уподобленіе брачныхъ отношеній между людьми брачному союзу между богами замѣтно и въ томъ, что въ одной болгарской свадебной пѣснѣ говорится объ огненномъ змѣѣ, уносящемъ свою вѣрную любу; а въ немъ слѣдуетъ видѣть божество молніи, оплодотворяющее весеннюю землю-дѣву. Замѣчательно, что въ другой болгарской пѣснѣ говорится объ отправленіи юнака въ походъ на другой же день свадьбы, при чемъ онъ даетъ позволеніе своей молодой женѣ, ежели въ теченіе 10 лѣтъ она его не дождется обратно, выбрать себѣ другаго мужа. Въ нашихъ народныхъ былинахъ тоже самое повѣствуется о Добрынѣ Никитичѣ; въ основѣ же этого сказанія заключается миѳъ—о бракѣ и продолжительномъ удаленіи вслѣдъ за тѣмъ *свѣтлаго лѣтняго божества* ...

Отъ мысли о томъ, что земной, человѣческій бракъ есть только отраженіе брака божескаго, небеснаго, уже не далекъ переходъ къ представленью себѣ боговъ первоначальными учредителями и дальнѣйшими покровителями и оберегателями неразрывности брака. А какъ на миѳическомъ языкѣ неразрывнымъ считается только то, что *выковано*, то и брачныя узы стали *коваться,*—но кому же было приписать это дѣло, какъ не тому же небесному ковачу, изначальному производителю молніи? Подобно *первому*

плугу, и *первый брачный вѣнецъ* былъ приписанъ его божественному искуству... И вотъ уже въ святочныхъ пѣсняхъ сопровождаются гаданья о суженомъ, обращаются къ кузнецу съ просьбою сковать золотой венецъ, а изъ остатковъ обручальный перстень и булавку для притыканья брачнаго покрывала. А что подъ этимъ кузнецомъ разумѣется именно ковачь небесный, то это доказывается призываніемъ на свадьбу Кузьмы-Демьяна, этихъ христіанскихъ святыхъ, слившихся у народа какъ бы въ одно лицо, и лицо съ характеромъ именно ковача, только носящаго христіанскія имена, а по основѣ своей—миѳическаго. Наконецъ въ одной пѣснѣ приглашаютъ на свадьбу *боженьку* и просятъ его *сковать* свадьбу такъ, чтобы вѣтеръ не развѣялъ, ни дождикъ не размочилъ, ни солнце не изсушило.

Всѣ эти миѳическо-свадебныя пѣсни въ высшей степени важны. Если въ нихъ человѣческій бракъ является установленнымъ самими богами по образцу брачныхъ отношеній, существующихъ въ ихъ небесномъ мірѣ, то послѣ этого не трудно понять, что на самомъ дѣлѣ происходило скорѣе нѣчто совершенно обратное. Такъ какъ человѣкъ переносилъ вообще въ міръ боговъ все, совершавшееся въ его собственномъ мірѣ, то и брачныя отношенія могли быть туда только *перенесены*,—а для этого надобно прежде всего, чтобы бракъ, какъ постоянный, священный союзъ, установился въ быту человѣка. Отсюда же слѣдуетъ заключить, что уже въ пору миѳическую (на высшей ступени развитія миѳологіи), и отъ древнѣйшаго *умыканія*, и отъ немного позднѣйшей *купли* невѣсты былъ совершенъ переходъ къ добровольнымъ, основаннымъ на взаимности любви, отношеніямъ между женою и мужемъ.

(*Опытъ историч. обозрѣнія рус. словесности. О. Ѳ. Миллера. Спб.*

1866. ч. 1, вып. I. стр. 21—61, 122—125).

Образчики пѣсень и сказокъ можно читать въ Христоматіи *О. Миллера*. Спб. 1866 г.

30. Сказка и миѳъ.

До послѣдняго времени существовалъ нѣсколько странный взглядъ на народныя сказки... Въ основѣ сказочныхъ повѣствованій и въ ихъ чудесной обстановкѣ, видѣли праздную игру ума и произволъ фантазіи, увлекающейся за предѣлы вѣроятности и дѣйствительности. Сказка—складка, пѣсня — быль, говорила старая пословица, стараясь провести рѣзкую границу между эпосомъ сказочнымъ и эпосомъ историческимъ. Извращая дѣйствительный смыслъ этой пословицы, принимали сказку за чистую ложь, за поэтическій обманъ, имѣющій единою цѣлью занять свободный досугъ небывалыми и невозможными вымыслами. Несостоятельность такаго воззрѣнія уже давно бросалась въ глаза. Трудно было объяснить, какимъ образомъ народъ, вымышляя фантастическія лица, ставя ихъ въ извѣстныя положенія и надѣляя ихъ разными волшебными диковинками, могъ постоянно и до такой степени оставаться вѣренъ самому себѣ, и на всемъ протяженіи населенной имъ страны повторять одни и тѣже представленія Еще удивительнѣе, что цѣлыя массы родственныхъ народовъ сохранили тожественныя сказанія,—сходство которыхъ, не смотря на устную передачу ихъ, въ теченіе многихъ вѣковъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, несмотря на позднѣйшія примѣси и на разнообразіе мѣстныхъ и историческихъ условій, обнаруживается не только въ главныхъ основахъ преданія, но и во всѣхъ подробностяхъ и въ самыхъ пріемахъ. Что творится произволомъ ничѣмъ не сдержанной фантазіи, то не въ состояніи произвести такого полнаго согласія и не могло бы уцѣлѣть въ такой свѣжести; творчество не остановилось бы на скучномъ, тожественномъ повтореніи однихъ и тѣхъ же чудесъ, а стало бы выдумывать новыя. Доказательствомъ служатъ всѣ искуственныя поддѣлки подъ народные разсказы, поддѣлки въ которыхъ чудесное близко граничитъ съ нелѣпицей и безсмысліемъ. И къ чему народъ сталъ бы беречь, какъ драгоцѣнное наслѣдіе старины,—то, въ чемъ самъ бы видѣлъ только вздорную забаву? Нѣтъ, сказка не пустая складка; въ ней, какъ и вообще во всѣхъ созданіяхъ цѣлаго народа, не могло быть и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ни нарочно-сочиненной лжи, ни намѣреннаго уклоненія отъ дѣйствительнаго міра. Точно также старинная пѣсня не всегда быль; она большею частію только переноситъ сказочныя преданія на историческую почву, связываетъ ихъ съ извѣстными событіями народной жизни и прославившимися личностями, и чрезъ то вставляетъ стародавнее содержаніе въ новую рамку и придаетъ ему значеніе дѣйствительно-прожитой былины. Сказка же чужда всего историческаго; у ней другая задача, другія цѣли. Предметомъ ея повѣствованій былъ ни человѣкъ, ни общественныя тревоги и подвиги, а разнообразныя явленія всей обоготворенной природы, и потому въ собственномъ смыслѣ она нисколько не выходитъ за предѣлы естественности, и если поражаетъ насъ своею невѣроятностью, то единственно потому, что мы утратили непосредственную связь съ древними преданіями и ихъ живое пониманіе.

Происхожденіе тѣхъ баснословныхъ представленій и образовъ, изъ которыхъ создались народныя сказки, тѣсно связано съ происхожденіемъ самаго языка и начальныхъ воззрѣній человѣка на природу. Первобытные языки, какъ убѣдительно доказано новѣйшими филологическими ра-

зысканіями, были исполнены метафоръ, и это условливалось самою сущностью человѣческаго слова. Въ эпоху своего созданія, слово являлось не техническимъ обозначеніемъ извѣстнаго понятія, а живописующимъ, нагляднымъ эпитетомъ, выражающимъ ту или другую особенность видимаго предмета и явленія, оно не въ состояніи было уловить всего объема передаваемаго имъ понятія, а указывало на одну изъ болѣе рѣзкихъ, болѣе кидающихся въ глаза его сторонъ. Отсюда во 1, возникла потребность въ сопоставленіи многихъ словъ, выражающихъ различныя качества одного и того же предмета, чтобы такимъ образомъ яснѣе описать его съ различныхъ сторонъ; во 2, родилось неудержимое стремленіе сближать видимые предметы и явленія по нѣкоторымъ сходнымъ ихъ признакамъ, давать имъ одинаковыя названія, и одно понятіе объяснять чрезъ посредство другаго. Если это и лишало первобытные языки строгой опредѣленности, за то щедро надѣляло ихъ поэтическимъ колоритомъ. Всякій предметъ рисовался въ его наиболѣе характерныхъ свойствахъ или въ самомъ дѣйствіи— не какъ отвлеченная мысль, а какъ живой образъ. Такъ какъ весь интересъ младенческихъ народовъ сосредоточивался на матери-природѣ, отъ которой зависѣло все ихъ благосостояніе, то понятно, что она по преимуществу сдѣлалась предметомъ обожанія и наблюденій. Обоготворяя природу, признавая въ ней живое существо, человѣкъ всѣ свои первыя воззрѣнія на ея силы и явленія, или прямѣе — всѣ свои вѣрованія необходимо выразилъ въ поэтическихъ описаніяхъ, гдѣ большая часть представленій были чистыя метафоры; иначе онъ и не могъ выразиться. Словомъ, миѳъ и поэзія были одно и тоже. Метафорическій языкъ, общедоступный вначалѣ, съ теченіемъ времени, при забвеніи кореннаго значенія словъ и при возникшемъ

стремленіи усвоить за каждымъ словомъ одно опредѣленное понятіе, — становится *загадочнымъ*. До сихъ поръ поэты называютъ молодой мѣсяцъ золотымъ серпомъ, полную луну — ночною лампадою, солнце— всемірнымъ окомъ, озирающимъ съ высоты пространную землю; но всѣ эти выраженія намъ понятны и произнося ихъ, мы нисколько не думаемъ, что они были извѣстны въ самую раннюю эпоху жизни человѣчества и породили множество миѳическихъ сказаній, которыя непремѣнно покажутся намъ страннымъ вымысломъ, если мы не обратимъ вниманія на источникъ ихъ происхожденія. А сколько такихъ метафоръ, которыя давнымъ-давно отжили свой вѣкъ, хотя порожденныя ими басни доселѣ живутъ въ памяти различныхъ народовъ. Если разоблачить всѣ метафорическіе образы, встрѣчающіеся въ народномъ эпосѣ, то все фантастическое, все загадочное въ немъ объяснится само собою; и надобно замѣтить, что въ послѣднее время, при тѣхъ громадныхъ успѣхахъ, какіе сдѣлала наука языкознанія, ученые уже начинаютъ выступать на эту настоящую дорогу.

Съ такой точки зрѣнія обратимъ мы вниманіе на нѣкоторыя русскія сказки, и прежде всего остановимся на преданьи *объ окамененномъ царствѣ*.

Преданіе это составляетъ общее достояніе всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. (См. Народ. рус. сказки, вып. V, № 40 и 42, вып. VII, № 2). Обыкновенно разсказывается, что прекрасная королева отъ укола веретеномъ или шпилькой засыпаетъ непробуднымъ сномъ, за нею засыпаютъ всѣ придворные, всѣ животные и все царство какъ-будто окаменѣваетъ. Случайно наталкивается на замокъ король, видитъ спящую красавицу, цѣлуетъ ее—и она пробуждается, а за нею все царство. Король и королева обыкновенно вѣнчаются.

Во всѣхъ видоизмѣненіяхъ, сказка о спящемъ или окамененномъ царствѣ выражаетъ одну идею: зимній сонъ природы и ея весеннее пробужденіе, когда богиня земля вступаетъ въ бракъ съ юнымъ свѣтоносныиъ женихомъ — солнцемъ и начинаетъ свои рόды. Зимній сонъ или зимняя смерть природы (миѳъ роднитъ эти понятія и называетъ Сонъ и Смерть братьями) уподобляется окаменѣнію, т. ч. скованная морозомъ земля твердѣетъ, какъ камень. Временное усыпленіе природы, по указанію народныхъ памятниковъ, происходитъ отъ губительнаго укола зимы; по русскому выраженію, зима на Николу *съ гвоздемъ* ходитъ. Воплощая естественныя явленія въ живые образы, греческій миѳъ эту гибель плодородныхъ силъ природы выразилъ въ сказаніи о красавцѣ Адонисѣ, который былъ сраженъ *зубомъ* или *клыкомъ* вепря (зооморфическое олицетвореніе зимы). Когда Адонисъ умеръ, Афродита умолила Зевса дозволить, чтобы онъ, оставаясь полгода въ подземномъ царствѣ тѣней, другую половину года проводилъ въ обители свѣтлыхъ боговъ. Съ тѣхъ поръ Адонисъ попеременно переходитъ изъ объятій Венеры въ объятія подземной богини Прозерпины. Это—представленіе круговаго оборота, замѣчаемаго въ жизни природы, поэтическая картина ея цвѣтенія и увяданія. Зимній сонъ природы,—сонъ долгій и непремѣнно продолжающійся до извѣстнаго срока; отсюда понятно, по чему сильно-могучіе богатыри русскихъ сказокъ, вслѣдъ за необычайными подвигами, повергаются въ непробудный, такъ называемый богатырскій сонъ, который длится нѣсколько сутокъ, недѣль и мѣсяцевъ. Любопытно свидѣтельство одной сказки (вып. VIII, № 12), что какъ скоро добрый молодецъ впалъ въ такой сонъ, то на всѣхъ деревьяхъ стали увядать верхушки. Поэтическій языкъ доселѣ удерживаетъ метафору, по выраженію которой весеннее солнце *горячо лобзаетъ* землю и она, словно невѣста передъ вѣнцомъ, убирается въ яркую зелень и цвѣты....

Прекрасная царевна— солнце въ одной изъ русскихъ сказокъ является подъ именемъ *Марьи-Моревны* (дочь моря). Содержаніе сказки таково: прилетаютъ Соколъ, Орелъ и Воронъ, сватаются за трехъ царевенъ и уносятъ ихъ въ свои далекія царства. Эти птицы олицетворяютъ въ своихъ образахъ естественныя явленія природы, неразлучныя съ лѣтними грозами; самый прилетъ ихъ сопровождается темными тучами, вихремъ и молніей. Бурное дыханіе вѣтровъ издревле уподоблялось птичьему полету, и миѳъ иначе не представляетъ вихри и вѣтры,—какъ существами крылатыми. Орелъ (носитель Зевсовыхъ громовъ) воздымаетъ бурю и съ помощію своихъ товарищей оживляетъ убитаго царевича: Воронъ приноситъ цѣлящей, а Соколъ живой воды (*дождь*). Въ другихъ сказкахъ, вмѣсто этихъ чудесныхъ птицъ, прямо выведены силы природы подъ собственными своими названіями: *Вѣтеръ*, *Градъ* или *Дождь* и *Громъ*, которые тоже женятся на трехъ царевнахъ—сестрахъ. Эти дѣвицы суть небесныя свѣтила: закрытіе блестящихъ звѣздъ, луны и солнца на языкѣ метафорическомъ называлось похищеніемъ красавицъ драконами, великанами, добрыми молодцами—Орломъ, Соколомъ и Ворономъ. Въ нѣкоторыхъ сказкахъ уносимыя вихремъ дѣвицы прямо называются *Луной и Звѣздой*.

Выдавъ своихъ сестеръ за Орла, Сокола и Ворона, царевичъ идетъ посмотрѣть на ихъ житье-бытье, и на пути женится на Марьѣ-Моревнѣ; но бракъ ихъ не продолжителенъ: Марью-Моревну уноситъ *Змѣй*, или по другимъ сказкамъ—*Кощей Безсмертный*. Змѣй или царь морской—дожденосная туча, помрачающая солнечный свѣтъ; онъ виситъ въ

запертой комнатѣ на желѣзныхъ цѣпяхъ, что означаетъ тучу, окованную зимнимъ холодомъ, и тогда только срывается, когда напьется вдоволь воды (*живая вода*). Согласно съ этимъ представленіемъ Змѣя въ зимнихъ оковахъ, ему дается названіе Кощея (отъ слова *кость, костенѣть*— застыть, цѣпенѣть; *Баба-Яга* тоже *Костяная* нога).

Царевичу удалось увезти изъ заключенія Марью-Моревну; но Змѣй нагоняетъ, отнимаетъ бѣглянку и запираетъ въ свой городъ или гору. Царевичъ рѣшается добыть коня сильнѣе и быстрѣе Змѣинаго, и за трудную службу у Бабы-Яги ему удается достигнуть своей цѣли. Онъ опять увозитъ Марью-Моревну. Змѣй бросается въ погоню, но богатырскій конь царевича убиваетъ его ударомъ своего копыта. Царевичъ есть самъ Перунъ, разбивающій тучи и чрезъ то выводящій солнце изъ за темныхъ Змѣиныхъ горъ; конь его соотвѣтствуетъ греческому Пегасу: какъ тотъ ударомъ копыта творилъ новые живые источники, такъ этотъ убиваетъ копытомъ Змѣя, т. е. уничтожаетъ тучу, заставляя ее пролиться обильнымъ дождемъ.

Добываніе *живой воды* составляетъ одинъ изъ любимѣйшихъ мотивовъ народнаго эпоса (вып. № 4 и 5). Старая вѣдьма Зима, представляемая въ сказкахъ злою мачихой ([1]), скрадываетъ съ неба дожди и губитъ плодородіе; сами Змѣи и Великаны, согласно усвоенному имъ демоническому характеру, представляются задерживающими дождевые ливни—до тѣхъ поръ, пока не будутъ побѣждены всесокрушительнымъ оружіемъ Перуна. „Егда дождь идетъ, говоритъ апокрифъ, тогда дьяволъ станетъ предъ дождемъ — да не грядетъ на землю; того ради ангелъ господень гонитъ его. Громъ есть оружіе ангельское.“ (Пам. отреч. лит. Тихонравова II, 455). Драконы и Великаны охраняютъ живую воду и моложавыя яблоки, которыя даютъ крѣпость и здоровье старику и жизнь мертвому,—и богъ громовержецъ ведетъ постоянную борьбу съ этими демоническими существами, похитителями дождевой животворной влаги.

([1]) Въ ркп. такъ описывается зима: „Зима подобна есть женѣ *мачесѣ*, злѣ и неустроенѣ, не жалостливѣ и арѣи (ярой) и немилостивѣй; егда добра, и тогда знобитъ; егда милуетъ, но и тогда казнитъ, знобитъ и гладомъ моритъ и мучитъ грѣхъ ради нашихъ. Сицева есть зима, сицева и мачеха.“ *Сборн. Соловец. библ.* № *860, гл. 27 въ концѣ.*

Быстрота полета бурной грозовой тучи заставила фантазію сблизить ее съ быстроногимъ конемъ, а проливаемые ею потоки съ дойною коровою; самый дождь на метафорическомъ языкѣ назывался молокомъ. Буря-богатырь, коровьинъ сынъ нашей сказки, есть собственно сынъ тучи, т. е. молнія или божество грома — славянскій Перунъ; понятно, что удары его должны быть неотразимы. Перунъ (Торъ) велъ постоянную борьбу съ великанами тучами и разбивалъ ихъ своею боевою палицей и мѣткими стрѣлами; точно тоже свидѣтельствуетъ сказка объ Иванѣ— коровьемъ сынѣ, заставляя его побивать многоглавыхъ, сыплющихъ искры Змѣевъ. Чудовищные Змѣи, владѣтели *сильной* воды (дождя), и въ пылу битвы бросаются испить этого нектара, чтобы укрѣпить себя для новой схватки. Такъ появленіе сіяющаго солнца изъ-за темныхъ тучь народный эпосъ представляетъ освобожденіемъ изъ-подъ власти чудовищныхъ Змѣевъ похищенной ими красавицы.

Дѣва—солнце, обезсиленная вѣдьмою Зимою и помраченная туманами или злымъ Змѣемъ—тучею, утрачиваетъ на извѣстное время и свой блескъ и свою красоту, и въ этомъ смыслѣ подчиняется вліянію колдовства. *Заколдованная* или *очарованная* царица-красавица, царствомъ которой овладѣваетъ нечистая сила, теря-

етъ свой ясный, бѣлоснѣжный цвѣтъ и дѣлается черною, а бѣлые кони, на которыхъ выѣзжаетъ ея колесница, превращаются въ вороныхъ. Но по мѣрѣ того, какъ приближается срокъ ея избавленія, чернота все болѣе и болѣе умаляется: и царевна, и кони становятся бѣлыми — сначала до пояса, потомъ до колѣнъ, а наконецъ и совсѣмъ освобождаются отъ вліянія нечистой силы.

Вѣчныя, нескончаемыя битвы Перуна съ тучами представлялись въ разнообразныхъ поэтическихъ образахъ, запечатлѣнныхъ глубочайшею древностью...

Солнце, удаляющееся на зиму, не всегда представляется въ сказкахъ царевною заколдованною или насильно-похищаемою злымъ демономъ. Цѣлый разрядъ сказокъ говоритъ объ измѣнѣ красавицы-жены своему мужу-богатырю; она отдается другому враждебному королю, уходитъ съ нимъ въ далекое государство и уноситъ съ собою разныя диковинки, символы лѣтней природы; чтобы возвратить все это, покинутый мужъ долженъ бороться съ величайшими затрудненіями, но въ свое время онъ все-таки одолѣваетъ ихъ и получаетъ обратно и жену и диковинныя вещи. Въ основѣ этого преданія скрывается мысль о временномъ союзѣ красавицы-солнца съ лѣтнею природою, о переходѣ ея во власть враждебной зимы, когда она какъ бы измѣняетъ своему законному супругу и предается коварному обольстителю, и о возстановленіи съ новой весною прежняго благодатнаго брака...

Поэзія и миѳологія найдетъ въ сказочномъ эпосѣ прекрасные и обильные матеріалы. Вѣщіе звѣри, птицы, деревья и травы, разнообразныя превращенія, волшебныя диковинки, змѣи, великаны и карлики—все это имѣетъ свое значеніе, свой смыслъ. Добрый молодецъ съ солнцемъ во лбу напоминаетъ Одина, а герой, у котораго по всему тѣлу часты звѣзды,— многоочитаго Аргуса; сказка о

Снѣгуркѣ родственна съ германскими представленіями о королѣ Снѣгѣ и его дочеряхъ; сказка о богатыряхъ безногомъ и слѣпомъ передаетъ тотъ же сюжетъ, который въ такихъ поэтическихъ краскахъ и въ такой суровой драматической обстановкѣ развитъ въ поэмѣ о Нибелунгахъ и проч...

(Изъ статьи: „Сказка и миѳъ" А. Аѳанасьева. Филолог. зап. изд. Хованскимъ. 1864 г. Воронежъ. Вып. I и II, стр. 1—68).

Къ этому нужно добавить, что сказка, какъ и всякое народное произведеніе, подвергалась вліянію времени и новыхъ воззрѣній. Такъ подъ вліяніемъ христіанства миѳическія существа стали замѣняться лицами дѣйствительными, которымъ приписывается сверхъестественная сила или олицетвореніемъ разныхъ добродѣтелей и пороковъ, — и сказка стала принимать легендарный характеръ. На примѣръ, въ одной русской сказкѣ являются дѣйствующими лицами „Правда и Кривда;" а въ сербской сказкѣ того же склада сохранился древній миѳическій характеръ: тамъ вмѣсто Правды и Кривды являются дѣйствующими лицами Вилы, а въ норвежской—звѣри, волкъ, медвѣдь, лиса, заяцъ. На нѣкоторыхъ сказкахъ отразились черты воззрѣній и обычаевъ позднѣйшаго времени и на мѣсто старинныхъ таинственныхъ явленій разсказываются обыкновенные житейскіе случаи съ раціональными объясненіями.

Рус. сказки изданы *А. П. Аѳанасьевымъ* въ 8 выпускахъ съ 1855 г. О рус народ. сказкахъ *А. Н. Пыпина*. От. Зап. 1856, N. 4 и 5.

31. Пословицы, заговоры, загадки и примѣты.

Пословицы суть краткія изреченія, въ которыхъ выражаются вѣрованія и убѣжденія народа, его бытъ и нравственные интересы; какъ плодъ здраваго смысла и многовѣковой опытности, онѣ пользуются большимъ почетомъ въ народѣ. Но для насъ важно то, что въ пословицахъ отражаются черты старинныхъ воззрѣній и быта, которыя даютъ возможность уяснить многія стороны давно угас-

шей до-исторической жизни. Рядомъ съ пословицей, въ которой видны слѣды *миѳическаго міросозерцанія*, занимаетъ мѣсто пословица *историческая*, указывающая на дѣйствительныя лица и событія,—и пословица *христіанская*, слагавшаяся подъ вліяніемъ библейскихъ сказаній и поученій Отцевъ церкви.

1, Въ нѣкоторыхъ пословицахъ, образовавшихся въ темную языческую пору, отразились старинныя воззрѣнія нашихъ предковъ: »Солнце днемъ работаетъ, а ночью отдыхъ беретъ.« Здѣсь высказывается понятіе язычника о свѣтилѣ, какъ о живомъ существѣ изъ породы божествъ; а въ Галиціи сохранились пословицы, свидѣтельствующія о поклоненіи небеснымъ свѣтиламъ: »Перед богом сонцем, судице царице,« — »Мѣсяць наш божок; а ктож нам буде боговати, як его не стане?« Намекъ на миѳическое значеніе Коляды заключается въ пословицѣ: »Полно коляду томить.« О погребальныхъ языческихъ поминкахъ или тризнѣ, сопровождавшейся пирами, играми и битвой, упомянуто въ пословицѣ: »По дѣдѣ *сшибокъ* (бой), а по бабкѣ щипокъ.« Принимая во вниманіе подобныя пословицы, мы можемъ прослѣдить, какъ въ этихъ изреченіяхъ отразился бытъ русскихъ Славянъ, когда они вели еще охотничій и пастушескій образъ жизни, потомъ когда стали заниматься земледѣліемъ.

а) Когда наши предки вели жизнь звѣролововъ и пастуховъ и жили въ лѣсу, *яко всякій звѣрь, ядуще вся не чисто*; тогда они покланялись деревьямъ, и были у нихъ заповѣдныя священныя рощи, *божелѣсья*, въ которыхъ приносили жертвы (¹). Въ Житіи муромскаго князя Константина говорится: »*Дуплинамъ* древянымъ, вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе, и симъ покланяющеся.« (И. гос. рос. I, пр. 216). Это согласно съ пословицей, которая представляетъ дупло жилищемъ бѣса: »Изъ пустаго *дупла* или сычь или сова, или самъ сатана,« — »Тетка родила, жилъ въ лѣсу, молился пнямъ.« Къ этому же времени надобно отнести обоготвореніе овраговъ и болотъ; пословицы говорятъ: »Горы да овраги—чортово житье« (житье Змѣя Горынчища),— »Всякому чорту вольно въ своемъ болотѣ жить.« Тутъ можно припомнить разсказъ о томъ, какъ архангелъ погналъ копьемъ бѣсовъ съ неба, и они остались на житье, какой куда упалъ.

Жертвоприношеніе болѣе въ ходу у пастуховъ, чѣмъ у земледѣльческихъ народовъ языческихъ; по этому къ первой порѣ относятся пословицы въ родѣ такихъ: »*Моленой* боранъ отлучился, инъ гулящій прилучился.« Слово *молить* значило встарь тоже, что приносить въ жертву. »Обреченная (т. е. въ жертву) скотина—не животина.« Брачные языческіе обряды совершались у воды или подъ деревьями; въ былинѣ говорится объ одной парѣ въ эпоху богатырской жизни: »Тутъ они обручалися, кругъ ракитова куста вѣнчалися« (Пѣс. Кирши 96). Съ ракитовымъ кустомъ связывалась мысль о женидьбѣ:

Ракитовый кустикъ
Зеленый кудреватый,—
Да кто у насъ холостъ
Да кто не женатый?

По этому въ пословицѣ намекается на старинный брачный обычай: »Вѣнчали вкругъ ели, а черти пѣли.«

Камни и дубина, лукъ и стрѣлы составляли необходимую принадлежность охотниковъ; борьба ихъ со звѣрями развила воинственный бытъ, по словамъ лѣтописца: »живуще скотьски: убиваху другъ друга« Вооруженіями язычники надѣляли и

(¹) По свидѣтельству Макарова, въ Тульс. и Рязанс. губ. еще въ 1792 г. призывали въ лѣсъ *заклинателей* для совершенія обрядовъ. Завиваніе вѣнковъ въ Троицынъ день ведетъ начало отъ язычества, когда въ лѣсу были праздники.

боговъ своихъ: Перунъ бросалъ съ неба камни и стрѣлы; сохранилась пословица, напоминающая эти понятія: »Ѣдетъ божокъ *съ перищемъ*, стучитъ колесомъ.« Онъ стучитъ своей телѣгой и производитъ громъ, а стрѣлою бьетъ злое существо; пословица, вытекающая изъ этого способа представленія, гласитъ: »Завертѣлся, какъ дьяволъ передъ громомъ.« Лукъ, мечь, копье служили признакомъ раздора; въ это-то время народъ познакомился съ ковкой металловъ. Самыя изображенія поэтическія рисуютъ народъ боевыми красками: »Подъ трубами повити, подъ шеломы взлелѣяны, конець копья въскоръмлени.« Какъ постоянный товарищъ бойца, конь надѣляется умомъ и всѣми понятіями человѣка, даже предсказываетъ будущее. Преданія объ-охотѣ такъ живы были еще во времена первыхъ русскихъ князей, что ловля птицъ и звѣрей поддерживается сильно законодательствомъ, и эпическія выраженія заимствуются изъ быта пастушьяго и охотничьяго, наприм. въ Словѣ о полку Игоря и въ Волынской лѣтописи. Древляне говорятъ Ольгѣ: »аще ся въвадить волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьють его.« Въ первобытное время въ лѣсной глуши народъ невольно присматривался къ свойствамъ характера животныхъ и придавалъ имъ людской взглядъ и смыслъ: »Волкомъ родясь лисицей не бывать.« Отсюда вытекало миѳическое воззрѣніе на птицъ и звѣрей, на ихъ нравы и обычаи, оттого первоначально образовались разсказы, или сказки о животныхъ, въ эпоху охотничью и пастушескую. Отъ этого же времени сохранилось повѣрье въ оборотней, которые выходятъ изъ могилъ и путешествуютъ подъ видомъ волка или свиньи; на это понятіе указываетъ пословица: »Колъ бы тебѣ осиновый въ землю.« Это первое средство—остановить ночныя похожденія оборотней. Оттуда же ведетъ свое начало суевѣріе, что волки скрадываютъ съ неба свѣтила и оттого бываютъ затмѣнія: »Невѣгласи глаголютъ снѣдаему сущу,« или какъ говоритъ пословица: »Сѣрый волкъ на небѣ звѣзды ловитъ.« Извѣстную пословицу: »Съ волками жить по волчьи выть« — прежде понимаемую буквально, надо объяснять въ духѣ времени: выли для привлеченія звѣрей на охотѣ, но потомъ придали этому обстоятельству значеніе гаданья и предсказанья, какъ дѣлалъ половчанинъ Бонякъ: »И волкъ отвыся ему« (Лавр. 115). Переходъ изъ лѣсной глуши на поле и отъ быта звѣроловнаго къ земледѣльческому, по понятіямъ крестьянъ, облегчилъ св. Егорій, который устроялъ землю, велѣлъ непроходимымъ лѣсамъ разступиться, стадамъ звѣрей разойтись, ѣсть и пить повелѣнное; онъ называется богомъ волковъ: »Что у волка въ зубахъ то Егорій далъ,« — »Егорій да Власъ— всему богатству глазъ« Понятно, что Власъ, какъ покровитель стадъ, и Егорій—устроитель дикой земли, сберегали, по понятіямъ крестьянъ, *скотъ*, *обиліе*, *животъ*, въ которыхъ было все ихъ богатство.

Въ періодъ звѣроловства одеждой служили кожи, а для домашняго обихода — большею частью кора деревъ, которыхъ такъ было много, и потому лыко было въ большомъ ходу въ лѣсныхъ мѣстностяхъ. Но на юго-западѣ Руси рано уничтожились лѣса и оставалось степное пространство, которое необходимо измѣняло условія экономическаго быта населенія. Поэтому въ Малороссіи составилась поговорка о Москаляхъ: »Лыкомъ вязане, у лыкахъ ходыть, пидъ лыкомъ спыть.«

б) Въ пору развитія земледѣлія образовалось обоготвореніе земли; она стала *матерью* и *кормилицей*, такъ что доселѣ въ Галиціи называютъ землю *святою*. Въ Вятской губерніи на Троицу бываетъ мать-земля имянинница и, по понятіямъ крестьянъ, грѣхъ въ этотъ

день копать ямки или вколачивать что-нибудь въ землю. Мѣсто звѣриныхъ кожъ у земледѣльца заняли ленъ и пенька; самыя божества буйнаго воинскаго времени принимали осѣдлый мирный характеръ, стали покровительствовать земледѣлію и занимались пряжей, какъ валькиріи, или выходили на поле съ серпомъ, какъ чешскія полудницы. Но, конечно, это случилось не вдругъ: какъ люди не скоро оставили прежнія боевыя наклонности, такъ и языческіе боги; вѣроятно, память объ этой дикой борьбѣ новаго поколѣнія съ старымъ сберегла пословица: »Отъ кикиморы рубашки не дождешься.« Самыя краски эпическій поэтъ этого времени беретъ уже изъ быта земледѣльческаго даже для изображенія войны: »земля сѣялась и' росла усобицами, поливалась кровью; жизнь людей пожинали враги и клали на току какъ колосья, молотили цѣпами булатными и вѣяли душу отъ тѣла « (Сл. о пол).

Въ осѣдлую пору явилось обоготвореніе огня и домашняго очага, который способствуетъ приготовленію пищи и согрѣваетъ, спасая отъ двухъ страшныхъ не пріязненныхъ враговъ—голода и холода. Сербская пословица говоритъ: « Безъ стара папья сиротно огнище « Въ это время огнище и печь служили для жертвоприношенія: »И огневи молятся подъ овиномъ;« къ той же порѣ относится обоготвореніе домоваго, какъ покровителя дома и семейнаго очага. Онъ обыкновенно сидитъ на печкѣ, за печкой или подъ печкой и до такой степени привязанъ къ своему пепелищу, что стонетъ, если предвидитъ перемѣну въ домѣ, и не уйдетъ съ стараго мѣста, если хозяинъ забудетъ его позвать въ новый домъ. Понятіе объ этомъ бытѣ удержалось въ пословицахъ: »На печкѣ сидѣлъ, кирпичамъ молился,« — »Церкви не овины, въ нихъ образа все едины.« Да и самая печь *(пещь)*, была сначала ямой, оттуда слово: *пещера*.

Въ періодъ земледѣльческій упрочились семейныя связи: слово — *дымъ* сталъ употребляться вмѣсто *домъ*, — »и вдаша отъ дыма мечь.« Пословица говоритъ: »Вспомнишь ты дымную шапку,« т. е. старшаго, опытнаго; съ уваженіемъ старшихъ, которые передавали молодежи много разсказовъ изъ старинной жизни своей и другихъ людей, возникло уваженіе къ преданію и старинѣ. По разсказамъ, тогда и люди были умнѣй и права и жизнь отличались всѣмъ лучшимъ: »Что изстари ведется, то не минется.« Выходъ изъ семьи тяжелъ былъ въ то время, когда еще связи общежитія не установились, особенно на всю жизнь, какъ напр. за мужъ; поэтому говорятъ дѣвицѣ: »Не вздыхай тяжело, не отдадимъ далеко, хоть за Ѳоку да подлѣ боку.« Значитъ, сосѣди служили первыми хорошими знакомыми; »а чужая сторона горемъ огорожена и слезами поливана,« какъ поютъ дѣвушки на дѣвишникахъ.

Съ образованіемъ сельскаго союза, власть и судъ переходятъ ко всѣмъ старшимъ и дѣла рѣшаются общественнымъ приговоромъ: »Братчина судитъ, ватага рядитъ,« — »Братчина судитъ какъ судья.« Обстановка суда съ разными формальными уловками, судебными испытаніями водой и раскаленнымъ желѣзомъ, рисуется въ слѣдующихъ пословицахъ: »Хотя солгать да было бы на кого сослаться,« — »Свидѣтеля за волосы тянутъ,« — »Желѣза и змѣя боится.« Такъ какъ въ прежнее время лежало много свободной земли и другихъ угодій, то собственностью каждаго было, что онъ посѣялъ и занялъ: »Чье море, того и край« (сербс. послов.), — »Чья земля, того и хлѣбъ.«

По переходѣ въ христіанство, народъ сталъ смотрѣть на прежнихъ боговъ враждебно и замѣнилъ ихъ бѣсами: »Взялъ боженьку за ноженку да и объ полъ.« Домовой, котораго жилье было подъ порогомъ, пре-

вратился въ чорта,—и доселѣ на этомъ основаніи ведется старинная примѣта, что здороваться черезъ порогъ не хорошо.

2) Историческія пословицы очень мѣтко рисуютъ дѣйствительныя событія и лица, а чрезъ это указываютъ характеристическія стороны извѣстнаго явленія или дѣйствія и выражаютъ воззрѣнія на нихъ современниковъ. Такъ можно указать на пословицы, занесенныя въ лѣтопись; о гибели Аваровъ сложилась поговорка: »Погибоша, аки Обрѣ;« неудача Радимичей на рѣкѣ Пищанѣ въ битвѣ съ воеводой великаго князя Владиміра, по прозванью—Волчій Хвостъ, послужила къ составленію насмѣшливой притчи: »Радимичи волчья хвоста бѣгаютъ.« Отношенія дружины къ князю и народу изображаетъ Даніилъ Заточникъ въ пословицахъ: »Мужи злато добудутъ, а златомъ людей не добыти,« — »Тіунъ (княжій) яко огнь трепетицею накладенъ, а рядовичи его яко искры: аще отъ огня устережешися, но отъ искры не можешь устерещися жженія портъ,« — »Съ добрымъ думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ—и малаго стола лишенъ будетъ.« Отвращеніе къ татарскому порабощенію Россіи высказалось въ пословицахъ: »Не вó время гость хуже Татарина,« — »Тутъ словно Мамай воевалъ.« О Ермакѣ Тимофеевичѣ и его немногихъ сподвижникахъ, а потомъ уже вообще объ уральскихъ казакахъ, говорится: »Семеро пойдутъ, Сибирь возьмутъ.« Такъ какъ въ Россіи болѣе двухъ сотъ лѣтъ были весьма значительные разбои, особенно на Волгѣ и ея притокахъ; то на этотъ счетъ дошло до насъ много самыхъ мѣткихъ пословицъ: »Это не покоръ, что за поясомъ топоръ, скажутъ — плотникъ, а не воръ,« — »На Волгѣ жить — ворами (грабителями) слыть,« — »Ахтуба пуста, а безъ караула не гуляй,« — »Кому лопата а намъ ломъ; кому острогъ, а намъ домъ,« — »Вору висѣлица—неизмѣнный другъ.«

О братчинахъ сохранилась пословица: »Съ нимъ пива не сваришь.« Особенно важны для изучающаго историческую жизнь своего отечества, тѣ присловья и мѣткія изреченія, въ которыхъ населеніе одной мѣстности характеризуетъ жителей другой области. Большая часть изъ нихъ сложились исторически; такъ наприм. первоначальное населеніе Орловской губерніи было пограничнымъ, собралось оно изъ бѣглыхъ и удальцовъ и постоянно рубилось съ крымскими Татарами; по этому и говорятъ пословицы: »Орловцы — проломленныя головы,« — »Орелъ да Кромы старинные воры,« — »Ливны—всѣмъ ворамъ дивны, а Елецъ — всѣмъ ворамъ отецъ.«

3) Что же касается до пословицъ христіанскихъ, то ихъ можно читать въ Словѣ Даніила Заточника; а подробный разборъ былъ бы здѣсь не у мѣста. Переходя изъ устъ въ уста, пословицы въ позднее время мало по малу принимаютъ направленіе сатирическое, а чрезъ это болѣе и болѣе сглаживаются съ нихъ старинныя черты, такъ дорогія для историка.

Заговоры и заклятія, какъ и пословицы, ведутъ свое происхожденіе изъ глубокой языческой старины и первоначально служили мольбами при жертвоприношеніяхъ и сопровождались обрядовыми дѣйствіями. Но потомъ эти прославленія божествъ и выраженія прошеній постепенно теряли свой смыслъ и низошли до заклятія и наговора. Такъ клятва передъ Перуномъ: »да будемъ золоти яко золото« — для насъ непонятна; но произносившіе ее имѣли въ виду страшную болѣзнь проказу, которая за неправду, сожигая тѣло, сообщаетъ ему желтый цвѣтъ похожій на золото. Одна изъ дочерей Иродовыхъ, лихорадка желчная, называется желтѣя, желтуха, *златеница*. Заклятія солнцемъ сохранились отъ времени его обожанія; въ Нижегородской губерніи божатся въ подтвержденіе истины показаній: »Вотъ

тебѣ красное солнышко!« —А въ Галиціи говорятъ: »Солнце бы тебя побило!« Въ Словѣ о полку Ярославна обращается съ мольбой къ солнцу, водѣ и вѣтру, называя каждую стихію *господиномъ*. И рѣдкій заговоръ не заключаетъ въ себѣ припоминанія свѣтилъ небесныхъ, зори, воды, вѣтра и другихъ предметовъ языческаго обожанія природы. Съ этой точки зрѣнія многіе заговоры, повидимому безсмысленные, помогутъ выяснить религіозныя воззрѣнія древняго русскаго человѣка. Такъ въ заговорѣ одной рукописи говорится: »Встахомъ заутра и помолихсе Господу Богу и *дънницe*« (¹),—ясный признакъ языческаго поклоненія свѣтиламъ. »Зоря–зарница, красная дѣвица, швея–мастерица!« Въ другихъ заговорахъ есть такаго рода обращенія: »Матушка вода, обмываешь ты круты берега, желты пески, бѣлъ горючь камень своей быстриной и золотой струей!« — »Ты небо, слышишь! Ты небо видишь!« — »Ахти мати, бѣлая печь! Не знаешь ты себѣ ни скорби, ни болѣзни, ни щипоты, ни ломоты« ... — »Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, серебряные рожки, златыя твои ножки! Сойди ты мѣсяцъ, сними мою скорбь зубную, унеси боль подъ облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча.« Есть также обращенія къ Огню-полымю и къ Вѣтру буйному.

Приведемъ одинъ заговоръ вполнѣ, въ которомъ перемѣшиваются языческія понятія съ христіанскими. »Господи І. Хр. Сыне божій, помилуй насъ. Аминь. Стану я, рабъ божій благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота, въ чистое поле на востокъ, въ восточную сторону, подъ красное солнце, подъ младъ мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды, подъ утреннюю зорю, къ окіану морю. У окіана моря на крутомъ берегу лежитъ Латырь камень, на Латырѣ камнѣ церковь соборная, въ церкви соборной златъ престолъ, на златѣ престолѣ сидитъ бабушка Соломонія, Христа повивала, щепоты, ломоты унимала, садеста и болѣзни, порѣзи и посѣки отъ удару и отъ укладу и булату унимала, и запирала. Какъ изъ Латыря камня не воды, такожде изъ раба божія ни руды, ни садели, ни болѣзни; изъ курицы не молока, изъ пѣтуха ни яйца, ни изъ раба божія *N* ни руды; какъ Илья пророкъ изсушилъ рѣки, источники, такожде бы у раба божія *N* твердо утвердились (?). Рука заключись въ море, ключи въ небесахъ, замки достану; эти ключи и замки св. молитвами запру и укрѣплю, посѣки и удары, во вѣки вѣковъ. Аминь.« Обратимъ вниманіе, какое значеніе въ этомъ заговорѣ и во многихъ другихъ имѣютъ *частыя звѣзды*; ихъ Славяне даже призываютъ иногда сойти съ неба: »Звѣзды ясныя, сойдите въ чашу брачную.« — »Мѣсяцъ ты красный, звѣзды вы ясныя, солнышко ты привольное! сойдите, уймите раба божія отъ запоя!« Вѣрованіе въ Рожаницъ или богинь судьбы, которыя какъ Парки надѣляли человѣка при рожденіи дарами счастія и благами жизни, соединялось съ вѣрованіемъ въ счастливую звѣзду. Въ одной пѣснѣ молодецъ спрашиваетъ:

Ты скажи, скажи моя матушка родима:
Подъ которой ты меня звѣздою породила,
Ты какимъ же меня счастьемъ надѣлила?

Василій Буслаевъ говоритъ въ былинѣ: »Не даромъ мнѣ моя счастливая звѣзда дала силу богатырскую.« Такая вѣра въ предопредѣленія судьбы только и могла создать подобныя пословицы: »Такъ ему на роду написано,« — »Не родись ни уменъ, ни пригожъ, а родись счастливъ,« — »Суженаго конемъ не объѣдешь,« — »Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда божія не минути.« Вѣрованіе во влія-

(¹) Архивъ истор. юрид. кн. 2. пол. 2, отд. VI, 50.

ніе звѣздъ на судьбу людей привело къ мысли, что какъ скоро падаетъ звѣзда, такъ умираетъ человѣкъ:

Упадаетъ звѣзда поднебесная,
Угасаетъ свѣча воску ярова:
Не становится у насъ млада царевича.

Языческія моленія обращались въ кругу обыденныхъ нуждъ житейскихъ; нездоровые испрашивали себѣ облегченія; лѣченіе сопровождалось навязками—*наузами*, чтеніемъ молитвъ надъ водой; давали больнымъ священную глину и угли отъ жертвенника, соль, хлѣбъ и другія жертвенныя принадлежности. Замѣчательно, что всѣ эти аттрибуты не рѣдко сопровождаютъ заговариванья и доселѣ, но, разумѣется, употребляются безъ всякаго сознанія ихъ значенія. Какъ прежде хорошо знали заклинательныя и умилостивительныя молитвы приносившіе жертву, и они только давали силу разнымъ вещамъ; такъ впослѣдствіи составилось понятіе о знахаряхъ, вѣдунахъ и колдуньяхъ, какъ о лицахъ, близкихъ съ нечистой силой. Другіе заговоры имѣютъ цѣлью сохраненіе семьи и имущества отъ грозы, нападенія звѣрей, потопленія, отъ лука и меча вражескаго, отъ лихаго глаза, налета саранчи на хлѣбъ и т. п. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Курской губерніи употреблялся еще обрядъ умилостивленія мороза въ такомъ родѣ. Варили ячный кисель на молокѣ, ставили на окно и приговаривали: »Эй морозъ! иди къ намъ кисель ѣсть; не тронь нашихъ жита—пшеницы.«

Въ связи съ пословицей въ древнее время находилась *загадка*. Обѣ онѣ составляли часть поучительнаго наставленія, дидактическаго эпоса, и передавали изъ рода въ родъ познанія о мірѣ и жизни. Въ загадкахъ выразилось неодолимое стремленіе пытливаго ума неразвитаго язычника удовлетворить любознательности, рѣшать вопросы о загадочныхъ силахъ и явленіяхъ природы.

Рѣшеніе этихъ вопросовъ сначала предоставлялось божествамъ въ родѣ Одина и мудрыхъ Вилъ, а потомъ вѣщимъ дѣвицамъ, напримѣръ, Февроніи Муромской (См. ея житіе ниже). Въ одной пѣснѣ Симбирской губерніи также рѣшаетъ замысловатыя загадки семилѣтняя дѣвица:

Какъ по лугу 2 по зеленому
Идетъ дѣвка 2 семилѣтка;
За ней парень 2 бѣлкудрявый:
»Постой дѣвка 2 семилѣтка!«
Загану я 2 три загадки,
Изволь дѣвка 2 разгадати:
Да что ростетъ 2 безъ кореньевъ?
—Ростетъ камень 2 безъ кореньевъ.
»Да что цвѣтетъ 2 безо цвѣту?«
—Цвѣтетъ сосна 2 безо цвѣту.
»Да что шумитъ 2 безо вѣтру?«
—Шумитъ вода 2 безо вѣтру.

Потомъ загадка испытала на себѣ вліяніе христіанства. Въ стихѣ о Голубиной книгѣ рѣшаются важнѣйшія задачи старины, имѣющія основу въ древнихъ космогоническихъ воззрѣніяхъ. (См. стихъ ниже). Впослѣдствіи какъ языческій обрядъ перешелъ въ игры, такъ и загадка съ своимъ стариннымъ міросозерцаніемъ стала художественною забавою и игрою словъ.

Загадка имѣетъ родство *съ примѣтами*, выражая языческую мудрость давнишняго времени. Въ нѣкоторыя пословицы и загадки приходятъ прямо примѣты: »Ржетъ конь къ печали, ногою топаетъ къ погонкѣ.« Извѣстно, что въ воинскую пору конь былъ товарищемъ, соратникомъ бойца и отличался вѣщими предсказаніями, какъ говоритъ пѣсня о Маркѣ Кралевичѣ (См. Пушкина: »Что ты ржешь, мой конь ретивый«). При сочувствіи къ природѣ и обоготвореніи ея силъ, Славянинъ чутко прислушивался къ ея звукамъ, присматривался къ перемѣнамъ и дѣйствіямъ въ жизни животныхъ, къ явленіямъ въ средѣ стихійной борьбы и т. д. По разнымъ отступленіямъ отъ обычнаго

теченія вещей онъ заключалъ о волѣ боговъ, выражающихъ ее человѣку чрезъ видоизмѣненія природы. Такъ воронъ предвѣщаетъ бѣду; лебедь летитъ къ теплу, а гусь—къ холоду; стѣна трещитъ къ покойнику; соль разсыпается къ ссорѣ; если на крещенье на небѣ звѣзды, куры будутъ нести и горохъ родится, а будетъ наволочь — коровы молочны. Эти примѣты служили руководящей нитью въ практическомъ быту, и кто больше умѣлъ разрѣшать эти загадки природы, тотъ былъ мудрецомъ. (См. I. Екз. Болгар. 211—212 и ниже о примѣтахъ).

Такъ пословица, вмѣстѣ съ заговоромъ загадкой, всякимъ стариннымъ изреченіемъ и примѣтой, составляетъ часть эпическаго воззрѣнія нашихъ предковъ. Переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, она донесла до насъ изъ отдаленныхъ временъ черты и краски языческаго міросозерцанія, нравовъ, и обычаевъ, складъ характера и быта. Изучая народную поэзію, мы можемъ возстановить до нѣкоторой степени ходъ и направленіе темной жизни нашихъ предковъ. Въ народѣ живетъ множество суевѣрныхъ понятій, игръ и увеселеній, которыя вытекли изъ языческаго взгляда и утратили свой смыслъ; поэтому для разъясненія до-исторической судьбы русскаго народа необходимо изучать его этнографію.

(Составлено по статьѣ Ѳ. И. Буслаева: „Русскія пословицы и поговорки.“ Архивъ истор.-юрид. кн. 2, пол. 2, отд. IV, 1—176. См. Ист. рус. слов. Галахова. 1863 г I, 6—29).

Указатель статей: Поэтич. воззрѣнія Славянъ на природу. *А. Н. Аѳанасьева.* 3 тома, 1866—9. О миѳич. значеніи обрядовъ и повѣрій. *А. А. Потебни.* Чт. общ. 1865, II, 1—84, III, 85—232. IV, 233—310 и отдѣльно. М. 1865. Очерки *Буслаева.* Спб. 1861, два тома. Рус. богатыр. эпосъ. *Буслаева.* Рус. Вѣстн. 1862. Пѣсни историко-миѳическія. Рус. Бес. 1860. I, 1, 42—47, 82, 99, 165—167. Собр. пѣсенъ. *К. Калайдовича,* 1818 г. Пѣсни, собр. *П. И. Якушкинымъ.* Лѣт. рус. литер. 1859, 2, 17 — 20. Отеч. Зап. 1859 и отдѣльно 1865. Рус. простонародн. праздники и обряды. *Снегирева,* М. 1848. Сказанія рус. народа. *Сахарова.* Спб. 1841—46 г. Бытъ рус. народа. *Терещенко.* Спб. 1848 г. Разборъ этой книги въ Современ. т. XI, крит. 1—48, 85—139; XII, 95—138, также въ Полн. собр. соч. *К. Д. Кавелина* т. IV. Записки рус. Этнограф. общ. Спб. 1867. Годъ рус. земледѣльца. *Селиванова.* Рус. Бес. 1857. кн. I—IV, отд. 4. О сагахъ въ отношеніи ихъ къ древ. Рус. Исторіи. *С. Руссова.* Спб. 1834. О сагахъ см. Моск. Телеграфъ 1825, VII, 221 - 230; XV, 208—213; XVIII, 57—60. Библ для чт. 1834. I, 1—38; II, 1—72. 1836, XIX, 20—32. Ж. М. Н. Просв. ч. 80, VI, 34. Словарь рус. суевѣрій М. 1782 г. Тоже почти: »Преданія о народ. рус. суевѣріяхъ.« 1861. Великорусскіе сказки *Худякова.* М. 1860—2. Малорос. пѣсни. *Максимовича.* М. 1827. Кіевъ 1847. Пѣсни собран. *Рыбниковымъ.* 4 тома. 1861—67. Этнографическій вѣстникъ. Народныя южно-рус. пѣсни. *А. Метлинскаго.* Кіевъ 1835. Письмо Буслаева къ Соловьеву. Ист. Рос. II, въ прилож. Замѣчанія о праздн. у Малорос. *Сементовскаго.* Маякъ 1843, т. XI. Молодикъ. Украинс. Сборн. на 1843 г. X. Памятн. народн. быта Болгаръ съ 1862 г. *Каравелова.* Bàjeslownij Kalendàř Slovansky. *Гануша.* Прага 1860. Lud Ukrainsky. *Новосельскаго.* Болгарскія повѣрья. Ж. М. Н. Пр. ч. 52, II. стр. 204. Литер. прибавл. къ Ж. М. Н. Пр. 1846, 65. Объ историч. знач. рус. народной поэзіи. *Костомарова.* Харьк. 1843. Литовскія народныя пѣсни. *Юшкевича.* Спб. 1867. Народныя бѣлорусскія пѣсни. Собр. *Е. П.* Спб. 1854. Народн. пѣсни Вологодс., Олонец. губ. собр. *Студитскимъ.* Спб. 1841. Народныя сказки, собр. сельскими учителями. Изд *Эрленвейна.* М. 1863. Обычаи, повѣрья и проч. Малороссіянъ. *Маркевича.* Кіевъ 1860. Пісні, думкі и шумкі на Подолі... *Коціпіньскаго.* Кіевъ 1862. Пословицы русскаго народа Даля. М. 1862. Пѣсни крестьянъ Владимірс. и Костромс. губ. *Смирнова.* М. 1847. Пѣсни рус. народа, собр. *Сахаровымъ.* Спб. 1838—9. Пѣсни, собр. *П. В. Кирѣевскимъ.* М. 1860—68. Русскіе въ своихъ пословицахъ *Н. Снегирева.* М. 1832. Сборникъ Донскихъ народныхъ пѣсенъ. *А. Савельева.* спб. 1866. Сборникъ пѣсенъ Самарскаго края. *Варенцова.* Спб. 1862. Сборникъ рус. духовн. стиховъ. *Егоже.* Спб. 1860. Собр. малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ. *Ед[illegible]* Спб. 1861. Уральцы *I. Желѣзнова.* М. 1859. Этнографич. Сборникъ. Спб. 1853—1862, 1864.

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

32. Развитіе языческихъ вѣрованій.

Языческія вѣрованія у всѣхъ народовъ имѣютъ свою исторію; они создаются не вдругъ, а постепенно съ развитіемъ народной жизни, съ медленнымъ усвоеніемъ уму и памяти внѣшнихъ явленій природы. Первоначально религіозныя языческія вѣрованія создаются одинаковымъ образомъ у всѣхъ различныхъ народовъ, потому что все основывается на не посредственныхъ чисто естественныхъ условіяхъ. Впослѣдствіи приходятъ рѣзкія отличія ради мѣстныхъ особенностей и разныхъ историческихъ вліяній и событій. Безъ сомнѣнія, излагая народныя вѣрованія въ процессѣ ихъ созданія, надобно будетъ основываться на логическихъ законахъ всякаго развитія, ибо осязательнаго указанія хронологическаго не имѣемъ. Но это не должно устрашать: самый характеръ того или другаго преданія и повѣрья укажетъ на ближайшее или отдаленнѣйшее время его появленія. Всякое развитіе начинается ab ovo: какъ изъ непримѣтнаго зародыша выростаетъ цѣлый организмъ, такъ изъ едва сознаваемыхъ зачатковъ какой-либо идеи образуется полная система. Обращаясь къ славянскому язычеству, замѣчаемъ, что вопросъ религіи воплощалъ въ себѣ всѣ успѣхи народнаго развитія въ его стремленіи отъ непосредственности къ жизни ума и чувства. Первый шагъ этого развитія долженъ былъ состоять въ смутно-зародившейся въ человѣкѣ мысли объ отношеніяхъ его къ міру окружающему. Славянинъ почувствовалъ, что есть что-то могучее, имѣющее сильное вліяніе на его собственное существованіе; отдѣливши себя отъ остальной природы, онъ увидѣлъ свою слабость и ничтожность предъ тою силою, которая заставляла его испытывать жаръ и холодъ, свѣтъ и отсутствіе свѣта, которая могла дать ему пищу и лишить пищи. Природа явилась человѣку и могучею силою, требующею полнаго и безотчетнаго подчиненія, и матерью, которая вскормила его собственною грудью. Онъ призналъ ее за нѣчто высочайшее и повергся предъ нею съ смиреннымъ чувствомъ младенческаго благоговѣнія. Человѣкъ былъ еще дитя, которое впервые улыбалось блестящей, красивой формѣ и впервые чувствовало боязнь при взглядѣ на что-нибудь безобразное или ему чуждое. Для него еще не существовалъ анализъ. Вся природа представлялась цѣльною, единою; вся она являлась однимъ великимъ чудомъ; слово »божество,« вылетѣвшее изъ устъ человѣка, обняло собою все богатство и все разнообразіе образовъ и силъ, составляющихъ природу. Отсюда понятно, что языческая миѳологія начинается съ единобожія, но единственно вслѣдствіе отсутствія анализа: божествомъ является недѣлимая природа. Слѣдовательно отъ этого представленія еще далеко до единобожія, признаваемаго при конечномъ развитіи язычества, вслѣдствіе вліянія философскаго. Съ большими успѣхами ума, условливаемыми наблюдательностію и новостью впечатлѣній, человѣкъ начинаетъ знакомиться съ многоразличіемъ явленій природы, умъ вызывается къ работѣ и понятіе о божествѣ дробится. Слѣдовательно, въ эпоху первоначальнаго язычества, многобожіе указываетъ на большую или меньшую развитость народа. Исчерпавши источникъ познанія, заключенный въ живомъ наблюденіи явленій природы, умъ человѣческій обращается въ область чистаго мышленія, и тогда начинается отрицаніе многобожія.

Въ періодъ своего младенчества Славя-

нинъ былъ погруженъ въ жизнь не посредственную; онъ любилъ природу съ дѣтскимъ простодушіемъ, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ея явленіями, которыми опредѣлялись его естественныя нужды. Въ ней находилъ онъ живое существо, сочувствующее человѣку; въ ней видѣлъ онъ родное...

Когда настала пора анализа, тогда болѣе уловимыя для впечатлѣнія силы природы отдѣлялись прежде и обоготворялись въ особенныхъ божествахъ. При такомъ раздробленіи общее понятіе о божествѣ, воплотившее въ себѣ всю природу, какъ единую, мало помалу затѣмнялось, потому что съ нимъ не соединялась опредѣленная субстанція. Могущество, старѣйшинство, благотворное вліяніе, соединившіяся съ этимъ понятіемъ, переносились на другихъ главныхъ боговъ. Вотъ почему тамъ, гдѣ еще не утратилось со всѣмъ преданіе о божествѣ, какъ общемъ, безъ всякаго опредѣленія его существа, тамъ смѣло можно говорить о неразвитости язычества. Такое преданіе встрѣчаемъ мы у Славянъ: въ договорѣ Игоря съ Греками читаемъ: »да не имутъ помощи отъ Бога, ни отъ Перуна;» »да будетъ онъ клятъ отъ Бога и отъ Перуна;« то же преданіе занесено въ записки Прокопія и Гельмольда. Этого-то »бога« могли называть старымъ, великимъ (*т. е. старшимъ*), прабогомъ (*сличи—прадѣдъ*); слѣдовательно его ставили въ родоначальники боговъ, за которыми потому оставляли названіе прибоговъ. Послѣ это старѣйшинство было перенесено на Сварога (отъ санкрит. *сварга*: *свар*—небо, *га*—хожденіе—небесный, солнечный, путь). Съ дальнѣйшимъ развитіемъ умъ человѣческій подмѣчалъ различныя проявленія элемента свѣта и тепла, понимаемаго имъ въ началѣ цѣлостно. Такое дѣленіе, вносимое познающею способностью, не противорѣчило поэтическому чувству, которое все облекаетъ въ живой образъ. Дѣло

ума поэтически выразилось въ естественной формѣ рожденія новыхъ божествъ отъ Сварога. Здѣсь первый актъ обожествленія человѣческой субстанціи. Одни только отношенія и зналъ и понималъ человѣкъ; въ нихъ онъ самъ обращался и ихъ перенесъ на божества, какъ отношенія, воспитывающія въ человѣкѣ нравственное чувство. Изъ классическаго мѣста Ипатьевской лѣтописи, указаннаго Шафарикомъ, ясно видно, что у Сварога былъ сынъ Дажь-богъ—солнце, отъ *дагъ*-день, дневной свѣтъ; *дажь*-прилагательное притяжательное. У Сварога былъ и другой сынъ; въ Словѣ Христолюбца читаемъ: »и огневи молятся, зовутъ Сварожицемъ.« Отечественная форма прямо указываетъ, что огонь Сварожичь былъ сынъ Сварога, братъ Дажьбога. И такъ небо родило свѣтъ солнечный (*небесный*) и огонь. Всѣми археологами Перунъ былъ принимаемъ за божество молніи, что подтверждаетъ и филологія. Сварогъ есть общій источникъ небеснаго свѣта, Дажьбогъ—свѣтъ солнечный, Перунъ—свѣтъ молніи; какъ Дажьбогъ различенъ отъ Сварога такъ и Перунъ: и тотъ и другой особенныя проявленія силъ природы ([1]).

Но въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ былъ Перунъ къ прочимъ свѣтлымъ божествамъ, рѣшить трудно, ибо опредѣлительныхъ свидѣтельствъ нѣтъ. По преданію, Сварогъ, оставаясь въ вѣчномъ покоѣ, предоставляетъ творчество и управленіе міра своему роду. Творческая оплодотворяющая сила бога приписана Славяниномъ Дажьбогу, безъ животворящихъ лучей котораго не возможно никакое развитіе: холодъ и мракъ убиваютъ жизнь. Отдѣляемыми отъ себя лучами солнце ожи-

---

О невѣрности отождествленія г. Соловьевымъ Перуна съ Сварогомъ говоритъ и г. Шеппингъ въ своей рецензіи въ Москвит. 1850 г. № 7 стр. 86—87.

вляетъ природу и даетъ ей возможность производить. Когда восходитъ солнце, то отъ лучей его разбѣгается мракъ; темную, нечистую силу божества, по повѣріямъ, разитъ молнія. Какъ лучамъ солнца приписывается сила, возбуждающая плодородіе, такъ та же сила приписана и молніи. Сербская пѣсня говоритъ о гармоніи, данной міру молніею; а хорутанское преданіе свидѣтельствуетъ, что на землѣ началась жизнь только съ того времени, какъ внутри ея загорѣлся огонь. У насъ вѣрятъ, что первый весенній громъ оживляетъ природу послѣ зимняго сна; только съ того времени деревья начинаютъ распускаться. Когда раздается ударъ перваго грома, то всѣ спѣшатъ умыться водою, которая въ это время молодитъ и краситъ лицо, даетъ здоровье и счастіе. Тоже говорятъ и о первомъ весеннемъ дождѣ...

Славянинъ не могъ не обратить вниманія на различіе проявленій свѣта въ лунѣ, звѣздахъ, зарѣ и радугѣ, и всѣ эти проявленія свѣтлой силы обоготворилъ въ особенныхъ божествахъ. Въ преданіяхъ западныхъ Славянъ находимъ прямыя указанія на родственныя связи этихъ божествъ: князь *(старшій)*—солнце имѣетъ двѣнадцать сыновей, которые живутъ на звѣздахъ. Солнце, какъ источникъ жизни, представляется молодымъ и прекраснымъ юношею; оно сидитъ на золотомъ престолѣ и ѣздитъ въ колесницѣ, запряженной бѣлыми лошадьми, ему прислуживаютъ двѣ солнцевы дѣвы: заря утренняя и заря вечерняя, которыя всегда сопровождаютъ солнце. Въ одной русской пѣснѣ заря названа сестрой солнца:

Заря-ль моя зоринька,
Заря, солнцева сестрица!

Утренняя заря выводитъ бѣлыхъ коней Дажьбога; потому въ Каринтіи ее называютъ дъжницею, т. е. утренница—слово, близкое съ денницей *(Венерой)*. Эта звѣзда въ сербской пѣснѣ также называется сестрой солнца. Изъ того повѣрія, что сыновья солнца жили на звѣздахъ, можно представлять звѣзды дѣтьми Дажьбога; отчасти это подтверждается нашими колядками, въ которыхъ отецъ *(домовладыка)* сравнивается съ мѣсяцемъ, жена его съ солнцемъ, дѣти съ звѣздами. По литовскимъ преданіямъ, звѣзды родились отъ божественной четы солнца и мѣсяца.

Та же оплодотворяющая сила, которую народная фантазія отнесла къ Дажьбогу и Перуну, приписывается преданіями и звѣздамъ... Оплодотворяющее вліяніе звѣздъ, вѣроятно, простиралось не на однихъ овецъ, а на всѣхъ животныхъ. Этимъ преданіемъ Велесъ *(Волосъ)* получаетъ тѣсную связь съ божествомъ свѣта и тепла. Г. Срезневскій въ своей статьѣ »Объ обожаніи солнца у древнихъ Славянъ,« утверждаетъ эту связь самыми положительными доказательствами. Г. Соловьевъ напрасно видитъ въ божествѣ Велеса финское вліяніе. Изъ сравненія Святославова договора съ Греками и Несторова показанія объ языческихъ божествахъ отчасти видно тождество Велеса съ Дажьбогомъ; у Нестора второе мѣсто послѣ Перуна занимаетъ Хорсъ и вовсе нѣтъ имени Велеса; въ договорѣ же второе мѣсто послѣ Перуна занимаетъ Волосъ. На то же тождество указываетъ и названіе Бояна Велесовымъ внукомъ, ибо дѣломъ всѣхъ людей преданіе называетъ Дажьбога. Вопросъ этотъ заслуживаетъ особеннаго и обстоятельнаго разсмотрѣнія *(О Велесѣ въ Соврем. 1852 г. № 10, крит., стр. 24—25)*.

Не менѣе трудный вопросъ представляется при разсмотрѣніи родственныхъ отношеній солнца къ мѣсяцу. Въ одной сербской пѣснѣ солнцева сестра называется »мјесечева првобрату чеда,« т. е. племянница мѣсяца, слѣдовательно мѣсяцъ является дядею солнцу; въ другихъ же пѣсняхъ онъ называется братомъ солнца. Но изъ нашихъ колядокъ можно заключить, что мѣсяцъ почитается мужемъ

солнца, которое представлялось въ женскомъ полѣ; такому олицетворенію солнца въ образѣ женщины соотвѣтствуютъ и нѣкоторыя народныя преданія. Поворачивая на лѣто, солнце наряжается въ праздничный сарафанъ и кокошникъ; на Ивановъ день оно выѣзжаетъ на встрѣчу къ своему супругу мѣсяцу, пляшетъ и разсыпаетъ по небу плодотворныя лучи; когда съ окончаніемъ лѣта погребаютъ Ладу (*имя придаваемое солнцу*), то куклу, ее представляющую, одѣваютъ въ женскій нарядъ. Г. Буслаевъ прекрасно доказываетъ, что самое слово »солнце,« въ первоначальной своей формѣ, было женскаго рода. Это представленіе имѣло связь съ большею непосредственностію человѣка, который силу творческую видѣлъ и признавалъ только въ актѣ рожденія. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ Славянинъ убѣдился, что солнце не само рождаетъ, но что воздѣйствіемъ своихъ лучей оно оплодотворяетъ мать сырую-землю, которая все производитъ изъ своихъ нѣдръ. Тогда-то солнце женскій полъ перемѣнило на мужескій. Такимъ образомъ въ нашихъ преданіяхъ о солнцѣ и мѣсяцѣ уцѣлѣли гораздо древнѣйшія вѣрованія язычества, нежели у западныхъ Славянъ...

Въ такихъ образахъ Славянинъ поклонялся творческой силѣ жизни, которая для живаго существа есть благо, добро, красота. Человѣку естественно чувствовать привязанность къ жизни и страхъ смерти. Обоготворивъ, какъ благо, все связанное съ развитіемъ и жизнію, Славянинъ долженъ былъ инстиктивно отступить съ боязнью отъ всего, что было противно развитію жизни. Это противоположное начало должно было высказаться въ явленіяхъ, совершенно отличныхъ отъ явленій, признанныхъ благими и прекрасными: въ этомъ случаѣ также должна была сказаться внѣшная, физическая природа. Когда скрывается благотворный свѣтъ солнца—наступаетъ темнота: иногда свѣтъ этотъ потемняется и днемъ туманомъ и тучами. Съ элементомъ свѣта сливается элементъ теплоты, отсутствіе котораго производитъ враждебный человѣку холодъ. Мракъ отнимаетъ способность видѣть и различать вѣчную дѣятельность природы; съ нимъ соединяется сонъ, образъ смерти; вѣчная тьма вредна произрастительности. Холодъ убиваетъ развитіе и жизнь во всѣхъ царствахъ природы, если не будетъ отстранено это гибельное вліяніе; онъ вызываетъ человѣка на непріятный трудъ строить жилища, заготовлять пищу и теплую одежду. Человѣкъ долженъ поселиться у домашняго очага. Вотъ почему эти физическія явленія (*мракъ и холодъ*) для Славянина были выраженіемъ силы недоброй, нечистой (*чистый—свѣтлый, очищеніе въ религіозномъ смыслѣ*). Будучи младенцемъ, находясь въ полной власти природы, Славянинъ обоготворилъ и эту силу, какъ высшую, неотвратимую; за темнотою до сихъ поръ остается въ народѣ понятіе чего-то таинственно страшнаго. Такъ возникъ дуализмъ: въ началѣ онъ истекалъ не изъ нравственной основы человѣка, а изъ естественныхъ физическихъ условій и ихъ различнаго воздѣйствія на живой организмъ. Нравственныя основанія приходятъ послѣ и прикрѣпляются уже къ готовымъ положеніямъ дуализма. Первоначально все понимается съ внѣшней матеріальной стороны. У западныхъ Славянъ такой дуализмъ прямо выразился въ божествахъ: Бѣлбогъ (*бѣлый-свѣтлый*) и Чернобогъ. Подобное выраженіе дуализма существовало и у Славянъ восточныхъ, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ географическія названія урочищъ и городищъ, собранныя Ходаковскимъ. У Бѣлоруссовъ преданіе о Бѣлбогѣ сохранилось въ разсказахъ о миѳическомъ лицѣ Бѣлунѣ (*Смот. Прил. къ Жур. М. Н. Пр., 1846 г. кн. I, стр. 7—*

8). Филологія превосходно подтверждаетъ существованіе у Славянъ дуализма. Слова, означающія блескъ и свѣтъ, выражаютъ понятія блага, счастія и красоты, тогда какъ слова, означающія темноту, выражаютъ понятія зла, бѣдствія, безобразія; такъ: красный (*красное солнышко, красная дѣвица, красный молодецъ*), прекрасный, краса, красота; черный—черная душа; черти всегда представляются черными и безобразными. Со свѣтлыми, бѣлыми божествами Славянинъ сознавалъ свое родство, ибо отъ нихъ ниспосылается человѣку жизнь, между тѣмъ какъ боги темные, нечистые все мертвятъ и убиваютъ. Боги свѣта и тепла, какъ представители жизни, были олицетворены народною фантазіею въ юныхъ прекрасныхъ образахъ; съ ними соединялось понятіе о высшей справедливости и благѣ. Во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ »солнце« значитъ счастіе; къ свѣтиламъ дня и ночи обращены всѣ заговоры съ мольбою о помощи. Подобное обращеніе къ солнцу высказывается и въ словахъ Ярославны и въ слѣдующемъ причитаніи, сохранившемся въ устахъ нашего народа:

Солнышко, солнышко,
Выгляни въ окошечко,
Твои дѣтки плачутъ,
Пить—ѣсть просятъ.

Напротивъ съ темною и холодною силою природы, съ черными божествами, было соединено все старое, безобразное, злое. Отсюда объясняется и филологическая связь всѣхъ понятій, означающихъ что-либо непріятное или враждебное человѣку, сличи слова: мракъ, мразъ, (*морозъ*), моръ, морена, смерть, мерзость, хмара (*туча*), марать, смрадъ, смердѣть. Главнымъ олицетвореніемъ нечистой силы была Морена (*смерть—отъ моръ, морить*), имя, до сихъ поръ упоминаемое въ малоросійскихъ пѣсняхъ. Понятно, почему смерть на лубочныхъ картинахъ представляется черною и уродливою; почему моры и болѣзни олицетворены народною фантазіею въ безобразныхъ формахъ, почему наконецъ нѣкоторые недуги почитаются испорченностію, насланною при помощи нечистой силы, а животныя, родившіяся съ какимъ-нибудь порокомъ, признаются порожденіемъ той же силы и потому—нечистыми.

Божества свѣтлыя и темныя имѣли свои особенныя жилища, соотвѣтственно своему различному характеру, и находились между собою въ постоянной борьбѣ...

Жилище свѣтлыхъ боговъ, по преданію западныхъ Славянъ, полагается на востокѣ, откуда восходитъ солнце. Здѣсь-то вмѣстѣ съ своимъ родомъ живетъ оно въ чертогахъ и отсюда отправляется гулять по небу. Здѣсь страна вѣчнаго лѣта. Противоположно жилищу свѣтлыхъ боговъ, жилище нечистой силы представляется въ безплодныхъ горахъ, гдѣ царствуютъ вѣчный холодъ и вѣчная тьма. Можно думать не безъ основанія, что язычники полагали страну нечистой силы на западѣ; въ одномъ словѣ Туровскаго сказано: »мука далеко лежитъ на западѣ.« Преданія говорятъ, что лихоманки (*лихорадки*) жили въ снѣжныхъ горахъ, а морозы на лѣто заключались въ желѣзныя горы; всѣ олицетворенія нечистой силы представляются замороженными...

Между божествами свѣта и тьмы, тепла и холода, происходитъ вѣчная нескончаемая борьба, потому что обоготворенныя въ нихъ естественныя явленія не совмѣстны и взаимно другъ друга исключаютъ. У Словаковъ сохранилось слѣдующее знаменательное преданіе: когда солнце выходитъ изъ своихъ чертоговъ гулять по свѣту, то нечистая сила собирается и ожидаетъ его возвращенія, надѣясь захватить нечаянно свѣтило дня и умертвить его. Но при одномъ приближеніи солнца она разбѣгается, чувствуя свое безсиліе. Въ этой эпической формѣ раз-

сказано, какъ первые солнечные лучи, прорѣзавшіе горизонтъ, прогоняютъ мракъ; будто испуганный онъ прячется въ разсѣлины скалъ, бѣжитъ къ подошвамъ горъ и останавливается только въ глубинѣ пещеръ и въ безднахъ, куда не достигаютъ лучи солнца. Каждый день повторяется борьба, и каждый день побѣждаетъ солнце. Въ день святаго Иліи, Перунъ поражаетъ нечистую силу, крестьяне ожидаютъ въ это время дождя и тучь. Такимъ образомъ молнія (*Перунъ*) разбиваетъ тучи, затемняющія небо и благотворныя лучи солнца.... Оттого всякое затмѣніе солнца, особенно во время необыкновенное, почиталось худымъ предзнаменованіемъ. »Погибе солнце и бысть яко мѣсяцъ, его же глаголятъ невѣгласи снѣдаемо солнце.« Божествамъ свѣтлымъ былъ посвященъ пѣтухъ, предвѣщающій утро; вотъ почему крикъ его былъ страшенъ нечистой силѣ, которая убѣгаетъ тотчасъ, какъ закричитъ пѣтухъ. Дѣятельность нечистой силы соединяется преданіями съ ночью и зимой; напротивъ того свѣтлыя божества любятъ день и лѣто. 9 ноября зима вступаетъ на ноги, нечистая сила выходитъ изъ ада и своимъ выхожденіемъ производитъ холода, метели, вьюги, оковывающіе природу; отъ желѣзныхъ горъ прилетаютъ морозы. 12 декабря »солнце поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ« Начинаются самые сильные холода, истребляющіе сады, огороды и хлѣба: являются простудныя болѣзни, и нечистая сила, вылетающая на бѣлый свѣтъ, связывается съ вѣдьмами, бѣгаетъ по полямъ и дуетъ въ кулакъ, отъ чего бываетъ трескъ и мятель, морозъ и холодный вѣтеръ. Пятаго января на всѣхъ окнахъ и дверяхъ чертятъ противъ нечистой силы кресты, ходя съ двумя пирогами. Пироги говорятъ о жертвѣ; извѣстно, что жертвы приносились и нечистой силѣ: такъ предъ великимъ днемъ даютъ морозу ложку киселя, чтобы не

билъ льну, коноплей и овса. Нечистая сила любитъ темноту и во время пребыванія своего на землѣ, поселяется въ мрачныхъ лѣсахъ и болотахъ: »въ тихомъ омутѣ (*мутный*, *темный*) черти водятся.« Всѣ чары, при совершеніи которыхъ призывается нечистая сила, и собираніе чародѣйственныхъ травъ совершаются ночью. Вѣрнѣйшимъ средствомъ противъ нечистой силы считаютъ начерченый кругъ, какъ знаменіе образа небесныхъ свѣтилъ и ихъ оборота. Обрядъ »опахыванья« состоитъ въ начертаніи около села круга, потому что чрезъ эту черту не можетъ перейдти смерть. И такъ нечистая сила обнимаетъ всѣ явленія смерти, мрака, холода...

Мы разсмотрѣли обожаніе одной стихіи свѣта и связаннаго съ нимъ тепла; но Славяне обожали и другія стихіи: землю, и воздухъ, и воду, которую признавали искони-сущею и изъ которой родилась земля. На все это преданія представляютъ несомнѣнныя доказательства. Эти преданія собраны съ сочиненіи г. Срезневскаго »О богослуженіи языческихъ Славянъ.« Мы припомнимъ только, что преданія наши говорятъ о водяныхъ и морскомъ чудѣ, что Стрибогъ (*Стри* на моравскомъ языкѣ значитъ воздухъ) былъ дѣдъ вѣтровъ, что мать сыра— земля обожалась: къ ней обращался Славянинъ въ августѣ, заговаривая жниву отъ враждебной нечистой силы: »Мать сыра— земля! уйми ты всякую гадину нечистую отъ приворота, оборота и лихаго дѣла« и пр... Земля, воздухъ и вода, какъ стихіи, вліяющія на развитіе жизни обоготворились Славяниномъ, но не могли стать въ основаніе его религіозной системы. Причина та, что главное условіе жизни находится внѣ ихъ— въ элементѣ свѣта и тепла. Только дѣйствіемъ благотворныхъ весеннихъ лучей солнца, земля получаетъ силу производительности, вода сбрасываетъ ледяныя оковы и воздухъ наполняется живи-

тельною теплотою. Съ отсутствіемъ этихъ лучей земля застываетъ, воды сковываются льдами, воздухъ сгущается и начинаются вихри и мятели. Зима мертвитъ природу во всѣхъ ея стихіяхъ, а весна ея возраждаетъ. Оттого основнымъ исходнымъ началомъ славянской религіи былъ элементъ свѣта и тепла; для выраженія этого поклоненія народная фантазія создала столько божественныхъ образовъ. Обоготвореніе другихъ стихій развивалось по мѣрѣ участія ихъ въ творчествѣ и по степени ближайшей или отдаленнѣйшей связи съ свѣтомъ и теплотою. Такъ вѣтры зимніе почитались порожденіемъ нечистой силы, которая бѣгаетъ по полямъ и дуетъ въ кулакъ. Напротивъ лѣтніе и весенніе вѣтры сопровождаютъ молнію и громъ, прогоняютъ вредныя испаренія и очищаютъ атмосферу, они приносятъ весною семена на землю изъ страны вѣчнаго лѣта; они навѣваютъ въ грудь человѣка любовь; наконецъ ими доносится и молнія, все оплодотворяющая въ природѣ. Дождь и росы по связи перваго съ громомъ, а послѣднихъ съ зарями, получили особенно важное значеніе въ обрядахъ; снѣгу мартовскому приписали благотворную силу и проч. Такимъ образомъ обожаніе свѣта и теплоты проникало всѣ повѣрья и всѣ образы славянскаго язычества.

Стихіи обожались въ началѣ какъ непосредственныя явленія природы; но впослѣдствіи они принимаютъ человѣческіе образы. Такое перенесеніе человѣческой субстанціи на божества было плодомъ долгаго развитія. Нѣкоторыя силы природы не достигли полнаго олицетворенія, что опять указываетъ на неразвитость нашей миѳологіи. Кромѣ указанныхъ выше божествъ, Несторъ упоминаетъ еще о кумірахъ Мокоша и Симаргла (*Сима и Регла*), о которыхъ въ настоящее время нельзя предложить ничего вѣрнаго...

Перейдемъ въ избу Славянина; сюда

перенесъ онъ тоже обожаніе стихійныхъ божествъ. Очагъ, доставлявшій человѣку свѣтъ и тепло, обожался какъ пенатъ, охранявшій домашнее счастіе; съ развитіемъ язычества это божество олицетворено въ дѣдушкѣ домовомъ, что подтверждается обрядомъ при переходѣ на новоселье. Въ Польшѣ домовой называется »Выгорище,« а у Бѣлоруссовъ—»Подпечка.« Въ домовомъ выразилось идеальное представленіе русскаго хозяина, домовладѣтеля. По повѣрью должно отличать своего домоваго отъ чужаго; послѣдній—лихой, тогда какъ первый—добрый. Оттого въ заговорахъ испрашивается защита »отъ чужаго домоваго,« а при переходѣ въ новый домъ перезываютъ съ собою стараго домоваго, чтобы чужой не раззорилъ двора. По связи съ огнемъ домовой живетъ за печкою, и ему приносили въ жертву пѣтуха. Поклоненіе источникамъ и рѣкамъ особенно наглядно выразилось въ образѣ дѣдушки-водянаго, которому былъ посвященъ гусь. Своего водянаго тоже должно отличать отъ чужаго. Преданіе о водяномъ тѣсно связывается съ вѣрованіемъ въ русалокъ и мавокъ. О русалкахъ въ статьѣ г. Соловьева находимъ превосходное изслѣдованіе (*въ Архивѣ Колачова*). Жаль только, что онъ не постарался опредѣлить, что́ въ данныхъ повѣрьяхъ древнѣйшее и что́ принадлежитъ позднѣйшимъ олицетвореніямъ. Догматизмъ здѣсь особенно былъ не у мѣста.

(*А. Н. Аѳанасьева. Арх. Колач. II).*

33. О Славянской миѳологіи.

...Дѣло несомнѣнное, что всѣ Славяне въ своихъ языческихъ вѣрованіяхъ вышли изъ одного начала, именно—обожанія видимыхъ силъ природы и признанія единаго небеснаго Бога (*называемаго также Сварогомъ*); но столь же вѣрно и то, что въ дальнѣйшемъ развитіи ми-

ѳеологіи не всѣ онѣ слѣдовали одному пути и не всѣ ушли одинаково далеко. Это развитіе должно было зависѣть отъ обстоятельствъ, и въ особенности отъ того, съ какими народами соприкасалась та или другая славянская вѣтвь... Славяне балтійскіе олицетворяли въ богахъ силы природы; боговъ они изображали въ кумірахъ, кумірамъ воздвигали храмы, для присмотра за храмами и служенія богамъ назначали особыхъ жрецовъ, которые совершали богослуженія по извѣстному чину, съ извѣстными обрядами; наконецъ на содержаніе жрецовъ и на богослуженіе опредѣлили доходы, частію постоянные, частію случайные,—и это іерархическое устройство съ теченіемъ времени, усилилось до такой степени, что князь или воевода (rex) сдѣлался просто исполнителемъ жреческой воли (¹)...

До такой крайности богослужебное устройство не достигло нигдѣ у другихъ славянскихъ племенъ. Племена эти не стояли на одинаковой степени въ отношеніи къ господству куміровъ и храмовъ въ ихъ языческой религіи. Русскіе Славяне лишь подъ вліяніемъ Варяговъ пришли къ мысли изображать своихъ боговъ въ истуканахъ, и первые истуканы поставлены были Владиміромъ, княземъ кіевскимъ, на холмѣ Перуну, Хорсу, Дажьбогу и др., и подобнымъ образомъ Добрынею въ Новгородѣ— Перуну надъ Волховомъ рѣкою. Однако, при этомъ же Владимірѣ уже являются на Руси храмы, вѣроятно, имъ же сооруженные, въ которыхъ онъ, по словамъ саги объ Олавѣ Тригвесонѣ, самъ приносилъ жертвы. О другихъ храмахъ на Руси есть только намеки въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ. Еще менѣе находимъ указаній у чешскихъ Славянъ. Въ Краледворской рукописи въ пѣснѣ »Зъ чрьна лѣса« говорится: »Гдѣ

(¹) См. Ист. балтійс. Славянъ. *А. Ѳ. Гильфердинга.* М. 1855 г.

батюшка давалъ кормъ (*жертвы*) богамъ, куда онъ хаживалъ къ нимъ на возглашеніе, тамъ порубили всѣ деревья и *разрушили всѣхъ боговъ.*« Козьма Пражскій, по случаю разсказа о княжнѣ Тетѣ, обращается къ своему времени (ум. въ 1125) и говоритъ: »И доселѣ между многими изъ поселянъ, точно между язычниками, иной чтитъ источники или огни, иной обожаетъ лѣса и деревья, либо каменья, иной приноситъ жертвы горамъ или холмамъ, иной кланяется *идоламъ* глухимъ и нѣмымъ, *которые самъ себѣ сдѣлалъ*, моля, чтобы они правили домомъ его и имъ самимъ« (стр. 10). Но эти слова Козьмы относятся, очевидно, только къ домашнимъ, частнымъ божкамъ, которыхъ у Чеховъ называли *Скритками* и *Шетками*, у Русскихъ—домовыми и т. п...

Ни въ одномъ изъ достовѣрныхъ источниковъ нѣтъ ни малѣйшаго намека, чтобы у Чеховъ и Моравань были когда-либо общественные, чтимые всенародно, куміры или храмы боговъ языческихъ, какъ Перунъ кіевскій, Святовитъ арконскій и др. Нужно при этомъ взять во вниманіе, что Франки и Нѣмцы уже съ начала IX стол., когда язычество находилось у Чеховъ и Моравань въ полной силѣ, стали къ нимъ не однократно вторгаться, и что борьба ихъ съ этими Славянами, равно какъ съ балтійскими, имѣла, кромѣ государственной, также и вѣроисповѣдную цѣль, истребленіе у нихъ язычества; и, не смотря на это, въ ихъ лѣтописяхъ мы не находимъ нигдѣ извѣстія, чтобы они встрѣтили или разрушили въ Чешской и Моравской землѣ какой-либо языческій храмъ, какой-либо идолъ...

Какъ на Руси (¹), такъ и здѣсь, въ Чехіи и Моравіи, нѣтъ никакаго слѣда

(¹) Объ отсутствіи у нашихъ предковъ языческихъ храмовъ и жрецовъ весьма вѣрно разсуждалъ еще *митроп. Платонъ* въ своей »Краткой церков. рос. исторіи.«

особаго сословія, назначеннаго для богослуженія, для исполненія языческихъ обрядовъ, нѣтъ никакаго упоминовенія о жрецахъ. Въ пѣснѣ объ Пекланѣ Войміръ самъ, на вершинѣ скалы, зажигаетъ жертву богамъ спасамъ; Забой зоветъ витязя Славоя принести множество жертвъ и т. д. Не забудьте, что пѣснь принадлежитъ, по крайней мѣрѣ, половинѣ IX в., когда язычество уже вело у Чеховъ отчаянную, предсмертную борьбу за свое существованіе: потому нельзя предполагать, чтобы въ послѣдствіи еще, при самомъ паденіи язычества, Чехи принялись строить храмы и учреждать жреческое сословіе. И такъ, съ полною увѣренностію можно сказать, что чешскіе Славяне никогда не имѣли жрецовъ, а тѣмъ менѣе такихъ, какіе образовались у Славянъ балтійскихъ. Гдѣ не было общественныхъ куміровъ и храмовъ, тамъ не было никакой нужды въ жрецахъ. Въ этомъ-то именно я вижу одну изъ главныхъ причинъ, почему всѣ славянскія племена, за исключеніемъ балтійскихъ, вездѣ свободно и охотно принимали христіанскую вѣру, какъ скоро проповѣдники ея приходили вѣстниками мира, а не съ оружіемъ въ рукѣ. Ибо не было никого, кто бы терялъ отъ принятія новой вѣры, какъ теряли жрецы у балтійскихъ Славянъ, (а также у Пруссовъ и Литвы), которые лишались чрезъ это своихъ доходовъ и богатствъ, своего значенія, словомъ—всего своего существованія, и потому употребляли всевозможныя средства, дабы отвратить отъ себя гибель, подстрѣкали народъ къ сопротивленію, къ кровавымъ и истребительнымъ войнамъ и, не щадя даже мирныхъ проповѣдниковъ евангелія, убивали ихъ и приносили въ жертву своимъ богамъ, вѣрнѣе сказать—своимъ выгодамъ...

Иные предполагаютъ, что двѣ премудрыя дѣвы выученныя вѣщаніямъ, которыхъ изображаетъ древнѣйшая чешская пѣснь о Любушиномъ судѣ, были жрицы,

или какія-нибудь другія служительницы языческихъ боговъ... Дѣвы тутъ простыя служительницы суда, *судныя дѣвы*, какъ пѣснь ихъ дѣйствительно называетъ; онѣ тутъ для того, чтобы своею вѣщею мудростью извлечь, въ случаѣ нужды, изъ огня и воды обличеніе виновнаго (*на Судѣ Божіемъ*), дабы, согласно съ этимъ, княжна, съ своими *лехами* и *владыками*, произнесла приговоръ *»по закону вѣкожизныхъ боговъ.«*

....Замѣчательнѣйшее и важнѣйшее свидѣтельство находится въ житіи Оттона Бамбергскаго, и относится къ поклоненію *Триглаву* въ Щетинѣ (Stetin). Въ этомъ городѣ было 3 холма; средній и самый высокій былъ посвященъ верховному богу языческому—Триглаву. Жрецы языческіе говорили, что ихъ верховный богъ (истуканъ) для того имѣетъ три головы, дабы знали, что онъ печется о трехъ царствахъ, небесномъ, земномъ и преисподнемъ... По другому извѣстію въ Щетинѣ находились 4 *контины* или храма, и въ одной изъ этихъ континъ, самой лучшей, изукрашенной рѣзьбою и разноцвѣтною живописью всѣмъ на удивленіе, стоялъ истуканъ Триглава, у котораго, говорятъ, головы были посеребрены. При этомъ храмѣ содержался конь Триглавовъ, огромный и необыкновенно тучный, вороной и весьма ретивый. Его не заставляли работать, и ни кто на него не садился, ибо онъ посвященъ божеству; одинъ изъ четырехъ жрецовъ, приставленныхъ при тѣхъ храмахъ, долженъ былъ тщательно ходить за нимъ. Его сѣдло, богато украшенное золотомъ и серебромъ, висѣло въ храмѣ Триглава. Когда хотѣли идти въ поле противъ непріятеля, или отправлялись на грабежъ, то посредствомъ коня гадали объ-успѣхѣ предпріятія. Именно, жрецъ, которому конь былъ порученъ, водилъ его 3 раза черезъ 9 положенныхъ на землѣ копій взадъ и впередъ, и смотрѣлъ, задѣнетъ ли онъ копья

ногами или нѣтъ: удача предвѣщалась тогда, когда копья оставались нетронутыми.

Въ Волинѣ идолъ Триглава былъ золотой и имѣлъ также храмъ, и жрецовъ; на стѣнѣ храма висѣло также сѣдло, которое было очень старо и готово было разрушиться. Какъ Щетинъ имѣлъ свои три освященные холма, въ знакъ мѣстопребыванія здѣсь Триглава, такъ точно и Волинъ, бывшій по свидѣтельству Адама Бременскаго, обширнѣйшимъ и славнѣйшимъ городомъ въ цѣлой Европѣ, имѣлъ у себя три символическихъ предмета; это троякій цвѣтъ моря, окружающаго островъ, именно: зеленый, бѣлый и черный— цвѣтъ неба, земли и преисподней, означающій 3 области Триглава. Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что поклоненіе Триглаву волинскому имѣло тотъ же смыслъ, на который указывали жрецы щетинскіе.

У Славянъ балтійскихъ было еще больше куміровъ Триглава. Объ этомъ говоритъ Гельмольдъ (1, 83), и есть ясное свидѣтельство, что эти Славяне, какъ и въ Волинѣ, когда имъ запрещено было поклоненіе Триглаву, скрывали его куміры въ пещерахъ и дуплахъ, а потомъ опять вынимали ихъ, возвращаясь къ своему богослуженію. Славяне браниборскіе тоже почитали триглаваго бога въ главномъ городѣ земли своей, какъ свидѣтельствуетъ лѣтопись Пулкавы подъ 1156 г. (¹). И еще въ началѣ XVI в. въ этой землѣ, равно какъ и въ сосѣдней сторонѣ—Мишенской (Meissen), указывали въ различныхъ мѣстахъ каменные истуканы, изъ которыхъ каждый имѣлъ, правда, одну голову, но съ тремя лицами.—Имя горы Триглавъ въ Крайнѣ (Terglou) и названіе, существовавшаго когда-то въ Славоніи, города Троеглава— тоже напоминаютъ бога Триглава, какъ

(¹) Monum. hist. Boh. III, 167.

деревенька Тригловъ близь Грейфенберга въ Поморьѣ...

Сербская пѣсня о Балачкѣ, треглавомъ воеводѣ »Ледяна города Латинскаго,»— чешско-словенское преданіе о стеклянной т. е. ледяной горѣ (подземной области), гдѣ треглавый драконъ держитъ въ плѣну трехъ королевенъ,— чешская сказка, въ которой колдунъ, живущій въ желѣзномъ замкѣ съ тремя желѣзными обручами на тѣлѣ, скрывающій королевну въ воздухѣ, землѣ и водѣ,—и еще многія другія сказанія и повѣсти народныя суть только варіаціи на одну и ту же тему. Этотъ непріятель,—драконъ, желѣзный быкъ, колдунъ, исполинъ (Obr), водяной и т. д. есть лютые морозы, или, по мѣстному положенію, такое дождливое время зимнее, находясь въ которомъ природа, эта дѣвица, стѣснена, угнетена и погружена какъ будто въ смертельный сонъ. А такъ какъ жизнь природы, какъ и трехъ дѣвицъ въ сказаніяхъ, совершается въ трехъ стихіяхъ, въ воздухѣ (на небѣ), на землѣ и въ водѣ (въ преисподней), по этому и зимнее время въ своемъ олицетвореніи является, какъ три врага, три дракона и т. д. Но для означенія единства вещи представляется одинъ треглавый драконъ, трехглавый Балачекъ, колдунъ съ тремя обручами и проч...

Этотъ-то князь смерти и мрака, врагъ природы, настоящій, дѣйствительный *Чернобогъ* находитъ себѣ противника и борца, а природа своего отмстителя и освободителя въ молодомъ, (какъ передается въ народныхъ разсказахъ), ясномъ королевичѣ, въ солнцѣ—*Бѣлбогѣ*, который со времени своего новаго нарожденья, т. е. поворота (солоноворота), воюетъ съ этимъ непріятелемъ и наконецъ побѣждаетъ его. А такъ какъ этотъ злой богъ, эта »змѣя лютая,« которую по древнѣйшей чешской пѣснѣ, уничтожилъ Трутъ, является въ трехъ стихіяхъ природы, то и противникъ его, добрый богъ, является часто въ трехъ

лицахъ. Противъ триглаваго Чернобога стоитъ триглавый Бѣлбогъ, это—*пресвѣтлое солнце*, къ которому обращается Ярославна въ Словѣ о полку Игоревѣ. Онъ же есть и Триглавъ балтійскихъ Славянъ, высшій языческій богъ ихъ, добраго свойства, который, какъ боецъ, конечно, имѣлъ также своего коня, подобно Святовиту арконскому (орекундскому); только его конь былъ черный, въ знакъ того, что его дѣло совершается зимою, въ желѣзномъ или ледяномъ городѣ, въ подземной области, въ водной стихіи и т. д. Триглавъ добрый былъ, конечно, такимъ же *вѣщимъ* богомъ, какъ и Святовитъ орекундскій, и въ самомъ дѣлѣ, къ нему именно должны относиться предсказанія и гаданія, до нынѣ совершающіяся послѣ солноворота въ рождественскіе святки. Въ это время природа, исторгнутая изъ власти Чернобога и пробужденная къ жизни, скрываетъ уже въ себѣ зародыши всяческихъ плодовъ и даровъ, всяческихъ событій на цѣлый слѣдующій годъ. Тутъ уже напередъ опредѣляется, что должно случиться въ наступающемъ году, и каждому заранѣе опредѣлено, что его ожидаетъ. Человѣкъ, не въ состояніи будучи терпѣливо дожидаться, что ему принесетъ этотъ годъ, хотѣлъ еще заранѣе узнать свою участь, и употреблялъ для этого различные способы, особенно же такіе, которые какъ-нибудь касались Трибога, такъ, какъ бы это божество тѣшилось ими и ихъ одобряло... Замѣчательно, что способъ гаданья, употреблявшійся у балтійскихъ Славянъ, до сихъ поръ еще употребляется русскими дѣвушками, которыя водятъ коня чрезъ оглобли телѣги: если онъ заденетъ за оглоблю, то у дѣвушки будетъ злой суженый, а если нѣтъ, то мужъ ея будетъ добрый и тихій (*Сказ. Сахарова 1, 2, 67*).

Сравнивая щетинскаго Триглава съ орекундскимъ Святовитомъ, мы найдемъ

въ нихъ очень много родственнаго, п. ч. въ основаніи того и другаго одно существо—солнце. Но если обратимъ вниманіе на ихъ свойства, выражающіяся въ числѣ главъ, то найдемъ и существенную разницу. Триглавъ, владѣющій воздухомъ, землей и водой, представляется богомъ пространства; напротивъ Святовитъ своими четырьмя главами указываетъ намъ, что онъ—повелитель, не столько четырехъ странъ свѣта, сколько четырехъ частей года, т. е. вообще—богъ времени... Массуди, въ своихъ путешествіяхъ по славянскимъ землямъ, видѣлъ гдѣ-то при морѣ, въ нагорномъ храмѣ, кумиръ этого бога, котораго члены были сдѣланы изъ драгоцѣнныхъ камней четырехъ родовъ: изъ зеленаго хризолита, изъ краснаго рубина, желтаго карнеола и бѣлаго кристалла, голова же была изъ краснаго золота (320—321). Эти цвѣта суть тѣ же самые и идутъ въ томъ же порядкѣ, какъ цвѣта четырехъ временъ года: зеленый означаетъ весну, красный—лѣто, желтый—осень, бѣлый—зиму, а золотая голова надъ ними—солнце, производящее всѣ годовыя перемѣны ([1]).

Изъ многихъ сказаній о Триглавѣ—зломъ богѣ, и о побѣдѣ надъ нимъ, обращаетъ на себя вниманіе извѣстная сербская повѣсть о королевичѣ Троянѣ, который не могъ снести солнечнаго свѣта; когда однажды, противъ воли, онъ слишкомъ замѣшкался на своей ночной прогулкѣ, то, не будучи въ состояніи укрыться отъ лучей солнечныхъ, растаялъ. Уже самое имя *Троянъ* (тройной, троеличный) заключаетъ въ себѣ тотъ же смыслъ, что и Триглавъ; къ этому присоединимъ еще то, что въ немъ олицетворено зимнее время, мракъ, ледъ и снѣгъ, которые таютъ и изчезаютъ, какъ скоро упадутъ на нихъ лучи солнца... Вмѣстѣ съ

([1]) См. Časopis českégo Museja. 1849. 170.

ясными днями, которые наступаютъ послѣ солноворота (solstitium), жестокость зимы съ этого времени еще усиливается, и отсюда пошло сказаніе, что солнце борется съ зимою, Бѣлбогъ—съ Чернобогомъ.

Русскому простонародному слову—*солноворотъ* я приравниваю по смыслу старо-чешское имя—*Ситивратъ* (отъ слова sijati, siti—свѣтлый), т. е. поворотъ свѣтила. Самое имя Ситивратъ находимъ въ одномъ актѣ фульдскаго монастыря 874 г. въ мѣстномъ названіи *Zitemorotenstenni (Sitivratenstein)*, *Ситивратовъ камень*. Подобнымъ образомъ въ русскихъ лѣтописяхъ находимъ *Корочуновъ камень*—камень бога Крачуна, *Волосовъ камень*—камень бога Велеса; въ Краледворской ркп. также говорится о скалѣ, посвященной богамъ, па вершинѣ которой Войміръ принесъ жертву. По этому справедливо, кажется, можно заключить, что *Sitivratenstein* назывался камень, посвященный богу Ситиврату, солновороту... Вацерадъ (въ XII в.) вписалъ надъ текстомъ: Picus, Saturni filius — *Сорока Ситивратовъ сынъ*. По древне-итальянскому сказанію, Picus былъ лѣсной, вѣщій богъ, сынъ Сатурна и отецъ Фавновъ, котораго, говорятъ, Цирцея, за презрѣніе имъ ея любви, превратила въ птицу, названную по немъ *Picus*—сорока, Stracek или Strakopot. По этому-то сорока у древне-итальянскихъ народовъ считалась вѣщею птицей... Существенные признаки, согласно указываемые въ этой птицѣ древними народными преданіями и загадками славянскими, суть ея цвѣтя: бѣлый, зеленый и черный (загадка чешск: »Стоитъ въ росѣ, какъ дѣвица, бѣла какъ снѣгъ, зелена какъ дятлина, черна какъ уголь). Это тѣ же самые цвѣта, которые, какъ особенная замѣчательность, были указываемы Адаму Бременскому на островѣ, окружавшемъ Волинъ, и по значенію которыхъ тамъ было мѣстопребываніе Триглава. Такъ какъ Триглавъ, богъ неба, земли и преисподней, или—воздуха, земли и воды, означался тѣми же цвѣтами, которые носитъ и сорока, то по этому самому Славяне-язычники могли почитать эту птицу, какъ явленіе или воплощеніе ихъ высшаго Бога. По этому сорока у нихъ была вѣщей птицей, какъ и самъ Триглавъ, и такъ осталось у нихъ въ народныхъ повѣрьяхъ до сихъ поръ: »сорока стрекочетъ—будутъ гости.« И такъ какъ время борьбы солнца съ морозомъ, этотъ Триглавъ—Бѣлбогъ, является послѣ солноворота, какъ будто онъ отъ солноворота родился, то Ситивратъ—солноворотъ по праву можетъ въ сказаніяхъ славянскихъ называться отцемъ Триглава—Бѣлбога, а слѣдовательно и сорока, какъ воплощенный Триглавъ—есть сынъ Ситивратовъ. Ситивратъ уравнивается съ Сатурномъ и въ томъ, что праздники тому и другому приходились въ одно время года: солноворотъ начинался съ 12 декабря и празднованіе въ честь его было около святокъ, а Сатурналіи совершались 17 декабря.

Саксонскій Сатурнъ, по лѣтописи XI в., назывался въ простомъ народѣ *Кродо*; а Вацерадъ имя *Krt* объясняетъ какъ имя дѣда Радегостова и Радегостомъ называетъ Меркурія, внука Сатурнова, слѣдовательно и онъ признаетъ Крьта за Сатурна. Имя *Krt* издавна, въ до-историческую эпоху, было любимымъ именемъ личнымъ у Чеховъ и Моравовъ... Въ 1591 г. Штельцаръ Желетавскій возставалъ противъ священниковъ, которые не иначе давали имя мальчику 6 января, какъ Krten (Krten, Krtny). Причина, по чему оно приложено къ празднику *Крещенія* господня, которое приходится во время зимняго солноворота, заключается не столько въ случайномъ сходствѣ словъ Krten и *Krsten* (Krten), сколько потому, что слово Krt пришлось теперь въ пору по самому первоначальному своему значенію. Какъ имя народнаго язычес-

каго бога, оно значитъ производителя, *живителя,* виновника свѣта и жизни, а это свойство Ситивратово. Въ Тульской губерніи есть повѣрье, что со дня Крещенья появляется огненный змѣй и навѣщаетъ красныхъ дѣвушекъ. Смыслъ этой аллегоріи, кажется довольно ясенъ: огненный змѣй, появляющійся въ это время, есть солнечный свѣтъ (Ситивратъ, Крътъ), а красная дѣвица, которую онъ навѣщаетъ каждый годъ,—есть вся земля господня. У западныхъ Славянъ распространено повѣрье объ удивительномъ существѣ домашнемъ, которое также въ родѣ огненнаго змѣя, прилетаетъ черезъ трубу и приноситъ своему хозяеву всякаго хлѣба и другихъ плодовъ земныхъ, а иногда и разныя сокровища. Чешское названіе его Křet, словенс. Skrat, латышс. Krat... Такимъ образомъ и этотъ огненный змѣй въ основаніи своемъ имѣетъ не что иное, какъ зимній солноворотъ, начало солнечной части года, которая заботливому хозяину приноситъ урожай плодовъ земныхъ и вообще умноженіе имѣнія (¹). Это рускій дѣдушка, Доморой, Сусѣдко. Изображался Krt въ маленькихъ бронзовыхъ статуйкахъ величиною съ палецъ, отъ чего Чехи называли его Paleček (Рус. Мальчикъ—съ пальчикъ).

Если въ сл. *Krt* смягчить первый звукъ *k*, переходящій въ *c*, то выдетъ *Crt* (чертъ), изъ зиждителя Бѣлбога—Чернобогъ, существо отрицательное,—какъ тьма есть отрицаніе свѣта, зима отрицаніе лѣта, и эти двѣ противоположности знаменуются словами ***Кртъ*** и ***Чртъ***... Отрицательное свойство Черта и борьба его съ божествомъ свѣта, нигдѣ не выражается съ такой очевидностью, какъ въ славянскихъ преданіяхъ о твореніи міра и о похищеніи съ неба солнца Чертомъ и отнятіе его ангеломъ... Разсказъ о томъ какъ Чертъ плюнулъ на землю, и изъ слюны его родилась сорока, означаетъ, безъ сомнѣнія, что зима, темная половина солноворота, выпустила изъ себя назадъ солнце—тресвѣтлаго владыку воздуха, земли и воды—Триглава. Съ этимъ разсказомъ о сотвореніи сороки изъ слюны Черта, по всему вѣроятію, находится въ связи господствующее между южными Чехами повѣрье, будто эта птица есть Чертъ (а въ Рос. вѣдьма), и отъ того никто не ѣстъ ея мяса.

Чешское и польское преданіе о ***Крокѣ*** или *Кракѣ* имѣетъ связь съ языческими вѣрованіями въ Трибога: Кракъ былъ мудрый и справедливый судья и правитель народа, по сказанію Козьмы Пражскаго, имѣлъ трехъ дочерей—прорицательницъ, а по хроникамъ Кадлубка и Богухвала—двухъ сыновей и прекрасную дочь—Ванду (вода), которая посвятила себя богамъ и бросилась въ Вислу. Послѣ нея, говорятъ, правилъ землею воевода съ 12 владыками или судьями. Славяне имѣли понятіе изстари о 12 знакахъ зодіака, который Вацерадъ въ началѣ XIII в. назвалъ *Svor,* а чешскій переводчикъ 1411 г.—*кругомъ звѣринымъ.* Если прибавить къ сл. Svor образовательный слогъ *oh* (напр. пиръ—*пирогъ*), то получимъ названіе *Svaroh.* Именемъ *Сварогъ* языческіе Славяне означали бога небесъ, или точнѣе—бога небеснаго круга, состоящаго изъ 12 знаковъ; а сыномъ этого бога называли *солнце,* которое совершаетъ въ небесномъ кругу обычный ходъ свой. Чешскій Премыслъ, мужъ вѣщей Любуши, дочери Крока, пашущій повину въ 12 шаговъ, есть не что иное, какъ Сварожичъ—солнце, идущее на пути своемъ по 12 знакамъ небеснымъ. Тоже самое значеніе первоначально имѣетъ и польскій воевода, окруженный 12 владыками...

Своръ или кругъ 12 небесныхъ знаковъ дѣлится на двѣ равныя части или

(¹) Кладъ также прилетаетъ черезъ трубу и разсыпается деньгами. *См. Зап. рус. Геор. общ. 1867 г. I. 727.*

полукружія, а взаимною связью между ними служатъ зимнее и лѣтнее солнцестоянія: одна половина круга, гдѣ солнце, вновь родившись, идетъ на высоту и побѣждаетъ своихъ противниковъ — тьму и смерть; а другая половина, гдѣ оно снова поникаетъ, склоняется къ своей смерти, уступая побѣду и владычество своему противнику, или говоря проще: одна половина, когда дни прибываютъ, а ночи убываютъ, а другая когда ночи прибываютъ, а дни убываютъ. Такимъ образомъ въ этомъ кругу господствуютъ вмѣстѣ двѣ силы, одна другой противныя, но всегда нераздѣльныя: свѣтъ и тьма, лѣто и зима, жизнь и смерть, Бѣлбогъ и Чернобогъ, Кртъ и Чртъ, добро и зло—безпрестанно слѣдуя одно за другимъ и попеременно побѣждая одно другаго...

Оба эти владыки небеснаго круга, добрый и злой, Бѣлбогъ и Чернобогъ, солнце и противникъ его, являются въ трехъ лицахъ Триглава; троицѣ доброй соотвѣтствуетъ троица злая—Триглаву Бѣлбога—Триглавъ Чернобогъ; троичность эта въ обоихъ случаяхъ знаменуетъ собою троякое владычество: на небѣ, на землѣ и на водѣ. Въ чешско-польской баснѣ о Кракѣ эта троичность является лишь относительно добраго бога: чешскій Кракъ троится въ своихъ дочеряхъ, изъ которыхъ послѣдняя Любуша достигаетъ совершенства отца и судитъ двухъ братьевъ; польскій Кракъ тоже троится въ своихъ дѣтяхъ и младшая дочь Ванда является опять съ троякимъ значеніемъ, ибо называется владычицею неба, земли и воды; сама она переходитъ въ третье, водное царство, бросается въ *воду*, что значитъ и ея имя *Ванда* (¹). Во всѣхъ славянскихъ народныхъ сказкахъ изъ трехъ сыновей или дочерей оба старшіе всегда представляются бездарными и негодными, и лишь третій, знаменующій собою вла-

(¹) *Шафарика, «Славянс. древн.»* 725.

дыку водъ, достигаетъ совершенства и заступаетъ собою мѣсто отца: такъ точно изъ воднаго царства, послѣ зимы, ежегодно возникаетъ властелинъ всѣхъ трехъ царствъ, солнце тресвѣтлое, Триглавъ Бѣлбогъ. Изъ всего доселѣ сказаннаго о Кракѣ и его потомствѣ видно, что это чешско-польское преданіе имѣетъ вполнѣ миѳологическое значеніе...

Въ одной греческой баснѣ о происхожденіи Скиѳовъ разсказывается, что Геркулесъ, угнавъ стада Геріона, пришелъ въ землю, которая названа была потомъ Скиѳскою. Тамъ застигла его зима. Завернувшись въ львиную шкуру свою, онъ заснулъ, а тѣмъ временемъ изчезли кони съ его пастбища. ...Солнце на пути своемъ по 12 значному небесному кругу, въ греческихъ миѳахъ, знаменуется Геркулесомъ и его 12 подвигами, изъ коихъ одинъ состоитъ въ отгнаніи стадъ Геріона и въ его убіеніи. Триглавый Геріонъ есть тоже, что славянскій Триглавъ Чернобогъ, т. е. зимнее время, когда солнце, какъ бы ослабѣвъ и умаливщись въ силѣ своей, останавливается. Это—Геркулесъ спитъ, его кони уведены Ехидной, время переходное, состояніе вполовину зимнее (полъзмѣи) и въ половину лѣтнее (полдѣвицы). Какъ скоро проходитъ такое время—Геркулесъ пробуждается, возродившись отъ Ехидны, и снова воспринимаетъ свою тройственность (Триглавъ Бѣлбогъ), т. е. производитъ отъ Ехидны троихъ сыновей. Въ третьемъ, младшемъ изъ этихъ сыновей, Скиѳѣ, который напрягаетъ отцовскій лукъ и опоясываетъ его поясъ, обновляется самъ Геркулесъ. Поясомъ геркулесовымъ опять знаменуется небесный кругъ—Зодіакъ, а золотая чашка (символъ солнца), которою покрываются соединенные концы пояса, означаетъ то время, когда солнце находится на пути къ своему возрожденію,—время зимняго солноворота...

Много можно насчитать мѣстъ въ сла-

вянскихъ земляхъ, получившихъ названіе отъ Крака. Нѣмецкіе слово-толкователи объясняютъ сл. *Кракъ* словомъ *карликъ* или малорослый, и въ этомъ объясненіи сходятся съ чешскимъ Краткомъ, уменьшительною формою бога Крета или Крьта, который по происхожденію и по смыслу слова, есть то же, что Кракъ. Богухвалъ считаетъ имя Крака за одно съ польскимъ »kruk« — воронъ, и объясненіе это хотя и безсознательное, оказывается справедливымъ въ томъ отношеніи, что оба эти слова происходятъ отъ одного корня (*крю*), и что въ басняхъ и повѣрьяхъ какъ у Славянъ, такъ и у другихъ одноплеменныхъ народовъ, воронъ дѣйствительно всегда сближается съ новорожденнымъ солнцемъ, славянскимъ Кракомъ. Воронъ приноситъ живую и мертвую воду, подъ которыми разумѣется вода текучая и ледъ; а воскрешающее и оживляющее дѣйствіе выражаетъ собою, конечно, сущность Крака, который изъ зимы рождаетъ лѣто, изъ тьмы свѣтъ, изъ смерти жизнь... И въ греческой миѳологіи воронъ—любимая птица Аполлона, бога солнечнаго, который также посылаетъ его принести себѣ изъ колодца свѣжей, т. е. живой воды. Нѣмецкій Воденъ, по описанію младшей Эдды, сидитъ на престолѣ, съ двумя волками у ногъ своихъ и съ двумя воронами на плечахъ; про него разсказывается, что онъ ежедневно посылаетъ отъ себя этихъ вороновъ узнавать, что дѣлается на свѣтѣ. По объясненію нѣмецкихъ ученыхъ, волки означаютъ смерть, всегубительное время, а вороны—возрожденіе, новую жизнь. Хотя, можетъ быть, въ этомъ объясненіи есть нѣкоторая изысканность, но въ выводѣ своемъ оно вѣрно. Одно изъ прозвищъ Водена, Solnir или Solfadir, богъ или отецъ зимняго солноворота; а животныя, при немъ находящіяся, опять означаютъ не что иное, какъ, съ одной стороны, минувшую зиму, смерть (волки), а съ другой наступающую жизнь, весну (вороны).

Этотъ же переходъ отъ зимней половины года къ лѣтней, изображаемый въ нѣмецкомъ миѳѣ волкомъ и ворономъ, въ скиѳской баснѣ (греч. извода) является подъ видомъ Ехидны, полузмѣи, полудѣвицы; въ нѣмецкой баснѣ Ехидну замѣняетъ богиня *Гель*, у которой половина лица бѣлаго и половина чернаго. Позднѣйшая басня развила лишь одну черную сторону Гели и сдѣлала изъ нее страшную богиню смерти и преисподней: она пожираетъ людей, питается ихъ мозгомъ. Равнымъ образомъ и древне-итальянскій Янусъ выражаетъ переходное свое значеніе двумя лицами на одной головѣ: на одной сторонѣ старое лице, а на другой молодое...

И у Славянъ было свое божество, въ которомъ простымъ и естественнымъ образомъ олицетворялся этотъ переходъ зимы въ лѣто. Арабскій писатель X вѣка, Масуди видѣлъ у Славянъ (балтійскихъ?) храмъ на черной горѣ; около храма были чудотворныя воды различныхъ цвѣтовъ и разнаго вкуса, и цѣлебная сила этихъ водъ была всѣмъ вообще извѣстна. Въ этомъ храмѣ находился большой истуканъ представляющій Сатурна въ образѣ старца, съ палкою въ рукахъ, которою онъ разгребалъ или разбивалъ могильныя кости мертвыхъ. Подъ правою ногою истукана изображены были разнаго рода муравьи, а подъ лѣвою черные вороны и другія подобныя птицы (¹). Черными птицами, вѣроятно, означалось зимнее время, а лѣтними насѣкомыми подъ правою ногою—время лѣтнее, и мы тутъ опять встрѣчаетъ двойное бытіе, зимнее и лѣтнее, черное и свѣтлое, смерть и жизнь,— что вполнѣ соотвѣтствуетъ двуглавому Янусу и двуцвѣтной Гелѣ... Богъ ста-

(¹) Mémoires de l'Acad. S. P. burg. V-ème serie, II, 320—1.

рецъ, попирающій въ шествіи своемъ воздушныхъ и земляныхъ животныхъ и разрывающій могилы умершихъ, олицетворяетъ собою всегубительное время: это настоящій Сатурнъ въ позднѣйшемъ смыслѣ этого имени, истинное изображеніе славянскаго бога смерти. Мѣсто его, какъ бога природы, въ кругу годовомъ между зимою и лѣтомъ, соотвѣтствуетъ зимнему солноповороту. По всей вѣроятности, имя этого бога—*Корочунъ* (у Карпаторус. *Керечунъ*, сочельникъ — *керечунь вечеръ*; у Болг. и Словенц. *Крачунъ*), который выражаетъ темную сторону времени, а *Кракъ* — свѣтлую; названіе его происходитъ не отъ слова *краткій*—отъ малыхъ зимнихъ дней, а отъ слова *крьти* — творить. По этому *Крачунъ* есть возбудитель творческой дѣятельности, знаменуемой словомъ *Кракъ*, и отецъ Крака или творящаго солнца. У Чеховъ и на Моравѣ, вмѣсто названія Крачуна, богъ смерти означается словомъ *Костомлатъ*, что согласно съ описаніемъ бога Массуди. Такимъ образомъ Крачунъ, какъ отецъ солнца, отождествляется съ Сварогомъ, богомъ небеснаго круга,— только Сварогъ представляетъ собою нераздѣльный цѣлый кругъ, а съ понятіемъ о Крачунѣ связано раздѣленіе круга на двѣ половины, лѣтнюю и зимнюю; Крачунъ есть посредникъ между ними. Въ этомъ же значеніи посредника между зимою и лѣтомъ, между тьмою и свѣтомъ, между смертью и жизнью, и Ситивратъ есть отецъ солнца, слѣдовательно одной и той же самой сущности съ Крачуномъ. Это тѣмъ болѣе было возможно, что Славяне не имѣли одного имени для означенія зимняго солноворота.

...О Ситивратѣ нѣтъ никакаго указанія, чтобы онъ, подобно Карачуну, съ теченіемъ времени, также получилъ одностороннее значеніе бога смерти; напротивъ онъ, какъ отецъ Триглава Бѣлбога, сталъ богомъ свѣта и жизни, и

вполнѣ принялъ значеніе древне-итальянскаго свѣтлаго бога Сатурна. Въ этомъ смыслѣ Ситивратъ представляетъ тождество съ Кртомъ или Кракомъ; это божество новорожденнаго солнца, Сварожича и, будучи властителемъ воздуха, земли и воды, *тресвътлымъ солнцемъ*, облекается въ образы Триглава Бѣлбога, трехцвѣтной сороки (сына Ситивратова), трехъ дѣтей краковыхъ и т. д.

Все сказанное нами о миѳологическомъ значеніи лѣтняго годоваго полукружія, можетъ быть отнесено, въ обратномъ или отрицательномъ смыслѣ, и къ зимнему полукружію. По относительно этихъ явленій славянская миѳологія, сравнительно съ предыдущимъ, гораздо бѣднѣе и уступаетъ миѳологіи другихъ народовъ, напр. нѣмецкихъ. Отъ лѣтняго солнцестоянія родится царь смерти и тьмы: Чернобогъ, Чертъ, Змій, Водникъ и т. д.; онъ начинаетъ бороться съ богомъ свѣта; онъ причиняетъ общее умаленіе свѣта какъ физическаго, такъ и нравственнаго; онъ приводитъ съ собою злой вѣкъ. За тѣмъ этотъ богъ вытѣсняетъ добраго бога изъ трехъ его царствъ, самъ становится тройнымъ богомъ, облекается въ образы Триглава–Чернобога, триглаваго Балачка или Змія, въ образъ Чернокнижника съ тремя желѣзными обручами вокругъ себя и т. д., и окончательно одолѣваетъ Бѣлбога.

(Изъ статьи Карла Яромира Ербена. Рус. Бес. 1857, IV, 11. 71—128).

Г. Ербенъ, одинъ изъ лучшихъ представителей чешской словесности и науки: онъ и поэтъ, и изслѣдователь народной старины, и трудолюбивый издатель историческихъ документовъ.

34. Богослужебные обряды Славянъ-язычниковъ.

Чувствуя силу природы, Славянинъ всюду, гдѣ замѣчалъ ее, видѣлъ боже-

ство и по ея дѣйствіямъ, были ли они благодѣтельны для него или вредны, благословлялъ боговъ или страшился ихъ гнѣва. На землѣ божество жило, по его понятію, въ водахъ, горахъ, лѣсахъ, поляхъ, жилищахъ человѣческихъ; на небѣ — въ громѣ и молніи, въ вѣтрахъ, въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ и пр. О духахъ водъ, горъ, лѣсовъ и полей сохранились повѣрія въ народѣ и до сихъ поръ, равно какъ и о домовыхъ.

Особенно было распространено поклоненіе божествамъ воды и огня. Славяне, поклоняясь воднымъ божествамъ, призывали ихъ въ своихъ клятвахъ въ подтвержденіе даннаго слова, супружескаго обѣта и т. п., очищались водою, какъ стихіей священной; молились надъ водою, приносили воднымъ божествамъ въ жертву цвѣточные вѣнки, яства, деньги, пѣтуховъ, даже живыхъ людей; вѣруя въ пророческую силу божествъ водныхъ, относились къ нимъ, какъ къ оракуламъ, гадали на водахъ и изъ воды получали знаменія о будущемъ; вѣря также, что имъ извѣстно было и прошедшее, утаенное отъ людей, отъ нихъ ожидали рѣшеній въ дѣлахъ, въ которыхъ сами не могли быть судіями. Воднымъ существамъ были посвящены особенные дни для совершенія празднествъ въ ихъ честь, для совершенія передъ ними торжественнаго служенія и таинствъ, съ нимъ соединенныхъ: это было особенно весною и среди лѣта. Съ вѣроятностью можно заключить, что святилищами служенія воднымъ божествамъ были особенныя мѣста у береговъ, священныхъ озеръ, рѣкъ, потоковъ и ключей, куда народъ собирался преимущественно для исполненія своихъ священныхъ обрядовъ.

Поклоненіе огню также опиралось, хоть отчасти, на понятіи древнихъ Славянъ, что огонь подобно водѣ, былъ первородной стихіей, которой сила учавствовала при сотвореніи міра. Огонь, какъ первозданная стихія, какъ обиталище божественнаго духа, какъ само божество, будучи предметомъ поклоненія, служилъ для совершенія таинствъ, очищенія и гаданія: Ему молились на очагѣ, подъ овиномъ, у костра; ему приносили жертвы. Его брали судіею при рѣшеніи дѣлъ, человѣку не ясныхъ. Служеніе огню совершалось въ важнѣйшіе годовые праздники, каковы: Коляда и Купало; ему посвящался особенный день въ недѣлѣ: четвергъ и служеніе ему предоставлялось дѣвамъ.

Горы, скалы и камни считались обиталищами божества и по этому не могли не быть почитаемы, какъ священныя мѣста богослуженія. »Не нарицайте себѣ бога въ камнѣ,« говорилъ русскій проповѣдникъ XII стол. Кириллъ, увѣщевая Русскихъ, еще не крѣпкихъ въ вѣрѣ христовой, отставать отъ языческихъ вѣрованій и обычаевъ. Божествамъ горнымъ молились, приносили жертвы, къ нимъ обращались, когда желали узнать будущее; и вершины горъ, скалы и камни были святилищами этого богослуженія. У горныхъ Славянъ были и жертвенники, которыхъ слѣды видны до сихъ поръ въ Карпатахъ, Судетахъ, Исполинахъ и проч.

Лѣса, рощи и деревья были также почитаемы жилищами боговъ. Къ нимъ питали Славяне и сохранили отчасти до нынѣ чувство религіознаго почтенія и страха. Въ лѣсахъ и рощахъ или у отдѣльныхъ деревьевъ, какъ въ мѣстахъ священныхъ поклонялись божеству. Судя по сказаніямъ современниковъ и по народнымъ преданіямъ, это вѣрованіе было общимъ для всѣхъ Славянъ.

Вѣря, что божество управляетъ всѣмъ міромъ, всѣми переворотами въ мірѣ, и на землѣ, Славянинъ вѣрилъ, что все, чѣмъ онъ пользуется въ жизни, есть даръ благости божества, что онъ долженъ поступать въ своихъ предначинаніяхъ по божественнымъ знаменіямъ, что всякая удача во всякомъ его дѣлѣ зависитъ отъ помощи божества. Божество управляло по

вѣрованію Славянъ жизнію каждаго человѣка. Славяне вѣровали въ дѣвъ жизни; преданіе о нихъ сохранилось у нѣкоторыхъ Славянъ и до сихъ поръ. Хорутане называютъ ихъ роjеницами, и разсказываютъ, что всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ въ небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою роjеницу, которая предсказызаетъ ему судьбу его. Русскіе Славяне вѣрили также въ эти существа, называя ихъ *рожаницами*. »Молятся и роду и рожаницамъ,« говоритъ одинъ христіанскій обличитель языческихъ вѣрованій. У всѣхъ Славянъ есть пословицы, намекающія на древнее вѣрованіе въ предопредѣленіе божіе. Русскіе говорятъ: »чему быть, тому не миновать; суженаго конемъ не объѣдешь« или, какъ выражались прежде: »ни хитру, ни горазду суда божія не минути.« Сербы говорятъ: отъ божіей воли нельзя никуда уйдти. Славяне вѣрили, что боги и въ милости и въ гнѣвѣ предсказываютъ человѣку будущее сами, безъ его моленій, и различными знаменіями, земными и небесными, даютъ ему знать, ждать ли ему удачи въ дѣлѣ или какой бѣды. На небѣ они искали такихъ знаменій въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, кометахъ, метеорахъ; на землѣ во встрѣчѣ съ животными, въ разныхъ явленіяхъ, въ снахъ. Это вѣрованіе доселѣ осталось у Славянъ. »Вѣруемъ,« говоритъ Кириллъ, »въ дятловъ, въ воронъ и синицъ. Когда идемъ куда и если которая впереди заиграетъ, то мы останавливаемся и слушаемъ: правая ли играетъ или лѣвая? если играетъ по нашей мысли, то мы говоримъ себѣ: добро намъ эта птица, доброе предвѣщаетъ она намъ. Если что на дорогѣ случится дурного, то говоримъ окружающимъ насъ: а что не воротиться ли? Когда отправляемся куда, заходимъ къ волхвамъ, вѣруемъ въ нихъ,— въ встрѣчу, а когда идемъ въ долгій путь, мы слушаемъ птицу!«

Славянинъ вѣрилъ, что безъ помощи своихъ боговъ онъ не можетъ ни въ чемъ имѣть успѣха. Все зависѣло отъ боговъ, отъ ихъ милости и гнѣва,—все—и жизнь, и счастіе, и несчастіе человѣка; богами насылались бѣдствія подобныя мору и голоду; богами казнились люди за неправоту, за нецѣломудріе, и пр. О вѣрованіи Славянъ въ безсмертіе души мы находимъ доказательства и въ свидѣтельствахъ современниковъ, и въ обычаяхъ древнихъ Славянъ, и въ преданіяхъ народныхъ, сохранившихся до нашего времени. Сожженіе мертвыхъ и съ ними не только ихъ вещей, но животныхъ и людей, или же погребеніе съ мертвыми всего, что было ими любимо въ жизни, предполагаютъ, что умершихъ ожидаетъ воскресеніе и жизнь, въ которой они опять желали бы пользоваться тѣмъ, чѣмъ пользовались до смерти. На могилахъ было въ обычаѣ праздновать веселые пиры: ихъ бы не могло быть, если бы у оставшихся въ живыхъ не было надежды увидѣться съ усопшими въ другой жизни. Славяне представляли себѣ рай чудеснымъ садомъ, и садомъ не земнымъ, а находящимся гдѣ-то въ небесахъ, во владѣніяхъ бога солнца и свѣта, какъ разсказываютъ объ этомъ преданія Словаковъ и Хорутанъ, — садомъ вѣчно зеленымъ и цвѣтущимъ, откуда сѣмена жизни залетаютъ и на землю, — жилищемъ божества и душъ чистыхъ, безгрѣшныхъ. Впрочемъ, рисуя себѣ жизнь загробную со всѣмъ разнообразіемъ условій жизни здѣшней, они вѣрили, что не всѣхъ ожидала по смерти одна и таже участь, что и тамъ, какъ здѣсь, они могли терпѣть лишенія и страдать, если того заслуживали своей неправотою. Славяне боялись мукъ въ неугасаемомъ огнѣ пекла, вѣрованіе въ которое, вмѣстѣ съ самимъ словомъ, принадлежитъ до сихъ поръ большей части Славянъ. Это пекло представляли Славяне подъ землею, гдѣ живутъ

злые духи огня и тьмы и откуда появляются на землю, на страхъ боязливымъ. Не смотря впрочемъ на эти опасенія Славянина—язычника, для него всегда оставалась надежда заслужить отъ боговъ прощеніе за грѣхи. Его религія не была религія отчаянія, она оживлялась мыслію о благости боговъ, и страхъ кары соединялся въ ней съ возможностью очищенія. Онъ очищалъ себя при жизни молитвой и жертвой, а по смерти обрядомъ поминовенія, молитвами и жертвами другихъ. Служеніе богамъ совершалось или подъ отдѣльнымъ деревомъ (дубомъ, липой, орѣхомъ), старымъ, не рѣдко дуплистымъ, такъ, что иногда мѣсто святилища было отгорожено копьями, иногда завѣшено тканями, брошенными на вѣтви, или около куста, или же въ рощѣ, гдѣ деревья, святилища были отдѣляемы оградой, за которую не было никому позволено переступать безъ особенной нужды. Служеніе состояло въ моленіяхъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ; въ жертву приносили яства, животныхъ, вещи; гадали по знаменіямъ и жертвамъ.

Въ мѣстахъ освященныхъ, по вѣрованію народа, присутствіемъ божественнаго духа, какъ передъ лицемъ самаго божества, нельзя было садиться, надобно было удерживать въ святилищѣ дыханіе; а обращаясь къ богу, молельщики выражали свое благоговеніе тѣмъ, что падали ницъ и били челомъ. На все это есть свидѣтельства современниковъ, болѣе или менѣе опредѣленныя. Славянинъ обращался къ своимъ богамъ съ молитвой славословія, просьбы и благодарности. Отъ молитвъ славословія дошло до насъ нѣсколько остатковъ, менѣе или болѣе любопытныхъ. Въ русскихъ святочныхъ пѣсняхъ до сихъ поръ сохранился припѣвъ: »слава Богу на небѣ, слава!« Въ южно-русскихъ пѣсняхъ также повторяются припѣвы, подобные этимъ: »славенъ есь, гей, славенъ есь, нашъ милый Боже, на высокости!« или: »благословенъ еси, Господь, благословивъ сыновъ своихъ.« Сербы, во время праздника Свечара, посвященнаго патрону дома, поютъ пѣсни »за славу божію.« У Хорватовъ сохранилась славословная пѣсня въ честь бога Ладо: »Лепи Иво терга роже, теби, Ладо, свети боже! Ладо, слушаі насъ, Ладо! Песме, Ладо, певамо ти, сердца наша кланьіамо ти! Ладо, слушаі насъ, Ладо!« Въ молитвахъ просительныхъ, Славянинъ поручалъ себя своимъ богамъ, чтобы они управляли имъ и его домомъ, чтобы даровали ему долгое и счастливое житье, чтобы всѣ были счастливы, богаты и одерживали побѣды надъ врагами. Отъ этого рода молитвъ намъ остались также отрывки въ народныхъ пѣсняхъ. Такъ въ пѣсняхъ колядныхъ, которыя пѣлись при встрѣчѣ новаго года, повторяются и до сихъ поръ разныя пожеланія, обращенныя къ Богу. Въ русскихъ пѣсняхъ слышны: »дай Боже« или »роди Боже!« напр: »Дай, дай, Боже, тебѣ хозяину съ борзыхъ коней сыновей женить,— дай, дай, Боже, тебѣ хозяюшкѣ съ высокихъ теремовъ дочерей выдавать«, или: »Роди, Боже, жито, пшеницу, услку пашницю, у поли ядро, а въ доми добро.« Въ одной колядкѣ есть припѣвъ: »Подуй же, подуй, Господи, и съ духомъ святымъ по землѣ.« Въ польскихъ колядкахъ поется: »чтобы водилась пшеница и горохъ во дворѣ, въ избѣ, дай тебѣ, Господи, Боже!« Словаки припѣваютъ въ колядкахъ: »дай, Боже, счастья, дай, Боже, долю!« или: »пусть васъ панъ Богъ обогатитъ!« или: »сіяй, сіяй, Боже!« Въ молитвахъ благодарственныхъ Славянинъ выражалъ свою признательность къ богамъ за ихъ благодѣяніе и помощь во всѣхъ дѣлахъ частныхъ и общественныхъ. Молитвы пѣлись, хоть и не всѣ, однако многія. Вотъ почему въ чешскихъ пѣсняхъ »возглашать любимыя слова« (hlasati milich slov) и просто »возглашать« (hlasati) значитъ

молиться; вотъ почему тамъ же читаемъ, что Воймiръ, обращаясь къ богамъ, »воскликнулъ со скалы« (vzuolas skali). »Не слѣдуетъ христiанамъ совершать бѣсовскiя игры,« говоритъ одинъ обличитель остатковъ язычества у Русскихъ, »плясьбу, гудьбу, пѣсни бѣсовскiя и жертвы идольскiя.« Вообще пѣнiе было принадлежностью языческой религiи Славянъ, и вотъ почему у нихъ могло быть понятiе, что »пѣвца добра милуютъ боги« и что пѣвецъ Баянъ былъ внукомъ бога солнца Велеса.

Молитвы сопровождались жертвоприношенiями. Между ними нельзя не отличать простыхъ возношенiй отъ собственныхъ жертвъ. Съ первыми соединялось или понятiе объ освященiи приносимаго, объ отрѣшенiи отъ него зла божествомъ, злу враждебнымъ, или мирное чувство благодарности божеству, принимающему милостивое участiе въ судьбѣ и дѣлахъ человѣка, благому, заботящемуся о своемъ созданiи, ему помогающему, чувство благодарности человѣка, въ простотѣ сердца вѣрующаго, что божеству можетъ быть прiятно это чувство, какъ бы ни было оно выражено. Съ собственными жертвами, напротивъ, соединялось понятiе о божествѣ, хоть благомъ, но разгнѣванномъ и страшащемъ, которое надобно было умилостивлять, у котораго надобно было испрашивать пощады, которое въ самой пощадѣ остается грознымъ, требующимъ смерти, крови и огня, какъ искупленiя зломъ меньшимъ зла большаго. Возношенiя чаще всего были огнемъ и яствами. Обычай разложенiя огня сохранился до сихъ поръ у многихъ Славянъ, несовсѣмъ забывшихъ древнiе языческiе обряды. Судя по этому обычаю, торжественное возношенiе пламени совершалось преимущественно два раза въ годъ: въ праздникъ Коляды или новогодiя и въ праздникъ Купалы или Креса въ половинѣ года. Передъ идоломъ Перуна, по увѣренiю лѣто-

писцевъ, пламя возношенiя горѣло постоянно: »ему какъ Богу жертву приносили и огонь неугасающiй съ дубоваго дерева непрестанно палили.« Возношенiя яствами были также обыкновенны: »ты, Перунище, до сыта ѣлъ и пилъ, а теперь плыви дальше,« говорилъ Перуну одинъ изъ его прежнихъ почитателей. »Кладутъ имъ требы, короваи имъ ломятъ, моленое то брашно даютъ и ядятъ, ставятъ кумiрамъ трапезы котѣйныя,« сообщаетъ одно обличительное русское слово. У балтiйскихъ Славянъ на островѣ Ранѣ—(Рюгенѣ) былъ такой обычай: пекли пирогъ сладкiй, круглый и такой величины, что въ вышину былъ почти въ ростъ человѣка. Жрецъ, поставя его между собою и народомъ, спрашивалъ у Руянъ: видятъ ли они его. Когда они говорили, что видятъ, то онъ желалъ, чтобы на слѣдующiй годъ его за пирогомъ совсѣмъ не было видно. Вѣрили, что этотъ обрядъ способствуетъ счастiю народа и обилiю слѣдующей жатвы. Этотъ обычай до сихъ поръ соблюдается кое-гдѣ въ Малороссiи. На щедрый или богатый вечеръ (31 декабря) каждая хозяйка готовитъ множество варениковъ, книшей, пироговъ, и поставивши все это кучею на столѣ, затепливъ свѣчу передъ образами, накуривъ ладономъ, проситъ мужа исполнить законъ. Отецъ семейства долженъ сѣсть на покути, за кучей печенья. Когда дѣти, войдя и молясь, спрашиваютъ: »де жь нашь батько?« онъ, вмѣсто отвѣта, спрашиваетъ ихъ въ свою очередь: »Хиба-жь вы мене не бачите!«—и на отзывъ ихъ: »не бачимо тату!« говоритъ имъ: »дай же, Боже, щобъ и на той рикъ не побачили!« Этими словами онъ выражаетъ желанiе, чтобы и въ будущемъ году было такое же изобилiе всего, какъ въ настоящемъ. Что касается собственныхъ жертвъ, то онѣ были вообще двухъ родовъ: жертвы закланiя и жертвы сожженiя. Жертвы закланiя возносимы были ежегодно

въ честь божествъ во время празднествъ, имъ посвященныхъ, и кромѣ того при другихъ случаяхъ, когда надобно было умилостивлять боговъ; такъ между прочимъ и при совершеніи обряда погребенія. Что должно было быть принесено въ жертву, опредѣлялось если не всегда, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ гаданіемъ. Обыкновенно приносились въ жертву домашнія животныя или птицы, напримѣръ: быки, овцы, козы, куры, иногда лошади и собаки. Во время принесенія жертвъ совершались гаданія, и при этомъ жрецъ для того, чтобы воодушевиться силой предвѣщанія, пилъ кровь жертвъ (*у балтійскихъ Славянъ*). По принесеніи жертвы, часть ея иногда раздавалась нищимъ, а остальное оставалось передъ идолами; иногда же принесенное въ жертву было употребляемо какъ яства на слѣдовавшемъ за тѣмъ пиршествѣ. Видно также, что жертвы могли приноситься и злому богу, враждебному людямъ или же тѣмъ, что было освящено, какъ принесенное въ жертву божеству благому, можно было защищаться отъ зла и духовъ, зломъ живущихъ. Во всякомъ случаѣ жертвы закланія имѣли двоякій характеръ: и характеръ освященія, и характеръ дара, приношенія, лишенія себя для боговъ съ надеждою быть вознагражденнымъ отъ нихъ чѣмъ-нибудь большимъ. Жертвы сожженія имѣли преимущественно характеръ дара богамъ; они были вообще въ большомъ обычаѣ у Славянъ. Самое слово жертва или жаризна, происходитъ отъ *жрети*—сожигать. Было у Славянъ въ обычаѣ и приношеніе въ жертву людей. Изъ современныхъ свидѣтельствъ знаемъ объ этомъ обычаѣ у Русскихъ, Поляковъ и балтійскихъ Славянъ; можно догадываться, что онъ былъ не чуждъ и другимъ славянскимъ народамъ. »Русскіе во время язычества,« говоритъ ихъ лѣтописецъ, »приводили дочерей своихъ и сыновей, приносили жертвы бѣсамъ, оскверняли землю требами своими и осквернилась кровью земля русская и холмъ тотъ.«

Гаданія составляли столь же необходимую принадлежность богослуженія славянскаго, какъ молитвы и жертвоприношенія. Полный вѣры и надежды на защиту и помощь божества во всѣхъ своихъ дѣлахъ, Славянинъ считалъ себя въ правѣ прибѣгать къ нему съ просьбою: раскрыть ему свою волю и его будущее, подать ему совѣтъ или повелѣніе, какъ онъ долженъ дѣйствовать, оградить его рѣшимость своимъ словомъ или знакомъ, чтобы онъ въ своемъ начинаніи зналъ впередъ, можетъ или не можетъ ожидать успѣха. Обряды гаданій основывались на вѣрованіи, что божества и безъ воли человѣка раскрывали ему будущее. Гадая о будущемъ, Славянинъ язычникъ допрашивалъ божество, во 1-хъ о томъ, быть ли чему или не быть, дѣлать ли ему что или не дѣлать, — во 2-хъ о томъ, чему именно быть, что именно онъ долженъ дѣлать. Само собою разумѣется, что гаданье перваго рода употреблялось гораздо чаще. Оно-то и было гаданьемъ по жребію. Распространенное во время язычества, оно и доселѣ составляетъ у простаго народа славянскаго очень важную часть суевѣрій. Гаданія, въ понятіи язычниковъ Славянъ, составляли чрезвычайно важную часть богослуженія, имѣя огромное вліяніе на жизнь и частную и общественную. Гаданьемъ рѣшалось все важное для каждаго человѣка и для цѣлаго народа, даже и назначеніе обрядовъ богослуженія. Понятіе о важности гаданій и гадателей осталось по нынѣ. Помощію гаданія узнаютъ виноватаго. Поселянинъ по жребію рѣшаетъ спорныя дѣла въ семьѣ; въ деревняхъ на мірской сходкѣ по жребію выбираютъ въ рекруты; въ городахъ избирали по жребію жениховъ для дѣвушекъ, и старожилы еще запомнятъ, какъ Москвичи хаживали

съ жребіями въ церковь Николы Голстунскаго. Судъ по жребію былъ также обыченъ у Славянъ, особенно *Судъ божій*. И здѣсь, какъ и всюду, гдѣ жребій имѣлъ религіозное значеніе, видно не равнодушіе къ рѣшенію случая, а желаніе предоставить высшей волѣ то, что выше воли человѣческой. Гаданьемъ рѣшали предпріятія общественныя: походы и битвы, сухопутные и морскіе; гаданьемъ назначались дни богослужебныхъ празднествъ; гаданьемъ назначалось и принесеніе жертвъ божествамъ.

(Святилища и обряды языч. богослуж. древн. Славянъ, И. И. Срезневскаго. Харьковъ, 1846. Спб. 1848 г.).

35. Распространеніе христіанства.

Послѣ Новгорода святитель Михаилъ посѣтилъ (въ 991) съ своею проповѣдію область ростовскую, сопровождаемый четырьмя епископами, Добрынею и Анастасомъ. Ревностные благовѣстники крестили здѣсь безчисленное множество людей, воздвигли многія церкви, рукоположили пресвитеровъ и діаконовъ, устроили клиръ, но не искоренили язычества. Въ самомъ Ростовѣ, куда въ слѣдующемъ году поставленъ былъ особый епископъ Ѳеодоръ, многіе еще не принимали крещенія и были столько упорны и непріязненны къ архипастырю, что онъ, изнемогши въ борьбѣ съ ихъ злобою, нашелся вынужденнымъ покинуть Ростовъ и скончался, вѣроятно въ Суздалѣ, гдѣ доселѣ почиваютъ его св. мощи. Преемникъ Ѳеодора Иларіонъ, прибывшій изъ Константинополя, такъ же послѣ напрасныхъ усилій покорить упорныхъ вѣрѣ, оставилъ каѳедру и возвратился въ отечество. Съ нѣкоторою вѣроятностію можно допустить, что въ это время явился въ Ростовѣ съ

проповѣдію св. Авраамій ростовскій. Въ житіи его, которое встрѣчается въ разныхъ спискахъ, ясно говорится, что онъ дѣйствовалъ въ Ростовѣ во дни ростовскаго князя Бориса, когда въ Ростовѣ были еще какіе-то низшіе *князи*, какъ бывало и въ другихъ городахъ при началѣ Русскаго государства; дѣйствовалъ при первомъ ростовскомъ епископѣ Ѳеодорѣ и преемникѣ его Иларіонѣ и имѣлъ сношеніе съ самимъ равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ; говорится также, что когда Авраамій поселился близъ Ростова, тамъ еще цѣлый конецъ Чудскій покланялся каменному идолу Велесу, и что преподобный, съ помощію явившагося ему Іоанна Богослова, сокрушилъ этого идола, и хотя много потерпѣлъ отъ невѣрныхъ, но своими молитвами, наставленіями, терпѣніемъ и благоразуміемъ мало-помалу привлекъ всѣхъ ихъ ко Христу отъ мала до велика. Правда, въ настоящемъ житіи Авраамія встрѣчаются значительныя несообразности, которыя и расположили нѣкоторыхъ относить время подвиговъ его то къ первой, то даже ко второй половинѣ XII вѣка... Но не трудно понять, какъ могли вкрасться въ житіе Авраамія несообразности: оно составлено, судя по содержанію его, послѣ прославленія преподобнаго, т. е. послѣ открытія мощей его, которое послѣдовало уже во дни великаго князя владимірскаго Всеволода Юрьевича, внука Мономахова (1176—1212)...

Считая только болѣе вѣроятнымъ, а отнюдь не несомнѣннымъ, что Авраамій жилъ при самомъ началѣ у насъ христіанства, мы должны допустить, или онъ обратилъ къ св. вѣрѣ не всѣхъ жителей Ростова, или многіе изъ нихъ вскорѣ снова впали въ язычество: потому что, во второй половинѣ XI вѣка, третьему ростовскому епископу Леонтію пришлось еще много бороться здѣсь съ закоренѣлыми язычниками....

Св. Леонтій еп. ростовскій былъ, по выраженію св. Симона, еп. владимірскаго—*первопрестольникъ* въ томъ смыслѣ, что первый изъ кіевопечерскихъ иноковъ возведенъ былъ на епископскій престолъ; слѣдовательно возведенъ не позже 1051 г., когда удостоился епископскаго сана и вторый изъ постриженниковъ преп. Антонія—Иларіонъ, митрополитъ кіевскій (¹). Прибывъ въ Ростовъ, Леонтій хотя еще нашелъ въ немъ слѣды христіанства послѣ первыхъ двухъ ростовскихъ епископовъ Өеодора и Иларіона, которые впрочемъ вынуждены были удалиться изъ города отъ гоненія язычниковъ и особенно послѣ св. Авраамія ростовскаго, успѣвшаго крестить многихъ изъ нихъ, и даже основать близь города монастырь, но нашелъ также глубокіе слѣды язычества,—почему прежде всего рѣшился на подвигъ апостольскій. Чтобы успѣшнѣе достигнуть цѣли, святитель, благовѣствуя всѣмъ, но встрѣчая упорное противленіе со стороны старцевъ и мужей, обратилъ особенное вниманіе на дѣтей, собиралъ ихъ въ церковь, самъ наставлялъ въ истинахъ спасителной вѣры и крестилъ. Закоренѣлые въ язычествѣ родители тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ устремлялись на него и подвергали его мученіямъ и побоямъ; но мученикъ христовъ не ослабѣвалъ въ своемъ трудѣ, пока не просвѣтилъ вѣрою самыхъ своихъ враговъ. Однажды, когда они съ оружіемъ и дреколіемъ собрались вокругъ церкви, гдѣ онъ поучалъ дѣтей, положили между собою не только изгнать его изъ города, но и умертвить,—Леонтій, облекшись во всѣ святительскія одежды, съ крестомъ въ рукахъ и сопутствуемый освященнымъ соборомъ также въ полномъ облаченіи—явился предъ ними, и язычники, пораженные чуднымъ видѣніемъ, поверглись всѣ на землю, какъ бы мертвые. Леонтій простеръ къ нимъ слово, исполненное духа и силы: они увѣровали во Христа и крестились. Съ того времени своимъ ученіемъ и чудесами Леонтій привлекъ ко Христу всѣхъ жителей Ростова, и хотя скончался въ мирѣ (прежде 1077 г.), но тѣмъ не менѣе заслужилъ вѣнецъ мученическій, вслѣдъ за двумя Варягами, пострадавшими у насъ еще прежде за имя христово. Мощи святителя обрѣтены нетлѣнными въ 1164 г., мая 23 и почиваютъ въ ростовской соборной церкви.

Св. Исаія, епископъ ростовскій, родился въ области кіевской; принялъ постриженіе въ Печерскомъ монастырѣ во дни преп. Антонія и Өеодосія; за высокіе подвиги благочестія избранъ (въ 1062 г.) во игумена, устроеннаго великимъ княземъ Изяславомъ Дмитріевскаго монастыря, а потомъ (въ 1077 г.) возведенъ на каѳедру ростовской епархіи. Здѣсь ожидали святителя великіе труды: въ самомъ Ростовѣ были христіане, большею частію только новопросвѣщенные, которыхъ надлежало утверждать въ вѣрѣ и укрѣплять; а въ предѣлахъ епархіи ростовской находилось еще весьма много язычниковъ. И св. Исаія, ревностно назидая словомъ спасенія жителей Ростова, обтекалъ прочіе грады и веси области ростовской и суздальской, невѣрныхъ увѣщевалъ вѣровать во св. Троицу и крестилъ, а вѣрныхъ убѣждалъ быть твердыми и не поколебимыми въ вѣрѣ; гдѣ находилъ идоловъ, предавалъ ихъ огню, и сопутствуя себѣ дѣлами милосердія, повсюду привлекалъ къ себѣ сердца своихъ духовныхъ чадъ. Этотъ благовѣстникъ, котораго еще при жизни Господь удостоилъ дара чудотвореній, окончательно насадилъ христіанство въ ростовскомъ краѣ и, по смерти своей (въ 1090 г.), къ концу XI в. чтимъ уже былъ своею паствою въ ликѣ святыхъ. Нетлѣнныя мощи его обрѣтены въ 1164 г. мая

(¹) Житіе Леонтія ростовс. въ Правосл. Собес. 1858. I. 297. 420.

23, и почиваютъ въ ростовской соборной церкви.

Кромѣ Ростова и ростовской области, св. церковь распространилась въ этотъ періодъ еще въ Муромѣ, въ странѣ Вятичей и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ нашего отечества въ сѣверу и юго-востоку.

Просвѣтителемъ Мурома былъ св. благовѣрный князь муромскій Константинъ [1]. Въ житіи его, которое одно сохранило намъ преданія объ этомъ событіи, говорится, что послѣ перваго муромскаго князя, св. мученика Глѣба, который не успѣлъ насадить въ Муромѣ христіанство частію по сопротивленію жителей, а частію и по краткости своего здѣсь пребыванія, Муромцы оставались язычниками до тѣхъ поръ, пока другой благовѣрный князь Константинъ Святославичъ не испросилъ у отца своего въ удѣлъ себѣ Мурома, желая не только господствовать въ немъ, но и просвѣтить его св. вѣрою. Святославъ долго не соглашался на просьбу сына, опасаясь, чтобы невѣрные не умертвили его, или не прогнали отъ себя. Наконецъ согласился, и отпустилъ съ нимъ жену его Ирину и чадъ Михаила и Ѳеодора, такъ же нужное число духовенства, воеводъ, воиновъ и другихъ людей, съ ихъ семействами и имуществами. Приближаясь къ Мурому, Константинъ послалъ напередъ сына своего Михаила съ нѣсколькими людьми для убѣжденія Муромцевъ покориться отцу его безъ кровопролитія. Но упорные и коварные язычники умертвили посланнаго имъ князя, выбросили тѣло его вонъ изъ города. Тогда Константинъ приступилъ къ Мурому съ войскомъ. Муромцы хотѣли сначала сразиться съ нимъ, потомъ заключились въ городѣ и выслали сказать князю, что они согласны принять его къ себѣ на княженье, но не желаютъ принимать новой вѣры. Константинъ вошелъ въ городъ, утвердился въ немъ со всѣми своими спутниками и началъ строить церкви. Первая, построенная имъ церковь, въ которой онъ положилъ и тѣло убіеннаго сына своего Михаила, была церковь во имя Благовѣщенія пресв. Богородицы; вторая —во имя благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба. Объ обращеніи Муромцевъ князь усердно молился Богу и въ то же время призывалъ къ себѣ старѣйшинъ города, бесѣдовалъ съ ними о вѣрѣ, убѣждалъ ихъ принять св. крещеніе, то ласками, то дарами, то обѣщаніемъ различныхъ льготъ для жителей; но все напрасно. Язычники враждовали за это на князя, и однажды, положивъ между собою клятву убить его или изгнать изъ города, собрались всѣ съ оружіемъ и дреколіемъ ко двору княжескому. Христіане устрашились и нѣкоторые, заключившись въ домахъ своихъ, стали приготовлять оружіе; но благов. князь Константинъ, вмѣстѣ съ семействомъ своимъ, духовенствомъ и многими другими христіанами, обратился съ молитвою къ Богу. По окончаніи молитвы одинъ, съ иконою пресв. Богородицы въ рукахъ, явился предъ безчисленнымъ сборищемъ бунтовщиковъ, и язычники, пораженные ужасомъ, пали всѣ на землю и единогласно просили себѣ крещенія. Обрадованный князь, воздавъ благодареніе Господу и Его пречистой Матери, повелѣлъ въ опредѣленный день всѣмъ невѣрнымъ явиться на рѣку Оку, и тамъ совершилось торжественно крещеніе Муромцевъ точно такъ же, какъ совершилось нѣкогда крещеніе Кіевлянъ въ Днѣпрѣ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ благов. князь Константинъ скончался и погребенъ вмѣстѣ съ дѣтьми своими Михаиломъ и Ѳеодоромъ въ первосозданной имъ Благовѣщенской церкви. Св. мощи ихъ открыты въ 1533 г. и

---

(1) Вообще вся эта статья преосв. Макарія составлена на основаніи житій святыхъ поздняго состава, и содержаніе ея нельзя считать совершенно достовѣрнымъ.

почиваютъ въ одной изъ ракъ въ муромскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ.

(Ист. Рус. Цер. преосв. Макарія I, 6—9. II, 15—19).

36. О борьбѣ христіанства съ язычествомъ въ Россіи.

Славяно-русское язычество еще не успѣло совершенно развиться, когда начала распространяться въ Россіи христіанская вѣра. Оно застигнуто было послѣднею на переходной степени отъ непосредственнаго поклоненія силамъ и явленіямъ природы къ олицетворенію этихъ силъ и явленій, въ образахъ личныхъ божествъ, отъ первичнаго домашняго служенія богамъ,—къ служенію имъ общественному съ храмами, опредѣленною обрядностію и сословіемъ жрецовъ.

Славянинъ успѣлъ выработать въ сознаніи своемъ образы, личности только для низшихъ боговъ, олицетворявшихъ рускую природу съ ея широкими рѣками и непроглядными лѣсами, водяныхъ, русалокъ и лѣшихъ, также для домовыхъ, божествъ семьи и домашняго крова. Эти только божества являются намъ съ рѣзко обрисованными личностями, съ вполнѣ развитою личною жизнію. Имена высшихъ божествъ—Сварога, Перуна, Дажбога—не возбуждаютъ въ умѣ никакого опредѣленнаго представленія. Мы не имѣемъ свѣдѣній ни объ ихъ характерѣ, ни объ ихъ личной жизни; въ народѣ они совершенно забыты. Если ясность и подробность, съ какими въ народѣ хранится память о низшихъ богахъ, показываютъ удивительную живучесть вѣрованія, даютъ право заключать о древности и большемъ развитіи этого вѣрованія въ язычествѣ; то наоборотъ забвеніе высшихъ божествъ обнаруживаетъ, что вѣра въ нихъ была сравнительно молода, не успѣла пустить крѣпкихъ корней въ сознаніи народа. Такъ по наружному виду дерева можно догадываться о глубинѣ и крѣпости его корней. Созданіе личностей для высшихъ божествъ требовало большаго отвлеченія, мало доступнаго для дѣтской фантазіи и мысли народа

За областью поэтическихъ сказаній о лѣшихъ, водяныхъ, русалкахъ, домовыхъ открывается первобытное поле непосредственнаго служенія предметамъ и явленіямъ природы. »Можно положительно сказать, говоритъ г. Шеппингъ въ своихъ очеркахъ славяно-русской миѳологіи, что имена и личности божествъ играютъ самую второстепенную роль въ нашей руской миѳологіи. Обоготвореніе же природы и жизни во всѣхъ ихъ многоразличныхъ проявленіяхъ,—вотъ главнѣйшая основа всѣхъ вѣрованій нашего язычества. Пѣсни, загадки, пословицы и изреченія всякаго рода, обычныя сравненія и качественные эпитеты носятъ еще доселѣ въ языкѣ нашемъ глубокіе слѣды этого наблюдательнаго благоговѣнія человѣка передъ вѣчными законами природы и жизни.«

Въ сохранившихся доселѣ остаткахъ языческаго богослуженія непосредственное поклоненіе природѣ видимо преобладаетъ надъ олицетвореніями этихъ предметовъ, надъ аллегорическою обрядностію, изъ которой въ развитыхъ вѣрахъ древняго міра выродились, такъ называемыя, языческія мистеріи. Жертвы и молитвы относились непосредственно къ солнцу, лунѣ, звѣздамъ, огню, дереву и т. д. Олицетворенія носятъ еще первичный, наивный характеръ; вотъ народъ нарядилъ въ сарафанъ или зипунъ первый снопъ и представилъ его ликующимъ имянинникомъ; вотъ топятъ соломенную чучелу зимы, составляется хороводъ около троицкой березки—Лады, является на улицѣ комическій старикъ-представитель Ярилы или съ гамомъ ѣдетъ на дровняхъ пьяная ма-

слянница съ полштофомъ въ рукахъ. Съ другой стороны, всѣ подобные обряды измѣняются по мѣсту, времени, по расположенію духа толпы, зависятъ отъ произвола; они еще не успѣли окаменѣть, сдѣлаться условными, постоянными и необходимыми, чѣмъ отличаются обряды вполнѣ опредѣлившейся вѣры. Въ одномъ напримѣръ мѣстѣ весенній хороводъ кружится около березки, въ другомъ около разряженной чучелы, въ третьемъ около дѣвушки. Одинъ и тотъ же предметъ празднованія выражается въ различныхъ образахъ въ началѣ, срединѣ и концѣ праздника. Все это показываетъ, что богослуженіе только лишь стало освобождаться отъ своего первичнаго, непосредственнаго характера, допускало произволъ, зависѣло отъ временнаго, случайнаго удобства и вдохновенія.

Очень естественно, что у нашихъ предковъ не было ни храмовъ, ни жрецовъ; это, кажется, нужно почитать вполнѣ доказаннымъ положеніемъ нашей исторіи. Храмы и жрецы являются съ развитіемъ общественнаго богослуженія. Но у насъ самая жизнь въ языческое время не развилась до общественности. Когда каждый жилъ замкнуто съ родомъ своимъ на своемъ мѣстѣ, то необходимо преобладало домашнее богослуженіе. Каждая семья молилась отдѣльно; жрецомъ былъ большакъ семейства; изба была самымъ обычнымъ храмомъ. Вотъ почему въ нашей миѳологіи болѣе всего развитъ миѳъ о домовомъ, вотъ почему также гораздо болѣе сохранилось у насъ языческихъ обрядовъ зимняго, чѣмъ лѣтняго полугодія; зима проводится въ избѣ, среди семьи; лѣтомъ крестьянинъ живетъ въ полѣ. Семейственность составляетъ самую отличительную черту русскаго язычества. Общественное богослуженіе было еще въ зародышѣ. Нѣсколько семействъ, даже деревень собирались на игрище »межи селы« и совершали здѣсь свои обрядовыя игры и пиры. Эти сборища стали пріурочиваться къ опредѣленнымъ мѣстамъ, рѣкѣ, озеру, лѣсу и пр. и наложили на послѣднія печать особенной святыни. Явились боголѣсья, священныя дубровы, камни, криницы, ручьи и озера, которыя доселѣ пользуются суевѣрнымъ почтеніемъ. Всѣ подобныя водныя, лѣсныя, горныя урочища несомнѣнно были колыбелью общественнаго богослуженія; при дальнѣйшемъ развитіи язычества мы увидѣли бы на нихъ языческіе храмы. Наиболѣе замѣчательными начатками опредѣленныхъ мѣстъ богослуженія, начатками храмовъ, служатъ городища.

Кто же совершалъ богослуженіе, когда семьи собирались вмѣстѣ, когда въ общемъ собраніи ихъ терялось значеніе частныхъ большаковъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ русскій хороводъ, обрядовыя игры и русская братчина; въ богослуженіи общественномъ участвовали всѣ одинаково. Только въ немногихъ случаяхъ нуженъ былъ представитель общины: когда напримѣръ нужно было завести пѣсню, руководить хороводомъ или игрою, распорядиться общественными приношеніями или пиромъ. Тогда выступало выборное начало. Выборъ обыкновенно падалъ или на дѣвушку или на старца патріарха селенія, главаря, большака цѣлой общины. Это были жрецы тоже, если можно такъ выразиться, въ зародышѣ. Такое же значеніе имѣли при общественномъ богослуженіи пѣвцы, гудцы и прегудницы, гусляры, плясцы и т. п. люди, которые во времена христіанскія извѣстны подъ именемъ *скоморохов* (*Времен. кн. XX*).

Болѣе всѣхъ этихъ представителей общины жреческій характеръ выразился въ классѣ волхвовъ, вѣдуновъ и вѣдьмъ, которые служили переходною ступенью къ образованію настоящаго жреческаго класса. Каждая вѣра, какъ бы она ни была въ началѣ жизненна и свободна въ своихъ проявленіяхъ, вслѣдствіе одностороннe-благоговѣйнаго отношенія къ ней людей,

закаменѣваетъ въ своихъ формахъ и низводится въ обрядность все болѣе и болѣе, по мѣрѣ продолжительности своего существованія. Священное дѣйствіе, въ началѣ свободное, основанное на движеніи благочестиваго чувства одного лица, обращается въ обязательный обрядъ. Благочестивая пѣснь, излившаяся изъ сердца одного вѣрующаго, естественное обращеніе его къ божеству съ словами молитвы превращаются наконецъ въ такую молитву, изъ которой слова не выкинешь, въ заговоръ и заклятіе. Въ самыхъ словахъ, въ ихъ томъ или другомъ сочетаніи поставляется сила молитвы, преклоняющая боговъ къ милости и исполненію желанія. Чѣмъ дальше идетъ развитіе общественнаго богослуженія, тѣмъ болѣе развивается эта обрядность его. Не всякій, даже старецъ, можетъ уже прочитать молитву, употребить именно тѣ слова, какія нужно, и въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ опредѣлено; не всякій способенъ выполнить и всѣ подробности обрядоваго дѣйствія. Все это можетъ сдѣлать только человѣкъ, исключительно посвятившій себя свящ. вѣдѣнію—вѣдунъ, волхвъ. Ему извѣстны всѣ тайны вѣры и его призываютъ на помощь во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, гдѣ недостаточною кажется обыкновенная молитва. Но волхвъ все-таки далеко не жрецъ. Чтобы получить послѣднее значеніе, ему нужно сдѣлаться постояннымъ и необходимымъ посредникомъ между людьми и богами.

Съ такимъ запасомъ вѣрованій и съ такимъ богослуженіемъ имѣли войти Славяне въ семью христіанскихъ народовъ. Нельзя не видѣть, какъ бѣденъ былъ этотъ запасъ, какъ скудна была его обстановка и какъ слабы были силы этого дѣтскаго міросозерцанія въ сравненіи съ силами и средствами новой вѣры. О внѣшней борьбѣ между старою и новою вѣрою не можетъ быть и рѣчи. Христіанскіе пастыри не встрѣтили себѣ противниковъ, равныхъ по силамъ и внѣшнему положенію въ обществѣ, жрецовъ, которые служатъ всегда носителями религіознаго сознанія народа. А безъ нихъ народъ могъ выставить только безсознательное отрицательное противодѣйствіе новой вѣрѣ, во имя народной старины, противодѣйствіе подземное, не обнаруживавшееся въ видѣ внѣшней борьбы. Христіанскія церкви строились на пустомъ мѣстѣ; не нужно было разчищать для нихъ мѣсто чрезъ разрушеніе языческихъ капищъ. Христіанское богослуженіе было первымъ вполнѣ развитымъ общественнымъ богослуженіемъ на Руси. Своимъ благолѣпіемъ оно совершенно затмило убогія языческія сборища »межи селы« съ ихъ естественною обстановкою и хороводами; эти сборища сразу явились предъ нимъ одною игрою. Раскрытое, объясненное и снабженное всѣми средствами византійскаго образованія, православіе встрѣтилось у насъ съ бѣднымъ и совершенно неопредѣленнымъ языческимъ міросозерцаніемъ. Не пускаясь еще въ обстоятельное изслѣдованіе дѣла, можемъ напередъ сказать, что всѣ Свароги, Перуны, Дажбоги будутъ забыты при новыхъ вѣрованіяхъ, но что напротивъ низшіе собирательныя духи, домовые, водяные, лѣшіе, русалки, кикиморы и пр., останутся цѣликомъ въ народныхъ повѣрьяхъ, что новая вѣра скоро не подавитъ это благоговѣйное служеніе природѣ. Можемъ напередъ также сказать, что языческая вѣра скоро уступитъ христіанству и своихъ кумировъ, и свои богослужебныя собранія, всю свою общественную сторону, но не уступитъ ему другой стороны—внутренней, привычныхъ взглядовъ на вещи, всѣхъ своихъ принадлежностей, которыя были внѣ ея общественнаго значенія. Будучи вѣрою частныхъ лицъ, семьи, дома, оно крѣпко засядетъ въ избѣ и отсюда его уже не выживутъ скоро никакія мѣры духовной и свѣтской власти, кромѣ просвѣщенія. Эти мѣры могутъ выгнать его только съ улицы съ

поля, изъ священнаго боголѣсья, но оно особенно и не нуждалось въ этихъ священныхъ мѣстахъ...

Въ первоначальной исторіи христіанства на Руси, очень выразительно то обстоятельство, что народъ принималъ его съ покорностію въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была сильна княжеская власть; гдѣ она была слаба, тамъ мы и въ XII вѣкѣ видимъ, съ одной стороны, проповѣдниковъ —мучениковъ, а съ другой—толпы волхвовъ. Очень естественно, что новопросвѣщенная власть усердно помогала дѣятельности пастырей церкви. При этомъ не надобно упускать изъ виду того, что іерархія, явившись на Руси, какъ священно-началіе церкви христовой, приняла государство подъ свое руководство; она воспитывала верховную власть въ благочестивыхъ началахъ, внушала князю, что онъ »поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на помилованіе« *(Лавр. 54)*, т. е. распространяла его власть, кромѣ юридической области, еще на нравственную жизнь...

Дѣйствуя совокупными силами, князя и пастыри церкви толпами собирали народъ позорить языческихъ боговъ и креститься, воздвигали множество церквей, выписывали новыхъ священно-служителей изъ Византіи и Болгаріи, переводили священныя книги, заставляли новообращенныхъ ходить къ богослуженію, учить христіанскія молитвы, даже греческое »киріелейсонъ.« Но чѣмъ быстрѣе шло это дѣло, чѣмъ покорнѣе слушался народъ своихъ властей, тѣмъ было хуже. При той быстротѣ, съ какою возрастало число обращенныхъ, нельзя и предполагать нравственнаго перевоспитанія новопросвѣщеннаго общества. Подъ христіанскою внѣшностію во всей своей свѣжести оставалось старое язычество. Это было даже не двоевѣріе, потому что двоевѣріе, смѣшеніе христіанства съ язычествомъ, предполагаетъ уже нѣкоторую степень усвоенія новаго ученія, переработку его на народный ладъ. Оно составляетъ уже дальнѣйшую степень въ исторіи христіанства; съ него начинается постепенный ходъ внутренняго перевоспитанія народа...

Поученія пастырей церкви до XIV в. прямо направлены противъ язычества, обнаруживаютъ самостоятельность его, существованіе его на ряду съ христіанствомъ.

Новая вѣра не вытѣснила еще старую, даже не измѣнила ее; обѣ онѣ соединялись между собою чисто механически, а не органически. Народъ ясно помнилъ свою прежнюю догматику и обрядность; и ту и другую поученія представляютъ еще въ животрепещущихъ образахъ. Послѣ XIV вѣка язычество видимо стушевалось; его догматика забывается; въ поученіяхъ является на первомъ планѣ обличеніе не миѳа, а языческой обрядности, которая пережила миѳъ, но безъ него и сама поблѣднѣла и потеряла свой смыслъ. Послѣ грубаго двоевѣрія постепенно является другое двоевѣріе, состоявшее не въ механическомъ, а въ органическомъ соединеніи двухъ вѣръ, при чемъ язычество поглощалось христіанствомъ и примѣшивало къ нему своеобразный народный оттѣнокъ.

...Съ новымъ Богомъ народу хотѣлось удержать и своихъ прежнихъ доморощенныхъ боговъ. Онъ исполнялъ это желаніе всегда и вездѣ, когда и гдѣ было можно, гдѣ князь и духовенство не могли замѣтить его служенія по старой вѣрѣ, куда не могли проникать мѣры той и другой власти.

Послѣ обязательной молитвы въ христіанскомъ храмѣ, Славянинъ полуязычникъ отправлялся въ священную дуброву, къ озеру, рѣкѣ, къ студенцу, къ старому дуплистому дубу, березѣ, къ священному камню или подъ овинъ и творилъ тутъ свою убогую молитву по обычаю отцевъ и дѣдовъ. Онъ поклонялся и приносилъ жертвы бѣсамъ—Перуну, Хорсу,

Мокошу, Велесу, Дажбогу и др., пѣлъ свои старинныя пѣсни, въ которыхъ призывалъ солнце красное, младъ свѣтелъ мѣсяцъ, звѣзды частыя; въ домахъ съ иконами стояли божки языческіе; да онъ и церковь звалъ »божницею,« христіанскія святыни ставилъ на одну доску съ языческими. Среди семьи совершались всѣ старинные богослужебные обряды, ставились законные обѣды Роду и Рожаницамъ, домовому и проч. Составлялись и языческія торжества: то сойдутся люди на жальникъ для котейной трапезы и тризны по умершимъ, то тихонько отъ строгаго церковнаго и гражданскаго надзора соберутся на старинныя игрища межи селы, гдѣ возобновятся всѣ языческія безчинія и разгулъ. Но общественное богослуженіе строго преслѣдовалось, и язычество поневолѣ должно было ограничиваться предѣлами одной избы, одного семейнаго быта. Здѣсь царила чистѣйшая старина. Долго церковь не могла завязать самаго основнаго узла законной семейной жизни—правильнаго брака. Въ простонародьѣ было искреннее убѣжденіе, что церковный бракъ существуетъ только для князей и бояръ. Свидѣтельство на это имѣемъ въ церковномъ Правилѣ митрополита Іоанна (XI вѣка). Не только были въ свѣжей памяти, но и на самомъ дѣлѣ происходили умыканія невѣстъ, браки съ языческимъ обычаемъ плесканія, съ пѣснями въ честь Лады или съ обхожденіемъ въ лѣсу около ракитова куста, около священнаго озера. Наши былины постоянно говорятъ, что богатыри, кромѣ вѣнчанія церковнаго, обходили вкругъ ракитоваго куста. Тоже правило XI вѣка свидѣтельствуетъ, что мужъ держалъ по двѣ жены и больше, прогонялъ одну и бралъ другую.

Славянинъ полуязычникъ повиновался духовенству, потому что за духовенство былъ князь; но онъ не любилъ священника, бѣжалъ отъ него, чувствуя за собою много языческихъ грѣховъ, и встрѣчу съ духовнымъ лицемъ почиталъ дурною для себя. Въ тоже время въ обществѣ большимъ уваженіемъ пользовались волхвы и кудесники—эти начатки языческаго жречества. Ихъ призывали на родины сотворить трапезу Роду, наречь имя младенцу, избавить его наговорами отъ порчи, глаза и притки, навязать ему чародѣйскій наузъ, совершить обрядъ постриговъ и проч. На свадьбахъ имъ давалось первое мѣсто. Къ нимъ обращались во всѣхъ важныхъ случаяхъ домашней жизни, по случаю чьей-нибудь болѣзни, пропажи, семейнаго раздора и т. п. Въ общественныхъ бѣдствіяхъ тоже: произойдетъ засуха, случится наводненіе, появится зараза, народъ думалъ, что все это дѣло колдовства чародѣевъ и обращался къ нимъ съ мольбою о помощи. Не только по деревнямъ и селамъ, но и по городамъ ходили толпы вѣщихъ мужиковъ и бабъ, особенно старухъ, которыя были окружены языческою таинственностію и держали въ рукахъ суевѣрное народонаселеніе древней Руси. Лѣтопись показываетъ, что къ волхвамъ ходили не только простая чадь, но и князья. Знаменитый Всеславъ полоцкій, герой былинъ, оборотень »Слова о полку Игоревѣ,« былъ рожденъ и воспитанъ среди волхвованія.

Если припомнимъ, какое значеніе волхвы имѣли въ язычествѣ, то всѣ эти знаки общаго уваженія къ нимъ и ихъ вѣса въ обществѣ опредѣлятъ для насъ степень распространенія христіанскихъ понятій и укорененія ихъ въ народномъ сознаніи. Волхвъ былъ противоположность священника, онъ былъ представитель язычества, какъ священникъ христіанства. Торжество того или другаго было торжествомъ той или другой вѣры. Какъ служители языческихъ боговъ, какъ главные хранители суевѣрныхъ обычаевъ и священныхъ знаній стараго времени, волхвы даже вступали въ открытую борьбу съ христіанствомъ; они ходили всюду съ

своею языческою проповѣдью и волновали чернь. Проповѣдь ихъ тѣмъ болѣе была сильна, что они почти всегда появлялись въ то время, когда народъ, еще не утвержденный въ христіанствѣ, былъ особенно расположенъ слушать ихъ, въ моровую язву, въ голодъ, въ засухи, въ годины разнаго рода народныхъ бѣдствій. Народъ толпами ходилъ за ними, видя въ нихъ представителей боговъ. Не передавая подробныхъ лѣтописныхъ извѣстій о волхвахъ, укажемъ на одно наиболѣе выразительное явленіе, опредѣляющее степень распространенности христіанства между разными слоями общества. Въ XI вѣкѣ волхвъ явился въ Новгородѣ; когда епископъ съ крестомъ въ рукахъ вышелъ на вѣче, на его сторону стали только князь съ дружиною, весь народъ сталъ на сторонѣ волхва. Если такъ было въ одномъ изъ главныхъ и образованнѣйшихъ городовъ; то что сказать о селахъ, деревняхъ, починкахъ, разбросанныхъ въ разсыпку по разнымъ захолустьямъ Русской земли, въ лѣсахъ и степяхъ, вдали отъ правительственныхъ и церковныхъ центровъ?... На такую грубую почву пало сѣмя христіанства. Около него росли старыя сорныя травы, пробиваясь по всѣмъ мѣстамъ вновь воздѣлываемаго поля, гдѣ наскоро пропустили клочки первые ратаи—правительство и духовенство. Христіанству нуженъ былъ усиленный ростъ, чтобы заглушить эти сорныя травы. Съ самаго начала принятія новой вѣры идетъ непрерывное противодѣйствіе ей со стороны вѣковыхъ привычекъ и старинныхъ народныхъ вѣрованій, наслѣдованныхъ отъ отцевъ и дѣдовъ...

Веселое, хороводное и пѣсенное богослуженіе язычества увлекало новообращенныхъ христіанъ; изъ церкви народъ съ удовольствіемъ бѣжалъ на свои игрища. Обличенія въ холодности къ богослуженію, происходящей не отъ лѣности, а именно отъ языческаго расположенія духа, составляютъ поэтому главную тему поученій нашихъ древнихъ іерарховъ.

Древніе пастыри наши хорошо понимали, какъ вредна для христіанства эта любовь народа къ своимъ игрищамъ и пѣснямъ и что она значитъ. Пѣть пѣсни, участвовать въ игрищахъ прямо почиталось дѣломъ языческимъ... Народъ, сохраняя еще свѣжее языческое чувство, охотнѣе стремился на языческія празднества, чѣмъ въ христіанскій храмъ...

Народныя игрища были совершенно языческаго духа. Всѣ эти купальскія, семицкія, радонецкія и т. п. торжества съ бубнами, сопѣлями, пѣснями и плясаніемъ были вовсе не то, что нынѣ; они имѣли еще смыслъ (языческій), теперь уже забытый... »Ноузъ, ношеніе, кощуны, идолослуженіе, моленія кладезная и рѣчная, пѣсни *бѣсовскія*, плясаніе, бубны и сопѣли, козицы (качицы—троицкія качели), *игранія бѣсовская*.« И проводились эти празднества по-язычески. Поученія съ отвращеніемъ описываютъ пьяный и грязный разгулъ, который производился на нихъ и перешелъ цѣликомъ изъ языческаго времени. Здѣсь происходили сцены разврата, который прежде имѣлъ другое значеніе— законнаго брака, а теперь сталъ совершенно въ разрѣзъ съ заботливостію церкви объ устроеніи домашняго быта посредствомъ христіанскаго брака. Разсказавъ о языческомъ обрядѣ умыканія дѣвицъ, пр. Несторъ непосредственно затѣмъ замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ краяхъ Руси этотъ обрядъ совершался еще и въ его время. Объ умыканіи говорится въ церковныхъ Уставахъ Владиміра и Ярослава, въ церковномъ Правилѣ митрополита Іоанна II.

Особенно свѣжи были остатки язычества въ менѣе открытыхъ и многолюдныхъ собраніяхъ около священныхъ деревъ, камней, водъ. Въ уставѣ Владиміра къ церковному суду отнесено: »кто подъ овиномъ молится, или во ржи, или

подъ рощеніемъ, (*въ лѣсу*) или у воды.« Тоже повторяютъ Уставъ Всеволода и церковное Правило митрополита Іоанна. Въ этихъ укромныхъ мѣстахъ менѣе мѣшалъ язычнику строгій церковный надзоръ. Русскій переводчикъ твореній св. Григорія Богослова вставилъ отъ себя въ текстъ слова его на Богоявленіе господне замѣчаніе, которое обнаруживаетъ въ людяхъ его времени еще самую живую вѣру въ олицетворенія силъ и явленій природы (1). Подобныя свидѣтельства ясно обнаруживаютъ предъ нами ту почву, на которой стоялъ народъ въ первые вѣка христіанства. Другія поученія еще болѣе разъясняютъ дѣло, представляя въ своихъ обличеніяхъ живую олицетворенность силъ и явленій природы въ знакомыхъ образахъ прямо подъ именами Перуновъ, Хорсовъ, Дажбоговъ и пр., свѣжую память о старинныхъ миѳахъ...

Поученія обличаютъ преимущественно общественныя игры, пѣсни, пляски, развратъ. Въ празднествахъ, имѣвшихъ семейный характеръ, они подмѣтили почти только такіе обряды, которые выходили изъ предѣловъ семьи и избы, напримѣръ въ праздникѣ Коляды — собираніе припасовъ для общей жертвы, переряживаніе, попойки. Во внутренній міръ семьи, этотъ міръ суевѣрій тайныхъ, неоткрытыхъ, какъ видится, не могла совершенно проникнуть наша первобытная церковь. Поученія мало знаютъ даже о главномъ божествѣ дома—домовомъ (2). Церковь могла слѣдить только за взаимными отношеніями членовъ семьи и устроивать ихъ по началамъ христіанскаго брака.

(1) Библіогр. листы Кеппена. Спб. 1825 г. № 7, стр. 88.

(2) Встрѣчается голословное упоминаніе »бѣса хороможителя« въ Златой Чепи XIV в. (*Очерки Бусл. 11, 125*) и указаніе на обрядъ въ честь доловаго при новосельи: »въ новоселіи идетъ съ копкою черною и съ курою чернымъ« *(Опис. Рум. Муз. Востокова, 552)*.

Изъ всѣхъ отраслей семейнаго богослуженія церковь болѣе всего знала о служеніи Роду и Рожаницамъ, и то также преимущественно съ его внѣшней стороны, насколько это служеніе выступало изъ недоступныхъ предѣловъ семьи. Вѣрованіе въ Родъ и Рожаницъ получило особенно широкое развитіе у славянскихъ племенъ и долго крѣпилось противъ христіанства. Наши обличенія особенно много и долго останавливаются на немъ...

На югѣ и въ мѣстахъ болѣе населенныхъ, гдѣ дѣло новаго образованія шло успѣшнѣе, языческіе боги были забыты еще въ XII и XIII вѣкахъ. Не то было въ отдаленныхъ углахъ и захолустьяхъ Руси... На украйнахъ, по свидѣтельству извѣстнаго намъ слова св. Григорія, еще продолжали тайкомъ молиться и Перуну, и Хорсу, и Мокошу, и Виламъ, продолжали ставить и беззаконную трапезу Роду и Рожаницамъ, на великую прелесть вѣрнымъ христіанамъ. Свѣжая память старой миѳологіи по украйнамъ поддерживала знаніе этой миѳологіи и въ другихъ мѣстахъ; но потомъ эта память начала темнѣть и тамъ. Обличенія начинаютъ толковать просто объ идолослуженіи вообще и о разныхъ языческихъ обрядахъ безъ яснаго пониманія ихъ первоначальнаго смысла. Мы еще встрѣчаемъ имена боговъ, но онѣ уже смѣшиваются съ именами греческой миѳологіи и одно замѣняетъ другое, кромѣ того искажаются такъ, что ихъ и узнать нельзя; напримѣръ имя Хорса превращается въ Нахора...

Около XIV вѣка борьба христіанства съ язычествомъ на Руси замѣтно принимаетъ новое направленіе; она главнымъ образомъ устремляется противъ остатковъ языческаго богослуженія, которое будило еще отжившія вѣрованія, хотя уже не могло вполнѣ осмыслиться ими. Все, что сохранилось въ народѣ преданіемъ отъ древняго богопочтенія, болѣе и болѣе

принимало значенiе суевѣрiя, и, теряя свой старинный смыслъ, примыкало къ христiанскимъ праздникамъ и обрядамъ въ видѣ стараго обычая и повѣрья. Закоренѣлая привычка смѣшивала принадлежности старыхъ боговъ съ принадлежностями христiанскихъ святыхъ, обряды идольскихъ торжествъ съ торжествами церкви. Не возможно было искоренить однимъ разомъ то, съ чѣмъ свыклась душа и что вошло въ самую народность Славянъ русскихъ. Даже христiанскiя торжества церкви получили языческiя названiя, напримѣръ Русальная недѣля, Купало, Коляда и проч. Христiанство затмило боговъ, превратило ихъ во второстепенныя существа, большею частiю въ демоновъ, но служенiе имъ долго сквозило и доселѣ отчасти сквозитъ среди христiанскихъ обрядовъ. Въ старинныхъ пѣсняхъ, которыми сопровождаются народные праздники, слышимъ припѣвы, въ которыхъ уродливо сопоставляются Богородица и Троица съ Дидомъ, Ладою. Христiанскiй праздникъ переходилъ въ открытый языческiй разгулъ съ языческими обрядами, которыхъ нельзя было не узнать, хотя память объ ихъ значенiи и была затеряна; пастыри церкви прямо называютъ ихъ невѣрными, погаными, идольскими, еллинскими. А тамъ, за предѣлами общественныхъ праздниковъ, таился цѣлый мiръ тайныхъ суевѣрiй, вѣрованiй въ собирательныхъ духовъ водяныхъ, лѣшихъ, домовыхъ, особое потаенное богослуженiе дома и семьи съ множествомъ суевѣрiй, примѣтъ и обрядовъ...

Во главѣ языческаго общественнаго богослуженiя, какъ мы знаемъ, стояли волхвы, потомъ гудцы, прегудницы, пѣсельники, плясцы и другiе люди, необходимые при совершенiи обрядовъ и распоряженiй праздничнымъ торжествомъ. Какъ представители язычества, волхвы въ началѣ дѣлали открытыя возстанiя противъ христiанства. Съ XIII вѣка мы не видимъ уже этихъ возстанiй,—знакъ, что

христiанство успѣло занять господствующее положенiе среди народа. Но еще долго спустя послѣ этого они продолжали удерживать за собою прежнее значенiе и пользовались благоговѣйнымъ уваженiемъ народа въ разныхъ мѣстностяхъ..... Такъ въ 1410 году м. Фотiй писалъ къ новгородскому духовенству: »учите своихъ дѣтей духовныхъ, чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не прiимали, ни узловъ, ни примолвленья, ни зелiя, ни вороженья и елика такова, занеже съ того гнѣвъ божiй приходитъ; и гдѣ таковыя лихiя бабы находятся, учите ихъ, чтобы перестали и каялись бы, а не имутъ слушати, не благословляйте ихъ, христiаномъ заказывайте, чтобы не держали ихъ между себе нигдѣ, гоняли бы ихъ отъ себе, а сами бы отъ нихъ бѣгали, аки отъ нечистоты; а кто не имать слушати васъ, и вы тѣхъ такоже отъ церкви отлучайте« *(А. Эксп. I, № 369)*.

Прежде колдунъ, волхвъ призывался въ качествѣ служителя боговъ; его дѣйствiя имѣли значенiе религiознаго врачеванiя, очищенiя, благословенiя, молитвы и заклятiя боговъ. Но когда язычество стало падать, когда въ народѣ стала усвоиваться общая мысль проповѣдниковъ, что старая вѣра есть служенiе бѣсамъ и бѣсовское изобрѣтенiе, къ числу бѣсовскихъ козней, злыхъ обаянiй, пагубныхъ чаръ отнесены были, разумѣется, и дѣйствiя волхвовъ. На волхва, вѣдуна и вѣдьму народъ взглянулъ, какъ на существа злобныя, исполненныя грѣха, которыя продали бѣсу свою душу, дѣйствуютъ по его волѣ и его силою, какъ на рабовъ его. Всѣ принадлежности ихъ получили худое, черное значенiе; у нихъ черная кошка, черная собака, черная книга, по которой они волхвуютъ среди черной ночи. Они дѣлаютъ одно только зло и людямъ и животнымъ, своими заговорами насылаютъ болѣзни, скрадываютъ дождь, ро-

су, свѣтъ, производятъ голодъ, безплодіе, вредятъ всѣмъ и всему ([1])...

Наряду съ волхвами почти одинаково преслѣдовались другіе представители общественной стороны язычества, — скоморохи...

Пересматривая увѣщенія и запрещенія, мы легко можемъ судить о слѣдствіяхъ ихъ. Всѣ они, равно какъ и полицейскія мѣры правительства, бьютъ именно на ту сторону язычества, которая была особенно слаба и не развита, которая вовсе не составляла его сущности, на внѣшнюю общественную его сторону. Мы видѣли, что она только еще устанавливалась, только еще выходила съ опредѣленными очерками изъ области народной поэзіи и народныхъ увеселеній на игрищахъ межы селы; очень не мудрено, что ее легко было опять обратить въ ея первобытное состояніе, въ ту же область поэзіи и увеселеній. Но ни мѣры правительства, ни дѣятельность церкви не коснулись или слегка, тоже только снаружи, коснулись сущности языческаго міросозерцанія. Славянинъ и не нуждался особенно въ обрядахъ, которые преслѣдовались; его боги жили около него, на его печкѣ, подъ порогомъ, въ овинѣ, въ рѣкѣ, гдѣ онъ ловилъ рыбу, въ студенцѣ, изъ котораго пилъ, въ лѣсу, гдѣ онъ ходилъ съ своимъ топоромъ, косою и сохою; сила этихъ боговъ, ихъ дѣйствія и знаменія сопровождали его на каждомъ шагу въ его немудреной жизни и каждый шагъ, каждое занятіе, каждый предметъ его домашняго обихода были окружены множествомъ обрядовъ, примѣтъ, суевѣрій. Вотъ гдѣ была суть его религіи, а сюда-то и не проникали внѣшнія мѣры противъ язычества. Отлученія и обличенія церкви, батоги и опалы государства проносились въ

([1]) Развитіе этихъ мыслей см. въ Альман. „Комета." въ статьѣ г. Аѳанасьева „О вѣдунѣ и вѣдьмѣ."

воздухѣ, не задѣвая этого темнаго мірка политическихъ убѣжденій и суевѣрнаго, таинственнаго взгляда на природу и жизнь. Этотъ темный міръ требовалъ не угрозъ, обличеній и наказаній, а свѣта, христіанскаго просвѣщенія.

Древніе просвѣтители народа, разрушая кумiры и требища, старались строить на ихъ мѣстахъ христіанскіе храмы; новая святыня ставилась на развалинахъ старой. Нужно разширить смыслъ этого выразительнаго явленія въ исторіи христіанства. Только тамъ уничтожалось язычество, гдѣ христіанство его замѣняло, гдѣ старыя вѣрованія и обряды замѣнялись новыми. Гдѣ подобной замѣны не было, гдѣ новыя понятія не усвоивались народомъ, язычество оставалось цѣликомъ. Какъ ни величественно возвышалось новое зданіе христіанства на старой почвѣ, не очищенной образованіемъ, эта почва всегда подновляла и оживляла свои обычныя произрастанія, и пробивались они изъ подъ давящаго ихъ зданія во всѣ стороны, лѣзли во всѣ его щели и не замазанныя мѣста.

У насъ не было главнаго средства противъ язычества — христіанскаго просвѣщенія, которое могло бы преобразовать суевѣрныя понятія народа. Какъ бы мы ни старались доказывать обиліе духовнаго просвѣщенія въ древней Руси множествомъ просвѣтительныхъ твореній, трогательною заботливостію о томъ церкви, современное намъ состояніе большинства русскихъ людей выразительно обозначаетъ темный историческій путь, по которому шелъ народъ. Не касаясь исторіи собственно простаго народа, заглянемъ лишь въ исторію его ближайшихъ просвѣтителей — низшаго духовенства. Мы видимъ въ низшемъ духовенствѣ главную просвѣтительную силу для народа, которая находилась въ непосредственномъ соприкосновеніи съ нимъ. Въ вопросѣ о народномъ образованіи нужно

брать во вниманіе именно эту силу, а не высшую іерархію, которая вращалась среди высшихъ классовъ и во всѣ времена была болѣе или менѣе далека отъ народа, имѣла мало просвѣтительнаго вліянія даже на низшее духовенство.

Низшее духовенство было плоть отъ плоти и кость отъ костей простонародья. Когда приходская сходка разсуждала о томъ, кого послать ко владыкѣ для посвященія въ попы, ея выборъ падалъ, разумѣется, на лучшаго человѣка, болѣе сроднаго съ избирательною общиною по духу, грамотѣя, извѣстнаго по всему околодку. Это былъ не просвѣтитель народа, который распространялъ бы около себя новыя лучшія понятія, а скорѣе представитель тѣхъ вѣрованій и понятій, которыя были распространены въ массѣ и которыя онъ усвоилъ лучше всѣхъ.

(Изъ статьи П. В. Знаменскаго. Правосл. Собесѣдн. 1865 г. кн. 8).

Статьи по рус. миѳологіи можно читать слѣд: Перунъ. *П. Калайдовича.* Вѣстн. Евр. 1807, ч. 36, № 24, стр. 267. О Велесѣ. *Волкова,* ч. 107 № 19, стр. 174. Замѣч. на эту статью, ч. 108, № 21, стр. 38. О языч. религіи древ. Польши. *Бандтке.* 1826 ч. 146, № 7, стр. 191; 1827 ч. 152, № 5, стр. 27. О Чернобогѣ. *Прейса.* Ж. Мин. Н. Прос. ч. XVIII, 1. 227. *Его же* о миѳологіи, ч. XXIX, IV, 32. Купало, ч. XXXI, II, 1: Волосъ ч. XL. II, 17. Обожаніе солнца. *Срезневскаго.* Хорсъ и Дажбогъ. *Бодянскаго.* ч. LI, II, 36. О кумірахъ, ч. LXXI, VII. 32; LXXII VI, 26 LXXIII, VII, 22. Языч. преданія Польши и Литвы. Сынъ Отеч. 1842, VII, 1. Объ идолахъ кіевскихъ. *Ст. Руссова.* Тамъ же 1824, XCVIII, 145—161. О литовск. миѳологіи, тамъ же 1836, CLXXVI, 166; CLXXVII, 90. 1837, CLXXXV, 298. 1838, VI, 81. Сѣверн. Архивъ ч. 1. № 3. стр. 291. ч. 4, № 24, стр. 463 ч. 9, № 3, 131. № 4, 191. О тожествѣ миѳологіи скандинавской, финской, славянорус. Библ. для чт. 1842, LV, 33—64. О рус. народ. миѳахъ и сагахъ. *Н. Ив. Надеждина.* Рус. Бес. 1857, кн. III и IV, смѣсь. О времени язычника Владиміра. Рус. Бес. 1856, кн. 1, от. 2. Очеркъ нравовъ и языч. религіи Славянъ. *С. М. Соловьева.* Архивъ историко-юрид. свѣд. кн. 1, отд. 1, 1—54. О языч. взглядахъ и обычаяхъ. *Ѳ. И. Буслаева.* Тамъ же I, IV, 1—48. Домовой. *А. Н. Аѳанасьева,* т-же VI, 13—29. О Роженицахъ, *Срезневскаго и Аѳанасьева,* т-же кн. II, полов. 1. отд. 1, 35—96, 123—142. Зооморфич. божества. *Аѳанасьева.* Отеч. Зап. 1852 LXXX, II, 1, 95. LXXXI, II, 1. *Его же* Религіозно-языч. значеніе избы Славянина. 1851, LXXVI II. 53. Истуканъ Святовида, найденный въ Подоліи, О. З. 1851, LXXVII, VIII, 66. Миѳы славянс. языч. *Шеппинга* 1850 г. Критич. разборъ въ От. Зап. 1850, LXVIII, V, 17. Дажьбогъ. Рус. Ист. Сбор. VII. 150. О Рожаницахъ. Временн. 9, 25. Письмо *Буслаева,* въ прилож ко 2 т. Ист. рос. *Соловьева.* О языческихъ суевѣріяхъ. Москвит. 1851, II, № 5. Свѣтовидъ. *Шеппинга.* Времен. кн. 13. Смѣсь 1. О Русалкахъ. *Шафарика.* Casopis Ceského Muzeum 1863, 257. Коляда. *С. Микуцкаго.* Виленс. Вѣстн. 1860. № 37. О Купалѣ и Колядѣ. П. Собр. Соч. *К. С. Аксакова.* 1861. 1, 325. Славянс. миѳологія. Журн. *Ваза,* 1861, № 9 и 10. Объ источникахъ и формахъ рус. баснословія. *Д. Щепкина.* М. 1859. О миѳич. вѣрованіяхъ. *П. А. Лавровскаго.* Спб. 1862; (извлечено изъ Учен. Зап. II отд. Акад. Н.). Славянс. и рос. миѳологія. *Касайрова.* М. 1810. Краткое обозрѣніе миѳологіи Славянъ. рос. *П. Строева.* М. 1815. Опис. древ. славянс. баснословія. *М. Попова* Спб. 1768. Древ. религія Славянъ, *Г. Глинки.* Митава 1804. Словарь рус. суевѣрій. *М. Чулкова.* Спб. 1782. Тоже съ дополненіями: „Абевега рус. суевѣрій" М. 1786. Опытъ о идолахъ, Владиміромъ въ Кіевѣ поставленныхъ во времена язычества. *С. Руссова.* Спб. 1824. О статуѣ Чернобога въ Бамбергѣ. *Шафарика.* Рус. Ист. Сборн. т. 1. кн. 1. 1—30. О значеніи куміровъ при св. Владимірѣ постав. Москвит. 1851, IX и X, 99—120; XI, 105—115. Свидѣтельство Паисіевс. Сборн. о языч. суевѣріяхъ рус. *Срезневскаго.* Тамъ же 1851, V, 52—64. О двухъ серебряныхъ идолахъ, вырытыхъ въ Черниговѣ въ 1702 г. Тамъ же 1846, IV, 200. Начертаніе славянс. миѳологіи. *М. Касторскаго.* Спб. 1841. Восточн. изв. о Руссахъ. *Френа.* Сѣвер. Арх. 1826, 22. Сказанія иностр. о бытѣ и нравахъ Славянъ. *В. Макушева.* Спб. 1861. Архитектура храмовъ язычес. Славянъ. *Срезневскаго.* Чт. общ. ист. 1846, № 3, смѣсь 44—54. Погребальные обряды у древнихъ Славянъ. *А. А. Котляревскаго.* М. 1867 г. Славянс. миѳологія *Н. Ив. Костомарова.* Кіевъ 1847. Извлеченія изъ Краледворс. ркп. касательно религіозн. вѣрованій и обрядовъ. Ж. М. Н. Пр. 1840, № 12. Смѣсь христіанства съ язычествомъ и ересями въ древне-рус. сказаніяхъ о мірѣ. Прав. Собес. 1861. 1, 249.

II. СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАНІЯ.

1) ВЗГЛЯДЪ НА УЧЕНІЕ КНИЖНОЕ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

37. Кириллъ и Меѳодій.

Словѣномъ живоущимъ крещенымъ и княземъ ихъ, Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцелъ послаша ко царю Михаилу глаголюще: земля наша крещена, и нѣсть оу насъ оучителя, иже бы ны наказалъ (*наставилъ*) и пооучалъ насъ, и протолковалъ святыя книги; не разумѣемъ ни гречьску языку, ни латыньску; они бо ны онако оучать, а они бо ны и онако, (*одни такъ, другіе иначе*), тѣмже не разумѣемъ книжнаго образа, ни силы ихъ: и послѣте ны оучителя, иже ны могуть сказати книжная словеса и разумъ ихъ. Се слыша царь Михаилъ, и созва философы вся, и сказа имъ рѣчи вся словѣньскихъ князь, и рѣша философи: есть мужь в Селуни, именемъ Левъ; суть оу него сынове разумиви языку словѣньску, хитра два сына оу него философа. Се слышавъ царь, посла по ня в Селунь ко Львови, глаголя: посли к намъ вскорѣ сына своя Меѳодия и Костянтина. Се слышавъ Левъ, вскорѣ посла я, и придоста ко цареви, и рече има: се прислалася ко мнѣ Словѣньска земля, просящи оучителя собѣ, иже бы моглъ имъ протолковати св. книги; сего бо желають. Оумолена быста царемъ, и послаша я въ Словѣньскую землю къ Ростіславу, и Святополку, и Коцьлови. Сима же пришедъшема, начаста съставливати писмена азъбуковьная словѣньски, и преложиста апостолъ и еуангелье. Ради быша Словѣни, яко слышаша величья божья своимь языкомь; посемже преложиста псалтырь и охтаикъ и прочая книги. Нѣцы же начаша хулити словѣнскія книги, глаголюще: яко не достоить никоторому же языку имѣти букъвъ своихъ, развѣ Еврѣи, и Грекъ, Латинъ, по Пилатоoу писанью, еже на крестѣ господни написа. Се же слышавъ папежь римскии, похули тѣхъ, иже ропьщють на книги словѣньскии, река: да ся исполнить книжное слово, яко въсхвалять Бога вси языци; другое же: вси възъглаголють языки величья божья, якоже дасть имъ св. Духъ отвѣщевати, да аще кто хулить словѣньскую грамоту, да будеть отлученъ отъ церкве, дондеже ся исправять; ти бо суть волци, а не овца, яже достоить отъ плода знати я, хранитися ихъ: вы же чада божья, послушаите оученья, и не отрините наказанья церковнаго, якоже вы наказалъ Меѳодии оучитель вашь. Костянтинъ же възратився въспять, и иде оучить бол-

гарьскаго языка, а Мефодии оста в Моравѣ. Посем же Коцелъ князь постави Мефодья епископа въ Пании на столѣ св. Онъдроника апостола, единого отъ 40 оученика св. апостола Павла. Мефодии же посади два попа скорописца зѣло, и приложи вся книги исполнь отъ гречьска языка въ словенескъ 6-ю мѣсяць, наченъ отъ марта мѣсяца до двудесяту и 9-ю день октября мѣсяца. Окончавъ же достоино хвалу и славу Богу въздасть, дающему таку благодать епископу Мефодью.

(Лѣтоп. Нестора, по изд. Тимковскаго, 16—17. П. Собр. Лѣтоп. I, 11—12).

38. О письменехъ чрънoризца Храбра, половины X вѣка.

Прѣжде убо Словѣне не имѣху книгъ, но чрътами и рѣзами чьтяху и гадаху, погани (*язычники*) суще. Крьстивше-жеся, римъсками и гръчьскыми писмены нуждаахуся, словѣньскы рѣчь безъ устроенна; но како можеть ся писати добрѣ гръчьскыми писмены: Богъ, или животъ, или зѣло, или церковь, или чаание, или широта, или ядь, или удъ, или юность, или языкъ (*здѣсь должно быть правописаніе юсовое*), и инаа подобнаа симь. И тако бѣша многа лѣта. Потомже человѣколюбецъ Богъ, строяи всѣ (*вся на пользу)*, и не оставлѣя человѣча рода безъ разума, но въся къ разуму приводя и спасению, помиловавъ родъ человѣчь, посла имъ св. Костантина философа, нарицаемаго (*во мнишскомъ чину*) Кирила, мужа праведна и истинна, и сътвори имъ 30 писмена и 8, ова убо по чину гръчьскыхъ писменъ, ова же по словѣнъстѣи рѣчи. Отъ прьваго же наченъ по Гръчьску: они убо *алфа*, а съи *азъ*, отъ аза начять обое; и якоже они по-

добльшеся жидовьскымь писменемь сътворишя, тако и съи гръчьскымъ. Жидове бо прьвое писмя имуть *алефъ*, еже ся сказаеть учинение съверьшающе, въводиму дѣтищу, и глаголяще: *учися*, еже есть алефъ; и Грьци подобящеся тому *алфа* рѣша. И сподобися речение сказанна жидовьска Гръчьску языку. Да речеть дѣтищу вь ученна мѣсто, *ищи*: алфа бо—ищи ся речеть гръчьскомь языкомъ. Тѣмъ бо подобяся св. Кирилъ створи прьвое писмя *азъ*. По яко и прьвому сущу писмени азъ, и отъ Бога дану роду Словѣнъскому на отврьстие устъ, въ разумъ учащимъся буквамъ, великомь раздвиженнемь устъ възгласится, а она писмена маломъ раздвижениемь устъ възгласятся исповѣдаются. Се же суть писмена словѣньскаа, сице а подобаеть писати и глаголати: *а*, *б*, *в*, *г*.....

Друзии же глаголють: »почто есть 38 писменъ створилъ? а можеть ся и меньшимь того писати, якоже и Грьци 24 пишуть.« И не вѣдять колицѣмь пишуть Грьци; есть бо убо 24 писменъ, но не наплънѣются тѣми книгы, но приложили суть двогласныхъ 11 и въ численехъ же (*въ числѣх же*) 3, 6-е и 9-десятное и 9-сътное, и събираются ихъ 38. Тѣмже потому подобно и въ тьжде образъ створи св. Кирилъ 38 писменъ.

Друзии же глаголють: »чесому суть Словѣньскы книгы? ни того бо есть Богъ створилъ, ни то аггели, ни суть ижде конни (*законни*), яко жидовьскы и римьскы и еллиньскы, иждe отъ кона (*отъ закона*) суть и прияты суть Богомъ.«

А друзии мнять, яко Богъ намъ есть створилъ писмена, и не вѣдятся, что глаголюще окаанныи. И яко трими языкы есть Богъ повелѣлъ книгамъ быти, якоже въ евангелии пишеть: »и бѣ дъска написана жидовьскы и римьскы и еллиньскы, а словеньскы нѣсть ту; тѣмже нѣ суть словѣньскых книгы отъ Бога. Къ тѣмь что глаголемь, или что речемь къ

тацѣмь безумнымъ? Обаче речемъ отъ св. книгъ, якоже научихомся: яко всѣ по ряду бывають отъ Бога, а не отъ инаго. Нѣсть бо Богъ створилъ жидовьска языка прѣжде, ни римьска, ни еллиньска, ни сирьскы, имже и Адамъ глагола, и отъ Адама до потопа, и отъ потопа, дондеже Богъ раздѣли языки при стлъпотворенiи, якоже пишеть: »размѣшеном же бывшемь языкомъ.« И якоже ся языци размѣсиша, тако и прави, и обычае, и устави, и закони и хытрости на (*коиждо*) языкы. Египтѣном же землемѣрение; а Перьсомъ и Халдеомъ и Асиреомъ звѣздочьтение, влъшвение, врачевание, чарования и всѣ хытрость человѣча; жидовом же св. книгы, въ нихже есть писано, яко Богъ створи и землю, и всѣ яже на ней, и человѣка, и всѣ по ряду, якоже пишеть; Еллиномъ Граматикия, Риторикия, Философия. По прѣжде сего Еллини не имѣху своимъ языкомь писмей, но финичьскыми писмены писаху свою си рѣчь, и тако бѣша многа лѣта. Панамидъ же *(Паламидъ)* послѣжде пришедъ, наченъ отъ *алфы* и *виты*, 16 писменъ тъкмо Еллиномъ обрѣте, приложи (ли) же имъ Кадьмъ Милисiи (*и Милкій*) писмена 3, (*и составишася 19 писменъ*); тѣмже многа лѣта 19 писааху. И потомъ Симонидъ обрѣтъ, приложи двѣ писмени, Епихарiи же Сказатель 3 писмена обрѣте; и събрася ихъ 24. По мнозѣх же лѣтѣхь Дионисъ Граматикъ 6 двогласныхъ обрѣте, потомже другыи 5, и другыя 3 чисменятаа; и тако мнози многыми лѣты едва събраша 38 писменъ. Потомъ же многомъ лѣтомъ минувшемъ, Божиемъ повелѣниемь, обрѣтеся 70 мужъ, иже прѣложиша отъ жидовьскаа (*языка книги*) на гръчьскыи языкъ. А словѣнскыя книгы единъ св. Костантинъ, нарицаемыи Кирилъ, и писмена створи и книгы прѣложи въ малѣхъ лѣтѣхъ (*отъ греческихъ на словеньскій языкъ*), а они мнози многы лѣты 7 ихъ писмена устроили, а 70 прѣложение (***седми мужми писмена устроиша, а 70 мужей книги преведоша***): тѣмже словѣньскаа писмена святѣиши суть и чьстнѣиша, свять бо мужъ створилъ ѝ есть, а гръчьскаа Еллини погани.

Аще ли кто речеть: »яко нѣсть устроилъ добрѣ, понеже ся постраяють и еще.« Отвѣтъ речемь симь: и гръчьскы такожде многажди суть пострали, Акилла и Симмахъ, и потомъ инии мнози; удобѣе бо есть послѣжде потворити, неже пръвое створити.

Аще бо въпросиши книгъчия *(книжника)* гръчьскыя, глаголя: »кто вы есть писмена створилъ, или книгы прѣложилъ, или вь кое время?« —то рѣдцiи отъ нихъ вѣдять. Аще ли въпросиши словѣньскыя букаря *(букварей)*, глаголя: »кто вы писмена створилъ есть, или книгы прѣложилъ?« —то вьси вѣдять, и отвѣщавше рекуть: св. Костантинъ философъ, нарицаемыи Кирълъ, тъи намъ писмена створи и книгы прѣложи, и Меѳодие братъ его *(епископъ моравьскій)*. И аще въпросиши—въ кое время?—то вѣдять и рекуть: яко въ врѣмена Михаила царя гръчьскаго (*по седмомъ соборѣ въ 44 лѣто*), и Бориса князя Блъгарьскаго, и Растица князя Моравъска и Коцелѣ князя Блатеньска, въ лѣта же отъ създания въсего мира 6363. Суть же и инии отвѣти, яже и инде речемъ, а нинѣ нѣсть врѣмя ([1]). Такъ *(таковъ есть)* разумъ, братие, Богъ есть далъ Словѣномъ, ему же слава и чьсть и дръжава и поклонѣние, нинѣ и присно и въ бесконечныя вѣкы, аминь.

(Іоаннъ Экзархъ Болгарс. ***Изслѣд. К. Калайдовича. М. 1824 г, стр. 189—192)****.*

([1]) Но изъ писаній черноризца Храбра доселѣ извѣстны только эти »Отвѣти о писменехъ.«

39. Ярославъ любитель книгъ.

Въ лѣто 6545 (1037). Заложи Ярославъ городъ великый Кыевъ, у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь св. Софья, митрополью, и посемъ церковь на Золотыхъ воротѣхъ св. Богородицѣ Благовѣщенье, посемъ св. Георгія манастырь и св. Ирины. И при семъ нача вѣра хрестьяньская плодитися и расширяти, и черноризьци почаша множитися, и манастыреве починаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа и почитая ѐ (*ихъ*) часто въ нощи и въ дне; и собра письцѣ многы и прѣкладаше (*переводилъ*) отъ Грекъ на словѣньское писмо и списаша книгы многы, и списка (*розыскалъ*), ими же поучащеся вѣрніи людье, наслажаются ученья божественнаго. Якоже бо се нѣкто землю разореть (*распашетъ*) другый же насѣеть, ини же пожинають и ядять пищю бескудну (*вдоволь*): тако и сь отець бо сего Володимеръ взора и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ; сь же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій, а мы пожинаемъ, ученье пріемлюще книжное. Велика бо бываеть польза отъ ученья книжного; книгами бо кажеми (*наставляемы*) и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напаяющи вселеную, се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина, сими бо въ печали утѣшаеми есмы, си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, якоже и Соломонъ хваля ѐ глаголаше: азъ премудрость вселихъ, свѣтъ, разумъ и смыслъ, азъ призвахъ страхъ господень; мои съвѣти, моя мудрость, мое утверженье, моя крѣпость, мною цареве царствують, а силніи пишють правду, мною вельможи величаются и мучители держать землю; азъ любящая мя люблю, ищющи

мене обрящуть благодать (*Притчи Солом. VIII, 12, 14—17*). Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящеши великую пользу души своей; иже бо книгы часто четь, то бесѣдуеть съ Богомъ, или святыми мужи; почитая пророческыя бесѣды, и еуангельская ученья и апостольская, житья св. отець, въспріемлеть душа велику пользу. Ярославъ же се, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, многы написавъ положи въ церкви св. Софьи, юже созда самъ, украси ю златомъ и сребромъ и съсуды церковными, въ ней же обычныя пѣсни Богу въздають, въ годы обычныя. И ины церкви ставяше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ, веля имъ учити люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ; и умножишася прозвутери, людье хрестьяньстіи. Радовашеся Ярославъ, видя множьство церквій и люди хрестьяны зѣло; а врагъ сѣтоваштеться, побѣжаемъ новыми людьми хрестьяньскыми.

(*Лавр. 65—6*).

40. Послѣсловія XI в.

А.—Остромирова Евангелія 1056—7.

Слава тебѣ, Господи, царю небесьныи, яко съподоби мя написати еуангліе се: почахъ же ѐ писати въ лѣто 6564, а коньчахъ ѐ въ лѣто 6565. Написахъ же еуангелие се рабоу божию, нареченоу сущоу въ крещении Иосифъ, а мирьскы Остромиръ, близокоу сущоу Изяславоу кънязоу, тогда прѣдрьжящоу обѣ власти— и отца своего Ярослава, и брата своего Володимира; самъ же Изяславъ кънязь правляаше столъ отца своего Ярослава Кыевѣ, а брата своего столъ поручи правити близокоу своемоу Остромиру Новѣ-

городѣ. Мънюга же лѣта даруи Богъ сътяжавъшоумоу еуангелие се на оутѣшеніе мъногамъ душамъ крестияньскамъ. Даи емоу Господь Богъ благословение святыхъ евангелистъ Иіоана, Матѳеа, Лоукы, Марка и, св. праотець Авраама и Ісаака и Іякова, самомоу емоу и подроужию его Ѳеофанѣ и чядомъ ею (*ихъ*) и подроужиемь чядъ ею. Съдравьствоуите же мънога лѣта съдрьжяще пороучение свое. Аминъ.

Азъ Григории дияконъ написахъ еуангелие се, да иже горазнѣе сего напише, то не мози зазьрѣти мьнѣ грѣшьникоу. Почахъ же писати мѣсяца октября 21 на память Иларіона, а оконьчахъ мѣсяца маия въ 12, на память Епифана. Молю же вьсѣхъ почитающихъ, не мозѣте кляти, нъ исправльше почитаите; тако бо и св. апостолъ Паулъ глаголеть: благословите, а не кльнѣте. Аминъ.

(Историч. Христом. Буслаева. 1—2).

Б.—Святославова Изборника 1073.

А коньць вьсѣмъ книгамъ: оже ти собѣ не любо, то того и дроугоу не твори.

Въ лѣто 6581 написа Іоанъ диакъ изборьникъ сь (*сей*) великоумоу князю Святославоу. Великый въ князьхъ князь Святославъ въжеланиемъ зѣло въжелавъ дрьжядаливый владыка обавити покръвеныя разоумы въ глоубинѣ многострѫпътьныхъ сихъ кънигъ премудрааго Василя въ разумѣхъ повелѣ мнѣ немоудроувѣдну прѣмѣноу сътворитi рѣчи инако набъдяште тождьство разоумъ его, яже акы бъчела любодѣльна съ вьсякого цвѣта псаніоу събьравъ акы въ единъ сътъ въ велъмысльное срьдьце свое проливаеть акы сътъ сладъкъ изъ оустъ своихъ прѣдъ боляры на вразуминие тѣхъ мыслемъ являяся имъ новый Птолемей не вѣрою, но желаниемь паче и събора дѣля многочьстныихъ божьствьныихъ кънигъ вьсѣхъ ими же и своя полаты испълънь вѣчьную си память сътвори еже памяти вину въсприяти буди христолюбивѣй его души въ отъмьштение вѣнцемъ блаженыихъ и святыихъ мужь въ непрѣбрьдомый вѣкъ вѣкомъ.

(Христом. Буслаева 261—2).

41. Предисловіе къ житію препод. Ѳеодосія Печерскаго до 1093.

Благодарю тя, владыко мой, Господи І. Христе, яко сподобилъ мя еси недостойнаго съповѣдателя (*повѣствователя*) быти святыимъ твоимъ въгодьникомъ; се бо испрьва писавшю ми о житии и убиении и о чюдесѣхъ святою и блаженою страстотрьпцю, Бориса и Глѣба, понудихся и на другое исповѣдание прияти, еже выше е (*есть*) моея силы, ему же и не бѣхъ достоенъ, грубъ сы и не разумиченъ, къ симъ же яко и не бѣхъ ученъ никоеи же хитрости. Нъ въспомянухъ, Господи, слово твое, рекъшее: аще имате вѣру, яко и зьрно горущьно, и речете горѣ сеи: *преиди и въврьзися въ море, и абие послушаеть васъ*; си на умѣ азъ грѣшный, Нестеръ, приимъ и оградивъся вѣрою и упованиемь, яко вься възможьна отъ тебе суть; начатъкъ слову съписания положихъ, еже о житии преподобнаагo отца нашего Ѳеодосия, бывъша игумена манастыря сего, святыя владичицѣ нашея Богородицѣ, его же и день успѣние нынѣ праздьнующе (*3 мая*), память творимъ. Се же якоже, о братие, въспоминающю ми житие преподобнааго, не сущу же съписану ни отъ кого же, печалию по вься дни съдрьжимъ бѣхъ и моляхъся Богу, да сподобить мя вься по ряду съписати о житии богоносьнааго отца нашего Ѳеодосия, да и по насъ сущи черноризьци, приимше писание, почитающе ти видяще

мужа доблесть, въсхвалять Бога и угодника его прославляюще, на прочия подвигы укрѣпляються, наипаче же, яко и въ странѣ сеи такъ сии мужь явися и угодьникъ божии. О семь бо и самъ Господь прорече: *яко многи приидуть отъ въстокъ и западъ, и възлягуть съ Авраамьмь и Иаковьмь въ царствии небесьньмь;* и пакы: *многи будуть послѣдьнии пръвии*. Ибо сии послѣдний вящии пръвыхъ отець явися, житиемь бо подражая святааго и пьрваага начальника чърньчьскуму образу, великого мьню Антония; и се же чюдьнѣе, яко же пишеть въ отьчьскыихъ кънигахъ, славу быти послѣдьнюму роду, сего же Христосъ въ послѣдьниимь родѣ семь такого себѣ съдѣльника показа и пастуха инокыимъ. Бѣ бо измолода житиемь чистъмь украшенъ, добрыими дѣлесы, вѣрою же и съмыслъмь паче, его же нынѣ отъсюду уже начьну съповѣдати, еже отъ уны вьрсты житие блаженааго Θеодосия; нъ послушаите, братие, съ вьсяцѣмь прилежаниемь, испълнь бо есть пользы слово се вьсѣмь послушающимъ. Молю же вы, о възлюблении, да не зазьрите пакы грубости моеи, съдрьжимъ бо сыи любовию, еже къ преподобьнуму, чего ради укусихъся съписати вься си, яже о святѣмь; къ симъ же и блюдыи, да не къ мнѣ речено будеть: *зълыи рабе лѣнивыи, подобаше ти дати сребро мое тържьникомъ, и азъ пришьдъ, быхъ съ лихвою истязалъ е*. Тѣмь же яко же и нѣсть лѣпо, братіе, таити чюдесъ блаженни, наипаче Богу рекъшуму ученикомъ своимъ: *яко еже глаголю вамъ въ тьмѣ, повѣдите на свѣтѣ, и еже въ уши слышасте, проповѣдите въ домѣхъ*; си на успѣхъ и на устроение бесѣдующимъ списати хощю, и о сихъ Бога славяще, мьзды отданіе приимете. Хотящю же ми исповѣдати начати, преже молюся Господеви, глаголя сице: »Владыко мои, Господи, вьседрьжителю, благыимъ подателю, отче Господа нашего Іис. Христа, приди на помощь мнѣ, и просвѣти сердце мое на разумѣние заповѣдии твоихъ и отъврьзи устьнѣ мои на исповѣдание чюдесъ твоихъ и на похваление св. въгодника твоего, да прославиться имя твое, яко ты еси помощьникъ вьсѣмъ, уповающимъ на Тя въ вѣкы! Аминь.«

(По списку XII в. Чт. общ. ист. 1858, кн. 3. III, 1—2).

Обратить вниманіе, съ какимъ страхомъ и благоговѣйнымъ чувствомъ приступали къ составленію житій святыхъ, какъ и вообще другихъ сочиненій духовнаго содержанія.

42. Надпись на евангеліи после 1125.

Азъ рабь божии, недостоиныи, худыи, грѣшьныи, съпьсахъ памяти дѣля цaрю нашему и людемъ о съконьчаньи еуангелия, еже бяшеть казалъ Мьстиславъ кънязь худому Наславу, и возивъ Царюгороду, и учинихъ химипетъ (*переплетъ*), божиею же волею възратихъся исъ Царягорода, исъправихъ вьсе злато и сребро и драгыи камень, пришедъ Кыеву и съконьчася вьсе дѣло м. августа въ 20. Цѣну же евангелия сего единъ Богъ вѣдае.

Азъ же худыи Наславъ много труда подъяхъ и печали, нъ Богъ утѣши мя добрааго кънязя молитвою... и даи Богъ его молитву... и мънѣ худому Наславу, правящи его орудия въ правьду и обрѣсти честь и милость отъ Бога и отъ своего царя и отъ братие.

(*Изв. Акад. Н. X, стр. 90*).

Здѣсь весьма характеристично изображается украшеніе книгъ, какъ дѣло святое. Наши предки смотрѣли на книги не какъ на средство пріобрѣтенія познаній и духовнаго просвѣщенія; но какъ на средство спасенія.

43. Послѣсловіе евангелія 1164.

Въ лѣто 6672 написаны быша книгы сія м. августа въ 20 день мною, грѣшнымъ рабомъ и дьякомъ святыхъ апостолъ, Константиномъ, а мірскы Добрило, Семеону попови св. Іоанна Предтеча. А братья и отци, аже вы гдѣ криво, а исправивъше чътѣте же, а не кльнѣте. Яко же радуеться женихъ о невѣстѣ, тако радуеться писець, видя послѣдній листъ.

(*Іааннъ Экзархъ. 28. 31. 107. 110. Востокова Опис. Рум. Музея, стр. 171.*)

44 Гаданье на книгѣ ок. 1276.

Вложи Богъ въ сьрдце мысль благу Володимерови (*Васильковичу*), нача собѣ думати, абы гдѣ за Берестьемъ поставити городъ. И взя книгы пророчьскыя, да тако собѣ въ сьрдци мысля рече: «Господи Боже сильныи и всемогыи (*всемогущій*), вся съзидая и разстраяя, што ми, Господи, проявишь грѣшъному рабу своему—и на томъ стану.» Розъгънувъ же книгы, и выняся ему пророчьство Исаино: *Духъ Господнь на мнѣ...* (гл. 51, 1—4). Князь же Володимеръ отъ сего пророчьства уразумѣ милость божию до себѣ, и нача искати мѣста, абы гдѣ поставити городъ. Си же земля опустѣла по 80 лѣтѣхъ по Романѣ.

(*Ипат. 206.*)

О гаданіи на псалтыри упомянуто въ Поученіи Мономаха. См. Употребленіе псалтыри въ древн. быту рус. народа. Правосл. Собес. 1857, IV. 814. О гаданіи на псалтыри. *Срезневскаго.* О малоизв. и неизв. памяти. IV, 34—37.

45. Владиміръ Васильковичъ волынскій.

Князь Володимеръ (до 1288 г.) въ княженіи своемъ многы городы сруби

по отци своемъ: сруби *Берестій* и за Берестіемъ сруби городъ на пустомъ мѣстѣ, нарицаемѣмъ *Льстнѣ*, и нарече имя ему *Каменець*, зане бысть камена земля. Създа же въ немъ столпъ каменъ, высотою 17 саженъ, подобенъ удивленію всѣмъ зрящимъ нань; и церковь постави Благовѣщеніа св. Богородица, и украси ю иконами златыми, и съсуды скова служебныа сребрены, и еуангеліе опракосъ оковано сребромъ, апостолъ опракосъ, и парамья, и съборникъ (1) отца своего туто жъ положи, и крестъ въздвизалный положи. Тако же и у Бѣлску поустрои церковь иконами и книгами. У Володимери же списа (*росписалъ*) св. Дмитреа всего, и съсуды служебные сребреные скова, и икону пречистыа Богородица окова сребромъ съ каменіемъ дорогымъ, и завѣсы золотомъ шиты, а другые оксамитные съ дробницею (*металлическими украшеніями*), и всѣми узорочіи (*узорами, рѣдкостями*) украси ю. У епископьи же, у святоа Богородица образъ Спаса великаго окова сребромъ, еуангеліе списавъ и окова сребромъ и да́ (*далъ*) св. Богородици, и апостолъ списа апракосъ св. Богородици да́ и съсуды служебные жьженого (*червоннаго?*) золота съ каменіемъ драгымъ Богородици же да, образъ Спасовъ золотомъ съ драгымъ каменіемъ оковавъ постави у св. Богородица, въ память събѣ. Въ монастырь свой апостолы да еуангеліе апракосъ (2), и апостолъ самъ списавъ, и съборникъ великый

---

(1) Сборникъ—книга, въ которой помѣщены статьи изъ различныхъ писателей и о разныхъ предметахъ.

(2) Евангеліе и апостолъ назывались *Апракосъ* тѣ, которые расположены были по порядку богослужебныхъ чтеній: обыкновенное же евангеліе *Тетръ* (четвероевангеліе) расположено по порядку евангелистовъ и главъ.

отца своего туто же положи, и крестъ възвизалный и молитвенникъ да́. Въ епископью перемышлскую да́ еуангеліе апракосъ, оковано серебромъ съ земчюгомъ, самъ же съписалъ бяше; а до Чернѣгова пославъ въ епископью еуангеліе апракосъ золотомъ писано, а оковано сребромъ съ земчюгомъ, и среди его Спасъ съ финиптомъ (*финифтью*); въ луцкую епископью да́ крестъ великъ сребрянъ позлотистъ, съ честнымъ деревомъ. Созда же и церквы многы: въ Любомли же постави церковь камену св. и великого мученика христова Георгіа, украси ю иконами коваными, и съсуды служебные сребряны скова, и платци (*платки, воздухи*) оксамитны (*золотнаго бархата*) шиты золотомъ съ жемчюгомъ, херувимъ и серафимъ, и indiтья (*напрестольная одежда*) золотомъ шита вся, а другаа паволокы бѣлчатое (*шелковая ткань*), а въ малою олтару обѣ индитьи бѣлчатое же паволокы; еуангеліе списа апракосъ, окова е̂ все златомъ и каменіемъ дорогымъ съ жемчюгомъ, и деисусъ на немъ скованъ отъ злата, цяты, (*бляшки, подвѣски*) великы съ финиптомъ, чюдно видѣніемъ, а другое еуангеліе апракосъ же волочено оловиромъ (*багряной тканью*), и цяту възложи на не съ финиптомъ, а на ней святаа мученика Глѣбъ и Борисъ, апостолъ апракосъ, прологы списа 12 мѣсяца ([1]), изложено житіа св: отецъ и дѣаніа св. мученикъ, како вѣнчашася своею кровію за Христа, и мѣнеи 12 списа, и тріоди, и охтай (*октоихъ*) и ермолой (*ермологій*), списа же и служебникъ св. Георгію, и молитвы вечерніи и утрьніи списа, особь молитвеника, молитвеникъ же купилъ въ протопопиное (*для протопопа?*) и да́ въ немъ 8 гривенъ кунъ, и да́ св.

Георгію; кадилници двѣ, одина сребрена а другаа мѣденаа, и крестъ възвизалный да́ св. Георгію; икону же списа намѣстную св. Георгіа, и гривну (*цѣпь*) златую възложи на нь съ женчюгомъ, и св. Богородицю списа на золотѣ же мѣстную, и възложи на ню монисто (*ожерелье*) золото съ каменіемъ дорогымъ; и двери соліа мѣдяные; почалъ же бяше писати ю и списа всѣ три олтарѣ, и шія (*подъ куполомъ*) вся съписана бысть, но не скончана, зайде бо й болѣсть; поліа же и колоколы дивны слышаніемъ (*звукомъ*), такыхъ же не бысть въ всей земли. Въ Берестіи же създа стлъпъ каменъ, высотою яко и каменецькый; постави же и церковь св. Петра, и еуангеліе да́ апракосъ оковано сребромъ, и служебны съсуды скованы сребряны, и кадилница сребрена, и крестъ възвизалный туто положи; и инаа многаа добродѣаніа сьдѣа въ животѣ своемъ, яже словуть по всѣмъ землямъ. Туто же положимъ конецъ Вълодимерову княженію.

(*Ипат. 222—3*).

46. Древняя тайнопись:

а) Надпись на прологѣ 1229 г.

Мацъ щылкь томашсь ниенсышви нугипу ромьлтую като хе и ниледь топгашви тъпичулию, арипъ. Это значитъ: «радъ бысть корабль, преплывшіи пучину морьскую, тако же и писецъ кончавши книгу сию»

Такая тайнопись доселѣ употребляется въ духовныхъ училищахъ и называется *тарабарскою грамотою*. Здѣсь буквы замѣняются одна другою въ такомъ видѣ:

б	*в*	*г*	*д*	*ж*	*з*	*к*	*л*	*м*	*н*
щ	ш	ч	ц	х	ф	т	с	р	п

Гласныя, а также *Ъ* и *Ь* остаются безъ перемѣны.

(*Изв. Акад. т. X, стр. 182*).

([1]) Сказанія о святыхъ на каждый день года въ родѣ четьминей.

б) Записъ на рукописи 1307 г.

Си же апостолъ книгы вда святому Пянтелеимону Изосимъ игуменъ сего же манастыря. Сего же лѣта бысть бой на Русьской земли: Михаилъ съ Юрьемъ о княженье новгородьское. *При сихъ князехъ сьяшется и ростяте усобицами, гыняше жизнь наша въ князьхъ которы* (раздоры) *и вѣци скоротишася человѣкомъ*. А псалъ ВВ. НК. КК. ДД. ВВ. Ъ. рекше: *Д*авыдъ, *О*рганъ, *М*ысль, *И*стина, *Д*(обро?)—*Ъ*... (Конецъ отрѣзанъ въ рукописи). 5 З. З. ЗЗЗ. (К). Море. пять земель. двѣ тмѣ... море, — мудры разумѣеть. Имя писца оказывается *Домидъ*.

Это выходитъ такимъ образомъ: вв (2+2=4=*д*), нк (50+20=70=*о*). кк (20+20=40=*м*), дд (4+4=8=*и*), вв (=2+2=4=*д*) *ъ*, т. е. *Домидъ*. Другая надпись называется *красгранесіемъ* и означаетъ тоже: она напоминаетъ акростихъ. Выраженіе, напечатанное курсивомъ, заимствовано писцомъ изъ Слова о полку Игоревѣ.

(Изв. Акад. II. X, 280—281).

в) Надпись на колоколѣ соборной юрьевской церкви во Львовѣ 1341 г.

ЭХ ЭN Въ лѣто 6849 сольянъ бысть колоколъ сні святому Юрью при князи Дмитриі игуменомъ Евьфиміемъ. *Ъвокя аракс ъласип а.*

NЭ NN

Это надобно читать наоборотъ и выходитъ: *А писалъ Скара Яковъ.*

(Изв. Акад. X, 297).

На рукописи Евангельскихъ чтеній 1355 года писецъ Леонидъ замѣтилъ: «Лихое перо, невольно имь писати» *(Изв. Акад. X, 511)*.

г) Запись на евангеліи 1355 г

Въ лѣто 6863 написано бысть еуангліе се, повелѣніемь боголюбиваго архіепископа новгородскаго Моисея, а рукою многогрѣшныхъ КІ. ГВ. О. КЛ. ДД. ВВ. А. ЕЕ. ВА. ІІІ. ДД. АВ. МЛ. ІІІ. Ь. Я. (т. е. Леонида и Григорья). Аще будемь грубо написали, или кдѣ преступилѣ, или въ глаголаніи съ другомъ, или въ дреманіи, а вы преподобніи отци игумены и попове собою исправяче чтите, а насъ грѣшныхъ не поклените, Бога дѣля, занеже зла священничьская клятва, а добро есть благословеніе. А. КК. ДД. ЛК. Ъ. II. ВАВ. ІІН. Ь. ГВ. ІК. Ѣ. ДД. РР. А. ЛЧ. Ъ. (т. е. *Аминь, керье лѣисонъ* = Господи помилуй).

(Чт. общ. ист. 1867 г. кн. 2, III, .9).

Эта тайнопись самая не хитрая: здѣсь буквы указываются счетомъ, напримѣръ *л* означается 30 (*к*=20 и *і*=10), *и* (8) сложено изъ двухъ 4, т. е. дд и т. д. Такая же тайнопись разобрана выше.

47. Послѣсловіе Лаврентьевской лѣтописи 1373 г.

Радуется купець прикупъ створивъ (*барышъ получивъ*), и кормьчій въ отишье приставъ, и странникъ въ отечьство свое пришедъ; такоже радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ, такоже и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ божій Лаврентей мнихъ. Началъ есмъ писати книги сія, глаголемый Лѣтописець, м. генваря въ 14, на память св. Отець нашихъ аввадъ, въ Синаи и въ Раифѣ избьеныхъ, князю вел. Дмитрію Костянтиновичю, а по благословенью священьнаго епископа Діонисья, и кончалъ есмъ м. марта въ 20, на память св. Отець нашихъ иже въ монастыри св. Савы избьеныхъ отъ Срацинъ, въ лѣто 6885, при благовѣрнѣмъ и христолюбивѣмъ князи в. Дмитріи Костянтиновичи, и при епископѣ нашемъ христолюбивѣмъ священномъ Діонисьѣ суждальскомъ и новгородьскомъ и городьскомъ. И нынѣ, господа отци и братья, оже ся

гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книгы ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ; слышите Павла апостола глаголюща: *не клените, но благословите.* А со всѣми нами хрестьяны Христосъ Богъ нашь, Сынъ Бога живаго, ему же слава и держава и честь и покланянье со Отцемъ и съ пресв. Духомъ, и нынѣ и присно въ вѣкы, аминь.

(*Лавр. I, 209*).

48. Запись на книгѣ Евангельскихъ чтеній XIV вѣка.

Поклонъ отъ Фрола господину игумену Микитѣ. Доправи ми, господине, Бога дѣля книгы си на Двiну къ св. Михаилу; книгы же си дадять Григорию Сѣрину. А ты, господине, Григории возми собѣ у игумена Акакiа 5 сорочекъ, а евангелие дай ему; а мнѣ дали Степанъ да Василии два сорока; а ты, господине Григории, возми 5 сороковъ, — и всего будетъ 7 сороковъ. А рядъ мои: отъ писмени взяти 6 сороковъ *да телятины* (за пергаменъ) ми было взяти, за телятины же сорочекъ, а 6 отъ писмени. А се ж вомъ книгы. А язъ вамъ бию челомь своимъ старѣишим Степану и Василию, Григору.

Изъ этой записи видно, что игуменъ двинскаго Арханг. монастыря Акакій поручалъ монаст. старостѣ Степану и Василію заказать списокъ евангелія. Дѣло это принялъ на себя Фролъ и получилъ въ задатокъ два сорочка, но поручилъ писать другому лицу. Книгу онъ отправилъ къ игумену Никитѣ, чтобы тотъ переслалъ ее въ Архангельскъ къ его знакомому Григорію Сѣрину; а этого просилъ передать Акакію и взять съ него 5 сороковъ — 4 за писанье, а еще сорочекъ за пергаменъ. Очень любопытна форма этой записи къ разнымъ лицамъ; а еще любопытнѣе запись, какъ одно изъ очень не многихъ показаній о цѣнности книгъ на Руси въ древности.

По выводу И. И. Срезневскаго, Фролъ получилъ за написаніе евангелія около 50 к. сер. за листокъ, т. е. около 80 нынѣшнихъ рублей: за пергаменъ 12 р. 60 коп. Вся книга стоила безъ переплета приблизительно около 92 р. 60 к. Съ переплетомъ цѣнность ея доходила вѣроятно до 100 руб. на наши деньги по ихъ нынѣшней цѣнности.

(*Свѣд. и зам. о малоизв. и неизв. пам. И. И. Срезневскаго. 1867 г. Спб. вып. II, стр. 91—96*).

49. Слово нѣкоего калугера о четьи книгъ (1).

Добро есть, братие, почитанье книжьное, паче вьсякому хрьстьяну; блажени бо, рече, испытаюштии съвѣдѣния его вьсьмь сердцьмь възиштють его. Чьто бо рече испытаюштеи съвѣдѣния его? Егда чьтеши книгы, не тъштися бързо иштисти (*быстро прочитать*) до другыя главизны, нъ поразумѣи, чьто глаголють книгы и словеса та, — и тришьды обраштаяся о единой главизнѣ; рече бо: въ сьрдьци моемь съкрыхъ словеса твоя, да не съгрѣшю тебѣ. Не рече: усты тъчью изглаголаахъ, нъ и въ сьрьдци съкрыхъ, да не съгрѣшю тебѣ, — и поразумѣвая убо истиньнѣ писания правимь есть ими. Реку же: узда коневи правитель есть и въздержанию, правьдьнику же книгы я. Не съставить бо ся корабль без гвоздии, ни правьдникъ бес почитания книжьнааго, — и якоже плѣньникомъ умъ стоить у родитель своихъ, тако и правьдьнику о почитаньи книжьнѣмь. Красота воину оружие — и кораблю вѣтрила; тако и правьдьнику почитание книжьное. Открыи бо, рече, очи мои, да разумѣю чудеса отъ закона твое-

(1) По мнѣнію Буслаева это слово, вѣроятно, славянское. *Историч. Христ.* 300. *Калугеръ* — добрый старецъ.

го; очи бо глаголеть размыслъ сердечьныи и прочее. Не съкрыи отъ мене заповѣдии твоихъ; разумѣи, яко не отъ очию скрыи, нъ отъ разума и сердца; тѣмь же и похули непоучающтаяся, глаголя: прокляти уклоняюштеися отъ заповѣдии твоихъ. Тѣмъ же и самъ ся похвали, глаголя: Коль складка словеса твоя, паче меда устомъ моимъ, и законъ устъ твоихъ паче тысяштя злата и сребра,—и въспѣтъ глаголя: Въздрадуюся азъ о словесьхъ твоихъ, яко обрѣтая користь мъногу. Користь бо нарече словеса божия, глаголя: Яко обрѣтохъ недостоинъ сы такъ даръ, еже ми ся поучати словесьмъ твоимъ дьнь и ношть. То мы, братия, поразумѣимъ и послушаимъ разумьныма ушима і поразумѣимъ силу и поучение святыхъ книгъ. По слушаи ты житья св. Василия и св. Іоанна Златоустаагo, и св. Кирила Філософа и инѣхъ многъ святыихъ,—како ти съпьрва повѣдають о нихъ рекуште: из млада прилежаху святыхъ книгъ; то же и на ина добрая дѣла подвигнушася. Вижь, како ти начатъкъ добрыимъ дѣломъ поучение святыихъ книгъ, да тѣми, братия, и сими подвигнѣимъся на путь жития ихъ, и поучаимъся въ ину книжьныимъ словесьмъ, творяще волю ихъ, якоже велять, да и вѣчныя жизни достоини будемъ, въ вѣкы аминь.

(*Изв. Акад. Н. X. 426—427*).

Въ этомъ словѣ прекрасно выражается взглядъ древняго книжника на занятіе чтеніемъ, какъ на дѣло нравственное, которое было началомъ истиннаго христіанскаго пути и достиженія праведности для святыхъ. Книги всѣ разумѣются святыя и божественныя. См. Списыванье книгъ въ древнія времена. Прав. Собес. 1862, I. 131. 350. О древнерус. училищахъ *Н. Лавровскаго*, Харьковъ 1854. Древнія рус. книги. *Срезневскаго*. Христ. Древн. и Археологія, 1864 № 2 и 3. Замѣтки по исторіи книжнаго просвѣщ. *Григорьева* Эпоха 1864.

Съ принятіемъ христіанства проникла къ намъ цѣлая почти готовая литература преимущественно духовнаго содержанія. Образовалась эта литература у соплеменныхъ намъ Болгаръ, особенно въ вѣкъ славнаго царя Симеона (889—927). Неоцѣненное преимущество составляла для насъ возможность познакомиться сразу на языкѣ намъ понятномъ и съ самымъ священнымъ писаніемъ, и съ лучшими его толкователями. Это должно было чрезвычайно облегчить распространеніе у насъ христіанства, которое съ другой стороны находило благодарную почву во многихъ сторонахъ славянскаго быта и нравовъ.

Книги приносились къ намъ вѣроятно мало по малу, а у насъ ихъ усердно списывали и распространяли. Немедленно послѣ крещенія Руси, Владиміръ позаботился о томъ, чтобы родители отдавали дѣтей »на ученіе книжное;« учили конечно священники, присланные къ намъ греческимъ духовенствомъ, а въ числѣ ихъ, по всей вѣроятности, было много Болгаръ. Первые обученные грамотѣ, сами становились священниками, а потомъ учили другихъ. Примѣру Владиміра, ,,любившаго словеса книжная", слѣдовали многіе изъ его сыновей, особенно же Борисъ и Ярославъ. Послѣдній положилъ начало книгохранилищу при Кіево-софійскомъ соборѣ. Въ первое время, по всей вѣроятности, учили грамотѣ только будущихъ священниковъ (Опытъ историч. обозр. рус. словесн. О. Миллера, Спб. 1866. 242—244).

---

2) ВЗГЛЯДЪ НА ЯВЛЕНІЯ ПРИРОДЫ.

50. Знаменія въ XI в.

Въ лѣто 6570. Въ лѣто 6571 (1063) Судиславъ преставися, Ярославль братъ, и погребоша й въ церкви св. Георгія. Въ се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховъ вспять, дній 5; се же знаменье (*явленіе*) не добро бысть, на 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ...

Въ лѣто 6572. Всеславъ рать почалъ. Въ си же времена бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучѣ имущи акы кровавы, въсходящи съ вечера по заходѣ солнѣчнѣмъ, и пребысть за 7

днiй. Се же проявляше не на добро: посемъ бо быша усобицѣ много и нашествiе поганыхъ (*Половцевъ*) на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи кровопролитье. Въ си же времена бысть дѣтищь вверьженъ въ Сѣтомль, сего же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, его же позороваховъ (*смѣялись, дивились*) до вечера, и пакы ввергоша й въ воду, бяшеть бо сиць: на лици ему срамнiи удове, иного нелзѣ казати срама ради. Предъ симъ же временемъ и солнце премѣнися, и не бысть свѣтлю, но акы мѣсяць бысть; его же невѣглаея (*невѣжи*) глаголють снѣдаему сущю. Се же бывають сица (*такiя*) знаменья не на добро, мы бо по сему разумѣемъ. Яко же древле, при Антiюсѣ, въ Iерусалимѣ, случися внезапу по всему граду за 40 днiй являтися на вадусѣ на конихъ рищющимъ (*скачущимъ*), въ оружьи, златы имуща одежѣ, и полкы обоявляемы, и оружьемъ движющимися; се же проявляше нахоженье Антiохово на Iерусалимъ. Посемъ же при Неронѣ цари въ томъ же Iерусалимѣ возсiя звѣзда, на образъ копiйный, надъ градомъ; се же проявляше нахоженье рати отъ Римлянъ. И паки сице же бысть при Устиньянѣ цари, звѣзда возсiя на западѣ, испущающи луча, юже прозываху *блистаницю*, и бысть блистающи днiй 20, посемъ же бысть звѣздамъ теченье, съ вечера до заутрья, яко мнѣти всѣмъ, яко падають звѣзды, и пакы солнце безъ лучь сьяше; се же проявляше крамолы (*драки*), недузи, человѣкомъ умертвiе бяше. Пакы же при Маврикiи цари бысть сице: жена дѣтищь роди безъ очью и безъ руку, въ чересла (*къ чреву*) бѣ ему рыбiй хвостъ приросль; и песъ родися шестоногъ; въ Африкiи же 2 дѣтища родистася, единъ о 4-хъ ногахъ, а другый о двою главу. Посемъ же бысть при Костянтинѣ иконоборци, сына Леонова, теченье звѣздное бысть на небѣ, отторгаху бо ся на землю, яко видящимъ мнѣти кончину; тогда же въздухъ възлiяся повелику. Въ Сурiи (*въ Сирiи*) же бысть трусъ (*землетрясенiе*) великъ, земли разсѣдшися трiй поприщь (*на 3 версты*), изиде дивно изъ землѣ мъска (*лошакъ*), человѣчьскымъ гласомъ глаголющи и проповѣдающи наштье языка (*нашествiе иноплеменныхъ*); еже и бысть: наидоша бо Срацини на Палестиньскую землю. Знаменья бо въ небеси, или звѣздахъ, ли солнци, ли птицами, ли етеромъ (*другимъ*) чимъ, не благо бывають: но знаменья сиця на зло бывають, ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть проявляють.

(*Лавр. 70—71*).

См. въ 1-мъ отд. статью: «Языческiя божества». Какъ тамъ, такъ и здѣсь лѣтописецъ объясняетъ разныя явленiя по византiйскимъ хроникамъ.

51. Знаменiе въ Кiевопечерскомъ монастырѣ.

Томъ же лѣтѣ (1110) бысть знаменье въ Печерстѣмъ монастырѣ, въ 11 день февраля мѣсяца: явися столпъ огненъ отъ земля до небеси, а молнья освѣтиша всю землю, и въ небеси погремѣ въ часъ 1 нощи; и весь миръ видѣ. Се же столпъ первѣе ста на трапезници каменѣй, яко не видѣти бысть креста, и постоявъ мало, съступи на церковь и ста надъ гробомъ Θеодосьевымъ, и потомъ ступи на верхъ, акы ко встоку лицъ, и потомъ невидимъ бысть. Се же бѣаше не огненый столпъ, но видъ ангелескъ: ангелъ бо сице является, ово столпомъ огненымъ, ово же пламенемъ, яко же рече Давыдъ: «творя ангелы своя духы и слугы своя огнь палящь.» И шлеми суть повелѣньемъ божьимъ, аможе хощеть Владыка и Творець всѣхъ. Ангелъ бо приходить, кдѣ благая мѣста и молитвенiи домове, и ту показають нѣчто мало видѣнья своего, яко мощно видѣти человѣкомъ; не мощно бо зрѣти человѣкомъ естьства ангельскаго,

яко и Моиси великый не взможе видѣти ангельскаго естьства, водяшеть бо й въ день столбъ облаченъ, а въ нощи столпъ огненъ; то се не столпъ водяше ихъ, но ангелъ идяше предъ ними въ нощи и въ дне. Тако и се явленье нѣкоторое показываше, ему же бѣ быти, еже и бысть; на 2-е бо лѣто не се ли ангелъ вожь бысть на иноплеменникы и супостаты, якоже рече: ангелъ предъ тобою предъидеть,—и пакы: ангелъ твой буди съ тобою? Якоже пишеть *премудрый Епифаній:* къ коей же твари ангелъ приставленъ: ангелъ облакомъ и мъгламъ, и снѣгу и граду и мразу, ангелъ гласомъ и громомъ, ангелъ зимы и зноеви, и осени и весны и лѣта, всему духу твари его на земли, и тайныя бездны, и суть скровены подъ землею, и преисподніи тмы, и сущи во безднахъ, бывшія древле верху земля, отъ нея же тмы, вечеръ и нощь, и свѣтъ и день, ко всимъ тваремъ ангели приставлени. Такоже ангелъ приставленъ къ которой убо земли, да соблюдають куюжьдо землю, аще суть и погани; аще божій гнѣвъ будеть на кую-любо землю бранью ити, то оной землѣ ангелъ не воспротивится повелѣнью божью. Яко и се бяше и на ны навелъ Богъ, грѣхъ ради нашихъ, иноплеменники поганыя, и побѣжахуть ны повелѣньемъ божьимъ: они бо бяху водими ангеломъ, по повелѣнью божью. Аще ли кто речеть, яко ангела нѣсть у поганыхъ, да слышить, яко Олександру Макидоньскому ополчившу на Дарья и пошедшю ему и побѣдившю землю всю отъ въстокъ и до западъ, и поби землю Египетьскую, и поби Арама, и приде въ островы морьскыя; и врати лице свое взыти въ Ерусалимъ, побѣдити Жиды, занеже бяху мирни со Дарьемъ, и поиде со всими вои его, и ста на товарищи и почи. И приспѣ ночь, и лежа на ложи своемъ посредѣ шатра, отверзъ очи свои, види мужа стояща надъ нимъ, и мечь нагъ въ руцѣ его, и обличіе меча его, яко молонія, и запряже мечемъ своимъ на главу цареву. И ужасеся царь вельми и рече: не бій мене!—И рече ему ангелъ: »посла мя Богъ унимати царѣ великіи предъ тобою и люди многи, азъ же хожю предъ тобою, помогая ти; а нынѣ вѣдай, яко умерешь, понеже помыслилъ еси взити въ Ерусалимъ, зло створити ерѣемъ божьимъ и къ людемъ его». И рече царь: молю тя, о господи, отпусти нынѣ грѣхъ раба твоего; аче не любо ти, а ворочуся дому моему.— И рече ангелъ: »не бойся, иди путемъ твоимъ къ Іерусалиму, и узриши ту въ Іерусалими мужа въ облеченьи моемъ, борзо пади на лици своемъ и поклонися мужю тому, и все, еже речеть къ тобѣ, створи, не преступи рѣчи ему; въ онь же день преступиши рѣчь его, и умреши«. И въставъ царь, иде въ Ерусалимъ, и пришедъ въспроси ерѣевъ: иду ли на Дарья? И показаша ему книги Даниила пророка, и рекоша ему: »ты еси козелъ, а онъ овенъ, и потолчеши и возмеши царство его«. Се убо не ангелъ ли вожаше Олексаньдра? Не поганъ ли побѣжаше, и вси Елини кумирослужебници? Тако и си поганіи попущени грѣхъ ради нашихъ. Се же вѣдомо буди, яко въ хрестьянехъ не единъ ангелъ, но елико крестишася, паче же къ благовѣрнымъ княземъ нашимъ: но противу божью повелѣнью не могутъ противитися, но молять Бога прилѣжно за хрестьяньскыя люди.

(*П. Собр. Лѣт. 1, 121—122*).

Здѣсь опять явленія объясняются по мнѣніямъ ученыхъ богослововъ византійскихъ.

52. Сѣверныя сіянія:

а) Въ 1102 лѣто бысть знаменье на небеси, м. генваря въ 29 день, по 3 дни: акы пожарная заря отъ встока и

уга и запада и сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю нощь, акы отъ луны полны свѣтящься. Въ то же лѣто бысть знаменье въ лунѣ, м. февраля въ 5 день. Того же мѣсяца въ 7 день бысть знаменье въ солнци: огородилося бяше солнце въ 3 дугы (*полукруга*), и быша другыя дугы хребты къ собѣ (*выпуклостями другъ къ другу*). И сія видяще знаменья, благовѣрніи человѣци со въздыханьемъ моляхуся къ Богу и со слезами, дабы Богъ обратилъ знаменья си на добро: знаменья бо бывають ова на зло, ова ли на добро.

(*П. С. Лѣт. I, 117*).

б) Тое же зимы (1203) знаменія бысть многа на небеси, едино же отъ нихъ скажемъ: бысть во едину нощь, въ 5 часъ нощи, потече небо все и бысть чермно (*красно*) по земли же и по хоромомъ снѣгъ, мнѣти же всѣмъ человѣкомъ зряче, аки кровь прольяна на снѣгу; и видѣша же нѣціи теченіе звѣздное бысть на небеси, отторгаху бо ся звѣзды на землю, мнѣти видящимъ я яко кончину (*міра*). Знаменья бо въ небеси, или въ звѣздахъ, или въ солнци, или въ лунѣ, или етеромъ (*инымъ*) чимъ, не на добро бывають: но знаменія сица на зло бывають, или проявляють рати, или гладъ, или смерти проявляють.

(*П. С. Лѣт. I, 176*).

53. Солнечныя затмѣнія:

а) Того же лѣта (1187) бысть знаменіе м. сентября 15: тма бысть по всей землѣ, якоже дивитися всимъ человѣкомъ, солнце бо погибе, а небо погорѣ облакы огнезрачными. Таковая бо знаменія не на добро бывають: въ той бо день того мѣсяца взятъ бысть Ерусалимъ

безбожными Срацины; знаменія же та не по всей землѣ бывають, но на ню же страну Владыка что хощеть навести. Тогда бо глаголахуть тму бывшюю въ Галичи, яко и звѣзды видити середи дни, солнцю померькшю; въ кіевьской сторонѣ никто же не види въ тъ часъ. Мы же о семъ поглаголемъ. Аще во дни наша преда Господь градъ Ерусалимъ святы безаконьнымъ тѣмъ Агаряномъ; да кто свѣсть умъ господень, кто ли свѣсть тайная его створеная? Обрѣтаемъ бо въ Судійскихъ книгахъ, яко Ильи жерцю судящю во дни оны во Израили, и възъидоша иноплеменници на Ерусалимъ, и вземши дщицю скрижали Завѣта господня, уполчившеся и възъидоша на бой во срѣтеніе имъ: Богу же тако попустившю гнѣвъ свой на Израиля, и побѣжени бывше Израилтяни отъ иноплеменьникъ и святыню Завѣта господня плѣниша и нѣ по колицѣхъ лѣтъ, якоже исповѣдають Царскыя книгы, опять возвратить Господь скрижали Завѣта господня во Іерусалимъ, предъ ними же Богоотець Давыдъ веселія исполнися, скакаше играя. Намъ же укореньнымъ сущимъ, поношеніе пріемлющимъ отъ безаконыхъ тѣхъ Агарянъ, а чающе есмы божія благодати и лика преславна.

(*Ипат. 135*).

По астрономическимъ таблицамъ, солнечное затмѣніе въ 1187 г. было 4 сентября, когда взятъ былъ Арабами у крестоносцевъ г. Аскалонъ, а Іерусалимъ отнятъ былъ 2 окт. Слѣдоват. лѣтопись отмѣтила и день взятія Іерусалима и день затмѣнія невѣрно.

б) Тое же зимы (1206) бысть знаменье на небеси въ солнци, м. февраля въ 28 день, въ среду сырное недѣли, и стоя отъ полудне до мефимона (1), остало бо ся его бяше акы мѣсяць въ настатьи (*въ началѣ*) 1 дне; мнози бо вѣрніи человѣци зряще моляхуся Богу,

(1) *Мефимоны*, ефимоны—ирмосы на вечерни.

дабы Богъ обратилъ знаменье то на добро.

(*П. С. Лѣт. I, 180—181*).

О солнечныхъ затмѣніяхъ, П. И. Мельникова. Отеч. Зап. 1842 г. № 6 XXII. II, 47. Взглядъ лѣтописцевъ на событія міра. Прав. Собес. 1859.

54. Землетрясенія:

а) Тое же зимы (1195), по Ѳедоровѣ недѣлѣ во вторникъ, въ 9 часъ, потрясеся земля по всей области кіевьской и по Кыеву: церькви каменыя и деревяныя колебахуся, и вси людіе видяще отъ страха не можаху стояти, овіи падаху ници, иніи же трепетаху. И рекоша игумени блаженіи: »се Богъ проявилъ есть показая силу свою за грѣхи наша, да быхомся остали отъ злаго пути своего;« иніи же молвяхуть другъ ко другу: »сіи знаменіи не на добро бываютъ, но на паденіе многимъ, и на кровопролитье, и на мятежь многъ въ Руской землѣ,« — еже и сбыстьса.

(*Ипат. 147*).

б) Того же лѣта (1230), м. мая въ 3 день, на память св. Ѳодосья игумена Печерьскаго, въ пятокъ, во время св. литургія чтому св. еуангелью въ церкви сборнѣй св. Богородица въ Володимери, потрясеся земля, и церквы и трапеза, и иконы подвижшася по стѣнамъ, и паникадило съ свѣщами и свѣтилна поколебашася, и людье мнози изумѣшася, и мняхутся тако, яко голова обишла, коего ихъ [1], и яко другъ къ другу и глаголаху, не вси бо разумѣваху дивнаго того чюдесе; бысть же се въ многихъ церквахъ и въ домѣхъ господьскихъ. Бысть же се и во иныхъ городѣхъ, и въ Кіевѣ градѣ велми болма того бысть потрясенье, а въ манастыри Печерьскомъ церквы св Богородица каменая на 4 части раступися, ту сущю м-ту Кирилу и кн. Володимеру, и бояромъ и Кіяномъ множеству и людемъ сшедшимся, празникъ бо баше отъ дне св. отца Ѳеодосья; ту и трапезницею потрясе каменою, снесену бывшю корму и питью, все то потре каменье дробное (*мелкое*), сверху падая, и столы и скамьи, но обаче вся трапезница не падеся, ни верхъ ея. Такоже и въ Переяславли рускомъ церкви св. Михаила каменая рассѣдеся на двое и паде переводъ (*сводъ*) съ кровлею 3-хъ комаръ, и потроша иконы и паникадила свѣчами и свѣтилна. То же все бысть по всей земли одиного дня, одиного часа, въ годъ (*во время*) св. литургія, м. мая въ 3 день, въ пятокъ 4-й недѣли по пасцѣ. Тако слышахомъ у самовидѣць, бывшихъ тамо въ то время. Того же м. мая въ 10 день, въ пятокъ 5 недѣли по пасцѣ, нѣціи видѣша рано, въсходящю солнцю бысть на 3 углы, яко и коврига, потомъ мнѣи (*менье*) бысть аки звѣзда, тако и погибе, потомъ мало опять взиде въ своемъ чину. Того же мѣсяца въ 14 день, во вторникъ 6 недѣли по пасцѣ, въ торговъ годъ, солнце нача погыбати, зрящимъ всѣмъ людемъ, мало остася его и бысть аки мѣсяць 3 дни, и нача опять полнитися, и мнози мняху мѣсяць идуще чрезъ небо, зане бяшеть межимѣсячье то (*ущербъ*), а друзіи мняхуть солнце идуще въспять, понеже ободоци маліи, частіи, съ полунощныя страны борзо бѣжаху на солнце, на полуденьну страну (*съ сѣвера на югъ*). Того же дни и часа бысть тако и того грознѣе въ Кыевѣ, всѣмъ зрящимъ, бывшю солнцю мѣсяцемъ, явишася столпове черлени, зелени, синіи, обаполы (*съ обѣихъ сторонъ*) солнца; таче (*потомъ*) сниде огнь съ небеси, аки облакъ великъ надъ ручай Лыбедь, людемъ всѣмъ отчаявшимъ-

[1] Дивились и думали, что это головокруженье.

ся своего житья, мняще уже кончину сущю, цѣлующе другъ друга, прощенье имаху, плачюще горко, воспиша (*возопиша*) къ Богови слезами: и милостью своею Богъ преведе страшный тотъ огнь черезъ весь градъ безъ пакости, и паде въ Днѣпръ рѣку, ту и погибе. Тако сказаша намъ самовидци, бывши тамъ.

(*П. С. Лѣт.* I, *193*).

55. Гаданія по явленіямъ природы.

Ростиславъ (въ 1249 г.) взялъ въ помощь Ляховъ и осадилъ Ярославль въ Волынской землѣ. Хвалящю же ся ему предъ вои своими и рекущу: »аще быхъ извѣдалъ, кдѣ Данила и Василка, ѣхалъ быхъ на ня, аще бы ми съ 10-ю воинъ, ѣхалъ бы на ня;« гордящу же ся ему, и створи игру предъ градомъ, и сразивъшуся ему съ Воршемъ, и падеся подъ нимъ конь и выразя собѣ плече, и не на добро случися ему знаменіе. Слышавъ же Данило и Василко ратное пришествіе его, помолистася Богу, начаста сбирати воѣ .. Не дошедшимъ же воемъ рѣкы Сяну, сосѣдшимъ же на поли воружиться, и бывшу знаменію надъ полкомъ сице: пришедшимъ орломъ и многимъ ворономъ, яко оболоку велику, играющимъ же птицамъ, орломъ же клекъщущимъ и плавающимъ криломы своими и воспрометающимъся на воздусѣ, якоже иногда и николиже не бѣ; и се знаменіе на добро бысть... Яви же Богъ милость свою и дасть побѣду Данилу наканунъ великую мученику Фрола и Лавра.

(*Ипат. 183—184*).

56. Безведріе.

Той же осени (1228) въ Новгородѣ нзиде дъжгъ великъ и день и ночь, на Госпожинъ день ([1]), оли и до Никулина дни не видѣхомъ свѣтла дни; ни сѣна людьмъ бяше лзѣ добыти, ни нивъ дѣлати Тъгда же оканьныи діяволъ, испьрва не хотяи добра роду человѣчю и завидѣвъ ему, зане прогоняшеть его нощнымъ стояніемъ, пѣніемъ и молитвами, и въздвиже на Арсенія, мужа кротка и смѣрена крамолу велику, простую чадь; и створше вѣче на Ярославли дворѣ, и поидоша на владыцьнь дворъ, рекуче: *»того дѣля стоитъ тепло дъльго,*—выпроводилъ Антонія владыку на Хутино, а самъ сѣлъ давъ мьзду князю;« —и аки злодѣя пьхающе за воротъ выгнаша, малѣ ублюде Богъ отъ смрьти, затворися въ церкви святѣи Софіи, иде на Хутино; а заутра введоша опять Антонія архепископа, и посадиша съ нимъ 2 мужь, Якуна Моисѣевица, Микифора Щитника,—и не досыти бы зла, нъ еще болѣ того: възмятеся весь городъ, и поидоша съ вѣча въ оружіи на тысячького Вяцеслава, и розграбиша дворъ его, и брата его Богуслава, и Андреичевъ владыцня стольника, и Давыдковъ Софійскаго, и Судимировъ; а на Душильця на Липьньскаго старосту тамо послаша грабить, а самаго хотѣша повѣсити, нъ ускоци (*убѣжалъ*) къ Ярославу, а жену его яша, рекуче: »яко ти на зло князя водять,»—и бысть мятежь въ городѣ великъ.

(*I Нов.* *43—44*).

Подобное же происшествіе было во Псковѣ 1407. Витовтъ воевалъ волости псковскія, а Новгородцы не помогли своимъ братьямъ; къ тому же насталъ моръ; время было притужное: »А тогда бяше моръ во Псковѣ великъ; и тогда отрекошася Псковичи князю Данилу Александровичу: *тебе ради моръ сей у насъ*,—и выѣха князь Данило изо Пскова (*I Псков. 198*). См. *ниже*.

([1]) *Госпожинъ* день—Успенье; постъ успенскій доселѣ въ простонародьи называется *Спожинками* и, вѣроятно, приспособлено названіе къ слову — *пожни*, спожатому хлѣбу.

57. Голодъ въ Новгородѣ.

Въ лѣто 6738 (1230). Богъ видя наша безаконія, и братоненавидѣніе, и непокореніе другъ къ другу, и зависть, и крестомъ вѣрящеся въ лжю; его же ангели не могутъ зрѣти и многоочитіи крылы закрываються, того же мы въ рукахъ дьржаще скверными усты цѣлуемъ; и за то Богъ на насъ поганыя наведе и землю нашю пусту положиша, а иное сами не блюдуче безъ милости истеряхомъ свою власть (*область*), и тако бысть пусто; и тако ны Господь Богъ възда по дѣломъ нашимъ. Изби мразъ на Въздвиженіе честьнаго хреста обилье (*озимое*) по волости нашеи, и оттолѣ горе уставися велико: почахомъ купити хлѣбъ по 8 кунъ, а ржи кадь по 20 гривьнъ, а въ дворѣхъ по полъ-30, а пшеницѣ по 40 гривьнъ, а пшена по 50, а овса по 13 гривьнъ, и разъидеся градъ нашь и волость наша, и полни быша чюжія грады и страны братьѣ нашеи и сестръ, а останъкъ почаша мерети. И кто не просльзиться о семъ, видяще мьртвьця по улицамъ лежаща и младенця отъ пьсъ изъѣдаемы? И вложи Богъ въ сердце благое створити архиепископу Спуридону, и постави скуделницю у св. апостолъ въ ямѣ на Пруськои улици, и пристави мужа блага смѣрена, именьмъ Станила, возити мьртвьця на кони кдѣ обидуце по городу; и тако безпрестани по вся дни влачаше, и наполни до вьрха, иже бысть въ неи числомъ 3000 и 30. На ту же зиму поиде княжиць Ростиславъ съ посадникомъ Вънѣздомъ на Тържькъ, м. декабря въ 8, въ недѣлю. А заутра убиша Смена Борисовица въ 9, а домъ его весь розграбиша и села, а жену его яша, а самого погребоша у святого Гюргя въ манастыри; такоже и Водовиковъ дворъ и села, и брата его Михаля, и Даньслава, и Борисовъ тысячьскаго, и Творимиричь, иныхъ много дворовъ... Тои же зимѣ введоша съ Хутина отъ св. Спаса Арсенія игумена, мужя кротка и смѣрена, князь Ярославъ, владыка Спуридонъ и весь Новгородъ, и даша игуменьство у св. Георгія; а Саву лишиша, посадиша и въ келіи, и разболѣся, лежавъ 6 недѣль и преставися марта въ 15, въ суботу, предъ обѣдьнею, и тако погребенъ бысть игуменомъ Арсеніемъ и всею братьею, а дай Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимоѳею понамарю: бяшеть бо мужь благъ, кротькъ, съмѣренъ и незлобивъ, покои Богъ душю его съ всѣми правьдными въ царствіи небеснѣмъ! —Мы же на преднее възвратимся, на горкую и бѣдную память тоя весны. Что бо рещи, или что глаголати о бывшеи на насъ отъ Бога казни? яко иніи простая чадь рѣзаху люди живыя и ядяху, а иніи мьртвая мяса и трупіе обрѣзающе ядяху, а друзіи конину, псину, кошкы, иніи же мъхъ ядяху, ушь, сосну, кору липову и листь ильмъ, кто что замысля. А иніи пакы злін человѣци почаша добрыхъ людіи домы зажигати, кдѣ чююче рожь и тако разграбливахуть имѣніе ихъ, нъ тѣхъ осочивъше (*нашли*) тако творяще овъыхъ огньмь изжгоша, а другыхъ осѣкоша, иныхъ извѣшаша. Въ покаянія мѣсто злое и горцяиши того быхомъ на зло, а видящи предъ очима нашима гнѣвъ божіи: мьртвьци по уличамъ и по търгу и по мосту по Великому, отъ пьсь изъѣдаемы, оже не можаху погребати. И поставиша другую скудьлницю на поли, коньць Чюдиньчевѣ улици, и бысть та пълна, въ неи же числа нѣсть; а 3—ю поставиша на Колѣни, за св. Рожьствомъ, и та же бысть пълна, въ неи же числа нѣсть. То же бы намъ все видяще предъ очима, лучьшимъ быти, мы же быхомъ пущьши: братъ брату не съжаляшеться, ни отечь сынови, ни мати дъчери, ни сусѣдъ сусѣду не уломляше хлѣба; не бысть милости межи нами, нъ бяше туга и печаль, на

уличи скърбь другъ съ другомъ, дома тъска, зряще дѣтій плачюще хлѣба, а другая умирающа. И купляхомъ по гривнѣ хлѣбъ и поболшю, а ржи 4-ю часть кади купляхомъ по гривнѣ серебра; и даяху отци и матери дѣти свое одьрень изъ хлѣба гостьмъ. Се же горе бысть не въ нашеи земли во одинои, нъ по всеи области Русьстѣи, кромѣ Кыева одиного. И тако ны Богъ възда по дѣломъ нашимъ.

(*I Новг. 46—47*).

58. Кометы:

а) Въ лѣто 6772 (1264). Явися звѣзда страшная, свѣтящи презъ мѣсяцей 3, луча ку полудню испущающи; и потомъ бысть великій моръ въ скотѣхъ.

(*Густ 343*).

б) Въ лѣто 6773 (1265). Явися звѣзда на востоцѣ хвостатая, образомъ страшнымъ, испущающе отъ себе лучѣ великы, си же звѣзда нарѣчаеться власатая; отъ видѣнія же сея звѣзды страхъ обья вся человѣкы и ужасть; хитреци же смотрѣвше тако рекоша: »оже мятежь великъ будеть въ земли:« но Богъ спасе своею волею, и не бысть ничтоже.

(*Ипат. 202*).

О явленіи кометы см. еще »Повѣсть о нашествіи Тохтамыша.«

в) Въ великое говѣніе м. марта (1402) явлашеся нѣкое знаменіе на небеси: въ вечернюю зарю на западѣ звѣзда немала, аки копейнымъ образомъ, верху же ея аки лучь сіяше, иже на востоцѣ восходящи и на западѣ лѣтнемъ являшеся, юже видѣхомъ весь той мѣсяць тако восходящю. Се же является грѣхъ ради нашихъ, прообразуеть и претить и велить намъ покаятися отъ грѣхъ нашихъ; убосиѣю рещи сбывается слово еуангельское, якоже самъ Спасъ въ еуангеліи рече: »въ послѣдняя дни будуть знаменія велика на небеси, въ солнцѣ и въ лунѣ и въ звѣздахъ, услышати же имать слухъ рати и нестроеніе и слышанія брани, въстанеть бо языкъ на языкъ, и страна на страну, и царство на царство, и будуть гладове и мятежи и пагубы, и трусы (*землетрясенія*) велицѣи по мѣстомъ, и страхованія въ мори, все же начало болѣзнемъ, предасть же братъ брата на смерть и отець чадо, и возстануть чада на родителя своя и убьють я, и другъ друга предасть и возненавидить и прельстить, и за умноженіе безаконія изсякнеть любы многыхъ; будеть бо тогда печаль велика и скорбь человѣкомъ, и туга (*тужба, горе*) языкомъ, и гнѣвъ на людехъ и страхъ повсюду.« Да еже то въ еуангеліи прежде Спасъ нашъ глаголаше, то нынѣ въ *послѣдняя времена* все сбывается, а реченная знаменія на небеси въ солнци и въ лунѣ и во звѣздахъ являющеся.

(*П. Собр. Лѣт. IV, стр. 105*).

59. Пожары въ Новгородѣ:

а) Въ лѣто 6807 (1299), м. апрѣля 18, въ суботу вел., въ 1 часъ ночи, загорѣся на Варяжьской улици, и створися горе велико, по нашимъ грѣхомъ: въздвижеся буря съ вихромъ, и тако бысть силенъ огнь въборзѣ, кто мало что похвативъ выбѣжа изъ своего двора, а иное все огнь взя. И вержеся огнь изъ Нѣмечьского двора въ Неревьскыи конець, загорѣся на Холопьи улици, а тамо силнѣе огнь, а Неревляне на онои сторонѣ, а мостъ Великыи огнь заялъ; и тако створися пагуба велика, олна на свѣтѣ (*при*

разсвѣтѣ) Богъ и добріи люди уяша. А зліи человѣцы надоша на грабежи, что въ церквахъ все разграбиша, Бога не боячеся, а вѣдуче казнь божію, въ покаянія мѣсто горшее зло створиша, въ св. Иванѣ (*въ церкви*) надъ товаромъ сторожа убиша, а въ св. Яковѣ сторожь сгорѣ. На торговомъ полу 12 церквіи сгорѣ, иконъ не всѣхъ успѣша выносити, ни книгъ,—а въ Христовѣ церкви нѣколико головъ сгорѣ, и два попа сгорѣша, въ Перевьскомъ концы 10 церквіи сгорѣ и многа узорочья въ церквахъ, и мужь добръ сгорѣ Елеоерій Лазоревичь. И бысть заутра печаль и сѣтованіе, въ радости мѣсто: то же все бысть грѣхъ дѣля нашихъ; сбыстьея пророчество Исаія пророка, еже рече: *преложю праздникы ваша въ плачь, и игрища ваша въ сѣтованіе*. То же, братіе, Богъ казнить за грѣхы наша, кажа насъ на покаяніе, да быхомъ ся остали отъ злобъ своихъ; аще съгрѣшихомъ, нъ не отчаемся твоеа милости, твоя бо есть, Господи, власть казнити и пакы миловати,—казнивъ, Господи, помилуи ны!

(*I Нов. 66—67*).

б) Въ лѣто 6848 (1340 г.) м. іюня въ 7 загорѣся на Щерковѣ улици, въ полъдни, и погорѣ Перевьскій конецъ до св. Якова, а сѣмо и до Чюдинцевы улици, и дворъ владычень, и св. Софѣя, церкви и дворы въ дѣтинци (*въ крѣпости*) и Людинъ конецъ до св. Алексія, а сѣмо и до Прускоі улицѣ, лють бѣ пожаръ съ бурею и съ вихромъ, но водѣ огнь ходя горяше, много людей потопе на Волховѣ, и переверьжеся чрезъ Волховъ на ону страну, и погорѣ вся сторона отъ Оедорова ручья въ Славно и до поля, до вечерній, и церкви каменыи и деревяныи; изъ многихъ церквій не успѣша выносити ни иконъ, ни книгъ, ни изъ домовъ, а хотя кто что вынеслъ на поле, или на огороды, или въ греблю или въ лодья и въ учаны (*большія судна*), то все поломянемъ взялось, а иное зліи человѣци пограбиша. Не токмо же то у своей братьи хрестьянъ, а иныхъ надъ своимъ товаромъ побиша, а товары собѣ поимаша, и въ св. церквахъ, идѣже бы всякому хрестьяняну хотя бы и свой домъ поверyя (*бросить*), а церкви постеречи. Но мы паки Бога не боящеся, ни чающе въскресенія мертвымъ, ни суда божія, ни въздаяія по дѣломъ, а видяще казнь божію надъ нами, въ покаянія мѣсто горшее творимъ: церковь Святыхъ 40 (*мучениковъ*), яже бѣ устроена иконами и писменемъ (*росписана*) и кованіемъ и крутою (*металлическими украшеніями*), запершеся въ церкви товаръ (*пожитки*) весь разграбиша, а иконъ и книгъ не даша носити, а сами избѣгоша изъ церкви, все съгорѣ, и сторожа два убиша, а у св. Богородици въ торгу попъ сгорѣ, а церковь вся погорѣ, иконы и книги, сего же ни власѣ огнь не прикоснуся, а товаръ весь пограбиша, а въ св. Пятницѣ сторожь съ сыномъ сгорѣ, и церковь та падеся, и другая Борисъ и Глѣбъ на Подолѣ, а всѣхъ церквей погорѣ 50, а людей 70 душь сгорѣ въ домѣхъ, а Великій мостъ (¹) сгорѣ весь по воду. А Смоленьскъ погорѣ на Спасовъ день (*1-го августа*).

(*П. С. Лѣт. IV, 54*).

в) Того же лѣта (1442) бысть пожаръ въ Плотничекомъ концѣ: загорѣся отъ Щитной улици маія въ 4, и погорѣ половина Конюховы ул. и Запольская вся, и за городъ перешедъ погорѣ. И пакы, того же мѣсяца въ 11, на намять священномуч. Мокіа, загорѣся на Подолѣ, и бысть пожаръ лютъ и пакости людемъ

(¹) Мостъ великій устроенъ былъ въ Новгородѣ черезъ р. Волховъ.

много, и церквей каменыхъ огорѣ 12, а христіанскыхъ душъ, Богъ вѣсть, колико сгорѣ, и Конець весь погорѣ до св. Георгія, и ту преста на Лубяници. И по малѣ времяни, того же мѣсяца, погорѣ Заполіе Микитины ул.; и бысть пакость велика людемъ, кои вносилися къ нимъ съ животы своими. Сіи пожары бывають грѣхъ ради нашихъ, да ся быхомъ покаали отъ злобъ своихъ. Въ тоже время людіе, отъ скорби тоа великія пожарныя, похвативше люди, глаголюще отъ ярости сиущени: »втайнѣ ходите и людемъ не являетеся, и зажигаете градъ, и люди губите«,—право ли есть глаголющее? Богъ вѣсть испытанія человѣчьска.

(*I Нов. 114*).

60. Разныя дивныя явленія и случаи:

а) Въ лѣто 6777 (1269). Дивы великіе являхутся: видяху люди на небѣ войска ве зброяхъ, и раздѣлены на два полка, и едны зъ другими біяхуся; потомъ, не далече отъ Кракова, една пани Вербославская Малгората еднымъ роженьемъ породи дѣтей живыхъ 36, генваря 21. Въ тоже лѣто, декаврія 6, въ нощи, явися свѣтъ на небѣ крестообразно, яко не токмо градъ, но и оную всю страну просвѣти. Въ тое жъ лѣто, во 8 день по Рожд., въ Калишу родися телецъ со седмію ногъ телчихъ и двома песіими главами, едина по обычаю напреди, а другая меншая надъ опашію: сего трупу никтоже отъ животныхъ не хотяше ясти, ни птица, ни пси, ни волци; па Шлонску (*въ Силезіи*) зась дождъ кровавый идяше, а потомъ зась бысть дождъ великъ и поводь, яко и села и людей вода забираше.

б) Въ лѣто 6783 (1275). Родися въ Краковѣ дѣтище со зубами, иже глаголаше абіе, егда же окрещенно бысть, испадоша ему зубы и преста глаголати; второе же дѣтище родися, иже по шестію мѣсяць своего рождества яснымъ языкомъ глаголаше и пророчествоваше нашествіе Татаръ,, приложи же и се, яко и оно имать пострадати отъ Татаръ, еже и сбобыстся.

в) Въ сіе лѣто (1277) видѣша на небѣ свѣтъ, аки бы небо отверзто. Въ сіе лѣто уловиша рыбитвы диво бѣсовское, страшное, въ езерѣ, въ повѣтѣ краковскомъ, иже имѣяше главу козію зъ рогами, а очи аки свѣщи свѣтяхуся ему; людей же тамо бѣ множество, иже се видѣвше убояшася, отъ страха всѣ побѣгоша, сіе же диво такожде побѣже подъ ледъ рычащи.

г) Въ лѣто 6847 (1339). Една пани уродила разомъ дѣтей 12,—11 померли заразъ, а единъ выховался и былъ потомъ бискупъ.

(*Густынс. 344. 345. 349*).

д) Той же весны (1360), въ великое говѣнье, аки огненныя зари явишася, отъ востока восходя чрезъ небо. И бысть мятежь силенъ въ ордѣ; многі цари, и царевичи, и рядци, изсѣкошася межи собою.

(*II Нов. 132*).

е) Того же лѣта (1406) погибе мѣсяць передъ раннею зарею, и бысть яко кровь на мѣстѣ его, и заиде не исполнився. Того же лѣта, по Петровѣ дни, въ Нижнемъ Новѣгородѣ бысть буря велика, и вихоръ вземъ человѣка на лошади и съ колесницею понесъ, доидеже невидимъ бысть; на другій же день обрѣтоша на другой странѣ рѣки великія Волги колесницу его на древѣ высоцѣ висящу, а человѣкъ безъ вѣсти.

(*П. С. Лѣт. VI. 133*).

ж) Тои же осени (1439) вода бысть мала вельми, и земля и лѣсы горяху, и дымъ многъ вельми, иногда другъ друга не видѣти; и съ того дыма мряху рыбы и птица, а рыба дымомъ воняше и по два года.

(*I Нов. 111*)

з) Того же лѣта (1440) бысть знаменіе въ Вороночи: отъ иконы св. Николы изъ лѣваго ока, изъ суха древа, истече кровь напрасно, на заутрени въ Спасъ день; и послаша по икону събора 3-го два попа, Ивана да Семена, и привезена бысть икона во Псковъ на Усѣкновенье главы Іоана Предотеча, и усрѣтоша икону вся 3 събора и архимандритъ Геласій и вся священники, молящеся Богу, и бысть страхъ великъ крестіаномъ о чюдеси св. Николы.

(*П. С. Лѣт. IV, 211*).

и) Да и сіе не забвено будеть въ послѣднихъ родѣхъ: 1447 г. генваря 3, бысть облакъ тученосенъ и съ дожгемъ, и паде вкупѣ пшеница и рожь и жито на полѣ и на лѣсѣ, отъ града за 5 верстъ, вдалѣ отъ Волховца и до Мьстѣ рѣки на 15 верстъ; людіе събравше, елико кто изобрѣте, и принесоша въ градъ, граждани же стекошася видѣти сіе преславное чюдо, откуду и како бысть.

(*П. Собр. Лѣт. IV, 125*).

61. Моръ:

а) Въ 1352 г. моръ былъ во Псковѣ чрезъ все лѣто: почалося изъ весны на цвѣтной (*вербной*) недѣли, тоже и до самыя осени, уже предъ зимою преста. Того же лѣта Псковичи поставиша церковь св. Богородица честному ея Покрову за стѣною, въ странѣ св. Дмитрея. Тогда же архіеп. Василей пріѣздилъ во Псковъ не въ свои лѣта, ни во свою череду, но тако, хоти благославити дѣтей своихъ Псковичь и поповъ; и обоиде весь градъ съ кресты, и съ всѣмъ священнымъ съборомъ и съ всѣмъ крилосомъ, и съ мощми святыхъ, и съ пѣніями и съ молитвами и слезами, молящеся Господу Іеусу Христу и пречистѣй его Матери, св. госпожѣ Богородици, о заступленія града и о всѣхъ людехъ живущихъ въ немъ о Христѣ въ вѣрѣ крестіанстѣй, дабы Господь преставилъ (*остановилъ*) многоналежащую тогда смерть на людехъ; такожe и весь народъ и люди, мужи и жены, отъ мала и до велика вси вослѣдствующе со многими слезами зваху: *Господи помилуй*! Архіепископъ же Василей мало дній ту побывъ, поѣха паки изо Пскова здравъ, бысть ему на пути наборзѣ (*быстро*) разболѣся, мало поболѣвъ преставися на рѣцѣ на Узѣ. Сана свѣтлостью не умолена бываетъ смерть: на всѣхъ вынизаеть многоядныя своя зубы. Нѣкоторіи же рѣша: »той моръ изъ Индѣйской земли, отъ Солнца—града«.

(*Пол. Собр. Лѣт. IV, 191*).

По представленіямъ народнымъ, навѣяннымъ византійскими сказаніями, солнце имѣетъ свой городъ, который находится въ странѣ Врахмановъ (*Браминовъ*), т. е. въ Индіи, гдѣ живутъ разные уродливые народы. Оттуда—то приноситъ вѣтеръ разныя смертельныя болѣзни.

б) Псковичи послаша послы своя (1407) въ В. Новгородъ и биша челомъ, абы помогли на Нѣмець,—и не помогоша. И потомъ биша чоломъ кн. в. Василію Дмитріевичю, абы помоглъ бѣднымъ Псковичемъ въ тошна времени: и князь вел. разверже миръ съ своимъ тестемъ, съ кн. Витовтомъ, псковскыя ради обиды. И бяше тогда въ Псковѣ моръ непрестаненъ; и выпроводиша кн. Данила Александровича, глаголюще: »тебе ради моръ сій есть въ насъ«,—и

поѣха изо Пскова въ Новгородъ, въ самый николинъ день во осень. И послаша Псковичи послы своя къ в. кн. Василью Дмитріевичю, и испросиша собе князя, брата князя вел. меньшаго Костянтина; и пріѣха кн. Костянтинъ, во вторникъ на вербной недѣли. И кн. Костянтинъ съ Псковичами смысливше и помолившеся Богу, създаша церковь въ имя св. отца Аѳанасіа, въ единъ день, въ недѣлю (*въ воскресенье*) и освящаша и службу свершиша, м. марта въ 29 день.

(*П. С. Лѣт. V, 19—20*).

62. Вихрь, дождь, громъ:

а) Того же лѣта (1419), априля 9, въ недѣлю при вечери, буря бысть велика вѣтрена, съ вихромъ, и туча и дожди умножени со градомъ, и источници потекоша водъ, аки рѣка силная и молніи блистаніа и громъ страшный; и отъ того страха потрясеся земля, а людіе ницъ падоша, а пономарь церковный бысть мертвъ; и во дву церквахъ, во св. Богородици на градныхъ воротѣхъ и св. цари Константитѣ на Росткинѣ улици, иконы ополѣша отъ огня небеснаго. Якоже рече писаніе о громѣхъ и о молніяхъ: »аще отъ сраженія облакомъ точію молнія будеть, нѣсть врежлающи, но абіе мимоходить и изгинеть; аще ли съ ударяющимся облакомъ, и къ симъ снидеть небесный блескъ огненъ, пламенновиденъ, и съвокупится съ молніею, исходима долу (*внизъ*) творить сгорѣніе, его же налучить; се же наречется пожаръ.« Не всѣхъ бо Владыка казнить, смертью тою напрасною осуждаеть. Якоже бо и во единой болници мнози на одрѣ лежать, да иніи отъ нихъ въставляются, друзіи же отъ нихъ различными суды кончаются: тако же бо и о громогласнѣмъ томъ шибеніи, отъ матернихъ ядръ

младенца извергъ снабжаеть, другоици же отъ рукъ матернихъ истергъ младенець суду предаеть, матерь же младенца снабжаеть; то кто изглаголеть силы господня, како ли увѣстся смотрѣніе? Невидимъ есть громъ, ни рукъ человѣческъ имѣеть, прерѣвая, превращая и растерзая подруга отъ ужикъ своихъ и чадо отъ родитель своихъ; но токмо повелѣніе владычне съ страхомъ творить, но прещеніемъ тѣмъ на молитву въставляеть.

(*П. С. Лѣт. III, 138; IV, 118—119*).

б) Въ лѣто 6929 (1421). Въ Новѣгородѣ поводь велика бысть въ Волховѣ, и снесе 20 городень Великого мосту, и бурѣ велицѣ бывши и разбиша отъ воды и уличніи мости, и храми мнози отъ основанія исторжени быша, мнози же воды ради на верхъ хоромъ живяше; а монастыревъ 19 обіятъ вода, яко ни пѣнію быти въ нихъ, и толицѣ скорби бывше, *яко уже людямъ чающимъ потопу нашедшу на нихъ*. И еще же паки и туча велика взиде, маія 19, съ полудени, съ громомъ страшнымъ и съ шумомъ великимъ, въ полунощи молньи блистающи и яко прозрѣти не мочно бѣ, яко бо чающимъ людемъ сожженнымъ быти отъ огня оного; понеже бо и туча она пришедше надъ градомъ ста, измѣнися отъ дожденосія огненное видѣніе, людіе же всяко чающи пламени быти и пожигающи грѣшники, и ужасошася и начаша вопити: *Господи помилуй*, и прочее многое моленье, и обѣты приношоху Господеви и преч. Его Матери и всѣмъ святымъ, понеже бо каменіе изо облака являшеся. Архіепископъ же Семенъ съ чиномъ священымъ и вси богобоязніи людіе, внедъ въ церковь Премудрости божія, ницъ падше со многими слезами изъ глубины сердца со воздыханьми молящеся, такоже и по прочимъ церквамъ

священници и людіе творяху, и тако преиде нощь та страхомъ онѣмъ; пришедшу же дню и бысть тишина, и туча она бысть не видима, и едва людіе въ себе пріидоша отъ страха оного.

(П. Собр. Лѣт. VI, 141—142).

См. еще IV, 207 подъ 1433 г.

в) Того же лѣта (1450) бысть чюдо страшно во градѣ Москвѣ: м. августа 5 день, канунъ дни Спасова, предъ вечернею за единъ часъ, внезапу пріиде туча со вьстока на градъ, и бысть громъ страшенъ; по разгнѣванію Господа Саваоѳа, по умноженію грѣхъ хрестіяньскыхъ, прострѣли громъ верхъ у церкви у каменыя св. Михаила архангела на площади, и поиде стрѣла въ церкви, и бысть чудо страшно, яко не мощно сказати, како ходила по церкви. Того же м. августа 13 день, пріиде туча отъ западныя страны на градъ Москву и вѣтръ великъ зѣло, и сломило крестъ у церкви св. архангела Михаила на площади.

(П. С. Лѣт. V, 270).

63. Сказаніе о трусѣ.

(Твореніе Родіона Кожуха, дьяка митрополича).

Въ лѣто 6968 (1460) іюня 14. Нынѣ убо въ лѣта живота нашего прояви Богъ людемъ своимъ дивное и страшное чюдо, въ день памяти св. пророка Іелисея. Мы убо и донынѣ знаменія преже сего бывшаго въ писаніи св. книгъ прочитахомъ, а видѣніемъ таковаго страха во многопрешедшая лѣта никогда же узрѣхомъ, яко днесь очима нашима страшнаго сего труса бывшая видѣхомъ и ушеса наша исполнишася трепета сердець нашихъ, таковая отъ небесъ пришедша

грозная слышаша. Бысть бо веліе знаменіе во градѣ Москвѣ сицево. Преже взыде подъ небесы туча на облацѣхъ и вьсѣмъ зрѣти, яко обычнѣ шествоваше воздухи носимо, и тако поиде отъ юга совокупляяся облакы *по аеру воздуха* (sic!) парящаго, по пророческому словеси: »сбирая яко въ мѣхъ воды морскія и полагая во скровищахъ безднѣ«; и тако поиде ко вьстоку солнечному на облацѣхъ, и яко уже совокупивъ свое величество, исполнены водоточнаго естества, и тако распростанися надо многими мѣсты, и бысть видѣніетъ туча грозна и велика велми. И паки скоро шествіе свое возврати отъ востока къ западу, якоже скорость молоньи, и проліяше дождь великъ на градъ Москву, на многіе села и мѣста далече отъ града; возвѣяше въ ней вихоръ, вѣтръ силенъ вельми, и по граду много св. церквей и покровеніе ихъ снесе, а на стѣнахъ града кровы разлома, въ долу поверже силнымъ возвѣяніемъ вихра паряща по аеру, и безчисленое храминъ множество верхи ихъ сбиваше и на земли яко прахъ поверже, а иніи храмины до основанія земли разоришася; а по селомъ и по многимъ мѣстомъ града того многи храмы св. церквей разнесе, а живущихъ людей въ весѣхъ многи домы восхищая разметаше, твердо укрѣпленая человѣческая зданія, яко нивочтоже вмѣнивъ разшибаше; сице же и древесъ неизглаголанное множество на лици поля падошася по многимъ мѣстомъ окрестъ града, исторзаемы и преломляемы возвѣяніемъ нужнаго и скоромипувшаго оного вихра, яко же въ писаніи о семъ глаголетъ: »стрясе землю и сияте ю«. Къ сему же пришедшему на нь вихру, и молоніямъ тогда блистаніе веліе бяше и громъ тутняше; но не толикъ и страшенъ, яко вихръ онъ возвѣяше велми. Якоже рече Господь: »не сія ли вся собрашася у мене, и запечатлѣшася во скровищѣхъ моихъ?« И сія рече: »по-

острю мечь мой яко молнію и воздамъ месть врагомъ моимъ, во время соблазна ихъ; азъ, рече, убію и жити сотворю, и нѣсть иже изметъ отъ руку моею«. Того ради Богомъ посланнаго великаго страха, пришедшаго на ны, мнози во градѣхъ и въ селѣхъ людіе въ той часъ живота своего отчаяшася, и другъ отъ друга прощенія прошаху, и слезы проливающе со воздыханіемъ къ Богу и моленія приносяще ползовахуся, и тако многими скорбьми и сѣтованіемъ въ то время одержими бывше, мироносицъ гласъ воспріемши, ркуще: »Господи! утоли наше рыданіе слезное«; и тако плачющеся чающе уже конечнѣ своего живота лишитися. Мнози убо свидѣтельствоваху огнь въ тучи той видѣвши яко пламень распыхаяся отъ великія ярости вихра, но нигдѣ же чему коснуся божіимъ запрещеніемъ. Тако же и въ селѣхъ отъ древесъ преломляемыхъ, отъ храминъ разрушеныхъ, отъ верховъ ихъ разсыпаныхъ, ничѣмъ же не вреди никого же отъ всѣхъ человѣкъ народа, ниже скота ихъ; но вся Богъ соблюде цѣлы отъ смерти, ничѣмъ не врежены, развіе храмовъ разрушеныхъ и потребныхъ въ нихъ; а пахатное жито сѣмена на лици поля со землею сняте. И тако молитвами великихъ нашихъ святителей и чюдотворецъ, предстоящихъ престолу божію, Николы великаго, и Петра м-та, и Алексѣя снастольника его, и Леонтія еп. ростовскаго, и св. чудотворецъ препод. Сергія и Варлама и Кирила молитвами и предстояніемъ ихъ къ Богу, благовѣріемъ князей вел. Василья и Ивана сына его, также и архіепископа нашего Іоны м-та молитвою и всѣхъ православныхъ, вскорѣ сотвори Господь милость свою на боящихся его и пощадѣ насъ. Якоже нѣкогда пощадѣ о Ниневгіи градѣ велицѣмъ и обратися отъ злобъ своихъ, еже, рече, восхотѣ сотворити имъ и не сотвори: и нынѣ такоже въ малѣ часѣ переведе черезъ градъ великую тучю, и того нужнѣ волнуемаго на ны вихра укроти, и тишину воздуха всячески намъ дарова; по пророческому, яко же рече: »не до конца прогнѣвается, ни въ вѣки враждуетъ Господь, ни по безаконію нашему сотвори намъ, ни по грѣхомъ нашимъ воздасть; но утверди Господь милость свою на боящихся его.« Того ради сицевая страшная намъ знаменія являя, наказая ны, хотя ны отлучити отъ грѣхъ, да не до конца увяземъ въ сѣтѣхъ козней дьяволя ловленія; яко же рече Господь: »обратитеся ко мнѣ, сынове человѣчестія, и покажу на васъ милость свою и возвращу ярость свою отъ васъ; зане яко тысяща лѣтъ предъ очима его, яко день вчерашній, иже мимо идетъ; лѣта же наша яко паучина паучахся съ трудомъ и болѣзнію въ животѣ нашемъ.« И тако мало дній препроводивше въ будущая онамо преходимъ; иже здѣ богоугоднѣ поживше, то и онамо отъ Бога благая воспріимутъ, а творящеи злая въ муку послани будутъ. Того ради, братіа, видѣвше таковая намъ страшная знаменіа бываемая, да разумѣемъ яко Богомъ сицевая послана суть; мы же видѣвши сіа воспрянемъ яко отъ сна убудившеся отъ помраченій грѣховныхъ, и умягчимъ нивы сердецъ нашихъ, и притецемъ къ Богу, со умиленіемъ припадающе и со слезами вопіюще, милости просимъ, покаянія о грѣсѣхъ положивше спасеніе получимъ, сердечнѣи слезы проліявше грѣховъ очистимся, милостыню подавше спасеніе получимъ; и таковая убо сотворше, добрѣ благыхъ отъ Господа насладимся, небесная селенія воспріимемъ, во святыхъ кровѣхъ упокоимся, идѣже праведнии почиваютъ. Аще ли же таковаго на ны отъ Бога посланнаго великаго и страшнаго труса, еже вмалѣ отъ глубокихъ сокровищъ своихъ показа намъ отригновеніемъ оного духа, парящаго по воздуху, и толики отъ него страсти бывшаа презримъ; то како не прогнѣваемъ своего

Владыкы и зижителя всей твари? Якоже Приточникъ рече: »Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать« ; что же ли смиреніе? не обѣщаніе ли отъ злыхъ, еже творити молитва съ покаяніемъ и со умиленіемъ къ Богу? по апостолу, яко же рече: »да отъ злыхъ избѣгше съ правдою поживемъ, чающе блажена упованія; страшно бо есть впасти въ руцѣ Богу живу, не имущу кому благыхъ дѣлъ«. Того ради покаемся отъ злыхъ, и тако помолшеся умилостивимъ своего Владыку, да ны, прогнѣвавшая рабы, избавитъ отъ толика страшнаго труса, отъ глада же и губителства, и отъ нашествія иноплеменныхъ, и отъ междуусобныя брани, и отъ вслкія нужа, и отъ всякого зла; Богу нашему слава въ вѣки, аминь.

(*П. Собр. Лѣт. VI, 182—184; VIII, 148—149*).

Это твореніе московскаго дьяка Кожуха служитъ характеристическимъ образцомъ краснорѣчія XV в. Тогда простой, краткій и сильный языкъ считался низкимъ: витіеватость же, напыщенная украшенность и растянутость составляли отличительныя черты высокихъ твореній.

Б. ПРЕДАНІЯ И ЛЕГЕНДЫ.

64. Пророчество св. Варлаама о снѣгѣ и о мразѣ.

Егда бяше въ животѣ препод. Варлаамъ. и пріѣде св. Варлаамъ в вел. Новъградъ ко архиеп. Антонію благословитися. Архиепископъ же заповѣда препод. Варлаамоу паки с недѣлю помедливъ пріѣхать к себѣ нѣ о какихъ духовныхъ дѣлехъ побесѣдовати. Св. же Варлаамъ рече ко архиепископоу: »аще Господь повелитъ, господине св. владыко Антоніе, буду оу твоеи святыни благословитися на перьвой недѣлѣ петрова постоу в пятокъ на санехъ.« Святитель же, слышавъ от оустъ св. Варлаама, в сумнѣніи бысть, что хощетъ святый в пятокъ перьвыя недѣлѣ петрова посту пріѣхати на санѣхъ. Стыдяше же (ся) воиросити святаго о вещи. Бысть же по пророчествоу св. Варлаама в петровъ постъ на перьвои недѣлѣ к пятку на нощь паде снѣгъ великъ въ поясъ человѣка, или болши, и мразъ великъ. Того дни на оутріи пріѣде св. Варлаамъ в вел. Новъградъ ко архиеп. Антонію на санѣхъ. Архиепископъ же нача тужити о хлѣбѣ, яко рожъ въ цвѣтѣ прибило. Св. же Варлаамъ нача утѣшати святителя душеполезными словесы: »Не скоробѣ (ти), но наче благодарити Господа нашего Іис. Христа и пречис. его Матерь Богородицу и всѣхъ св. великихъ чюдотворцевъ, яко призрѣлъ Господь Богъ на насъ милость свою; аще, св. владыко Антоніе, не послалъ бы Господь Богъ снѣгу и мразу, погыбнути было людемъ от глада: хотяще Господь Богъ за умноженіе грѣхъ нашихъ попустити гладъ, и молитвъ ради преч. Богородица и всѣхъ св. великихъ чюдотворцевъ дарова Господь Богъ снѣгъ и мразъ, да в коренѣ ржаномъ во всякомъ обиліи черви изомроша, и единъ день пребуде снѣгъ на земли, и божиимъ промысломъ и повелѣніемъ будетъ теплота, и той снѣгъ за дождевую тучу одпоитъ землю и плоды всякия земныя.« Еже и бысть по пророчеству св. Варлаама. Святитель же архиеп. Антоній, сия слышавъ глаголы от св. Варлаама, велми оужасеся о предивномъ божии милосердии и о неизрѣченныхъ божихъ судбахъ, начатъ славити Бога. И посла святитель св. владыка Антоній на поле слугъ своихъ от предстоящихъ ту въ келии его, да исторгнуть класы ржаные и с корнемъ. Шедъше посланніи на ржаное поле, исторгнуша класы ржаные и с корнемъ, принесоша тоу въ келию предъ архиепископа Антонія. И видѣ Антоній в корени ржаномъ много множество червей и измерших от снѣга и от мраза, прославиша Бога о бывшей божіи милости. По пророчеству же св. Варлаама, на оутре, еже в суботу, и въ недѣлю, теплота велика бысть, и растая снѣгъ и оупои землю, и оувлажи яко же дождевноую тучю. Божиимъ промысломъ и повелѣніемъ, рожъ тогда цвѣла, а цвѣтоу не прибило мразомъ, молитвами пречистыя Богородица и великыхъ чюдотворцевъ, и молитвами св. Варлаама чюдотворца. Святитель

же видѣвъ збывшееся пророчество св. Варлаама, того же лѣта оугобзеніе велико бысть всѣмъ плодомъ земнымъ, молитвами пречистыя Богородица и всѣхъ святыхъ ради великыхъ чюдотворцевъ, и молитвами св. Варлаама чюдотворца.

(Пам. стар. рус. лит. I, 277—278).

65. Изъ бесѣды св. Андрея съ Епифаніемъ.

Вода, яже изъ облака исходитъ дождьми, съ небеси ли исходитъ ци (*или?*) отъинудь въ облакы входитъ?—Андрей рече: дугу мою поставлю, рече Богъ, на облацѣхъ. Да и дуга бо повелѣніемъ божіимъ собираетъ морскую воду, какъ въ мѣхи, и наливаетъ облачной воды; да егда повелитъ Богъ вдати дождь на землю, восходитъ шумъ изъ трубы дужной, а той духъ есть буренъ вельми и смущаяйся; да какъ духъ начнетъ раздирати облаки, уготовати путь водѣ и проливати ю въ ширину вданому тому облаку, да тѣмъ путемъ великимъ скрежетъ сотворится: сей скрежетъ человѣцы навыкли называть *громомъ*; понеже скрежетъ облакы, готовя путь, да быша пріяли воду, да егда пріидетъ духъ правый громный и отпуститъ облаки, тогда паки входитъ другій духъ воду кропя, скрежеща и гремя, наполняя облаки водой, яко же и губу. И посемъ отверзается другое сокровище одержащее ихъ и воду, и прежъ пойдетъ духъ сущій въ немь съ громомъ, пути творя водамъ, хотящимъ пріяти па облацѣхъ, да тако пущаетъ, отверзаетъ сокровище водокровно: служба бываетъ, громови громятъ; громъ бо приходитъ предъ водою, множицею же и безъ грома бываетъ дождь. Но не о себѣ сами ти облаци дожди даютъ, а владыка Богъ ангелъ къ нимъ приставилъ есть, да ихъ направляютъ и па всю тварь небесную. Епифаній рече: откуду исходитъ молнія?—Андрей рече: трубы облачныя собираютъ отъ моря и отъ рѣкъ воды и отъ озеръ, и напившеся восходятъ изливаютъ изъ себе воду ту, а входяще скорбныя бѣдныя пріелютъ ю въ сокровенныя бездны: да егда наполнятся отъ нея, тогда проливаются па землю и вся наполняютъ и отходятъ на страну свою и на мѣста своя и пребываютъ недвигующеся. Потомъ же рече: молнія есть утвержденіе, есть сокровище тмѣ и содержитъ въ себѣ воду ту, поядаетъ ее всю соль и всю скверну, аще есть нечиста или морская вода во облацѣхъ тѣхъ, и сходитъ ангелъ господень явѣ, древомъ чеснаго креста разслаждаетъ и очищаетъ воды ты, та же потомъ молнія приходитъ предъ громомъ, устроюще путь сущій во облацѣхъ на низу земли и прежь очищаеть и приготовляетъ. Да аще случится бездождіе, то облацы рѣдцы слагаетъ на направо, множицею же аще будетъ пообилу (*обильное)* исхожденіе ея, да свѣтящи ходитъ до земли свѣтящися облистающися, всему же ся прикоснетъ, а ужиганія бо силу имать въ себе силу большую земнаго огня, хладнѣй же небеснаго неугасимаго огня, якоже Богъ сію молнію сотворивъ на потребу громови; не мое есть сіе слово едино,—и пророковъ псаломъ 134 се же глаголетъ о ней: »молнію въ дождь сотвори Богъ,« — и паки другій пророкъ глаголетъ: »молнія, рече, направляя воды подремлею (*погреманіемъ*), разсѣкая капля по облакомъ.« — Дождь есть же молнинъ родъ отъ небеснаго огня, якоже солнце имѣетъ заря сіяніе есть сущему верху на тверди, на ны же огнь разумѣй таковъ существомъ, его же Илія пророкъ молитвою сведе на полѣна и на жертву волову и па іерея посрамленія на вся сили Езавелевы; и того огня сіяніе молнія есть, иже спаде съ небесъ молитвами пророка. Полизахляса и полѣна, воду и землю, его же силу видѣвши вси возопиша: *единъ Богъ Израилевъ, а иного нѣсть.* ... Епифаній рече: по правилу ли се нѣцы глаголютъ, яко Илія пророкъ на колесницѣ ѣздя гремитъ и молнію пущаетъ по облакомъ и гонитъ змія? — Святый рече: не буди, чадо, того сему тако быть. Велико бо безуміе се есть, еже и слухомъ примати слышати: человѣцы убо умомъ суще не полни первіе, и тако по своему безумію прелыщеніи и тако написаша се. Ино глаголаше, яко Христосъ врабія дѣлаша каломъ предъ Жидами, и дунувъ на ня пущаше, — и леташе; и паки глаголаху, яко снѣгъ мука есть бѣла; да якоже се лжа, тако и то есть лжа, — естествомъ написали, но всякому человѣку достоитъ отнюдъ не слышати ихъ всякому хрестіянину. Много бо лжуще лишеняцы написали: Илія бо па небеса не взыде; не буди того, ни на колесницы сѣдитъ и благодать имѣетъ на дожди, да ся помолитъ Бога, да въ годину бездождія милосердовавъ дастъ дождь жаждущимъ людемъ, а на небо не вшелъ есть никтоже, но единъ Сынъ божій, иже есть на небеси; а Илія живъ есть, но есть на земли во плоти своей, — никто же его не знаетъ. Живъ есть и Енохъ, посредѣ людей ходитъ и никтоже его не знаетъ и не вѣсто *(не вѣдомо)*; но едини суще достойни прилѣпляющіися Богу по праву. Живъ есть и Іоаннъ Богословъ и есть въ мірѣ семъ, якоже жемчюгъ посредѣ кала, и оставленъ есть на земли во плоти вмѣсто Іис. Христа.... Да тріе сіи живи суть до кончины вѣка сего, со антихристомъ борющеся и обличатъ и тако мученія вѣнцы пріимутъ отъ Христа Бога. А иже молнія ждетъ, сія не прю, (*объ этомъ не спорю)*: право бо то есть, но не св. Илія пущаетъ молнію, не буди того; но ангелъ господень приставленъ есть на се... И егда (дьяволъ въ образѣ змѣя) изыдетъ изъ гнѣзда своего, хотя вредити или погубити

человѣка, да видитъ его Богъ съ высоты своея, не хотя насильнику проклятому воли ему дати надъ родомъ симъ человѣческимъ, велитъ ангелу *абию*(?), гремѣти начнетъ на змію и посылаетъ молнину трубу и пождетъ его; діаволъ же ихъ есть змія защитити его хотя, взимаетъ его и бѣжитъ съ нимъ, боясь молніи. Бѣгая же дабы ся и человѣку прилѣнитися, да не того же ради избавится онъ; но вѣдая Богъ мысль, проси я того знаменія, далъ есть ангелу молнину, рекъ: либо другъ, либо врагъ, сирѣчь—либо аще инъ св. человѣку прибѣгнетъ, да зажжетъ и того съ нимъ; да я святому, гдѣ его постигнетъ, либо у древа, либо на полѣ, либо во храмѣ, либе въ корабли, или къ человѣку прибѣгнетъ,—ту его поразивъ сожжетъ, а тѣло зміево невидимаго змія, опого сатану пожигая молніею соузы нерѣшимыми свяжетъ до скончанія праваго возданія.

(Ркп. Казанс. Духовн. Акад. №№ 219 и 813, л. 544).

Также ркп. профессора Казанскаго Университета *Н. Н. Булича*, л. 40—42. Въ заглавіи этой ркп. вмѣсто Епифанія означено — *Евмія*. Ркп. эта XVIII в., но весьма вѣрна древнему тексту.

66. О солнцѣ, како сотворено повелѣніемъ божіимъ.

(Изъ книги Грапографы).

Величество солнца больше 30 поприщъ, видимо же мало есть, понеже отъ земли отстоитъ высоко. Одежда и вѣнецъ царскій на немъ, а ангеловъ господнихъ 15 тысящъ, по вся дни хождаху съ нимъ. И егда зайдетъ солнце на западъ, тогда ангелы господни совлекаютъ съ него одежду тою и вѣнецъ царскій на престоли господни; а у солнца останутся по три ангела и снабдѣваютъ солнце. И далъ Богъ 100 ангеловъ облачати солнце въ царскую одежду и вѣнецъ, и егда пойдетъ солнце отъ востока къ западу, тогда огненныя птицы, нарицаемыя *фениксы* и *ксалавъ*, летаютъ предъ солнцемъ и омакаютъ крылія свои въ водѣ океянстой, и кропятъ ими солнце, да не попалитъ лучами своими. Отъ огня солнечьнаго и тѣмъ птицамъ періе обгараетъ, и бываютъ голи, яко окроплени и паки купаются въ океанѣ, и обновляются. Того ради и *петель* пророкъ нарицается, имѣетъ подъ крылами своима перо бѣло инехъ птицъ. И егда солнце (зайдетъ?) на западъ, тогда у петеля посвербитъ перо, когда же двигнутъ ангели господни одежду и вѣнецъ отъ престола господня, тогда пробуждается петель, поднимаетъ гласъ свой и плещетъ крылама

своима: 1) проповѣдуетъ мирови воскресеніе и ангелъ правдѣ, 2) подай, светодавче Христе, и посли свѣтъ твой всему міру, 3) Христосъ животъ есть и вся совѣршаетъ, и такъ петель пѣснитъ до свѣта, творца своего величаетъ, праведнымъ радость возвѣщаетъ. Аминь.

(Пѣсни Рыбникова. IV, 184—185).

См. Очерки Буслаева I, 501—502.

67. Суевѣрія и примѣты.

При исчисленіи гадательныхъ и астрологическихъ книгъ, также суевѣрій народныхъ, русскіе грамотники могли руководиться статьями греческаго происхожденія. Въ Рязанской кормчей 1284 г. многія статьи направлены противъ волхвовъ и обавниковъ, чародѣевъ и узольниковъ, преслѣдуются срамныя пированія, какъ еллинская прелесть, скоморохи, вожденіе медвѣдей на глумленіе, каланды, которыя смѣшали съ Колядой, «иже въ получай (въ случай, въ судьбу) вѣруютъ и въ родословие, рекше въ Рожаница.» Въ Паисіевскомъ сборникѣ XIV в. въ правилѣ Греческаго собора *сказано: «Аще кто обрящетъ колесницы юнецъ (актеръ?), или сопѣльникъ, или плясецъ, или (и)подрумникъ, любя рекше игрища, или игрецъ, или корьчемникъ, или вербогонивецъ, или чародѣецъ, или обавникъ, или чарамъ учитель, или наузотворецъ, или звѣздочтецъ, или волховъ, или ускопецъ, или громникъ, или колядникъ чтецъ, или метаньеимецъ, или рогожечецъ, или въ стрячю вѣруя,—да останутъ ся того, или да отлучать ся отъ церкви.» На основаніи подобныхъ правилъ въ статью о Ложныхъ* книгахъ *постоянно заносили указанія на различныя чисто-русскія суевѣрія и так. обр. составился ихъ длинный перечень, который служитъ богатымъ матеріаломъ для изученія воззрѣній нашихъ предковъ на міръ и жизнь. Представляемъ полный списокъ суевѣрій:*

А се есть мудрованіе тѣхъ, ими же отводятъ отъ Бога и приводятъ къ бѣсомъ въ пагубу. Первая книга *Мартолой*, рекше *Остролог*; вторая книга *Остромнѣя*; третья *Земмемѣріе*; четвертая *Чаровникъ*,— въ нихъ же суть 12 главизнъ, стихи, двоюнадесятъ опрометныхъ лицъ звѣриныхъ и птичіихъ,—се же есть первое, тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ, и дятломъ, — и совою, — рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, и волкомъ, летаютъ зміемъ, и рыщутъ рысію и медвѣдемъ; 5) *Громникъ*, 6) *Молніянникъ*, 7) Мѣсяцъ окружится, 8)*Колядникъ*, 9) *Метаніе*, 10) *Мысленикъ*, 11) *Сносудецъ*, 12) *Волховникъ*, — волхвующе птицами и звѣрями, еже есть се:

храмъ *(храмина, домъ)* трещитъ, ухозвонъ, вороноград, куроклинкъ, окомигъ, огнь бучитъ песъ выетъ, мышеписнкъ, мышь порты *(бѣлье)* грызетъ, жаба воркочетъ (*квочетъ*), кошка въ окнѣ, мышца подрожатъ, сонъ страшенъ, слѣпца стрѣтитъ, изгоритъ нѣчто, огнь пищитъ, искра изъ огня прянетъ, кошка мявкаетъ, падетъ человѣкъ, свѣща угаснетъ, конь ржетъ, волъ на волъ (*восходитъ*), птточникъ различныхъ птицъ, пчела (*поетъ*), рыба (*вострепещетъ)*, трава шумитъ, древо о древо скрыпитъ, листъ шумитъ, сорока пощекочетъ, дятель, желна, волкъ воетъ, гость (*юресть*) пріидетъ, стѣнощелкъ, лопаточникъ (*полатничикъ*) и прочая волхованія различная (1).

Путникъ, книга, въ ней же есть написано о стрѣчахъ и коби всякыя еретическыя, о часѣхъ злыхъ и добрыхъ, еже есть Богомъ отречено, о днѣхъ лунныхъ (*лукавыхъ*), что въ первый день луны небесныя сотвори Богъ Адама, — еретикы написано. А не въ первый день луны створи Богъ Адама, — понеже солнце и луну и звѣзды небесныя сотвори Богъ въ четвертый день въ среду, Адама же сотвори Богъ въ шестый день въ пятокъ. Како хощеши, невѣгласе, во единъ день рожденіе Адамле съ луною исповѣдати, преже солнца и луны; (почто неразумне) вѣруеши еретическимъ лжамъ, а оставя божіе писаніе, иже ти (еретицы) всю тридесять дни на лжу списаша? Такоже и прочая коби о мученицѣхъ и о благовѣщеніи, еже суть книгы еретическыя, — Рафли и Алманаки, Звѣздочетецъ, о 12 звѣздъ, другій Звѣздочетецъ, ему же имя Шестодневецъ, въ нихъ же безумніи людіе вѣрующе, волхвуютъ, ищуще дній рожденія своего, сановъ полученія (*саномъ почтенія*), и урока житію, и бѣдныхъ напастей, и различныхъ смертей и казней (*счастія*) въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслѣхъ, (и въ службахъ, и временъ) ищутъ своимъ безуміемъ, оставя божію помощь, и призываютъ бѣсовъ на помощь, а не вѣдуще божіихъ судебъ, яко нѣсть се божіе повелѣніе, ни отъ св. апостолъ св. отцемъ предано, но Богомъ ненавистно и мерзко Богу бысть, второе идоловѣріе, отъ бѣсовъ еретикы насѣяно невѣжамъ, на пагубу душямъ, аки плевелъ посреди пшеница, раздизающе пламень вѣчныхъ мукъ, по Господню словеси, еже рече: «червь ихъ не умретъ, и огнь ихъ не угаснетъ.»

(*Лѣт. зан. Археогр. ком. 1861. вып. 1; изсл. 28—44, 52—3*).

См. 1. Экз. Болгар. 208—212; Обозр. Кормч. Розенкампфа, изд. 2. Спб. 1839 г., 186 — 190; Рус. раск. старобр. Щапова, 449—452.

Взглядъ на землю, какъ на живое существо въ Словѣ Серапіона. О дуалистич. созданіи міра: въ статьѣ «О Волхвахъ.» Также: Лѣтоп. рус. литер. 1859, II, 100: Рус. Бес. 1857. IV, 2, 101—103. Паденіе бѣсовъ съ неба въ разныя мѣста: Прав. Собес. 1859, февр. 250. Отписки и заговоры: Слово Моисея о ротахъ. Голодъ отъ волхвованья, откапыванье изъ земли утопленика и удавленика: «Слово Серапіона». Мысль о кончинѣ міра: Сл. Кирилла 1274, Сл. Серапіона.

---

(1) Весьма интересны объясненія и прибавки въ спискѣ XVIII в.: ...«И пса слушаютъ, и кошки мявкаютъ, или гусь кокочетъ, или утица крякнетъ, и петелъ стоя поетъ, и курица поетъ—худо будетъ; конь ржетъ, волъ реветъ, и мышь порты грызетъ, и хорь порты портитъ, и таракановъ много —богату быти,. и сверьщковъ — такожде, и мышь въ житнѣ высоко гнѣздо совіетъ—и снѣгъ великъ будетъ и погода будетъ; кости болятъ и подколѣнки свербятъ—путь будетъ; и длани свербятъ—пѣнязи имать; очи свербятъ—плакати будутъ; и встрѣча добрая и злая —и скотьская, и птичія, и звѣриная, и человѣческая; изба хруститъ, огнь бучитъ, и искра прянетъ и дымъ высоко въ избѣ ходитъ— къ погодію; и берегъ подымается и море дичится, и вѣтры сухіе или мокрые тянутъ, и облаки дождевыя и снѣжныя и вѣтренныя, и громъ гремитъ, и буря вѣетъ, и лѣсъ шумитъ, и древо о древо скрыпаетъ, и волки воютъ, и бѣлки скачутъ— моръ будетъ и война встанетъ, и вода пребудетъ, и плодовъ въ лѣтѣ въ коемъ не будетъ или умножится, и зори смотрятъ, небо *дреселуетъ*—ведро будетъ; и пчелы шумятъ—рой будетъ; и у яблони хвостики колотятъ, да яблоки будутъ велики.... Сіе творяще да будутъ прокляти» (*Опис. Рум. Муз. 551—552*). Словомъ—*дреселуетъ* въ Костромс. губер. означаютъ волненіе воздуха, которое бываетъ среди самаго жаркаго лѣтняго дня, и считаютъ это явленіе предвѣстіемъ надолго установившейся хорошей погоды. Въ одной церковной пѣснѣ сказано: «Чермнуетъ бо ся небо дреселуяся.» *(Замѣчаніе А. М. Груздева).*

3) ВИЗАНТІЙСКОЕ И СЛАВЯНСКОЕ ВЛІЯНІЕ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

68. Изъ Сборника Святослава 1073.

Мѣсяци по Римлянемъ, о различныихъ мѣсяцинхъ. *1*) марта 31 сладъко яждь и пий, *2*) априля 30 рѣпы не ѣжь, *3*) мaия 31 поросяте не яждь, *4)* иоуня 30 въ чясъ въторый пий воды мало, *5*) иоулия... *6*) авгоуста слѣза не яждь, *7*) сетемвра 30 млѣка не яждь, *8*) октявря 31 не яждь оцьтяна, *9*) октября 30 не мыйся часто, *10*) декябра 31 капоусты не яждь, *11*) пеноуара 31 въ часъ 2-й пий вина цѣла мало, *12*) февроуаря 28 сеукла не яжь.

(*Христ. Буслаева 265*)

Оцьтъ—уксусъ, *оцьтяна*—кислаго. *Цѣла*—цѣльнаго, безъ прибавки воды. *Сеуклъ*, сеутлъ, греч. *сеутлон*—свекла. Описаніе сборника Святослава 1073 г. помѣщено въ „Опис ркп. Рум. Муз." А. Х. Востокова. „О дняхъ и часахъ добрыхъ и злыхъ" см. Памятн. отречен. р. литер. *Тихонравова*. II, стр. 389—395 по. ркп. XV в.

Замѣчательно, что совѣты Изборника Святослава занесены въ Лѣчебникъ XVII в. почти буквально (*Ркп. Соловец. библ.* № *28, л. 53*).

69. О злыхъ женахъ:

а) Чьсо ради рече апостолъ, учити женѣ не велю.

Имь же учи единою зълѣ (*на зло*) Адама: прѣжде бо прѣслушания равночьстьна бѣ мужу жена небонъ ими же бесѣдова Богъ глаголы о създании мужьсцѣ, яко же бо и о томь рече: створимъ человѣка по образу и по подобию нашему, а не рече: да будеть человѣкъ; такоже и о тои не рече: да будеть жена, нъ (*но*) и сьде створимъ ему помоштьницю по нему. По грѣсѣ же:—къ мужу твоему обраштение твое и тъ (*той*) тобою обладаеть, створихъ тя, рече, равьночьстьну и не потребова добрѣ властию да прѣступи на повинование не сътрьпѣ свободы, то приими работу, не умѣ власти, то буди убо обладома и мужя позна и господина, и тъ да господьствуеть ти: къ мужу твоему обраштение твое, рекъше: подъбѣжище твое, пристаниште твое, безблазие твое,—да сего ради убо женѣ учити не велю рече ни власти мужьмь, небонъ учи единою и господьствова и въсе развратилъ, нъ быти въ млъчании глаголеть же и вину. Адамъ бо, рече, не прѣльштенъ бы, жена же прѣльщена въ прѣступѣ (*въ преступленіи*) бысть, сего ради и отъ учительскаагo съврьже прѣстола, иже бо учити не вѣсть, то да выкнеть ([1]), аште ли не хоштеть учитися, нъ учити, то и себе и учяштаяся припогуба (*погубитъ*) е́ еже убо и о женѣ тъгда бысть, да сего дѣля рече: жена въ млъчании да выкнеть въ вьсякомь повиновении; неповиновение бо ея и прѣзорьство (*презреніе, дерзость*) всемирную бо пагубу и погрязение наведе, рече бо мудрыи: отъ жены начало вьсему грѣху и тою умираемъ вси. Глаголеть же и притъчьникъ: многы извивъши съврьже и бе числа суть, яже измори, тѣмь же учить, рекый: не послушай зълы жены, медъ бо каплеть отъ устъ жены блудьны, иже въ мало врѣмя осладить твои грътанъ, послѣжде же горьчяе злъчи (*желчи*) обряштеши и обо-

([1]) Въ молчаніи пребываетъ, навыкаетъ.

стревѣе паче ножя обоюду остра и жена чьстьныихъ мужь улавляе душа и въкрилена есть и блудьна въ дому не мльчите нозѣ еѣ, время бо нѣколико вънѣ плавае, врѣмя же въ стьгнахъ въ вьсѣхъ ягльхъ лаеьть и путье адови—пути ея, съводяште въ кровишта съмрьти, и не вѣсть студа, сѣде бо въ двьрьхъ своего дому на одрѣ явѣ въ стьгнахъ призывающти мимоходы, и адъ и похоть женьска—и гроза и земля ненасыташтися воды, и огнь и вода,—не рече та: довьле, и такъ путь жены любодѣица, яже егда сътвори отъмывъшися, ничто же ся мьни сътворьши бесъчиньна; и уне жити въ землѣ пустѣ или съ женою язычьною и которивою, и акы чрвь въ дрѣвѣ, тако же мужя погубить жена злодѣиця,—и яко же капля изгонять человѣка, такоже и жена язычьна отъ хлѣвины его; и яко усерязь златъ въ ноздрьхъ свинии, тако же и женѣ злосъмысльнѣ краса,—и съборьникъ обрѣтая рече: горчяе паче съмрьти жену, яже есть ловъ и сѣть сръдечьная узы въ руку ея и благыи прѣдъ лицьмь е божиемь избудеть ея, съгрѣшаяи же увязнеть въ неи и человѣка единаго отъ тысяшть обрѣтохъ блага, жены же въ вьсѣхъ тѣхъ (*тьмахъ?*) не обрѣтохъ, тако же убо и Сирахъ учить глаголя: не дажь женѣ наступити на силу свою и уньши злоба мужьска и еже добро творящи жена и всяку язву, а не язву сръдечьную и всяку злобу, а не злобу женьску, выше главы зиины мьнять злобы выше злобы женьскы, и жити съ львъмъ и съ зміемь изволи и лі жити съ женою зълою; золоба бо женьска прѣмѣнить очи свои и посупить лице свое, акы медвѣдица и акы въсходъ пѣсьчьнъ подъ ногами старьцю, тако же жена мужу млъчаливу и волуи и ярьмъ зыбяся жена зла, дрьжаися по ну акы дрьжася по скаръпию; и не упадаися на доброту женьску и жены не въжделаи; и не дажь водѣ исхода, ни женѣ зълѣ дрьзновения на ся; аште ходить подъ руку твоею, отъ плоти своея отъсѣци я, и гнѣвъ великъ жена пьяна; и студа своего не прикрыеть, и акы жаждя путьникъ уста отъврьзе и отъ всякоя воды ближьнея испыеть и у всякого колу сядеть и противу стрѣлѣ отъврьзеть тулъ, и блудъ женьскъ въ възирании очьнѣмь и въ вѣждахъ ея познана будеть; и аште дъштери имаши, блюди тѣлесъ ихъ и не утиши лица своего къ нимъ о дъштери своеи утврьди хранение, да не обряште просторъ и вълѣзе въ прокуду, и сътворить тя смѣху врагомъ и потяжьбу въ градѣ и острамить тя въ множьствѣ народъ; и жена зъла чьсть зла мужу грѣшьну дастьсй, да въ лѣпоту бо глаголааше Богъ къ неи по прѣступѣ: множя умножу печали твоя, многы бо печали и стенания и болѣзни и туги, намъ бысть подательница; тѣмъ же рече въ печали родиши чадо и къ мужу твоему обраштение твое и тъ да обладаеть тобою. И сего дѣля законъ полагаеть апостолъ рекыи: жены своимъ мужемъ повинуитеся, акы господеви, яко глава есть женѣ мужь, яко Христосъ глава есть церкви, да яко же церкви повинуется Христу, тако же и жены мужемъ своимъ и сьжде и хошту вы да вѣсте яко вьсякому мужу бо нѣсть дльжьнъ покрывати главы, образъ и слава божия сы, жена же слава мужеви есть, не бо есть мужь отъ жены, нъ жена отъ мужя, не бо съзьданъ бы мужъ жены дѣля, нъ жена мужа дѣля, и жены ваша въ съборишти да млъчать, не бо есть повѣлено имъ глаголати, яко же и законъ глаголеть: аште ли что хотять навыкнути, въ дому своихъ мужъ да въпрашають: гнусно бо есть женѣ въ съборѣ бесѣдовати...

б) Тогожде отъ того еже о Иродиадѣ.

Никыи же убо звѣрь тъчьнъ (*подобенъ*) женѣ злѣ и язычьнѣ, чьто бо есть

льва лютѣе въ четвьрьножинаахъ, чьто ли буя е змья плѣжуштиихъ, нъ ничьто же тѣхъ развѣ зълы жены; а яко же львъ и змья хужде есть въ зълѣ съвѣдѣтельствуеть мудрыи глаголя: жити сь львъмь и съ змыемь изволи, неже съ женою злою, небонъ и льви Данила въ ямѣ усумнѣшася, Науѳѣя же Иезавель уби; китъ же въ утробѣ Иону съхранi, Далида же Самъпсона остригъши иноплеменникомъ прѣда; змия же и аспиды и и рогатьци Иоанна въ пустыни вътрепеташа, Иродьясъ же на обѣдѣ ѝ усѣкну; врани Илью въ пустыни прѣкръмиша, Иезавель же по благодѣти дъждевьнѣй на убои гоняше ѝ, и убоявъся бѣжя въ пустыню, путь четыридесяти дьнии и уставъ прошяше съмрьти, рекый: Господи Боже, довлѣеть нынѣ убо, изьми душю мою, яко не унии есмь отецъ моихъ. Ухъ мнѣ, пророкъ убояся жены, иже бо вьсего мира дъждь въ язьщѣ ношаше, иже огнь съ небесе словъмь съведе и молитвою мрьтвьца въскрѣсивъ, жены убояся! Ни едина бо злоба нѣсть тъчьна (*равна*) женѣ зълѣ, съвѣдѣтельствуеть ми и словьмь мудрый, рекыи: нѣсть главы выше главы змиивы, и нѣсть злобы выше зъли женьскы. О зълое же дияволе и острое оружие! Женою бо испрьва Адама въ породѣ потопи, женою Иосифа затвори въ тьмьници, женою Давыда на Урино убииство възбѣси, женою прѣмудрааго Соломона на прѣступление разврати, женою Сампсона ослѣпи, женою Илью прогъна и Прѣдтечю христова усѣкну, женою вся заколаеть, вся корить, вься убиваеть вься хулить, вься потязаеть (*ругаетъ*); жена бо безстудьна ничьсо же не сумниться, ни пророка стыдиться, ни святителя срамляеться, ни сѣдинъ чьтеть. О зло, зла зьлѣе жена зъла! Аште убо и убога есть, то зълью (*зломъ*) богата есть; аште ли и богатьство имать золобѣ ея помогаюште, сугубо зло: не сътрьпи животъ, нецѣлѣюштии недугъ, не

укротимыи звѣрь. Азъ бо видѣхъ и аспиды кротимы украштатися, и львы и тигры и рыси ласкаемы кротяштяся, жена же зъла и корима бѣсится и квочима вышиться. Аще и мужа има князя, нощь и день словесы ѝ поуштающі на убииство: острить акы Иродовая Ирода; аште ли имать убога мужя, на гнѣвы и на которы (*ссоры*) ѝ подвизае: аште и въдова есть, сама собою вся корить, вся потязаеть страхъмь бо божиемь не въсъхлаштаеть (*не обуздываетъ*) си языка, ни на будуштее судище възираеть, ни къ Богу възводи очью, ни любьнааго вѣсть закона хранити. Ни что же бо есть женѣ зълѣ прѣдати мужя своего на съмрьть, небонъ и праведнаго Иова своя жена на съмрьть предаяаша рекуштн: »рекъ нѣчто слово къ Господу, и умьри«. О, изволения зла! О разума не прѣподобьна! Не помилова видяшти своего мужя утробу отъ възгараюштиихъся прыштий, акы на угльхъ лежаштю и вся плъти его чрьвьми изѣдаему, не прѣклонися на милость, видяштi ѝ всего всяческы стенушта и тужяшта и чясто изъ боку гнои испуштаяшта, не умягчися на милосердье, видяшти нынѣ на гнои лежяшта нага и гниюшта, иже бо нѣкъгда въ цѣсарьствѣ и багърѣници, не помяну бывъшая прьвѣе къ нему любъве и обычая, и елико же его дѣльма велика бѣ и славьна, нъ рекъ что слово къ Господу умрьти. О благодѣти женьска, о утѣшение болезньмъ, и любъве супруга! То не довлѣяше ли ему малогодная болѣзнь, нъ вѣчьную ему подаяше хулы дѣля муку. Хоштеши ли и другую видѣти зълыя сея супружьню жену? Съмотри ми Далиды, како своего мужя остригъши и съвязавъши, иноплеменьникомъ прѣда свои удъ, своего мужя, его же грѣаше, его же ласкааше, его же облобызаше, его же паче себе любяшти лицемѣроваше, его же вьчера любляше, дьньсь прѣльштааше, его же вьчера грѣяше любяшти: то еда не

бѣ красьнъ, то кто его бѣ краснѣи, иже и седьмь плениць на главѣ ноштааше, седмеросвѣтильныя благодати образъ нося, или еда не бѣ добръ, то кто его бѣ добрѣи, иже и льва единъ на пути срѣтъ уби, и единою челюстью осьлею тысяшту иноплеменьникъ поби, нъ и тольми бѣаше святъ, якоже въжяждавшю ему дрѣвле въ оскудѣнии воды помолитися и отъ дрьжимыя въ руцѣ челюсти мрьтвѣ воду источити и отътуду почьрпаті. Тоже такого красьна и такого добля, такого свята, своя жена акы ратьника съвязавъши иноплеменьникомъ прѣда, его же ослѣпивъше имѣяху игрипте, ему же ни льви, ни иноплеменници противитися можяху,—сего своя жена погуби. Отъкуду же то възможе? Отъ мужьня благостыня: таину бо силы его ноштью льстью украдъши, акы нага закла. Сего дѣля запрештаеть ти пророкъ, рекыи: отъ съложя (*ложа*) своего съхранися повѣдати еи что. Кыи бо, повѣждь ми, звѣрь на своего мужя толико възглагола, кая змья тако своего съпруга погубити хоштеть, кая ли львица мужя на заклание прѣдеть!—Да, въистину нѣсть золоби, паче злоби женьскы, да иже убо зълу жену да вѣсть уже беззаконии своихъ приимлися мьзды. Рече бо мудрыи: жена лукава мужю грѣшьну дасться.

(*Изъ Сборника Святослава. Изв. Акад. Н. X, 220—226*).

Подобныя разсужденія о злыхъ женахъ служили издавна образцами для русскихъ грамотѣевъ; такъ апокрифическое слово Златоуста расплодило множество статей противъ злыхъ женъ. Даніилъ заточникъ въ своихъ злобныхъ выходкахъ противъ женщинъ пользовался какъ идеей, такъ и выраженіями греческихъ писателей и часто выписывалъ изъ статьи, подобной Сборнику Святослава, буквально. Слова о злыхъ женахъ во множествѣ появились въ «Пчелахъ» съ различными измѣненіями и варіяціями на одну и ту же тему. И потому мы жестоко бы ошиблись, если бы стали рисовать картину дѣйствительной жизни и характера древней русской женщины по книжнымъ аскетическимъ отвлеченнымъ разсужденіямъ, принесеннымъ изъ Греціи, хотя не отвергаемъ, что онѣ имѣли впослѣдствіи долю вліянія на положеніе женщины.

Сличи эти выписки съ разсужденіемъ Даніила заточника о злыхъ женахъ; также съ выдержками изъ книги «Пчела.» Москвит. 1856, № 8, стр. 410—14. Рус. Бес. 1856, кн. 2. «Пчела» издана въ 25 кн. Временника. О ней см. въ Изв. Акад. II, 222—34 статью ***М. И. Сухомлинова***. О женахъ злыхъ, тамъ же IV. 126 и дал. Архивъ ***Н. В. Калачова*** II, 2. 44. См. также посл. Іакова къ в. кн. Изяславу. Ист. Р. Ц. ***Макарія*** II, пр. 254.

70. О Югрѣ и дикихъ народахъ.

Се же хощю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ (1092), яже сказа ми Гюрятя (*Юрій*) Роговичь Новгородець, глаголя сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, люди яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшю отроку моему къ нимъ, и оттуду иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и сѣдять съ Самоядью на полунощныхъ (*въ сѣверныхъ*) странахъ. Югра же рекоша отроку моему: «дивьно мы находихомъ чюдо, его же нѣсмы слышали преже сихъ лѣтъ; се же третьее лѣто поча быти: суть горы зайдуче луку моря [1], имъ же высота ако до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть не разумѣти языку ихъ, но покажуть на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза; и аще кто дасть имъ ножь ли, ли сѣкиру, дають скорою противу. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмже не доходимъ ихъ всегда, есть же и подаль на полунощии». Мнѣ же рекшю къ Гурятѣ: си суть людье заклепеніи Александромъ Македоньскымъ царемъ. Якоже сказаеть о нихъ Меѳодій Патарінскый: и взиде на всточныя страны до моря, нарѝчемое *Солнче мѣсто*,

---

([1]) Отъ формы лука—изгибъ, излучина, заливъ морской.

и видѣ ту человѣкы нечистыя, отъ племене Афетова; ихъ же нечистоту видѣхъ: ядяху скверну всяку, комары и мухы, коткы, змiѣ, и мертвець не погребаху, но ядяху и женьскыя извороги (*изверженiя*) и скоты вся нечистыя. То видѣвъ Александръ убояся, еда како умножаться и осквернять землю, и загна ихъ на полунощныя страны въ горы высокiя; и Богу повелѣвшю, сступишася о нихъ горы полунощныя, токмо не сступишася о нихъ горы на 12 локотъ, и ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сунклитомъ, и аще хотять огнемъ взяти, не възмогуть ѝ жещи; вещь бо сунклитова сица есть: ни огнь можеть вжещи его, ни желѣзо его приметь (*возметъ*); въ послѣдняя же дни по сихъ изидуть 8 колѣнъ отъ пустыня Етривьскыя, изидуть и си скверніи языкы, яже суть въ горахъ полунощныхъ, по повелѣнію божiю.

(*П. С. Лѣт. I, 117*).

Лѣтописецъ дѣлаетъ объясненiе на основанiи византiйскихъ источниковъ. См. также разсказъ Павла посадника ладожскаго, набѣгъ Половцевъ 1096 г. и нашествiе Батыево.

71. Изъ слова Кирилла Туровскаго въ новую недѣлю по пасхѣ до 1174.

Велика учителя и мудра сказателя требуетъ церкви на укращенiе праздника. Мы же нищи есмы словомь и мутни умомъ, не имуще огня св. Духа, наслажденiе душеполезныхъ словесъ; обаче любве ради сущихъ со мною братiй, мало нѣчто скажемъ о поновленiи воскресенiа христова. Въ минувшую бо недѣлю св. пасхы удивленiе бѣ небеси и устрашенiе преисподнимь, обновленiе твари и избавленiе мiру, разрушенiе адово и попранiе смерти, воскресенiе мертвымъ и погубленiе прелестныа власти дiаволя, спасенiе же человѣческому роду христовымъ въскресенiемъ; обнищанiе ветхому закону и порабощенiе суботѣ, обогащенiе христовѣ церкви и въцаренiе недѣли. Въ минувшую недѣлю всему премѣненiе бысть; сътворибося небомъ земля, очищена Богомъ отъ бѣсовскыхъ скверпъ, и ангели съ женами рабо̀лѣпно въскресенiю служааху. Обновися тварь, *уже бо не нарекуются богомъ стихiа, ни солнце, ни огнь, ни источници, ни древеса; отселѣ бо не прiемлеть требы адъ закалаемыхъ отци младенець, ни смерть почьсти, преста бо идолослуженiе и погубися бѣсовское насилiе крестнымъ таинствомъ*, и не токмо спасеся человѣчь родъ, но и освятися христовою вѣрою. Ветхiй же законъ отвудь обнища, отвръженiемъ телчаа крови и козлихъ жъртвъ, единь бо Христосъ собою самъ къ Отцу за всѣхъ жъртву принесе; тѣмъ и праздникъ суботѣ преста, а недѣли (*воскресенью*) благодать дана бысть въскресенiа ради, и царствуеть уже въ днехъ недѣля, яко въ ту въскресе Христосъ изъ мертвыхъ. Вѣнчаимъ царицю днемъ, братiе, и дары честны съ вѣрою той принесемъ, дадимъ по силѣ, якоже мяжемь: овъ (*одинъ*) милостыню, безлобiе и любовь, другiи дѣвьство чисто и вѣру праву и смиренiе нелицемѣрно, инъ псаломское пѣнiе, апостольское ученiе и молитву съ въздыханiемъ предъ Богомъ... Днесь ветхаа конець прiаша, и се быша вся нова, видимаа же и невидимаа. Нынѣ небеса просвѣтишася, отъ темныхъ облакъ, яко вретища (*грубой одежды*) съвлекъшися и свѣтлымъ въздухомъ славу господню исповѣдають; не сiю, глаголю, видимаа небеса, нъ разумнаа; апостолы, иже днесь на Сiонѣ вшедша къ нимъ познавше Господа, и всю печаль забывше и скръбь iудейска страха отврьгше св. Духомь осѣнившеся, въскресенiе христово ясно проповѣдають. Ныня солнце красуяся къ высотѣ въсходить и радуяся землю огрѣ-

ваеть, взиде бо намъ отъ гроба праведное солнце—Христосъ и вся вѣрующая ему спасаеть. Ныня луна съ вышьняго съступивъши степени, болшему свѣтилу честь подаваеть; уже ветхый законъ, по писанію, съ суботами преста и пророкы христову закону съ недѣлею честь подають. Ныня зима грѣховная покаяніемь престала есть и ледъ невѣрія благоразуміемь растаяся. Днесь весна красуеться, оживляющи земное естьство; бурніи вѣтри, тихо повѣвающе, плоды гобьзують и земля сѣмена питающе зеленую траву ражаеть. Весна убо красная вѣра есть христова, яже крещеніемь поражаеть человѣчьское пакы естьство; бурніи же вѣтри грѣхотвореній помысли, иже покаяніемь претворшеся на добродѣтель душеполезныя плоды гобьзують: земля же естьства нашего, акы сѣмя Слово божіе пріимши, и страхомь его присно болящи, духъ спасенія ражаеть. Ныня новорожаеміи агньци и унци (*ягнята и телята*) быстро путь перуще, скачють, и скоро къ матеремъ възращающеся веселяться, да и пастыри свиряюще (*играя на свирели*), веселіемь Христа хвалять. Агнеца, глаголю, кроткыя отъ языкъ люди, а унца кумирослужителя невѣрныхъ странъ, иже христовомь въчеловѣченіемь и апостольскымъ ученіемъ и чюдесы, скоро по законъ емъшеся, къ св. церкви възвративъшеся, млеко ученія ссуть; да и учители христова стада о всѣхъ молящеся, Христа Бога славять, вся волкы и агньца въ едино стадо собравшаго. Ныня древа лѣторасли (*отпрыски*) испущають и цвѣты благоуханія процвитають, и се уже ограды сладъкую подавають воню (*запахъ пріятный*), и дѣлатели съ надежею тружающеся плододавеца Христа призывають. Бѣхомъ бо преже акы древа дубравная, не имуще плода, ныня же присадися христова вѣра въ нашемъ невѣрьи, и уже держащеся корене Іосѣева, яко цвѣты добродѣтели пущающе, райскаго пакыбытья о Христѣ ожидають; да и святители о церкви тружающеся отъ Христа мьзды (*награды*) ожидають. Ныня ратаи (*пахари*) слова, словесная уньца къ духовному ярму приводяще, и крестьное рало въ мысленыхъ браздахъ погружающе, и бразду покаянія почерпающе, сѣмя духовное въсыпающе, надежами будущихъ благъ веселяться. Днесь ветхая конець пріяша, и се быша вся нова, въскресенія ради. Ныня рѣкы апостольскыя наводняються, и язычныя рыбы плодъ пущають и рыбари, глубину божія въчеловѣченія испытавъше, полну церковьную мрежу ловитвы обрѣтають. рѣками бо, рече пророкъ, расядеться земля, узрять и разболяться нечестивіи людіе. Ныня мнишьскаго образа трудолюбивая бчела (*пчела*) свою мудрость показающи, вся удивляеть;—якоже бо они въ пустынахъ самокърміемь живуще, ангелы и человѣкы удивляють, и си на цвѣты излетающи, медвеныя сты створяеть, да человѣкомъ сладость и церкви потребная подасть. Ныня вся доброгласныя птица церковьныхъ ликовъ гнѣздящеся веселяться. Днесь новымъ людемъ въскресенія христова поновленія праздникъ, и вся новая Богови приносяться: отъ языкъ вѣра, отъ крестьянъ требы (*жертвы*), отъ іерей—св. жертвы, отъ міродержитель (*отъ властей*)—боголюбныя милостыня, отъ вельможь—церковьное пепеченіе, отъ праведникъ—смиреномудріе, отъ грѣшьникъ—истиньное покаяніе, отъ нечьстивыхъ—обращеніе къ Богу, отъ ненавидящіихъся—духовная любы.

(*Пам. XII в. 18—24*).

Сочиненія Кирилла Туровскаго важны для изученія чуждаго вліянія, до какой степени онъ подражалъ византійскимъ образцамъ, какъ творенія св. Отцовъ увлекали талантливыхъ проповѣдниковъ отъ оригинальности, потребностей времени, мѣста и т. п.

Поученія Кирилла Туровскаго поражаютъ обиліемъ переносныхъ иносказательныхъ объясненій, не рѣдко произвольныхъ и принужден-

ныхъ; въ нихъ много искуственности и изысканности, которыя, можетъ быть, происходили изъ подражанія византійскимъ образцамъ, а нѣкоторыя поученія даже на половину взяты изъ пролога, какъ доказалъ В. М. Ундольскій. Проповѣдникъ объясняетъ простыя вещи напыщенно, витіевато, прибѣгаетъ къ символамъ и уподобленіямъ, дополняетъ фантастическими подробностями сказанія евангельскія и вообще всѣ его сочиненія отличаются средневѣковою туманностью и неопредѣленностью теоретическихъ разсужденій. По этому современные слушатели и читатели не могли вывести для себя изъ поученій Кирилла никакихъ нравственныхъ практическихъ примѣненій и заключеній, хотя всѣ его сочиненія запечатлѣны яркими чертами литературнаго дарованія и теологической оригинальности.

Изъ сочиненій Кирилла Туровскаго извѣстны. 1, Десять воскресныхъ словъ отъ вербнаго воскресенья до троицы или пятидесятницы; 2, Слово на вознесеніе; 3, Слово о премудрости; 4, Сказаніе о черноризьстѣмъ чину; 5, Наказанье къ братьи; 6, Притча о тѣлѣ человѣчестѣ и о души (*Изв. Акад. II, 309*); 7, Два посланія къ Василію игумену Печерскому (*Пам. XII в. 117. Приб. къ Твор. св. Отц. X, 346*); 8, Молитвы на всю седмицу (*Изд. въ Правосл. Собес. 1857 г. I, 212. II, 273. Изв. Акад. V, 249—255. 306. Ист. Рус. Ц. III, 310 — 319*); 9, Канонъ молебный (*Изв. Акад. V, 255—257*); 10, Исповѣданіе (*Изв. Акад. V, 307*). См. изд. *Сухомлинова:* Ркп. гр. Уварова, т. II. Изв. Акад. X, 225; Ист. Рус. Ц. III, 99—149; Вѣст. Евр. 1822, ч. 121, № 1, 44. № 2, 130.

72. Слово Даніила заточника до 1199 г.

Вострубимъ, братіе, яко во златокованныя трубы, въ разумъ ума своего, и начнемъ бити во сребренные органы, и возвѣемъ мудрости своея. *Боже, Боже мой! вскую мя еси оставилъ? Возстани слава моя, возстани въ псалтыри и въ гуслехъ; возстану рано, исповѣмтися.* Да разверзу во притчахъ гаданіе мое; провѣщаю во языцѣхъ славу мою. Сердце бо смысленнаго укрѣпляется въ тѣлеси его мудростію. *Бысть языкъ мой яко трость книжника скорописца, и увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость*; сего ради покушахся написати всякъ союзъ сердца моего, и разбихъ злѣ, аки древняя младенца о камень. Но боюся, господине, похуленія твоего на мя; азъ бо есмь ако та смоковница проклятая, не имѣя плода покаянію: имѣю бо сердце, аки лице безъ очію, и бысть умъ мой, яко нощный вранъ на нарищи, и разсыпася животъ мой, аки ханаонски царь буестію, и покры мя нищета аки Чермное море Фараона. Се же бѣхъ написахъ, бѣжахъ отъ лица художьства моего, аки Агаря рабыня отъ Сарры госпожи своея. Но вѣдѣхъ, господине княже, твое добросердіе къ себѣ, и притекохъ ко обычной твоей любве, глаголетъ бо писаніе: *просящему у тебе дай, толкущему отверзи, да не лишенъ будеши царства небеснаго; писано бо есть: возверзи на Господа печаль свою, той тя пропитаетъ во вѣкы.* Азъ бо есмь, княже господине, яко трава блещанна, растуще за стѣнію, на нюже ни солнце сіяетъ, ни дождь идетъ: тако и азъ, княже господине, всѣми обидимъ есмь, зане огражень есмь страхомъ грозы твоея, яко оплотомъ твердымъ. Но не возри на мя, княже господине, яко волкъ на агня; но возри на мя, господине мой, аки мати на младенца. Возри, господине, на птицы небесныя, яко ти ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницу собираютъ, но уповаютъ на милость божію; тако и мы, княже господине, желаемъ твоея милости: зане, господине, *кому любовь, а мнѣ горе лютое; кому Бѣлоозеро, а мнѣ черные смолы: кому Лачь озеро, а мнѣ, на немъ сѣдя, плачь горки; кому ти есть Новгородъ, а мнѣ углы опали, зане не процвѣте часть моя* (1). Дру-

(1) Въ ред. XIII в. этому мѣсту соотвѣтствуетъ слѣд.: «Не остави мене, яко отецъ мой и мати моя остависта мя. А ты, господине, пріими милостію своею. Кому ти есть *Переславль*, а мнѣ *Гореславль*, зане часть не прорасте въ немъ.» (Рус. Бес. 1856, II, 109).

зи же мои и ближніи мои и тіи отвергошася мене: зане не поставихъ предъ ними трапезы многоразличныхъ брашенъ. Мнози бо дружатся со мною, а погнетающе руки въ солило, а при напасти аки врази обрѣтаются, и пакы помогающіе подразити (*подбить*) нози мои: очима бо плачють со мною, а сердцемъ смѣютися Тѣмже не иму другу вѣры, не надѣюся на брата. Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь: лѣпши бы ми смерть, а не курское княженіе. Такоже и мужеви: лѣпше бы ми смерть, нежели продолженъ животъ въ нищетѣ, яко же бо Соломонъ рече: ни богатства, ни убожества не дай ми, Господи; аще ли буду богатъ, гордость воспріиму; ащели буду убогъ, помышляю на татьбу и на разбои. Тѣмже вопію къ тебѣ, княже мой, господине мой, одержимъ есмь нищетою: *помилуй мя, сыне великаго царя Владимера* (¹). Да не восплачуся рыдая, яко Адамъ раю. Пусти тучю художьства моего на землю: зане, княже господине, богатъ мужъ везде знаемъ есть, и въ чюжой землѣ друзи имѣетъ, а убогъ и во своихъ невидимо ходитъ. Богатъ возглаголетъ, вси возмолчатъ и слово его вознесутъ до облакъ; а убогъ возглаголетъ, вси нань кликнутъ и уста ему заградятъ: ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна.

Княже мой, господине мой! избави мя отъ нищеты сея, яко серну отъ тенету, яко птицу отъ кляпцы (*клѣтки*), яко утя отъ ногтей носимаго ястреба, яко овцу отъ устъ львовыхъ. Азъ бо есмь, княже господине, яко древо при пути: мнози посѣкаютъ его и на огнь вмещутъ; такоже и азъ всѣми обидимъ есмь, зане не огражен есмь страхомъ грозы твоея. Якоже бо олово гинетъ, часто разваряемо; тако и человѣкъ пріемлетъ многія бѣды. Никто же можетъ соли зобати, ни въ печали смыслити; всякъ бо человѣкъ хитритъ и мудритъ о чюжей бѣдѣ, а о своей не можетъ смыслити. Злато искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми; пшеница бо, много мучима, чистъ хлѣбъ подаетъ, а въ печали обрѣтаетъ человѣкъ умъ совершенъ. Молеве ризы изъѣдаютъ, а чаловѣка—печаль; печалну мужу засушутъ кости. Аще кто человѣка въ печали призритъ, какъ студеною водою напоитъ во знойный день. Птица бо радуется веснѣ, а младенецъ матери, тако и и азъ, княже господине, радуюся твоей милости; весна убо украшаетъ цвѣты землю, а ты, княже господине, оживляеши вся человѣкы своею милостью, сироты и вдовицы, отъ вельможь погружаеми. Княже господине! яви ми зракъ лица твоего, яко гласъ твой сладокъ, и образъ твой государевъ красенъ, и лице твое свѣтло и благолѣпно, и разумъ твой государевъ, якоже прекрасный рай, плодовитъ. Азъ же худый добрѣ дивлюся. Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни сухъ хлѣбъ ядуща, или піеши сладкое питіе; а мене помяни теплу воду пьюща, и праха нападша отъ мѣста завѣтрена. Егда лежеши на мягкихъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, а мене помяни подъ единымъ платомъ лежаща, и зимою умирающа, и каплями дождевыми яко стрѣлами сердце пронизающе. Да не буди, княже, рука твоя согбена на подаяніе убогимъ; ни чашею бо моря расчерпати, ни нашимъ иманіемъ твоего дому истощити. Якоже бо неводъ не удержитъ воды, но точію едины рыбы: тако и ты, княже господине, не воздержи злата и сребра, но роздай людемъ. Паволока, испещрена многими шелки, красно лице являетъ: тако и князь многими людьми честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ; якоже рече Соломонъ: *Слава царю во*

(¹) Въ ред. XIII в. »помяни мя, сыне великаго царя Всеволода« Въ другомъ мѣстѣ: »возглаголемъ къ господину своему всемилостивому князю Ярославу Всеволодовичу,« какъ и въ заглавіи: »Даниила заточника моленіе къ своему князю Ярославу Всеволодовичу.« (Рус. Бес. 1856, II, 101, 102, 110).

многыхъ языцехъ: тако и тебѣ, княже, слава и побѣда велика во многѣхъ людѣхъ. Якоже бо похвалися Езекѣй царь посломъ царя Вавилоньскаго, и показаша имъ множество злата и сребра; они же рѣша ему: нашъ царь богатѣе тебя, не множествомъ злата, но множествомъ вои; занеже мужи злато добудуть, а златомъ людей не добыти (1). Якоже рече Святославъ князь Игоревъ, идый на царя съ малою дружиною и рече имъ: братіе! намъ ли отъ града погибнути, или граду отъ насъ плѣнену быти? Якоже Богъ повелитъ, тако и будетъ: »Поженетъ бо единъ сто, а отъ ста двигнется тысяща; надѣяйся на Господа, яко гора Сіонъ не подвижется во вѣкы.« Диво ли за буяномъ кони паствити, а за добрымъ княземъ—воевати. Многажды бо безнарядіемъ полцы погибають. Видѣхъ великъ звѣрь, а главы не имѣеть: тако и добрыя полки безъ добраго князя погибають. Гусли бо строятся персты, а тѣло основается жилами, а дубъ крѣпится множествомъ коренія: тако и градъ нашъ крѣпится твоею державою (2): зане князь щедръ

---

(1) Въ ред. XIII в. прибавлено: »Вода мать рыбамъ, а ты, княже, людемъ своимъ. Весна украшаетъ землю цвѣты, а ты, княже, насъ украшаеши милостію своею. Се былъ есмь въ велицѣй нужи, подъ работнымъ яремомъ пострадалъ. Все тое искусихъ, яко зло есть. Луче бы ми видѣти нога своя въ лычницы въ дому твоемъ, нежели въ червленѣ сапозѣ въ боярстемъ дворѣ. Луче бы ми тебѣ въ рубѣ служити, нежели въ багряницѣ въ боярстемъ дворѣ. Нелѣпо бо усерязь златъ въ ноздри свиніи, ни на холопехъ добрый портъ. Аще бы котлу золоты кольца во ушію; но дну его не избыти черности, и жженія его; тако же и холопу. Аще паче мѣры гордѣлъ и буялъ, то укора ему своего не избыти—холопія имени. Луче бы ми вода пити въ дому твоемъ, нежели пити медъ въ боярстемъ дворѣ. Луче бы ми воробей испеченъ пріимати отъ руки твоея, нежели плечи бараня отъ руки злыхъ государь. Многажды бо ми ся обрѣтаетъ работный хлѣбъ аки пелынь во устахъ моихъ. И питіе съ плачемъ растворяхъ (Рус. Бес. 106—107).

(2) Въ ред. XIII в. »Княже мой господине! Орелъ царь надъ птицами, а осетръ надъ рыбами, а левъ надъ звѣрми, *а ты, княже, надъ Переяславцы*. Левъ рыкнетъ, кто не устрашится,—а ты, княже, речеши, кто не убоится? Яко жъ бо змій страшенъ свистаніемъ своимъ, тако и ты, княже нашъ, грозенъ множествомъ сильныхъ вой. Злато—красота женамъ, а ты княже, людемъ своимъ.« (Рус. Бес. 114).

отецъ есть всѣмъ: слуги бо мнози отца и матери лишаются и къ нему прибѣгають. Добру бо господину служа, дослужится свободы; а злу господину служа, дослужится болшія работы. Зане князь щедръ, аки рѣка безъ береговъ текуще сквозь дубравы, напояюще не токмо человѣцы, но и скоти и вся звѣри; а князь скупъ, аки рѣка, великъ брегъ имущь каменны: не лзя пити, ни коня напоити. А бояринъ щедръ, аки кладезь сладокъ; а скупъ бояринъ, аки кладезь соленъ. Не имѣй себѣ двора близь княжа двора; не держи села близъ княжа села; тіунъ бо его, яко огнь трепетицею накладенъ, а радовичи его яко искры; аще отъ огня устережешися, но отъ искры не можешь устрещися жженія портъ.

Княже, господине мой! не лиши хлѣба нища мудра, ни вознеси до облакъ богата безумна, несмысленна: нищь бо мудръ, яко злато въ калнѣ сосудѣ, а богатъ красенъ несмысленъ, то аки поволочитое сголовье, соломы наткано. Господине мой! не зри внѣшняя моя, но зри внутреная: азъ бо одѣяніемъ есмь скуденъ, но разумомъ обиленъ; юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ; быхъ мыслію яко орелъ паряй по воздуху. Но постави сосуды скудельничьи подъ потокъ капля языка моего, да накаплютъ ти сладчайши меду словеса устъ моихъ (1); якоже рече Давидъ: »сладка словеса твоя паче меда устомъ моимъ;« Соломонъ рече: »словеса добра напояютъ душу, покрываетъ же печаль сердце безумному.« Мужа бо мудра посылай, мало ему кажи; а безумна по-

---

(1) Въ ред. XIII в. »Княже мой господине! Азъ бо аще не во Аѳинехъ растохъ, ни у философъ учихся, но быхъ падая аки пчела по книгамъ, по различнымъ цвѣтамъ. Оттуду избираю сладость словесную. Совокупляя мудрость яко въ мѣхъ воду морскую.« (Рус. Бес., 109).

, самъ не лѣнися по немъ итти.
ю мудрыхъ желаютъ благыхъ, а бе-
о дому пировнаго. Лѣпши слыша-
ѣніе умныхъ, нежели безумныхъ
ніе. Дай премудру вину, прему-
будетъ. Не сѣй бо на браздахъ
ни мудрости на сердце безумныхъ:
ыхъ бо ни орютъ, ни сѣютъ, ни
тницы собираютъ, но сами ся ро-
. Какъ во утѣлъ мѣхъ воду лити,
безумна учити; псомъ и свиніямъ
обно злато, ни сребро, ни безумному
словеса; ни мертвеца разсмѣшити,
езумна наказати. Дѣти бѣгаютъ
(1), а Господь—пьянаго человѣка.
пожретъ синица орла, коли каме-
сплыветъ по водѣ, коли свинія по-
на бѣлку лаяти,—тогда безумный
аучится. Или ми речеши: отъ бе-
ми еси молвилъ: то не видалъ
неба полстяна, ни звѣздъ лутовя-
ни безумна мудрость глаголюща.
и речеши: солга ми еси аки песъ,—
о бо пса князи и бояре любятъ.
и речеши: солгалъ ми еси аки
аще быхъ умѣлъ украсти, толико
скорбѣхъ. Погубляетъ мужъ му-
о свое татьбою.... Княже мой го-
не! не море топитъ корабли, но вѣ-
не огнь творитъ разжженіе желѣ-
надыманіе мѣшное: такоже и князь
мъ впадаетъ во многія въ вещи
но думцы вводятъ. Съ добрымъ
щею князь высока стола додумает-
съ лихимъ думцею думаетъ, и ма-
тола лишенъ будетъ.
голетъ бо въ мірскихъ притчахъ:
тъ въ скотѣхъ коза, а не звѣрь
рѣхъ ежь, не рыба въ рыбахъ
не птица во птицахъ нотопырь, а
жъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена
владѣетъ; не работа въ работахъ—подъ жонками возъ возити. Дивѣ дива, кто поимаетъ жену злообразну, прибытка ради. Нѣкогда же видѣхъ жену злообразну приничюще къ зерцалу и мажущися румянцемъ, и рѣхъ ей: не зри въ зерцало, видѣвше лѣпость лица своего, зане большую печаль пріимеши собѣ. Или речеши: женися у богатаго тестя, чти дѣля, а ту пей, и яжь, и веселися въ великой радости и любви; то лѣпше волъ ввести въ домъ свой, нежели злая жена поняти: волъ бо не молвитъ, ни зла мыслитъ; а злая жена біема бѣсится, а кротима высится, въ богачествѣ гордится, а во убожествѣ иныхъ осуждаетъ (1). Что есть жена злая? гостница неусыпаемая, купница бѣсовская. Что есть жена зла? мірскы мятежь, ослѣпленіе уму, начальница всякой злобѣ, во церкви бѣсовская мытница, поборница грѣху, засада спасенію. Аще который мужъ имѣетъ смотрѣти на красоту жены своея и на ея ласковая словеса, а дѣлъ ея не испытаетъ: то дай Богъ ему трясцею (*лихорадкой*) болѣти. Но по сему разсмотрите злу жену, иже речетъ мужу своему: господине мой, свѣте очію моею! азъ на тя не могу зрѣти; егда глаголеши ми, тогда взираю на тя и обоумираю, и воздрожатъ мя уды тѣла моего. Послушайте жены слова апостола Павла, глаголюща: крестъ есть глава церкви, а мужъ женѣ своей. Жены же у цер-

---

Родъ—мифическое существо, которое про-
агается истинному Богу. (Хр. Бусл. 641).
17 этой Христом.

(1) Въ ред. XIII в. за этимъ слѣдуетъ: «Или речеши, княже, пострижися въ черицы. Не видалъ есми мертвеца на свиніяхъ ѣздячи, ни черта на бабѣ, ни ѣдалъ есмь отъ ивія смокви. Луче ми есть тако скончати животъ свой, нежели восприимши ангельскій образъ, Богу солгати. Лжи бо, рече, мирови, а не Богу: Богу нельзя лгать, ни великимъ играти. Мнози бо отшедше мира сего, паки возвращаются, аки пси на своя блевотины, на мирское гоненіе. Обиходять села и домы славныхъ мира сего, яко пси ласкосердіи; идѣ жь брацы и пирове,— ту черицы и черницы, и беззаконеніи, отеческій имѣя на собѣ санъ, а обычаемъ золъ.» (Рус. Бус. 118—119).

кви стоятъ молящеся Богу и святѣй Богородицы; а чему ся хотите учити, и вы учитеся въ домѣхъ, у мужей своихъ, а вы мужи по закону держите жены своя, поне борзо обрѣсти добрыхъ женъ. Жена добра вѣнецъ мужу своему и безпечаліе; а зла жена—люта печаль, изотщаніе дому. Червь бо древо тлитъ, а зла жена домъ мужа своего теряетъ. Лутчи есть во утлѣ лодьѣ по водѣ ѣздити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: утлая лодья порты помочитъ, а злая жена всю жизнь мужа своего погубляетъ. Лѣпши есть камень долотити, нежели зла жена учити, или желѣзо варити:—желѣзо уваришь, а злы жены не научишь; злая бо жена ни ученія слушаетъ, ни Бога ся боитъ, ни людей стыдится, но вся укоряетъ и вся осужаетъ. Что лва злѣе въ четвероногыхъ? и что змія лютѣйши въ ползущихъ по земли? всего того злая жена злѣе. Нѣсть на земли болши женскія злобы: женою бо сперва прадѣдъ нашъ Адамъ изгнанъ бысть изъ рая; жены ради Іосифъ прекрасный въ темницѣ затворенъ бысть; жены ради пророка Даниила въ ровъ вверже, и львы ему нози лизаху. О злое орудіе, остро діяволе! Нѣкоемуже умре жена зла, онъ же, по смерти ея, начатъ дѣти продавати, людіе же рѣша ему: чему продаешь дѣти? онъ же рече имъ: аще ли будутъ родилися въ матерь, и они возрастьше, меня продадутъ (1).

Еще возвратимся на передній словеса. Азъ бо, княже господине, ни за море ходилъ, ни отъ философъ научился, но быхъ яко падая пчела по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя яко медвеный сотъ; тако и азъ по многымъ книгамъ собирая сладость словесную и разумъ, совокупихъ яко мѣхъ воды морскія, а не отъ своего разума, но отъ божія промысла. Сіи суть словеса, да не уже много глаголю.

Здѣсь въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено: «Сіи словеса азъ Даніилъ писахъ въ заточеніи на Бѣлѣозерѣ, и запечатавъ въ воску, и пустихъ въ езеро, и вземъ рыба пожре, и ята бысть рыба рыбаремъ, и принесена бысть ко князю, и нача ся пороти, и узрѣ князь сіе написаніе, и повелѣ Даніила свободити отъ горкаго заточенія.» Очевидно, эта вставка позднягo времени.

Уже бо престану глаголати, да не буду яко мѣхъ утелъ, роняя богатество убогимъ; да не уподоблюся жерновамъ, яко тѣ многія люди насыщають, а сами себе не могутъ насытитися; да не возненавидѣнъ буду міру со многою бесѣдою, яко же бо птица учащаетъ пѣсни своя, скоро возненавидима бываетъ. Глаголеть бо въ мірскихъ притчахъ: рѣчь продолжена не добро, продолжена паволока. Господи, дай же князю вашему силу Самсонову, храбрость Александрову, Іосифовъ разумъ, мудрость Соломоню, кротость Давидову, и умножи, Господи, вся человѣки подъ руку его! Лютѣ бѣснующемуся дати ножь, а лукавому власть. Паче всего ненавижь сторонника перетерпьлива, Аминь.

(Пам. XII в. стр. 229—240).

См. Рус. Бес. 1856, кн. 2, 90. Сказ. Рус. Нар. *Сахарова*, I, IV. 59—60. Изв. Акад. Н. X, 111, 263—272. Отеч. Запис. 1842 г. т. XXII. Смѣсь. 57—59.

Выписки изъ Слова въ сравненіи съ подобными мѣстами другихъ древнихъ памятниковъ, равно какъ и замѣчанія объ-этомъ произведеніи, см. въ Москвит. 1856 г. №№ 7 и 8. *П. Безсонова*. *Г. Сахаровъ* первый открылъ сходство Слова съ Пчелою. (Москвит. 1843 г. № 9, стр. 149—155). Затѣмъ *М. И. Сухомлиновъ* представилъ способъ составленій древнихъ произведеній вообще, словъ, Пчелъ и другихъ памятниковъ старины. (Извѣст. Акад. Н. 1853 г. стр. 222—234. 1854—55 г. стр. 169—220). См. извлеченія изъ книги «Златоустъ» *Забѣлина*. Архивъ историко-юрид. Калачова II. 2.

Слово Даніила составлено почти все изъ различныхъ изреченій свящ. писанія, лѣтописи, изъ пословицъ и другихъ источниковъ, какъ самъ писатель говоритъ, что онъ отсюду выбиралъ изъ книгъ, какъ пчела соки изъ цвѣтовъ. Въ Словѣ весьма мало историческаго элемента, скорѣе можно отыскать въ немъ

(1) Въ ред. XIII в. нападокъ на *злыхъ женъ* менѣе.

лічныя черты и выраженіе вкуса грамотника XII в. Составъ Слова похожъ на многія древнія произведенія книжниковъ, которые заимствовали изъ книгъ все, что имъ нравилось, и соединяли въ одно цѣлое. Поэтому Слово заточника имѣетъ сходство съ древними поученіями—«О злыхъ женахъ,» поученіемъ Кирилла философа, съ статьями Пчелъ и т. под. Слово имѣло много читателей особенно потому, что оно отличается своими ѣдкими выходками противъ нѣкоторыхъ общественныхъ злоупотребленій, жертвою которыхъ былъ самъ писатель. Неизвѣстно, кто такой былъ Даніилъ и за что былъ сосланъ на Лаче озеро (*Олонец.* губ.), *но имя и мѣсто ссылки занесено въ лѣтопись подъ 1378 г. Неизвѣстно также, кто былъ виновникомъ несчастія этого мудреца древности. «Если жалка была самая дѣйствительность, говоритъ проф. Буслаевъ о старинной жизни, то утѣшимся по крайней мѣрѣ тѣмъ, что лучшіе люди той эпохи, хотя смутно, но все же сознавали тягостный гнетъ ея. Надобно однако замѣтить, что по недостатку ли яснаго уразумѣнія своихъ общественныхъ отношеній, или вслѣдствіе твердой вѣры въ лучшую будущность, не доходили они въ своемъ уныніи до отчаянія; и какъ горькому заточнику, и на берегахъ дикаго озера, утѣшительно мерцалъ отъ далекаго Переяславля свѣтъ примиренія, милости и правды, такъ и читатели его красноречиваго плача были вполнѣ увѣрены, что рано или поздно недоразумѣнія прекратятся, правда восторжествуетъ, и заточникъ будетъ помилованъ и примиренъ съ жизнію, хотя бы и помощію какого нибудь чуда. Потому—то писцы, для собственнаго своего утѣшенія, внесли въ позднѣйшую редакцію Слова замысловатую повѣсть о томъ, какъ заточникъ запечаталъ свое моленіе въ воскъ и бросилъ въ озеро»... (Древне-рус. литер. и искус. Рус. В. 1857 г. кн. 16).*

73. Хоженіе пресв. Богородица по мукамъ XII в.

1. Хотѣ св. Богородица помолитися къ Господу Богу нашему на горѣ Еліоньстѣй, *во имя Отца и Сына и св. Духа,* да снидеть архангелъ Михаилъ и 400 ангелъ съ нимъ: 100 отъ востока, 100

(1) Заглавіе этой визант. поэмы слѣд.: «Слово пресв. Богородицы велми душеполезно — *О покои всего мира.* Господи, благослови отче.»

отъ запада, 100 отъ полудня (*съ юга*), 100 отъ полунощь (*съ сѣвера*)... 2. Богородица хотящи дабы видѣла, како ся душа мучать (*въ аду*); и рече Михаилу архистратигу: »Исповѣждь ми, яже суть на земли всяческая?« И рече къ ней Михаилъ: якоже речеши, благодатная, азъ всяческая тебѣ исповѣмъ. И рече къ нему св. Богородица: »Колико есть мукъ, идѣ же мучится родъ христіанскій?« И рече къ ней архистратигъ: неизрекомыи суть муки. Рече же къ нему благодатная: »Исповѣжь ми на небеси и на земли.« 3. Тогда повелѣ архистратигъ явитися ангеломъ отъ полудне, и отверзеся адъ. И видѣ въ адѣ мучащаяся и баше ту множество мужь и женъ, и вопль многъ баше. И вопроси благодатная архистратига: »Кто си суть?« И рече архистратигъ: сіи суть, иже не вѣроваша въ Отца и Сына и св. Духа, нъ забыша Бога, и вѣроваша, юже ны бѣ тварь Богъ на работу створилъ, то они все богы прозваша—солнце и мѣсяць, землю и воду, звѣри и гады, *тосѣтьнѣе и человѣчьска мена та утрия* (?). Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша, бѣсомъ злымъ вѣроваша, до и доселѣ мракъмь злымъ одьржими суть, того ради сде тако мучаться... 5. И рече къ неи архистратигъ: кудѣ хощеши, благодатьная, да изидемъ—на полудние или на полунощь? И рече благодатьная: »да изидемъ на полудние.« И тъгда обратишася хѣровими и серафими и 400 ангелъ изведоша Богородицю на полудне... 6. И увидѣ св. Богородица мужа висяща за нозѣ, и чьрвье ядяху его, — и въпроси ангела: »кто сь есть что ли грѣхъ створилъ есть?« И рече къ неи архистратигъ: сь есть иже приклады (*проценты*) имаше на злато свое и на сребро, да за то на вѣкы мучиться. И видѣ жену висящю по зубы, и различьныя змія исхождаху из устъ ея и ядяху тѣло ея,—и видѣвъши Пресвятая въпро-

си ангела: »что есть жена си, что ли грѣхъ ея?» И отвѣща архистратигъ и рече: та есть, госпоже, еже хожаше по ближьняя своя и по сусѣдомъ послушающи что глаголють, и слагающи словеса неприязнина, съважающи на сваръ (¹), да того ради сице мучиться. И рече св. Богородиця: »добръ бы было человѣку тому, да ся бы не рожалъ (²)...« 9. И увидѣ Святая древо желѣзно, имѣющь отрасли и вѣтвие желѣзно, и вършие вѣтвия того имѣяше уды (*крючья*) желѣзны, и бяше ту висящихъ множьство мужь и женъ за языкы. И видѣвши Святая просльзися, и въпроси Михаила: »кто си суть, что ли съгрѣшение ихъ?« И рече архистратигъ: се суть клеветьници, съвадьници и еже разлучиша брата отъ брата и мужѣ отъ женъ своихъ. И рече Михаилъ: послушаи, Пресвятая, да ти азъ окажю о сихъ,—аще кто хотяше креститися, или покаятися грѣхъ своихъ; то ти разглаголаху и не поучаху спасению, да того ради тако ся мучать сьдѣ на вѣкы... 14. И видѣ Пресвятая жены висяща за вся ногти, и пламени исхожаше изъ устъ ихъ и опаляше вся, и змія исхожаше изъ пламени того, и прилѣпляху къ нимъ и вопіяху, глаголаше: помилуйте насъ, яко мы едины мучимся паче всѣхъ мукъ. И рече Святая прослезившися: »Что есть согрѣшеніе тѣхъ?« И рече архистратигъ: то суть попадьи; иже поповъ своихъ не почьтоша, и по смерти ихъ идоша за мужь, да того ради мучаться. И рече пресв. Богородиця: »помилуи, владыко, грѣшьныя, яко ти еуангеліе твое прияша, и законъ твои съхраниша;« тъгда рече къ ней Господь: послушаи, Пресвятая, аще кто тѣхъ сътвори зло не покаяся, ні отъ работы да добрѣ глаголеши, якоже закону твоему поучишася, и пакы сътвориша зло, егда не отдаша злаго; азъ что да реку, яко есть речено: »дасть тѣмь противу злобѣ ихъ.« Тъгда и вси святіи слышавъше владыку, не смѣша что отвѣщати.

(¹) Сплетничая, чтобы раздоръ произвести между ближними.

(²) Лучше бы тому человѣку не родиться.

(*Изв. Акад. Н. X, стр. 551—573*).

Тамъ это слово напечатано съ греческимъ подлинникомъ. Хожденіе Богородицы по мукамъ доселѣ ходитъ въ простонародьи въ безчисленныхъ видоизмѣненіяхъ.

Отреченныя книги стали входить въ Россію очень рано: такъ *Аѳанасіевы отвѣты* и *Слово Меѳодія Патарскаго* помѣщены въ Изборникѣ 1073 г.; въ рукахъ Кирика была книга, гдѣ говорилось, что 10 литургій, заказанныхъ въ видѣ епитиміи, избавляютъ отъ грѣховъ за 4 мѣсяца, 20—покрываютъ 8 мѣсяцевъ, а 30 цѣлый годъ; Кирикъ говорилъ Нифонту, что онъ читалъ тетрадку, въ которой значилось: »Аще зачпется дѣтище подъ пятницу«..., а эти слова находятся въ апокрифич. статьѣ о 12 пятницахъ. (Памятн. отреч. литер. Тихонравова, II, 338). У Аврамія смоленскаго была книга *Глубины* (до 1206). Отрывокъ изъ апокрифич. *Слова І. Богослова* »О покоп Богородицы« 12 в. съ греч. подлин. см. Срезневскаго »О малоизв. и неизвѣстн. памятн.« IV, 61. О ложныхъ книгахъ замѣчено въ Сл. Кирилла до 1280; Завѣты 12 патріарховъ находятся въ Палеѣ до 1240; *Сказаніе Афродитіана* есть въ спискѣ ркп. XIII в. Въ Сильвестровс. Сборн. до 1350 г. помѣщены: *Откровеніе Авраама* и *Посланіе Пилата къ Тиверію*.

О другихъ ложныхъ книгахъ см. Памятн. отр. рус. литер. *Тихонравова*. Спб. 1863. два тома. *Его же* Лѣтоп. рус. литерат. 1859. 1. Моск. Вѣд. 1859, № 232. Памятн. старин. рус. лит. изд. *Кушелева-Безбородко*. О древне-рус. литер. *Пыпина*. От. Зап. 1857, № XI. Очерки *Буслаева*. I. 480—504. Историч. Христом. его же 533. 543—4. *Гильфердинга* о Богомилахъ. Рус. Бес. 1859. № 4, 117—130. *Срезневскаго* О малоизв. и неизв. памятн. II, 65, IV, 53. I. Екзархъ Болгарскій *Калайдовича* 202—212. Опис. Румянц. Музея № 449. Апокрифич. сочиненія въ древне-рус. письменности *И. Я. Порфирьева*. Правосл. Собес. 1869 г. Евангеліе Никодима. Тамъ же 1860 г. О средѣ и пяткѣ. Тамъ же 1859 г. кн. 2.

74. Слово о мытарствахъ ([1]).

Понеже тайна си не всѣми откровена бысть, и многими человѣкы не вѣдома, но якоже Кирилъ философъ рече: не того ради сътворени быхомъ, да ямы и піемъ и въ одежи различныя облечемся; но да угодимъ Богови и будущая и благая получимъ. Но понеже испытаніемъ божественныхъ писаній заблудихомъ отъ истиннагѡ пути, ни помышляемъ, како ны есть постигъ Богъ и създалъ, въ утробѣ матерніи душю вложилъ, и паки и оттуду ны изведе. Егда убо, рече, всякъ младенецъ крещаемъ бываетъ, тогда посылается отъ Бога аггелъ на храненіе въ все житіе человѣческое: лукаваго сатаны аггелъ даемъ бываетъ, егда въ смыслъ, въ разумъ будетъ о всемъ добрѣ и о злѣ. Егда же начнетъ въ правдѣ пребывати человѣкъ, то пріемлетъ старѣйшиньство надъ нимъ божій аггелъ, и съхраняетъ й отъ всякого лукавьства дьяволя въ нощи и во дни. Иматъ же съвѣщаніе въ себѣ душа та съ аггеломъ, написаетъ аггелъ вся благая дѣла ея отъ юности и до старости. Егда паки начнетъ человѣкъ пребывати въ злыхъ дѣлѣхъ, тогда пріемлетъ власть и старѣйшиньство лукавый аггелъ сатанинъ надъ таковымъ человѣкомъ, и въ слѣдъ его ходя, вся грѣхы написаетъ нощныя и дневныя; аггелъ же господень плачется таковаго человѣка. Ащели покается, то пріиметъ аггелъ божій старѣйшиньство и власть; тогда аггелъ сатининъ плачеться его. Пакы же суть мнози и не вѣрующе, ни послушати хотяще, яко испытаема суть душа человѣкомъ по смерти, егдаже исходитъ отъ тѣла. Понеже поставилъ есть Богъ испытанія всякому человѣку. Первое испытаніе, егда хощетъ разлучитися душа отъ тѣлеси. Преже бо пріидутъ бѣси и представятъ ея вся дѣла, яже будетъ съгрѣшила отъ юности и до старости; отвивающе харатейные свиткы, и начнутъ обличати душю, исповѣдающе грѣхи ея, яже въ всемъ житіи съгрѣши, ркуще ей: ци забыла еси, яже съгрѣши въ всемъ житіи; но мы ихъ не забыхомъ, и списахомъ ясно. Посемъ предстанета два аггела, посланная по душю отъ Бога. Егда же узритъ ею душа, ужаснется, образъ весь и лѣпота (*красота*) и лице измѣнится, руцѣ и нозѣ премолкнота и слуха съ нима, и языкъ молчаніемъ затворится, и будетъ весь унылъ, и дряхлъ, и скорбенъ, и за симъ явится смерть. И тако, и нужею страшною душа отъ тѣлеси изидетъ, и станетъ одержима душа, зрящи на свое тѣло; якоже бо кто изъволкся изъ ризы своея, и потомъ сталъ бы, зря ея: тако станетъ душа на свое тѣло зрящи, отъ него же изыде, умилно къ аггеломъ взирающи, и видѣ дѣла своя предъ собою поставлена, или добрая, или злая, и яко въ всѣхъ извѣщаема.

И посемъ вземши душю, понесутъ ю на въздухъ, къ второму испытанію, идѣже есть 20 мытарствъ, Богомъ поставлена на въздусѣхъ предъ враты небесными, на испытаніе всякой души, исходящей же отъ тѣлеси, грядущей къ небеси.

1-е мытарьство: оболганіе, елико будемъ лгали, отъ юности и до старости; 2, оклевтаніе, елико человѣци оклеветахомъ; 3, зависть, елико завидѣхомъ кому; 4, иже когда будемъ гнѣвъ на кого долго имѣли; 5, ярость съ гнѣвомъ, или на чада, или на рабы, или на всякого человѣка; 6, гордость, елико разгордѣхомъ; 7, буе слово, срамословіе, бестудная словеса и плясаніе, еже въ пиру и на свадбахъ, и въ павечерницахъ, и на игрищахъ и на улицахъ; 8, рѣзоиманіе и грабленіе, насилное мьздоиманіе; 9,

---

([1]) Слово это прежде приписывалось Кириллу Туровскому, но кажется принадлежитъ Кириллу философу (Макар. Ист. Р. Церкви, ч. III. стр. 146), и подверглось позднѣйшей передѣлкѣ. Буслаевъ и Шевыревъ полагаютъ, что слово это можно скорѣе приписать Авраамію смоленскому. (Очерки рус. нар. слов. II, 119; Изв. Акад. VIII, 326. IX, 182).

иже тщеславіе когда сътворихомъ, хвалы ради и славы человѣческыя; 10, златолюбіе и сребролюбіе; 11, пьянство и запойство; и всѣ чаши наши изочтени суть отъ бѣсовъ въ запойствѣ; 12, злопоминаніе, елико злю поминахомъ когда, глаголющи: не забуду ти ни до смерти; 13, чародѣйство и волхованіе, наузы (*навязки*); 14, объяденіе и ранное яденіе и питіе, отъ юности нашая и до старости; 15, всяка ересь, вѣрують въ стрѣчю, въ полазъ и въ птичьи грай, ворожю, и еже басни бають и въ гусли гудуть; и еже уніи блудъ творять; 16, прелюбодѣяніе, еже мужи отъ жень своихъ блудъ творять, а жены иже отъ своихъ мужь съ чюжими мужи; 17, убойство и всякоя раны, или бьенія и рванія за власы до крове; 18, тадба и всякое краденіе; 19, всякъ блудь; 20, скупость, немилосердіе.

Сдѣ бо обличають бѣси душу, аще будемь коли брату досадили, или нищему, или изгнали изъ дому своего, или грозилися на кого: то ту обличающе ны бѣси, препярающе. Аще бо и вся заповѣди божія исправите, а будемь немилостиви, и на нищія немилосердіи, или на рабы своя, не подавающа имъ доволнаго одѣянія, пища, дѣломъ же насиляюще, инѣми бѣдами; то о всѣхъ сихъ испытаема будеть душа, истязаема отъ въздушныхъ бѣсовъ.

Да аще имать душа добрая дѣла, истинное покаяніе, о томъ испытающе вся си, преходить; и потомъ възходить въ врата небеснаа, радующеся, яко избывши лукавыхъ въздушныхъ бѣсовъ. И потомъ устрѣтають друзіи аггели, посылаеми по душа инѣхь человѣкъ, веселящеся, радуются о ней, яко избѣже лукавьныхъ бѣсовъ, и цѣлують обьимающе. Потомь принесени быша къ престолу Бога вседержителя, и поклонится подножію Господа; и потомъ предасть ю Михаилу, завѣща: иди, душю сію веди, и покажи ей

обители святыхъ и небесныи полаты райскія, душа праведныхъ сущая въ раи, и душа грѣшьныхъ сущая на муку грѣшныхъ, въ нихже имуть быти мучими въ день великый суда. И носима бываеть преже по поднебесіи, показаеть ей полаты святыхъ градъ, горній Іерусалимъ, его же самь Господь по възнесеніи създа; потомъ внесома бываеть въ рай къ праведнымъ душамъ, и исходяще же души праведны, и срѣтають обьимающе, и цѣлують ю; и потомь сведеть ю въ пропасть, идѣже затворены суть душа грѣшныхъ отъ вѣка, показаеть ей мѣста, идѣже имъ мучитися, понеже мука далече міра есть на западѣ (1). Си же вся мѣста обходить душа праведнаго за 40 дни, и потомъ внесома будеть въ рай, мѣсто покойно до послѣдняго въскресенія.

Всѣхъ же грѣшныхъ душа, егда изыде изъ тѣлеси, представуть ей аггели бѣсовьстіи, принесуть предъ ню вся ея съгрѣшенія, якоже будеть сътворила отъ юности и до старости, написаны въ свитцѣхъ; и начнуть, отвивающи, обличати ю.

Да нелзѣ се ихъ запрети (*оспорить*), понеже лѣта и мѣсяци, и времена, и дни, и часы и празднищи съ памятью имуть исписаны, съгрѣшихомъ когда, или въ кое лѣто, и въ которы мѣсяць, или въ кое время и въ часъ, или въ который праздникъ, или до обѣда, или по обѣдѣхъ, или въ день и въ нощь. Да аще исповѣдалъ ѝ будеть отцу духовному, и каяся паки ся не възратилъ къ нимъ будеть, то обрѣтають ѝ заглажены, понеже невидомь заглажаеть у нихъ Духъ св.; бѣси же вѣдають, яко истиннымъ покаяніемъ загладишася, и скорбять не улучивше. Аще ли будетъ утаилъ своя грѣхы; а не исповѣдалъ отцу, то не заглажени тѣхъ

---

(1) Представленіе о томъ, что душѣ показывають адъ и рай чисто народное, которое не изгладилось доселѣ.— Адъ на западѣ, на востокѣ рай.

святци обрѣтаются. Аще ли будеть неповѣдалъ отцу, отець же, дара дѣля, не положилъ ему будеть опитемьи за ты грѣхи, рекше на добрая дѣла не наказалъ, на молитвы, на поклоненіе, на пость, на милостыню, на прочая добрая дѣтели не научилъ, ни въстягнулъ, дабы не сътворилъ алѣ ни сгрѣшилъ; то таковаго грѣси не заглажени обрѣтаются въ святцѣхъ бѣсовьскыхъ; но все ясно съ памятью исписаны; то оба таковая пріимета бесконечную муку, поне же онъ вѣдая грѣхи его, не положилъ ему опитемьи за то, а сіи также вѣдають, изнеска себѣ потаковника, и покаяся у таковаго, и оба осудитася (¹). И потомъ восхитима бываеть душа лукавыми бѣсы и біема лютѣ, не дадущи и ни до перваго мытарьства взити, и затворима бываеть въ адѣ и въ тмѣ и въ сѣніи смертнѣй, идѣже душа грѣшныхъ отъ вѣка суть держими; ту сѣдять плачющеся, ожидающе дне великаго, суднаго. Но на преже глаголанная взидемь, понеже мнози съблажняются, ркуще: якоже нѣсть святыхъ на земли, и тако глаголюще мнози заблудившеся погибоша, и мнози иныя въ слабость введоша: они же слышаша, и па нихъ взирающе, сступившеся съ истиннаго пути и заблудшиася, послушающе таковыхъ невѣгласъ (*невѣждъ*), понеже невѣдѣніе злое есть съгрѣшеніе. Аще ли быша пытали божіихъ евангелій св. книгъ, яже божіи усты речены быша: не прейде родъ сій, дондеже вся си будуть; право глаголю вамь, небо и земля мимо идеть, а словеса моя не имуть прейти, ни измѣнятся... Павелъ апостолъ рече: не вси убо умремъ; вси же измѣнимся въ мгновеніи ока, рекше—вборзѣ. Егда же вси человѣци изомруть, тогда останутся мнози праведници живи, хранимы Богомь, не разлучившимся души съ тѣломъ. И ини мнозіи о семъ прорекоша; аще бо кто пытати въсхощеть о семъ, то обрящеть.

И се уже видимь конець міру приближающееся, урокъ житію скончевашеся, уже бо мало нашего живота и вѣка: вся же, яко Господь рече, испыташеся, въстати имать языкъ на языкъ, царство на царство, и страна на страну, и царь на царя, князь на князя, епискупь на епискупа, чернець на черньца, и братъ на брата, и будуть глади и пагубы и труси по мѣстомъ: вся же та въ начало болѣзнемь. По скончаніи же томъ, солнце и мѣсяць померчета, небеса съвьются въ свитокъ, и силы небесныя явятся, и посемь Сынъ божій съ славою пріидеть, хотя судити всему міру. Скончавшуся року житія, оставшимжеся 3 лѣтомъ седмыя тысящи, будеть въ 3 лѣта царство антихристово; по скончаніи же 3 лѣтъ царства его, пошлеть Господь Михаила и Гавріила, въструбита въ рога овня, и въ мгновеніи ока въскреснуть мертвіи; и праведници же въскреснуть преже, свѣтліи по добродѣтели ихъ, послѣди же грѣшници, омрачени по злымъ ихъ дѣломь. Посемь огнь неугасимый потечеть отъ въстока до запада, поядая горы, и каменіе и древа, и море иссушая, твердь же яко бересто свертится, и вся видимая сущія вещи, развѣе человѣкъ, вся отъ ярости огненыя, яко воскъ истають, и згорить вся земля; и сквозь ити сій огнь неугасимый подобаеть всему человѣческому роду пройти. Не будеть гдѣ убѣжати и ни съкрытися, но будеть болѣзнь и скорбь, не имущи ни единоя же утѣхи, паче же грѣшнымъ не покаявшимся, ни единоя скорби имѣвшимъ о души своей, но точію въ покои и мнозѣй пищѣ и въ питіи, и въ прочихъ инѣхъ грѣсѣхъ лѣта своя скончаша; да тѣмъ явится имъ ярость божія, полна гнѣва и яру, бѣду отмщенія носящи; не явить бо ся имъ яко тремъ отрокомъ, хладъ; хладъ праведнымъ же, а не огнь. Въ

(¹) Мнѣніе объ-епитемьи замѣчательно, что она заглаживаетъ грѣхи.

сижже суть нѣкоторіи, мала имущи съгрѣшенія, и не исправлена яко человѣци, понеже есть Богъ единъ безъ грѣха, иже плоть взя нашего ради спасенія, да самъ огньмъ искусивъ, оцистить я, и просвѣтятся тѣлеса имъ, яко солнце по добродѣтели ихъ: праведнымь даеть свѣть, а грѣшнымъ же опаленіе и омраченіе. Прешедшимь же имъ огненую сію рѣку, огньная си рѣка, по божію повелѣнью, послуживши, отшедши къ западу, учинится озеро огненое, на мученіе грѣшнымъ. Посемъ будеть земля нова и равна, якоже бѣ искони, и бѣла паче снѣга; и потомъ повелѣніемъ божіимъ премѣнится, и будеть яко злато, изидеть изъ нея трава и цвѣтія многоразличніи и неувядающи никогда же, понеже суть духовни, и посемъ възрастуть древа, не яко видимая си суще, но высотою и лѣпотою, величествомъ невъзможно есть изъглаголати усты человѣческыми, понеже суть духовна, о Христѣ Ісусѣ о Господѣ нашемъ.

(*Памятн. XII в., стр. 92—101*).

Въ началѣ «Слово о мытарствахъ» имѣетъ большое сходство съ апокрифическимъ сказаніемъ о «Хожденіи ап. Павла по мукамъ» (*Памятн. отр. рус. литер. II, 40 и дал.*); потомъ съ стихомъ «О страшномъ судѣ.» О вліяніи житія св. Василія Новаго на сочинителя «Слова о мытарствахъ» см. въ Очеркахъ Буслаева, II, 139. О мытарствахъ говорится въ «Житіи Авраамія смоленскаго» и въ «Житіи Антонія Римлянина.»

Къ числу подражательныхъ сочиненій относится «Поученіе Владиміра Мономаха;» но такъ какъ въ немъ находится много данныхъ для изученія княжескаго быта XI—XII в., — поэтому оно отнесено въ отдѣлъ статей объ «Обществ. жизни.»

75. Посланіе Іакова Святослава болгарскаго Деспота м-ту Кириллу до 1262.

Богомъ избраному пастырю и учителю словесного стада правовѣрныя вѣры нашея, отцу ми по духу, святому прѣосвященному архиепископу Курилу прѣславнаго града Кыева, учителю же всея Русии, и свѣтильнику црькваиъ богоспасаемаго града Кыева. И о семъ благодари господьство ми нрѣподобьствие твое, еже о Христѣ, приявъ азъ писание святаго ти владычьства, благодарихъ святую ти молитву, прѣосвященный архиепископе всея Русьскыя земля, благодрьжавнаго родиа моего, ихъ же отрасль и корень азъ быхъ святыхъ прѣотць моихъ. Пишу тобѣ, възлюбленыи Богомъ, архиепископе Кириле, протоѳроню, да ся словомъ твоимъ вселенаа Русьскаа просвѣтить, а писаниемъ свю Зонару (*Кормчую*) до ся нигдѣ не прѣпишеть, понеже тако подобно есть сеи Зонарѣ во всякомъ царствѣ единои быти на съборѣ, якоже святии отьци уставиша и упрѣдаша намъ. Того ради азъ испросивъ патриарха а прѣпустихъ за святопочившихъ родители моихъ и за помина ради душя своя (1)...

Написана же бысть сия Зонара въ лѣто 6770-е, 5 индикта, въ дьни благовѣрнаго царя Костянтина прѣдрьжяща столъ блъгарьскыи, повелѣнием же и по цѣнѣ великаго господина Якова Святислава деспотѣ блъгарьскаго. Мы же раздѣливъше на 3 чисти исписахомъ за 50 днии, почавъше мѣсяца ноября 10 дьне, кончана же бысть мѣсяца генваря 7 дьнь. Азъ же худоумьныи многогрѣшьныи Іоанъ, зовомъ Драгословъ, молю сльзъно: отьци и братиа, чьтящии и прѣписающии, легко исправляюще чьтѣте, а не злословите, понеже не бѣхъ до тамо писець...

(*Изв. Акад. Н. X, 203—4*).

---

(1) Въ XII в. Зонара сдѣлалъ систематическій сводъ, въ которомъ сливаются свѣтскій и духовный элементы законовъ и составляютъ сборникъ, извѣстный подъ именемъ Кормчей, которая и называется здѣсь *Зонарой*.

76. Хождения въ Царьградъ:

а) Стефана Новгородца послѣ 1347.

Въ недѣлю страстную прiидохомъ въ Царьградъ и идохомъ къ св. Софiи. И видѣхомъ: ту стоитъ столпъ чуденъ вельми, толстотою и высотою и красотою издалеча смотря видѣти его, и наверху его сидитъ Юстинiанъ великiй на конѣ, вельми чуденъ, аки живъ, въ доспѣсѣ одѣянъ срацинскомъ, грозно видѣти его, а въ руцѣ держитъ яблоко злато велико, а на яблюцѣ крестъ, а правую руку отъ себя прострѣ буйно наполдни, на Срацынскую землю къ Iерусалиму. Суть же много и инiихъ столповъ по граду стоятъ отъ камени мрамора, много же на нихъ писанiя, отъ верху и до долу, писано рытiею (*рѣзьбой*) великою, и словеси всѣ позлощены быша, а инiи черны. Много бо есть дивитися и умъ сказати не можетъ: како бо толико лѣтъ камня того ничто не иметъ!

А отъ столпа Юстинiанова внити въ двери св. Софiи; въ первыя двери поступивъ мало, идти въ другiя, и третьи, и четвертыя, и пятыя, и въ шестыя тоже, а въ седмыя двери внити въ св. Софiю, въ великую церковь. И пошедъ мало обратитись назадъ, и возрѣвъ горѣ на двери, видѣти: ту стоитъ икона св. Спасъ, и о той иконѣ рѣчь въ книгахъ пишется, и того всего не мочно исписати. Ту бо погани иконоборцы лѣстницу приставили восхотѣвъ содрати вѣнецъ златый, и св. Θеодосiя опроверже лѣстницу, и разби поганина, и ту святую заклаша рогомъ козьимъ. И отъ того мимо пошедъ, видѣхомъ множество народа цѣлующе съ умиленiемъ Страсти господни, и возрадовахомся вельми; зане бо безъ слезъ не мочно прiидти къ Страстямъ господнимъ. И ту видѣ насъ царевъ бояринъ, ему же имя простое: Бетарь, и той видя тѣсноту и нужду нашу, допроводи ны къ Страстямъ господнимъ, Бога дѣля, и ту мы цѣловахомъ грѣшнiи. Потомъ идохомъ, поступивше мало на сторону, и увидѣхомъ ту на стѣнѣ Спасъ мусiею утворенъ (*мозаикой устроенъ*), и вода святая отъ язвъ гвоздиныхъ отъ ногу его идетъ, и ту цѣловахомъ грѣшнiи, и помаза ны единъ отъ iеромонаховъ маслomъ и напои водою святою. И ту стоятъ многи столпове отъ камени краснаго мрамора, окованы чудно, въ нихъ же лежать мощи св., ту люди прикасаются, и иже кто болитъ, и абiе съ вѣрою здравiе прiемлетъ. И ту виде насъ св. патрiархъ Царяграда, ему же имя Исидоръ, а на патрiаршество призва ны и благословихомся и цѣловахомъ въ руку, и бесѣдова съ нами, поневже бо вельми любитъ Русь. О великое чудо! колико смиренiя бысть ему, ижъ бѣсѣдова съ странники ны грѣшнiи; не нашъ бо обычай имѣетъ.

И ту близъ трепеза каменна: св. Авраамъ, ему же Богъ въ Троицѣ явися подъ дубомъ Мамврiйскимъ. Мы же грѣшнiи видѣхомъ той дубъ Мамврiйскiй, егда быхомъ въ Iерусалимѣ и окрестъ его, а листвiе зеленые уродилися у дуба того и стоять и зимѣ и лѣтѣ, глаголютъ бо, яко будутъ стоять до скончанiя вѣка, огороженъ каменемъ высоко, и Срацыны стерегутъ его. Ту же одръ лежитъ желѣзный, на немъ же св. мученикъ мучили, на огнь поставивши; у тогожъ одра множество людей приходятъ и прiемлютъ изцѣленiе, и мы грѣшнiи цѣловахомъ его. И ту стоятъ столпове отъ камени багряна, красны вельми, пропестрiе аспиду подобно, видѣти человѣку лица своего образъ, аки въ зерцало, отъ великаго Рима привезены бо суть. Имать же св. Софiя множество кладязей съ сладкими водами, опричь тѣхъ, иже въ стѣнахъ церковныхъ и промежъ стѣнъ, и не познать ихъ ровно съ дномъ, рекше: помостомъ церковнымъ. Надъ тѣми бо кладезя вбиты суть кольцы желѣзныя во мраморѣ,

а мраморъ ся зоветъ камень гладокъ. Тако жъ и кандилъ развѣшено многое множество несчетно въ св. Софіи: иная жъ въ предѣлахъ и каморахъ, а иніи въ стѣнахъ и промежъ стѣнъ, и въ улицахъ церковныхъ, идѣ же иконы великія стоятъ, и ту кандила съ масломъ древянымъ горятъ, и ту мы грѣшніи приходихомъ со слезами и съ радостію, по силѣ свѣщи подавахомъ, тако жъ и у мощей святыхъ...

Идучи жъ отъ св. Софіи мимо столповъ Юстиніановыхъ, и мимо малыхъ трехъ и мимо св. Ѳеодора, на гору поидти великою улицею, *Царевымъ путьмъ*, прошедъ недалѣчь добраго перестрѣла, ту стоитъ столпъ правовѣрнаго царя Константина, отъ багряна камени створенъ отъ Рима привезенъ; на верху его вдѣланъ крестъ; въ томъ же столпѣ лежатъ 12 кошъ укругъ; тужъ и сѣкира Ноева лежитъ; ту патріархъ лѣто провождаетъ. И оттолѣ идохомъ назадъ къ св. Софіи. Ту бо близъ двѣ церкви великія стоятъ: Ирина великая церковь, а оттолѣ недалече св. Богородицы монастырь женскій: ту лежитъ св. Евдокія. И оттуду на подолъ къ морю идучи, есть холмъ св. великомуч. Георгія, рекше: *непобѣдимая сила*; ту стоятъ Страсти господни, замчены и запечатаны церковною печатію. На страстной недѣлѣ царь самъ съ патріархомъ отпечатываютъ и цѣлуютъ, а потомъ невозможно видѣть никому же. Ту лежитъ тѣло св. Анны, и цѣловахомъ грѣшніи, и ту за стѣною, надъ моремъ, явися Христосъ самъ, и ту церьковь наречутъ: *Христосъ*. Стоятъ множесто болящихъ, и отъ всѣхъ градовъ привозятъ—и пріемлютъ изцѣленія: и ту лежитъ св. Аверній, и цѣловахомъ тѣло его. То бо все мѣсто подобно есть Соломоновой купѣли, ижъ въ Іерусалимѣ. И оттолѣ идохомъ въ монастырь Панагранъ: ту лежитъ глава св. Василія. И оттолѣ недалече монастырь Панданасый: ту бо лежатъ замчены Страсти господни на двое раздѣлены. И оттолѣ идохомъ во вторникъ къ св. Богородицѣ поклонитися выходней иконѣ; ту бо икону евангелистъ Лука написа, понарови самую госпожу дѣву Богородицу, еще сущей живу; ту бо икону во всякій вторникъ выносятъ. Чудно вельми зрѣти, како сходится народъ а людіе изъ иныхъ городовъ! Икона жъ та велика вельми, окована гораздо, и пѣвцы предъ нею поютъ красно, а народи вси зовутъ: *Киріе елейсонъ!* съ плачемъ. Единому человѣку на плеча вставятъ раму, а онъ руцѣ распростретъ, аки распятъ, также и очи ему запровержутъ, видѣти грозно, по ходбищу мещетъ его семо и овамо, вельми силно повертываетъ имъ, а онъ не помнится, куда его икона носитъ. Потомъ 2-й подходитъ, и той такожъ, такъ 3-й и 4-й подхватываютъ, и тіи вси тако жъ. А они поютъ пѣніе съ дьяки великое, и народъ зоветъ: Господи помилуй! съ плачемъ. Два діакона держатъ репиды, а иные кивотъ предъ иконою. Дивное видѣніе! 3 человѣка вставятъ на плеча единому человѣку, а онъ аки простъ ходитъ, изволеніемъ божіимъ...

Та жъ идохомъ къ Ѳеодору въ Студійскій монастырь. Много бо суть видѣхомъ въ Царѣградѣ видѣнія, еже не мочно всего написати. Толико бо Богъ прославилъ св. мѣста, еже не мочно разстатися. Въ монастырѣ Студійскомъ быхомъ и цѣловахомъ тѣло св. Саввы. И церковь та велика вельми, и высоко палатою сведена; икона въ ней аки солнце сіяетъ, вельми украшена златомъ, много дивитися, аки жемчугомъ изсажена, и писцу тако не мочно вписати... Тако жъ и трапеза устроена, идѣ же братія ѣдятъ, вельми чудно, паче всѣхъ монастырей, а стоитъ на краю, близъ Златыхъ вратъ. Ту лежитъ Ѳеодоръ Студійскій. Изъ того бо монастыря въ Русь

посылали много книгъ: уставъ, тріоди и иныя книги...

И на утріе въ пятокъ, идохомъ съ други моими по св. монастырямъ и обрѣтохомъ на пути Ивана и Добрилу, своихъ Новгородцевъ, и возрадовахомся зѣло, ижъ нѣколи бѣ мочно было свидѣтися, зане бо безъ вѣсти пропали, и нынѣ живутъ туто, списаючи въ монастырѣ Студійскомъ отъ книгъ св. писанія, зане бо искусни зѣло книжному списанію. И идохомъ съ ними къ св. Ивану Дамаскину, въ монастырь женскій. А оттолѣ идохомъ въ монастырь Ивана Предтеча, зовутъ: Ивана Бога богатымъ; и та церковь вельми удивлена мусіею, и ту цѣловахомъ руку св. Іоанна Ктитора, иже устрои церковь, иконы окова златомъ и съ драгимъ каменіемъ и жемчугомъ. И глаголютъ бо нѣцыи, что та рука Ивана Предтеча; но нѣсть тако, не Предтечева рука, ижъ у прекрасной Богородицѣ, близъ Студійскаго монастыря, та есть рука св. Ивана Предтеча правая, а лѣвая на Іорданѣ...

Сподоби ны Богъ видѣти вся въ добрѣ, еже ся надѣяхомъ, а въ Царьградъ бо аки въ дуброву внити, и безъ добра вожа (*вожака*) не возможно ходити, а скупо или убого не можетъ видѣти, ни цѣловати единаго святаго, развѣ на праздникъ котораго святаго будетъ и тогды видѣти и цѣловати.

(*Сказ. рус. народа, Сахарова. II, 8. стр. 51—55*).

б) Хожденіе въ Царьградъ дьяка Александра 1395.

При патріарси Антоніи, при цари Мануилѣ, се азъ діакъ Александръ приходихомъ куплею въ Царьградъ и пріидохомъ поклонитися въ св. Софѣю. Величество ея или красоту не мощно исповѣдати: входя въ великія двери, на правой сторонѣ

стоитъ икона св. Богородици, что гласъ отъ нея изшелъ Маріи Египетской въ Іерусалимѣ, а великія двери отъ Ноева ковчега, на лѣвой сторонѣ преобразился Спасъ на мраморѣ; внутрь церкви трапеза Авраамля, на ней же явился Спасъ въ Троици Аврааму подъ дубомъ Мамврѣйскимъ; близъ того одръ желѣзенъ, на немъ же жьгли св. мученикъ, мощи св. патріарха Арсенія; во алтарѣ есть камень, на немъ же сѣдѣлъ Спасъ, бесѣдуя женѣ Самаряныни при кладязѣ Іяковлѣ. А въ монастырь въ *Маньянъ* Страсти спасовы вси и багряница, кровь, копье, трость, губа, и отъ брады св. мощей множество въ томъ монастыри. Назади того монастыря церковь св. Спасъ: мощи св. Аверкія и вода цѣлебная туто есть. Близъ того монастырь женьскій: ту глава св. Василья Кесарійскаго. Въ *Одигитріи* икона св. Богородици: выходитъ въ всякой вторникъ и творятъ чюдеса, и кто съ вѣрою приходитъ, здравіе получаетъ, писалъ же сію икону Лука евангелистъ; нѣкогда бысть иконобореніе, и съхраниша сію икону въ *Пантократори* манастыри въ стѣнѣ, зажегше кандило предъ нею, и тоже кандило 60 лѣтъ не угасло предъ нею. Въ Апостольской церкви отъ мощей св. апостолъ, во алтари зазданы мощи св. великаго Спиридона, мощи св. Полуекта, гробъ св. Іоанна Златоустаго, гробъ Костянтина царя и матере его Елены, столпъ есть мраморянъ, у него же привязанъ былъ Спасъ, коли мучили его Жидова; туто есть камень, у него же плакалъ Петръ апостолъ о отверженіи Господни и алекторъ (*куръ*) его възгласилъ. А въ *Пантократори* монастыри: доска Спасова, на ней же несли его къ гробу, корчага во олтари, что воду въ вино претворилъ Спасъ въ Канахъ Галилейскихъ, глава св. Флора и Лавра, глава св. Іякова Перьскаго, близъ того Θеодосья дѣвица въ тѣлѣ. Въ *Панмакаристѣ* въ монастырѣ: глава св. Игнатья Богоносца. Въ *Подромѣ* въ монастыри,

иже именуется »Богомъ богатый«: отъ мощей св. Іоанна Предтечи, леонтей Спасовъ, кровь, рука св. Іоанна Постника, глава св. Внифантія, отъ мощей св. Пантелеймона; у сего монастыря нѣсть ни селъ, ни виноградовъ, но милостію божіею всѣхъ монастырей богатѣе. Близъ того монастырь женьскій св. *Никола*: и отъ мощей туто есть, въ хорѣ мощи св. Михаила Сигела (*Синкелла*). Въ *Лахернѣ:* риза св. Богородици и отъ пояса ея; нѣкогда бысть иконобореніе въ Цариградѣ. пріидоша и по суху и по морю, Сергій же патріархъ омочи въ морѣ сію ризу св. Богородици и море вскипѣ, и ратніи побѣгоша; ту есть икона св. Богородици, юже видѣ св. Андрѣй на воздусѣ за міръ молящуся. Близъ того монастырь св. *Козмы* и *Дамьяна*: и отъ мощей главѣ ихъ обѣ. Въ монастыри св. пророка Данила: пророкъ Данилъ въ гробѣ, св. великій Никита въ гробѣ, Романъ пѣвецъ въ гробѣ. Въ *Пелевreптѣ* монастыри: рука правая св. І. Крестителя господня, глава великаго Григорья, отъ мощіїі Семіона Богопріимца, и отъ мощей 10 мученикъ, и иныхъ св. мощей много, есть икона св. Богородици, что покололь Жидовинъ въ шахматной игрѣ, и изошла кровь и нынѣ знати кровь. Въ *Студіи* въ монастыри Өеодора: мvро св. вел. муч. Дмитрія, и отъ мощей святыхъ много. Въ монастыри *Царицином*ъ, иже именуется *Курьмарта*: отъ мощей св. Іоанина милостиваго, Марія Клеопова апостолова сестра, св. Орина, Өеодосья мученица, что рогомъ козлимъ заклали ю въ св. Софьи. Близъ Костянтинова двора царева есть монастырь св. *Сергіа* и *Вакха*: отъ мощей ею обѣ главѣ; близъ того игрища идѣже ядъ зміинъ запечатанъ въ трехъ мѣдяныхъ зміяхъ, и иныхъ дивесъ (*чудесъ*) много туто сътворено Львомъ Премудрымъ царемъ. Въ монастыри св. *Лазаря*: Лазарь святый и сестрѣ его обѣ, Марөа и Марія зазданы во олтарѣ. Сія же св. монастыри или св. мощи, или чюдотворенія, ово видихомъ, иная же не видихомъ, не мощно бо есть исходити св. монастырей, или св. мощей, или писати, тысяща тысящами; и нынѣ есть св. мощей или чюдотвореніе много—не мощно бо исповѣдати.

(*П. С. Лѣт. IV, 357—358*).

При чтеніи путешествій, обратить вниманіе, какъ Византія дѣйствовала на русскихъ путешественниковъ чудесами своей святыни и искусства.

78. Посланіе о раѣ ок. 1347.

Василіе, милостію божіею архіепископъ Новагорода, священному епископу Өеодору тфѣрскому, еже о Господѣ брату, благодать и миръ отъ Бога Отца вседержителя твоему священьству и всему священному събору, игуменомъ, іереомъ и дѣтемъ твоимъ. Понеже увѣда смиреніе наше и св. съборъ священный, игумены, іереи, что ся учинило у васъ во Тфѣри промежи вами, въ тѣхъ людехъ божіихъ, поспѣшеніемъ и по совѣту діяволю и лихихъ людей, якоже бо слышахомъ распрю, бывшую въ васъ оономъ честномъ раю; и пребыхъ много дній во взысканіи исправленія божественаго закона, тѣмъ еже изыскахъ и се пишю къ тебѣ, понеже, брате, по божію повелѣнію, должни есмы другъ другу покаянія творити о исправленыхъ намъ божественыхъ писаній, отъ св. апостолъ, и великихъ святитель, якоже бо тѣ св. апостоли беспрестани посланія творяху другъ ко другу, такоже и намъ подобно есть; въ нихъ бо мѣсто поставлени есмы, кто во что позванъ, тотъ въ томъ да пребываеть. Слышахъ, брате, что повѣстуеши: »рай погыблъ, въ немъ же былъ Адамъ;« ино, брате, о томъ есмя погибели не слыхали, ни въ писаніи кдѣ обрѣли о томъ св. раю, но вси вѣдаемъ отъ св. писанія, что насади Богъ

рай на вѣстоцѣ въ Едемѣ, и въведе в онь человѣка и заповѣда ему, рекъ: »аще сблюдеши слово мое, живъ будеши; аще ли преступиши, смертію да умреши и въ ту же землю внидеши, отъ нея же взятъ еси.« Онъ же преступи заповѣдь божію и изгнанъ бысть изъ рая, и плачася горко вопія: о раю пресвятый, иже мене ради насажденый и Евгы ради затвореный! помоли тебе створшаго и мене создавшаго, да некли твоихъ цвѣтець насыщюся (1).

Тѣмъ къ нему Спасъ глаголя: моего созданія не хощю погубити, но хощю спасти и въ разумъ истинный привести; обѣща ему пакы внити въ рай. Въ пареміи (2) же имѣнуются 4 рѣкы идуть изъ раи: Тигръ, Нилъ, Фисонъ, Ефратъ со въстока, Нилъ же подъ Египтомъ, ловять на немъ *силолои(?)*, течеть же съ высокихъ горъ, иже суть отъ земля и до небеси, а мѣсто непроходимо есть человѣкомъ, а верху его Рахмане (3) живуть А се, брате въ прилозѣ (*пролоıѣ*) всѣмъ явѣ есть, въ чюдесехъ св. архангела Михаила, что возма праведнаго Еноха въ раю посадилъ честнѣмъ; а се Илья св. въ раи же сѣдить, находилъ его и Агапій св. и часть хлѣба взялъ; а св. Макарій за 20 поприщь жилъ отъ св. рая; а Ефросинъ св. былъ въ раю и 3 яблока принеслъ изъ рая и далъ игумену своему Василію, отъ нихъ же исцѣленія многа быша. И нынѣ, брате, мнится ти мысленый, но все мыслено мнится видѣніемъ; а еже рече Христосъ въ еуангеліи о второмъ пришествіи, и то ли мы-

(1) Это мѣсто есть въ духовномъ стихѣ: »О раю, мой раю, прекрасный мой раю« (Сборн. Кирѣевс. въ Чт. общ. ист. № XIII), и взято изъ апокрифа: »Плачь Адама.«

(2) *Пареміи*—выбранныя мѣста ветхаго завѣта для богослужебнаго чтенія.

(3) *Брамины, брахманы* — Индійцы, которые считались счастливыми изъ смертныхъ.

слено сказаете? Сущимъ одесную себе рчеть: »пріидите благословеніи Отца моего, наслѣдуйте уготованое вамъ царствіе преже сложенія міру;« и сущимъ ошюю себе рчеть: »отъидѣте отъ мене проклятіи въ огнь вѣчный, уготованый діяволу и ангеломъ его;« не вамъ бо, рече, уготовахъ мукы, но діяволу и ангеломъ его. О тѣхъ двою мѣсту І. Златоустъ рече: »насади Богъ рай на въстоцѣ, а на западѣ мукы уготова; якоже бо въ царевѣ дворѣ утѣха и веселіе, а внѣ двора темница.« А се священномуч. Патрекѣй глаголеть: »двѣ мѣстѣ уготова, едино исполнено благихъ, а другое тмы и огня исполнено.« То же, брате, не речено Богомъ видѣти св. рая человѣкомъ, а муки и нынѣ суть на западѣ; много дѣтей моихъ Новогородцевъ видоки (*свидѣтели*) тому: на дышющемъ морѣ червь неусыпающій, скрежеть зубный и рѣка молненая *Моргъ*, и что вода въходить въ преисподняя и пакы исходить трижда днемъ. И та вся мѣста мучимая не погибоша, а мѣсто се святое како погибе, повѣжь ми, брате, въ немъ же есть пречистая Богородица и множество святыхъ, еже по воскресеніи господни явишася многымъ въ Іерусалимѣ и паки внидоша въ рай? Речено бо имъ есть: уже пламенное оружіе не хранить вратъ Едемьскыхъ; пріиде бо Спасъ мой, вопія вѣрнымъ: внидете пакы въ рай. А се, брате, въ Блаженнѣ молвить: снѣди ради древняя изведе изъ рая врагъ Адама, крестомъ же разбойника Христосъ в онь введе. Егда же приближися преставленіе владычица нашея Богородица, ангелъ вравіе (*масличную*?) принесе вѣтвь изъ рая, являя гдѣ ей быти; а еже рай мысленый есть, то почто принесе вѣтвь сію ангелъ, а не мыслену есть? Апостоли видѣша, множество и невѣрныхъ Жидовъ вѣтвь ту видѣша. Ни едино же, брате, дѣло божіе тлѣнно есть; но вся дѣла божія нетлѣнна суть. Самовидець есмь сему, брате, егда Христосъ идый въ Іерусалимъ

на страсть волную, и затвори своима рукама врата градная, и до сего дни неотворими суть; а егда постися Христосъ надъ Ерданомъ, своима очима видѣлъ есмь постницю его, и сто финикъ Христосъ посадилъ, недвижими суть и донынѣ, не погибли, ни погнили. Или, брате, имешь себѣ мыслити, аще насади Богъ на въстоцѣ рай, почто обрѣтеся въ Іерусалимѣ тѣло Адамле? то не вѣси ли, брате, службу ангельскую, коль скоро свершають, безъ износимыхъ рѣчей служать Богу, въ мгновеніи ока землю прерищють и небеса преходять? мощно бо есть Богови единѣмъ словомъ Адама изъ рая въ Ерусалимѣ поставити, и херувиму повелѣ хранити врата Едемьская, и по воскресеніи своемъ повелѣ Адаму въ рай внити и множество святыхъ съ нимъ, слово и дѣло есть въскорѣ. А то мѣсто св. рая находилъ Моиславъ Новогородецъ и сынъ его Яковъ, и всѣхъ было ихъ 3 юмы (*судна*), и одина отъ нихъ погибла много блудивъ, а 2 ихъ потомъ долго носило море вѣтромъ, и принесло ихъ къ высокимъ горамъ. И видѣша на горѣ той написанъ Деисусъ лазоремъ чюднымъ и велми издивленъ паче мѣры, яко не человѣчьскыма рукама творенъ, но божіею благодатію; и свѣтъ бысть въ мѣстѣ томъ самосіяненъ, яко не мощи человѣку исповѣдати: и пребыша долго время на мѣстѣ томъ, а солнца не видѣша, но свѣтъ бысть многочастный, свѣтлуяся паче солнца: а на горахъ тѣхъ ликованія многа слышахуть, и веселія гласы вѣщающа. И повелѣша единому другу своему взити по шеглѣ (*по мачтѣ*) на гору ту, видѣти свѣтъ и ликованія гласы; и бысть яко взиде на гору ту, и абіе въсплеснувъ рукама и засмѣяся, и побѣже отъ друговъ своихъ къ сущему гласу. Они же велми удивлешеся, и другаго послаша, запретивъ ему, да обратився скажеть имъ, что есть бывшее на горѣ; и той такоже сътвори, нимала възвратися къ своимъ, но съ великою радостію побѣже отъ нихъ. Они же страха наполнишася, и начаша размышляти къ себѣ, глаголюще: »аще ли и смерть случится, но видѣли бѣхомъ свѣтлость мѣста сего« —и послаша третіаго на гору, привязавъ ужищемъ (*веревкой*) за ногу его; такоже и той створити хотѣ, въсплесскавъ радостно и побѣже, въ радости забывъ ужища на нозѣ своей, они же сдернуша его ужищемъ, и въ томъ часѣ обрѣтеся мертвъ. Они же побѣгоша вспять: не дано есть имъ далѣ того видѣти свѣтлости тоя неизреченныя, и веселія и ликованія тамо слышащаго; а тѣхъ, брате, мужей и нынѣча дѣти и внучата добры здорови. А что, брате, молвишь рай мысленъ, ино, брате, такъ то и есть, мысленый и будеть, а саженъ (*насажденный*) не погиблъ и нынѣ есть, а на немъ свѣтъ самосіяненъ, а твердь запята есть до горъ тѣхъ раевыхъ; а мысленный рай то есть, брате, егда вся земля искушена огнемъ будеть, по апостольску словеси: чаемъ небесъ новыхъ и земли новые, егда истинный свѣтъ Христосъ снидеть на землю. Размысли себѣ, брате, коль свѣтелъ свѣтъ именуется въ Бытіи запятый твердію, паче же много дивнѣе и свѣтлѣе свѣтъ—Христосъ истинный есть, а съ нимъ 9 чиновъ свѣти суть служать ему: 1, чинъ Ангели, 2, Архангели, 3, Начала, 4, Власти, 5, Силы, 6, Престоли, 7, Господьства, 8, Херувими многоочитія, 9, Серафими шестокрилатіи. Егда Господь нашь явится въ свѣтлости божества своего на земли и силы небесныя двигнутся, ангели престануть отъ дѣлъ своихъ, и явять свѣтлость свою сътвореную отъ Бога; то есть, брате, мысленый рай, егда вся земля просвѣщена будеть свѣтомъ неизреченнымъ, исполнена радости и веселія, якоже апостолъ Павелъ глаголеть, егда въсхищенъ бысть до третіяго небеси: »око не видѣ, ни ухо не слыша, ни на сердце человѣку не взиде, еже уготова Богъ любящимъ

его.» О семъ раю мысленомъ Христосъ рече: »суть етери (*нѣкоторые*) отъ здѣ стоящихъ, иже не имуть вкусити смерти, дондеже узрять царствіе божіе пришедшее въ силѣ.« То суть, брате, видѣвше царствіе божіе Моисій и Илія, Петръ и Яковъ и Іоанъ на Ѳаворьстѣи горѣ. Якоже видѣвше ученици его, удариша собою о перстную землю, не могуще видѣти свѣтлости божества его; не възможно бо его, брате, ни святымъ видѣти, мысленаго рая, въ плоти суще, того ради си святіи видѣвше не могоша стояти, ницъ на землю падоша.

(*П. С. Лѣт. VI, 87—89*).

См. также *Степен. книги I, 480 — 484*. Владыка Василій, очевидно, воспользовался апокрифомъ »О трехъ мнихахъ, како находили Макарія у рая« (*Пам. старин. литер. 3, 137 — 139. Пам. отреч. рус. литер Тихонравова 1863 г. II, 59)*; также имѣлъ онъ подъ руками отреченное »Слово объ Адамѣ.«

79. Перечень ложныхъ книгъ XIV в.

Яко ни мирьскихъ съставленыхъ псалмовъ глаголеть церкви, ни не исправленыхъ книгъ чтеть, но токмо исправленыя новаго и ветхаго завѣта, а иже кто лженаписаныя и неисправленыя книгы полагаеть въ церкви, акы святы, да извержется, а книгы да сожгутся.

Неисправленныя же книгы се суть имена имъ: Адамъ. Енохъ. Ламехъ. Патриарси. Молитва Иосифова. Псалми Соломони. Пѣсни Давидови. Обавления Илиина. Обавления Софоньина. Обавления Петрова. Обиходи апостольстии. Варнавле пославие. Въпроси Іоанна Ѳеолога, еже въпраша Аврама праотца на горѣ Елеонстѣй. Того же въпроси къ Господу: слыши, праведный Іоанне, еже есть баснемъ законъ. Въпроси Варѳоломеовы къ Богородици: ложная писания. Еуангелие отъ Варнавы. Еуангелие отъ Ѳомы: еретици списали. Видѣние Павла апостола, еже епистольею именують. Паралипомена Иеремѣина о плененьи, что орла слали въ Вавилонъ съ грамотою къ Іеремѣи. Житие апостола Петра, что рыбы по суху ходили. Дѣтьство Христово, что Господа отрочатемъ продаялъ: еретикъ писалъ. Два на 10 яковлича, глаголемая лѣствица. Іепистолья о недѣли. По мукамъ хожение Богородици. Имена аггеломъ. Прѣние діаволе съ Христомъ. Недугъ естественый, его же трясавицами именують, яко же баеть Еремия попъ болгарскый; глаголеть бо оканныі сице: яко сѣдящу св. отцю Сисѣнью на горѣ Синаистѣи и ангела Сихаила именуеть, еже на соблазнъ многѣмъ, и седмь трясавиць Иродовы дщери басньствоваше злыи, иже ни еуангелисти и ни единъ же отъ св. седми (*соборъ?*) именоваше. Но едина испрошьшия главу Предтечеву усѣщи, о ней же явѣ есть, яко Филипова дщи (*дочь*) бѣ, а не Иродова; великый же Сисѣний патриархъ Костянтиня града въ своихъ ему словесѣхъ глаголаше сице: не мните мя оного Сисѣния лживаго, его же написа Иеремия попъ, неразумнымъ на соблазнъ. О древѣ крѣстнѣмъ—извѣщеніе св. Троиця, и о Господѣ нашемъ І. Христѣ, како в попы ставленъ: тоже Иеремя что си изолга. О Соломони цари и о китоврасѣ басни и кощуны. О службѣ таинъ Христовъ, что опоздять обѣдню, рекше врата затворятся, и о семъ попа кленуть: еретикъ писалъ (¹).

Суть же и мученическая словеса криво складена, не тако, якоже о нихъ истина ле-

(¹) Въ словѣ Ефрема (*Паис. Сборн. XIV в.)* къ числу отреченныхъ книгъ отнесены: остроиомія, звѣздочетья, сонникъ, волховникъ, птичьѣ чаровѣ, землемѣрье, чаромѣрье, стѣнемъ знаменье, лунное и солнечная, ако 3 бывають солнца, зелейникъ, колядникъ, громникъ, благоуханья вопя и т. п.

жить, яко се Георгиево мучение, рекше от Дадияна мученъ бысть. Никитино мучение виенуюцимъ его, яко царевъ сынъ, еже не бысть тако. Еупатиево мучение. Климента зигирьскаго и инѣхъ множѣхъ.

Суть же ложная писания, яко се худыи си номоканонци, у поповъ, по молитвеникомъ и лживыи молитвы, еже о трясавицахъ. Еретицы были, исказили предания св. апостолъ, пиугуче на соблазнъ грубымъ ложная словеса. Ноли сборъ обыскалъ и ищистилъ и проклялъ.

(*Лѣтоп. занятій Археогр. Ком. 1861. I, 25—7*).

Подобный списокъ ложныхъ книгъ находится въ Изборникѣ Святослава 1073 г. и буквально переведенъ съ греческаго языка. Представленный здѣсь списокъ, который относятъ къ XIV в., сходенъ съ индексомъ, приписываемымъ патріарху константиноп. Никифору.

Ложныя или отреченныя книги представляютъ одно изъ важнѣйшихъ явленій старой русской письменности, отъ вѣрной оцѣнки котораго зависитъ рѣшеніе многихъ существенныхъ вопросовъ въ исторіи внутренняго развитія русскаго народа. Давно указанныя и запрещаемыя духовными учителями, они держались однако въ народѣ и вліяніе ихъ начинается съ первыхъ памятниковъ нашей литературы и отъ перваго знакомства съ Византіей. Въ тотъ средній періодъ древней Руси, въ которомъ до сихъ поръ остается столько темнаго для исторіи, обширный циклъ этой литературы является уже въ полномъ развитіи, — и его дѣйствіе на массу было такъ глубоко, что даже и теперь есть иногда полная возможность услѣдить послѣдніе отпрыски древняго апокрифа или въ современномъ преданьѣ и суевѣрьѣ народа, или въ рукописныхъ тетрадкахъ раскольниковъ. Главное содержаніе апокрифовъ вращалось на ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ личностяхъ и событіяхъ, къ которымъ сведена была вся подноготная, занимавшая стариннаго простаго человѣка. Большая часть этихъ преданій явились въ первый разъ на Востокѣ и въ Византіи, и тамъ еще получили поэтическій народный оттѣнокъ, — сначала незамѣченный и проникавшіи даже въ оффиціальныя произведенія церковныхъ отцовъ, но наконецъ развившійся до чисто фантастическаго характера, который и былъ потомъ причиною ихъ запрещенія. Апокрифъ сравнялся съ суевѣрьемъ, даже съ еретичествомъ: въ апокрифѣ видѣли чуть не страшное «волхвованіе;» его стали считать дьявольскимъ писаніемъ, и въ разрядъ апокрифа и въ самомъ дѣлѣ начали причислять волшебныя и гадательныя книги, астрологію и т. д. Этотъ взглядъ перешелъ и въ понятія нашихъ старинныхъ блюстителей и цензоровъ народной вѣры; по нашимъ памятникамъ, ложная книга была «вторымъ идолоовѣріемъ»... Не смотря на то, этимъ книгамъ, «насѣяннымъ отъ бѣса на пагубу душамъ,» — предстоялъ огромный успѣхъ въ нашей старой письменности. Апокрифы поэтически дополняли догматическую литературу; легко дѣйствуя своимъ сказочнымъ характеромъ на неразвитое воображеніе, они крѣпко засѣли въ понятіяхъ народа, мѣшались иногда съ старыми повѣрьями временъ язычества и породили сами цѣлую массу новыхъ народныхъ легендъ и суевѣрій. Старинный читатель находилъ въ нихъ отвѣты на пытливые запросы младенческой мысли — о твореніи міра, о судьбѣ человѣка, о будущей жизни, о природѣ и повседневной дѣйствительности человѣка; апокрифы какъ нельзя лучше приходились къ народнымъ представленіямъ, въ которыхъ фантастическое и волшебное мѣшалось съ самыми наивными и матеріальными подробностями и образами. Черезъ посредство «ложныхъ книгъ» до сихъ поръ можно объяснять этимъ литературнымъ путемъ многое изъ современныхъ понятій и суевѣрной миѳологіи народа. Русская древность опредѣлила объемъ этой литературы въ подробномъ указателѣ, извѣстномъ подъ именемъ статьи: О книгахъ истинныхъ и ложныхъ...

Вмѣстѣ съ первыми памятниками византійской литературы являются и списки книгъ истинныхъ — каноническихъ, и ложныхъ, т. е. апокрифическихъ писаній. Такъ, они находятся уже въ Святославовомъ сборникѣ (1073 г.) (¹)*, пришедшемъ къ намъ черезъ Болгаръ изъ византійскаго источника. Но индексы византійскіе не были похожи на позднюю статью «О книгахъ истинныхъ и ложныхъ:» одни были явно чужіе, въ нихъ было только самое короткое обозначеніе древне-христіанскихъ каноническихъ книгъ и апокрифовъ; въ другой, кромѣ длиннаго перечисленія ихъ, мы находимъ и еще множество другихъ книгъ, легендъ, даже суевѣрій и народныхъ преданій, — что было явно припоровлено къ русскимъ нравамъ и къ содержанію рус-*

(¹) Статьи о ложныхъ книгахъ встрѣчаются въ кормчихъ XIII и XIV в. въ молитвенникѣ м. Кипріана до 1406 г.

ской письменности. Статья о ложныхъ книгахъ была такимъ образомъ уже чисто русскимъ произведеніемъ: она была адресована къ русскому православному читателю и направлена противъ русскихъ ложныхъ книгъ и народныхъ суевѣрій.

80. Имена аггеловъ.

А се имена аггельска, иже обладають и винограды и градинами:

1, Име ему *Полутось*: напиши ему на кресте и постави по средѣ виноградъ, или нивъ, или градине (*въ огородѣ*),—и проженеть въсакого діявола отътуду; св. Духъ умножить въ дому твоему жита и вина и въса блага въ обытели.

2, Аггель *Ефимиль*, иже домови обладаеть въсакому христіанину, и пиши име ему на кресте и поставы въ дому твоему, и проженеть отъ дому того въсакого діавола,—и не прікоснетъсе николіже.

3, Аггель надъ водамі, имаи его въ памѣть и помоли его съхранить тебе отъ потопа воднаго.

4, Аггель *Михаиль*: егда спиши и пробудишесе, имей его въ памѣть и помолисе ему..... (*конца не достаетъ*).

(*Памятн. отречен. р. литер. Тихонравова. II, 345. Изъ сербской рук. XV в.*)

81. Сказаніе, како сотвори Богъ Адама.

.....Создати въ земли Мадіамстей человѣка, веземъ земли горсть ото осьми частей: 1) отъ земли—тѣло, 2) отъ камени—кости, 3) отъ моря—кровь, 4) отъ солнца—очи, 5) отъ облака—мысли, 6) отъ свѣта—свѣтъ, 7) отъ вѣтра—дыханіе, 8) отъ огня—оттепла. И поиде Господь Богъ очи имати отъ солнца, и оста-

ви Адама единаго лежаща на земли; пріиде же окаянный сотона ко Адаму и измаза его каломъ и тиною и возгрями (*сопллями*). И пріиде Господь ко Адаму и восхотѣ очи вложити во Адама, и виде его мужа измазанна, и разгнѣвася Господь на діявола и нача глаголати: »окаяние діяволе, проклятый, не достоитъ ли твоя погибель? Что ради человѣку сему сотворилъ еси пакость, измаза его? и проклятъ ты буди,«—и діяволъ исчезе, аки молнія, сквозь землю отъ лица господня. Господь же, снемъ съ него пакости сотонины, и въ томъ сотвори Господь собаку, и смѣсивъ со Адамовыми слезами, и теслою (1) очисти его аки зерцало отъ всѣхъ скверну, и постави собаку и повелѣ стрещи Адама, а самъ Господь отъиде въ горній Іерусалимъ по дыханіе Адамлево. И пріиде вторые сотона и восхотѣ на Адама напустити злую скверну, и видѣ собаку при ногахъ Адамлевыхъ лежаща, и убоися вельми сотона. Собака начала зло лаяти на діавола, окаянный же сотона, веземъ древо, и истыка всего человѣка Адама, и сотвори ему въ немъ 70 недуговъ. И пріиде Іесусъ изъ горнево Іерусалима, и видѣ Адама древомъ исколота, и милосердова о немъ и рече сотонѣ: »проклятый діяволе, что сотворилъ человѣку сему, почто вложилъ недуги сія?« —Тогда отвѣща діяволъ, окаянный сотона Господу, глаголя: аще пріидетъ кая болѣзнь человѣку сему, да не постигнетъ, до скончанія всего тобя не помянетъ; аще ль поболитъ, кой недугъ въ немъ постраждетъ, тогда всегда тебя иматъ на помощь призывати въ недуэехъ сихъ. И отгна Господь діявола, и изчеве діяволъ, прогна (*въ*), аки тма свѣтомъ, и обороти вся недуги въ него (2).

---

(1) Скобелкою, *тесло* — полукруглое долото, насаженное на рукоятку въ родѣ топора.

(2) Т. е. всѣ недуги обращены были во внутрь человѣческаго тѣла, гдѣ они всегда скрываются,

И посла Господь ангела своего, повелѣ взяти *азъ* на востоцѣ, *добро* на западѣ, *мыслете* на сѣверѣ и (ѣ) на юзѣ. И бысть человѣкъ въ душу живу, нарече имя ему *Адамъ*. А костей сотвори Богъ во Адамѣ 345, и бысть Адамъ царь всѣмъ землямъ и птицамъ небеснымъ и звѣремъ земнымъ и рыбамъ морскимъ и самовласть дасть ему Богъ. И рече Господь Адаму, глаголя: »тебѣ работаетъ солнце и луна и звѣзды, и птицы небесныя и рыбы морскія, и птицы и скоты и гади.—И насади Господь Богъ рай на востоцѣ и велѣ Адаму пребыти, а жена Адаму еще не сотворена бысть. И вложи Господи Богъ сонъ во Адама, и успе Адамъ, и взятъ его ребро лѣвое, и въ томъ ребрѣ протяже руцѣ и нозѣ и главу, и созда ему жену въ 6-й день, и показа ему Господь свою смертъ и распятіе и воскресеніе, и провидѣ вознесеніе за полшесты (*за 5½*) тысящь лѣтъ. И видѣ Адамъ Господа распята, а Петра въ Римѣ ходяща, а Павла въ Дамасцѣ учаща народъ и проповѣдующе твое (sic) воскресеніе, и вознесеся Господь.....

И воста Адамъ отъ сна своего и трепетенъ бысть во ужасѣ велицѣ о провидѣніи. И вожа (sic) Господь Адама въ рай ходяща и рече ему: »Адаме, Адаме, повѣжь ми.« Адамъ же убояся велми, не смѣя Богу повѣдати того видѣнія. И рече ему Господь Богъ: »Адаме, Адаме!« —Адамъ же рече ему: Господи владыко, тебе видѣхъ на крестѣ распята во Іерусалимѣ, а ученики твоя видѣ(хъ) ходяща Петра въ Римѣ, а Павла въ Дамасцѣ, проповѣдующе твое распятіе и воскресеніе. —И рече ему Господь: »подобаетъ ми тебе ради снити на землю и распяту быти и въ 3-й день воскреснути; а ты же не повѣдай никомуже видѣнія сего, дондеже увидиши мя въ раю сѣдяща одесную Отца, и ты о томъ поскорби, Адаме.«

И бысть Адамъ въ раи 7 дній, прообразуя Господь Богъ житіе человѣческое:

10 лѣтъ исполнится роженіе, 20 лѣтъ—юноша, 30 лѣтъ—свершеніе, 40 лѣтъ—средовѣчіе, 50 лѣтъ—сѣдина, 60 лѣтъ—старость, 70 лѣтъ—скончаніе.

И сотвори Господь Богъ всю тварь, море и рѣки и скоти своею хитростію, а та 7 дней противъ 7 тысящь лѣтъ. И постави Господь Богъ двѣ свѣтилѣ велицѣ на тверди небеснѣй—освѣтити землю и разлучи между днемъ и нощію, да будетъ во знаменіи дне и лѣта, а будетъ просвѣщеніе на тверди небеснѣй: свѣтила великая въ начатокъ дни, второе свѣтило—въ начатокъ нощи. И звѣзды постави Господь Богъ на тверди небеснѣй, яко свѣтити по земли и обладати днемъ и нощію и свѣтомъ. *И бысть вечеръ и бысть утро—день четвертый.*

Постави Господь Богъ планиты и облацы зарьныя и дуги на облацѣхъ, еже пущати дождн и громи, и молнія человѣкомъ всея земли просвѣщати древа плодовитая. И рече Господь Богъ: »изведу воды живыхъ во вѣки, птицъ перящеся по заводемъ (¹) на тверди небеснѣй (?).« И бысть, яко сотвори Господь Богъ 4 киты великія, изведе отъ нихъ всяку птицу и всякъ гадъ на земли; и иныя благослови ясти, и глаголя: »раститеся и умножитеся и наполните (*землю*) и обладайте ею.« А в 7 бо дне(й) обходитъ кругъ, а 7 лѣтъ за всю 7000 лѣтъ, и 8-й тысящи нѣсть конца, еже есть безконечный. Въ недѣлю (*въ воскресенье*) воскресе Христосъ отъ мертвыхъ, и въ той же день Господь на облацѣхъ (*придетъ*) судити всему міру, иже не иматъ конца свѣта и воздастъ комуждо по дѣломъ его...

(*Памят. старин. литер. III, 12—14.*)

(¹) Заводи—тихія мѣста въ рѣкѣ, заливы.

82. Ложныя молитвы и заговоры.

1. Молитва апостола Павла, аще змія усѣкнетъ человѣка или скотину ([1]).

Возми сосудъ чистъ и влій воду чисту, молитву сію рекъ, напой болящаго и помажь мѣсто уяденное и исцѣлѣетъ. Аще ли далече больный, напой повѣдавшаго ти и помажь мѣсто уяденное, и изцѣлѣетъ врежденный.

Молитва. Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се азъ Павелъ, преже нареченный Савлъ, бысть гонитель и каменіемъ вся сосуды св. Духа побивахъ, а нынѣ рабъ и апостолъ христовъ: пловущу ми по морю къ странамъ ликинскимъ и, ко острову потщавшеся, изъидоша вси изъ корабля, изыдохъ и азъ, еже собрати рождія нѣкая. И скочивши отонуду, ехидна нѣкая обѣси ми ся на десной руцѣ. Азъ же, имѣя въ себѣ св. Духа, и отрясохъ ю на восходящій пламень, и сожжена бысть до конца, и ни единыя же покости пріяхъ отъ усѣкновенія ея, и въ сонъ преложихся. И явися во снѣ архангелъ Михаилъ и возгласи мя, глаголя: »Павле, рабе господень! востани и пріими книгу сію и обрящеши въ ней воображеніе написано не о единомъ страждущемъ, но о многихъ.« И востав, пріимъ книгу, обрѣтохъ въ ней написано сице: »Заклинаю васъ 400 и 90 и 5 и половину родъ звѣринъ, ползающихъ по земли, во имя Господа нашего I. Христа, сотворившаго небо и землю, и въ престолъ его неподвижимый и во огненную рѣку, исходящую отъ подножія Господа нашего I. Христа и во множество св. ангелъ его, пріимшихъ отъ него власть наступати на змію и на скорпію и на всю силу вражію, змію вредящую и василиска, и аспида, и змію облаковидную, змію огневидную, змію власяновидную, змію дубо-

([1]) Печатается по списку XVII в., но она находится въ сербск. требникѣ 1423 г.

всходную, змію врановидную, змію слѣпую, змію стрѣльную, змію черную, змію триглавную, змію, уядающую жены, ехидну морскую, имущую ядъ въ десной челюсти, еще же и скорпію, духновеніе діяволе.« Идѣже преспѣетъ апостола Павла преещеніе, еже проповѣдася, звѣри ради всяко всегда умретъ звѣрь, а врежений исцѣлѣетъ во славу божію. Аминь.

2. Молитва отъ всякое болѣзни нечьстиваго духа и отъ главы ([1]).

Отче святы, въсемоги, прѣвечни Боже, отърини въсе болѣсти отъ чловѣка сего, отъ главы, отъ власи, отъ върха, отъ тѣмена, отъ очи, отъ уши, отъ вусть, отъ езика, отъ подъезика, отъ грьтани, отъ руцѣ, отъ прьсти, отъ срдце, отъ жіли, отъ телѣси въсего, отъ въсехъ съставѣхъ чльновнихъ, отъ внутрь, отъ езу, отъ гласа, отъ юности, отъ въсакого тела раба божіа *имер*. въ име Отца и Сына и св. Духа. Аминь.

3. Молитва родильницѣ. Аще коли жена дѣтятемь болитъ, сію молитву напиши на бумазѣ, вели глаголати попу трижды надъ тою женою да вели обязати около главы ея ([2]).

»Господи благослови отче. Обрѣте Господь нашъ I. Христосъ надъ св. Іоаномъ Богословомъ и обрѣте жену *імрк* родящу и чревомъ болящую и не могущу родити ей, и рече Господь нашъ I. Христосъ св. Іоанну Богослову: иди, Іоанне, и рци ей во правое ухо: отъ Бога родимое и отъ Бога питаемо, выйди младенецъ ко Христу,—Христосъ тя зоветъ, во имя Отца и

([1]) Заимствована изъ сербской рукоп. XV в. Такая же заговорная молитва, только пространнѣе, находится въ Сборн. 1476 г.

([2]) Эта молитва встрѣчается въ числѣ заговоровъ въ лѣчебникахъ XVII в.

Сына и св. Духа всегда и нынѣ и присно и в вѣкы вѣкомь. Аминь.«

Глаголи и се томужъ: »Помяни Господи сыны Едомьскія въ день Іерусалимль глаголющая—истощайте, истощайте.«

4. Молитва св. священномуч. Антипы зубная. Положити поклонъ 12, Господи помилуй 40 и положить челюсть на камени, глаголи молитву сію:

»Радуйся, стѣно и кореніе ея, измій Господи болѣзнь отъ моихъ челюстей и зубовъ моихъ, да не обрушатся стѣною въ вѣкъ, Христе Боже, и даждь помощь, Христе, и здравіе исцѣленіе главѣ и челюстемь рабу твоему *імрк*, молитвами св. священ. Антипы и св. Богородица и св. безмездникъ Козмы и Даміана и всѣхъ святыхъ твоихъ, нынѣ и присно и в вѣкы вѣкомь. Аминь.«

Великому Антипѣ литургію створи и дай на службу по силѣ.

5. Молитва егда прется вода.

Обонъ полъ Іердана стоять тріе аггели, мѣдна чрева имуще; единъ вяжеть і единъ рѣшить, третіи Бога молить, и сіе глаголеть: святъ, святъ, трисвятыи Господи, пусти проходъ, Оисонъ, Геонъ, Тигръ, Ефратъ, пусти проходъ да потечеть вода, куды есть текла, во имя Отца и Сына и св. Духа, нынѣ и присно и в вѣкы вѣкомъ. Аминь (¹).

(*Памятн. отреч. рус. литер. Тихонравова, II, 353—360*).

83. Сербско-болгарскій разсказъ о сотворенiи міра.

Прежь земли бысть Господь Саваофъ—въ трехъ комарехъ на воздусѣхъ. И помысли себѣ Господь Саваофъ, безначальный отецъ, и тако отригну отъ сердца и роди возлюбленнаго Сына божія Господа нашего І. Христа, изъ устъ своихъ Духъ свой св. испусти о голубинѣ образѣ. И рече Господь: буди небо хрустальное на столпѣхъ желѣзныхъ, на 70 тьмахъ (¹) тысящь и будите озера и облаки и звѣзды и свѣтъ и вѣтръ, и дуну изъ нѣдръ своихъ, раи на востоцѣ насади; мразъ—отъ лица господня, а громъ—гласъ господень въ колесницѣ огненнѣй утвержденъ, а молніе—слово господне изъ устъ божіихъ исходить, а солнце—отъ нутреннія ризы господни, понеже Господь лицу своему. И рече Господь: буди тма столповъ на воздусѣхъ. И рече Господь: буди на земли море Тивиріадское, вода соленая. И синде Господь по воздуху на море Тивиріадское и узрѣ Господь плавающаго на томъ морѣ гоголя, и ста надъ нимъ Господь и рече ему, гоголе, ты кто еси? И рече: сатана азъ есмь. И рече Господь сатанѣ: понурися (*нырни*) въ море, и вынь земли и камень, и преломи надвое, изъ лѣвыя руки дасть сатанѣ половину камени, удари Господь жезломъ на камень. И сотвори Богъ отъ искрь огненныхъ Михаила архангела и Гавріила—взлетѣли ангели. Сатана жъ изъ камени (*сотвори*) бѣсовскую безчисленную силу боговъ. И рече Господь: будите 33 кита на морѣ Тивиріадскомъ, и буди на тѣхъ китахъ земля.

(*Изъ сборника М. Слѣпче, принадлежащаго В И. Григоровичу. Ж. Мин. Н. Пр. 1863, кн 3, IV. 91*).

Подобныя повѣсти о сотвореніи міра доселѣ разсказываются въ простонародьи какъ у насъ, такъ и у другихъ славянскихъ народовъ (*Лѣт. литер. Тихонр. III*).

(¹) Подобная молитва есть въ сербскомъ требникѣ 1423 г. Послѣднія три молитвы взяты изъ рукоп. 1476.

(¹) *Тьма*—значитъ счетъ: 10,000.

Б. ПАМЯТНИКИ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

84. Легенда о Пятницѣ.

Когда-то одна баба не почтила матушку Пятницу и начала прядево мыкать да вертѣть. Пропряла она до обѣда, и вдругъ сонъ на нее нашелъ—такой могучій сонъ! Уснула она, вдругъ отворилась дверь и входитъ, вишь, матушка Пятница въочью всѣмъ, въ бѣломъ шушунѣ, да сердитая такая! и шмыгъ прямо къ бабѣ, що пряла-то. Набрала горсть кастрики съ пола, какая отлетала—то отъ мочекъ (*прядей льна или поскони*), и ну посыпать ей глаза, и ну посыпать! посыпала да и была такова; поминай, какъ звали! Ничего и не молвила, сердешная. Та баба какъ проснулась, такъ и взвыла благимъ матомъ отъ глазъ, и ни вѣдая, отъ чего они заболѣли. Другія бабы сидятъ въ ужасьи и учали вопьть: „Ухъ ты, окаянная! Заслужила казнь лютую отъ матушки Пятницы“ — и сказали ей все що было. Та баба слушала—слушала и ну просить: „матушка Пятница! вамилуйся мнѣ, помилуй меня грѣшную: поставлю тебѣ свѣчку, и другу — недругу закажу обижать тебя, матушка!“ И що жъ ты думаешь? Ночью, вишь, опять приходила она и выбила изъ глазъ у той бабы кострику-то, и она опать встала. Грѣхъ великій обижать матушку Пятницу—прядево мыкать да прясть.

(*Записана въ Липецк. у. Тамб. губер. сельс. учит. Елисеемъ Сабуровымъ. У Аѳанасьева стр. 47*).

Почитаніе Пятницы ведетъ свое начало изстари: этотъ день посвящался богинѣ Венерѣ или Фреѣ, Пріи. Какъ у Славянъ, такъ и у Русскихъ доселѣ передаются разсказы о св. Пятницѣ, хотя первоначальный смыслъ ихъ утратился. (См. Арх. истор.-юр. кн. 2, пол. 2, отд. IV, 42—43. I. Экзархъ Болгар. 210. Моск. Вѣдом. 1851, № 75. Прав. Собес. 1859, № 2, 188. См. также »Легенды« *Аѳанасьева*, стр. 145—150).

Суевѣрный взглядъ сталъ находить объясненіе старыхъ преданій въ христіанской исторіи; въ одномъ духовномъ стихѣ передается эта легенда такъ:

Молился трудникъ во пустыни,
Не владѣлъ онъ ни руками, ни ногами,
Пришла Пятница Парасковія,
Трудника свѣчею освѣтила,
Трудника крестомъ оградила,
Божьи рѣчи говорила:
Поди же, трудникъ, на Россею,
Скажи трудникъ всему міру,
Чтобы матернымъ словомъ не бранились;
Отъ матерна слова погибають;
Чтобъ родители дѣтей не проклинали
И жидовьемъ дѣтей не называли:
Жиды у Христа проклятые;
Чтобы мужнія жены честныя
Поимѣли три дни въ недѣлѣ:
Пятницу и середу почитали,
Въ воскресный бы день не работали,
Чтобъ въ середу золы не золили,
Чтобъ на чистую воду не пущали,
А въ пятницу пыли не пылили (¹),
Что въ пятницу Жиды Христа роспинали,
Горячую кровь пропущали.

(*Калѣки, в. 6, стр. 164—165*).

85. Легенда о Ноѣ Праведнемъ.

Въ древнее время былъ человѣкъ, имя ему Ной, праведенъ во всѣхъ человѣкахъ; люди же тогда жили въ великомъ согрѣшеніи. И восхотѣлъ Господь скверну человѣческихъ дѣлъ очистить и сотворить потопъ на землѣ. И послалъ къ нему, Ною Праведному, ангела своего, и повелѣлъ Ною сотворить ковчегъ. Ной же по ангелову благовѣстію созидалъ ковчегъ 13 мѣсяцевъ, а женѣ своей не сказывалъ, куда ходитъ и что дѣлаетъ.... Дьяволъ сказалъ женѣ Ноевой: жено! повѣдай мнѣ, куда ходитъ Ной, мужъ твой?— Она же сказала ему: „крѣпокъ мой мужъ, не говоритъ мнѣ своей тайны.“ Дьяволъ же сказалъ ей: жено! послушай меня, есть трава по рѣкамъ, вьется по деревьямъ; имя ей

(¹) Чтобы не варили щелока и бѣлья не полоскали, чтобы ленъ не трепали, не мяли, не мыкали и не прали, п. ч. отъ пыли при этой работѣ засаривается лице св. Пятницы.

хмѣль. И ты ступай, нарви травы той цвѣту, упарь и уквась ее, и тѣмъ его напой, и онъ повѣдаетъ тебѣ все, куда ходитъ и что дѣлаетъ. — И сошелъ Ной съ горы по обычаю, пищи ради, и сказалъ женѣ своей: „жено, дай мнѣ квасу; отъ работы своей сильно хочу испить.“ Жена же, наливъ чашу, подала ему. Ной выпилъ и похвалилъ, и сказалъ: „нѣтъ ли еще?“ Жена дала ему еще двѣ чаши. Испивши, Ной легъ опочить; а жена начала его ласковыми словами спрашивать: „куда господине мой, ходишь и что творишь?“ Ной и разсказалъ ей все... Наутро пошелъ въ горы, и увидѣлъ ковчегъ свой разоренъ, и сталъ плакать И явился ему ангелъ господень, и сказалъ ему: не велѣлъ *я* тебѣ повѣдать дѣла этого женѣ твоей; услышалъ про то дьяволъ и разорилъ твой ковчегъ.

(*Легенды, изд. А. Аѳанасьевымъ, стр. 181—183*).

См. еще 48—53. Рус. Вѣстн. 1858 г. № 13, стр. 21—23. Очеркъ литер. исторіи старин. пов. и сказокъ, А. Пыпина. 204—205.

Эта легенда цѣликомъ взята изъ апокрифическаго „Сказанія о Ноѣ“ (*Пам. стар. литер. III, 17—18*). Неизвѣстно, когда и гдѣ составилось это сказаніе, но оно передѣлано въ Россіи и получило мѣстный колоритъ. Такъ подъ травой, вьющейся около дерева, разумѣется хмѣль, вмѣсто винограда; а подъ питьемъ изъ этой травы—пиво или хмѣльная брага, вмѣсто виноградняго вина.

О легендахъ:

На ряду съ другими эпическими сказаніями, живущими въ устахъ народа, существуетъ цѣлый отдѣлъ небольшихъ повѣстей, запечатлѣнныхъ тѣмъ особеннымъ, отличительнымъ характеромъ, вслѣдствіе котораго получили онѣ названіе легендъ. Для своихъ эпическихъ произведеній народъ, какъ извѣстно, беретъ содержаніе изъ преданій своего прошлаго, вноситъ въ нихъ свои собственныя вѣрованія и нравственныя убѣжденія, присущія ему въ ту или другую эпоху его развитія: и потому если языческая старина служила обильнымъ матеріаломъ для народной поэзіи, то въ свою очередь и христіанскія представленія, воспринятыя юными новообращенными племенами, должны были найдти въ ней свой живой отголосокъ. Народная пѣсня и сказка въ самомъ дѣлѣ не разъ обращались къ священному писанію и житіямъ святыхъ, и отсюда почерпали матеріалъ для своихъ повѣствованій; такое заимствованіе событій и лицъ изъ библейской исторіи, самый взглядъ на все житейское, выработавшійся подъ вліяніемъ священныхъ книгъ и отчасти отразившійся въ народныхъ произведеніяхъ, придали этимъ послѣднимъ интересъ болѣе значительный духовный; пѣсня обратилась въ стихъ, сказка—въ легенду. Само собою разумѣется, какъ въ стихахъ, такъ и въ легендахъ заимствованный матеріалъ передается далеко не въ совершенной чистотѣ; напротивъ, онъ болѣе или менѣе подчиняется произволу народной фантазіи, видоизмѣняется сообразно ея требованіямъ и даже связывается съ тѣми преданіями и повѣрьями, которыя уцѣлѣли отъ эпохи доисторической и которыя повидимому такъ противоположны началамъ христіанскаго ученія. Исторія совершаетъ свой путь послѣдовательно, и въ малоразвитыхъ массахъ населенія старое не только надолго уживается съ новымъ, но и взаимно проникаются другъ другомъ, перепутываются, пока истинное просвѣщеніе не укажетъ несостоятельности подобной связи. Такъ возникли многія средневѣковыя апокрифическія сочиненія: такъ возникли и народныя легенды, повѣствующія о созданіи міра, потопѣ и страшномъ судѣ, съ примѣсью древнѣйшихъ суевѣрій и окружающія нѣкоторыхъ угодниковъ атрибутами чисто-сказочнаго эпоса. Поэтому, хотя простолюдинъ смотритъ на легенду, какъ на что—то священное, хотя въ самомъ разсказѣ слышится иногда библейскій оборотъ, тѣмъ не менѣе странно было бы въ этихъ поэтическихъ произведеніяхъ искать религіозно-догматическаго откровенія народа въ его современномъ состояніи. Нѣтъ, это все памятники глубокой старины, того давно прошедшаго времени, когда благочестивый лѣтописецъ, пораженный дѣйствительнымъ смѣшеніемъ въ жизни христіанскихъ идей и обрядовъ съ языческими, назвалъ народъ нашъ двовѣрнымъ.

Если они и уцѣлѣли въ устахъ народа до нашего времени, если и подвергались въ теченіи многихъ и многихъ лѣтъ различнымъ измѣненіямъ, если наконецъ и замѣтны въ нихъ нѣкоторые яркіе слѣды позднѣйшихъ вліяній, то все—таки главнымъ образомъ они любопытны для насъ, какъ плодъ поэтическаго творчества народа въ древнѣйшій періодъ его исторіи.

Старинный эпосъ, согласно съ воззрѣніемъ первобытнаго человѣка на природу и съ значеніемъ самыхъ миѳовъ язычества, далъ въ своихъ повѣствованіяхъ довольно-видное мѣсто различнымъ животнымъ. Конь, быкъ, собака, волкъ, воронъ и другіе звѣри и птицы одарены вѣщимъ характеромъ и принимаютъ въ дѣяніяхъ и судьбахъ людей живое и непосредственное участіе.

Съ водворенiемъ новыхъ христiанскихъ началъ, народная фантазiя не позабыла и не отринула тѣхъ прежнихъ образовъ, въ которыхъ представлялись ей взаимныя отношенiя человѣка и природы; она по старому любила обращаться къ мiру животныхъ; любила надѣлять ихъ умомъ и волею, и касаясь событiй, описанныхъ въ ветхомъ и новомъ завѣтахъ, свободно допустила ихъ въ свои легендарныя сказанiя.

Такъ, по народнымъ повѣрьямъ, собака первоначально была создана голою; но чортъ желая ее соблазнить, далъ ей шубу, т. е. шерсть. Мышь прогрызаетъ Ноевъ ковчегъ; ужъ затыкаетъ эту дыру своей головой, за что Богъ позолотилъ ему головку. Когда родился Христосъ и начались гоненiя Ирода, Богоматерь положила божественнаго младенца въ ясли и прикрыла его сѣномъ. Прожорливая лошадь всю ночь ѣла кормъ и безпрерывно открывала убѣжище Спасителя, а волъ не только пересталъ ѣсть, но еще собиралъ разбросанное сѣно рогами и набрасывалъ его на младенца. Богъ проклялъ лошадь за ея жадность, а вола благословилъ; оттого-то лошадь постоянно жретъ и никогда не насыщается, оттого-то волъ употребляется человѣкомъ въ пищу, а лошадь нѣтъ.

Во время земной своей жизни зашелъ однажды Спаситель въ домъ Еврея. Толпа окружила его. Невѣрующiй хозяинъ вздумалъ посмѣяться, и сказалъ Спасителю: „если ты Богъ, скажи намъ, что подъ этимъ корытомъ?" — Свинья съ тремя поросятами, —отвѣчалъ Господь.

Какой ужасъ оковалъ предстоящихъ, когда вмѣсто спрятавшихся хозяйки и дѣтей выползла изъ подъ корыта большая свинья съ тремя поросятами. Вотъ почему Евреи не ѣдятъ свинины. — Медвѣдь, говорятъ поселяне, былъ прежде человѣкомъ; онъ и теперь пьетъ водку, ѣстъ хлѣбъ, ходитъ на заднихъ лапахъ, пляшетъ и не имѣетъ хвоста....

Легенды хотя и касаются нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ событiй и лицъ, тѣмъ не менѣе, подобно всѣмъ другимъ народнымъ произведенiямъ, не знаютъ и не преслѣдуютъ исторической вѣрности. Онѣ даже раскрываютъ передъ нами цѣлый рядъ происшествiй, связанныхъ съ именемъ Спасителя, о которыхъ не упоминается въ источникахъ, но которыя справедливо обращаютъ на себя пытливое вниманiе ученыхъ. Въ этихъ разсказахъ не столько важна историческая правда передаваемаго событiя, сколько правда гуманнаго христiанскаго одушевленiя, проникающая собой все поэтическое созданiе." (Народ. рус. легенды, собр. А. Н. Аванасьевымъ. М. 1859 г. Въ предис. стр. V—XIV).

86. Изъ византiйской повѣсти: »Александрiя.«

Житiе и последованiе достолѣпнимъ человѣкомъ и воиномъ оустрмляющимсе на брани, еже убо чтити и разумѣти и слишати блаженнаго мужа цара Алексендра, како воева и како назвасе царь вьсей земли подсолначной. Начнемъ уже о рожденiи и о сьмерти его.

Бисть великой премудрости и храбрости и крѣпости утврдившихсе въ лѣто..... рождейся сынь ему тогда и нарече име ему Алексендьрь, еже по гречьскомь езику зоветсе *избраньнь*, и по истиннѣ избрань и благъ вьсемь являшесе; не бѣ же ему отъ плтьскаго рожденiя, ни отъ человѣческого утвора, но божiимь промысломь, иже вьсегда помогаше ему. Имаше кь вьсакому истинную любовь и езикъ непотворьнь; податливь и милостивь кь всемь сьгрешающимъ, и правь судь имаше; сими 4-ми добродѣтелми четиремь краемь земле царь сомодр'жаць назвасе, и сими добродѣтелми вьсакiй царь свое царство требуе држати. И тако Александрь творо, великимь градовомь и странамь царь назвасе, колико ни умь человѣчь постигнути възможе, ни на разумь дойти Александрове добродѣтели, душевнѣй же и плтасцей.

Начнемъ убо о рожденiи Александрове. Говоре сынь Филиповь бити ему, но небуди то, но Нектевана цара Египьтского сынь есть, и Олимбiяди, жены Филиповы. Сiй Нектеванъ, Египьтскимь странамь царь, влховною хитростiю и звѣздочьтiемь царь бѣше, къ бою и рати нейдеше, ни войскомь ни оружiямь противляшесе, но на помощь себе имаше влховную хитрость, и вьсемь околнимь езикомь противляшесе и одолеваше. И вьси околнiе царiе чуждахусе, что учинити лукавому сему влхву, Егупьтскому цару,—вьса бо благая земли нашей и богатьство в'лховною хитростiю вьзеть и кь своеи земли приложи, ми же страждемо; но обаче нетрпимь вещь сiю влховную, нь васи сьбравшесе на землю Египьтскую пойдемо, и Нектевана отъ царства изгнавше, и блага наша опеть кь себе вьземемо, а онь есть безцѣтнь и без' наслѣдiя влховьнь и страшливь, и вьса земля та противитсе. Бѣху же сьвѣщали овiи езицы на Нектепава: Перси, Ивери и Арапи, и Аксiяни, Вiопи, и Елапи, и инiе вьсточны езицы; и то видевь Егупьтскiй царь крайнiй, царь именемъ Вѣрвѣрихъ, и вьсплакавсе, и рече: „о тешко тебе, великiй въ градовехь Египте, до небесь възнесесе, и до ада.... сьнидеши; рука твоя бѣ па вьсехь, нышя же рука вьсехь на те; здѣ сладости насытилсе еси, нышя же горкаго яда наситишисе, но идемь къ Нектеваву цару и исповѣмь ему бившее, понеже

неизчьтенніе высточніе цариве и войске идуть нань." И пришьдь, приступивь кь нему, и рече: ,,вѣсто ти буди цару, понеже вьскоре свой животь вь самрть премѣниши, Даріе бо царь Персидскій, кой бу такматсе (?) пріиде на межде земле твоее сь вьсѣми высточными войсками, и хощеть поразити Егупать тебе ради, но савькупи свою войску на бой, и изиди прѣма ихь, нь никто же можеть одолѣти силной войсцѣ и храбромь витезомь ихь," — царь рече,—царь на цара и юнакь на юнака и коня, и тако чьсть и помоць имать; царство многими людми сьстоитсе, како и море мнозими влнами, и тако страшно являетсе плавающимь по немь. И то Нектенаву Верберихъ рече, и насмѣясе царь и рече: добро сьствориль еси, понеже вьзвестиль еси мнѣ дошаствіе цара Дарія и другихъ высточныхь царей на Егупать; мудрій страшливь небиваеть, раты многими людми небывають, но добримь и храбримь сердцемь; многапци единь волкь многи елень гонить, и единаго влка скоченіемь много стадь овьць разгонитсе, нь ти пойди и реченное ти оть мене створи инихь сьпоходи и мне гласъ посилай. И се рекь Верверика отправи, сам' же писа книге по вьсехь градовѣхь и странахь Егупатскихь готовитисе на брань, битисе за землю и за царство свое; но гдѣ Богъ не хощеть, человѣкь не можеть. И сіе рекь, вьниде вь полату царску и волховно врачеваніе сьтвори и злату руоумирію водѣ наполни и оть воска на водѣ двѣ войскѣ учини, сьпротивну воиску свою, и хитростію сьтвори битисе войскамь, и видѣ свою войску оть Персійскей войске побіену, и виде царь бѣгущіе Егупьтскіе кормеще корабли ратніе и уважаху войску вь Егупьть, и велми вьсплакасе и рече: о горе тебе, Египте, во много лѣтехь прославилсе еси сь царемь своимь Нектенавомь и вь единомь лѣте погибнете; несть бо на земли радости, иже непремѣнитсе въ жалость, ни слава, коя не погибаеть, но, о горе тѣмь, иже надѣютсе вь волшабную хитрость и помощь; прилично есть насланяюшемсе на воду когда се опре, тогда вь воду погрезнеть. И вь безчастіе пріиде царь Нектенавь, и въ Египте не могаше бити, ни сь войскомь битисе, жалосте исполнивсе, браду и главу свою оструга, и вь полунощи ис' царскихь полать избѣже и удалисе, въ незнане стране земле отійде, и пріиде вь Филипусь градь, идеже его ни кто же не знаяше, и седеше вь нѣкоемь мѣсте скровнѣ въ граду, и врача себе назоваше и майстора хитра оть Егупьтскихь звездочатыць.

О нашьдшихъ воискахъ на Евупть. Войску свою Египтене многу изгубише и кь дворомь цара своего Нектенава пріидоше и не обретоше его вь царскихь полатахь, и велми вьсплакашесе, и обретоше писаніе царево на одру его, глаголюще сице: ,,миліи мои Египтени, зла вашего не могохь зрѣти, но отидохь оть васъ старь вь мну землю до 30 лѣть, и по тридесетехь летехь паки пріиду къ вамь младь." И то писаніе вьзьмши Египтене, маліяше у злату стольь високь срѣде Египта поставише вь мѣсто цара, и вь руку его положены писаніе, его же самь писаль бѣше, и вьзложе вѣньць на главу его, сами же кь Пасидону богу своему притекоше, и за Нектенава цара своего молишесе и вьпрашаху его: гдѣ есть? Онъ же кь нимь вь снѣ явисе и рече имь: ,,до 30 лѣть имать пріити кь вамь младь, и мьчь не уломленъ десницы Перской притупить и враги ваше Перси подъ ноги положитъ."

Вь Македоніи врагь великь бысть Нектенавь. Филиппъ же царь Македонскій имаше царицу, име ее бисть Олимбіада, и вьсегда скорбь имаше зане неплодна бѣше, но образомъ красна бѣше зѣло, и вь великой любве царь сь нею пребиваше. Егда же идеяше царь Филиппь на воску, и призва царицу кь себе Олимбіяду и целова е вьсесрьдачно и рече ей: ,,милая моя Олимбіядо, аще не зачнеши отроче до пришьствія моего, не има дуже видѣти очи мои,"—и сіе рекь на войску отіиде. Олимбіяда же оскрбе и вь тузе велицей оста, не вѣде что сьтворити. Едина же оть рабинь знаяше ю, понеже скорбить отрочети ради неимѣнія, и рече кь Алимбіяди царицы, госпожи своей: »не скорби, госпожé моя, есть вь нешемь граду человѣкь Египтенинь, мужь хитръ словомь и дѣломь; мнитисе, когда те види, сьтворить ти сердцу хотеніе,"—сіе же слиша Олимбіада вьскорѣ за Нектенава посла.

Пріиде же Нектенавъ кь царицы. И рече ему Олимбіада: ,,о человѣче Египтенине, истинна ли есть, что азъ слышала о тебе, понеже хитростію твоею можешь раздрешити утробу мою, и силному цару Филиппу срдце обвеселити, и великую мою жалость на радость обратити; да аще се истинна будеть, твори несумненно ежо вѣси, и великую честь и дарь оть мене пріимеши, и великъ у Македоніи наречешисе."

Нектенавъ же видьвь Олимбіаду. И велми дивляшесе лѣпоте лица ее и очима взираше нань, и главу преклонивь стояше: она же помишляше еда хощеть вьскорѣ бѣседовати са нею, онъ же стое молче. И рече ему Олимбіада: ,,что ме трудиши, о человѣче, аще имаши силу творити, твори еже вѣси." Онъ же видѣвь красоту лица ее устрмлень бысть вь срдце любовію, и рече кь Алимбіадѣ:— вижду, црице, понеже бози хотеть бити сь тобою, Амона и Финеса, да аще припустиши кь себе, мати великому цару наречешисе.—

И се слиша Олимбіада и възрадовасе радостію великою зѣло, понеже своему сыну мати назоветсе, и повелѣ Олимбіада, да сътворетъ ему камару малу близъ полате царскіе, яко да казуеть ей дохожденіе бога Амона и Финеса. И приде Нектенавь кь ней самь вь образѣ бога Амона и рече— таковь есть образъ Амоновь:—глава орля, на ней рози вазилисковы, опашь асиидовь, ноги львови, крила грифова злата и червлена, — сице вьобразисе Нектенавь и внійде кь Олимбідѣ, и бисть сь нею, и рече ей:— блаженна ти вь женахъ Олимбіядо, яко днесь зачеть сына, вьсему свѣту цара.—И сіе рекъ изшьдь вьнь, она же остальстивна, — и пріиде заутра къ ней и рече ей:—хранисе вь чистотѣ, и тако приходить к' тебе богъ Амонь, и егда пріиде време родити ти, призови ме кь себѣ, и что ти азь реку створи. И сему тако бившу...

Присиѣвь часъ рожденія и приступи Нектенавъ кь царицы и рече ей:

Придржи вь себе не родити, дондоже благій часъ пріидеть, зане аще вь сій часъ... родиши, раба и непотребна человѣка, зане коло круга небеснаго вь лунѣ стоить; мало потерпи, дондеже небесніе планиты науставу станутъ, и стіхіе преступленіе створеть, тогда родити хощеши цара царемь, зѣло мудра человѣка. Она же претрпѣвши се и роди сына великого Александра,....

(Очеркъ литер. исторіи старин. повъстей и сказокъ рус. А. Н. Пыпина. По списку ркп. Рум. Музея, № 175, л. 1 и дал. См. Уч. Зап. 2 отд. Акад. Н. IV, 303—306).

Наша ,,Александрія'' представляетъ особенный видъ того произведенія греческой литературы, которое обыкновенно приписывается псевдо-Каллисеену, и которое, распространившись въ латинскихъ редакціяхъ во всей западной Европѣ среднихъ вѣковъ, сдѣлалось источникомъ множества поэтическихъ сказаній и романовъ, описывавшихъ подвиги и славу Александра Македонскаго. Переходя отъ одного народа къ другому, сказанія объ Александрѣ мѣнялись въ духѣ разныхъ національностей, и такимъ образомъ явились отдѣльныя ихъ редакціи, сходныя въ главныхъ фактахъ и отличныя въ подробностяхъ и колоритѣ событій и преданій; частные миѳы получали большее развитіе и новый смыслъ или вставлялись цѣликомъ изъ другаго источника, хотя бы ихъ и не допускалъ первобытный видъ сказанія. Старинная русская повѣсть ведетъ начало отъ византійскихъ редакцій, а не отъ латинскихъ, какъ у Чеховъ и Поляковъ, и взята въ сербскомъ переводѣ, который считается весьма древнимъ. Повѣсть встрѣчается въ хроникѣ Георгія Аматрола и у Меѳодія Патарскаго, переводы которыхъ на Руси были извѣстны первоначальному лѣтописцу, и онъ упоминаетъ нѣсколько разъ о дикихъ людахъ, заклепанныхъ въ горѣ Александромъ Македонскимъ. Даніилъ Заточникъ

зналъ о храбрости Александровой. Большая извѣстность Александріи въ старинной русской литературѣ прямо опредѣляется большимъ количествомъ списковъ; изящество нѣкоторыхъ рукописей исторіи показываетъ, что она принадлежала къ числу любимаго чтенія. Повѣсть о разрушеніи Трои, занесенная въ сочиненіе византійца Малалы, извѣстнаго въ переводѣ славянскомъ, также знакома была нашимъ предкамъ; позднѣйшіе русскіе тексты сохраняютъ слѣды древняго южно-славянскаго подлинника. Византійскому источнику принадлежитъ знакомство Руcскихъ съ Восточными сказаніями, которыя относятся чисто къ области фантазіи. Одинъ изъ этихъ памятниковъ *Синагрипъ царь Адоровъ и Наливскія страны* есть сказка изъ ,,Тысячи и одной ночи,'' сохранившаяся въ замѣчательномъ сборникѣ XIV или XV в., въ которомъ найдено Слово о полку Игоревѣ. Эта же сказка въ другихъ рукописяхъ озаглавливается: *Сказаніе объ Акирѣ премудромъ* (т. е. о Гейкарѣ, министрѣ Сенхариба, царя Ниневіи). Въ русскомъ переводѣ сохранились нѣкоторыя особенности южно-славянскаго подлинника; формы языка, отдѣльныя слова и обороты указываютъ на древность произведенія, быть можетъ современную Слову о полку Игоревѣ. Въ изложеніи уцѣлѣли слѣды и греческаго перевода арабской сказки, по которому эта послѣдняя стала извѣстна въ литературахъ южно-славянскихъ. Такая же передѣлка сказки арабской ,,Дѣяніе и житіе Девгеніево Акрита'' находилось въ томъ же Пушкинскомъ Сборникѣ и ,,Сказаніе о Индіи богатой,'' письмо пресвитера Іоанна къ императору Мануилу. Это средневѣковое преданіе о существованіи сильнаго христіанскаго государства въ Азіи, которымъ управлялъ царь и вмѣстѣ священникъ Іоаннъ, встрѣчается въ путевыхъ запискахъ Плано-Карпини, Рубриквиса и другихъ. ,,Повѣсть о Китоврасѣ,'' сказанія о Соломонѣ, легенда о Варлаамѣ и Іосафатѣ тоже перешли изъ Византіи чрезъ посредство Славянъ, кажется, ранѣе XV столѣтія.

Исторія Варлаама и Іоасафа—духовный романъ, чрезвычайно любимый въ средніе вѣка. Сюжетъ состоитъ въ разсказѣ о томъ, какъ мудрый пустынникъ Варлаамъ (жившій въ III—IV ст. въ землѣ Сеннааръ въ Азіи) обратилъ въ христіанство индійскаго царевича Іоасафа, не смотря на всѣ гоненія жестокаго отца его Авенира. Варлаамъ явился къ царевичу подъ видомъ купца, продающаго драгоцѣнный камень, и объяснилъ, что камень изображаетъ царство небесное, котораго всего легче достигнуть уединеніемъ и молитвою. Большая извѣстность этой исторіи послужила источникомъ для русскихъ духовныхъ стиховъ объ Осафіѣ царевичѣ и о пустынѣ. (Чт. общ. 1848 г. 9,181).

87. Объ Іосафѣ царевичѣ.

Во дальней во долинѣ,
Тамъ стояла мать прекрасная пустыня;
Приходитъ ли во пустыню
Младой царевичъ Іосафій;

„Любезная моя мати,
Прекрасная мать пустыня!
Пріемли мене во пустыню,
Отъ юности прелестныя;
Научи меня, мать пустыня,
Какъ божью волю творити;
Достави меня, пустыня,
Къ своему ко небесному царствію.“

Отвѣщуетъ ему мать пустыня:
—Любезное мое чадо,
О младой царевичъ Іосафій!
На кого свое царство спокидаешь,
Кому владѣть твоимъ царствомъ,
Твоими бѣлыми каменными палатами,
Твоею казною золотою?—

Отвѣщуетъ ко пустынѣ
Младой царевичъ Іосафій:
„Любезная моя мати,
Прекрасная мать пустыня!
Не хочу я зрѣть на вольный свѣтъ,
На свои каменны бѣлы палаты
И на свою казну золотую.
Хочу я пребыть во пустынѣ,
Я радъ на тебя, мати, работати,
Земные поклоны исправляти,
До своего до смертнаго часу.“

Отвѣщуетъ ли мать пустыня
Ко младому царевичу Іосафію:
—Чадо ты мое, ты любезное,
Младой царевичъ Іосафій!
Какъ придетъ весна красная,
Всѣ луга, болота разольются,
Древы листомъ одѣнутся,
На древахъ запоетъ птица райская
Архангельскими голосами:
Но ты изъ пустыни вонъ изойдешь,
Меня мать прекрасную пустыню позабудешь.—

Отвѣщуетъ ли ко пустынѣ
Младой царевичъ Іосафій:
„Любезная моя мати,
Прекрасная мать пустыня!
Какъ придетъ весна, мать, красная,
Всѣ луга, болоты разольются,
И всѣ древа листомъ одѣнутся,
На древахъ запоютъ птицы райскія
Архангельскими голосами:
Но я изъ пустыни вонъ не изойду,
Тебя, мать прекрасная, не покину.“

Отвѣщуетъ ли мать пустыня
Ко младому царевичу Іосафію;
—Чадо ты мое, ты любезное,
О младой царевичъ Іосафій!
Дарую тебя златымъ вѣнцомъ;
Я вѣрныхъ дарую на спасеніе,
Безвѣрныхъ дарую на двѣ воли.—

Усѣ ангелы возрадовалися
И архангелы счудесалися
Премладому его смыслу,
Превеликому его разуму.

А мы запоемъ аллилуія, аллилуія,
О слава тебѣ, Христе Боже нашъ!

(„Кальки“ Безсонова, вып. I, ст. 206—208).

88. Стихъ о страшномъ судѣ.

Воскреснетъ небесный царь
И вознесется рука Его
Да на вышнія небеса!
Егда будетъ страшный судъ,
Вострубятъ въ трубы ангелы,
Въ трубы позлащенныя;
Ужахнется вся вселенная,
Померкнетъ красное солнышко,
Потемнѣетъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Падутъ звѣзды на землю,
Яко листвіе со древа,
Престолы поставятся,
Вся книги поразгибнутся:
Дѣла наши прочитаются,
Вся грѣхи объявятся.
Отъ востоку и до запада,
Съ восточныя со стороны
Идутъ души праведныя,
Идутъ все любимыя;
Стрѣчаетъ ихъ небесный царь
Съ милостью, со жалостью
И съ великою со любовію:
„Вы подите, праведные,
Подите мои, любимые,
Во мой во прекрасный рай,
Во царствіе небесное:
Весь вамъ рай радуется,
Царствіе вамъ ликуется!“

*(Вамъ райскія древи отверзаются
И прикрасенъ вамъ рай красуется!)*

Съ западныя стороны,
Съ полуночныя—темныя,
Идутъ души грѣшныя,
Идутъ все беззаконныя;
Проречетъ имъ небесный царь
Съ грубостью, со яростью,
Со великою съ нелюбовію:
„Подите, грѣшные,
Зыдите, проклятые,
Къ сотоны—ко дьяволу,
Кому вы работали,
Во тьму во кромѣшную,
Въ пропасти глыбокія!“
Росплачутся грѣшные
Во многіе голосы:
„Увы, нашъ небесный царь,
Солнце наше красное!
Прими насъ въ прекрасный рай,
Во царствіе небесное!“
Проречетъ имъ небесный царь:

,,Я топерь васъ, грѣшныихъ,
Всѣхъ къ себѣ на судъ дождалъ,
Всѣмъ вамъ по дѣламъ воздамъ:
—Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Іереямъ—священникамъ
И судіямъ неправеднымъ, —
Погреба имъ будутъ глыбокіе,
Мразы имъ будутъ лютые:
То имъ мука вѣчная,
Житіе безконечное!
—Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Мужамъ беззаконникамъ,
Инымъ будетъ грѣшницамъ,
Женамъ—беззаконницамъ
И младенческимъ душегубницамъ, —
Котлы имъ будутъ мѣдные,
Огни разноличные,
Змѣи груди ихи высосаемы,
И сердце вытягаемо:
То имъ мука вѣчная,
Житіе безконечное!
—Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Глумотворцамъ и просмѣшникамъ,—
Смола имъ кипучая
И зубная скрыжанія,
И плачь имъ непрѣстанный:
То имъ мука вѣчная
И житіе безконечное!
—Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Клеветникамъ и язычникамъ, —
Языкъ въ темя вытягнутъ
И за языки повѣшены
На удахъ желѣзныихъ (¹):

(*За языки повишоны*
На крюки горячи,
На древа каленыи).

То имъ мука вѣчная,
Житіе безконечное!
—Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Пьяницамъ и корчемникамъ,—
Чады имъ будутъ горькіе
И сирады имъ великіе:
То имъ мука вѣчная,
Житіе безконечное!
—Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Плясунамъ и водынщикамъ, —
За хребты они будутъ повѣшены
Надъ плитамъ надъ каленыимъ
И на гвоздье желѣзное:
То имъ мука вѣчная,
Житіе безконечное!
—Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Сребролюбцамъ и грабителямъ,—
Червь имъ будетъ неусыпаемая:
То имъ мука вѣчная,
Житіе безконечное!" —

(¹) *На крючьяхъ*. Сличи это выраженіе съ подобнымъ, встрѣчающимся въ ,,Хожд. Богородицы по мукамъ."

Припадутъ вси грѣшные
Ко матушкѣ ко сырой землѣ,
Начнутъ оны горько плакати.
,,Увы, отцы—матери!
Почто насъ породили,
На бѣлый свѣтъ попустили,
На добры дѣла не учили!?
Чего ради мы, грѣшные,
Маленьки не померли!?
Мы бы были ангелы,
Съ Богомъ за единое:
А топерь намъ, грѣшныимъ,
Дѣламъ нашимъ судъ пришелъ
Отъ царя небеснаго!"

(*И погонять насъ, грѣшныихъ,*
Въ западную сторону,
Во мѣсто во адовое,
Во пропасть глубокую.
Не слышно отъ грѣшныихъ
Ни писку, ни вереску,
Отнынѣ и до-вѣку).

(*Калѣки Безсонова, вып. 5, 176*).

Въ другихъ варіантахъ того же стиха много встрѣчается разнообразныхъ пріемовъ въ распредѣленіи сорта мученій извѣстнымъ грѣшникамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на русскіе стихи о страшномъ судѣ имѣло большое вліяніе ,,Хожденіе Богородицы по мукамъ." Оно же находится въ связи съ сюжетомъ картины ,,страшнаго суда," и съ содержаніемъ лубочной картинки ,,адское дерево," которая встрѣчается у раскольниковъ.

89. Стихъ о Θедорѣ Тиронѣ.

Царь Константинъ Самойловичъ молился у заутрени, чтобы Господь спасъ его отъ силы жидовской, которая облегла его городъ Ерусалимъ. Никто не берется защищать его, всѣ перетрусили угрозы; вдругъ вызывается двѣнадцатилѣтній сынъ царя *Θедоръ Тырининъ*, надѣясь на силу небесную. Рубился онъ три дня и три ночи и покорилъ силу жидовскую: крови такъ было много, что Θедоръ молился, чтобы разступилась мать сыра земля и пожрала кровь іудейскую. На радостяхъ отецъ съ сыномъ сѣли за скатерти за браныя, пьютъ—ѣдятъ, прохлаждаются. Родимая матушка Θедора, милуючи и жалѣючи добра коня, привязаннаго ко столбу точеному, —

Отвязала отъ кольца позлаченаго,
Повела на сине море,
Поить, обмыть кровь юдейскую
И всее кровь жидовскую.
А гдѣ ни взялся змѣй огненный,

Двѣнадцати-крылыхъ хоботовъ,
Онъ прожралъ коня добраго,
Полонилъ его матушку
И унесъ его матушку
Во пещеры во зміиныя,
Ко двѣнадцати змѣенышовъ.
А гдѣ не взялись два ангела божіихъ,
Рекли человѣчимъ да и голосомъ:
„А младъ человѣкъ, Ѳедоръ Тирининъ!
Ты пьешь и ѣшь прохлаждаешься,
Надъ собой бѣды ты не знаешь:
Твою родимую матушку
Полонилъ змѣй огненный,
Прожралъ тваво коня добраго“... (¹).
(При этой вѣсти Ѳедоръ Тиронъ)
Что въ устахъ было, то проглотилъ,
Что въ рукахъ, то такъ пустилъ;
Восходитъ скоро въ церьковь соборную,
Онъ беретъ съ собой слово божіе,
Святу-честну книгу евангелье,
Онъ беретъ съ собой збрую ратную,
Копье булатное,
Саблю вострую, палицу желѣзную,
Еще крѣпкой лукъ, двѣ стрѣлы каленыя;
Онъ приходитъ къ морю синему,
Становился на крутомъ, красномъ бережечкѣ,
Онъ читаетъ слово божіе,
Святу честну книгу евангелье;
Во слезахъ письма не видитъ,
Во рыданьи слова не вымолвитъ.
Гдѣ ни возмется тамо китъ рыба,
Прорѣщитъ та китъ рыба
Человѣчьимъ языкомъ:
„А младый человѣкъ, Ѳедоръ Тиронъ!
Ты поди по мнѣ, по китѣ рыбѣ,
Яко по мосту, яко по суху,
Выручи свою родимую матушку
Изъ тое муки змѣиныя,
Отъ двѣнадцати отъ змѣенышей“.
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Переходитъ море синее,
Становится на крутомъ, красномъ бережечкѣ,
Читаетъ слово божіе,
Святу-честну книгу евангелье,
Во слезахъ письма не видитъ,
Во рыданьи слово не вымолвитъ.
Завидѣла его родимая матушка
Изъ тое изъ муки изъ змѣиные,
Отъ двѣнадцати отъ змѣенышей,
Кричитъ—вопитъ громкимъ голосомъ:
„Ой, дитятко, съ тобою мы погибнули.
Родимое, съ тобой погибнули!“
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Самъ возговоритъ таково слово:
„Не убойся, моя матушка, не погибнули,
Родимая, не погибнули;
Еще съ нами Богъ и надъ нами Богъ,
Со мною слово божіе,
Со мною сбруя ратная, копье булатное,
Сабля вострая, палица желѣзная,

(¹) *Калѣки перехожіе. III, 526—530.*

Еще крѣпкой лукъ, двѣ стрѣлы калены.“
А молодой человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Онъ натягивалъ свой крѣпкой лукъ,
Онъ накладывалъ двѣ стрѣлы калены;
Онъ стрѣлялъ въ двѣнадцать змѣенышей,
Побивалъ двѣнадцать змѣенышей;
Выручилъ свою родимую матушку
Изъ тое изъ муки змѣиныя
Отъ двѣнадцати змѣенышей;
Онъ посадилъ ее на головку на тяжелую (¹),
Понесъ ее къ морю синему.
Его родимая матушка
Назадъ себѣ оглянулася,
Завидѣла змѣя лютаго,
Люта змѣя, люта-огненна,
О двѣнадцати хоботовъ,
Кричитъ-вопитъ громкимъ голосомъ:
„Ой, дитятко, съ тобой мы погибнули,
Родимое, съ тобой погибнули!“
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Самъ возговоритъ таково слово:
„Не убойся, моя матушка, не погибнули,
Родимая не погибнули;
Еще съ нами Богъ и надъ нами Богъ,
Со мною слово божіе“.....
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Онъ натягивалъ свой крѣпкой лукъ,
Онъ накладывалъ двѣ стрѣлы калены,
Онъ стрѣлялъ супротивъ змѣя лютаго,
Люта змѣя, люта огненна
О двѣнадцати хоботовъ,
Вышибалъ ему сердце со печенью;
Обливала его кровь змѣиная
Не по колѣно, не по поясъ,
По самы груди бѣлыя.
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Онъ и бьетъ копьемъ во сыру землю,
Самъ возговоритъ таково слово:
—„Ужь ты матушка мать сыра земля
Раступися на четыре четверти,
На всѣ на четыре стороны!
Ты пожри въ себя кровь змѣиную!“
По божію изволенію
Разступалася мать сыра земля
На четыре на четверти,
Пожирала въ себя кровь змѣиную.
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Очищалъ землю свято-русскую,
Приходилъ ко синю морю,
Становился на крутомъ красномъ бережечкѣ,
Читаетъ слово божіе
Святу честну книгу евангелье:
Во слезахъ письма не видитъ,
Во рыданьи слово не вымолвитъ.
Гдѣ не возмется та же китъ рыба,
Прорѣщитъ китъ рыба
Человѣчьимъ языкомъ:
„А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Ты поди по мнѣ по китѣ рыбѣ,

(¹) Можетъ быть „на головку— на темячко.“

Яко по мосту, яко по суху,
Понеси свою родимую матушку,
Изъ тые изъ муки змѣиные."
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Переходитъ море синее,
Становится на крутомъ на красномъ бережечкѣ,
Самъ возговоритъ таково слово:
—„Государыня моя родимая матушка,
А что стоитъ мое похожденіе
Супротивъ твоего порожденія?"
Его родимая матушка
Горючимъ слезамъ заливалася,
Сама говорила таково слово:
„Ой горе, чадо милое!
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Всего тебѣ отъ роду двѣнадцать лѣтъ,
Какъ твое то похожденіе,
Наипаче моего порожденія" (¹).

(*Изъ пѣсенъ Якушкина, стр. 56—59*).

См. апокрифич. житіе Ѳеодора въ Пам. стар. литерат. 143—145.

Содержаніе русскихъ духовныхъ стиховъ, точно такъ же какъ и легендъ, чисто религіозное и было въ старое время дѣломъ благочестія и христіанскаго любопытства народа. Онъ брались изъ разсказовъ свящ. писанія, церковныхъ преданій, принесенныхъ изъ Византіи, изъ отреченныхъ или апокрифическихъ книгъ, а также изъ преданій языческой старины. „Въ сѣверныхъ народахъ Европы, говоритъ А. Н. Пыпинъ, христіанство нашло сильный отзывъ (въ средніе вѣка); личности и событія свящ. исторіи заняли мѣсто языческой миѳологіи, хотя наивная безсознательность тогдашнихъ людей не рѣдко мѣшала языческое съ христіанскимъ и даже повторяла ту же языческую старину подъ новыми формами. ...Легенда отъ безпрестаннаго обращенія въ народѣ иногда смѣшивалась съ другими разсказами; въ ея христіанскіе разсказы вплетались разныя посторонніе черты изъ старыхъ миѳическихъ воспоминаній: къ библейскому сказанію о сотвореніи міра примѣшалась космогонія древнихъ обрядныхъ пѣсенъ, въ исторію благочестивыхъ людей попали подробности изъ народныхъ сказокъ, въ преданья объ адѣ и раѣ вошли принадлежности новѣйшаго быта и т. д." Происхожденіе міра и конецъ его составляетъ одинъ изъ важныхъ предметовъ русскихъ духовныхъ стиховъ, а также жизнь Спасителя, дѣянія святыхъ мужей и воздаяніе на судѣ праведникамъ и грѣшникамъ.

(¹) *Твое похожденіе*, т. е. то, что сдѣлалъ ты для меня, *наипаче*, т. е. болѣе, выше чѣмъ *мое порожденіе, чѣмъ то, что я тебя родила.*

90. О Голубиной книгѣ.

Восходила туча сильна грозная,
Выпадала книга Голубиная,
И не малая, не великая:
Долины книга сороку сажень,
Поперечины двадсяти сажень.
Ко той книгѣ ко божественной
Сходилися, съѣзжалися
Сорокъ царей со царевичамъ,
Сорокъ князей со князевичамъ,
Сорокъ поповъ, сорокъ дьяконовъ,
Много народу, людей мелкіихъ,
Христіянъ православныихъ.
Никто ко книгѣ не приступится,
Никто ко божьей не приштнется.
Приходилъ ко книгѣ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичь:
До божьей до книги онъ доступается;
Передъ нимъ книга разгибается,
Всё божественное писаніе ему объявляется.
Еще приходилъ ко книгѣ Володиміръ князь,
Володиміръ князь Володиміровичь.
Возговорилъ Володиміръ князь:
„Ты премудрый царь Давыдъ Евсеевичь!
Скажи, сударь, проповѣдуй намъ,
Кто сію книгу написывалъ,
Голубину кто напечатывалъ?"
Имъ отвѣтъ держалъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
„Писалъ сію книгу самъ Исусъ Христосъ,
Исусъ Христосъ царь небесный;
Читалъ сію книгу самъ Исай пророкъ,
Читалъ онъ книгу ровно три года,
Прочиталъ изъ книги ровно три листа."
—„Ой ты гой еси, нашъ премудрый царь,
Премудрый царь, Давыдъ Евсеевичь!
Прочти, сударь, книгу божію,
Объяви, сударь, дѣла божіи,
Про наше житіе, про свято-русское,
Про наше житіе свѣту вольнаго:
Отъ чего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ?
Отъ чего у насъ солнце красное? и пр.
Отчего у насъ въ землѣ цари пошли,
Отчего зачались князья-бояры,
Отчего крестьяны православные?"
Возговоритъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
—Ой ты гой еси, Володиміръ князь,
Не могу я прочесть книгу божію,
Ужъ мнѣ честь книгу,—не прочесть божью;
Эта книга не малая, книга великая,
На рукахъ держать,—не сдержать будетъ;
На налой положить божій,—не уложится,
Умомъ намъ сей книги не сосмѣтити,
И очамъ намъ книгу не обозрити,
Великая книга Голубиная!

Я по старой по своей по памяти
Разскажу вамъ, какъ по грамотѣ;
У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда божія;
Солнце красное отъ лица божьяго,
Самого Христа царя небеснаго;
Младъ-свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей его;
Звѣзды частыя отъ ризъ божіихъ;
Ночи темныя отъ думъ господнихъ;
Зори утренни отъ очей господнихъ;
Вѣтры буйные отъ свята Духа;
Дробенъ дождекъ отъ слезъ Христа,
Самаго Христа, царя небеснаго.
У насъ умъ-разумъ самого Христа,
Наши помыслы отъ облацъ небесныихъ,
У насъ міръ-народъ отъ Адамія;
Кости крѣпкія отъ камени;
Тѣлеса наши отъ сырой земли;
Кровь-руда наша отъ черна моря.
Оттого у насъ въ землѣ цари пошли
Отъ святой главы отъ адамовой;
Оттого зачались князья, бояры
Отъ святыхъ мощей отъ адамовыхъ,
Отъ того крестьяны православные
Отъ свята колѣна отъ адамова.
Возговоритъ Володиміръ князь,
Володиміръ князь Володиміровичъ:
„Премудрый царь, Давыдъ Евсеевичъ!
Скажи ты намъ, проповѣдай:
Который царь надъ царями царь?
Кая земля всѣмъ землямъ мати?“ и пр.
Возговоритъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ;
—У насъ Бѣлый царь надъ царями царь.
Почему жь Бѣлый царь надъ царями царь?
И онъ держитъ вѣру крещеную,
Вѣру крещеную, богомольную;
Стоитъ за вѣру христіанскую,
За домъ пресвятыя Богородицы.
Потому Бѣлый царь надъ царями царь.
Свята Русь земля всѣмъ землямъ мати;
На ней строятъ церкви апостольскія;
Они молятся Богу распятому,
Самому Христу царю небесному;
Потому свято-Русь земля всѣмъ землямъ мати!
А глава главамъ мати—глава адамова,
Потому что когда жиды Христа
Распинали на лобномъ мѣстѣ,
То крестъ поставили на святой главѣ адамовой.
Іерусалимъ городъ городамъ отецъ.
Почему тотъ городъ городамъ отецъ?
Потому Іерусалимъ городамъ отецъ:
Во тѣмъ во градѣ во Іерусалимѣ
Тутъ у насъ среда землѣ (¹).
Соборъ-церьковь всѣмъ церквамъ мати.
Почему же соборъ-церковь церквамъ мати?

(¹) См. путеш. *Даніила*. Слнчи также „Ложные и отр. книги рус. старины“ *А. Н. Пыпина* 177, и „Памятн. старин. Литер. вып. 3.

Стоитъ соборъ-церква посреди града Іерусалима;
Во той во церкви во соборней
Стоитъ престолъ божественный;
На томъ на престолѣ на божественномъ
Стоитъ гробница бѣла каменная,
Во той гробницѣ бѣлой каменной
Почиваютъ ризы самаго Христа,
Самаго Христа, царя небеснаго;
Потому соборъ-церьква церквамъ мати.
Ильмень озеро озерамъ мати;
Не тотъ Ильмень (¹) который подъ Новымъ Градомъ,
Не тотъ Ильмень, который во Царѣ-градѣ.
А тотъ Ильмень, который въ Турецкой землѣ
Надъ начальнымъ градомъ Іерусалимомъ.
Почему жь Ильмень озеро озерамъ мати?
Выпадала съ его матушка Іордань рѣка,
Іордань рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
Почему Іордань всѣмъ рѣкамъ мати?
Окрестился въ ней самъ Исусъ Христосъ,
Со силою со небесною,
Со ангелами со хранителями,
Со Іоанномъ, свѣтомъ, со Крестителемъ;
Потому Іордань рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
Ѳаворъ гора всѣмъ горамъ мати.
Почему Ѳаворъ гора горамъ мати?
Преобразился на ней самъ Исусъ Христосъ,
Исусъ Христосъ, царь небесный, свѣтъ.
Съ Петромъ, со Іоанномъ, со Іаковомъ,
Съ двунадесятью апостолами,
Показалъ славу ученикамъ своимъ:
Потому Ѳаворъ гора горамъ мати.
Бѣлый латырь камень всѣмъ камнямъ мати.
На бѣломъ латырѣ на камени,
Бесѣдовалъ да опочивъ держалъ
Самъ Исусъ Христосъ царь небесный
Съ двунадесяти со апостоламъ,
Съ двунадесяти со учителямъ;
Утвердилъ онъ вѣру на камени,
Распущалъ онъ книгу Голубиную;
По всей земли, по вселенныя;
Потому латырь камень всѣмъ камнямъ мати (²).
Кипарисъ древо всѣмъ древамъ мати.
Почему то древо всѣмъ древамъ мати?
На тѣмъ древѣ на кипарисѣ
Объявился намъ животворящій крестъ,
На тѣмъ на крестѣ на животворящемъ
Распятъ былъ самъ Исусъ Христосъ,
Исусъ Христосъ, царь небесный свѣтъ;
Потому кипарисъ всѣмъ древамъ мати (³).

(¹) *Ильмень* въ областномъ языкѣ употребляется въ общемъ значеніи озера, низменности, покрытой водою, высохшаго русла рѣки, съ остатками мелкихъ озеръ (Буслаева, Очерки нар. слов. т. 1, стр. 460).

(²) Латырь—электръ, янтарь. (Безсонова къ 4 вып. пѣсенъ Кирѣевскаго, стр. I—IX).

(³) О *кипарисѣ*, какъ *древѣ распятія* — въ апокрифахъ „*о крестномъ древѣ*.“ (Пыпина, Отреч. книги, стр. 82 и 85).

Плакунъ трава всѣмъ травамъ мати.
Почему плакунъ всѣмъ травамъ мати?
Когда жидовья Христа роспяли,
Святую кровь Его пролили,
Мать пречистая Богородица
По Исусу Христу сильно плакала,
По своемъ сыну по возлюбленномъ;
Ронила слезы пречистыи
На матушку на сыру землю;
Отъ тѣхъ отъ слезъ отъ пречистыихъ
Зарождалася плакунъ трава;
Потому плакунъ трава травамъ мати.
Океанъ море всѣмъ морямъ мати.
Почему океанъ всѣмъ морямъ мати?
Посреди моря океанскаго
Выходила церковь соборная,
Соборная, богомольная,
Святого Климента попа рымскаго;
На церкви главы мраморныя,
На главахъ кресты золотые.
Изъ той изъ церкви изъ соборной,
Изъ соборной, изъ богомольной,
Выходила царица небесная;
Изъ океана моря она омывалася,
На соборъ-церковь она Богу молилася,
Отъ того океанъ всемъ морямъ мати.
Китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати.
Почему же китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати?
На трехъ рыбахъ земля основана.
Стоитъ китъ рыба—не сворохнется;
Когда жъ китъ рыба поворотится,
Тогда мать земля всколыбнется,
Тогда бѣлый свѣтъ нашъ покончится;
Потому китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати.
Основана земля святыимъ Духомъ,
А содержана словомъ божіимъ.
Стратимъ птица всѣмъ птицамъ мати.
Почему она всѣмъ птицамъ мати?
Живетъ стратимъ птица на океанѣ морѣ,
И дѣтей производитъ на океанѣ морѣ.
По божьему все повелѣнію,
Стратимъ птица вострепенется,
Океанъ море всколыхнется;
Топитъ она корабли гостиные
Со товарами драгоцѣнными;
Потому стратимъ птица всѣмъ птицамъ мати (¹).
У насъ Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ.
Почему индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?
Ходитъ онъ по подземелью,
Прочищаетъ ручьи и проточины,
Куда звѣрь пройдетъ,
Тута ключь кипитъ,
Куда звѣрь тотъ поворотится,
Всѣ звѣри звѣрю поклонятся.
Живетъ онъ во святой горѣ,

(¹) Въ другихъ варіантахъ *Страфиль* — греческое: *строноос* — Страусъ, въ другомъ славянскомъ образѣ *ногъ*, или *нога*, сербск. *ной*, птица „великая страховитая.“ (Калѣки Перехожіе, вып. 2, стр. 369).

Пьетъ и ѣстъ во святой горѣ,
Куды хочетъ, идётъ по подземелью,
Какъ солнушко по поднебесью:
Потому же у насъ индрикъ звѣрь всѣмъ звѣ-
рямъ отецъ.—
Возговорилъ Володиміръ князь:
„Ой ты гой еси, премудрый царь,
Премудрый царь, Давыдъ Есеевичь!
Мнѣ ночесь, сударь, мало спалось,
Мнѣ во снѣ много видѣлось:
Кабы съ той страны со восточной,
А съ другой страны со полуденной,
Кабы два звѣря собиралися,
Кабы два лютые собѣгалися,
Промежду собой дрались бились,
Одинъ одного звѣрь одолѣть хочетъ.“
Возговорилъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичь:
—Это не два звѣря собиралися,
Не два лютые собѣгалися;
Это кривда съ правдой сходилася,
Промежду собой бились-дрались,
Кривда правду одолѣть хочетъ;
Правда кривду переспорила.
Правда пошла на небеса,
Къ самому Христу, царю небесному;
А кривда пошла у насъ вся по всей землѣ,
По всей землѣ по свѣтъ-русской,
По всему народу христіанскому;
Отъ кривды земля всколебалася,
Отъ того народъ весь возмущается;
Отъ кривды сталъ народъ неправильный,
Неправильный сталъ, злопамятный:
Они другъ друга обмануть хотятъ,
Другъ друга поѣсть хотятъ.
Кто не будетъ кривдой жить,
Тотъ причаянный ко Господу,
Та душа и наслѣдуетъ
Себе царство небесное.—
Старымъ людямъ на послушанье,
А молодымъ людямъ для памяти.
Славу поемъ Давыду Евсеевичу,
Во вѣки его слава не минуется.

(*Христом. О. Ѳ. Миллера*).

Сравни стихъ съ іерусалимской бесѣдой. Пам. стар. литер. 2, 307—308.

„Въ стихѣ о Голубиной книгѣ христіанскія имена и преданья смѣшиваются съ апокрифическими выдумками и языческими вѣрованьями отдаленной эпохи. Вмѣсто Владиміра въ другихъ варіантахъ этого произведенія является, то Волотъ Волотовичъ (т. е. доисторическій великанъ), то какой то Волотоманъ Волотомановичъ. Разговоръ Давида съ Владиміромъ ведется въ стилѣ древнѣйшихъ эпическихъ состязаній о мудрости и всякомъ знаніи. Большая часть странныхъ понятій въ этомъ стихѣ

заимствованы изъ апокрифическаго сочиненія, извѣстнаго подъ именемъ Бесѣды—будто бы—трехъ святителей. Понятія о чудесныхъ животныхъ взяты изъ средневѣковыхъ Бестіаріевъ, или сборниковъ о свойствахъ звѣрей, птицъ, рыбъ и пресмыкающихся

Нѣкоторыя подробности восходятъ своимъ началомъ къ миѳической эпохѣ, каковы: о созданіи земли, воздуха, солнца и проч. изъ составныхъ частей какого-то миѳическаго существа, а также происхожденіе костей въ человѣкѣ отъ камней, крови отъ моря и т. д. Въ одномъ варіантѣ стиха о Голубиной книгѣ сохранилось преданье о происхожденіи сословій, напоминающее Индійскій миѳъ о происхожденіи кастъ изъ устъ, отъ рукъ и отъ ногъ Брамы; а именно:

Зачадились (¹) цари со царицами
Отъ честной главы отъ Адамовой;
Зачадились князья со боярами
Отъ честныхъ мощей (²) отъ Адамовыхъ;
Завелось крестьянство православное
Отъ того колѣна отъ Адамова.

Вмѣсто звѣря Индрика въ другихъ варіантахъ: единорогъ и инрогъ, инорогъ."

(Примѣч. проф. Буслаева. Христ. 1620—1621).

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

91. Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія.

.....Извѣстно, что церковные учители древней Руси строго преслѣдовали народныя миѳологическія воззрѣнія на природу, какъ »*бѣсовскія мечтанья*,« искореняли всѣ эти живые эпическіе образы народнаго міросозерцанія — естественныя выраженія младенческой фантазіи народа. На мѣсто того, они вкореняли въ народныя понятія или библейскія изображенія природы, библейскую физику, или мнѣнія и воззрѣнія отцевъ и учителей восточно—византійскихъ. Сами они, какъ воспитанники церковно—византійской школы, учились христіанскому міросозерцанію вполнѣ по библейскимъ и византійскимъ источникамъ. Древне-русскіе книжники, писатели и учители почерпали понятія о мірѣ, во 1-хъ изъ книги Бытія, псалмовъ Давида и вообще изъ книгъ библейскихъ; во 2-хъ изъ разныхъ греко—восточныхъ толкованій на книгу бытія Епифанія Кипрскаго, изъ Шестоднева Василія В., изъ передѣлки его Шестоднева Іоанна экзарха Болгарскаго, изъ толкованія Аѳанасія Александрійскаго на псалтирь, изъ твореній Григорія Богослова, изъ книги »Небеса« Іоанна Дамаскина; въ 3-хъ изъ богослужебныхъ книгъ, въ которыхъ вполнѣ выразилось восточно-библейское міросозерцаніе; въ 4-хъ изъ византійскихъ космографій, хронографовъ, палей и т. п. Церковные писатели послѣдующихъ вѣковъ прибавляли къ этому нѣкоторые другіе, болѣе спеціальные источники. Такъ напр. Кириллъ Бѣлозерскій читалъ и списывалъ статьи изъ Галена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, объ

(¹) Т. зародились, отъ сл. *чадо.*
(²) Т. е. отъ тѣла.

устройствѣ земли, о землетрясеніяхъ, о четырехъ стихіяхъ, о моряхъ и проч. Въ 1385 году *(Татищ. Ист. Рос. IV, 313)* Димитрій Зографъ перевелъ съ греческаго на русскій языкъ сочиненіе Георгія Писида »Похвала Творцу міра,« книгу весьма обильную средневѣковыми и преимущественно восточными сказаніями и понятіями о природѣ, о разныхъ ея явленіяхъ и предметахъ.....

Стараясь уничтожить народную вѣру въ зооморфическую и антроморфическую олицетворенность силъ, стихій и явленій природы, церковные учители внушали народу, на основаніи греко-восточнаго христіанскаго міровоззрѣнія, что надъ каждой стихіей, надъ каждымъ явленіемъ природы, Богъ поставилъ особыхъ духовъ, ангеловъ. Такъ въ церквахъ русскихъ съ XI вѣка читалось народу толкованіе Епифанія Кипрскаго на книгу Бытія, гдѣ подробно раскрывается мысль, что ангелы приставлены управлять стихіями и явленіями природы. Толкованіе это, особенно то мѣсто изъ него, гдѣ говорится объ ангелахъ грома, молніи, вѣтра и проч., переписывалось въ многочисленныхъ сборникахъ и занесено было въ такіе сборники, которые преимущественно или даже исключительно наполнены статьями народнаго чтенія... *(Сборн. Соловец. библ. при Казанск. Дух. Акад. № 993)*. Такъ напр. читаемъ въ сборникѣ Епифанія сказаніе, какъ »Богъ сотвори отъ начала до седьмаго дни: въ 1-й день небеса вышняя и землю и воду, отъ нихъ же есть снѣгъ и градъ, и ледъ, и роса, и духъ, и служащіи предъ ними, суть сіи ангелы: ангелъ духомъ и бурѣ, ангелъ облакомъ и мглѣ и снѣгу, ангелъ студени и зною, и зимѣ и осени и всѣмъ духомъ, ангелъ земли, тьмѣ« и проч. (¹).

(¹) Епифаній, согласно съ мнѣніями другихъ греко-восточныхъ учителей, признавалъ также особыхъ ангеловъ, геніевъ народныхъ.

Мысль эта, развитая учителями греко-восточными и сообщенная въ ихъ твореніяхъ славяно-русской церковной письменности, съ самыхъ первыхъ вѣковъ стала догматомъ для нашихъ книжниковъ. Уже лѣтописецъ Несторъ съ полною вѣрою записалъ въ своей лѣтописи (6618 г.) знаменіе въ Печерскомъ монастырѣ и по поводу его высказалъ свое убѣжденіе въ дѣйствительности присутствія ангеловъ въ природѣ.....

По русскимъ апокрифическимъ сказаніямъ, имѣющимъ связь съ византійско-гностическими апокрифами, во всѣхъ явленіяхъ и силахъ природы представляются дѣйствующими духи божіи—ангелы, напр. былъ особый, *»ангелъ въ солнцѣ.«* Непросвѣщенные грамотники еще болѣе утверждались въ такомъ убѣжденіи, если читали апокрифическую книгу *»о всей твари чтеніе,«* гдѣ сказано *»какъ 300 ангелъ солнце воротятъ.«* Въ глубокой древности образовалось, и доселѣ существуетъ между нашими поселянами, повѣрье, что *каждое свѣтило имѣетъ своего ангела: одинъ ангелъ носитъ по небу солнце, другіе луну и звѣзды. Вечеромъ* каждый ангелъ *зажигаетъ свою звѣзду какъ лампаду, а къ утру тушитъ ее* (¹).

Вѣря въ ангельское міроправленіе, въ живое участіе ихъ въ жизни природы, народное эпическое міросозерцаніе представляло ихъ духами или силами, борющимися съ враждебными началами и силами миѳологическаго міросозерцанія. Это, по народному представленію, были добрые духи или начала, побороающія зловредныя силы и начала физической жизни (²). Въ такомъ значеніи, они, вмѣстѣ съ святы-

(¹) См. Отеч. Зап. 1842 г. № 6, стр. 51. Архив. истор.-юрид. Калачова 1854 г. кн. I, VI, 8.

(²) Какъ у древнихъ Грековъ были особые поднебесные, воздушные духи, у Нѣмцевъ и Скандинавовъ—свои; такъ и по славянскимъ представленіямъ духи были и добрые и злые въ природѣ.

ской земли... »Пустыня была непроходимая« (*большая часть московской области въ XIV в.*), писалъ напр. въ половинѣ XVII в. Троицкій келарь Симонъ Азарьинъ въ предисловіи къ сказанію о чудесахъ Сергія Радонежскаго,— »нынѣ же всѣмъ зримы окрестъ обители поля, мірскія села и деревни многолюдныя. Стези не быша тогда и непроходно бысть человѣческими стопами, нынѣ же пути дороги велія и проѣзды всякаго чина людямъ, днемъ и нощію безпрестанно идущимъ. Много же тогда гадовъ и ползущихъ зміевъ являхуся ему на устрашеніе безстрастному его житію, нынѣ же окрестъ обители его, за 10 поприщь и вящшее ползущихъ зміевъ и ужевъ не бываетъ. И елико людей во обители и около обители въ слободахъ множашеся, толико по премногу вода и всякая потреба изобиловашеся. Тогда въ рощахъ тѣхъ и древесъ толико не бысть, елико нынѣ многолюдственное число человѣкъ въ свободахъ, на тѣхъ мѣстахъ, идѣже рощи велицы быша« ..... (*Времен. Х. Смѣсь*).

Древне-русскій человѣкъ, представляя, что въ области природы дѣйствуютъ не физическія силы, а силы святыхъ, что одинъ святой особенно дѣйствуетъ напр. стихіей огня или воды, другой поставленъ надъ растеніями, третій надъ тѣми или другими животными, четвертый исцѣляетъ болѣзни и что одинъ святой особенно исцѣляетъ ту, другой другую болѣзнь и проч., — древне-русскій простолюдинъ иногда наивно вопрошалъ явившагося ему во снѣ святаго: кому, какому святому молиться въ случаѣ какого-либо бѣдствія или матеріальной нужды; святой указывалъ, кого когда призывать. И такъ мало помалу составились особыя народныя, такъ сказать, святцы, по которымъ знали, какой именно святой чѣмъ въ природѣ обладаетъ, и что у какого святаго просить.....

Отъ временъ отдаленнаго пастушескаго быта до настоящаго времени, нашъ простой, сельскій народъ почти нисколько не подвинулся дальше первоначальнаго, узкаго, пастушески-земледѣльческаго и домашне-очаговаго воззрѣнія на вселенную. Деревенскій мужикъ нашъ, а также и необразованный купецъ и мѣщанинъ, сколько уменъ, находчивъ, хитеръ, ловко изворотливъ въ практикѣ житейской, особенно въ практикѣ мірской, закрѣпленной вѣковымъ смысломъ и опытомъ народнымъ, столько же, къ прискорбію, близорукъ, невѣжественъ и суевѣренъ въ міросозерцаніи,—въ чемъ, впрочемъ, вовсе не онъ одинъ виноватъ.....

Своеобразныя и заимствованныя народныя понятія о мірѣ особенно характеристично выразились въ разныхъ сказаніяхъ о началѣ и концѣ міра... По всѣмъ этимъ сказаніямъ, міръ творили Богъ и сатанаилъ или чортъ вмѣстѣ: сатана все больше портилъ и творилъ безобразныя созданія—гадовъ, мошекъ или неровности земныя—горы, и т. п.; а Богъ творилъ все высшее и прекрасное, все приводилъ въ порядокъ и гармонію. Міръ производится ими изъ горсти земли, или изъ песка, либо камня, взятаго со дна морскаго, и проч. Мы приведемъ простонародный русскій разсказъ *о сотвореніи міра*, изъ сборника г. Якушкина: «Сталъ Господи міръ творить, гдѣ народу жить Распустилъ онъ море-океянъ: надо землю сѣять. Прибѣжалъ лукавый чортъ, да и говоритъ Господи: «ты, Господи, все творишь: весь міръ сотворилъ, океянъ-море напустилъ; дай мнѣ хоть землю насѣять!»—«Сѣй!» сказалъ Господи. Сѣялъ, сѣялъ лукавый,—никакого толку!—«Опускайся ты, лукавый, сказалъ Господи, на самое дно моря, достань ты, лукавый, горсть земли.« Опустился лукавый на дно моря, захватилъ лукавый горсть земли, вынырнулъ: глядь—всю землю водою размыло. Опустился въ дру-

гой,—тоже: въ горсти нѣтъ земли. Опустился лукавый въ третій разъ, и, по божьему повелѣнью, оставалась за ногтемъ песчиночка. Богъ взялъ ту песчиночку, и насѣялъ всю землю, съ травами, съ лѣсами, со всякими для человѣка угодьями.—«Будемъ съ тобою, Господи, братьями родными, сказалъ лукавый Господу:—ты будешь меньшой братъ, я большой!»—Господи усмѣхнулся. «Будемъ, Господи, братьями ровными».—Господи усмѣхнулся опять.—«Ну, Господи, ты будешь старшій братъ, я меньшой!»—Возьми, говоритъ Господи, возьми меня за ручку повыше локотка: пожми ты ручку ту изъ всей силы».—Лукавый взялъ Господи за ручку выше локотка; жалъ ручку изо всѣхъ силъ; усталъ отъ натуги, а Господи стоитъ да только усмѣхается. Тутъ Господь только взялъ лукаваго за руку: лукавый такъ и присѣлъ. Господи наложилъ на лукаваго крестное знаменіе, лукавый и убѣжалъ въ преисподнюю.—Люди, да еще святые люди, нарицаются сыны божіи; а лукавый хотѣлъ къ Господу въ братья залѣсть». (*Лѣт. литер. II, 100*).

....Вовсе не зная и не подозрѣвая въ мірѣ дѣятельности силъ, сопряженныхъ съ веществомъ и съ механизмомъ мірозданія,—Славяне-язычники повсюду въ природѣ видѣли дѣйствующими боговъ и другихъ высшихъ, сверхъестественныхъ существъ: въ небѣ видѣли напр. Сварога, въ солнцѣ—Хорса, Дажьбога, въ громѣ и молніи—Перуна, въ огнѣ—Сварожича, въ водѣ и воздухѣ—Вилъ и русалокъ, въ деревьяхъ—дивъ и т. д. Церковь, хотя съ большимъ и продолжительнымъ трудомъ, но мало по малу успѣла привить къ сохранившейся у Славянъ вѣрѣ въ единаго верховнаго бога природы вѣру въ библейско-христіанскаго Бога, какъ владыку и повелителя міра. Сама церковь вполнѣ усвоила это восточно-библейское міровоззрѣніе.

По этому міросозерцанію, весь міръ есть непосредственное проявленіе воли и дѣятельности Господа, грознаго владыки и повелителя вселенной. Не только все на земной планетѣ, но и весь звѣздный міръ представляются существующими для службы человѣку и для безусловнаго исполненія воли вездѣсущаго и всемогущаго владыки мірозданія. Въ такомъ смыслѣ церковь передавала свое воззрѣніе на міръ массамъ русскаго народа... Такой взглядъ на міроправленіе проникъ и въ памятники народной письменности. Здѣсь вся природа представляется послушною служебницею, покорною рабою Господа вселенной, глубоко сочувствующею правосудію Его, соболѣзнующею о грѣхахъ людскихъ, готовою всѣми силами своими наказать людей за оскорбленіе Владыки міра...

Подъ вліяніемъ такихъ церковныхъ и апокрифическихъ богословскихъ воззрѣній на физическое міроправленіе, мало по малу глубоко укоренилась и въ народномъ міросозерцаніи вѣра въ міровую державу единаго Бога вселенной, вмѣсто владычества многочисленныхъ языческихъ боговъ природы. Солнце, мѣсяцъ, громъ, молнія, дождь, земля, самыя священныя божества въ циклѣ земледѣльческаго міровоззрѣнія, низошли съ высоты религіозно-языческой апотеозы, божественнаго миродержавія,—и уступили мѣсто единому Богу, творцу и вседержителю вселенной...

Въ нашемъ народномъ міросозерцаніи, суевѣрное ожиданіе кончины міра стоитъ въ связи съ языческими преданіями. Какъ произошелъ міръ, по языческой космогоніи, отъ *царя-огня* и *царицы-воды* и основался на *китахъ*, такъ и будущее разрушеніе его приписывается тому же огню подземному и миѳическому огнеродному чудовищу океана—киту великому...

Обозрѣвая полный историческій циклъ русскаго народнаго звѣзднаго міросо-

зерцанія, мы примѣчаемъ въ немъ два отличительныхъ направленія: граматичье, книжное, заимствованное, и собственно-народное, непосредственно-натуральное. Въ книжномъ или граматичьемъ міросозерцаніи преобладаетъ смѣсь еврейски-кабалистическихъ, аристотельскихъ и западныхъ схоластико и физико-теологическихъ воззрѣній на звѣздное небо. Въ собственно-народномъ воззрѣніи преобладаютъ непосредственно-нагладныя и миѳологическія представленія о небѣ и небесныхъ явленіяхъ...

Отъ тѣхъ временъ, когда небо представлялось божествомъ, или жилищемъ божества, сохранилось донынѣ существующее въ народной поэзіи представленіе свѣтилъ небесныхъ *очами неба* или *лицами* небеснаго Бога. Эпическое уподобленіе свѣтилъ небесныхъ глазамъ или представленіе ихъ очами неба—общее всѣмъ народамъ. Скандинавскіе поэты солнце, луну и звѣзды называютъ очами неба...

Изъ безчисленныхъ системъ звѣзднаго неба, народное міросозерцаніе подмѣтило весьма не много звѣздныхъ группъ. И тѣ оно подмѣтило крайне поверхностно и представляетъ баснословно, ни сколько не изображая ихъ истинной космической природы... Въ средніе вѣка, когда вообще въ небесныхъ свѣтилахъ видѣли знаменія земныхъ событій, наши предки назвали млечный путь, по нашествію Татаръ, *батыевымъ путемъ*, думая, что на небѣ именно въ млечномъ пути отобразился страшный путь Батыя. Названіе это сохраняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и теперь...

Безъ разумнаго, научнаго знанія звѣзднаго неба, нашъ простой народъ неизбѣжно долженъ былъ, подобно всѣмъ націямъ, чуждымъ астрономическаго просвѣщенія, съ рабскимъ суевѣріемъ предаваться всякимъ предразсудочнымъ и невѣжественнымъ представленіямъ о вліяніи небесныхъ свѣтилъ на земную природу и организмъ человѣка...

Такіе предразсудки относительно луны издревле господствовали и досель сохраняются и въ нашемъ народѣ, чуждомъ просвѣщенія. Первоначальнымъ источникомъ ихъ должно полагать языческую вѣру въ мѣсяцъ, какъ въ живое, божественное существо... Съ другой стороны русскіе народные граматики много предразсудочныхъ примѣтъ о лунѣ заимствовали изъ общихъ славянскихъ астрологическихъ источниковъ. Напримѣръ, у Сербовъ распространены были подробные громовники или «Сказанія о животѣ и о гаданіи», въ которыхъ по мѣсяцамъ раскрывается вліяніе луны на землю, на плодородіе, на здоровье людей, на погоду и проч. Эти суевѣрныя сказанія отъ Сербовъ перешли и къ Русскимъ...

У крестьянъ нашихъ отъ временъ языческаго міросозерцанія сохранилось много суевѣрныхъ примѣтъ относительно вліянія новолунія или полнолунія на разныя земледѣльческія работы. Возникши подъ вліяніемъ языческаго суевѣрнаго воззрѣнія на мѣсяцъ, какъ на живое, божественное существо, предразсудки эти, переходя изъ рода въ родъ, крѣпко держатся между крестьянами, единственно по совершенному незнанію физической сущности луны, вообще естественныхъ наукъ и, въ частности, метеорологіи...

Для непросвѣщенныхъ и суевѣрныхъ людей и народовъ, кажется, ничто на небѣ такъ не изумительно и не страшно, какъ затмѣнія солнца и луны. Ужъ самый необычайный видъ этихъ явленій, одно неожиданное нарушеніе въ нихъ обычнаго цвѣта или диска солнца и луны возбуждали ужасъ въ суевѣрныхъ умахъ. Вотъ, напримѣръ, луна вступаетъ въ земную тѣнь, вдругъ часть ея помрачается и принимаетъ сѣрый цвѣтъ; луна болѣе и болѣе погружается въ земную тѣнь;

сѣрый цвѣтъ все переходитъ въ красный, наконецъ, наступаетъ полное затмѣніе, и весь лунный кругъ представляетъ особенно темно-красный цвѣтъ, происходящій отъ того, что разсѣянный свѣтъ освѣщенной земной атмосферы попадаетъ въ тѣнь. Суевѣріе видитъ въ этомъ темно-красномъ цвѣтѣ превращеніе луны въ кровь, и ужасается. Еще въ большій страхъ и изумленіе приходитъ суевѣрныя массы, когда бываютъ полныя затмѣнія солнца, то есть, когда земля проходитъ черезъ тѣнь луны, ядро лунной тѣни падаетъ прямо на извѣстныя мѣста земли, и солнечный кругъ совершенно закрывается луною. Тамъ, гдѣ бываетъ полное затмѣніе, распространяется особенная темнота, небо кажется сѣрымъ и замѣтны нѣкоторыя изъ самыхъ блестящихъ звѣздъ. Черный лунный кругъ окруженъ широкимъ волнующимся сіяніемъ отъ котораго распространяются желтые лучи. Во время полнаго солнечнаго затмѣнія, все животное царство приходитъ въ тревожное состояніе: птицы кружатся, какъ испуганныя, собаки воютъ, лошади и другія животныя выказываютъ безпокойную боязливость. Неудивительно по этому, если это чрезвычайно-рѣдкое явленіе всегда приводило въ ужасъ и людей необразованныхъ и суевѣрныхъ...

Въ языческія времена, въ эпоху звѣроловнаго и пастушескаго быта, въ періодъ зооморфическаго міровоззрѣнія, суевѣрію Славянъ такъ же, какъ и другимъ невѣжественнымъ народамъ, мерещились на небѣ злыя существа—*волкодлаки*, которые будто бы и пожирали солнце и луну, и производили затмѣнія... Въ лѣтописи читаемъ: «погибе солнце и бысть яко мѣсяцъ, его же глаголютъ невѣгласи: *снѣдаемо солнце*» (*Ипат.* 7). Лѣтописцамъ, вообще, затмѣнія казались *погибелью* или уничтоженіемъ солнца и луны; они постоянно отмѣчаютъ эти явленія такими словами: *погибе солнце*, *погибе мѣсяцъ весь* или *бысть гибель лунѣ*. Христіанское народное суевѣріе то относитъ затмѣнія солнца и луны къ дѣйствіямъ Бога, то приписываетъ ихъ злымъ духамъ. Во всякомъ случаѣ они возбуждали ужасъ въ невѣжественномъ народѣ...

Какъ затмѣнія солнца и луны, такъ и всѣ другія, свѣтовыя видоизмѣненія небесныхъ тѣлъ невѣжественнымъ народамъ казались и кажутся не постижимыми, сверхъестественными знаменіями. Въ средніе вѣка, всѣ убѣждены были, не только простолюдины, но и церковные книжники, начиная отъ лѣтописца Нестора, что различныя измѣненія въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ назначены быть знаменіями къ добру или къ худу. Тогда и на весь вообще физическій міръ, и на звѣздный въ особенности, смотрѣли, какъ на вѣщаго оракула судебъ земли и людей. Ко всякому звуку въ природѣ съ чуткимъ суевѣріемъ прислушивались, ко всякому явленію зорко и боязливо присматривались. Такое воззрѣніе на природу отчасти наслѣдовано было отъ языческаго, непосредственно-натуральнаго міросозерцанія. И оно особенно относилось къ чудесамъ неба... Наши старинные книжники видѣли на небѣ книгу судебъ міра и церкви, откровеніе гнѣва или милосердія небеснаго, отраженіе судебъ земли и земства. Суевѣрное церковно-народное міросозерцаніе придавало свѣтиламъ небеснымъ, ихъ различнымъ явленіямъ и видоизмѣненіямъ, такое могущественное, міроправительное значеніе въ дѣятельности земной природы и въ исторической жизни земства, что всѣ лѣтописи, съ XI до XVI в. и далѣе были вмѣстѣ лѣтописями физическихъ явленій и, въ частности, явленій звѣзднаго неба, затмѣній солнца и луны, явленій различныхъ новыхъ звѣздъ, кометъ, и проч...

Вѣрованіе во вліяніе звѣздъ на земную жизнь въ нашемъ простомъ народѣ ведет-

ся съ языческихъ временъ. Въ язычествѣ, напримѣръ, приписывалось звѣздамъ вліяніе на плодородіе овецъ... Что касается до рожденія и судьбы человѣка, то въ этомъ отношеніи суевѣріе это первоначально проистекало изъ началъ языческаго міросозерцанія, а потомъ подкрѣплялось иноземными астрологическими преданіями...

Какъ неподвижнымъ звѣздамъ народное суевѣрье усвояло вліяніе на рожденіе и характеръ людей, такъ въ *падающихъ звѣздахъ* видѣли знакъ чьей-либо смерти. Есть народный разсказъ о трехъ сестрахъ-вѣдьмахъ, которымъ послѣ смерти досталось весь вѣкъ *горѣть на небѣ тремя звѣздами*, близъ млечнаго пути: звѣзды эти называются *дѣвичьи зори*. Падающая звѣзда до сихъ поръ почитается въ народѣ знакомъ чьей-либо смерти въ селѣ; потому, увидя паденіе звѣзды, обыкновенно говорятъ: «кто-то умеръ!» или: «чья-то душа покатилась» *(Архивъ Калачова 1855, IV, 128)*. Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Симбирской губ., падающія звѣзды почитаютъ также за огненныхъ змѣй или демоновъ, которые будто бы летаютъ къ людямъ и вселяются въ нихъ, отъ чего такъ много бѣснующихся *(Этнограф. сборникъ V, 9)*. Падающія звѣзды слывутъ также въ народѣ за признакъ лишенія дѣвицъ невинности. Надъ чьимъ домомъ упадетъ звѣзда, въ той семьѣ, по повѣрью, дѣвица утратила дѣвственность ...

Явленіе кометъ, какъ извѣстно, также всегда было страшнымъ знаменіемъ для суевѣрія. Въ древней Руси, невѣжество видѣло въ кометахъ знаменіе политическихъ или общественныхъ несчастій. Напримѣръ, въ лѣтописяхъ часто встрѣчаемъ такія сказанія: «Въ лѣто 1382 бысть такое проявленіе: по многія нощи являшеся таковое знаменіе на небеси: на востоцѣ, предъ раннею зарею, *звѣзда* нѣкая, аки *хвостата* и акоже *копейнымъ образомъ* овогда вечерней зарѣ, овогда же и во утренней, тоже многажды бываше. Се же знаменіе проявляше злое пришествіе Тохтамышево на русскую землю и горькое поганыхъ татаръ нахожденіе на крестьяны»... Небо для нашего простаго народа—темна вода во облацѣхъ небесныхъ, необъятный предметъ грубыхъ суевѣрій и предразсудковъ. Кромѣ суевѣрій славянской миѳологіи и средневѣковой астрологіи, въ народныхъ астрономическихъ заблужденіяхъ и суевѣріяхъ отразились въ грубыхъ формахъ византизмъ и финскія суевѣрія.

(Изъ сочин. А. П. Щапова. Жур. Мин. Народ. Пр. 1863 г. кн. 1—6 отд. IV).

92. Характеръ древне-русской образованности сравнительно съ западно-европейской.

...Въ то время, какъ римское богословіе развивалось посредствомъ схоластической философіи, писатели восточной церкви, не увлекаясь въ односторонность силлогистическихъ построеній, держались постоянно той полноты и цѣльности умозрѣнія, которыя составляютъ отличительный признакъ христіанскаго любомудрія. Ибо не надобно забывать, что все современное просвѣщеніе тогда сосредоточивалось въ Византіи. Древніе писатели христіанскіе и языческіе, и особенно писатели философы, были коротко знакомы образованнымъ Грекамъ,—и очевидные слѣды ихъ основательнаго изученія видны въ большей части духовныхъ твореній, до самой половины XV в., между тѣмъ какъ Западъ необразованный и, можно даже сказать, невѣжественный сравнительно съ Византіей, до самаго почти XIV в. обращался въ своемъ мышленіи почти единственно въ кругу однихъ латинскихъ писателей, за исключеніемъ только немногихъ грече-

скихъ. Только въ половинѣ XIV в. основана была первая ученая академія въ Италіи знаменитымъ монахомъ Варлаамомъ, учителемъ Петрарки.—тѣмъ самымъ несчастнымъ предателемъ православной церкви, который, заразившись западною увѣренностью въ своей логической разумности, отвергалъ нѣкоторые, непонятные ему, догматы христіанскаго ученія и былъ за то осужденъ Константинопольскимъ соборомъ и изгнанъ изъ Греціи съ безчестіемъ; но за то — тѣмъ съ большею честію принятъ въ Италіи.

Аристотель, безъ всякаго сомнѣнія, былъ лучше и основательнѣе извѣстенъ Грекамъ, чѣмъ Латинянамъ,— хотя, можетъ быть, безъ тѣхъ дополненій, которыми обогатили его арабскіе и латинскіе ученые, и которыя, до самаго паденія схоластическаго воспитанія въ Европѣ, составляли необходимое условіе всякого развитія ума на Западѣ. Однакоже въ греческихъ мыслителяхъ не только не видимъ мы особаго пристрастія къ Аристотелю, но напротивъ того, въ большой части изъ нихъ замѣчаемъ явное предпочтеніе Платона;—не потому, конечно, чтобы христіанскіе мыслители усвоивали себѣ языческія понятія того или другаго; но потому, вѣроятно, что самый способъ мышленія Платона представляетъ болѣе цѣльности въ умственныхъ движеніяхъ, болѣе теплоты и гармоніи въ умозрительной дѣятельности разума. Отъ того, почти тоже отношеніе, какое мы замѣчаемъ между двумя философами древности, существовало и между философіей латинскаго міра, какъ она выработывалась въ схоластикѣ, и тою духовною философіей, которую находимъ въ писателяхъ церкви восточной, особенно ясно выраженную въ св. отцахъ, жившихъ послѣ римскаго отпаденія.

Достойно замѣчанія, что эта духовная философія восточныхъ отцевъ церкви, писавшихъ послѣ X в., — философія прямо и чисто христіанская, глубокая, живая, возвышающая разумъ отъ разсудочнаго механизма къ высшему, нравственно свободному умозрѣнію;—философія, которая даже и для невѣрующаго мыслителя могла бы быть поучительною, по удивительному богатству и глубинѣ и тонкости своихъ психологическихъ наблюденій,—не смотря однако же на всѣ свои достоинства (умозрительныя) была такъ мало доступна разсудочному направленію Запада, что не только никогда не была оцѣнена западными мыслителями; но, что еще удивительнѣе, до сихъ поръ осталась имъ почти вовсе неизвѣстною. По крайней мѣрѣ ни одинъ философъ, ни одинъ историкъ философіи, не упоминаетъ объ-ней,—хотя въ каждой исторіи философіи находимъ мы длинные трактаты о философіи индѣйской, китайской и персидской. Самыя творенія восточныхъ писателей оставались долго неизвѣстными въ Европѣ; многія до сихъ поръ еще остаются незнакомы имъ; другія хотя извѣстны, но оставлены безъ вниманія, ибо не были поняты; иныя изданы еще весьма недавно, и тоже не оцѣнены. — Нѣкоторые богословскіе писатели Запада, хотя и упоминали о нѣкоторыхъ особенностяхъ писателей восточныхъ, но такъ мало могли постигать эту особенность, что изъ ихъ словъ часто должно вывести заключеніе, прямо противоположное истинѣ.—Наконецъ ни въ одномъ почти изъ богословскихъ писателей Запада не замѣтно живаго слѣда того вліянія, которое необходимо должны бы были оставить на нихъ писанія восточной церкви, если бы они были извѣстны имъ хотя въ половину противъ того, какъ имъ извѣстны были писатели древне-языческіе: изъ этого должно исключить, можетъ быть, одного Ѳому Кемпійскаго,—или Герсона, если только книга, имъ приписываемая, принадлежитъ дѣйствительно имъ и не есть, какъ нѣкоторые полагаютъ, пере-

водъ съ греческаго, передѣланный нѣсколько по латинскимъ понятіямъ.

Конечно, въ писателяхъ восточной церкви, жившихъ послѣ отдѣленія римской, нельзя искать ничего новаго относительно христіанскаго ученія; ничего такаго, чтобы не находилось въ писателяхъ первыхъ вѣковъ. Но въ томъ-то и заключается ихъ достоинство; — въ томъ-то и особенность ихъ, что они сохраняли и поддерживали во всей чистотѣ и полнотѣ ученіе существенно христіанское, и — держась постоянно въ самомъ, такъ сказать, средоточіи истиннаго убѣжденія — отсюда могли яснѣе видѣть и законы ума человѣческаго, и путь, ведущій его къ истинному знанію, и внѣшніе признаки, и внутренія пружины его разновидныхъ уклоненій.

Впрочемъ и древніе отцы церкви, жившіе еще до отдѣленія Рима и слѣдовательно равно признаваемые Востокомъ и Западомъ, не всегда одинаково понимались на Западѣ и на Востокѣ. — Это различіе могло произойти отъ того, что Востоку всегда были вполнѣ извѣстны *всѣ* писатели и учители вселенской церкви; западнымъ же ученымъ были знакомы преимущественно латинскіе и только нѣкоторые изъ греческихъ писателей, на которыхъ они тоже смотрѣли сквозь готовыя уже понятія, почерпнутыя ими у римскихъ учителей. Отъ того и въ новѣйшія времена, когда они уже короче познакомились съ греческою литературою, то все еще невольно продолжали смотрѣть на нее сквозь тоже ограниченное окно, если не съ цвѣтными, то съ тусклыми стеклами. Этимъ только можно объяснить себѣ, какимъ образомъ они могли такъ долго удерживаться въ односторонности своего разсудочнаго направленія, которое иначе должно бы было разрушиться отъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ древнихъ отцовъ церкви. Сохраняя же свою односторонность, они или не замѣчали, или иногда даже

вовсе не знали тѣхъ изъ древнихъ писателей, въ которыхъ особенно выражалась сторона, прямо противоположная этой ограниченности, и самодовольно отвергали ее подъ названіемъ *мистики!*

Отсюда, кромѣ различія понятій, на Востокѣ и Западѣ происходитъ еще различіе и въ самомъ способѣ мышленія богословско-философскомъ. Ибо, стремясь къ истинѣ умозрѣнія, восточные мыслители заботятся прежде всего о правильности внутренняго состоянія мыслящаго духа; западные — болѣе о внѣшней связи понятій. Восточные, для достиженія полноты истины, ищутъ внутренней цѣльности разума: того, такъ сказать, средоточія умственныхъ силъ, гдѣ всѣ отдѣльныя дѣятельности духа сливаются въ одно живое и высшее единство. Западные напротивъ того, полагаютъ, что достиженіе полной истины возможно и для раздѣлившихся силъ ума, самодвижно дѣйствующихъ въ своей одинокой отдѣльности. Однимъ чувствомъ понимаютъ они нравственное; другимъ — изящное; полезное опять особымъ смысломъ. Истинное понимаютъ они отвлеченнымъ разсудкомъ, и ни одна способность не знаетъ, что дѣлаетъ другая, покуда ея дѣйствіе совершится. Каждый путь, какъ предполагаютъ они, ведетъ къ послѣдней цѣли, прежде чѣмъ всѣ пути сойдутся въ одно совокупное движеніе. — Безчувственный холодъ разсужденія и крайнее увлеченіе сердечныхъ движеній — почитаютъ они равно законными состояніями человѣка; и когда въ XIV в. узнали ученые Запада о стремленіи восточныхъ созерцателей: сохранять безмятежность внутренней цѣльности духа, — то издѣвались надъ этою мыслію, изобрѣтая для нее всякаго рода насмѣшливыя прозванія. Правда, они употребляютъ иногда тѣ же выраженія, какія и восточные, говоря «о внутреннемъ сосредоточеніи духа», о «собраніи ума въ себѣ» и т. д.; но подъ этими словами

обыкновенно разумѣютъ они другое: не сосредоточеніе, не собраніе, не цѣльность внутреннихъ силъ, а только ихъ крайнее напряженіе.—Вообще можно сказать, что центръ духовнаго бытія ими не ищется. Западный человѣкъ не понимаетъ той живой совокупности высшихъ умственныхъ силъ, гдѣ ни одна не движется безъ сочувствія другихъ; то равновѣсіе внутренней жизни, которое отличаетъ даже самыя наружныя движенія человѣка, воспитаннаго въ обычныхъ преданіяхъ православнаго міра: ибо есть въ его движеніяхъ,—даже въ самые крутые переломы жизни,—что—то глубоко спокойное, какая–то неискуственная мѣрность, достоинство и вмѣстѣ смиреніе, свидѣтельствующія о равновѣсіи духа, о глубинѣ и цѣльности обычнаго міросозерцанія. Европеецъ, напротивъ того, всегда готовый къ крайнимъ порывамъ, всегда суетливый,—когда не театральный,—всегда безпокойный въ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ движеніяхъ, только преднамѣреннымъ усиліемъ можетъ придать имъ искуственную соразмѣрность.

Ученія св. Отцовъ православной церкви перешли въ Россію, можно сказать, вмѣстѣ съ первымъ благовѣстомъ христіанскаго колокола. Подъ ихъ руководствомъ сложился и воспитался коренной русскій умъ, лежащій въ основѣ русскаго быта.

Обширная русская земля, даже во времена раздѣленія своего на мелкія княжества, всегда сознавала себя какъ одно живое тѣло и не столько въ единствѣ языка находила свое притягательное средоточіе, сколько въ единствѣ убѣжденій, происходящихъ изъ единства вѣрованія въ церковныя постановленія. Ибо ея необозримое пространство было все покрыто, какъ–бы одною непрерывною сѣтью, неисчислимымъ множествомъ уединенныхъ монастырей, связанныхъ между собою сочувственными нитями духовнаго общенія.

Изъ нихъ единообразно и единомысленно разливался свѣтъ сознанія и науки во всѣ отдѣльныя племена и княжества. Ибо не только духовныя понятія народа изъ нихъ исходили, но и всѣ его понятія нравственныя, общежительныя и юридическія, переходя черезъ ихъ образовательное вліяніе, опять отъ нихъ возвращались въ общественное сознаніе, принявъ одно общее направленіе. Безразлично составляясь изъ всѣхъ классовъ народа, изъ высшихъ и низшихъ ступеней общества, духовенство въ свою очередь во всѣ классы и ступени распространяло свою высшую образованность, почерпая ее прямо изъ первыхъ источниковъ, изъ самаго центра современнаго просвѣщенія, который тогда находился въ Царьградѣ, Сиріи и на св. Горѣ. И образованность эта такъ скоро возрасла въ Россіи и до такой степени, что и теперь даже она кажется намъ изумительною, когда мы вспомнимъ, что нѣкоторые изъ удѣльныхъ князей XII и XIII в. уже имѣли такія библіотеки, съ которыми многочисленностью томовъ едва могла равняться первая тогда на Западѣ библіотека парижская ([1]); что многіе изъ нихъ говорили на греческомъ и латинскомъ языкѣ такъ же свободно, какъ на русскомъ, а нѣкоторые знали притомъ и другіе языки европейскіе,—что въ уединенной тишинѣ монашескихъ келій, часто въ глуши лѣсовъ, изучались и переписывались—и до сихъ поръ еще уцѣлѣли въ старинныхъ рукописяхъ словенскіе переводы тѣхъ отцовъ церкви, которыхъ глубокомысленныя писанія, исполненныя высшихъ богословскихъ и философскихъ умозрѣній, даже въ настоящее время едва ли каждому нѣмецкому профессору любомудрія придутся по силамъ мудрости. Наконецъ когда мы вспомнимъ, что эта

([1]) Несторъ Шлецера, 1.

русская образованность была такъ распространена, такъ крѣпка, такъ развита, и потому пустила такіе глубокіе корни въ жизнь русскую, что не смотря на то, что уже полтораста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ монастыри наши перестали быть центромъ просвѣщенія; не смотря на то, что вся смыслящая часть народа своимъ воспитаніемъ и своими понятіями значительно уклонилась, а въ нѣкоторыхъ и совсѣмъ отдѣлилась отъ прежняго русскаго быта, изгладивъ даже и память о немъ изъ сердца своего:— этотъ русскій бытъ, созданный по понятіямъ прежней образованности и проникнутый ими, еще уцѣлѣлъ почти неизмѣнно въ низшихъ классахъ народа: онъ уцѣлѣлъ,—хотя живетъ въ нихъ уже почти безсознательно, уже въ одномъ обычномъ преданіи, уже не связанный господствомъ образующей мысли.

Какая же сила должна была существовать для того, чтобы произвести такое прочное дѣйствіе!—И эта твердость быта, слѣдствіе прежней образованности, замѣчается въ томъ самомъ народѣ, который такъ легко могъ измѣнить свою образованность языческую, когда принялъ христіанское ученіе.

Потому этотъ русскій бытъ и эта прежняя, въ немъ отзывающаяся, жизнь Россіи—дорогоцѣнны для насъ особенно по тѣмъ слѣдамъ, которые оставили на нихъ чистыя христіанскія начала, дѣйствовавшія безпрепятственно на добровольно покорившіяся имъ племена словенскія. И не природныя какія-нибудь преимущества Словенскаго племени заставляютъ насъ надѣяться на будущее его процвѣтаніе: нѣтъ! племенныя особенности, какъ земля, на которую падаетъ умственное сѣмя, могутъ только ускорить или замедлить его первое развитіе; онѣ могутъ сообщить ему здоровую или тощую пищу; могутъ наконецъ ему дать свободный ходъ на божьемъ свѣтѣ или заглушить его чужими растеніями; но самое свойство плода зависитъ отъ свойства сѣмени.

Какое бы ни было наше мнѣніе о пришествіи Варяговъ: добровольно ли вся русская земля призвала ихъ, или одна партія накликала на другую, но ни въ какомъ случаѣ это пришествіе не было нашествіемъ чужаго племени; ни въ какомъ случаѣ также оно не могло быть завоеваніемъ; ибо, если черезъ полтораста лѣтъ такъ легко можно было выслать ихъ изъ Россіи, или по крайней мѣрѣ значительную ихъ часть, то какъ же могли бы они такъ легко завоевать ее прежде? Какъ могли бы такъ безмятежно держаться въ ней противъ ея воли? (¹). При нихъ спокойно и естественно совершалось образованіе ея общественныхъ и государственныхъ отношеній, безъ всякихъ насильственныхъ нововведеній; единственно въ слѣдствіе внутренняго устройства ея нравственныхъ понятій. Со введеніемъ же христіанства нравственныя понятія рус. человѣка измѣнились; а вмѣстѣ съ ними и его общежительныя отношенія, и потому все общественное устройство рус. земли должно было въ своемъ развитіи принять также направленіе христіанское.

Лучшимъ выраженіемъ той готовности, съ какою Русскій человѣкъ стремился съ самаго начала осуществить въ своей жизни всю полноту принятаго имъ новаго убѣжденія, можетъ служить первое, еще необдуманное желаніе св. Владиміра: прощать всѣмъ преступникамъ. Сама церковь первая остановила его отъ исполненія этого желанія, положивъ так. обр. различіе между обязанностями лично-духовными и свѣтски-правительственными. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлила она, съ начала навсегда, твердыя границы между

(¹) См. о древ. Рус. Исторіи П. В. Кирѣевскаго Москвит. 1845 г. № 3.

собою и государствомъ, между безусловною чистотою своихъ высшихъ началъ и житейскою смѣшанностію общественнаго устройства: всегда оставаясь внѣ государства и его мірскихъ отношеній, высоко надъ ними, какъ недосягаемый свѣтлый идеалъ, къ которому они должны стремиться, и который самъ не смѣшивался съ ихъ земными пружинами. Управляя личнымъ убѣжденіемъ людей, церковь православная никогда не имѣла притязанія насильственно управлять ихъ волею, или пріобрѣтать себѣ власть свѣтски—правительственную, или еще менѣе,—искать формальнаго господства надъ правительственною властію. Государство, правда, стояло церковью: оно было тѣмъ крѣпче въ своихъ основахъ, тѣмъ связнѣе въ своемъ устройствѣ, тѣмъ цѣльнѣе въ своей внутренней жизни, чѣмъ болѣе проникалось ею. Но церковь никогда не стремилась быть государствомъ, какъ и государство въ свою очередь, смиренно сознавая свое мірское назначеніе, никогда не называло себя *святымъ*. Ибо, если рус. землю иногда называли: *св. Русь*, то это единственно съ мыслію о тѣхъ святыняхъ мощей и монастырей и храмовъ божіихъ, которые въ ней находились; а не потому, чтобы ея устройство представляло сопроницаніе церковности и свѣтскости, какъ устройство «Св. Римской Имперіи».

Управляя такимъ образомъ общественнымъ составомъ, какъ духъ управляетъ составомъ тѣлеснымъ, церковь не облекала характеромъ церковности мірскихъ устройствъ, подобныхъ рыцарско-монашескимъ орденамъ, инквизиціоннымъ судилищамъ и другимъ свѣтско-духовнымъ постановленіямъ Запада; но, проникая всѣ умственныя и нравственныя убѣжденія людей, она невидимо вела государство къ осуществленію высшихъ христіанскихъ началъ, никогда не мѣшая его естественному развитію. И духовное вліяніе церкви на это естественное развитіе общественности могло быть тѣмъ полнѣе и чище, что никакое историческое препятствіе не мѣшало внутреннимъ убѣжденіямъ людей выражаться въ ихъ внѣшнихъ отношеніяхъ. Неискаженная завоеваніемъ русская земля въ своемъ внутреннемъ устройствѣ не стѣснялась тѣми насильственными формами, какія должны возникать изъ борьбы двухъ ненавистныхъ другъ другу племенъ, принужденныхъ въ постоянной враждѣ устроивать свою совмѣстную жизнь. Въ ней не было ни завоевателей, ни завоеванныхъ. Она не знала ни желѣзнаго разграниченія неподвижныхъ сословій, ни стѣснительныхъ для одного преимуществъ другаго; ни истекающей оттуда политической и нравственной борьбы; ни сословнаго презрѣнія, ни сословной ненависти, ни сословной зависти. Она не знала, слѣдственно, и необходимаго порожденія этой борьбы: искуственной формальности общественныхъ отношеній и болѣзненнаго процесса общественнаго развитія, совершающагося насильственными измѣненіями законовъ и бурными переломами постановленій. И князья, и бояре, и духовенство, и народъ, и дружины княжескія, и дружины боярскія, и дружины городскія и дружина земская, всѣ классы и виды населенія, были проникнуты однимъ духомъ, одними убѣжденіями, однородными понятіями, одинакою потребностью общаго блага. Могло быть разномысліе въ какомъ-нибудь частномъ обстоятельствѣ; но въ вопросахъ существенныхъ-слѣдовъ разномыслія почти не встрѣчается.

Такимъ образомъ русское общество выросло самобытно и естественно, подъ вліяніемъ одного внутренняго убѣжденія, церковью и бытовымъ преданіемъ воспитаннаго. По тому именно въ немъ не было и мечтательнаго равенства, какъ не было и стѣснительныхъ преимуществъ. Оно представляетъ не плоскость, а лѣсницу, на

которой было множество ступеней; но эти ступени не были вѣчно неподвижными, ибо устанавливались естественно, какъ необходимые сосуды общественнаго организма; а не насильственно, случайностями войны, и не преднамѣренно, по категоріямъ разума...

Воображая себѣ русское общество древнихъ временъ, не видишь ни замковъ, ни окружающей ихъ подлой черни; ни благородныхъ рыцарей, ни борющагося съ ними короля. Видишь безчисленное множество маленькихъ общинъ, по всему лицу земли русской разселенныхъ и имѣющихъ, каждая на извѣстныхъ правахъ, своего распорядителя, и составляющихъ, каждая свое особое согласіе, или свой маленькій міръ: эти маленькіе міры или согласія сливаются въ другія большія согласія, которыя въ свою очередь составляютъ согласія областныя и наконецъ племенныя, изъ которыхъ уже слагается одно общее, огромное согласіе всей русской земли, имѣющее надъ собою великаго князя всея Руси, на которомъ утверждается вся кровля общественнаго зданія, опираются всѣ связи его верховнаго устройства (1).

Вслѣдствіе такихъ естественныхъ, простыхъ и единодушныхъ отношеній, и законы, выражающіе эти отношенія, не могли имѣть характеръ искусственной формальности; но, выходя изъ двухъ источниковъ: изъ бытоваго преданія и изъ внутренняго убѣжденія, они должны были въ своемъ духѣ, въ своемъ составѣ и въ своихъ приложеніяхъ, носить характеръ болѣе внутренней, чѣмъ внѣшней правды; предпочитая очевидность существенной справедливости — буквальному смыслу формы, святость преданія — логическому выводу, нравственность требованія — внѣшней пользѣ. Я говорю, разумѣется, не о томъ или другомъ законѣ отдѣльно; но о всей, такъ сказать, наклонности (тенденціи) древне-русскаго права. Внутренняя справедливость брала въ немъ перевѣсъ надъ внѣшнею формальностію.

Между тѣмъ, какъ римско-западная юриспруденція отвлеченно выводитъ логическія заключенія изъ каждаго законнаго условія, говоря: форма — *это самый законъ*, — и старается всѣ формы связать въ одну разумную систему, гдѣ бы каждая часть, по отвлеченно умственной необходимости, правильно развивалась изъ цѣлаго, и все вмѣстѣ составляло, не только разумное дѣло, но *самый законосообразный разумъ*: право обычное, напротивъ того, какъ оно было въ Россіи, выростая изъ жизни, совершенно чуждалось развитія отвлеченно-логическаго. Законъ въ Россіи не изобрѣтался предварительно какими-нибудь учеными юристконсультами; не обсуживался глубокомысленно и краснорѣчиво въ какомъ-нибудь законодательномъ собраніи, и не падалъ потомъ, какъ снѣгъ на голову, посреди всей удивленной толпы гражданъ, ломая у нихъ какой-нибудь уже заведенный порядокъ отношеній...

Въ итогѣ разницы характера просвѣщенія западно-европейскаго и древне-русскаго остается слѣдующія черты: христіанство проникало въ умы западныхъ народовъ черезъ ученіе одной римской церкви, — въ Россіи оно зажигалось на свѣтильникахъ всей церкви православной; богословіе на Западѣ приняло характеръ разсудочной отвлеченности, — въ православномъ мірѣ оно сохранило внутреннюю цѣльность духа; тамъ раздвоеніе силъ разума, здѣсь стремленіе къ ней посредствомъ внутренняго возвышенія самосознанія къ сердечной цѣльности и средоточію разума, тамъ исканіе наружнаго, мертваго единства, — здѣсь стремленіе къ внутреннему, живому; тамъ церковь смѣ-

(1) Этотъ взглядъ заимствованъ [illegible] изслѣдованій А. И. Ш[illegible]. Ред.

шалась съ государствомъ, соединивъ духовную власть со свѣтскою и сливая церковное и мірское значеніе въ одно устройство, смѣшаннаго характера,— въ Россіи она оставалась не смѣшанною съ мірскими цѣлями и устройствомъ; тамъ схоластическіе и юридическіе университеты,— въ древней Россіи молитвенные монастыри, сосредоточивавшіе въ себѣ высшее знаніе; тамъ разсудочное и школьное изученіе высшихъ истинъ,—здѣсь стремленіе къ ихъ живому и цѣльному познаванію; тамъ взаимное прорастаніе образованности языческой и христіанской, — здѣсь постоянное стремленіе къ очищенію истины; тамъ государственность изъ насилій завоеванія,—здѣсь изъ естественнаго развитія народнаго быта, проникнутаго единствомъ основнаго убѣжденія; тамъ враждебная разграниченность сословій, — въ древней Россіи ихъ единодушная совокупность, при естественной разновидности; тамъ искусственная связь рыцарскихъ замковъ съ ихъ принадлежностями составляетъ отдѣльныя государства,—здѣсь совокупное согласіе всей земли духовно выражаетъ нераздѣлимое единство; тамъ поземельная собственность—первое основаніе гражданскихъ отношеній,— здѣсь собственность только случайное выраженіе отношеній личныхъ; тамъ законность формально-логическая,—здѣсь выходящая изъ быта; тамъ наклонность права къ справедливости внѣшней, — здѣсь предпочтеніе внутренней; тамъ юриспруденція стремится къ логическому кодексу,—здѣсь, вмѣсто наружной связности формы съ формою, ищетъ она внутренней связи правомѣрнаго убѣжденія съ убѣжденіями вѣры и быта; тамъ законы исходятъ искусственно изъ господствующаго мнѣнія,—здѣсь они раждались естественно изъ быта; тамъ улучшенія всегда совершались насильственными перемѣнами,—здѣсь стройнымъ естественнымъ возрастаніемъ; тамъ волненіе духа партій, — здѣсь незыблемость основнаго

убѣжденія; тамъ прихоть моды, — здѣсь твердость быта; тамъ шаткость личной самозаконности,—здѣсь крѣпость семейныхъ и общественныхъ связей; тамъ щеголеватость роскоши и искусственность жизни,— здѣсь простота жизненныхъ потребностей и бодрость нравственнаго мужества; тамъ изнѣженность мечтательности, — здѣсь здоровая цѣльность разумныхъ силъ; тамъ внутренняя тревожность духа, при разсудочной увѣренности въ своемъ нравственномъ совершенствѣ,— у Русскаго— глубокая тишина и спокойствіе внутренняго самосознанія, при постоянной недовѣрчивости къ себѣ и при неограниченной требовательности нравственнаго усовершенія. Однимъ словомъ — тамъ раздвоеніе духа, раздвоеніе мыслей, раздвоеніе наукъ, раздвоеніе государства, раздвоеніе сословій, раздвоеніе общества, раздвоеніе семейныхъ правъ и обязанностей, раздвоеніе нравственнаго и сердечнаго состоянія, раздвоеніе всей совокупности и всѣхъ отдѣльныхъ видовъ бытія человѣческаго, общественнаго и частнаго; — въ Россіи, напротивъ того, преимущественное стремленіе къ цѣльности бытія внутренняго и внѣшняго, общественнаго и частнаго, умозрительнаго и житейскаго, искусственнаго и нравственнаго...

Отъ чего же образованность русская не развилась полнѣе образованности европейской, прежде введенія въ Россію просвѣщенія западнаго? Отъ чего не опередила Россія Европу?...

Особенность Россіи заключалась въ самой полнотѣ и чистотѣ того выраженія, которое христіанское ученіе получило въ ней,—во всемъ объемѣ ея общественнаго и частнаго быта. Въ этомъ состояла главная сила ея образованности; но въ этомъ же таилась и главная опасность для ея развитія. Чистота выраженія такъ сливалась съ выражаемымъ духомъ, что человѣку легко было смѣшать ихъ значи-

тельность, и наружную форму уважать наравнѣ съ ея внутреннимъ смысломъ.

...Можетъ быть, начало этого неравновѣсія должно искать рано; но въ XVI в. оно уже становится видимымъ... Уваженіе къ преданію, которымъ стояла Россія, нечувствительно для нея самой, перешло въ уваженіе болѣе наружныхъ формъ его, чѣмъ его оживляющаго духа.— Оттуда произошла та односторонность въ русской образованности, которой рѣзкимъ послѣдствіемъ былъ Іоаннъ Грозный, и которая, черезъ вѣкъ послѣ, была причиною расколовъ, и потомъ своею ограниченностью должна была въ нѣкоторой части мыслящихъ людей произвести противоположную себѣ, другую односторонность: стремленіе къ формамъ чужимъ и къ чужому духу.

(*Изъ статьи П. В. Кирѣевскаго: „О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи.“ Моск. Сборн. 1852 г. I, 1—68, Москвит. 1845 III, 11—52*).

Русскую исторію сначала разработывали Нѣмцы—Шлецеръ, Эверсъ, Миллеръ,—и внесли въ нее ходячія нѣмецкія теоріи, которымъ рабски слѣдовали русскіе историки и не смѣли подвергать ихъ собственному анализу. Формы государственной жизни служили главнымъ предметомъ историческихъ изслѣдованій: о народѣ многочисленномъ историки совсѣмъ забыли. К. С. Аксаковъ и вообще всѣ славянофилы являются первыми защитниками русскаго народа и противниками узкихъ нѣмецкихъ теорій (1). *Не принадлежа къ народу и не имѣя съ нимъ жизненной связи, Нѣмцы не могли истолковать правильно минувшую судьбу русской жизни. Изображеніе князей, войнъ, дипломатическихъ переговоровъ недостаточно для знанія русской исторіи, какъ твердили западные учители. Намъ нужно знаніе народнаго быта, изученіе общественныхъ внутреннихъ причинъ*

(1) Московс. Сборн. 1852 г., т. I, стр. 49—140, въ статьѣ: «О древнемъ бытѣ у Славянъ и у русскихъ въ особенности.»

явленій русской жизни. Соловьевъ, по словамъ Аксакова, сдѣлался послѣдователемъ Нѣмца Эверса, провозгласивъ въ наукѣ ученіе о родовомъ бытѣ *и образовалъ свою ученую партію* (1). *Всѣ народы проходили чрезъ первоначальную степень родоваго быта, думаютъ послѣдователи Соловьева; но Аксаковъ доказалъ, что эта теорія о родовомъ бытѣ у русскихъ Славянъ, совершенно произвольна. Заслуга Аксакова очень значительна въ томъ отношеніи, что онъ убилъ фальшивую теорію родоваго быта и указалъ на основаніе быта общинное или вѣчевое. Народъ управлялся своимъ вѣчемъ и вмѣшивался въ княжескую борьбу въ крайнемъ случаѣ; дружина была стихіею чуждою народу. Главный недостатокъ воззрѣній славянофиловъ тотъ, что они представляли слишкомъ идеально древне-русскую жизнь и проводили рѣзкія черты тамъ, гдѣ ихъ небыло. Сознавая, какимъ явленіе должно быть, они мало обращали вниманія на то, что это явленіе было не такимъ на самомъ дѣлѣ, какъ они его представляютъ отвлеченно отъ жизни. Они черезчуръ увлекались московскимъ патріотизмомъ, въ противоположность теоріи западниковъ, превозносившихъ все не русское, и потому у нихъ картина древняго русскаго быта нарисована слишкомъ идеально, привлекательными чертами и въ грандіозныхъ размѣрахъ.*

О заслугахъ славянофиловъ вообще и въ частности о трудахъ К. С. Аксакова по русской исторіи см. рѣчь *Н. И. Костомарова.* Актъ спб. универс. 1861 г.; также въ Рус. Словѣ. 1861.

93. О книжной литературѣ.

Древній періодъ нашей письменности представляетъ много началъ, развитіе которыхъ могло бы дать средства къ самостоятельной и разнообразной дѣятельности въ литературѣ; характеръ первыхъ произведеній ея обнаруживаетъ благопріятныя условія, въ которыхъ народныя поэтическія стремленія не были заглушаемы вліяніемъ чужой литературы, и, напротивъ, очень ярко выражали свои права. Внѣшнія отношенія ставили правда русскихъ авторовъ въ зависимость отъ литературы византійской, наслѣдованную нами черезъ южно-славянское посредничество; но эта зависимость не была совершеннымъ подчиненіемъ, и ея дѣйствіе умѣрялось свѣжей привязан-

(1) Мнѣніе о родовомъ бытѣ принято было и проповѣдывано Кавелинымъ, Афанасьевымъ, Колачевымъ и друг.

ностью къ началамъ національнымъ. Тринадцатое столѣтіе открыло новый періодъ въ умственной и нравственной жизни древней Руси: внѣшнія несчастія, стѣсненіе самобытности должны были невыгодно отразиться и въ литературѣ, и дѣйствительно эпоха татарскаго владычества положила замѣтный отпечатокъ на ея памятникахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, многія произведенія до татарскаго періода или совершенно погибли, или остались уединенными свидѣтелями того, въ какихъ размѣрахъ и въ какомъ направленіи могло совершаться прежде литературное движеніе. До насъ дошло только незначительное число рукописей этого времени; рукописи, а съ ними и самыя сочиненія, терялись отъ разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, такъ что о многихъ памятникахъ мы можемъ только догадываться; потому очень часто трудъ изслѣдователя древнѣйшей русской словесности состоитъ только въ томъ, чтобы возстановить по возможности ея фактическій составъ и объемъ.

Во внѣшней ея исторіи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тѣсная связь ея съ византійской литературой среднихъ вѣковъ, связь, которая и по извѣстнымъ нынѣ памятникамъ можетъ быть опредѣлена довольно точно. Не говоря о множествѣ сочиненій духовнаго содержанія, принятыхъ нами вмѣстѣ съ христіанствомъ, и которыхъ весьма древніе списки уцѣлѣли до сихъ поръ,— переводы греческихъ хронографовъ начались почти одновременно съ первыми попытками русской литературной дѣятельности. Знаніе хронографовъ дало первому нашему лѣтописцу возможность представить въ началѣ своего труда короткій, но точный космографическій очеркъ; переводъ Малалы несомнѣнно принадлежитъ десятому вѣку, столько же древенъ и Амартолъ, слѣды котораго въ Несторѣ указывалъ еще Альтеръ (Philol. krit. Miscell. Wien 1799. 99—100). Въ историческихъ хронографахъ заключался переходъ къ произведеніямъ чисто-литературнаго характера, какія перешли къ намъ въ послѣдствіи также изъ византійскаго источника; по нѣкоторымъ, неяснымъ впрочемъ, намекамъ и эти послѣднія можно отнести къ отдаленной старинѣ. Были ли всѣ эти произведенія трудомъ собственно русскихъ переводчиковъ— другой вопросъ, покрайней мѣрѣ ихъ не прямо—русское происхожденіе не мѣшало ихъ дѣйствію на читателей и они помогали между тѣмъ расширенію русскаго литературнаго запаса.

Тотъ широкій путь, которымъ переходили къ русскимъ читателямъ византійскія произведенія, составляли болгарская и сербская письменность, во все время ихъ цвѣтущаго состоянія. Многое, на что у насъ смотрѣли иногда какъ на русское, было принадлежностію литературъ южно-славянскихъ; но переходя къ намъ, въ нихъ оно иногда не оставляло никакихъ слѣдовъ своего существованія. Памятники болгарскіе сохранились большею частію въ русскихъ спискахъ, передѣлывавшихъ особенности старо-славянскаго текста и только у насъ они получили въ послѣдствіи важное значеніе,—какъ древніе переводы византійцевъ для позднѣйшихъ составителей хронографовъ. Сближеніе словесности южно-славянской съ нашею, обусловливалось съ одной стороны единствомъ литературнаго языка, съ другой единствомъ исповѣданія и проистекавшими изъ него обстоятельствами. Взаимное общеніе народовъ приводило къ намъ духовныхъ учителей изъ Болгаріи и Сербіи; они приносили къ намъ памятники своей литературы, важные тѣмъ болѣе, что были очень понятны и для русскаго читателя. Въ числѣ главныхъ органовъ этого посредничества долго была Аѳонская гора; уже давно упоминаются путешествія русскихъ къ святогорскимъ обителямъ, и давно русскіе получили тамъ право гражданства. Тамъ составлялись переводы греческихъ писателей; тамъ писалось множество рукописей, которыя приносимы были потомъ въ Россію и расходились по всѣмъ ея краямъ. Въ послѣдствіи характеръ сношеній много измѣнился, когда съ паденіемъ Византіи и Аѳонская гора подвергалась преслѣдованію и угнетенію; и тогда однако она не переставала посвящать русскимъ плоды своей дѣятельности; въ XVI столѣтіи имя Максима Грека блистательнымъ образомъ напоминало объ Аѳонской горѣ. Наконецъ, аѳонскіе иноки приходили въ Россію всего больше въ надеждѣ на помощь и за милостынею отъ царя и народа. Еще раньше кончилось содѣйствіе нашему образованію со стороны Болгаръ и Сербовъ: съ паденіемъ политическимъ прекратилось у нихъ и развитіе литературное, такъ что наконецъ у нихъ непоявлялось ни своихъ новыхъ произведеній, ни переводовъ; литература сербскаго языка жила только въ Дубровницкихъ памятникахъ, явившихся независимо отъ старинной словесности Сербіи православной. Какъ бы въ замѣнъ прежняго, въ Болгаріи и Сербіи распространялись уже русскіе памятники, даже самые списки русской редакціи.

Несомнѣнны однако и прямыя отношенія нашей литературы съ византійскою. Переводы съ греческаго дѣлались и дома на Руси; языкъ этотъ былъ извѣстенъ многимъ; при томъ къ намъ постоянно собиралось много греческихъ выходцевъ. Лѣтопись отмѣчаетъ иногда самые переводы, какъ фактъ любопытный; такъ въ софійскомъ временникѣ упомянуто о переводѣ поэмы Георгія Писида—«Похвала къ Богу о сотвореніи всея твари.» Въ соединеніи съ тѣмъ, что досталось намъ изъ южно-

славянскаго источника, русская письменность обнаруживаетъ обширное знакомство съ разными отраслями византійской литературы, и теперь сохраняетъ многіе памятники этой послѣдней, не извѣстные въ греческомъ подлинникѣ; точно также она сберегала многіе южно-славянскіе переводы. При изученіи памятниковъ византійской повѣствовательной или поэтической литературы, извѣстной вообще очень мало, необходимо обратиться и къ старинной русской письменности, гдѣ иногда остается ихъ единственный слѣдъ....

У насъ были извѣстны и любимы очень многія изъ тѣхъ произведеній, которыя были знамениты въ средневѣковой литературѣ и принадлежали къ самымъ характеристическимъ явленіямъ ея. Старинная повѣсть наша представляетъ и другія любопытныя стороны. Прежде всего она имѣетъ право на вниманіе историка литературы, какъ популярное чтеніе стараго времени, очень любимое и распространенное; въ своемъ отношеніи къ читателю, она не имѣла тѣхъ интересовъ, какіе соединялись съ произведеніями историческими и чисто—назидательными,—при сильномъ господствѣ дидактическихъ требованій, она занимала своимъ болѣе или менѣе поэтическимъ содержаніемъ, и слѣдовательно отвѣчала только чисто литературнымъ потребностямъ читателей. Съ другой стороны повѣсть наша представляетъ не мало данныхъ по отношенію къ народной жизни и понятіямъ, которыя она въ себѣ отражала...

Какъ главную отрицательную черту надобно замѣтить особенную бѣдность произведеній самобытно-русскихъ въ этомъ большомъ собраніи разнообразныхъ сказаній, повѣстей, сказокъ и романовъ. Народный эпосъ не сдѣлался у насъ источникомъ для письменныхъ произведеній, какъ было у Чеховъ, имѣвшихъ судъ Любуши и Краледворскую рукопись. Напротивъ, наша народная словесность, какъ болгарская и сербская, издавна заключалась въ самой себѣ и начала отдѣльное существованіе. Слово о полку Игоревѣ становится явленіемъ, какъ произведеніе, нераздѣльно связанное съ народнымъ эпосомъ и по духу и по внѣшней отдѣлкѣ. Извѣстныя условія стариннаго образованія выдвинули на первый планъ историческую и духовную отрасль литературы, и это направленіе почти съ одинакой силой удерживалось во всемъ старомъ періодѣ. Строгая исключительность этого направленія не допустила свободнаго выраженія началъ народно-поэтическихъ: эти послѣднія слишкомъ сильно проникались всѣмъ богатствомъ народныхъ вѣрованій и вмѣстѣ съ ними вызвали противъ себя горячую и непрерывную полемику. Какъ древніе наши писатели вооружались противъ «пѣсенъ и игрищь бѣсовскихъ», такъ XVII столѣтіе считало предосудительнымъ и потому запрещало «сказки сказывать небылыя и загадки загадывать.»

Восполненіемъ недостатка въ повѣсти русской, по содержанію и происхожденію, служила обширная и популярная литература иноземныхъ сказаній. Любовь къ занимательному чтенію и охота къ фантастическимъ и романическимъ разсказамъ находили пищу въ многочисленныхъ переводахъ, которыми словесность наша наводнена была съ древнѣйшаго времени. Отъ X до XVIII столѣтія, сначала старо-славянская, потомъ русская письменность наполнялась переводами или даже и самостоятельными редакціями сказаній, расходившихся въ тоже время и въ западно-европейской литературѣ. Чтобы вѣрно понять, какая роль предназначена была этимъ переводамъ въ нашемъ популярномъ чтеніи древней эпохи, не должно забывать, что въ старину смотрѣли на переводъ вовсе не съ той точки зрѣнія, какъ смотрятъ теперь. И переводъ и передѣлка въ наше время не могутъ усвоить литературѣ чужаго произведенія и ничего не прибавляютъ къ собственнымъ ея результатамъ, потому что внутренній смыслъ переводнаго сочиненія остается по прежнему не роднымъ литературѣ. Въ старину, напротивъ, быть можетъ отъ не слишкомъ большей разборчивости читателей, чужое и переводное принимали, какъ свое оригинальное. О книгѣ судили по ближайшимъ чертамъ содержанія, и считая переводъ за русское сочиненіе, также легко и чисто-русское произведеніе приписывали чужимъ писателямъ: такъ многія русскія поучительныя слова отнесены, въ рукописяхъ, къ I. Златоусту. При этомъ взглядѣ переводъ терялъ и свою иноземную внѣшность: оставляя безъ измѣненія общія мысли, переводчикъ или лучше сказать передѣлыватель замѣнялъ частныя, національныя черты подлинника другими, взятыми изъ русскаго быта, потому, что хотѣлъ быть понятнѣе для читателей, или же самъ понималъ такимъ образомъ свое дѣло. Отъ того книга, передѣланная на русскіе нравы, теряла свою исключительную физіономію и находила больше сочувствія у читателей. То же явленіе, но иногда въ размѣрахъ гораздо большихъ, повторялось въ западныхъ литературахъ этого времени и вообще очень естественно въ литературѣ начинающейся, которая не имѣетъ понятія о литературной собственности и слѣдуетъ не хитрому правилу «брать свое добро тамъ, гдѣ находишь его.» Простодушіе, съ какимъ тогда подделывали и травестировали чужое произведеніе, даетъ много цѣны этимъ новымъ вставкамъ и перемѣнамъ, потому что онѣ прямо взяты изъ той среды, къ которой авторъ ихъ принадлежалъ. Однако, здѣсь не было обыкновенно никакого преднамѣреннаго желанія передѣлывать; оно было бы выше понятій того времени, дѣло совершалось

само собой. Писанныя литературы всегда и вездѣ подвержены были вліянію интерполяціи: каждый усердный читатель дѣлалъ на поляхъ своей рукописи различныя замѣтки, прибавлялъ глоссы и синонимы, которые другой вносилъ въ самый текстъ, такъ что мало по малу начиналась сильная порча текста, отъ которой недалеко до передѣлки. Одинъ могъ прибавить толкованіе неизвѣстнаго слова или названія; другой оставлялъ текстъ и удерживалъ комментарій, третій распространялъ его и т. д., и въ крайнемъ предѣлѣ интерполяціи переводное произведеніе получало уже новый колоритъ, приближавшій его къ національности переводчика, и до нѣкоторой степени могло замѣнить недостатокъ сочиненій оригинальныхъ.

Къ такому разряду переводовъ принадлежали первыя повѣсти, занесенныя къ намъ изъ византійской литературы и отличающія первый періодъ нашей письменности. Эта эпоха была у насъ временемъ тѣснаго общенія съ дѣятельностію южно-славянской. Русскіе пріобрѣтали по большей части готовыя сказанія, которыя появлялись сперва въ южно-славянской письменности и потомъ легко переходили въ русскую, при единствѣ литературнаго языка и одинаковости интересовъ образованія. Новые памятники болѣе и болѣе укрѣплялись на русской почвѣ, такъ что впослѣдствіи уже только на ней продолжали свое существованіе: многіе изъ памятниковъ южно-славянскихъ, извѣстные теперь по нашимъ древнимъ редакціямъ, до сихъ поръ еще не были встрѣчены въ рукописяхъ сербскихъ и болгарскихъ. Греческая литература легко могла удовлетворять потребностямъ старо-славянской письменности, потому что въ повѣствовательномъ отдѣлѣ ея сохранялось многое изъ классическаго наслѣдья, и, кромѣ того, находилось значительное собранье восточныхъ и западныхъ сказаній, повѣстей и легендъ. Она стояла тогда на границѣ между литературами западной Европы и востока: Византія, съ одной стороны, сообщала Арабамъ произведенія блестящаго времени греческой литературы—творенія Аристотеля, Эвклида, Гиппократа, Птоломея, Платона, съ другой сама знакомилась съ поэтическими сказаніями востока, даже съ эпосомъ индѣйскимъ, доходившимъ до нея путемъ сирійскихъ, арабскихъ и персидскихъ переводовъ; по связямъ съ народами германскими и романскими, для нея доступны были и сказанья западно-европейскія. Южно-славянское посредничество принесло къ намъ многія повѣсти изъ этого источника: и сказанія классической древности, передѣланныя подъ вліяніемъ позднѣйшихъ понятій и одѣтыя въ средневѣковую одежду, какъ баснословная исторія Александра Македонскаго, приписываемая псевдо-Каллисѳену, повѣсть о троянской войнѣ и сказочныя произведенія востока, или извѣстныя и западной

Европѣ въ новѣйшихъ обработкахъ, какъ знаменитая Калила-и-Димна, или Стефанитъ и Ихнилатъ, или же знакомыя только въ литературѣ византійской, какъ любопытная сказка изъ Тысячи и одной ночи, Синагрипѣ и мудромъ его министрѣ; и произведенія, навѣянныя христіанскою жизнью, отчасти сохранившія легендарный характеръ, отчасти смѣшанныя съ другими формами повѣсти, какъ исторія Варлаама и Іосафата; и средневѣковыя преданья о чудныхъ странахъ, одинаково любимыя и въ Византіи и въ западной Европѣ, какъ преданье о царѣ-пресвитерѣ Іоаннѣ. По старинной повѣсти о Дѣяніи Девгеніевѣ можно заключать, что у насъ не были чужды и византійскія героическія сказанья, до сихъ поръ очень мало разработанныя: противоположность византійскаго міра съ азіатскимъ, какъ борьба западныхъ народовъ съ завоевателями Палестины, несомнѣнно должна была выразиться подобными сказаньями, не смотря на то, что по своему схоластическому направленію греческая литература византійской эпохи всего менѣе способна была къ чему-либо, похожему на героическій эпосъ. Наконецъ уже давно между произведеніями, явившимися въ южно-славянской письменности изъ Византіи, показываются тѣ народно-апокрифическія преданья, какія вообще играли очень важную роль въ средніе вѣка и у насъ получали развитіе довольно своеобразное. Ихъ извѣстность не ограничивалась и не обусловливалась только письменными памятниками: основанные первоначально на чужомъ преданьѣ, эти разсказы расходились не столько письменно, сколько путемъ устной передачи, и потому не мудрено, что въ томъ видѣ, какъ мы знаемъ ихъ по спискамъ позднимъ, онѣ обнаруживаютъ извѣстное родство съ формами и даже содержаніемъ чисто народнаго эпоса. Такъ наши повѣсти о Соломонѣ или отдѣльными подробностями или и въ цѣломъ составѣ повторяются въ народной словесности: одна изъ сербскихъ сказокъ »о премудромъ Соломонѣ,« представляетъ неоспоримые слѣды единства съ нашимъ стариннымъ памятникомъ.

Весьма отличительная черта болѣе древнихъ повѣстей нашихъ заключается именно въ томъ, что онѣ принимаемы были со всей свѣжестью интереса и приходились къ понятіямъ читателей: на нихъ уже скоро оказался русскій оттѣнокъ и потому въ ихъ заимствованномъ содержаніи можно иногда встрѣтиться съ такими же вѣрными замѣтками или упоминаніями о русскомъ бытѣ и съ выраженіемъ господствовавшихъ у насъ понятій, какъ въ русскихъ сочиненіяхъ того же времени. Впрочемъ, это можно сказать почти только о древнихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ. Произведенія письменности южно-славянской перестали приходить къ намъ, по крайней мѣрѣ въ прежнемъ количествѣ, уже около

XIV столѣтія: съ паденіемъ политической независимости южно-славянскихъ государствъ, упала и литературная дѣятельность; читалось и списывалось только то, что осталось отъ предыдущей эпохи. Русская письменность не могла вознаградить этого недостатка уже потому, что и въ ней время татарскаго владычества отозвалось замѣтнымъ усыпленіемъ и застоемъ. По этому XIV и XVI столѣтія нашей литературы представляютъ не только мало замѣчательнаго въ повѣствовательномъ родѣ, но даже и мало рукописей, посвященныхъ повѣсти и сказкѣ. Древнѣйшіе списки большею частію вовсе не дошли до нашего времени, и почти все содержаніе старинной повѣсти нашей извѣстно теперь изъ рукописей и сборниковъ XVII вѣка, обнаруживавшаго большую любовь къ этому чтенію. Съ этой поры открывается новый періодъ нашей повѣсти, оставаясь, какъ и прежде, переводною по преимуществу, она увеличивала свой объемъ и, усвоивая мало-по-малу чужіе разсказы, перешла и къ собственнымъ попыткамъ, болѣе или менѣе замѣчательнымъ. Но для нея былъ уже закрытъ источникъ, которымъ она пользовалась прежде, литература падшей Византіи не доставляла намъ своихъ памятниковъ, хотя пріѣзды ученыхъ Грековъ, приносившихъ съ собой разныя произведенія, не прекращались до Петра В. Въ замѣнъ того образовались новыя литературныя сношенія, сблизившія нашу повѣсть съ романтической поэзіей средневѣковой Европы...

Западные памятники, хотя и очень охотно приняты были нашими читателями, но вообще не получали въ глазахъ ихъ такой цѣны, какую имѣли въ свое время сказанія византійской эпохи. Они любопытны, впрочемъ, иногда и по своей роли въ нашей словесности, и по отношенію къ средневѣковой романтической литературѣ. Большая часть и византійскихъ и западныхъ произведеній, извѣстныхъ у насъ въ старину, принадлежатъ къ тому кругу поэтическихъ созданій, которымъ ученые изслѣдователи романтическаго эпоса дали удачное названіе «странствующихъ» (Wandernde Dichtungen). При всемъ различіи своего происхожденія—восточнаго или западнаго азіатскаго или европейскаго, онѣ сходны были въ одномъ, своей всеобщей извѣстности. Это странствованіе поэтическихъ произведеній было до того обыкновеннымъ и почти необходимымъ явленіемъ, что каждое замѣчательное сказаніе или повѣсть расходились повсюду, и у разныхъ народовъ, видоизмѣняя свою физіономію, получали длинную литературную исторію, не лишенную характеристическихъ особенностей. Такъ было съ германскими и романскими сказаніями, которыя хотя и возникали въ отдѣльной національности, какъ саги о Дитрихѣ Бернскомъ, романы объ Артурѣ или Карлѣ В., но тѣмъ не менѣе становились общимъ достояніемъ народовъ западно-европейскихъ, отчасти по причинѣ ихъ тѣснаго политическаго сближенія, отчасти по единству ихъ нравственныхъ интересовъ, развившихся подъ одинаковыми условіями образованія. Тоже было и съ преданьями о событіяхъ и лицахъ классическаго міра, и разсказами, пришедшими изъ Византіи и съ Востока: баснословная исторія Александра, Троянскія сказанья, повѣсть о семи мудрецахъ, Калила-и-Димна, въ каждой западной литературѣ имѣли своихъ представителей и пользовались почетомъ. Множество мелкихъ разсказовъ, новеллы, анекдотическія повѣсти, отчасти принадлежавшіе народной словесности, распространялись также бысто и обширно, какъ и основные памятники романтическаго эпоса..... Памятники русской старинной письменности еще на одну степень раздвигаютъ этотъ кругъ странствованій, открывая иногда до сихъ поръ неопредѣленные факты его исторіи. Такимъ образомъ, нашъ переводъ одной сказки изъ Тысячи и одной ночи, сдѣланный безъ сомнѣнія съ греческаго, указываетъ, что въ литературѣ византійской извѣстенъ былъ и этотъ знаменитый сборникъ вмѣстѣ съ другими сказочными сборниками Востока, и слѣдовательно даетъ: новое средство объяснять сходство, какое находятъ въ его содержаніи со многими изъ старинныхъ повѣстей западно-европейскихъ. «Дѣяніе Девгеніево,» переведенное въ древнюю эпоху нашей письменности, и кажется не извѣстное изъ греческихъ источниковъ, имѣетъ не малую цѣну для исторіи средневѣковаго эпоса въ литературѣ византійской, какъ остатокъ самобытнаго героическаго романа византійской эпохи. Подобнымъ образомъ, болѣе позднее русское сказанье, основанное на миѳахъ о Соломонѣ, подтверждаетъ родственность нѣкоторыхъ памятниковъ германскаго эпоса съ преданьями византійскими, сближая нѣмецкое стихотвореніе XV вѣка съ его предполагаемымъ греческимъ источникомъ.....

Народная поэзія не была въ нашей письменности корнемъ литературнаго развитія и даже не имѣла въ ней замѣтной роли; но, говоря о старинной повѣсти, нельзя незамѣтить нѣкоторыхъ, большею частью внѣшнихъ, отношеній и связей народной поэзіи, съ произведеніями книжными. Легко ожидать подобнаго явленія, если старинная повѣсть обращалась въ обширной массѣ разнородныхъ читателей, и, какъ мы видѣли, встрѣчала иногда живое сочувствіе. Достаточно нѣсколькихъ сближеній, чтобы убѣдиться, что, какъ элементы книжные входили въ содержаніе народнаго эпоса, такъ и въ сказаніяхъ переводныхъ, извѣстныхъ по стариннымъ сборникамъ, многое преобразовалось въ иныя формы отъ вліянія народно-поэтическаго взгляда.

Чужія повѣсти иногда особенно занимали читателей по какимъ нибудь чертамъ своего содержанія, безпрестанно переписывались и расходились въ новыхъ спискахъ. Извѣстно, какимъ удивительнымъ превращеніямъ подвергается иногда въ рукописныхъ литературахъ одно и тоже произведеніе: сравнивъ нѣсколько списковъ какой нибудь любимой встарину повѣсти, можно безъ труда видѣть, что все множество варіантовъ часто бываетъ только слѣдствіемъ обширнаго распространенія повѣсти, переходившей во всѣ стороны и во всѣ разряды читателей. Не говоря о томъ, что при подобномъ распространеніи внѣшнія подробности сглаживались подъ русскія формы, самое изложеніе много выигрывало въ пользу народности склада и языка. На этомъ и останавливались большею частью передовыя повѣсти. Но случалось, что эти травестированные разсказы смѣшивались съ оригинальными произведеніями народа и, не смотря на чужое происхожденіе, получали право гражданства въ нашемъ сказочномъ эпосѣ; герои переведенныхъ повѣстей изображались тѣми же красками, какъ богатыри сказокъ и былинъ. Такъ, по свидѣтельству знатоковъ, варіанты рукописныхъ сказаній о Соломонѣ повторяются въ малорусскихъ преданьяхъ; такъ итальянскій романъ XIII—XIV вѣка превратился въ русскую народную сказку о Бовѣ королевичѣ. Тѣмъ же путемъ произошли многіе изъ нашихъ народныхъ анекдотовъ, въ которыхъ хотѣли видѣть проявленіе русскаго юмора, и которые однако составляютъ принадлежность нѣмецкой или вообще западной анекдотической литературы среднихъ вѣковъ. Извѣстныя лубочныя изданія, съ XVII вѣка занимающія важное мѣсто въ народномъ чтеніи, представляютъ много заимствованныхъ разсказовъ, принадлежащихъ старинной рукописной повѣсти.

Съ другой стороны чисто-народныя произведенія подвергались книжному вліянію. Въ нихъ очень легко могли появиться отдѣльныя подробности чуждаго происхожденія; въ кругъ народныхъ знаній давно перешли новыя повѣрья о чудныхъ далекихъ странахъ, дивныхъ звѣряхъ и птицахъ, заключенныя сначала въ передовыхъ сборникахъ, въ родѣ средневѣковаго »физіолога«, и потомъ распространившіяся посредствомъ азбуковниковъ и имъ подобныхъ популярныхъ книгъ; отсюда они появлялись въ пѣснѣ, былинѣ, и можетъ быть въ сказкѣ. Такой переходъ миѳовъ во многихъ случаяхъ можно считать болѣе естественнымъ, чѣмъ живое преданіе, которому нерѣдко даютъ слишкомъ обширное значеніе. Иногда народная поэзія заимствовала и цѣлые сюжеты изъ книжныхъ преданій и повѣстей; это должно было произойти конечно тамъ, гдѣ сфера книжнаго знанія относилась къ живѣйшей струнѣ въ народныхъ понятіяхъ и могла по этому служить эпическимъ матеріаломъ, и отсюда явились опоэтизированные сюжеты духовныхъ стиховъ »объ Алексѣѣ божіемъ человѣкѣ,« о »Ѳедорѣ Тиронѣ,« о »Борисѣ и Глѣбѣ,« даже стихи о »Голубиной книгѣ,« о »Георгіи храбромъ« и другіе. Молитвы послѣднихъ не всегда принадлежатъ народной фантазіи, но давно ею воспринятые, они связаны съ національными миѳами и развиты наравнѣ съ ними. Не всѣ духовные стихи одинаково древни, но многіе принадлежатъ далекой старинѣ; стихъ о Голубиной книгѣ, одно изъ любопытнѣйшихъ произведеній русской эпической поэзіи, въ XVII столѣтіи является уже какъ нѣчто законченное: очевидно, чтобы распространиться въ народѣ, отразить его понятія и принять самый складъ выраженія—преданіе, служащее основой стиха, должно было давно усвоиться народу. Наконецъ въ народной поэзіи обнаруживалось вліяніе и книжной повѣсти. Въ былинахъ съ героями Владимірова времени выставляются иногда богатыри переводныхъ сказаній, какъ обрусѣвшій »Полканъ-богатырь.« Народная сказка къ своему оригинальному содержанію примѣшивала частности, заимствованныя изъ того же источника: »мечъ-кладенецъ,« необходимый спутникъ сказочнаго героя, едвали не былъ чертой заимствованной, также какъ магнитная гора, притягивавшая далеко плывущіе корабли, или Ногай птица, выносящая сказочнаго царевича изъ подземной страны на св. Русь. Даже цѣлые эпизоды могли быть обработаны на основаніи чужихъ разсказовъ; къ числу заимствованныхъ относится, быть можетъ, наша сказка »о злой женѣ,« попавшей въ яму и напугавшей бѣса, очень извѣстная и въ средневѣковой западной повѣсти.

(*Очеркъ лит. исторіи старин. пов. и сказокъ рус. А. Н. Пыпина. Учен. зап. 2 отд. Акад. Н. IV, 2—10. 17—19. 22—25*).

Указатель сочиненій и статей: Хронографъ Георгія Амартола въ гречес. подлин. Изд. *Муральта*. Учен. зап. акад. О переводѣ Манассіиной лѣтоп. на славян. язык. М. 1842 Визант. историки, перевед. при Спб. Духовн. Акад. Спб. 1860—62. О жизни и трудахъ Константина Порфирор. *Зернина*. Хар. 1858. Василій Македонянъ. *Его же*. О родѣ греческихъ князей Комниныхъ. М. 1852. Очеркъ жизни патр. Фотія. М. 1858. Патріархъ Фотій. Вѣстн. Европ. 1868. 1 и 2. Какъ выражались отношенія Константинопол. церкви къ окрест. сѣвернымъ народамъ и особенно къ Болгарамъ въ X в. *В. И. Григоровича*. Одесса 1866. Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen Orient und Occident von den ersten Anfangen bis zur jungsten Gegenvart. *Пихлера*, Мюнхенъ. 1865. Царь-

Онѣмъ же ишьдшимъ и поклонившимся ему, яко же есть лѣпо (*прилично*) вельможѣ, онъ же паки имъ поклонися до земля; потомъ же, снемъ съ себе одежю болярьскую, положи предъ старцемъ, также и коня, сущая въ твари, постави предъ нимъ, глаголя: «се вся, отче, красная прелесть мира сего суть, и яко хощеши, тако створи о нихъ, — азъ бо уже вся си презрѣвъ, хощу мнихъ быти, и съ вами жити въ пещерѣ сеи, и къ тому не имамъ възвратитися въ домъ свои». Таче (*потомъ*) старець къ нему:—блюди, чадо, кому обѣщаешися, чии воинъ хощеши быти, се бо невидимо предстоять ангели божии, приемлюще обѣщанья твоя; но егда како пришедшю отцю твоему съ многою властью изведетъ тя отсюду, намъ же не могущимъ помощи, ты же предъ Богомъ явишися яко ложь и отметникъ его.—Глагола ему отрокъ: «вѣрую Богу моему, отче, яко аще и мучити мя начнеть отець мои, не имамъ послушати его, еже възвратитися къ миру; молю же ти ся, отче, да вѣскорѣ острижеши мя». Тогда повелѣ преп. Антонии великому Никону, да острижетъ й и облечетъ въ мнишьскую одежю; онъ же по обычаю молитвовавъ, и остриже й, и въ черны ризы облече, Варламъ тому имя нарекъ. Тогда же приде кажникъ (*скопецъ*) нѣкто отъ княжа дому, иже бѣ зѣло любимъ княземъ, придержа у него вся [1], и моляшеся старцю Антонью, хотя быти чернець; его же поучивъ старець еже о спасеньи душѣ, предасть Никону, да и того острижеть; онъ же того остригъ, облече въ мнишьскую одежю, Ефремъ имя того нарекъ. Нѣсть бо лѣпо таити, и еже нанесе врагъ скорбь на преподобныя ею (*ихъ*) ради... Увѣдѣ бо князь Изяславъ бывшее о боляринѣ и о кажницѣ его, раз-

([1]) т. е. былъ распорядителемъ или экономомъ.

гнѣвася зѣло, тогда же повелѣ ту, абы шедше, единного отъ нихъ привести, дер знувша таковая створити, иже шедше, и великого Никона приведоша пред него Тогда князь, възрѣвъ съ гнѣвомъ н Никона, глагола ему: «ты ли еси остригл болярина бес повелѣния моего?» Никон же отвѣща: — благодатию божиею аз есмь постригъ й, повелѣньемь царя небеснаго, Iисусъ Христа, призвавшаг й на таковы подвигъ. — Князь рече «то или увѣщаи й въ домъ свои поити, или на поточенье послю тя и сущая съ тобою, и печеру вашю вел раскопати». Къ симъ же Никонъ отвѣща:—се, еже есть, владыко, угодно пред очима твоима, тако створи, мнѣ же нѣст отвращати воинъ отъ царя небеснаго.— Антонии же и иже съ нимъ, вземше одежа своя, и отъидоша отъ мѣст своего, хотяще отъити во ину область; князю же, еще сварящю (*ругающу*) Ни кона, и се единъ отъ отрокъ вшедъ повѣдаше, яко Антонии съ сущими съ ними отходить отъ града сего въ ину область. Тъгда глагола ему жена его: «послушаи, господи, (*господине*) и не гнѣваися, яко также бысть и въ странѣ нашеи, отбѣжавъшемъ нѣкоея бѣды ради чрьньцемъ, много зъла створися въ земли той ихъ ради, нъ блюди, господи, д не тако въ области твоеи будеть». То слышавъ князь, убоявъся гнѣва божия, отпусти великааго Никона, повелѣвъ ем ити въ пещеру свою; по онѣхъ же посла рекыи, да съ мольбою възвратятся въспять, иже едва по три дни увѣщан быша възвратитися въ свою пещеру. (*Послѣ того бояринъ Iоаннъ со многими отроками распудилъ стад Христово и взялъ сына своего Варлаама силой домой; но онъ втоп талъ въ грязь свѣтлыя одежды, дня не пилъ ничего и не поддавалс на ласки своей жены. Кiевопечерскi иноки молились о немъ, и отец*

сжалился надъ нимъ, отпустилъ его въ монастырь и провожали его рабы, жена, отецъ и мать съ великимъ плачемъ, какъ мертвеца, а братія радовалась великою радостью)...

Тъгда блаженыи отецъ нашъ Өеодосии поставленъ бысть презвутеръмь повелѣниемь преп. Антониа, и бѣ по вся дни божьствьную службу сьвьршая съ всякыимь съмѣрениемь: бяше бо кротокъ нравъмь и тихъ смыслъмь, и простъ умъмь, и духовьныя всея мудрости испълненъ, любовь же непорочьну имѣя къ всеи братии: бѣ бо уже съвъкупилося братия яко до пятинадесяте...

А еже испьрва житие ихъ въ пещерѣ, и елико скърби и печали прияша, тѣсноты ради мѣста того, Богу единому съвѣдущю, а устомъ человчьскомъ не мощно исповѣдати. Къ симъ же и ядь (*пища*) ихъ бѣ ржанъ хлѣбъ тъкмо ти (*да*) вода, въ суботу же ти въ недѣлю сочива въкушахуть, многашьды же и въ та дьни не обрѣтъшюся сочиву, зелие (*зелень, траву*) съваривъше едино, и то ядяху. Еще же и рукама своима дѣлахуть дѣло, ово ли копытьца (*чулки?*) плетущи и клобукы (*шапки*), и ина ручная дѣла строяще, и тако носяще въ градъ, продаяху, и тѣмь жито купяху, и се раздѣляхуть, да къждо въ нощи свою часть измѣляшеть на строение хлѣбомъ... и тако въкусивъше мало хлѣба и пакы дѣлѣ ся своемъ къждо имашеть, и тако по вся дни трудящеся, пребывахуть въ любви божии. Отецъ же нашь Өеодосия съмѣренъмь съмыслъмь и послушаниимь вься преспѣвааше, тридъмь и подвизаниемь (*подвигомъ*) и дѣлъмь телѣсныимь, бяше бо и тѣлъмь благъ (*красивъ*) и крѣпъкъ, и съпоспѣшьствъмь всѣмъ служаше, и воду нося и дръва из лѣса на своею плещю, бъдя же по вся нощи въ славословлении божии; и братии же на опочители суще, блаженыи же възьмъ разъдѣленое жито, и когождо часть измълъ, и поставляше на своемъ мѣстѣ. Другоици же оводу (*слѣпнямъ*) сущу многу и комаромъ въ нощи, излѣзъ надъ пещеру и обнаживъ тѣло свое до пояса, сѣдяше, прядыи вълну (*шерсть*) на съплетѣние копытьцемъ, и псалтырь же Давидову поя, отъ множьства же овода и комара все тѣло его покръвено бyдяше, и ядахъ плъть его о немь, пиюще кръвь его; отецъ же нашъ пребываше неподвижимъ, ни въстая отъ мѣста того, дондеже годъ (*время*) будяше утрьнии, и тако преже всѣхъ обрѣташеся въ церкви, и ставъ на своемь мѣстѣ, непоступьнъ сы, ни мятыся умъмь, божествьное славословие съврьшаше, ти тако пакы и (*изъ*) церкве послѣ же всѣхъ излажааше (*выходилъ*): и сего ради вься любляхути и зѣло, и яко отца имяхути и, зѣло дивящеся съмѣрению его и покорению.

Таче по сихъ божествьныи Варлаамъ, игуменъ сы братии въ пещерѣ, изведенъ бысть княжемь повелѣниемь въ манастырь св. муч. Димитрия, и ту игуменъмь поставленъ; тъгда же братия, ту сущая въ пещерѣ, събравъшеся изволениемь всѣхъ, възвѣстивъше преп. Антонию, блажен. отца нашего Өеодосия игумьнъмь себѣ нарекоша, яко и чърньчьскую жизнь управивъша, и божия извѣсто (*знатно, хорошо*) заповѣди излиха (*отлично*) вѣдуща. Отецъ же нашь Өеодосии, аще и старѣишинство приимъ, не измѣни съмѣрения своего правила... Видя мѣсто скрьрбно суще и тѣсно, и еще же скудно при всѣмь, и братии множащися, церкви же мали сущи на съвъкупление имъ, и николи же въпаде о темь въ печаль, ни поскрбѣ отъмь, но по вся дьни братию всю утѣшая, учаше никако же попечися о плътьнѣмь (*о тѣлесномъ, матеріальномъ. Послѣ того на новомъ мѣстѣ, недалеко отъ пещеры, Өеодосій скоро создалъ церковь съ оградой, поставилъ много келій и переселилъ братію въ 1062 г.*,

выписалъ Студійскій уставъ изъ Царяграда и ввелъ его въ свой монастырь; помогалъ убогимъ и въ постъ затворялся въ пещерѣ, поучивъ братію на исполненіе подвиговъ. Въ пещерѣ онъ велъ сильную борьбу съ злыми духами и побѣдилъ ихъ).

Имѣяше же обычаи сиць великыи отецъ нашь Ѳеодосии, яко же по вся нощи обиходити ему келиѣ мниховы вьсѣ, хотя увѣдѣти когождо ихъ како житие; егда бо услышааше кого молитву творяща, ти тъгда ставъ, прославяше о немь Бога, егда же ли паны кого слышаша бесѣдующа, дъва ли или трие съшедъшеся въкупѣ, тоже ту ударивъ своею рукою въ двьри, ти тако отъхожааше, назнаменавъ тѣмь свои приходъ. Таче въ утрѣи день, призвавъ я, нъ не ту абие обличааше ихъ, нъ яко же издалеча притъчами наговия, глаголааше къ нимъ, хотя увѣдѣти, еже къ Богу тъщание ихъ. (*Далѣе слѣдуетъ, чему поучалъ братію Ѳеодосій*).

Тѣмь же слышаще князи и боляре доброе ихъ житие, прихожааху къ великуму Ѳеодосию, исповѣдающе тому грѣхы своя, иже велику пользу приимъше отъ того отъхождааху, ти тако пакы приношаху ему нѣчьто мало отъ имѣнии своихъ на утѣшение братии, на строение монастырю своему, друзіи же и села въдаваюче на попечение имъ. Наипаче же зѣло любляаше блаженааго христолюбивыи князь Изяславъ, предрьжаи тъгда столъ отца своего, и часто же и призываше къ собѣ, мъножицею же и самъ прихожааше, яко же и отътолѣ тако Богъ възвеличаше мѣсто то, умножая вьсѣхъ благыихъ въ немь молитвами въгодника своего.

(*Далѣе слѣдуетъ разсказъ, какъ пришелъ Изяславъ въ монастырь, ворота были заперты и привратникъ не отворилъ ему безъ повелѣнія Ѳеодосія,—какъ умеръ Варлаамъ,—какъ Никонъ умоленъ былъ отъ людей пойти въ Кіевъ изъ Тмуторокания просить сына святославова Глѣба княземъ на мѣсто умершаго Ростислава,—какъ Ѳеодосій прежде всѣхъ изъ братій смиренно носилъ воду, рубилъ дрова для кухни, прялъ нитки для переплета книгъ, изнурялъ себя бдѣніемъ, носилъ худыя одежды, такъ что несмысленные смѣялись надъ нимъ* и проч).

И се въ единъ день шедъшю великуму отцу нашему Ѳеодосью нѣкотораго ради орудия (*по нѣкоему дѣлу*) къ Христолюбьцю князю Изяславу, далече ему сущю отъ града, таче яко пришьдъ, и до вечера ему бывшю орудия ради, и повелѣ христолюбьць нощнааго ради посъпания ему, на возѣ допровадити до манастыря его. И яко бысть идыи путьмь и возаи (*везшій*) его видѣвъ и въ такои одѣяни сущааго, и мнѣвъ, яко единъ отъ убогыхъ есть, глаголa ему: чьрноризьче! се бо ты по вся дни пораздьнъ еси, азъ же трудьнъ сы (*въ работѣ*), и се не могу на кони ѣхати, нъ сице сътворивѣ: да азъ ти лягу на возѣ, ты же могыи на кони ѣхати, всяди на конь. То же блаженыи съ всякыимь съмѣрениемь въставъ, сѣде на кони, а оному же легъшю на возѣ, и идяше путьмь, радуяся и славя Бога, и егда же въздремааше ся, тъгда же съсѣдъ и тенъ идяаше въскраи коня, дондеже утрудяшеся, ти тако пакы на конь въсядаше. Часто уже зорямъ въсходящемъ и вельможамъ ѣдущемъ нъ князю, и издалеча познавъше блаженааго, и съсѣдъше съ конь, покланяахуся убо блаженуму отцю нашему Ѳеодосию; тъгда же глаголa отроку: се уже, чадо, свѣтъ есть, въсяди на конь свои. Онъ же видѣвъ, еже тако вьси покланяхуться ему, и ужасеся въ умѣ и трепетьнъ сы, въста и въсѣде на конь, ти тако поиде путьмь, а преп. Ѳеодосию на возѣ сѣдящю, вси же боляре сърѣтъше покланяхуся ему. Таче дошьдъшю ему манастыря и се изшедъше

ктия, поклонишася ему до земля,
рокъ больми (*весьма, вельми*)
і, помышляя въ себѣ, кто сь
не тако вьси покланяються ему;
й за руку, введе й въ трапезни-
е повелѣ ему дати ѣсти и пити,
хощеть, еще же и нужами тому
гъпусти й. Си же съвовѣдя бра-
вольникъ тъ, а блаженуму о семь
же явивъшю. (*Потомъ изла-*
поученія Θеодосія къ братіи,
ю онъ укрѣплялъ на бранъ
въ искушеній дьявольскихъ, го-
я о расширеніи монастыря и
іи разбойниковъ, поученіи бо-
князя).
ему же блаженому нѣколи при-
разбойникы съвязаны, ихъ же бѣ-
(*поймали*) въ единомь селѣ ма-
скѣ, хотяща красти; блаженыи же,
й съвязаны и въ такои скърби
съжали си зѣло, и прослезивъся,
разрѣшити ѝ и дати же тѣмъ
пити, и тако пакы тѣхъ учаше
еже никогоже прѣобидѣти и ни-
е зъла сътворити, подасть же
гъ имѣния довълное, еже на
, и тако тѣхъ съ миръмь
я, славяща Бога, якоже отътолѣ
илятися и никому же зъла сътво-
ь своими дѣлы довольномъ быти.
бо бѣ милосердие великаго отця
Θеодосия: аще бо видяше нища
га, въ скърьби суща и въ одежи
жаляаше си его ради и вельми
о семь, и съ плачьмь того ми-
; и сего ради сътвори дворъ близъ
ря своего, и церквь възгради въ
в. пьрьвомученика Стефана,—ту
елѣ пребывати нищимъ, и слѣ-
и хромымъ, и трудоватымъ, и
четыря подаваяше имъ, еже на
, и отъ вьсего сущаго манастырь-
десятую часть даяше имъ, и еще
вься суботы посылаше въ по-
зъ хлѣбъ сущимъ въ узахъ...

(*Потомъ говорится о прозорливости Θеодосія и милостыняхъ, которыя присылали въ монастырь христолюбцы, о чудесахъ его и видѣніяхъ избранныхъ*).—Се бо и сиць обычаи имаше блаженыи, яко же многашьды въ нощи въстая, и отаи въсѣхъ исхожааше къ Жидомъ, и тѣхъ, еже о Христѣ, прѣпирая, коря же и досажая тѣмъ, и яко отъметникы и безаконьникы тѣхъ нарицая, жадаше бо еже о Христовѣ исповѣдании убиенъ быти. (1)

Бысть в то время смятенье нѣкако отъ вселукаваго врага въ трехъ князехъ, братии сущимъ по плоти, на единого старишего брата, христолюбця, иже по истинѣ христолюбца, Изяслава. Тоже такоже прогнанъ бысть отъ града стольнаго. Онѣма пришедшима въ град отъ, посылаета же по блаженаго отца нашего Феодосья, бѣдяща (*убѣждая*) того прити к нѣма на обѣдъ, причататися (*стать участникомъ*) неправеднѣмъ тѣмъ съвѣтѣ (*совѣтъ*). То же иже бѣ исполненъ Духа Св. преподобны—иже разумѣвъ, еже не праведному сущу изгнанью, еже о христолюбци, глаголеть посланому, яко не имамъ ити на трапезу Езавелину и причаститися брашьна того, исполнь убо крови, убииства. И ина же многа укоризна глаголавъ, отпусти того, рекъ, яко да възвѣстиши вся си пославшим тя. Но обаче ова аще слышаста сии, но не възмогоста прогнѣватися на нь; видяща бо праведнаго суща человѣка божия; ни паки же послушаста того, но устремистася на прогнанье брата своего; иже отъ всея тоя области отгнаста того, и тако възвратистася вспять, единому шедшю на столѣ томъ брата и отца своего,

(1) Здѣсь напечатанъ текстъ житія по самымъ древнимъ спискамъ.(*Чт. Общ. Ист.1858, 3, III*). Далѣе представляется образчикъ изложенія житія по спискамъ болѣе позднимъ. (*Изъ житія Θеодосія отрывки см. въ Лавр. Лѣт. стр. 69. 79—80. 89—91. 121. 257. 265—7*). Объ основаніи Кіевопечерскаго монастыря. Тамъ же—67—9.

другому же възвратившуся въ область свою. Тогда же отець нашь Феодосии, наполнився Духа Св. нача того обличати, яко неправедно створивша, не по закону сѣдша на столѣ томъ, ако отца си, брата старишего прогнавше. То же тако обличаше того: овъгда *(иногда)* епистолья пиша, посылаше тому; овогда же велможамъ его приходящимъ к нему обличаше того о неправеднѣмъ прогнании брата, веля тѣмъ повѣдати тому. Сеже послѣже вписа к нему епистолью велику зѣло, обличая того и глаголя: Гласъ крови брата твоего въпиеть на тя къ Богу, яко Авелева на Каина. Инѣхъ многихъ древнихъ гонитель и убоиникъ братоненавидникъ приводя и притчами тому вся, еже о немъ, указавъ и тако вписавъ и посла. Яко то прочьте епистолью ту, разгрѣвася зѣло, яко левъ рикнувъ на праведнаго, и удари тою о землю; якоже оттолѣ промчеся вѣсть, еже на поточенье осужену быти блаженому. То же братия в велицѣ печали бывше и моляхуть блаженаго остатися и не обличати его. То же тако же отъ болярь мнози приходяще повѣдаху ему гнѣвъ княжь на того сущь и моляхут ѝ не супротивитися ему. Се бо, глаголаху, на заточенье тя хочеть послати. Си же слышавъ блаженыи, яко о заточеньи его рѣша, возрадовася духомъ и рече к тѣмъ: Се бо о семъ велми радуюся братие, яко ни что же ми блаже (*лучше*) въ житіи семъ. Еда богатьства, имѣнья лишенье нудит мя, или дѣтии отлученье и селъ опечалует мя? Ничто же отъ таковыхъ принесохомъ в мир ось; но нази родихомся; тако же подобаетъ намъ нагомъ прейти отъ свѣта сего: тѣм же готовъ есмь или на поточенье, или на смерть. Оттолѣ начатъ того укаряти о братоненавиденьи; жадаше бо зѣло, еже поточену быти: Но обаче онъ, аще велми разгнѣвався бѣ на блаженаго, но не дерзну ни единаго же зла, ни скорбьна створити тому: видаше

бо мужа преподобнаго и праведна суща его: якоже прежс многаждыи его ради завидѣше брату своему, еже такова свѣтилника имать въ области своеи, якоже сповѣдаше слышавъ отъ того черноризець Павелъ, игуменъ сы отъ единого манастыря сущихъ въ области его. Блаженыи же отець нашь Феодосии много молимъ бывъ отъ братии и отъ велможь, наипаче же разумѣвъ, яко ничто же успѣеть тѣми словесы тому, останися - (*оставилъ*) его; оттолѣ не укаряше его о томъ, помысливъ же в себѣ, яко уне есть молбою того молити, дабы възвратилъ братъ си *(брата своего)* въ область свою.

Не по многѣхъ же днехъ разумѣвъ благыи князь преложенье блаженаго Феодосья отъ гнѣва, и утишенье же отъ обличенья того, възрадовася зѣло; издавнаго бо жадаше бесѣдовати с нимъ, духовныхъ словесъ его насытитися. Таче посылаеть къ блаженому, аще повелить тому приити в манастырь свои, или ни. Оному повелѣвшю тому приити, то же си съ радостью въставъ приде и с боляры в манастырь его. И великому Феодосью съ братиею пришедшу исъ церкви, по обычаю срѣтшу того, поклоншемся, якоже лѣпо князю, и тому же цѣловавшу блаженаго, таче глаголаше ему: Се, отче, не дерзахъ прити къ тебѣ, помышляя, еда како гнѣваяся на мя, и не въпустиши насъ в манастырь. То же блаженыи отвѣща: что бо, благыи владыко! успѣеть гнѣвъ нашь, еже на державу твою. Но се намъ подобаетъ обличити, и глаголати вамъ, еже на спасенье души; и вамъ лѣпо есть послушати того. Тако же вшедшима въ церковь, и бывши молитвѣ сѣдоста, блаженому Феодосью начеишу глаголати тому отъ святыхъ книгъ, и много указавшу ему о любви брата, и оному паки многу вину износящу на брата своего, и того ради не хотящу тому с тѣмъ мира створити. И тако паки по мнозѣ бесѣдѣ той отыде князь въ домъ свои слава Бога,

яко сподобися е такимъ мужемъ бесѣдовать. И оттолѣ часто приходяше к нему духовнаго того брашна насыщаяся паче медвена ста. Се же суть словеса блаженаго, яже исходяхуть отъ медоточивыхъ устъ тѣхъ!

Многашедъ же великии Феодосии к тому ходяше; и тако въспоминаше тому страхъ божии, и любовь, еже къ брату. И единъ отъ дни шедшу къ тому благому богоносному отцю нашему Феодосью, яко вниде въ храмъ (*въ комнату*) идѣже бѣ князь, сѣде; и се видѣ многия играюща пред нимъ: овы гусленыя гласы испущающи, другия же органныя гласы поющи, инѣмъ пискы гласящимъ; и тако всѣмъ играющимъ и веселящимся, яко же обычаи есть предъ княземъ. Блажены же бѣ въкраи его сѣдяи и долу нича (*поникнувъ головой*). И яко мало въсклонився, и рече къ тому: то будетъ ли сице на ономъ свѣтѣ? То же ту абие съ словомъ блаженаго умилися, и малы прослезися; повелѣ тѣмъ престати. И оттолѣ аще коли приставяше тыя играти, ти слышаше блаженаго пришедша, то повелѣваше тѣмъ престати отъ таковы игры. И многашедше паки егда взвѣстяхуть приходъ тому блаженаго, то же того тако срѣташе радуяся предъ двермии храму, и тако вхожаста оба въ храмъ. Се же якоже веселяся, и глаголаше преподобному: Се, отче! истину ти глаголю, яко аще быша ми възвѣстили отца въставшаго отъ мертвыхъ, не бых ся тако радовалъ, яко о приходѣ твоемъ, не быхъ того тако боялъ, или сумнѣлъ, яко же преподобныя твоея душа. Блажены же: то же аще тако боишися мене, тогда створи волю мою, възврати брата своего на столъ, иже ему благовѣрныи отець твои предасть. Он же о семъ умолче, не моги что отвѣщати к симъ. Толми (*до такой степени*) бо бѣ врагъ (*дьяволъ*) ражеглъ (*его*) гнѣвомъ на брата своего, яко ни слухомъ хотяше того слышати.

Отець же нашъ Θеодосии бѣ по вся дни и нощи моля Бога о христолюбцѣ Изяславѣ; еще же въ октении веля того поминати, яко столному тому князю и старишю всѣхъ, сего же, (т. е. *Святослава*) яко, рече, чресъ законъ сѣдшю на столѣ томъ, не веляше поминати въ своемъ монастыри. О семъ же едва умоленъ бывъ отъ братии, повелѣ того с нимъ (т. е. *обоихъ*) поминати; и обаче же первое христолюбца (*Изяслава*), тогда сего благаго (*Святослава*).

(*Христом. Галахова*, стр. 27—30).

Въ Лавр. л. (67—9) см. объ-основаніи Кіевопечерскаго монастыря. Въ Степен. кн. (I, 167) и въ ркп. гр. Толстаго (Опис. 595) сохранилось сказаніе о нѣкоемъ славномъ разбойникѣ Могутѣ времени св. Владиміра: онъ раскаялся и спасся. Какъ образчикъ распространенія древнихъ житій въ XVI в., см. отрывокъ изъ житія св. Ольги (Ист. Рус. Ц, *Макарія*. 1, пр. 153).

Житія святыхъ содержатъ богатыя и разнообразныя данныя для исторіи внутренней жизни нашихъ предковъ и много отличительныхъ особенностей областной жизни. Къ лѣтописнымъ извѣстіямъ прибавляютъ они подробныя объясненія и дополненія; касаются частной жизни лицъ и народа. Въ сказаніяхъ о русскихъ святыхъ можно познакомиться съ подробностями экономической жизни народа, не говоря уже о монастырской жизни и религіозно-практическомъ ея вліяніи на народъ. Но въ тоже время относительно житій надобно вообще замѣтить, что пользоваться ими для выводовъ о нашей отечественной жизни надо весьма осмотрительно. Вмѣстѣ съ другими родами произведеній, перешедшихъ къ намъ отъ южныхъ Славянъ и изъ Византіи, явились и житія святыхъ; и какъ во всѣхъ родахъ мы стали, весьма естественно, подражать образцамъ готовымъ, такъ и въ житія отечественныхъ святыхъ должны были вноситься черты, свойственныя житіямъ вообще. За древнею письменностью замѣчаются нѣкоторые пріемы, сходные съ пріемами народнаго эпоса: и въ ней не столько творится вновь, сколько передѣлывается изъ прежняго, изъ готоваго. Такъ и многія житія должны оказаться не болѣе, какъ переиначеніемъ, варіировкою другихъ житій; чуждыя, византійскія служили основою нашимъ, и хотя при этомъ и передѣлывались, такъ сказать, на наши нравы, но во многихъ мѣстахъ должны были ясно сквозить и чуждые. Едвали не такъ оно въ первой половинѣ житія Θеодосіева—въ описаніи дѣтства его и молодости. О. Миллеръ.

95. Кіевопечерскіе иноки.

(Подъ 1074 г.). Бѣ же се дивне чюдо видѣти, братіе: съвокупи Богъ таки черноризьци въ обители Матери своея, аки свѣтила въ Руской земли сіяху, овіи бо бяху постници, овіи же на бдѣніе, иніи же на колѣнопреклоненіе, овіи же на пощеніе чрезъ день или чрезъ два дни, иніи же ядуще хлѣбъ съ водою, иніи же зеліе варено, друзіи же сыро. Въ любви пребывающе, меньшіи покаряющеся старѣйшимъ, не смѣюще предъ ними глаголати, но все съ покореніемъ и послушаніемъ великимъ; такоже и старѣйшіи имѣяху любовь къ меньшимъ, наказаху ихъ, утѣшающе аки чада своя възлюбленная. И аще который братъ впадаше нѣ въ кое (*въ нѣкое*) прегрѣшеніе, утѣшаху его и единого епитемью раздѣляху—любо тріе, любо четыре, за великую любовь: такова бо бяше любовь въ той святѣй братіи, въздержаніе и смиреніе. И аще нѣкій братъ отхожаше отъ монастыря, вся братія о томъ имѣяху печаль, посылаху по нь (*по нему, за нимъ*), и призываху въ монастырь брата; и шедше къ игумену вси поклоняхуся за брата, и умоляху игумена, и пріимаху брата въ монастырь съ радостію. Таковіи бо бяху тогда черноризьци, постници, въздержници, отъ нихъ же наменю (*отмѣчу*) нѣколико мужъ чюдныхъ. Яко се убо бысть первый *Даміанъ* прозвитеръ: бяше таковъ постникъ и вздержалникъ, яко развѣ хлѣба и воды ничегоже вкуси до смерти своея. Егда же приношаху дѣти болныя въ монастырь къ блаженому Θеодосію, повелѣваше сему Деміану, да молитву створивъ помажеть й св. масломъ; и пріимахуть ицѣленія, ацимъ (*какимъ*) же недугомъ одержими бяху (¹). Посемъ же разболѣвся, конець житію пріять: пріиде къ нему ангелъ во образѣ Θеодосіевѣ, обѣща ему царство небесное; посемъ приде Θеодосій съ братьею, и сѣдяху у него, онъ же игумену рече: »господи! не забывай, что ми еси въ нощи обѣщалъ«; разумѣвъ же Θеодосій, яко явленіе видѣ, и рече: »что ти обѣщахъ, буди ти«; онъ же предасть духъ, и тако честно похорониша тѣло его. Бѣ же и другій братъ, именемъ *Еремія*, иже помняше крещеніе Руси: сій пріялъ даръ отъ провидѣнія прежебулущая; аще видяше кого въ помышленіи, обличаше и наказаше втайнѣ блюстися діявола; аще ли умыслить ити изъ монастыря, и пришедъ обличаше мысль его и утѣшаше брата, и аще что кому рече, сбываше ся глаголъ его.

Бѣ же инъ старець, именемъ *Матвей*, прозорливъ. Стоящю ему въ церкви, и видѣ бѣса во образѣ Ляха *(Поляка)*, носяща цвѣтки въ приполцѣ (*въ полѣ*), иже глаголються лѣпки; обходя меташе на братью: ему же приляпяше цвѣтокъ, мало постоявъ, разслабленъ бывъ, вину створе ея же ради изыде изъ церкве, и шедъ усняше; аще ли къ кому не прилняше цвѣтокъ, стояше крѣпко въ пѣтьй, дондеже отпоють утренюю; се видѣвъ старець, повѣдаше братьи своей. Паки же старець той же видѣвъ: отпѣвшю имъ заутренюю, идущимъ братьямъ въ келіи, се же опочиваше подъ биломъ (¹), бяше бо келія его подалѣ церкве, и видѣ, и се аки толпа отъ воротъ, и единого сѣдяща на свиньи, и ины около его текуща; и рече имъ старець: »камо идете«? и рече бѣсъ: »по Михаля по Тоболковича«; старець же знаменася крестомъ, и приде въ келію свою; яко бысть свѣтъ, рече келейнику: »иди, впрашай, есть ли

(¹) Этотъ замѣчательный разсказъ свидѣтельствуетъ, какое значеніе имѣли монастыри для бѣдныхъ больныхъ. *См. далѣе отрывокъ изъ житія Агапита.*

(¹) Мѣсто, гдѣ били или звонили для собранія къ службѣ церковной.

Михаль въ келіи?« и рѣша: »давѣ (*да-вeча*) скочилъ черезъ столпіе (*ограду*) заутреніи« ; повѣда же старець игумену и братіи видѣніе. При семъ старци Θеодосій преставися, и бысть Стефанъ игуменъ, и по Стефанѣ Никонъ. Сему старцю и еще сущю, стоящю ему на заутренѣй, возрѣвъ, видѣ бѣса на игуменѣ мѣстѣ сояща: и разумѣвъ старець, яко игуменъ не всталъ есть. Такоже ина многа провидяше видѣнія старець, и почи съ миромъ о господѣ.

Инъ чернець бяше, преже купець богатъ, родомъ Торопчанинъ, именемъ *Черњ*: восхотѣ быти мнихъ, раздая все имѣніе свое нищимъ, приде къ великому Антонію; Антоній же постриже его, и нарече имя ему *Исакій*. Се же Исакій облечеся во власяницю, и повелѣ купити козелъ и одрати й мѣхомъ, и возвлече на власяницю, и осше (*высохла*) около его кожа сыра; и затворися въ печерѣ въ единой улици, въ келейци малѣ, яко 4 локотъ, и ту моляше Бога со слезами. Бѣ же ядь (*пища*) его проскура едина, и та же чрезъ день, и воды въ мѣру піяше; великій же Антоній приношаше ему пищю, подаваше оконцемъ, яко рука вмидеть. И того створи 7 лѣтъ: на свѣтъ не выходя, на ребрехъ не лега, но сѣдя мало сна пріимаше. Единою по обычаю вечеръ нача кланятися, поя псалмы, доже до полуночія трудився сѣдяше, свѣчю погасивъ: внезапу свѣтъ восія въ печерѣ яко отъ солнца, и се 2 унош явистася ему красна, блистающа лица ею (*ихъ*) аки солнце, глаголюща къ нему: »Исакіе! вѣ есвѣ (*мы есмы*) ангела, се Христосъ иде къ тобѣ со ангелы«. И ставъ Исакій, и видѣ толпу, и лица ихъ аки солнце, и единъ посредѣ ихъ сіяше, луча отъ него паче всѣхъ, и глаголаста уноши: »Исакіе! той есть Христосъ, падъ поклонися ему« ; онъ же не разумѣ бѣсовскаго дѣйства, ни памяти прекреститися, выступя поклонися аки Христу. Бѣси же кликнуша и рѣша: »нашъ еси, Исакій«, и введоша й въ келейцю малу, и посадиша й, и сѣдоша около его, полна келейца и улица иечерная. И рече старѣйши ихъ: »возмѣте сопѣли и бубны и гусли ([1]), и ударайте, ать ны (*пусть намъ*) сплящеть Исакій« ; и удариша въ сопѣли и въ гусли и въ бубны, и почаша имъ играти, и утомивше й, оставиша лѣ (*еле*) жива, отъидоша поругавшеся ему. Заутра же приспѣвшю укушенію хлѣба, приде Антоній по обычаю и глагола: »благослови, отче,« и не бѣ гласа и не бѣ отвѣта; и посла въ манастырь по Θеодосія и по братью, мнѣвъ, яко преставился есть. Откопавше взяша й мертваго, вынесше положиша й, и узрѣша яко живъ есть; и рече: »яко се имать быти отъ бѣсовскаго дѣйства« ; и положиша й на одрѣ (*на кровати*), и служаше около его Антоній. Въ се же время приключися Изяславу прити изъ Ляховъ, и поча гнѣватися Изяславъ на Антонія за Всеслава; присла Святославъ ночи, поя Антонія къ Чернигову. Антоній же пришедъ Чернигову, возлюби Болдины горы, ископавъ печеру, ту и вселися; и есть манастырь св. Богородица на Болдиныхъ горахъ и до сего дни. Θеодосій же увѣдавъ, яко Антоній шелъ есть Чернигову, шедъ съ братьею, вза Исакія и принесе къ собѣ въ келію, и служаше около его: бѣ бо расслабленъ умомъ и тѣломъ, яко не мощи ему обратитися на другую страну (*бокъ*), ни встати, ни сѣсти, но лежаше на единой странѣ, подъ ся поливаше, и черві кипяхуся ему подъ бедру съ моченія и съ поливанія. Θеодосій же самъ своима рукама спрятываше й, служаше около его и омываше; се створи за 2 лѣта. Се же бысть

([1]) *Бубенъ*—барабанъ, *сопѣли*—духовой музыкальный инструментъ, а *гусли* — струнный, вѣроятно въ родѣ балалайки.

чюдно и дивно: яко за два лѣта лежа сій, ни хлѣба вкуси, ни воды, никакого же брашна, ни овоща, ни языкомъ проглагола, но нѣмъ и глухъ. Ѳеодосій же моляше Бога за нь, и молитву творяше надъ нимъ день и нощь; и на 3-ее лѣто проглагола, и прослыша, и на ноги поча встаяти и аки младенець ходити. И не брежаше въ церковь входити, нужею привлачахуть ѝ къ церкви; и тако помалу поча ходити къ церкви. Посемъ поча ходити на трапезу, и посажахуть ѝ кромѣ (*отдѣльно*) братьи, положать предъ нимъ хлѣбъ, не емляше, но ли (*пока*) въ руцѣ вдадять; Ѳеодосій же рече: »положите предъ нимъ, ать самъ возметь«; не бреже недѣлю ясти, и помалу оглядався поча ясти, и тако научися ясти; и тако избави ѝ Ѳеодосій отъ козни дьявола. Ѳеодосію же преставлешюся, бысть Стефанъ въ него мѣсто, Исакій же паки всприя жестокое житіе и рече: »о дьяволе! прелстилъ мя еси, сѣдяща на единомъ мѣстѣ; уже не затворюся въ печерѣ, но побѣжю тя ходя въ манастыри;« и облечеся во власяницю, и на власяницю свиту вотоляну (*полотняную*), и поча уродьствовати, и нача въ поварни служити, варити на братью. На заутренюю преже всѣхъ входя, и стояше недвижимо, зимѣ же стояше въ прабошняхъ (*въ котахъ*) въ протоптаныхъ, дондеже примѣрзняше нози его къ камени; и по заутреніи идяше въ поварню, приготовляше дрова и огнь и воду. Единъ же поваръ, такоже именемъ Исакій, рече посмихаяся: »Исакій! воно сѣдить воронъ, иди, имй (*поймай*)«; онъ же поклонився до земля, шедъ имъ ворона и принесе ему предо всѣми повары; и ужасошася, повѣдашй игумену и братьи, и почаша братья чєстити ѝ. Онъ же не хотяше славы человѣческія, поча уродьствовати и пакостити игумену, и братьи, и мірскимъ человѣкомъ; иніи же біяхуть ѝ. И поча по міру ходити, и вселися въ печеру, въ

ней же преже былъ, и собра къ собѣ младыхъ и вскладываше на нихъ порты (*ризы*) чернеческія, да овогда отъ игумена Никона раны пріимаше, овогда отъ родитель дѣтескъ; се же все терпяше, раны, наготу и студень. Единою же вжегшю ему пещь въ печерѣ, поча палити углизнамя, оному же нѣчимъ заложити, вступи ногама на поломя, дондеже изгорѣ, и излѣзе. И ина многа повѣдають о немъ, другое и самъ видѣхъ. И тако взя побѣду на бѣсы, нивочтоже имяше устрашенія ихъ, яко мухъ, мечтанія ихъ. Бѣси же напасти ему дѣяху, глаголюще: »нашъ еси, Исакіе! се поклонился еси нашему старишинѣ«; онъ же рече имъ: »имамъ Іисуса Христа Бога и пречистую его Матерь и молитву Ѳеодосія и тако побѣжю злохитрія ваша и мечтанія«,—знаменашеся знаменіемъ крестнымъ, и тако изчезаху бѣси. Тогда въ нощи прихожаху бѣси съ мотыками и рыскари, (*съ скребками и лопатами*), глоголюще: »роскопаемъ печеру сію, и сего загребемъ сдѣ«; иніи же глаголаху: »бѣжи, Исакіе! хотять тя загрести«; онъ же рече: »аще бысте человѣци были, то въ день бысте являлися, но тма есте, во тмѣ ходите«,—и знаменашеся крестомъ и изчезаху. Паки же являхуся ему звѣриномъ образомъ, и зміевомъ и гадовымъ, всякимъ привидѣніемъ страшаще, и не взмогоша ему ничтоже сътворити, и вопіяху: »о Исакіе! одолѣ и побѣдилъ ны еси«; онъ же рече: »якоже бысте вы мене прелстили во образѣ христовѣ и ангелскомъ, недостойни суще проклятія того видѣнія, нынѣ же являетеся звѣриномъ и гадовомъ, аци (*каковы*) же и есте«.— Оттолѣ не бысть ему пакости отъ бѣсовъ; якоже самъ повѣдаше: »яко се бысть ми за 3 лѣта брань«. Потомъ поча крѣплѣе жити вздержаніемъ, пощеніемъ и бдѣніемъ, и въ такомъ житіи скончася: разболѣвся, внесоша ѝ въ манастырь, до 8-го дне скончася о Госпо-

дѣ; игуменъ же и братья спрятавше тѣло его, погребоша. Таціи бяху (*таковы были*) черньци Өеодисіева манастыря, иже и по смерти сіяють яко свѣтила, и молять за сдѣ сущюю братью и за приносящая въ манастырь, въ немъ же и нынѣ добродѣтелнѣ живуть обще вси, въ пѣніи и въ молитвахъ, на славу всемогущему Богу, Өеодосіевыми молитвами, аминь.

(Изъ Кіевопечерскаго Патерика. П. С. Лѣт. 1, 259—261. 81—85).

Изслѣд. о Патерикѣ *Кубарева*. Ж. М. Н. Просв. 1838, № 10; ч. XX, I; ч. XXVI, II, 121. О Патерикѣ Изв. Акад. V, 129— 158. Чт. общ. 1846—47, кн. IV, отд 4, 5—10; кн. IX, 1—40 1858, III. Труды Моск. общ. ист. I. Критич. разборъ Патерика *П. Казанскаго*. Времен. VII. См. Опис. Кіево-печерс. лавры. *М. Евгенія*. Кіевъ 1831.

96. Духовная Антонія до 1147.

Се азъ Антоній, хужши во мнисѣхъ, изыдохъ на мѣсто се, не пріяхъ ни имѣнія ото князя, ни отъ епископа, но токмо благословеніе отъ Никиты епископа, и паша по чюжей земдѣ ни вдвое, ни во едино, ни себѣ покоя не дахъ, и братіи и сиротамъ, и здѣ крестьяномъ досажая: да то все управить Мати Божія, что есмь бѣды принялъ о мѣстѣ семъ. Се поручаю Богу и св. Богородицѣ и крестьяномъ, и даю въ свободу и поручаю мѣсто се на игуменство. Хто мое слово худое преступитъ, судитъ ему Богъ и св. Богородица, или Богъ отведетъ. А кого изберуть братья и отъ братьи ниже хто въ мѣстѣ семъ терпитъ. А которой братъ нашъ да отъ мѣста сего начнетъ хотѣти игуменства или мздою или насильемъ, да будетъ проклятъ. Или ото князя начнетъ по насилью дѣяти кому или по мздѣ, да

будетъ проклятъ. И се возвѣщаю: да егда сѣдохъ на мѣстѣ семъ, далъ есмь на земли и на тони 70 гривенъ, на селѣ есмь далъ гривенъ 100. На Волховскомъ Тудорѣ съ женою и съ дѣтьми одерень, Волосъ (*Власъ*) съ женою и дѣтьми одерень, Василій съ женою и дѣтьми одерень. Аще сю грамоту кто преступитъ, да будетъ проклять треми сты св. отецъ и осмьюнадесять и буди ему со Іюдою причастье.

(Ист. Рус. Іерархіи III, 124—126).

См. поздняго состава »Житіе Евфросиніи Полоцкой« Степен. книга I, 273; »Житіе Никиты Новгор.« Ист. Р. Ц. *Макарія* II, пр. 54—57. О житіи Леонтія Ростов. Также II, 59. Нифонтъ епис. Новгор. *П. Зернина*. Архивъ Калачова 2, 1. отд. III, 107—115. Рус. святые *Архіеп. Филарета* Черниговъ. 1861. О житіяхъ Вологодс. святыхъ. Москвит. 1850. XX, 68; XXIII, 40; 1851, III, 227.

97. Житіе Антонія Римлянина до 1157 (1).

Сеи преподобныи и богоносныи отецъ нашъ Антоніе родися во градѣ въ велицѣмъ Римѣ, иже отъ западныя части отъ Италіискія земля, отъ латынска языка, отъ христіану родителю, и навыче вѣрѣ христіанстѣи, ея же держаста родителіе его втаинѣ, крыющеся в домѣхъ своихъ; понеже Римъ отпаде вѣры христіанскія, и преложишася в латыню, конечнѣ отпаде от папы Формоса, даже и до днесь. И ина многа о отпаденіи римскомъ повѣда ми, и о богомерской ереси ихъ; но убо о семъ да премолчимъ, о преподобнѣмъ же да глаголемъ. Отецъ же его и мати, в добрѣ исповѣданіи, отъидоша к Богу, преподобныи же навыче грамотѣ и

---

(1) Это житіе представлено здѣсь въ сокращенномъ видѣ.

изъучи вся писанія греческаго языка, и прилежно начатъ чести книги ветхаго и новаго завѣта и преданіе св. отецъ 7 соборовъ, еже изложиша и изъясниша вѣру христіанскую. и вожделѣ въсприяти иноческіи образъ. И помолився Богу, и раздая имѣніе родителей своихъ нищимъ, а прочее отъ имѣнія своего положи въ сосудъ древянъ в дельву, рекще в бочку, и закопавъ и всякою крѣпостію утвердивъ, собры, и вверже в море. Самъ же пойде от града в дальніе пустыни взыскати мниховъ живущихъ и тружающихся Бога ради, крыющеся отъ еретикъ, в пещерахъ и в разсѣлинахъ земныхъ. И божіимъ промысломъ вскорѣ изобрѣте мнихы, в пустыни живущихъ; в нихъже бѣ единъ имѣяше презвитерскій чинъ. Преподобныи же Антоніе много моляшеся имъ со слезами, дабы его присочетали къ своемъ Богомъ избранному стаду. *Онижe много его вопрошаху о христіанствѣ. и о ереси римстѣи, боящеся искушенія отъ отступникъ и отъ еретикъ.* Онъ же имъ христіанина себе исповѣдавъ, они же ему рекоша: чадо Антоніе, понеже юнъ еси и не можеши трьпѣти постническаго житія и трудовъ чернеческыхъ; понеже ему бывшу въ то время 18 лѣтъ, и ина многа ему повѣдаху узкаго и прискорбнаго шествія пути иноческаго трьпѣнія. Он же неослабно моляшеся имъ и кланяяся с великимъ умиленіемъ о восприятіи мнишескаго образа, и едва получи желаніе свое, и постригоша его во иноческіи образъ; и пребысть же преподобныи с ними в пустыни той 20 лѣтъ, тружаяся и постяся, и моляся Богу день и нощь. Бысть же, рече, вдалѣе насъ яко 30 поприщь в пустыни возграждена отъ ту живушихъ иноковъ церкви мала. во имя боголѣпнаго преображенія Господа Бога и Спаса нашего І. Христа. Обычаи же баше всѣмъ инокомъ ис пустыни сходящеся к велицѣи субботѣ.

...Ненавидяи же добра діяволъ воздвиже гоненіе конечное на христіаны, *послаша князи града того и богомерзкіи отступникъ папа римскія области по пустынямъ, и начаша имати мнихы, и предаяху на мученіе; преподобнымъ же онѣмъ отцемъ богоизбраннаго Христова стада, отъ страха того разшедшимся по пустыни, и не совѣдаша другъ друга.* Преподобныи же Антоніе начатъ жительство имѣти при мори в непроходныхъ мѣстѣхъ, толико на камени нощію и во дни безпрестанни стоя и моляся Богу, и никакогожъ покрова и хижа *(хижины)* неимѣя, точію мало пищи вкушая отъ недѣля до недѣля, еже принесе изъ пустыни своея. И пребысть ту на томъ камени преподобныи годищное время и мѣсяца два. и толико трудися къ Богу моляся в постѣ и во бдѣніи и молитвахъ и безъ пища пребывая, елико ангеломъ подобенъ бысть...

Бысть же въ лѣто 6614, м. сентября въ 5 день, на память св. пророка Захарія, отца предтечева, восташа вѣтри велицы зело, и море восколебася, яко николиже быша тако, и волнамъ морскимъ до камени восходящимъ, на немъ же пребываше стоя и безпрестанни молитвы Богови возсылая, — и абіе внезапу, едина волна напрягшися, и подъятъ камень, на немъ же преподобныи стояше, и несе его на камени, якоже на корабли легцѣ, ни како же ничимъ не повреди ни устраши его. Преподобныи же стояше и безпрестанни моляся Богу... И не свѣмъ, рече, когда день, когда ли нощь, но свѣтомъ неприкосновеннымъ объятъ бысть, камени же текущю по водамъ, ни кормилца *(гребцовъ)* имущи, ни кормчія... И отъ Римскія страны шествіе его бысть по теплому морю, изнегоже в рѣку Неву, и из Невы рѣкы въ Невое озеро, из Неваж озера вверхъ по рѣцѣ Волхову, противу быстринъ неизреченныхъ, даж и до В. Нова-града, до уреченнаго мѣста ка-

мень не приста нигдѣже. И приста камень, на немже преподобныи стоя и моляшеся, при брезѣ великія рекы, нарицаемѣй Волхова, на мѣстѣ, идѣже нынѣ божіею благодатію и пречистыя Богородица и преподобнаго отца нашего Антонія молитвами обитель стоитъ. В таже времена бысть въ третюю стражу нощы. въ сельцы, еже имѣнуемо Волховскомъ, начаша во градѣ звонити к заутреннему пѣнію, якоже обычаи есть, и услыша преподобныи звонъ великъ во градѣ, и ста на многъ часъ во страсѣ мнозѣ и в недоумѣніи. и отъ страха начатъ быти въ размышленіи, и во ужасѣ велицѣ, и чаяше яко во граду Риму принесенъ бысть на камени.

Нощи же мимошедши. и дневному свѣту солнцу возсіявшу; преподобному же на камени стоящу, стекошася людіе къ нему, иже ту живуще, и зряще на преподобнаго дивящеся, и пріидоша к нему и начаша вопрошати о имени и о отечествѣ и отъ коея страны пріиде. Преподобному же ни малю русску языку умѣющу, и никотораго отвѣта недоумѣяше имъ сказати; но токмо кланяяся, самъ же с камени не поступи, и пребысть ту три дни и три нощи, на камени стоя и моляся Богу. Въ 4-й же день преподобныи помолися Богу на многъ часъ о увѣденіи града и о людехъ, и дабы ему послалъ Богъ таковаго человѣка, иже бы ему повѣдалъ о градѣ и о людехъ. И сниде преподобныи с камени и поиде во градъ, и обрѣте человѣка гречесніа страны гостбу дѣюща, купецкіи чинъ имуща, иже умѣяше римскимъ и греческимъ и русскимъ языкомъ.

Узрѣвъ же преподобнаго, вопроси его о имени и о вѣрѣ; преподобныи же ему повѣдаше имя свое, и христіана себе нарече и грѣшна инока и недостойна ангельскаго иноческаго образа. Купецъ же онъ паде къ ногама святаго, прошаше благословенія отъ него; преподобныи же ему благословеніе дарова и о христѣ цѣлованіе. Вопросившу же его преподобному о градѣ семъ и о людехъ и о вѣрѣ и о св. божіихъ церквахъ; Готфинъ же преподобному повѣдаше вся по ряду...

Преподобныи же слыша отъ греченина сего повѣсти сія, возрадовася душею, и всесильному Богу веліе благодареніе воздаяше во умѣ своемъ. Вопроси же преподобныи греченина Готфина глаголя: еще ми повѣсть, друже, колико разстояніе отъ града Рима до града сего. и въ колико время преходятъ людіе путь сеи? Онъ же рече: »дальшая страна есть, и нуженъ путь по морю и по суху, едва преходятъ въ полгодищное время, аще кому Богъ поспѣшитъ«. Преподобному же размышляющу и дивящуся въ себѣ о величіи Божіи, како в два дни и въ двѣ нощи толику долготу пути преиде, наипаче же, яко и выше естества на камени по водамъ,— и едва отъ слезъ удержашеся въ то время, и поклонися ему до земля, миръ и прощеніе ему даровавъ. И вниде преподобныи во градъ помолитися св. Софѣи премудрости Божіей, и великаго святителя Никиту видѣти,—и видѣвъ церковное благолѣпіе и чинъ, и святительскіи санъ, вельми возрадовася душею, и помолився и обхождаше всюду, и паки отыде на мѣсто свое. Святителю же Никитѣ въ то время никако неявися преподобныи, понеже еще ненавыче словенску и русску обычаю и языку. Начатъ же преподобныи молитися стоя на камени своемъ день и нощь, дабы ему Богъ открылъ русскіи языкъ, *и видѣвъ Господь Богъ преподобнаго подвигы и труды, и начаша приходити къ нему, иже ту близъ живущеи людіе и гражане, молитвы ради и благословенія.* И божіимъ промысломъ, преподобныи вскорѣ отъ нихъ начатъ разумѣти, и глаголати русскимъ языкомъ; людемъ же вопрошающимъ его о отечествѣ, и коея земля рожденіе, и воспитаніе. и о

пришествіи его; преподобныи же ни како не повѣдаше о себѣ, токмо себе грѣшна именуя. По малѣ же времени доиде въ слухъ о немъ до святителя Никиты того же В. Новаграда; святитель же Никита посла по него и повелѣ его привести предъ себя. Преподобныи же во страсѣ велицѣ бывъ, еще же и радостію одержимъ бысть, и иде ко святителю въ велицѣ смиреніи. Святитель же введе его въ келію свою, и сотворивъ молитву преподобныи, и рече: аминь, и пріемлетъ благословеніе отъ святителя со страхомъ и съ любовію, яко отъ Божія руки. Святитель же Никита провидѣ св. духомъ еже о преподобнемъ. и начатъ вопрошати его о отечествѣ. и о пришествіи его въ В. Новградъ: откуду и како пріиде? Преподобныи же святителю не хотя повѣдати тайны, славы ради человѣческія, но токмо грѣшна себя именуя. Святитель же Никита с великимъ прещеніемъ, еще же и съ заклинаніемъ, вопрошая преподобнаго и рече: мнѣ ли брате не повѣси таины своея, а вѣси яко Богъ имать открыти нашему смиренію, яже о тебѣ, ты же судъ преслушанія пріимеши отъ Бога. Преподобныи же падъ предъ святителемъ на лицы своемъ, и плакаше горько, и моля святителя, да не повѣсть таины сея никому же, дондеже преподобныи въ жизни сеи. И повѣда о себѣ таину на единѣ святителю Никитѣ вся порядку: о отечествіи своемъ, и о воспитаніи и о прихожденіи своемъ изъ Рима въ В. Новградъ, яже исперва писана. Святитель же Никита сія слышавъ отъ преподобнаго, не мняше его яко человѣка, но яко ангела Божія... И оба лежаста на земли, плакастася, помочая землю на многъ часъ, другъ у друга благословенія просяще и молитвы...

Святитель же Никита много моляше преподобнаго, дабы избралъ себѣ мѣсто потребно у него. и пребывалъ съ нимъ до исхода душа своея; преподобныи же никако восхотѣ сего сотворити. и отвѣщавъ рече: Господа ради, святче Божій, не нуди мене: довлѣетъ бо ми на томъ мѣстѣ терпѣти, идѣже ми Богъ повелѣ. (*За тѣмъ идетъ разсказъ о посѣщеніи владыкой Антонія*).

Святитель же хотя поставити ему хижину близъ камени; преподобныи же сего никакоже восхотѣ, но велику скорбь терпляше ради Бога. Святитель же Никита хоти истѣе увѣдѣти о чудеси, боися искушенія, начатъ, разводя на единѣ селянъ тѣхъ, вопрошати о явлѣніи преподобнаго; они же единодушно рѣша ему: во истину святче человѣкъ сіи Божіи по водамъ принесенъ бысть на камени... -

Святитель же Никита (*по пріѣздѣ домой*) посылаетъ по посадниковъ, по Ивана и по Прокопія, по Ивановыхъ дѣтеи посадничих, и рече имъ: »чада моя, послушаите мене; есть во отечествѣ нашемъ сельцо близъ града рекомое Волховско; Богъ изволи и пречистая Богородица на мѣстѣ томъ воздвигнутися храму пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Рождества, и устроитися обители страннымъ симъ преподобнымъ Антоніемъ, и вознесется молитва къ Богу о спасеніи душъ вашихъ, и воспамяновеніе будетъ родителемъ вашимъ«. *Посадницы же съ любовію послушаша святителя. и отмѣриша подъ церковь и подъ монастырь земли на вся страны по пятидесяти саженъ*; и повелѣ епископъ Никита возградити церковь древяну малу, и освяти ея, и едину келейцу постави на прибѣжище мнихомъ.

По лѣтѣ же единомъ пришествія преподобнаго, близ камени преподобнаго, рыболовцы ловитву дѣюще, и объ всю нощь тружавшеся и неяша ничтоже: и отъ труда изнемогоша, и извлекоша мрежа своя на брегъ и в велицѣи скорби быша. Преподобныи же скончавъ молитву иде къ ловцомъ и глагола имъ: чадца моя, токмо имамъ гривенный слитокъ сребра (но-

неже въ то время у новгородскихъ людеи не бысть денегъ, но ліяша слитки сребряныя: ово в гривну, ово в полтину, ово в рубль. и тѣми куплю дѣяху), — и сію гривну слитокъ вдаю вамъ. Послушаите мене, ввержите мрежа своя въ великую сію рѣку Волховъ, и аще что имете, то вдамъ пречистыя Богородица. Они же не восхотѣша сего сотворити и отвѣщавше рѣша: объ всю нощь тружавшеся и ничтоже яхомъ (*вынули*), толико изнемогохомъ; преподобныи же съ прилежаніемъ моляше ихъ, дабы послушали его. Они же по повелѣнію преподобнаго ввергоша мрежа своя въ рѣку Волховъ, и извлекоша на брегъ множество много великыхъ рыбъ, молитвами святаго, едва не проторжеся мрежа, яко николиже тако яша; еще же извлекоша сосудъ древянъ делву, сиречь бочку, окованy всюду обручьми желѣзными. Преподобныи же благословяше ловцовъ глаголя: чадца моя, вѣдите милость Божію, азъ же васъ благословляю и вдаю вамъ рыбу, себѣ жь сосудъ делву, сиречь бочку, понеже ми Богъ вручи на созданіе монастыря... И рекоша къ преподобному: »се мы наяхомся у тебе рыбы ловити, а бочка наша есть«; еще же и жестокими словесы досаждающе укоряху преподобнаго. (*Пошли къ городскимъ судьямъ, чтобы они рѣшили споръ*). Старецъ же рече: »господіе мои, вопрошаите ловцовъ сихъ, что они имутъ вложеное въ бочку сію?« Ловцы же недоумѣющеся, что отвѣщати ктому; преподобныи же рече: »сія бочка нашея худости, вдана морстѣи водѣ въ Римѣ сущемъ отъ нашихъ грѣшныхъ рукъ; вложеное же въ бочку сосуди церковніи, златіи и сребряніи и хрустальніи, потири и блюда. и иная многа отъ священныхъ вещей церковныхъ, и злато и сребро отъ имѣнія родителеи моихъ. Вверженое же в море *сокровище сіе тоя ради вины, еже бы не осквернилися священніи сосуди отъ богомерзкихъ еретикъ. и отъ*

опрѣсночныхъ ихъ бѣсовскихъ жертвъ. Подписи же на сосудехъ римскымъ языкомъ написаны«. Судіа же повелѣша разбити бочку, и обрѣтоша вся по словеси преподобнаго. и даша преподобному бочку и отпустиша его с миромъ, и ктому никтоже смѣяше вопросити его. Ловцы же отыдоша посрамлени. Преподобныи же Антоніе иде ко святителю Никитѣ, радуяся и благодаря Бога о обрѣтеніи бочки, и повѣда вся святителю...

Антоній полагаетъ сокровище свое во святительстѣи ризницы на соблюденіе, а самъ,земъ благословеніе у святителя, и начатъ строити обитель. *И купи землю около монастыря у посадниковъ градскихъ, и съ живущими, иже на тои земли людьми прилучившимися,* и въ прочая лѣта, доколе Божіимъ строеніемъ миръ вселенныя стоитъ, *и при великои рѣцѣ Волховѣ рыбную ловитву купи на потребу монастырю,—и межинами отмежавъ, и писму вдавъ, и въ духовную свою грамату написавъ. И начатъ тружатися безпрестани, чрезъ весь день, и труды къ трудамъ прилагая, нощи же безъ сна пребывая, на камени стоя и моляся,—и видя его богоподобное ангельское житіе, кн. в. Мстиславъ. и святитель Никита. и вся старѣйшины града того и людіе начаша блажити и велію вѣру имѣти.* Таины же о пришествіи его не вѣдяше никтоже, развѣ епископъ Никита, и начаша прибиратися братія ко преподобному; онъ же съ любовію прiимаше. *Мнѣ же недостойному священноиноку Андрею Богъ сподобилъ восприяти ангельскіи образъ во обители сеи,—и быхъ въ послушаніи и во ученіи преподобнаго.*

. . . .

(*Потомъ построили каменную церковь, богато украсили ее, поставили трапезу, кельи и ограду монастырскую*) . . . .

Имъніа же преподобныи ни отъ когоже не восприятъ, ни отъ князей, ни отъ епископа, ни отъ вельможъ градскихъ; *но токмо благословеніе отъ чудотворца Никиты епископа*. Но все строяше изъ бочки сея, еже из Рима Богъ постави водами въ великомъ Новѣградѣ. *и поты и труды своими,— и аще кто что принесетъ Бога ради потребная отъ имѣніа своего, или пищу; преподобныи же тѣмъ братію питая, еще же и сиротъ и вдовицъ убогихъ, и нищихъ питая. И потомъ преподобныи з братіею и с сиротами своими начать прилагати ко трудомъ труды*. Не по мнозѣ же времени святитель христовъ Никита епископъ начать изнемогати, и призва преподобнаго, и повѣда ему отшествіе свое отъ жизни сея, и много наказавъ его, отыде къ Богу. Преподобныи же въ велицѣи скорби и в слезахъ бысть о преставленіи святителя Никиты, понеже велик духовный совѣтъ имѣяху между собою.

(Обитель стала распространяться, монахи умолили Антонія, чтобы онъ былъ у нихъ игуменомъ).

И поживе преподобныи во игуменствѣ лѣтъ 16, в добрѣ исправленіи упасе стадо христово.

И увѣде преподобныи о своемъ отшествіи къ Богу, *призвавъ мене священноинока Андрея*, и нарече себе мене отца духовнаго, и добрѣ исповѣдавъ со слезами, и повѣда моему окаянству преподобныи свое пришествіе изъ Рима. и о камени, и сосудѣ древяномъ, о делви, сиречь бочки, еже исперва написа. И повелѣ ми вся сія написати по представленіи своемъ и церкви Божіеи предати, чтущимъ и послушающимъ на пользу души и на исправленіе добрыхъ дѣлъ, въ славу и честь св. и живоначальнѣй Троицы Отцу и Сыну и св. Духу, и пречистѣй Богородицы. Мнѣ же о семъ въ велицѣ удивленіи бывшу, и потомъ призва братію и рече имъ: »братія моя и спостницы! молю убо васъ, се нынѣ отхожу отъ жизни сея ко Господу Богу моему І. Христу, да молите за мя и пречистую Богородицу въ преставленіи моемъ. *Да изымутъ ангели милостивіи душу мою* (1), и да избѣгну сѣтей вражіихъ отъ воздушныхъ мытарствъ вашими св. молитвами, понеже грѣшенъ есмь; вы же *изберите себе на игуменство отъ братіи* на мое мѣсто отца и учителя, и пребудите у него въ постѣ и молитвахъ и в трудѣхъ, во бдѣніи и в слезахъ. Еще же молю вы о немъ же навыкосте, о томъ и подвизаитеся и о своемъ спасеніи не нерадите, и миръ и любовь между собою имѣите. и милостыни прилежите, и страннолюбія не забываите,— и аще тако пребудите, обитель сія пречистыя Богородица никогда же не оскудѣетъ. Еще же молю вы, пребудите въ послушаніи ко игумену и ко отцемъ своимъ духовнымъ, ко старѣйшимъ братіи, писано бо есть: »блажени нищіи духомъ яко тѣхъ есть царство небесное« и проч.... И ина многа наказавъ преподобныи братіи и поучивъ, яже ко спасенію; братія же видѣвше преподобнаго в последнемъ издыханіи, быша въ велицѣ умиленіи и в сѣтованіи, и в слезахъ многихъ, и реноша: »о добрый нашъ пастырю и учителю! се нынѣ уже зримъ тя въ последнемъ издыханіи на кончинѣ вѣка, и нынѣ къ кому прибѣгнемъ и отъ кого насладимся медоточныхъ словесъ ученія, и кто попечется о нашихъ грѣшныхъ душахъ? Но молимъ тя, угодниче Спасовъ, аще обрящеши предъ Богомъ благодать и милость и по отшествіи своемъ отъ жизни сея моли о насъ неослабнѣ Бога и пречистую Богородицу« ... Блаженныи же

(1) См. въ стихѣ о двухъ Лазарахъ и въ словѣ о мытарствахъ. Выше № 75.

глаголя имъ: »чадца моя, се уже предаю васъ въ руцѣ Господни и пречистыя Богородицы, а о игуменѣ возложите на Господа Бога и пречистую Богородицу и на наше смиреніе: то уже *наставникомъ вамъ вмѣсто мене да будетъ отецъ мои духовныи священноинокъ Андреи«*. И тако предаетъ ему монастырь и братію ему, вручивъ глаголя: »се убо, брате Андрее, оставляю тя съ Богомъ строителя и кормника обители сеи святѣй и всю братью о Бозѣ собранную; но блюди, брате, прочее, да ничтоже оставится отъ монастырскихъ законъ, отъ св. апостолъ и пророкъ, и св. вселенскихъ соборъ...

Азъ же аще тѣлеснѣ отхожу отъ васъ, но духомъ съ вами неотступно пребуду, и о семъ разумно да будетъ вамъ, аще обрѣлъ буду благодать предъ Богомъ, то обитель сія, по отшествіи моемъ умножится наипаче,—и соберутся братія множество въ духовной любви, и умножится св. сія обитель всѣмъ обильствомъ духовнымъ. и въ телесныхъ обидахъ не будете скорбни.« И тако учивъ ихъ доволно, и духовнымъ лобзаніемъ цѣловавъ ихъ, и когождо по единому, и одаривъ ихъ молитвами и благословеніемъ печатлѣ, и впредь полагаетъ братіи заповѣдь: *»аще лучится избрати игумена, то избирати отъ братіи, иже кто на мѣстѣ семъ трыпитъ. и аще князь нашлетъ игумена. или епископъ, по насилію или по мздѣ, или которыи братъ нашъ отъ мѣста сего, а начнетъ хотѣти игуменства, кромѣ братскаго соборнаго изволенія, егоже не произволятъ братія на игуменство, тоиже мздою или насиліемъ отъ князя или отъ епископа поставленъ будетъ, тѣхъ преподобныи проклятію предаетъ«*. Таже и о земли утверждая и глаголетъ: »о братія моя! егда сѣдохъ на мѣстѣ семъ купилъ есмь село сіе и землю. и на рецѣ сеи рыбную ловитву, на строеніе монастыря, цѣною изъ пречистыя сосуда, сиречь изъ бочки,—и аще кто начнетъ обидѣти васъ, или наступати на сію землю, идо имъ судитъ мати Божія«. И давъ братіи послѣднее прощаніе и о Христѣ цѣлованіе, и ставъ на молитвѣ и воздвигъ руцѣ горѣ. и знамена вся животворящимъ крестомъ, перекрести лице свое, рекъ: »миръ всѣмъ«. И помолився на многъ часъ, аще убо и радостно тому бяше, еже разрѣшитися отъ плоти, и съ Христомъ быти; но показуя яко всѣмъ страшна чаша смертная, и многія же по воздухомъ истязателя имамы...

(*Прочитавъ молитву, чтобы Господь сподобилъ его пройти безвредно огненныя волны и глубины бездонныя и избавилъ отъ темныхъ князей тартара, Антоній)* повелѣ священно—иноку Андрею, отцу своему духовному, себе покадити и отходная пѣти;—и возлегъ на одрѣ своемъ и отыде къ Богу—въ вѣчныи покои. И погребенъ бысть честно архіеп. Нифонтомъ съ священнымъ соборомъ и со множествомъ народа града того, со свѣщами и съ кадилы, со псалмы и пѣніи и пѣсньми духовными въ лѣто 6655 (1147) и. августа въ 3 день, на память преп. и богоносныхъ отецъ нашихъ Исакія далматія и Фавста. И положено бысть честное тѣло его въ церкви преч. Богородицы, юже самъ созда. Поживе же съ пришествія своего до игуменства лѣтъ 14, въ игуменствѣ же бысть лѣтъ 16, и всѣхъ лѣтъ поживе во обители 30. и по благословенію преосв. архіеп. Нифонта поставляетъ во игумены ученика преподобнаго священноинока Андрея. Сеи же Андреи повѣда архіеп. Нифонту и княземъ града того и всѣмъ людемъ, еже слыша отъ преподобнаго о чудесѣхъ сихъ; архіепископъ же и вси людіе велми почудившеся и воздаша хвалу Богу и пречистѣи Богородицы, и великому чудотворцу Антонію; и оттолѣ

начатъ зватися Антоніи *Римлянинъ*. И повелѣ архіеп. Нифонтъ сіе житіе преподобнаго изложити и написати и церкви божіи предати, на утвержение вѣрѣ христіанстѣй и на спасеніе душамъ нашимъ; *а Римляномъ, еже отступиша отъ православныя греческія вѣры, и преложишася въ латынскую вѣру, на посрамленіе и на укоризну, и проклятіе*, въ славу же и честь животворящей Троицы, Отцу и Сыну и Св. Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь.

(Правосл. Собес. 1858 г. кн. 5).

Это житіе написано въ XII в. ученикомъ Антонія—игуменомъ Андреемъ, но подверглось передѣлкѣ въ XVI в. См. *Очерки Бусаева II, 97—133.*

98. Изъ житія Агапитова ок. 1235.

Нѣкто отъ Киева пострижеся именемъ Агапитъ при блаженѣмъ отци нашемъ Антонии, иже послѣдьствоваше житию того ангельскаго, самовидець бывъ исправлениемъ его. Яко же бо онъ, великыи, покрывая свою святость, болныя цѣляше от своея яди, мняся тѣмъ зелье врачевьное подаяти, тако здрави бываху молитвою его: тако и сь блаженыи Агапитъ, ревнуя святому старцю, помогаше больнымъ. Егда кто от братия разболяшеся, сии оставивъ кѣлию (не бѣ что крадомаго), пришедъ к болящому брату, и служаше ему, подъимая же и полагая того, на свою руку износя его, подавая тому отъ своея яди, еже вараше зелие; и тако сдравъ бываше больныи молитвою его. Аще же ли продолжашеся недугъ болящему—сице Богу благоволящю, да и вѣру и молитву раба своего умножитъ—сии блаженныи Агапитъ неотступно пребываше у него непрестаньно моляся за нь, дондеже Господь сдравие подасть болящему молитвы его ради. И сего ради прозванъ бысть *Лѣчець*. Сему Господь дарова дары иցѣления. И въ градѣ се слышано бысть: нѣкто въ манастыри лѣчецъ. И мнози приношаху к нему болящая, и сдрави бываху.

Бысть же в сего блаженаго времѣ нѣкто, Ормененъ родомъ и вѣрою, хытръ же бѣ врачевати, яковъ же не бысть прежде его, иже токмо видѣвъ болнаго познаваше и повѣдааше смерть его нарекъ день же и часъ, и никако же измѣнититься слово его. Се уже никако же не врачюется. Отъ сихъ единъ болныи принесенъ бысть в печерьскыи манастырь, иже первыи бысть у князя у Всеволода, его же Арменинъ в нечаяние введе, прорекъ ему по осми днии смерть. Блаженыи же Агапитъ, давъ тому отъ зелия, еже самъ ѣдяше, сдрава створи. И промчеся слово о немъ по всеи земли-русьскои. Арменинъ же уязвенъ бысть завистною стрѣлою, нача укаряти блаженаго. Посла в манастырь нѣкоего осужена на смерть, повелѣвъ дати ему смертнаго зелия, да пред нимъ вкусивъ, падъ умретъ. Блаженыи же сего умирающа, дасть ему манастырьскы яди, и сдрава створи молитвою своею отъ смерти избави повиньнаго. Отселѣ вооружаетъся на нь иновѣрныи, научая тожевѣрникы своя, хотя уморити мниха смертнымъ зелиемъ. Блаженыи же пияше безо пакости, ничто же зла приемля. Вѣсть бо Господь благочестивыя избавляти отъ смерти, Иже рече: Аще что и смертно испиютъ, ничто же ихъ не вредитъ; на недужныя руки възложатъ, и сдрави будутъ.

(Изъ посланія Поликарпа къ Акиндину. Христом. Галахова. 57).

Посланіе Поликарпа къ кіевопечерскому архимандриту Акиндину—служитъ какбы продолженіемъ посланія Симона къ Поликарпу, потому что Поликарпъ, дѣйствительно, продолжаетъ писать о томъ же предметѣ; о

которомъ писалъ и Симонъ,—о кіево-печерской обители, и повѣствуетъ именно о тѣхъ печерскихъ черноризцахъ, о которыхъ Симонъ еще не написалъ; а съ другой стороны,—и потому, что въ своихъ сказаніяхъ Поликарпъ почти исключительно пользуется тѣмъ, что слышалъ прежде изъ устъ Симона, изрѣдка только ссылаясь на неизвѣстное намъ житіе преп. Антонія. Слѣдовательно Поликарпу принадлежитъ это посланіе болѣе по формѣ, а содержаніемъ своимъ оно обязано преимущественно Симону. Трогательныя убѣжденія послѣдняго, вѣроятно, глубоко подѣйствовали на воспріимчивую душу юнаго Поликарпа; онъ остался жить въ печерской обители простымъ черноризцемъ, началъ повиноваться настоятелю своему Акиндину и по его желанію принялъ на себя и выполнилъ настоящій трудъ (ок. 1230) въ память и наученіе будущимъ инокамъ..... Какъ памятникъ литературный, это посланіе уступаетъ въ достоинствѣ посланію св. Симона. Разсказъ у Поликарпа также простъ, естественъ, но менѣе проникнутъ теплотою чувства и болѣе растянутъ; слогъ не столько точенъ и правиленъ и замѣтно страждетъ многословіемъ; самыя мысли въ тѣхъ случаяхъ, когда Поликарпъ позволяетъ себѣ говорить отъ своего лица, менѣе зрѣлы и послѣдовательны, нежели у св. Симона. Но какъ сочиненіе историческое, судя по источникамъ, какими пользовался Поликарпъ, посланіе его можетъ быть поставлено совершенно наравнѣ съ посланіемъ св. Симона, и при единствѣ предмета и самыхъ источниковъ, оба посланія представляются какбы двумя частями одного цѣлаго: они—то, какъ извѣстно, и послужили главною основою для кіево-печерскаго Патерика (Ист. Р. Ц. Макарія, т. III, стр. 162—3. 167).

99. Житіе Авраамія Смоленскаго до 1240 (¹).

...Владыко мой, Вседержителю, благымъ подателю, Отче Господа нашего І. Христа! приди на помощь мнѣ и просвѣти сердце мое на разумѣние заповѣдей твоихъ, и отверзи устнѣ мои на исповѣдание устенъ твоихъ и чюдесъ, и на похваление св. твоего угодника, и да прославится имя твое, яко ты еси помощникъ всѣмъ уповающимъ на тя въ вѣкы.

Бѣ сей блаженый Аврамей отъ вѣрну родителю рожься, бѣста та въ законѣ господни. добрѣ живущи въ законѣ благочестно; бѣ же отець его всѣми чтимъ и любимъ, отъ князя честь приемля: бѣ бо въ истину отъ всѣхъ опознанъ, яко и правдою украшенъ и многимъ въ бѣдахъ помогая, милостивъ и тихъ къ всѣмъ, къ молитвѣ и къ церквамъ прилежа. Такоже и мати его всѣмъ благочестиемъ украшена, таже не яко неплоды бѣста, двѣнадесять дщерема отъ него рожешимся, и не бѣ има отрочати, и се бысть има отъ божия строения: многимъ желаниемъ моляста Бога подати има отроча, многы же обѣты и милостыни церквамъ и манастыремъ дающе,—и послуша ею Богъ и дасть има отроча. Еще бо ему носиму въ утробѣ матернѣ, обита Христова Благодать в немъ и възванъ бысть святын, яко преже Самуилъ; и съвершившимся днемъ рожения, родиста блажена дѣтища... И егда же бѣ отрочатемъ въ възрастъ смысла пришедшю, родителя его даста книгамъ учити: не бе унываша отроча, яко прочая дѣти; но и скорымъ прилежаниемъ навыча; къ сему же на игры съ прочими съ инѣми не съхожаша; но на божественная и на церковная пѣния и почитания преже инѣхъ притекая, яко о семъ родителема радоватися, а инѣмъ чюдитися таковому дѣтища разуму. Господня бо бѣ благодать на немъ, просвѣщающа разумъ его и наставляюща на путь заповѣдии Христовых. Егда же въ большии възрасть прииде, всею тѣлесною красотою и добротою, яко свѣтъ сияше; родителема же его къ браку понужающимъ, но той самъ не восхотѣ, наипаче поучивъ его и наказавъ презрѣти и възненавидѣти житейскую сию славу, прелесть мира сего, и въсприятъ мнише-

(¹) Память Авраамія празднуется авг. 21. Житіе написано ученикомъ его Ефремомъ; здѣсь напечатано по позднему списку. Разсказъ вялъ и безжизненъ, можетъ быть, потому, что распространенъ певцомъ. Я сократилъ его.

сныи чинъ. Тѣма же отшедшина житія сего к Богу. онъ же по велику обрадовася, и дасть Богу славу тако изволшему; богатество же, еже остависта родителя его, убогимъ раздаде, вдовицамъ и сиротамъ и черноризцамъ... Богодухновенныя же книги и святыхъ житія почитая и какобы ихъ житія и труды и подвигъ въсприяти; измѣнися свѣтлыхъ ризъ и въ худыя облечеся и хожаше, яко единъ отъ нищихъ, на уродство ся преложи. и расмотряя и прося и моляся Богу, како бы спастися и въ кое мѣсто прити. И оставивъ всѣхъ, Богу наставляющу, отшедъ отъ града далече 5 поприщь, острыжеся ту, якоже мнози вѣдять св. Богородица монастырь, къ въстоку, *Селище* нарицають é. И бысть оттолѣ по благодати Христовой болий на подвигъ. и вся труды подвизался и мыслью вспоминая св. града Іерусалима... И изо всѣх *(отець)* любя часто почитати ученія преп. Ефрема великаго вселенныя учителя, и Иоанна Златоустаго, и Феодосья печерьскаго, бывшаго архимандрита всея Руси, иже въ святыхъ богодухновенныхъ книгъ житиа их и словеса прихода и унимая почиташе день и нощь, безпрестани Богу молящеся, и покланяяся, и просвѣщая свою душу и промыслъ. и кормивъ словомъ Божиимъ. Яко дѣлолюбивая пчела вся цвѣты облѣтающи. и сладкую себѣ пищу приносящи и готовящи; такоже и вся отъ всѣх избирая и списая, ово своею рукою, ово многыми писци, да якоже пастухъ добрын, вся свѣдын пастьвы и когда на коем пажити ему пасти стадо, а не якоже невѣжа невѣдый паствы: да овогда гладомъ, иногда же по горамъ разыдутся, инии отъ звѣрей снѣдени будуть. Тако всѣмъ есть вѣдома невѣжамъ, взимающимъ санъ священства...

И пребысть блаженыя Авраамій пребывая въ монастыри въ трудѣ, и въ бдѣнии и въ алкании день и нощь, якоже и самому игумену зрящу добраго житиа радоватися, и всей братьи. и славити Бога. Многымъ отъ мира притекати отъ него утѣшения приимати отъ св. книгъ,—и бѣ въ всемъ повинуяся игумену, и послушание имѣя къ всѣмъ братиямъ, и любовь и смирение иныи, Бога ради понараяся всѣмъ. Искусивъ же его игуменъ, яко въ всемъ повинуется ему и послушаетъ: бѣ бо и самъ игуменъ хитръ божественнымъ и вся свѣдыи и проходя, якоже мнози свѣдять, и никтоже смѣя предъ нимъ отъ книгъ глаголати; и принуди же блаженнаго Аврамия прияти священнический санъ, и поставлену ему бывшу диякономъ, и потомъ ереемъ при княжении вел. Христолюбиваго Мьстислава смоленъскаго и всея Руския земли. Приимъ же св. блаженный священный санъ, болѣи смирения прииать, яко таку благодать Христосъ ему дарова: божественную литоргею съ всяцѣмъ тщаниемъ, юже за всего мира Христосъ повелѣ приносити, и ни единаго же дне не остави, яко же и мнози вѣдять его бывша и до самоя смерти, и не оставившаго церковьная правила и божественныя литургія и своего подвига; нищету же и наготу, и укорения же отъ диявола, и тугу и искушения отъ игумена, и отъ всея братия и отъ рабъ, кто можетъ исповѣдати? Якоже ему самому глаголати: »быхъ 5 лѣтъ искушения терпя, поносимъ, безчествуемъ, яко злодѣй«; якоже не терпя его и видя себе диаволъ побѣжцена отъ святаго, и въдвиже мань сию крамолу, своими совѣты хотя й оттолѣ прогнати, якоже и бысть. Видѣ бо диаволъ, яко мнози отъ града приходять и учениемъ духовнымъ его множатся, отъ многих грѣх на покаяние притекають; аще ли сице речемъ: Богу хотящу, яко нѣсть лѣпо свѣтильнику въ тмѣ сияти, и укрытися граду выше горы сущу... Оттолѣ въниде въ градъ уча и наказуя вся на страхъ господень. Сице же и сему бысть отъ диаволя научения: ибо нѣции отъ иерей,

друзии же отъ черноризець како бы нань въстети (*возстать*); овы же отъ града потязати и укорити исходяще, друзии и сапиру творяще, яко ничтоже свѣдуще, противу нань глаголаху, и тако посрамлени съ студомъ отхожаху; и пакы не преставааху крамолы нань въздвизающе, въ градѣ и вездѣ глаголюще: »се уже весь градъ къ себѣ обратилъ есть«. Есть бо, о братия, о семъ приложити слово на утѣшеніе вамъ: тако бо бѣ благодатию христовою утѣшая приходящия и плѣняя их душа и смыслъ их, дабы възможна неотхожащу быти, яко сему и мнози суть послуси, яже и самому игумену нестѣрпѣти, многыя къ нему видѣ притекающія, и хотя того его отлучити и глаголаше: »азъ за тя отвѣщаю убо Богу, тыже престани уча«, и много озлобления нань възложи. И оттолѣ въниде въ градъ, и пребысть въ единомъ монастыри у честнаго креста, и ту начаша болѣ приходити и учение его множайшее быти; а врагъ сѣтоваше, а Господь Богъ раба своего прославляше. и съблюдаше на всяко время, благодать и силу подавая рабу своему. И пребысть мало время. и отъ многъ приемля утѣшенна, подаваху ему на потребу и лише потребы; и потомъ скоро раздаваше вдовицамъ и нищимъ, а самъ, еже въ потребу себѣ приимаше, украси же церковь иконами и свѣщами. И мнози начаша отъ града приходити и послушати церковнаго пѣниа и почитаниа божественныхъ книгъ: бѣ бо блаженный хитръ почитати, дасть бо ся ему благодать божия не токмо почитати, но и протолковати, яже мнозѣмъ не свѣдущимъ, и отъ него сказанная всѣмъ разумѣта. и слышащимъ ксему изо устъ и паматью сказая. Яко ничтоже ся его не утаить божественных писаний, якоже николиже умлъкоша уста его ко всѣмъ, къ малымъ же и къ великимъ, рабомъ же и свободнымъ, и рукодѣльнымъ; тѣмъ же ово на молитву, ово на церковныя пѣния, ово

на утѣшение притекающимъ. Яко и въ нощь мало сна приимати, но колѣнное поклонение и слезы многы отъ очию излиявъ, и въ перси бья, и кричаниемъ Богу припадая — помиловати люди своа, отвратити гнѣвъ свой, и послати милость свою, и належащихъ бѣдъ избавити ны, и миръ и тишину подати молитвами пречистыя Дѣвы Матери Богородицы и всѣх святыхъ. Написа же двѣ иконѣ: едину страшныи судъ втораго пришествія, а другую испытания въздушныхъ мытарствъ, ихже всѣмъ нѣсть избѣжати.. И ко всѣмъ приходящимъ онаго страшнаго дня не престая о томъ глаголя и почитая великаго онаго свѣтлаго учителя вселенныя Иоана златоустаго, и препод. Ефрема и всѣхъ богогласных святых св. Духа глаголаннаго ими собѣ у(в)нимая и всѣмъ проповѣдая.

И бѣ блаженныи с воздержаниемъ отъ многаго питья, пьянства же отнюдь ненавидя, ризы же по смирению любя, драгых велми бѣгая, и смирение присно имѣя, на трапезы же и на пиры отнюдь неисходя, многых ради зазираний, якоже бывають отъ мѣста изборающихъ. и инѣх ради многых бывають, отъ многа ради пиянъства и бѣды, и того ради сего убѣгаше. Образъ же блаженнаго и тѣло удручена бяше, и кости его и съставы, яко мощи вщести, и свѣтлость лица его блѣда имуща отъ великаго труда въздержания и бдѣниа, отъ многъ глаголъ, яже тружашеся, поя и почитаа, и молитву принося къ Богу... Егда устрояшеся въ священническыи санъ, образъ же. и подобие на великаго Василья: чрънy браду таку имѣя, плѣшиву развѣ имѣя главу, но не зазрите ми братиа моеи грубости: не лжа бо си глаголю, или какою хитростию или мудростию, но многых ради, иже его не видѣша и не слышаша... Видя же себе сатана побѣжденна Христовою силою отъ святаго, яко явльшеся ему овогда въ нощь, овогда въ день,

устрашая и прета, яко огнь освѣчая ѝ въ нощи, яко многѣмъ еще не спящимъ, овогда стужая, овегда являяся въ многѣх мечтаниих, пакы яко левъ нападая, яко звѣрие лютии устрашающе; другое— яко воини нападающе и сѣкуще, иногда и съ одра сметающе ѝ; егда отъ сна въставаше блаженныи, по малу сна вкусивъ, отъ злых окаянных бѣсовских мечтаний, и въ день болѣ ему о семъ стужающе; тѣмже ово собою, ово въ жены бестудныя преображающеся, тоже яко о великомъ Антонии пишеться... Не могыи окаянныи терпѣти бывающия ради благодати помощи вѣрнымъ и христолюбивымъ христіаномъ, и отъ всѣхъ побѣждаемъ силою Христовою, и въшедъ сатана въ сердца безчинных, и въздвиже нань,—и начаша овии клеветати къ епископу, инии же хулити и досаждати, овии еретика нарицати ѝ, а инии глаголаху нань: *г'лубинныя книгы почитаешь;* инии же въ женамъ прикладающе.

Попове же зияюще и глаголюще: »уже наши дѣти вся обратилъ есть«, друзии же пророкомъ нарицающе, — и ина же многа нань вѣщания глаголюще, ихже блаженныи чюжь, истиною реку тако. А блаженыи все радуяся терпяше о Господи, събрашежеся вси от мала до велика весь градъ нань: инии глаголють заточити, а инии къ стѣнѣ ту пригвоздити и зажещи, а друзии — потопити. И проведше сквозѣ град, всѣмъ же събравшимся на дворъ владычнь—игуменомъ же и попомъ и черньцомъ, княземъ и боярomъ, диякономъ и всим церковницамъ; внегда послаша по блаженнаго, уже всѣмъ събравшемся, посланныя слугы емше, яко злодѣя влачаху. Овии ругахуся ему и безчинная словеса кидающе, и весь градъ к по торгу и по улицамъ, вездѣ полно народа, мужи же глаголюще и жены и дѣти. Блаженныи же бѣ, яко птица ять руками, не умѣя что глаголати или что отвѣщати, но едино упование имѣя къ

Богу. и к нему моляся о тая, избавити печали... Якоже и бысть: князю бо и вълостелем умякчи Богъ сердца; игуменомъ же и ереемъ, аще бо мощно, живаго позрѣти; ведому же ему на снемъ, явися Господь в то время пренод. Луцѣ Прусину, у церкви честнаго архангела Михаила, стоящю ему на молитвѣ въ 9 часъ,—и гласъ бысть ему глаголющь: »яко възводять блаженнаго ему угодника на снемъ, съ двема ученикома истязати хотять, тыжъ о немъ никакоже съблазнися«. И глаголаше блаженныи Лука на снимающихся на блаженнаго Авраамия и на уничижающих его: »много бо безъ правды хулящии уничижають, но да быша грѣси его на мнѣ были, и вы слышасте яко хотѣша сътворити преже сего неимуща страха божиа. Такий же безумний и епискупъ, како хотяше безъ правды убити ѝ, иже и еще порекъ золъ, и хула, и клятва зла и гнѣвъ божии за 30 лѣть пребысть, и еще время будеть, аще се того не покаете«...

Приведену бывшю блаженному на суд, ничтоже нань вины не обрѣтающимъ, но безчинным попом, яко волом рыкающи вины, также игуменом; князю же и вельможемъ не обрѣтающимъ вины, но изыскающе все, нѣст неправды никоеяже, но всю лжють... *(Всѣ нашли невинным Авраамія).*

Видѣвше же сия, тако отъидоша, и яко неимъ конца, въ чемъ осудити ѝ, и рѣша, от епископа. на се приготованымъ, крѣпко стрѣщи ѝ. и на два и от ученикъ его, иже преподобному служаше добрѣ. На утрии же събравшися игумении и ереи и вины, яже преже глаголяху укоривше, озлобивше, възложиша нань,— и от того времене пакы видевъ монастырь, идѣже бѣ преже остриглъся блаженный, яко не пріиму ему никоего зла, се же от сего времене многа зла пребысть, елико бяше блаженнымъ научено, всѣ ти обратишася на своя дѣла

грѣхъ, но и славу Богу, търпяще-
ι всѣхъ. И еще тогда блаженному
ͻ ереемъ сущу, и по Игнатии епи-
бывшу, истиною рещи, яко побер-
ι пастух Христовы церкви словес-
овець; сый бо бѣаше Бога ради
лъ епископью свою и за многая
ия св. церквей, иже обидѣть вла-
отъ имающе чюжая без правды, и
ю вдовицы и сироты. Сии бо видя
ша, яко вся без правды, яже на бла-
го Авраамия ону крамолу въдвигну-
огу бо о семъ възложившю, се при-
глагола къ епископу Игнатью: »ве-
есть быти опитемьи граду сему,
е добрѣ не опечалиши«,—якоже и
Блаженный Игнатій сего послуша
посла ко всѣмъ игуменомъ и ко
попомъ, заповѣдая и запрещая
—отъ всякаго речения зла престати,
а блаженнаго Авраамия... Блажен-
ιе терпя их запрещения, яко ино
же не приходити к нему; мнози же
ци на всѣхъ путех стрѣжаху, а нѣ-
азграблени быша... Скоро овии от
ιъ, иниі же отъ поповъ напрасную
ͻ приимаху, яко ведуще и бывше въ
на блаженнаго тужаху, и припада-
у на ногу прощения приимаху, а не
въ сониѣ радовахуся...
вшю же бездуждию велику въ гра-
ю изсыхати земли, и садом, и ни-
и всему плоду земному, яко неза-
ͻ бысть время, всѣмъ тужащимъ.
ящимъ Бога; и самъ епископъ бла-
ии Игнатий (*дѣлалъ крестный*
,—и не бысть дождя на земли, и
ͻ въ печали велицѣ. Се же все
от божия промышления. и хотя Богъ
ннаго Авраамия объявити; и възло-
огъ на сердце нѣкоему сущу иерею,
едъ помяну христолюбивому еписко-
Игнатию о блаженѣмъ Авраамии,
ια сице: »вси молихомся, не послу-
ιеъ Богъ; кая вина таковже на
Авраамии, яко лишенъ бысть бо-
жественныя литоргия, еда и того ради
бысть отъ Бога казнь«? Тогда Игнатии
вскорѣ посла по Авраамия, и призвавъ
й и спытавъ, яко все лжа и оглаголания
по зависти и злобѣ диаволи бысть,—и
прости й глаголя: »благослови честный
отче, за неведение мое; се ти сътворихъ,
послушавше лживыхъ клеветникъ и огла-
гольникъ«. И благослови паки пречистою
и честною литоргию съ връшати; и моли
Бога о градѣ. и о всѣх людех, да поми-
луетъ Господь и подасть богатно дождь
свой на землю..: (*Авраамій дорогой
сталъ молиться*) Еще преподобному не
дошедшю своеа келіи, одожди Богъ на землю
дождь, яко славити Бога всѣмъ. и глагола-
ти: »слава тебѣ Господи, яко скоро послу-
ша раба своего. И бысть многа радость въ
градѣ и оттолѣ начаша притекати въ градъ...

Лѣпо же помянути и о житіии препод.
отца Өеодосия печерскаго всея Руси: хо-
тя Богъ вѣру раба своего явити. и от
того мѣста на другое преселити. и пре-
свѣтлѣйшю церковь възградити; уже умно-
жившися братии, и показа Богъ чюдо в
нощи яко сказають рекуще, яко дуга въ
образъ от верха церковнаго, другый
холмъ конець ея,—и препод. отца Өео-
досия душа съ иконою пречистыя Бого-
родица и братьи въ слѣд идуща и пою-
ще. Тако же и нынѣ помянемъ о прев.
Авраамии и о молитвѣ пресв. Богородица
и братьи въ слѣдъ идуща и поюща, яко-
же бысть потомъ и хотящимъ показати
мѣста, на нем же блаженный о Бозѣ хо-
щеть жити лѣти многѣмъ, иже имуть с
нимъ спасатися. Преп. и благочестивый
Игнатии мышлише създати церковь камен-
ну, во имя св. Игнатья, во имя собе,
внѣ града таково суще мѣсто близ ровно,
угодно на поставление церкви и все мо-
гуще въ сприяти ряд монастырскъ, и оку-
пи огради овощныя окресть его, и по-
стави церковь во имя Богоносца; и по-
томъ ту разрушивъ. и на ино мѣсто пре-
сели, и основа большю, и нарече въ имя

св. владычицѣ нашея Богородица положение честныя ризы и пояса. И быша в нем неколико братии, блаженным питаеми епископомъ Игнатиемъ; нѣкотории же буйци и несмысленнии уни ждаху глаголаше: »аще хощеть кто да идеть на игуменьство, имя нарицающе«... По мнозѣ же времени, Богу о семъ промышляющу, стужаше бо в себѣ Авраамии, яко далече сущу града, приходящимъ такоже; блаженный епископъ помянувъ божиею волею, тогда призва единаго от своего честнаго крылоса, перваго от старѣйших, протопопа именемъ Георгия, глагола к нему о блаженнем Авраамии. Помянувъ, яко далече ему сущу граду, скорбь ему велия, да призоветь скоро; блаженный прииде по повелѣнию епископа (*Игнатій благословилъ его на игуменство*). И оттоли прослави Господь болѣ, зане же злѣ блаженнаго оскорбивше, обращатися начаша и припадати на ногу, просяще прощения, иже всѣми ненавидимъ бывъ, всѣмъ бысть, да иже преже бояхуся прийти, то убо не боящеся, но радующеся приходяху. Не точию гражене едине приходяху, но и со женами и съ дѣтми: инъ от княз, и от вельможь, работнии же и свободнии притекаху, вси своя грѣхи исповѣдающе к нему,—и тако отхожаху во домы своя радующеся. Пріим же блаженный домъ св. Богородица, и украси ю, яко невѣсту красну... Мнози же хотяху быти чернорızьци, но не ту абие постряжаше, ведый трудъ искушение велика от общаго всего врага, и се братие числомъ 17. Сице же блаженныи искушаше от Христовым благости, вся бо ему Господь откровенная даяша разумѣти житие хотящимъ и к нему притекающим, тако отвѣщевая глаголюще, къ послушливымъ и смиренымъ, веля имъ часто притекати къ себѣ, елико бо их от златолюбства и злобы, тѣх удалящася, сице бо от своих напастей; многи от черноризецъ приимаше искушения, да того ради не скоро приима, искушаше же сице ведый по книгамъ; но слышаше нѣкоего игумена, сице бываше точию до 12, то числомъ имяше иних дваже—въ искусѣ. А егда кто хотяше от него пострищися, то знаменаша преже, къ коему брату внидеть, да аще пойдяше къ подвижну брату, то стоя славяше Бога, руцѣ въздѣвъ. и о немъ моляся Богу; аще ли не к такому, то печаленъ бываше... Блаженный епископъ радовашеся, яко таковаго дарова ему Богъ савята и блаженна мужя; Авраамій же радовашеся яко та въ даръ благодать приемъ от него. Мало же по такои любви поживъ епископъ и преставися к Богу, по правдѣ рѣщи: въ истину святу и преподобному и к Богу тако подвизався, от юности потрудився: и до самыя сѣдины... Оттолѣ болѣ начать подвизатися блаженный Авраамии, и о таковѣмъ разлучении преподобнаго въ смирении мнозѣ, и в плачи от сердца съ въздыханиемъ. и съ стѣнаниемъ, поминаше бо о себѣ часто. о разлучении души от тѣла. Блаженный Авраамии часто себѣ поминая, како истяжють душю пришедше ангели. и како испытаниемъ на воздусѣ. от бесовьскых мытаревъ, како есть предъ Богомъ и отвѣтъ о всемъ въздати, и в кое мѣсто поведуть, и како во второе пришествие предстати пред судилищемь страшнаго Бога, и како будеть от судія отвѣтъ, и како огнена рѣка нетечеть, пожигающи вся, и кто помогая будеть, развѣ покаяніе, милостыня и беспрестанныя молитвы, и ко всѣмъ любы. и прочая иная дѣла благая, яже обрѣтаються помогающия души. Мы же сего ни на памяти имам, но о всѣм, а другое о иномъ станемъ, не имуще ни единаго слова отвѣщати пред Богом. Пребысть же блаженный въ таковомъ подвизании вся дни лѣта живота своего, всегда бдя и моляся съ воздыханиемъ; многа же научивъ. и наказавъ пребывати въ доброи трудѣ, въ бдѣнии же, и въ молитвѣ, и въ терпѣнии, иже и смирении, въ мило-

стини же, и въ любви; и сице утверди вся съ слезами многыми, сих же не забывати николиже, и глаголаше: »и мене́ смиреннаго не забывайте въ молитвах ваших. моляшеся владыцѣ и Богу. и пречистой его Матери съ всѣми святыми его«. И потомъ болѣзнь на божественнаго нашедши, и тако преставися (*не позже 1220 г.*), предавъ блаженную душю господеви, его же желаше, и получи царство небесное. И пребысть блаженный Авраамии. подвизася лѣтъ 50 от уности до конца живота своего, о Христѣ І. Господѣ нашемъ, Емуже слава и дръжава со Отцемъ и св. Духомъ. и нынѣ и присно и во вся безконечныя вѣкы. Аминь.

(*Прав. Собесѣдн. 1859 г. окт. и декаб.*).

100. Повесть о Алексее митрополите всеа Русии после 1378.

Тоежъ зимы (1377) м. Февраля въ 12 день, на память иже во св. отца нашего Мелентія патриарха великия Антиохия, въ пятокъ въ заутреннюю годину, преставись пресвещенныи Алексѣй м-тъ Киевскии всеа Руссии въ старости честнѣй и глубоче. Се убо блаженный Алексѣй м-тъ родись отъ славныхъ боаръ черниговскихъ, бываше жъ тогда божиими судьбами частая варварская пленения на градъ Черниговъ и на всѣ епархиа тыя, сиречь страны тыя; и того ради отецъ его Феодоръ и мати его Мария отъидоша отъ отечества своего отъ града Чернигова, и приидоша въ прениенитый градъ Москву, и ту пребывающа родъ ста сего блаженнаго...

Блаженным жъ убо Алеѣсѣи старши ї в. кн. Семена сына Іванова, внука Данилова, правнука Александрова, праправнука Ярославля 17 лѣтъ; крести же его еще младенца суща, князь Иванъ Даниловичь еще сын на вел. княжении, и наречено бысть имя ему во св. крещении Елеоерей Семионъ, и еще дѣтищь сыи изyучися грамоте всей, и во благочиннемъ возрасте пребываше. Пришедшу жъ ему въ возрастъ 12-мъ лѣтомъ прилучись ему по смотрѣнию нѣкоему, понеже Богъ хотя проявити о немъ, и прострѣ сѣть на уловление птицамъ и стрежаше опасно сия, і воздремався успѣ; и бысть ему гласъ глаголя: »Алексѣя что всуе тружаешися, се отселе будеши человѣки ловя«. Блаженному жъ отъ сна возбнувшу, и невиде никогоже, и удивись и ужасесь, размышляше о семъ, что сие новое звание, еже нарещи мя Алексѣемъ; и отъ того часа нача во мнозе умилении и размышлении быти, и не могъ сие разсудити, никому же повѣдай о семъ.

Отецъ же его и мати и братья вопрошаху его глаголюще: »что тако въ печаль вдался еси, и *отнюдь уклоняешись въ молчание, всегда книги въ рукахъ имаши, і въ сихъ точию поучавшися*, къ намъ же ниединаго отъ тебѣ слова несть, сия бо есть иноческая, а немирская; кто убо тебя наказа иноческимъ житиемъ жити, *почто убо тако изсушилъ еси себя, постомъ и жаждею*, не сокрушай убо себя, да не въ недугъ впадеши и насъ въ скорбь и въ печаль вдаси, и повѣждь намъ, кто тя разврати«. Блаженныи жъ мало утѣшивъ ихъ паки держашесь своего воздержания, и *на позорище не хожаше, и со отроки не играше, и всяческихъ кощунехъ и глуминии отбегаше*, и прилежаше молчанию божественныхъ писании, и хожаше во умиленіи своемъ всегда. Бывшу жъ ему возрастомъ 20-мъ лѣтомъ возлюби Бога всею душею, і вся заповѣди его тщашесь хранити, и вжелѣ во иноческое житие пострищись, и остави отца и матерь и братию и сестры, ї вся бли-

жнии и друзи и женитву, і всякое мирское пристрастие возненавидѣ, но точию Богу единому работати вжелѣ глаголя всебѣ, пророче ізволихъ приметатись въ дому господни неже жити ми въ селехъ грѣшнихъ. И тако изыде изъ мира 20 лѣтъ сы возрастомъ или мало вящши, и вниде въ монастырь Богоявления, и постригжесь во св. ангельскии и иноческии образъ, и нарекоша имя ему Алексѣй, преже нареченные отъ Бога, иже во оставлении сетей на уловлении птицамъ въ пустыне; и *нача жестокимъ житиемъ жити, постомъ и бдѣниемъ и молитвами и умилениемъ слезами, и всякое писание ветхое и новое извыче.*

Приде жъ въ той монастырь Богоявления и старецъ Стефанъ изъ Радонежа духовенъ сый подвиженъ, ибо той Стефанъ духовнымъ и жестокимъ житиемъ живяше, братъ сый единого отца и единые матери блаженнаго игумена Сергия, иже въ Радонежѣ о Господи монастырь воздвиже; и тако старецъ Стефанъ со Алексѣемъ духовнымъ житиемъ оба купно въ единъстве живяше. И не точию же сѣ, но и въ церкви и на крылосе оба порядуу стояща пояху, во мнозеи любви о Господи і смирѣнии. Такоже и Геронтей нѣкто нарочитъ и честенъ и славенъ старецъ духовенъ житиемъ въ томъ же монастырѣ св. Богоявления живяше, и съ Стефаномъ и съ Алексѣемъ во мнозе духовне любви о Господи смирение пребываше. Любяше же ихъ и Ѳеогностъ м-тъ всеа Русии, и часто къ себѣ призываше, и упокоиваше и прохлажаше и почиташе ихъ добрѣ. Тако жъ по томъ старца Стефана Ѳеогностъ постави игумена въ томъ же монастырѣ св. Богоявления; и бысть Стефанъ игуменъ Богоявленскии духовникъ в. кн. Семену сыну Іванову; такожъ Василью Тысяцкому и Ѳеодору брату его, и прочимъ бояромъ старѣишимъ и инымъ многимъ, вси бо возлюбиша его

добраго ради житія его и смиренія.

Тажъ потомъ пресвещенный Ѳеогнастъ взя къ себѣ во дворъ изъ монастыря св. Богоявления преп. старца Алексѣя, и *учини у себя намѣстникомъ, иже спомогати ему и разсуждати церковныя люди въ правду по святительству правиломъ*; и бысть во дворѣ у митр. Ѳеогнаста препод. старецъ Алексѣй лѣтъ 12 и 3 мѣсяцы, во иночестве жития 40 лѣтъ. Таже потомъ Ѳеогностъ *постави его епискупомъ въ Володимерь* м. декабря въ 6 день, хотя его по себѣ на столѣ митрополичстемъ быти, любяше бо его зело блаженныи добродѣтели сего ради. И пребысть Алексѣй епискупомъ 4 лѣта, дѣиствуя святительная, доньдеже и преставися Ѳеогнастъ м-тъ.

По преставлениижъ Ѳеогнастове, *общимъ совѣтомъ и избраніемъ святителскимъ*, и в. кн. Івана сына Іванова, и *бояръ і велможъ і всѣхъ людей*; паче же божиимъ изволениемъ и избраниемъ *понуженъ бысть итти къ патриярху въ Царырадъ ставитися в митрополиты*. И сице и не хотя поиде въ Царьградъ на поставление. Поставленъ бысть въ Царѣграде блаженнымъ Ѳилоѳеемъ патриярхомъ въ митрополиты на Русь. И яко прииде отъ Царяграда на свои столъ на Русь, и приятъ бысть отъ всего православия русскаго радостнѣ и седя на престолѣ своемъ. И помышляше евангельское слово глаголюще, ему же много дано, много і взыщется отъ него, и увѣдевъ рабъ волю Господина своего и не сотворя бьенъ будетъ много; и таковая во умѣ держа большихъ подвигъ насашесь, и *труды ко трудомъ прилагаше, и свѣтъ и образъ всѣмъ бываше*.

Помысли жъ блаженный воздвигнути церковь и составити монастырь общее житие, глаголя: »обѣтъ ми есть Богу, случибося некогда, егда плавахомъ отъ

Цараграда, возмущенію вѣтреному быти, и сокрушатися волнами зелными кораблю, і всѣмъ намъ отчаявшимся живота, и комуждо молящуся о себѣ, а азъ обѣтъ свой дахъ Богу, вон же день до пристанища достигнемъ, въ того прилучившагося святаго составить церковь, и отъ того часа вѣтри и море отъ волнения своего престаша, и бысть тишина велия, и достигохомъ пристанище тихое м. августа въ 16 день. По своему обещанию помыслилъ поставити церковь нерукотворенного образа Господа и Спаса нашего І. Христа и устроить общее житие«. И сице рекъ къ своимъ сущимъ, изыде къ блаженному Сергію, і вся ему таковая изрече, хощу, рече, нынѣ исполнити обещаное свое; блаженныи жъ Сергии рече ему: добро убо и блаженно дѣло, еже хощеши сотворити, и аще что требуеши отъ насъ сия убо вся невозбранна ти есь. Митрополитъ же рече, хощу ученика твоего Андронника въ томъ монастырѣ начальника устроить. Глагола ему преподобныи Сергии, якоже хощеши твори. Святый же Алексѣй, *даде монастырю милостыню довольну и братию учреди*; и вземъ съ собою инока Андроника изыде изъ монастыря и прииде во градъ Москву, и обрете у града Москвы на рѣце на Яузе мѣсто угодно къ монастырскому строению; и тако, Господу Богу дѣйствующу, и пречистей Богородицѣ споспешествующии, воздвиже церковь во имя нерукотвореннаго образа Христова, ижъ съ собою принесе изъ Цараграда, златомъ и бисеромъ украси, і въ томъ монастырѣ въ церкви постави, иже и до нынѣ стоитъ; і *всемъ удоволи той монастырь, и вся яже къ потребе устрои, и села и воды и мѣста.*

Прииде же въ тои монастырь и преподобныи игуменъ Сергии, и похвали и благослови мѣсто, и паки возвратися въ свой монастырь иже въ Радонеже. По семъ времени мимошедшу св. Алексѣй

иде въ Новъгородъ въ нижней, и тамо церковь воздвиже во имя преч. Богородицы, честнаго и славнаго ея Благовѣщения, и *монастырь состави общее житие, и села і воды и мѣста дарова тому монастырю, и всякими потребами удоволи, і всякими красотами украси тую церковь Благовѣщение* преч. Богородицы. Таже потомъ тамъ же крести сына князя Бориса Костянтиновича у внука Васильева, у правнука Михаилова, у праправнука Андрѣева, и нарече имя ему во св. крещении Іванъ; и *многу честь приятъ отъ в. кн. Бориса Костантиновича, и много требования даде, і вещи двигомыя и недвигомыя,* князь в. Борисъ къ тому монастырю преч. Богородицы Благовѣщению; и есть той монастырь въ Нижнемъ Новѣгороде и донынѣ митрополичь, благодатию Христовою, и преч. Богородицы, и св. чюдотворца Алексѣя молитвами, хранимъ со всѣми требовании его.

Таже по семъ прииде во градъ Володимеръ, и тамо *состави монастырь общее житие на рѣце на Клязмѣ,* и церковь въ немъ воздвиже во имя св. и равна апостоломъ вел. царя Костянтина, *и всякими потребами удоволи, и села подава, и изобилствуя зѣло*; и есть и донынѣ той монастырь благодатию Христовою хранимъ со всѣми потребами его. И за премногую добродѣтель святаго происхожаше о немъ слава, неточию въ христианскихъ странахъ, но и въ неверныхъ татарскихъ странахъ. Въ та бо времена, у Ординского царя Чанибека царица Тандала болше очима, и тогда прииде посолъ изо Орды отъ царицы Тандалы въ лѣто 6865 (1357) по блаженнаго Алексѣя м-та всея Русии, яко да шедъ посетитъ ея, *видяше бо его мужа свята, и разумѣ, яко Богъ слушаетъ его*, и аще проситъ у Бога дастъ ему. Он же уготова потребное къ

путному шествию, и нача пѣти молебенъ въ церкви пречистыя Богородицы соборней, и се отъ себя сама загорѣся свѣча у гроба св. Петра чудотворца; онъ же пѣвъ молебѣнъ со священнымъ соборомъ и свещу ту раздробивъ и роздаде народу на благословение, и того воску свещи съ собою взять і воду освятивъ, поиде во Орду ко царице Таидале. І виде его царица во снѣ во одѣже архиерейстей, такоже и священниковъ его во священныхъ ихъ одеждахъ; и якоже виде во снѣ, царица Таидала св. Алексѣя; и по тому образу сотвори ему ризы святительския, и всѣмъ его священникомъ, якоже виде ихъ во снѣ. И посемъ услышано бысть у царя Чаннбѣка во Ордѣ о пришествии святаго, і въ той часъ самъ царь Чаннбѣкъ Азбяковъ сынъ изыде во сретении его и съ сыномъ своимъ Бердибѣкомъ, и съ прочими сыны своими, и со князи и съ вельможи своими, и съ великою честию, и тамо писанное исполнися: *левъ и агнецъ вкупе почиютъ*. Блаженныи жъ совершa молебное пѣние, и свещу воска онаго, иже отъ себе зажесь, и тамо *повелѣ зажещи и покропи Таидалу царицу священною водою, і въ той часъ прозрѣ. Видѣвъ же царь Чанибѣкъ и протчии Татаровя и удивишась и хвалу и честь велію дарова святому, и дары многими почти его и священниковъ его, и слугъ его, и отпусти его на Русь;* а въ Ордѣ великая замятия бысть отъ всѣхъ, и имѣяху его оттоле велика предъ Богомъ. И бысть на святительстемъ престоле митропольи всеа Русии многа лѣта, *учи слову божию*, и по благочестию поборая, и *неправая содѣвающихъ воспрещая*, и поставляя епископы и презвитеры...

Откровениемъ божимъ внутрь града Москвы созда монастырь, и постави въ немъ церковь камену во имя св. архистратига Михаила, честнаго сего чюдеси, и предѣлъ

воздвиже во имя пресв. Богородицы, честнаго и славнаго ея Благовѣщения, і всяческими добротами украсивъ ту, иконами и книгами и подписью и златыми сосудами священными, и прочими всякими узорочьи, и монастырь той состави общее житие, еже есть и до сего дни. *Многа жъ села и домы и люди и езера и нивы и мѣста подавалъ есть святыи*, и вся, елика довлѣетъ на потребу монастырю; не токмо же прежереченное даяние и благодѣяния, но и самого себя въ томъ монастырѣ повелѣ положити преставльшеся, еже и бысть. Есть же и донынѣ гробъ его въ томъ монастырѣ входя въ церковь одесную олтаря, въ немъ же святое его тѣло многая исцеленія сотворяетъ съ вѣрою приходящимъ. Созда же себѣ таковыи монастырь за 12 лѣтъ до своего преставления.

Внегда жъ видя себя святыі отъ старости изнемогъша и къ концу приближающесь, и призва къ себѣ препод. игумена Сергия изъ Радонежа. Оному же скоро пришедшу, и бесѣдующимъ имъ, и повелѣ Алексѣй м-тъ изнести крестъ съ нерамондомъ, златомъ же и бисеромъ украшенъ, и даруетъ святому. Онъ же со смирениемъ поклонися глаголя: *прости мя, великии архиерею Христовъ, яко отъ юности моея не быхъ златоносецъ, въ старости жъ хощу наипаче въ нищете пребывати*. Архиерей же речѣ ему: »вѣмъ чадо, яко и сия исправилъ еси, но сотвори послушание и приими отъ меня данное ти благословение«; и тако возложи на него своима рукама крестъ златъ съ порамондомъ, златомъ и бисеромъ украшенъ, якоже нѣкое обручение. По сихъ хотящихся ему глаголати, таже начатъ глаголати ему: »преподобне Сергие, веси почто призвахъ тя, и что хощу глаголати тебѣ?« Глагола препод. Сергей: како могу увѣдети, аще не повѣси ми?—Глагола

св. Алексѣй: «се убо азъ вижу себѣ къ концу приближающесь, и желаю при своемъ животе изобрести мужа могуща по мнѣ паствити стадо Христово, и се убо тебя избрахъ правити слово истинное, и вси убо тебѣ желають и требують; и прежъ убо епископъ поставленъ будеши, по моемъ же преставленіи на моемъ престоле сядеши«. Глагола препод. Сергіи: прости мя, великии архиереи христовъ, яко выше моея мѣръ есть, еже глаголеши. Хто бо азъ, грѣшнии и худѣишии паче всѣхъ человѣкъ, но убо молю тя да ктому прочее на мнѣ, ниже иному кому о мнѣ глаголеши, понежѣ нихтоже сия во мнѣ можетъ изообрести.—Св. Алексѣй, видя его непреклонно, и непреложи ему ктому глаголати о семъ, да неопечалився отъидетъ во внутренюю пустыню, и таковаго свѣтильника лишится, и утѣшивъ его словесы духовными отпусти его въ свой монастырь съ честію съ миромъ и съ любовию.

Самъ же блаженныи Алексѣй м-тъ аще и во глубоце старости бе, и во многе изнеможении, но *не преста уча слову божію и возводя вспьхъ на путь покаяния*. И уже хъ концу приближись, и священную литоргию соверши, и св. таинъ причастисѣ, и о великомъ князе и о всѣхъ князехъ и боярехъ, ї воинствахъ, и во всѣхъ людехъ помолись, и послѣднее цѣлование давъ отиде ко Господу въ бесконечныи вѣкъ, м. февраля въ 12 день, въ пятокъ въ заутреннюю годину. Не повелѣ же себя святыи положити въ церкви, но внѣ церкви за олтаремъ, и мѣсто указа, и тамо повелѣ себя положити, великого и конечного ради смирѣния. *Слышано жпь бысть преставление его, и стекошась князи ї вельможи и иноцы; таже и епискупы скоропостизають со слезами и рыданиемъ*. И удивись князь в. конечному его смирению, и разсудившись епискупы положиша его въ церкви, въ предѣле Благовѣщения пречистыя Богородицы, и дѣже суть и донынѣ честныя его мощи, съ вѣрою приходящимъ исцеления подають...

Изыде же изъ мира блаженныи Алексѣй съ горящимъ желаниемъ и любовью работати Богу 20 лѣтъ или мало вяще, и построжесь во св. ангельскыи иноческии чинъ въ монастырѣ Богоявления, и поживе въ монастырѣ время довольно. Таже Өеогнастъ м-тъ взя его къ себѣ во дворъ, и пребысть у него въ намѣстничествѣ 12 лѣтъ и 3 мѣсяцы. Таже постави его при своемъ животѣ въ епискупы въ Володимерь, и пребысть въ епискупѣхъ 4 лѣта. По преставлении жъ Өеогнастове во Царѣграде блаженнымъ патриархомъ Филоѳѣемъ поставленъ бысть въ митрополиты тогда сый 60 лѣтъ; въ митрополитѣхъ пребысть 24 лѣта, и бысть всѣхъ лѣтъ житья его 85 лѣтъ, и пребысть въ томъ гробѣ 60 лѣтъ

Въ лѣтожъ 6939 (1431) во княжение в. кн. Василья Васильевича, при святѣишемъ Өотѣе м-тѣ Киевскомъ ї всеа Русии обвалися верхъ церковны и во время священныя литоргия и священнику еже неизшедшу изъ олтаря, но не вредимъ бысть: и тако тоя церкви мѣсто очистивше и начаша копати, хотяще основати новую церковь каменну. И сице копающе обретоша свещенное тѣло Алексѣя м-та Киевского ї всеа Русии, сицеже и ризы его цѣлы, м. Мая въ 20 день. И создавше церковь положиша св. его тѣло въ церкви въ предѣле Благовещения пречис. Богородицы на десной странѣ; идѣже суть и до сего дни їсточають исцѣления всѣмъ съ вѣрою приходящимъ.

(*Никон. лѣтоп. IV, стр. 55*).

Поученія м-та Алексѣя 1354—1378 въ Прибавл. къ твор. св о. 1847, 1. См. Житіе Петра м-та послѣ 1389 г. Степ, кн. I, 410—424. Іона м-тъ Кіевскій. *Г. Карпова*. Чт. общ. 1864, IV, 1. 103,

101. Житіе Стефана Пермскаго послѣ 1396.

Бысть въ лѣта сего благочестиваго, христолюбиваго, в. кн. Василія Димитріевича сій св. Божій человѣкъ Стефанъ, священнѣйшій Епископъ, истинный Святитель, равноапостольный учитель и дивный проповѣдникъ благочестія, о немъ же здѣ малѣ речется, прочая же о немъ пространно индѣ явлена суть: яко бяше родомъ Устьюжанинъ, роди же ся отъ отца именемъ Симеона и матери Маріи, наученъ же бысть грамотѣ, и бысть клирикъ церкви св. Богородица, таже и во мнишескій чинъ пострижеся, еще же и презвитерскій санъ сподобленъ бысть, поставленъ быти отъ Герасима епископа коломенскаго, потомъ же и греческія грамотѣ научися, и пермскій языкъ навыче, и вселися въ него благодать божія. И тако даровася ему премудрость, яко и азбуковы сложи пермскымъ языкомъ, иже отъ вѣка не бывало. И вземъ благословеніе у святителя, и иде въ невѣрныя люди въ Пермскую землю, идѣже бяху тогда людіе Бога не знающе, и закона не вѣдуще, но поганскимъ обычаемъ живуще бяху, злымъ кудесомъ поучахуся, и богомерскому волхованію прилѣжаху. Ихъ же неподобныя обычая многія окрестъ ихъ живущія страны навыкоша тогда. Се же имена иноязычнымъ странамъ и мѣстомъ живущихъ около Перми: Двиняне, Устюжане, Виляжане, Вычегжане, Пенежане, Южане, Серьяне, Гангане, Вятчане, Лопь, Корела, Югра, Печера, Вогуличи, Самоядь, Пертасы, Пермь великая, Гамаль, Чюсовая. Рѣкамъ же странъ тѣхъ имена: 1-я рѣка Вымъ впаде въ Вычегду, 2-я Вычегда обходяще всю землю Пермскую, и потече на Югъ въ землю Татарскую, и впаде въ рѣку Волгу ниже Казани яко 50 верстъ. И тамо сѣдяху многи языцы. Божій же Стефанъ еще презвитеръ сый всю по даннѣй ему благодати отъ пресв. и животворящаго Духа всюду во странахъ тѣхъ проповѣда слово Божіе, утверждая истинну. Въ Перми же бездушныя идолы ихъ сокруши и сожже, и люди ученіемъ своимъ отъ тьмы на свѣтъ приведе въ познаніе божіе. И тогда первое крести ихъ яко до тысящи, и потомъ отъ пресвещеннаго Пимина м-та всея Русіи поставленъ бысть сіи св. Стефанъ первый Перміи епископъ, идѣже грамоту и книги съ Рускаго языка на Пермскій языкъ преложи, и многія люди закону божію научи, и крести ихъ во имя Отца и Сына и св. Духа, и многи св. церкви тамо воздвиже, и попы ставляше, и лютѣйшаго волхва, именемъ *Пама*, сотническій рядъ держащаго, крѣпко же и злолютно противящагося благочестивому его ученію, и сего богомудростными словесы посрами, и яко безгласна сотвори и отъ Христова стада отгна... И тако Богу помогающу ему въ невѣрныхъ людехъ утверди православную вѣру, ихъ же многимъ трудомъ и со всяцѣмъ дерзновеніемъ учаше невозбранно, и чудно поживе до конца, о стадѣ своемъ подвизаяся, и съ миромъ преставися къ Богу въ царствующемъ градѣ Москвѣ. Святое же и честное священное его и трудолюбезное тѣло положено бысть въ церкви всемилостиваго Спаса, иже есть придѣлѣмъ у Преображенія Господня, при в. кн. Василіи Димитріевичѣ, и при Кипріанѣ м-тѣ всея Русіи. И сице о сихъ вкратцѣ предложися. Довольно же о семъ блаженномъ Стефанѣ повѣсть трудолюбно собра, и преукрашенно написа священноинокъ Епифаній, ученикъ препод. игумена великаго чудотворца Сергія.

(*Степен. книга, ч. 1, стр. 524—552*).

Эту преукрашенную повѣстъ см. въ Памяти. старин. литер. IV, 134—161. Житіе Стефана писано ученикомъ препод. Сергія Епифаніемъ.

Буквы изобрѣтенныя Стефаномъ для Пермяковъ и Зырянъ и названія ихъ см. въ V т. пр. 125—

137. »Ист. Гос. Рос.« Карамзина. Никон. Лѣтоп. IV, 267. Зап. Археол. общ. IX, 520.

Кромѣ изобрѣтенія азбуки и перевода на пермскій языкъ Часослова, Осьмогласника, пѣсни царя Давида и богослужебныхъ книгъ, Стефанъ написалъ: 1) Посланіе къ в. кн. Димитрію Донскому объ уменьшеніи налоговъ на Пермяковъ, Москвит, 1847, I, 121; 2) Посланіе къ м. Кипріану о ново крещенныхъ людяхъ съ извѣстіемъ о странахъ Пермскихъ. Кромѣ того онъ писалъ книги »хитрѣ, и гораздѣ и борзо.«

102. Плачь Пермской земли о смерти епископа Стефана.

Горе, горе намъ, братіе! како остахомъ добра господина и учителя! Горе, горе намъ, како лишени быхомъ добра пастуха и правителя! О како отъяся отъ насъ, иже многа добра намъ податель; о како остахомъ очистьника душамъ нашимъ и печальніка тѣломъ нашимъ! То перво остахомъ добра промышленіка и ходатая, иже былъ намъ ходатай къ Богу и къ человѣкомъ: къ Богу убо моляшеся о спасеніи душь нашихъ, а ко князю о жалобѣ нашей, и о льготѣ и о пользѣ нашей, и ходатайствоваше и промышляше ко боляромъ же, къ началамъ, властемъ міра сего былъ заступникъ теплъ, многажды избавляя ны отъ насилія, и работы, и тивуньскіа продажа (*взятокъ судей*) и тяжкыа дани облегчая ны. Но и сами ти новгородци, ушкуйници, разбойніци словесы его увѣщевании бываху, еже не воевати ны; нынѣ же обоюду погрѣшихомъ и отвсюду лишени быхомъ: къ Богу не имать молитвеника тепла, къ человѣкомъ же не имамъ заступніка тепла. О како и откуду се бысть поруха житию нашему! быхомъ поношеніе сусѣдомъ нашимъ иноязычникомъ: Лопи, Вогулицамъ, Югрѣ и Пинезѣ. О епископѣ нашь добрый, акы къ живому тебѣ глаголемъ: о добрый подвижніче правыя вѣ-

ры, о священнотаинніче и богопроповѣдниче, иже Бога намъ проповѣдавый, а идолы поправый, нелестный нашъ вожю и наставніче, проводниче заблужшимъ намъ! Аще быхомъ злато потеряли или сребро, то иное въ того мѣсто обрящемъ, а тебе оставше, иного такова не обрящемъ. Камо зайде брота твоя, камо отъиде отъ насъ, или камо ся дѣлъ, отъ насъ изыде, а насъ сирыхъ оставилъ еси, пастуше нашь добрый? Оставилъ еси свое стадо заблужатися искитатися по горамъ, гороплѣннымъ и волкохищнымъ быти. Кому приказалъ еси стадо свое, еже о пастье и о печеніе? Кто же ли тако попечется нами, овцами заблужшими? Не терпимъ бо безъ тебѣ быти. Быхомъ яко овца, неимущи пастуха, быхомъ имуще печаль безъ утѣшенія. Кто же ли утѣшить нашу обдержащую ны, къ кому ли прибѣгнемъ, или къ кому сезримъ, гдѣ ли услышимъ словеса твоя сладкая, или гдѣ насладимся бесѣды твоея душеполезныя? Видати ли ся намъ по тебѣ такова господина и учителя или не видати? Да еще будетъ видати, то благесловенъ Богъ; аще ли не видати, то воскую ны еси оставилъ, воскую ны отринулъ до конца? Или прогнѣвася на овца пажити твоея? Воскую же пустихомъ тя и на Москву, да тамо почилъ еси! Лучши бы было намъ, дабы былъ гробъ твой въ земли нашей и прямо очима нашима, дабы былъ намъ увѣтъ (*увѣщаніе*) нехудъ и утѣха, поне велика сиротъству нашему и акы къ живому къ тебѣ приходяще, благословлялися быхомъ у тебе, и по успѣніи акы къ живому, поминающе твоя Богомъ преданая словеса. Нынѣ же отинуть всего порядку лишені быхомъ: не токмо бо тебе самого остахомъ, но и гроба твоего не сподобихомся. Почто же и обида си бысть наны отъ Москвы? Се ли есть правосуды ея: имѣюще у себе митрополиты, святители, а у насъ былъ единъ епископъ, и того къ себѣ вза, и нынѣ быхомъ не

имуще ні гроба епископля. Единъ то былъ у насъ епископъ; то же былъ намъ законодавець и законоположнікъ, то же креститель и апостолъ и проповѣднікъ, и благовѣстникъ, и исповѣднікъ, святитель, учитель, чиститель, посѣтитель, правитель, исцѣлитель, архіерей, стражевожь, пастырь, наставнікъ, сказатель, отецъ, епископъ. Москва убо многиа архиерея имущи, изобилующи, излишествующи, мы же токмо того единого имѣхомъ, но и того единого не сподобихомся, и быхомъ скудьствующе и недостаточьствующе и сѣтующе, яко обнищахомъ зѣло, яко смирихомся, яко о обожахомъ зѣло... О како несѣтуемъ, яко не на своемъ столѣ почилъ еси! Добро же бы было намъ, аще бы рака мощий твоихъ была у насъ, въ нашей странѣ, а въ твоей епископьи, нежели на Москвѣ не въ своемъ предѣлѣ. Нетако бо тебе Москвичи почтуть, яко же мы, ні тако ублажатъ; знаемъ бо мы и тѣхъ, иже и прозвища ти кидаху, отнюду же нѣции яко и *храпомъ* тя звоху, неразумѣюще силы и благодати божия, бываемыя въ тебѣ и тобою. А мы быхомъ тебѣ должную честь воздали, яко должні суще тебѣ и яко твои есмы ученицы, яко чада твоя присная; елма же тобою Бога познахомъ и истлѣніа избыхомъ, тобою отъ прельсти бѣсовьския избавихомся, крещенію сподобихомся. Тѣмже врѣсноту(?) убо достоить намъ почтити тебе, яко достойна суща хвалы; достоинъ бо, рече, дѣлатель мзды своея. Да како тя возможемъ по достоянію восхвалити или како тя ублажимъ, яко сътворилъ еси дѣло равно апостоломъ? Хвалить римскаа земля обою апостолу, Петра и Павла (¹); чтитъ же и блажить Асійскаа земля Іоана Богослова, а Египетскаа Марка евангелиста, Антіохійская Луку евангелиста, Греческая Андрея апостола, Руская земля великого Володиміра, крестившаго ю; Москва же блажить и честить Петра м—та, яко новаго чудотворца; Ростовская же земля Леонтія епископа своего. Тебе же, о епископе Стефане, Пермская земля хвалитъ и честить, яко апостола, яко учителя, яко вожа, яко наставніка, яко наказателя, яко проповѣдника и яко тобою тмы избыхомъ, яко тобою свѣтъ познахомъ. Тѣмъ же чтемъ тя яко дѣлателя винограду Христову, яко терніе въ стерзалъ еси, идолослуженіе отъ земля Пермскія, яко плугомъ, проповѣдью взоралъ-еси, яко сѣменемъ ученіемъ словесъ кніжныхъ насѣялъ еси въ браздахъ сердечныхъ, отнюдуже возрастають классы добродѣтелій, ихже яко серпомъ вѣры сынове Пермстіи жнуть радостьныя рукояти, вяжуще снопы душеполезныя и яко сушиломъ воздержанія сушаще, и яко цѣпы терпѣнія млатяще, и яко въ житніцахъ душевныхъ соблюдающе пшеніцу, ти тако ядять пищу неоскудную; ядьть бо, рече, нищіи, насытятся и восхвалять Господа взискающіи его; жива боудуть сердца ихъ въ вѣкъ вѣка. Но, о преподобный нашъ отче, священный епископе Стефане! аще и преставился еси отъ насъ духомъ, аще и гробъ твой далече удалился отъ насъ, но молитва дабудетъ съ нами всегда. Аще и мощи твоя далече отстоять отъ насъ, но благословеніе твое дабудетъ близь, посреди насъ и на насъ присно. Поминай насъ въ своихъ сь молитвахъ, помолися о своемъ си стадѣ.

(*По сп. XVI в. Пам. старин. рус. литер. в. IV, стр. 134—161. см. далѣе*).

(¹) Писателю была извѣстна похвала св. Владиміру м-та Иларіона. *Смотри выше № 11, стр. 28.*

Сказаніе о жизни и трудахъ св. Стефана Пермскаго. А. М. Спб. 1856. См. также Уч. Зап. Казанск. Универс. 1869

103. Отъ житья св. Сергія 1392.

Сей блаженный Сергѣй родился въ Ростовѣ, отъ блаженну родителю, отца Кирила, матери Маріи. Егда же бѣ въ утробѣ матернѣ, на литургѣи трижды провопи (*прокричалъ*), во время трисвятаго, и херувимской пѣсни, и святая святымъ; посемъ родися; въ среду и въ пятокъ отъ сесцу не ссаше, ни отъ млека ядяше. Егда же взрасте, вданъ бысть родителми своими на ученье божественныхъ писаній. Стефанъ, братъ его, спѣшно изучися, сему же косно (*тупо*), и не скоро учащуся. Ходивъ по лѣсу нѣкогда и обрѣтъ старца молитву творяща, и помолися ему (*просилъ его*), о немъ помолитися, чтобы его молитвами Богъ даровалъ ему разумъ—и помолися о немъ и благослови; отрокъ же Сергѣй, преже нареченный Варѳоломѣй, моли его въ домъ его ити и пищу вкусити: идяше съ старцемъ, и родители пищу хотяху поставити, старець же не хотяше, но повелѣ Варѳоломѣю въ часовнѣ часы пѣти, онъ же не умѣяше, и старцемъ благословенъ бывъ и начатъ добрѣ стихословити, яко и старцу дивитися; потомъ ядъ старецъ отъ иде и прорекъ родителемъ его, яко сынъ ею (*ихъ*) велій будетъ предъ Богомъ. Потомъ преселися отець его отъ Ростова въ Радонежъ, близь церкви Рожества Христова, братъ же его оженися; не по мнозѣ родители его иноческаго сподобишася образа отъ житія исходять, Варѳоломѣй же раздавъ имѣніе свое нищимъ, иде къ Покрову, къ брату своему Стефану. Стефанъ бо, братъ святаго, не много поживъ съ женою своею, роди отъ нея сына единого, именемъ Ивана, и та отъиде къ Господу, и Стефанъ пострижеся у Покрова. Варѳоломѣй же пріиде къ нему и моли его въ пустыню ити съ нимъ, и шедше обрѣтоша мѣсто, ставиша монастырь; глаголеть же древніи, видяху на томъ мѣстѣ преже свѣтъ, а иніи огнь, а иніи благоуханіе слышаху. Стефанъ мало поживъ отъиде къ Богоявленію каменому на Москву. Святый же часто призывая священика и веляше творити литургѣю, потомъ нѣкимъ пришедшимъ къ нему пострижень бысть и нареченъ Сергіемъ, и потомъ нѣкимъ братіи собравшеся молиша его игуменомъ быти, онъ же не хотяше; и моляше его ити ко святителю Аѳанасію епископу волыньскому, иже бѣ въ Переяславлѣ, »Алексѣй м-тъ того поставилъ во свое мѣсто, а самъ во Царѣградѣ«, чтобы имъ далъ игумена, Аѳонасей же принуди послушаніемъ и постави его игуменомъ, а тогды бѣ братіи святаго 12. Посемъ братъ его Стефанъ, оставя монастырь, пріиде ко св. Сергѣю »бѣ бо кн. в. Семіонъ Ив. имѣлъ себѣ духовнымъ отцемъ«, и сына своего Ивана дасть святому, и святый постриже его. и нарече его Ѳедоромъ. И потомъ оскудѣніе лучися въ монастырѣ томъ, 3 дни братія не ядше быша, въ 4-й день веземъ святый сѣкиру иде ко старцу своему, иже хотяше сѣнци дѣлати, и рече ему святый: »слышахъ яко сѣни хощеши дѣлати, сего ради пріидохъ«. Онъ же рече: »желаю, да жду плотника, а уже все приготовано«. Святый же рече: »азъ сотворю якоже хощеши, мзду (*награду*) возму у тебя, аще хлѣбъ имаши«. И изнесе ему братъ хлѣбы гнилы, святый же рече: »таковыхъ желаетъ духъ мой«, и сдѣла ему сѣни во единъ день. И въ 9-й часъ нача ясти гнилые хлѣбы, яко дымъ видѣти отъ нихъ, и братія роптаху на него, чтобы имъ велѣлъ въ міръ ити; онъ же не велѣ до завтрѣя ити, и заутра кормля (*пища*) монастырю привезена бысть отъ христолюбець, и на 2-й день потомуже, и на 3-й день такожде привезено бысть, яко довлѣти братіямъ на многи дни, и Сергій похвали Бога. И бысть до 7 лѣтъ, приношаху отдалеча воду, и потомъ роптаху на него братія, что не близко воды монастырь ставилъ, и глаголаху:

»яко пренесемъ монастырь и поставимъ близь воды«; и святый молитвою воду произведе близь. Потомъ отроча умершее молитвою воскреси, и велможу отъ бѣса мучима исцѣли, и землидѣлца увѣри; видѣніе въ нощи видѣ, птицами прообразуемо, колико мнихъ будетъ у него много; потомъ ангела узрѣ служаща съ нимъ, аки во образѣ священника незнаема. Таже патріархъ присла отъ Царяграда грамоту и поминки (*дары*); онъ же смиреніемъ поклонися, рече имъ: »блюдитеся, егда къ иному послани будете«. Они же рекоша: »ты ли еси Сергѣй, живый въ Радонежѣ«? Онъ же рече: «азъ есмь«. И поковъ ихъ самъ, иде съ поминки и съ грамотою къ Алексѣю м–ту, во градъ Москву, »бяше же святый на кони не ѣздяше», пріиде и сказа ему вся; митрополитъ же прочте грамоту, ино написано: общее житіе веляше патріархъ у себе ему уставити, »не бѣ бо Сергѣей еще во обители своей общее житіе уставилъ«; и сдума съ митрополитомъ и съ братьею, и устави общее житіе. Потомъ же врагъ завидѣ ему, научи нѣкоторыхъ не хотѣти Сергія во старѣйшинахъ. Во единъ отъ дній, въ день суботный, поющимъ вечерню, святый же бѣ во олтарѣ въ ризахъ, Стефанъ же, братъ святаго, стоя на крилосѣ и рече *конарху* (¹): »Кто, рече, повелѣ тебѣ взяти книгу сію«? Онъ же рече: «игуменъ дасть ми ю«. И рече Стефанъ: »кто есть игуменъ на мѣстѣ семъ? не азъ ли преже сѣдохъ на мѣстѣ и церковь воздвигохъ«? и ина нѣкая словѣса нелѣпая изрече. Блаженный же бѣ во олтарѣ слышавъ; по скончаніи вечерня изыде изъ монастыря, никому же вѣдуще, и пребысть нощь въ пустѣ мѣстѣ моляся, и заутра иде въ монастырь на Махрищѣ, ко игумену Стефану, и испроси себе брата у него искусна указати ему мѣсто пустынное—и обрѣтоша ему мѣсто пустынное на Кержачѣ. А братія скорбяще его повсюду искахуть ѝ; прилучися единому отъ братіи во слѣдъ святаго ити на Махрище и тѣмъ увѣдѣша святаго тамо, и начаша братія ходити изъ монастыря его къ нему, иногда 2, иногда 3. И благословеніемъ Алексѣевымъ церковь постави Благовѣщеніе, ово бѣлци, ово мнихи, потомъ келья ставиша и монастырь строиша. А большей обители старци не терпяху безъ него быти, моляху м-та Алексѣя, чтобы повелѣніемъ его опять возвратился; и митрополитъ посылаетъ два архимандрита, Герасима и Павла, веля ему возвратитися опять, а непокорющуся братію изгнати изъ монастыря; онъ же возвратися. А Стефановъ сынъ Өедоръ, братаничь святаго, живяше у него въ кельи и въ послушаніи, никоего помысла утаи у него, злаго и благаго, и сему взыде на мысль еже монастырь создати. Святый же рече: »азъ хотѣхъ по своемъ животѣ тебе здѣ благословити на игуменьство, но понеже аще хощеши, сотвори«, и отпусти его на взысканіе мѣста съ братьею хотящею, и обрѣтоша мѣсто Симонова; и благословеніемъ митрополичимъ созда церковь во имя Рожества св. Богородица. Сергій же пришедъ похвали мѣсто; а сперва не хотяше его пустити, молчанія ради, но моленіемъ князя Дмитрія Ивановича пусти его. Өедору таковый чти сподоблешуся, нѣкогда прилучися ему быти во Царѣградѣ, св. же патріархъ Нилъ велми почти его, и архимандритомъ постави, и дары многи честны дасть ему, и учини монастырь Симоновскій во имя патріарше, и дома и села монастырскіе, а къ митрополиту ничѣмъ же ни которыми дѣлы повиноватися, *анагноста* самому себѣ ставити (¹). И

(¹) Кононархъ—заправляющій на клиросѣ чтеніемъ и пѣніемъ.

(¹) Т. е. зависѣть прямо отъ патріарха, а не отъ митрополита.

посемъ моленъ в. княземъ и святителемъ на епискупьство граду Ростову, и основа церковь камену Успеніе св. Богородица и архимандрита постави; а самъ архіепискупомъ поставленъ и стадо добрѣ упасе, ко Господу отъиде. Таже ученикъ святаго Андроникъ, такожe благословеніемъ святаго и испрошеніемъ его Алексѣя м–та, на рѣцѣ на Яузѣ созда монастырь. Таже святый и въ Серпоховѣ князю Володимеру обложи монастырь Высокое, а в. князю на Коломнѣ Голутвино обложи. Потомъ восхотѣ митрополитъ благословити его на свое мѣсто, призва дасть ему крестъ съ паратмандомъ со златымъ и съ жемчугомъ; святый же не хотѣ взяти, митрополитъ же велѣ сняти перемaнатку и самъ на него возложи, а на митрополію не обѣщася. Потомъ князь в. благословися отъ него Мамая побѣди. Посемъ, въ послѣдняя лѣта живота его, умножися братіи, святый же пребываше въ велицѣй нищетѣ, никоего имѣнія притяжа, ни селъ, но пребывая уповая къ Богу. Прилучися оскудѣніе монастырю, Сергѣй же не оскудѣ вѣрою, но моляшеся Пречистой; имѣя же обычай по вся дни пѣти канонъ акафистовъ. Во единъ же отъ днiй поющу ему той канонъ, бяше 40-ница Христова Рожества, день же пятокъ бѣ при вечерѣ, и Пречистую видѣ съ Петромъ и Іоанномъ. Таже пермьскый епискупъ Стефанъ мною дорогою идый къ Москвѣ, св. Троици поклонися да и св. Сергѣю, верстъ отъ монастыря съ 10, святый въ ту пору за трапезою такоже воста и поклонися ему, и братія спросиша его, онъ же сказа, и гнаша и увидиша й. Епускупа отъ Костяньтинаграда пришедша, не вѣрующа, яко святъ есть св. Сергій, ослѣплена того ради, святый исцѣли. Человѣка болна 20 денъ лежаща, ни пивша, ни ядша, ни спавша, исцѣли. И боярина княжь Владимерова обличи, иже ялъ отъ брашенъ и отъ меду пилъ, яже бѣ кормити монастыря его послалъ князь. Таже о насилствѣ человѣка наказа, что вепрь (*боровъ*) отнялъ кормный, и повелѣ отдати у негоже взялъ, онъ же обѣщася и не отдасть; и бысть вепрь растесенъ въ клѣти его, въ зимное время червьми ядомъ, и вземъ изверже его псомъ и птицамъ на снѣдь, ни тѣмъ же не причастившимся. Потомъ Симонъ еклисіархъ видѣ огнь ходящь по жрьтвенику, и святый причастися тѣмъ огнемъ. И отъ Тахтамышова нахоженія бѣжа во Тферь, и Исакія благослови на молчаніе, огнь отъ руку его изыде. Таже поживъ и преставися съ миромъ.

(*П. С. Лѣт. VI, 120—122*).

Житіе Сергія Радонежскаго составлено въ XV в. Іеромонахомъ Епифаніемъ «Премудрымъ». Историч. опис. святотроиц. С. Лавры. М. 1842, 50—56. Житіе Сергія Чудотворца. М. 1862.

104. Посланіе Кирилла Бѣлозерскаго вел. кн. Василію Димитріевичу ок. 1400.

Господину благовѣрному и боголюбивому кн. в. Василью Дмитреевичю, Кирило черничьщо многогрѣшный съ своею братійцею, на твоей, господине (1), доволной еже къ намъ милости, много челомъ бьемъ, и радуемся о тебѣ, что имѣешь сицеву вѣру къ пречистой Богородици и нашей нищетѣ и о велицемъ твоемъ смиреніи. О семъ же радуемся и скорбимъ, что паче слова и смысла, безмѣрное твое смиреніе: посылаеши ко мнѣ грѣшному и нищему и всякого дѣла блага удалившемуся. Ты князь в. всея земля Русскія, и смиряяся, комнѣ посылаешъ грѣшному и страстному и недостойному небеси и зем-

(1) Слово: *Господине* въ посланіи встрѣчается 38 разъ; я его выбрасывалъ, хотя оно весьма характеристично.

ля и того самаго иноческаго житія; и язъ грѣшный истинно о семъ скорблю, недостоинства ради своего, радемъ же ся благаго ради твоего произволенія и смирномудраго нрава, яко симъ подобишися, господине, преблагому нашему Владыцѣ и Господу, отъ толикія неизреченныя славы и съ высоты сшедшему, насъ ради грѣшнихъ и смирившуся даже и до рабія образа. Сице и ты отъ толикія славы міра сего преклонися смиреніемъ къ пашей нищетѣ, и отъ сего познаваемъ твою великую любовь къ Богу и Пречистѣй его Матери. Елико бо приближаются святіи къ Богу любовію, толико видятъ себе грѣшны; ты бо симъ смиреніемъ велико себѣ пріобрѣтаешь спасеніе и ползу душевную. Тѣмъ язъ грѣшный паче печалую душею, что мене недостойнаго и покоршагося всякому грѣху сице ублажаете, не притяжавша ни единоа добродѣтели, но всякой страсти повиннаго, и таково моленіе посылаеши ко мнѣ, немогущему по своихъ грѣсѣхъ Бога умолити. И како о тебѣ Бога умолю, самому ми сущу исполнену всякого дѣла зла? Но писано, что не велитъ отрицатися и грѣшнымъ молити Бога о велящихъ за ся, вѣры ради ихъ. Тѣмъ же вѣры ради твоея великія, не оставитъ тебе Богъ, но помилуетъ и Пречистая Госпожа Богородица и Царица наша поможетъ ти вся дни живота твоего и подаетъ ти исцѣленіе души жъ и тѣлу, что насъ нищихъ ея не забываеши въ пустомъ семъ мѣстѣ, събравшихся во обители ея, но *часто призираеши доволными милостынями*. Мы же неможемъ о семъ тобѣ воздати ничтоже, но Пречистая Госпожа Богородица, надежа и упованіе наше, испроситъ на тя милость у Сына своего въ сій вѣкъ и въ будущій. А язъ грѣшный съ своею братицею, елика сила, радъ Бога молити о тебѣ нашемъ господинѣ, и о твоей княгинѣ и о твоихъ дѣткахъ, и о всѣхъ крестьянехъ, Богомъ порученныхъ тебѣ. *Ты же самъ, Бога ради, внемли себѣ и всему княженію твоему*, въ немъ же тя постави Духъ св. пасти люди Господня, еже стяжа честною си кровію. Якоже бо великія власти сподобился еси отъ Бога, толикимъ болшимъ и возданіемъ долженъ еси. Въздай же убо благодѣтелю долгъ, святыа его храня заповѣди, всякого уклоняясь пути ведущаго въ пагубу. Якоже бо о кораблѣхъ есть, егда убо наемникъ, еже есть гребецъ, съблазнится, малъ вредъ творитъ плавающимъ съ нимъ; егда же кормчій, тогда всему кораблю сътворяетъ пагубу: такоже и о князехъ. *Аще кто отъ бояръ согрѣшитъ, не творитъ всѣмъ людемъ пакость, но токмо себѣ единому; аще ли же самъ князь, всѣмъ людемъ; иже подъ нимъ сотворяетъ вредъ*. Ты же съ многою твердостію храни собе въ добрыхъ дѣлѣхъ; рече бо св. Апостолъ: »миръ имѣйте и святыню, безъ нея же никто же узритъ Господа«. *Возненавиди всяку власть, влекущую тя на грѣхъ; не преложенъ имѣй благочестія помыслъ и не возвышайся временною славою къ суетному шатанію:* малъ же убо и кратокъ сущій здѣ животъ и съ плотію съпряжена смерть. И сія убо помышляя, не впадеши въ ровъ гордостный; но бойся Бога, истиннаго Царя, и блаженъ будеши: »блажени бо, рече, боящеися Господа«. Въспоминай же надежу будущаго вѣка и царство небесное, радость Святыхъ, веселіе съ Ангелы, надо всѣми же зрѣніе пресладкаго лица Божіа; той бо въ истину доброта неизреченная, весь сладость и желаніе и любовь несытная всѣмъ любящимъ его и творящимъ пресв. волю его. *Да слышелъ есми, князь в., что смущеніе велико между тобою и сродники твоими князми Суждальскими. Ты свою правду сказываешь, а они свою; а въ томъ межи васъ крестьяномъ кровопролитіе велико чинится.* Ино посмотри того истинно, въ чемъ

будетъ ихъ правда предъ тобою, и *ты соимъ смиреніемъ поступи на себе; а въ чемъ будетъ твоя правда предъ ними, и ты за себе стой по правдѣ. А почнуть ти бити челомъ, и ты бы Бога ради, пожаловалъ ихъ, по ихъ мѣрѣ; занеже тако слышелъ есмь, что доселѣ были у тебе въ нужи, да отъ тою ся и возбранили. И ты Бога ради, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблуженіи въ Татарскихъ странахъ, да тамо бы не скончались.* Занеже ни царство, ни княженіе, ни иная каа власть не можетъ насъ избавити отъ нелицѣмернаго суда Божія; а еже възлюбити ближняго яко себе, и утѣшити души скорбящая и озлобленыя, много поможетъ на страшнѣмъ и праведнѣмъ судѣ Христовѣ, понеже пишетъ Апостолъ Павелъ ученикъ Христовъ: »аще имамъ вѣру горы преставляти, и аще имамъ раздати все имѣніе свое, любве же не имамъ, ничто же полза ми есть«. *Възлюбленный же пишетъ Іоанъ Богословъ: »аще кто речетъ: Бога люблю, а брату своего ненавижу, ложь есть«. Тѣмже и ты възлюби Господа Бога отъ всея душа своея; тако възлюби и братію твою и вся крестьяне*: и тако вѣра твоя къ Богу и милостыня твоя къ нищимъ Богомъ пріятна будетъ. А милость Божія и Пречистыя Богородицы на тебѣ на в Князѣ Васильѣ да будетъ, и на твоей в. Княгинѣ, и на вашихъ дѣткахъ, и мое благословеніе и молитва и моей братіи. Аминь.

(*А. Ист. I. № 12, стр. 21—22*).

См. также о м-тѣ Кипріанѣ. Приб. къ твор. св. О. 1848, 2 Ж. М. Н. Прос. XLIV, V, 1. Правосл. Собес. 1862 1, 3.

105. Посланіе Кирилла Бѣлозерскаго къ князю Андрею Димитріевичу Можайскому.

Господину благовѣрному князю Андрею Дмитріевичу Кирилъ Черньчище, грѣшный и непотребный, съ своею братиею много челомъ бьемъ, и Бога молимъ о вашемъ здравіи господей нашихъ, поминая, господине, твою любовь, что имѣеши къ Пречистой Богородицы и къ нашей нищетѣ, и поминая твою великую и довольную милостыню нашего господина. Да что ми, еси (¹) писалъ о преславномъ чудеси Пречистыя Богородицы, паче слова и смысла преславная ея чудеса, — слава тебѣ Боже, слава тебѣ крѣпкій, слава тебѣ безсмѣртный хвалимый въ Троицы всѣми небесными силами и родомъ человѣческимъ! Молитвами Пречистыя Богородицы матери своея такову излія милость въ послѣдній сей родъ, услышалъ моленіе Матери своея о роду крестьянскомъ. Слыши, князь Андрей, ветхое писаніе: егда восхощетъ Богъ кую землю показнити за нечестіе, посылаетъ прежде проповѣдники, дабы обратилися; и аще обратятся, отводитъ Господь отъ нихъ свой гнѣвъ, мимо водитъ скорбь и предлагаетъ печаль на радость и показуетъ на нихъ свою милость. Господине, князь Андрей! намъ видѣвши пречистыя Госпожи Богородицы и преславная ея и великая чудеса, и о томъ ея радоватися сердцемъ и душею устрашитися на всякъ часъ, что сподобилъ насъ Богъ Пречистою своею Матерію въ послѣдній сей родъ таковыми знаменьми и чудесы избавити крестьянскій родъ отъ нашествія иноплеменныхъ врагъ; и намъ нынѣ видѣвши на насъ божію милость и Пречистыя Богородицы помощь, поминати бы грѣхи своя, и о томъ бы

(¹) Въ посланіи много разъ встрѣчается слово *господине*, которое я опускалъ.

плакатися и просити у Бога милости и помощи у пречистыя Его матери на благая дѣла; и аще видитъ насъ милосердый Господь въ сокрушеніи и сѣтованіи ходяща, не презритъ насъ, якоже Ниневитяны, но обычнымъ си человѣколюбіемъ помилуетъ. Благаго и преблагаго Бога благодатити должны есмы; того бо есмы созданіе и раби искупленіи есмы честною Его кровію. И ты же, видя человѣколюбіе и милосердіе Господа нашего І. Христа, что гнѣвъ свой отъ насъ отвелъ, а милость свою явилъ народу крестьянскому молитвами пречистыя Госпожа Богородицы Матере своея; и ты смотри того, властелинъ вотчинѣ поставленъ, люди свои уймай отъ лихаво обычая; судіи бо судили праведно какъ предъ Богомъ право, поклеповъ бы не было, подметовъ бы не было; судіи бы посуловъ не имали, довольны бы были уроки своими. Понеже сице глаголетъ Господь: »да не оправдиши нечестиваго мзды ради; ни сильна, ни богата устыдися на судѣ, ни брата свойства ради, ни друга любы ради, ни нища нищеты ради; ни сотворити неправду на судѣ, яко судъ истиненъ есть, проклятъ всякъ неправду судя«. Пророкъ речетъ: »ярость Господня на нихъ неисцѣльна до вѣка, и огнь поястъ нечестивыя мзды ради, яже неправдою взимаютъ« (1); а судя праведно безъ мзды, спасени будутъ, и царство небесное наслѣдуютъ. И ты, господине, внимай себе, чтобъ корчмы въ твоей вотчинѣ не было; занеже то велика пагуба душамъ, крестьяне ся пропиваютъ, а души гибнутъ. Также и *мытовъ* бы у тебя не было, понеже куны (*деньги*) неправедныя; а гдѣ *перевозъ*, туто пригоже дати труда ради. Также и разбоя бы и татьбы въ твоей вотчинѣ не было, и аще не уймутся сво-

(1) Исхода гл. 23. Второзак. гл. 16; Левит. гл. 19; Второзак. гл. 1; Исаіи гл. 5; Iерем. гл. 22.

его злаго дѣла, и ты ихъ вели наказывать своимъ наказаньемъ, чему будутъ достойны. Такожде уймай подъ собою люди отъ скверныхъ словъ и отъ лаянія, понеже то все прогнѣваетъ Бога; и аще не потщишися всего того управити, все то на тебѣ взыщется, понеже властель есть своимъ людемъ отъ Бога поставленъ. А крестьяномъ не лѣнись управы давати самъ: то выше тебѣ отъ Бога вмѣнится молитвы и поста; а отъ упиванія бы ся есте уймали; а милостыню бы есте по силѣ давали. Занеже поститись не можете, а молитися лѣнитеся; ино въ то мѣсто вамъ милостыня вашъ недостатокъ исполнитъ; а великому Спасу и Пречистѣй Его матери госпожѣ Богородицѣ, заступницѣ крестьянской, чтобы есте велѣли молебны пѣти по церквамъ; а сами бы есте ко церкви ходити не лѣнились; а въ церкви божіи стойте съ страхомъ и трепетомъ, помышляюще въ себѣ аки на небеси стояще. Занеже церковь наречется земное небо, въ ней же совершаются Христова таинства. Блюди и себе, Господине, опасно: въ церкви стоя бесѣды не твори и не глаголи никакова слова праздна; и аще кого видиши отъ вельможъ твоихъ или отъ простыхъ людей бесѣдующа въ церкви, и ты имъ възбраняй; понеже то все прогнѣваетъ Бога. И ты, князь Андрей, и о всемъ о томъ внимай себѣ; занеже глава еси и властель отъ Бога поставленъ, иже подъ тобою крестьяномъ. А милость божія и пречистыя Богородицы на тебѣ, на моемъ господинѣ, и на твоей княгинѣ и на вашихъ дѣткахъ, и мое благословеніе и молитва, и братіи моей. Аминь.

(*Ист. Рос. Iер. IV, 413—17*).

Три посланія Кирилла и духовная грамота. Ист. рос. iер. IV. 397. 403. Чт. общ. 1859, 3. 1. 70. О Кириллѣ Бѣлозерс. см. Москвит. 1842, № 1. критич. отд. Поѣздка Шевырева. II. Житіе Савватія и Зосимы. М. 1853. Похвальное имъ слово.

Правосл. Собес. 1860. Сказаніе о чудеси Варлаама. П. Собр. Лѣт. VI, 320—28.

106. Вліяніе Новгородскаго владыки.

Въ лѣто 6926 (1418), индикта 11, бысть знаменіе въ церкви св. мученицы Анастасіи, идяше отъ иконы св. Богородицы Покрова аки кровь по обѣ стороны ризы ея, м. априля въ 19. Сего же мѣсяца 21 сдѣяся таково въ В. Новѣгороди: наученіемъ діаволимъ, человѣкъ нѣкій Степанко, изымавъ болярина Данила Ив. Божина внука, держаще вопіяше людемъ: »о друзи! пособьствуйте мнѣ на злодѣа сего«; людіе же видяше его вопль, пришедше влечахуть якоже злого къ сонму людскому и казниша ранами близь смерти. Бяше же и се дивно, или на укореніе богатымъ обидящимъ убогіа, или казнь діавола: жена нѣкая, отвергши женскую немощь, веземши мужскую крѣпость, выскочивъ посреди сонмища дасть ему раны, укоряющи его, яко неистова глаголющи: »яко обидима еси имъ«. И сведши его съ сонма, сринуша его съ мосту аки разбойника и зло дѣюща людемъ много; нѣкто же людинъ, Личко, хотя ему добра, восхити его въ челнъ—и народъ возъярився на того рыболова, домъ его разграбиша, а самъ скрыся. И рекомый болярина, хотя безчестіе свое мстити, восхити супостата, нача его мучити; хотя вредъ свой исцѣлити паче язву воздвижеть, не помяну рекшего: азъ отмщеніе, глаголеть. Слышавъ же народъ, яко изыманъ бысть братъ его, нача звонити вѣче на Ерославѣ двори, и сбирашеся людей множество, глаголюще, вопіюще по многи дни: поидемъ на оного болярина и домъ его расхитимъ. И пришедше въ доспѣхахъ, стягомъ, на Кузмодемьянской улицы и на Яневу въ берегъ, пограбиша домъ его И по грабежѣ томъ, Кузмодемьянцы возъярившеся, да не горѣе чего будетъ на нихъ, отдаша человѣка; и пришедше ко архіепископу молиша его, да послетъ на соборъ людскъ. Святитель же послуша моленіе ихъ, посла его съ попомъ ихъ да и съ своимъ бояриномъ; они же пріяша его. И паки возъярившеся, аки піани, отъ ярости лютыа, на иного болярина Чюдинцовы улицы, и много съ нимъ разграбиша домовъ боярьскыхъ; нъ и монастырь св. Николы на полѣ разграбиша, и игумена и чернцовъ оскорбиша, ркуще: »здѣ животы христіанскія и болярскія« (1). И еще того утра на Легощи улицы разграбиша домы многихъ, глаголюще: »яко намъ супостаты суть«,—и тогда же на Прускую улицу пойдоша; услышавше же Пружене то начаша битися съ ними, вооружившеся стрѣляти; отъ нихъ и бѣжаша, иніи же рѣющеся другъ на друга и грабленіе пометаша. И отъ того часа нача злоба множитися, и прибѣжавше на свою страну Торговую, рѣша: яко Софійская страна хочетъ на насъ вооружившеся ити, и домы наша грабити; и почаша звонити по всему граду. Того же дни, въ лютую ту брань, бысть громъ великъ и молніа блискаше, дождь и градъ, или того ради, или смотрѣніа вышнего на потребу живущимъ народомъ. И начаша люди срыскатися со обѣихъ странъ, аки на рать, на великій мостъ, въ доспѣсѣхъ; бяше и губленіе, овіи отъ стрѣлъ, иніи отъ коней, быша же мертвіи аки на рати. Отъ грозы тоя страшныа и отъ возмущеніа возтрясеся градъ весь, и найде страхъ на обѣ странѣ; и отъ лютыя брани и усобного губительства начаша животы свои носити въ церковь.

Слышавъ же то владыка Семіонъ, усобную рать промежъ своими дѣтми,

---

(1) Т. е. въ монастыряхъ лежатъ пожитки крестьянъ и бояръ.

испусти изъ очію слезы и повелѣ предстоящимъ собрати соборы своя; а въ то время прилучися быти Варламу архимандриту св. Георгія, нѣкіихъ ради вещей и слышати отъ него утѣшительныя словеса, и глагола ему святитель: »архимандрите! послѣдуй ми«; онъ же рече: »съ радостію, учителю, иду по тебѣ«. И вшедъ архіепископъ въ церковь св. Софіа, нача молитися со слезами, и вступи въ божественный олтарь и облечеся въ священная ризы, своимъ соборомъ, и повелѣ взяти крестъ господень и Пречистыя Богородица образъ, и пойде на великій мостъ, и по немъ послѣдующе священници, и причетъ церковный, и христоименитое людство; бяше же на пути тѣснота доспѣшными людми. И мнози добріи мужи изо очію испущаху слезы, глаголюще: »да укротитъ Господь народы, молитвами господина нашего святителя«, — и людіе богобоязнивіи, припадающе ко святителевоманогама, съ плачемъ глаголаша: »пойди, святителю, благослови народы, да уставитъ Господь твоимъ благословеніемъ усобную рать«; иніи же глаголаху: »да будетъ злоба си на начинающихъ брань«. Пришедъ святитель, ста среди мосту, и вземъ животворящій крестъ нача благословляти обѣ страны; овіи же взирающе на честный крестъ кланяхуся, иніи видяще архіепископа изъ очію слезы испускающа, и на нь смотряще прослезишася. Услышавъ же она страна святителево прихожденіе, и приде къ нему посадникъ Ѳедоръ Тимоѳеевичь, и съ иными посадники и тысяцкими, и благовѣрніи христіане, и кланяхуся владыцѣ, глаголюще: »да уставитъ народы«. Владыка же послуша ихъ моленіа, посла архимандрита Варлама, отца своего духовного, и протодіакона на Ерославль дворъ ко св. Николѣ, да подадутъ благословеніе его степенному посаднику Василью Есиповичу, и тысяцкому Кузмѣ Терентьевичу, и всему народу, да идуть кождо во своиси.

Они же отвѣщашá: »да повелитъ святитель своей странѣ въ хоромы (*въ домы*) ити, а мы своей братіи, по твоему благословенію, повѣстуемъ и повелѣваемъ имъ отъити въ жилища«, — и събравшимся по семъ съ нарочитыми мужи разсудити вещи сіа начало — и разъидошася, благодаряще Бога и пречистую его Матерь, глаголюще сице: »давшаго намъ таковаго святителя, могущаго управити своя дѣти и поучати словесы духовными, ового кротостію, иного обличеніемъ, иныа же запрещеніемъ, нонпаче же сію брань крестомъ господнимъ и поученіемъ своимъ укроти; да сохранитъ его молитва насъ и благословеніе отъ таковаго мятежа, въ вѣки, аминь».

(*Пол. Сбор. Лѣт. III, стр. 136—138*).

О вліяніи Новгородскаго владыки на народъ, см. въ статьяхъ о бѣдствіяхъ и знаменіяхъ.

107. Дѣйствія митроп. Фотія.

Въ лѣто 6933 (1425) февр. въ 27 д., въ 3 часъ нощи, преставися благовѣрный и христолюбивый в. кн. Василей Дмитреевичь. И м-тъ Фотій тоя же нощи посла по князя Юріа, брата его, въ Звенигородъ, своего боярина Акинфа Аслебятева; онъ же не ходя на Москву, иде къ Галичю. А на вел. княженіи сѣде кн. Василей Василіевичь, бѣ же тогда 10 л. безъ 13 дней; а кн. Юрій приславъ къ нему и вземъ съ вел. княземъ перемиріе до Петрова дни. Да за тѣмъ же перемиріемъ, тоя весны, разъсла по всей своей отчинѣ по всѣхъ людій своихъ, и яко снидошася къ нему вси изъ всѣхъ градовъ его, и въсхотѣ поити на вел. князи; а кн. великій слышавъ то съвокупися съ всѣми силами, съ нимъ же баху и дяди

его. И поиде князь велики къ Костромѣ, князь же Юрій слышавъ то, что идетъ на него кн. велики съ всѣми силами и съ братьею его, и побѣже въ Новъгородъ Нижній, и сѣде тамо съ всѣми людми своими; а князь велики послалъ на него дядю своего кн. Костянтина съ многою силою. Кн. же Юрій убоявся бѣжа за Суру и ста о брезѣ, а кн. Костянтинъ стоявъ противу его възвратися, понеже бо не лзѣ прейти къ нему за рѣку, и паки възвратившемуся ему къ Москвѣ, и кн. Юрій иде къ Новугороду, и оттуду къ Галичю, а къ вел. князю присла о перемиріи на годъ. Кн. же великій съ отцемъ своимъ Фотіемъ м-томъ, и съ матерію своею в. к-нею Софіею, и съ дядями своими кн. Андрѣемъ и Петромъ и Констянтиномъ Дмитреевичи, обосла же ся тогда и съ братомъ своимъ, и дѣдомъ в. кн. литовскимъ Витофтомъ, и съ всѣми князи и бояры земли своея здумаша послати къ кн. Юрію отца своего Фотіа м-та; онъ же ни мала отречеся, но вскорѣ и съ радостію поиде къ нему въ Галичь о миру того же лѣта. И пріиде въ Ярославль на Рожество Предтечево, и ту нимало помотчавъ, но точію ужиналъ у кн. Іоана Василевича; молиша же его князи ярославстіи, чтобы у нихъ обѣдни слушалъ наутріи, и не послуша ихъ, но поиде въ Галичь. А кн. Юрій слышавъ то, събра всю отчину свою, и срѣте его съ дѣтми своими и зъ бояры и съ лутчими людми своими, а чернь свою събравъ изъ городовъ своихъ и волостей, изъ селъ и деревень, и бысть ихъ многое множество, и постави ихъ на горѣ отъ града съ пріѣзда митрополича, кажа ему многихъ людій своихъ. М-тъ же вшедъ въ посадъ града того, и поиде къ соборной церкви Преображенія, бѣ же церковь та на посадѣ на подолѣ у езера, и бывъ въ церкви помолився изыде, и възрѣвъ на онь народъ, иже по горѣ стоящь и рече кн. Юрью: »сыну! не видахъ столко народа въ овчихъ шерстехъ«,—вси бо бяху въ серьмягахъ; князь бо хотя явитися яко много люди имѣ, а святитель въ глумъ си вмѣнивъ себѣ. Посемъ же поиде къ келія своей, идѣже стояти ему, и начатъ глаголати князю о миру, чтобы не было кровопролитіа межи ихъ съ вел. княземъ; кн. же Юрій перемиріа просяше, а о миру не внимаше. Разгнѣвавъ же ся м-тъ и не благословивъ его и града его, скоро изыде изъ него, и въ той часъ бысть моръ на людій града его. Кн. же Юріе слышавъ и видѣвъ то, и всѣдъ на конь и гна по немъ, и постиже его за озеромъ въ с. Пасынковѣ, и начатъ бити ему челомъ и молитися о своемъ съгрѣшеніи, и едва умоли его; и възвратися, благослови самаго и градъ его, и пакы вниде въ градъ, и отъ того часа преста гнѣвъ Божій. М-тъ же поучивъ князя о любви не токмо съ братьею, но и съ всѣми православными; кн. же Юрій многу честь въздавъ ему отпусти его, самъ же проводи его съ всѣмъ народомъ, рекъ ему: »пошлю о миру къ вел. князю бояръ своихъ«. И по отшествіи митрополичи посла боярина своего Бориса Галичьскаго и Данила Чешка, и доконча миръ на томъ, что кн. Юрію не искати княженіа великаго собою, но царемъ: которого царь пожалуетъ, той будетъ князь велики Владимерскій и Новугороду В. и всей Русіи, и крестъ на томъ цѣловаша.

(*П. С. Лѣт. VIII*, *92—93*).

108. Дѣйствія владыки Іоны.

Князь Дмитрей услышавъ (1446), что дѣти в. князя пришедъ сѣли въ Муромѣ съ многими людми, и не въсхотѣ на нихъ посылати, боася, понеже бо вси людіе негодоваху о вкняженіи его, но и са-

мого мысляху, хотяще в. кн. Василіа на своемъ государствѣ видѣти. Князь же Дмитрей умысливъ сице, призва къ себѣ епискона Рязанскаго Іону на Москву, и пришедшу ему обѣща ему митрополію и начатъ глаголати ему: «отче! чтобы еси шелъ въ свою епископію, въ градъ Муромъ, и взялъ бы еси дѣти в. князя на свой патрахѣль (1); а язъ радъ ихъ жаловати, отца, ихъ в. князя выпущу и отчину дамъ доволну, какъ мощно имъ быти съ всѣмъ«. Владыка же Іона поиде къ Мурому въ судѣхъ, и съ тѣми рѣчми княже Дмитреевыми пріиде въ Муромъ, и начатъ говорити рѣчи его бояромъ в. князя дѣтей, тремъ княземъ Ряполовскимъ и прочимъ съ ними. Бояре же много о томъ думавше смыслиша себѣ сице: »аще мы нынѣ святителя непослушаемъ, не поидемъ къ кн. Дмитрію съ сими в. князя дѣтми, и онъ пришедъ ратью городъ возметъ и сихъ поимавъ, что хощетъ то творитъ имъ, такоже и отцу ихъ в. князю и всѣмъ намъ; и въ что будетъ крѣпость наша, непослушавши сихъ глаголъ святителевыхъ«? И рѣкоша Іонѣ владыцѣ: »аще пришелъ еси съ сими глаголы отъ кн. Дмитреа къ нашимъ государемъ, в. князя дѣтемъ, да и къ намъ, ино мы собою сего не дерзнемъ сътворити, что отпусти намъ съ тобою дѣтей в. князя безъ крѣпости; но шедъ въ соборную церковь Рождества Пречистые и възмеши ихъ у Пречистые исъ пелены на свой патрахѣль, и тако отпустимъ ихъ съ тобою и сами съ ними идемъ». Владака же Іона обѣщася тако сътворити, и вшедъ въ церковь начатъ молебенъ Пречистые, и съвръшивъ молебнаа и взятъ ихъ исъ пелены у Пречистые на свой патрахѣль и

(1) Взять на епитрахиль—значитъ поручиться и завѣрить въ неприкосновенности святительскимъ словомъ.

поиде съ ними къ кн. Дмитрію въ Переславль, тамо бо тогда ему сущу; прииде же въ Переславль м. маіа въ 6. Князь же Дмитрій мало почти ихъ, съ лестію на обѣдъ къ себѣ зва ихъ и даривъ ихъ; а на 3-й день послѣ того, съ тѣмъ же владыкою Іоною, посла ихъ на углечь къ отцу въ заточеніе. Онъ же дошедъ съ ними до отца ихъ и остави ихъ тамо, възвратися къ кн. Дмитрію; онъ же повелѣ ему итти къ Москвѣ и сѣсти на дворѣ митрополичи, Іона же сътвори тако. А Ряполовскіе то видѣвше, князь Іоаннъ и братья его Семенъ и Дмитрей, что кн. Дмитрей Шемяка слово свое измѣнилъ въ всемъ и владыцѣ слъга и начаша мыслити, какъ бы князя в. выняти Бѣ же въ той мысли тогда съ ними к. Иванъ Васильевичь Стрига, да Иванъ Ощира зъ братомъ зъ Бобромъ, Юшко Драница и иные многіе дѣти боарскіе дворовые в. князя; съ ними же въ думѣ былъ Семенъ Филимоновъ съ дѣтми всѣми, да Русалка, да Руно, и иные дѣти боярскіе многіе и учинивша себѣ срокъ всѣмъ быти подъ Углечемь на Петровъ день о полудни. И Семенъ Филимоновъ съ всѣми своими на тотъ срокъ пришелъ; а про Ряполовскихъ учиниласа вѣсть кн. Дмитрію, и не смѣша поити на тотъ срокъ подъ Углечь, но поидоша за Волгу къ Бѣлуозеру. А князь Дмитрей посла за ними съ Углеча рать съ Васильемъ съ Вепревымъ, да Феодора Михаиловича посла за ними съ многими плъки, а срокъ былъ имъ сънтися въ мѣсто на усть Шексны у Всѣхъ Святыхъ: и Феодоръ неуспѣлъ къ Василію, а Ряполовскіе воротившеся на Василіа побиша его на усть Мологи; а Федоръ въ ту пору перевезеся за Влъгу на усть Шексны съ всѣми плъки своими, а Ряполовскимъ вѣсть бысть про него, они же и на того воротишася, Феодоръ же видѣвъ ихъ опять побѣжа за Влъгу, а Ряполовскіе поидоша по Новгородцкой земли къ Литвѣ и пріидоша къ кн. Василію Яро-

славичю въ Мстиславль. А Семенъ Филимоновъ съ всѣми своими отъ Углеча иде къ Москвѣ, яко ничто же про тѣхъ вѣдаа; одинъ Руно отврънулъ отъ него за Ряполовскими. И какъ пришдше Ряполовскіе, да кн. Иванъ Стрига и прочіе многіе дѣти боярскіе, прежеписанные и неписанные, начаша говорити кн. Василію Ярославичю, какъ бы выняти в. князя, а князь Дмитрей Шемяка видя то, что про в. князя многи людіе отступають отъ него, и розосла по владыки и начать думати съ кн. Иваномъ и съ владыками и съ боляры: выпустити ли его или ни? А владыка Іона на всякъ день не престааше глаголя: »неправду еси учинилъ, а меня еси ввелъ въ соромъ и въ грѣхъ; князя ти было великого выпустить, и ты и дѣтей его съ нимъ посадилъ; а мнѣ еси далъ свое правое слово, а они мене послушали и нынѣче язъ въ всей лжи, выпусти его, сведи съ моея души и съ своея; а что можетъ онъ учинити безъ вѣка? а дѣти его малы, а еще его укрѣпи крѣстомъ честнымъ да и нашею братьею владыками«; много же и ина изрече. Князь же Дмитрей много думавъ о семъ положи на томъ, что выпустити великого князя, а дать ему вотчина, на чемъ бы мощно ему быти.

(*П. С. Лѣт. VIII, 117—119*).

109. Посланіе духовенства Углицкому князю Димитрію Юрьевичу 1448.

Господину князю Дмитрію Юрьевичу богомолци, господине, твоего брата старѣйшего в. кн Василія Васильевича и вашего благородія общіи, Ефремъ владыка ростовскій, Аврамій владыка суздальскій, Іона владыка рязанскій, Варламъ владыка коломеньскій, Питиримъ владыка пермьскій, и мы ваши нищіи и молебници, Геронтій архимандритъ симоновскій, Мартиніанъ игуменъ сергіева монастыря и съ прочими архимандриты и игумены, нашею братьею, всѣхъ св. обителей настоятели и со всѣмъ еже о Христѣ братствомъ нашимъ, со всѣми священно-иноками и со всѣми священники всѣхъ св. божіихъ церквей, челомъ бьемъ и благословляемъ. А пишемъ къ твоему благородію, по своему долгу, попеченіе творя о твоей единородной и безсмертной души, и о будущемъ и въ вѣки пребывающемъ о вѣрнѣмъ вашемъ благородіи и о тѣлесномъ многолѣтномъ здравіи; и о томъ тобѣ своему господину воспоминаемъ, не отъ собе свое, но ото божественнаго ветхаго писанія, токмо воспоминаюче тобѣ, самовѣдущему прежебывшее, како поначальству вражды общего нашего душегубнаго супоста и врага всему человѣчьскому роду дьявола, козньми его и навѣты, како праотцу нашему Адаму позавидѣ и положи ему въ сердци равнобожество, яко да будетъ я и Богъ, разумѣвая добро и зло; и его же ради восхотѣ праотецъ нашъ обожитися и равенъ Богу быти въ разумѣньи, того ради абіе и наготу свою позна и осуженъ отъ Бога бысть, своимъ трудомъ и въ потѣ лица хлѣбъ снѣсти. Аще убо онъ великій, еже божіею рукою созданный первый человѣкъ, праотецъ нашъ Адамъ толико и таково самомнѣтельствомъ обоженія пострада и о суженію поданъ со всѣмъ человѣческимъ по немъ родомъ, даже и доселѣ во ономъ осуженіи вси мы пребываемъ: и тое убо прежнее, еже отъ божественнаго писанія воспомянухомъ ти. Къ тому же и сіе бывшее въ наша времена, малымъ прежде сего, еже самъ множае иныхъ, или паче рещи, отъ всѣхъ человѣкъ ты тое болши вѣси, како отецъ твой князь Юрій Дмитріевичь коликое тщаніе имѣлъ на начальство В. Княженія, яко же и древній нашъ праотецъ Адамъ ко обоженію! И въ Орду отецъ вашъ ко Царю ходилъ, и ко-

ся еси, попралъ еси свое православіе и крестное цѣлованіе ни во что же вмѣнивъ, ни къ единому своему слову достовѣренъ сътворился еси? А св. петрахили наши скверришъ неподобными своими богомерзькими рѣчми; а надѣемся, что и самъ знаешъ, что суть тѣ св. петрахили, воображеніе есть муки Господа нашего І. Христа, еже при спасенѣмъ его растятьи, и что ихъ ты скверншиъ злыми рѣчми, не яко христіяниннъ буда, но и поганыхъ горши: и петрахили наши твоими рѣчми не могутъ скверитися никакоже, но токмо самъ душю свою губишъ. Мы же убо опрежъ створенныхъ тобою твоихъ дѣлѣхъ немного глаголемъ, еже ни во христіанѣхъ когда прежъ сего не есть сицево слышано, но о нынѣшнемъ толико твоемъ преступленіи и къ брату твоему старѣйшему къ в. князю о твоемъ неисправлени по крестному цѣлованію и по тѣмъ грамотамъ вашимъ, тобѣ сее нынѣшнее новое твое воспоминаемъ. По тѣмъ вашимъ строкамъ, что еси самъ же на себе написалъ: »что ти быти съ твоимъ братомъ старѣйшимъ съ в. княземъ вездѣ заодинъ, и до своего живота; а кто будетъ ему другъ, то и тобѣ другъ, а кто будетъ ему недругъ, то и тобѣ не другъ« ; — и ты на него добываяся, а христіяньство православное до конца губя, съсылаешся съ иновѣрци, съ поганьствомъ и съ иными со многими землями, а хотя его и самого конечнѣ погубити и его дѣтки, и все православное христіяньство раздрушити. Ино въ семъ первое крестное цѣлованье исполнилъ ли еси, а къ своему брату старѣйшему къ в. князю исправилъ ли еси? Также и то: »съ кѣмъ будешъ въ цѣлованьи, и тому ти цѣлованіе сложити« ;—и ты въ цѣлованьи съ В. Новымгородомъ, да къ Новугороду В. цѣлованія не сложилъ, да еще посылалъ еси къ В. Новогороду и посла своего, а зоучи себе княземъ в., да просилъ еси у нихъ собѣ помочи, а вводя то слово, что Татарове изневолили нашу отчину Москву, и вы ми дайте на нихъ помочь. А все то ты злохитръствуешь на своего брата старѣйшаго на в. князя, хотя и ища и досягая самъ собѣ В. Княженья; а что Татарове во христіяньствѣ живутъ, а то ся чинитъ все твоего же дѣля съ твоимъ братомъ старѣйшимъ съ в. княземъ неуправленья, и тѣ слезы христіянскіе вси на тобѣ же. А котораго часа съ своимъ братомъ старѣйшимъ съ в. княземъ управишся во всемъ чисто, по крестному цѣлованью; ино мы ся въ томъ имаемъ, что тогожъ часа князь в. Татаръ изъ земли вонъ отшлетъ. Также еси посылалъ ко кн. Ивану Андреевичю посла своего Михайла Сатина, а все одиначася съ нимъ на брата жъ своего старѣйшего на в. князя; да и то еси съ нимъ приказалъ ко князю къ Ивану, чтобы князь Иванъ и къ в. князю то слово съ своимъ посломъ приказалъ: »толко пожалуешъ ты, князь в., кн. Дмитрія Юрьевича, ино то еси и мене князя Ивана пожаловалъ; а толко не пожалуеши кн. Дмитрія, ино то еси и мене князя Ивана не пожаловалъ.« И княжь Ивановъ Андреевича посолъ Елизаръ Васильевъ възвѣстилъ то твое слово в. князю отъ кн. Ивана Андреевича. Ино то, господине, князь Дмитрей, самъ посмотри, пригодно ли то, тѣ твои посолства и приказы? А что написано въ вашихъ докончалныхъ грамотахъ: »А добра ти своему брату старѣйшему в. князю хотѣти вовсемъ вездѣ« .....

Ино въ сѣхъ строкахъ гдѣ еси своему брату старѣйшему в. князю исправилъ хотя воодино, и по крестному цѣлованію въ которомъ еси мѣстѣ похотѣлъ добра, или что еси ему повѣдалъ, о добрѣ ли его, о лисѣ ли его, и гдѣ его честь и гдѣ его гроза, и какъ подъ нимъ блюдешь его отчину все это В. Княженіе? А ты самъ посылаешь вездѣ, на его лихо, на его кровь, какъ всюды во хри-

стіянство, такъ и въ бесерменство, къ Новугороду В. посылаешь, ко кн. Ивану Андреевичю посылаешь, къ Вятчяномъ посылаешь; а въ Вятку ти ся, по докончянью и по крестному цѣлованью, не въступати. Посылалъ еси въ Казань ко царевичю къ Мамотяку, на брата своего старѣйшего в. князя на все лихо и всего православнаго христіянства на неустроеніе, и посолъ его къ тобѣ пришелъ, у собе его и нынѣ держишъ. А за твоею посылкою къ Мамотяку, брата твоего старѣйшего в. князя киличѣя царевичь Мамотякъ поймалъ да скова, и нынѣ держитъ его у себе, въ желѣзѣхъ скованнаго; а братъ твой старѣйшій князь в. посылалъ къ тобѣ, пережи, своего боярина, а опять своихъ дѣтей боярьскихъ къ тобѣ посылалъ о томъ, чтобы еси къ нему отпустилъ того посла Мамотякова; и ты къ нему какъ посла не отпустилъ, такъ и видѣтися еси не далъ его боярину и его дѣтямъ боярьскимъ съ тѣмъ съ Мамотяковымъ посломъ. А отъ царя Седи-яхамата пришли къ брату своему старѣйшему в. князю его послы, и онъ къ тобѣ посылалъ просити, что ся тобѣ имаетъ дати съ своей отчины въ тѣ татарскіе проторы; и ты не далъ ничего, а не зоучи царя Седи-Яхамата царемъ. А того нѣкакъ позабылъ еси, не на томъ ли юрту отецъ твой, кн. Юрій Дмитріевичь былъ у царя въ Ордѣ съ в. княземъ вмѣстѣ, и на пошлинѣ стояли? Не тѣ же ли пакъ царевичи и великіе князи у сего царя Седи-Яхамата, которыи тогды и у того царя были да тоже дѣло дѣлали? Ино, господине, намъ видится такъ, что еси во всемъ въ томъ брату своему старѣйшему в. князю по тѣмъ докончялнымъ грамотамъ и по крестному цѣлованію не исправилъ. А что еси поималъ святости, честные кресты и святые иконы, и Страсти Спасовы, да и казну брата своего старѣйшего в. князя, и его матери в. княгини и его в. княгини (*жены*) казны и поклажаи, и его бояръ и Марьины Өедоровны жены Өедоровича, и гдѣ будешъ что ни взялъ казны и поклажаи, и тобѣ то все отдавати брату своему старѣйшему в. князю по крестному цѣлованію; а отдавати было то все, а послѣ вашего докончянья, ино ушедъ мѣсяць. Ино уже послѣ того срока болѣ шти(6) мѣсящь книжныхъ; и ты нѣчто малое казны в. князя, и его матери в. княгини, и его в. княгини отдалъ, а болши, все лутшее еще у тобе, того неотдаси, а Марьины Өедоровы жены Өедоровича того неотдаси ничего, а и святость вся у тебе, не отдаси ничего. Также что ялся (*взялся*) еси брату своему старѣйшему в. князю отдавати ярлыки и докончялныя грамоты и дефтери и иныя какія грамоты, по крестному цѣлованію, что еси у него поималъ въ его казнѣ; и того ему тѣхъ всѣхъ ярлыковъ и грамотъ не отдалъ еси. »А бояромъ вашимъ и дѣтемъ боярьскимъ и слугамъ межи васъ волнымъ воля; а кто служитъ брату твоему старѣйшему в. князю, а живетъ въ твоей отчинѣ, и тѣхъ ти блюсти, какъ и своихъ«. И опослѣ того вашего докончянія и крестнаго цѣлованья, которыи бояре и дѣти боярьскіе отъ тобе били челомъ брату твоему старѣйшему в. князю служити, а села и домы ихъ въ твоей отчинѣ; и ты, черезъ то докончянье и черезъ крестное цѣлованье, тѣхъ еси бояръ и дѣтей боярьскихъ пограбилъ, села ихъ и домы ихъ еси у нихъ поотъималъ, и животы и състакты всѣ, и животину еси у нихъ поималъ. Также, господине, ваша старина, что жити вамъ въ Москвѣ, по духовной грамотѣ дѣда вашего в. кн. Димитріа Ив.; и ты, господине, шлешь къ своему тіуну къ Ватазину свои грамоты, а велишь ему отзывати отъ своего брата старѣйшего отъ в. князя людей, а велишь звати людей къ собѣ, а все подъ в. княземъ доставая В. Княженья; и тѣ твои грамоты выиманы у твоего тіуна у Ва-

тазина, какъ уже его былъ князь в. отпустилъ къ тобѣ, ино у него тѣ грамоты вынимали на пути. И намъ, господине, вашимъ богомолцемъ видится, что какъ то все ты, господинъ нашъ, дѣлаешь не по докончялной грамотѣ, ни по старинѣ, ни по крестному цѣлованью, какъ есте межи себѣ кончяли, и честный и животворящій крестъ къ своему брату старѣйшему в. князю на чомъ еси цѣловалъ. А иныхъ, господине, рѣчей брата твоего в. князя, что намъ сказывалъ, да и грамотныхъ строкъ, еще и не исписали есмя, что ся надъ нимъ отъ тобе дѣлаетъ не по докончанью, ни по крестному цѣлованью. И о томъ тобѣ своему господину и въспоминаемъ, и челомъ бьемъ, и благословляемъ, и по своему долгу Бога молимъ: пожалуй, господине, поберези своей души и своего христіянства и крестного своего цѣлованья, а передъ своимъ, господине, братомъ передъ старѣйшимъ, передъ в. княземъ исправися во всемъ чисто. Что, господине, его у тобе святости ли будетъ, казны ли его самого, и его матери в. княгини, и его в. княгини, и его бояръ и Марьины казны Ѳедоровы жены Ѳедоровича, и ярлыки его и докончялныя грамоты и дефтеры и иныя какія грамоты, что пониманы въ его казнѣ, чего будешъ ему недодалъ, то бы еси ему, господине, отдавалъ все; а въ тѣхъ, господине, строкахъ, въ чемъ ся будешъ передъ нимъ не исправилъ по докончялнымъ грамотамъ и по перемирной грамотѣ и по крестному цѣлованью, а въ томъ, господине, положи передъ Богомъ и передъ пречистою его Богоматерью, и передъ своимъ братомъ старѣйшимъ передъ в. кн. Васильемъ Васильевичемъ, чистое покаяніе, а себе въ томъ во всемъ исправи, а цѣлованье честнаго и животворащаго креста исполни. А мы, господине, ваши богомолци, по своему долгу, били есмы за тобе челомъ своему господину, а твоему брату старѣйшему

в. князю, и господинъ нашъ, братъ твой старѣйшій в. князь, какъ ему Богъ положилъ на сердци, нашего слова своихъ богомолцевъ послушалъ, а тобе своего брата жаловати хочетъ и въ братствѣ и въ любви держати по старинѣ; и о всемъ тобѣ управливатися срокъ по крещеніи 2 недѣли. И ты бы, господине, и Бога ради и нашего дѣля къ тобѣ моленія, а и своее дѣля души и своего дѣля христіянства, не въскладывалъ на себе высокомысльства, ни гордости начальства, еже ти что не богодаровано, въспоминая великого Богоотца и пророка царя Давида, яко и до трикрата помазанъ бысть на царство, но никако же восхотѣ во царитися, до нелѣже и убіенъ бысть Саулъ, аще и отнято бысть отъ Саула царство. Но когда же той царь Давидъ, яко человѣкъ възвысися мыслью и рече единъ глаголъ: »азъ рѣхъ, во обиліи моемъ не подвижуся въ вѣки«, и колико за единъ той глаголъ пострада, яко и лукаваго духа попусти на него Богъ, и отъ того впаде вь сугубо согрѣшеніе, въ любодѣяніе и убійство, и колико плакася къ Богу о тѣхъ согрѣшеніихъ! Такожъ и Навъходоносоръ царь о созданіи града Вавилона похвалися, и колико зато пострада, яко волъ ходя и траву ядый: но пакы умоли о немъ Бога пророкъ Даніилъ, и въ человѣчьское чювство претвори его паки Богъ и пояся. Такожь и арменскій царь Тиридатъ о заточеньи великаго Григорья претворенъ бысть вепремъ, и ходи 2 лѣтѣ, нечистоду ядый: но пакы умоленъ бывъ великимъ Григорьемъ отъ сестры его, и сотвори его человѣка, и такожъ покаяся и крестися самъ и все царство свое крести. И имѣли быхомъ, господине, еще и много тобѣ писати отъ божественнаго писанія, но самъ, господине, какъ ти далъ Богъ разумъ, потонку разумѣешь божественное писаніе: и молимъ твое благородіе, да ся смиришь съкрушеннымъ сардцемъ; и наше смире-

ніе, и божія благодать и милость, и нашего смиренія молитва и благословеніе будетъ съ твоимъ благородіемъ, по твоему покаянію и обращенію. А аще ли единаче въ своемъ жестосердіи тако и хощеши пребыти и въ своей высоцѣй мысли и не въ покаянномъ сердци, и тако не въсхочешъ смирити свою душю съкрушенною мыслію и не всхочешъ обратитися ко всемогущему Богу съ чистою совѣстью и истинна покаянія положити не похочешъ, а таки станешь къ брата своего старѣйшего в. князя лиху и къ его крови, а ко христіанскому неустроенію и погибели, и брату своему старѣйшему в. князю челомъ не имешъ бити, а съ нимъ ся не управишъ, а его не отдаси святости, честные кресты и св. иконы и Страсти Спасовы, и казны в. князя и его матери в. княгини, и его в. княгини казны и поклажаи, и бояръ его, и Марьины казны и поклажаи Ѳедоровы жены Ѳедоровича, и всего, гдѣ еси что ни поималъ казны и поклажай, и ярлыковъ и грамотъ и докончялныхъ всѣхъ и дефтерей и иныхъ какихъ грамотъ, что еси поималъ въ в. князя казнѣ, и что еси ялъся, то все отдати брату своему старѣйшему в. князю, по докончялнымъ грамотамъ и по перемирной грамотѣ и покрестному цѣлованью; и толко ему того всего не отдаси, а въ тѣхъ строкахъ таки ему не исправишся, которыи у васъ въ докончялныхъ грамотахъ написаны, да и въ перемирной грамотѣ и въ сей нашей грамотѣ вписаны, на чемъ еси цѣловалъ честьны и животворящій крестъ къ своему брату старѣйшему, къ в. кн. Василью Васильевичю: ино то не мы тобѣ учинимъ, но самъ на себѣ наложишъ тягость церковную духовную; по господню глаголющему словеси: »егоже аще разрѣшите на земли, и будетъ разрѣшенъ на небесѣхъ; и егоже аще свяжете на земли и будетъ связанъ на небесѣхъ«; и паки: »Слушаяй васъ, Мене слушаетъ, а отметаяйся васъ, Мене ся отмещетъ; а отметаяйся Мене отмещется и пославшаго Мя.« И аще необратишися къ Богу, и ко своему брату старѣйшему къ в. князю, съ чистымъ покаяніемъ, и по Спасову глаголющему словеси, чюжь будешь отъ Бога и отъ церкви божіей, и отъ православныя христіанскія вѣры, и части не имаши съ вѣрными, и не будетъ на тобѣ милости божіей и пречистыя его богоматери и силы того честнаго и животворящаго креста, который еси къ своему брату старѣйшему, къ в. князю Василью Васильевичю цѣловалъ, и по св. правиломъ проклятъ да будешъ отъ св. Апостолъ и отъ св. богоносныхъ Отецъ, отъ всѣхъ 7 вселенскихъ соборовъ, и въ конечную погибель да пойдеши съ прежними онѣми богомерзкими еретики, временно же и будуще. Такожъ и нашего смѣренія, святительского и священнического не будетъ на тобѣ благословеніа и молитвы, ни въ си вѣкъ, ни въ будущій, ни на тѣхъ на всѣхъ, кто иметъ тобѣ думати, и на ту кровь къ тобѣ приставити и побърати или спѣшествовати, или словомъ, или дѣломъ, или иною какою хитростью, на в. князя лихо и на его кровь и его дѣтей, и всего православнаго христіанства на неустроеніе и на нетишину. А въ томъ твоемъ неисправленьи какова, но грѣхомъ, кровь христіянская прольется, и та христіанская кровь вся на тобѣ же будетъ. А писана на Москвѣ, м. декемвріа въ 29 день, въ лѣто 5956, индикта 11.

(А. Истор. 1, № 40).

О юридичес. знач. духовенства см. *Церков. Уставы*. Слово Иларіона и статью Н. В. Калачова въ отдѣлѣ: »Законы и судопроизводство«. Обычай печалованія означенъ въ Посл. Никифора къ Мономаху; объ-усмиреніи бунта и кровопролитья см. 1 Новг лѣтоп. 55—56. 81—82; также »Борьба съ Рязанью 1207«. О вліяніи духовенства см. въ концѣ »Посл. Симона къ Поликарпу« около 1225. Въ сл. Кирилла 1274, высказывается угроза—не принимать приношеній въ церковь отъ кулачныхъ бойцовъ, а убитыхъ въ бою запрещается погребать, поминать и хоронить около церкви. Духовенство поддерживало Московс. еденодержавіе. См. отдѣлъ VIII.

Б. ПАМЯТНИКЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

110. Былина о Василіѣ Буслаевѣ.

Василій уже пережилъ первую молодость; но онъ еще не старъ; онъ въ славѣ и въ чести, — но въ душу ему западаетъ грустная дума. Вспоминаетъ онъ прокаченную буйную молодость; много грѣховъ на душѣ: надобно отмолить; — онъ собирается въ Ерусалимъ. Такое путешествіе было своего рода удалью. Побывать въ далекой странѣ, повидать всякаго дива, поклониться величайшей святыни— это приманчиво для пылкой натуры. Василій приплываетъ откуда-то по Ильменю въ В. Новгородъ. Пѣсня не говоритъ, откуда онъ возвращается, можетъ быть съ торговаго дѣла, а можетъ быть съ удалаго; а можетъ быть и отъ В. Новгорода въ посылкѣ былъ; а В. Новгороду такіе молодцы, какъ Буслаевъ, всегда годились. Онъ оставляетъ караульщиковъ у своихъ суденъ, а самъ идетъ къ матушкѣ; за нимъ храбрая дружина. Онъ проситъ материнскаго благословенія идти въ Ерусалимъ (¹).

Приходитъ Василій Буслаевичь
Ко своей государынѣ матушкѣ:
Какъ вьюнъ около ея увивается,
Проситъ благословеньице великое:
«Идти мнѣ Василью въ Ерусалимъ градъ
Со всею дружиною храброю,
Мнѣ ко Господу помолитися,
Святой святынѣ приложитися,
Во Ерданѣ рѣкѣ искупатися.»

Старуха подозрѣваетъ, что удалой сынъ вмѣсто Ерусалима пойдетъ ушкуйничать на Волгѣ, либо на морѣ Варяжскомъ. Она какъ-будто боится, чтобъ Василій обманомъ не взялъ у ней родительскаго благословенія на дурное дѣло, и говоритъ:

— Гой еси ты, мое чадо милое,
Молодой Васалій Буслаевичь!
То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
Тебѣ дамъ благословеніе великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дамъ благословенія великаго.
А и не носи Василья сыра земля! —
Камень отъ огня разгарается,
А и булатъ отъ жару растопляется,—
Материно сердце распущается;
И даетъ она много свинцу-пороху,
И даетъ Василью запасы хлѣбные,
И даетъ оружье долгомѣрное:
«Побереги ты, Василій, буйну голову свою.»
Скоро молодцы собираются,
И съ матерой вдовой прощаются.

Они плывутъ по Ильменю, а оттуда по волжскому пути. Въ народномъ воображеніи географическія свѣдѣнія очень смутно представлялись. Много судовъ приплывало съ восточной стороны по Ильменю къ Новгороду. А Ерусалимъ гдѣ-то далеко въ восточной сторонѣ. Стало-быть и въ Ерусалимъ можно достигнуть поплывши по Ильменю. Наши паломники плывутъ по Волгѣ: путь ея хорошо былъ извѣстенъ Новгородцамъ.

Бѣгутъ они ужъ не сутки—другія,
А бѣгутъ уже недѣлю—другую,
Встрѣчу имъ гости корабельщики;
—Здравствуй, Василій Вуслаевичь!
Куда молодецъ изволилъ погулять?—
Отвѣчалъ Василій Буслаевичь:
«А мое-то вѣдь гулянье не охотное:
Со молоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душу спасти:
А скажите вы, молодцы, мнѣ прямаго пути
Ко святому граду Ерусалиму.»

Когда гости сказали ему, что окольной дорогой бѣжать надо полтора года, а прямымъ путемъ 7 недѣль до Ерусалима, да за то на прямомъ пути стоятъ разбойники, Василій отвѣщаетъ имъ:

А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
А вѣрую въ свой червленый вязъ;
А бѣгите-ка, ребята, прямымъ путемъ.

Василій, какъ видно, и не робокъ и вмѣстѣ не суевѣренъ. Это достоинство молодца по народному понятію. Народъ, хотя поддается вѣрованіямъ, но сознаетъ, что его идеалъ

(¹) Замѣчанія къ этой былинѣ заимствованы у Н. И. Костомарова. Сѣвернорус. народоправс. II, 142 и дал.

не долженъ бояться ни примѣтъ, ни предзнаменованій, ни сна, ни чоха.
Василій не боится, что на прямой дорогѣ,—

На славномъ морѣ Каспійскіимъ,
На томъ острову на Куминскіимъ
Стоитъ застава крѣпкая,
Стоятъ атаманы козачіи,
Ни много, ни мало — три тысячи;
Грабятъ бусы, галеры,
Разбиваютъ червлены корабли.

Подъѣхали удальцы къ горѣ Сорочинской и пошли за своимъ атаманомъ на гору.

Будетъ Василій въ полугорѣ,
Тутъ лежитъ пуста голова,
Пуста голова, человѣчья кость.

Полнота жизни непріятно сталкивается съ унылымъ видомъ ея разрушенія,

Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь;
Провѣщится пуста голова человѣческая:
»Гой еси ты, Василій Буслаевичъ!
Ты къ чему меня, голову, побрасываешь:
Я, молодецъ, нехуже тебя былъ!
Умѣю я, молодецъ, валятися;
А на той горѣ Сорочинскія,
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Пуста голова молодецкая,—
И лежать будетъ головѣ Васильевой!«
Плюнулъ Василій, прочь пошелъ:
Али, голова, въ тебѣ врагъ говоритъ,
Или нечистый духъ.

Взошли на самый верхъ горы; лежитъ камень съ надписью: »кто перескочитъ вдоль—сломитъ буйну голову.« Молодцы стали сказать поперекъ—вдоль не смѣли; Василію приходила тоже охота, но не рѣшился. Еще онъ Ерусалима не видалъ, грѣховъ не отмолилъ; рано ему пропадать! Дорога еще жизнь; за гробомъ страшно. А все-таки Василій *невѣруетъ* въ эту пророчественную надпись камня. Приплыли молодцы къ разбойникамъ или ушкуйникамъ; слава Буслаева далеко прошла; когда испуганные караульщики прибѣжали сказать атаманамъ своимъ о пріѣздѣ молодца; они говорятъ:

Стоимъ мы на острову 13 лѣтъ;
Не видали страху великаго:
Это де идетъ Василій Буслаевичъ:
Знать де полетка соколиная;
Видѣть де поступка молодецкая!

Василій кланяется имъ и спрашиваетъ путь къ Ерусалиму; ушкуйники просятъ его хлѣба кушать; онъ сѣлъ съ ними за одинъ столъ, выпилъ чару зелена вина въ полтора ведра единымъ духомъ, а атаманы не могутъ выпить и по полуведру. Это ихъ удивило.

Откушавъ хлѣба съ солью и получивъ въ подарокъ серебра, золота и жемчугу, Буслаевъ поклонился и поблагодарилъ хозяевъ и выпросилъ у нихъ молодца провожатаго до Ерусалима.

Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по морю Каспійскому.
Будутъ они во Ердань—рѣкѣ,
Бросали якори крѣпкіе,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Походилъ тутъ Василій Буслаевичь,
Со своею дружиною хороброю,
Въ Іерусалимъ градъ;
Пришелъ во церкву соборную,
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя Василья Буслаевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ
И по всему роду своему;
На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
Про удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Что съ молоду бито много, граблено.
И ко св. святынѣ приложился онъ,
И въ Ерданѣ рѣкѣ искупался.
И расплатился Василій съ попами и съ дьяконами;
И которые старцы при церкви живутъ,
Даетъ золотой казны не считаючи.

Ясно, что самое религіозное настроеніе поддерживалось удалью. Молодецъ нашалитъ, надѣлаетъ другимъ зла, а потомъ отмаливаетъ грѣхи, въ Ерусалимъ ѣздитъ, церкви строитъ. Когда Василій совершалъ богоугодныя дѣла, дружина его въ ту пору

Купалися во Ерданѣ—рѣкѣ,
Приходила къ нимъ баба залѣсная,
Говорила таково слово:
»Почто вы купаетесь во Ерданѣ—рѣкѣ?
А некому купатися, опричь Василья Буславьевича.
Во Ерданѣ—рѣкѣ крестился самъ Іисусъ Христовъ;
Потерять его вамъ будетъ большаго.
Атамана Василья Буслаевича.«

На это дружина отвѣчала, что онъ не вѣритъ ни въ сонъ, ни въ чохъ. Въ русской землѣ, покрытой дремучими лѣсами и болотами, раздѣлявшими жилыя поселенія одно отъ другаго,—что было *за лѣсомъ*, представлялось воображенію зловѣщимъ, страшнымъ, таинственнымъ. Громадность лѣсовъ давала противоположной сторонѣ значеніе далекаго, недоступнаго; оно легко облекалось въ образы фантазіи. Отъ этого существо таинственное, привидѣніе называется *залѣснымъ*.

Поѣхали молодцы въ обратный путь; знакомые атаманы поклонились при встрѣчѣ съ ними, стали разспрашивать о поѣздкѣ въ Ерусалимъ.

Много Василій не баетъ съ ними,
Подалъ письмо въ руку имъ,
Что много трудовъ за ихъ положилъ,
Служилъ обѣдни съ молебнами за ихъ, молодцовъ.

Атаманы были довольны, что за нихъ помолились Богу для очищенія ихъ грѣховъ, но грѣшить перестать ничуть не думали. Василій былъ что то грустенъ. Онъ не сталъ обѣдать у атамановъ. Онъ торопился. Его предчувствіе томило. Молодцы опять приплываютъ къ горѣ Сорочинской; опять взошелъ на гору Василій, и опять толкнулъ пусту человѣчью голову. Голова снова проговорила, что и прежде, Василій плюнулъ и прочь пошелъ. Далѣе молодцы встрѣтили знакомый камень съ надписью. На этотъ разъ отвага беретъ верхъ. Не утерпѣлъ Василій.

Сталъ со дружиною тѣшиться и забавлятися,
Поперегъ каменю поскакивати;
Захотѣлось Василью вдоль скакать,
Разбѣжался, скочилъ вдоль по каменю,
И не доскочилъ только четверти,
И тутъ убился подъ каменемъ.
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Тамъ Василья схоронили...

Таинственное предвѣщаніе остерегало Василья, но не былъ бы онъ и богатырь, удалецъ, еслибы онъ послушался предостереженія. То и молодецъ, что ничему не покоряется, ничего не боится—вѣруетъ въ одну свою силу! Хотя погибъ онъ — да славно, честно, до конца сохранилъ свою свободу, свою мочь—силу. Какъ не сдѣлать новгородской душѣ того, что запрещается, хотя бы за это и грозили! Ужь лучше пропасть, да не послушаться!

Дружина возвратилась въ Новгородъ на червленомъ кораблѣ безъ любимаго атамана;

Бросали съ носу якорь и съ кормы другой,
Чтобы крѣпко стоялъ и не шатался онъ.
Пошли къ матерой вдовѣ поклонилися,
Все письмо въ руки подали;
Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала:
«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего.»

Старая матушка теперь осталась круглой сиротой въ мірѣ. Ей ничего не нужно. Она отдаетъ казну свою изъ глубокихъ подваловъ, припасенную для сына, удалымъ его товарищамъ; они теперь ей какъ родные; они напоминаютъ ей Василья.

Брали они казны *по малу числу;*
Пришли они къ матерой вдовѣ,
Взговорили таковы слова:
«Спасибо матушка Амелфа Тимофеевна,
Что поила, кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцевъ».
Втапоры матера вдова Амелфа Тимофеевна
Приказала наливать по чарѣ зелена вина;
А и выпили они, сами поклонилися,
И пошли кому куда захотѣлося.

(Др. Рос. Стих. 166—179).

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

141. Нравственный характеръ древне-русскаго человѣка.

Менѣе, чѣмъ по прошествіи 150 лѣтъ по основаніи государства, религія христіанская была провозглашена господствующею на Руси, и легко замѣтить, какъ эта религія, въ трудныя времена государственнаго младенчества поддерживала общество въ его основѣ. Юный народъ, при сильномъ кипѣніи страстей, при отсутствіи тѣхъ сдержекъ, которыя мо-

гутъ выработаться обществомъ только послѣ долгой государственной жизни, юный народъ увлекался часто къ нарушенію нравственныхъ законовъ; но та же самая сила молодости давала лучшимъ природамъ средства, когда раздались слова спасенія, съ неудержимымъ могуществомъ стремиться въ другую, лучшую сферу, и являть подвигъ добра, подвигъ силы нравственной подлѣ подвига силы матеріальной, подлѣ дѣла насилія; та же самая сила молодости, которая съ неудержимою стремительностію влекла къ паденію, та же самая сила помогала человѣку встать послѣ паденія и загладить дурныя дѣла подвигомъ покаянія. Переходы отъ зла къ добру были быстры въ юномъ, свѣжемъ, могучемъ народѣ, и эта самая быстрота движенія содѣйствовала къ поддержанію общества, дѣлая его способнымъ подчиняться спасительному вліянію ученія христіанскаго. Сильны были болѣзни въ неустроенномъ юномъ тѣлѣ; но, благодаря этой юности, сильны были и противодѣйствія болѣзнямъ, охранявшія тѣло отъ разрушенія: какъ сильны были нравственные безпорядки, какъ часты были насилія, также сильны были и подвиги нравственные лучшихъ людей, такъ же сильна была борьба ихъ съ страстями, съ требованіями матеріальной природы, такъ же велики лишенія, которымъ они подвергались во имя природы нравственной, чтобъ дать ей торжество надъ матеріальною. На встрѣчу богатырю, гордому своею вещественною силою, безнаказанно дающему волю страстямъ своимъ, выходилъ другой богатырь, ополченный нравственною силою, величіемъ нравственнаго подвига, славою торжества духа надъ плотію,—выходилъ монахъ, и, въ борьбѣ этихъ двухъ богатырей, юное общество было на сторонѣ втораго, ибо хорошо понимало, что его подвигъ выше, труднѣе, и этимъ сочувствіемъ заставляло перваго богатыря признавать себя побѣжденнымъ, снимать

свой желѣзный панцырь, и просить другаго болѣе почетнаго,—мантіи монашеской. Таково было значеніе нашего древняго монашества, нашего древняго монастыря. Подлѣ городовъ, острожковъ, строившихся для защиты матеріальной, мы видимъ рядъ монастырей, этихъ твердынь, явившихся для нравственной охраны общества; то были свѣтлыя точки при тогдашнемъ мракѣ; къ нимъ обращались лучшіе люди за совѣтомъ, за подкрѣпленіемъ нравственнымъ; отсюда преимущественно исходили голоса, напоминавшіе о высшихъ, духовныхъ началахъ, которыми должно спасаться общество, отсюда исходила проповѣдь не словомъ только, но дѣломъ, слѣдовательно болѣе дѣйствительная, болѣе благотворная. И общество спаслось тѣмъ, что внимало этой проповѣди, и внимало неравнодушно: обитатели монастырей, умершіе для міра, были такъ живы, такъ исполнены святой ревности, что не могли допустить равнодушія къ тому, къ чему сами были неравнодушны; и общество было такъ юно, такъ свѣжо, сильно и живо, что не могло равнодушно внимать слову, оживленному дѣломъ; общество спаслось тѣмъ, что внимая проповѣди о лучшемъ, не мирилось со зломъ; при увлеченіи грубыми страстями, при паденіи, не терялось сознаніе о грѣховности паденія, о необходимости удовлетворить высшимъ требованіямъ, и это—то сознаніе и препятствовало обществу закоснѣть во злѣ, оно—то и двигало его впередъ, и давало возможность выхода въ бытъ лучшій. Эта юность древняго русскаго человѣка, какъ и вообще средневѣковаго Европейца, юность, условливавшая быстрые переходы отъ зла къ добру, юность, стремительно увлекавшая ко злу, и потомъ дававшая силы загладить зло подвигами добра, при сознаніи о необходимости удовлетворить высшимъ нравственнымъ требованіямъ, эта юность даетъ историку ключь къ уразу-

мѣнію характера дѣйствующихъ лицъ. Герой одной изъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ, богатырь Василій Буслаевъ, предпринимаетъ путешествіе ко святымъ мѣстамъ, подвигъ, вовсе не соотвѣтствующій его прежнимъ подвигамъ, и при этомъ говоритъ: »Съ молоду много было бито, граблено, подъ конецъ надобно душу спасти«. Этотъ нашъ Василій Буслаевъ объясняетъ намъ не только характеръ древняго русскаго человѣка, но и характеръ средневѣковаго Европейца вообще: и на Западѣ рыцарь, славный съ молоду насиліями, вдругъ приходилъ въ сознаніе своей грѣховности и спѣшилъ спасти душу подвигомъ религіознымъ. И здѣсь, и тамъ—и на Востокѣ, и на Западѣ,—общество поддерживалось тѣмъ, что члены его имѣли способность, имѣли силу быстро переходить отъ зла къ добру; увлекаясь бурными страстями молодости ко злу, сохраняли при этомъ силу не мириться со зломъ, сохраняли способность покаянія—признакъ нравственнаго могущества, залогъ преуспѣянія; общество поддерживалось тѣмъ, что на всѣхъ его явленіяхъ лежала печать юности, которая уравновѣшивала силы нравственныя и матеріальныя: противъ сильной болѣзни выставлялось и сильное лекарство, подлѣ рыцаря или богатыря, представителя силы матеріальной, общество могло выставить монаха, представителя силы нравственной, подвижника духовнаго. Отсюда эти два образа, богатырь (или рыцарь) и монахъ, суть два господствующіе образа среднихъ вѣковъ и понятно, что оба они часто соединяются въ одинъ, часто подъ мантіею инока мы подмѣчаемъ кольчугу богатыря; неудивительно намъ въ древнихъ русскихъ князьяхъ и богатыряхъ видѣть это стремленіе къ монашеству, это желаніе постригаться хотя передъ смертію; неудивительно читать въ сказаніи, что въ первыхъ рядахъ русскаго войска на Куликовомъ-полѣ бились два монаха; на Западѣ же встрѣчаемъ военно-монашескіе ордена, въ которыхъ средніе вѣка такъ ясно отпечатлѣваются.

(*Изъ статьи С. М. Соловьева: „Древняя Русь“. Рус. Вѣстн. 1856 г. кн. 1.*)

112. Вліяніе христіанства на народъ русскій.

Христіанство застало нашихъ предковъ на низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія. Какъ младенецъ, лежалъ славянинъ—язычникъ на лонѣ природы и не могъ оторваться отъ ея груди, отъ ея власти: его вѣрованія ограничивались обожаніемъ силъ и явленій видимаго міра; миѳологія была бѣдна и не развита. Подъ вліяніемъ язычества, общественный бытъ отличался простотой патріархальной жизни со всѣми его неустройствами. Находясь въ такой порѣ духовнаго развитія, русскій человѣкъ ничего не могъ противопоставить сильнаго и зрѣлаго новой возвышенной религіи: его чувственное оружіе было такъ слабо, въ сравненіи съ этой духовной силой, что онъ оказался несостоятельнымъ и сдался послѣ непродолжительной борьбы. Воинственный характеръ князя и дружины, содѣйствовавшихъ распространенію христіанства на Руси, помогъ привитію его къ народу мирнаго характера.

Сначала христіанская вѣра была мало понятна для многихъ поколѣній древней Руси, жившихъ подъ вліяніемъ стариннаго воззрѣнія и языческихъ обычаевъ; но постепенно она стала прививаться къ народу своей внѣшней обрядовой стороной. Эту вѣру можно назвать *дѣтской*, *поверхностной* (Римл. 10, 17). Принятая сердцемъ и утверждающаяся на словахъ другихъ, она обыкновенно выража-

ется въ движеніяхъ чувства и въ игрѣ воображенія. Въ человѣкѣ, преданномъ такой вѣрѣ, не можетъ быть ни сомнѣній, ни желанія испытать, изслѣдовать, поразмыслить о своихъ обычаяхъ и убѣжденіяхъ, о своихъ вѣрованіяхъ, привязанностяхъ и стремленіяхъ. Не доступны для него отвлеченныя истины, не нуждается онъ въ доказательствахъ: ему понятенъ только живой фактъ, наглядное явленіе и картина съ любимыми оттѣнками, чертами и красками, простой живописный языкъ. Образъ и дѣйствіе производятъ на него глубокое впечатлѣніе и предъ ними онъ расточаетъ знаки своей любви и преданности; только чрезъ посредство ихъ становится ему доступна истина и добро. Но онъ не въ состояніи дать понятія и отчета въ волнующихъ его религіозныхъ чувствахъ: онѣ не уловимы и не осязаемы для его сознанія и разсудка, не привыкшаго слѣдить за тонкими изгибами душевныхъ движеній. Повторяющіяся религіозныя впечатлѣнія, конечно, не остаются безъ слѣда на душѣ, если онѣ искренни и глубоки; онѣ воспитываютъ христіанское чувство и дѣтскую вѣру. Внѣшними богослужебными принадлежностями и дѣйствіями церковь увлекаетъ неразвитаго человѣка и мало по малу затрогиваетъ его христіанскую любознательность, его умъ и стремленія, чтобы развить въ немъ самосознаніе и поднять на высшую степень духъ его.

Такое явленіе повторялось во всѣхъ неразвитыхъ обществахъ, такъ было и у нашихъ предковъ: прежде всег[illegible] обстановка или выраженіе вѣры [illegible]кой стала дѣлать поворотъ въ жизни [illegible] народа. Но не одинъ свѣтъ богоп[illegible]знанія и богопочтенія вѣра Христова внесла въ темную жизнь нашихъ предковъ: принятая на родномъ языкѣ, превышающая всѣ современныя ей начала народной русской жизни, она сдѣлалась въ древнее время главнымъ двигателемъ, одушевляющимъ всѣ почти отрасли жизни русскаго человѣка. Она условливала собою другой лучшій гражданскій бытъ, отличный отъ быта языческаго, и отвѣчала стремленію нашихъ предковъ къ [illegible]едѣленію порядка и устройству внутренняго быта. Старыя гражданскія отношенія потеряли свое значеніе и, отдѣльно взятыя, не имѣли уже самостоятельной опоры; но вѣра православная, не подавляя народности, дала старымъ началамъ новый смыслъ и силу. Вмѣстѣ съ вѣрою, перешли въ наше отечество изъ Византіи гражданскіе и общественные законы и стали мало по малу проникать въ составъ государства. Кормчею руководилась свѣтская власть въ судныхъ приговорахъ. Церковь русская имѣла сильное и рѣшительное вліяніе на преобразованіе всего строя гражданской жизни и сообщала внутреннюю силу государству. Далеко развитое, во всѣхъ даже частныхъ отношеніяхъ, христіанство принесло готовыя правила на всѣ частные случаи, прямые отвѣты на всѣ запросы, прежде ихъ возникновенія и ощущенія, и постепенно стало проводить ихъ въ глубину частнаго и семейнаго быта. Такимъ образомъ, вѣра подчинила своему вліянію и водительству всякое духовное развитіе русскаго человѣка, лишившагося слабой опоры язычества, своимъ освященіемъ дала силу всѣмъ стихіямъ народной жизни и сдѣлалась основою народнаго взгляда и характера. И въ этомъ случаѣ церковь дѣйствовала на неразвитаго человѣка своей внѣшней дисциплиной и обрядовой стороной.

Храмъ являлся въ воз[illegible]нiи на[illegible] предковъ, какъ живое лицо, исполненное [illegible]лагодатнаго духа. Вліянію храма приписывали часто побѣду надъ врагомъ; ему предоставляли выборъ епископовъ по жребію и такой выборъ считался священнымъ и угоднымъ Богу и проч. Но кромѣ этаго общаго священнаго значенія, храмъ

имѣлъ въ древности особенную силу. При отсутствіи способовъ просвѣщенія, онъ съ своимъ многознаменательнымъ богослуженіемъ и изяществомъ былъ почти единственнымъ училищемъ истины и добра для нашихъ предковъ. Въ храмѣ они могли слышать ученіе вѣры и нравственности, въ чтеніи, пѣніи и живомъ словѣ пастырей, на понятномъ языкѣ; тамъ знакомились съ исторіею христіанства даже по священнымъ изображеніямъ. Красота церкви и богослуженія имѣла неотразимую прелесть для нихъ. Князь и народъ жаждали торжественной службы; »изъ окрестностей стекались смотрѣть на замѣчательныя церкви, и всякій возрастъ дивился; не токмо простцы, но и государь самодержецъ, святѣйшій митрополитъ, преосв. архіепископъ и епископы, и князья, и сановники видяще превеликое созданіе церкви и многочудную подпись во истину мнящеся, яко на небеси стояти« : (*Лавр. л. 173*). Такъ наши предки получали христіанское назиданіе, питались духомъ церкви во внѣшнемъ его облаченіи непосредственнымъ чувствомъ и созерцаніемъ. Повелѣвая родителямъ посылать дѣтей во храмъ, христіанство этимъ дѣлало уже обязательнымъ нравственное воспитаніе молодаго поколѣнія. Конечно, это воспитаніе было безотчетно, какъ основанное на чувствѣ; но все таки храмъ, своимъ общимъ впечатлѣніемъ, возвышалъ духъ.

Въ русскомъ обществѣ, совершенно проникнутомъ началами вѣры, храмъ имѣлъ большое значеніе и въ гражданскомъ и въ житейскомъ быту. Во время преобладанія грубой силы и кипѣнія страстей юношескихъ, которыя неудержимо стремились наружу и требовали немедленнаго удовлетворенія,—храмъ представлялъ спасительное убѣжище отъ буйной толпы мятежниковъ (*1 Новг. 44. 65. II. Соф. 175*). При нападеніи внѣшнихъ враговъ, въ храмъ шли защищаться, и въ случаѣ опасности—считали счастьемъ принять тамъ

смерть отъ руки невѣрныхъ. Туда сносили имущество во время пожаровъ, въ надеждѣ защитить его крѣпкою постройкой отъ огня и обезпечить святыней мѣста отъ грабителей. При неустройствѣ законнаго порядка въ обществѣ и не зрѣлости законодательства, въ храмахъ соблюдались важныя грамоты, заключавшія разнаго рода договоры, копіи съ заемныхъ писемъ и проч. Тамъ хранились законныя мѣры и вѣсы. Въ оградѣ церковной часто производились судебныя разбирательства. Въ случаѣ голода или общаго несчастія, изъ церкви брали деньги. При церквахъ устроялись богадѣльни, въ которыхь жили больные и бѣдные. Поэтому на всякій храмъ, особенно на главный, смотрѣли какъ на мать и кормилицу, которая насыщаетъ душу словомъ спасенія и правды, наполняетъ сердце высокимъ чувствомъ, питаетъ тѣло въ случаѣ нужды и крайности и защищаетъ въ несчастіяхъ и опасностяхъ. Всякое построеніе, освященіе, обновленіе и украшеніе храма было значительнымъ событіемъ въ жизни нашихъ предковъ, занимало въ высшей степени всѣхъ и каждаго, сопровождалось высокою, единодушною радостію. Не напрасно лучшіе люди стараго времени »вельми болѣзновали духомъ, зря подписаніемъ не украшену церковь« и заботились день и ночь, не щадили ни силъ, ни трудовъ, ни средствъ на созданіе и украшеніе храмовъ. Это считалось величайшимъ подвигомъ и важнѣйшею заслугою.

По словамъ древнихъ памятниковъ, этимъ они »устрояли себѣ память вѣчную и оставленіе грѣховъ и всѣмъ христіанамъ прибѣжище, и радость и веселіе, и похвалу себѣ отъ людей«. Все это живо рисуетъ, какъ глубоко дорожили предки наши святыней храма и какъ велико было его значеніе. »Аще кто къ святымъ прибѣгнетъ церквамъ, тѣмъ велику пользу приметъ души же и тѣлу«, замѣчаетъ лѣтописецъ.

Крестъ былъ святымъ символомъ лучшаго мирнаго порядка дѣлъ, въ противоположность образу меча, сила котораго одна имѣла вліяніе на устройство жизни простаго и грубаго язычника, и который служилъ признакомъ старой неудовлетворительной жизни. Ношеніе креста на груди отличало обновленнаго человѣка и вошло въ Россіи во всеобщій обычай. Св. иконы, необходимыя принадлежности храма, были во всякое почти время предъ глазами христіанина въ домѣ и имѣли сильное вліяніе на улучшеніе семейнаго быта. При каждомъ входѣ и выходѣ, посѣтитель дома ограждалъ себя крестнымъ знаменіемъ предъ иконою; каждый изъ членовъ семейства молился предъ нею утромъ и вечеромъ, предъ обѣдомъ и ужиномъ. Въ присутствіи св. иконъ, древній русскій человѣкъ считалъ безчестнымъ дозволять себѣ какія-нибудь предосудительныя вольности *(Пам. XII в. 195)*. Вмѣсто старыхъ кудесниковъ, стали прибѣгать къ кресту и иконѣ съ молитвою въ надеждѣ получить помощь, въ случаѣ несчастія и болѣзни. Крестъ и икона служили вѣрною порукою въ обѣщаніяхъ, во время недовѣрчивости другъ къ другу, призывались во свидѣтельство правоты дѣла и увѣрены были въ ихъ правомъ судѣ и расправѣ надъ виновнымъ и невиннымъ; крестъ и икона были необходимыми спутниками странствующихъ, которые брали ихъ съ собою въ увѣренности, что они устроятъ счастливый и благополучный путь. Вѣра въ силу креста и надежда на его помощь до того были тверды въ русскомъ человѣкѣ, что онъ вооружался крестомъ и выходилъ противъ страшныхъ татарскихъ полчищъ, съ цѣлью побѣдить ихъ. Безъ сомнѣнія, все это много сдерживало развитіе и обнаруженіе грубыхъ страстей и стародавнихъ привычекъ и вводило въ отношенія членовъ общества новое нравственное начало. Понятно почему, при заключеніи мира,

поставлялось, въ числѣ первыхъ условій, возвращеніе св. иконъ, плѣненныхъ непріятелемъ.

Крестные ходы совершались по случаю постигшихъ или грозящихъ народныхъ несчастій, съ цѣлью умилостивленія Бога. Въ минуты общаго бѣдствія, когда человѣкъ не ждалъ ни откуда земной помощи, крестные ходы успокоивали страждующій духъ его, вливая надежду на помилованіе и помощь небесную; они располагали къ покаянію и сокрушенію о грѣхахъ и не давали огрубѣть суровому сердцу и дойти до отчаянія и забвенія нравственныхъ обязанностей. Люди жестокосердые, которые расчитывали воспользоваться общимъ несчастіемъ, для своихъ корыстныхъ выгодъ, напр. ростовщики во время голода, грабители во время пожара, крамольники во время мятежа, — и тѣ умилялись душею, встрѣчая въ священномъ обрядѣ строгое осужденіе своихъ дѣйствій. Этимъ вліяніемъ крестные ходы, какъ и всѣ священныя церемоніи, благодѣтельны были для неустроеннаго житейскаго быта народа. Торжественные крестные ходы предпринимались послѣ побѣды, при освященіи храмовъ, при перенесеніи чудотворныхъ иконъ и св. мощей, или въ память прежнихъ благодѣяній божіихъ и проч. Они соединяли христіанъ въ одномъ чувствѣ радости, какъ братьевъ, разливали въ душѣ кроткое спокойное чувство любви и возбуждали высокую благодарность Подателю всякаго дара. Душа юная и свѣжая научалась благоговѣть предъ Богомъ, не какъ предъ грознымъ владыкою, но и безконечно-милующимъ и любящимъ Отцемъ. И, въ обыкновенную пору, крестные ходы имѣли благое значеніе, отвлекая человѣка отъ насущныхъ житейскихъ попеченій; въ день назначенный для хода, прекращалась торговля и другія мірскія занятія.

Теже высокое значеніе имѣли праздничныя торжества. При отсутствіи доб-

рія другъ къ другу, при сильномъ стремленіи къ личнымъ исключительнымъ выгодамъ, праздничныя торжества наполняли душу одними общими стремленіями и чувствами, связывали тѣснѣе христіанское общество, поселяя миръ между его членами, и упрочивали общественную нравственность. Введеніемъ праздниковъ и срочнаго отдохновенія, установленъ порядокъ въ работѣ и сбереженіе народныхъ силъ. Праздники считали наши предки живою дѣйствующею силою: »Кто преступить крестъ, тотъ проклятъ 12 праздниками церковными« говоритъ іерархъ. Но это—то понятіе о праздникахъ и сопровождалось благотворнымъ вліяніемъ на народную жизнь. Въ первую пору принятія христіанства, торжества церковныя, замѣняя языческія празднества, пріучали народъ къ жизни и обычаямъ христіанскимъ. Съ этой стороны, имѣли большое значеніе и пиршества, которыми сопровождались духовныя христіанскія торжества.

Какъ служители алтаря и распорядители общественнаго богослуженія, какъ орудія, чрезъ которыя Богъ изливаетъ свою благодатную силу и освященіе, какъ истолкователи воли божіей, выраженной во свящ. писаніи,—пастыри древней русской церкви, при господствѣ религіознаго направленія жизни, высоко стояли во взглядѣ нашихъ предковъ, и, при отсутствіи прочнаго государственнаго порядка, пользовались величайшимъ вліяніемъ и значеніемъ.

Составляя высшую, образованную часть народа, духовенство русское стояло во главѣ всякаго добраго движенія общественнаго. Не говоря уже о первыхъ правителяхъ христіанскихъ, когда въ душѣ новообращенныхъ разлито было горячее желаніе подчинить всѣ отношенія и дѣйствія началу религіи, даже по раздробленіи Руси, у каждаго князя было стремленіе водворить и утвердить христіанство въ своей области и по его предписаніямъ

преобразовать внутренній бытъ своихъ подданныхъ. Отсюда необходимая нужда въ помощи и вліяніи духовенства на народъ; отсюда участіе его въ думахъ и бесѣдахъ о всѣхъ дѣлахъ государства; отсюда совѣты съ духовенствомъ объ устройствѣ лучшаго порядка общественнаго. Многіе изъ князей повторяли своимъ дѣтямъ завѣщаніе равноапостольнаго Владиміра—болѣе всего слушать совѣты духовенства. И оно въ высшей степени оправдывало довѣріе къ нему правителей государства. Пастыри церкви не одними молитвами имѣли вліяніе на исходъ военныхъ предпріятій, — но, сообразно съ общею пользою, иногда побуждали и одушевляли князей и народъ—начинать и продолжать войну, содѣйствовали всѣми силами и зависящими отъ нихъ средствами благополучному ея окончанію, или заботились о мирѣ и противились безполезнымъ предпріятіямъ. Неправыя дѣйствія самихъ князей вызывали, со стороны іерарховъ, то кроткія и слезныя моленія, то смѣлыя и сильныя обличенія, письменныя и словесныя; а иногда они пользовались правомъ отлученія отъ церкви,— и духовная сила торжествовала надъ матеріальной. Особенно благодѣтельное вліяніе ихъ обнаруживалось въ княжескихъ спорахъ и междоусобіяхъ, которыя они часто успѣвали погашать своимъ посредничествомъ и тѣмъ вносили благодатный миръ въ взволнованныя сердца и уменьшали страданія народа. На духовныхъ возлагались большею частію обязанности гражданскаго посольства, какъ на лицъ, пользовавшихся общимъ уваженіемъ и слѣдов. безопасныхъ въ этомъ дѣлѣ. И здѣсь они старались направить ходъ дѣла къ общему благу. Значительна также заслуга русскаго духовенства въ государственномъ отношеніи во время владычества Татаръ, которые обходились довольно милостиво съ пастырями церкви. Въ эту тяжелую пору, іерархи облегчали участь недоумѣвающаго

правительства и убитаго народа не однимъ словомъ утѣшенія и надежды, но принимали на себя трудъ ходатайства въ Ордѣ за народъ христіанскій, и въ это время особенно усилилось вліяніе духовенства. Нося въ себѣ сознаніе закона и правды, пастыри церкви дѣятельно заботились объ улучшеніи общественной нравственности. Они обращали вниманіе гражданскихъ правителей на современные имъ недостатки, для уничтоженія которыхъ необходимы были гражданскія средства. Градскія, торговыя и всякія мѣрила, спуды, извѣсы, ставила подлежали надзору духовныхъ лицъ. Завѣдывая сами правомъ суда во многихъ случаяхъ, они ослабляли необузданное корыстолюбіе и продажное правосудіе областныхъ правителей и другіе пороки. Народныя возмущенія, сопровождаемыя грабежами и приносившія такъ много горя народу, часто подавляемы были дѣятельными пастырями при первой вспышкѣ. Они старались смягчить грубое самоуправство народа и, въ случаѣ несправедливости и жестокости гражданскаго судебнаго приговора, считали своею обязанностію ходатайствовать за несчастнаго. Вообще, на этомъ поприщѣ, они старались, какъ новгородскій владыка Симеонъ, по словамъ лѣтописи: »управити своя дѣти и поучати словесы духовными, со всею кротостію, много обличеніемъ, иныя же запрещеніемъ укрощати.«

Русское духовенство не усиливалось соединиться въ отдѣльно замкнутый, самостоятельный кругъ; оно, напротивъ, стояло во главѣ земства, входило въ непосредственную связь съ народомъ, старалось распространить въ средѣ его свѣтлыя понятія. Къ пастырямъ церкви обращался простой народъ, еще неознакомившійся съ первыми правилами нравственности, по принятіи христіанства, съ простодушными вопросами: »что ѣсть и пить? Какіе поклоны творить«? Въ послѣдствіи онъ искалъ разрѣшенія у пастырей въ затруднительныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, недоумѣніяхъ и сомнѣніяхъ; пастыри были единственными его руководителями на всѣхъ путяхъ жизни, защитниками и утѣшителями въ бѣдственныя минуты. Власть духовенства простиралась на семейную жизнь народа, на обычаи и привычки, и вездѣ оно поселяло миръ и мягкость, внося новыя начала въ самый домъ христіанина, при семейномъ горѣ и радости, во время праздничныхъ торжествъ, хотя эти начала прививались туго. Оно преслѣдовало вредные остатки языческаго быта, напр. кровную месть, судебные поединки, обычай многоженства и проч. На все это образованное духовенство смотрѣло съ негодованіемъ. Духовные были попечителями общины, заботились объ улучшеніи матеріальнаго быта своихъ пасомыхъ, дѣлали пожертвованія на городскія постройки, помагали несостоятельнымъ и т. п. Понятно, что народъ видѣлъ въ пастыряхъ церкви посланниковъ божіихъ, для умноженія его духовнаго сокровища и житейскаго благосостоянія. О благотворномъ вліяніи духовенства древніе памятники передаютъ нерѣдко дорогіе, хотя общіе, факты въ своихъ отзывахъ объ извѣстныхъ лицахъ: »Княземъ и бояромъ и всѣмъ вельможамъ былъ на успѣхъ; и все дивно, обидимымъ помогалъ, печальныхъ утѣшалъ, нищихъ миловалъ... Былъ людямъ заступленіе, сиротамъ кормитель... Былъ обидимымъ помощникъ, вдовамъ заступникъ, избавляя отъ насильнаго, и сильныхъ не стыдился. Возлюбили житіе его бояре и люди приходили къ нему, поучаясь отъ него день и ночь, и многихъ утвердилъ и на разумъ истинный наставилъ« замѣчается о многихъ пастыряхъ того времени.

О нихъ народъ часто могъ тоже сказать, что заключается въ плачѣ о Стефанѣ пермскомъ: »теперь мы лишились добраго промышленника и ходатая, который Богу молился о спасеніи душъ на-

шихъ, а князю доносилъ наши жалобы« и проч. (*См. выше* № *102*).

Монастырь, какъ пристанище душъ высокихъ, которыя порывались въ область блаженнаго успокоенія отъ заботъ жизни, стремились къ вѣчнымъ законамъ добра и правды, привлекалъ общее вниманіе нашихъ предковъ. Они смотрѣли на него съ глубокимъ уваженіемъ, какъ на мѣсто селенія славы божіей. Русскіе монахи не чуждались дѣятельности практической, которая способствовала развитію разумно-нравственной жизни народа. Они проносили свѣтъ Христовой вѣры, по окрестнымъ областямъ, въ темное царство язычниковъ, съ самоотверженіемъ проповѣдывали слово божіе и, тяжелыми трудами и усиліями, достигали святой цѣли. Въ монастыряхъ сосредоточивалось духовное образованіе, списывались книги и иконы и распространялись въ народѣ. Тамъ занимались вопросами не о матеріальныхъ средствахъ въ выгодамъ, но о высокой цѣли и назначеніи жизни человѣческой, о трудномъ пути къ достиженію этой цѣли. Тамъ были люди образованные высоко, по своему времени, развитые болѣе другихъ; они всякому страннику и посѣтителю могли дать мудрый совѣтъ, полезный урокъ для жизни, разрѣшить затрудненіе въ извѣстномъ случаѣ. Кроткая и живая бесѣда ихъ врѣзывалась въ памяти жаждущаго истины, стремленіе къ которой непобѣдимо въ душѣ человѣческой, особенно въ душѣ свѣжей и воспріимчивой. Тамъ русскій человѣкъ могъ изучать уроки нравственные, въ самомъ приложеніи къ дѣлу,— что ему особенно дорого. Тамъ »отъ единаго видѣнія токмо и обычая устраенію довольна преподавали зрящимъ пользу.« Въ мірѣ, большею частію, хотѣли жить и наслаждаться чужимъ трудомъ, старались насытить чувственныя страсти, руководились личными расчетами и пускали въ ходъ, для выполненія ихъ, неправду и насилія, обманъ и коварство. Въ монастырѣ, напротивъ, народъ видѣлъ добровольныя лишенія, презрѣніе богатства, страшную борьбу съ желаніями, неумолимую строгость къ своему самолюбію, встрѣчалъ правый судъ и готовность къ самообвиненію предъ вѣчною истиною и безконечнымъ благомъ. Взглядъ на эту чудную жизнь приводилъ въ изумленіе посѣтителей монастыря; а строгіе уроки, осуществляемые въ жизни, возбуждали къ возможному подражанію.

Монастырь привлекалъ всѣхъ: туда »собирались князья и вельможи и прочіе люди, за духовною пользою«. Тамъ получали правители народа человѣколюбивые совѣты, а часто и угрозы судомъ божіимъ, въ случаѣ несправедливыхъ притязаній. Благочестивые иноки русскіе были люди практическіе; они обращали свои взоры на міръ и тамъ старались укрощать личныя страсти и искоренять общественные безпорядки, нерѣдко съ опасностію жизни. Монастыри служили центромъ торговли, правильнаго труда и разсадниками цивилизаціи. Около монастырей скоро собирались жители,—и, такимъ образомъ, заселялись мѣста пустынныя и безплодныя. На монастырскія земли иногда бѣжали крестьяне, отъ поработительнаго деспотизма, и находили тамъ жизнь льготную или защиту отъ неправды. Вообще, русскіе монахи были строгими хранителями и защитниками народныхъ интересовъ. Они принимали подъ свой убогій кровъ и не оставляли безъ утѣшенія гонимыхъ и страждущихъ всякаго рода. Въ монастырѣ находили пріютъ и отраду выходцы разныхъ областей, во время войнъ междоусобныхъ и опустошеній внѣшнихъ враговъ, особенно когда Россія стонала подъ игомъ татарскимъ.

Грознѣйшее бѣдствіе, при вѣсти о непріятеляхъ, заставляло прятать, за стѣнами монастырей, какъ въ надежномъ убѣжищѣ, все цѣнное и дорогое,—и монастырь нерѣдко превращался въ крѣ-

ность. Въ монастырскихъ житницахъ хранились запасы, благодѣтельные во время неурожая и голода, и въ обители толпами стекались нуждающіеся, которыхъ иногда до 1000 въ день кормили; бѣдные никогда не получали здѣсь отказа въ пищѣ и одеждѣ, а больные—во врачебномъ пособіи. Устройство монастырей было великимъ благодѣяніемъ, считалось дѣломъ спасительнымъ, сопровождалось душевною радостію созидавшихъ ихъ и на эту радость отзывались всѣ.

Конечно, народъ смотрѣлъ на всю эту обрядовую сторону, мало сознавая ея значеніе; но все-таки она имѣла на него образовательное вліяніе.

Высокое благоговеніе къ предметамъ обрядоваго богослуженія усиливалось отъ ихъ значенія, такъ-сказать историческаго. Со многими изъ нихъ неразрывно связано было воспоминаніе великихъ событій отечества. Приписывая обнаруженіе всякого событія непосредственному вліянію божества, предки наши смотрѣли на храмы, какъ на живыхъ, хотя безмолвныхъ, свидѣтелей небесной милости, оказанной русскому народу. Ихъ строили по обѣту, въ чувствахъ общей народной радости, въ благодарность за избавленіе отъ грозивнихъ бѣдствій, или въ память христіанскихъ подвиговъ въ войнѣ съ невѣрными. Храмы были для нашихъ предковъ и величественными памятниками грознаго гнѣва господня, посѣщавшаго непослушныхъ сыновъ своихъ: ихъ воздвигали какъ умилостивительныя жертвы, въ народныхъ бѣдствіяхъ, въ отвращеніе моровой язвы, голода, землятрясенія и болѣзней.

Есть еще одна сторона въ священныхъ предметахъ, болѣе всего усиливавшая народное благоговѣніе къ нимъ. Это явное обнаруженіе чрезъ нихъ чудодѣйственной силы. Эта сила обнаруживалась именно въ томъ, что особенно любилъ, на что преимущественно взиралъ, съ священнымъ восторгомъ, русскій человѣкъ. Чудеса со-

вершались, большею частію, въ храмахъ и монастыряхъ, отъ иконъ Богородицы, какъ особенной заступницы и ходатайцы за Русь православную, и святителя Николая, который пользовался особеннымъ благоговѣніемъ русскаго народа.

Эта крѣпкая вѣра въ чудесныя явленія спасала юное и неустроенное общество христіанъ. Явное покровительство неба добрымъ и страдальцамъ за правду и открыто—чудесное неблаговоленіе къ злымъ поразительно дѣйствовала на *грубаго* человѣка и побуждали его держать сторону первыхъ. Легко себѣ представить, какъ поражали чудесныя явленія простую душу древняго человѣка и какъ онъ повергался въ прахъ предъ ними, ощущая свое недостоинство.

Во время замѣчательныхъ событій, и особенно при видѣ необыкновенныхъ явленій природы, когда сильно возбуждено чувство и настроено воображеніе, болѣе всего появлялось фантастическихъ разсказовъ, и всѣ они проникнуты религіознымъ характеромъ. Вліяніе ихъ на народъ было неотразимо.

Эти расказы въ свою пору съ быстротою перелетали изъ устъ въ уста, возбуждали изумленіе и вздохи, оставляли въ душѣ каждаго неизгладимый слѣдъ; слезы радости, или глубокаго сокрушенія о грѣхахъ, лились изъ глазъ, — и человѣкъ ожидалъ событія, которое, по его мнѣнію, предзнаменовано извѣстнымъ явленіемъ.

Начала вѣры, нравственныя силы, внесенныя ею въ общество, основанныя на преданіяхъ и обычаяхъ минувшаго, не давали спокойно и самодовольно примириться съ застоемъ жизни и подвигали юное общество впередъ на пути развитія. При неодолимомъ и необузданномъ стремленіи къ матеріальной жизни, сопротивленіе и противодѣйствіе этому влеченію представлялось страшнымъ подвигомъ, поражало всѣхъ и каждаго.

Умерщвленіе плоти особенно нужно было въ то время для людей грубыхъ, которыхъ только могли обуздывать и смягчать чувственныя средства. Постъ уравнивалъ и богача сластолюбца и бѣдняка въ качествѣ пищи. Сознавая силу и необходимость поста, пастыри древней церкви строго преслѣдовали, кто ѣстъ мясо въ великое говѣнье и прямо высказывали основаніе: »Рать въ насъ есть многа и противится плоть духови и духъ плоти. Потребно убо есть по истинѣ бытіе постное: то бо кротитъ тѣлесныя страсти, то обуздываетъ противныя стремленія и духови даетъ тѣлесное покореніе... Постъ основаніе есть добродѣтели; того ради во всемъ мірѣ, яко же солнце всіаемъ есть«. »Пощеніе очищаетъ душу и тѣло, и ангеламъ равнѣ сътворяетъ и на небо возводитъ«. Всеобщее господство и разгулъ личныхъ страстей стремленіе къ исключительному довольству міромъ, вызывали физическіе труды въ аскетахъ ради спасенія души, путешествіе по св. мѣстамъ, изнуреніе тѣла и т. п.

При частыхъ дракахъ и неурядицѣ, раздиравшей народъ, сострадяніе къ бѣднымъ, милосердіе и щедроты считаются одною изъ величайшихъ добродѣтелей въ отношеніи къ ближнимъ; равноапостольный князь, по словамъ Нестора, милостынею раздавалъ всѣ грѣхи. »*Дневная и славная* милостыня омываетъ всѣ прегрѣшенія отъ насъ и небесная врата отверзаетъ, и ярость Божію на кротость и на милость претворяетъ; милостыня безъ труда на небеса возводитъ и съ архангелами у престола Божія поставляетъ«. Вообще, дѣла внѣшняго милосердія выступаютъ на первый планъ въ древнее время.

Особенно отрезвительны были для древняго русскаго общества разныя поразительныя явленія и бѣдствія физическія. Въ то время люди припоминали и потопъ и страшный судъ и обращались къ покаянію. Древній писатель замѣчаетъ: »Большая нужда и злая скорбь устрашаетъ и приводитъ человѣка къ вѣрѣ«. Эти слова глубокоистинны въ отношеніи къ древнему русскому человѣку. Что могло смирить буйную волю, какъ не мысль о наказаніи? Дикій произволъ и наглыя нарушенія утихали предъ мыслью о страшномъ судѣ. Страхъ, трепетъ и внѣшняя сила обуздывали человѣка и замѣняли не сознанный и безсильный законъ. Доселѣ сохранилась пословица: »громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится«.

(*Духъ Христіанина 1861*, *окт. и ноябр. кн.*

113. Государственное значеніе православія.

Западно-русскіе переселенцы были уже христіанами, когда перешли въ новую родину, и перенесли на финскую почву церковь восточнаго исповѣданія, со всѣми ея учрежденіями. Не смотря на то, что языческое міросозерцаніе упорно держалось между колонистами, даже до позднѣйшаго времени,—названіе христіанина стало отличительнымъ ихъ признакомъ посреди язычниковъ-туземцевъ и на долго замѣнило сознаніе народности (христіанинъ—крестьянинъ). Русскій и православный, въ народномъ понятіи, одно и тоже: православный, хотя бы и не русскій по происхожденію, все—таки считается русскимъ; природный русскій, но не православной вѣры, не признается за русскаго. И такъ, въ Великороссіи христіанская вѣра восточнаго исповѣданія стала народнымъ знаменемъ, заступила мѣсто народности. Этимъ объясняется огромное политическое значеніе православія въ Великороссіи: въ западной Россіи оно получило это значеніе, какъ знамя борьбы съ римскимъ католичествомъ. Хотя, такимъ образомъ, оно играетъ великую роль въ дѣлахъ русскихъ [illegible],

однако характеръ его, на западѣ и востокѣ, былъ весьма различенъ, на что, какъ намъ кажется, не обращено еще должнаго вниманія... Христіанство принимается внѣшнимъ или внутреннимъ образомъ, смотря по степени культуры; въ ней, а не въ православіи, должно искать причины различнаго характера, который оно долго имѣло въ восточной и западной Россіи. Пока языческое міросозерцаніе не было вполнѣ отжито Великороссіанами, до тѣхъ поръ они не были въ состояніи усвоивать духовное содержаніе христіанства и останавливались преимущественно на его внѣшней, обрядовой сторонѣ, принаровляя христіанское ученіе и истины къ своимъ полуязыческимъ представленіямъ и вѣрованіямъ. Задержанные въ своемъ развитіи на новой почвѣ, западно-русскіе поселенцы, естественно гораздо позднѣе стали доступны внутренней, духовной сторонѣ православія, чѣмъ ихъ братья въ первоначальной родинѣ... Въ западной Россіи развитіе продолжалось на томъ же корню, на которомъ началось, и потому культура была сравнительно выше; вотъ почему и православіе воспринималось здѣсь болѣе и болѣе духовно, что и дало западной Россіи силу бороться съ римскимъ католичествомъ духовнымъ оружіемъ.

Въ Великороссіи православіе, соотвѣтственно ея степени культуры, получило характеръ государственнаго и политическаго учрежденія, подъ покровомъ котораго окрѣпло и выработалось національное сознаніе. Не понимая этого, нельзя понять русской исторіи. А между тѣмъ, еще не такъ давно, люди высокаго образованія, извращая вопросъ, думали, что православіе, отдѣливъ насъ отъ остальнаго образованнаго европейскаго міра, задержало наше развитіе и было главной, если не единственной, причиной нашей видимой отсталости въ культурѣ отъ прочихъ народовъ. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что мы сильно отстали въ культурѣ отъ

Европы потому, что жизнь Великороссіи началась съ азбуки, съ самой первой ступени осѣдлаго быта, едвали ранѣе XII в., при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ когда—либо находился другой народъ. Не православіе заражено формализмомъ, а мы восприняли его преимущественно съ формальной, внѣшней, обрядовой стороны, п. ч., по степени развитія, были неспособны подняться до внутренняго, духовнаго содержанія христіанства. И при всемъ томъ, православіе оказало Россіи не исчислимыя услуги. Благодаря ему, мы сохраняли сознаніе національнаго единства и не сдѣлались добычей другихъ христіанскихъ народовъ, опередившихъ насъ въ образованности. Православіе дало возможность, въ тиши и уединеніи, сложиться и окрѣпнуть славянскому зародышу, заброшенному въ дебри и пустыни, на край свѣта; оно хранило его и оберегало, до тѣхъ поръ, пока изъ этого слабаго зачатка образовалось могучее политическое тѣло, которому не страшны стали внѣшнія борьбы и бури. Будь мы съ самаго начала колонизаціи римскими католиками, или сдѣлайся ими вскорѣ послѣ водворенія на новой почвѣ, мы были бы, роковымъ образомъ, втянуты въ кругъ западно-европейскаго развитія, которое, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, дѣйствовало разлагающимъ образомъ на всѣ славянскія племена, которыхъ коснулось. Послѣдняго термина этой посылки мы не знаемъ: онъ еще впреди. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что славянскія племена не могутъ развиваться, не усвоивши себѣ плодовъ высшей, европейской культуры; но вопросъ во все не въ этомъ, а въ томъ, когда, на какой ступени развитія, они могутъ принимать въ себя европейскій елементъ, не теряя своей политической и народной самостоятельности; на это исторія отвѣчаетъ очень категорически, примѣромъ Россіи и прочихъ славянскихъ государствъ и народовъ.

Православіе замѣнило намъ въ началѣ сознаніе народности. Отсюда тогдашній государственный и политическій характеръ нашей церкви. Сперва одна она и представляла наше народное единство; церковное единеніе задолго предшествовало государственному, и въ теченіе столѣтій подготовляло его. Переѣзды митрополитовъ изъ Кіева во Владиміръ, а отсюда въ Москву, были столько же государственными, сколько церковными событіями, даже болѣе государственными, чѣмъ церковными. Алексѣй м-тъ навлекаетъ на себя сѣтованія патріарха за то, что держитъ сторону московскаго князя, въ распряхъ его съ удѣльными. Церковь стоитъ во главѣ народныхъ войнъ противъ Татаръ, благословляетъ на подвигъ Димитрія Донскаго, склоняетъ колеблющагося Ивана III. Во всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ, рѣшавшихъ судьбы нарождающагося государства, церковь играетъ первую роль; она его вскормила, выходила, и передала на руки свѣтской государственной власти, когда процессъ образованія политическаго тѣла уже совершился. Не понимая этого высокаго призванія въ судьбахъ Великороссіи, призванія, опредѣлившагося составными стихіями послѣдней,—нельзя понять характера нашей церкви въ древнѣйшую эпоху великорусской исторіи... Церкви приходилось бороться не съ злою волей, или развращеннымъ умомъ, а съ грубѣйшими языческими нравами; съ дикими предразсудками, съ первобытнымъ реализмомъ, при которомъ люди приближались къ звѣрямъ и безсловеснымъ... Имѣя дѣло съ такой средой, церковь должна была вооружиться не проповѣдью, не поученіемъ, а внѣшней дисциплиной, чтобъ сперва, хоть наружно, приблизить этихъ людей къ образу и подобію Божію.

(Мысли и замѣтки о рус. ист. К. Д. Кавелина. Вѣст. Евр. 1866, II, VI, 351—4, 358—9).

Указатель сочиненій и статей: — Объ обществ. знач. Христ. Церкви и ея учрежд. на Руси. *Н. Д. Бѣляева.* Ж. Мин. Н. Пр. 1856, № 7. Взглядъ на состояніе духовенства древ. Руси. *С. М. Соловьева.* Чт. Общ. 1846—7, кн. 6. Каѳедра великоновгор. святительская въ историч. знач. *А. Томилина* 1851. О распространеніи православія между Монгол., Литовц. и жителями Біарміи. Христ. Чт. 1859, № 6. Отнош. древнерус. общества къ церкви. Вѣстн. Юго-Зап. Рос. 1863 № 11 и 12. Заботливость пастырей объ улучшеніи народн. жизни въ Россіи. Руковод. для сельс. пастырей 1860, № 29. 285. О значеніи отечественной церкви. Ж. Мин. Н. Пр. ч. LVIII, VI. 339. О способахъ духов. просв. древ. Рос. Правосл. Собес. 1858. I. 87. Содѣйствіе рос. монастырей просвѣщенію древ. Рос. Тамъ же 483. О вѣрѣ въ народн. просвѣщеніи Россіи. Тамъ же 1859. I, 77. Просвѣтит. значеніе вѣры для рус. народа. Тамъ же 1858. I, 87. 262. 1859. I, 77. Голосъ древ. рус. церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей. *А. Щапова.* Тамъ же, 1859. I, 40. Попеченіе отечеств. церкви о внутрен благоустройствѣ граждaнс. общества. Тамъ же 1861. I, 77. 173. Исторія рус. монашества. *П. Казанскаго.* м. 1855. Пол. историч., собр. свѣдѣній о мон. *А. Ратшина.* 1852. Словарь историч. о святыхъ рус. Спб. 1862. Русскіе святые, чтимые всего церковію или мѣстно. *Архіеп. Филарета.* Черниговъ. 1861—2. Біографіи первыхъ десяти Новгор. епископовъ. *Тихомирова.* Новг. 1862. Біографіи Тверскихъ іерарховъ. *Чередѣева.* Тверь. 1859. Очеркъ изъ исторіи рос. церк. іерархіи. *Г. Карпова.* М. 1865 Историч. свѣд. о судьбѣ правосл. церкви въ Минс. епар. *Архим. Николая.* Спб. 1864. Христіанство въ Лифляндіи. Москвит. 1843. VII, 85. Ист. правосл. цер. въ Финляндіи и Эстляндіи. *Чистовича.* Спб. 1856. Призрѣніе на Руси. *Лешкова.* Рус. нар. и госуд. 587—92. О началѣ богадѣленъ и о бытѣ нищихъ въ Москвѣ. *П. М. Снегирева.* Литер. вечеръ. М. 1844. О скудельницахъ или убогихъ домахъ въ Россіи Историч. Сборн. общ. ист. III, кн. 1, 235.

IV. УПРАВЛЕНІЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

1) ВЛАСТЬ ДУХОВНАЯ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

114. О Латинахъ.

Не преимай ученья отъ Латынъ ([1]), ихъ же ученье развращено: влѣзъше бо въ церковь, не поклонятся иконамъ, но стоя поклонится, и поклонився напишеть крестъ на земли и цѣлуеть, въставъ простъ *(прямо)* станеть на немъ ногами; да легъ цѣлуеть, а вставъ попираеть. Сего бо апостоли не предаша, предали бо суть апостоли крестъ поставленъ цѣловать, и иконы предаша. Лука бо еуангелистъ первое написавъ посла въ Римъ, якоже глаголеть Василій; икона на первый образъ приходить. Паки же и землю глаголють матерію. Да аще имъ есть земля мати, то отецъ имъ есть небо, искони бо створи Богъ небо, таже землю; тако глаголють: »Отче нашь, иже еси на небеси.« Аще ли по сихъ разуму *(по ихъ разсужденью)* земля есть мати, то почто плюете на матерь свою, да сѣмо ю лобъзаете, и паки оскверняете? Сего же преже Римляне не творяху, но исправляху на всѣхъ сборѣхъ, сходящеся отъ Рима и отъ всѣхъ престолъ. На первомъ бо сборѣ, еже на Арья въ Никѣи, отъ Рима Силевестръ посла епископы и презвутеры, отъ Олексаньдрѣя Ѳеонаси, отъ Царягорода Митрофанъ посла епископы отъ себе; тако исправляху вѣру... *(Далѣе слѣдуетъ перечень посланныхъ представителей на остальные шесть вселенскихъ соборовъ).*

И си вси съ своими епископы сходящеся исправляху. По семъ же сборѣ Петръ Гугнивый со инѣми шедъ въ Римъ и престолъ въсхвативъ, и разъврати вѣру, отвергъся отъ престола Ярусалимьска, и Олександрьскаго, Цареграда и Онтіахійскаго. Възмутиша Италію всю, сѣюще ученье свое разно: ови бо попове единою женою оженѣвся служать, а друзіи до семые жены поимаючи служать, ихъ же блюстися ученья: пращають же грѣхи на дару, еже есть злѣе всего. Богъ да схранить тя отъ сего.

(*Лавр.* 49—50).

([1]) Такъ передавали Греки вмѣстѣ съ символомъ вѣры св. Владиміру въ 988 г.

115. Слово св. Феодосья, игумена Печерьскаго монастиря о вѣрѣ крестьяньской і о латыньскоі (¹).

Господи благослови. Слово ми есть к тобѣ, княже боголюбивый! Азъ Феосъ, худый робъ пресв. Троица, Отца и Сына и св. Духа, въ чистѣі и вправовѣрнѣі вѣре роженъ, и воспитанъ в добрѣі наказанья правовѣрнымъ отцемъ и матерью, наказываюче мя добру закону, вѣрѣ же латыньстей не прелучаітеся, ни объчая іхъ держяти, і комканья іхъ бѣгати, і всякого ученья іхъ бѣгати, і норова *(нрава)* іхъ гнушатися, и блюсти своіхъ дочереі не давати за нихъ, ни у нихъ поімати, ни братати́ся, ни поклонитися, ни цѣловати его, ни с нимъ ізъ единаго судна (*чашки*) ясти, ни пити, ни брашна ихъ приймати. Тѣмже паки у насъ просящимъ Бога ради ясти и пити дати імъ, но въ ихъ судѣхъ; аще ли не будеть у нихъ судна, въ своемъ дати; потомъ измывши, дати молитву: занеже не право вѣрують, і не чисто живуть: ядять со псы и с кошками, і пьють бо свой сець; ядать же львы і дикіе кони, і ослы, и удавленину, і мертвечину, і мѣдвѣдину, і бобровину, і хвостъ бобровъ, і въ говѣнье ядять маса, пущаюче в воду; а 5-ю недѣлю поста во вторникъ черьньци іхъ ядять лой (*жиръ*, *сало*) і въ суботу постяться, і постившеся вечеръ ядять молока и яіца. А согрѣшають,—не отъ Бога просять прощенья, но прощають попове ихъ на дару (*за подарки*). А попове ихъ не женяться законною женитвою, но с робами дѣти добывають, и служать невозбранно; а пискупи іхъ наложници держать, і на воіну ходять, і *оплаткомъ* (¹) служать. Іконъ не цѣлують, ни мощей святыхъ; а крестъ цѣлують написавши на земли и въставше попирають его ногами, а руцѣ подонь подложивше; женяще же ся у нихъ, поімають двѣ сестрѣ; а крещаются во едино погруженье, а мы въ три; мы жъ крещающеся мажемся мγромъ і масломъ, а они соль сыплють крещаемому в ротъ; имя же не нарицають святаго, но кого како прозовуть родители, в то імя крестять. А глаголють Духа св. исходяща отъ Отца и отъ Сына. Іна многа злая дѣла суть у нихъ; развращеная погибель полная вѣра іхъ. Его же ни Жидове творять, то они творятъ. Много же и в Савьску (*Савелліанскую*) ересь вступлють. Мнѣ же рече отець моі: ты же, чадо, блюдися кривовѣрныхъ, і всѣхъ ихъ словесъ, занеже исполнилася і наша земля злыя тоя вѣры (²); да кто спасая спасеть душю свою, въ правовѣрнѣі вѣре живучи. Нѣсть бо іноя вѣры лучше нашеі, яко же наша чиста и свята си вѣра правовѣрная. Сею бо вѣрою живущи грѣховъ избыти і муки вѣчныя гознути (*освободиться*), но жизни вѣчныя причастнику быти і бес конца со святыми радоватися; а сущему въ иноі вѣрѣ іли въ латьньстѣі, іли въ арменьстѣі (³), нѣсть видѣти імъ жизни вѣчныя. Не подобает же, чадо, хвалити чужее вѣры. Аще хвалить хто чужю вѣру, то обрѣтаеться свою вѣру хуля. Аще ли начнеть непрестанно хвалити и свою, і чужю, то обрѣтаеться таковыі двоевѣрець,—близъ есть ереси. Ты

(¹) Посланіе написано 1074 г. къ в. к. Изяславу, который два раза искалъ помощи въ Польшѣ, имѣлъ сношенія съ Латинами, приводилъ оттуда польское войско на Русь, — и для успокоенія совѣсти и разрѣшенія недоумѣній самъ князь обратился къ Феодосію съ вопросами о вѣрѣ Варяжской.

(¹) Католическое причастье приготовляемое въ видѣ бѣлаго тонкаго пряника.

(²) Вѣроятно, Феодосій намекаетъ на то, что Изяславъ позволилъ польскимъ войскамъ поживиться на счетъ Русскихъ и побѣдители старались склонять въ католическую вѣру.

(³) Армяне исповѣдуютъ православную вѣру съ ничтожными отступленіями въ обрядахъ церковныхъ.

же, чадо, блюдися ихъ, и свою вѣру непрестанно хвали. Ни свойся к нимъ; но бѣгаі ихъ, і подвизаіся въ своеі вѣрѣ добырыми дѣлы; милостынею милуі не токмо своея вѣры, но и чужыя. Аще ли видиши нага, іли голодна, іли зимою или бѣдою одержима: аще ли ти будетъ жидовинъ, іли Срацинъ, іли Болгаринъ [1], іли еретикъ, іли латинянинъ, іли ото всѣхъ поганыхъ,—всякого помилуі, и отъ бѣды избави й, яже можеши,—и мъзды отъ Бога не лишенъ будеши. Богъ бо и самъ нынѣ поганыя набдитъ, яко же и крестьяны. Поганымъ же іновѣрцемъ в семъ вѣцѣ попеченье отъ Бога, а в будущей же чюжи будутъ добрыя дѣтели; мы же, живуще въ правовѣрнѣі вѣрѣ, здѣ есмы набдими Богомъ, а въ будущемъ вѣцѣ спасаеми Господомъ нашимъ Іисусъ Христомъ [2]. Рече же ми отець моі: чадо, аще ти ся случить умрети по святѣі сеі вѣрѣ і Господа ради, то умри съ деръзновеньемъ за вѣру христову: святіи бо по вѣрѣ умроша, да живи суть о Христѣ. Ты же, чадо, аще узриши нѣкія іновѣрныя с вѣрнымъ прю (*распрю, споръ*) дѣющи, лестью хотяща отвести отъ правыя вѣры, ты же вѣдая не скрый въ собѣ, но помози правовѣрнымъ; аще имъ поможети, то яко овча ізбавиши отъ устъ львовыхъ, аще ли умолчиши, то, яко отъемь у Христа, предаеши іхъ сотонѣ. Аще ти речеть прець (*спорщикъ*): сию вѣру і ону Богъ далъ есть, ты же, чадо, рцы: то ты кривовѣренъ, мниши Бога двоевѣра, то не слышише ли, окаянне, развращене злыя вѣры? Писанье глаголеть: единъ Богъ, едина вѣря, едино крещенье,—рече Господь: тако бо лѣпо есть намъ ісконча́ти всю правду; да се все ісполнивъ, толи вознесеся, і ученики посла на проповѣданье. Ты же по проповѣданью апостольскому толико лѣтъ державъ правую вѣру, совратился еси на зловѣрье по наученью сотонину. Не слышите ли апостола Павла глаголюща: »аще ангелъ пришедъ съ небесе благовѣстить вамъ, а не якоже мы благовѣстихомъ, да буди проклятъ«? Вы же отринувше проповѣданье апостольское и св. отець ісправленье, і приясте неправду і вѣру развращену, полну многия погибели; того ради отъ насъ быстe отвержени, того ради имъ с вами недостоіно сужитья прінимати, ни къ божественнымъ тайнамъ обще приступати,—ни імъ к нашеі, ни намъ къ ихъ: зане мертвымъ тѣломъ служите, мертва Бога призывающа. А мы служимъ живымъ тѣломъ, самаго Господа жива видящи, одесную отца сидяща: и паки придетъ судити живымъ и мертвымъ. Вы же есте мертвіі, мертву жертву здѣваете: а мы живу Богу живу жертву приносимъ, чисту, непорочну, і животъ вѣчный обрѣсти. Тако бо писано: »воздасться комуждо по дѣломъ его», о Христѣ Іисусѣ, о Господѣ нашемъ, Ему же слава. Аминь».

(*Прав. Собес. 1865 г. кн. 8. Ист. Христ. Бусл. 1861 г. 518*).

Въ этомъ посланіи въ числѣ обвиненій на *Латинъ* находятся такія, которыя могли относиться къ частнымъ лицамъ, а не ко всей латинской церкви, или иныя и со всѣмъ не вѣрны. Пр. Өеодосій о заблужденіяхъ *Латинъ* судилъ по разсказамъ другихъ и по греческимъ писаніямъ, въ которыхъ тогда много небылицъ взводили на Латинъ. (Въ посл. конст. патріарха *Мих. Керулларія* къ Петру антіох. патріарху. Сборн. Соловец. № 856, л. 160. № 930 л. 144. См. *Котелерія*; Eccl. graecae monum. 135—145. 581—584). Точно также и папскіе послы обвиняли Грековъ во всевозможныхъ ересяхъ и расколахъ.

Посл. м-та *Льва* объ опрѣснокахъ. Времен. V. мат. 1—18. Стязанье съ *Латиною* м-та Георгія 1075 г. Ист. Рус. Ц. *Макарія, II*. пр. 221.

---

[1] Болгары держали магометанскую вѣру. См. Испытаніе вѣры в. кн. Владиміромъ.

[2] Это внушеніе преп. Өеодосія, чтобы помогать всякому иновѣрцу въ бѣдѣ, дышетъ высокимъ христіанскимъ чувствомъ.

270—281, стр. 140—154. 297—320. Посл. Іоанна II (1080—1088) къ папѣ Клименту III. Уч. Зап. Акад. III. 1—20. Пам. XII в. 205. Здѣсь оно напечатано съ ошибками, что видно изъ латинскаго текста, переданнаго Герборштейномъ. *О м-тѣ Іоаннѣ см Пол. Сбор. соч. Неволина. VI, 635.* Посл. м-та Никифора къ Владиміру Мономаху до 1121. Христом. Буслаева 1861, 901—7.

Противъ латинскихъ обычаевъ находятся замѣчанія въ »Житіи Антонія Римлянина«, а въ »Сказаніи о Довмонтѣ« рѣзко выражается презрительный взглядъ на всѣхъ иновѣрцевъ.

При чтеніи этихъ памятниковъ слѣдить за отличіемъ римско-католической церковной администраціи и дисциплины сравнительно съ греко-восточной церковью и выяснить особенности направленія той и другой церкви.

116. Избраніе Владыки 1193.

Преставися Гаврила архепископъ новгородьскыи, м. маія въ 24, на святаго Симена, иже на Дивнѣи горѣ, и положенъ бысть въ притворѣ св. Софія, посторонь брата, нареченаго въ чьрнецьствѣ Григоріи. И посемъ Новогородци съ князем Ярославомъ, и съ игумены и съ Софьяны и съ попы гадаша промежу себе, сіи хотяху поставити Митрофана, а иніи Мартуріа, а друзіи Гричина; и бысть распря въ нихъ. И положиша на святѣи трапезѣ тріе жребія, и послаша съ вѣча слѣпца, да, »коего намъ Богъ дасть,« — и выняся божіею благодатію Мартуріа, и послаша по него, и абіе привезоша его изъ Русѣ и посадиша во дворѣ св. Софіа. И послаша о немъ къ митрополиту, глаголюще: »постави намъ владыку«, — и присла по него съ великою честію; и иде съ предними (*знатными*) мужи, и пріа ихъ съ любовію князь Святославъ и митрополитъ, и поставиша й декабря 10, на память св. Мины и Ермогена. И пріиде въ Новъгородъ генваря въ 16, на спаденіе веригамъ св. Петра.

(1 Нов. 21).

117. Посланіе еп. Симона къ Черноризцу Поликарпу ок. 1225.

Брате, сѣди въ безмолвіи, събери умъ свой и рци къ себѣ: человѣче! Нѣси ли міра оставилъ еси и поплоти родитель, аще же и здѣ пришедъ на спасеніе, а не духовная творишь; что *ради* (*за чѣмъ*) *въ черническое имя облкся* (*облекся*) *еси? А не избавять тебе муки черныя ризы.* Се виждь, яко блажимъ (*величаемъ*) еси здѣ отъ князь и отъ боляръ и отъ всѣхъ другъ твоихъ, глаголють бо: »блаженъ есть, яко възненавидѣлъ есть міра и славы его, уже не печется ничимъ же земнымъ, небесныхъ желая.« *Ты же не мнишески живеши.* Великъ студъ (*стыдъ*) одержить мя тебе ради: аще же блажаще ны здѣ *варяють* ны (*считающіе насъ здѣсь блаженными предварятъ насъ*) въ царство небесное, и они въ покои обрящутся, мы же мучимы горько възопіемъ; и кто помилуетъ тя, самому себѣ погубившу?

Въспряни, брате, въспряни и попечися о своей души, работай господеви съ страхомъ и съ веякою смиреною мудростію. Да не *днесь кротокъ, утро яръ и золъ; вмалѣ молчаніе и паки ропътаніе на своего игумена и на того служители. Не буди лживъ, виною тѣлесною* (*подъ предлогомъ болѣзни*) *сбора церковнаго не отлучайся*; якоже бо дождь растить сѣмя, тако и церкви влечетъ душу на добрыя дѣла: все бо, елико твориши въ келіи, нивъчтоже суть, аще и псалтирь чтеши или обанадесять *(12)* псалма поеши, ни единому *Господи помилуй* подобится (*несравнится*) съборному пѣнію. О семъ, брате, разумѣй, яко верховный апостолъ Петръ, самъ церкви сый Бога жива, егда ятъ (*взятъ*) бысть отъ Ирода и всаженъ въ темницю, не отъ церкви ли бывающа

ва избави отъ руку Иродову?...
тъмъ *тексты св. Писанія*: *псал.*
4; *Мате. 21, 31; 18, 20*).
аще толикъ сборъ болѣ ста сбе-
, вѣруй, яко ту есть Богъ нашь.
того бо божественнаго огня тѣхъ обѣдъ
яется, его азъ желаю единоа крупи-
паче всего суща иже предо мною.
ѣтель ми есть Господь, яко нѣчемуже
неприсяглъ *(не прилѣплялся)* ко
брашну, развѣ четверти и гороху,
енаго на святую братію. Ты же,
, *не днесь похваляй лежащихъ*
трапезѣ и утро на варящаго и
служащаго брата ропщеши, и
старѣйшинѣ пакость творя, и
цешися мотылу (*пометъ*) ѣдый, яко-
ъ Патерици написано..... Терпѣ же,
, и досаженіа; *претерпѣвый бо до*
а спасется (*Мате. 24, 13*). Аще
ключитътися (*случится*) озлоблену
, и пришедъ нѣкто възвѣститъ ти,
онсица *потаза тя злѣ* ([1]), рци же
ѣстившему ти: аще и укори мя, но
ь ми есть и достоинъ бо есмь того,
себѣ же творить сего, но врагъ
тилъ (*навострилъ*) есть на се, да
ду сътворитъ между нами, Господь
а попереть (*уничтожитъ*) лукава-
брата же да помилуетъ. *Рече ми*
яко въ лице ми досади предо
ми; не пристрашенъ буди, чадо, о
, ни скоро подвигнися на гнѣвъ, но
поклонися до земля, а брату глаго-
прости мя, и исправи въ себѣ пре-
еніе, и всю силу вражію побѣдиши.
ли потязанъ спротивитися, сугубо
е) еси себѣ досадилъ. Ты ли болій
Давыда царя, емуже Семей досажа-
ъ лицѣ, единъ же отъ слугъ ца-
нестерпѣ: иду, рече, и отъиму гла-
го, почто песъ мертвый проклинаетъ господа (*господина*) моего? Но что же рече й Давыдъ къ нему: о сыну Саруинъ! не дѣй сего, да видитъ Господь смиреніе мое и въздасть ми Господь благая, клятвы его ради.

Помысли, чадо, и больша, како Господь нашъ смири себѣ, бывъ послушливъ съ смерти своему Отцу, *досаждаемъ не въ спрещааше*, (*1 Петр. 2, 23*); слышася: *бьсъ имаши*, по лицобіемъ и заушаемъ, оплеваемъ не гнѣвашеся, но и за распинаемая моляшеся, и тебе научилъ есть: »молите, рече, за враги своя и добро творите ненавидящимъ васъ, благословите клянущія вы.« *(Мѳ. 5, 44)*. Довольно же ти буди, брате, твоего круподушіа (*гордости*) ([1]) сътвореное дѣло; тѣмже ти плакатися подобаетъ да прощенъ будеши, яко оставилъ св. честный монастырь и св. отецъ Антоніа и Ѳеодосіа и св. черноризецъ, иже съними, и ялъся еси игуменити у св. безмезднику ([2]). Добрѣ еси сотворилъ, лишився таковаго начинанія пустошнаго, и не далъ еси плещу врагу своему, ибо вражіе желаніе погубити тя хотяше. Не вѣси ли, яко древо часто напаяемо скоро исшедъ (*засохнетъ)*, и ты отъ послушанія отча и братіи своей оставль свое мѣсто, въскорѣ хотяше погибнути; овча пребывая въ стадѣ невреженo будетъ, а отлучившееся въскорѣ погибнетъ и волкомъ изъѣдено будетъ. Подобаше ти преже разсудити, что ради въсхотѣлъ еси изыти отъ святаго и блаженнаго и честнаго и спасенаго того мѣста Печерьскаго, въ немъже дивившеся всякому хотяще спастися? Мню, брате, яко *Богъ сотвори се, не терпя твоея гордости и изверже тя*, яко

([1]) Вотъ онъ укорялъ тебя. Въ народѣ сохра-
 досел сл. *тазалъ*—ругалъ.

([1]) *Круподушіе* —щекотливость, противополагается въ древнихъ памятникахъ, *крѣпкодушію*— мужеству и терпѣні.

([2]) Въ монастырѣ безсребренниковъ Козьмы и Даміана.

же преже сатану со отступными силами, зане (*ибо*) невосхотѣлъ еси служити своему мужеви, своему господину, а нашему брату архимандриту Анкиндину, игумену Печерьскому.

Печерьскій монастырь морѣ есть, не держить въ себе гнилого, но измьщеть вонъ. А еже въписалъ ми еси досаду свою, лютѣ тебѣ, яко погубилъ еси душу свою. Въпрошаю тебѣ: чимъ хощеши спастися? Аще постникъ еси, или трезвитель о всѣмъ, и нощь безъ сна пребывая, а *досады не терпя, не получишь спасенія.* Но радуется о тебѣ игуменъ и вся братія, и мы вѣсть слышавше и вси утѣшихомся о обрѣтеніи твоемъ, *яко погиблъ бѣ—и обрѣтеся. Попустихъ же и еще твоей волѣ быти, а не игуменъ, въсхотѣлъ еси паки игуменити у св. Димитріа,* а не бы тебѣ принудилъ игуменъ, или князь или азъ. И се уже искусился еси. *Разумѣй, брате, яко не угодно Богу твое старѣйшиньство* и сего ради дарова ти оскрудѣніе очію, (*слабость зрѣнія*); то ты ни тако здрогнуся, идеже бѣ рещи: »благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, да научюся оправданіемъ твоимъ«. *Разумѣхъ тя санолюбца и славы ищеши отъ человѣкъ, а не отъ Бога.* Не вѣруеши, окаяннѣ, писанному: »никтоже о себѣ възметъ чести, но званный отъ Бога«; аще бо апостолу не вѣруеши, то ни Христу. Что отъ человѣкъ ищеши сану самъ, а не отъ Бога, *сущимъ же отъ Бога не хощеши повинутися и мыслиши высочайшія, идѣже древесе таковіи съ небесъ свержени быша. Азъ несмь ли, глаголеши, достоинъ увѣритися таковому сану? или хуждіи есмь чимъ иконома сего, или его брата спѣюща (приспѣвающаго кушанья)? Самъ не получивъ желанія мятешися, хощеши же часто исходити отъ келіи въ келію, и ту сваживатъ* (*ссорить*) *брата зъ братомъ, глаголя не полезная:* или мнить сій игуменъ и сій икономъ, яко здѣ токмо спастися възможно, а нами что ми не разумѣють. Сіи дьявольская начинанія, сіи точныхъ тебѣ изящьства! Аще ли и самъ кое предспѣяніе (*успѣхъ*) получише яко стати ти на высочайшемъ мѣстѣ, не забывай смиренныя мудрости, да егда прилучиться ся съ ступиши съ степени, и обращеши путь свой смирены, и не впадеши въ скорбѣ различныя. *Пишеть же ми княгини Ростиславая Верхуслава, хотящи тебе поставити епископомъ Новуграду на Онтоніево мѣсто, или Смоленску на Лазарево мѣсто, или Юрьеву на Олексіево мѣсто,* — »*аще ми и тысяща сребра расточити тебе ради и Поликарпа ради*«, — и рѣхъ ей: тщи (*дочь*) моя Анастасіе! дѣло небогоугодно хощеши сътворити; абы пребылъ въ манастыри неисходно съ чистою съвѣстію, въ послушаніи игумени и всея братіи, трезвяся о всѣмъ, то нетокмо бы въ святительскую одежу оболченъ, но и вышняго царьства достоинъ бы былъ. Ты же, брате, епископьству ли похотѣлъ еси? Добру дѣлу хощеши, но послушай глаголюща къ Тимоѳею Павла апостола, почеть разумѣеши, аще еси что отъ того исправилъ, какому подобаеть быти епископу. Аще бы ты былъ достоинъ таковаго сана, нѣ быхъ тя пустилъ отъ себе, но своима рука на намѣстнѣка тя поставилъ быхъ въ обѣ епископьи, Владимірю и Суздалю, якоже князь Георгій хотѣлъ, но *азъ ему възбранилъ, видя твое веледушіе* (*гордость*). Аще мене преслушаешися, кацѣй-любо (*какой-либо*) власти въсхощеши, или епископьству или игуменьству повинишися, буде клятва, а не благословеніе, и ктому не внидеши въ святое и честное мѣсто, въ немъже еси остриглъся, и *аки сосудъ непотребенъ будеши и извержень* и плакатися имаше много. *Брате, не то свершеніе* (*совершен-*

ств) *есть, еже славиму быти отъ всъхъ, но еже исправити житіе и чисто себе снабдети.* Отъ того, брате, Печерьского манастыря мнози епискони поставлени быша; яко же отъ самого Христа Бога нашего апостоли въ всю вселенную послани быша, такоже отъ того Матере Госпожа нашея Богородица великого манастыря тоя, мнози епископи поставлени быша въ всю Рускую землю. Первый Ростовскій священномученикъ Леонтій, его же Богъ прослави нетлѣніемъ, и се бысть первопрестольникъ, его же невѣрніи, много мучивше, убиша: и се третій гражанинъ небесный бысть Рускаго міра, съ онѣма Варягома вѣнчався отъ Христа, егоже ради убіенъ бысть. Иларіона м-та челъ есть самъ въ житіи св. Антоніа, яко отъ того постриженъ бысть, и тако священьства сподобленъ бысть. По сихъ же Николае, Ефремъ Переяславлю, Исаіа Ростову, Германъ Новуграду, Стефанъ Владимірю, Нифонтъ Новуграду, Маринъ Юрьеву, Мина Полотьску, Николае Тиуторокану, Өеоктистъ Чернигову, Лаврентій Турову, Лука Бѣлуграду, Ефремъ Суздалю. Аще хощеши вся увѣдати, почти лѣтописца старого ростовьскаго, есть бо всѣхъ болѣ 30, а еже потомъ и до насъ грѣшнихъ, мню, близъ 50. Разумѣй, брате, колика слава того манастыря, и постыдився покайся, и изволи си тихое и безмятежное житіе, къ нему же Господь привелъ тя. Азъ бы радъ оставилъ епископьство и работалъ игумену, но вѣси, кая вещь держить мя. И кто не вѣсть мене грѣшнаго епископа Симона и сея зборныя (*соборной*) церкви, красоты владимерьскія и другія суздальскія церкве, юже самъ создахъ? Колико же имѣета градовъ и селъ, и десятину збираютъ по всей земли той, и тѣмъ всѣмъ владѣетъ наша худость! Предъ Богомъ ти молвлю: всю сію славу и власть яко калъ (*грязь*) мнѣлъ быхъ, аще бы ми трескою (*пал*-*кой*) торчати за враты, или сметіемъ (*соромъ, что сметается*) валятися въ Печерьскомъ манастыри и попираему быти человѣки. Лучьши есть чести временныя день единъ въ дому божіа Матере, паче 5000 лѣтъ, въ немъ же волилъ (*изволилъ*) быхъ пребывати, паче неже жити ми въ селѣхъ грѣшничѣхъ.

(*Пам. XII в.*, *249—257*).

За тѣмъ остальная часть посланія Симона состоитъ изъ поучительныхъ разсказовъ о Печерскихъ подвижникахъ. Она помѣщается обыкновенно въ Кіево-печерскомъ Патерикѣ. Ист Рус. Цер. Макарія. III, 156—160.

118. Посланіе Константинопол. патріарха Германа II, 1228 г.

»Германъ, милостію божіею архіепископъ вьсея вселеныя, патріархъ, смиренный митрополитъ Ефеській Өеодоръ, смиренный м-тъ Кизическій Никифоръ, смиренный м-тъ Сардійскій Георгій, смиренный м-тъ Ясскій Өеодоръ, смиренный м-тъ Амастрійскій Никола, смиренный м-тъ Прускій Сергій.

Всеосвященный митрополите всея Руси, о Господи любимый брате и служебниче нашего смиренія, Кирлеонтѣ (*Кириллъ*)! Прииде во слухи нашего смиренія, яко нѣціи во Русской странѣ преже сицѣющым мужи нѣкія купящимъ и во рабьскому игу влекуще, аще и плѣнники нѣкія, потомъ учителемъ ихъ предающе, учити священныя грамоты и ученія священный возрастъ, возводятъ по чину ихъ ко священнодостоянію, ко епископомъ сихъ приводяще, но преже сихъ отпустивше работнаго ига (*изъ рабства*), яко же и поставленія священія совръшенія работнымъ (*рабамъ*) быти опят іереом рабіим именем безчествованном быти, иже, усыновленіе дарующии крещеніемъ вѣрующымъ.

Сей убо вослухи вонійде нашего смиренія и божественному священному собору, священнымъ митрополитамъ всѣмъ, и унынія и скрьби исполнены многы; иже отнюд дѣется во странѣ христіянстѣй сяковое безаконіе. Тѣмже братски пишемъ ко твоему священьству и еже под тобою боголюбивым епископомъ, да якож могуще, отсѣцѣте всяковое безаконіе и исправито прегрѣшеніе; но еже противная во едино сьшедшеся не можета. Тако бо аще рабъ по Бозѣ свобожденъ ходатай вѣрнымъ. И коликъ Господеви ходатай, иже господьствуя отъ ходатающаго. Павлу же, великому апостолу, не мните сице; не бо инако Онисима апостольскаго дарованья и сподобилъ, развѣ Филимоновыхъ отпустися рукъ. Мнозіи же священныхъ и бобожественныхъ правилъ и законъ безаконіе се отгонятъ отъ христіяньскаго бытія. И помянулъ быхъ и сяковое правило и законъ, аще быхомъ не писали к тебѣ, добрѣ вся вѣдущему. Унастрой убо благовремененъ и невремененъ, съ всѣми боголюбивыми епископы: обличите, запретите, молитеся, отлучите и отъ нашего смиренія священнаго собора, иже таковыя имѣюще прегрѣшенія, да не божественнымъ ругаются, да не честная безъчествуютъ; да ни единаго же от господь понудите на священіе привести работающихъ имъ. Аще ли хотят привести Богови жертву за свое спасеніе, да будет жертва во всесоженіе, душею и тѣломъ возложится Богови. Не убо могутъ Богови работати и мамонѣ. Аще ли не угодно будетъ се господствующымъ, да не имѣють своя рабы подручны себѣ. Вѣдомо же буди всѣмъ, иже от тебе, боголюбивымъ епископомъ, яже о сем, яко никогда же кого работнаго на священіе приводити; но преже отъ своего господина дасть ему списанную свободу, и чадомъ его. Мѣсяца мая, индикта во 1.

Приказывает же наше смиреніе, и о Дусѣ св. и съ нераздрушимемъ отлученіемъ, восѣмъ благочестивымъ княземъ и прочіим старѣйшиньствующим тамо, да огребаютъ отнудъ у церковныхъ монастырьскыхъ стязаній прочихъ праведныхъ ни подобаетъ от святительскыхъ судовъ распустивъ явѣ яко дѣвотлѣнія восхищенія. Сія бо душевныя сущая соблазны. Архіереом единѣм повелѣваемъ божествьніи священніи канони и законъ христіанскій сюдити и справляти. Тѣм призываемым ни, якож рекохом, огребатися от сихъ.

(*Ист. Рус. Ц. Макарія. III, 337—338. Кормч. Рум. Мус. № 233. л. 319—320.*)

119. Посольство папы къ Данилу князю Галицкому 1254.

Во Краковѣ бѣша послы папины, носяще благословеніе отъ папы и вѣнець и санъ королевства, хотяще видѣти князя Данила; онъ же рече имъ: »не подобаетъ ми видитися съ вами въ чюжей земли, нъ пакы«. Оттуда же пройде землю Судомирьскую и приде во градъ Холмъ, съ честью и со славою, въ домъ Пречистоѣ, падъ поклонися и прослави Бога о бывшемъ: не бѣ бо никоторый князь Рускый воевалъ землѣ Чешьскоѣ...

Въ лѣто 6763 (1255). Присла папа послы честны, носяще вѣнець и скипетръ и коруну, еже наречеться королевьскый санъ, рекый: »сыну, пріими отъ насъ вѣнець королевьства«. Древле бо то прислалъ къ нему пискупа Береньского и Каменецького, река ему: »пріими вѣнець королевьства«; онъ же въ то время не пріялъ бѣ, река: »рать татарьская не престаетъ злѣ живущи съ нами; то како могу пріяти вѣнець, безъ помощи твоеѣ«? Опиза же (Opiso—*легатъ римскій*) при-

де вѣнець нося, обѣщеваяся, яко »помощь имѣти ти отъ папы«; оному же одинако не хотящу, и убѣди его мати его, и Болеславъ и Семовитъ, и бояре ладьскыѣ, рекуще: дабы пріялъ бы вѣнець, »а мы есмь на помощь противу поганымъ«. Онъ же вѣнець отъ Бога прія, отъ церкве св. апостолъ и отъ стола св. Петра, и отъ отца своего папы Некентія (*Иннокентія*), и отъ всихъ епископовъ своихъ. Некентій бо кльняше тѣхъ хулящимъ вѣру грецкую правовѣрную, и хотящу ему сборъ (*соборъ*) творити о правой вѣрѣ о воединьи церькви. Данило же прія отъ Бога вѣнець въ городѣ Дорогычинѣ.

(*Ипат.* 190—1).

Папскую грамоту 1257 г. Даніилу Романовичу см. въ Hist. Russiae monumenta I, 84—5. До 40 папскихъ посланій по дѣламъ Ливоніи 1216—1240. Тамъ же № 4 и дал. Историч. документы о притязаніи папъ подчинить рус. церковь своей власти. Сынъ Отеч. 1847, IV. 1—20.

120. Изъ правила м-та Кирилла II на соборѣ Владимірскомъ 1274.

...Азъ Кюрилъ Смѣреныи митрополитъ всея Руси многа убо видѣниемь и слышаниемь неустроение (*въ*) церквахъ, ово сице държаща, ово инако, несъгласія многа и грубости или неустроениемь пастушьскымь (*пастырскимъ*), или обычаемь неразумия, или неприхождениемь епископъ, или от неразумныхъ (*непонятныхъ*) правилъ церковьныхъ. Помрачени бо бѣяху прежь сего облакомъ мудрости елиньскаго языка (1), нынѣ же облисташа, рекше истолкованы быша, и благодатью божиею ясно сияють, невѣдения тму отгоняще, и все просвѣщающе свѣтьмь разумнымь и от грѣхъ избавляюще тѣмь иже невѣдѣниемь; прочее Богъ да съхранить насъ, а грѣхъ да простить, а о прочихъ святыхъ правилъ да просвѣтит ны Богъ и вразумит ны, да никакоже преступающе отечьскыя заповѣди горе наслѣдуемъ. Кый убо прибытокъ наслѣдовахомъ оставльше божія правила? не расѣя ли ны Богъ по лицю всея земля? не взяти ли быша гради наши? не падоша ли силнии наши князи остриемь меча? не поведѣни ли быша въ плѣнъ чада наша? не запустѣша ли св. божия церкви? не томимы ли есмы на всякъ день отъ безбожьныхъ и нечистыхъ поганъ (*Татаръ*)? Си вся бывають намъ, зане не хранимъ правилъ св. нашихъ и препод. отецъ. Нынѣ же азъ помыслихъ съ св. съборомъ и съ препод. епископы, нѣкако о церковьныхъ вещехъ испытаніе извѣстньно творити. Приде бо въ слухы наша (*мы услышали*), яко *нѣцıи отъ братья нашея дьрзнуша продати священныи санъ и причитати* я *къ церквамъ, и взимати отъ нихъ нѣкыя урокы глаголемыя*, и забыша правила реченаго св. апостолъ и препод. отецъ нашихъ, да слышать ясно вси: »поставленыи намьздѣ, да изверженъся и поставлше его«... *Аще кто явиться от св. нашего собора, или игумена въ игуменьство, емля от него что, свящая на мьздѣ, рекомое „посошное“, или постризая лирьскаго попѣ на мьздѣ въ игуменьство, или попа поставляеть къ церкви емля у него что, да будуть извержени, ходатаиствующии да будуть прокляти* (1). Епископи же

---

(1) Прежде непонятны были книги греческія и переводы. Это выписано изъ Сербской Кормчей.

---

(1) Замѣчательно, что эта рѣзкая выходка относится къ вмѣшательству князей и вообще вліятельныхъ лицъ, какъ мы видѣли выше въ посланіи Симона къ Поликарпу.

егда хотять поставять попа или дьякона, да истяжють (*испытають*) житье его, како будеть имѣлъ житье преже поставленья, да призовуть знаемыя сусѣди, его же знають издѣтьска, якоже правило седмое глаголеть Феофила епископа Александрьскаго: да свѣдять поставленье вси священьници, аще единако смыслять, и тогда епископъ да испытаеть, и пришедшимъ свидѣтельствовавшимъ о немь, да поставленъ будеть. Поставление же втаинѣ не бываеть, но всѣмъ намъ вѣдомо будеть, еда како пришелець будеть иноя страны и утаивъ съгрѣшение украдеть священие..... а или въ лживѣ послушьствѣ былъ будеть, или убииство створилъ будеть, волею или нужею, или резовникъ (*берущій проценты*), или челяде друча (*томить прислугу*) голодомъ и наготою, страдою (*работой*) насилье творя, или дани бѣгая или чародѣець. Аще кто отъ преже реченыхъ сихъ винъ хотя единою ятъ будеть, таковыи не можеть быти попъ, ни дьяконъ, ни причетникъ.

...Не взимати же у нихъ ничтоже, развѣ якоже азъ уставихъ въ митрополии, да будеть се въ всѣхъ епископьяхъ, да възмуть клирошане 7 гривень от попьства и от дьяконьства от обоего. Аще ли кто по уставе нашемь болѣ сего емля от дьякона, ли от попа, или от игумена, или от проскурницѣ, и от *нищихъ насилье дѣюще; или на жатву, или сѣна сѣчи, или провозъ дѣяти, или иная нѣкая сборное емлюще* ([1]), *или намѣстеники поставляющии на мьздѣ, или десятиньника, или егда божественныя съборы собирая тогда нѣкако сбиранье сбирають от властель церковьныхъ, или скареднаго дѣля прибытька отлучають нѣкыя от церкве, не божия дѣля закона, нъ своего ради прибытка, или угодья нѣкоего дѣля.....* Пакы же увѣдѣхомъ бѣсовьская еще държаще обычая треклятыхъ Елинъ, въ божествьныя праздьникы позоры нѣкакы-бесовьскыя творити, съ свистанием, и съ кличемъ и въплемь съзывающе нѣкы скаредныя пьяница, и бьющеся дрьекольемъ до самыя смерти и взимающе от убиваемыхъ порты (*платье*). На укоризну се бываеть божиимъ праздьникомъ и на досажение божіимъ церквамъ. Паче о семь досажають нашему Спасу и Заступу (*заступнику*), иже насъ избави от проказы смертныя и от тугы (*тягости*) дьяволя... Пакы обрѣтохомъ *въ предѣлѣхъ новгородьскыхъ, дьяконы емлющи божествьныи агньць, и преже поповъ проскурмисание творяще, и потомь пришедшемъ попомъ послѣ проскурмисати..... Понѣже увѣдѣхомъ въ тѣхъ же странахъ неродьство творяще, бещенье* (безчинство) *святительско, упивающеся без мѣры въ св. пречистыя дьни постеныя, от свѣтлыя недѣлѣ вербьныя до всѣхъ святыхъ, яко не быти божествьному приношению, ни божествьнаго крещения до всѣхъ святыхъ.....* Пакы же увѣдѣхомъ въ тѣхъ же странахъ, яко *нѣции не священии освѣщають приносимая къ церкви плодоносия, рекше крупы или кутья за мертвыя;* повелѣваемъ от сего времени таковому не быти, ни от дьяконовъ да не освящено... Аще кто изъобращеться по сихъ правилѣхъ *бещенье* творя, да изгнани будуть от св. божиихъ церквъ, а убиении да будуть прокляти въ сии вѣкъ и въ будущии. Аще нашему законоположению противяться, то ни приношения отъ нихъ примати, рекше просфоры, и кутьи, ни свѣчи. Аще и умреть, то над нихъ ни ходть иерѣи и службы за нихъ да не творять, ни положити ихъ близъ божіих церквъ. Аще которыи попъ дерзнеть что

(¹) Т. е. если будетъ заставлять работать на себя что—нибудь, какъ бывало, вѣроятно, прежде.

створити над ними, да будеть чюжь своего сана.

(*Рус. Дост. I, стр. 107—117*).

(См. также: опис. Рум. Муз. 221. Чтен. общ. ист. и древн. 1847 г. № 8. Смѣсь.

121. Изъ поученія Кирилла м-та Кіевскаго до 1280.

Слышите убо отцы о Господѣ, архіерейскій и священноиноческій и иерейскій преподобный и священный соборе, к вамъ ми слово сказати предлежить. Понеже вы нарекостеся по благодати данней вамъ отъ Бога, и по апостольскому завѣщанію, земныи ангели и небесныи человѣци, и свѣтъ и соль земли, якоже глаголеть божественное писаніе... Тѣмъ же убо, о *иерее, сохраните убо себе отъ скверныхъ сатанинскихъ всякихъ дѣлъ*, яко же глаголеть Златоустъ: отвержте отъ себе пьянство и объяденіе, лишитеся тяжбы, сваровъ, вражды и хулы на друга своего, и скверннаго маденманія, клятвы и лжи, скупости и ненависти и лукавства. Сему внимайте, сему учитеся, сему другъ друга понужайте, како бы вамъ не порочнымъ стати на страшномъ и грозномъ судѣ во второе пришествіе христово, егда будетъ судити всей вселеннѣй, и како слово воздати объ людехъ коемуждо въ паствѣ своей. Того ради всяко попецытеся о своемъ спасеніи, и образъ себе сами собою показуйте во всякомъ благочестіи, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославять Отца нашего, иже есть на небесѣхъ. Вамъ бо есть слово воздати о стадѣ своемъ. Аще бо кто единаго отъ сихъ изгубить паствы своея небреженіемъ, не все ли свое спревратилъ есть спасеніе, и не лучше ли сему, яко да обяжется жерновъ осліи на выю его, и погрузится въ мори; души бо единыя отъ человѣкъ недостоинъ весь міръ: како иже многи души соблазнивый отъ васъ, не имать погрузитися во огни негасимомъ въ геенѣ. Простецъ бо согрѣшивый, за свою едину душу отвѣтъ дасть Богу, иерей же за многихъ. Тѣмъ же слышите и Іоанна Златоустаго и усрамитеся его реченія, еже рече: *Горе вамъ вожди слѣпіи, оставльше слово божіе и чреву служаще, ихъ же Богъ чрево, и слава ихъ въ студѣ, иже млеко и волну отъ стада емлюще, а о овцахъ не пекущеся, о нихъ же слово имате воздати въ великій день оный*... Къ сему же, о иереи, божественная писанія любите и въ нихъ поучайтеся, писании бо прочитаніе небесемъ есть отверзеніе. *Мнози убо не прочитаніемъ книгъ съ праваго пути совратишася*, вы же убо избирайте разумѣнія отъ божественныхъ писаній, якожъ добрая пчела пребывающи на цвѣтахъ и отъ нихъ взимающи, былія же оставляющи. *Ложныхъ же книгъ не почитайте*, и отъ еретицъ уклоняйтеся, и общенія съ ними не имѣйте, а буесловцемъ и сквернословцемъ и во всяческихъ богохульникомъ, не отъ божественныхъ писаній и суетная и ложная глаголющимъ, яже на пагубѣ правовѣрныхъ душамъ, устіе заграждайте и возбраняйте, отъ писаней святыхъ слово прінмше. Иже убо кто отъ васъ нѣсть чему въ разумѣ достиженъ (*чего не понимаетъ*), той искуснѣйшаго вопрошаетъ...

Блюдите и чадъ вашихъ, иже родившихся отъ васъ... Челядь свою наказуйте страху Божію, и голодомъ не морите, ни наготою не томите, но любите ихъ, яко своя уды, или яко Христосъ насъ всѣхъ, тако же творите; дѣти своя духовныя наказуйте (*учите*). И аще сохраните сія вся завѣщанная, то Бога вор-

веселите, и ангелы удивите, и молитва ваша услышана будетъ отъ Бога, и земли нашей отъ иновѣрныхъ бесерменскихъ странъ облегчится, и милость божія на вся страны рускія земли умножится, и пагуба и тли (*уничтожение*) плодомъ и скотомъ престануть, и гнѣвъ божій утолится, и народы всея рускія земли въ тишинѣ и безмолвіи поживуть, и милость божію получать въ нынѣшнемъ вѣцѣ, паче же въ будущемъ... Се уже видимо, любимія, кончина міру приближися и урокъ (*конецъ, уреченное*) житію нашему приспѣ, и лѣта сокращаются, и уже мало время житія нашего вѣка сего видѣти. Якоже Господь во евангеліи сице (*рече*): »Востанеть бо языкъ на языкъ и царство на царство, и страна на страну, и царь на царя, и князь на князя, и сильный на сильнаго«... И вся сія збышася...

(*Чт. общ. Ист. и древн. Рос. 1847 г. № 8, Смѣсь*).

См. также: Приб. къ. твор. св. От. 1843 г. № 4; 1851 г., I, 414 — 432; Правосл. Собес. 1859, I, 244.

Очень не удивительно, что Кириллъ преувеличилъ недостатки духовенства, когда подъ вліяніемъ Татарскаго владычества было строгое обличеніе неправды, какъ причины плѣна Россіи.

Кириллу также приписываютъ Посланіе къ сыну в. кн. Александра, Поученіе в. к. Василію и нѣсколько другихъ словъ, сохранившихся въ Мѣрилѣ Праведномъ 1350. Обзоръ рус.. литер. Филарета 52. Прав. Собес. 1861, III. 467.

О недостаткахъ жизни духовенства можно встрѣчать факты еще въ Прав. м-та Іоанна до 1089; въ Сл. Заточника, въ Сл. Серапіона о кончинѣ міра, въ поуч. м-та Петра п. 1308.

122. Ярлыкъ хана Узбека 1313.

Вышняго и безсмертнаго Бога волею, и силою, и величествомъ, и милостію Его многою. Азбяково слово, всѣмъ нашимъ

княземъ великимъ и среднимъ, и нижнимъ, и сильнымъ воеводамъ, и вельможамъ, и княземъ нашимъ удѣльнымъ, и *дорогамъ* славнымъ, и полчнымъ княземъ высокимъ и нижнимъ, книжникомъ и уставодержательникомъ, и учительнымъ и людскимъ повѣстникомъ, и избирателемъ, и баскакомъ и посломъ нашимъ, и гонцемъ, и даньщикомъ и писцомъ нашимъ, и мимоѣздящимъ посломъ, и ловцомъ нашимъ, и сокольникомъ, и пардусникомъ, и всѣмъ людемъ высокимъ, и нижнимъ, и малымъ, и великимъ, нашего царства, по всѣмъ нашимъ странамъ, по всѣмъ нашимъ улусамъ, гдѣ Бога безсмертнаго силою наша власть держитъ и слово наше владѣетъ: да никтоже обидитъ (*на Руси*) соборную церковь Петра митрополита, и его людей и церковныхъ его; да никто же взимаютъ стяжаній, ни имѣніемъ, ни людемъ; а знаетъ м-тъ Петръ въ правду и право судитъ, и управляетъ люди своя въ правду; и въ чемъ ни буди— въ разбои, и въ поличномъ, и въ татбѣ, и во всякихъ дѣлахъ—вѣдаетъ Петръ м-тъ единъ, или кому прикажетъ; да вся покорятся и повинуются м-ту, вся его церковныя причты по первымъ изъ начала закономъ ихъ, и по первымъ грамотамъ нашимъ, первыхъ царей великихъ грамотамъ и дефтеремъ; да не вступаются въ церковное митрополичіе никтоже, занеже то божіе есть все; а кто вступаются, а нашъ ярлыкъ и наше слово преступитъ, той Богу есть повиненъ, и гнѣвъ на себя отъ Него пріиметъ, а отъ насъ ему казнь будетъ смертная. А м-тъ правымъ путемъ пребываетъ, и тѣшится, да правымъ сердцемъ, и правою мыслію своя вся церковная устрояетъ, и судитъ, и вѣдаетъ, или кому повелитъ таковая вѣдати и управляти. А намъ въ то не вступатися ни вочтоже, и дѣтемъ нашимъ, ни всѣмъ княземъ нашимъ нашего царства, и всѣхъ нашихъ странъ, и всѣхъ нашихъ улусовъ; да не вступаются никто

ничѣмъ въ церковная и въ митрополича, ни въ грады ихъ, ни въ волости, ни въ села ихъ, ни во вякіе ловли ихъ, ни въ борти ихъ, ни въ земли ихъ, ни въ луга ихъ, ни въ лѣсы ихъ, ни во грады ихъ, ни въ волостныя мѣста ихъ, ни въ винограды ихъ, ни въ мельницы ихъ, ни въ зимовища ихъ, ни въ стада ихъ во конскіе, ни во всякіе скотьскіе стада ихъ, ни въ вся стяжанія и имѣнія церковная. И люди, и вся причты ихъ, и вси законы ихъ уложеныя старыя отъ начала ихъ, то все вѣдаетъ м-тъ, или кому да прикажетъ, да небудетъ ничтоже перечинено, или порушено, или кѣмъ изобижено. Да пребываетъ м-тъ въ тихомъ и кроткомъ житіи, безъ всякіе голки (*непріятныхъ притязаній*), да правымъ сердцемъ и правою мыслію молитъ Бога за насъ, и за наши дѣти, и за наше племя. Мы бо такоже управляемъ и жалуемъ, якоже прежніе цари ярлыки имъ давали, и жаловали ихъ; а мы по тому же пути и тѣми же ярлыки жалуемъ ихъ, да Богъ насъ пожалуетъ. А мы божія брежемъ и даннаго Богу не взимаемъ; а кто взимаетъ божіе, и тотъ будетъ повиненъ, а гнѣвъ божій на него же будетъ, а отъ насъ будетъ казненъ смертною казнію, да то видя иныя въ боязни будутъ. А поѣдутъ наши баскаки, таможники, даньщики, поборщики и писцы, по симъ нашимъ грамотамъ, какъ наше слово молвило, да будутъ всѣ соборные церкви цѣлы митрополичи, никѣмъ ни отъ кого не изобижены вся его люди, и вся его стяжанія, какъ ярлыкъ имѣетъ, и архимандриты, и игумены, и попы и вся его причта церковныя, ничѣмъ никто да не будетъ изобиженъ. Дань ли на насъ емлютъ, или иное что ни буди: тамга ли, поплужное ли, ямъ ли, мытъ ли, мостовщина ли, ловитва ли кая ни буди наша, или егда на службу нашу съ нашихъ улусовъ повелимъ рать сбирати, гдѣ восхотимъ воевати, — а отъ соборныя церкви Петра м-та никтоже не взимаетъ, и отъ всихъ людей, и отъ всего его причта; тѣ бо за насъ Бога молятъ, и насъ блюдутъ, и наше воинство укрѣпляютъ. Кто бо того и преже насъ не вѣдаетъ, что бога безсмертнаго силою и волею живутъ всѣ, и воюютъ? то всѣ вѣдаютъ; и мы, Богу моляся, по первыхъ царей грамотамъ грамоты имъ давали жалованые, а не изыначиваемъ ни въ чемъ: какъ то было преже насъ, тако молвя, и наше слово уставило по первому пути, которая дань по первому пути наша будетъ, или запросы наши накинемъ, или поплужное, или послы наши будутъ, или кормы наши, или коней нашихъ, или подводы, или кормъ пословъ нашихъ, или нашихъ дѣтей, или царицъ и кто ни есть, и кто ни буди, и да не вземлютъ, и да не просятъ ничтоже; и что возмутъ, и они назадъ дадутъ третицею; и аще будетъ взялъ за нужду великую, а отъ насъ имъ будетъ не кротко, а наше око тихо на нихъ не смотритъ. А что будутъ церковные люди, ремесленицы кои, или писцы, или каменныя здатели или древодѣлные, или иные кастеры каковы ни буди, или ловцы, каковаго лова ни буди, или сокольницы, а въ то наши да не вступаются никто, и на наше дѣло не емлютъ ихъ, и пардусники наши, и ловцы наши, и сокольницы наши, и побережницы наши да не вступаются въ нихъ, и да не взимаютъ ихъ, ни у нихъ дѣлныхъ ихъ орудій. А что законы ихъ, и въ законѣ ихъ церкви, и монастыри ихъ, и часовни ихъ, да не вредятъ ихъ, ни хулятъ ихъ; а кто учнетъ вѣру осуждати ихъ и хулити, тотъ человѣкъ не извинится ничѣмъ же, и умретъ злою смертію. А что попы и діаконы, единъ хлѣбъ ядуще и во единомъ дому живуще, у кого братъ, или сынъ, и тѣмъ по тому же пути наше пожалованіе. Еже кто будетъ отъ нихъ не выступилъ, а м-ту не служитъ а живетъ себѣ, тотъ именемъ поповскимъ да не отнимается, но даетъ дань; а попы, и діа-

коны, и причты церковные пожалованы отъ насъ по первой нашей грамотѣ и стоятъ молящеся за насъ Богу правымъ сердцемъ и правою мыслiю; а кто учнетъ не правымъ сердцемъ о насъ молитися Богу, то грѣхъ на немъ будетъ. А кто будетъ попъ, или дiаконъ, или причетникъ, или церковные иные люди кто ни буди, откуды ни есть, митрополиту похотятъ служити, и о насъ Богу молитися, что будетъ о нихъ у м-та въ мысли, то вѣдаетъ м-тъ. Такъ наше слово учинило, и дали есмы Петру м-ту грамоту сiю для крѣпости ему, да сiю гртмоту видяще и слышаще вси людiе, и вси перкви, и монастыри, и вси причты церковные да не преслушаютъ его ни въ чемъ, но послушни ему будутъ по закону ихъ, и по старинѣ, какъ у нихъ изстари идетъ. Да пребываетъ митрополитъ правымъ сердцемъ, и безъ печали, и безъ скорби всякiя, Бога моля о насъ и о нашемъ царствiи. А кто вступится въ церковное и митрополичiе, и на того будетъ гнѣвъ божiй, а по нашему великому наказанiю и истязанiю не извинится ничимъ же, и умретъ злою смертiю казнiю. Такъ ярлыкъ нашъ, такъ молвя слово наше учинило, таковою данною крѣпостiю утвердило. *Заячьего* лѣта, осенняго перваго мѣсяца четвертаго *ветха* на поляхъ писана и дана«.

(*Ист. гос. рос. Карамзина IV, пр. 245; Собр. гос. грам. II, № 7*).

Кругъ лѣтосчисленiя у монголовъ,—такъ же, какъ у восточныхъ Турокъ,—состоялъ изъ 12 лѣтъ: 1-й годъ назывался *мышью*, 2-й *быкомъ*, 3-й *рысью* и *барсомъ*, 4-й *зайцемъ*, 5-й *крокодиломъ*, 6-й *змiемъ*, 7-й *конемъ*, 8-й *бараномъ*, 9-й *обезьяною*, 10-й *курицею*, 11-й *псомъ* 12-й *свиньею*. Мѣсяцъ раздѣлялся у нихъ на дни *старые* и *новые*, какъ свидѣтельствуютъ ярлыки. Здѣсь сказано: »четвертаго *ветха*;« а въ другомъ: »въ 8 нова.«

123. Ярлыкъ, данный Тайдулою м-ту Θеогносту 1333.

По Зенебѣкову ярлыку, Тайдулиново слово ординскимъ улуснымъ княземъ, i волостнымъ и огороднымъ и сельскимъ дорогамъ, i таможникомъ, и побережникомъ, и мимохожимъ посломъ, и кто на каково дѣло поидетъ, ко всѣмъ пошлинникомъ. Отъ давныхъ добрыхъ временъ i доселе, что зовутся богомолцы i весь поповскiи чинъ, тѣмъ не надобе ни которые пошлины, занеже самому Богу молится за насъ i за наше племя в родъ и родъ и молитву воздаютъ. Такъ молвя Θеогнаста м-та царь пожаловалъ со алою тамгою ярлыкъ далъ, i мы первыхъ ярлыковъ не изыноча, такожъ молвя Θеогносту м-ту с мишенемъ грамоту дали есмя, и како онъ сѣлъ в Володимере молится за Зенебѣка царя i за наши дѣти молитву воздаетъ, а пошлина ему не надобе, ни подводы, ни кормъ, ни запросъ, никаковъ даръ, ни почестье не воздаетъ никакова, ни люди его; а земли его i воды, ни огородовъ, ни виноградовъ, ни мелницъ, и что ни будетъ церковное, кто ни будетъ нашихъ, не замаютъ (*не трогаютъ*), ни силы не творятъ надъ ними, ни iстомы никакои i не отъимаютъ у нихъ ничего; iли гдѣ станутъ, да не емлютъ у нихъ ничего. Такъ есмя молвили; а кто паки безпутно силу учинитъ какову, iли пошлину замыслитъ, тотъ смертiю умретъ. I ты, Θеогностъ м-тъ, возмолвишъ, что такъ есми пожалованъ, а которые к тебѣ не причастни огороды, винограды, воды, земли, а надъ тѣми какову неправду учинишъ, i ты самъ вѣдаешъ, каковъ отвѣтъ даси Богу i тотъ грѣхъ на тебѣ, а за насъ молитву воздавай Богу. Тако молвя на утверженiе мишененую грамоту дали есмя *заечьего лѣта*, арама мѣсяца *въ 8 нова*, а жа-

лобу положилъ Танобога, о Кхоча Мухтарѣ, учагуи Карапчиі писали.

(*О достовѣрн. ханскихъ ярлыковъ. Григорьева. 1842*).

Ярлыки выдавали ханы, начиная съ Батыя, по крайней-мѣрѣ въ Ип. лѣтоп. подъ 6763 г. сказано, что какой то владѣтель Кременецкій въ 1255 г. говорилъ: «Батыева грамота у мене есть». Ярлыки называются также *мишенными* грамотами отъ сл. мишень—мѣтка, знакъ, печать при грамотѣ.

124. Дѣйствія митроп. Өеогноста.

Въ лѣто 6835 (1327 г.) в. кн. тферьскій Александръ Михаиловичъ изби Татары на Тфери, великихъ пословъ, Шевкала князя бесерменскаго и дружину его, хотящу ему сѣсти во Тфери на княженіи, а иная князья бесерменская посажати по городомъ по рускимъ; хотяше привести христіаны въ бесерменскую вѣру (¹), а кн. Александра и братью его побити. И съзва кн. Александръ Тферичь, нарекъ (*призвавъ*) Бога и рекъ тако: »братья, мужи Тферичи! уповаемъ на милость божію, и стояніемъ дому св. Спаса (²), и молитвою св. госпожа Богорица честнаго ея Успенія (³), и молитвою св. новоявленною мученику Бориса и Глѣба земля Рускія; не я почахъ избивати, но онъ; да будетъ отместникъ Богъ крови отца моего и брата моего, зане пролья кровь Михаилову и Дмитреву праведну (¹), егда и мнѣ се же хощеть съ творити и вѣру нашу въ бесерменство превратити«?—и поиде на Шевкала. Онъ же слышавъ Александра идуща, и изыде противу и съступишася восходяшу солнцю, и бысть сѣча зла, и бишася чрезъ весь день, и уже къ вечеру и одолѣ кн. Александръ; а Шевкалъ побѣже на сѣни (*крыльцо высокое*), и зажже кн. Александръ отца своего дворъ и сгорѣ, а Шевкалъ ту же сгорѣвъ пропаде. И тогда же бяше боголюбивый кн. Александръ юнъ верстою (*юнъ возрастомъ*), съ вершенъ умомъ, цѣломудренъ душею, подъ имя мало дружинѣ и поѣхавъ во Псковъ градъ; и Псковичи его пріяша честно, и крестъ къ нему цѣловаше, и посадиша его на княженіе. И на 3-е лѣто вложи оканный врагъ діаволъ въ сердце княземъ рускимъ взыскати кн. Александра, повелѣніемъ окаяннаго царя Возбяка (*Узбека*): и подъяше всю землю Рускую, и пріѣхавше къ Новугороду, и подъяше Новогородцовъ и всю область новогородскую отъ Бѣла-озера и отъ Заволочья и отъ Корѣлы. И ставше у Новагорода, послаша послове во Псковъ, Луку Протасьева съ дружиною, а отъ Новагорода владыку Моисея, и тысяцкого Авраама, и Өедора посадника; и рекоша кн. Александру: »поѣди, господине, въ орду, не погуби крестіанъ отъ поганыхъ«. Боголюбивый же князь хотѣ поѣхати въ орду за вся крестіаны. И рекоша Псковичи: »не ѣзди, господине, въ орду; оже что будеть на тобѣ, изомремъ, господине, съ тобою во единомъ мѣстѣ«. И догадашася князь Иванъ, оже не выняти кн. Александра, ни выгнати ратію, и намолви (*научилъ*) м-та Өеогноста; и посла митрополитъ въ Псковъ проклятіе и отлу-

(¹) Конечно, это мнѣніе современниковъ составилось изъ ненависти къ Татарамъ, которые были всегда весьма вѣротерпимы, что ясно видно изъ ихъ ярлыковъ.

(²) Церковь св. Спаса была главною и патрональною въ Твери.

(³) Подобныхъ выраженій много въ древнихъ памятникахъ, но онѣ странны на нашъ взглядъ, хотя понятны въ устахъ древнихъ книжниковъ.

(¹) Здѣсь князь вспоминаетъ страдальцевъ за Русскую землю—отца своего Михаила и брата, убитыхъ въ Ордѣ.

ченіе на кн. Александра и на весь Псковъ ([1]). Боголюбивый же князь Александръ рече Псковичемъ: »братья мои и друзи мои! не буди на васъ проклятія ни отлученія мене ради; ѣду изъ града вашего вонъ, не буди на вашего цѣлованія на мнѣ, ни моего на васъ, толико цѣлуйте крестъ на княгини моей, како вамъ не выдати«. И Плесковичи цѣловаше крестъ, и выѣха кн. Александръ изъ Пскова пословію съ Псковичи, не мога трьпѣти проклятія и отлученія, зане кн. Александръ добретою и любовію въ сердци Псковичемъ. Тогда бяшеть во Псковѣ туга (*тягота, горе*) и печаль и молва (*споры*) многа по боголюбовомъ кн. Александрѣ. И послаша Псковичи послове къ кн. Ивану, Селогу посадника, а съ нимъ Олуферья Мандыевича, Ѳомицю Дорожининича, Явила Полуектовича, Андрѣя попа св. Николы: аже онъ стоитъ у града у Вопоки; а хоженіе его отъ Новагорода до Опоки 3 недѣли, не хотя Псковичь розгнѣвити. И Селога посадникъ, и Олуферей, и Ѳомица, и Явило, и Андрѣй попъ правиша слово псковское: »князь Александръ изо Пскова поѣхалъ прочь; а тобѣ господину своему князю в. весь Псковъ кланяется отъ мала и до велика, и попове и черньци и черници, и сироты и вдовици, и жены и малыя дѣти«. Боголюбивый же кн. Иванъ услыша отъ псковскихъ пословъ, оже Александръ изо

([1]) Это весьма замѣчательное явленіе и рѣдкое въ Русской исторіи: 1, оно показываетъ сильное развитіе самодержавной власти князя, который распоряжается митрополитомъ и чрезъ него достигаетъ политическихъ цѣлей. 2, Въ XIV в. власть духовная становится не заправляющей дѣлами, а рядомъ и въ связи съ свѣтской властью. 3, На Западѣ проклятія посылались постоянно, гдѣ папа присвоилъ себѣ и свѣтскую и духовную власть, а у насъ это было большимъ исключеніемъ. 4, Отлученіе сильно дѣйствовало на народъ въ средніе вѣка, какъ въ Россіи, такъ и во всѣхъ христіанскихъ странахъ.

Пскова выѣхалъ, и кончаша *миръ вѣчный* съ псковичи по старинѣ, по отчинѣ и по дѣдинѣ; и благослови м-тъ Ѳеогнастъ и владыка Моисей Селогу посадника и весь Псковъ. И потомъ кн. Александръ, бывъ полтора года въ Литвѣ, и пріѣхаше въ Псковъ ко княгини; и пріяша его Псковичи съ честью, и посадиша его во Псковѣ на княженіи.

(П. С. Лѣт. IV, 185—186; также 50—52).

125. Грамота м-та Ѳеогноста 1353.

Благословенье Ѳеогноста митроп. всея Руси къ дѣтямъ моимъ къ баскакомъ и къ сотникомъ, и къ игуменомъ, и къ попомъ, и ко всѣмъ крестьяномъ Черминого Яру и ко всѣмъ городамъ по великую Ворону. Молюся Богови, да будете душею и тѣломъ добри здорови. Вѣдайте, дѣти занеже многожды рѣчи и мятежь былъ промежи двѣма владыками, рязанскимъ и сарайскимъ, про передѣлъ тъ (*ту границу епархіи*), и послалъ бы язъ къ вамъ игумена своего, да разсмотрить по правдѣ, чій передѣлъ будеть; и по того же игумена послушьству далъ есмь былъ громоту владыцѣ сарайскому Афонасью: нынѣ же пріѣхалъ ко мнѣ владыка рязанскій съ крылошаны своими ([1]) и привезлъ ко мнѣ громоту брата моего, Максима м-та, а 2-ю грамоту брата моего, Петра м-та, и управливають (*оправдываютъ*) владыку рязанскаго, и велять ему держати всего передѣла того по великую Ворону; и явилъ ми и 3-ю грамоту владыки сарайскаго Софонья, какъ тъ (*тотъ*) ся отступилъ того передѣла,

([1]) Съ пѣвчими и вообще людьми служащими съ нимъ.

что ся ему не вступатися: занеже не сарайскій передѣлъ, но рязанскій. И си вся язъ нынѣ видѣвъ, расудилъ есмь по тѣмъ грамотамъ братьи моей митрополитовъ, что держати владыцѣ рязанскому передѣла того всего по великую Ворону. И оже быхъ переже сихъ грамотъ видѣлъ, ни игумена быхъ не посылалъ извѣдывать (*узнавать*), ни грамоты быхъ сарайскому владыцѣ не далъ. И нынѣ есмь ту грамоту отложилъ, а грамотъ братьи своей м-товъ не могу порушити. Итого дѣля (*ради*) нынѣ пишу къ вамъ и явно створяю (*объявляю*), какъ по тѣмъ грамотамъ братьи моей м-товъ управливаю владыку рязанскаго, ать (*да*) вѣдаеть передѣлъ тъ весь, и далъ есмь владыцѣ рязаньскому Кирилу грамоту правую, какъ и братья моя дали м-ты, и вы имѣйте къ нему любовь и всяко послушанье и покоренье, и исполнивайте все, елико (*что*) глаголѣть вамъ душеполезная и спасительная; а что будеть церковная пошлина, а то ему давайте, по давному обычаю. А милость божья и св. Богородици и мое благословенье да будеть съ вами.

(*Ист. гос. рос. IV, пр. 362*).

126. Повѣсть о Митяи архимандритѣ послѣ 1380.

По представленіи иже въ святыхъ отца нашего Алексѣя м-та всея Русіи, взыде на степень его нѣкоторый архимандритъ, именемъ Михаилъ, нарицаемый *Митяй* (*уменьшит. имя*), здѣ же незнаемо нѣкако и странно, облечеся въ санъ митрополичь, възложи на ся бѣлый клобукъ, и манатію съ источники и скрижалми, и перемонатку митрополичю и посохъ, и просто рещи во весь санъ ми-

трополичь самъ ся постави. Прежде бо сего в кн. Дмитрій Ивановичь просилъ того у Алексіа м-та, дабы благословилъ Митяя по своемъ животѣ на митрополію; онъ же не хотяше того створити, понеже новоуку ему сущу въ чернечествѣ, якоже апостолъ глаголеть: подобаеть епископу непорочну быти и не новоуку, да не развеличався въ сѣть впадеть діаволю. Князь же в. много о семь нуждаше митрополита: овогда самъ приходя, овогда же боаръ старѣйшихъ посылаа къ нему, дабы сътворилъ волю его, благословилъ бы Митяя на митрополію; Алексѣй же м-тъ, умоленъ бывъ и принуженъ, и ни тако посули быти прошенію его, но навѣстуя святительски и старчески, паче же пророчьски, рече: »азъ не доволенъ благословити его, но оже дасть ему Богъ, и св. Богородица, и пресвященный патріархъ и вселенскій съборъ«. И бысть на немъ зазоръ отъ всѣхъ человѣкъ, и мнози негодоваху о семь, и священници негключимоваху (*досадовали*) о немъ, понеже еще не поставленъ сый вселенскимъ патріархомъ, но самъ дръзну на таковый превысокый степень, и на дворѣ митрополичѣ живяше, и въ всемъ сану его хожаше, казну же и ризницу взя, и боаре служахуть ему, и отроци предстояху ему, и вся елика подобаеть митрополиту, тѣмъ всѣмъ обладаше; и нача въоружатися на игумены и на священники и на черноризцы, епископи же и прозвитеры въздыхаху отъ него глаголюще: »воля господня да будеть«. Взыскати же и распытывати о семъ, кто есть намѣстникъ сей Митяй, откуду бѣ, и что ради дръзновеніе таково и власть имяше. Бысть убо сей Митяй родомъ Коломнятинъ, саномъ же попъ, единъ отъ сущихъ тамо коломенскихъ поповъ, взрастомъ высокъ, тѣломъ не малъ, плечистъ, рожаистъ (*породистъ*), браду имѣя плоску и велику и съвръшену, словесы речистъ, гласъ имѣя красенъ, грамотѣ гораздъ, пѣти гораздъ,

чести горазд, отъ книгъ сказати горазд, всѣми дѣлы поповскими изященъ и по всему нарочитъ бѣ (*знаменитъ былъ*). И того ради избранъ бысть изволеніемъ в. князя въ отечьство и въ печатники, и бысть Митяй отецъ духовный князю в. и всѣмъ боаромъ старѣйшимъ, еще же и печатникъ (¹). И пребысть въ таковѣмъ чину и въ таковѣмь устроеніи много лѣтъ, дондеже състарѣся старецъ Іоаннъ, нарицаемый Непейца, архимандритъ Спаскій, иже остави архимандритію въ старости глубоцѣ и сниде въ кѣлію молчанія ради; и тогда взысканіе бысть кому быти по Непейцы архимандриту у Спаса, и въпрьвыхъ помяненъ бысть Митяй, сего въсхотѣ князь в. архимандритомъ у Спаса, еже и бысть въскорѣ. Въсхищенъ бысть, аки нуждею, Митяй на постриженіе и приведенъ бысть въ церковь св. Спаса, и призванъ бысть ту отъ Михаилова чюда архимандритъ, именемь Елисей, нарицаемый Чечетка, и абіе постризаеть Митяа въ чернци, и не токмо въ чернци, но и въ архимандриты. И ту бяше (*видѣти*) дива полно: иже до обѣда бѣлецъ сый, а по обѣдѣ архимандритъ; иже до обѣда мірянинъ, а по обѣдѣ инихомъ началникъ и старцемъ старѣйшина, и наставникъ, и учитель, и вождъ и пастухъ! И пребысть Митяй въ архимандритехъ яко два лѣта. По преставленіи же Алексѣя м-та, оставль архимандритію, на пребольшій санъ устремися, повелѣніемъ в. князя на превысокій степень взыде, и творяше все, еже достоитъ митрополиту, по всей митрополіи, и съ поповъ дань сбираше, зборное же и рожественое, оброки же и пошлины, то все взимаше, гововяся на митрополію и пристраяшеть себѣ все сущаа, къ путному шествію потребнаа къ Царюграду на поставленіе. Но того лѣта не поиде,

(¹) Хранитель печати, въ родѣ секретаря у князя.

хотяше поставитися на Руси въ епископы сущими епископы въ Руской земли. Сице же ему умысливщу, и въ единъ отъ дній бесѣдуетъ Митяй къ в. князю, глаголя: »почтохъ правила св. отецъ и обрѣтохъ сице въ нихъ: ако достоитъ сшедшимся епископомъ, елицы обрящутся 5 или 6, да поставятъ епископа, — и нынѣ аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, да повелитъ дръжава твоя съ скоростію снитися епископомъ, сущимъ въ Рустѣй земли подъ областію государьства твоего, и сшедшемся поставятъ и мене въ епископы«; князь же в. Дмитрій повелѣ тако сему быти. Сшедшимъ же ся епископомъ и ни единъ же отъ нихъ дрьзну рещи противу Митяю, но токмо Діонисій епископъ суждалскій по многу възбрани князю в. глаголя: »не подобаше сему тако быти«. Митяй же видя себе осрамлена и умышленіе его бездѣльно бысть. Нѣцыи же отъ малоумныхъ навадиша Митяю на Діонисіа, а Діонисію на Митяя; Митяй же осуди яко виновата Діонисіа, и посла къ нему, рече: »что ради, о епископе, пришедь въ градъ сей не пріиде ко мнѣ преже всѣхъ, ни поклоними ся, ни благословеніа потребова отъ мене, но яко небрегома створи мя; не веси ли, кто есмь азъ, яко имѣю власть въ всей митрополіи«? Діонисій же рече: »да на мнѣ не имащи власти ни единоя же; тебѣ подобаше (паче) пріити ко мнѣ, и благословитися и предо мною поклонитися: азъ бо есмь епископъ, ты же попъ, то кто болій есть, епископъ ли, или попъ«? Митяй же рече: »ты мя попомъ нарече, а язъ въ тобѣ ни попа доспѣю, а скрижали (¹) твои своими руками спорю, но не нынѣ мщу тебѣ, но егда пріиду изъ Царяграда«. И многи распрѣ бывши ме-

(¹) Скрижали на мантіи архіерейской дѣлаются на плечахъ изъ лентъ въ видѣ четвероугольниковъ.

жи ими. Пребысть же Митяй на Москвѣ намѣстникомъ лѣто и 6 мѣсяцъ, и оттолѣ начатъ Діонисіе помышляти къ Царюграду; се увѣдавъ Митяй и възвѣсти в. князю, да запрѣтитъ Діонисію. Князь же великій отънудъ възбрани ити ему къ Царюграду, да не сътворитъ пакости, ниже которые споны (*препятствія*) Митяю, дондеже въ митрополитехъ пріидетъ, и повелѣ Діонисіа нуждею удръжати; и держимь бѣ Діонисіе въ крѣпости, преухитри сице в. князя глаголя: »ослаби ми и отпусти мя въ своей воли жити, а уже къ Царюграду безъ твоего слова не иду, а на томъ на всемъ поручаю тебѣ по себѣ игумена Сергіа«. Князь же великій послуша моленіа его, и отпусти Діонисіа на томъ словѣ яко не ити ему къ Царюграду, но ждати до году Митяевы митрополіи. Діонисій же ни съ недѣлю не помедли, но вскорѣ (побѣжаніемъ) побѣже къ Царюграду изъ своей епископьи изъ Новагорода Нижнего Волгою къ Сараю, обѣтъ свой измѣнивъ, а поручника свята выдавъ. Митяй же большее себѣ оправданіе пріатъ, и дрьзновеніе стяжа, и поношеніе на Діонисіа и негодованіе.

Князь же в. Димитрій зѣло любяше Митяа, и въ сласть послушаше его, и егда уже къ путному шествію Митяй устремляшеся, и тогда дрьзну просити у в. князя паче мѣры прошеніа, глаголя: »аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, да дай ми харатью (*бумагу, грамоту*) не написану, а подписану и запечатану твоею печатію в. князя, да възму съ собою на запасъ, да егда что ми будетъ надобѣ заняти сребра тысячю или колико въ оскудѣніи или въ нужи, да напишу си въ ней«; и сътвори князь в. по прошенію его и дасть ему такую харатію, глаголя: »да егда что ти будетъ надобе, то се ти буди и кабала (¹) моа съ печатію«.

(¹) Кабальная грамота въ родѣ векселя или контракта.

И поиде Митяй къ Царюграду, въ лѣто 887 (1379) по суху; въ тоже время и Діонисій поиде по Волзѣ къ Сараю. Поиде Митяй съ Москвы на Коломну, а съ Коломны за Оку рѣку перевезеся къ Рязани, м. іюля 26 день. И проводиша его честно самъ князь в. зъ бояры старѣйшими, такоже и епископи, и архимандриты, и игумены, и попове, и діакони, и черньцы и множество народа, и провождьше его възвратишася; съ нимъ же поидоша къ Царюграду: тріе архимандриты, Іоаннъ Петровскій, и сей бысть первый общему житію начальникъ на Москвѣ,- Пиминъ переаславской, Мартинъ коломенскій, Дороѳей печатникъ, Сергій Озаковъ, Степанъ Высокой, Антоній Копіе, Макарей игуменъ съ Мусолина, Григорей спаскый діаконъ, Александръ протопопъ московскій, Давыдъ протодіаконъ Даша, и крилошане володимирскіе, и люди дворные, и слуги пошлые (¹) митрополичи, и казна и ризница. Бояринъ же бѣ отъ в. князя Юрій Василіевичь Кочевинъ Олешинскій, тоже и посолъ его, тому и старѣйшинство приказано; а митрополичи боаре: Ѳеодоръ Шолоховъ, Іоанъ Ортеміевичь Коробьинъ, Андрѣй братъ его, Невѣръ Барминъ, Степанъ Ильинъ Кловыня, а толмачь (*переводчикъ*) Василей Кусковъ, а другій Буйло, и бысть ихъ полкъ великъ зѣло. И пройдоша всю землю рязаньскую, и пріидоша въ мѣста половечскаа, въ предѣлы татарскіа, и уже проходящимъ имъ орду, и атъ (*взятъ*) бысть Митяй Мамаемъ, и немного дрьжавъ его, паки отпусти й; и прешедше землю Татарскую, пріидоша къ морю Кафинскому, и ту въ корабль всѣдоша; и бысть уже преплавающимъ имъ пучину морскую, яко и Царь бѣ градъ видѣти, тогда внезапу разболѣся Митяй, и

(¹) Слуги пошлые— старинные люди, на владѣніе которыми есть грамоты.

не всего себѣ приносяще Богу, часть же своимъ похотемъ работающе, ихъ же обрящетъ болшее томленіе, якоже силну сущу Богу душу и тѣло и погубити? Иже въ мнишьскый св. образъ одѣяни, и въ монастырѣхъ сущимъ, и ни словомъ лѣть рещи: се твое, а се мое, или сего и оного; ибо 5000 суще простьци и вся обща имяху, никто же свое ему быти вѣща: болѣ паче въ общемъ житіи, въ монастыри не нарицати: а се мое. Кдѣ же суть отъ плевелъ сѣющаго діавола възрастъша въ общемъ житіи, глаголемая итарица, недостоитъ нарицати общимъ, но разбойникъ сѣдалища, и священнокраденіа и всеа злобы непріязнъны здѣльници. Сего бо ради наречется общее житіе, да все обще имуть, и ни единому имѣти діавольска начинанія и своя попеченія, пакостнаа и безумнаа, яко иже во св. В. Василій глаголеть: »яко имѣяй въ монастыри свое что въ келіи, велико или мало, чюжаго себе Божія церкви створи, и господни любве такожъ чюжъ есть: полѣзнѣе убо есть съ малыми разумными жити, неже съ многими безщинными, преобидящи заповѣди господня«. *Нынѣ же впадшаа въ сія великаа съгрѣшенія, и прежереченнаа правила св. Отець преступльшаа невѣдѣніемъ*, аще начнутъ каятися достойно и обѣщаются въ та же великоа съгрѣшеніа не впадати, азъ смиренный архіеп. Діонисій суждальскый, съ благословеніемъ всесв. патріарха, прощаю. Отселѣ, по повеленію всесв. патріарха вселенскаго, въ честнѣмь семь монастыри св. Богородица, на Снѣтной Горѣ, уставихомъ ти, въ монастыри семъ честнѣмъ, ничто же своего, ни игумену, ни братіи, но все отдати Богу и св. Богородици въ монастырь: *ни ѣсти въ келіи ни пити, не у келаря просити; а келарю не дати, ни клучнику не дати никому же ничесоже безъ игуменова слова; ѣсти же и пити въ трапезѣ вкупѣ всѣмъ*; опричь же трапезѣ ни ѣсти, ни пити, ни какожъ, ни до обѣда ни по обѣдѣхъ; а *допіана никакожъ не пити*. А въ церкви по правилу и по уставу св. отець да поютъ. А на службу идѣже аще пошлетъ мниха, безъ ослушенія да идетъ; а *безъ благословенія игуменя никакожъ не ходити ни куды*. Послушаніе же и покореніе имѣти во всемъ игумену: *аще кто въпреки начнетъ глаголати игумену и въздвигати начнетъ свары, запертъ таковый да будетъ въ темници, дондеже покается;* а непокориваго мниха, по 1-мъ и 2-мъ и 3-мъ наказаніи, выженутъ его изъ монастыря, да не вдадутъ ему отъ внесеннаго въ монастырь ничтоже. Се же отъ многа мало писахомъ вамъ; а прочее же обращете въ книгахъ св. В. Василія Кесарійскаго и св. Ефрема, и св. Ивана Лѣствичника, и св. Ѳеодора Студійскаго и прочихъ св. отець, о послушаніи и о смиреніи и прочихъ добродѣтелѣхъ, яже свершивше, милость божію получите и св. Богородица, и благословеніе всесв. патріарха вселенскаго, и она будущаа блогаа, яже уготова Богъ любящимъ Его. Приде же въ слухи наша и се, яко ктиторъ сего честнаго монастыря, рекше, создатель, создавъ сій монастырь и братью совъкупивъ, и уставъ въ веде св. Отець, общее житіе, яже многымъ наказаніемъ извѣстивъ и клятвами утвердивъ, еже есть на спасеніе душамъ человѣчьскымъ, пребывающимъ въ монастыри семъ честнѣмъ, и всѣмъ христоименитымъ людемъ на пользу и похвалу, пребывающимъ въ богохранимомъ семъ градѣ Пьсковѣ: се азъ, поновляя, пишу на утверженіе сей грамотѣ, яко кто дерзнетъ помышлити, благое се уставленіе превратити лукавымъ обычаемъ, будетъ подъ тягостію отлученія пресв. патріарха вселенскаго.

(*Акты Историч. I*, № *5*).

128. Избраніе архіепископа 1388.

Съиде Алексѣй владыка съ владычьства, на преполовленіе праздника владычня, по своей воли, въ монастырь св. Въскресенія на Деревяницю, своего ради нездравія, благословивъ своихъ дѣтей весь В. Новъгородъ; сѣдѣвъ 30 лѣтъ безъ лѣта и безъ 5 мѣсяць, изволи молчалное житіе, въ немощи будя. Посадникъ же Есифъ Захарьиничь, съ мужи старѣйшими, биша ему челомъ и много молиша и всѣмъ Новымгородомъ о томъ, чтобы еще побылъ въ дому св. Софьи, »дондеже извѣдаемъ, кто будетъ митрополитъ Руской земли«. Онъ же не послуша ихъ и отречеся отъинудъ, глагола имъ: »дѣти! на мене ся не надѣйте; а васъ благословляю, добывайте собѣ владыкы«. Новгородци же рекоша: »кого, отче, благословиши намъ на свое мѣсто святителемъ«? Алекей же благослови, рекъ: »изберите собѣ 3 мужи достойны, да положите 3 жребія на св. трапезѣ (*на престолѣ*) въ имена написавше, да который Богъ дасть вамъ, того вамъ благословлю«. И волею божіею, а по святителеву благословенію, много гадавъ посадникъ и тысяцкой, и весь Новгородъ, и игумены и попове, и створиша тако, не изволиша бо собѣ отъ человѣкъ избраніе сътворити, но отъ Бога пріяти извѣщеніе, и уповаша на милость Его, кого Богъ дасть, того знаменаеть; и избраша 3 игумены, и сътвориша 3 жребья: въ 1-й написаша игумена св. Спаса съ Хутынѣ Ивана, Перфурьева сына, а въ 2-й Пареенія игумена изъ Благовѣщеньского монастыря, Сидорова сына, а въ 3-й Аеанасья игумена Рожественьскаго. И посадникъ Михаилъ Даниловичь самъ жребья печаталъ, и положиша на престолѣ въ св. Софьи, утвердивше слово таково: »его же въсхощеть св. Софѣя премудрость божія своему престолу служебника имѣти, того жребій да оставить на престолѣ своемъ«. И начаша ереи съборомъ литургію пѣти, а Новгородци стояша вѣчемъ у св. Софьи; и по отпѣтьи св. службы, протопопъ Измайло796 вземъ съ престола изнесе на вѣче жребій Аеанасьевъ, и потомъ Пареееньевъ, а Ивановъ остался на престолѣ, по божію изволенію и по даннѣй благодати, изволи Богъ служителя собѣ и пастуха словесныхъ овець Новугороду и всей области его (1). И възлюбиша вси Богомъ назнаменана и избранна мужа, блага и кротка, тиха и смирена и зѣло боящася Бога; и народъ весь отъ мала и до велика течаху на Хутину, и пояша его, и введоша и честно на сѣни, въ владычень дворъ; Алексѣй благослови его въ свое мѣсто своею рукою. А се бысть на Вознесеніе господне, въ четвертокъ, м. мая 7.

(*П. С. лѣт. IV, 95—96*).

По монастырямъ въ древнее время игумена выбирали сами иноки. См. Житіе Антонія Римл. и о кіевопечерс. инокахъ. По свидѣтельству Герберштейна въ прежнее время и Митрополита выбирали на соборѣ изъ епископовъ и игуменовъ разныхъ монастырей; потомъ выборъ сталъ зависѣть отъ в. князя Московскаго. См. выше въ повѣсти о Митяи.

129. Изъ посланія константинопол. патріарха Антонія Псковичамъ 1388 — 1395 г.

Патріархъ Антоній, милостію божіею архіепископъ Костянтинаграда, новаго Рима, и всеесеньскый патріархъ. О боголюбивый епископе В. Новаграда и прочихъ предѣлъ, ты же благородный посадникъ и тысяцькый и всѣ бояре, и священници и иноци, и вси людіе христоименитіи

---

(1) А при выборѣ владыки въ 1229 г. посылали вынимать жеребій княжича Ростислава и онъ вынулъ жеребій Спиридона. П. С. Лѣт. 1, 220.

господин! Смиреніе наше и божественный и священный съборъ, яже о васъ промысляюще, по долгу своему же, вездѣ вселеныя крестіаны не престаеть еже писати и учити о вѣрѣ, елика къ миру и спасенію ихъ· сего ради съ многымъ въвести потщаніемъ и прилежаніемъ, еже Рускаго многочеловѣчьскаго наказати и умирити многыхъ и великыхъ съблазненій, предварившихъ завистію лукаваго бѣса. Понеже възвѣщено ми бысть о васъ, моему смиренію и всему священному събору предсѣдящу, о преже варившихъ (*предварившихъ*) въ васъ ересѣхъ, яже суть расколы (¹), занеже съблазнитеся во время оного Карпа, діакона отлученаго отъ службы, стриголника (*разстригу*), и глаголете: *не достойни суть презвитери по мьздѣ поставляеми, недостойно отъ нихъ причащатися, ни каятися къ нимъ, ни крещеніа отъ нихъ пріимати*. Но мы не мало смутихомся и оскорбѣхомъ о семъ, вѣдуще душевную бѣду, въ ню же впадосте, и недоумѣхомъ лукаваго бѣса ковнемь его, и удивихомся, и въ иныя вложе паки насъ искушеніа. Сего ради, посла наше смиреніе и великый съборъ боголюбиваго архіеп. суздал. Діонисіа къ вамъ съ грамотами, мужа честна и благочестива и добродѣтельна, и священныхъ канунъ (*правилъ*) извѣстна хранителя, да видить вы отъ насъ и благословить вы, и поучить и покажеть, и съвокупить вы вси сборнѣй и апостольстѣй церкви: да увѣсте (*узнаете*) вси, яко отлучаяся отъ церкви, самого того христа отлучается; нѣсть имъ участіа, ни жребіа священныхъ отъ него, ни въ семъ вѣцѣ,

(¹) Ересью [illegible] отступленіе отъ догматическаго ученія Христіанскаго, а расколомъ—не [illegible] за обрядную внѣшность Христіан

ни въ будущемъ... (¹). Исправите же убо и вы себе, стриголница, наипаче еретици, увѣдѣвше, въ кое зло впадосте: покоритеся презвитеромъ вашимъ и покайтеся въ нихъ же съгрѣшисте, и отступите отъ ересей своихъ. Азъ бо глаголю се, отець вашъ, патріархъ: съедините ся въ благое, въ смиреніе и любовь къ ереомъ, слугамъ божіимъ; въздадите церкви божіи должное покореніе. И понеже нѣсть грѣха, побѣжаа человѣколюбіе божіе, и аще исповѣсте въ нихъ же съгрѣшили есте, и просите прощеніе и милосердіе отъ служьбниковъ св. церквій,—и Богъ... простить вамъ вся елика съгрѣшисте. Аще бо се небудеть отъ васъ съ крушенымъ сердцемъ и смиренымъ, но пребудете даже и до конца несмирени, въ первомъ непокорьствѣ вашемъ и жестосчествѣ: и никто же отъ васъ разрѣшить васъ, еже на васъ възглашено отлученіе. И аще кто, възмя рѣчь на презвитеры, расколъ учинить кто отъ крестіанъ, проклять да будеть...

Злохытрьствомъ и лжавыми словесы прелстилъ діаволъ родъ человѣчь, и тѣмъ древа животнаго удалихомся. Сътворивый же насъ Богъ, неизреченными щедротами подаде намъ причащеніе св. пречистыхъ таинъ, истиннаго животнаго брашна, еже снѣдъ, живу быти въ вѣкы. И нынѣ діаволъ непрестаеть прелщая родъ человѣчь: тогда бо отпаде самъ славы божіа и отдалися отъ древа животнаго; нынѣ же отъ службы отлучена и отъ церкъви изгнана Стриголника въздвиже на правовѣрную вѣру; и *оклеветалъ весь вселенскый съборъ, патріарховъ и митрополитовъ и епископовъ, и игуменовъ и поповъ и весь чинъ священны, и глаголеть, яко не по достоянію поставляеми; и таковою*

(¹) Ссылки на священное писаніе и на правила св. отцовъ я выпустилъ для удобнаго чтенія.

виною прельщаху худоумныя, отлучаху отъ причастія св. пречистыхъ животворящихъ таинъ христовыхъ, и пуще зміиныя прелести постави прелесть: зміа бо прелести, вно смертію умираютъ; а сею прелестію въ муку вѣчную идуть... Стригольници же, противници Христу, повелѣваютъ, яко отъ древа животнаго, отъ причащенія удалятися..... *показа имъ писаніе книжное, еже списа, на помощь ереси своей, дабы чимъ уставити народъ на священникы*, уподобляяся оному Корею и Дафану и Авирону, иже вставиша на Моисея и на Арона, глаголюще: *освященіи приносити Богу теміанъ, и мы такожде священници есмы*; и отлучиша народъ 200 и 50 въ слѣдъ себе... и разгнѣвався на ня Господь Богъ, и повелѣ земли зинути (*зіять, разступиться*) и пожрети я съ женами и съ дѣтми ихъ, и снидоша живи въ адъ; а оставшихъ огнемъ съжже... Такоже и нынѣ Стригольници, ни священія имуще, ни святительскаго сана, *сами ся поставляють учители народомъ, отъ тщеславіа и высокоуміа*, и слушающая ихъ съводятъ въ погыбель. Христосъ Богъ Спасъ нашъ избра 12 учениковъ и сія апостолы постави, помолився Богу и Отцу, възложи на ня рукы своя и повелѣ имъ учити народы... Сами апостолы взяша рукоположеніе отъ Христа Сына Божіа, и тоже рукоположеніе даша патріархомъ и митрополитомъ и прочимъ священникомъ. По тому правилу, и доселѣ избираютъ патріарси и митрополиты въ которую ждо область и наставляютъ патріарха, а патріархъ съ митрополиты поставляетъ митрополита; митрополитъ съ епископы поставляетъ епископа, а епископъ съ попы и діяконы поставляетъ попы и діаконы: и тако достоитъ намъ имѣти всякого священника, яко апостола христова. Егда священникъ службу служить, тогда имѣти его яко Христа въ Сіонѣ и съ ученикы вечеревавша, и тако достоитъ причаститися отъ рукы его, яко отъ рукы христовы вечеревавша. И не разсужай и не распытовай о ѣреи божіи, аще достоинъ или ни... Смотрите же, Стригольници паипаче же еретици, како ти апостолъ Павелъ рече, себе расмотрѣти, а не ѣрея божіа. Или речеши: *недостойніи суть духопродавци?*

Христосъ, вѣдый Іюду, хотяща предати его на вечери, отъ трапезы, не осуди его преже суда; а ты кто еси осужаяй чужего раба? Своему господеви или стоить или падеть: силенъ Богъ въставити его. Рцѣте, еретици, гдѣ хощете попа взяти себѣ? Аще глаголете: *недостоинъ есть патріархъ, и недостойни суть митрополити; то по вашему нынѣ слову, ни единого нѣсть попа на земли*, аще бо который, нищеты дѣля, позна себе, безъ даровъ церковныхъ поставленъ есть. Но мыслію и вѣрою исповѣдаемся и веи причащаемся къ соборнѣй и апостольстѣй церкви; а его же митрополита освятить намъ патріархъ, того веи чтемъ яко христова намѣстника, такоже и епископъ въ коемъ ждо градѣ и области презвитеры, яко апостолы христовы. *Вамъ же гдѣ есть поставити попа, по своей окаанной вѣрѣ?* Не приде бо христосъ второе въплотитися на землю, ни снидеть ангелъ освятити вамъ попа; аще бы вамъ ангелъ освятилъ попа, то и тому не подобаетъ вѣровати, по апостолу Павлу, рекшему: »аще ангелъ вамъ благовѣститъ паче проповѣданнаго, еже пріасте, проклять да будетъ«. *Како дързнусте уничижити святителя проторы (издержками) церковными, еже взимаютъ у поставляющихся, урокъ церковный*, по апостолу Павлу глаголющу: »церковникъ церковію питается и олтарници съ олтаремъ съдѣляются«?...

Аще вы, Стригольници и еретици, праведници мнитеся, не слышите ли

апостола глаголюща: »аще речемъ, грѣха не имамъ, лжемъ и истины нѣсть въ насъ«? Завѣстію бо (*под*)стрѣкаеми *вы, Стриголницы, въстаете* (*возстали*) *на святыхъ и на поповъ, сами себѣ хотяще честь прехватити*. Изучисте словеса книжная, яже суть сладка слышати крестіаномъ, и поставистеся учители народомъ. А не помянусте слова христова, еже рече: »не входяй двериы въ дворъ овчій, — но пролязя инуду (*въ другомъ мѣстѣ*), тать есть и разбойникъ«.

Всякъ бо неимѣя поставленія святительска, учити понушаяся, и учителя укорити, сей не двериы вшелъ есть. Тати и разбойници убиваютъ человѣкы оружіемъ; а вы, Стригольници, убиваете человѣкы разумно смертію, удаленія ради отъ пречистыхъ таинъ тѣла и крови Христовы, Христу Богу глаголющю: »аще кто не снѣсть плоти Моея, ни піеть крови Моея, не имать свѣта ни живота (*жизни*)...

Глаголютъ Стриголници о нынѣшнихъ святителѣхъ и о попѣхъ: недостойны тѣхъ службы, яко ..... имѣніемъ възимаютъ у христіанъ подаваемое имъ приношеніе, и за живыя и за мертвыя; а не разумѣють окаанныи, еже достойно пріимати отъ подавающихъ милостыню: самъ бо Христосъ въ домъ Закхеевъ вниде обѣдать и подаваемая пріимаше. Аще бы не пріялъ Христосъ ни отъ кого же имѣнія, чимъ бы ученици шли купить хлѣбовъ въ градъ самарейскый, егда сѣдѣ Христосъ на кладязи? И кое бы сребро носилъ Іюда въ ковчежцѣ? И по взнесеніи Христовѣ, апостоли проповѣдающе имя христово, пріимаху отъ приносящихъ: мнози бо продааху села и стяжанія, и цѣны ихъ полагаху предъ ногами апостолскими; Ананія же уиятъ (*взявъ, утаивъ*) отъ цѣны села, злѣ умре съ женою своею Самфирою предъ ногами апостола Петра. Апостоли бо приимаху отъ приносящихъ, и подаваху отъ того требующимъ; и сами оттолѣ стяжаху себѣ пищу и одѣніе: не камена имъ тѣлеса бѣяше. Вы же, еретици Стриголници, укарнете ядущихъ и піющихъ святителевъ и поповъ, рекуще, »яко *Жидове христови, трутни*, глаголюще: *си человѣкоядци суть и винопивци, друзи мытаремъ и грѣшникомъ*«; а вы, еретици, тако глаголете: *сіи учители піаници суть, ядятъ и піютъ съ піаницами, и възимаютъ отъ нихъ злато и сребро и порты (платье), отъ живыхъ и мертвыхъ; и такыми злыми словесы окаанными прельщаете народъ*. И аще будутъ, по вашему слову, недостойни святители и попове, но помяните слово господне, еже рече: »на престолѣ Моисеовѣ сѣдоша книжници и фарисіи; все еже глаголють вамъ творити — творите, по дѣломъ же ихъ не творите; глаголють бо вамъ, а не творятъ«. *Вы же Стриголницы, почитающе св. еуангеліе*, то слово преступаете, которое речено: »покоряйтеся учителемъ«; а *которое самъ Христосъ изреклъ ученикомъ, то почитаете на укоръ священникомъ*, а неразумѣя слова Христова реченнаго въ св. еуангеліи: »что видиши сучецъ въ очеси брата своего, а у себе бръвна не чюеши? Изми, лицемѣре, первѣе бръвно изъ очесе своего« ...

И пакы речено бысть: »да просвѣтится свѣтъ вашь предъ человѣкы и да видять дѣла ваша добра, и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ«. Се же слышавше, не мнимъ, яко предъ человѣкы добродѣтелію не велѣно намъ хвалитися... Вы же, Стригольници, глаголете, еже Павелъ повелѣ и простому человѣку учити: тогда бо вси невѣрни быша, а не вамъ еретикомъ то речено бысть; како *вы нынѣ правовѣрныхъ христіянъ смущаете, Святители и церкви божіи преобидѣли*. Не боитеся въ Манаконѣ (1) писаннаго: »всякъ иже учитъ

(1) *Номоканонъ*— собраніе церковныхъ правилъ, отъ греч. *номос*—законъ, *канон* — правило.

приобидѣнѣ быти церкви божіи, да будеть проклять«. Вы, Стригольници, уловляете христіанъ тѣмъ словомъ, еже Христосъ рекдъ апостоломъ: »не имайте влагалища, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ«. Предъ страстію же своею, рече имъ: егда послахъ вы безъ влагалища и безъ мешца, требовасте ли чего? Они же рекоша къ нему: не требовахомъ ничтоже; рече имъ Іисусъ: нынѣ же имѣйте влагалища и мѣхъ (*мѣшокъ*).« Аще повелѣ Христосъ держати влагалище и мѣхъ ученикомъ, то позорно ли держати влагалище и мѣхъ? *Аще ли речете еретици: се много събираете имѣніа; то не вы, Стриголници судите имъ*: судятся отъ Бога, или отъ болшаго святителя. *Что ся твориши главою, нога сый; овча будя, пастухомъ творишися?* А не слушася Григоріа Богослова, рекшаго: »овци не пасти пастуховъ«. Еще же и сію ересь прилагаете, Стриголници, *велите къ земли каятися человѣку, а не къ попу*... Св. отци уставиша духовныхъ отець, да исповѣдаются имъ крестіани... Духовному отцу да исповѣдаеть грѣхы своя человѣкъ, и духовный отець отъ грѣха того престати повелить, и противу грѣха того въдасть ему епитемью понести; того дѣля ему Богъ отдасть грѣха того. А кто исповѣдается къ земли, то исповѣданіе нѣсть ему въ исповѣданіе; земля бо бездушная тварь есть, и не слышить и не умѣеть отвѣщати, и не въспретить съгрѣшаемымъ. Того дѣля, не подасть Христосъ Богъ прощеніа грѣховъ къ земли касающемуся. *Сію бо злую сѣть положи діаволъ Карпомъ діакономъ, что не велѣлъ каятися къ попомъ, дабы отъ поповъ честь іерейскую отъялъ, еже далъ Христосъ вязати и разрѣшати грѣхы.* Самъ бо Стригольникъ связанъ бысть и отлученъ отъ церкви, своея дѣля ереси; того ради иныхъ въ ту неисповѣданую погыбель ведеть. Еще въ животѣ своемъ уразумѣлъ то, оже тѣло его не будеть погребено съ псалмы и пѣсньми; того дѣля почалъ людемъ глаголати: *не достоить надъ умрѣшими пѣти, ни поминати, ни службы творити, ни приноса за мертвыя приносити къ церкви, ни пировъ творити, ни милостыни давати за душю умершаго.* Діаволъ отпаде ангелскаго сана; того дѣля многы люди прельщаеть, дабы не единаго свелъ въ погыбель: тако и Стригольници, связани бывше, инѣхъ въ свой съузъ неправедный привлачають, дабы не едини связани на небеси и на земли, и отлучены отъ соборныя церкви, злыя ихъ ереси ради. Въ апостольскыхъ бо правилѣхъ писано есть, творити память по умершихъ; такоже и св. отци уставиша въ всякой службѣ поминати усопшихъ, и понахида по нихъ пѣти, и кануны заупокойныя уставиша; а по еретицѣ же не повелѣша никако приношеніа приносити, ни заупокой поминати его...

Въ печерѣ кыевьской Антоніевѣ единъ инихъ умре въ гресѣхъ и положенъ бысть въ пещерѣ; злый смрадъ исхожаше изъ него, и явлено бысть о немъ: повелѣ игуменъ изврещи псомъ на снѣдь, послѣди же молитвами св. Антоніа и Θеодосіа и прочихъ святыхъ, положенныхъ въ печерѣ той, и ту сущихъ живыхъ въ монастыри томъ св. отець молитвами, отслана бысть злая таа его воня и преложися на благоуханіе; се бысть знаменіе ослабѣ его. Мы, живіи, того дѣла, сътворяемъ молитвы за мертвыхъ; того ради Богъ повелѣ молитву творить другъ за друга. Христосъ Богъ нашь имѣеть власть и по смерти влещи въ муку или пощадѣти. Слава великому человѣколюбію его и праведному суду. Подобно есть христіаномъ слышати слова христова: »блюдитеся отъ книжникъ хотящихъ ходити въ одежахъ овчихъ, внутрь суть волци и грабители; отъ плодъ ихъ познаете я«.

А еретици, Стриголници нѣцiи, безумни, глаголютъ: »си не грабятъ имѣнiа, не сбираютъ«. Фарисiи тацiи же бѣша: постишася двожды на недѣли, весь день не ядуще; мытари же, грѣшници, съ исповѣданiемъ придоша къ Христу и спасошася...

Такови же бѣша и вси еретици, постници, молебници и книжници, лицемѣрници, предъ людьми чисти творящесь: аще бо бы нечисто житiе ихъ видѣли люди; то кто бы вѣровалъ ереси ихъ? Или бы не отъ книжнаго писанiа глаголали, кто бы послушалъ ихъ? Но въ книжномъ писанiи сами еретици съблазнишася, тѣмь иныхъ неразумныхъ съвратиша; о сихъ бо пророци прорекоша: »камень претыканiа и съблазненiю невѣрующимъ въ Христа«. Книжное почитанiе, рекша, правовѣрнымъ недвижимо спасенiе: всякъ бо почитая книжное писанiе, безъ смѣренiя и кротости, аще кого укорити чимъ, и тѣмь впадаетъ въ ересь и бываетъ ему съблазненiю камень, и на жизнь вданаа ему заповѣдь обрѣтаеться ему въ смерть. Еще бо нѣчто и дивнѣе того реку: и бесерменове постятся и отъ книгъ глаголютъ, но не подобаетъ внимати ихъ. О самопоставляющихъ учителехъ апостолъ рече: »яко мнози лживи пророци изыдоша въ мiръ, но не послушайте словесъ ихъ и въ домы своя не принимайте ихъ, да не прiобѣщаетеся дѣломъ ихъ злымъ; слугы бо льстивыя преображаются яко слугы истины, и самъ сотона преображается въ ангелъ свѣтелъ«. Тѣмже не достойно есть слушати Стригольническыхъ ученiй никаковому крестiанину, да не уловленъ будетъ въ дiаволѣ пруглѣ (*сѣти*), да не отлучится отъ безсмертнаго источника, отъ тѣла и крови Господа Бога Спаса нашего I. Христа, да не будетъ осужденъ въ вѣчную муку.

Достойно всякому христiанину приходити въ церкви божiи и слушати пѣнiа и чтенiа, еже есть въ св. церквахъ, и внимати писаному въ апостолѣ и въ еуангелiи, еже почитаютъ священници; а недостойно ихъ осужати, по реченому: »не осужайте, да не осужени будете; имъ же судомъ судите, осудится вамъ«. А кто по стриголничьской ереси, начнетъ священникъ осужати, не токмо неподобно ихъ послушати, но и отъ градъ ихъ отгнати; рече бо писанiе: »извержете злое сами отъ себе; малъ квасъ все смѣшенiе квасить«. Христосъ же Спасъ нашъ ученикомъ своимъ рече: »блюдитеся отъ кваса фарисейска«, сиречь, отъ ученiа тщеславна. О всѣхъ сихъ и славимъ Господа Бога Спаса нашего I. Христа, давшаго намъ плоть свою ясти и кровь свою пити, ему же слава... и проч.

(*Акты Историч. I, № 6*).

О Стригольникахъ см. Разсужд. о ересяхъ и расколахъ. Руднева М. 1838, 236.

130. Пастольная грамота м-та Кипрiана новгородскому архiеп. Iоанну 1392.

Се азъ Кипрiанъ митрополитъ Кiевьскiй и всея Руси, по преданью св. апостолъ и св. Отецъ уставу, еже то уставили предѣлы церквамъ божьимъ, митропольямъ и епископьямъ, да *еже что потягло къ которой митропольи или къ епископьи манастырезе, игумены съ черньци, попы, дьяконы и вслкъ церковьный человѣкъ, то вси подъ властью, въ послушаньи святителю; никто же да несмѣеть ни единъ крестьянинъ, ни малъ ни великъ въступатися въ тая дѣла. Аще ли который отъ тѣхъ игуменъ, или попъ, или чернець иметь отъиматися мiрьскими властелины отъ святителя, таковаго божественная правила извергають и отлучають, а кто*

по нихъ иметь вступатися, того не благословляють. А *что погосты и села и земли и воды и пошлины, что потягло къ церкви божьи, или купли, или кто далъ по души памяти дѣля, а въ то ни единъ христіанинъ не вступается; а кто вступишися, того не благословляють божественная правила.* Сего ради, и язъ Кипріянъ по тѣмъ божественнымъ правиламъ, далъ есмь сію свою грамоту въ епископью въ новгородскую, въ св. Софью и сыну своему, владыцѣ архіепископу В. Новогорода, Ивану: да елико есть манастыревъ, игумены да будуть у него въ покореньи и въ послушаніи и весь чинъ священническый; также и погосты и селы и земля и воды, со всѣми пошлинами, что потягло при первыхъ владыкахъ къ той епископьи, къ Софьи святой, какъ при первыхъ владыкахъ тамо что ни было, тако и нынѣча потяннеть къ св. Софьи и ко владыцѣ Ивану. *А никто бы не смѣлъ вступатися въ церковныи пошлины, ни въ земли, ни въ воду, блюлся бы казни св. правилъ; а кто будеть вступился, а тотъ бы престалъ отъ сего часа.* А кто послушаетъ св. апостолъ правилъ и св. сборовъ преданье и мое поученье, на томъ милость божія и Пречистыя его Матери и мое благословенье, *а кто не послушаеть моего благословенья и покушаеться обидѣти церковь божію, а на томъ не буди милости божіи и Пречистыя ею Матери ни моего благословенія.* А дана грамота на Москвѣ, и. августа въ 29 день.

(*А. Истор. I, № 7, стр. 16*).

Обратить вниманіе, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ стали рано подымать вопросъ о владѣніяхъ духовенства; въ Москвѣ онъ возникъ позже.

131. Грамота м-та Кипріана Псковичамъ 1395.

Се язъ Кипріянъ митрополитъ Кіевьскій и всея Руси. Что есмь слышилъ, ажь владыка суждальскій Денисей списалъ грамоту, коли былъ во Пьсковѣ, а приписалъ къ грамотѣ князя в. Александровѣ, по чему ходити, какъ ли судити, или кого какъ казнити, да въписалъ и проклятье, кто иметь не по тому ходити: ино то Денисій владыка не свое дѣло дѣлалъ, не по закону и не по правиломъ. Ажь будеть какову грамоту списавъ, положилъ князь в. Александръ, по чему ходити: инъ въ томъ воленъ всякій царь въ своемъ царствѣ, или князь въ своемъ княженьи, всякая дѣла управливаетъ и грамоты записываетъ; также и тотъ князь в. Александръ въ своемъ княженьи, а списалъ такову грамоту по чему ходити, на христіаньское добро, воленъ въ томъ. А что Денисій владыка въплелъся не во свое дѣло, да списалъ неподобную грамоту, и язъ тую грамоту рушаю. А вы, дѣти мои, Псковици, ажь будеть преже сего ходили по той грамотѣ князя в. Александровѣ, а будеть то у васъ старина: и вы по той старинѣ и ходите; а что владычня грамота Денисьева, а ту грамоту пошлите ко мнѣ, да тое я самъ подеру: та грамота не въ грамоту. А что вписалъ проклятіе и неблагословенье патріарше, я то язъ съ васъ снимаю и благословляю васъ: то былъ суждальскій владыка, а дѣялъ то въ мятежное время; а патріярхъ ему того не приказалъ дѣяти. А вы, дѣти мои, ходите по своей пошлинѣ, и по старинѣ суды судите; а кого виноватаго пожалуете ли, — волни есте, показните ли противу какое вины, — волни же есте; дѣйте по старинѣ, чисто и безъ грѣха, какъ и всякіи христіане дѣють. А милость божья на васъ и мое благословенье.

А дана грамота въ В. Новѣгородѣ, м. маія 12, индикта 3, въ лѣто 6903.

(*А. Истор. I, № 10. стр. 18*).

132. Отдѣленіе Кіевской митрополіи.

Въ лѣто 6922 (1414). Фотій м-тъ, понеже по обычаю живяше въ Москвѣ, да ни же многія отъ рускихъ священниковъ взымаше, въ сіе лѣто хотѣ пойти презъ Литовскую землю во Цариградъ, и выбираше дани обычныя у священниковъ; Витолтъ же не любяше сего, еже изъ его княства дани во ину область износятъ, и разгнѣвався на Фотія м-та, и повелѣ его зо всего ограбити и ни съ чимъ на Москву отпустити..

Въ лѣто 6923 (1415). Витолтъ, в. кн. литовскій, видя яко св. Софія, столная церковъ митрополяя, не имущи государя, аки вдова осиротѣвшая, красоты своея лишенна естъ, такожде и во всей митрополіи кіевской строенія нѣсть, а митрополитове пришедши зъ Москвы о семъ токмо пекутся, еже обрѣтше што красно въ Софіи себѣ взяти, такожде и дани отъ священниковъ и иныхъ христолюбецъ собравши въ Московскую землю съ собою отнести, и сожалѣ о томъ, еще же размысли в се, да не умаляется богатство въ землѣ Руской: и сего ради повелѣ собратися на соборъ всѣмъ епископомъ и ихъ священному клиру. Собравшежеся, по повелѣнію его, епископы всѣ: Исаія Чернѣговскій, Ѳеодосій Полоцкій, Діонисій Луцкій, Герасимъ Володымерскій, Харитонъ Холмскій, Евфимій Туровскій, и прочіи священницы и бояръ множество, имъ же рече Витолтъ: поставите себѣ митрополита въ моей державѣ, си есть въ Кіевѣ, по прежнему обычаю; аще бо и иной вѣры азъ есмъ, но жалѣю опустѣнія и обнищанія вашой митрополіи кіевской въ моей державѣ, понеже московскіе митрополитове не пекутся вами, токмо приходами отъ васъ« и проч. яже выше; »аще ли же не хощете поставити себѣ здѣ м-та, а потомъ кто пойдетъ къ м-ту въ Москву, относя казну зъ моея державы во ину область, смертію умретъ«. Они же видяще доброе желаніе князя, повинушася повелѣнію его, и согласившеся всѣ епископы, и весь освященный соборъ, и всѣ бояре, избраша себѣ на митрополію благоговѣйна мужа Григорія Цемивляка (*Семивлаха*). А Витолтъ посла грамоту моленія отъ всѣхъ епископовъ и отъ себе ко святѣйшему патіарсѣ Калисту, да благословитъ посвятити иного м-та Кіеву, написа же и вины, почто не хощетъ м товъ московскихъ; св. же патріархъ Калистъ не хотѣ, да смятеніе будетъ во православныхъ, благослови Руси посвятити себѣ Григорія на митрополію кіевскую, его же посвятиша (*соборомъ епископовъ*) благословеніемъ патріаршимъ, ноеврія 15. И оттолѣ начаша быти два м-ты, единъ въ Кіевѣ, а другій въ Москвѣ.

(Густынс. лѣт. 353).

133. Посланіе м-та Московскаго Фотія въ Кіевъ 1417.

Яко той мятежникъ церковный Григорій Цамблакъ зовется митрополитомъ кіевскимъ, и поставленъ есть отъ неправеднаго сборища въ литовьскомъ Новѣгородцѣ, не избраніемъ св. отецъ, не испытаніемъ съборнымъ, не разсужденіемъ правилнымъ, ни рукоположеніемъ патріархъ, ни по преданію церковному; но паче мучительски самозаконно поставленіе его сълѣавше, якоже въ сопномъ привидѣніи играюще, проявленіи си спѣшать гнусніи, меръскаго оного поставляють, въ

священную одежду непотребнаго несвященѣ одѣвають, еже достоинъ възгласивше ему, иже многаго студа и лукавьства достойнаго, но мірьскими властьми и по хотѣнію своему и желаніе обрѣте, на пребывающаго нене, м-та, по достоянію въ животъ. Яже о немъ первѣе явлена быша на сборѣ въ Цариградѣ, елико смущеніе створи на христову церковь, отъ святѣйшаго вселеньскаго патріарха Евфимія и божественнаго и священаго всего сбора изверженъ бысть изъ сану, отъ поповьства и проклятъ.

Сего ради божественый и священный сборъ по случаю събравсй, божественыя и священнѣйшія и всечестнѣйшія святители, м-ты и съ симъ боголюбивіи епископы, и судомъ сихъ общимъ имѣемъ сего Цамблака, по божест. священ. правиломъ, извержена и отлучена и проклята; такожде и тѣхъ епископъ его сборища, неподобнаго, яко осужденныхъ имѣемъ ихъ, якоже бо не по повелѣнію явившася божест. правилъ, но досадители и преслушатели, отметніи симъ явившася, отъ единаго но достоянію съгласія лишившася отъ божеств. съборныя и апостол. Христовы церкви, имѣнующеся святители безъ разсужденія святаго великаго патріарха, но отъ мірьскаго зачала святительство пріяша. И како то сътвори оканный си Цамблакъ, кто же убо имѣеть его священникомъ и съпріобщается ему, или благословеніе его пріимаеть, аще епископъ буди, или священникъ, или кто мірьскій человѣкъ, имѣемъ того извержена и проклята: пріобщаяйся не пріобщенному, и самъ той не пріобщенъ будеть. Вамъ же и всѣмъ вашимъ, единци не пріобщившася безаконному сему дѣлу, отъ безаконнаго сего Цамблака, въ всемъ никако пріобщаеми будите, гнушающеся его яко несвященна, но осквернена. Аще и пишеть къ вамъ, и неприятно буду вамъ писаніе его; аще и присылаеть къ вамъ како, и слова ему не дадите отъинудь, понеже то погубленіе принесется душамъ вашимъ; и который убо рукополаганъ отъ него, рекше поставленъ, и познаете его, имѣйте его извержена, яко того самого Цамблака, и сихъ его и все, еже онъ сътворилъ и сътворить, имѣйте дѣло то, якоже не бысть. Услышите вси, иже любве съ ними творяще! Како убѣжати вамъ отъ гнѣва грядущаго на нихъ? или съ ними съдворяющеся и съосиверняющеся въ пищи, или въ питіи, или въ любовнѣ дружбѣ! Како смѣете приступити къ божественнымъ и страшнымъ тайнамъ христовымъ? И молю вашю любовь православныхъ крестьянъ, еже не сходитися вамъ съ тѣми ни въ которомъ дѣйствѣ, ни въ пищи, ни въ питіи, ни во дружбѣ ни въ обѣты, ни въ мирѣ, ни въ любви; понеже который сходяйся съ ними, чюжда себе творить церкви божія. А милость божія и наше благословеніе да будеть со всѣми православными крестьяны.

(*П. С. Лѣт. IV, 116—117*).

Фотій м-тъ кіевскій. Приб. къ Твор. св. О. 1852, 2. Ист. Рус Словес. Шевырева III. Обзоръ дух. Литер. 86 — 89 Григорій Цамблакъ. Тамъ же 89—91. Изв Акад. VI. Написана была ему дана 1458 г П Собр. Лѣт. VI, 319—320. Его поученія. Правосл. Собес.

134 Поученіе владыки Симеона Псковичамъ 1418.

Вы благородніи и честнолвленія мужи! Вѣдуще се, яко елико кто честь воздаеть своему святителю, та же честь самому Христу приходить, отъ него же чающе мзду пріяти сторицею и жизнь вѣчную наслѣдити: такожде, сынове, честь воздавайте своему святителю и отцемъ вашимъ духовнымъ, наставникомъ вашего спасенія, всяцѣмъ покореніемъ и любовію, не пытающе отъ нихъ ничтоже, ни вопреки

глаголюще наставнику своему отцю; но смотрити самому себѣ и своего спасенія, въ послушаніи и въ наказаніи отца своего духовнаго и во смиреніи, о себѣ же никакоже не мудрьствовати, ни высится, но аки православныя крестьяны, живущая подъ закономъ божіимъ; да чтобы есте церковь божію не обидили, занеже церковь божія не обидима бываетъ ни отъ кого же, ни нимъ же. И вы бы, дѣти, въ церковное не въступалися ничтоже, елико изначала епископіи потягло, при преждебывшихъ архіепископѣхъ новгородцкихъ, по правилному извѣщенію, въ домъ божій св. Софѣя, въ земли, и въ воды, и въ суды, и въ печать, и во всѣ пошлины церковныя; или будеть кто въ церковное во что въступился, и вы бы есте, чада, того съступили, а съ своей души свели, по указаннымъ церковнымъ правиломъ не ожидая на ся богословныя вины, по правилу св. отець.

(*П. С. Лѣт. IV. 118*).

135. Благословенная грамота м-та Фотія иноку Павлу Обнорскому ок. 1420 г.

Благословеніе Фотія, митрополита всея Руси священническому всему и иноческому чину и всякому купно чину же възрасту православному. Вѣсте, еже изъ начала начальственаго всяко ухищреніе лукавьственое и попущеніе есть отъ супостата врага дьявола на родъ человѣческый, паче же того коварьствъ и многыхъ сѣтей пропинаемыхъ на родъ человѣческый, убійствомъ и татбами и иными таковыми Богу оттуждаемыми мерзостьми, и всѣми таковыми далече отъ Бога сътворяя душа человѣческая и кровь погыбели нізпоревая: и се убо оттуду древлѣ, вѣсте, коликымъ ухищреніемъ того общаго врага дьявола, ради лакомьства, праотца нашего Адама на преслушаніе введе и изъ рая

изгна; того же паки врага сѣтии и коварьствы, и Каина подвиже на убійство Авелево; и по семъ того же супостата врага ухищреніемъ, Іюду отъ лика апостольска отлучи и на предательство его введе, еже среброљюбья ради Творца небу и земли Іюдѣемъ преда; и не сихъ многочислены суть сѣти его, препинаеми на родъ христіаньскій, всякими прелестьми и мерзостьми душа человѣческая отлучая. И такожде и нынѣ, того сѣтьми и занятіемъ и ухищреніемъ, подвиже умъ нѣкоторого, ведучи въ погыбель человѣка того, и на то́ взятье дерзновеніе пріиде, в церкви божіей скровенное взять, и много истязаемыхъ не искупи, ни повѣда. И о семъ убо наше смиреніе, съ молитвою и съ благословеніемъ, тако пишемъ: кто будетъ тое съкровище въсхитилъ, да не презрить слезящаго о немъ, и благословлению, да повержютъ взятое въ церкви божіей и безо всякаго зазора; аще ли сего писанья нашего нерадити начнеть и не поверже́ть, и азъ смиреный, тако имѣя власть отъ Духа св. еже вязати и рѣшати, имѣю того подъ запрещеніемъ и тягостію церковною и отлученіемъ, подъ своимъ неблагословеніемъ, дондеже татепрадьственное пріобрѣтенье поверже́ть рыдающему по немъ и възвратить погубившему, и тако пріиметь отъ Господа Бога милость и его пречистыя матере, а отъ нашего смиренія свободу разрѣшеніемъ прощеніе о сдѣяныхъ злыхъ его.

(*А Истор. I, № 257*).

136. О Сидорѣ митрополитѣ.

Въ лѣто 6945 (1437). Пріиде изъ Царяграда на Москву м-тъ Сидоръ, въ вторникъ свѣтлыя недѣли по Велицѣ дни, и пріатъ его князь вел. честно; онъ же сый подстрекаемъ бысть сатаною, и по малѣхъ временехъ своего пришествія начатъ

дерзновенно тщатися въ соборному путишествію; и повѣдаше нынѣ, яко быти въ Римстей земли собранію 8-го събора, нагожа ради и разскола, еже Гречестей вѣрѣ съ Римскою, о растворенiи св. тѣла и крове божія на св. жрътвенницѣ, еже въ кислом хлѣбѣ раствореніе дающь и въ пресноцѣхъ, и прочее о св. Дусѣ, и тако нарицашеся врежній походатай събору тему. Благовѣрный же вел. кн. Василій Вас., Богомъ вразумѣваемъ, глаголаше ему, да не пойдеть на съставленіе 8-го събора латинского, наипаче съблазнится въ ересѣхъ ихъ, и възбраняше ему о сихъ; къ сему же повелѣ и еще глаголати ему, яко да останется таковые мысли сърврьшати, и много глаголаше ему, и не послушаше сицевыхъ, но яко неистовъ са дѣяше. И посемъ рекоша ему: «вѣси ли, отче, заповѣдь св. правилъ св. Отецъ, якоже о сихъ богоносніи Отци св., 7-й съборъ сьврьшивше и въ св. правилѣхъ уставъ и божественный законъ св. вместолъ весь положивше, и св. вѣру православія запечатлѣша проповѣдію Отца и Сына и св. Духа, чтуще св. Троицу, едино божество не раздѣлимо; о 8-мъ же съборѣ съставляющихъ проклятію предаша, и анафема ихъ нарекоша, и съ еретики ихъ отлучиша единослужно Богу супротивная дѣлающихъ». Онъ же сихъ никакоже послушати можаше. Благочестія же ревнитель и споспѣшникъ истиннѣ, благовѣрный кн. в. Василей Вас., сицевая рече къ нему: »О, Сидоре, дерзновенно дѣеши, въ латынскую землю идешь, и съставленіе 8-го събора повѣдаеши, его же отрекоша св. отци; нынѣ же аще и не останешися мысли своея, то буди вѣдаа, егда възвратишися оттуду къ намъ, то принеси къ намъ изначальственѣйше благое съединеніе, нынѣшнее въсіавшее въ насъ благочестіе и уставъ божественнаго закона и правленія св. церкви«. Онъ же зѣло тяжкую о сихъ клятву на ся положи, рекуще, яко ничтоже странна

и чюжа не принести отъ Латынь въ Рускую землю съ 8-го ихъ сбора, но яко, рече, крѣпцѣ стояти о православіи и о св. правилехъ поборати о благочестіи; лжесловесіе бо глаголаше сіа, скрываа мысль злую въ сердци своемъ, хотя съвратити люди божіа съ истиннаго пути св. вѣры и съединити къ Латыномъ, имѣвъ себе единаго мудрѣйша всѣхъ. Егда же пріиде Сидоръ въ Нѣмецкую землю до града Юрьева (*Дерпта*), живущіи же въ немъ людіе православіа и вси священници съ честными кресты изыдоша срѣсти его; Латыни же и Нѣмцы крыжь лядцкый (*польскій*) вынесоша противу ему, почести его ради. Онъ же преступивъ тякую свою клятву, ею же клятся о благочестіи великодрьжавному си (*своему*) государю Василію Вас. всея Русіи, по реченному пророкомъ: »ино зубы Бога списающаго и«, — преже бо и въярѣ, и поклонися, и притече, любезно цѣлова и знаменася крыжемъ латцкимъ, и по сихъ пріиде къ св. крестомъ православія; послѣдоваше же и провожаше и чтяше крыжь латынскій, иде съ ними до костела, сирѣчь до церкви ихъ, а о св. крестѣхъ православія не брежаше, ни провожаше. Видѣвъ же сіа боголюбивый епископъ Авраамей суждальскій, и вси на томъ пути бывшеи съ нимъ христіане православія, еже таковая нечестія отъ него св. крестомъ бываема, въ томъ часѣ ужасомъ зѣло вси одрьжими бѣши; зане бо еще не дошедъ Рима таковаа богоотступнаа дѣлаше. И по сихъ пріиде Сидоръ въ область римскую, въ градъ нарицаемый Ферару, идѣже тогда богоотметный суемысленый 8-й съборъ папа римскій Еугеніе съставляше въ 6947 лѣто м. сентября...

(*Далѣе подробно изложена исторія флорентинскаго собора, на которомъ Исидоръ согласился соединиться съ латинами*).

Увы прелести сіа пагубныя! увы соединеніе мрьзости Греческому православію!

како убо вмѣсто свѣта животнаго мракъ тьмы явѣняется, како ли вѣра благочестія въ латынохъ приложися; царь же и патріархъ (греческіе) православія въ прелести латынскихъ ересей впадошася, въ сѣти злата уязнувше погибоша Сидоровымъ оболганіемъ, злато пріемше отъ Бога отлучишася и съ латынею съединишася. Что убо, царю въ латынехъ доброе увидѣлъ еси? Не сія ли есть почесть въ нихъ божіей церкви, еже възвысять въ ней гласы своя яко безумни, и многъ кличь и плищь и зѣло великъ вопль пѣнія ихъ; или се есть красота ихъ церковная, еже ударяютъ въ бубны, въ трубы же и въ арганы, руками плясуще и ногами топчюще, и многія игры дѣюще, ими же бѣсомъ радость бываетъ; се ли есть смиреніе и благочестіе въ св. церкви, еже папа ихъ *клечитъ* на колѣну свою, и опрѣсночная приноситъ и въ рукавицахъ служитъ, и перстни на рукавицахъ носитъ, такоже и арцибискупи и бискупи и учители ихъ творять, и капланове ихъ клечатъ, такоже и вси Ляхове и весь латынскій родъ, мужска полу и женска, маліи же и велиціи, вси падающе на колѣну клечять до скончанія богомръскаго ихъ пѣнія; тако бо и Жидове сътворишя ругающися Христу Богу нашему, еже на святыхъ его страстехъ претерпѣ отъ нихъ досаду и поношеніе; сіи же къ тому еще яко наругахуся образу господню: учители ихъ, церковніи служителіе, пострызаютъ брады и усы своя ревнующи женскому зрѣнію, ркуще же сице блядословствуя: тако добро есть къ святыни приступати; а идѣже служатъ и пріобщаются, ту и пси ихъ съ ними ходятъ. Имъ же свѣтуя похваляше таковая Сидоръ злочестивый, и того ради отъ папы Сидору пріемшу почесть велію; и тако идущу ему отъ Рима въ путь свой на рускую митрополію, и приспѣ въ градъ нарицаемый Будинъ, м. марта въ 5 день, и оттуду пославшу ему своя писанія въ Лятцкую, и Литовскую, и Нѣмецкую землю и на всю Русь православнаго христіанства, сице пиша: »Исидоръ, милостію божіею, пресвященный архіепископъ кіевскій и всея Русіи, легатосъ и отъ ребра апостольскаго сѣдалища лятцкаго и литовскаго и нѣмецкаго, всѣмъ и всякому христовѣрнымъ съ прибавленіемъ вѣры своея вѣчное спасеніе въ Господа. Възрадуйтеся и възвеселитеся вси нынѣ, яко и церковь въсточная и западная, великое время раздѣлени быша и едина къ единой враждебны, а нынѣ истиннымъ соединеніемъ съединишася въ изначальственнѣйшее свое съединеніе, и въ миръ, и въ единачество древнее безъ всякого раздѣленія» и проч...

Пріиде Сидоръ на русскую землю (1440), въ богоспасаемый градъ Москву, къ благочестивому и благовѣрному в. кн. Василію Вас., скрывая прелесть латынскія въ себѣ ереси, еже изнесе на истинное православіе; и тако почесть свою латынскаго обычая бѣсованія гордости въскорѣ являетъ, имь же хотя величатися, еже странно и чюже есть отъ православныя вѣры, еже не достоитъ творити вѣрнымъ: преже. убо въ посланіи грамотъ своихъ звашеся легатосъ и отъ ребра апостольскаго сѣдалища лятцкаго же, и литовскаго, и нѣмецкаго, а предъ собою повелѣваше носити крыжь латынскій да 3 палицы сребрены, про честь фраскаго си права. Егда же въ молитвенныхъ реченій св. службы и вмѣсто св. патріархъ вселенскихъ поминаетъ въ прьвыхъ и блажитъ Еугенія папу римскаго, ему же бо на златѣ отдаде св. вѣру Греческаго православія; по скончаніи же св. службы повелеваетъ Сидоръ, вшедь на амбонъ, чести велегласно грамоту 8-ю суемысленаго събора отреченнаго, въ ней же написано есть богомръско и богоотступно, еже суть латынскія прелести: раздѣляюще св. Троицу, глаголющи, яко Духъ св. отъ Отца исходитъ, Духъ же и отъ Сы-

на, и опрѣсночнаа мудръствующе съединиша ркуще, яко въ безквасньмъ и квасньмъ хлѣбѣ Тѣлу Христову сътворитися достоитъ; а о усопшихъ сице есть писано: иже въ истинней вѣрѣ и исповѣданіи божіи съ смиреніемъ конецъ пріяша, и покааніа плодъ не доспѣша принести о съгрѣшеніихъ своихъ, о нихъ же имъ духовніи отци заповѣдаша, и таковіи очищеніемъ мукъ очистятся по смерти;—но вся убо сицева собою мудръствующе съдѣлаша, прелести ради истинныа вѣры православіа, еже бы прельстивъ отлучити христіанство отъ божественнаго закона. И тако о всѣхъ сихъ бывшихъ дѣлехъ ихъ и самъ Еугеній папа римскый посла свое съ нимъ написаніе къ благовѣрному в. к. Василію Васил. (*За тѣмъ слѣдуетъ грамота папы*).

Сіа же вся услышавъ в. князь, и яко узрѣ бываемаа грамота ихъ сумысленнаго събора укрѣпленіа и услышавъ, по изреченіемь словесъ его, възрьвшихъ папино помяновеніе имени, и позна Сидора влъкохищнаго ерось, и тако не пріатъ благословеніа отъ руки его и *латынскымъ ересным прелестникомъ* нарече его, и скоро обличивъ посрами его и вмѣсто пастыря и учителя *влъкомъ* назва его, и скоро повелѣ съ митрополскаго стола съврещи его, яко безумна прелестника и *отступника* вѣры, и повелѣваетъ пребыти ему въ монастыри, донележе обыщетъ о немъ по божественнымъ священнымъ правиламъ св. апостолъ и богосъставныхъ седми съборовъ св. Отець, и тако истиннымъ судомъ правды предъ

архіепископы и епископы земель своихъ и предъ всѣми зборы священныхъ обличитъ сущее въ злыхъ ересехъ бывшее дѣло его, яко да усрамятся таковыхъ и отложитъ ересная дѣла своя, и повинется и покается, и милость получитъ. Сидоръ же злаго яду насытився, никакоже отригнути моги и ни мала времени пождати не стерпѣ, срама ради обличеніа своего о злыхъ сихъ ересѣхъ латынскихъ, еже дѣлаше; и тмою своего безвѣріа облъкся, нощію *бездверіемъ* исшедъ, татьствомъ, бѣгу ятся, и съ ученикомъ своимъ съ чернцемъ съ Григоріемъ, и тако (*убѣжалъ съ Москвы къ Твери, а оттолѣ къ Литвѣ да и къ Риму*) бѣжаша къ Риму, отнюду же пріидоша и злыя латынскіа ереси изнесоша, (къ папѣ своему злочестивому, діаволомъ водимъ къ своей ему погибели). Богоразумный же благочестіа дѣлатель, благовѣрный в. кн. Василей Вас., никакоже не посла по немъ възвратити его, ни всхотѣ удръжати его, яко несмыслена суща и богомръска, да не приступятся грѣсѣ его; зане бо святаа правила божественаго закона св. апостолъ повелѣваютъ таковаго церкви развратника огнемъ съжещи, или живаго въ земли загрести...

(*П. С. лѣт. VIII. 100—109*).

Объ исключительномъ и свѣтскомъ значеніи римско-католической церкви и вредномъ ея вліяніи на развитіе Славянъ см. «Ист. Балт. Слав.» *А. Гильфердинга* 1855. 298. О сношеніяхъ папъ съ Россією *Н. А. Иванова*. Уч. Зап. Каз. Унив. 1842. кн. IV.

В. ЛЕГЕНДА.

137. Построеніе Варяжской божницы.

Въ лѣта благочестивыхъ в. князей нашихъ рускихъ, живущимъ Новгородцемъ въ своей свободѣ и со всѣми землями въ мирѣ и совокупленіи, прислаша Нѣмци отъ всѣхъ 70 городовъ посла своего, биша челомъ архіеп. новгородскому, и посадникомъ, и тысяцкимъ и всему В. Новгороду, глаголюще: »милые наши сосѣды! дайте намъ мѣсто у себя, посреди В. Новагорода, гдѣ поставити божница по нашей вѣрѣ и обычаю«. И Новгородци отмолвиша имъ рекуще: милостію божіею и его пречистыя Богоматери, и отца нашего господина архіепископа благословеніемъ и молитвою, у васъ въ вотчинѣ господы нашеи в. князей рускихъ, въ В. Новгородѣ, стоятъ вcѣ церкви православные нашіа вѣры христіанскіа, ино кое причастье свѣту ко тьмѣ, такожъ и вашея божницы быть какъ въ нашемъ градѣ? Бѣ же тогда посадникъ степенный Добрыня именемъ, и Нѣмци слышавше жестокій отвѣтъ отъ архіепископа и отъ всего народа, и своимъ лукавствомъ биша челомъ посаднику Добрынѣ, и даша ему посулъ великъ *(взятку большую)*. О семъ бо и Соломонъ рече: »всѣ послушаютъ злата«. Посадникъ же Добрыня и съ злыми своими совѣтники повелѣ Нѣмцомъ говорити старостамъ купецкимъ и купцемъ новгородскимъ: —только нашей божницѣ храму св. верховныхъ апостолъ Петра и Павла не быти у васъ въ В. Новѣгородѣ, и то вашимъ церквамъ у насъ по нашимъ городамъ не быти жъ.—И то слышавше старосты купецкіе и всѣ гости новгородскіе, начаше бити челомъ господину своему, отцу архіепископу и всему В. Новуграду, рекуще: »пожалуйте, поволите Нѣмцомъ поставити ропату *(божницу, церковь)* по ихъ обычаю и вѣрѣ, и мѣсто имъ дайте гдѣ полюбитъ; зане же не будетъ ихъ божницы здѣ, ино нашимъ церквомъ у ихъ не быти«. Тажъ и посадникъ Добрыня за старостъ и за гости начатъ говорити: »только не будетъ нашихъ церквей по нѣмецкимъ городомъ, ино нашимъ гостемъ новгородскимъ велми будетъ нужно«,—и архіепископъ и новгородци послуша *(ша)* посаднича совѣта и гостей своихъ челобитья, поволиша Нѣмцомъ поставити ропату, а мѣсто имъ укажетъ посадникъ, гдѣ будетъ прилично; и Нѣмци избраша себѣ мѣсто посреди града въ торгу, гдѣ стоитъ церковь древняго св. Іоанна Предтечи. Посадникъ же Добрыня, ослѣпленъ мздою и наученъ діаволомъ, повелѣлъ церковь св. Предтечи снести на ино мѣсто, а те мѣсто отвелъ Нѣмцомъ; Предтеча жъ господенъ не терпя вражія навѣта, и его злаго совѣтника, что испоругалъ святый его храмъ мзды ради; въ нощи убо той услыша пономарь тоя церкви Предтечевы гласъ глаголющь ему: »заутра на 3-мъ часу дневномъ иди на Великій мостъ и повели новгородцемъ смотрити Добрынина посадничья чюда«. И пономарь заутра возвѣсти Новгородцемъ, якоже слыша, и абіе стекошась множество народа на Великій мостъ видѣти, что хощетъ быти. И какожъ поѣха посадникъ Добрыня съ вѣча къ своей улицѣ чрезъ Волховъ въ насадѣ съ людьми своими—и внезапу пріиде вихрь, и вземъ насадъ, възнесе на высоту, яко болѣ дву саженей и удари оводу, и ту потопе посадникъ Добрыня ко дну, а прочихъ всѣхъ переимаша въ судѣхъ въ малыхъ перевозники, и тако неводы, мрежами и ужи едва възмогоша вывлещи тѣло его изъ рѣки; за свое же лукавство, неполучи и погребенія, яже есть обычай православнымъ. Сія ми повѣда игуменъ Сергій Островскаго монастыря отъ св. Николы, отецъ Заикхіевъ, нынѣшняго игумена Хутынскаго.

И якоже съвръшиша Нѣмцы ропату свою, и наяша иконниковъ новгородскихъ, и повелѣша имъ написати образъ Спосовъ на ропатнемъ углу, на полуденнѣй странѣ въ верху, на прелесть христіяномъ и на соблазнъ,—и якожъ написаша иконописцы образъ Спасовъ на ропатѣ, а архіепископа недоложа, и открыша покровъ, и абіе вскорѣ томъ часѣ пріиде туча съ дождемъ и съ градомъ, и выбило градомъ и мѣсто то, идѣже былъ написанъ образъ Спасовъ, и левкасъ *(краска)* смыло дождемъ, яко же неявитись ни знаменію *(ни знаку не осталось)*.

(Пам. стар. рус. лит 1, 251—253).

Легенда эта составилась уже по образованіи союза ганзейскихъ городовъ, слѣдов. горазд позже дѣйствительнаго построенія варяжской божницы (римско-католической для прибалтійскихъ торговцевъ), существовавшей въ Новгородѣ въ XII в. Тогда же была и русская церковь на Готландѣ, главномъ центрѣ балтійской торговли. *(Сѣверно-рус. народопр. Н. И. Костомарова).*

кончати добромъ съ тѣмъ племенемъ, ни вамъ ни намъ, коли--любо«. М-тъ же възбраняше имъ и Лазарь тысяцкой, и Рагуйло Володимирь тясяцкой, како быша не убили Игоря. Они же кликнуша и пойдоша убивать Игоря, и Володимиръ вcѣдъ на конь погна, и народи идяху по мосту; онъ же не мога ихъ минути, уворотя коня на право, мимо Глѣбовъ дворъ, и въскорѣша (*предупредили*) Кіяне передъ Володимеромъ. Игорь же услышавъ, пойде въ церковь св. Ѳедора...

Они же устремишась нань, яко звѣрье свѣрьпіи, и похытиша его на обѣдни въ церкви св. Ѳеодора, и манотью на немъ отогроша. Онъ же рече имъ: »о законопреступници, врази, всея правды христовы отметьници! почто яко разбойника хощете мя убити? Аще крестъ цѣловалѣ есте ко мнѣ, рекуще, яко имѣти мя собѣ княземъ, нынѣ уже и всего того не помянулъ быхъ, зане сподобилъ мя Богъ мнискый чинъ въспріяти«. Лукавый же нечестивый сборъ болѣ въпіяше, глаголя: »побейте, побейте!« И тако изъ свиткы изволокоша, и онъ же вельми възъгласивъ, рече: »о оканьніи! не вѣсте ся что творяще, се бо творите невѣдиньемъ; аще и все тѣло мое наге оставите, нагъ бо изидохъ изъ чрева матери моея, и нагъ отъиду тамо«. И то ему глаголющю, и емше, повѣдоша изъ манастыря, и срете й Володимиръ въ вратѣхъ манастырьскихъ, и рече Игорь възря на нь: »охъ, брате, камо мя ведутъ«! Искочи Вилодимиръ съ коня, и огну й корьзномъ (*верхней одеждой*), река Кіяномъ: »братье моя! не мозите сего створити зла, ни убивайте Игоря«; и доведе й Володимиръ воротъ метере своея, и ту начаша Игоря убивати, и удариша Володимира бьюче Игоря. Михаилъ же видѣ то искочи съ коня, хотя помочи Володимиру, Володимиръ же вича й во дворъ матере своея, Игоря хороня, и затвори ворота; бьюче же Михаила, отторгоша хрестъ на немъ и съ чепьми, а въ немъ гривна золота. Толику же множеству убивающимъ Игоря, и пригна Володимиръ Мьстиславичь, искочи съ коня, паде на Игоря, и тако Игорь въста, и вниде въ дворъ Мьстиславль; и тако людье яша Володимира и хотѣша убити про Игоря. И тако изъ народа стояще, и взрѣша Игоря вбѣгша въ Мьстиславль дворъ, и тако народъ двигнушася и выломиша ворота, и тако побиша. Игорь же побиваемъ рече: »Владыко! въ руцѣ твои предаю тебѣ духъ мой, прими въ миръ твой душю мою«. Безаконніи же, немилостивіи, побивше й отъинудь тѣло его наго оставиша и поверзъше ужемъ (*привязали веревку*) за ногы уволочиша: и еще живу сущу ему, ручающеся царьскому и священному тѣлу, и волокоша й съ Мьстиславля двора черезъ Бабинъ торжекъ на княжь дворъ, и ту прикончиша й. И тако скончаша Игоря князя, сына Олгова. Бяшеть бо добрый поборникъ отечьства своего, въ руцѣ божіи преда духъ свой, и съвлекся ризы тлѣньнаго человѣка, и въ нетлѣньную и многострастьную ризу оболкъся Христа, отъ него же и вѣнцася въспріемъ мученія нетлѣнный вѣнечь. И тако къ Богу отъиде м. сентября въ 19, въ день пятокъ. И оттуда възложиша й на кола, и везоша й на Подолье, на Торговище; и повергоша поруганью безаконніи, несъмысленіи, ослѣпленіи очима своима, вѣдуще, яко мьститель есть Богъ и взищетъ крови неповиньнаго. Человѣци же благовѣрніи, приходяще, взимаху отъ крове его и отъ прикрова сущаго на немъ на тѣлѣ его, на спасеніе себѣ и на исцѣленіе, и покрывахуть наготу телесе его своими одежами. И повѣдаша Володимиру, яко повержен есть на торговищи; и посла тысячьского, и пріѣха видѣ повержена Игоря мертвого, и рече: »се уже Игоря есте убили, но Олговичь, Давыдовича и Всеволодичь, оже мыслили

139. Отношеніе Новгорода къ князю.

Въ лѣто 6644 (1136). Новгородци призваша Псковичь и Ладожанъ, и сдумавше яко изгонити князя своего Всеволода, и всадиша ѝ въ епискупль дворъ со княгинею и съ бояры и съ тещею, мая въ 28, и сторожи стрежаху день и нощь по 30 мужь со оружіемъ; и сѣдѣвъ два мѣсяца, и пустиша ѝ изъ города, а Володимера сына его пріяша. А се вины его творяху: »1-е не блюдеть смердовъ; 2-е чему хотѣлъ еси сѣсти въ Переяславлѣ? 3-е ѣхалъ еси изъ полку напредъ всѣхъ, а отъ того много ны потяты (*убиты*); и велѣлъ ны ко Всеволодку приступити, а пакы отступити велитъ«.—И не пустиша его, донелѣже инъ князь будетъ. И пріиде Новугороду князь Святославъ Олговичь изъ Чернигова отъ брата Всеволодка; и Всеволода выгнаша Новгородци отъ себе, онъ же пріиде къ стрыеви своему Ярополку въ Кіевъ, и дá ему Вышегородъ, и сѣдѣ ту лѣто едино.

(*1 Софійс. 157*).

140. Убіеніе кіевскаго князя Игоря въ 1147 г.

Изяславъ посла Кіеву къ брату своему Володимиру и къ митр. Климови; и къ Лазореви тысячкому, и рече имъ: »созовите Кіяны на дворъ къ св. Софьи, ать (*пусть*) мой посолъ молвить рѣчь мою къ нимъ, и скажеть льсть черниговьскихъ князій«. Кіяномъ же всимъ съшедшимся отъ мала и до велика къ св. Софьи на дворъ, въставшемъ же имъ *въ вѣчи*, и рече имъ Изяславль посолъ: »цѣловалъ вы князь свой: язъ бяхъ вамъ явилъ, се думалъ есмъ со братомъ своимъ Ростиславомъ, и съ Володимиромъ, съ Изяславомъ Давыдовичема, пойти на стрыя своего на Гюргя, и васъ есмь съ собою вабилъ (*манилъ, звалъ*); и вы мнѣ есте река (*говорили*): не можемъ на Володимире (*мономаха*) племя руки възняти (*поднять*) на Гюргя, но еже на Олговичи, хотя и съ дѣтми идемъ съ тобою; се же вы являю: се Володимеръ Давыдовичь и Изяславъ, и Всеволодичь Святославъ, ему же азъ много добра створихъ, цѣловали ко мнѣ крестъ, нынѣ же цѣловали потай (*тайно отъ*) мене хрестъ къ Святославу Олговичу, а къ Гюргеви ся послали, а надо мною лесть учинили, хотѣли мя любо яти, любо убити *про* Игоря, но Богъ мя заступилъ и хрестъ честный, его же ко мнѣ чѣловали; нынѣ же, братье Кіяне, чего есте хотѣли, чимъ ми ся есте обѣчали, пойдите по мнѣ къ Чернигову на Олговичь, досѣвайте отъ мала и до велика, кто имѣеть конь, кто ли не имѣеть коня, а въ лодьи, ти бо суть *не мене единого хотѣли убити, но и вась искоренити*«.—Кіяне же рекоша: »ради, оже ны Богъ тебе избавилъ отъ великія льсти братью нашю, идемъ по тебѣ и съ дѣтми, якоже хощеши«.—И рече единъ человѣкъ: »по князи своемъ, ради, идемъ; но первое о семъ промыслимы, якоже и преже створиша при Изяславѣ *Яросл.*, выскше Всеслава изъ поруба зліи оны, и поставиша князя собѣ, и много зла бысть про то граду нашему; а се Игорь ворогъ нашего князя и нашь не въ порубѣ, но въ св. Өедорѣ, а убивше того къ Чернигову пойдемъ, по своемъ князи; кончаимы же ся съ ними«.—Тоже слышавше народъ, оттолѣ пойдоша на Игоря въ св. Өеодоръ (*монастырь*). И рече имъ Волидимиръ: »того вы братъ мой не велѣлъ, Игоря блюдуть сторожи, а мы пойдемъ къ брату, яко же ны велитъ«. Рекоша же Кіяне: »мы вѣдаемъ, оже не

кончати добромъ съ тѣмъ племенемъ, ни вамъ ни намъ, коли--любо«. М-тъ же възбраняше имъ и Лазарь тысяцкой, и Рагуйло Володимирь тясяцкой, како быша не убили Игоря. Они же кликнуша и пойдоша убивать Игоря, и Володимиръ вcѣдъ на конь погна, и народи идяху по мосту; онъ же не мога ихъ минути, уворотя коня на право, мимо Глѣбовъ дворъ, и въскорѣша (*предупредили*) Кіяне передъ Володимеромъ. Игорь же услышавъ, пойде въ церковь св. Өедора...

Они же устремишась нань, яко звѣрье свѣрьпіи, и похытиша его на обѣдни въ церкви св. Өеодора, и манотью на немъ отогроша. Онъ же рече имъ: »о законопреступници, врази, всея правды христовы отметьници! почто яко разбойника хощете мя убити? Аще крестъ цѣловалѣ есте ко мнѣ, рекуще, яко имѣти мя собѣ княземъ, нынѣ уже и всего того не помянулъ быхъ, зане сподобилъ мя Богъ мнискый чинъ въспріяти«. Лукавый же нечестивый сборъ болѣ въпіяше, глаголя: »побейте, побейте!« И тако изъ свитки изволокоша, и онъ же вельми възъгласивъ, рече: »о оканьніи! не вѣсте ся что творяще, се бо творите невѣдиньемъ; аще и все тѣло мое наго оставите, нагъ бо изидохъ изъ чрева матери моея, и нагъ отъиду тамо«. И то ему глаголющю, и емше, повѣдоша изъ манастыря, и срете й Володимиръ въ вратѣхъ манастырьскихъ, и рече Игорь възря на нь: »охъ, брате, камо мя ведутъ«! Искочи Володимиръ съ коня, и огну й корьзномъ (*верхней одеждой*), река Кіяномъ: »братье моя! не мозите сего створити зла, ни убивайте Игоря«; и доведе й Володимиръ воротъ метере своея, и ту начаша Игоря убивати, и удариша Володимира бьюче Игоря. Михаилъ же видѣ то искочи съ коня, хотя помочи Володимиру, Володимиръ же вмча й во дворъ матере своея, Игоря хоропя, и затвори ворота; бьюче же Михаила, отторгоша хрестъ на немъ и съ чепьми, а въ немъ гривна золота. Толику же множеству убивающимъ Игоря, и пригна Володимиръ Мьстиславичь, искочи съ коня, паде на Игори, и тако Игорь въста, и вниде въ дворъ Мьстиславль; и тако людье яша Володимира и хотѣша убити про Игоря. И тако изъ народа стояще, и взрѣша Игоря вбѣгша въ Мьстиславль дворъ, и тако народъ двигнушася и выломиша ворота, и тако побиша. Игорь же побиваемъ рече: »Владыко! въ руцѣ твои предаю тебѣ духъ мой, прими въ миръ твой душю мою«. Безаконніи же, немилостивіи, побивше й отъинудь тѣло его наго оставиша и поверзъше ужемъ (*привязали веревку*) за ногы уволочиша: и еще живу сущу ему, ручающеся царьскому и священному тѣлу, и волокоша й съ Мьстиславля двора черезъ Бабинъ торжекъ на княжь дворъ, и ту прикончиша й. И тако скончаша Игоря князя, сына Олгова. Бяшеть бо добрый поборникъ отечьства своего, въ руцѣ божіи преда духъ свой, и съвлекся ризы тлѣньваго человѣка, и въ нетлѣньную и многострастьную ризу оболкъся Христа, отъ него же и вѣнцася въспріемъ мученія нетлѣнный вѣнечь. И тако къ Богу отъиде м. сентября въ 19, въ день пятокъ. И оттуда възложиша й на кола, и везоша й на Подолье, на Торговище; и повергоша поруганью безаконніи, несъмысленіи, ослѣпленіи очима своима, вѣдуще, яко мьститель есть Богъ и взищетъ крови неповиньнаго. Человѣци же благовѣрніи, приходяще, взимаху отъ крове его и отъ прикрова сущаго на немъ на тѣлѣ его, на спасеніе себѣ и на исцѣленіе, и покрывахуть наготу телесе его своими одежами. И повѣдаша Володимиру, яко поверженъ есть на торговищи; и посла тысячьского, и пріѣха видѣповержена Игоря мертвого, и рече: »се уже Игоря есте убили, но Олговичь, Давыдовича и Всеволодичь, оже мыслили

на нашего князя зло, хотяче погубити льстью; но Богъ за нашимъ князем и св. Софія«. И повелѣ тысяцкой взяти Игоря, и вземше ѝ положиша въ церкви св. Михаила На ту ночь Богъ прояви надъ нимъ знаменіе велико, зажгосясь свѣчѣ вси надъ нимъ въ церкви той; наутрѣя же шедше Новгородци повѣдаша митрополиту, м-ть же запрети, да никому же не повѣдять, но повелѣ потаити такую благодать Богу явльшю надъ нимъ. Суботѣ свитающи, посла м-тъ игумена Онанью св. Өедора; и пріѣха игуменъ, и видѣ нагого, и облече ѝ, и отпѣ надъ нимъ обычныя пѣсни, везе на конець града въ манастырь св. Семеону (бѣ бо манастырь отца его и дѣда его Святослава), тамо положиша.

(Ипат. Л. 32—34).

Въ объясненіе этого отрывка нужно замѣтить, что въ 1147 г. Кіевляне, по приглашенію своего князя Изяслава Мстиславича, рѣшили идти на Давыдовичей, которые только-что уличены были Изяславомъ въ измѣнѣ. Но одинъ человѣкъ сказалъ, что сторонники Игоря, врага Изяславова, въ отсутствіе ихъ, могутъ вывести изъ монастыря постриженнаго Игоря: вѣдь при Изяславѣ (1067 г.) злые люди вывели же Всеслава изъ поруба и много зла было городу, а изъ монастыря Игоря достать легче. »Кончимъ прежде съ нимъ, убьемъ его, а потомъ и пойдемъ къ Чернигову«. Кіевляне нашли совѣтъ основательнымъ и убили Игоря. Въ этой необходимости смерти Игоря высказалось опасеніе вѣча, какъ бы, въ отсутствіе приверженцевъ Изяслава, не усилилась партія Давыдовичей и въ противность только что состоявшемуся рѣшенію, оставшіеся въ городѣ Кіевляне не посадили на столъ опять Игоря, которому цѣловали крестъ въ предыдущемъ году.

141. Убіеніе Андрея Боголюбскаго.

Въ лѣто 6683 (1175). Убьенъ бысть в. к. Андрей Суздальскій, сынъ Дюрдевъ, внукъ Володимерь Мономаха, м. іюня въ 28-й день, канунъ св. апостолъ, день бѣ

тогда суббота. Создалъ же бяшеть собѣ городъ каменъ, именемъ Боголюбый, толь далече якоже Вышегородъ отъ Кыева, такоже и Боголюбый отъ Володимеря. Сый благовѣрный и христълюбивый князь Андрей отъ млады верьсты Христа возлюбивъ и пречистую его Матерь, смыслъ бо оставивъ и умъ, яко полату красну, душю украсивъ всими добрыми нравы; уподобися царю Соломону, яко домъ Господу Богу и церковь православну св. Богородица Рожества, посредѣ города, камену созда въ Боголюбомъ, и удиви ю паче всихъ церквій, подобна тоѣ Святая Святыхъ, юже бѣ Соломонъ царь премудрый создалъ...

Посемъ же иныя церкви, многы камены постави различныѣ, и манастырѣ многи созда. На весь бо церковьный чинъ и на церковникы отверзлъ баше Богъ сердечнѣ очи, не помрачи ума своего пьяньствомъ, и корнитель бяшеть черньцемъ и черницамъ и убогымъ, и всякому чину, яко възлюбленый отець бяшеть, паче же милостынею бяше милостивъ; мужьство и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходиста, иного добродѣянія много въ немъ бяше, и всякъ обычай добронравенъ имѣяшеть: въ нощь въходяшеть въ церьковь и свѣщи въжигиваашеть самъ, и видя образъ божій на иконахъ написанъ, взирая яко на самаго Творца, и вси святѣѣ написаны на иконахъ видя, смиряя образъ свой, съкрушеномъ сердцемъ, и уздыханье отъ сердца износя и слезы отъ очью испущая, покаянье Давыдово пріимая, плачася о грѣсѣхъ своихъ, възлюбивъ нетлѣненая паче тлѣнныхъ и небесная паче временныхъ, и царство святымъ у вседержителя Бога паче претекущаго сего царства земльного, и всею добродѣтелью бѣ украшенъ, вторый мудрый Соломонъ; бяшеть же и се добродѣтель имѣя: веляшеть по вся дни возити по городу брашно и питье разно-личное, больныимъ и нищимъ на потребу,

и видя всякого нища приходящаго къ собѣ просить, подавая имъ прошенья ихъ, глаголя тако: »еда се есть Христосъ пришедъ испытать мене«? и тако пріимаше всякого приходящаго къ нему, яко же Христосъ заповѣда. Тѣмъ достойно отъ Бога побѣдный вѣнець пріялъ еси княже *Андрею* (*гречес. анир—мужъ*), мужьству тезоимените, братома благоумныма святыма страстотерпцема въслѣдовалъ еси, кровью умывся страданія ти; аще бо не напасть, то ни вѣнець, аще ли не мука, то ни дарове: всякый бо держася добродѣтели не можетъ бо безо многихъ врагъ быти. Князь же Андрей вражное убійство слышавъ напередѣ до себе, духомъ разгорѣся божественнымъ и нивочто же вмѣни.

Сей же боголюбивый князь не за друга, но за самого Творца, создавшаго всячьская отъ небытья въ бытье, душю свою положи. Тѣмъ въ память убьенья твоего, страстотерпьче княже Андрею, удивишася небесніи вои, видяще кровь проливаему за Христа; рыдаеть же множество правовѣрныхъ, зряще отца сирымъ и кормителя, омрачнымъ звѣзду свѣтоносну помрачаему; оканныѣ же убійцѣ огнемъ крестятся конечнымъ и сожигаеть всякого грѣха купину, рекьше дѣянья. Ты же, страстотерпьче, молися ко всемогущему Богу о племени своемъ, и о сродницѣхъ, и о землѣ Руськой, дати мірови миръ. Мы же на преднее възвратимся. Се же бысть въ пятницю, на обѣдніи, съвѣтъ лукавы и пагубоубійственный. И бѣ у него Якимъ слуга възлюбленый имъ, и слыша отъ нѣкого, аже брата его князь велѣлъ казнити, и устремися дьяволимъ наученіемъ, и тече вопія къ братьи своей къ злымъ съвѣтникомъ, якоже Іюда къ Жидомъ, тъсняся угодити отцю своему сотонѣ; и почаша молвити: »день того казнилъ, а насъ заутра; а промыслимы о князѣ семъ,« — и свѣщаша убійство на ночь, якоже Іюда на Господа. И пришедъши нощи, они же устремившеся поимавше оружья, пойдоша на нь яко звѣрье сверьпіи; и идущимъ имъ къ ложници его, и прія ѣ страхъ и трепетъ и бѣжаша съ сѣній, шедше въ медушю (*погребъ*) и пиша вино; сотона же веселяшеть ѣ въ медуши и служа имъ невидимо, поспѣвая и крѣпя ѣ, якоже ся ему обѣщали бяхуть; и тако упившеся виномъ пойдоша на сѣни. Начальникъ же убійцамъ бысть Петръ Кучьковъ зять, Анбалъ Ясинъ ключникъ, Якимъ Кучьковичь, а всѣхъ невѣрныхъ убійцъ 20 числомъ, иже ся бяху сняли на оканьный съвѣтъ, томъ дни, у Петра у Кучкова зята. Постигъши бо нощи суботніи, на память святую апостолу Петра и Павла, взеимше оружье, яко звѣрье дивіи, пришедшимъ имъ къ ложници, идѣже блаженый князь Андрей лежить, и рече одинъ стоя у дверій: »господине!« И князь рече: »кто есть?« И онъ же рече: »Прокопьи.« И рече князь: »о паробьче не Прокопьи.« Они же прискочивше къ дверемъ, слышавше слово княже, и почаша бити въ двери и силою выломиша двери. Блаженый же вскочи, хотя взяти мечь, и не бѣ ту меча, бѣ бо томъ дни вынялъ ѝ Анбалъ ключникъ его: то бо мечь бяшеть св. Бориса. И въскочивша два оканьная и ястася съ нимъ, и князь поверже одиного подъ ся, и мнѣвше князя повержена и уязвиша ѝ свой другъ; и посемъ познаша князя и боряхуся съ нимъ велми, бяшеть бо силенъ, и сѣкоша ѝ мечи и саблями и копійныя язвы даша ему. И рече имъ: »о горе вамъ нечестивіи! что уподобистеся Горясѣру? что вы зло учинихъ? аще кровь мою прольясте на землѣ, да Богъ отомьстить вы и мой хлѣбъ«. Се же нечестивіи мнѣвша его убьена до конца, и възьмыше друга своего и несоша вонъ, трепещюще отъидоша; онъ же во торопѣ выскочивъ по нихъ, и начать рыгати и глаголати въ болѣзни сердца, иде подъ сѣни. Они же

142. Обращеніе къ князьямъ.

Васъ молю, стадо христово, съ любовію, приклоните ушеса ваша разумно: како быша древніи князи и мужи ихъ, и како отбараняху русьскыя земля, и иныя страны пріимаху подъ ся. Ти бо князи не сбираху много имѣнія, не творимыхъ виръ (*судебныхъ денежныхъ взысканій*), ни продажь въскладаху на люди; но оже будяше правая вира, и ту возма, даяше дружинѣ на оружіе. А дружина его кормляхуся, воюющи иныя страны, біющися: »братіе! потягнемъ по своемъ князи и по русьской земли». Не жадяху: »мало ми есть, княже, 200 гривенъ«; не кладаху на свои жены златыхъ обручей, но хожаху жены ихъ въ серебрѣ, и росплодили были землю русьскую. За наше несытьство навелъ Богъ на ны поганыя, а и скоти наши, и села наша, и имѣнія за тѣми суть; а мы злыхъ своихъ не останемъ. Пишеть бо ся: »богатьство неправдою сбираемо, скоро изъвѣется». И паки: »сбираеть,—и не вѣсть кому сбираеть«. И пакы: »лучше малое праведнику, паче богатьства грѣшныхъ многа«. Да отселѣ, братія възлюбленая моя, останемся отъ несытьства своего; доволни будите урокы вашими. Яко и Павелъ пишеть: »ему же дань, то дань, ему же урокъ, то урокъ; никому же насилія творяще, милостынею цвѣтуще, страннолюбіемъ въ страсѣ божіи и правовѣріи свое спасеніе съдѣвающе, да и здѣ добрѣ поживемъ, и тамо вѣчнѣй жизни причастници будемъ«.

(*П. С. лѣт. V, 87*).

143. Романъ Галицкій.

Въ лѣто 6709 (1201). По смерти вел. кн. Романа, приснопамятнаго самодержьца всея Руси, одолѣвша всимъ поганьскимъ языкомъ, ума мудростью ходяща по заповѣдемъ божіимъ: устремилъ б ся бяше на поганыя яко и левъ, сердит же бысть яко и рысь, и губяше яко кор кодилъ, и прехожаше землю ихъ яко орелъ, хроборъ бо бѣ яко и туръ (*ди кій быкъ*). Ревноваше бо дѣду своем Мономаху, погубившему поганыя Измаил тяны, рекомыя Половци, изгнавшю Отро ка во Обезы за Желѣзная врата ([1]) Сърчанови же оставшю у Дону, рыбо ожившю; тогда Володимеръ Мономахъ пил золотомъ шеломомъ Донъ, пріемши земл ихъ всю и загнавшю оканьныя Агаряны По смерти же Володимерѣ оставъшю Сырьчана единому гудьцю же, Ореви по сла й во Обезы, река: »Володимеръ умерл есть, а воротися, брате, пойди въ земл свою; молви же ему моя словеса, пой ж ему пѣсни Половецкія; аже ты не восхо четь, дай ему поухати (*понюхать*) зелья именемъ *евшанъ*«. Оному же не вос хотѣвшю обратитися, ни послушати, и дасть ему зелье; оному же обухавшю и воспла кавшю, рче: »да лучше есть на свое землѣ костью лечи, нели на чюжѣ слав иу быти«. И приде во свою землю, от него родившюся Концаку, иже снесе Су лу пѣшь ходя, котелъ нося на плечеву Роману же князю ревновавшю за то, тщашеся погубити иноплеменникы. Вели ку мятежю возставшю въ землѣ Руской оставившима же ся двѣима сынома его единъ 4 лѣтъ, а другій лву лѣтъ.

144. Борьба Мстислава съ боярами.

Въ лѣто 6734 (1226). Льстивои Жирославу рекшю къ бояромъ галичьким

([1]) *Кавказкія горы.*

»яко идеть Мьстиславъ въ поле, и хо-
щеть вы предати тестеви своему Котяню
на избитье«, Мьстиславу же праву сущю
о семъ и не свѣдущю ничтоже о нихъ,
они же емше вѣры отъидоша въ землю
Перемышлескую, въ горы Кавокасьскія,
рекше во Угорьскыя, на рѣку Днѣпръ,
послаша послы своя, рекуще: »яко Жи-
рославъ повѣдалъ ны есть«. Мьстиславу
же пославшу отца своего Тимоѳея: »яко
всуе оклеветалъ мя есть къ вамъ Жи-
рославъ«, Тимоѳею же кленшюся имъ о
семъ, яко не свѣдущу Мьстиславу ничто-
же о семъ: и приведе бояре вся къ не-
му. Князю же обличившю Жирослава, из-
гна й отъ себе. Якоже изгна Богъ Ка-
ина отъ лица своего, рекы: проклятъ ты
буди, стоня и трясыйся на земли, яко же
раздвиже земля уста своя пріяти кровь
брата твоего, якоже и Жирославъ разъ-
движе уста своя на господина своего: да
не будеть ему пристанъка во всихъ зе-
мляхъ, въ Рускихъ и во Угорьскыхъ
(*Венгерскихъ*) и ни въ кихъ же стра-
нахъ, да ходить шатаяся во странахъ,
желаніе брашна да будеть ему, вина же
и олу (*елея, масла*) поскуду да будеть
ему, и да будеть дворъ его пустъ и въ
селѣ его не будеть живущаго. Оттуду
выгнанъ иде ко Изяславу: бѣ бо лукавый
льстецъ нареченъ, и всихъ стропотливѣе
и лжи пламянъ, всеименитый отцемъ до-
брымъ, убожьство возбраняше злобу его,
лъжею питашеся языкъ его, но мудростію
возложаше вѣру на лжю, красятеся лестью
паче вѣнца лженименець, зане прелщаше
нетокмо чюжихъ, но и своихъ возлюблен-
ныхъ, именія ради; того бо дѣля жадаше
быти у Изяслава. Мы же на преднее
возвратимся. Мьстиславъ же, по совѣтѣ
льстивыхъ бояръ галичькихъ, вда дщерь
свою меншую за королевича Андрея, и
дасть ему Перемышль. Андрей же послу-
шавъ льстиваго Семьюнка Черьмнаго, и
бѣжа въ Угры и нача воздвизати рать;
бывши же зимѣ, пріиде ко Перемышлю,

Юрьеви тогда тысящю держащю (1), пе-
реда Перемышль и бѣжа самъ ко Мьсти-
славу. Королеви же ставшю во Зве-
нигородѣ, и посла вои свои къ Галичю,
самъ бо не смѣ ѣхати къ Галичю: повѣ-
дахуть бо ему волъхвы угорьскыя, яко
узрѣвшу Галичь не быти ему живу; онъ
же тоя ради вины не смѣя ити въ Га-
личь, яко вѣряшеть волъхвомъ; Днѣстру же
наводнившюся, не могоша перейти. Мьсти-
славъ же выѣха противу съ полкы, онѣмъ
же позоровавшимъ насъ, и ѣхаша Угре во
станы своя: бѣ бо съ королемъ Пакославъ
съ Ляхы. Оттуду же пойде король ко
Теребовлю и взя Теребовль, и пойде къ
Тихомлю и взя Тихомль; оттуду же при-
де ко Кремянцю, и бися подъ Кремян-
цемъ, и много Угоръ избиша и раниша.
Тогда же Мьстиславъ Судислава посла къ
зати своему князю Данилу, рекый: »не
отступай отъ мене«: оному же рекшю:
»имамъ правду во сердци своемъ«. Отту-
ду же приде король ко Звенигороду. Вы-
ѣха же Мьстиславъ изъ Галича, Угрѣ же
выѣхаша противу ему со становъ короле-
выхъ, Мьстиславъ же бися съ ними и по-
бѣди я, и гнаша по нихъ до становъ ко-
ролевыхъ, сѣкуще я; тогда же Мартини-
ша убиша, воеводу королева; король же
смятеся умомъ и пойде изъ земли борзо.
Данилови же пришедшу ко Мьстиславу съ
братомъ Василкомъ ко Городку, и Глѣбъ
съ нима, и молвящимъ имъ: »пойди, кня-
же, на короля, по Лохти ходить«, Суди-
славъ же браняшеть ему, бѣ бо имѣя-
шеть лесть во сердци своемъ, не хотяше
бо пагубы королеви, имѣяше бо въ немъ
надежу велику: бѣаше бо король изне-
моглъся. Льстькови же въ то время иду-
щу въ помощь, Данилови же бранящю ему
не помогати королеви, оному наипаче хо-
тящю, Данилъ же и Василко посласта лю-

(1) *Тысяцкимъ былъ.*

ди своя къ брату, не даста ему прити; оттуду же возвратився иде во свою землю, изнемоглъ бо ся бѣ ходивъ на войну. А король угорьскы иде во Угры; тогда же угони Изяславъ со льстивымъ Жирославомъ, и доста съ нимъ Угры. Потомъ же Судиславу льстящю, подо Мьстиславомъ, рече ему: »княже! дай дщерь свою обрученую за королевича, и дай ему Галичь: не можешь бо держати самъ, а бояре не хотять тебе«. Оному же не хотящю дати королевичю, наипаче хотящю дати Даниловн, Глѣбови же Зеремѣевичю и Судиславу претяща ему не дати Данилови, рѣста бо ему: »аже даси королевичю, когда восхощеши можеши взяти подъ нимъ, даси ли Данилови, въ вѣкы не твой будеть Галичь«,—Галичаномъ бо хотящимъ Данила. Оттудуже послаша въ рѣчихъ, Мьстиславъ дасть Галичь королевичю Андреевн, а самъ взя понизье, оттулу иде Торьцкому. Мьстиславу же Нѣмому давшу отчину свою князю Данилови, и сына своего поручивъ Ивана, Ивану же умершю, и прія Луческъ Ярославъ, а Черторыескъ Пиняне.

(*Ипат. 155. 165—6.*

145. а, Борьба Даніила съ боярами.

Въ лѣто 6735 (1227). Начнемъ сказати безчисленыя рати, и великыя труды, и частыя войны, и многія крамолы, и частая возстанія, и многія мятежи: изъмлада бо не бы има покоя. Сѣдящу же Ярославу въ Лучьскѣ, ѣха Данилъ въ Жидигинъ кланятися и молитися св. Николѣ, и зва й Ярославъ къ Лучьску; и рѣша ему бояре его: »прінми Луческъ, здѣ ими князя ихъ«; оному же отвѣщавшу, »яко пріходихъ здѣ молитву створити св. Николѣ, и не могу того створити«, иде въ Володимерь. Оттуду же, собравша рать, посласта на нь Андрея, Вячеслава, Гаврила, Ивана; оному же въѣхавшу ятъ бысть съ женою своею, ятъ же бысть Олексою Орѣшькомъ, бѣ бо борзъ конь подъ нимъ, угонивъ й и я его до города; и затворишася Лучане. Наутрѣя же приде Данилъ и Василко, и предашася Лучане, братъ же да Василкови Луческъ и Пересопницю, Берестій же ему бѣ преже далъ. Повоеваша Ятвязи около Берестія, и угониста й изъ Володимера, наѣхавшима же двѣима Монъдуничю Шутрови и Стегутови Зебровичю на полкъ, и убьенъ бысть Даниломъ и Вячеславомъ Шютръ, а Стегутъ убьенъ бысть Шелвомъ. Бѣжащимъ же Ятвяземъ, угони я Данилъ, Пебра язви четырми ранами, древо же вышибе копье изъ руку его; Василкови угонившу его, кликъ бысть великъ: »братъ ти біется назади«; оному же оставшу, обратися брату на помощь, оному же симъ утекшу, а иніи разбѣгошася. Мы же, се оставлеше, на преднее возвратимся. Данилъ же посла Дьмьяна ко тести своему, река ему: »не подобаетъ Пипяномъ держати Черторыиска, яко не могу имъ терпѣти«. Дьмьянови же повѣстящу съ нимъ: »сыну! сгрѣшихъ, не давъ тебѣ Галича, но давъ иноплеменьнику, Судислава льстьца свѣтомъ, обольсти бо мя; ажь Богъ восхочетъ, поидивѣ на ня, язъ всажу Половци, а ты своими, аще Богъ дасть его нама, ты возми Галичь, а язъ Понизье, а Богъ ти поможеть; а про Черторыескъ правъ еси«. Дьмьяну же пріѣхавшу въ великую суботу, наутрѣя же на великъ день пріѣхаста Данилъ и Василько ко Черторыиску, въ понедѣльникъ на ночь обсѣдоста градъ; тогда же и конь Даниловъ застрѣленъ бысть съ города; наутрѣя же объѣхаста градъ, Мирославъ и Демьянъ рекоста: »яко предалъ Богъ врагы наша въ руку ваю«, Данилъ же повелѣ приступити ко граду, и взяша градъ ихъ и князя ихъ изънмаша. Потомъ же Мьстиславъ великый удатный (*удалой*) князь умре: жадящю бо ему видити сына свое-

го Данила, Глѣбъ же Зеремѣевичь, убѣженъ бысть завистью, не пустяше его; оному же хотящю поручити домъ свой и дѣти въ руцѣ его: бѣ бо имѣя до него любовь велику во сердцѣ своемъ. И потомъ же пустиста Ярослава, и даста ему Перемиль и потомъ Межибожіе. Данилови же пріѣхавшу ко Галичю (1229), Галичь бо бѣ ся затворилъ, Данилъ же взя дворъ Судиславль, якоже вино и овоща и корма, и копій и стрѣлъ, пристраньно видити; потомъ же Данилъ, видивъ люди своя яко исполнилися, не хотѣ стати въ города, но иде на ину страну Днѣстра. Судиславу же тое ночи вобѣгшю во городъ, яти бывше отъ вой его людіе и рекоша, яко Судиславъ уже въ Галичи. Данилъ стоаше Угольницѣхъ, на березѣ Днѣстра; выѣхавшимъ же Галичаномъ и Угромъ, и стрѣляшася на леду, вечеру же бывшу, и ледомъ возставшимъ и рѣцѣ наводнившися, зажгоша мостъ на Днѣстрѣ беззаконьный лихый Семьюнько, подобный лисиця черьмности ради (*красноты*); и приде же Дьмьянъ со всими бояры галичкыми, со Мирославомъ и со Володиславомъ, и со многими бояры галичкыми. Данилови же о семъ веселу будущю, а о мостѣ печаль имѣющу, какъ Днѣстръ перейти, гнавъ же Данилъ ко мосту и узрѣвъ, яко конечь мосту угаслъ есть, и бысть радость велика; на утрѣя же приде Володимеръ Инъгаровичь, и переидоша мостъ и сташа по берегу Днѣстра. На утрѣя же уставше и объѣха Данилъ городъ, и собравъ землю Галичкую ста на четыре части окрестъ его, и собра отъ Боброкы даже и до рѣкы Ушицѣ и Прута, и обсѣде въ силѣ тяжьцѣ; онѣмъ же изнемогъшимъ передаша градъ. Данилови же пріемшу градъ, помянувшю любовь короля Андрея и пусти сына его и проводи ѝ до рѣкы Днѣстра; изыде же съ нимъ единъ Судиславъ па ньмъ же метаху каменіе, рекуще: »изыди изъ града, мятежниче земли«! Андрееви же пришедшу ко отцю си (*своему*) и брату, и Судиславу глаголющу непрестаньно: »изыдѣте на Галичь и пріимѣте землю Рускую; аще не поидеши, укрѣпяться на ны«. Изыде же Бѣла риксъ (*rex* — царь), рекъмый король угорьскый, въ силѣ тяжьцѣ, рекшю ему: »яко не имать остатися грѣхъ Галичь, нѣсть кто избавляя ѝ отъ руку моею«. Вшедшу же ему во горы Угорьскыѣ, посла на нь Богъ архангола Михаила отворити хляби небесныя, конемъ же потопающимъ и самѣмъ возбѣгающимъ на высокая мѣсту, оному же одинако устремившися пріяти градъ и землю. Данилови же молящуся Богу, избави ѝ Богъ отъ рукы силныхъ. И обступи градъ и посла посолъ, и возопи посолъ гласомъ великомъ и рече: «слышите словеса великого короля угорьского, да не уставляеть васъ Дьмьянъ, глаголя: изъемля изымьть ны Богъ; ни да уповаеть вашь Данилъ на Господа, глаголя: не имать предати градъ сесь (*сей*) королеви угорьскому; толико ходилъ на ины страны, то кто можеть одержати отъ руку моею и отъ силъ полковъ моихъ«? Дьмьянъ же одинако крѣпяшеся, грозы его не убояся: Богъ поспѣшникъ бысть ему. Данилъ же приведе къ собѣ Ляхы и Половцѣ Котяневы, а у короля бѣаху Половци Бѣговаръсови; Богъ попусти на нѣ рану Фараонову. Градъ же крѣпляшеся, а Бѣла изнемогаше и поиде отъ града; оставившю же ему люди за собою, оружники многи и фаревникы (1), нападшимъ же на нѣ гражаномъ, многи впадаху въ рѣку, иніи же избьени быша, иніи язвени быша, иніи

---

(1) *Фаръ*, фаризъ, ферезь, farisius, faras, farius означають хорошаго коня.- Въ сказкѣ »Дѣяніе Девгеніево« говорится: »кто сему не дивится, како дерзость яви уноша, како лось нагони бърже (*скорѣе*) фаря бръзаго. Како фарь подъ нимъ скакаше, а онъ гораздно на немъ играетъ.« Ист. гос рос. II. пр. 333. III. 190, 272. Венгерскій всадникъ назывался *фаревникомъ*,

же изоимани быша, яко индѣ глаголеть: Скыртъ рѣка злу игру сыгра гражаномъ, тако и Днѣстръ злу игру сыгра Угромъ (1). Оттуду же пойде король къ Василеву, и перейде Днѣстръ, и пойде ко Пруту. Богъ бо попустилъ бѣяшеть рану, ангелъ бьашеть ихъ; сице умирающимъ, инiи же изъ подъшевъ выступахуть, акы изъ червiя, (*черевиковъ, башмаковъ*), инiи же около огня солѣзшеся и мясо ко устомь придѣвше умираху, многими же ранами разными умираху, хляби бо небесныи олинако топяхуть ѝ. Утедшю же ему за̀ невѣрьство бояръ галичкихъ, Данилъ же, божьею волею, одерьжа градъ свой Галичь.

(*Ипат.* *166—7, 169—70*).

6, Прiиде (Данiилъ въ 1240 г.) ко граду Дорогычину и восхотѣ внити во градъ, извѣстьно бысть ему, яко »не внидеши во градъ«; оному рекшу, яко »се былъ градъ нашъ и отець нашихъ«; »вы же не изволисте внити въ онь« —отъиде; и отъиде мысля си, иже Богъ послѣже отмьстье створи держателю града того и вдасть ѝ въ руцѣ Данилу; и обновивъ и созда церковь прекрасну святоѣ Богородици, и рече: »се градъ мой, преже бо прiяхъ ѝ копьемъ«. Данилови же со братомъ пришедшу ко Берестью, и не возмогоста ити въ поле, смрада ради множьства избьеныхъ: не бѣ бо на Володимерѣ не осталъ живый, церкви св. Богородици исполнена трупья, иныа церкви наполнены быша трупья и тѣлесъ мертвыхъ. Потомъ же Михаилъ иде отъ уя *(дяди)* своего на Володимерь, (*съ*) сыномъ своимъ, и оттуда иде Пиньску. Ростиславъ же Володимеричь приде къ Данилу въ Холмъ, одержалъ бѣаше Богъ отъ безбожныхъ Татаръ, Ростиславъ же показа правду свою, яко не есть во съвѣтѣ (*въ согласьи*) съ Михаиломъ; Михаилъ же не показа правды въ добродѣанье Данилу же и Василку, но пройде землю его, ни пославъ посла, иде въ Кiевъ и живяше подъ Кiевомъ во островѣ, а сынъ его иде въ Черниговъ Ростиславъ. Вышедшу же Львови изъ Угоръ съ бояры галичкыми, и прiѣха во Водаву ко отцю си, и радъ бысть ему етецъ. Бояре же галичстiи, Данила княземъ собѣ называху, а самѣ всю землю держаху; Доброславъ же вокняжился бѣ и Судьичь, поповъ внукъ, и грабяше всю землю, и въшедъ во Бакоту все *Понизье* прiя, безъ княжа повелѣнiя, Григорья же Васильевичь собѣ горную страну Перемышльскую мышляше одержати, и бысть мятежь великъ въ землѣ и грабежь отъ нихъ. Данилъ же, увѣдавъ, посла Якова столника своего съ великою жалостью ко Доброславу, глаголя къ нимъ: »князь вашь азъ есмь, повелѣнiя моего не творите, землю грабите; черниговьскихъ бояръ не велѣхъ ти, Доброславе, прiимати, нъ дати волости галичкимъ, а коломыйскюю соль отлучити на мя«; оному же рекшу: »да будетъ тако«. Во тъ же часъ Якову сѣдящу у него, прiидоста Лазорь Домажирѣчь и Иворъ Молибожичь, два безаконьника, отъ племени смердья, и поклонистася ему до землѣ; Якову же удивившуся и прашавшу вины, про что поклонистася; Доброславу же рекшу: »вдахъ има Коломыю«; Якову же рекшу ему: »како можеши безъ повелѣнiя княжа отдати ю сима, яко велицiи князи держать сiю Коломыю на роздаванiе оружьникомъ; си бо еста недостойна ни Вотьнина держати«; онъ же усмѣявся рече: »то что могу же глаголати«? Яковъ же прiѣхавъ вся си сказа князю Данилови; Данилъ же скорбяше и моляще-

(1) Лѣтописецъ намекаетъ здѣсь на лѣтопись Іоанна Малалы, которая была ему извѣстна, вѣроятно, въ славянскомъ переводѣ. Вотъ что говоритъ греческая лѣтопись о рѣкѣ Скиртѣ: въ тоже время городъ Едесса былъ потопленъ совершенно разлитiемъ рѣки Скирта; въ послѣдствiи на томъ мѣстѣ найдена огромная каменная плита съ надписью. »Рѣка Скиртъ недобрыя шутки съиграла надъ жителями«. (Переясл. Лѣт. LVII).

ся Богу о отчинѣ своей, яко нечестивымъ симъ держати ю и обладати ею. И малу же времени минувшу, присла Доброславъ на Григоря, река: »яко не вѣренъ ти есть«,—противляшеся ему, а самъ хотяше всю землю одержити; сводившеся сами и пріѣхаша съ великою гордынею, ѣдучю Доброславу во одиной сорочьцѣ, гордящу, ни на землю смотрящю, Галичаномъ же текущимъ у стремени его; Данилови же видящу и Василкови гордость его, болшую вражду на нь воздвигнуста. Доброславу же и Григорю обоимъ ловящимъ на ся, слышавъ же Данилъ рѣчи ихъ, яко полны суть льсти, и не хотятъ по воли его ходити и власть его иному предати, сомысливъ же со братомъ, по нужи же видя безаконіе ихъ, и повелѣ его изоимати.

(*Ипат. 178—179.*)

Борьба королей съ боярами въ Галиціи весьма интересна особенно въ томъ отношеніи, что выходила изъ вліянія, какое имѣли порядки феодальной Европы на сосѣднія славянскія страны.

146. Борьба Пскова съ княземъ.

Томъ же лѣтѣ (1228) князь Ярославъ поиде въ Пльсковъ, съ посадникомъ Иванкомъ и тысячьскыи Вячеславъ, и слышавше Пльсковици, яко идетъ къ нимъ князь, и затворишася въ городѣ, не пустиша къ собѣ; князь же постоявъ на Дубровнѣ възвратися въ Новъгородъ, промъкла бо ся вѣсть бяше си въ Пльсковѣ, яко *везеть оковы хотя ковати вяцьшее мужи.* И пришьдъ створи вѣче въ владычьни дворѣ, и рече: »яко не мыслилъ есмь до Пльсковичь груба ничего же, нъ везлъ есмь былъ въ коробьяхъ дары, паволоки и овощь, а они мя обьсчьствовали« (*обезчестили*), — и положи на нихъ жалобу велику. Тъгда же

приведе пълкы изъ Переяславля, а река: »хочю ити на Ригу«. И сташа около Городища шатры, а инiи въ Славнѣ по дворомъ, и въздорожиша все по търгу, и хлѣбъ, и мяса, и рыбы. И оттолѣ ста дороговь: купляху хлѣбъ по 2 кунѣ, а кадь ржи по 3 гривнѣ, а пшеницю по 5 гривънъ, а пшена по 7 гр.; и тако ста по 3 лѣта. Тоже слышавъше Пльсковици, яко приведе Ярославъ пълкы, убоявшеся того, възяша миръ съ Рижаны, Новгородъ выложивъше, а рекуче: »то вы, а то Новгородьци, а намъ ненадобѣ; нъ оже поидуть на насъ, тъ вы намъ помозите«; и они рекоша: тако буди, — и пояша у нихъ 40 мужь въ талбу (*въ заложники*). Новгородци же увѣдавъше, рекоша: »князь насъ зоветь на Ригу, а хотя ити на Пльсковъ«. Тъгда же князь посла Мишу въ Пльсковъ, река: »поидите со мною на путь, а зла до васъ не мыслилъ никотораго же, а тѣхъ ми выдаите, кто мя обадилъ къ вамъ«. И рекоша Пльсковици, приславъше Гръчина: »тобѣ ся, княже, кланяемъ и братьи Новгородьцемъ, на путь не идемъ, а братьи своеи не выдаемъ, а съ Рижаны есме миръ взяли; къ Колываню (*Ревелю*) есте ходивъше серебро поимали, а сами поидосте въ Новъгородъ, а правды не створисте, города не взясте, а у Кеси такоже, а у Медвѣжѣ Головѣ такоже, а за то нашю братью избиша на озерѣ, а инiи поведени (*въ плѣнъ*); а вы роздравше та прочь; или есте на насъ удумали? тъ мы противу васъ съ св. Богородицею и съ поклономъ, то вы луче насъ изсѣчите, а жены и дѣти поемлѣте собѣ, а не луче поганiи; тъ вамъ ся кланяемъ«. Новгородьци же князю рекоша: мы безъ своея братья, безъ Пльсковиць, не имаемъся на Ригу, а тобѣ ся, княже, кланяемъ.— Много же князь нудивъ, и не яшася по путь. Тъгда же князь Ярославъ поиде съ княгынею изъ Новагорода Переяславлю, а Новѣгородѣ остави два сына своя Ѳеодо-

ра и Алькеандра, съ Өедоромъ Даниловицемъ, сь тіуномъ Якимомъ.

(*1 Новг. 49*).

147. Борьба Новгорода съ княземъ.

Въ лѣто 6763 (1255). Выведоша Новгородьци изъ Пльскова Ярослава Ярославича и посадиша его на столѣ, а Васильа выгнаша вонъ; и то слышавъ Олександръ, отець Васильевъ, поиде ратью къ Новгороду. Идущю Олександру съ многыми полкы и съ Новоторжьци, срѣте ѝ Ратишка (*уменшит. Ратибора*) съ перевѣтомъ: поступаи, княже! братъ твои Яровлавъ побѣглъ. И поставиша Новгородци полкъ за Рождествомъ христовымь въ конци, а что пѣшца — а ти сташа отъ св. Ильи, противу Городища. И рекоша меншіи у св. Николы на вѣчи: братье, ци (*если*) како речеть князь: »выдаите мои ворогы« ?—и цѣловаша св. Богородицю меншіи, како стати всѣмъ, любо животъ, любо смерть за правду Новгородьскую, за свою отчину.

И бысть въ вятшыхъ совѣтъ золъ, яко побити меншіи, а князя въвести на своеи воли. И побѣжа Михалко изъ города къ св. Георгію, како было ему своимъ полкомъ уразити *нашю сторону* ([1]) и измясти люди; увѣдавъ Ананья, хотя ему добра, посла по немъ въ таинѣ Якуна, и увѣдавше черныи люди погнаша по немъ и хотѣша на дворъ его ударити, и не да Ананья: »братье, аже того убіете, убіете мене переже« ;— не вѣдяше бо, аже о немъ мысль злу свѣщаша самого яти, а посадничьство дати Михалку. И присла князь Бориса на вѣче: »выдаите ми
Онанью посадника, или не выдадите, а
вамь не князь, иду на городъ ратью
И послаша Новгородьци къ князю влад
ку и Клима тысячьского: »поѣди, княз
на свои столъ, а злодѣевъ не слушаи,
Ананьи гнѣва отдаи и всѣмъ муже
новгородьскымъ« . И не послуша кн
молбы владычни и Климовы; и реко
Новгородьци: »аже, братье, князь на
тако сдумалъ съ нашими крестопересту
пникы, оно имъ Богъ и св. Софья,
князь безъ грѣха« . И стоя весь полкъ
3 дни за свою правду, и въ 4-и д
присла князь, река тако: »аже Онан
лишится посадничьства, азъ вамъ гнѣ
отдамъ« ;—и лишися посадничьства Онан
и взяша миръ на всеи воли новгородск
И поиде князь въ городъ, и срѣте ѝ а
хіеп. Далматъ со всѣмъ іерейскымъ
номъ, съ кресты, у Прикуповичь дво
и вси радости исполнишася, а злодѣи о
рачишася: зане хрестьяномъ радость,
дьяволу пагуба, яко не бысть хрест
номъ кровопролитія велика. И сѣде кн
Олександръ на своемъ столѣ. Въ лѣто
же даша посадничьство Михалку Степа
вичю.

(*1 Новг. 55—56*).

148. Волненіе въ Новгородѣ.

Тои же зимы (1259) пріѣхаша ока
ніи Татарове сыроядьци, Беркаи и
сачикъ, съ женами своими, и инѣхъ м
го; и бысть мятежъ великъ въ Новѣ
родѣ, и по волости много зла учини
беруче *туску* ([1]) оканьнымъ Татаро

([1]) Лѣтописецъ, очевидно, держитъ сторону низшаго класса народа.

([1]) Туска — на татарск. яз. значитъ
вать. Откупщики даней отдавали Хану 9 часте
десятую брали себѣ.

И нача оканьныи боятися смерти, рече Олександру: »дай намъ сторожи, ать (да) неизбьють насъ« ; — и повелѣ князь стеречи ихъ сыну посадничю и всѣмъ дѣтемъ боярьскымъ по ночемъ. И рѣша Татарове: »даите намъ число (1), или бѣжимъ проче« ;—и чернь не хотѣша дати числа, но реша: »умремъ честно за св. Софью и за домы ангелскыя«. Тогда издвоишася люди; кто добрыхъ, тотъ по св. Софьи и по правои вѣрѣ, и створиша супоръ; вятшіи велять ся яти меньшимъ по число. И хотѣ оканьныи побѣжати, гонимъ св. Духомъ, и умыслиша съвѣтъ золъ, како ударити на городъ на ону сторону; а друаіи озеромъ на сю сторону, и възбрани имъ не видимо сила христова—и не смѣша. И убоявшеся почащася возити на одину сторону къ св. Софьи, рекуще: »положимъ главы своя у св. Софьи«. И бысть заутра съѣха князь съ Городища, и оканьныи Татарове съ нимъ, и злыхъ съвѣтомъ яшася по число, творяху бо бояре собѣ легко, а меншимъ зло; и почаша ѣздити оканьныи по улицамъ, пишюче домы христьяньскыя, зане наведѣ Богъ, за грѣхы наша, изъ пустыня звѣри дивія ясти силныхъ плъти и пити кровь боярьскую. И отъѣхаша оканьніи, вземше число, а князь Олександръ поѣха послѣ, посадивъ сына своего Дмитрія на столѣ.

(*1 Новг. 56—57*).

149. Договорная Новгорода съ в. кн. Ярославомъ тверскимъ 1265 г.

Благословленне отъ владыкы, покланяние отъ Посадника Михаила, и отъ тысячьскаго Кондрата, и отъ всего Новагорода, и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ меньшихъ, къ князю Ярославу. На семь, княже, цѣлуй хрестъ къ всему Новугороду; на чемь-то цѣловали дѣди и отци, и отець твой Ярославъ. Новъгородъ ти держати въ старинѣ, по пошлинѣ. Что волостий всѣхъ новгородьскыхъ, того ти, княже, не держати своими мужи, нъ дьржати мужи новгородьскыми; а даръ имати тобѣ отъ техъ волостий. А безъ посадника тобѣ волостий не раздавати; а кому раздаялъ волости братъ твой Александръ, или Дмитрий съ Новгородци, тобе техъ волостий безъ вины не лишати. А что ти, княже, пошло на Торожку и на Волоцѣ тивунъ свой дьржати; а Новъгородьць на своей части дьржати. А въ Бежицахъ, княже, тобе, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ селъ не дьржати, ни купити, ни даромъ приимати, и по всей волости новгородьской. А се, княже, волости новгородьскые: Волокъ съ всеми волостьми, Тържькъ, Бежицѣ, городьць Палиць, а то есме дали Иванкова; потомъ Мелѣча, Шипино, Егна, Вологда, Заволочье, Тре, Перемь, Печера, Югра. А въ Русу ти, княже, ездити на Озвадо звѣри гонитъ. А въ Ладогу ти, княже, слати осетрьникъ и медовара, по грамотѣ отца своего Ярослава. А судъ, княже, отдалъ Дмитрий съ Новгородци Бежичяномъ и Обонижаномъ на 3 лѣта, судье не слати. А изъ Бежиць, княже, людий не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости новгородьской; ни грамотъ имъ дати, ни закладниковъ приимати, ни княгыни твоей, ни бояромъ твоимъ, ни дворяномъ твоимъ, ни смерда, ни купцины. А безъ вины ти мужа волости не лишити; а грамотъ ти, княже, не посужати. А пожне, княже, что пошло тобе и твоимъ мужемъ, то твое; а что былъ отъялъ братъ твой Александръ пожне, а то ти, княже, не надобѣ. А что, княже, братъ

(1) Дѣло шло о поголовной переписи или исчисленіи народа.

твой Александръ дѣялъ насилие на Новѣгородѣ, а того ся, княже, отступи. Дворяномъ твоимъ и тивунамъ пюгонѣ (*прогоны*) имати, какъ то пошло. А на томъ ти, княже, на всемь хрестъ цѣловати, бесъ перевода, при нашихъ послѣхъ: а мы ти ся, господине княже, кланяемъ. *А что, княже, мыть (торговая пошлина) по твоей земли, и по иной волости, и по всей Суждальской земли*; а то, княже, имати но 2 векши отъ лодье, и отъ воза, и отъ лну, и отъ хмелна короба. *А дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовъ не имати, развѣ ратной вести.* Тако, княже господине, пошло отъ дѣдъ и отъ отецъ, и отъ твоихъ, и отъ нашихъ, и отъ твоего отчя Ярослава.

(*Сбор. грам. I, № 1*).

См. также Ист. гос. рос. IV, пр. 114. Собр. важнѣйш. памятн. по исторіи древ. рус. права Спб. 1859. 124.

150. Изгнаніе князя изъ Новгорода.

Того же лѣта (1270) бысть мятежь въ Новѣгородѣ, начаша изгонити князя Ярослава изъ города, и съзвониша вѣче на Ярославли дворѣ, и убиша Иванка, а иніи вбѣгоша въ Николу святыи; а заутра побѣгоша къ князю на Городище тысячьскыи Ратиборъ, Гаврило Кыяниновъ и иніи пріятели его, и взяша домы ихъ на разграбленіе и хоромы разнесоша, а къ князю послаша на Городище, исписавше на грамоту всю вину его: »чему (*зачьмъ*) еси отъялъ Волховъ гоголными ловци, а поле отъялъ еси заячими ловци? чему взялъ еси Олексинъ дворъ Морткинича? чему поималъ еси серебро на Микифорѣ Манускиничи, и на Романѣ Болдыжевичи, и на Вареоломѣи? а иное чему выводишь отъ насъ иноземци, которыи у насъ живутъ? (а того много вины его); а нынѣ, княже, не можемъ терпѣти твоего насилья, поѣди отъ насъ, а мы собѣ князя промыслимъ«. Князь же присла на вѣче Святъслава и Андрея Воротиславича съ поклономъ: того всего лишуся, а крестъ цѣлую на всеи воли вашеи. Новгородци же отвѣчаша: »княже, поѣди проче, не хотимъ тебе; али идемъ весь Новгородъ прогонитъ тебе«. Князь же поиде изъ города поневоли; Новгородци же послаша по Дмитрія Александровича; Дмитріи же отречеся тако река: »нехочу взяти стола передъ стрыемъ своимъ« — и быша Новгородци печални; а Ярославъ нача полкы копити на Новъгородъ, и бѣ послалъ къ царю татарьску Ратибора, помочи прося на Новъгородъ И се учювъ (*узнавъ*) князь Василіи Ярославичь, присла послы въ Новъгородъ, река тако: »кланяюся св. Софьи и мужемъ Новгородцемъ; слышалъ есмь, аже Ярославъ идеть на Новъгородъ, со всею силою своею, Дмитріи съ Переяславци и Глѣбъ съ Смолняны; жаль ми своея отчины«. а самъ поѣха въ Татары, поима съ собою Петрила Рычага и Михаила Пинещинича, и възврати татарьскую рать, тако рекъ цареви: »Новгородци прави, а Ярославъ виноватъ«,—уже бо бяше царь отпустилъ рать на Новъгородъ, по Ратиборову лживому слову; рече по Ратиборъ царю: »Новгородци тебе не слушаютъ, мы дани прошали тобѣ, и они насъ выгнали, а инѣхъ избили, а домы наша розграбили, а Ярослава безчьствовали«. Новгородци же поставиша острогъ около города, по обѣ странѣ, а товаръ въвозиша въ городъ; и пригониша сторожи Ярославли мало не до Городища, и выидоша весь градъ въ оружіи отъ мала и до велика къ Городищю, и стояша два дни пѣши за Жилотугомъ (*названіе ручья*), а коневници за Городищемъ. То увѣдавъ Ярославъ, поиде объ ону сторону къ Русѣ, и сѣде въ Русѣ, а въ Новгородъ

присла Творимира: »всего что вашего не любія до мене, того лишаюся; а князи вси за мене поручатся«. Новгородци же послаша къ нему Лазоря Моисіевича: »княже, сдумалъ еси на св. Софью; поѣди; ать изъмремъ честно за св. Софью; у насъ князя нѣтуть, но Богъ и правда и св. Софья, а тебе не хочемъ«. И совкупися въ Новъгородъ вся волость новгородьская — Пльсковичи, Ладожане, Корѣла, Ижера, Вожане, — и идоша въ Голино отъ мала и до велика, истояша недѣлю на Бродѣ, а Ярославль полкъ объ ону сторону и присла митрополитъ грамоту въ Новгородъ, река тако: »мнѣ поручилъ Богъ архіепископію въ Русьской земли, вамъ слушати Бога и мене, кръви не проливайте, а Ярославъ всея злобы лишается, а за то язъ поручаюся; аже будете и крестъ цѣловали, язъ за то пріиму опитемью и отвѣчаю за то предъ Богомъ«. И не да Богъ кровопролитія хрестьяномъ, и присла Ярославъ съ поклономъ въ новгородскыи полкъ; и взяша миръ на всеи воли новгородьскои, и посадиша Ярослава и водиша й къ кресту.

(*1 Новг. 61—62*)

151. Борьба Новгорода съ тверскимъ княземъ.

Въ лѣто 6824 (1316). Выидоша намѣстници Михайловы изъ Новагорода, и поиде князь Михайло къ Новугороду, со всею Низовьскою землею, а Новгородци учиниша острогъ около города по обѣ сторонѣ, и снидеся вся волость Новгородская: Пльсковичи, Ладожане, Рушане, Корѣла, Ижера, Вожане; князь же Михайло, не дошедъ города, ста въ Устьянѣхъ, и тако мира не возма, поиде проче, не успѣвъ ничтоже, но болшюю рану въсприимъ: възвратившe бо ся въспять, заблудиша въ озерѣхъ и въ болотѣхъ, и начаша мерети гладомъ, ядяху же и конину, а снасть свою пожгоша, а иное пометаша, и придоша пѣши въ домы своя, пріимше рану немалу. Того же лѣта, еще недошедшю князю Михаилу до города, яша Игната Бѣска, и биша й на вѣчи, и свергоша й съ моста въ Волховъ; творяхуть бо его перевѣтъ держаша къ Михаилу, а Богъ то вѣсть. Тогда же и Данилко Писцевъ убьенъ бысть, на рли (*на лугу*), отъ своего холопа, обадилъ бо его бяше къ горожаномъ, тако река: »посылалъ мя съ грамотами къ Михаилу князю«.

(*1 Новг. 71*).

152. Духовная грамота в. к. Ивана Даниловича Калиты 1328 г.

Въ имя Отця и Сына и св. Духа. Се язъ грѣшный худый рабъ божий Иванъ пишу душевную грамоту, ида въ Орду, ни кимь не нуженъ, цѣлымъ своимь умомъ, въ своемъ здоровьи. Аже Богъ что розгадаеть о моемь животѣ, даю рядъ сыномъ своимъ и княгини своей. Приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву; а се есмь имъ роздѣлъ учинилъ. Се далъ есмь сыну своему болшему Семену: Можаескъ, Коломну, со всими коломеньскими волостми, Городенку, Мѣзыню, Пѣсочну, Похряне, Устьмерьску, Брошевую, Гвоздну, Иваны деревни, Маковець, Лѣвичинъ, Скулневъ, Каневъ, Гжелю, Горѣтову, Горки, село Астафьевьское, с. на Сѣверьсцѣ въ Похряньскомъ у., с. Костянтиновское, с. Оринииньское, с. Островьское, с. Копошеньское, селце Микульское, с. Малаховьское, с. Напрудское у города. А при своемъ животѣ далъ есмь сыну своему Семену: 4 чепи золоты, 3 поясы золоты, 2 чаши золоты съ женчуги, блюдцо

золото съ женчугомъ съ каменьемъ, а къ тому еще далъ есмь ему 2 чума (1) золота болшая; а изъ судовъ изъ серебрьныхъ далъ есмь ему 3 блюда серебрьна. А се даю сыну своему Ивану: Звенигородъ, Кремичну, Рузу, Фоминьское, Суходолъ, Великую свободу, Замошвскую свободу, Угожь, Ростовци, Окатьева свободка, Скирминовьское, Тростна, Нѣгуча; а села: Рюховьское, Каменичьское, Рузьское, Бѣляшньское, Максимовское, Андрѣевское, Вяземьское, Домонтовьское, село въ Замошьской свободѣ, с. Семцинское. А изъ золота далъ есмь сыну своему Ивану: 4 чепи золоты, поясъ большій съ женчугомъ съ каменьемъ, поясъ золотъ съ капторгами, поясъ сердониченъ золотомъ окованъ, 2 овкача золота, 2 чашки круглыи золоты, блюдо серебрьно ѣздинньское, 2 блюдци меншии. А се далъ есмь сыну своему Андрѣю: Лопастну, Сѣверьску, Нарунижьское, Серпоховъ, Нивну, Темну, Голичичи, Щитовъ, Перемышль, Растовець, Тухачевъ, а се села: Талжьское, Серпоховьское, Колбасинское, Нарьское, Перемышльское, Битяговьское, Труфоновское, Ясиновьское, Коломиньское, Ногатиньское. А изъ золота далъ есмь сыну своему Андрѣю: 4 чепи золоты, поясъ золотъ фрязьский съ женчугомъ, съ каменьемъ, поясъ золотъ съ крюкомъ на герьчатѣ шолку, поясъ золотъ Царевьский, 2 чары золоты, 2 чумка золота меншая; а изъ блюдъ: блюдо серебрьно, а два малая. А се даю княгини своей съ меншими дѣтми: Сурожикъ, Мушкину Гору, Радонѣжьское, Бѣли, Воря, Черноголовль, на Воро свободка Сафроньевская, Вохна, Дѣйково Раменье, Данилищова свобода, Машевъ, Сѣлна, Гуслиця, Раменье, что было за княгинею; а села: Михайловьское, Луциньское, село у озера, Радонѣжьские, Дѣйгунинньское, Тыловское, Ратожь, Протасьевское, Аристовьское, Лопастеньские, Михайловское на Яузѣ, 2 селѣ Коломеньскии. А изъ городьскихъ волостий дао Княгини своей осмничее; а тамгою и иными волостми городьскими подѣлятся сынове мои: такоже и мыты, которыи въ томъ уѣздѣ, то тому: а оброкомъ медовымъ городьскимъ Василцева вѣданья подѣлятся сынове мои. А что моихъ бортниковъ и оброчниковъ купленыхъ, которыи въ которой росписи, то того. А по моимъ грѣхомъ ци имуть искать Татарове которыхъ волостий, а отоимуться, вамъ сыномъ моимъ и княгини моей поделити вы ся опять тыми волостми на то мѣсто. А числьныи люди, а тѣ вѣдають сынове мои собча, а блюдуть вси съ одиного: а что мои люди купленни въ великомъ свершцѣ, а тыми ся подѣлять сынове мои. А что золото княгини моее Оленино, а то есмь далъ дочери своей Фетиньи 14 обручи (*колецъ*) и ожерелье, матери ее монисто новое, что есмь сковалъ; а чело (*головную повязку*) и гривну, то есмь далъ при собѣ. А что есмь придобылъ золота, что ми далъ Богъ, и коробочку золотую, а то есмь далъ княгини своей съ меншими дѣтми. А изъ портъ (*платья*) изъ моихъ сыну моему Семену кожухъ черленый женьчужный, шапка золотая; а Ивану сыну моему кожухъ желтая обирь съ женьчугомъ, коць великий зъ бармами; Андрѣю сыну моему бугай соболий съ наплечки съ великимъ женчугомъ съ каменьемъ, скорлатное портище сажено зъ бармами. А что есть нынѣча нарядилъ 2 кожуха съ аламы съ женчугомъ. а то есмь далъ меншимъ дѣтемъ своимъ Марьи же Федосьи ожерельемъ. А что моихъ поясовъ серебрьныхъ, а то роздадять по попьямъ. А что мое 100 рубли у Есии, а то роздадять по церквамъ. А что ся осталo изъ моихъ сосудовъ изъ серебрьныхъ, а

---

(1) Чумъ, чумичка—большая разливная ложка или ковшъ малый съ длинной ручкой.

тымъ подѣлятся сынове мои и княгини моя. А что ся останеть моихъ портъ, а то роздадять по всимъ попьямъ и на Москвѣ. А блюдо великое серебрьное о 4 колца, а то есмь далъ св. Богородици володимерьской. А приказываю тобѣ сыну своему Семену братью твою молодшую и княгиню свою съ меншими дѣтми, по Бозѣ ты имъ будешь печальникъ. А что есмь далъ сыну своему Семену стадце, а другое Ивану; а иными стады моими подѣлятся сынове мои и княгини моя. А на се послуси отець мой душевьный Ефрѣмъ, отець мой душевьный Федосий, отець мой душевный попъ Давыдъ. А грамоту писалъ дьякъ князя в. Кострома. А кто сю грамоту порушить, судить ему Богъ.

(Грамота писана на пергаминѣ, къ ней была привѣшена печать—серебряная-вызолоченная).

(Собр. грам. I, № 22. стр. 33—5)

153. Возстаніе въ Торжкѣ.

Въ тоже лѣто (1340) пріиде князь Семенъ изъ орды и насла на Тръжекъ дани брати, и почаша силно дѣяти, Новотръжци же прислаша съ поклономъ въ Новгородъ; и послаша Матѳеа Варѳоломѣевича, и Терентѣа Даниловича съ братомъ, и Ворѳоломеа посадича сына Остафьина, и Ѳеодора Аврамова, съ полкы, и шедши изгониша Тръжекъ безъ вѣсти, изымаша намѣстниковъ князя Михаила Давыдовича, Ивана Рыбкина сына, и Борцеи Бориса Семенова сына, и жены ихъ и дѣти исковаша; и сѣдѣша мѣсяць въ Торжку, городъ утвердивше, а ко князю послаша, преже того, Кузму Твердиславля, изъ Новагорода, съ жалобою, а сице ему ркуще: »еще у насъ не у сѣде на княженіи, а уже бояре твои дѣють силно». И посылахуть въ Новъгородъ изъ Тръжку, что быша Новгородци вѣли на коня въ Торжекъ, и не въсхотѣша чернь; по семъ же видѣвше Новоторжци, оже неидетъ изъ Новогорода рать, въсташа чернь на боярь и попы рекуще: »почто есте Новогородцевъ призвали, и они князи изымали? намъ въ томъ погыбнути« .—И скрутившеся въ броня, нашедше силою на дворы, вынимаша у воеводъ намѣстникы княжи и борци, и жены ихъ, и Новгородцевъ выпроводиша изъ града; а бояре новоторжскіи прибѣгоша въ Новъгородъ толко душею, кто успѣлъ, а домы ихъ разграбиша и хоромы ихъ развозиша, а Семена внучка убиша на вѣчѣ, потомѣ и села ихъ пусто положиша. Тои же зимы, м. декабря въ 6, на Николинъ день, убиша Брянци князя Глѣба Святославича; и въ то время и митрополитъ ту бяше и не възможе уяти ихъ, нъ вышедше изъ церквы св. Николы и убиша. Тои же зимы пріиде князь Семенъ, съ полкы, въ Торжекъ съ всею землею Низовьскую; Новгородци же почаша копити волость всю въ городъ, а къ князю послаша владыку Василія и Авраама тысяцкаго, съ иными бояры, и докончаша миръ по старымъ грамотамъ, на всеи воли новгородскьи, и крестъ цѣловаша, а князю даша боръ (*сборъ*) по волости 1000 рублевъ на Новотръжцѣхъ. Бяше же ту и митрополитъ, и присла князь намѣстникъ въ городъ.

(I Новг. 80).

154. Лука Варѳоломѣевъ и свойчатые люди.

Того же лѣта (1342) Лука Варѳоломеевъ, не послущавъ Новагорода и митрополича благословенія и владычня, ско-

имъ съ собою холоповъ своевъ, и поиде за Волокъ на Двину; и постави городокъ Орлецъ, и скопивъ Емьчанъ, и взя землю Завотскую по Двинѣ вся погости на щитъ. Въ то же время сынъ его Онцифоръ отходилъ на Вагу, Лука же въ дву сту выѣха воевать, и убиша его Заволочане. И пріиде вѣсть въ Новъгородъ, Лука убіенъ бысть и въсташа чръныи люди на Ондрѣшка, на Өедора на посадника на Данилова, а тако ркуще: »яко тѣ заслаша на Луку убити—и пограбиша ихъ домы и села«; а Өедоръ и Ондрѣшка побѣгоша въ Копорью городокъ, и тамо сѣдѣша зиму всю и до великого говѣніа. И въ то время пріиде Онцифоръ, и би челомъ Новугороду на Өедора и на Ондрѣшка: »тѣ заслаша моего отца убити«,—и владыка и Новъгородъ послаша архим. Есипа, съ бояры, въ Копорью, по Өедора и по Ондрѣшка; и онѣ пріѣхаша и рекоша: »не думали есмы на брата своего на Луку, что его убити, ни засылали на него«,—и Онцифоръ съ Матөеемъ възвони вѣче у св. Софіи, а Өедоръ и Ондрюшко другое възвониша вѣче на Ярославлѣ дворѣ; и посла Онцифоръ съ Матөеемъ владыку на вѣче, и недождавши владыки съ того вѣча и удариша на Яровлавль дворъ; и яша ту Матөеа Коску и сына его Игнята, всадиша въ церковь, а Онцифоръ убѣже съ своими пособникы. Тоже бысть въ утрѣ, а по обѣдѣ доспѣша весь градъ, ся сторона себѣ, а она себѣ; и владыка Василіи, съ намѣстникомъ Борисомъ, докончаша миръ межи ими. И възвеличенъ бысть крестъ, а діаволъ посрамленъ бысть.

(*I Нов. 81—2*).

Когда в. князь московскій бѣжалъ при нашествіи Тохтамыша, встало народное вѣче въ Москвѣ и распоряжалось самовольно, не слушая ни митрополита, ни бояръ. Московскій лѣтописецъ горько жалуется на это. См. *Повѣсть о нашест. Тохт.*

155. Слово о князѣхъ до 1400 г.

Князю земля вашея покаряйтеся; не рцѣте ему зла въ сердци своемь и пріиміте ему головою своею и мечемь своимь и всею мыслью своею, и невъзмогуть противитися ими князю вашему. Аще добрѣ пріяете князю вашему, и обогатѣеть земля ваша и плодъ добръ объемлете... Аще кто отъ своего князя ко иному князю отъѣдеть, а достоину чть *прияемля* отъ него, то подобенъ есть Июдѣ, иже любимъ Господомь ти умысли продати е ко княземъ жидовьскымъ. И купиша имъ село крове и гроба с прочими дарми, и отекъ отъ великы печали, суися сѣмо и овамо, въ Иерусалимѣ отъ всѣхъ людии проклинаемъ, и бѣжа изъ Иерусалима по пути, и тугы и великии печали прия болѣзь и отекъ с того и яко же злы расѣдеся на полы. И епископство его приметъ и дѣти его въ пагубу внидоша. Да и вы, сынове мои милии, не мозите приятии чюжему князю, да не в тоже зло впадете.

(*Христом. Буслаева 477—504*).

Изъ слова видно, что оно относится къ эпохѣ удѣльныхъ князей, хотя взято изъ рукоп. «Златая Чепь» XIV в.

156. Договорная грамота в. кн. Василія Димитріевича съ кн. Володимеромъ Андреевичемъ 1405 г.

По благословенью Отца нашего Кипріяна м-та Киевьского и всея Руси. Се язъ князь в. Василий Дмитриевичь, что ся есмь былъ отъступилъ брату своему молодшему кн. Володимеру Андрѣевичю Волока съ волостми, Ржевы съ волостми въ вудѣлъ, и братъ мой кн. Володимеръ отъступися мнѣ в. князю Волока съ волостми и Ржевы съ волостми, и язь бра-

воему молодшему кн. Володимеру
и его дѣтемъ противу того отъступ-
въ удѣлъ и въ вотчину, противу
а, Городця съ волостми; а волости
щьскиѣ: Бѣлогороды, Юрьевець, Ко-
а слобода и Чернякова, и Ужиньская
, и что въ Городцѣ и въ тѣхъ во-
къ пути и пошлины, то все брату
кн. Володимеру, и его дѣтемъ. А
есмь пожаловалъ кн. Ивана Борисо-
а въ то ся кн. Володимеру и его
ъ не въступати. А противу Ржевы,
унился есмь кн. Володимеру и его
ъ въ вудѣлъ и въ вотчину Углеча
ти и съ пошлинами и съ селомъ съ
ерусскымъ; а ктому пожаловалъ
брата своего молодшего кн. Володи-
и его дѣтей, въ вудѣлъ и въ вот-
далъ есмь имъ Козлескъ, какъ бы-
мною за в. Княземъ, да Гоголь,
иексинъ, да куплю Пересвѣтову, да
гь, какъ было за мною за в. Княя-
А что есмь пожаловалъ кн. Ивана
ильскомъ, какъ есмь ему далъ, и
ъ нему потягло, въ то ся кн. Во-
еру и его дѣтемъ не въступати.
ти ми Московьскиѣ удѣла и вотчины
своего кн. Володимера и дѣтей
и всеѣ ихъ вотчины, и тѣхъ мѣстъ,
ихъ ся есмь отъступилъ въ вудѣлъ
вотчину, того мнѣ и моимъ дѣ-
подъ своимъ братомъ и подъ его
блюсти и боронити, а не обидети,
ступатися. А отойметъ Богъ брата
кн. Володимера, и мнѣ князю и
дѣтемъ подъ его княгинею и подъ
дѣтми трети ихъ московьскыъ, и
вотчины, и тѣхъ мѣстъ, которыхъ
мь отступилъ въ вудѣлъ и въ вот-
того ми и моимъ дѣтемъ подъ ни
юсти и боронити и печаловатися, а
идѣти, ни вступатися; а быти ны
за одинъ. А какими дѣлы отымет-
ь брата моего кн. Володимера или
го дѣтей Гародець или Козлескъ,
имъ дати въ Городця мѣсто Тошну,

а въ Козельска мѣсто Рожалово да Боженку; а искати ны Городця и Козельска съ одиного; а Богъ дасть найдемъ, мои мѣста мнѣ в. князю и моимъ дѣтемъ, а брату моему и его дѣтемъ ихъ мѣста имъ. А мнѣ, господине князе в., брату твоему молодшему кн. Володимеру А. и моимъ дѣтемъ подъ тобою и подъ твоими дѣтми твоего удѣла Москвы и Коломны съ волостми, и всего твоего вел. княженья, да Волока и Ржевы съ волостми, и Новагорода Нижнего съ волостми и что къ нему потягло, и Мурома съ волостми и что къ нему потягло, и Мещеры съ волостми и что къ ней потягло, и въ та мѣста въ татарьская и въ мордовьская, какъ было, господине, за твоимъ отцомъ за в. кн Димитриемъ Костянтиновичемъ, и за тобою за в. княземъ, того ми и моимъ дѣтемъ подъ тобою в. княземъ и подъ твоими дѣтми блюсти и боронити, а не обидѣти, ни въступатися; а быти ми, господине, и моимъ дѣтемъ съ тобою и съ твоими дѣтми вездѣ за одинъ. А отыметъ Богъ тебе в. князя и мнѣ, господине, имѣти сына твоего въ твое мѣсто; а того мнѣ всего и моимъ дѣтемъ удѣла твоего Москвы и Коломны съ волостми, и всего твоего вел. княженья, и Волока съ волостми, и Ржевы съ волостми, и Новагорода Нижнего съ волостми и что къ нему потягло, и Мурома съ волостми и что къ нему потягло, и Мещеры съ волостми и что къ ней потягло, и тѣхъ мѣстъ татарьскихъ и мордовьскихъ, какъ было за твоимъ отцомъ за в. княземъ, и за твоимъ дѣдомъ за в. княземъ Димитриемъ Костянт., и за тобою за в. княземъ, того, господине, мнѣ и моимъ дѣтемъ подъ твоею княгинею и подъ твоими дѣтми блюсти, а не обидѣти, ни въступатися, печаловатися и боронити; а быти ми и моимъ дѣтемъ съ твоею княгинею и твоими дѣтми вездѣ за одинъ. А дати ми, господине, тебе съ Углеча поля въ 7000 рублевъ 100 руб. и 5 р.,

а съ Городця и съ тѣхъ волостей, которыѣ ми еси волости къ Городцю придалъ, дати ми тебѣ въ 1500 р. 100 и 60 р.; а что къ тому прибудетъ или убудетъ, ино ми дати по розочту. А что ся осталю въ Новѣгородѣ на Нижнемъ долгу старого полчетверты (3½) тысячи рублевъ, а то ми, господине, тебѣ дати по выходу по розочту. А перемѣнитъ Богъ, господине, Орду, и мнѣ имати дань съ своеѣ вотчины и съ своего удѣла собѣ; а тебѣ ми, в. князю не дати. А тебѣ, князь в., и твоимъ дѣтемъ въ мой удѣлъ и въ мою вотчину не всылати: а мнѣ, кн. Володимеру и моимъ дѣтемъ въ твое в. княженье и въ твой удѣлъ, и что ни есть за тобою за в. княземъ, въ то намъ вовсе не всылати. А коли, господине, будетъ сынъ твой въ твое мѣсто, и всядетъ сынъ твой на конь, ино и мнѣ съ нимъ всѣсти на конь: а коли сынъ твой не всядетъ на конь, ино и мнѣ не всѣсти на конь; а куды сынъ твой пошлетъ моихъ дѣтей, и имъ всѣсти на конь безъ ослушанья. А кто господине князь в., имется держати бояръ твоеѣ княгини и твоихъ дѣтей, и мнѣ кн. Володимеру и моимъ дѣтемъ блюсти тѣхъ бояръ, какъ и своихъ: такъже кто имется держати бояръ моеѣ княгини и моихъ дѣтей, и тебѣ в. князю и твоимъ дѣтемъ блюсти тѣхъ бояръ, какъ и своихъ. А жити намъ по первой грамотѣ по докончальной, и по сей грамотѣ и нашимъ дѣтемъ; а съ братьею съ моею съ молодшею жити то по первой грамотѣ по докончальной. А на сей грамотѣ азъ кн. в. Василій Димитр. целовалъ есмь крестъ, и за своего сына за Ивана, и за свои дѣти, кого ми Богъ даетъ, къ своему брату къ молодшему ко князю къ Володимеру А. и къ его дѣтемъ, по любви въ правду, безъ хитрости. А на сей грамотѣ язъ кн. Володимеръ А. съ своими дѣтми со княземъ съ Иваномъ и Семеномъ и съ Ярославомъ, и за свои дѣти за меньшии за Ондрѣя и за Василья, целовали есмы крестъ къ своему господину къ брату старѣйшему къ в. кн. Василью Димитр., и къ его сыну ко кн. Ивану, и къ его дѣтемъ, кого ему Богъ дастъ, по любви въ правду, безъ хитрости.

(Грамота писана на пергаминѣ, къ ней привѣшены на голубомъ шелковомъ снуркѣ двѣ восковыя печати).

(*Собр. Грам. I, № 38, стр. 69—71*).

Обратить вниманіе, какъ представлены отношенія муромскаго князя и его супруги къ боярамъ въ житіи Петра и Февроніи. См. ниже Очерки Буслаева I, 269—300.

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

157. Отношеніе епископовъ къ князьямъ и народу.

Участіе князей и народа въ дѣлахъ церковныхъ постоянно обнаруживалось при избраніи епископовъ. Если въ какой-либо епархіи умиралъ епископъ или оставлялъ каѳедру: мѣстный князь вмѣстѣ съ своими подданными избиралъ кандидата, отправлялъ его въ Кіевъ къ князю кіевскому и митрополиту и просилъ о рукоположеніи новоизбраннаго во епископа:

такое избраніе, согласное съ древними обычаями церкви, считалось законнымъ. Если же митрополитъ самъ, безъ сношенія съ мѣстнымъ княземъ, поставлялъ куда-либо епископа: избраніе признавалось незаконнымъ. Въ 1183 г., когда скончался ростовскій епископъ Леонъ, м-тъ Никифоръ поставилъ въ Ростовъ епископомъ Николая—грека »на мздѣ«: но великій князь владимірскій и суздальскій Всеволодъ Юрьевичъ не принялъ его, говоря: »не избраша сего людіе земли нашея«, и послалъ въ Кіевъ просить князя Святослава и м-та, чтобы въ Ростовъ поставленъ былъ епископомъ смиренный игуменъ Спасскаго монастыря на Берестовѣ Лука. Митрополитъ, съ своей стороны, не хотѣлъ уступить; но »неволею великою Всеволода и Святославлею« поставилъ Луку епископомъ въ землю суздальскую, назначивъ Николаю другую епархію, полоцкую. Лѣтописецъ при этомъ замѣчаетъ: »нѣсть бо достойно наскакати на святительскій чинъ на мздѣ, но егоже Богъ позоветъ и св. Богородица, князь восхочетъ и людье«, указывая тѣмъ на общее правило, какого держались тогда у насъ при избраніи епископовъ. По смерти епископа Луки, тотъ же вел. кн. Всеволодъ послалъ (1190) въ Кіевъ къ князю Святославу и митрополиту, для рукоположенія во епископа, отца своего духовнаго Іоанна, который и былъ рукоположенъ. Когда этотъ епископъ отказался отъ епархіи и отошелъ въ Боголюбовъ манастырь: сынъ князя Всеволода Константинъ отправилъ (1215) къ кіевскому м-ту Матѳею игумена Петровскаго монастыря Пахомія, для поставленія его епископомъ Ростову, а другой сынъ Всеволода—Юрій, отправилъ туда же игумена Рождественскаго монастыря Симона для поставленія его епископомъ Суздалю и Володимеру. Въ 1231 году ростовскій князь Василько Константиновичъ послалъ въ Кіевъ къ князю Владиміру Рюриковичу и м-ту отца своего духовнаго Кирилла для рукоположенія во епископа Ростову. Вслѣдствіе токого близкаго участія князей въ избраніи епископовъ, и говорится въ лѣтописяхъ, что, напримѣръ, кіевскій князь Рюрикъ »постави епископомъ въ Бѣлгородъ отца своего духовнаго, выдубицкаго игумена Адріана« (1190), а суздальскій князь Всеволодъ посла на епископство въ русскій Переяславль Павла (1198).

Въ Новгородѣ, гдѣ всѣ важнѣйшія дѣла рѣшало народное вѣче, и избраніе епископа совершалось вѣчемъ. Въ 1156 году, когда скончался новгородскій епископъ Нифонтъ, »собрались, говоритъ мѣстная лѣтопись, жители всего города и изволили поставить (т. е. избрать) себѣ епископомъ мужа, богоизбраннаго Аркадіа и пошли всѣмъ народомъ и взяли его изъ монастыря отъ св. Богородицы, и Князь Мстиславъ Юрьевичъ, и весь Клиръ св. Софіи, и всѣ городскіе священники, игумени и черенцы, а ввели его во дворъ св. Софіи, и поручили ему епископію«. Точно также, по смерти архіепископа Иліи (1186), Новгородцы, сдумавъ съ княземъ своимъ Мстиславомъ и съ игуменами и съ священниками, изволили поставить себѣ епископомъ брата Иліи Гавріила. Но изъ этихъ случаевъ еще не видно, какъ происходило самое избраніе, хотя одна изъ мѣстныхъ лѣтописей замѣчаетъ, что Аркадія Новгородцы поставили по жребію. Слѣдующіе примѣры объясняютъ дѣло подробнѣе. Въ 1199 году, по смерти архіеп. Гавріила, Новгородцы вмѣстѣ со княземъ Ярославомъ, игуменами, софійскимъ духовенствомъ и всѣми священниками, гадали между собою, и одни желали избрать па епископію Митрофана, другіе Мартирія, третьи какого-то Гричина (вѣроятно, или мірское имя, или передѣланное изъ Григорія), и была между ними распря. Тогда положили на св. трапезѣ (въ Софійскомъ соборѣ) 3 жребія и послали съ вѣча слѣпца, чтобы онъ

взялъ жребій того, кого Богъ дастъ, и вынулся божіею милостію жребій Мартирія. Немедленно послали за нимъ и привели его изъ Руси и посадили во дворѣ св. Софіи. Въ 1229 году, при избраніи новаго владыки, опять произошло на вѣчѣ разногласіе: одни хотѣли Спиридона, іеродіакона Юрьевскаго монастыря, другіе Іосафа, епископа владиміро-волынского, третьи Грьцына или Савву, юрьевскаго архимандрита Для успокоенія умовъ князь Михаилъ сказалъ: положимъ 3 жребія на св трапезѣ, написавъ на нихъ имена избираемыхъ. И дѣйствительно, положили жребія и послали изъ владычныхъ палатъ княжича Ростислава взять одинъ жребій, и, по волѣ божіей, вынулся жребій Спиридона, котораго немедленно вывели изъ моностыря и посадили во дворѣ владычномъ.

Кромѣ того, въ дѣлѣ избраній епископовъ у Новгородцевъ замѣчаемъ и другія особенности. Тогда какъ въ прочихъ епархіяхъ во епископы избирались почти исключительно настоятели обителей, Новгородцы часто избирали себѣ владыкъ изъ простыхъ иноковъ, даже изъ бѣлаго духовенства. Такъ Илія и братъ его Григорій избраны были изъ священниковъ приходскихъ новгородскихъ церквей, а Спиридонъ изъ іеродіаконовъ Юрьевскаго монастыря, а Антоній и Арсеній изъ простыхъ черноризцевъ Хутыня монастыря. И князь Михалъ, предлагая Новгородцамъ въ 1229 г. избрать новаго владыку, соотвѣтственно ихъ обычаю, выразился: »поищите себѣ такого мужа, въ попѣхъ ли, въ игуменѣхъ ли, въ чернцѣхъ ли«. Вдругъ, по избраніи новаго епископа, Новгородцы вводили его во дворъ св. Софіи и предоставляли ему управлять епархіею, а сами отправляли пословъ къ митрополиту съ просьбою поставить имъ избраннаго владыку. Когда митрополитъ изъявлялъ свое согласіе и присылалъ за новоизбраннымъ съ великою честію: этотъ

послѣдній торжественно ѣхалъ въ Кіевъ
свитою и принималъ тамъ рукоположені
Случалось, что избранный во епиской
управлялъ новгородскою епархію до свое
го посвященія довольно долго, дожидася
пока »будетъ отъ митрополита позваніе
напримѣръ Аркадій управлялъ около двух
лѣтъ, Илія и Митрофанъ постольку ж
а Арсеній, возведенный на владычнь
»сѣни« изъ чернецовъ Хутыня монасть
ря, хотя правилъ епархіею два года, и
посвященія вовсе не дождался: потому что
по прошествіи двухъ лѣтъ, былъ изгнан
Новгородцами въ ту же обитель.

Принимая такое полное участіе въ и
браніи для себя архипастырей, князья,
по мѣстамъ и народъ, иногда присвоя
себѣ право удалять ихъ съ каѳедры пр
жде суда надъ ними церковнаго или дая
вовсе безъ этого суда. Въ 1157 г. и
гнанъ былъ изъ своей епархіи Ростовск
епископъ Несторъ за то, что не разрѣ
шалъ поста въ среду и пятокъ для пр
здниковъ господскихъ, кромѣ Рождест
христова и Богоявленья, и еще за какі
то другія вины, которыя взводилъ на е
князь Андрей Боголюбскій. Кіевскій м-т
Ѳеодоръ разсмотрѣлъ дѣло Нестора собор
нѣ и совершенно оправдалъ его: но Бо
голюбскій не хотѣлъ принять изгнанна
епископа, и Несторъ долженъ былъ и
кать себѣ защиты у цареградскаго патр
арха. Патріархъ также нашелъ его неви
нымъ и неоднократно просилъ Боголю
скаго о принятіи его: но не видно и п
слѣ этого, чтобы Несторъ былъ принятъ
Въ 1159 г. Ростовцы и Суздальцы, с
согласія князя своего Андрея Боголюбск
го, изгнали отъ себя епископа Леона з
то, что онъ, будучи поставленъ въ Р
стовъ незаконно, еще при жизни Несторa
безъ нужды умножалъ число церквей
грабилъ духовныхъ. Чрезъ нѣсколько вр
мени Боголюбскій принялъ Леона, но в
1164 г. изгналъ опять. Вскорѣ возвр
тилъ его снова, впрочемъ только въ Р

стовъ, а не въ Суздаль; но чрезъ 4 мѣсяца изгналъ въ 3-й разъ: п. ч. Леонъ не соглашался разрѣшать постъ въ среду и пятокъ ни для какихъ господскихъ праздниковъ. Въ 1168 г. черниговскій князь Святославъ изгналъ изъ епархіи епископа своего Антонія, будучи недоволенъ тѣмъ, что Антоній строго возбранялъ ему разрѣшать постъ среды и пятка для праздниковъ господскихъ кромѣ двухъ: Рождества Христова и Богоявленія. Не упоминаемъ уже о томъ, что въ дѣлахъ собственно гражданскихъ епископы зависѣли отъ князей. Такъ, когда въ 1208 г. в. кн. Всеволодъ владимірскій, огорченный непокорностію Рязанцевъ, повелѣлъ ихъ городъ сжечь, а самихъ всѣхъ отвесть въ свою столицу, онъ плѣнилъ и епископа ихъ Арсенія, который и содержался во Владимірѣ 4 года, пока не былъ отпущенъ со всѣми Рязанцами. Въ 1229 г. ростовскій епископъ Кириллъ имѣлъ съ кѣмъ-то тяжбу предъ княземъ Ярославомъ и вслѣдствіе княжескаго суда, происходившаго »на сонмѣ«, у епископа отнято было все его богатство; а онъ, по словамъ лѣтописи, былъ такъ богатъ кунами и сёлами и книгами, и вообще всякимъ добромъ, какъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Кириллъ, страдавшій тогда тяжкою болѣзнію, перенесъ судебный приговоръ съ благодарностію Богу и, оставивъ каѳедру, принялъ схиму въ Димитріевской суздальской обители.

Но болѣе всѣхъ позволяли себѣ власти по отношенію къ своимъ владыкамъ Новгородцы. Въ 1212 г. они прогнѣвались за что-то на архіеп. Митрофана и, не давъ ему оправдаться, удалили его въ Торопецъ, а себѣ избрали новаго владыку, хутынскаго чернеца Антонія. Черезъ 6 лѣтъ Митрофанъ возвратился въ Новгородъ, и Новгородцы проводили его въ Благовѣщенскій монастырь, а въ слѣдующемъ (1219 году), когда Антоній поѣхалъ въ Торжокъ, ввели Митрофана во дворъ владычный и посадили снова на каѳедру, пославъ сказать Антонію: »иди себѣ, куда хочешь«. Антоній однакожъ пришелъ въ Новгородъ и остановился въ Спасскомъ Нередицкомъ монастырѣ. Не зная, что дѣлать, Новгородцы отправили обоихъ архіепископовъ на судъ къ митрополиту. М-тъ порѣшилъ тѣмъ, что Митрофана возвратилъ въ Новгородъ, а Антонію далъ перемышльскую епархію. По смерти Митрофана (1223), Новгородцы избрали себѣ владыкою Хутынскаго чернеца Арсенія, но чрезъ два года съ радостію приняли прежняго своего архіеп. Антонія, пришедшаго изъ Перемышля, и Арсеній долженъ былъ оставить свое мѣсто (1). Когда Антоній, лишившись употребленія языка, добровольно отказался отъ каѳедры (1228) и заключился въ Хутынскомъ мон., Арсенію снова предоставлено было управленіе епархіею. Но вскорѣ, по случаю безпрестанныхъ дождей, опустошившихъ поля, народъ возсталъ на Арсенія и составилъ противъ него вѣче, говоря: это за то мы страждемъ, что овъ выпроводилъ Антонія въ Хутынь, а самъ несправедливо занялъ владычній престолъ, подкупивъ князя. Съ шумомъ ворвались безрасудные въ архіерейскій домъ, выгнали изъ него Арсенія и едва не умертвили, такъ что онъ съ трудомъ спасся въ Софійскомъ соборѣ. На другой день извлекли архіеп. Антонія, больнаго и нѣмаго, изъ Хутыня мон. и посадили на святительской каѳедрѣ, давъ ему въ помощники двухъ свѣтскихъ чиновниковъ. Уже князь Михаилъ черниговскій, прибывшій (1229) управлять Новгородцами, убѣдилъ ихъ избрать новаго владыку, вмѣсто больнаго и изнемогшаго старца.

(*Ист. Рус. Цер. пр. Макарія. III, 203—209*).

(1) См. выше въ Христом. № 56.

Подробное обозрѣніе хозяйств. управленія духовенства въ Россіи. Соч. *Вл. Милютина* «О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Рос.» Чт. общ. Ист. 1861, I. 273—334. См. также Ист. Рус. Ц. *Филарета* II, 97. Ист. Рус. Монаш. *Казанскаго*. М. 1855. Очеркъ церков. администраціи. *А. В. Лохвицкаго*. Рус. Вѣстн. 1857. 2. Приходское духовенство на Руси. *П. В. Знаменскаго*. Прав. Обозр. 1867 г. и отдѣльно.

158. Замыслы папы.

Печально, тяжело было время Монголовъ для Россіи. Западъ прибавлялъ намъ скорби къ скорбямъ. Искушенія для православія съ запада были теперь такъ сильны, какъ не были прежде. Нельзя не удивляться твердости, съ какою Русскіе выдержали нападенія папы въ самое несчастное время. Богъ—хранитель вѣры чистой.

Дѣло запада начато было съ новгородскихъ и полоцкихъ приморскихъ владѣній въ Лифляндіи.—Съ начала XIII в., по волѣ папы, толпы бродягъ, которымъ не было мѣста на западѣ, шли одна за другою въ Лифляндію грабить другихъ, или, какъ называли это на западѣ, проповѣдывать Христа. Бѣдныхъ Ливовъ, Латышей и Чудь крестили огнемъ и мечемъ въ продолженіе 40 лѣтъ. Грабежъ отнялъ у Россіи все поморье; и восточное христіанство изчезло тамъ.

Папа не довольствовался тѣмъ. Онъ поднималъ крестовые походы на Россію то изъ Лифляндіи, то изъ Швеціи; Русскихъ не стыдился онъ называть язычниками. Въ 1240 г. шведскій король, въ слѣдствіе папской буллы, отправилъ войско съ епископами крестить русскихъ. Благовѣрный князь *Александръ* вышелъ съ малою дружиною, но съ твердою надеждою на Бога... И славная невская битва оставила за Александромъ громкое имя *Невскаго*. Кончивъ дѣло съ Шведами, Александръ долженъ былъ спѣшить на помощь Пскову и Изборску противъ пришлецовъ лифляндскихъ; защитникъ православія заставилъ трепетать орденъ за собственное существованіе. Тогда папа перемѣнилъ тонъ. Онъ отправилъ легатовъ къ Александру, изъявляя скромное желаніе, чтобы узнали лучшее отъ его учителей. Папѣ сказали: «мы знаемъ исторію вѣры и церкви съ самаго начала міра; къ чему жъ намъ новые учители?»—Не такъ казалось папѣ. Лифляндскіе поселенцы ручьями лили кровь русскую, и изъ своей корысти и для корысти папы. Мечь благовѣрнаго князя Довмонта усмирялъ искателей приключеній (¹).

Въ 1347 г. *Магнусъ*, король шведскій, въ намѣреніи загладить грѣхи распутной жизни своей въ глазахъ папы, вызвался обратить Россію къ папѣ; онъ явился съ сильнымъ войскомъ въ предѣлахъ новгородскихъ и послалъ сказать: „пришлите умныхъ людей для пренія о вѣрѣ; узнаемъ, чья вѣра лучше, и лучшая принята будетъ всѣми; иначе—мой мечь научитъ всему". Новгородцы отвѣчали: „мы приняли вѣру отъ Грековъ; и потому если король хочетъ узнать, чья вѣра лучше, пусть пошлетъ пословъ къ патріарху; если же онъ имѣетъ другое дѣло до насъ—обиду; пусть объяснитъ ее посламъ". Отвѣтъ достойный истинной, чистой вѣры! Онъ говорилъ, что дѣла вѣры не должно смѣшивать съ дѣломъ меча. Но Магнусъ остался при своемъ, и сказалъ, что желаетъ одного—обратить Русскихъ къ своей вѣрѣ волею или неволею. Орѣшекъ сдался королю, и онъ поспѣшилъ перекрестить половину жителей. Но скоро Магнусъ разбитъ былъ на голову. Невольные крестники его стали опять тѣмъ,

(¹) Подробнѣе объ этомъ можно читать въ Ист. княж. псковс. м. Евгенія I, 692. Москвит. 1843 г. Финск. Вѣст. 1845 г. 4—8

чѣмъ были по волѣ, и въ добавокъ били Шведовъ. Тѣмъ кончились пока миссіи папы на сѣверѣ.

На юго-западѣ Россіи дѣла папы были странны до крайности. Онъ предложилъ князю галичскому королевскій вѣнецъ за покорность ему. Сокрушаясь о бѣдной отчизнѣ и думая, не поможетъ ли владыка запада свергнуть иго Монголовъ съ Россіи, Даніилъ показалъ папѣ, что хочетъ съ нимъ сблизиться. Едва только это узнано, буллы посыпались въ Россію одна за другой. Въ 1246 г. Иннокентій IV писалъ къ Даніилу, что по его мольбѣ принимаетъ его и его царство подъ покровительство ап. Петра и свое; въ тотъ же день другою буллою назначилъ ему Доминиканцевъ проповѣдниковъ; третьею буллою повелѣвалъ послѣднимъ поспѣшить въ Россію. Въ томъ же году послалъ буллу къ „русскому королю Іоанну, (хотя сынъ Василько не былъ и владѣтельнымъ княземъ) и отправилъ къ нему прусскаго архіепископа съ правомъ „разрушать и разсѣвать, насаждать и созидать". Спустя три мѣсяца, папа объявилъ Даніилу свое дозволеніе отнимать земли у королей, не исповѣдающихъ римской вѣры. Въ тотъ же день онъ буллою на имя Даніила разрѣшалъ совершать литургію на квасномъ хлѣбѣ и наблюдать обычаи, не принятые латинскою церковію. Уступка необыкновенная, но на дѣлѣ она могла быть шагомъ впередъ. Новую буллою папа уполномочивалъ прусскаго архіепископа привести въ соединеніе съ римскою церковію *возлюбленнаго сына русскаго короля*. Но папа въ той же буллѣ къ архіепископу прусскому давалъ знать, что онъ не вѣритъ искренности возлюбленнаго сына; онъ наказывалъ бискупу, чтобы король Даніилъ со всѣми вельможами далъ присягу на вѣрность. Въ 1249 г. терпѣніе Даніила истощилось. Онъ выгналъ папскаго архіепископа съ его патерами. Чрезъ три

года Бела венгерскій помирилъ Даніила съ папою, и папа, приславъ вѣнецъ и скипетръ, обѣщалъ помощь отечеству Даніила. Даніилъ снова сталъ ждать помощи, но помощи не было, и онъ оставилъ папу.

Только тогда, какъ пресѣкся родъ князей галичскихъ, и жители Червной Руси и Волыни, угнетаемые Литвою, Польшею, Татарами, предали себя власти Казиміра польскаго, папа могъ радоваться нѣкоторому успѣху трудовъ своихъ въ Россіи. Власть Казиміра признана была съ тѣмъ, чтобы не стѣснялъ онъ совѣсти Русскихъ. Латинскій король скоро забылъ обѣщаніе. На Волыни Ляхи „много зла христіаномъ сотвориша, церкви святыя претвориша въ латинское богомерзкое служеніе". Но это было не надолго. Въ слѣд. же году (1350) кн. Любартъ выгналъ всю Латынь изъ Волыни и оставилъ въ рукахъ Казиміра одинъ Львовъ (1). При преемникѣ Казиміра насилія умножились. На югѣ Россіи съ 1375 г. явились латинскіе епископы, но за исключеніемъ галичскаго, эти епископы долго были только титулярные, пастыри безъ паствы. Если послѣ сего нужно сказать, какъ Русскіе вѣрны были здѣсь православію: то инквизиція, основавшаяся ок. 1380 г. въ Галичѣ, безъ словъ громко говоритъ о славѣ православія.

При дочери Людовика, Ядвигѣ, польскіе епископы простерли власть папы какъ на Червонную Русь, такъ и на Литовско-русское княжество. Юной королевѣ обѣщали они царство небесное, если отдастъ руку безобразному Ягайлѣ, — и Ягайло промѣнялъ православіе на руку Ядвиги и вѣнецъ польскій; онъ далъ клятву бискупамъ волею или неволею вводить римскую вѣру въ Литовско-русское княжество. И клятву выполнялъ онъ надъ

(1) Зубрицкаго Ист. Червон. Руси. Hist. Polon. Длугоша.

самыми Русскими, умертвивъ двухъ вельможъ, не хотѣвшихъ оставить православіе. Православный или православная, вступая въ бракъ съ папистомъ, силою принуждаемы были къ римской вѣрѣ. Только оружіе Витовта (1388—1390) и Свидригайла (1394) не давало фанатику Ягайлѣ свободы выполнить клятву его въ полной силѣ.

(*Ист. Рус. Ц. пр. Филарета. II, 47—51*).

159. Отношеніе приднѣпровскихъ городовъ къ варяжскимъ князьямъ до 1171.

...Несторъ ясно свидѣтельствуетъ, что сильнѣйшіе и богатѣйшіе города Приднѣпровья не были завоеваны варяжскими князьями, а сами приняли ихъ по взаимному согласію... Смоленскъ, Черниговъ, Кіевъ и Переяславль, видимо покорные князьямъ при началѣ, удерживаютъ свою самостоятельность и политическое значеніе до позднѣйшаго времени, и не рѣдко являются строптивыми и самовластными вѣчниками противъ князей. Чисто же завоеванныя или покоренные силою племена: Древляне, Радимичи, Вятичи и другіе, показавшіе сильное сопротивленіе при началѣ, почти въ слѣдъ за покореніемъ теряютъ всякое политическое значеніе, дѣлаются безмолвными данниками князей и болѣе уже не показываются на поприщѣ исторической дѣятельности. И такъ отношеніе варяжскихъ князей къ главнымъ приднѣпровскимъ городамъ не было отношеніемъ побѣдителей къ побѣжденнымъ; даже послѣ завоеванные города и покоренные силою племена не были завоеваніемъ однихъ варяжскихъ князей и ихъ дружины; въ немъ уже сильно участвовали города, принявшіе князей по взаимному согласію; сіи, будучи одинаковаго общиннаго свойства съ городами, покоряемыми вновь, препятствовали въ этихъ новыхъ завоеваніяхъ развиватья чужеземному элементу, принесенному князьями и ихъ пришлою дружиною (въ Европѣ же почти всѣ государства основаны завоевателями)... Въ Россіи народъ не лишенъ былъ своего политическаго значенія и не отказывался отъ участія въ дѣлахъ общественныхъ... Города управлялись своими общинными начальниками, старѣйшинами, мужами, держащими землю, князья же пользовались доходами, которые первоначально условлено было собирать князю на содержаніе войска (кромѣ того, собирали *полюдье*)... Привыкнiй къ самовластію въ завоеванныхъ земляхъ, Святославъ просто скучалъ въ Кіевѣ, гдѣ нѣкоторымъ образомъ ограничивалось его власть... Кіевляне явно не принимаютъ участія въ княжескихъ усобицахъ; для нихъ все равно, кто бы ни былъ княземъ (*не вѣрно*!), лишь бы не нарушалъ ихъ правъ; Скандинавы еще не умѣли сродниться съ ними, и рѣжутся только княжескія дружины... (Владиміръ св. не самовольно принялъ вѣру христіанскую и въ другихъ дѣлахъ ничего не предпринималъ безъ совѣта старѣйшинъ).

Раздробленіе княжеской власти по смерти Ярослава и междоусобіе дѣтей его развязали руки вѣчникамъ старыхъ самостоятельныхъ городовъ Приднѣпровья. Отдѣльные владыки, преемники могущественнаго Ярослава, большею частію, не умѣли привязать къ себѣ народа, еще не забывшаго своей прежней независимости. (Такъ Кіевляне выгнали Изяслава въ 1067 г. и разграбили его домъ). Сами князья явно признаютъ посредничество городскихъ жителей въ дѣлѣ государственнаго устройства и защиты. Святополкъ и Владиміръ Мономахъ, приглашая Олега, говорятъ: »поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли, предъ епископы и предъ

игумены и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людми градьскыми, да быхотъ оборонили руськую землю отъ поганыхъ« (*Лавр. 98*)... Въ это время не одни Кіевляне, но и жители другихъ старыхъ городовъ выказывали свою самостоятельность и свободу относительно къ князьямъ. Такъ Муромцы въ 1095 г. добровольно приняли Изяслава Владиміровича и выдали ему Олегова посадника; въ 1096 г. Смольняне не приняли Олега (*Лавр. 98*). А въ слѣдъ за старыми городами, пользуясь обстоятельствами, и младшіе стали сбирать вѣча и свободно говорить князьямъ, чтобы они сообразовались съ волею народа...

Привязанность городовъ къ своимъ княжескимъ родамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то свобода, — отдѣльность народа отъ князей, особенно рѣзко стали проявляться по смерти Мстислава Владимировича, когда возобновились княжескія усобицы, на время затихшія при Мономахѣ и Мстиславѣ. (Черниговцы принудили князя Всеволода просить мира у Ярополка. *Ип. 15*)... Похоронивъ Всеволода, Игорь созвалъ Кіевлянъ на Ярославль дворъ и привелъ ко вторичной присягѣ, но народъ, возвращаясь съ Ярославова двора, тутъ же собралъ вѣче у Туровой божницы и послалъ звать къ себѣ Игоря. Игорь отправилъ на вѣче своего брата, Святослава, которому граждане стали жаловаться на кіевскаго и вышегородскаго тіуновъ; требовали ихъ смѣны и клятвы отъ князей самимъ разбирать обиды: »А нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ хрестъ и съ братомъ своимъ: аще кому насъ будетъ обида, то ты прави«. Ясное свидѣтельство, что главною обязанностію и правомъ князя было держать судъ и правду. Святославъ обѣщалъ дать тіуна по волѣ народа: »И съсѣдъ съ коня, и на томъ цѣлова хрестъ къ нимъ у вѣчи«, потомъ съ выборными отъ народа отправился къ Игорю привесть его къ присягѣ: »Игорь же съсѣдъ съ коня, и цѣлова къ нимъ крестъ на всей ихъ воли и на братьни«. Прямое доказательство, что граждане были свободны и принимали князей по взаимному согласію; и ежели когда на время держался у нихъ князь, неугодный народу, то его поддерживала только его собственная дружина, какъ было и въ настоящее время. Игорь, въ продолженіи вѣча, стоялъ среди своей дружины, готовой къ бою *на коняхъ*; Кіевляне же отдѣлывались разными предложеніями и требованіями и не изгоняли неугоднаго князя, выжидая и выигрывая время, пока подойдетъ Изяславъ, которому уже послали сказать: »пойди, княже, къ намъ, хощемъ тебе«. (Народъ отказалъ въ помощи даже любимому князю Изяславу, когда видѣлъ не соразмѣрность силъ съ силами противниковъ въ 1147 и въ 1149 г. *Ипат. 31. 62*)... Въ это время приднѣпровскіе города, хотя по привязанности къ родовымъ князьямъ, втянулись въ коловоротъ княжескихъ усобицъ, но тѣмъ не менѣе еще удерживали свою самостоятельность, и всегда напередъ соразмѣряли свои силы съ силами противниковъ, и потомъ уже свободно объявляли своимъ князьямъ о готовности, или невозможности вспомоществовать имъ... Кіевляне, возводя Ростислава на кіевскій престолъ, говорили: »Якоже братъ твой, Изяславъ, честилъ Вячеслава, тако же и ты чести; а до твоего живота Кіевъ твой«. Очевидно, что граждане сами возводили своихъ князей на престолъ, и отдавались имъ только по жизнь: *а до твоего живота Кіевъ твой*. Посему владѣнія отнюдь не были наслѣдственными; слѣдов. преемство княжеской власти зависѣло отъ народа, который, впрочемъ, всегда старался ограничивать свой выборъ своими родовыми князьями, и только въ крайности, застигнутый обстоятельствами, иногда принималъ князей изъ другаго рода... Безъ утвержденія отъ народа на

княжескомъ престолѣ, князь не могъ ни заключать мира, ни вести войну, хотя бы имѣлъ при себѣ городскую рать...

Юрій, хотя не любимый Кіевлянами, а какъ родовой князь, былъ принятъ народомъ съ радостію и владѣлъ спокойно до своей кончины (т. е. три года); но конечно, онъ болѣе держался своею дружиною, приведенною изъ Суздаля; и граждане, освобожденные его смертію, въ самый день похоронъ произвели свою управу съ княжею дружиною; лѣтопись описываетъ это слѣд. обр.: »Розграбиша дворъ его Красный, и другый дворъ его за Днѣпремъ разъграбиша въ городѣ; избивахуть Суждальцы по городомъ и по селомъ, а товаръ ихъ грабяче« (*Ипат. 81*)... По смерти Ростислава, Кіевляне и Черные Клобуки послали во Владиміръ волынскій просить Мстислава Изяславича въ Кіевъ; съ тѣмъ же послали къ нему и его братья. Мстиславъ, хотя съ радостію былъ встрѣченъ въ Кіевѣ, какъ сынъ любимаго Изяслава, вызванный самимъ народомъ; но тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ вступить въ договоръ съ гражданами въ самый же день вступленія въ Кіевъ, точно также, какъ онъ въ тоже время договаривался съ князьями—братьями и съ дружиною Ростислава. Вотъ слова лѣтописи: »А въ Кіевъ вниде, ту выидоша Кіяне вси. Въяма рядъ съ братьею, и съ дружиною, и съ Кіяны въ тъ день« (*Ипат. 96*)... Это одно изъ самыхъ ясныхъ свидѣтельствъ о самостоятельности старыхъ приднѣпровскихъ городовъ, которые если иногда и уступали обстоятельствамъ, но тѣмъ не менѣе всегда сознавали свои права и значеніе. Здѣсь мы видимъ ясно, что Кіевляне на одинаковыхъ правахъ съ князьями договариваются съ великимъ княземъ...

Со взятіемъ Кіева въ 1171 г. (1), кончилась исторія самостоятельности этого города, Кіевъ болѣе уже не воскресалъ, а въ слѣдъ за нимъ мало по малу покорились князьямъ и прочіе города Приднѣпровья; долѣе всѣхъ держались Черниговъ и Смоленскъ; ихъ самостоятельность совершенно уничтожили уже Монголы и литовскіе князья... Мстиславъ Андреевичь, предводитель войскъ Боголюбскаго, посадилъ тамъ княземъ Глѣба Юрьевича, не справляясь съ волею граждан. Во время отсутствія Глѣба въ Суздаль, Кіевляне опять было пригласили Мстислава Изяславича, который, вошедши въ Кіевъ, по прежнему заключилъ договоръ съ гражданами: »ваемъ ряды съ братіею и съ Кіяны«; но Мстиславъ не могъ уже удержаться въ Кіевѣ. А возвратившійся Глѣбъ не думалъ спрашивать о желаніи гражданъ, и всего ждалъ только отъ своей дружины и отъ распоряженій суздальскаго князя Андрея.

(*Изъ статьи И. Бѣляева. Чт. общ. ист. 1848 г. № 7. отд. I, стр. 1—32*).

160. Дружина княжеская.

Вліяніе (*на образованіе юнаго общества*) сильно обнаружилось посредствомъ дружины, явившейся вмѣстѣ съ князьями. Съ самаго начала мы видимъ

(1) Самовластный Андрей суздальскій князь, желая смирить Мстислава Изяславича, а можетъ быть, подчинить Кіевъ, пошелъ вмѣстѣ съ другими князьями, взялъ приступомъ городъ и произвелъ ужасное опустошеніе. Союзныя войска два дня грабили городъ, разоряли церкви, монастыри и домы гражданъ; лѣтописецъ повѣствуетъ: »не бысть помилованія никому же, церквамъ горящимъ, крестьяномъ убиваемымъ, другымъ вяжемымъ, жены ведоми быша въ плѣнъ, разлучаеми нужею отъ мужій своихъ, младенцы рыдаху, зряще матерій своихъ« (*Ипат. 100*).

около князя людей, которые сопровождаютъ его на войну, во время мира составляютъ его совѣтъ, исполняютъ его приказанія, въ видѣ посадниковъ заступаютъ его мѣсто въ областяхъ. Эти приближенные къ князю люди, эта дружина княжеская могущественно дѣйствуетъ на образованіе новаго общества тѣмъ, что вноситъ въ среду его новое начало, сословное, въ противоположность прежнему родовому. Является общество, члены котораго связаны между собою не родовою связью, но товариществомъ; дружина, пришедшая съ первыми князьями, состоитъ преимущественно изъ Варяговъ, но въ нее открытъ свободный доступъ храбрымъ людямъ изъ всѣхъ странъ и народовъ, преимущественно, разумѣется, по самой близости, туземцамъ; съ появленіемъ дружины среди славянскихъ племенъ для ихъ членовъ открылся свободный и почетный выходъ изъ родоваго быта въ бытъ основанный на другихъ, новыхъ началахъ; они получили возможность, просторъ развивать свои силы, обнаруживать свои личныя достоинства, получили возможность личною доблестію пріобрѣтать значеніе, тогда какъ въ родѣ значеніе давалось извѣстною степенью на родовой лѣствицѣ; въ дружинѣ члены родовъ получали возможность цѣнить себя и другихъ по степени личной доблести, по степени той пользы, какую они доставляли князю и народу; съ появленіемъ дружины должно было явиться понятіе о лучшихъ, храбрѣйшихъ людяхъ, которые выдѣлились изъ толпы людей темныхъ, неизвѣстныхъ, черныхъ; явилось новое жизненное начало, средство къ возбужденію силъ въ народѣ и къ выходу ихъ; темный безразличный міръ былъ встревоженъ, начали обозначаться формы, отдѣльные образы, разграничительныя линіи.

Обозначивъ вліяніе дружины вообще, мы должны обратиться къ вопросу: въ какомъ отношеніи находилась она къ князю и къ землѣ? Для легчайшаго рѣшенія этого вопроса сравнимъ отношенія дружины къ князю и землѣ на западѣ и тѣ же самыя отношенія у насъ на Руси. На западѣ около доблестнаго вождя собиралась толпа отважныхъ людей съ цѣлію завоеванія какой-нибудь страны, пріобрѣтенія земель во владѣніе. Здѣсь вождь зависѣлъ болѣе отъ дружины, чѣмъ дружина отъ него; дружина нисколько не находилась къ нему въ служебныхъ отношеніяхъ, вождь былъ только первый между равными: »Мы избираемъ тебя въ вожди, говорила ему дружина, и куда поведетъ тебя твоя судьба, туда пойдемъ и мы за тобою; но что будетъ пріобрѣтено общими нашими силами, то должно быть раздѣлено между всѣми нами, смотря по достоинству каждаго«, и проч. И дѣйствительно, когда дружина овладѣвала какую-нибудь страною, то каждый членъ варварскаго ополченія пріобрѣталъ участокъ земли и нужное количество рабовъ для его обработанія. Но подобныя отношенія могли ли имѣть мѣсто у насъ на Руси съ призваніемъ князей? Мы видѣли, что князь былъ призванъ сѣверными племенами, какъ нарядникъ земли; въ значеніи князя извѣстной страны онъ расширяетъ свои владѣнія; съ нимъ приходитъ дружина, которая постоянно наполняется новыми членами, пришельцами и туземцами, но ясно, что эти дружинники не могутъ имѣть значенія дружинниковъ западныхъ; они не могли явиться для того, чтобы дѣлить землю, ими незавоеванную, они могли явиться только для того, чтобы служить князю извѣстныхъ племенъ, извѣстной страны; тѣ изъ нихъ, которые приходили за тѣмъ, чтобы получать города и села, какъ напримѣръ Аскольдъ и Диръ, обманывались въ своей надеждѣ, и отправлялись искать лучшаго въ другомъ мѣстѣ. Рюрикъ раздаетъ города мужамъ своимъ; Олегъ сажаетъ мужей своихъ въ занятыхъ ими городахъ—Смолен-

скѣ и Любечѣ: они здѣсь начальники отрядовъ, они заступаютъ мѣсто князя; но при этомъ должно строго отличать характеръ правительственной отъ характера владѣльческаго: мы и послѣ постоянно видимъ вездѣ княжихъ посадниковъ, намѣстниковъ, но вездѣ только съ характеромъ правительственнымъ. Съ другой стороны, если князь съ дружиною покорялъ новыя племена, то это покореніе было особаго рода: покоренныя племена были разсѣяны на огромномъ пустынномъ пространствѣ; волею или неволею соглашались они платить дань—и только ихъ нельзя было подѣлить между членами дружины; мы знаемъ, какъ покорялъ Олегъ племена; одни добровольно соглашались платить ему дань, какую прежде платили они Козарамъ, на другихъ накладывалъ онъ дань легкую; нѣкоторыхъ примучивалъ, то есть силою заставлялъ платить себѣ дань, но опять только дань. Большое различіе, когда дружина займетъ страну цивилизованнаго народа, покрытую городами и селеніями, или когда займетъ страну пустынную, рѣдко населенную, построитъ отрожекъ, и станетъ ходить изъ него къ племенамъ за мѣхами. Земли было много у русскаго князя, онъ могъ, если хотѣлъ, раздавать ее своимъ дружинникамъ, но дѣло въ томъ, выгодно ли было дружинникамъ брать ее безъ народонаселенія, имъ гораздо выгоднѣе было оставаться при князѣ ходить съ нимъ за добычею на войну къ народамъ еще непокореннымъ, за данью къ племенамъ подчиненнымъ, продавать эту дань чужимъ народамъ, однимъ словомъ—получать отъ князя содержаніе непосредственно.

Замѣчено было, что князья принимали въ свою дружину всякаго витязя, изъ какого бы народа онъ ни былъ: такъ между послами Игоря мы встрѣчаемъ Ятвяга; Святосавъ отовсюду сбиралъ воиновъ многихъ и храбрыхъ; Владиміръ выбралъ изъ наемныхъ Варяговъ мужей добрыхъ, смысленныхъ и храбрыхъ, и роздалъ имъ города; сѣверныя саги говорятъ о знатныхъ витязяхъ скандинавскихъ, которые служили въ дружинахъ нашихъ князей; каждый пришлецъ получалъ мѣсто, смотря по своей извѣстности; въ древнихъ пѣсняхъ нашихъ читаемъ, что князь встрѣчалъ неизвѣстныхъ витязей слѣдующими словами:

Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитеся, какъ васъ по имени зовутъ:
А по имени вамъ мочно мѣсто дать,
По изотчеству можно пожаловати.

Въ сагахъ читаемъ, что при Владимірѣ княгиня, жена его, имѣла такую же многочисленную дружину, какъ и самъ князь: мужъ и жена соперничали, у кого будетъ больше знаменитыхъ витязей; если являлся храбрый пришлецъ, то каждый изъ нихъ старался привлечь его въ свою дружину. Подтвержденіе этому извѣстію находимъ также въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ: такъ Владиміръ, посылая богатыря на подвигъ, обращается къ нему съ слѣдующими словами:

Гой еси, Иванъ Годиновичъ!
Возьми ты у меня, Князя, сто человѣкъ
Русскихъ могучихъ богатырей,
У Княгини ты бери другое сто.

Чѣмъ знаменитѣе былъ князь, тѣмъ храбрѣе и многочисленнѣе были его сподвижники; каковъ былъ князь, такова была и дружина; дружина Игорева говорила: »Кто съ моремъ совѣтенъ«? и шла домой безъ боя; сподвижники Святослава были всѣ похожи на него: »Гдѣ ляжетъ твоя голова, тамъ и всѣ мы головы свои сложимъ«, говорили они ему, п. ч. оставить поле битвы, потерявши князя, считалось ужаснымъ позоромъ для доброго дружинника. И хорошій вождь считалъ постыднымъ покинуть войско въ опасности; такъ во время похода Владиміра Ярославича на Грековъ, тысяцкій Вышата сошелъ на берегъ къ выброшен-

нымъ бурею воинамъ и сказалъ: »Если буду живъ, то съ ними; если погибну, то съ дружиною«. Было уже замѣчено, что дружина получала содержаніе отъ князя—пищу, одежду, коней и оружіе; дружина говоритъ Игорю: »отроки Свѣнельдовы богаты оружіемъ и платьемъ, а мы босы и наги; пойдемъ съ нами въ дань. Хорошій князь не жалѣлъ ничего для дружины: онъ зналъ, что съ многочисленными и храбрыми сподвижниками могъ всегда пріобрѣсть богатую добычу; такъ говорилъ Владиміръ, и давалъ частые, обильные пиры дружинѣ; такъ о сынѣ его Мстиславѣ говорится, что онъ очень любилъ дружину, имѣнія не щадилъ, въ питьѣ и пищѣ ей не отказывалъ. При такой жизни вмѣстѣ, въ братскомъ кругу, когда князь не жалѣлъ ничего для дружины, ясно, что онъ не скрывалъ отъ нея своихъ думъ, что члены дружины были главными его совѣтниками во всѣхъ дѣлахъ; такъ о Владимірѣ говорится: Владиміръ любилъ дружину, и думалъ съ нею о строѣ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ. Святославъ не хочетъ принимать христіанства, п. ч. дружина станетъ смѣяться. Бояре вмѣстѣ съ городскими старцами рѣшаютъ, что должно принести человѣческую жертву; Владиміръ созываетъ бояръ и старцевъ совѣтываться о перемѣнѣ вѣры.

Изъ приведенныхъ извѣстій видно, что одни бояре, одни старшіе члены дружины были совѣтниками князя; два послѣднія извѣстія ограничиваютъ первое, показываютъ, съ какою дружиною думалъ Владиміръ. Какъ же раздѣлялась дружина, какъ назывались младшіе ея члены, не бояре?—Для означенія отдѣльнаго члена дружины, дружинника, безъ различія степеней, употреблялось слово *мужъ*. Мужъ, мужи значило человѣкъ, люди, но преимущественно съ почетнымъ значеніемъ; мужъ съ притяжательнымъ мѣстоименіемъ, относящимся къ князю, означалъ дружинника; мужъ свой, мужъ его. Но, какъ видно, слово мужъ имѣло и болѣе тѣсное значеніе, означало дружинниковъ втораго разряда, низшихъ, младшихъ членовъ дружины, въ противоположность боярамъ; это видно изъ слѣдующаго мѣста лѣтописи, хотя относящагося къ позднѣйшему времени. Князь Игорь Сѣверскій, попавшись въ плѣнъ къ Половцамъ, такъ горюетъ объ истребленіи своего войска; »Гдѣ бояре думающіе, гдѣ мужи храборствующіе, гдѣ рядъ полчный?« И такъ, бояре были лучшіе, старшіе въ дружинѣ, совѣтники, думцы князя по преимуществу; мужи были воины по преимуществу; другое, болѣе опредѣленное названіе для этого разряда дружинниковъ было *гриди*, *гридь гридьба*, что означаетъ также сборище, толпу, дружину. Комната во дворѣ княжескомъ, гдѣ собиралась дружина, называлась *гридницею*: такъ говорится о Владимірѣ: »Онъ учредилъ на дворѣ въ гридницѣ пиры, куда приходили бояре и гриди, соцкіе и десяцкіе, и нарочитые мужи, при князѣ и безъ князя«. Мужи княжіе, жившіе по городамъ, занимавшіе тамъ разныя должности, въ отличіе отъ бояръ жившихъ при князѣ, въ стольномъ его городѣ, назывались уменьшительнымъ *болярцы*. Въ Русской Правдѣ и въ Новгородской лѣтописи мы встрѣчаемъ названіе *огнищанина*, подававшее поводъ къ различнымъ объясненіямъ. Подъ огнищаниномъ разумѣлся только мужъ княжъ высшаго разряда, бояринъ, думецъ княжескій, но не гридь, не простой членъ дружины, который собственно не принадлежалъ къ огнищу или двору княжескому (позднѣе: *дворянинъ*)...

Ист. Россіи, Соловьева. I, 242—8).

161. Вѣче и Князь.

Народъ и князь суть два одинаково существенныхъ элемента древнерусскаго общественнаго быта: съ одной стороны, народъ не можетъ жить безъ князя, съ другой—главную силу князя составляетъ тотъ же народъ. — Участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ проявляется подъ формою—*вѣча* (¹). Вѣче не создано княземъ; оно составляетъ первоначальную форму быта. Отечественные памятники разсказываютъ о народныхъ рѣшеніяхъ еще до призванія Рюрика *(Лавр. 7)*. Призваніе Рюрика было также дѣломъ народнаго постановленія.

Во времена князей Рюриковичей форма эта встрѣчается на всемъ пространствѣ княжеской Россіи: гдѣ были князья, тамъ было и вѣче. Новгородъ не представляетъ въ этомъ отношеніи исключительнаго явленія: его бытъ есть бытъ общій всѣмъ городамъ русскимъ. Разница, которая замѣчается въ его жизни и жизни другихъ городовъ, — есть разница количественная, а не качественная. Богатѣйшій и населеннѣйшій изъ всѣхъ городовъ русскихъ, Новгородъ распадался на многочисленныя и сильныя партіи, которыя имѣли не одинъ поводъ къ враждебному между собой столкновенію. Существованіе сильныхъ партій и легкая возможность столкновенія между ними, условливаемая вѣчевымъ бытомъ, и была причиной, что новгородская вѣчевая жизнь текла шумливѣе, чѣмъ жизнь другихъ городовъ, менѣе населенныхъ и менѣе богатыхъ, и вслѣдствіе того представлявшихъ большее однообразіе и спокойствіе жизни. Кромѣ того Новгородъ имѣлъ еще и то великое преимущество передъ другими городами, что татарскій разгромъ вовсе его не коснулся. Благодаря этому обстоятельству, вѣчевая жизнь сохранилась въ его стѣнахъ гораздо долѣе, чѣмъ въ остальной Россіи.

Не смотря на неполноту нашихъ лѣтописныхъ источниковъ, они представляютъ, однако, указанія на существованіе вѣча не только во всѣхъ главныхъ городахъ, но и въ очень многихъ изъ городовъ второстепеннаго и даже третьестепеннаго значенія... Помимо отдѣльныхъ указаній на существованіе вѣчеваго быта въ томъ или другомъ городѣ, мы можемъ привести и прямое свидѣтельство современника въ пользу его всеобщности. Суздальскій лѣтописецъ, размышляя по поводу знаменитой въ его время борьбы Владиміра съ Ростовомъ и Суздалемъ, говоритъ: »Новогородцы бо изначала, и Смолняне, и Кіяне, и Полочане, и *вся власти* (волости) якоже на думу на вѣча сходятся«. И такъ по свидѣтельству лѣтописи (1176 г.), во всѣхъ волостяхъ тогдашней Россіи существовалъ старинный обычай—сходиться на вѣче, какъ на думу; въ этомъ отношеніи онъ нисколько не различаетъ Новгорода отъ Смоленска, Кіева, Полоцка, Ростова и всѣхъ другихъ волостей, сколько бы ихъ ни было. Отсутствіе прямаго свидѣтельства лѣтописи о вѣчевыхъ собраніяхъ въ извѣстномъ городѣ и въ извѣстное время никакъ не можетъ служить доказательствомъ существованія въ этомъ городѣ инаго порядка вещей. Въ только что приведенномъ мѣстѣ лѣтописи Смоленскъ названъ вѣчевымъ городомъ; а между тѣмъ лѣтописи ни разу не говорятъ о вѣчѣ въ Смоленскѣ. Ростовскую волость въ своихъ общихъ размышленіяхъ лѣтописецъ причисляетъ къ вѣчевымъ еще во второй половинѣ XII в.; а прямое свидѣтельство о вѣчѣ въ городахъ Ростовской волости сохранилось только отъ 2-й половины XIII ст., цѣлымъ вѣкомъ позднѣе,

---

(¹) *Вѣче* происходитъ отъ одного корня съ сл. *вѣщать*, говорить, оттуда сл. *отвѣчать*.

Вѣчевой бытъ былъ явленіемъ *необходимымъ* въ древней Россіи, а потому и *всеобщимъ*. Князь, призванный элементъ волости, не имѣлъ еще своихъ собственныхъ, достаточно развитыхъ орудій управленія. У него не было ни полиціи, ни войска въ теперешнемъ смыслѣ слова. Между княземъ и исполнителями его воли не было даже той поземельной связи, которая даетъ такую прочность отношеніямъ феодальнымъ и помѣстнымъ. Отношенія служилыхъ людей къ князю были до крайности шатки, они могли прерваться ежеминутно и по односторонней волѣ служилаго человѣка. Эта слабость собственныхъ силъ князя естественно заставляла его искать опоры въ согласіи съ народомъ, выдвигала народъ на первый планъ. Хотя вѣче и не было создано княземъ, но онъ долженъ былъ обращаться къ нему. — Так. обр. вѣче не есть явленіе одиночное, стоящее внѣ прямой связи съ другими учрежденіями княжеской Россіи: оно составляетъ необходимое къ нимъ дополненіе.

Какъ по возникновенію своему вѣче было безъискуственнымъ произведеніемъ самой жизни, а не зрѣлымъ плодомъ законодательнаго акта; такъ точно и отмѣна его совершилась не столько въ силу сознательной воли законодателя, сколько въ силу измѣненій въ древнемъ общественномъ бытѣ, которыя хотя и не были направлены къ отмѣнѣ вѣчевыхъ учрежденій, но произвели то, что народныя собранія сдѣлались ненужными и мало по малу вышли изъ употребленія; только подъ конецъ княжескаго періода встрѣчаемся съ законодательной волей, сознательно направленной къ отмѣнѣ послѣднихъ остатковъ вѣчеваго устройства.—

Первый шагъ на новомъ пути былъ сдѣланъ татарскимъ завоеваніемъ. Хотя Татары не остались въ Россіи и не подѣлили между собой завоеванныхъ земель, тѣмъ не менѣе Русская земля сдѣлалась »улусомъ« ордынскаго царя. Вмѣстѣ съ этимъ центръ Русской политической жизни перемѣстился за предѣлы Россіи — въ Орду. Князья нисходятъ на степень ханскихъ подручниковъ, для которыхъ исполненіе воли Хана составляетъ безусловную обязанность. Народъ, также какъ и князья, не имѣя возможности сопротивляться преобладающей силѣ Татаръ, находится въ необходимости подчиняться всѣмъ требованіямъ Орды, для удовлетворенія которой возникаютъ новые и обременительные налоги. Занятіе столовъ перестаетъ зависѣть отъ воли народа: ханы жалуютъ ихъ, кому хотятъ. Так. обр. самостоятельное рѣшеніе важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ въ силу взаимодѣйствія народа и князя смѣняется молчаливымъ исполненіемъ воли сильнаго завоевателя.— Татары не отмѣнили вѣча; но какъ скоро центръ государственной жизни перемѣстился въ Орду, изчезли поводы, призывавшіе гражданъ къ участію въ общественныхъ дѣлахъ. Съ другой стороны, большая часть Русской земли повторяющимися нашествіями Татаръ была доведена до крайняго опустошенія, уровень общественнаго благосостоянія сильно понизился, и городамъ, которые подвергались почти періодическимъ разореніямъ, было не до разсужденія объ общественныхъ дѣлахъ. Право сходиться на вѣча существовало по прежнему, но къ его осуществленію или вовсе не приходилось обращаться, или, если и обращались, то въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Так. обр. вѣчевыя собранія начинаютъ выходить изъ употребленія, хотя объ отмѣнѣ ихъ еще никто и не думалъ.

Дѣло, начатое Татарами, завершилось окончательно: во 1-хъ измѣненіями, происшедшими въ отношеніяхъ служилыхъ людей къ князю, и во 2-хъ объединеніемъ Россіи. Установленіе помѣстной

связи между служилыми людьми и княземъ выдвигали начало самостоятельной военной силы послѣдняго и его независимости отъ силы и воли народа. Объединеніе же Россіи въ одно государство съ центромъ въ Москвѣ сдѣлало не возможнымъ прежнее участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ подъ формою вѣча, а новой формы, болѣе соотвѣтствующей измѣнившимся потребностямъ времени, не было, да и исторія княжескаго періода вовсе не къ тому шла, чтобы ее выработать.

Конецъ XV и начало XVI в. можно считать тѣмъ временемъ, когда новыя условія общественнаго строя достигли значительной зрѣлости и перешли въ общественное сознаніе. По мѣрѣ приближенія къ этому времени старый порядокъ вещей все болѣе и болѣе утрачиваетъ свои силы. Вѣчевыя собранія, слѣды которыхъ сохранились отъ второй половины XIV и XV в., составляютъ исключеніе, а не правило; это—послѣдніе отголоски древняго быта. Къ концу XV в. Россія представляется раздѣленной на двѣ мало похожихъ одна на другую части: Новгородъ и Псковъ являются представителями стараго порядка, Москва — новаго. Вѣчевое устройство, сохранившееся въ сѣверо-западномъ углу Русской земли, мало вяжется съ устройствомъ остальной Россіи: послѣдніе Московскіе князья вступаютъ въ прямую борьбу съ нимъ и выходятъ побѣдителями: въ 1478 г. Ивану Васильевичу удается отмѣнить вѣчевой бытъ Новгорода, а въ 1510 г. сынъ его, Василій, уничтожаетъ и Псковское вѣче.

Волость, составлявшая народное собраніе, есть не что иное, какъ отдѣльное княженіе, въ составъ котораго входило, обыкновенно, нѣсколько различныхъ по своему значенію пунктовъ поселенія. Болѣе значительные изъ нихъ обращались въ города, которые въ свою очередь подраздѣлялись на главные, или *города* просто и на пригороды. Земли, часто и очень значительныхъ протяженій отъ города, составляли собственность его жителей. Обладаніе землей было такимъ важнымъ условіемъ политической силы въ древней Россіи, что количество поземельной собственности, принадлежавшей гражданамъ того или другого города, можетъ быть прямо считаемо мѣриломъ ихъ политическаго значенія. Раскинутость поземельной собственности горожанъ далеко за чертой города дѣлала необходимымъ учрежденіе пригородовъ. Небольшіе укрѣпленные пункты, расположенные по окраинамъ волости, могли быть очень полезны во время хищническихъ вторженій, столь обыкновенныхъ въ древнее время. Пригороды, слѣдовательно, составляли ихъ насущную потребность. Пригородъ, благодаря счастливому стеченію выгодныхъ условій положенія и историческаго развитія, могъ не только сравняться, но и превзойти главный городъ, какъ населеніемъ, такъ и богатствомъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ долженъ былъ все менѣе и менѣе чувствовать необходимость въ покровительствѣ своей метрополіи; болѣе же сложные и развитые интересы жизни могли даже повести его и прямо къ враждебнымъ столкновеніямъ съ ней. Результатомъ такого новаго положенія дѣлъ является обособленіе пригорода въ особую самостоятельную волость, въ предѣлахъ которой въ свою очередь возникаютъ пригороды.

Участіе въ вѣчевыхъ собраніяхъ понималось въ древней Россіи какъ право; право это принадлежало всѣмъ свободнымъ. Принимающіе участіе на вѣчѣ обыкновенно обозначаются въ источникахъ самыми общими терминами: это *люди* безъ всякихъ ограниченій. На вѣчѣ участвуютъ всѣ слои населенія, начиная съ высшихъ и до послѣднихъ: лучшіе люди, средніе и меньшіе, черные, купцы, смерды даже худые мужики »и всѣ люди«. Дѣти, хо-

тя бы и взрослые, при жизни отца, устранялись отъ личнаго участія въ народныхъ собраніяхъ, по общепринятому взгляду. Но въ источникахъ нѣтъ указаній относительно вліянія, которое оказывало на право участія въ вѣчевыхъ собраніяхъ состояніе наймитовъ и закуповъ. Вѣчевая жизнь пригородовъ проявляется двоякимъ путемъ: они или участвуютъ непосредственно въ собраніяхъ главныхъ городовъ, или составляютъ свои особыя собранія въ предѣлахъ пригорода.

Русское вѣче не имѣетъ ничего общаго съ тою формою народнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, которую представляетъ Англійскій парламентъ и подражанія этому учрежденію на европейскомъ континентѣ. Участіе народа въ палатѣ общинъ сложилось подъ вліяніемъ *сильной* королевской власти. Представители городовъ и графствъ не сами сходились, они *призывались* королями и только для обсужденія и рѣшенія тѣхъ вопросовъ, по которымъ были призваны; по всѣмъ же другимъ—ихъ дѣятельность ограничивалась почтительными прошеніями. Въ древнѣйшее время это участіе въ королевской думѣ разсматривалось болѣе съ точки зрѣнія *обязанности*, чѣмъ права. Представители *обязаны были* являться. Члены палаты общинъ говорили не во имя *личныхъ* своихъ интересовъ; они были представителями тѣхъ общинъ, которыя ихъ посылали, и голосъ ихъ былъ голосомъ цѣлой общины.

Совсѣмъ иной характеръ нашего вѣча. Народъ участвуетъ въ общественныхъ дѣлахъ *не по призванію* князя, который самъ призванъ вѣчемъ, а въ силу присущаго каждому »мужу« права устроивать свои собственныя дѣла, изъ которыхъ еще не выдѣлились общественныя, какъ нѣчто особое, живущее своей самостоятельной жизнью. Присутствуя на вѣчѣ въ силу личнаго права, народъ является для обсужденія общественныхъ дѣлъ

не чрезъ представителей, а поголовно; а съ другой стороны онъ не ограниченъ въ предметахъ своего разсужденія: онъ обсуждаетъ какіе хочетъ вопросы и самъ приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія. Собраніе, каждый отдѣльный членъ котораго представляетъ только себя и говоритъ только во имя своихъ личныхъ интересовъ, составляетъ *цѣлое* только въ случаѣ соглашенія *всѣхъ*. Если этого соглашенія нѣтъ, оно распадается на части, между которыми возгорается война. У насъ требовалось или единогласное мнѣніе всѣхъ, или такое подавляющее большинство, которое заставляло бы смолкать всѣхъ разномыслящихъ. Это и понятно. Рѣшеніе простымъ большинствомъ можетъ имѣть мѣсто тамъ, гдѣ есть самостоятельная исполнительная власть, достаточно сильная для того, чтобы привести въ исполненіе народное рѣшеніе, не смотря на противорѣчіе многочисленнаго меньшинства. Так. обр. характеръ нашего вѣча опредѣляется двумя условіями: *слабостью* княжеской власти и *всемогуществомъ* личной свободы, столь обыкновеннымъ въ первоначальномъ обществѣ. Всего ближе къ нашему вѣчевому быту подходитъ бытъ древнихъ Германцевъ. При неограниченной свободѣ отдѣльной личности и при слабости исполнительной власти, не было иного исхода — какъ соглашеніе всѣхъ, или война всѣхъ. Если соглашеніе послѣдовало, волость находилась въ состояніи мира, если нѣтъ — въ состояніи розмирья. И такъ начало представительства не входило въ систему нашей вѣчевой жизни: мы не встрѣчаемъ на него никакихъ указаній. Вѣче—есть форма *непосредственнаю* участія народа въ общественныхъ дѣлахъ, а не чрезъ представителей. Участіе на вѣчѣ понималось въ древней Россіи, какъ *право*, а не обязанность. Изъ имѣющихъ право — никто не былъ *обязанъ* посѣщать вѣчевыя собранія; бывалъ, кто хотѣлъ.

Что касается до *времени созванія* вѣча, должно замѣтить, что наши вѣчевыя собранія не были періодическими. Они созывались смотря *по потребности*. Так. обр. въ одну недѣлю могло быть нѣсколько вѣчевыхъ собраній, и на оборотъ—въ цѣлый годъ—ни одного. *Порядокъ созванія* вѣча опредѣляется сущностью этого учрежденія. Это форма участія народа въ общественныхъ дѣлахъ въ силу присущаго народу права, а потому вѣче *можетъ* быть созвано — какъ самимъ народомъ, такъ и княземъ, если онъ находилъ это нужнымъ. Мы имѣемъ много свидѣтельствъ о созваніи вѣча народомъ, не смотря на присутствіе въ городѣ князя или его посадника. Но такъ какъ не было обязанности являться на вѣче, то понятно, что для того, чтобы вѣче дѣйствительно состоялось, еще мало одного призыва; надо, чтобы народъ *желалъ* совѣщаться о томъ или другомъ предметѣ. Безъ народнаго желанія вѣче не состоится, хотя бы призывъ исходилъ и отъ самаго князя. Колокольный звонъ былъ обыкновеннымъ способомъ призыва къ вѣчевымъ собраніямъ. Необходимаго *мѣста* для вѣчевыхъ собраній не было. Вѣче могло собраться вездѣ — какъ въ городѣ, такъ и внѣ города, и »на поли«. Въ случаѣ раздѣленія мнѣній, сторонники разныхъ партій сходились обыкновенно въ разныхъ мѣстахъ; так. обр. въ одно и тоже время было нѣсколько вѣчевыхъ собраній, которыя или вступали въ бой одно съ другимъ, или мирились на какомъ нибудь общемъ мнѣніи. *Продолжительность* вѣча опредѣлялась не временемъ, а предметомъ. Вѣче созывалось не на опредѣленный промежутокъ времени, а для рѣшенія извѣстнаго вопроса и продолжалось до тѣхъ поръ, пока этотъ вопросъ не былъ улаженъ.

Что же касается до самаго порядка совѣщаній, онъ былъ словесный и совершенно безформенный. Мы не встрѣчаемъ
никакихъ указаній на предсѣдателя и
руководителя преній. Первый вопросъ
чу предлагался, обыкновенно, тѣмъ,
его созвалъ, — княземъ, или кѣмъ-л
изъ народа; за тѣмъ начиналось совѣ
ніе самаго народа. При этомъ случало
что говорили лучшіе люди, бояре и ст
цы, а остальные—слушали въ молчаніи
только подъ конецъ выражали свое о
бреніе. Всѣ люди имѣли одинаковое пр
во слова, и говорить самимъ или сл
шать другихъ — зависѣло исключитель
отъ ихъ личнаго такта. Мы имѣемъ у
занія, что люди богатые подкупали л
дей бѣдныхъ — смердовъ, худыхъ му
ковъ—для того, чтобы они своимъ го
ромъ и крикомъ на вѣчѣ заглушали р
чи лучшихъ людей, ихъ противниковъ,
тѣмъ способствовали проведенію ихъ с
ственныхъ мнѣній. Когда этого требов
дѣло, рѣшеніе вѣча записывалось.

Такъ какъ рѣшеніе вѣча было выр
женіемъ воли народной, не подчиненн
никакимъ внѣшнимъ формамъ, — то
безформенность не могла не отразит
ослабляющимъ образомъ на окончательн
силѣ самаго рѣшенія. При вѣчевыхъ
браніяхъ не требовалось присутствія и
вѣстныхъ лицъ и *въ извѣстномъ*
слѣ. По этому составъ вѣча могъ бы
очень не постоянный: сего дня могли
браться такія лица, большинство ко
рыхъ, по совершенно случайнымъ при
намъ, вовсе не принимало участія во в
рашнемъ рѣшеніи. Но даже и въ слу
равнаго самому себѣ личнаго состава
ча, твердость его рѣшеній, при отс
ствіи формъ, зависѣла исключительно
настроенія духа всегда подвижной ма
народа. Если это настроеніе мѣнял
довольно было двухъ-трехъ часовъ, ч
бы оно перешло въ новое рѣшеніе,
вершенно противоположное старому.
кой порядокъ вещей, естественно, дав
полную свободу образованію политическ
партій и полный просторъ ихъ вза

ной борьбѣ. Наши партіи группировались обыкновенно около князей и имѣли цѣлью доставить столъ тому изъ нихъ, на сторонѣ котораго онѣ стояли, что вело: 1, къ господству самой партіи, ибо князь раздавалъ мѣста и, конечно, прежде всего одѣлялъ своихъ *пріятелей*; и 2, къ устраненію тѣхъ неудобствъ, которымъ могла подвергаться эта партія во время господства противной. Лѣтописи даютъ многочисленные примѣры раздѣленія городовъ на княжескія партіи. Удаленіе вмѣстѣ съ княземъ и пріятелей его, потерпѣвшихъ пораженіе на вѣчѣ, довольно обыкновенное явленіе.

Вѣче, какъ основная форма быта, вѣдаетъ все, кромѣ тѣхъ предметовъ, которые передаются въ исключительное завѣдываніе князей. Къ предметамъ послѣдняго рода относятся: управленіе и судъ. Хотя народъ не отправляетъ на вѣчѣ ни суда, ни управленія; но такъ какъ главная сила князя заключается въ народѣ, то, понятно, что онъ не могъ оставаться безъ вліянія на княжескій судъ и управленіе; а при всеобъемлющемъ значеніи вѣча въ нашей древней жизни, это вліяніе переходило иногда и въ непосредственное отправленіе народомъ какъ суда (впрочемъ, только въ чрезвычайныхъ случаяхъ), такъ и нѣкоторыхъ отраслей управленія.

Главнѣйшую дѣятельность вѣча составляетъ призваніе князя. Существованіе права призванія доказывается: 1, народнымъ сознаніемъ, которое проявляется въ повторяющихся фактахъ призванія, и 2, условіями призванія, изъ которыхъ видно, что призваніе не переносило на князя права распоряженія столомъ послѣ его смерти, что рано или поздно дѣлало необходимымъ новое призваніе. Хотя на практикѣ переходъ столовъ совершался подъ вліяніемъ весьма разнообразной борьбы, хотя столы не рѣдко занимали князья безъ предварительнаго призванія и даже

прямо противъ воли народа въ силу военнаго превосходства князя; но право призванія жило не въ одномъ сознаніи народа, но и въ сознаніи князей, а только въ дѣйствительности это право должно было иногда уступать болѣе сильному праву войны. При равенствѣ всѣхъ слоевъ населенія, при отсутствіи почему бы то ни было выдающихся родовъ изъ общаго уровня, у насъ не представлялось возможности изъ своихъ собственныхъ элементовъ создать главу сколько-нибудь сильной правительственной власти, не возбудивъ непримиримой вражды партій. Призваніе князей *извнѣ* являлось единственнымъ средствомъ установить власть, независимую отъ внутреннихъ партій. Призваніе Рюрика 862 г. имѣло рѣшительныя послѣдствія для всей Русской земли: оно положило начало особой породѣ людей, которые въ силу своего происхожденія отъ призваннаго князя считались способными къ отправленію высшей судебной и правительственной дѣятельности. Съ этого времени призванія дѣлаются изъ среды потомковъ Рюрика, которые образуютъ особое, не смѣшивающееся съ остальнымъ населеніемъ, *замкнутое* и *потомственное сословіе* князей. Призваніе, обыкновенно, было *временное*, но безъ установленія опредѣленнаго срока, по истеченіи котораго оно теряло бы свою силу. Оно простиралось *на неопредѣленное* время, до тѣхъ поръ, пока съ обѣихъ сторонъ соблюдаются условія призванія или пока господствуетъ *единеніе* между народомъ и княземъ. Рядомъ съ временнымъ встрѣчается и *пожизненное* призваніе; но пожизненный характеръ призванія не разумѣется самъ собой, онъ долженъ быть именно установленъ условіями призванія. Признаніе того или другого князя *наслѣдственнымъ* неизвѣстно древней Россіи; но встрѣчаются случаи добровольнаго ограниченія права призванія только одной какой—либо отраслью по-

томковъ Рюрика. *Соглашеніе* народа съ князем̀ъ о его преемникѣ, есть тоже призваніе, но состоявшееся подъ вліяніемъ особаго расположенія къ прежнему князю. Изъ временнаго, но не срочнаго характера призванія, слѣдуетъ, что новое призваніе можетъ состояться еще во время присутствія въ городѣ прежде призваннаго князя, по отношенію къ которому оно получаетъ значеніе—смѣны или изгнанія. Случаи такихъ призваній встрѣчаются не только въ Новгородѣ, но и въ Кіевѣ, Галичѣ, Полоцкѣ, Владиміръ на Клязьмѣ и другихъ волостяхъ. Вѣче не только постановляетъ рѣшеніе о призваніи, но и принимаетъ всѣ необходимыя мѣры для его осуществленія: помогаетъ призванному князю войти въ городъ, затворяется въ городѣ отъ его противниковъ и пр. Так. обр. по отношенію къ призванію, вѣчу принадлежитъ какъ самое постановленіе, такъ и приведеніе его въ исполненіе.

Въ самой тѣсной и необходимой связи съ призваніемъ князя стоитъ законодательная дѣятельность вѣча. Призваніе безусловное, безъ опредѣленія правъ и обязанностей призываемаго князя, не мыслимо. Мы встрѣчаемъ случаи договоровъ не только съ призванными князьями, но и такими, которые завладѣли столомъ въ силу военной удачи. Это и понятно. Княжескія войны изъ—за обладанія волостями велись не столько противъ народа, сколько противъ князя. Побѣдитель далеко не всегда являлся завоевателемъ. Устранивъ своего личнаго противника, онъ не рѣдко встрѣчался съ народомъ, который принималъ его охотно, или, по крайнѣй мѣрѣ, безъ прямаго сопротивленія. Заключить съ нимъ рядъ о порядкѣ управленія представлялось необходимымъ средствомъ, чтобы укрѣпить его за собой. Безъ этого соглашенія, народъ имѣлъ бы однимъ и чрезвычайно важнымъ поводомъ больше—къ неудоволь-

ствію, къ образованію партіи враждеб
князю, а наконецъ, и къ призванію
ваго князя, болѣе удовлетворяющаго
роднымъ желаніямъ. Для условій, ко
рыя заключались между народомъ и к
земъ, въ древней Россіи было вес
употребительно названіе—*ряда* или *з
ряда*. *Рядъ* съ княземъ есть отдѣ
ный *отъ призванія* актъ и по врем
слѣдуетъ за нимъ.

Третью отрасль дѣятельности вѣча
ставляетъ рѣшеніе вопроса о мирѣ и в
нѣ. Существованіе этого права дока
вается весьма многочисленными сви
тельствами лѣтописей, изъ которыхъ с
дуетъ: 1, что народъ самъ объявля
войну и заключаетъ миръ и требуетъ
го или другаго отъ князя; 2, что кня
для того, чтобы вести войну силами
лой волости, долженъ былъ получить
гласіе вѣча, а въ противномъ случаѣ,
предстояло или заключить миръ,
вести войну на собственный стра
съ помощью однихъ охотниковъ.

Этими тремя предметами—призваніе
князя, законодательствомъ и рѣшеніемъ
проса о войнѣ и мирѣ, почти исчерпы
ется вся дѣятельность вѣча; управле
и судъ не принадлежали ему. За искл
ченіемъ князя, вѣче не назначало ни
кихъ чиновниковъ. На князя перено
лись безъ исключенія всѣ заботы
управленіи, ему принадлежало право пр
водительствовать на войнѣ и назнач
всѣхъ должностныхъ лицъ: посадник
тысяцкихъ, тіуновъ и пр. Только въ
вогородѣ и Псковѣ встрѣчаемся съ п
вомъ вѣча—назначать помимо князя
двухъ высшихъ гражданскихъ сановнико
посадника и тысяцкаго. Но это пр
не можетъ быть относимо къ числу п
воначальныхъ правъ вѣча; оно сложил
не ранѣе второй половины XII в. и
ставляетъ особенность новгородской во
сти, которая свидѣтельствуетъ о то
что въ княжескій періодъ Новгород

сдѣлали шагъ впередъ на пути развитія своего мѣстнаго самоуправленія. Народъ не только рѣшаетъ вопросъ о войнѣ и мирѣ, но онъ не рѣдко участвуетъ и въ самыхъ распоряженіяхъ ходомъ военныхъ дѣйствій, опредѣляетъ напр. мѣсто битвы, моментъ нападенія и под. Это вмѣшательство народа въ военное управленіе не могло, конечно, способствовать успѣшному веденію войны; но, при слабости чисто правительственныхъ органовъ того времени, оно было совершенно естественно.—Подобно управленію и судъ завѣдывался исключительно княземъ. Вѣче не было даже верховнымъ апелляціоннымъ судилищемъ. Но какъ высшая власть волости, вѣче давало защиту гражданамъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда обыкновенные суды оказывались не достаточными. Но и въ вопросѣ о судѣ позднѣйшая исторія Новгорода и Пскова представляетъ также особенность, какъ и въ вопросѣ объ управленіи. Право назначать посадниковъ и тысяцкихъ принадлежало въ этихъ городахъ вѣчу; ему же принадлежало и право политическаго суда надъ этими сановниками. Въ этомъ смыслѣ надо понимать слова Всеволода, сказанныя имъ Новгородцамъ въ 1209 г. въ Коломнѣ: «кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните».

Князь и вѣче стояли другъ подлѣ друга, какъ двѣ неподчиненныя одна другой власти, для совокупнаго дѣйствія которыхъ было необходимо взаимное соглашеніе; иначе безъ этого, при нежеланіи уступить, князь и вѣче стояли другъ противъ друга какъ двѣ самостоятельныхъ власти, разногласіе которыхъ могло быть устранено только судомъ божіимъ (*войной*). Если исходъ борьбы былъ въ пользу князя по большинству его партіи, онъ оставался на занимаемомъ имъ столѣ, а побѣжденная партія должна была подчиниться волѣ побѣдителя, часто очень суровой. Если перевѣсъ былъ на сторонѣ партіи вѣча, противной князю, послѣдній лишался стола. Изгнанные князья не рѣдко находили поддержку въ другихъ волостяхъ и съ ихъ помощью мстили свои обиды. Личность князя оставалась неприкосновенною, какъ бы далеко ни заходила рознь между нимъ и вѣчемъ. Самыя крайнія желанія недовольнаго княземъ вѣча состояли въ томъ, чтобы князь оставилъ волость. Это общее правило подвергалось только одному ограниченію: князь присуждался иногда къ *временному* заключенію въ видахъ безопасности до пріѣзда новаго князя. Имущество изгоняемаго князя подвергалось иногда грабежу. Потерпѣвъ пораженіе, князь могъ войти въ новое соглашеніе съ вѣчемъ. Какъ князья нерѣдко находили опору въ одной изъ народныхъ партій, такъ точно и вѣче въ борьбѣ съ княземъ опиралось иногда на помощь другихъ князей. Война ведется только противъ отдѣльныхъ личностей княжескаго рода; а самый принципъ княжескаго правленія остается незыблемымъ. Князь есть въ высшей степени народная власть, и въ отношеніяхъ къ нему народа преобладаетъ характеръ *добраго довѣрія*. Князь, пользующійся популярностію, можетъ выступать на войну во главѣ сильнаго народнаго войска и безъ постановленія вѣча, хотя бы война задумана была исключительно въ личныхъ интересахъ князя. Также призванный для отправленія правосудія, князь не только судилъ, но и установлялъ самъ формы своего суда и размѣры продажъ и виръ. Народъ же высказывался по этимъ вопросамъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда постановленія князей противорѣчили его справедливымъ ожиданіямъ. Такъ напр., чрезмѣрная высота продажъ и виръ возбуждала протесты вѣча, а иногда и прямо приводила къ изгнанію князя (*Воскр. лѣт. 1146 г. Ипат. 1175*).

Въ силу преобладанія личнаго элемента въ нашей древней исторіи, взаимныя отношенія князей не составляютъ непре-

мѣнно взаимныхъ отношеній волостей: волости могутъ оставаться совершенно чуждыми тѣмъ войнамъ, которыя ведутъ между собою ихъ князья. Хотя для волости князь и составляетъ необходимость; но волость поддержаніе своего князя противъ противника должна была считать не необходимымъ во что бы то ни стало. Кромѣ того, князь могъ совершить преступленіе и тѣмъ возбудить противъ себя враждебныя дѣйствія другихъ князей. Стоять за такого князя, значитъ дѣлаться его сообщникомъ. Хотя княжескія войны возникаютъ по побужденіямъ, чуждымъ интересамъ волости, и требуютъ строгаго невмѣшательства, но народъ иногда участіе въ войнѣ вмѣняетъ себѣ въ обязанность. Волости сознавали, что княжескія усобицы были источникомъ многихъ бѣдствій, а потому и прибѣгали къ нѣкоторымъ мѣрамъ съ цѣлью ограничить ихъ. Но это были исключительно частныя мѣры отдѣльныхъ волостей, изъ которыхъ не выработалось никакихъ общихъ нормъ для всей Русской земли, что одно могло бы быть дѣйствительнымъ средствомъ противъ княжескихъ усобицъ.

Взаимныя отношенія князей, какъ и всякихъ независимыхъ одинъ отъ другаго правителей, опредѣляются *договорами*. Право вступать въ договоры принадлежитъ каждому князю, не смотря ни на степень родства, соединяющую его съ другими князьями, ни на относительное значеніе управляемой имъ волости. Княжескіе *съѣзды* служили самымъ обыновеннымъ средствомъ для всякихъ соглашеній, имѣвшихъ цѣлью какое-либо совокупное дѣйствіе нѣсколькихъ князей. На устройствѣ этихъ съѣздовъ, или »думы князей, и на порядкѣ самыхъ переговоровъ отражается характеръ полной свободы и независимости. Князья имѣли право съѣзжаться для достиженія общихъ цѣлей, но не были къ тому *обязаны*; ихъ съѣзды не имѣли ни опредѣленнаго состава, ни опредѣленнаго времени собранія: князья съѣзжались, когда хотѣли, и въ такомъ составѣ, въ какомъ хотѣли. И мы не встрѣчаемъ ни одного съѣзда, на которомъ участвовали бы всѣ князья Русской земли. При заключеніи княжескихъ договоровъ иногда принимали на себя посредничество между князьями *третьи лица*, которыя сводили ихъ въ любовь. Въ качествѣ такихъ посредниковъ могли выступить не только князья, но и духовенство. Участіе третьихъ совершенно добровольное и необязательное: враждующія стороны свободны принять или не принять ихъ посредничество. Договоры установляютъ *не подчиненіе* князя князю, а *единеніе* князей, въ силу котораго воля одного князя имѣла совершенно такое же значеніе, какъ и воля другаго, не смотря ни на степень родства, ни на старшинство лѣтъ князей, ни на относительное значеніе управляемыхъ волостей. И притомъ условія эти касаются одной внѣшней политики, а не внутренняго управленія князя: каждый князь вѣдалъ судъ, финансы и военное управленіе своей волости внѣ всякой зависимости отъ какого—либо другаго князя. Обезпеченіемъ силы княжескихъ договоровъ были слѣд. средства: крестное цѣлованіе обѣихъ договаривающихся сторонъ, обязательство подчиниться извѣстному наказанію въ случаѣ неисполненія условій договора и установленіе особыхъ блюстителей точнаго исполненія договора. Какъ скоро одинъ князь начиналъ дѣйствовать несогласно съ договоромъ, договоръ терялъ свою обязательную силу и для другой стороны. Состояніе противоположное соглашенію и любви есть состояніе розни и войны. Такъ было въ отношеніяхъ князей, какъ вообще во всѣхъ явленіяхъ древней русской общественной жизни.

Какъ *люди* вообще, при равенствѣ правъ, рознятся достоинствомъ, такъ точно и *князья*, при полномъ равенствѣ съ точки

зрѣнія принадлежавшей имъ власти, не были совершенно равны *по достоинству*. Такимъ князьямъ усвоивались наименованія—старѣйшихъ, отцевъ, господъ, великихъ князей. 1, Прежде всего старшинство представляется какъ естественное преимущество лѣтъ: всякій старшій лѣтами есть уже по одному этому старѣйшина по отношенію ко всѣмъ «молодшимъ князьямъ». Преимущества старшихъ лѣтами не принадлежали къ области права. Имъ усвояется только тотъ особый *почетъ*, съ которымъ обыкновенно дѣти относятся къ своимъ родителямъ. Помимо прямаго значенія, слово—старѣйшина употребляется еще и въ переносномъ: отъ старшинства и преобладанія города надъ другими и князь назывался старшимъ. Обладаніе старшимъ городомъ, какъ *лучшимъ*,—есть предметъ особаго честолюбія князей. 2, Другое почетное наименованіе князя есть слово—отецъ. Оно вытекаетъ изъ чувства уваженія младшаго къ старшему и по обязанности изъ договора и изъ завѣщанія. 3, Наименованіе великимъ княземъ совпадаетъ съ названіемъ старѣйшиной по городу и усвояется обыкновенно князьямъ лучшихъ волостей. Великіе князья, какъ и старѣйшины, не пользовались никакими лучшими правами сравнительно съ другими князьями. 4, Наименованіе господиномъ имѣетъ тоже значеніе почтенія, какъ и наименованіе старѣйшиной и отцемъ, только выражаетъ еще нѣкоторую приниженность того лица, которымъ употребляется. Так. обр. въ отношеніяхъ князей Рюрикова дома не было родоваго быта, какъ утверждали Эверсъ, Рейцъ, Соловьевъ и другіе.

Обладаніе волостью составляетъ доходную статью для князя: онъ пользуется пошлинами съ суда, торговли и проч. А потому ближайшее *побужденіе* къ добыванію заключается въ желаніи получать доходъ, съ котораго можно было бы

быть сыту. Дѣйствіями добыванія были: занятіе волости, которая имѣетъ свободный столъ; захватъ чужой волости посредствомъ завоеванія или только устраненія личности ея князя; пріобрѣтеніе въ силу добровольной уступки; наконецъ, съ Татаръ, явился новый способъ пріобрѣтенія посредствомъ ханскихъ ярлыковъ. Добывать волости могли не только Рюриковичи, но и князья чужихъ родовъ, наприм. Болеславъ Польскій, Андрей Венгерскій, Литовскіе князья и проч. Способы добыванія имѣли такое же мѣсто между дядями и племянниками, какъ и между родными братьями и двоюродными. Но понятно, что зрѣлость лѣтъ и личныя преимущества давали фактическое преимущество предъ молодыми князьями. Назначеніе преемника обыкновенно совершалось посредствомъ завѣщанія, которое впрочемъ не ограничивало право добыванія: оно могло только облегчить занятіе стола, когда завѣщатель еще при жизни передавалъ преемнику обладаніе важнѣйшими пунктами завѣщаемой волости. Согласно естественной обязанности родителей—обезпечить участь дѣтей, преемниками обыкновенно назначаются сыновья. Когда сыновей не бывало, преемникомъ назначался тотъ изъ князей, кто былъ ближе къ завѣщателю по чувствамъ любви, внѣ всякой зависимости отъ степеней родства. И такъ *въ завѣщаніяхъ* проявляется тоже начало свободной воли князя, управляемое одними только соображеніями о томъ, что желательно и возможно, какъ и *въ добываніи*. *Отчина* есть нечто иное, какъ *столъ отца* извѣстнаго князя. Согласно стремленію князей удерживать за собою отчины, стремленію, находившему признаніе и въ самыхъ договорахъ, волости *дѣйствительно переходили* по отчинѣ къ сыновьямъ, хотя и далеко не всегда.

Правительственное дѣленіе Русской земли представляетъ три степени округовъ

и каждому изъ нихъ соотвѣтствовали особые органы управленія. Высшую степень составляетъ *княженіе*, *волость* (область) *удѣлъ* или *уѣздъ*; за тѣмъ слѣдуетъ подраздѣленіе княженій на *города*, *волости* въ тѣсномъ смыслѣ, *станы* или *уѣзды*; эти послѣдніе въ свою очередь дѣлятся на *сотни*, *потуги и погосты*. Самъ князь, вѣдавшій всѣ дѣла волости, назывался *волостелемъ* и отправлялъ правосудіе, почему и самая правда носитъ наименованіе »княжой правды«. Соединяя всѣ вѣтви управленія въ рукахъ, князь не могъ обходиться безъ помощниковъ. И дѣйствительно, съ древнѣйшихъ временъ мы встрѣчаемъ указанія на существованіе второстепенныхъ властей, вѣдѣнію которыхъ поручались отдѣльныя отрасли управленія и суда. Князь не былъ исключительно центральной властью: онъ имѣлъ на ряду съ мѣстными правителями извѣстный округъ и вѣдалъ его, какъ всякая мѣстная власть.

Между служилыми людьми князя должно различать два разряда лицъ—низшій и высшій; на долю перваго доставались дѣла меньшей важности, на долю втораго большей. Первый разрядъ слугъ составляли *отроки* князя или *дѣтскіе*; послѣднее впрочемъ не означается для названія рабовъ. Ихъ должностью было находиться при особѣ князя въ качествѣ ключниковъ, тіуновъ, конюховъ, воиновъ и т. п. Одно изъ древнѣйшихъ названій *гриди* въ болѣе позднее время извѣстно стало подъ именемъ *дворовыхъ людей*, *дворныхъ слугъ и дворянъ*. Въ этомъ разрядѣ слугъ встрѣчаемъ особыя придворныя должности — постельниковъ, стольниковъ, окольничихъ и проч. Въ составъ низшаго разряда слугъ входили не одни рабы и дѣти бояръ, пользовавшихся высокимъ положеніемъ въ обществѣ. Съ теченіемъ времени этимъ лучшимъ членамъ княжескаго двора, въ отличіе отъ другихъ менѣе именитыхъ, усвоилось названіе *дѣтей боярскихъ*.

Высшій разрядъ княжескихъ слугъ составляютъ *мужи* и *бояре*; состоявшіе изъ нихъ на службѣ князя назывались *княжими*. Княжіе бояре и мужи, поскольку послѣдніе принадлежали къ лучшимъ людямъ, пользовались независимымъ отъ княжеской службы положеніемъ, въ чемъ и заключается ихъ существенное различіе отъ слугъ низшаго разряда. Къ концу княжескаго періода къ послѣднимъ много присоединилось князей и ихъ называли *боярами*. Мужи и въ высшемъ разрядѣ обладали не равнымъ значеніемъ: были мужи »передніе, »лѣпшіе«, т. е. лучшіе, вліятельные, »великіе,« »большіе«, »сильные«. И высшіе и низшіе разряды слугъ носили названіе *дружины*: большая или старшая дружина означала мужей и бояръ, молодшая отроковъ. Люди пользовавшіеся особымъ расположеніемъ князя, назывались *милостниками*.

Обязанности служить въ древней Россіи не было; служилые свободнаго состоянія вольны были оставить службу, когда хотѣли. Отдѣльными огранами управленія были: 1), *Княжеская дума*, составъ и предметы занятій которой исключительно зависѣли отъ усмотрѣнія князя: онъ призывалъ для совѣщаній, кого хотѣлъ, и только вь тѣхъ случаяхъ, когда хотѣлъ. Особаго званія »совѣтниковъ князя«, въ которое возводились бы служилые, входившіе въ составъ думы, не было. Дума составлялась всякій разъ вновь, по особому приглашенію служилыхъ. Княжескимъ совѣтникамъ принадлежалъ совѣщательный голосъ. 2), Мѣстные правители, вѣдѣнію которыхъ поручались отдѣльныя волости, въ древнѣйшее время именовались *посадниками*. Какъ въ лицѣ князя судъ не былъ отдѣленъ отъ управленія, а управленіе военное отъ гражданскаго; также точно управленіе и судъ были слиты и въ лицѣ

мѣстныхъ представителей его власти. Одна изъ главнѣйшихъ обязанностей посадника заключалась въ охраненіи власти своего князя надъ ввѣренною ему волостью. Для защиты ея онъ ставилъ »Города« и, въ случаѣ нападенія, отражалъ непріятеля силой; кромѣ того, отправлялъ судъ. Право избирать въ должности посадниковъ принадлежало князьямъ, равно какъ и увольненіе и судъ надъ ними; исключеніе было только въ Новгородѣ и Псковѣ съ XIII в., когда выборъ посадниковъ и судъ надъ ними зависѣлъ отъ воли вѣча. Храбрость и знакомство съ военнымъ дѣломъ были до такой степени необходимыми качествами посадниковъ, что ихъ должности не рѣдко замѣщались *воеводами*. 3), Съ самаго начала XIII в. представители князя въ Новгородѣ называются уже не посадниками, а *намѣстниками* князя и *волостелями*. Намѣстники вѣдаютъ обыкновенно города, а волостели—волости. Волостель пользовался совершенно независимымъ положеніемъ отъ намѣстника и на ряду съ нимъ стоялъ въ непосредственномъ подчиненіи князю. Намѣстники обладали тою же властью, которая прежде принадлежала посадникамъ, и иногда назывались воеводами. Волостеля, также какъ и намѣстники, вѣдали судъ гражданскій и уголовный; но иногда высшій уголовный судъ, въ душегубствѣ, разбоѣ и пр. вынимался изъ ихъ вѣдѣнія и предоставлялся намѣстнику. Впрочемъ это не устанавливало подчиненія волостеля намѣстнику, а только ограничивало объемъ дѣятельности перваго. Надо думать, что военное управленіе исключительно сосредоточивалось въ рукахъ намѣстниковъ, и что волостели не имѣли къ нему никакого отношенія. Кромѣ того, на намѣстниковъ и волостелей возлагалась еще обязанность »блюсти« людей и нѣкоторыя другія заботы по части благоустройства, какъ напр. наблюденіе за исполненіемъ рабочими людьми установленныхъ сроковъ перехода отъ одного владѣльца къ другому и пр. Намѣстники и волостели назначались княземъ и оставались въ своихъ должностяхъ, пока это ему нравилось. 4), при князьяхъ, какъ мѣстныхъ правителяхъ, посадникахъ, намѣстникахъ и волостеляхъ состояли помощники. Въ древнѣйшее время они назывались *тіунами*; позднѣе удерживаемый княземъ для себя лично судъ передавался обыкновенно *введеннымъ боярамъ*. О военномъ управленіи тіуновъ нѣтъ указаній; надо думать, что на нихъ переносилась только една судебная власть. О пространствѣ ихъ власти нельзя составить точнаго представленія; тіуны назначались изъ низшаго разряда княжескихъ слугъ и даже рабовъ. Намѣстники и волостели были свободны въ выборѣ своихъ тіуновъ и только по отношенію къ увольненію подлежали одному ограниченію, впрочемъ, исключительно финансоваго свойства: они не могли мѣнять тіуновъ ранѣе года послѣ ихъ назначенія. Тіуны вѣдали судъ *вмѣсто* намѣстниковъ и волостелей; они замѣняли ихъ, но не составляли съ ними одной коллегіи. 5), Въ мелкихъ сотняхъ, погостахъ или потугахъ завѣдывали *сотскіе* и *старосты*. Сначала они, какъ и тысяцкіе, стояли на лѣстницѣ военной администраціи; но, по мѣрѣ усиленія въ войскѣ служилаго элемента, военная дѣятельность ихъ должна была значительно сократиться. Область ихъ гражданскаго вѣдѣнія составляли: а), надзоръ за исполненіемъ разнаго рода натуральныхъ и денежныхъ повинностей, напр. сооруженіе городскихъ укрѣпленій, постройка дворовъ для князя, намѣстника и волостеля, нарядъ для косьбы сѣна княжескаго, въ помощь ловчимъ, сборъ и взносъ кормовъ правителямъ, оброка, пошлинъ и т. п. б), мѣстная полиція и в), присутствіе на судѣ княжескихъ чиновниковъ. Сотскіе и старосты были выборные люди, а не назначались князьями, или ихъ чиновни-

ками. *Десятскіе*, какъ показываетъ ихъ имя, относятся къ одному роду властей съ сотскими; они были ихъ помощниками. 6), Въ позднѣйшее время встрѣчаемъ особыхъ *приставовъ*, назначавшихся для восполненія мало развитыхъ органовъ мѣстнаго полицейскаго управленія. Эти приставы получали разныя спеціальныя назначенія, какъ напр.: оберегать извѣстныя селенія отъ воровъ и разбойниковъ, лѣса отъ порубокъ, наблюдать за ненарушеніемъ жалованныхъ грамотъ и проч. Назначались они самимъ княземъ и по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ. 7), Управленіе финансами находилось въ непосредственномъ завѣдываніи самаго князя. Для сбора пошлинъ и даней назначались имъ особые чиновники—*мытники таможники*, *даньщики*, *платеньщики* и другіе пошлинники, которые стояли внѣ всякой зависимости отъ намѣстниковъ и волостелей. Намѣстники и волостели иногда занимались сборами пошлинъ, но не какъ финансовые чиновники, а какъ правители, которымъ жаловалась та или другая пошлина для увеличенія ихъ содержанія. 8), Храненіемъ княжескихъ пошлинъ и даней и выдачею ихъ занимались особые чиновники, которые одинаково вѣдали имущества князя, какъ правителя, и его имущества, какъ частнаго человѣка. Это были: *дворскіе* (дворецкіе), которые вѣдали недвижимыя имущества князя и повинности, соединенныя съ ними, напр. постройки, работы; *казначеи*, завѣдывавшіе денежной казной князя и полученіемъ доходовъ въ мѣстахъ ихъ сбора; *дьяки* и *подьячіе*, которые завѣдывали движимымъ имуществомъ князя и сборами доходовъ съ таможниковъ; *ключники* или *тіуны*, хранившіе у себя ключи зданій, въ которыхъ складывались дворцовые запасы. Ключники и домашніе тіуны назначались по большой части изъ рабовъ князя. Послѣднее мѣсто на лѣстницѣ властей занимаютъ княжескіе *посельскіе*, которые управляютъ деревнями князя, уборкой хлѣба, выдачей хозяйственныхъ запасовъ. Назначаются изъ рабовъ. Въ заключеніе необходимо остановиться на особенностяхъ управленія тѣми княжескими имуществами, которыя носили названіе путей. Князья жаловали свои земли разнымъ дѣловымъ людямъ, чтобы разводили княжескихъ лошадей, пчелъ, занимались варкой воска, ловлей бобровъ, рыбы, содержаніемъ собакъ и ловчихъ птицъ. Соединяемыя въ разныя группы съ цѣлями управленія, они носили наименованіе путей: путь ловчій, путь сокольничій, путь конюшій, путь бобровничій и т. п. под. Бояре, вѣдѣнію которыхъ поручались эти *пути*, носили названіе въ XIV в. *путныхъ бояръ*; а въ болѣе раннее время завѣдывались дворскими, тіунами, ключниками и посельскими.

Всѣ эти служилые люди, въ рукахъ которыхъ находилось управленіе, поручаемое княземъ, получали вознагражденіе изъ судебныхъ пошлинъ и за выдачу правой грамоты, пошлины съ браковъ, извѣстной подъ именемъ выводной куницы и новоженнаго убруса, пошлины съ нѣкоторыхъ частей торговли и кормы, т. е. извѣстное количество ежедневныхъ запасовъ натурой. Всѣ вообще доходы служилыхъ назывались *кормленіемъ*. Бояре, которымъ жаловались кормленія, бояре и слуги подъ дворскимъ, не входили въ составъ *вольныхъ бояръ и слугъ* и не могли отъѣхать до срока службы.

Княжеское войско составлялось *изъ народа*, *служилыхъ людей и иноземныхъ наемниковъ*. Въ составъ народнаго ополченія входили всѣ слои населенія, начиная съ лучшихъ людей или бояръ, и оканчивая—худшими или смердами. Участіе народа въ войскѣ князя условливалось или опредѣленіемъ вѣча, или личнымъ желаніемъ охотниковъ. Въ первомъ случаѣ вѣче во всемъ его со-

ставѣ нерѣдко обращалось въ войско. Вѣче опредѣляло и размѣры военной повинности, смотря по надобности. Отказъ вѣча—принять участіе въ предположенной княземъ войнѣ не лишалъ еще послѣдняго всякой надежды на народное содѣйствіе: онъ могъ сдѣлать воззваніе къ охотникамъ и воевать съ ихъ помощью. *Охвочихъ людей*, желавшихъ пограбить, было всегда много. По мѣрѣ уничтоженія вѣчевыхъ порядковъ, призваніе народа къ войнѣ было дѣломъ исключительно князя. Народное ополченіе созывалось только на случай войны и распускалось по домамъ, какъ скоро война была кончена. Второй видъ княжескихъ войскъ составляютъ служилые люди князя: въ раннее время—*отроки*, *дѣтскіе*, *гриди*, въ болѣе позднее—*дворяне и дѣти боярскіе*; но *мужи и бояре* выходили на войну въ сопровожденіи собственныхъ слугъ. Служилый человѣкъ могъ отъѣхать отъ князя, когда хотѣлъ: »а бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ межи насъ—*вольнымъ воля*«, договориваются князья. Отъѣхавшій слуга не терпѣлъ ни умаленія своихъ правъ, ни имущества, хотя бы оно находилось въ области князя, службу котораго онъ оставилъ. Служилые люди, находясь неотлучно при князѣ или на его службѣ, составляютъ постоянное войско. Третій видъ войскъ составляютъ призываемые князьями въ помощь иностранцы—Варяги, Половцы Татары и проч. Въ древнѣйшее время всѣ виды войскъ княжескихъ назывались *дружиной*. Кромѣ того, для обозначенія войска употребительны были слова: *полкъ*, *рать*. Военное управленіе находилось въ завѣдываніи посадниковъ и намѣстниковъ, а центральное военное управленіе—въ рукахъ князя, *воеводъ и тысяцкихъ*. Должность тысяцкаго была постоянной; назначеніе и увольненіе зависѣло отъ князя. Тысяцкій назначался для предводительства только тѣмъ народнымъ ополченіемъ, которое собиралось по опредѣленію вѣча, и не слѣдовалъ за княземъ, если онъ выступалъ на войну противъ воли вѣча. Должность *ратныхъ воеводъ* не была постоянною; они назначались по мѣрѣ надобности, для предводительства въ извѣстномъ походѣ. На подчиненіе однихъ воеводъ другимъ не находимъ указанія.

Въ союзномъ войскѣ каждый князь былъ начальникомъ своего отряда и не приходило въ голову никогда учреждать главнаго предводителя; князья дѣйствовали каждый за себя порознь.—Постояннымъ содержаніемъ пользовалась небольшая часть воиновъ — отроки, гриди, дворяне, словомъ только тѣ, кто жилъ въ домѣ князя и на его счетъ. Остальное войско не получало содержанія; но вознаграждало себя добычею изъ плѣнныхъ, скота и всякаго рода движимостей. Возможность легкаго обогащенія сильно привлекала народъ къ участью въ княжескихъ войнахъ. Битвы могло и не быть, но безъ грабежа дѣло не обходилось. Онъ начинался обыкновенно вмѣстѣ со вступленіемъ въ непріятельскую землю. Конечно, не всѣ войны отличались одинаковой суровостью, но эта суровость лежала въ существѣ дѣла, условливалась особенностями тогдашней военной организаціи, а потому и составляетъ отличительную черту нашихъ древнихъ войнъ. Какъ скоро народъ всею своею массою переходилъ въ воиновъ, было трудно и опасно отличать мирныхъ жителей отъ не мирныхъ и щадить жизнь и имущество первыхъ. Съ другой стороны, при маломъ развитіи государственнаго хозяйства, для продовольствія войскъ во время похода не существовало другихъ средствъ; кромѣ собственности непріятеля каждый воинъ имѣлъ право завладѣть тѣмъ изъ непріятельскаго имущества, что попадалось въ руки. Согласно съ этимъ характеромъ нашихъ древнѣйшихъ войнъ, при выборѣ пункта для нападенія князей, занимали не столько стратегичес-

кія соображенія, сколько желаніе выбрать мѣстность способную и прокормить ихъ воиновъ и обогатить полономъ. Второй видъ вознагражденія воиновъ составляли единовременныя денежныя награды, которыя выдавались князьями вслѣдъ за окончаніемъ извѣстной войны. Для этой цѣли назначались или собственныя суммы князей, или особыя контрибуціи, которыя выговаривались съ побѣжденныхъ при самомъ заключеніи мира. Награды выдавались всѣмъ воинамъ; но дружина въ тѣсномъ смыслѣ получала ихъ чаще и скорѣе обогащалась. Для продовольствія войска, во время его переходовъ, волостные и городскіе люди отбывали натуральную повинность кормомъ, подводами, квартирой.

Въ началѣ XIV в. князья стали раздавать недвижимыя имущества служилымъ *съ обязанностію* нести службу. Пожалованье оставалось въ пользу князя при отъѣздѣ служилыхъ и шло въ роздачу другимъ. Так. обр. власть князя становилась внѣ зависимости отъ доброй воли его слугъ. Въ помѣстье князья назначали свои села, деревни и дворы съ угодьями; но иногда служилые князья, бояре, дѣти боярскіе, житьи и пр., чтобы снискать расположеніе князя, поступали къ нему на службу »съ своими отчинами«, т. е. обязывались служить и отдавали въ его распоряженіе свою поземельную собственность.

(*Извлечено изъ сочин. »Вѣче и Князь. Русское госуд. устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей«. В. И. Сергѣвича. М. 1867*).

Указатель сочиненій и статей: О сельской общинѣ, *Н. Д. Бѣляева*. Рус. Бес. 1856, кн. 1. II, 1—35. кн. 2, III, 114—142. кн. 4, III, 115—124. Обзоръ историч. развитія сельской общины. *Чичерина*. Рус. Вѣстн. 1856, № 12 и 13. Споръ о сельс. общ. *С. Соловьева*. Тамъ же № 22 и 24. О древн. сельс. общинахъ въ югозапад. Рос. *Н. Д. Иванишева*. Рус. Бес. 1857 г. кн. 3, III, 1—63. О сельскихъ и волостныхъ сходахъ и городскомъ управленіи *А. Щапова*. Вѣкъ 1862 г. Газета »Очерки« № 2 и 3. О посадникахъ, тысяцкихъ, воеводахъ и тіунахъ, *Погодина*. Времени. I, 31—38. Служилые люди въ Московс. Госуд. *Бѣляева*. Московс. Сборн. 1852. I, 356—382. *Его же*. »О дружинѣ и земщинѣ.« Времен. I, 1—22. Опытъ о посадникахъ Новгор. М. 1821. Крестьяне на Руси. *Его же*. Рус. Бес. 1859. I—VI кн. О службѣ въ Россіи до Петра I. *А. Лакіера*. Ж. М. Н. Пр. 1850 ч. LXV и LXVI. отд. 2. Изслѣд. и замѣч. *Погодина*, т. VII, М. 1854. Краткій очеркъ управленія. *А. Вицына*. Казань. 1855. Вѣче. *И. М. Снегирева*. Энцикл. лекс. т. XII, 339. О знакахъ отличія въ др. Россіи. *А. Лакіера*. Зап. Арх. Общ. вып. VIII. О смердахъ. *Каченовскаго* Вѣстн. Евр. 1829 г. августъ. Изслѣд. о древ. Рус. аристократіи *Погодина*. Москвит. 1847. Исторія состоянія городскихъ обывателей въ Россіи. *Михайлова*. М. 1849. Городское или среднее состояніе Рус. народа. *Л. О. Плошинскаго*. Спб. 1852. Права новгородс. князей. *Костомарова*. Сѣверно-рус. народопр. II, 150—57. Огнищанинъ и княжь мужъ. *В. Мстиславскаго*. Чт. общ. ист. 1860, IV. 1—39. О значеніи изгоевъ. Архивъ Калачева I, отд. 1, 55—72. О наслѣдственности древнихъ сановъ. *Погодина*. Тамъ же 73—95. О монгольс. чиновникахъ на Руси. *Бѣляева*. Тамъ же. 97—110. Обществ. жизнь и земскія отнош. въ древн. Руси. *А. Тюрина*. Спб. 1850. Разборъ въ П. Собр. сочин. Кавелина III, 164. О состояніи крестьянъ въ Россіи. *Грибовскаго*. Харьковъ.

V. ЗАКОНЫ И СУДЫ.

1), ПО ДѢЛАМЪ ДУХОВНЫМЪ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

162. Церковный уставъ св. Владиміра до 1011.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се азъ князь вел. Василей, нарицаемый Володимеръ, сынъ Святославль, внукъ Игоревъ, блаженныя Ольги, успріалъ есмь крещеніе святое отъ греческихъ царей Константина и Василья и Фотѣя патріарха, узяхъ перваго митрополита Михаила на Кіевъ и на всю Русь, иже крести всю землю Рускую. И по томъ лѣтомъ минувшимъ създахъ церковь св. Богородицу, и дахъ десятину (*10-ю часть*) къ ней по всей земли Руской княженія отъ всего суда 10-ый грошъ и на торгу 10-ую недилю. Изъ домовъ на всякое лѣто 10-ое всякаго стада і всякаго живота чюдной Матери божіи и чюдному Спасу. І потомъ возрѣхъ въ грецескій Номоканунъ и обрѣтохъ въ немъ, яже не подобаетъ мнѣ тяжъ (*тяжебъ*) и судовъ судити князю, ни бояромъ, ни судьямъ его, и згадавъ азъ с своею княгинею Анною и с своими дѣтми, далъ есмь св. Богоропицы и м-ту и всѣмъ епископомъ, а ты не втупаютъ ни дѣти мои, ни унуци мои, ни родъ мой въ люди церковныя і во всѣ суды, і по всѣмъ городомъ -далъ есмь і по погостомъ и по свободамъ, гдѣ крестьяне суть, а кто уступитъ на мое даніе судъ мнѣ съ тѣмъ передъ Богомъ; далъ есмь роспуты, смилное заставаніе, умыканіе, пошибаніе (¹) промежи мужемъ и женою о животѣ (*пожиткахъ)* или о племени или о сватовствѣ поямутся (*женятся*), вѣдство (*волхвованіе*) урѣканіе, узлы (*навязки, наузы*), зелье, еретичество, зубоядѣніе (*драка*), иже отца и матерь бьютъ, или сынъ и дочи бьется, иже истяжутся о задници (*о наслѣдствѣ*). Митрополичи люди церковны: игуменъ, игуменія, поповичеве, чернецъ, черница, дьяконъ, дьяконовая, проскурница, пономарь, вдовица, калика (*путешественникъ ко св. мѣстамъ*), сторон-

---

(¹) *Роспусть* — разводъ самовольный, *умыканіе* — умчаніе, увозъ женщины, *пошибаніе*—побои, драка.

никъ, задшный человѣкъ (*отказанный по душъ, ради спасенія*), прикладникъ, хромецъ, слѣпецъ, дьякъ, и вси причетницы церковныи; аще кто ихъ вииадетъ въ вину, судити тѣхъ митрополиту и епископомъ, опрочиин (*кромъ*) міранъ.

(*Ист. Рус. Ц. Макарія II, 215, пр. 445).*

См. Древ. Рос. Вивл. VI, 1. Продолж. Вивліое. III, 1. Днев. Зап. *Лепехина*. Спб. 1780. 351. Ист. Гос. Рос. *Карамзина*. I, пр. 506. Опис. Кіевософ. собора. М. *Евгенія*. Кіевъ. 1825 Опытъ истор. рос. гражд. законовъ. *Рейца*. М. 1836. Допол. къ А. Ист. I, № 1. Изслѣд. и замѣч. *Погодина* I, 263. О простр. церк. суда. *Неволина*. Ж. М. Нар. Пр. 1847, № 8. 79. Ист. Рус. Ц. *Макарія*. 1, 118, пр 236—7. 240. Объ-основаніяхъ рус. церк. права. Христ. Чт. 1846, IV. 2, 302. Лѣтописецъ Переясл. Суэд. М. 1851, 34. П. С. Лѣт. VI, 82. Тамъ же списокъ устава пространной редакціи.

163. Церковный уставъ Ярослава 1051—1054.

Се азъ, великый князь Ярославъ, сынъ Володымеровъ, по данію отца своего, съгадалъ есмь съ митропол. Ларіономъ, сложилъ есми греческый Номоканонъ, иже не подобаетъ сихъ тяжь судити князю и бояромъ, далъ есми митрополиту и епископомъ тѣ суды, что писаны въ правилѣхъ, въ Номоканонѣхъ, по всѣмъ городомъ и по всей области, гдѣ христіаньство.

1, Аще кто умчитъ дѣвку или насилитъ: аще боярская дочка, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а митрополиту 5 гривенъ золота, а митрополиту гривна золота: а добрыхъ людей—за соромъ (*безчестья*) ей 5 гривенъ серебра, а м-ту 5 гривенъ серебра, а на умычныцѣхъ— по гривнѣ серебра м-ту, а князь казнитъ (*накажетъ*). 2, Аще кто пошибаетъ боярьскую дочку или боярскую жону: за соромъ ей 5 гр. золота, а меньшихъ бояръ—гривна зол., а нарочитыхъ людей 3 рубли; а простой чади — 15 гр., а м-ту 15 гр., а князь казнитъ. 3, Аще пуститъ бояринь великъ жену безъ вины: за соромъ ей 5 гр. злата, а м-ту 5 гр. злата, а нарочитыхъ людей—3 рубли, а м-ту 3 р., а простой чади 15 гр, а м-ту 15 гривень. 4, Аще въ отца и в матере дочка дѣвкою дитяти добудетъ: обличивъ ю, поняти (*взять*) въ домъ церковный; таюже и жонка; а чинъ ю родъ окупить. 5, Аще дѣвку умлъвитъ кто къ собѣ и дастъ втолѣку: на умлъвъници м-ту 3 гр. сер., а дѣвицѣ за соромъ 3 гривны, а на толочанѣхъ (¹) по рублю; а князь казнить. 6, Аще мужъ отъ жены блядетъ, м-ту у винѣ. 7, Аще мужъ сженится иною женою, съ старою не распустився, мужъ той м-ту у винѣ, а молодую в домъ церковный, а съ старою жити. Аще же не лихый недугъ болитъ— или слѣпота, или долгая болѣзнь: про тое не пупустити; такоже и женѣ нелзѣ пустити мужа. 8, Аще жена у мужа крадетъ, а обличитъ ю: м-ту 3 гривны, а мужъ казнитъ; про то не разлучити. 9, Аще клѣть покрадетъ, такоже творятъ надъ нею. 10, Аще дѣвка засядетъ: великыхъ бояръ — м-ту 5 гривенъ золота, а меньшихъ бояръ — м-ту гривна зол., а нарочитыхъ людій — 12 гр. сер., а м-ту 12 гр.; а простой чади гривна серебра, а м-ту гривна сер. 11, Аще поидетъ жона отъ своего мужа за иный мужъ: тую жону поняти въ домъ церковный, а новожена м-ту у продажи. 12, Аще кумъ съ кумою блудъ сътворить: митрополиту гривна золота и въ опитемьи. 13, Аще кто зажьжетъ дворъ, или гумно, или что иное: м-ту 100 гр., а князь казнитъ. 14, Аще кто съ се-

---

(¹) Вѣроятно, пособникахъ, помощникахъ.

строю согрѣшить: м-ту 100 гр., а у вопитеміи и в казни по закону. 16, Аще ближній родъ поимется: м-ту 8 грив., а ихъ разлучити, а опитемью да пріимуть. 17, Аще двѣ жены кто водить: м-ту 40 гривень; а которая подълегла, тую поняти в домъ церковный, а первую дръжати по закону; а иметъ лихо водити, казнію казнити его. 18, Аще мужъ и съ женою по своей волѣ распуститея (*разойдутся*): митрополиту 12 гривень, а будуть не вѣнчальныи — митрополиту 6 гривень. 19, Аще жидовинъ или бесерменинъ с русскою будетъ иноязычница: м-ту 8 гривень, а руска пояти в домъ церковныи. 20, Аще кто съблудить съ чрънорызецею: м-ту 100 гривенъ, а опитьемья по закону. 21, Аще кто съ двѣмя сестрами падется: м-ту 30 гр. 22, Аще и с мачехою кто съблудитѣ: м-ту 40 гр. 23, Аще два брата будуть съ одиною жонкою: м-ту 100 гр. а жонка в домъ. 24, Аще дѣвка не восхочеть замужъ, а отець и матерь силою (*вы*) дадуть, а что сътворить надъ собою: отець и мати митрополиту у винѣ, а неторь има платити; такожь и отрочь (¹). 25, Аще кто зоветь чужюю жону блядью: великихъ бояръ — за соромъ ей 5 гривень золота, а м-ту 5 гривень, а князь казнить; а будеть меньшихъ бояръ — за соромъ ей 3 гр. зол., а м-ту 3 гр. зол., а будеть городскихъ людій — за соромъ ей 3 гр. сер., а м-ту 3 гр. сер., а сельскихъ людій — за соромъ ей гривна сер., а м-ту гривна серебра. 26, Аще кто пострижеть голову или бороду; м-ту 12 гривень, а князь казнить. 27, Аще мужь иметь красти конопли, или ленъ, или всякое жито: м-ту у винѣ, съ княземъ на полы; такожъ и жонка, аще иметь то красти. 28, Аще мужъ крадеть бѣлыя порты (*бѣлье*), или полотна, или портища поневы, такожъ и жонка: м-ту у винѣ, съ княземъ на полы. 29, Аще иметъ красти свадебное и огородное, бои и убійства, а что учинитися душегубьство: платять вину, князю съ митрополитомъ на полы. 30, Аще про дѣвку сыръ будеть краанъ (¹): за сыръ гривна; а што стеря заплатять, а м-ту 6 гривень, а князь казнитъ. 31, Аще мужа два бьются женскі или в(у)кусить, или одереть: м-ту 3 гр. 32, Аще мужъ бьетъ чужую жону: за соромъ ей по закону, а м-ту 6 гр., а князь казнитъ. 33, Аще сынъ бьетъ отца или матерь, казнить его волостельскою казнію, а м-ту у винѣ. 34, Аще дѣвка въсхощетъ за мужъ, а отець и мати не дадуть, а что сътворить: м-ту у винѣ отець и мати; такожь и отрокъ (*отреченье, отказъ*). 35, Аще чрьнець или чрьница, попъ или попадія, или проскурница впадуть во блудъ: тѣхъ судить митрополиту опричь мирянъ, во что ихъ осудить воленъ. 36, Аще попъ или чрънець упіются безъ времени: м-ту у винѣ. 37, Аще чрънець или чрънница ространжется: м-ту у винѣ, во что ихъ обрядить (*сколько присудить*). 38, А что дѣется въ домовьныхъ (*епископскихъ*) людехъ и въ цeръковныхъ, и в самѣхъ монастырѣхъ, а не у(в)ступаются княжіи волостели в то: да вѣдають ихъ митрополичьи волостели, а безатщина (²) ихъ м-ту поидеть. 39, Аще двѣ женѣ бьетеся: м-ту 6 рѣзань на виноватой. 40, Аще безъ вины свекорь біетъ сноху или деверь ятровъ (³): то платять ей по закону, а м-ту 6 гр. 41, Аще кто поганое ясть у своей воли, или медвѣдину или иное что поганое: митрополиту у винѣ и в казни. 42, Аще попъ дитя кре-

(¹) *Нетѣры* — проторы, убытки, а *отрочь* — отреченное, отказное.

(¹) Языческій обрядъ — кроить сыръ роду и рожаницѣ. См. Вопросы Кирика.

(²) Наслѣдство безроднаго.

(³) Жену своего брата.

стить у чюжемъ уѣздѣ или иное что священническое, развѣ и нужа и болѣзни: м-ту у винѣ. Съ некрещеннымъ, а иноязычьникомъ отъ нашего языка, съ некрещеными ни пити, ни ѣсти: доколѣ же крестьяться, аще кто вѣдаа ясть и піеть, да будетъ м-ту у винѣ. 43, Аще кто съ отлученнымъ ясть и піеть, самъ отлученъ будетъ. 44, Аще кто съ бесерменкою или съ жидовкою блудъ сътворить, а не лишится: отъ церкви да отлучится и отъ христіанъ, а м-ту 12 гривень.

А тѣми винами разлучитъ мужа съ женою: *1 вина.* Аще услышитъ жона отъ иныхъ людей, что думаютъ на царя или князя, а она мужу своему не скажетъ, а опослѣ объяснится: разлучити. *2 вина.* Аще застанетъ мужъ свою жону съ прелюбодѣемъ, или како учинитъ на нее исправу съ добрыми послухы: разлучити. Аще думаеть жона на своего мужа или зеліемъ, или иными людми, или пакь иметъ вѣдать, что хотятъ мужа ея убити, а она мужу своему не скажеть, а опослѣ объяснится: разлучить. *3 вина.* Аще жена безъ своего мужа иметъ ходити или пити, или ясти, а опрочь своему дому иметь спати, а потомъ объяснится: розлучити. *4 вина:* Аще иметь жона ходити по игрощамъ или во дни, или в нощи, а мужъ иметь усчювати, *(увѣщевать)*, а она не послушаетъ: розлучити. *5 вина.* Аще ведетъ жона мужа своего покрасти клѣть, или товарь, или сама покрадетъ, да инымъ подасть, или имѣтъ вѣдати, што хотятъ церковь покрасти, а она мужу своему не скажетъ: разлучити.

(*Ист. Рус. Ц. Макарія II, 215—221. прим. 455*).

См. еще Архангелогор. лѣтопис. М. 1781, 47. Указатель рос. закон. *Максимовича.* М. 1803. I, 4. Опытъ Ист. Рус. Ц. въ періодъ до Татарс. *Макарія.* Спб. 1847, 129. О способахъ содерж. рус. духов. *Любимова.* Спб. 1851, 177. Прав. Собес. 1861. III, 86. Судъ Ярослава западно-русской редакціи, А. Зап. Р. I, № 166. Ж. М. Н. Пр. 1847, № 8. 144.

Изъ отсутствія положительныхъ доказательствъ въ пользу какого-нибудь историческаго памятника не слѣдуетъ еще подложность его. Преданіе, приписавшее извѣстный уставъ о церковныхъ судахъ Владиміру Равноапостольному, не смотря на то, что оно не восходитъ до временъ Владиміра, а начинается только съ XIII вѣка, можетъ быть совершенно справедливо. Въ такомъ случаѣ, при этомъ предположеніи справедливости преданія, спрашивается: изъ двухъ главныхъ, извѣстныхъ редакцій устава, т. е. короткой и пространной, какую должно считать за древнѣйшую и наиболѣе приближающуюся къ первоначальному подлиннику? Безъ сомнѣнія, такою редакціею должно признать редакцію кратчайшую. Въ ней нѣтъ того мѣста, гдѣ отъ имени Владиміра говорится, будто онъ принялъ крещеніе и митрополита отъ патріарха Фотія, нѣтъ этихъ словъ, которыхъ не могъ писать Владиміръ. Кромѣ того, если короткая редакція произошла посредствомъ сокращенія пространной, то не понятно, почему при этомъ сокращеніи выпущены были нѣкоторыя важныя и существенныя слова. Непонятно, почему въ короткой редакціи между предметами церковнаго суда не поимемованы: урычка, потвори, чародѣянія, волхвованія, или снъха бьетъ свекровь, или два друга иматася бити *и проч.... Между тѣмъ все становится понятнымъ, какъ скоро мы принимаемъ, что пространная редакція принадлежитъ позднѣйшему времени и произошла посредствомъ распространенія короткой редакціи. При этомъ распространеніи короткая редакція была наполнена въ различныхъ мѣстахъ постановленіями совершенно новыми или пополнена другими, которыя хотя по смыслу ихъ уже заключались въ короткой редакціи, но теперь прямо были выражены для предупрежденія возникшихъ, можетъ быть, сомнѣній.*

Легко можетъ быть, что и въ дошедшихъ до нашего времени спискахъ короткой редакціи находятся уже дополненія и измѣненія противъ первоначальнаго подлинника; но теперь нѣтъ средствъ отличить ихъ отъ первоначальной основы.

Въ этой множественности редакцій или видоизмѣненій двухъ главныхъ редакцій устава Владимірова не надобно видѣть непремѣнно какую-нибудь умышленную подделку или подлогъ. Уставъ былъ переписываемъ и вносимъ въ Кормчіи книги для практическаго употребленія. Неудивительно, напротивъ весьма естественно было, что при этомъ

онъ былъ переписываемъ съ тѣми измѣненіями и дополненіями, которыя ввело и которыхъ требовало практическое его употребленіе.

Такимъ образомъ для познанія юридическаго быта древней Россіи всѣ редакціи устава Владиміров имѣютъ свою, большую или меньшую, важность. Онѣ указываютъ намъ на временныя и мѣстныя видоизмѣненія началъ, содержавшихся въ первобытной его основѣ.

При такомъ взглядѣ на происхожденіе и юридическое значеніе редакцій устава Владимірова о церковныхъ судахъ самый вопросъ о подлинности его большею частію теряетъ свою важность. Какая бы ни была коренная основа устава, въ какомъ бы видѣ онъ ни былъ изданъ первоначально, онъ получилъ практическую силу только постепенно, и съ тѣми измѣненіями и дополненіями, какія представляются намъ въ разнообразныхъ его редакціяхъ. Если, полагая, что и самая короткая редакція его, можетъ быть, не представляетъ намъ еще первоначальнаго подлинника во всей безпримѣсной чистотѣ, мы, по видимому, отнимаемъ у себя возможность видѣть происхожденіе церковнаго суда въ Россіи отъ самаго перваго его начала; то невыгода, которой мы себя подвергаемъ, маловажна. Первое начало суда церковнаго въ Россіи, основаніе всѣхъ постановленій объ этомъ предметѣ содержатся не въ какомъ нибудь уставѣ русскаго князя, но съ одной стороны въ законахъ, которыми руководствовалась церковь греческая, включая сюда какъ постановленія и законы Греко-Римскихъ Императоровъ, такъ и законы Моисеевы; съ другой стороны въ тѣхъ особенныхъ обстоятельствахъ, при какихъ основалась и образовалась русская церковь. (Пол. собр. сочин. К. Неволина. 1859. VI, 293—259).

Объ-уставѣ Ярослава см. тамъ же стр. 309.

164. Уставъ новгородс. кн. Всеволода Мстиславича о церковныхъ судахъ до 1136.

Се азъ князь в. Всеволодъ, нареченный въ св. крещеніи Огафнъ (*Гавріилъ*), правнукъ Игоревъ и блаженныя прабабы Ольги, нареченныя во св. крещеніи Елены: и бабы Володиміровы, нареченнаго во св. крещеніи Василія; и тыя бо пріяли св. крещеніе отъ греческихъ царей, и отъ Фотія патріарха цареградскаго взяша пер-

ваго митрополита Михаила Кіеву, иже крести всю Рускую землю. Потомъ же лѣтомъ многимъ минувшимъ, моляся Спасу и пречистѣй Его Матери, св. Богородицѣ и Приснодѣвѣ Маріи, устроиша церковь св. Богородицы десятинную и даша ей десятину во всей Руской земли и со всѣхъ княженій, въ соборную церковь св. Богородицы, яже въ Кіевѣ и св. Софіи кіевской и св. Софіи новгородской, и митрополитомъ кіевскимъ и архіепископомъ новгородскимъ отъ всякаго княжа суда десятую векшу, а изъ торга десятую недѣлю, а изъ домовъ на всякое лѣто *отъ всякаго стада* и отъ всякаго жита десятое св. Спасу и пречистой Его Матери и премудрости божіи св. Софіи.

А се изобрѣтохомъ въ греческомъ Номоканонѣ, что сихъ судовъ и тяжъ не судити князю, ни его дѣтемъ, ни его намѣстникомъ, ни его бояромъ, ни его тіуномъ, ни десятника не держати. И созвалъ есми десять соцкихъ и старосту Волеслава и бирича Мирошку и старосту Иванскаго Васяту и погадалъ есмъ со владыкою и съ своею княгинею, и съ своими боляры и съ десятью соцкими и съ старостами; далъ есми судъ и мѣрила, якоже на торгу св. Богородицы въ Кіевѣ и-ту, тако въ Новгородѣ св. Софіи и епископу и старостѣ Иванскому и всему Новуграду мѣрила торговая, скалвы вощаныя, пуды медовыи и гривенку рублевую и локоть Иванскій и свой оброкъ купецъ черницамъ; а попу Иванскому Руская пись съ Борисоглѣбскимъ на полъ, а сторожу Иванскому Руской порочицы пятно ([1]), да десять конюховъ соли. А не вступатися въ тыя оброки моимъ дѣтямъ, ни моимъ намѣстникомъ, ни моимъ боляромъ на домъ св. Софіи и св. Ивана; а домъ св. Со-

---

([1]) *Скалвы вощаныя* — чашки, на которыхъ вѣсятъ воскъ, *пудъ*—гиря, *гривенка*—фунтъ, *локоть*—древній аршинъ, *тавро*—клеймо для лошадей при продажѣ и сборъ пошлины,

фіи владыкамъ строити съ соцкими. А старостамъ и торгашамъ докладывая владыки или кто будетъ нашего роду князей въ Новѣградѣ, строити домъ св. Ивана. А се приказываю своимъ намѣстникомъ и тіуномъ: суда церковного не обидѣти, ни судити безъ владычня намѣстника. А се дахъ во олтарь св. Софіи и причету церковному вседенникъ синодикъ и вѣнцѣ, что суды церковныи, то св. Софіи; а кто нашего роду пограбитъ или отъиметъ, того повелѣхомъ владыцѣ соборомъ въ синанидѣ проклинати. А се суды церковныя: роспуски, смилное заставаніе, умычка, пошибальное промежъ мужемъ и женою о животѣ и о бездѣтномъ животѣ въ племени или въ сватовствѣ поимутся, потворы, чародѣяніе, волхвованіе, бѣдство, зелейничество, отца или мать биетъ сынъ или дщи, или сноха свекровь: братіи или дѣти тяжутся о задницѣ, церковная татбы, мертвецы совлачаютъ (*выкапываютъ*), крестъ посѣкутъ или на стѣнах рѣжутъ или два мужа имутся бити и единого жена иметъ за лоно другаго и раздавитъ, или кого застанутъ съ четвероногою, или кто молится подъ овиномъ, или у рощеніи или у воды или дѣвка дѣтяку повержетъ или ино что неподобно церкве подѣютъ: а тымъ суды всѣ церкви даны суть и епископу; а князю и боляромъ и судіямъ въ тыя суды не вступатися. А то далъ есми по первыхъ царей уряженію и вседенскихъ св. Отецъ седми Соборовъ великихъ Святитель: а по семъ не вступатися дѣтемъ моимъ, ни внучатомъ моимъ, ни всему роду моему до вѣка въ люди церковныя, ни во вся суды ихъ. Аже кто преобидитъ нашъ уставъ, таковымъ непрощенымъ быти отъ закона божія и горе себѣ наслѣдуютъ, и вѣчная мука ждетъ ихъ.

А о всѣхъ, что предписано, держахъ за своими боляры, аже они обидятъ гостей, а гдѣ живутъ тымъ варовитъ, и княжу душу топятъ. И азъ всмотрѣхъ въ Фотія па-

тріарха цареградскаго грамоты, что принесъ на Русь князь в. Владимеръ, нареченный въ св. крещеніи Василій, сынъ Святославль, а внукъ Игоревъ и преблаженныя княгини и прабабы Ольги, аже стоитъ въ грамотѣ: торговая всѣ вѣсы, мѣрила и скалвы вощаныя, и пудъ медовый и гривенка рублевая и всякая известь, иже на торгу промежъ людми, отъ Бога тако искони установлено есть—епископу блюсти безъ пакости, ни умаливати, ни умножевати и на всякій годъ извѣшивати. А скривится, а кому приказано, того блюсти близко смерти; а животъ его на трое: треть живота св. Софіи, а другая треть св. Іоанну, а третяя треть сотскимъ и Новуграду. А епископу не управивъ того за все дати ему слово въ день великаго суда. А печаловатися же ему о томъ управленіи, якоже и о душахъ человѣческихъ. Аще же управитъ епископъ сія управленія наша, блаженъ будетъ и небесному царствію наслѣдникъ, а не урядитъ—мы то съ своей души сводимъ.

А се церковные люди: игуменъ, игуменія, попъ, діаконъ и дѣти ихъ; а се кто въ крылосѣ: попадья, чернецъ, черница, пришлецъ, свѣщегасъ, сторожникъ, слѣпецъ, хромецъ, вдовица, пущеникъ, задушный человѣкъ, изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се и четвертое изгойство и къ себѣ приложимъ: аще князь осиротѣетъ; монастыреве, больницы, гостинницы, странопріимницы, то люди церковныя, богадѣльныя, или митрополитъ, или епископъ: тѣ вѣдаютъ межиду ими судъ или обиду, или кому прикажутъ, или котораго задница, или будетъ иному человѣку съ тѣми людми рѣчь или общій судъ,—своимъ тіуномъ приказываю суда церковнаго не обидѣти; а съ суда давати 9 частей князю, а 10-ю св. Софіи за княжу душу. А кто преобидитъ суды церковныя платити ему собою: а предъ Богомъ тому же отвѣщати на страшномъ

судѣ предъ тмами ангелъ, идѣже когождо дѣла не скрыются, благая же и злая, идѣже не поможетъ никтоже никомуже; но токмо правда избавитъ отъ вторыя смерти, и отъ вѣчныя муки, и отъ огня негасимаго,—якоже есмы управили по святыхъ отецъ правиломъ и по первыхъ царей и князей уряженію. А кто иметъ преступати сіе правило—или дѣти мои, или внучата, или правнучата, или въ коемъ городѣ намѣстникъ, или тіунъ, или судія, или кто инъ, а пообидитъ суды церковныя: да будутъ прокляти въ сій вѣкъ и въ будущій седмію Соборы св. Отецъ вселенскихъ. А та вся дѣла приказахъ св. Софіи и всему Новуграду моимъ мужемъ десяти сотскимъ: вы соблюдите; а не соблюдете, и вы сами за то отвѣтъ дадите въ день страшнаго суда предъ лицемъ Царя славы. Аминь.

А се изыскахомъ: у третьей жены и у четвертой дѣтемъ прелюбодѣйная часть въ животѣ. Аще будетъ полнъ животомъ, ино дастъ дѣтемъ третіей жены и четвертой по уроку; занеже тѣ и отъ закона отлучени. А человѣку ся получаетъ по грѣхомъ занеже прелюбодѣйніи не благословенніи Богомъ. И азъ самъ видѣхъ тяжу промежу первою женою и дѣтей съ третьею женою, и съ дѣтми и съ четвертою женою, и съ дѣтми. Изъ велика живота дати урочная часть по оскуду (*по малу*), а изъ мала живота, како рабочичицу часть, конь да доспѣхъ и покрутъ, по рассмотрѣнію живота: а тое все приказахъ епископу управляти, смотря въ Номоканонъ. А мы съ своей души сводимъ.

(*Ист. рус. ц. Макарія II, пр. 467.*)

См. Прав. Собес. 1861. III. 208 460. Повѣсти о нач. и основ. Печерс. мон. Псковъ. 1849, 98. Вѣстн. Евр. 1818, № 15 и 16. Труды общ. ист. III, кн. 1.

165. Уставная новгородск. кн. Всеволода Мстиславича, данная церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ до 1136.

Се азъ князь в. Гаврилъ, нареченный Всеволодъ, самодръжецъ Мьстиславичъ, внукъ Володимиръ, владычествующю ми всею Рускою землею и всею областію новгородцкою, божіимъ благоволеніемъ поставилъ есми церковъ святыи великыи Иванъ на Петрятинѣ дворищѣ, и устроилъ есми ю иконами многоцѣнными, и евангеліемъ многоцѣннымъ, и всѣми книгами исполнь, устроилъ есми попы и дьяконы въ сборной великой церкви. И даю великому св. Ивану, отъ своего великоимѣнія, на строеніе церкви и въ вѣкы, вѣсъ вощаной, а въ Торжку пудъ вощаной, половина св. Спасу, а половина св. вел. Ивану на Петрятино дворище; а оброка попомъ, и дьякону, и дьяку, и сторожамъ изъ вѣсу вощаного имати: попомъ по 8 гр. сер., а дьякону 4 гр. сер., а дьяку 3 гр. сер.; а сторожамъ 3 гр. сер.; а имати имъ той оброкъ и въ вѣкы, на всякій годъ, по моему данью в. князя Всеволода. А попомъ пѣти у св. Ивана вседневная, у св. Захарьи на полатѣх пѣти по недѣлямъ, и въ вѣкы; а дьякону пѣти у св. Ивана субота да недѣля, изъ того оброка, и въ вѣкъ. И язъ князь в. Всеволодъ поставилъ есми св. Ивану 3 старосты отъ житьихъ людей и отъ черныхъ тысяцкого, а отъ купцовъ 2 старосты, управливати имъ всякая дѣла Иванская, и торговая, и гостинная, и судъ торговый; а Мирославу посаднику въ то не вступатца, и инымъ посадникомъ въ Иваньское ни въ чтожо, ни бояромъ новгороцкымъ. А кто хочетъ въ купечество вложиться въ Иванское, даетъ купьцемъ пошлымъ вкладу 50 гр. сер., а тысяцкому сукно Ипьское, ино купцамъ положить въ святыи Иванъ полътретьядцать гр. сер., а не вложится кто въ купечество, не дасть 5 гр. сер., ино то не по-

шлый купець, а пошлым купцем ити им отчиною и вкладом. А вѣсити им въ притворѣ св. Ивана, гдѣ дано, ту его и дръжати; а вѣсити старостамъ Иваньскимъ, двѣма купцемъ пошьлымъ, добрымъ людемъ, а не пошлымъ купцемъ старощенія не дръжати, ни вѣсу имъ не вѣсити Иваньского. А у гостя имъ имати: у низовьского отъ дву берковска вощаныхъ полъгривнѣ сер. да гривенка перцю, у полоцкого и у смоленьскаго по двѣ гривны кунъ отъ берковъска вощаного, у Новгородца 6 мордокъ отъ берковска вощаного. А куны имъ класти св. вел. Ивана въ домъ, что вывѣсятъ, по правому слову; а Новгородцю не вѣсити ни на которого гостя. А по моемъ животѣ в. кн. Всеволода, стояти за домъ св. вел. Ивана брату моему в. князю всея Русіи и владыцѣ новгороцкому, и старостамъ купецькимъ и купцамъ, и за вся церковникы св. Ивана; а взять князю вел. изъ вѣсу вощаного полътретьядцать гр. сер. черезъ годъ. А праздникъ Рожество св. вел. Ивана почесть створити и празновати старостамъ купецкимъ и купцамъ; а имати старостамъ купецкимъ и купцемъ изъ вѣсу изъ вощаного на полъ третьядцать гривенъ серебра, на всякый праздникъ св. Ивана и въ вѣкъ; а старостамъ купецкимъ св. вел. Ивана ставити на праздникъ св. Ивана 70 свѣчь, и темьянъ и ладанъ. А пѣти въ праздникъ владыцѣ, а старостамъ купецкимъ и купцамъ дати владыцѣ гривна серебра да сукно Ипьское; а на завтрѣе пѣти анхимандриту св. Егоргія, а взять ему полгривнѣ серебра; а на третей день пѣти игумену св. Богородици изъ Онътонова монастыря, взять ему полъгривнѣ серебра. И язъ князь в. Всеволодъ далъ есми пошлины попомъ св. вел. Ивана Петрятино дворище съ купець въ Руси, на память княземъ великымъ дѣдомъ моимъ и прадѣдомъ, имати съ купець тая старина и въ вѣкы: съ тверского гостя, и съ новгородцкого, и съ бѣжицкого, и съ деревьского, и съ всего помостья. А буевище Петрятино дворище отъ прежнихъ дверей св. в. Ивана до погреба, отъ погреба до Конщаньскаго мосту; а того буевища имати куны старостамъ Иваньскимъ и старостамъ Побереским, а класти куны въ домъ св. в. Ивана. А поповъ св. вел. Ивана, и дьякона, и дьяка, и сторожовъ призирати старостамъ Иваньскимъ, и купцамъ и старостамъ Побереским и Побережаномъ. А въ дому св. Ивана не дръжати никому ничего же, но развѣе свѣчи и темьяна. А городу, ни владыцѣ, ни бояромъ вѣсу не отъимати у св. в. Ивана, ни продавати моего данья в. князя Всеволода; а кто почнетъ вѣсъ отъимати, или продавати, или домъ обидѣти св. в. Ивана и св. Захарьи, на того Спасъ и Пречистая и св. великыи Иванъ, будетъ имъ тма, и съблазнь, и казнь божія.

(*Доп. къ А. Истор. I*, № *3. Рус. Достоп. 1815 г. 1, 76*).

166. Уставная грамота смоленскаго князя Ростислава Мстиславича епископіи смоленской 1150.

I. Во имя Отца и Сына и св. Духа. Богъ и св. Богородица и отца моего молитва, приведохъ епископа Смоленьску, сдумавъ съ людми своими, по повелѣнію отца своего святого, еже хотѣвъ при животѣ своемъ сътворити; но есть здѣ первѣе сего не бывало епископьи, да азъ недостойный, грѣшный, се уставляю епископью, о немъ же епископу быти живу и съ клиросомъ своимъ, въ свои дни и во свое княженье, еже мя Богъ далъ и и отча молитва. А се даю св. Богородици и епископу прощеники, съ медомъ, и съ кунами, и съ вирою и съ продажами, и не надобѣ ихъ судити никакому же человѣку. И се даю св. Богородици

и епископу десятину отъ всѣхъ даней смоленскихъ, что ся въ нихъ сходитъ истыхъ кунъ, кромѣ продажи, и кромѣ виры, и кромѣ полюдья: у Вержавлянѣхъ у великихъ 9 погостъ, а въ тѣхъ погостехъ платитъ кто жъ свою дань и передмѣръ штужницп, по силѣ, кто что мога, а въ тѣхъ погостехъ, а нѣкоторый погибнеть, то ти и десятины убудеть, и въ тыхъ погостехъ во всѣхъ сходится дани осмъсотъ гривенъ, а передмѣра сто гривенъ, а на штужницѣхъ сто гр., то ти изъ того взяти епископу въ св. Богородици сто гр.; а во Врочницѣхъ 200 гр., то ти изъ того взяти епископу 20 гр.; а въ Торопчи дани четыреста гр., а епископу съ того взяти 40 гр.; а въ Жижци дани 130 гр., а съ того епископу взяти 13 гр.; а въ Касплп 100 гр., а изъ того епископу взяти 10 гр.; а въ Хотшинѣ дани 200 гр., а изъ того епископу взяти 20 гр.; а въ Жабачевѣ дани 200 гр., а изъ того епископу взяти 20 гр.; а въ Вото.овичи дани 100 гр., а изъ того епископу взяти 10 гр.; а въ Шуйспѣи дани 80 гр.; а изъ того епископу 8 гр.; а въ Дешнянюхъ 30 гр.; а изъ того епископу 3 гр.; а въ Ветьскѣи дани 40 гр., а изъ того епископу 4 гр.; а на Былевѣ, дани 20 гр., а и епископу изъ того 2 гр.; а въ Бортницѣхъ на оной сторонѣ 40 гр., а изъ того епископу 4 гр.; а въ Бятринѣ дани 30 гр., а изъ того епископу 3 гривны; въ Жидчичихъ 10 гр., а изъ того епископу гривна; въ Басѣи 15 гр., а епископу изъ того полторы гривны; въ Миратичехъ дани 10 гр., а епископу изъ того 3 гр.; въ Добрятинѣ дани 30 гр., а епископу изъ того 3 гр.; въ Доброчковѣ дани 20 гр., а изъ того епископу 2 гр.; въ Бобровницѣхъ дани 10 гр., а изъ того епископу гривна; на Дѣдогостичехъ 10 гр., а изъ того епископу гривна; а въ Зарубѣ дани 30 гр., а изъ того епископу 3 гр.; а въ Женни дани 200 гр. у Велицѣй, изъ того

св. Богородици и епископу 20 гр.; въ Пацинп дани 30 гр., а изъ того епископу 3 гривны, а въ гостинѣи дани невѣдомо, а что ся сойдетъ, изъ того св. Богородицы и епископу десятина; въ Солодовницѣхъ 20 гр., изъ того св. Богородици и епископу 2 гр.; въ Путтинѣ присно платять 4 гр.; Бѣ.ници 2 гр., корчьмити полпяты ($4^1/_2$) гривны, Дѣдичи и дань и вира 15 гр., гость 7 гр., а изъ того св. Богородици и и епископу 3 гривны безъ 7 ногатъ; на Копысѣ полюдья 4 гр., а перевоза 4 гр., а торгового 4 гр., а корчьмити невѣдомо, но что ся сойдеть, изъ того десятина св. Богородици; у Кречюта дани 10 гр., а св. Богородици и епископу гривна; въ Лучинѣ полюдья.... гривны, а мыта и корчьмити невѣдомо, но что ся снидетъ, изъ того епископу десятина; во Обольи гостинная дань, и что ся въ ней снидется, изъ того св. Богородици и епископу десятина; во Исконѣ дани 40 гр., а изъ того св. Богородицы и епископу 4 гр.; Суждали Залѣсская дань, аже воротить Гюгри, а что будетъ въ ней, изъ того св. Богородицѣ десятина; у Вержавску въ городѣ 3 гр. десятины св. Богородици; въ Лодейницѣхъ 10 гр. дани, а изъ того гривна св. Богородици. И се даю изъ Торопча отъ всѣхъ рыбъ, иже идеть ко мнѣ, десятину св. Богородици и епископу;... что ся наречеть области Смоленское, или мала или велика дань, любо княжа, любо княгинина, или чія си хотя, правити десятину св. Богородици, безъ всякаго отпису дѣяти. Село Дросенское, со исгои и съ землею, св. Богородици и епископу, и село Ясенское, и съ бортникомъ и съ землею и съ изгои, св. Богородицы; и се есми далъ землю въ Погоновичокъ Мойшинскую св. Богородици и епископу, и озера Ниикорская и съ сѣножатми, и уѣздъ княжъ, и на Сверковыкъ лукахъ, сѣножати, и уѣздъ княжъ озеро Колодарское, св. Богородици. И се

даю на посвѣтъ св. Богородици, изъ двора своего, осмъ капій воску и на горѣ огородъ, съ капустникомъ и съ женою и съ дѣтми, за рѣкою, тетеревникъ съ женою и съ дѣтми, св. Богородици и епископу. Бысть мое сотщаніе къ св. Богородици, по повелѣнію святаго отца моего, чтожъ мога, тожъ даю. А тяжъ епископлихъ не судити ни комуже, судитъ ихъ самъ епископъ: первая тяжа роспустъ; другая тяжа, сажъ водитъ кто двѣ женѣ; третьяя тяжа аще кто поймется чрезъ законъ; а четвертая уволочская, ажъ уволечетъ кто дѣвку, што возметъ князь, съ епископомъ наполы, или посадникъ что вcovметъ свои тяжи, то съ епископомъ наполы; а пятое ажъ ту женку, то епископу; шестая вопросъ, а то епископу зелья и душегубства тяжа епископля; семая ажъ бьетася двѣ женѣ, то епископля тяжа; ажъ церковный человѣкъ дойдетъ чего, то своему епископу; девятая ажъ кого Богъ отведетъ церковныхъ людей, а не будетъ зла ничего церкви. Да язъ молъвлю и уставилъ есми епископью, порученъ Смоленскъ Богомъ и дѣднею и отцовою молитвою, да се язъ князь Ростиславъ, съ первымъ епископомъ своимъ Манойломъ, да се уставляю язъ. Ажъ будетъ или тяжа, или продажа епископля, да ненадобѣ ни князю, ни посаднику, ни тивуну, ни иному никомуже отъ мала и до велика, и по всей волости смоленской. Се же нынѣ, съ божьею помощью и со св. Богородицею, въ си дни полны дани, а по семъ, что Богъ устроитъ: по божью строю чи котораяя дань оскудѣеть, или ратью, или коимъ образомъ, по силѣ, что почнеть давати тыи дани, а изъ того десятина св. Богородици. Да сего не послуживай никто же по моихъ днехъ, ни князь, ни людіе; аще ли кто посудитъ сія грамоты, что есми далъ къ св. Боговодици, да той отвѣчаетъ въ страшный день св. Богородици, и сія клятва будетъ на немъ, а язъ буду безъ грѣха. Паки ли приложитъ кто сію епископью опять къ Переяславстѣй епископьи завистію, переступая слово св. митрополита русскаго Михаила, а разрушить сію епископью смоленскую: то князь отъимѣтъ свое опять, еже былъ уставилъ епископу простроивати св. Богородици, дажъ кто разрушитъ сей замыслъ святаго отца моего Мьстислава и м-та русскаго Михайла. Се язъ грѣшный сынъ Мьстиславль, надѣяся на Матерь божью, на св. Богородицу, уставляю сія епископью; дажъ кто разрушитъ ю, да самъ отвѣчаетъ св. Богородици и сія клятва св. Отець буди на немъ, а язъ буду безъ грѣха.

II. Се язъ худый и грѣшный и недостойный епископъ Маноилъ, съ благороднымъ и христолюбивымъ княземъ моимъ Михайломъ, утвержаевѣ еже написана, утвержена и сотворена, о благодати и благословеніемъ св. Духа поставленникомъ моимъ м-томъ русскимъ киръ Михаиломъ, при благовѣрнѣмъ и христолюбивѣмъ князѣ моемъ киръ Михаилѣ, и утвердилъ уставъ церковный, именемъ Ростиславъ, по отца своего святого молитвы и повелѣнію его, уставилъ есть епископью смоленскую. Дажъ кто по моемъ князи или по мнѣ, переступитъ или посудитъ сію грамоту и уставъ ось, или князь или инъ кто, да будетъ ему Богъ противенъ, въ день судный, и въ святая Богородица, да будетъ проклятъ отъ св. апостолъ и св. Отець 300 и 18, иже повелѣша: въ кый градъ достоитъ епископу быти, да поставятъ и отъ всѣхъ святыхъ, аще кто разрушитъ се, да будетъ проклятъ. Или епископъ который начнетъ, несытествомъ, хоть ити въ Переяславль и сію епископью приложити къ Переяславлю, да буди ему клятва, яже се преже писана и св. м-та русскаго Михаила, иже составилъ сію епископью; или отдастъ что и не правити иметь св. Богородици, еже есть

написано здѣ буди ему тая же клевета и буди ему анаѳема. И се, и еще, и Холмъ даю св. Богородици и епископу, яко же дано дѣдомъ моимъ Володимеромъ Семеонови преже епископу, строить нарядъ церковный и утверженье. Въ лѣто 6659, индикта 14, м. сентября 30.

III. А се погороціе отъ Мьстиславля 6 гривенъ урока, а почестья гривна и 3 лисици; а се отъ Крупля гривна урока, а 5 ногатъ за лисицу; а се отъ Вержавеска 2 гривнѣ урока, а 5 ногатъ за лисицу; а се отъ Вержавеска 2 гривнѣ урока, а за 8 лисицы 40 кунъ безъ ногаты; а се отъ Копосы 6 гр. урока и 2 лисици, а почестья 35 кунъ; а се отъ Поцiня урока полторы гр., а за двѣ лисици 22 кунѣ; а отъ Лучина 3 гр. урока и 2 лисицы, и осетръ; а се отъ Ростиславля 3 грив., а отъ Почестья гривна и 4 лисици; отъ Елны урока 3 гр. и лисица; а Изяславлее..... се у Торопчи урока 40 гр. и 15 лисиць и 10 черныхъ кунъ, неводъ, тре.....ица, бредникъ, свои сани рыбы, половочникъ, 2 скатерти, 3 убрусы, берковескъ меду; а се въ Жижци 5 гривенъ, а почестья гривна и лисица; а у Дорогобужи 3 гоны короткіи, а почестья гривна, 5 лисиць.

(*Доп. къ А. Ист. I, № 4*).

См. также церковныя правила митрополитовъ Іоанна, Кирилла II, (выше № 120), Максима, Петра и Кипріана. Рус. Дост. 1, 86. Ист. Рус. Ц. *Макарія*. II, пр. 430, стр. 345 — 352. Прав. Собес. 1865. — № 1 - 5. Вопросы каноническіе и отвѣты см. ниже.

167. Ярлыкъ ханши Тайдули Алексѣю м-ту 1353—7.

По Занебекову ярлыку, Тайдулино слово. Къ темнымъ и къ тысячнымъ князем, и сотникомъ, и десятникомъ, и волостелемъ, и городнымъ дорогамъ и князем, и мимохожимъ посломъ, и ко многимъ людемъ, и всемъ приказникомъ. Сей Алексѣй м-тъ, коли пойдетъ ко Царю-граду, и здѣ кто не будетъ, чтобъ его не замали, ни силы бъ надъ нимъ не учинили ни какіе, или гдѣ ему лучится постояти, чтобъ его никто не двигнулъ, ни коней его не имали, занеже за Занебеска царя, и за дѣтей его и за насъ молитву творитъ, такъ есмя молвили. А кто паки силу учинитъ и онъ на великой пошлинѣ перемолвитъ самъ, такъ молвя, нишенную грамоту дали есмя. Ентя году, Арама мѣсяца, во 2 ветка. Орда кочевала на Гулистанѣ. Написано. Семиръ Хадча жалобу положилъ.

(*Собр. госуд. грам. II, № 10*).

168. Ярлыкъ хана Атюляка Михаилу м-ту кіевскому ок. 1379.

Безсмертнаго Бога силою и величествомъ. Изъ дѣдъ и изъ прадѣдъ, отъ первыхъ царей и отъ отецъ нашихъ, Атюлякъ царь слово рекъ Мамаевою мыслію дядиною. Ординскимъ и улуснымъ всѣмъ и ратнымъ князем, и волостнымъ дорогамъ и князем, и писцамъ, и таможникомъ, и побережникамъ, и мимохожимъ посломъ, и сокольникомъ, и ордусникомъ, уралосникомъ, и этникомъ, и заставщикомъ, и лодейникомъ, или кто на каково дѣло не пойдетъ, и многимъ людемъ. Отъ первыхъ царей, при Чингисъ царь, и по немъ иные цари, Азизъ и Бердебекъ, и тіи жаловали церковныхъ людей, а они за нихъ молилисъ. И весь чинъ поповскій, и всіи церковніи люди, не токмо жаловали ихъ, какова дань ни буди, или какая пошлина или которые до-

ходы, или заказы, или работы, или сторожа, или кормы, ино тѣмъ церковнымъ людемъ не видѣти, ни слышити того не надобь, чтобъ во упокои Бога молили, и молитву за нихъ воздавали къ Богу. Да и по ихъ кто ни будетъ, всѣ тѣ, обыскавъ ярлыки подавали. И нынѣ мы, по первомъ ярлыкомъ изыскавши, и думавши, и дунавъ, не изыначиваемъ первыхъ ярлыковъ, потомужъ сего м-та Михаила пожаловали есмя. И онъ, какъ сядетъ на своемъ столѣ, молитъ Бога за насъ и за наше племя въ родъ и родъ, и молитву воздаетъ. И тако есия его пожаловали, что не надобь ему, ни его людемъ, ни всѣмъ церковнымъ богомольцамъ, попомъ, и чернцомъ, и бѣльцомъ, и ихъ людемъ, отъ мала и до велика, ни какова дань, ни которая пошлина, ни кормъ, ни питіе, ни запросъ, ни дары, ни почестья не воздаютъ ни какова, ни служба, ни работа, ни сторожа, ни которые доходы, ни поминки, ни поклонное, ни выходъ, ни полѣтное, ни становое, ни въѣздное, ни мимоходное на дорозѣ послу, ни босмаку, или которому моему пошлиннику; и что церковные домы, воды, земли, огороды, винограды, мельницы, стада конскіе, скотъ и овчіе, или что не буди ихъ, въ то ся у нихъ не вступаетъ никто, ни насилья да не творятъ имъ никакова, а кто будетъ взялъ не вѣдая и онъ отдаетъ безпосудно. А въ церковныхъ домѣхъ не стати никому, не рушити ихъ; а кто ся станетъ ставити въ церковныхъ домѣхъ, или рушити ихъ, и тѣ люди отъ Бога во грѣсѣхъ будутъ, а намъ ся на кого пожалуютъ тѣ церковные люди, и тотъ отъ насъ не животною казнью казненъ будетъ; а кого нашихъ пословъ или пошлинниковъ убіютъ церковные люди надъ своимъ добромъ, тому телеватнѣ; а кого нашъ убіетъ церковныхъ людей, и тотъ самъ смертію да умретъ. И ты, Михаила м-тъ, возмольишь, что такъ есмь пожаловалъ, да тѣмъ домомъ церковнымъ, или землямъ, или водамъ, и въ огородѣхъ и виноградѣхъ, или надъ людьми своими что учинишь чрезъ пошлину, ино то на тобѣ. Или кто учинитъ татьбу, или ложь, или иное, какое злое дѣло, а не не имешь того смотрити, или слуги твои почнутъ какову чужу церковнымъ людемъ твоимъ творити, ино то на тебѣ; и ты самъ вѣдаешь, каковъ отвѣтъ Богу за то воздати, и тотъ грѣхъ на тобѣ, а мы о томъ ничто же не имѣемъ, но за насъ къ Богу молитвы воздавай, дабы церковные люди во упокой за насъ молилися, понеже ты прежо, а они потомъ; а мы о томъ ничего не молвимъ. Такъ рѣкши утвердихомъ со алою лентою ярлыкъ. Дали есмя овечья лѣта, дарыка въ 708-е лѣто, селгато мѣсяца, въ 10 денъ нова. На великомъ лузѣ на рѣчномъ Орда кочевала. Написано.

(*О достовѣрн. ярлыковъ. Григорьева. М. 1842*).

169. Грамота митроп. Кипріана Псковичамъ, 1395 г. мая 12.

Се язъ Кипріанъ митрополитъ кіевскій и всія Руси. Что есмь слышалъ, ажь въ Псковѣ міряне судятъ поповъ и казнятъ (*наказываютъ*) ихъ въ церьковныхъ вещѣхъ, ино то есть кромѣ хрестьянскаго закона: негодится міряномъ попа ни судити, ни казнити, ни осудити его, ни слова на него не молвити; но кто ихъ ставитъ святитель, но тъ ихъ и судить и казнить и учить. А вы бы есте, дѣти мои, Псковичи отъ велика и до мала, чтобы есте не судили поповъ, ни казнили ихъ, грѣха бы есте на свою душю не имали, ни зарока бы есте на весь Псковь не чинили. Слышалъ есмь и то, что *попы нѣкоторыи молодыи да вдо-*

вѣли, а ни поповьством оставили да поженилися; и того вамъ также не годится судить, чтобы есте ихъ не занимали (*не трогали*) ничимъ; вѣдаеть то Святитель, кто ихъ ставить, тотъ и поставить и извержеть (*лишитъ сана*), и судить и казнить и учить; а вамъ негодится въ та дѣла вступатися. А кого церковь Божья и Святитель огласитъ, и вамъ по тому оглашенію годится такъ же держати его. *А что земли церковныи или села, купили ли будуть, или кто будеть даль, умирая, которой церкви; а въ тѣ бы есте земли не вступалися никто отъ васъ, чтобы церковь Божья не изобижена была, занеже въ томъ великъ грѣхъ отъ Бога.* Сего ради и азъ, по сану и по области (*власти*), юже ми далъ Богъ, учю васъ своихъ дѣтей, а вы моего слова слушайте; а кто сея грамоты не послушаетъ, не буди божья милости на немъ, ни моего благословленья; или кто послушаетъ, а милость божья на васъ. А дана грамота въ В. Новѣгородѣ, м. маія въ 12 день индикта 3, въ лѣто 6903.

(*А. Ист. I, № 9*).

170. Уставная в. к. Василія Димитріевича и митр. Кипріана 1390—1402.

Се язъ князь великій ....., сѣдъ съ своимъ отцемъ ..... митрополитомъ кіевскимъ и всеа Руси, управили есмь о домѣхъ о церьковныхъ и о волостехъ, и о землях, и о водахъ, и о всѣхъ пошлинахъ о церковныхъ. Судити м—ту Луховца съ волостелемъ или съ доводщикомъ, а судьѣ моему вел. князя не быти; а боярамъ и слугамъ князя в. и митрополичимъ земль луховскихъ не купити, а которыи будуть покупили, а тѣмъ лѣзти (*идти*) вонъ, а серебро свое взяти. А имати мнѣ князю в. дани съ Луху въ выходъ по своей грамотѣ по оброчной, а лише того оброка не имати; а бѣлки, ни рѣзанки, не имати князю в., но м—ту. А что Луховци ставливали хоромы на князя в. дворѣ въ Володимерѣ, ино то обыскано, что то было учинилося ново, не по пошлинѣ, а нынѣча ненадобѣ Луховцемъ ставити хоромовъ на князя в. дворѣ. А Сенегъ его по тому, какъ обыскано и управлено по старинѣ: кое князя в., то князя в.; а кое церковное митрополичь, а то митрополиче; а дань имати съ Сенгу въ выходъ по моей грамотѣ князя в. по оброчной, а лише того оброка не имати. А что села отца нашего митрополичи церковныи, которыи даваны издавна и до Олексѣа м—та и тѣ села потянуть къ митрополиту, *какъ и при Олексѣи м-тѣ тягли; а на тѣхъ селѣхъ данщику и бѣлщику моему князя в. не быти*, а дань имати съ тѣхъ селъ въ выходъ по оброку по моей грамотѣ князя в. по оброчной, а лише того оброка не имати; а ямъ по старинѣ 6—й день, а коли мои села князя в. дадуть тогды и митрополича дадуть. А что люди митрополичи живуть въ городѣ, а тянуть къ дворцу, а тѣхъ описавъ да положить на нихъ оброкъ, какъ и на моихъ князя в. дворчанъ. А Константиновьскій монастырь извѣчный митрополичь и съ селы; также и Борисоглѣбьскій монастырь и съ селы, какъ тагли издавна и при Олексѣи м—тѣ потомужь и нынѣча потянуть. А что села пошлые (*давніе*) монастырскіи, въ тѣ села мнѣ князю в. не всылати, ни судити; вѣдають ихъ и судятъ игумены; а будеть судъ смѣсной [1], ино прибытокъ

---

(1) Смѣсной судъ, въ которомъ тяжущіеся будуть и княжескіе и церковные люди.

въ колы. А который человѣкъ мой князя в. ударитъ челомъ на игумена, или на попа, или на черньца, ино судъ вобчой; а не пригодиться митрополита въ вел. княженіи, коли кудѣ отъѣдетъ въ свою митрополію далѣ, а ударитъ кто челомъ мнѣ князю в. на митрополича, и мнѣ князю в. судити; а будетъ судъ смѣсной, ино прибытокъ на полы; а будетъ митрополичь судъ, ино судитъ митрополичь *намѣстникъ*. А также будетъ кто ударитъ челомъ мнѣ в. князю на митрополича намѣстника, или на десятинника, или на волостеля, и мнѣ князю в. судить самому. А митрополичимъ людемъ церковнымъ тамги не давати, како было и при Алексѣи м-тѣ; кто продастъ свое домашнее, тотъ тамги не дастъ; а который иметъ прикупомъ которымъ торговати, а тотъ тому дастъ. А коли день дати въ Татары, тогды и оброкъ дати церковнымъ людемъ: а коли дани не дати въ Татары, тогды и оброкъ не дати церковнымъ людемъ; а съ Лугу потому же отца нашего м-та кіевского и всея Руси. А про войну, коли язъ самъ князь в. сяду на конь, тогды и митрополичимъ бояромъ и слугамъ, а подъ митрополичимъ воеводою, а подъ стягомъ (*знаменемъ*) моимъ в. Князя; а кто будетъ бояръ или слугъ не служивалъ Алексѣю м-ту, а приказался ново митрополиту, а тѣ пондутъ подъ моимъ воеводою в. князя, гдѣ который живетъ, инъ подъ тѣмъ воеводою и есть. А сборного м-ту имати съ церкви 6 алтынъ, а заѣзда 3 денги, а болши того не надобѣ ничто; а десятиннику на десятину наѣздъ имати за въѣздное, и за божественное, и за петровское, пошлины 6 алтынъ, а болѣ того не надобѣ ничто; а имати сборное о Рожествѣ Христовѣ, а десятиннику имати своя пошлина о Петровѣ дни; а которые съборные церкви по городомъ не давывали сборного при Өеогностѣ м-тѣ и при Алексѣи м-тѣ, тѣмъ и нынѣча не давати. А слугъ моихъ князя в. и мо... ихъ данныхъ людей въ діаконы и въ по... пы митрополиту не ставити; а которы... поповичь хотя будетъ писанъ въ мою служ... бу, а въсхочетъ стати въ попы или в... діаконы, ино ему волно стати; а попо... вичь, который живетъ у отца, а хлѣб... ѣстъ отцовъ, ино той митрополичь: ... который поповичь отдѣленъ и живет... опричь отца, а хлѣбъ ѣстъ свой, а т... мой князя в. А писана грамота на Мо... сквѣ, м. іюня въ 28 день, индикта в... 12, въ лѣто 6900.

(А. Арх. Экс. I, № 9).

См. Ист. гос. рос. V. пр. 233. Опис. Кіе... вософ. соб. пр. № 3.

171. Грамота архіеп. новгородс. Іоны 1458—1471.

По благословенью преосв. господина ... осподаря архіеп. В. Новагорода и Псков... владыкы Іоны, се урядишася христіан... Робичичане ([1]) съ архиман. Григоріемъ ... съ попы и съ черенци Юрьева мон. Өе... доре, Смене Онкудинове, Овдоте Макси... мове, Софонтеи Васильеве, Петре Си... дорове и вси христьяне Робичичане: да... вати имъ успы (*отсыпная хлѣба*) в... житницю 30 коробей ржи, 30 овса, ... правую мѣру в Новгороцкую. А возит... имъ самимъ той хлѣбъ въ монастыр... св. Спаса и св. Георгия. А поселникам... поселье по старинѣ. А коли архиман... дритъ пріѣде на подъѣздъ: стояти ему и... стану двѣ ночи. А пива положити хри... стьяномъ доволно. А хлѣба и вологи ры... бное и мясное доволно. А конемъ овса

([1]) Робичинской волос. крестьяне въ Старо... рус. у.

сѣна доволно. А дару архимандриту на томъ стану 2 гривенъ. Столнику полкоробьи ржи; Чашнику полкоробьи ржи; попу съ черицомъ коробьи ржи; дьякону четвертка; повару съ конюхомъ коробья ржи; молодцамъ коробья ржи; коззначію с повозникомъ четвертка ржи; приставомъ новгороцкимъ полкоробьи ржи. А коли архимандритъ на подъѣздъ не поѣде: ино тогды пошлинникомъ пошлины вси не надобѣ. А архимандритъ даръ 5 гривенъ поставити хрестьяномъ в монастыри. А не почнутъ хрестьяне управливатися в тѣхъ успахъ и въ тѣхъ пошлинахъ, ино увѣдается съ ними архимандритъ и попы и черицы по старымъ по княжимъ грамотамъ и по новгороцкимъ.

Подлинная писана на пергаменѣ.

(*Чт. общ. 1861, 2, III*).

Б. ПРЕДАНІЕ.

172. Видѣніе Спасова образа.

Во св. Софѣи премудрости божіи, въ В. Новѣградѣ, во время божественныя службы, стоялъ Дмитрей Ласкиревъ, и призва софѣйскихъ священниковъ Прокопія съ товарищи, и возрѣвъ на образъ милосерднаго Спаса, иже и донынѣ стоитъ на правомъ клиросѣ, на столпѣ, противо мѣста владычня, и вопросилъ ихъ Дмитрей: вѣдомо ли вамъ про ту икону каковъ слухъ? Они же ему отвѣщали: слухъ, господине, таковъ, что неодна та икона изъ Корсуни привезена греческаго писма. И Дмитрей отвѣща: у насъ де въмудрыхъ людей слухъ идетъ, да и писаніе въ нашей греческой земли есть, что та икона прежде Владимерова крещенія бѣ въ Царѣградѣ, а писмо Мануила царя греческаго: нѣкогда, убо, ѣхалъ царь Мануилъ на свою потребу, и узрѣ священника неподобне дѣлающа, и повелѣ на него возложити раны нещадно; и въ ту нощь явися Мануилу царю Спасъ тѣмъ образомъ, яко же на иконѣ написалъ Мануилъ царь, и рече ему царю: почто восхищаеши святительскій судъ, егоже ти непредахъ? тебѣ предано началство въ человѣцѣхъ и отъ супостатъ обороняти, святителемъ же повелѣно духовнѣ вязати и рѣшати; и повелѣ Спасъ пришедшимъ, указываючи пречистымъ своимъ перстомъ, яко же нынѣ видимъ на иконѣ написано, ангеломъ, возложити раны на царя Мануила Греческаго; и возбнувъ царь услышалъ раны тяжки на тѣлѣ своемъ, и возставъ притече ко иконѣ Спасовѣ, и узрѣ руку Спасову указующу низу, а не такъ, яко же онъ написалъ прежде, и восплакася горцѣ царь, и оттолѣ неучалъ святительского суда восхищати. Та же и нынѣ чюдотворная икона у Богородицы Успенія въ соборной церкви стоитъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ; а здѣся у Софѣи премудрости божіи, въ Новѣградѣ, списокъ съ того чудотворнаго образа Спасова стоитъ и донынѣ въ церкви на правой странѣ, противъ владычня мѣста, приходящимъ православнымъ христіаномъ но поклоненіе, еже и донынѣ зрима есть.

(*III Нов. 211—212 подъ 1045 г.*)

2. ПО ДѢЛАМЪ СВѢТСКИМЪ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

173. Правда Росьская.

1) Оубьєтъ моужь моужа, то мьстить братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братоу чадоу, любо сестриноу сынови; аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривенъ за головоу: аще боудетъ роусинъ, любо гридінъ, любо коупчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, аще изъгои боудетъ, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити зань. 2) Или боудетъ кровавъ или синь надъраженъ, то не искати емоу видока человѣкоу томоу; аще не боудетъ на немъ знаменіа никотораго же, толи пріидетъ видокъ; аще ли не можетъ, тоу томоу конець. Оже ли себе не можетъ мьстити, то взяти емоу за обидоу 3 гривнѣ, а лѣтцю мъзда. 3) Аще ли кто кого оударить батогомъ, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснію: то 12 гривнѣ; аще сего не постигнуть, то платити емоу: то тоу конець. 4) Аще оутнеть мечемъ, а не вынемь его, любо роукоятью: то 12 гривнѣ за обидоу. 5) Оже ли оутнеть роукоу, и отпадетъ роука, любо оусохнетъ: то 40 гривенъ; аще боудетъ нога цѣла, или начьнеть храмати, тогда чада смирять. 6) Аще ли перстъ оутнетъ которыи любо: 3 гривны за обидоу. 7) А во оусѣ 12 гривнѣ; а въ бородѣ 12 гривнѣ. 8) Оже ли кто вынезь мечь, а не тнеть: то тъи гривноу положить. 9) Аще ли ринеть моужь моужа, любо отъ себе, любо къ собѣ: 3 гривнѣ; а видока два выведеть, или боудеть варягъ или кольбягъ, то на ротоу. 10) Аще ли челядинъ съкрыется, любо оу варяга, любо оу кольбяга, а его за три дни не выведоуть, а познають и въ третіи день: то изымати емоу свои челядинъ, а 3 гривнѣ за обидоу. 11) Аще кто поѣдетъ на чюжемь конѣ, не прошавъ его, то положити 3 гривнѣ. 12) Аще поиметь кто чюжъ конь, любо ороужіе, любо порть, а познаетъ въ своемъ мироу: то взяти емоу свое, а 3 гривнѣ за обидоу. 13) Аще познаетъ кто, не емлеть его, то не рци емоу: мое; нъ рци емоу тако: поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ; или не поидеть, то пороучника за пять днiи. 14) Аже гдѣ възыщеть на дроузѣ проче, а онъ ся запирати почнеть: то ити ему на изводъ предъ 12 человѣка, да аще боудетъ обидя не вдалъ боудетъ достоино емоу свои скотъ, а за обидоу 3 гривнѣ. 15) Аще кто челядинъ поняти хощетъ, познавъ свои, то къ оному вести, оу кого то боудеть коупилъ, а тои ся ведеть о дроугомоу, даже доидеть до третьего, то рци третьемоу: вдаи ты мнѣ свои челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ. 16) Или холопъ оударить свободна моужа, а бѣжить въ хоромъ, а господинъ начнеть не дати его: то холопа пояти, да платить господинъ зань 12 гривнѣ; а за тымъ где его

налѣзоуть оудареныи тои моужь, да бьють его. 17) А иже изломить копье, любо щить, любо портъ, а начнеть хотѣти его деръжати оу себе, то пріати скота оу него; а иже есть изломилъ, аще ли начнеть примѣтати, то скотомъ емоу заплатити колько далъ боудеть на немъ.

Правда оуставлена Роусьскои земли, егда ся съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ, Микула:

18) Аще оубьють огнищанина въ обидоу, то платити зань 80 гривенъ оубіици, а людемъ не надобѣ; а въ подъѣздьномъ княжи 80 гривенъ. 19) А иже оубьють огнищанина въ разбои, или оубиица не ищоуть: то вирное платити въ неи же ви. р. и голова начнеть лежати. 20) Аже оубіють огнищанина оу клѣти, или оу коня, или оу говяда, или оу коровьѣ татьбы, то оубити въ пса мѣсто; а тоже поконъ и тивоуницоу. 21) А въ княжи тивоунѣ 80 гривенъ; а конюхъ старыи оу стада 80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же оубилѣ Дорогобоудьци. 22) А въ сельскомъ старостѣ княжи и въ ратаиñѣмъ 12 гривнѣ; а въ радовници княжѣ 5 гривенъ. 23) А въ смердѣ и въ хопѣ 5 гривенъ. 24) Аще роба кормилица, любо кормиличицъ, 12. 25) А за княжь конь, иже тои съ пятномъ, 3 гривнѣ; а за смердѣи 2 гривнѣ. 26) За кобылоу 60 рѣзанъ; а за волъ гривноу; а за коровоу 40 рѣзанъ: а третьякъ 15 коунъ; а за лоньщиноу полъгрівнѣ; а за теля 5 рѣзанъ; за яря ногота; за боранъ ногата. 27) А оже оуведеть чюжь холопъ любо робоу, платити емоу за обидоу 12 гривнѣ. 28) Аще же пріидеть кровавъ моужь любо синь, то не искати емоу послоуха. 29) А иже крадеть любо конь, любо волы, или клѣть, да аще боудеть единъ кралъ, то гривноу и тридесятъ рѣзанъ платити емоу; или ихъ будетъ 18, то по трі гривнѣ и по 30 рѣзанъ платиті моужеви. 30) А въ

княже борти 3. гривнѣ любо пожгуть, любо изоудроуть ([1]). 31) Или смердъ оумоучать, а безъ княжа слова, за обиду 3. гривны. 32) А въ гнищанінѣ и въ тивоуницѣ и въ мечници 12 гривънѣ. 33) А иже межоу переореть любо перетесъ, то за обидоу 12 гривнѣ. 34) А оже лодью оукрадеть, то за лодью платити 30. рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ. 35) А въ голоубѣ и въ коуряти 9 коунъ. 36) А въ оутиѣ, и въ гоусѣ, и въ жеравѣ, и въ лебеди 30. рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ. 37) А оже оукрадоуть чюжь песъ, любо ястребъ, любо соколъ, то за обидоу 3. гривны. 38) Аще оубьють татя на своемъ дворѣ, любо оу клѣти, или оу хлѣва, то тои оубитъ; аще ли до свѣта держать, то вести его на княжь дворъ; а оже ли оубьють, а люди боудоуть видѣли связанъ, то платити въ немъ ([2]). 39) Оже сѣно крадоуть, то 9 коунъ; а въ дровехъ 9 коунъ. 40) Аже оукрадоуть овъцоу или козоу или свинью, а ихъ боудеть 10 одиноу овьцоу оукралѣ, да положать по 60 рѣзанъ продажи. 41) А хто изималъ, томоу 10 рѣзанъ; а отъ гривне мечникоу коуна, а въ девятиноу 15 коунъ, а князю 3 гривны; а отъ 12 гривноу емъцю 70 коунъ, а въ десятиноу 2 гривнѣ, а князю 10 гривенъ.

42) А се поклонъ вирьныи: вирникоу взяти 7 вѣдоръ солодоу на недѣлю, тъже овенъ, любо полоть, или двѣ ногатѣ; а въ среду рѣзаноу, въ три же сыры, въ пятницоу такоже; а хлѣба по кольноу моугоуть ясти и пшена; а куръ по двое на день; конѣ 4 поставити и соути имъ на

([1]) *Къ этой статьѣ въ спискѣ Ростовскомъ прибавлено:* а въ смерди 2 вгризнѣ (*чит.* гривнѣ).

([2]) *За этой статьей въ спискѣ Ростовскомъ слѣдуетъ непосредственно слѣдующая статья, которой недостаетъ въ спискѣ Академическомъ:* Оже убіенъ тать, а подымутъ ногі во дверѣ, ино убитъ; оли подымуть ноги за вороты, толи платити въ немъ.

роть колько могоуть зобати; а вирникоу 60 гривенъ и 10 рѣзанъ и 12 вѣверици; а передѣ гривна: или ся пригоди въ говѣніе рьбами, то взяти за рыбы 7 рѣзанъ: тъ всѣхъ коунъ 15 коунъ на недѣлю; а борошна колько моугоуть изъясти. До недѣли же виро зберуть вирници. То ти оурокъ Ярославль.

43) А се оурокъ мостьниковъ: аще помостивше мостъ, взяти отъ дѣла ногата, а отъ городници ногата; аще же боудеть ветхаго моста потвердиті нѣколико доскъ, или 3, или 4, или 5, то тоеже.—

(Текстъ Рус. Правды. Изд. Н. Калачова. М. 1847).

Здѣсь напечатана Рус. Правда по Академич. сп. XV в. Объ источн. Рус. Пр. у *Калачова* Предварит. юрид. свѣд. для объясн. Рус. Пр. М. 1846, 1—43.

Русская Правда не есть только документъ, но преимущественно источникъ и выраженіе права, господствовавшаго въ древнѣйшей Руси. Ярославъ, какъ и послѣдующіе князья-законодатели не были сочинителями, авторами Правды, а только собирателями и редакторами юридическихъ убѣжденій, господствовавшихъ въ ихъ время въ народѣ. Эти убѣжденія пріобрѣтаются медленно, мѣняются еще медленнѣе, и служатъ почвою для сборниковъ цѣлые вѣки. Чего не подмѣтитъ и не соберетъ одинъ изъ законодателей, остается въ народныхъ обычаяхъ до слѣдующаго дѣятеля, который вноситъ въ актъ свой посильный сборъ, и вызываетъ наслѣдниковъ къ той же дѣятельности. И только всѣ редакціи вмѣстѣ могутъ послужить зеркаломъ всей суммы юридическихъ понятій и установленій извѣстнаго народа, въ извѣстную эпоху.... (*Рус. Нар. и Госуд.* Лешкова. *М. 1852 147. 208*).

174. Князя Володимера рукописаніе. 1287.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Молитвами св. Богородица и Присноднѣвица Марья и святыхъ ангелъ. Се азъ князь Володимеръ, сынъ Василковъ, внукъ Романовъ, даю землю свою всю и городы, по своемъ животѣ, брату своему Мьстиславу, и столный свой городъ Володимирь; другую же грамоту написахъ брату своему такую же; хочю и еще и княгинѣ своей псати грамоту такую же.

Въ имя Отца и Сына и св. Духа. Молитвами св. Богородица и Присноднѣвица Марья, святыхъ ангелъ. Се азъ князь Володимеръ, сынъ Василковъ, внукъ Романовъ, пишу грамоту: далъ есмь княгинѣ своей, по животѣ своемъ, городъ свой Кобрынь, и съ людми и съ данью, како при мнѣ даяли, тако и по мнѣ ять (*пусть*) дають княгинѣ моей. Аже далъ есмь ей село свое Бородѣлъ, и съ мытомъ, а людье како то на мя страдалѣ (*работали*), тако и на княгиню мою по моемъ животѣ; аже будеть князю городъ рубити, и ни къ городу, а поборомъ и Тотарьщиною ко князю. А Садовое и Семино же далъ есмь княгинѣ своей, и манастырь свой Апостолы же, создахъ и своею силою. А село есмь купилъ Березовичѣ Урьевича у Давыдовича Ѳедорка, а далъ есмь на немъ 50 гривенъ кунъ, 5 локотъ скорлата да бронѣ дощатые: а тое далъ есмь ко Апостоломъ же. А княгини моа, по моемъ животѣ, оже восхочетъ въ черницѣ пойти, пойдеть; аже не восхочетъ ити, а како ей любо, мнѣ не воставши смотрѣть, что кто иметь чинити по моемъ животѣ.

(*Ипат. 215*).

175. Духовная Новгородца Климента XIII в.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се азъ рабъ божии Климантъ даю св. Гер-

гью и игумену Варламу и всеи братьѣ, что вьзялъ есмь 20 гривнъ серебра на свои рукы св. Гергья, было ж бы ми чимъ заплатити. Даю за все за то два села съ обильемь и съ лошадьми и съ борътью и съ малыми селищи, и пьнь и колода одерень св. Гергью, а заводникъ сусѣдъ мои Опаль. А Калисту есмь далъ Микшиньское село съ огородомъ и съ бортью; а Воиновн сынови Андъдрѣю даю Самуиловьское село и пьнь и колоду и съ борътью тоже есмь не даромъ далъ платилъ за мене Данило и Воинъ искупъ. Литовьскыи Володиславу Даниловичю даю сивыи жеребецъ, а Василю брату даю щитъ Вънновьскыи оже Вельямино вьскыи жеребечь. А свою жену приказываю игумену Варламу и всеи братьи а изъ свиней из моихъ Самуилѣ даите боровъ лутьшии, а въ скотѣ—въ овцяхъ и въ свиньяхъ розделить съ женою моею на полы, а жена моя постриже ться въ черницe, есть еи чимъ ся постричи, и дворъ городьскыи еи же даю, а проче кланяюся игумену и всеи братье, а жена моя постриже ться въ черницe, то вы даите еи четверть, отъ не будеть голодна или того не въслушаеть, а нѣчто мѣншее дадите еи. Хотя подо мною что останется или лошакъ или оружье то все даю св. Гергью, а про куны чимъ то ся ми было вамъ платити въ купѣцьскомъ сътѣ у Θомы 8 гривнъ възмите, а у Борьќы 4 гривъне, у Фомы у Морътния особьнеи 2 гривъне безъ 2-ю ногату, а на поральское серебро наклада възяти Климяте на Борьке 13 ногате и гривна, а у Савинниця съимати Климяте съ Боркою пять гривънъ, а въ томъ Борьке третина, а у Козѣ—вьтъши 2 гривне Климяте възяти, а у Микифорця 40 резанъ, а Жихневе дан.... у Хотьвита взяти Климяте гривна солоныхъ кунъ у ...ъчьня полъ гривны у Къзя... а полъ гривны на Дуранѣ 7 гривнъ у Михальца полъ гривне у Еремея безъ 10 резанъ 2 гривне, у Гюрьгя 13 ногате, у Климяте гривна у ... тыше гривна. И ли кто почнеть ся запирати того, тъ станеть со мною передъ Богомъ; а ты, Варламе, исправи. Того дѣля написахъ за нъ да не было у мене брата, ни сыну; аже кто вьступить на сю грамоту да не со мною съ однымь станеть прѣ Богомь, съ всимь моимъ племенемь (родствомъ).

(*Свѣд. и Зам. о малоизв. и неизв. памятн. Срезневскаго Спб. 1867. IV, 38—42*).

Эта замѣчательнѣйшая грамота, касающаяся юридическаго быта Русскаго народа, объяснена тамъже.

176. Рядная Тѣшати до 1299.

Се порядися Тѣшата съ Якымомъ про складьство про первоіе и про задпеіе. И на дѣвкѣ Якымъ серебро взялъ. А мониста Тѣшитина у Якымовы жены свободна Тѣшатѣ взяти. И рощетъ учинила прожежи себе; а болѣ не надобѣ Якыму Тѣшята, ні Тѣшатѣ Якымъ. А на томъ по слуси: Довыдъ попъ, Дорожка Домославъ, Вѣкошкинъ Боянъ, Кузма Лойковичь, Жидило Жихновичь, Иванъ Смолнянинъ. А кто сий рядъ переступить, Якымъ ли, Тѣшата ли, тотъ дасть 100 грив серебра. А псалъ Довмонтовъ писецъ.

(*Зап. Археол. общ. III*).

См. Рядную XIV в. О малоизвѣстн. пам. III. 79—81.

177. Жалованная в. к. Іоанна Даниловича людямъ новгородскаго Юрьева монастыря, живущимъ на Волокѣ 1338—1340.

Се язъ князь в. Иванъ Даниловичъ всеа Руси, пожаловалъ есмь, Бога дѣля и св. дѣля Юрья, архимандрита Есифа и всей братьи: что земля св. Юрья на Волоцѣ, кто сядетъ на земли св. Юрья, далъ есмъ имъ волю, ненадобѣ имъ потягнути кь городу ни въ которую дань, ни въ подводы, ни въ кормы, ни въ станъ, ни въ который проторъ; а волостелемъ ихъ Волоцкимъ на Волоцѣ не судити, опрочѣ татбы, и разбоя и душегубства, а то судитъ ихъ человѣкъ св. Юрья промежи собою; а по в. князя слову волостелемъ ихъ волоцкимъ блюсти, а не обидѣти, Бога дѣля и св. дѣля Юрья: а коли розмирье князю в. съ Новымгородомъ, а тогды ихъ въ безадщину не ставити, ни обидѣти ихъ въ то время, но живутъ оприснь въ брезѣ (беревеньи) князя в.; а архимандриту тяглыхъ людій волоцкихъ не пріимати, также и изъ очины Князя в изъ Москвы людій не пріимати; а кто дѣтій моихъ, или братьи моее, мое данье порушитъ, а то судитъ ему Богъ и св. Георгій въ страшное свое пришествіе, а князю в. дасть сто рубля; далъ есмъ сю грамоту и въ вѣки.

(*А. Арх. Эксп. I*, № 4).

178. Изъ Вислицкаго Статута, даннаго Польскимъ королемъ Казиміромъ III въ 1347.

Статья 2. О границахъ дѣдичныхъ и рѣчныхъ частыя споры. О границахъ дѣдичныхъ и рѣчныхъ частые споры межи нашими подданными бывали, и зъ того бывали вѣликіи наклады и шкоды и хлопоты: про то, гдѣ рѣкы текутъ межи имѣніи, а каждый имаетъ свой берегъ; а колижъ тая рѣка учинитъ собѣ инуды берегъ, а не человѣческымъ чиненіемъ, але своею силою, тогды первѣйшая тутъ имаетъ быти правая граница.... езерѣхъ, колижь обоколъ езера люди живутъ, имъ волю имъ рыба ловить; а такожъ берегъ рѣкы коли будетъ человѣчьскымъ чиненіемъ обороченъ, завжды первѣйшій берегъ— граница.

— 11. *О судьѣхъ, колько каждая земля имѣетъ имѣть, и судъ имъ.* Ижъ изъ многихъ судовъ одна жалоба быва розно сужена, про то мы хотячи имѣти вѣдомыи судьи, уставляемъ: одинъ у Краковской земли, а другой у Судемирской нашъ судья имѣетъ быти; а коли ся намъ пригодъ пріѣхать до которої земли, тогды судья тоѣ земли имѣетъ судити, при нашомъ дворѣ, о которыхъ коли жалобахъ великыхъ или малыхъ, а любо тежъ дѣдичныхъ; а року отъ трехъ недѣль дальши не имаютъ откладать; какъ борьздо жалоба станется дѣтинна, тогды судья, а любо подсудокъ маютъ намъ сказать тую жалобу, а мы съ нашими паны, зъ нашего радою, маемъ досмотрѣти; и если уже не будемъ тамъ, тогды, шесть, а любо чотыри... , прилучаемъ судьѣ или подсудку, што имаютъ тую рѣчь осудить нашего моцью.

— 19. *Которыи приходятъ кгвалтомъ къ суду за племенемъ, а любо за слугами.* Частокроть прихожается, ижъ нѣкоторыми за своимъ племенемъ, а любо за слугами приходятъ моцью на судъ и силою права отводятъ: про то приказуемъ мы, а бы того далѣй небыло; а которыи будутъ у томъ знайдены, тогды вина на нихъ у нашой коморѣ пятьнадцать.

— 25. *Судья не имѣетъ дѣцьковать слать, одно два слугы.* Чересъ великіи заклады частокроть убогыи люди бывают утиснены, а то тымъ, ижъ

ихъ много у-купѣ ѣздило, а много людемъ зло чинили, и кгвалтомъ брали (а на то индѣ призволяли судьи): про то хочемъ, абы судья, а любо подсудокъ къ дѣцкованію большъ не слали, одно двухъ слугъ съ служебникомъ. А который будетъ судомъ осуженъ, а любо виноватъ изнайденъ, абы такихъ не граблено. А также уставляемъ: гдѣ коли волы, а любо иншыи реча у закладъ берутъ, а панъ речетъ того села, а любо кмети, ижъ безъ вины берутъ; тогды маютъ тую животину, или тыи речи на поруку дати, а имъ имѣютъ рокъ дати, абы ся исправили: будутъ ли правы, тогды судья и подсудокъ и тыи слуги имѣютъ паномъ тымъ и кметемъ кажды платити вину. 15.

— 30. *Хто коли бываетъ ожалованъ о злодѣйствѣ.* Хто коли будетъ о злодѣйство ожалованъ, уставляемъ, изъ поводъ того обжалованного въ годъ маетъ моцъ къ праву позвать: ачь годъ минетъ, а хочетъ тую речь обновить, тогды имѣетъ добрыми, цочесными людми досвѣтчить, ижъ правдиво тую речь ведетъ.

— 31. *Которые торговли, а любо пѣнези даютъ въ позычъ земяномъ.* Хотячись хлопотомъ конецъ учинить, уставляемъ: коли жъ который мѣщанинъ а любо сукна, а любо иныи торговли которому земленину безъ запису повѣрить, а у право съ нимъ пойдетъ; тогды имѣетъ тотъ мѣщанинъ добрыми людми на него досвѣтчить, а запретца ль, тогды имѣеть самъ своею рукою отприсячь.

— 36. *Хто будетъ раненъ у свадѣ, а любо кромѣ свады.* Жалобу чинилъ Петръ на Яна, ижъ его ранилъ; Янъ отповѣдалъ же самъ его ранилъ, а на то хотѣлъ свѣдечьство указать ему. Мы сказуемъ: если жъ у свадѣ ихъ ранилъ ся, тогды Яново свѣдечьство маетъ быти припущено; если же кромѣ свады будетъ раненъ, тогды Петръ маетъ присячь свои раны.

— 53. *О братьи, што единъ млынъ маютъ.* Францикъ, а Фалко, а Индрихъ, три братенники держали одного млынаря; Индрихъ, третій братъ о нѣкоторыи проступкы выдалъ млынаря во право; пришедши другый братъ Фалко, жаловалъ на Индриха, ижъ бы его млынаря несправедливе выдалъ. Мы узнаваемъ, ижъ годится каждому о свою кривду жаловать и сказуемъ Индриха праваго.

— 54. *О пустовщинѣ сельской, а любо мѣстьской.* Коли жъ нѣкоторый людъ, а любо кметъ умретъ безъ дѣтей, тогды панъ его увязуется въ пустовщину. Прото мы нынѣ укладаемъ тотъ обычай: съ того имѣнія, будетъ ли, абы келихъ учиненъ былъ за полторы гривны къ церкви, гдѣ прибѣгалъ; а остатокъ, и то ближнимъ и пріятелемъ штобы дано.

— 55. *О позыченью коня.* Миколай жаловалъ на Матѣя, ижъ ему, яко пріятелю, коня позычилъ здороваго на дорогу, а коли жъ ему за ся вернулъ и тотъ конь хромалъ; а реклъ тотъ Матѣй, ижъ ховалъ его, якъ же и своего влостного, а не вѣдалъ тоѣ ему хромоты. Тогды мы сказуемъ: Матѣеви того коня 2 недѣли ховать; а будетъ здоровъ за тыи 2 недѣли, ино добро, а не будетъ здоровъ, иметь ся пріятельски расправить.

— 68. *Хто у правѣ Нѣмецкомъ, а поживаетъ Польскаго.* Подлугъ уставленія святыхъ Отцовъ, законъ есть: тому право стратить, хто своего права не поживаетъ..... есть много пановъ, штожъ имѣютъ права Нѣмецкая у своихъ селѣхъ, отъ насъ позычены, а любо отъ нашихъ предковъ; а они опущаютъ Нѣмецкое право, а ведутъ ся подлугъ Польскаго права..... Уставляемъ: ачь будетъ не гдѣ жалоба на нихъ у Нѣмецкомъ правѣ, а они недержать, тогды они стратили свое право, не могутъ ся про-

тивъ..... боронити; про то мы хочемъ: гдѣ жъ будетъ проступка, подъ которымъ правомъ..... тымъ жъ правомъ будетъ осуженъ.

— 75. *О загашеньѣ огню и о раненіи человѣка.* Жаловалъ Идикъ на Фалка, ижъ ему у его дому, у вечеръ, сталася свада: пришедши Фалко и загасилъ свѣчю, а въ томъ-то загашенью Идика невѣдомо кто уранилъ; Фалко познаалъ, ижъ свѣчю погасилъ, а ураженья запрелъ, штобъ его уразилъ. Мы подлугъ присяги Идиковы, присужаемъ Фалка виноватаго на ту рану.

— 76. *О пастусѣ овечьемъ.* Идикъ жаловалъ на пастуха, ижъ далъ ему овцю во статокъ его пасьвити, а опятъ овцы не мѣлъ за ся отъ пастуха; а пастухъ рекъ, ижъ тую овцю пригонилъ до села. Мы сказуемъ: пастухови присячь, ижъ тую овцю пригонилъ до села.

— 82. *О лихвѣ жидовской.* Лихва жидовская не имѣетъ нигды насыщенія: про то мы и рада наша уставляемъ, абы Жидове,..... непріятелѣвѣ вѣры христоянской, и на лихву пѣнези даютъ, не имаютъ большъ брать на недѣлю только 10 пѣнезь..... пѣнези даваютъ на записы, а лихвы не даютъ два годы, штобы ся ихъ лихва множила; а у тыхъ двухъ годѣхъ не упоминаються, а ни на судъ ведутъ: а по двухъ годѣхъ, уже имъ далѣй нѣтъ лихвы жадноѣ, и ни записомъ имѣютъ поминать..... а ни тотъ, хто ся имъ записалъ, не иметъ имъ запису..... полнить.

— 87. *О рâненью кметя судъ.* Коли кметь будетъ раненъ до крови, а любо ураженъ сромотнѣ, тогды ему пріидетъ двѣ части за раны, а третья часть судьѣ.

— 89. *О битьи рыцерскомъ, а любо шляхтича и кметя.* Ачъ рыцеръ, а любо шляхта шляхтичу рану учинитъ до крови, имѣеть ему платити за рану 15; а будеть ли не рыцерьскій человѣкъ, ино гривна грошей; а будеть ли кметь, ино шесть шкотъ.

— 91. *Хто кому што сильно возьметъ.* Такожъ, который плащъ, а любо иншую речь возметъ у кого волею своею, рукою иаетъ ему за ся вернуть подъ виною 6 гривень.

— 92. *О ораньѣ чюжого поля.* Ачъ хто чюжую роль оретъ, а любо сѣетъ, своего насѣнья истратитъ, а вину заплатитъ 15.

— 93. *Хто кому силою волы возметъ.* Коли хто кому четыре волы возметъ силою, а будетъ на то досвѣтченье: зазамешканье тыхъ воловъ и работы, за каждую недѣлю имѣетъ платити 4 скотца, зъ виною 15, а судови другая 15.

— 94. *Хто сѣно силою беретъ.* А такожъ, хто кому силою возметъ возъ сѣна кгвалтомъ, имѣетъ платить 3 гроши, а вины 15 гроши, а судовй другая 15.

— 106. *О сильнику на дорозѣ.* Мартинъ жаловалъ на Микулу, ижъ вынялъ исъ колиты осмь копъ грошей, кгвалтомъ, на доброволъной дорозѣ, у торговую днину; Микулка отповѣдалъ, ижъ бы не по правдѣ на него жаловалъ, а ни тежъ бы тыи пѣнези истрачены, и хотѣлъ ся очистити..... 6 свѣтковъ. А мы сказуемъ: штобы было очищеніе 12 свѣтками добрыми, а не мнѣй.

— 108. *Хто порубитъ древо овощное.* Уставляемъ: ижъ за кажное древо, овощъ имаючее, будетъ ли зрубано, 12 грошей заплать за щкоду, а вины 15.

— 129. *О усильствѣ дѣвокъ, а любо жонокъ, а любо вдовъ.* Гдѣ коли дѣвка, а любо жонка, а любо вдова будетъ на поли, а любо въ селѣ усилована, и она крикомъ и плачомъ освѣтчитъ свое усилованіе, а..... изнамена изнайдены будутъ, а люди то предъ судомъ вызнаютъ, которыми она свѣтчила: тогды

тотъ имѣетъ (быти) казненъ, подлугъ вины писаноѣ о усильствѣ. А будетъ ли тая дѣвка, а любо жонка неправнѣ жаловала, изнамени ей не будетъ: тогды тотъ, на кого она жаловала, имѣетъ ся очистить самъ—семь, такъ добрыми людми какъ и самъ.

— 130. *Который будетъ тройчи обаженъ о злодѣйство, а любо о разбой.* Уставляемъ и сказуемъ: коли хто будетъ трійчи обаженъ предъ судомъ о злодѣйствѣ, а любо о разбои, и перероможенъ, а любо нѣкоторую речь злодѣйскую лицомъ выймутъ, а любо вернетъ, навѣкы жадноѣ чти не имѣетъ имѣти (не будетъ); а будетъ ли ему присужено свѣдѣчьствомъ ся очистить, а одинъ свѣтокъ будетъ згодный: для того не будетъ у соромотѣ, але шкодникови, кому зашкодѣлъ, имѣеть до сыть учинить.

— 137. *Коли кметъ утечетъ отъ своего пана.* Колижъ отъ насъ, а любо отъ нашего пана, намъ послушного, кметъ утечетъ, для гнѣва пана своего, а панъ правомъ добудетъ, а онъ ся нехочетъ вернуть за ся: тогды, мы сказуемъ, ижъ тотъ кметъ имать плать пану своему вину 3 гривны; ачь платъ рочный имѣетъ платить ему, какъ и дотоль ему платилъ, а тымъ будетъ правъ тотъ кметъ, отъ своего пана..... А коли у Нѣмецкомъ правѣ кметъ о сядетъ, тогды не можетъ отъити отъ пана, одно дѣдичьство продавше, а умѣсто себе, кметься, такъ богатого какъ самъ, осадитъ, а любо поля ему изоретъ и справитъ, и гораздо осеетъ озиминного и яриного и отдастъ пану своему: тогды можетъ пойти, гдѣ хочетъ.

— 138. *О жидѣхъ, штобъ недавали христіяномъ пѣнезій.* Колижъ жидовскій умыслъ и злость ихъ есть на то, какъ бы христіяново убожело, еще ся намъ заподобпо видѣло....., штобы ни одинъ жидъ, у нашей земли, нашему христіяну пѣнезей не давалъ на записы, а ни на листы, одно на закладъ, подлугъ старого обычая.

(А. Западн. Рос. I, № 2).

См. о Литовскомъ Статутѣ. В. Верещинскаго. Еженед. прибавл. къ Рус. Инвалиду 1864 г. № 27. Русская Правда и Литовскій Статутъ. *Леонтовича.* Уч. Зап. Кіевс. Универс.

179. Новгородскія и двинскія купчія ок. 1350.

а. Се купи Кондратъ у Степана у Прокшина землю, отцину его, дворъ и дворище, горней земли, 4-ры полянъки и притеребъ за улицею, 4 лоскуты на Юрмоли земли, и у перевѣслищахъ, и въ тонахъ, и въ ручьѣхъ отцины его, чимъ владѣлъ Степанъ. И далъ Степану Кондратъ на всемъ томъ 3 рубли, овьцю пополонка; а купи себѣ одернь и своимъ дѣтемъ. А на то послуси (*свидѣтели*) Ив. Капустинъ, Ѳед. Павловъ, Ив. Костковъ, Сем. Микифоровъ, Сидоръ Борисовъ.

(А. Юрид. № 71, XVIII).

Притеребы—распаханная вновь земля. *Перевѣсища*—мѣста и снасти для ловли птицъ. *Пополнка*—въ придачу; *одерень*—вѣчно. Прежде въ язычествѣ была дерновая присага, отъ которой произошло самое сл. одерень. (См. выше № 14,

б. Се купи Михайло Офромѣевичь, у попа у Ортемья, село въ Кехтѣ въ Малой, дворъ и дворище, на горѣ ораны земли и притеребы, и въ островѣ ораныи земли, и пожьнѣ, и рѣпища, и притеребы, и тони, и прикупьныи земли, и ловища всякіи того села, чѣмъ володѣлъ отечь его Есифъ и братъ его Демехъ; и дá на томъ Михайло попу Ортемью Есиповy девять сороковъ бѣлкъ, а тели-

чу пополонка; а купи себѣ одерень. и своимъ дѣтемъ. А на то послухи: Степанъ Васильевичь, братъ его Лутьянъ, Григорей сочькой, Василей Сасинъ, Якимъ Остафьевичь. А у печати стоялъ попче Ортемей.

(*А. Юрид. № 71, IX*).

120. Духовная в. кн. Іоанна Іоанновича 1356.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се азъ грѣшный худый рабъ божій Иванъ Ивановичь пишу грамоту душевную, ни чимже не нуженъ (*не вынужденъ*), цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемь здоровьѣ. Аже что Богъ розмыслить о моемь животѣ, даю рядъ своимъ сыномъ князю Дмитрию и кн. Ивану и своему братаничу кн. Володимеру, и своей княгинѣ. Приказываю отчину свою Москву сыномъ своимъ кн. Дмитрию и кн. Ивану; а братаничу моему кн. Володимеру на Москвѣ въ намѣстничтвѣ треть и въ тамзѣ, въ мытѣхъ и въ пошлинахъ городьскихъ треть, что потягло къ городу; и что медъ оброчный Васильцева стану, и что отца моего куплеными бортници подъ вѣчныѣ варяхъ, и кони ставити по станомъ и по варямъ, и конюшій путь, то имъ все на трое. А численыѣ люди вси три князя блюдуть сопча съ одиного. А се даю сыну своему кн. Дмитрью: Можаескъ со всѣми волостми и съ селы и зъ бортью съ оброчники и съ пошлинами. А что исъ тыхъ волостий за княгинью за Марьею, тѣ волости до ее живота и села; а по ей животѣ, тѣ волости и села сыну моему кн. Дмитрью, Городна, Мѣзына, Пѣсочна, Середокорошна, Похряне, Устьмерьска, Брашевая, Гвоздна, селце Ивань, деревни Маковець, Лѣвичинъ, Скулневъ, Каневъ, Кошира, Гжеля, Горѣтова, Горки, село на Сѣверцѣ, с. Малино, с. Холмы, с. Костянтиновское, с. Оригиньское, с. Островьское, с. Копотеньское, с. Микульское, с. Малаховьское, с. Напрудьское, с. Ииновьское, с. Новое, Мещера у Коломны. А се даю сыну своему Ивану: Звенигородъ со всѣми волостми и съ мытомъ и съ селы и зъ бортью и съ оброчники и съ пошлинами, Кремична, Руза, Фоминьское, Суходолъ, Истерва свободка, свободку Замошьскую, Ростовци, Кремичну, Тростну, Нѣгучу, село Рюховьское, с. Михалевьское, с. Каменьское, с. на Рѣпнѣ въ Баровьецѣ, селце Милциньское, с. Максимовьское, с. въ Замошьской свободѣ, с. Выславьское, с. Кузминьское, с. Домонтовьское, с. Андрѣевьское, с. Кариньское, с. Козловьское. А братаничь мой кн. Володимеръ вѣдаетъ уѣздъ отца своего. А что ся мнѣ достали мѣста рязаньская на сей сторонѣ Оки, исъ тыхъ мѣстъ далъ есмь кн. Володимеру въ Лопастны мѣста, Новый Городокъ на усть Поротли; а иная мѣста рязаньская отъмѣнная сыномъ моимъ кн. Дмитрью и кн. Ивану, подѣлятся на полы безъ обиды. А княгиня Ульяна, по отца моего князя в. по грамотѣ по душевной, вѣдаеть волости и осмничье и села до своего живота; а по ее животѣ, дѣти мои кн. Дмитрій и кн. Иванъ, и братаничь кн. Володимеръ и моя княгини подѣлятся на четверо безъ обиды. А ци (*если*) по грѣхомъ имуть искати изъ Орды Коломны, или лопастеньскихъ мѣстъ, или отъмѣньныхъ мѣстъ рязаньскихъ, а по грѣхомъ ци отъимется которое мѣсто, дѣти мои кн. Дмитрий, кн. Иванъ, кн. Володимеръ и княгини въ то мѣсто подѣлятся безъпеньными мѣсты. А се далъ есмь княгинѣ своей Александрѣ изъ коломеньскихъ волостий: Похряне, Пѣсочну, Середокорошну, село Лысцевьское, на Москвѣ селце Семциньское; а изъ звенигородскихъ волостей далъ есмь своей княгинѣ: Угожь, великую свободу

Юрьеву, с. Кляповьское, с. Бѣлциньское съ Новымъ селцемъ; а исъ тамги исъ московьское княгини моей у моего сына у кн. у Дмитрия, и у кн. у Ивана изъ дву жеребьевъ треть. А по животѣ моее княгини, тѣ волости и села и треть тамги дается сыну моему кн. Дмитрию и кн. Ивану, въ которого уѣздѣ, то того и есть. А се даю сыну своему кн. Дмитрию: икону святый Олександръ, чепь золоту врану (*вороненую*) съ крестомъ золотымъ, чепь золоту колчату, икона золотомъ кована Парамшина дѣла, шапка золота, бармы, поясъ великий золотъ съ каменьемъ съ женчуги, что мя благословилъ отець мой князь в., поясъ золотъ съ крюкомъ, сабля золота, обязь золота, и серга съ женчугомъ, чечакъ (*шишакъ*) золотъ съ каменьемъ съ женчуги, 2 овкача золота, ковшь великий золотъ гладъкий, коропка сердоничная золотомъ кована, бадья серебрьна съ наливкою серебреною ..... ца золота съ каменьемъ, опашень скорлатенъ саженъ. А се далъ есмь сыну своему кн. Ивану: чепь великую золоту съ крестомъ, чепь золоту врану, а другая огнивчата съ кресты, икону Благовѣщенье, и сергу съ женчугомъ, поясъ золотъ съ каменьемъ съ женчуги, что ми далъ братъ мой кн. в. Семенъ, поясъ золотъ сточный, аламъ сженчужный, наплечки золоты съ круги съ каменьемъ съ женчуги, аламъ малый съ женчуги, что ми дала княгиня Марья, ковшь великий золотъ гладъкий, овкачикъ золотъ, чашка золота, да стаканъ царьгородский золотомъ кованъ, чечакъ золотъ съ каменьемъ съ женчуги, сабля золота, обязь золота. А кого ми дасть Богъ зятью, по чепи имъ по золотѣ, по поясу по золоту. А что за княгинью за Марьею Заячковъ, Заберега съ мѣсты, то до ее живота; а по ее животѣ моей княгинѣ. А что волости за княгинью за Ульяною, исъ тыхъ волостий по ее животѣ дѣти мои кн. Дмитрий, кн. Иванъ, кн. Володимеръ дадутъ дчери ее Сурожикъ, село Лучиньское. А изъ моихъ судовъ и серебренныхъ дадуть блюдо серебрьно великое съ колци къ святѣй Богородици Володимерь; а иными суды серебреными дѣти мои кн. Дмитрий, кн. Иванъ своею матерью подѣлятся на трое. А село на Рокшѣ Романовьское кн. Дмитрию; а с. Афиньевское, да селце у Павловьскаго села кн. Ивану; а с. Павловьское далъ есмь св. Олександру въ прокъ, собѣ въ память. А что моихъ стадъ коневыхъ и жеребцевъ и кобылицъ, а то сыну моему кн. Дмитрию и сыну моему кн. Ивану, то имъ на полы. А исъ тамги исъ Коломеньское далъ есмь 4-ю часть къ св. Богородицѣ на Крупицю, собѣ въ память. А костки московьскии далъ есмь на Москвѣ къ св. Богородици и къ св. Михаилу, въ памятъ по своемь отцѣ и по своей братьи и по собѣ, то имъ руга. А хто будеть моихъ казначеевъ и тивуновъ и посельскихъ, или хто будеть моихъ дьяковъ, что будеть отъ мене вѣдали прибытокъ ли который, или хто будеть у тыхъ женился, тѣ люди не надобни моимъ дѣтемъ, ни моей княгини, далъ есмь имъ волю. Такъ же хто будеть моихъ людий полныхъ, купленыхъ, грамотныхъ, далъ есмь имъ свободу, куды имъ любо; а дѣтемъ моимъ не надобны, ни моей княгини. А на сю грамоту послуси: отець мой владыка ростовьскій Игнатий, отци мои душевныѣ игумень Иванъ, попъ Акинфъ, попъ Патренѣй. А хто сю грамоту порушить, судить ему Богъ, а моего благословенья не буди на немь, ни въ сий вѣкъ, ни въ будущий. А грамоту писалъ Нестерко.

(Къ сей грамотѣ привѣшена печать серебряная позолоченая).

(*Собр. грам. I, № 26*).

181. Договорная в. кн. Димитрія Іоанновича и брата его кн. Володимера Андреевича съ в. к. тверскимъ Михаиломъ Александровичемъ 1368.

По благословенью отца нашего Алексия м-та всея Руси. На семь, брате молодшии кн. вел. Михаило Олександровичь, цѣлуй ко мнѣ крестъ къ брату старѣйшему кн. вел. Дмитрию Ивановичу, и къ моему брату кн. Володимеру Андрѣевичю, и къ нашей вотчинѣ къ В. Новугороду, и за свои дѣти и за свои братаничи. Имѣти ти мене собѣ братомъ старѣйшимъ, а кн. Володимера брата моего— братомъ; а добра ти намъ хотѣти во всемь вездѣ безъ хитрости; а што ти слыша ото крестьянина или отъ поганина о нашемъ добрѣ или о лисѣ (*о худѣ, о лихотѣ*), а то ти намъ повѣдати въ правду, по (*крестному*) целованью, безъ хитрости. А князи велицин крестьянстии и ярославьстии съ нами одинъ человѣкъ, а ихъ ти не обидити: а иметь ихъ обидети, намъ дозря ихъ правды, боронитися съ ниме отъ тобе съ одиного; а имутъ тобе обидѣти, намъ дозря твоие правды, боронитися съ тобою отъ нихъ съ одиного. А гдѣ ми буде, брате, пойти на рать, или моему брату кн. Володимеру Ондрѣевичю, всѣсти ти съ нами самому на конь безъ хитрости; а пошлемъ воеводъ, и тобѣ и своихъ воеводъ послати. А вотчины ти нашие Москвы и всего вел. княженья и Новагорода В. блюсти, а не обидѣти; а вотчины ти нашие Москвы и всего вел. княженья и Новагорода В. подъ нами не искати и до живота, и твоимъ дѣтемъ и твоимъ братаничемъ. А людий ти нашихъ московьскихъ и всего в. княженья и Новагорода В. и новоторъжьскихъ блюсти, а не обидети, какъ и своихъ. А закладней ти въ нашей вотчинѣ въ в. княженьи не держати, ни грамотъ не давати. А имуть насъ, сваживати Татарове, и имуть давати тобѣ нашу вотчину вел. княженье, и тобѣ ся не имати ни до живота: а имуть намъ давати твою вотчину Тферь, и намъ ся также не имати и до живота. А въ Кашинъ ти ся не въступати, и что потяглю хъ Кашину, вѣдаетъ то вотчичь князь Василей; ни выходомъ тобѣ не надо ко Тфери Кашину, тянути, а его ти не обидѣти, мнѣ его отъ тобе боронити. А что еси изъималъ Бояръ или слугъ и людей кашиньскихъ, да подавалъ на поруку, съ тѣхъ ти порука свести, а ихъ отпустити; а кому чего на нихъ искати, ино тому судъ. А жити намъ, брате, по сей грамотѣ: съ Татары, оже будеть намъ миръ, по думѣ; а будеть намъ дати выходъ, по думѣ же; а будеть не дати, по думѣ же. А пойдутъ на насъ Татарове или на тебе, битися намъ и тобѣ съ одиного всѣмъ противу ихъ; или мы пойдемъ на нихъ, и тобѣ съ нами съ одиного пойти на нихъ. А къ Ольерду ти и къ его братьи, и къ его дѣтемъ и къ его братаничемъ целованье сложити. А пойдутъ на насъ Литва, или на смоленьского на князя на вел., или на кого на нашю братью на князей, намъ ся ихъ боронити, а тобѣ съ нами всимъ съ одиного: или пойдутъ на тобе, и намъ также по тобѣ помогати, и боронитися всимъ съ одиного. А въ Рокитну ти ся не въступати, что потягло ко княженью къ вел. А что еси целовалъ къ намъ напередъ сего, что будеть на комъ не взято на нятцѣхъ или на ихъ поручницѣхъ княженья в., или нятци не попущены, или порука не сведена; а что ся будеть не управило по тому целованью, что же будеть взято опосле того на нятцѣхъ или на поручницѣхъ, или порука не сведена, взятое все отъдати по тому целованью, а съ поручниковъ порука свести, а нятци попущати. А что еси буда съ нами въ целованьи, или сложа целованье, а кого будеть бояръ нашихъ и слугъ и людей московьскихъ и княже-

нья в., или что еси пограбилъ, или что у людей поимано, ты или твои бояре или людей пограбили и повозки, бояръ ти и людей и слугъ попущати: а что грабежь, или что съ людей поимано, и изъ людей и исъ павозковъ товаръ поиманъ, то ти все отъдати и твоимъ бояромъ по исправкѣ; а не будеть исправы, ини возмутъ по целованью, а отъдати ти все по Семенѣ дни за недѣлю. А хто будеть со мною не былъ на рати, а у кого будеть что взято, а приѣдутъ къ тобѣ, а тымъ ти такоже отдати по исправѣ. А какъ еси сталъ подъ городомъ подъ Тфѣрью до Семеня дни за мѣсяць, что будеть у мене взялъ воиной въ тотъ мѣсяць, тому всему межи насъ погребъ: а какъ еси къ намъ сложилъ целованье, а что мы у тобе поимали и повоевали, а тому всему межи насъ погребъ. А съ Новымъ ти городомъ и съ Торъжкомъ жити въ старинѣ и въ миру; а рубежь ти держати съ В. Новымъ городомъ и съ Торжькомъ и зъ пригороды земли и воды по старинѣ, какъ то было при нашемъ дѣдѣ при в. кн. при Иванѣ. А закладней ти въ Новѣгородѣ В. и въ Торжьку и въ пригородахъ не держати, ни грамотѣ не давати. А хто иметъ бояръ или слугъ Новагорода В. и Торжку и исъ пригородей служити тобѣ, а что ихъ села или земли и воды, то вѣдаетъ В. Новъгородъ, а ты бояромъ и слугамъ не надобѣ: или потомъ кто приѣдетъ къ тобѣ служити изъ Новогорода В. и исъ Торжку и исъ пригородей, а тымъ такоже не надобѣ села ихъ и земли и воды, то вѣдаетъ Новъгородъ В. А что еси поималъ въ Торжку церковное, колоколы, книги, кузнь что будеть у тобе или у твоихъ бояръ или въ твоей вотчинѣ, то ти все подавати по целованью: а что еси поималъ въ Торжку воиною или грабежемъ, или что съ людей еси поималъ и по волостемъ опосле нашего целованья св. апостола Петра, то ти дати и твоимъ бояромъ по

исправѣ; а не будеть исправы, инѣ возьмутъ по целованью. А что еси целовалъ къ намъ напередъ сего, что будеть на комъ не взято на нятцѣхъ или на поручницѣхъ, или нятци не попущаны или порука свести съ Новгородцевъ и съ Новоторжанъ и съ пригородей; а что ся будеть не управило по тому целованью, а что будеть взято на нятцѣхъ опосле того и на поручницѣхъ, или порука не сведена, ино взятое отъдати по тому целованью, а съ поручниковъ поруки свести, а нятци ти попущати, которыи у тобе и у твоихъ бояръ и слугъ, или у людей въ твоей вотчинѣ. А какъ еси взялъ Торжекъ, а кто ти ся будеть продалъ пословицею Новоторжанъ одернь, или будеть серебро на комъ далъ пословицею, тѣхъ ти отпустити по целованью, а грамоты дерноватыи подрати. А что еси привелъ Ноугородцевъ и Новоторжцевъ къ целованью, а то целованье доловъ. А имуть чего искати Тфѣричи на Ноугородци и на Новоторжьци, судъ ему въ Новѣгородѣ въ В., или въ Торжку; а имутъ чего искати Ноугородци на Тферичахъ, судъ имъ во Тфери; а судить съ обѣ половины по целованью, а грамотъ суженыхъ не посужити. А гостемъ и торговцемъ Новагорода В. и Торжку и съ пригородей дати ти путь чистъ безърубежа сквозѣ Тферь и тферьскии волости; а мытовъ ти новыхъ и пошлинъ не замышляти, а мыта ти имати и пошлины по старинѣ у Новгородцевъ и у Новоторъжцевъ. А буда съ Новымъ городомъ въ миру, за холопа, за поручника, за робу, за татя, за розбойника, за должника не стояти съ обѣ половины. А кто бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тобѣ, или отъ тобе къ намъ, а села ихъ въ нашей вотчинѣ въ в. княженьи, или въ твоей вотчинѣ во Тфѣри, въ ты села намъ и тобѣ не вступатися: а что Ивановы села Васильевича и Нѣкоматовы, а въ ты села тобѣ ся не въступати, а имъ не надобѣ, тѣ села мнѣ, а

бояромъ и слугамъ волнымъ воля. А кто будеть служа намъ княземъ, а вголь въ каково дѣло, а того поискавъ своимъ княземъ, а того своимъ судьямъ опчимъ не судити. А кто служить намъ или тобѣ, а живеть въ нашей вотчинѣ въ в. княженьи, или въ твоей вотчинѣ во Тфери, и на тыхъ намъ взяти дань, какъ и на своихъ, по целованью, безъ хитрости; а на полныхъ холопехъ не взяти, на которыхъ ключники делують. А судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ. А что ся учинить межи насъ князей каково дѣло, ино съѣдутся боярѣ наши на рубежь, да межи насъ поговорять: а не утворятся, ини ѣдуть на третий на князя на в. на Ольга; на кого помолвить, виноватый предъ правымъ поклонитея, а взятое отъдасть. А чьи судьи на третий не поѣдуть, или на кого третий помолвить, анъ взятого не отъдасть; то правому отняти, а то ему не въ измѣну. А целованья не сложити и до живота; а всему обидному дѣлу межи насъ судъ вопчий отъ перваго нашего целованья, отъ положенья веригъ св. ап. Петра. А о чемъ судьи наши вопчии сопрутся, ини ѣдуть на третий на кн. в. на Ольга; а намъ княземъ въ судъ въ вопчий не вступатися, вѣдають то тѣ, на комъ есме положили. А вывода и рубежа межи себе не замышляти: а хто замыслить рубежь, рубежника по исправѣ выдати. А суженого не посужати; суженое, положеное, даное, поручное, холопу, робѣ судъ отъ вѣка; холопа, робу, татя, разбойника, душегубца выдати по исправѣ. А мыта ти держати и пошлины имати по старой пошлинѣ у нашихъ гостей и у торговцевъ; а путь имъ дати чисть, какъ то было при нашемъ дѣдѣ при в. кн. при Иванѣ, и при нашемъ дяди при в. кн. при Семенѣ, и при моемъ отци при в. кн. при Иванѣ; *а мытовъ ти новыхъ и пошлинъ не замышляти.* А почнуть твои искати передъ насъ, или наши передъ тебе, или передъ наши намѣстници, или передъ волостели; хоженого въ городѣ алтынъ, а на праву два; а далний ѣздъ верста по рѣзанѣ, а на праву въ двое. А хто отъ насъ пригонитъся въ твою вотчину за холопомъ, или за должникомъ, а изымаеть самъ, а безъ пристава, да поставить передъ тобою, или передъ намѣстники, или передъ волостели, въ томъ вины нѣтъ: а иметъ съ кимъ холопъ его тягатися, а не будеть по немъ поруки; ино холопа обвинити да выдати осподарю, а зъ головы дати пошьлины гривна, а съ семьи четверть. А на семь на всемь, брате молодший кн. в. Михаило Олександровичь, целуй ко мнѣ крестъ къ брату къ старѣйшему кн. в. къ Дмитрию Ивановичу, къ моему брату кн. Володимеру Ондрѣевичю, и къ нашей вотчинѣ къ В. Новугороду, и за свои дѣти и за свои братаничи, по любви въ праву, безо всякие хитрости. А сий списокъ съ грамоты съ крестной съ тфѣрьской.

(*Собр. г. грам. I, № 28*).

См. также »Договорн. грам. съ Новгор.« А. Эксп. 1, *№* 8. Ист. Гос. Рос. V, пр. 26.

182. Кабальная грамота 1389.

Мы, митрополитъ кіевьскый и всея Русіи Кипреянъ и архіепископъ ростовьскый Феодоръ, Господа нашего I. Христа посредѣ себе предложьще въ утвержение и укрѣпленіе ниже объявленнымъ, исповѣдуемъ настоящею нашею тавуларьскою грамотою, свидѣтельствованною, не лукавнѣ другъ за друга, и укрѣпленною сею грамотою, яко должни есмы тобѣ, ближному державного и св. нашего господина и царя, о св. Дусѣ възлюбленному сыну нашего смиренія, Николаву Нотарѣ Діорминеоту, безъ бѣды и всякаго прилучая кромѣ, рублевъ старыхъ новьгородскыхъ

тысячу; о ихъ же съглашиваемъ и обѣчиваемся подати, тѣмъ же то прикажетъ на руку дати, безъ одержанія, преже всякого дому нашего, прежебывшаго и послѣдняго, отъ нихъ же имамы двигомы и не двигомы приходы монастыревъ, и всяческымъ образомъ случиться, и прiидетъ приходъ княжь, или церковный или дарованный, или инъ какый. Отдамы же, божьею благодатію, таковыхъ рублевъ тысячу, по прежеписаннымъ, имъ же прилежатъ, чисто, а не товаромъ, благословнѣ, съ благодареніемъ многымъ и любовію, съ дары достойными къ тобѣ, къ сыну нашему и тѣмъ, имъ же прикажешь: занеже и ты самъ, не словомъ токмо, потрудился о насъ и пособилъ намъ, яко сынъ божій ближній и яко Богу любо; еще же и своимъ протором̃ъ, его же ради обѣчиваемся чтити и кормити и прилежати твоимъ, имъ же то прикажешь, потому, яко же и ты о насъ прилежалъ и печаловалъ, и никако же отъ подобающаго слова оставимъ. Когда же быти еже и къ нимъ, и о всей торговли ихъ, и аще единою страною рускою възвратятся, имаемся проводити ихъ и всю торговлю ихъ, своими проторы и наймомъ, и промытъ, и прокормъ, даже до рѣкы Богу; аще ли же иною которою страною возвратятся, должни есмы, якоже речеся, доколѣ изыдутъ конечное отъ всякыя Руськыя земли. Еще же обѣчиваемся, аще пригодится и не отдамы весь долгъ, всѣхъ рублевъ, къ тѣмъ предиреченнымъ тебѣ мѣсто укажеть, елико достоль останетъ, или часть, или все должни есмы отдавати, по числу недостали, бѣлкы добрыя тысячу по 5 рублевъ, якоже уставлено и съглашено бысть се промежи насъ. Еще же съглащеваемъ, яко да не токмо другъ за друга и единъ по другомъ должни будемъ мы, еже есть богатый о не имущемъ, и мощный о немощнымъ, и живый о мертвомъ, и пришедый о непришедшемъ, но и сами наши церкви и еже то подъ ними и надъ ними суть обители, аще въ животѣ есмы; аще же смерть пригодится намъ, аще что отъ иныхъ человѣкъ должни будутъ, каяждыи церкви и яже то къ нимъ тянутъ, и въ исполненіе долга, якоже и быхомъ и сами были, занеже о тѣхъ церквахъ испроторенъ бысть сій долгъ, и нами самими утвержена быша и укрѣплена. Сего же ради, аще створимъ и вся, яже по части предьписанная, еже есть весь долгъ нашъ, тысячу рублевъ, впаденія исполненіе, и еже то къ тѣмъ, имъ же то приказано, любовь и помочь и вся иная, елико възгласихомъ и въсхотѣхомъ, Богу благодать; аще ли же объявленіемъ и крѣпостію настоящая нашея грамоты и яже то отъ князя в. Димитрія, а грамота должникомъ вѣры дѣля, юже въ заклады положихомъ, имѣешь волю ты самъ, и вся твоя страна, имати весь свой долгъ отъ нихъ же обрѣтаешь Руськаго, и въ Кафѣ, и во Оцѣ, и во Грецкой земли и въ поганьскыи, ни единоя же имущимъ намъ свободы съпротивъ глаголати или съпротивитись, отнудно паче должни есмы доволнѣ же и безъ убытка творити всякому и явшемусь о семъ долгу нашемъ. Еще же глаголю, аще чрезъ обѣтовъ сихъ створимъ инако, не къ тому судими будемъ въ всякомъ мѣстѣ предь написаны, обрящемся и отвѣщавающе о таковомъ долгу; но еще должни будемъ, яко приступающе своихъ подписаній и обѣтомъ пріиманія, ихъ же своею волею и своимъ хотѣніемъ яко же видомо сътворихомъ, занеже и предиписаннымъ всѣмъ явленіе и крѣпость бысть настоящи сія наша грамота, и утвержена и укрѣплена, нашимъ прошеніемъ и моленіемъ, божественнымъ честнымъ повелѣніемъ державного и св. нашего Господина и Царя, и честною и св. патріаршескою грамотою, яже дана быша тебѣ, ближнему державного и св. нашего Господина и Царя, Николаву Нотарѣ Діерминефту, на всяко утвер-

женіе и безпеніе, подписана нашею рукою подписы, за безъпмѣніе, мѣсяца сентявріе 8, индикта 13.

(*А. Истор. I*, № 252).

183. Уставная двинская грамота в. кн. Василія Дмитріевича 1397.

Се язъ князь в. Василей Дмитріевичь всея Руси, пожаловалъ есмь бояръ своихъ двинскихъ, также сотского, и всѣхъ своихъ черныхъ людей Двинскіе земли. Коли кого пожалую своихъ бояръ пошлю намѣстникомъ къ нимъ въ Двинскую землю, или кого пожалую намѣстничествомъ изъ двинскихъ бояръ, и мои намѣстници ходятъ по сей по моей грамотѣ в. князя. Оже учинится вира, гдѣ кого утепутъ (убъютъ), и нѣ душегубца пзыщутъ: а не найдутъ душегубца, и нѣ дадутъ намѣстникомъ 10 рублевъ, а за кровавую рану 30 бѣлъ, а за синюю рану 15 бѣлъ, а вина противу того. А кто кого излаетъ боярина, или до крови ударитъ, или на немъ синевы будутъ, и намѣстницы судятъ ему по его отечеству безщестіе, такожъ и слузѣ. А учинится бой въ пиру, а возмутъ прощеніе не выйда изъ пиру, и намѣстникомъ и дворяномъ не взяти ничего; а вышедъ изъ пиру возмутъ прощеніе, и нѣ намѣстникомъ дадутъ по куницѣ шерстью. А другъ у друга межу переоретъ или перекоситъ на одиномъ полѣ, вины боранъ, а межы селъ межа 30 бѣлъ, а княжа межа три сороки бѣлъ, а вязбы въ томъ нѣтъ. А кто у кого что познаетъ татебное, и онъ съ себя сведетъ до десяти изводовъ, нолны до чеклого татя, и отъ того намѣстникомъ и дворяномъ не взяти ничего; а татя впервые продати противу поличного, а въдругіе уличатъ, продадутъ его не жалуя, а уличатъ вътретьие, ино повѣсити, а татя всякого пятнити (клеймитъ). А самосуда 4 рубли: а самосудъ то, кто изымавъ татя съ поличнымъ да отпуститъ, а себѣ посулъ возметъ, а намѣстники довѣдаются по заповѣди, ино то самосудъ, а опрочь того самосула нѣтъ. А кого утяжутъ въ рублѣ, и намѣстникомъ вины полтина; а того болѣ или менши, ино по тому жъ. А на Орлецѣ дворяномъ хожепого бѣлка; а ѣзды и позовы отъ Орлеца до Матигоръ 2 бѣлки, ѣзду до Колмогоръ 2 бѣлки, до Куръострова 2 бѣлки, до Чюхчелема 2 бѣлки, до Ухтъострова 2 бѣлки, до Кургіи 2 бѣлки, до Княжа острова 4 бѣлки, до Лисича острова 7 бѣлъ, а до Конечныхъ дворовъ 10 бѣлъ, до Нонаксы 20 бѣлъ, до Уны 30 бѣлъ; а съ Орлеца вверхъ по Двинѣ до Кривого бѣлка, до Ракулы 2 бѣлки, до Новолока 3 бѣлки, до Челмахты 4 бѣлки, до Емци 5 бѣлъ, до Калеи 10 бѣлъ, до Киріегоръ 17 бѣлъ, до Тоймы до Нижніе 30 бѣлъ; а на правду вдовое. А желѣзного 4 бѣлки, толко человѣка скуютъ, а пе будетъ по немъ поруки, а болѣ того дворянину не взяти ничего; а черезъ поруку не ковати; а посула вь желѣзѣхъ не просити, а что въ желѣзѣхъ посулъ, то не въ посулъ. А кто на кого челомъ бьетъ, дворяне и подвойскіе позовутъ къ суду, а онъ не станетъ у суда, и на того намѣстници дадутъ грамоту правую безсудную; а кто будетъ нетутошней человѣкъ, и нѣ его дадутъ на порукѣ. А отъ печати намѣстникомъ по 3 бѣлки; а дьякомъ отъ писма отъ судные грамоты 2 бѣлки; а сотскому и подвойскому пошлинка съ лодьи по пузу ржы у гостя. А кто осподарь огрѣшится, ударитъ своего холопа или робу, а случится смерть, въ томъ намѣстници не судятъ, ни вины не емлютъ. А приставомъ моимъ в. Князя въ Двинскую землю не въѣздити, всему управу чинятъ мои намѣстници: а надъ кѣмъ учинятъ продажу сильно, а ударятъ ми на нихъ челомъ, и мнѣ кня-

зю в. велѣти намѣстнику стати передъ собою на срокъ; а не станетъ, ино на того грамота безсудная и приставъ мой доправитъ. А гостю двинскому гостити въ лодьяхъ или на возѣхъ: съ лодіи на Устюзѣ намѣстникомъ 2 пуза соли, а съ воза 2 бѣлки, а того болѣ намѣстники не емлютъ у нихъ, ни пошлинники, ничего; а на Вологдѣ дадутъ съ лодіи 2 пуза соли, а съ воза по бѣлкѣ, а того болѣ не емлютъ у нихъ ничего; а въ лодіяхъ, или на возѣхъ коли поѣдутъ, и намѣстници устюжскіе и вологодскіе ихъ не уимаютъ. А на Устюзѣ, и на Вологдѣ, и на Костромѣ ихъ не судятъ, ни на поруки ихъ не даютъ ни въ чемъ: а учинится татба отъ двинскихъ людей съ поличнымъ, и нѣ поставятъ ихъ съ поличнымъ нередо мною передъ в. княземъ, и язъ самъ тому учиню исправу; а чего кто иметъ искати на нихъ, и нѣ учинятъ имъ срокъ передъ моихъ намѣстниковъ передъ двинскихъ, и нѣ учинятъ исправу имъ на Двинѣ. А куды поѣдутъ Двиняне торговати, ино имъ ненадобѣ во всей моей отчинѣ въ в. княженіи тамга, ни мытъ, ни костки, ни гостинное, ни явка, ни иные никоторые пошлины. А черезъ сю мою грамоту кто ихъ чѣмъ изобидитъ, или кто не иметъ ходити по сей грамотѣ, быти тому отъ мене отъ в. князя въ казни.

(*А. Арх. Эксп. I*, № *13*).

Обратить вниманіе, какъ сильно измѣнились прежніе законы: вмѣсто штрафовъ введены висѣлицы, клейменія и т. под.

184. Жалованная Новгородская ок. 1411.

Господину посаднику новгородскому Василью Микитичу, тысяцкому новгородскому Овраму Степановичу и всему господину Новугороду, на вѣцѣ на Ярославлѣ дворѣ, се били челомъ Степанъ Есиповичь и его братья, Ондреянъ Олександровичь и Ермола Левонтіевичь и Остафей Васильевичь, что они емлютъ у нашихъ сиротъ, на Терпиловѣ погостѣ поралье посаднице и тысяцкого не по старинѣ. И посадникъ, и тысяцкой и весь господине В. Новгородъ даша грамоту жалованную, на вѣцѣ на Ярославлѣ дворѣ, сиротамъ Терпилова погоста: давати имъ поралье посаднице и тысяцкого по старымъ грамотамъ, по 40 бѣлъ, да по 4 сѣва муки, по 10 хлѣбовъ. А кто крестьянинъ Терпилова погоста въ Двинскую слободу войдетъ, ино ему міряннну тянути въ Двинскую слободу; а который Двининъ слободчанинъ почнетъ жити на землѣ Терпилова погоста, а той потянетъ потугомъ въ Терпиловъ погостъ. А цѣмъ владѣлъ Савелій Григорьевичь и его братья, землею и водою и лѣсы, и полѣшими мѣсты солоными въ Унской губѣ, и всякими ловищами, и имъ тѣмъ владѣти и дѣтямъ ихъ. А кто сю грамоту переступитъ, и дастъ Новугороду сто рублевъ.

(*А. Истор. I*, № *17*).

185. Изъ Псковской Судной грамоты до 1467.

Се судъ княжей Ожъ клѣть покрадутъ за замкомъ, или сани подъ полстью, или возъ подъ титягою (*рогожа?*), или лодью подъ полубы, или въ яме, или скота украдаютъ или сѣно сверху стога, имать то все судъ княжой, а продажи 9 денегъ. А разбой, находъ (*нападеніе*), грабежъ 70 гривенъ; а княжая продажа 19 ден. да 4 ден. князю и посаднику. И владычню намѣстнику судъ и на судъ не судитъ; ни судіямъ, ни намѣстнику княжа суда не судите.

А которому посаднику сѣсти на посадничество, ино тому посаднику крестъ цѣловати на томъ, что ему судитъ право,

по крестному целованію, а городскими кунами не корыстоватися, а судомъ не мститися ни накогожъ, а судомъ не отчитись, а праваго не погубити, а виноватаго не жаловати, а безъ исправы человѣка не погубити, ни на суду, на вѣчи.

А князь и посадникъ на вѣчи суду не судить; судити имъ у князя на сѣнехъ, взираа на правду, по крестному цѣлованью. А не въсудятъ въ правду, іно Богъ буди имъ судіа, на второмъ пришествіи Христовѣ. А тайныхъ посуловъ не имати ни князю, ни посаднику.

А которому княжому человѣку ѣхать на приго(*ро*)дъ намѣстникомъ, ино целовати ему на томъ крестъ, что ему хотѣти Пскову добра; а судитъ прямо по крестному целованью....

А которой посадникъ слѣзетъ степени своей, орудіа и судове самому управливати, а иному насѣдъ (*другой сядетъ*), его судове не пересужати.

А кримскому (*храмъскому, домовому*) татю, и коневому и перевѣтнику, и зажигальнику, тѣмъ живота не дати. Чтобы и на посадѣ покрадется, ино дважды ѐ пожаловати, а изличивъ, казнити по его винѣ; и въ 3-й рядъ изличивъ, живота не дати, какъ крамъскому татю.

А коли будетъ съ кѣмъ судъ о земли ополней (*полевой*) или о водѣ; а будетъ на той земли дворъ или нива розстрадни (*распаханы*), а стражетъ и владѣетъ тою землею или водою лѣтъ 4 или 5, іно тому исцю съслатися на сосѣдъ, человѣкъ на 4 или на 5. А сусѣди ставъ, на коихъ шлются, да скажутъ какъ правъ предъ Богомъ, что чистъ; и той человѣкъ, которой послался, стражетъ и владѣетъ тою землею іли водою лѣтъ 4 или 5; а супротивенъ въ тѣ лѣта, ни его судилъ, ни на землю наступался или на воду; ино земля его чиста или вода, и цѣлованіа ему нѣтъ. А тако не доискался, кто не судилъ, ни наступался въ ты лѣта, о лѣшеи (*лѣсной*) земли будетъ судъ.

А положатъ грамоты и двои на одну землю, а зайдутъ грамоты за грамоты, а исца оба возмутъ межниковъ, да оба изведутца по своимъ грамотамъ; да предъ господою ставши, межникомъ межничство съимутъ; ино имъ присужати поле (*поединокъ*)....

А кто у кого иметь землю отымати выкупкомъ, а старые грамоты у того человѣка, у кого землю отымаютъ, ино воля того человѣка, у кого старые грамоты: хочетъ на поле лѣзеть, или своего исца къ правдѣ ведетъ, на его выкупке, покуду отнимаетъ.

А кто положитъ доску (*записи*) на мрътваго о блюденъѣ, а иметъ искати на приказникохъ того соблюденіа, серебра, или платіа, или круты, или иного чего животнаго, а тотъ умрьшей съ подрядною, и рукописаніе у него написано и въ ларь положено; ино на тыхъ приказникохъ не искати чрезъ рукописаніе, ни зсудіа безъ заклада и безъ записи, и на приказникохъ не искати ничего. А толко будетъ закладъ или запись, волно искати по записи, і кто животомъ владѣетъ по записи, или по закладу.

А у приказниковъ умръшаго, а не будетъ закладу, ни записи умръшаго на кого, ино имъ не искати ничегожъ, ни съсудіа, ни торговли, ни зблюденіа,—ничегожъ.

А у котораго умръшаго, а будетъ отецъ, іли мать, или сынъ, или братъ или сестра, или кто ближняго племени, а а животомъ владѣетъ, а толко не сторонніи людие, ино имъ волно искати безъ закладу и безъ записи умръшаго, а на нихъ волно жъ искати....

А кто иметъ искати зблюденіа по доскамъ, безимено, старины; ино тотъ не доискался.

А кто на кого иметъ сачатъ (*искать*) бою, или грабежу, по позовничи; и князь

и посадникомъ, и сотцкимъ обыскати какъ послухъ, гдѣ будетъ обѣдалъ, і гдѣ начавалъ; и послухъ изведется иночаемъ его, или гдѣ обѣдалъ; такоже и битого опросить: гдѣ есть били і грабили? Явили кому? и на тѣхъ ему слатся. А на кого сошлются, а тотъ ставъ скажетъ, какъ право предъ Богомъ, што битый являлъ бой свой, и грабежъ; а послухъ на судѣ ставъ, а послухуетъ (*засвидѣтельствуетъ*) въ тыеже рѣчи, ино тотъ судъ судитъ на того волю, на комъ сочатъ. Хочетъ съ послухомъ на поле лѣзетъ, или послухъ у креста положитъ, чего искалъ.

...А гдѣ учинится бой, у торгу или на улицы во Псковѣ, или на пригородѣ или въ селѣ на волости въ пиру, а грабежу не будетъ; а тотъ бой многы люди видели въ торгу, или на улицы, или въ пиру, а ставши передъ нами, человѣки 4 или 5, аркучи слово: *того бихъ*; ино кто бился, того человѣка ихъ душа выдати... битому человѣку; а княжая про той же битъ учнетъ клепать грабежомъ, ино ему ходитъ исца послухомъ однымъ человѣкомъ, того дѣля, занежъ и поле присужать.

А кто на комъ иметъ сочить съсуднаго серебра по доскамъ, а сверхъ того и закладъ положитъ; ино воля того человѣка, кто иметъ серебра сочить по закладу; хочетъ самъ поцелуетъ, да свое серебро возметъ, а хочетъ закладъ ему у креста положитъ; и онъ поцѣловавъ, да свой закладъ возметъ. А поле черезъ закладъ не присужати; а закладныхъ доскъ не посужати...

А кто иметъ даватъ серебро въ заимъ, ино дати до рубля безъ заклада и безъ записи; а болши рубля не давати безъ заклада и безъ записи...

А на которомъ человѣкѣ имутъ сочити долгу по доскамъ, или жонка, или детина, или стара, или немощна, или чемъ безвѣченъ, или чернецъ, или черница, ино имъ наймита волно наняти, а исцомъ цѣловати, а наймитомъ битись; а противъ наймита исцу своего наймита волно, или самъ лѣзетъ.

А которому человѣку поле будетъ съ суда, а ставъ на полѣ истецъ поможетъ (*пересилитъ*) своего исца; ино ему взять чего сачилъ на исцы, а на трутъ у кунъ неимати; толька ему доспѣхъ снати или иное што, въ чемъ на полѣ лѣзетъ. А виноватому платити и княжа продажа и приставное, двѣма приставомъ, толка побьются, по 6 денегъ; а толко прощеніе возмутъ, ино приставомъ по 3 ден., а князю продажи нѣтъ, ожъ истецъ чего не возможетъ.

А кто иметъ на комъ сочитъ торговыхъ денегъ по доскамъ, тотъ человѣкъ противоположитъ рядницу, а въ рядницы будетъ написано о торговли же, а противу той рядницы не будетъ во святей церкви въ лари, въ тѣжъ рѣчи другой; ино тая рядница повинити...

А которой наймитъ дворной, пойдетъ прочь отъ государя, не достоявъ своего урока; іно ему найму взяти по счету, а сочитъ ему найма своего за годъ, чтобы 5 родовъ или 10 годъ стоявши, и всѣхъ тыхъ ему годъ найма сочить какъ отиде за годъ сочить, толко будетъ найма неималъ у государя; а толко пойдетъ болши года, ино имъ не сочити на государехъ...

А которой государь (*хозяинъ*) захочеть отрокъ (*помощника*) дати своему изорнику (*пахарю*), или огороднекъ, или кочетнику (*рыболову?*), ино отрокъ быти о Ѳилиповe Заговенье; також захочетъ изорникъ отречися съ села, или огородинку, или четникъ, ино тому жъ отроку быти; а иному отроку не быти, ни отъ государя, ни отъ изорника, ни отъ кочетника, ни отъ огородника. А запрется изорникъ, или огородникъ или кочетникъ отрока государева, ино ему правда дать; а государь не доискался

чевверти, или огородной части, или съ ысады (*рыболовнаго затона, учуга*) рыбной части.

А которой кочетникъ заложитъ весну, или исполовникъ у государя; ино ему заплатити весна своему государю, какъ у другой чатѣ (*чети?*) доставалося на томъ же садѣ. А государю на изорники, или на огородники, или на кочетники волно и въ закличь своей покруты и сочить серебра, и всякой верши (*хлѣба*), по имени-или пшеница ярой или озимой, и ю отроку государеву или самъ отречется. А кто иметъ сочитъ торговли или поруки, или зблюденіа или ссудна, или выморшини безимянно; ино той не доискался.

А который человѣкъ у человѣка знаетъ свое што изгибшее; а тому молвитъ то слово: »купилъ есми на торгу, а тогожъ есми не знаю у кого пупилъ«. Ино ему правда дать на томъ, что чисто будетъ на торгу купилъ, а татемъ не подѣлился, а не поставитъ его, а самъ не укралъ, ни пословицы не было будетъ, ино тотъ не доискался.

А кто што купилъ на чужей земли, или на городѣ, или найдеть гдѣ, а а кто поимается толко, іно тотъ судить какъ въ торгу.

А кто почнетъ на волостеляхъ посула (*взятки*) сачить, да и портище (*платье*) соймеtъ, или конь сведеть, а молвить такъ: »въ посулѣ есми снялъ, или конь свелъ«;—ино быти ему въ грабежи, хто въ посули снялъ, или коня свелъ.

А княжимъ людемъ, или подвоскимъ ѣадитъ дворитъ, а ѣздъ имати на 10 верстъ денга; а штобы двое или трое ѣхали, а ѣздъ имъ взять одинъ. А княжой человѣкъ не поѣдетъ исъ тово, или подвоской, ино Псковитину послать исъ того волно, и съ тѣхъ же ѣздовъ.

А княжей писецъ възметъ по силѣ, истъцово отъ позовницы, или отъ безсудной грамоты, или отъ приставной; а захочетъ не по силѣ, ино волно индѣ написати, а князю запечатать. А не запечатаетъ князь, ино у святѣй Тройцы запечатать, въ томъ измѣны нѣтъ.

А коли и орникъ иметъ запиратся у государя покруты, а молвитъ такъ: »у тебе есми на селѣ живалъ, а тебѣ есми не виноватъ«; іно на то государю тому поставить люди сторонніе, человѣки 4 і 5, а тымъ людемъ сказати какъ прямо предъ Богомъ, какъ чисто на селѣ сѣдѣлъ; ино государю правда давши, взять свое, или изорнику вѣритъ, то воля государева. А только государь не поставитъ людей на то, что изорникъ на селѣ седѣлъ; ино тотъ человѣкъ покруты своей не доискался.

А на тати и на разбойники же, чего истецъ не возметъ, ино и князю продажа не взяти.

А же сынъ отца или матерь не скормитъ до смерти, а пойдетъ изъ дому; части ему не взять (*изъ наслѣдства*)...

А кто купилъ на торгу, а у кого купилъ не знаетъ его, а людемъ будетъ добрымъ вѣдомо, а у него имаются человѣкъ 4 или 5, скажутъ како право предъ Богомъ: »предъ нами въ торгу купилъ«; ино той правъ у кого имаются, и целованья ему нѣтъ. А не будетъ у коего свидѣтелей, ино ему правда дати, а то не доискался...

А татю вѣры не нять; а на кого воскленлетъ, ино домъ его обыскать, и знайдутъ въ дому его что полишное, и онъ тот же тать; а не найдутъ въ дому его, и онъ свободенъ.

А князю и посаднику грамотъ правыхъ не посужати, а лживыхъ грамотъ и доски обыскавши, правда судомъ посудити...

А посаднику всякому, за друга ему ему не тягатся, опрочь своего орудка (*дѣла*), или гдѣ церковное старощеніе дръжитъ (*гдѣ старостой*), ино имъ волно тя-

гатся. И всякому властелю за друга не тягатись опрочь своего орудія.

А за церьковною землею, в на судъ помочью сусѣди не ходятъ; итти на судъ старостамъ за церковную землю.

А одному пособнику (*ходатаю*) одного дни за 2 орудна не тягатся.

А которому человѣку будетъ кормля написанна въ рукописаніи, и да грамотами владѣть землеными начнетъ или исадскимъ, а продастъ тую землю или садъ, или иное что, а долячатъ того человѣка; ино ему земля та, или исадъ, или иное выкупити, а свою корьмлю покралъ...

А которому княжому человѣку ѣздити на межу съ сотьскими, ино ему такоже цѣловати крестъ. А коли имутъ тягатся о земли или о водѣ, а положать двои грамоты: ино одны грамоты чести дьяку княжому, а другіе грамоты чести дьяку городскому. А коли пріидетъ грамота съ пригорода, а ты грамоты и чести дьяку городскому.

А кто съ кимъ побьеться во Псковѣ, или на пригородѣ, или на волости на пиру, или гдѣ индѣ; а толко приставомъ не позовутся, а промежъ себе прощенье возмутъ; ино ту князю продажи нѣтъ.

А на приставное и на ссылку княжимъ людемъ ѣздить со псковскими подвоскими по половинамъ.

А княжой писецъ иметъ писати судницу о земли, ино ему отъ судницы взять 5 денегъ, а отъ позовницы денга, а отъ печати денга, а отъ безсудной и отъ приставной все то имъ имати по денги. А толко княжей писецъ захочетъ не по силѣ; ино индѣ волно написати, а князю запечатать. А не запечатаетъ князь, ино у св. Троицы запечатать; а въ томъ измѣны нѣтъ...

А которой изорникъ поумреть у государя на сели, а не будетъ у него ни жены, ни дѣтей, ни брата, ни племени; ино государю такожъ животъ (пожитки) изорничъ, съ приставами і и сторонними людьми попродаватъ, да за свою покруту (*порядъ?*) поимати, а потому племени изорничи, ни брату не сочитъ живота изорнича...

А у котораго человѣка помреть жена безъ рукописанія, а у ней останется отчина или животъ, ино женѣ его кормится до своего живота, толко не пойдетъ за мужь; ино ей нѣтъ...

А у кого помретъ сынъ, а невѣстка останется, да учнетъ на свекри или на дѣвери скруты своеа искати, или платья своего; ино свекру или дѣверю отдать платье или крута. А чѣмъ невѣстъка клеплетъ, іно свекру или дѣверю воля чимъ хочетъ; хочетъ самъ поцелуетъ крестъ, или у креста невѣстка положитъ, чимъ учнетъ клепати.

А кто на комъ учнетъ искать *сябренаго* (¹) серебра или иного чего, опрочь купетскаго дѣла и гостебнаго, да и доску положить на то; ино то судитъ на того волю, на комъ ищуть, хочетъ самъ поцелуетъ, или своему исцу у креста положитъ, іли съ нимъ на поле лѣзеть...

А гдѣ учинится (*у*) головшина, а долличатъ коего головника; ино князю на головникохъ взять рубль продажи. А штобы сынъ отца убилъ, или братъ брата, іно князю продажа.

А который человѣкъ съ приставомъ пріѣдетъ на дворъ татя имать и татбы искать, или дльжника имать, а жонка въ то время детя вывержетъ, да пристава учнетъ головшиной окладати или исца; ино въ томъ головшины нѣтъ.

А которой истецъ на суднѣй ротѣ не станетъ, ино ему заплатитъ безъ целованья; а цѣна ему, что искали на немъ.

А которой человѣкъ при своемъ животѣ или предъ смертію, а что дасть своею,

---

(¹) Т. е. общаго, компанейскаго. *Шабры*—сосѣди, *сябро*—общество, которое дѣлаетъ одно какое-либо дѣло.

рукою племяннику своему платно, или іное что животное, или отчину, да и граматы дастъ предъ пономъ, іли предъ сторонными людьми, ино тому тѣмъ даньемъ владѣть, чтобы и рукописаніа не было.

А кто иметъ на комъ торговли искать или порукы, или іменного чего, ино того судити на того волю, на комъ сочатъ; хочетъ на поле лѣзеть, іли у креста положитъ.

А которой мастеръ иметь сочить на ученики учебнаго, а ученикъ запрется, ино воля государева, хочетъ самъ поцелуетъ на своемъ учебномъ, или ученику вѣрить.

А подсусѣдникъ на государи ссуды или іного чего волно искати, а которому съ кимъ суплетка была записью или закладомъ, і потомъ тотъ человѣкъ, которой въ записи былъ, іли закладъ закладывалъ кому, да учнетъ на тойже чего іскать—ссудья или зблюденья, іли иного чего, по доскамъ или по торговли; ино то судити судомъ по псковской пошлинѣ.

А которыи исцы вымутъ на умершаго закладъ, грамоты двои іли трои, или пятеры на одну землю, или на воду, или на одинъ дворъ, на одну клѣть, а у тѣхъ исцовъ у кого закладъ, грамоты сверхъ того и записи, і на того умершаго и на его закладъ, и у иныхъ истцовъ не будеть записи, толко закладъ грамотъ; ино имъ правда давши, да делятъ по дѣломъ і по серебру, колко серебра, ино доля ему по тому числу. Ожъ ближнее племя восхощетъ закладъ выкупить, а у коего исца закладъ і записи на умершаго; ино ему целованья нѣтъ на его дѣло.

А которой чужейземецъ на чюжей земли иметь искать бою и грабежу, ино воля того на комъ ищуть; хочетъ самъ поцелуетъ, какъ будетъ его ни билъ, ни грабилъ, іли ему у креста положитъ, чего на немъ ищуть.

А кто съ кимъ ростяжутся о земли или о борти, да положатъ грамоты старые и купленую свою грамоту,—и его грамоты зайдутъ многихъ бо сябровъ земли, и борти и сябры вси станутъ на суду въ одномъ мѣстѣ отвѣчаючи. Ктожъ за свою землю или за борть, да и грамоты предъ господою покладутъ, да и межниковъ возмутъ, и той отведутъ у стариковъ, по своей купной грамотѣ, свою часть; ино ему правда дати на своей части, а целованью быть одному. А поцелуетъ во всѣхъ сябровъ,—іно ему и судница дать на часъ, на которой поцелуетъ.

А кто коли закладъ положить въ пѣнезехъ что-любо, а потомъ времяне иметъ пѣнязи отдавати, а своего заклада проситъ, і онъ запрется его закладу, а молвитъ такъ: »тебѣ есми пѣнязь не давалъ, а у тебѣ есми закладъ не взялъ»; іно той судъ какъ зблюденію, на три воли тому человѣку, на комъ сочатъ: захочетъ самъ поцелуетъ какъ зацимъ закладъ не будетъ; или ему закладную цѣну, цѣною положить у креста; іли съ нимъ на поле лѣзеть.

А которой строкѣ пошлинной грамоты нѣтъ, и посадникомъ доложити господина Пскова на вѣчѣ, да тая строка написать. А которая строка въ сей грамоте не люба будетъ господину Пскову, ино та строка волно выписать вонь изъ грамотъ.

А попы и діаконы и проскурница, и черньча и черница судить намѣстнику владычню. Аже попъ или діаконъ, или противу черньца или черницы жъ, а будетъ обаи ме простые люди церковные, ино не судить князю, ни посаднику, ни судіамъ не судить, занежъ судъ владычня намѣстника. А будетъ одинъ человѣкъ простый истецъ мирянинъ, аже церковный человѣкъ съ церковнымъ, то судити князю и посаднику съ владычнимъ намѣстникомъ вопчи; такожъ и судіямъ.

У котораго человѣка имутся за конь или за корову, или за иную скотину, чтобы и за собаку, и тотъ молвитъ: »то у

мене свое рощеное; іно ему правда дати, какъ чисто рощеное *(доморощеное)*.

А кто предъ господою (*властями, судьями*) ударитъ на судѣ своего истьца, ино его въ рубли выдать тому человѣку; а князю продажа.

А боранъ присужать 6 денегъ, а за овцу 10 ден. государю; а судьи 3 ден., старая правда. А за гусакъ и за гусыню присужатъ по 2 ден. государю, на суде 3 ден. А за утицу и за селезня, и за куръ, і за кокощь присужатъ по 2 ден.

А братьщина судитъ какъ судия. А кто съ кимъ на пьяни менится чимъ, іли что купитъ, а потомъ проспятся, и одному исцу не любо будетъ, іно имъ размѣнится; а въ томъ целованіа нѣтъ, ни присужати.

А княжимъ людемъ по дворамъ корьмы не держать, ни во Псковѣ, ни на пригородѣ, ни въ ведро, ни въ корецъ, ни бочкою меду не продавати.

А кто зажоги на комъ учнетъ сочитъ, а долики ни каковы не будетъ, іно на волною роту *(клятву)* позвать вольно.

А кто у кого бороду вырветь, а послухъ опослуществуетъ; іно ему крестъ целовати, и битися на поли, а послухъ изможетъ, ино за бороду присудити два рубля и за бой. А послуху быти одному.

А корову купить за слюблено, а по торговли телятъ не сочитъ; а толка корова кровью помачиватся иметъ; іно тая корова назадъ воротити, чтобы (*если*) і денги заплачены были.

А жонки зъ жонкою нрисужать поле, а наймиту отъ жонки не быти ни съ одну сторону.

А кто учнетъ на комъ сочить бою 5 человѣкъ іли 10, іли сколко ни буди, на 5, іли на одномъ боевъ своихъ да утяжутъ; іно имъ присужать всимъ, за вси боеви одинъ рубль, и княжая продажа одна.

(Пск. Судн. Грам., изд. Н. Мурзакевичемъ. Одесса, 1847).

Псковская Судная грамота представляетъ драгоцѣнный образецъ нашего стариннаго вѣчеваго законодательства: она указываетъ на основныя постановленія, судебную форму, должностныя лица, ходъ дѣла, вознагражденіе тяжущихся и судей законными пошлинами и пр. Все это рисуетъ предъ нами въ живыхъ образахъ картину гражданскаго быта псковской области въ XIV и въ XV в. Псковская Судная грамота составлена изъ грамотъ, данныхъ древними князьями и составленныхъ псковскимъ вѣчемъ; полное оглавленіе говоритъ объ этомъ ясно: «Ся грамота выписана изъ вел. кн. Александровы грамоты, і изъ княжь Констянтиновы грам., і изо всѣхъ приписковъ псковъскихъ пошлинъ, ***по благословенію отець своихъ поповъ всѣхъ 5 съборовъ, и священноиноковъ, і діяконовъ и всего божіа священьства, всѣмъ Псковомъ на вѣчи, въ лѣто 6975 (1467)». Въ этомъ году присланъ былъ изъ Москвы намѣстникомъ во Псковъ в. кн. Θедоръ Юрьевичъ Шуйскій, и псковичи, для огражденія своей самостоятельности, составили грамоту на основаніи старинныхъ правилъ*** судовъ судити, ***п. ч. «изъ вѣковъ княжіе намѣстники не бывали». Обезпечивая свой*** самосудъ ***на всѣхъ своихъ пригородахъ, они заставили Шуйскаго крестъ цѣловать и сдѣлали на вѣчѣ выписки изъ старыхъ грамотъ Александра Мих. Тверскаго, который былъ у нихъ 1327—1329 и 1351—1356 г. и кн. Константина Дим. Бѣлозерскаго, роднаго брата Вас. Димитріевича, в. кн. московскаго, правившаго Псковомъ въ 1407 г. Изъ этого «Самосуда господина Пскова» заимствовано много полезныхъ правилъ въ Сборникъ московскаго законодательства 1497 г.***

См. ист. княж. пск. ***М. Евгенія.*** Кіевъ 1831, ч. II, 16 и 22. Законы в. кн. Іоанна Васил. и Судебникъ царя Іоанна Васил., изд. ***К. Калайдовичемъ*** и ***П. Строевымъ.*** М. 1819. Истор. госуд. рос. ***Карамзина*** V, пр. 404. Изслѣд. Псковской Судной Грам. ***Устрялова.*** Спб. 1856. Гражданскіе законы пск. Судной Грам. ***Энгельмана.*** О псковс. Судной Грам. К. М-го Сѣв. обозр. 1850, № 2 и 3.

3. НЕДОСТАТКИ ДРЕВНЯГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

186. Изъ посланія Никифора м-та кіевскаго къ в. кн. Володиміру до 1121.

Благословенъ Богъ, и благословено св. имя славы его, благословене и прославлене мои княже! Иже многыя ради своеа благости и человѣколюбіа, сподобивъ ны доити въ пречестныя дьни сіа св. поста, ихже яко строитель нашего спасенія, въ душевное очищеніе душь нашихъ възаконилъ есть, постився и самъ, на извѣщеніе своего вѣчеловѣченіа 40 дьніи; не постъ трѣбуя, но намъ образъ показуя постъ....

Многа ина имѣлъ быхъ изрещи на похваленіе поста, аще иному бы было писаніе се; а понеже к тобѣ, добляя глава наша и всеи христолюбивои земли, слово се есть: его же Богъ издалеча проразумѣ и прѣдповелѣ, его же изъ утробы освяти и помазавъ, от царское и княжьское крови смѣсивъ, его же благочестіе въспита и постъ въздои, и святаа Христова купель из младъ ногтіи очисти; то не потрѣбно есть о постѣ бесѣдовати ти, и паче же о непитіи вина или пива въ врѣмя поста. Кто бо не вѣсть твоего исправленіа сего? Ни тои, иже оттинудь невѣжа, или не чювьственыи, не разумѣеть ихъ. И видять вси и чюдяться. Въ образъ же наказаніа, по церьковному уставу, ина нѣкая изложимъ твоему благавѣрію, и добрыхъ ти источникъ скажемъ от нихже наводняютца благаа, истѣкають въ человѣцѣ по правдѣ творящимъ благая, и истѣкають якоже благымъ; ащели противнѣ о нихъ, и по криву приложатся; то в путь злобы и в ровъ и въ пропасти уклонится...

Вѣда буди, благородныи княже! божественымъ вдохновеніемъ сътворена бысть душа, иже и по образу божію създанѣ быти глаголеть. Та душа от тріи части есть, рекше силы имать 3: *Словесное* и *яростное* и *желанное* (¹).

»Словесное» (*т. е. умственное — логикос*) убо старѣе есть, и выше всѣхъ; посему бо кромѣ есмъ всѣхъ животинъ, тѣмъ бо небо и прочаа вся сътворепаа разумѣхомъ и к разуму божію взидохомъ, елико насъ добрѣ словесное съблюдохомъ. И вижь Авраама, како мужь сыи невѣжа и звѣздословіа придръжася, и от звѣзднаго хоженіа и от стояніа ихъ позна Творьца, и вѣрова въ Бога... Прежде же Деньница ангелъ, нынѣ темныи діаволъ, словесенъ сыи, и не по правдѣ пріимъ словесное, но равенъ быти Богу пьщевовъ, за гордость его спаде съ небесъ с чиномъ своимъ...

Второе же »яростное« (*т. е. страстное или чувство—оимикос*), иже имать еже къ Богу ревность, и еже на божіа врагы месть; есть же и съ нимъ и злоба и зависть, якоже и въ словеснѣмъ, благовѣрьство и зловѣрьство. И вижь, что съключися от злаго: оставивъ Каинъ добродѣтель яростнаго, иже къ Богу ревность, а злобу избра и зависть, и уби брата сво-

(¹) Здѣсь разумѣются три силы души: умъ, сердце и воля. Это психологическое ученіе взято изъ византійскихъ источниковъ.

его Авеля, и въ землю осуженъ бысть мщеніи отъ Бога. Но Моисій не тако съхрани гнѣвнаго, нъ видѣ мужа Египтянина, біюща Жидовина, и уби его, ревности ради божіа....

Третіе же »желанное« (*т. е. воля— епіѳимитикос*), иже добродѣтель убо имѣеть, еже къ Богу волну-имѣти желаніе, и забывати инѣхъ и о ономъ промышляти просвѣщеніи, от него же сіаніе бываеть божіе и раздирается вретище, по пророку Давидови, глаголющи: обратилъ еси плачь мои на радость мнѣ, растръже вретище мое, и препояся мя въ веселіе. Веселіе же то ражается отъ зла и страданія Бога ради; от веселія же того ростеть сѣмя животное, от того чудотворенія, от того прорицанія будущимъ, от того человѣкъ Богу по силѣ приближается, и по образу и по подобію бываеть, и на земли сын, по образу създавшаго и Бога.

Увѣдалъ еси, княже человѣколюбивыи и кроткыи! симъ словомъ тричастное душа. Увѣжь же слугы ея, и ея воеводы, и споминателя; или же служима бываеть, бесплотна сущи, и пріимаеть въспоминаніа. Та убо душа сѣдить въ главѣ, умъ имущи, якоже свѣтлое око въ себѣ, и исполняющи все тѣло силою своею, якоже бо ты, княже, сѣдя здѣ в сеи своеи земли, воеводами и слугами своими дѣйствуеши по всеи землі, и самъ ты еси господинъ и князь; тако и душа по всему тѣлу дѣйствуетъ пятью слугъ своихъ, рекше пятію чювьствіи: очима, слухомъ, обоняніемъ, еже есть ноздрима, вкушеніемъ и осязаніемъ, еже еста руцѣ. И *видѣніе* убо есть чювьственное вѣрно, и его же видить, аще не без ума, то вѣрно видимъ; *слухъ* же въ другаа мѣста истинна, а въ другаа мѣста лжа. И почто нѣсть, княже мои, яко же и видѣніе, такоже и слухъ? недоумѣю убо о семъ азъ; но пакы тлъкують, яко видѣніе предняа убо видить, зади же тѣла не видитъ; слухъ же и преди глаголющому слышитъ, и зади въпіющему разумѣеть; и подобаеть яко единому видящу очима вѣровати, слуху же не вѣровати, ни не вѣровати, но испытаніемъ и судомъ многомъ творити слышимая: ти тако износити отвѣтъ. О *обоняніи* же, иже гонить благоуханіе, что подобаетъ глаголати к такому князю, иже боле на земли спитъ и дому бѣгаетъ, и свѣтлое ношеніе портъ отгонитъ, и по лѣсомъ ходя сиротину носить одежду, и по нужи въ градъ въходя, власти дѣля, въ властельскую ризу облачиться? И о *вкушеніи* такоже, иже въ брашнѣ и питіи бываеть. И вѣмы, яко же инѣмъ на обѣдѣ свѣтлѣ готовиши, и бываеши всѣмъ всяческая, да всѣхъ прибрящеши, и законныя и беззаконныя, величества ради княжьскаго; и самъ убо служити, и стражеши рукама своима... *Рука* твоя по божіеи благодати къ всѣмъ простираются, и николиже ти съкровище положено бысть, ли злато, ли сребро ищьтено бысть, но вся раздавая, и обѣма рукама истощая даже доселѣ. Но скотница (*казна, кладовая*) по божіи благодати не скудна есть и неистощима, раздаваема и не оскудѣваема; и не ицѣли ти Христосъ руку по възмужаніи, но якоже родися здравую имѣлъ еси, и имѣти имаши надѣяся на Христа.

Почтоже словеса си простроxъ и долго рековахъ? Да разумѣеши, княже мои, яко болю о тебѣ; и якоже тѣлесніи врачеве, оже любять болящаго, то бдять и первую вину недуга пытаютъ: ти тако творять извѣстно разумъ недуга. Такоже и азъ сътворихъ, и первую вину испытахъ, и по душевнымъ жиламъ испытавъ, обрѣтохъ...

Пять же чювствію испытавъ: по видѣнію непреткновена тя обрѣтаю, и по второму, и по третіему же такоже, еже есть вкушь, и уне рукы такоже. О вторѣмъ же чювствіи и о слусѣ не имамъ постиженіа, княже мои, изрещи что извѣстно; мнить же ми ся, яко не мога самъ вся

творити очима своима, от служащихъ орудіемъ твоимъ и приносящимъ ти въспоминаніа, то от тѣхъ нѣкако приходить ти пакость душевнаа, и отвѣрсту сущу слуху, тѣмъ единѣмъ стрѣла входить ти; того ради Соломонъ повелѣваеть намъ глаголя: «блюдѣте, да не смерть внидеть оконци вашими». О семъ испытаи, княже мой, о томъ помысли: о изгнанныхъ отъ тебе, о осуженыхъ отъ тебе наказаніа ради, о прѣзрѣныхъ; въспомяни о всѣхъ, кто на кого изреклъ, и кто кого оклеветалъ, и самъ судія разсуди таковыя, и якоже отъ Бога наставляемъ, всѣхъ помяни, и тако сътвори и отпусти; да ти ся отпуститъ, и отдаждь, да ти ся отдасть.

Аще бо не отдамы, якоже Христосъ глаголеть, грѣхопаденія человѣкомъ, ни отецъ небесный оставить намъ прегрѣшеній нашихъ. Но и всуе нарицаемъ отца Бога, и глаголемъ къ Нему лжуще: «остави долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ». Не опечали же ся, княже мой, о семъ словеси; или мниши, яко кто приде къ мнѣ *печаленъ* (¹), и того дѣля написахъ ти се? ни; тако ли благовѣрія твоего, но просто тако написахъ на воспоминаніе тебѣ, яко великія власти и великомъ воспоминаемъ требують и многъ, яко и вельми пользують, и велику пакость имѣють. И сего ради дерзнухомъ мы, яко уставъ есть церковный и правило, во время се и ко княземъ глаголати что полезное. Не вѣдаемъ бо сего, яко грѣшници оструплени суще, и гноемъ истекающе инѣхъ цѣлити начинаемъ; но во всемъ семъ ни едина же пакость. Аще бо и мы таци, но слово божіе, иже въ насъ, здраво есть и цѣло...

.....Тако Бога поминая блаженъ будеши, храняй судьбу и творяй правду во всяко время. Аще тако твориши, то созиждети домъ душевнаго спасенія, и не въ пустошь созиждеши; и тако сохраниши градъ, еже есть душа твоя, и не всуе будеши бдѣлъ; и тако потребиши изъ нея злыя совѣтники, рекше лукавыя помыслы. Сія ти совершеному, яко совершеннѣйшу тѣхъ; помянай о осуженныхъ отъ тебе, и исправи кто кого оклеветалъ, и самъ разсуди; и прости ихъ, да прощени будемъ. Яко свѣтило въ мірѣ, животное слово имѣя, и дѣла твоя: благовѣріе, правду, судьбу нелицемѣрну, и милость, и отпущеніе, и еже выну взирати къ церкви царствующимъ и князю княземъ, и предъ очима имѣти его, якоже имѣеши... И едино ти реку на конци, христолюбивый Княже мой, мало; воспоминаніе имѣй третьяго псалма, первого часа, иже есть 100, и съ вниманіемъ его пой: милость и судъ пою Тебе, Господи, и прочая его, и той есть истинный икунникъ царское и княжеское икуны (*копія съ подлинника*).

(*Рус. Дост. I, 71—75*).

Митроп. Никифоръ (1104—1121) родомъ Грекъ и высказалъ въ посланіи византійскія воззрѣнія. Какъ человѣкъ благородный, онъ считалъ нужнымъ замѣтить вел. князю, что не слѣдуетъ внимать всякимъ слухамъ и довѣрять окружающимъ; но онъ высказалъ это съ удивительной осторожностью, мало по малу, при помощи многихъ изворотовъ и оборотовъ ораторскихъ. Посланіе какъ будто писано по случаю поста—и отвлеченно отъ жизни; но по всему видно, что главной цѣлью его было—дать знать Мономаху, чтобы онъ самъ судилъ и не довѣрялся другимъ, по милости которыхъ многіе невинно изгнаны и осуждены княземъ. Кромѣ посланій къ Владиміру Мономаху о латынѣ и по случаю наступленія поста, митр. Никифоръ написалъ: 1, поученіе въ недѣлю сыропустною и 2, написаніе на Латыну ко князю Ярославу.

Ист. рус. цер. Макарія II, 320—327. Памят. XII в. 157—163, Рус. Дост. I, 71—75.

(¹) Митрополитъ указываетъ на обычай *печалованія* или заступничества духовенства предъ княземъ за невинныхъ.

187. Бесѣда тверскаго епископа Симеона съ полотскимъ княземъ Константиномъ послѣ 1289.

Князь Константинъ полотскій въспроси владыки Симеона тферьского, гдѣ быти тіуномъ нашимъ на ономъ свѣтѣ? И рече владыка: »гдѣ и князь«. Князь же о томъ не полюби на владыку, глаголя: тіунъ не право судитъ, мзаду емлетъ, зло дѣетъ; азъ что дѣю? И рече ему владыка: »аще будетъ князь добръ, и жалуетъ люди, и того ради избираетъ властеля мужа добра, страха божіа полна, разумна и праведна. Князь будетъ въ раи, а тіунъ его съ нимъ. Аще ли будетъ князь безъ страха божіа, и христіанъ не имать жаловати, и онъ поставляетъ властелина зла, невѣдуща; толико бы ему кунъ (денегъ) добывалъ; напустилъ его, аки гладна пса на стерво, люди губити; и князь его будетъ въ адѣ, а тіунъ его съ нимъ. Но глаголю вамъ, царемъ и княземъ и намѣстникомъ: утѣшайте скорбящихъ, избавляйте убогихъ отъ рукъ сильныхъ: сіи бо отъ богатыхъ обидими суть и притекають къ вамъ, яко затишникомъ благымъ; но вы, цари и князи и намѣстници, подобни есте тучи дождевнѣй, иже истечетъ надъ моремъ во время ведра, а не надъ землею жаждущею воды: вы тѣмъ болѣ даете и помогаете, у нихъ же много злата и сребра, а не тѣмъ, иже не имутъ ни пѣнязя (мелкой монеты) бѣдныхъ порабощаете, а богатымъ даете«.

(*Ист. Гос. рос. IV, пр 178*).

Въ Поученіи Мономаха есть намекъ на недостатки суда приближенныхъ къ князю, а также въ словѣ Даніила Заточника; въ 1-мъ словѣ Серапіона и въ поученіи до 1350 г.

Въ Мѣрилѣ Праведномъ XIV—XV в. помѣщены: 1, Слово на немилостивые князи 2, Слово о гордости властителей 3, Слово о судіяхъ и властеляхъ, емлющихъ мзду 4, Слово о судіяхъ и клеветахъ (Архивъ *Калачова* 1, 30 - 38; Рус. Дост. ч. 11). Въ последнемъ словѣ читаемъ: »Иже бо безъ правды тіунъ, погождо осудивъ, продаетъ и тѣми кунами купитъ собѣ ясти и пити и одѣяніе себѣ, и ваить тѣми кунами купять обѣды и пиры творятъ: се же, якоже рекохомъ, стадо Христово во ядали есте татемъ и разбойникомъ«. (Обзоръ *Филарета* 59).

Б. ПАМЯТНИКЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

188. Повѣсть о Шемякиномъ судѣ.

В нѣкіихъ мѣстехъ живяше два пустынника, единъ богатъ, а други убогъ. Богатый же, ссужая многолѣта убогого, и невозможе его скудности исполнити. И по неколику времени пріиде убогій к богатому брату просити лошади, на чемъ бы ему из лѣсу дровъ превести. Братъ же богаты нехотя убогому брату лошади дати, и рече ему: брате, ссужахъ тебя много, а наполняти тебя не могу. И даде ему лошадь. І нача у него просити. Хомута нѣтъ. И оскорбися на него богаты братъ, и нача ему поносити, і рече ему: »како брате, что у тебя и хомута нѣтъ?« И не даде ему хомута. Убоги же поиде к себѣ, и пришедъ взя свои дровни, и привяза дровни к лошеди за хвостъ, і поиде в лѣсъ, і насѣкши дровъ і накладчи надровни елико лошеди возможно везть, і повезе ко двору своему, і привезши дро-

ва, і отворивъ ворота, а подъ воротни забывъ выставить, ударивъ лошедь кнутомъ, лошедь же изо всѣй мочи бросяся з возомъ черезъ подворотню і хвостъ у себя оторвала. Убоги же вземъ лошедь, приведе ко брату своему богатому; братъ же расмотря, что лошедь его безъ хвоста, і невзявъ у него лошеди, і поиде на него бить челомъ во градѣ в лошеди; (убогій) за нимъ же, вѣдая, что будетъ по него из города присылка, чтобъ ему ѣзду пристовомъ не платити. І пріидоша до нѣкоего села недоходя города. Богаты поиде ночевать к попу того села по знакомству; убоги же братъ пріиде к тому же попу, і пріиде ляжя на полати, а богаты братъ нача попу сказывати про лошедь свою, чего ради ідетъ в городъ попу познатомъ, (потомъ?) нача попъ з богатымъ ужинать, і пити, і ясти, убоги же нача с полатей смотрити, что з братомъ его пьетъ и ѣстъ, а ево не позовутъ. І незапу убоги урвася с полатей на зыбку, а в зыбкѣ удави попова сына до смерти. Попъ же, видя сына своего смерть, і совершася з богатымъ, пошелъ в городъ бить челомъ на убогово же въ убиствѣ сына своего. И пріидоша ко граду, гдѣ живяше судия Шемяка. Убоги же иде за ними; и внидоша все во градъ, и какъ убоги поіде мостомъ, мостъже здѣланъ над глубокимъ рвомъ; и нѣки человѣкъ, житель того града, рвомъ под мостомъ везъ отца своего в баню; убоги же размышляя в себѣ, что ему от брата и от попа будетъ погибель, и умысля в себѣ, и хотя самъ себѣ смерти предати, бросися с мосту в ровъ и упаде на старого человѣка... везъ в баню. Убоги же до смерти уби его. Того жъ убогово поимавъ все, и привиде пред судию Шемяку. Убоги же мысляше, какъ бы ему бѣди избыти, и умысля, взя камень, і заверте в платъ, і положи в шапку, и ста пред судиею, и принесе братъ его исковую челобитную в лошеди і подаде судьѣ. Судия жъ выслушавъ челобитную в лошеди, і рече судия убогому: *отвѣщай*: Убоги же невѣды, что отвѣщати, и вынявъ из шапки в платѣ заверченный камень, и показа судѣ и поклонися. Судия жъ надѣяся, что ему от дѣла сулилъ, и рече судия истцу богатому брату: когда братъ твой у лошеди оторвалъ хвостъ, и ты у него лошеди не емли, до тѣхъ мѣстъ, какъ у лошеди хвостъ выростетъ: в то время у него лошадь і возми. І потомъ нача другій судъ быти, і подаде попъ исковую челобитну в мертвомъ сынѣ своемъ; той же убоги также выня платъ с каменемъ и таможъ суде показалъ. Судья же видѣ и помысли, что ему от другова суда сулилъ убоги же,—рече судия попу: когда той убоги ушибъ сына твоего, ты, попъ, отдай тому убогому свою попадю *(т. е. пока она родитъ сына)*. По томъ нача третій судъ быти, что билъ челомъ сынъ во отцевой смерти, что той убоги же бросился с мосту ушибъ у него отца. Убоги же вынявъ из шапки той же заверченный камень в платі, показа суде, судя же чая, что ему третѣ узолъ сулилъ, и рече исцу: взыди ты на мостъ, а ты, убоги же, стань подъ мостомъ; і с мосту бросись на того убогого, якоже бросился онъ на отца твоего. Убоги же нача Бога хвалити, что судия по немъ судъ судилъ. Послѣ суда изыде исцы со отвѣчикомъ ис приказу, і нача богаты просити убогово лошеди своей. Онъ же рече ему по судейскому: какъ у лошеди твоей хвостъ выростетъ, в ту пору и лошедь тебѣ отдамъ. Богаты же даде убогому брату своему 5 рублевъ денегъ, чтобъ онъ лошедь ему отдалъ... Потомъ же убоги нача попади просити по судейскому указу, чтобъ ему взявъ попадю ребенка у ней добыть и с ребенкомъ бы попу попадю отдать; попъ же нача убогому бити челомъ, чтобъ у него попади не ималъ; а убоги же нача проситися и пападю хотя у попа взяти, і даде попъ убогому за попадю 50 рублевъ денегъ, да кобылу з жеребенкомъ, да быка с коровою, да запасу всякаго хлѣба 40 четвертей. Потомъ же нача убоги третему исцу по судейскому указу говорить: я де стану под мостомъ, а ты взыди на мостъ, и ты с мосту бросися на меня также, яко же азъ на отца твоего, Онъ же размышляя в себѣ: аще мнѣ броситися, ево будетъ неубити, а себя буде убити. І нача истецъ миритися и даде ему 30 рублевъ денегъ, да лошедь с коровою. Судия же высла человѣка своего ко отвѣтчику и велѣлъ у его взять показанныя три узла взяти. Человѣкъ же судейской нача у него трехъ узловъ просити, онъ же, вынявъ из шапки заверченной камень в платѣ, показуя тому человѣку, и человѣкъ нача его вопрошати; что то за камень кажешь? Онъ же рече: я—де того ради сей камень здѣ казалъ, того какъ бы онъ не по мнѣ судилъ, і я тѣмъ камнемъ хотѣлъ его ушибяти. І пришедъ человѣкъ и сказа суде. Судья же, слышавъ человѣка своего, і рече: благодарю и хвалю Бога моего, что я по немъ судилъ, акъ бы я не по немъ судилъ и онъ бы меня ушибъ. Потомъ убоги отиде в домъ свой, радуяся и хваля Бога.

(Пам. стар. Литер. II, 405—406).

О Шемякиномъ судѣ. Лѣт. Рус. Литер. V, 34. *Я позволилъ себѣ этотъ поздній памятникъ отнести сюда потому, что преданіе о Шемякиномъ судѣ, послужившее для него основой, относится къ древнему до-московскому періоду нашей исторіи.*

4. СНОШЕНІЯ РУСИ СЪ ИНОСТРАНЦАМИ.

189. Договоръ Игоря съ Греками 945.

Мы отъ рода Русьскаго послы и гостіе в. кн. Игоря, (главный?) посолъ именемъ Иворъ, и гостіе и общіи послы: Вуефастъ, (слуга?) Святослава, сына Игорева, Искусевы, Олги княгини слуги, Игоревъ нетій Улѣбъ Володиславль, Канинаръ Передславинъ, Шихбернъ, (нетій?) Сфандры, жены Улѣбовы, Прастѣнъ Турдубъ и Лабіаръ Фастовъ, Гримъ Свирковъ, Прастенъ Якунъ, нетій Игоревъ, Кары, Тудковъ, Каршевъ, Турдовъ, Егріе Влисковъ, Войстъ Войковъ Истръ Аминдовъ, Прастѣнъ Берновъ, Ятвягъ Гунаревъ, Шибринъ, Алданъ Кококлековъ, Стеггіетоновъ, Сфирка, Алвадъ Гудовъ, Фудри Тулдовъ, Мутуръ Утинъ купецъ,— Адунъ Адуловъ, Иггивладъ, Улѣбъ, Фрутанъ Гомолъ, купцы, Емигъ, Туробридъ, Фурстѣнъ Брунылдъ, Гунастръ, Фрастѣнъ, Ингельдъ, Турибенъ, Моны, Руалдъ, Свѣнъ Стиръ, Оллапъ, Телина, Путаръ, Свѣнъ Вузелѣвъ и Синко Боричь, посланіи отъ в. кн. русьскаго Игоря, и отъ всѣхъ князей русьскихъ и отъ всѣхъ людій земли Русьскія. И отъ тѣхъ всѣхъ заповѣдано, обновити ветхій миръ, и ненавидящаго добра и враждолюбца діавола лукавая плетенія разорити, отъ многихъ лѣтъ утвердити миръ и любовь межи Греки и Русію.

Великій князь Игоръ и князи и бояре его и людіе вси русьстіи, послаша къ Роману и Константину и Стефану, къ вел. царемъ греческимъ сотворити миръ и любовь съ самыми царями и со всѣмъ боярствомъ, и со всѣми людьми греческими, на вся лѣта, дондеже сіяетъ солнце и весь міръ стоитъ. Иже помышляютъ отъ страны Русьскія разрушити такую любовь, елико ихъ крещеніе пріяли суть, да пріимутъ местъ отъ Бога вседержителя, осуженіе на погибель въ сій вѣкъ и въ будущій; а елико ихъ некрещены суть, да не имутъ помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими и да посѣчены будутъ мечи своими и отъ стрѣлъ и отъ иного оружія своего и да будутъ рабы и въ сій вѣкъ и въ будущій.

1) Великій князь русьскій и бояре его, да посылаютъ на то въ Греки къ в. царемъ греческимъ корабль, елико хотятъ, съ послы своими и съ гостьми, якоже имъ уставлено есть носяху послы печати златы, а гостіе сребряны; нынѣ же увѣдѣлъ есть князь вашъ посылати грамоту ко царству нашему, иже посылаемы бываютъ отъ нихъ же послы и гостіе, да приносятъ грамоту, пишучи суще: яко послахъ корабль се елико, и отъ тѣхъ, да увѣмы и мы, оже съ миромъ приходятъ. 2) Аще ли безъ грамоты пріидутъ и преданы (и) будутъ намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже възвѣстимъ князю вашему; ащели руку не дадятъ и противятся, да убіены будутъ, да не изыщется смерть ихъ отъ князя вашего; ащели убѣжавше, пріидутъ въ Русь, и мы напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако сотворятъ. 3) Аще пріидутъ Русь

безъ купли, да не взимаютъ мѣсячины. 4) И да запретитъ князь словомъ своимъ приходящимъ Руси здѣ, да не творятъ безчинія въ селехъ, ни въ странѣ нашей ничтоже зла. 5) И приходящимъ имъ, да витаютъ у св. Мамы, да послетъ царство наше, да испишутъ имена ихъ, и тогда возмутъ мѣсячное свое, первое отъ града Кіева, и паки отъ Чернигова, и отъ Переяславля, и изъ прочихъ городовъ. 6) И да входятъ въ градъ единѣми враты, со царевымъ мужемъ, безъ оружія мужъ 50, и да творятъ куплю, якоже имъ надобе. (*Срав. П. Собр. Лѣт. I. 13.*) 7) И паки да исходятъ, и мужъ царства нашего, да хранитъ я; да аще кто отъ Руси или отъ Грекъ сотворитъ криво, да оправляетъ то. 8) Входяще же Русь въ градъ, да не имѣютъ власти купитъ паволокъ, лише по 50 златникъ, и отъ тѣхъ паволокъ, аще кто купитъ, да показуетъ цареву мужу, и той запечатаетъ, и дастъ имъ. 9 И отходящи Руси отсюду взимаютъ отъ насъ, еже надобе, брашно на путь, и еже надобе лодіямъ, якоже уставлено есть первое, и да возвращаются со спасеніемъ въ страну свою, и да не имѣютъ власти зимовати у св. Мамы. 10) Ащели ключится проказа нѣкая отъ Грекъ, сущихъ подъ властію царства нашего, да не имать власти казнити я; но повелѣніемъ царства нашего, да пріиметъ, яко же будетъ сотворилъ. 11) Аще убіетъ Христіанинъ Русина, или Русинъ Христіанина: да держимъ будетъ сотворивый убійство, отъ ближнихъ убіенаго, да убьютъ и. 12) Ащели убѣжитъ сотворивый убійство, и аще будетъ имовитъ: да возмутъ имѣніе его ближніи убіенаго. 13) Ащели есть неимовитъ, сотворивый убійство, и ускочитъ: да ищутъ его, дондеже обрящется, ащели обрящется, да убіенъ будетъ. 14) Аще ударитъ мечемъ, или копьемъ или камѣмъ, любо оружьемъ, Грецинъ Русина, или Русинъ Гречина да

того дѣля грѣха заплатитъ сребра литръ 10; по закону руському. 15) Аще ли есть неимовитъ, да (вдастъ?) како можетъ, въ толико же и проданъ будетъ, да и порты, въ нихъ же ходитъ, и то съ него сняти, а опроцѣ да на роту ходитъ по своей вѣрѣ, яко не имѣя ничто же, и тако пущенъ будетъ. 16) Аще ли кто покусится отъ Руси взяти что отъ людей царства нашего, иже то сотворитъ, показненъ будетъ вельми; аще ли взялъ будетъ, да заплатитъ сугубъ, и аще сотворитъ тоже Гречинъ Русину, да пріиметъ ту же казнь, якоже пріялъ есть и онъ. 17) Ащели ключится украсти Русину отъ Грекъ что, или Гречину отъ Руси, достойно есть да возвратитъ е, не точію едино, но и цѣну его. 18) Аще обрящется украденое продаемо, да вдастъ цѣну его сугубу и то показненъ будетъ по закону грецкому, и по уставу руському. 19) А о Корсунстѣй странѣ: елико жъ есть градъ на той странѣ, да не имать власти князь рускій воевати на тѣхъ странахъ, — да воюетъ на всѣхъ сторонахъ, — а та страна не покоряется вамъ, и тогда, аще проситъ вои отъ насъ князь рускій, да дамы ему, елико будетъ ему требе, да воюетъ. 20) И о томъ, аще обрящутъ Русь кубару греческую вывержену на коемъ любо мѣстѣ, да не преобидятъ ея; 21) Ащели отъ нея возметъ кто что, или человѣка поработить или убіетъ: да будетъ повиненъ закону руському и греческому. 22) Аще обрящутъ Русь Корсуняны, рыбы ловяща, въ устьѣ Днѣпра, да не творятъ имъ зла никоего же, и да неимѣютъ Русь власти зимовати въ устьѣ Днѣпра, (въ?) Бѣлобережѣ, ни у св. Елферія, но егда пріидетъ осень, да идутъ въ домы своя въ Русь. 23) А о сихъ: иже то приходятъ Черніи Болгаре и воюютъ въ странѣ Корсунстѣй и велимъ в., князю руському да ихъ не пущаетъ да не напакостятъ странѣ той. 24) И елико Христіанъ отъ вла-

сти нашея плѣненыхъ приведуть Русь, ту аще будетъ юноша или дѣвица добра, да вдадять златникъ 10 и поимуть и; ащели есть средовѣкъ, да вдадять златникъ 8 и поимуть и; ащели будетъ старъ или дѣтищь, да вдадять златникъ 5. 25) Ащели обрящутся Русь работающи у Грекъ, ащели суть плѣнницы, да искупають Русь по 10 златникъ; аще купилъ будетъ Гречинъ подъ хрестомъ, достоитъ ему да возметъ цѣну свою, елико же далъ будетъ на немъ. 26) Аще ли хотѣти начнетъ наше царство отъ васъ вои на противящіяся намъ, — да пишутъ къ в. князю вашему и (онъ?) послетъ къ намъ елико хощетъ, и оттолѣ увѣдятъ и иныя страны, какую любовь имѣютъ Греци съ Русію. 27) Аще ускочитъ челядинъ отъ Руси, понеже пріидетъ въ страну свою отъ царства вашего и отъ св. Мамы, и аще будетъ обрящется, да поимутъ и; аще ли не обрящется, да на роту идутъ ваши Христіане Руси по вѣрѣ ихъ, а не Христіане по закону своему. 28) Тогда взимаютъ отъ насъ цѣну свою, якоже уставлено есть преже, (или?) двѣ паволоце за челядина. 29) Аще ли кто отъ людій царства нашего, или отъ града нашего, или отъ инѣхъ городовъ ускочитъ челядинъ нашъ къ вамъ и принесетъ что: да возвратитъ опять; и еже что принеслъ будетъ (а) все цѣло, и да возметъ отъ него златника два.

Мы же совѣщаніе все написахомъ на двою хартію; и едина хартія есть царства нашего, на ней же есть крестъ и имена наша написана,—а на другой послы ваши и гости ваши; а отходяще съ посломъ царства нашего, да проводятъ къ в. кн. рускому Игореви и къ людемъ его; и ти пріимающе харатію (и?) на роту идутъ: хранити истину, якоже мы совѣщахомъ и написахомъ на харатію сію, на ней же суть имена наша написана. Мы же, елико насъ крестилися есмы, кляхомся перковію св. Иліи въ соборной церкви и предлежащимъ крестомъ честнымъ и харатіею сею, хранити же все, еже есть написано въ ней, и не преступати отъ того ничтоже, или преступитъ се отъ страны нашей, или князь, или инъ кто, или крещенъ, или некрещенъ, да не имать помощи отъ Бога, да будетъ рабъ въ си вѣкъ и въ будущій, и да заколенъ будетъ своимъ оружіемъ. А на ротѣ некрещеніи Русь полагаютъ щиты свои и мечи свои нагы, и обручи свои и прочіе оружіе и да клянутся о всемъ, яже суть написана на харатіи сей, и хранити отъ Игоря, и отъ всѣхъ бояръ, и отъ всѣхъ людей отъ страны русьскія, въ прочая лѣта и всегда. Аще ли кто отъ князь, или отъ людей русьскихъ, или христіанинъ, или нехристіанинъ преступитъ се, еже есть написано на харатіи сей, и будетъ достоинъ своимъ оружіемъ умрети, и да будетъ проклятъ отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятву. Да аще будетъ добрѣ Игорь, в. князь, да хранитъ любовь всю свою и правду, (и) клятву, да не разрушится дондеже солнце сіяетъ и весь миръ стоитъ въ нынѣшный вѣкъ и въ будущій. Въ лѣто 6453, индикта 4, апрѣля 20, въ третію седмицу по пасхѣ.

(*Тобина* „*Sammlung Kritisch-bearbeiter Quellen der Geschichte d. Russischen Rechts*,“ *Дерптъ 1844, 6—14*).

См. Вѣстн. Евр. 1811, III. № 57. 1829, №№ 13—15. Труды общ. Ист. и древн. I, 3. Рус. лѣтоп. А. *Шлецера* въ перев. *Д. Языкова*. Спб. 1816, II, 632. 693. Kritischer Versuch zur Aufklärung der Bizantischen Chronologie mit besonderer Rüksicht auf frühere Geschichte Russlands *Круга*. Спб. 1810, 108. Древн. Рус. Право. *Эверса*. Спб. 1835, 138. Несторъ *Погодина* М. 1839. Русь до прибытія Рюрика, *Бѣляева*, Времен. кн. 15. Историч. Чт. о языкѣ и словен. II отд. Акад. Н. Спб. 1854, 6—32. Изв. Акад. III, 256—95. Учен. Зап. Моск. Универс. 1835. Ист. гражд. Закон.

Неволина. 1851. III. 233. О визант. элементѣ въ языкѣ договоровъ Рус. съ Грек. Спб. 1853. О договорахъ Олега и Игоря. *Погодина*, Рус. Ист. Сборн. I, 3, 4, 28. Московс. Телегр. 1825, ч. XX, 340—2.

190. Мирная грамота Новгородцовъ съ Нѣмцами 1199.

Се азъ князь, Ярославъ Володимѣричь, сгадавъ съ посадникомь с Мирошкою и с тысяцкымь Яковомь и съ всѣми Новгородьци, потвердихомъ мира старого с посломь Арбудомь и съ всѣми нѣмьцкыми сыны и съ Готы и съ всемь латиньскымь языкомь. Послалъ есмь посла своего Григу на сеи правдѣ: 1-е: ходити Новгородцю послу и всякому Новгородцю въ миръ въ Нѣмечьску землю и на Гъцкъ берегъ (*Готландъ*); тако же ходити Нѣмьчьмь и Гтяномъ въ Новьгородъ безъ пакости не обидимъ никымъ же. Аче будеть судъ князю новгородцкъму Новѣгородѣ или нѣмецкъму въ Нѣмцѣхъ, а въ томь миру ити гостю домовь бесъ пакости; а кого Богъ поставить князя, а съ тѣмъ мира потвердить, любо ли земля безъ миру станеть. А оже убьють Новгородца посла за моремъ или нѣмецкыи посолъ Новѣгородѣ, то за ту голову 20 гривеэъ серебра. А оже убьють купчину новгородца или Нѣмчина—купчину Новѣгородѣ, то за ту голову 10 гр. сер. А оже мужа свяжуть безъ вины, то 12 гр. за соромъ старыхъ кунъ. Оже ударять мужа оружеемь, любо коломъ,—то 6 гр. за рану старые. Оже упьхньть, любо мятель раздрьть, то 3 гр. старые. Оже попибають мужеску жену, любо дчьрь,—то князю 40 гр. ветхыми кунами, а женѣ или мужьское дчери 40 гр. ветхыми кунами, а женѣ или мужьское дчери 40 гр. ветхыми кунами. Оже съгрепеть (*сорветъ*) чужее женѣ повои (*повязку*) съ головы или дщьри, явится просто волоса,—6 гр. старые за соромъ. Оже тяжа родится безъ крови, снидутся послуси, и Русь и Нѣмци,—то вергуть жеребее, кому ся выимьть, ротѣшьдъ свою правду възмуть. Оже емати скотъ (*деньи, долгъ*) Варягу на Русинѣ, или Русину на Варязѣ, а ся его заприть (*запретея*); то 12 мужь послухы, идеть ротѣ (*къ присягѣ*), възмемъ свое. Оже родится тяжа въ Нѣмцехъ Новгородцю, любо Нѣмчину Новѣгородѣ; то рубежа нетворити, на другое лѣто жаловати; оже неправять, то, князю явя и людемъ, взяти свое у гости, оже тяжа родится въ Новѣгородѣ; оже тяжа родить къ іное земли въ руcкыхъ городѣхъ, то у тѣхъ свое тяже прашати. искати Новугороду не надобе. А тяжа на городы, а Нѣмчинъ свободь и Новогороци. Оже придеть въ своеи лодьи въ нѣмецкои домовь, аче самъ не поидьть въ неи опять мужь, дастъ кърмьнику. Нѣмчина не сожати въ погребь Новѣгородѣ, ни Новгородца въ Нѣмчьхъ; нъ емати свое у виновата. Оже кто робу повержьть насильемь, а не соромить; то за обиду гривна, пакы ли соромить, собѣ свободна. Оже убьють таль (*заложника*) или попъ новгороцкое или нѣмецкъе Новѣгородѣ, то 20 гр. сер. за голову.

(*Изв. Акад. VI, 155—166*).

См. грам. касающ. сношеній съ Ганз. гор. № 2.

191. Договоръ смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229.

Что ся дѣетѣ по вѣремьнемь, то отиде то по вѣрьмьнемь; приказано боудѣте добрымъ людѣмъ, а любо грамотою оутвѣр-

дять, како то боудѣте всемъ вѣдомъ, или кто посль живыи останѣться. Того лѣта, коли Алъбрахтъ, владыка ризкии оумьрлъ, оуздоумалъ князѣ смольнескыи Мьстиславъ, Давыдовъ сынъ, прислалъ въ Ригоу своего лоучьшего попа Ерьмея и съ нимъ оумьна моужа Пантелья ис своего города Смольнеска: та два была послъмь оу Ризѣ, из Ригы ехали а Гочкыи берьго, тамо твердити миръ. Оутвердили миръ, что былъ немирно промьжю Смольньска и Ригы, и Готскымь берьгомъ всемъ коупчемъ. Пре сеи миръ троудилисе дъбрии людие: Ролфо ис Кашеля (*кассе-ля*), Божи дворянинъ, Тоумаше Смолнянинъ, ажбы миро былъ и дъ вѣка; оурядили пакъ миръ, како было любо Роуси и всѣмоу Латинескомоу языкоу, кто то оу Роусе гостит. На томь мироу, ажбы миръ твьрдъ былъ, тако былъ князю любо и Рижанъмъ всемъ и всемоу Латинескомоу языкоу и всемь темь, кто то на Оустоко мори (1) ходить, ажбы нальзлъ (2) (*нашелъ*) правдоу то написати, како то держати Роуси съ Латинескымь языкомѣ, и Латинескомоу языкоу съ Роусию то дѣржати аж быхъмъ что тако оучинили; того Богъ не даи, ажбы промьжю нами бои былъ, а любо члвка оубиютъ до смрти, како члвѣка, то отплатити, ажбы миръ не ръздроушенъ былъ: такъ платити, како то бы обоимъ любо былы.

Здѣ починаеться правда: 1. Аже боудѣть свободѣныи члвкъ оубитъ, 10 гризенъ серебра за голъвоу. 2. Аже боудѣте холъпъ оубитъ, 1 гривна серьбра заплатити: оу Смольнѣскь, тако платити и оу Ризе и на Готскомь берьзѣ. 3. Око, роука, нъга, или инъ что любо, по пяти гривьнъ серьбра отъ всякаго платити: за окъ 5 серьбра, за рурокоу 5 серьбра, за нъгоу 5 серьбра, и за всякыи соуставъ пять гривьнъ серебра; за зоубъ 3 гривнъ серебра: и Смольньскь и оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ. 4) Кто биеть дроуга дѣревъмь, а боудѣте синь, любо кровавъ, полоуторы гривны серебра платити емоу. 5) По оуху оударите, 3 четвѣрти серебра. 6) Послоу и попу что оучинять, за двое того оузяти, два платежя. 7) Аже кого оурянать, полоуторы гривны серебра, аже боудѣте ьезвѣка: тако платити оу Смолѣнеске и оу Ризѣ и на Гочкомь берьзѣ. 8) Аже извиниться Роусинъ оу Ризе, или на Гочкъмь березе, оу дыбоу его не сажати. 9) Аже извиниться Латининъ оу Смольнѣскѣ, не мьтати его оу погрѣбъ, аже не боудѣтѣ пороукы, то оу жельзя оусадить. 10) Аже латининъ дасть Роусиноу товаръ свои оу дълго оу Смольнске, заплатити Немциноу пьрвѣе, хотя бы инъмоу комоу виноватъ былъ Роусиноу. Тако оузяти Роусиноу оу Ризѣ и на Готскомь березѣ. 11) Аже розгнѣваеться князѣ на своего человѣка, а боудѣте винъватъ Немчицю Роусинъ, а отимьть князѣ все, женоу и дѣти оу холъпство, пѣрвое платити емоу Латинину, а потомь князю какъ любо съ своимъ члвкмъ. Такую правдоу възяти Роусиноу оу Ризѣ и на Гочкъмь березѣ. 12) Аже Латининъ дасть княжю хълопоу въ заемъ, или инъму доброу члвкоу, а оумрете не заплативъ, а кто емльть его остатъкъ, томоу платити Немчиноу. Такова правда оузяте Роусину оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ. 13) Роусиноу не оупирати Латинина однемъ послухомь, аже не боудѣтѣ двою послохоу, одиного Немчича, а дроугого Роусина, добрыхъ людии. Тако Латининоу не пьрьпрети Роусина, аже не боудѣть послоуха Роусина, а дроугого Немчина оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ. 14) Роусиноу не вѣсти Латинина ко жель-

---

(1) Ostsee—Балтійское море.

зоу горячемоу (¹). аже самъ въсхочетѣ. А Латининоу тако Роусиноу не вести, аже самъ въсхочете. 15) Роусиноу не звати Латина на полѣ (²) биться оу Роуской земли; а Латининоу не звати Роусина на полѣ битося оу Ризѣ и на Готскомь березѣ. 16) Аже Латинескии гость биеться мьжю събою оу Роуской земли любо мьчемь, а любо дѣревъмь, князю то не надобе, мьжю събою соудити. Тако, аже Роускии гость биеться оу Ризѣ или на Гочкомь березе, Латине то не надъбѣ, а те промьжю събою оурядитеся. 17) Аже застанете Роусинъ Латинеского человѣка своего женью, за то платити гривьнѣ 10 серебра. Тако оучинити Роусиноу оу Ризѣ и на Гочкомь берьзѣ платити. 18) Аже Латинескыи человѣкъ оучичит насилье свободнѣ жене, а боудѣть пьреже на ней не былъ сорома, за то платити гривенъ 5 серебра. Тая правда оузяти Роусиноу оу Ризѣ и на Готескомь березе. Аже боудѣте пьрвѣе на нѣи сѣръмъ былъ, взяти ей гривна серьбра за насилие. 19) Аже насилоуеть робѣ, а боудоуть на него послоуси, дати емоу гривна серебра. Такова правда оузяти Роусиноу оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ. 20) Аже мьжю Роусиномъ и Латинескъмь свяжеть дроугъ дроуга без вины, за то платити 3 гривны сербра. 21) Аже боудѣте Роусиноу платити Латинескомоу, а не въсхъчеть платити, то тѣ Латнескомоу просити дѣтскаго оу тиоуна. Аже дасть наемъ Дѣтьскомоу, а не исправить за 8 днии товара оу Роусина, то тѣ дати емоу на събѣ пороука. 22) Аже Смоляне не дадоуть емоу вьль, Смоляньнъмь платити самымъ, дългъ платити. Тая правда оузяти Роусиноу оу Ризѣ и на Гочкомь березе. 23) Аще Тиоунъ оуслышить, Латынескыи гость пришелъ,

(¹) Судебный обрядъ испытанія желѣзомъ.
(²) На поли—судебный поединокъ.

послати емоу люди съ колы пьревѣсти товаръ, а не оудѣржати емоу; аже оудѣржить, оу томь ся можете оучинити пагоуба. 24) Аже Латинесыкыи гость Смоляньны приедѣть на Вълъкъ, то тѣ мьтати жеребеи, како напьрьдъ вѣстико Смольньскоу. Аже боудоуть людие из—ыное земль, тѣхъ послѣ вести. Тая правда оузяти Роуси оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ. 25. Коко тако боудѣте, како придоуть Латинескии гость оу городъ, с Волока дати имъ княгини поставъ частины, тиоуноу на Вълъцѣ дати роукавицѣ, ажбы товаръ пьревьзлъ без дѣржания. 26) Которыя Вълъчанинъ възмьть Латиньскыи товаръ чересъ Вълъкъ вѣсти, а что погынеть отъ того товара, что емоу приказано, то платити всемъ Вълъчанъмъ. Тая правда Роуси оузяти оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ. 27) Аже Латинескии придѣть къ городу, свободно емоу продавати, а противоу того не молвити никомy же. Тако дѣлати Роуси оу Ризѣ и на Гочкомь березе. 28) Аже Латинескии оусхочеть ехати и Смольнеска своимь товаромь въ иноу сторону, про то его князю не дѣржати, ни иномоу никомоу же. Тако Роусиноу ехати изъ Гочкого бѣрѣга дъ Травны (¹). 29) Аже Роусинъ коупить оу Лотинескаго члвка товаръ, а възмьть к собѣ, то тѣ Латинескомоу не взяти товара наоусопить, Роусиноу томоу платити. Тако Роусиноу не оузяти оу Латинеского товара своего опять, платити емоу. 30) Роусиноу не звати Латинеского на иного князя соудъ. лише предъ смольнеского князи, аже самъ въсхочете, тъ тѣ идѣть. Тако Латинескомоу не звати Роусина на иныи соудъ, лише оу Ригоу и на Гочкыи берего. 31) Роусиноу не ставити на Латинеского дѣтьскаго не явивъше старость Латинескомоу; аже не слоушаеть старосты

(¹) Trawemünde, близь Любека, на взморьѣ.

Латинескомоу; аже не слоушаеть старосты, то ть можеть на него дѣт(с)кого приставити. Тако Латинескомоу на Роусина не ставити бирица оу Ризѣ, ни на Гочьком березѣ. 32) Латинескомоу дати отъ двою капию вѣску вѣсцю коуна смольнеская. 33) Коупить Латинескыи гривноу золъта, даст вѣсити, дати емоу вѣсцѣ ногата смольнеская. Аже продасть, не дати ничего же. 34) Аже Латинскіи коупить соуды серебреные, дати емоу вѣсцю отъ гривны серебра по ногатѣ смольнескои. Аже продасть, не дати ничего же. 35) Аже Латинескии коупить гривноу серебра, дати емоу вьсцю двѣ векши. Аже продасть, не дати ничего же 36) Аже Латинескии дасть серебро пожигати, дати емоу, отъ гривны серебра коуна смольнеская. 37) Аже капь, чимь то весятѣ, изъломльна боудъте, а любо льгче боудѣть, то ть споускати обѣ в-ъдино мьсто, что лѣжить оу св. Богородице на горе, а дроугая оу Латинескои церкви, обѣ ровнати. 38) Латинескомоу есть вълно оу Смольнеске, которыи товаръ хъчьть коупити, бес пакости. Тако дѣлати Роусь оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ. 39) Всякомоу Латинескому чявкоу свободѣнъ путе из Гочкого берега до Смольнеска без мыта. Тая правда есть Роуси изъ Смолненска до Гочкого берега. 40) Латинескомоу не ехати на вьиноу съ княземь, ни съ Роусию, аже самъ хъчьть, тотъ ѣдеть. Тако Роусоиноу не ехати съ Латинескымъ на вьиноу, ни оу Ризѣ, ни на Гочкомь березѣ; аже хочеть самъ, тъ ть ѣдѣть. 41) Которыи Роусинъ, или Латинескыи, имьть татя, надъ тѣмь емоу своя въля, камъ его хочеть, тамъ дѣжеть. 42) Ни одиномоу же Роусиноу не дати пересоуда оу Ризѣ ни на Гочкомь березѣ; тако Латинескомоу оу Роускои зѣмли не дати пересоуда никомоу же. Которое ороудие доконечано боудѣть оу Смолнескь мьжю Роусию и мьжю Латинескимь языкомь, пьредъ соудиями и пьредъ добрыми людми; боль того не починати оу Ризѣ и на Гочькомь березѣ; а что боудѣть дъкончано оу Ризѣ и на Гочькомъ берьзе, перьдъ соудиями и пьрьдъ добрыми людми, того оу Смольнскѣ не починати. 43) Пискоупъ ризскии, Мастьръ божихъ дворянъ, и вси земледѣржци, ти дають Двиноу свободноу, от вьрхоу и до низоу въ мъре и по вьдѣ и по бѣрегоу всемоу Латинескомоу языкоу и Роуси, кто правыи коупьчь есть, от моря даемо свободно, кто хочете по Двине ехати оу вьрхъ или оу низъ. 44) Оу кого ся избиеть оучанъ, а любо челнъ, Богъ того не даи, или оу Роусина, или оу Латинеского, оу тѣхъ вълъсти, кто сю свободоу далъ, товаръ его свобонъ, на водѣ и на березѣ бес пакости всякомоу; товаръ иж то потоплъ, брати оу мьсто своею дроужиною из воды на берего. Аже надобѣ емоу болше помъчи, то ть наимоуи при послоусѣхъ, кто былъ тоу, то боудѣте послоухъ, что имъ посоулишь, то даи, а болѣ не даи. Тая правда Латинескомоу възяти оу Роускои земли оу вълъсти князя смольнеского и оу полотьского князя вълъсти и ѳу витьбескаго князя вълъсти.

Коли ся грамота псана, ишлъ былъ от Рож. Господня до сего лѣта 1000 лѣто и 200 лѣто и 8 лѣто и 20, подъ пискоупомь ризкимь, провстъ Яганъ, Мастьръ Вълкьенъ, божии дворянинъ, и подъ горожаны ризѣскими, прѣдъ всѣми Латинескими коупци. Ся грамота оутвьржена всехо коупьче пьчатию. Се ороуде исправили оумнии коупчи: Регньбодѣ, Дѣтяртъ, Аданъ, то были горожане на Гочкомь березе. Мьмьбернь, Вредрикъ, Доумбѣ, ти были из Любка: Гиндрикъ Готь, Илдигьрь; то два была исъ Жата; Конратъ Шхелъ, одѣ Ягантъ Кинть, та два была изъ Мюньстьря; Берняръ, одѣ Вълкерь, та два была изъ Грюнигъ; Ермьбрьхть, одѣ Албрахтъ, та два была изъ Дортмьня; Гиндрикъ Цижикъ из

Бремьнь, Албрахть Слоукъ, Бернярть, одѣ Валтьрь, одѣ Албрахть Фоготь, то были горожане оу Ризѣ, и инехъ много оуиныхъ добрыхъ людиѣ. Которыи Роусинъ, или Латинескыи противоу сею правды мълвить, того почьсти за лихли моужь. Ся грамота есть выдана на Гочкомь берьзѣ пьрьдъ Роускимь посломь и пьрьдъ всеми Латинескими коупци.

(*Собр. грам. II. № 1*).

- См. Рус. Ливонс. акты, 1866. Спб. 419. Ист. гос. рос. III, пр. 273. Рус. Дост. II. 245—73. Sammlung Kritisch—bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes. *Тобина*. II, 49.

192. Грамота смоленскаго князя Өедора Ростиславича къ рижскому епископу. 1284.

Поклонъ отъ князя отъ Федора къ пискоупоу и къ Мастеру и къ ратманомъ. Што боудеть намъ речь съ пискоупомь, или съ Мастеромъ, то ведаемъся мы сами; а вашому гостеви сѣмо боуди поуть чисть, а нашему гостеви боуди къ вамъ поуть чисть; а роубѣжа не дѣяти, пе намъ в себе в Ризѣ и на Гоцьком березѣ коупьцомъ. Си же грамота псана бысть, ишьло было отъ Рождества Господня до сего лѣта 1000 лѣтъ и двѣстѣ лѣтъ и осмьдесятъ летъ и три лѣта, въ четвертое лѣто, на Възнесенье господне; а тоу былъ въ Смолѣньске на мѣсто на княжи на Федорово, Аньдрѣи Михаиловичь Князь, Артемии Намѣстьникъ, Остафии Дядко, Микоула Дидковичь, Лаврѣнтии намѣстьникъ владычень, Мирославъ, Олекса Черныи, Тереньтею таможникъ Ветхыи, Аньдрѣи попъ. А тоу былъ при докончании грамоты сее, Любрахтъ, посолъ отъ Мастера, а отъ горожанъ Петръ Бартьлать, а въ торговьцихъ Федоръ Волковьникъ изъ Брюньжанина, Гемликъ изъ Мигистеря; а Мошеи, печатникъ князь Федоровъ, печаталъ, а Федорко, писець княжь Федоровъ, псалъ.

(*Собр. грам. I, № 3*).

193. Договоръ смоленскаго князя Ивана Александровича съ рижскимъ Гермейстеромъ 1330—1359.

Се язъ князь великиі смоленьскиі Иванъ Олександровичь, оунукъ Глѣбовъ докончалъ есмь съ братомъ своимъ с Мѣстѣрѣмъ с Ризьскимь и съ Пѣмь и с рыдѣлю іі с ратманы іі со всѣми Рижаны, што подъ него рукою, докончалъ есмь по дѣда своего докончанью, іі по старымъ грамотамъ, докончалъ есмь по тому докончанью, како то братъ мой старѣйшиі Кедименъ докончалъ и него дѣти Глѣбъ и Алкердъ: Ѣздити Немцемь въ домъ святѣй Богородице іі ко мнѣ, а мнѣ блюсти, какъ и своего Смолнянина, а моіімъ ѣздити в Ригу, а Мѣстерю и ратманомъ блюсти моего Смолнянина, какъ своего Немчина. А приездили ко мнѣ на докончанье ііз Ризи отъ Местѣря Пьсковъ Божіі дворянинъ, а отъ ратманъ Иванъ Панъ; на томъ на всѣмъ цѣловалъ есмь крестъ къ своиму къ Мѣстерю; а они цѣловали ко мнѣ крестъ Мѣстѣревою душею и пискуплею.

(*Собр. грам. II, № 8*).

194. Договорная Полоцка съ Ливонскимъ орденомъ 1405.

А се мы Полочане вси, добрыи люди и малыи, надѣючесь на Богъ святого, Софея милость и князя великого Витовта здоровье, хочемъ тобою княжь местерю

любовь держати и с твоею братьею, со всеми ридели (*рыцари*). Также хочемъ с вами ризьким ратѣмяне и со всѣми ризкими купьци межи себѣ приязньство держати и любовъ на обѣ стороне крѣпко. Вамъ нашего Полочанина стеречи, какъ своего брата Немчина у Ризе; а намъ Полочаномъ вашего Немчина также потомужъ стеречи у Полотьсце.- А торговати по старому закону всякую торговлю, купити, продати. Купити вамъ Немцемъ у насъ, у Полотьсце, немецькому купьцю полъберьковыка воску, полътысячи белкы. А торговати немецькому купьцю с гостемъ Литовское земли добровольно. А с Новьгородци немецькому купьцю торговати, а премежи има ходити нашему Полочанину: занеже насъ Новьгородци не пустятъ у немечьки дворъ торговати безъ своего Новьгородца. А съ—с Москвичи торговати вашимъ Немьцемъ; также нашему Полочанину межи ими ходити, торговати: занеже на насъ Москвичи тамьгу емлютъ. А восковыи весъ держати по старому закону, штоже нашъ берьковескъ восковыи болши вашего берьковска полупудомъ ризького весу, а серебрыныи весы ризькии держати болши полочьскиихъ весовъ серебрыныхъ полузолотникомъ. А соль весити пудныимъ ременемъ; а берковескъ солоныи учинити у восковыи берьковьскъ; а белка купити, а наметъ давати, а у дворъ не имати. А мимо города Польтескъ немецькому купьцю не ходити, торговати Нѣмьцемъ у Полотьсце. А малое вамъ торговли не купити у Полотьсце по розници; а корьчмы вамъ у насъ у Полотьсце не держати. А весцемъ нашимъ и вашимъ кресты целовати, што же имъ право весити на обѣ стороне. А кони намъ у васъ у Ризе купити, на чемъ у верхъ ехати, а отъ ногъ не имати. А извиниться нашъ Полочанинъ у Ризе, ино его Нѣмьцемъ у Ризе не казнити, отпустити его у верхъ; ино его тамъ свои Полочане казнятъ. А извиниться Немьчинъ у Полотьсце, ино его Полочаномъ не казнити у Полотьсце, пустити его у Ригу; ино его свои тамъ судятъ по своему праву. А рубежа не чинити, знати истьцю истьца; а торговьцю приехати, отъехати чисто на обѣ стороне. А томъ есме къ вамъ послали свои добрыи люди чесныи, к тобе, княжь местерю, и къ всемъ риделемъ и къ всемъ ратманомъ и къ всемъ купьцемъ ризькимъ, што вамъ дати правда нашему послу чисто, безъ всякоя хитрости; а нашъ посолъ вамъ дасть чисто правду, безъ всякоя хитрости, нашимъ правомъ. А старыму делу, што ся учинило межи себе, того не поминати и вамъ и ни намъ, на обѣ стороне. А писана бысть грамота сия в лѣто 6913-е мѣсяца Юня, въ день недѣлныи, 21 день на память св. мученика Ульяна.

(*Русско—Ливонскіе акты*, *1868*, *120*).

195. Полоцкая грамота Ливонскому ордену 1469

Ото князя Ивана Семеновича, полоцкого намѣстники, и ото всихъ мужь Полочанъ князю местерюли ризкому и всимъ ратманомъ ризкимъ поклонъ. Што есте прислали к намъ ратмана Ѳеодора и онъ с нами поконцалъ: отъ васъ, што вамъ нашихъ людей всихъ отпустити к намъ и со всимъ ихъ товаромъ, и того чловѣка, што есте казнили, а и тотъ стругъ съ товаромъ, што есте поимали, и тую нашю челядь, што ваши торговци без кунъ ихъ поимали. И ино которыи наши торговци восхотять на конехъ ехати, и коль к намъ възъедуть, тогды мы вашь товаръ отпустимъ к вамъ на низъ, которыи поторгованыи воскъ а бѣлку. А коль паки будуть наши люди в насъ и вси с товаромъ, што на струзѣхъ идутъ, мы паки тогды весь вашь товаръ отпустимъ.

Хто паки хочеть торговати, торгуи, а хто хочеть поехати, поедь доброволно. А на томъ есмо и руки дали Федору, и печати свои приклали и с тою грамотою послали есмо доброго чловѣка Климяту. А писана бысть сия грамота въ Полоцку, въ понедѣльникъ передъ святого Семивона днемъ лѣтопроводьца по божью нарожѣнью 1000 лѣтъ и чотыри сотъ и 9 лѣтъ.

(*Русско-ливонск. акты, стр. 138—139*).

См. еще договорныя грамоты въ отдѣлѣ „Промышленность и торговля".

196. Договорная литовскаго в. кн. Казиміра со Псковомъ 1440.

Се язъ в. кн. Казимиръ, королевичь, и зъ своею братьею коньчали есмо миръ со Пьсковомъ. А прыѣхали къ намъ со Пьскова Ларыонъ Селивестеровъ, сынъ посадничъ, Стефанъ Арыстовичъ, а Лука Михайловичъ, да били намъ чоломъ ото Пьскова и съ тыми есмо миръ конъчали, а конъчали есмо такъ: што жъ послу изъ нашое земли изъ Литовскоѣ, и гостю—или Ляхъ, или Русинъ, или Полочанинъ, или Витблянинъ, или Смолнянинъ, тымъ путь чисть изо всее моее отчины въ Псковскую землю; а гостю торговати во Пьскове, безъ пакости, по старой пошлинѣ со всякимъ гостемъ. Також и Псковичемъ, и послу и гостю, изо всее отчины Псковское тымъ вольнымъ путь чисто во всю мою отчину въ Литовскую землю; и гостю торговати по всей Литовской земли по старынѣ, безъ пакости по старой пошлинѣ, со всякимъ гостемъ. Також и послу псковьскому, коли пошлють ко князю великому Московьскому на Москву, путь чисть черезъ мою отчину Смоленскъ, и тамъ ѣхати и назадъ отъѣхати, коли мы в. кн. Казимиръ будемь съ княземъ в. московъскимъ въ любви. А мнѣ в. кн. Казимиру блюсти Псковитина, какъ и своего Литвина; такожъ и Псковичомъ блюсти Литвина, какъ и Псковитина. А межы собою будучи въ любви, за холопа, за робу, за должника, за поручника, за смерда, за татя и за разбойника не стояти, ни мнѣ, ни вамъ, а выдати по исправѣ. А обиднымъ дѣломъ уложили есмо рокъ: которыи будутъ вчынилися отъ в. князя Витовтовы смерти до сихъ мѣстъ, тымъ дѣломъ на обѣ стороны судъ и справу учинити; а которіи будутъ пени вчынися перьво в. князя Витовътовы смерти, или пожжено, или силно пограблено, или головы побиты, а иныя пакъ дѣла: то есмо такъ все на обѣ сторонѣ вчынили, отложыли, того не надобѣ искати ни нашымъ на Псковичахъ, ни Псковичомъ на нашыхъ. Аже вчыниться пеня гостю въ Литвѣ псковьскому, коньчать по в. князя правдѣ и по цѣлованію; аже вчыниться пеня нашымъ, или Литвину, или Полочанину, или Витьблянином, или Смолянинomъ во Псковѣ, коньчати по псковьской правдѣ и по цѣлованію. А рубежъ водѣ и земли со Пьсковомъ мнѣ в. князю, а то намъ старый рубежъ. А сконьчалъ в. к. Казимиръ со всимъ Псковомъ и со всими пригороды псковьскими и со всею волостью псковскою, по сей граметѣ. Аже вчыниться нелюбовъ мнѣ в. князю тую грамоту крестную не слати, ни на Москву ко кн. в. Василью, ни къ Новугораду, но положыти мнѣ тую грамоту, крестную во Пьсковѣ; а отъ того дни, какъ грамота положена, олижъ мѣсяць проидеть, 4 недѣли, тогдыжъ воевати. Такежъ аже вчыниться Псковичомъ нелюбовь съ в. кн. Казимиромъ, Псковичомъ грамота хрестная положити у Вильни; а отъ того дни, какъ грамота положена, олижъ мѣсяць проидеть, 4 недѣли, тогдыжъ воевати. А на

всемъ на семъ я в. кн. Казимиръ крестъ цѣловалъ, такъ же и послове псковскіе крестъ цѣловали отъ всего Пскова, по правдѣ, безъ всякаго извѣта. А писанъ у Вилни, мѣсяца Декабря въ 30 день, подъ лѣты Рождества Господа нашего І. Христа 1440 лѣтъ, индиктъ 4.

(А. Запад. Рос. I, № 38).

197. Договорная московс. в. князя Василія Васильовича и удѣльныхъ князей съ Казимиромъ, королемъ польскимъ и в. княземъ литовскимъ.

По божьей воли и по нашей любви, божьею милостью, се азъ кн. в. Василей Васильевичъ, московскій и новгородскій и ростовскій и пермъскій и иныхъ, а братья моя молодшаа, князь Иванъ Андреевичъ, и кн. Михаило Андреевичъ, и кн. Василей Ярославичъ, чинимы знаменито каждому, кто на сю нашу грамоту узритъ, или чтучи услышыть, кому жъ будетъ того потребно вѣдати. Я кн. в. Василей, и моя братья молодшая, дали есмо весь запись брату нашему Казимиру, королю полскому и в. князю литовскому и рускому и жомайтскому и иныхъ, што есмо взяли съ нимъ братство и любовь и вѣчное докончанье. Жити намъ съ нимъ въ любви, по сей грамотѣ, а быти намъ вездѣ за одинъ, а добра намъ ему хотѣти и его земли, вездѣ гдѣ-бы нибыло; а ему намъ добра хотѣти и нашей земли, вездѣ, гдѣ бы то было. А хто будетъ ему другъ, то и мнѣ другъ; а хто будетъ ему не другъ, то и мнѣ недругъ. А недруга ти, брате моего, князя Дмитрея Шемяки, не прыймати, а быти, брате, на него со мною за одинъ; а также ти и на всякого моего недруга быти со мною вездѣ за одинъ. А мнѣ, брате, твоего недруга, князя Михайла, не прыймати, а быти ми, брате, сътобою на него за одинъ; такъ же ми брате, и на всякого твоего недруга быти съ тобою вездѣ заодинъ. А пойдутъ, брате, Татарове на наше украинные мѣста, и княземъ нашымъ и воеводамъ нашымъ, украиннымъ людемъ, со славъся, да боронитися имъ обоимъ съ одного. А въ вотчыну, брате, утвою, мнѣ и моей братьи молодшей,—у во все твое великое княженье, ни у Смоленесъ, ни во вси смоленьскіе мѣста, што изъ давна къ Смоленску потягло, ни въ Лютутескъ, ни во Мцынскъ, ни во вси твои украинныи мѣста, што изъдавна къ тымъ городомъ потягло, не вступатися; а тобѣ Казимиру, королю полскому и в. князю литовскому, не вступатися въ мою отчыну, ни во все мое великое княженье, ни въ моее братьи молодшее отчыны, и во Ржеву зъ волостьми: по озеро по Орлинце на—полы, по озеро по Плотинце, по Красный Борокъ, по Баранью рѣчку на верхъ Бѣлейки, на Бѣлейкѣ на Пониклъ, съ Поникля на верхъ Сижьки, зъ березы на мохъ, со мху на верхъ Осухи, тыхъ ти, брате, мѣстъ всихъ подо мною блюсти; и не обидѣти и не вступатися въ тые мѣста. А которые мѣста твои волостели вѣдали по Осуху при в. кн. Кестутьи, и твоимъ волостелемъ потому жъ вѣдати, а мнѣ в. кн. Василью не вступатися. А Серенескь вѣдати по тому, какъ было при дѣдѣ твоемъ при Олкгердѣ и при твоемъ отцы короли. А потомъ, какъ Богъ дасть, ижъ божья воля прыйдетъ къ тому, дасть ли тобѣ Богъ дѣти, а тебѣ отыйметъ отъ всего свѣта, а я, брате, остану живъ: и мнѣ, брате, твоими дѣтьми печаловатися, какъ и своими дѣтьми, а отныне ми твоя блюсти, и не обидѣти и не вступатися и во все твое великое княженье, а учинить ли Богъ такъ, мене возметъ съ сего свѣта напередъ, и ты останешъ живъ: и тобѣ

моимъ сыномъ, княземъ Иваномъ, печаловатися, какъ и своими дѣтьми, то моими дѣтьми меншими; а княженья ти подъ ними не подыйскивати, ни вступатися, по сей по твоей грамотѣ. А судъ о земли и о водѣ о смоленской, и о всихъ обидныхъ дѣлѣхъ о смоленскихъ, отъ того времени, какъ дядя твой, в. кн. Витовтъ, князя Глѣба на Смоленску посадилъ. А гдѣ, брате, тобѣ будетъ моя помочь надобѣ, на всякого твоего недруга и на Татаръ и тобѣ, брате, ко мнѣ послати, и мнѣ тобѣ помочь дати; а такожъ, коли, брате, мнѣ будетъ твоя помочь надобѣ, и мнѣ тебе обослати: и тобѣ ко мнѣ помочь, а моей земли въ тотъ часъ будетъ нѣкоторая налога, не мочно ми будетъ къ тобѣ помочы послати: ино то тобѣ отъ мене не въ измѣну. А такожъ, брате, коли я къ тебѣ пошлю про помочъ, а прыйдетъ въ тотъ часъ твоей земли отуга, нелзѣ ти будетъ ко мнѣ помочы послати: ино то, брате, мнѣ отъ тебе не въ измѣну. А Орда, брате, мнѣ знати по старынѣ; а къ Ордѣ ми, брате, черезъ твою землю путь чистъ и моимъ посломъ. А князь в. Борисъ Олександровичъ тферскій и со своеѣ братьею и зъ братаничы своими въ твоей сторонѣ, а со мною съ в. кн. Васильемъ въ любви и въ докончаньи; а судъ о земли и о водѣ мнѣ съ нимъ держати во всихъ обидныхъ дѣлѣхъ по старынѣ; а чемъ ся судьи наши сопрутъ, и они положатъ на третей, хто будетъ обѣйма сторонамъ любъ. А съ Новгородцы в. кн. Борису жити по старынѣ, а всимъ обиднымъ дѣломъ давати имъ между собою судъ и расправа, на обѣ сторонѣ, безъ перевода; а о чемъ ся судьи ихъ супрутъ, и они сложатъ на митрополита, кто будетъ обѣйма нама любъ: и митрополитъ на кого помолвитъ, помолвитъ ли на Новгородца, а не исправитца, а ему послати ко мнѣ, къ в. кн. Василью, и мнѣ то оправити; но помолвитъ ли на Тферытина, а не исправитца, и ему послати до тебе, короля и в. кн. Казимира и тобе до оправити. А которыи князи служатъ тобѣ Казимиру королю изъ своихъ отчынъ, и мнѣ в. кн. Василью и моей братьи молодшей ихъ блюсти и не обидѣти, а которыи князи служатъ мнѣ в. кн. Василью и моей братьи молодшей изъ своихъ отчынъ, и тобѣ королю и в. кн. ихъ блюсти и не обидѣти. А который иметъ обидѣти князей служебныхъ своего брата, и намъ о томъ слати судей: и они тому вчынятъ исправу, безъ перевода. А князь Василей Ивановичъ Торускій и зъ братьею и съ братаничи служатъ мнѣ в. кн. Василью, а тобѣ королю и в. кн. Казимиру въ нихъ не вступатися; а Ѳедора Блудова, и Александрова Борысова сына Хлепенскаго, и князя Романова Ѳоминскаго, и ихъ братья и братаничовъ отчыны, — земли и воды, всѣ моѣ в. кн. Васильевы; такожъ Юрьева доля Ромейковича и княжа Ѳедоровы мѣста Святославича, всѣ за мною за в. кн. Васильемъ, и тобѣ, брате, всихъ тыхъ мѣстъ блюсти, и не обидѣти и не вступатися, такожъ и у вотччину мою въ Мещеру не вступатися, не прыймати ихъ. Такожъ въ Новгородъ В. и во Псковъ, и во вси Новгородскіе и во Псковскіе мѣста, тобѣ королю и в. кн. не вступатися, а и не обидѣти ихъ; а имутъ ли ти ся Новгородцы и Псковичы давати, и тобѣ королю ихъ не прыймати. А въ чомъ тобѣ королю и в. кн. Казимиру Новгородцы и Псковичы зъгрубятъ, и тобѣ мене в. кн. Василья обославъ да съ ними ся вѣдати, и мнѣ в. кн. Василью не вступатися, ни помолвити про то на тебе; а въ земли и въ воды Новгородскіе и во псковскіе тобѣ королю и в. кн. Казимиру не вступатися. А съ Нѣмцы ти, брате, держати вѣчный миръ; а съ Новгородцы опрышный *(особый)* миръ, а со Псковичы опрышный миръ: а никоторыми дѣлы имутъ межи собою воеватися, и тобѣ королю и в. кн. межи

ими невступатися. А коли мнѣ в. кн. Василью Новгородцы и Псковичы зъгрубятъ, а всхочу ихъ показнити: и тобѣ королю Казимиру за нихъ не вступатися. А которыи волости, или оброки потягнули новгородскіе къ Литвѣ зъдавна, и мнѣ в. кн. Василью въ то невступатися, по давному. А братъ мой молодшій, князь в. Иванъ Ѳедоровичъ рязаньскій со мною съ в. кн. Васильевъ въ любви, и тобѣ королю его не обидѣти; а въ чомъ тобѣ, брату моему, королю и в. кн. Казимеру князь в. Иванъ Ѳ. рязаньскій зъгрубитъ, и тобѣ королю и в. кн. мене обослати о томъ; и мнѣ его въечюнути, (*поругать*), и ему ся ко тобѣ исправити, а не исправитъ ся къ тобѣ, моему брату, рязаньскій: и тобѣ королю рязаньскаго показнити, а мнѣ ся въ него не вступати. А всхочетъ ли мой братъ молодшій, кн. в. Иванъ Ѳ. служити тобѣ, моему брату, королю и в. князю и мнѣ в. кн. Василью про то на него не гнѣватьса, ни мстити ему. А Верховъскіи князи што будутъ издавна давали въ Литву, то имъ и нынеча давати, а большы того не примышляти. А што ся вчинитъ межи вашыми людьми и нашыми, и волостели нашы, зъѣхався, вчынятъ тому исправу безъ перевода; и про то намъ нелюбья не держати. А о земляхъ и о водахъ и о всихъ обидныхъ дѣлѣхъ, на обѣ стороны, межъ нами судъ объчый, отъ того времяни, какъ дяди твоего, в. кн. Витовта, въ животѣ не стало. А которыи люди съ которыхъ мѣстъ вышли добровольно: ино тымъ людемъ волнымъ воля, гдѣ хотятъ тутъ живутъ; а которыи люди выведены отколѣ невольно, или къ цѣлованью приведены, или за порукы подаваны ино ихъ отпустити доброволно, съ ихъ статкы, къ ихъ мѣстомъ, а цѣлованье и порукы съ нихъ доловъ, на обѣ сторонѣ, по ее наше докончанье. А што ся вчинитъ въ нашей любви, и тому всему судъ и исправа безъ перевода. А судьямъ нашымъ судити, цѣловавъ крестъ; а суженого не посуживати; а суженое, заемное, положеное, поручьное дати; а холопа, робу, должника, поручника, татя, разбойника, бѣглеца, рубежьника, по исправѣ выдати. А посломъ нашымъ ѣздити безъ опаса. А гостемъ нашымъ ѣздити безъ рубежа и безъ пакости. А на томъ на всемъ азъ кн. в. Василей Васильевичъ, московскій, и новгородскій, и ростовскій, и пермьскій и иныхъ, и моя братья молодшая, кн. Иванъ Андреевичъ, и князь Михаило Андреевичъ, и кн. Василей Ярославичъ, цѣловали есмо крестъ ко своему брату, Казимеру королю полскому и в. князю литовскому и рускому, жомайскому и иныхъ, по любви, въ правду, безъ хитрости, и по сей нашей грамотѣ намъ правити. А писана въ лѣто 6957, индикта 12, августа въ 31 день.

(*А. Запад. Рос. I, № 60*).

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

198. Значеніе божьихъ судовъ по Русскому праву.

...Главная задача науки — объяснить прошлое, найти ему разумное оправданіе, найти ему теорію въ немъ самомъ. Прошедшее не встанетъ изъ гроба, не будетъ себя защищать; является наука во имя интересовъ настоящаго, какъ наслѣдника прошлаго, п. ч. прошедшее не потому для насъ важно, что оно прошло, а потому, что оно живетъ въ настоящемъ. Учрежденія настоящаго часто связаны съ явленіями прошлаго такими тонкими нитями, что наука только послѣ долгихъ усилій успѣваетъ разглядѣть ихъ. Какая, кажется, связь между нынѣшними нашими судебными учрежденіями и божьими судами, а между тѣмъ, связь существуетъ, что мы и покажемъ въ настоящей статьѣ.

Измѣненія въ формѣ суда не суть явленія случайныя; эти измѣненія происходятъ вслѣдствіе движенія народнаго сознанія, его убѣжденія о правдѣ и не правдѣ. Съ этой точки зрѣнія мы встрѣчаемъ у всѣхъ народовъ двѣ великія эпохи суда, — судъ Божій и судъ человѣческій.

Изъ самаго слова »судъ«, понятно, что божьи суды не были явленіемъ первоначальнымъ; имъ предшествуетъ состояніе личнаго самоуправства, кровавой мести. Какъ явленіе, въ которомъ индивидуальная воля подчиняется высшему началу, божьи суды обозначаютъ эпоху прочнаго сложенія общественной жизни.

Подъ именемъ *Божьихъ судовъ* разумѣются испытанія желѣзомъ, огнемъ, водою и поединки. Это названіе вполнѣ справедливо, п. ч. здѣсь судъ производитъ какъ бы само божество, а люди только свидѣтельствуютъ его приговоръ. Первоначальная форма Божьихъ судовъ — *ордаліи* или испытанія огнемъ и водою. Ордаліи существовали у всѣхъ народовъ въ первый періодъ ихъ жизни: у Индійцевъ, Евреевъ, Грековъ, Германцевъ, Скандинавовъ и у Русскихъ. Въ »Русской Правдѣ« въ первой разъ встрѣчаются постановленія о нихъ: »Искавше ли послуха не налѣзутъ, а истца начнетъ головою клепати, тогда дати имъ правду желѣзо, такоже и во всѣхъ тяжахъ, въ татьбѣ, въ поклепѣ, оже не будетъ лица, то тогда дати ему желѣзо изъ неволи до полугривны золота; аже ли мнѣ, то на воду, оли то до дву гривенъ; аже мѣне, то ротѣ ему по своѣ куны«. Въ другой разъ о нихъ упоминается въ договорѣ Смоленска съ Готландцами (1223): »Русину же нелзѣ имати Нѣмчина на желѣзо, такоже и Нѣмчину Русина; аже возлюбитъ самъ своею волею, то его воля«.

Что жь это былъ за судъ? на какой идеѣ онъ основывался, какъ достигалась здѣсь правда? Почти всеобщее мнѣніе, что это было шарлатанство жрецовъ, п. ч. кипятокъ и огонь вредятъ равно и правому и виноватому. Но съ такимъ положеніемъ не можетъ согласиться юристъ.

Если ордаліи существовали въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, если отъ нихъ отвыкли люди только вслѣдствіе совершеннаго измѣненія въ религіозномъ сознаніи, значитъ, онѣ удовлетворяли времени и посредствомъ ихъ достигалась правда, торжествовалъ правый, наказывался виновный. Постараемся доказать это, сколько возможно проще и короче.

Первобытный человѣкъ жилъ единою жизнью съ природою; того антагонизма, который теперь существуетъ между духомъ и матеріей и который развитъ христіанствомъ, еще не существовало. Природа не была для него безчувственнымъ предметомъ; она одухотворялась имъ; онъ хранилъ съ нею какое то братское дружество: и вѣтеръ, и лѣсъ, и огонь, и солнце, и рѣка— все это было для первобытнаго человѣка живымъ существомъ, и притомъ высшимъ его божествомъ; мало того—каждое животное, каждая былинка представлялись ему живущими съ нимъ единою жизнью, раздѣляющими его радости и горе. Такое единство его съ жизнью природы усматривается отчасти и теперь въ томъ слоѣ общества, до котораго не проникла наука и не разрушила еще этой гармоніи...

Эта гармонія, будучи удѣломъ младенческаго состоянія народа, есть вмѣстѣ съ тѣмъ, но уже какъ сознательная, результатъ самаго высшаго духовнаго развитія. Русскій поэтъ, сказавшій про Гете: »съ нимъ говорила морская волна«, сказалъ ему высшую похвалу. Для того, кто хотя нѣсколько знаетъ народную поэзію, ясно, что языческій Славянинъ точно такъ же(?) одухотворялъ, олицетворялъ и обоготворялъ природу, какъ Индіецъ и какъ Грекъ: это общечеловѣческій процессъ.

При такомъ воззрѣніи язычника на природу и ея силы, понятно, что когда споръ былъ запутанъ, т. е. не было на лицо матеріальныхъ доказательствъ, свидѣтелей и т. п., призывались въ помощь вездѣсущіе свидѣтели — воздухъ, огонь, вода: они все видятъ, все знаютъ, поэтому должны доказать, кто правъ, кто виноватъ. Въ одной индійской поэмѣ героиня Дамаянти призываетъ въ доказательство своей невинности вѣтеръ, и тотъ человѣческимъ голосомъ подтверждаетъ ея правоту. Мы не имѣемъ надобности развивать это положеніе: его основаніе общеизвѣстно, а подробности принадлежатъ исторіи литературы. Отсюда совершенно понятно, почему силы природы призывались къ свидѣтельству, когда дѣло было темное. А много ли дѣлъ было ясныхъ? Очень не много. Въ настоящее время мы доказываемъ невинность въ уголовномъ процессѣ какъ то математически: взвѣшиваемъ и измѣряемъ обстоятельства pro и contra, и на какой чашкѣ вѣсовъ перевѣсъ этой тяжести, тамъ и истина. Но къ такому анализу не былъ способенъ первобытный человѣкъ; оттого судъ, судебный процессъ, изрѣченіе рѣшенія— все это носило характеръ божественный, сверхъестественный. Такъ было, напр., у Евреевъ, такъ было и у Грековъ и Римлянъ въ первый періодъ ихъ жизни. У Римлянъ самыя уголовныя наказанія носили характеръ умилостивительной жертвы божеству. У древнихъ Германцевъ судьи сходятся у священнаго дуба; выраженіе лица ихъ и поза должны быть необыкновенны; судья долженъ сидѣть, по выраженію *Саксонскаго зерцала*, »какъ грознорыкающій левъ«; всѣ аттрибуты суда указываютъ на его языческо-религіозное значеніе. Для такого суда лучшимъ доказательствомъ должно было быть свидѣтельство божества, т. е. стихій, п. ч. стихіи были божествами.

Какимъ образомъ при испытаніяхъ желѣзомъ и водою достигалась правда? Было вѣрованіе, что раскаленное желѣзо не обожжетъ праваго—прекрасно! Но слушался ли огонь этой вѣры? Дѣйствительно

такъ... По современнымъ физическимъ изслѣдованіямъ положительно доказано, что человѣкъ можетъ опустить голую руку въ кипящую массу и держать ее тамъ безвредно нѣсколько секундъ, т. е. столько времени, сколько вполнѣ достаточно для того, чтобъ со дна котла вынуть кольцо, какъ это обыкновенно употреблялось при ордаліяхъ; онъ можетъ пройти босыми ногами по раскаленному желѣзу и т. п. Отчего же происходитъ, что одни могутъ безвредно, напр., ходить по раскаленному желѣзу, а другіе нѣтъ? Физика объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: на части человѣческаго тѣла, напр., на рукѣ, при соприкосновеніи съ раскаленнымъ желѣзомъ, или кипящей массой, образуется особеннаго рода испарина, которая, по упругости своей, препятствуетъ на нѣсколько секундъ непосредственному соприкосновенію кожи съ раскаленнымъ предметомъ; но обыкновенно человѣкъ, зная губительную силу огня, дрожитъ при этомъ опытѣ, и тогда образуется на его тѣлѣ холодный потъ, который не можетъ служить предохраненіемъ. Если же у подвергающагося опыту есть твердое убѣжденіе въ этой научной истинѣ, онъ всегда выйдетъ изъ него побѣдителемъ... Первобытный языческій человѣкъ вѣровалъ въ въ природу, обоготворялъ ее; онъ былъ убѣжденъ, что божество, пребывающее въ раскаленномъ желѣзѣ, заступится за него, если онъ правъ. И такъ, когда онъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ своей правотѣ, напр., что онъ не совершилъ убійства, въ которомъ его обвиняютъ, то смѣло и твердо опускалъ руку въ кипятокъ, или бралъ полосу раскаленнаго желѣза и торжествовалъ; напротивъ, неправый дрожалъ и, естественно, погибалъ отъ испытанія... Но не съ однимъ только индивидуальнымъ вѣрованіемъ приступалъ къ ордаліямъ древній язычникъ: религіозные обряды ободряли его. Ордаліи находились подъ завѣдываніемъ жрецовъ; у насъ до сихъ поръ сохранились остатки этихъ языческихъ заклинаній въ заговорахъ противъ желѣза, пуль, стрѣлъ. На Западѣ католическая церковь, послѣ безплодной борьбы противъ ордалій, приняла ихъ подъ свое покровительство, и въ церквахъ находились священныя орудія испытанія; так. обр. убѣжденіе въ ордаліи получило тамъ на нѣкоторое время христіанское освященіе; духовенство сдѣлалось смотрителемъ за ордаліями, чѣмъ прежде были языческіе жрецы.

Понятно, по чему ордаліи употреблялись въ уголовномъ процессѣ; но чѣмъ объяснить ихъ употребленіе въ гражданскомъ. А между тѣмъ »Русская Правда« прямо опредѣляетъ испытаніе водою и желѣзомъ, въ случаѣ спора о долговыхъ обязательствахъ. Для насъ это странно. Въ самомъ дѣлѣ, какое можетъ быть внутреннее убѣжденіе въ большей части гражданскихъ исковъ? У насъ это дѣло не совѣсти, а чисто матеріальное. Ни истецъ, ни отвѣтчикъ не знаютъ основательно, кто правъ изъ нихъ; можно вполнѣ добросовѣстно начать тяжбу и проиграть ее, п. ч у противника окажутся лучшіе документы; словомъ, гражданскій процессъ есть холодное, искуственное дѣло; въ немъ ищется не абсолютная истина, а только формальная (eritas juridica). Но не то въ младенческомъ быту. Здѣсь и гражданскій искъ непосредственно дѣло совѣсти, точно такъ же, какъ и уголовный. Между ними нѣтъ той пропасти, которая теперь существуетъ. Актовая сторона гражданскаго права была неизвѣстна, слѣдов. всѣ обязательства были основаны на вѣрѣ и совѣсти. Въ древнихъ нашихъ завѣщаніяхъ мы часто встрѣчаемъ выраженія, указывающія на такое пониманіе долговыхъ обязательствъ. Одна княгиня, исчисляя свои долги, проситъ наслѣдниковъ, чтобъ »свели ихъ с[illegible]
Новгородецъ XIV[illegible]
своихъ [illegible]

ничего никому не долженъ, только Богу душою». И теперь мы видимъ, что законъ и общественная нравственность расходятся въ своемъ воззрѣніи на силы долговыхъ обязательствъ: законъ даетъ полное значеніе крѣпостнымъ актамъ, гораздо меньше другимъ письменнымъ и почти никакого — словеснымъ; а общественная нравственность, напротивъ, считаетъ самымъ сильнымъ словесный долгъ, называетъ его «долгомъ чести»... Но мы удалились отъ нашего предмета. Мы желали показать основаніе примѣненія ордалій и въ гражданскихъ искахъ. Не будемъ представлять здѣсь воспроизведенія цѣлой картины Божьяго суда: для этого русскіе источники слишкомъ недостаточны; цѣль наша—уяснить его идею и показать процессъ человѣческой логики въ постепенномъ переходѣ отъ суда Божьяго къ человѣческому.

Ордаліи (въ смыслѣ испытаній) могли существовать до тѣхъ поръ, пока жило вѣрованіе въ божественность стихій въ матеріальное присутствіе божества. Но извѣстно, что такое вѣрованіе—первая ступень въ развитіи религіознаго сознанія. По этому вслѣдъ за ордаліями появляется второй видъ Божьихъ судовъ—*поединки*. Здѣсь тоже вѣрованіе, что и въ ордаліяхъ, т. е что божество укрѣпитъ руку праваго, и онъ побѣдитъ виновнаго, хотя бы силы ихъ были равны или даже виновный былъ сильнѣе; но это вѣрованіе здѣсь не въ той безграничной степени, какъ въ ордаліяхъ. Въ ордаліяхъ человѣкъ не играетъ никакой роли, дѣйствуетъ одно божество; человѣкъ чисто въ пассивномъ состояніи; а въ поединкахъ божество нисходитъ на 2-й планъ: человѣкъ дѣйствуетъ, божество ему помогаетъ. По этому и въ логическомъ и въ историческомъ процессѣ поединки стоятъ послѣ ордалій. Поединокъ, впрочемъ, не оставался въ одномъ видѣ; онъ [illegible]ся по мѣрѣ развитія рел[illegible] [illegible]нія: это мы докажемъ [illegible]скаго права. Теперь остановимся нѣсколько на самомъ понятіи поединка. Торжествовала ли въ немъ правда? Конечно. По общему понятію нашего времени, на поединкахъ торжествовалъ сильный и искусный, хотя бы онъ былъ не правъ. Но такъ можно думать безъ живаго понимания той среды, гдѣ онъ жилъ, какъ органъ правды. При убѣжденіи, что божество само присутствуетъ на поединкѣ и укрѣпляетъ праваго, виновный былъ побѣжденъ еще до начала боя: ему казалось, что земля подъ нимъ дрожитъ, народъ ему угрожаетъ; онъ терялся, дрожалъ, а этого одного достаточно, чтобъ быть побѣжденнымъ даже слабѣйшимъ. Вспомнимъ поэтическій разсказъ о томъ, какъ собака побѣдила на поединкѣ рыцаря, убійцу своего господина. Этимъ сюжетомъ, т. е. побѣдою слабаго, но праваго, надъ сильнымъ, пользовались романисты нашего времени, напр. Вальтеръ-Скоттъ, или нашъ Лажечниковъ (въ романѣ »Бусурманъ«).

Мы видѣли, что языческая религія укрѣпляла шедшихъ на ордаліи; то же самое имѣло мѣсто и относительно поединковъ, какъ языческо-религіознаго дѣйствія. Въ актѣ Стоглаваго Собора (1551 г.) сказано: »Нѣцыи не прямо тяжутся... на полѣ бьются и кровь проливаютъ, и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творятъ, кудесы бьютъ, и во Аристотелевы Врата и въ Рафли смотрятъ, и по звѣздамъ и по планитамъ гадаютъ, и смотрятъ дней и часовъ..., и на тѣ чарованія надѣясь, поклепца и ябедникъ не мирится«. Эти чародѣи—остатки жрецовъ; Аристотелевы Враты и *Рафли*—проклятыя церковью книги *языческой* мудрости.

[illegible]одимъ къ истор[illegible]динка. Бу[illegible] слѣдить [illegible]мое разви[illegible], котор[illegible]ихъ осно[illegible] отрин[illegible]нія пое-

динковъ у русскихъ Славянъ въ древнѣйшее время, т. е. въ IX и X вѣкахъ. Есть много причинъ думать, что тѣ разбои, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ во время св. Владиміра и о которыхъ говоритъ Русская Правда, отличая ихъ отъ обыкновеннаго разбоя (»разбои безъ всякія свады«), были поединки. Далѣе о поединкахъ упоминается въ договорѣ Смоленска съ Готландцами: »Русину же velзѣ позвати Нѣмцича на поле въ Смоленскѣ, ни Нѣмцичю въ Ригѣ или на Готскомъ берегѣ, олп (*но если*) нѣмечкій гость битися на Руси межи собою мецни или сулицами, князю то не надобѣ». Положительныя постановленія о поединкахъ, или какъ ихъ называли въ древней Россіи »поле», встрѣчаемъ въ 1-й разъ въ псковской Судной грамотѣ, за тѣмъ въ обоихъ Судебникахъ (Ивана III и Ивана IV) находится самое подробное постановленіе о внѣшней сторонѣ »поля«. Для нашей цѣли всего важнѣе постановленія Псковской Судной Грамоты; ихъ не много, но по нимъ можемъ возсоздать процессъ движенія идеи поединка, чего нельзя сдѣлать по Судебникамъ.—Вотъ эти мѣста: »А жонка съ жонкою присуждать *поле*, а найиту отъ жонки не быти ни съ одну сторону».—»А противъ послуха истецъ старъ, или младъ, или чѣмъ безвѣченъ, или попъ, или чернецъ, ино противъ послуха нанять вольно наймита, а послуху наймита нѣтъ». Эти мѣста псковской Судной грамоты показываютъ уже поединокъ во второобразной его формѣ; но по нимъ легко возсоздать первообразную. Мы видѣли основаніе поединка. По первоначальной его идеѣ было рѣшительно все-равно, имѣютъ ли равную или не равную силу противники: божество было достаточно сильнымъ, чтобъ укрѣпить слабаго и доставить ему побѣду надъ сильнѣйшимъ: здѣсь-то и проявлялась во всёмъ блескѣ сила божества (или, по нашему пониманію, сила убѣжденія). По этому вначалѣ поединокъ былъ вполнѣ возможенъ между увѣчнымъ и здоровымъ, старикомъ и юношей, опытнымъ бойцомъ и духовнымъ лицомъ. Но когда мало по малу начала слабѣть эта вѣра, божество стало терять свою непосредственность; оно получало силу, т. е. давало побѣду правому только тогда, когда силы противниковъ не были слишкомъ—неравномѣрны. Отсюда является учрежденіе подставни, или »наймитовъ«. Тамъ, гдѣ силы были слишкомъ — неравномѣрны, дозволяется слабѣйшей сторонѣ ставить наймита, именно: женщинѣ противъ мужчины, ребенку противъ взрослаго, увѣчному противъ здороваго, монаху противъ мірянина. За этими исключеніями болѣе нѣтъ наймитовъ, хотя, конечно, и тутъ могло быть еще значительное неравенство силъ, но божество уравновѣшило. Поэтому и женщина противъ женщины должна была лично биться. Мало по малу учрежденіе наймитовъ съ паденіемъ вѣры въ поединокъ расширяется, и по Судебнику Ивана III общее правило: бойцу биться съ бойцомъ, т. е. если одна сторона, вслѣдствіе своей слабости, напр., женщина противъ мужчины, ставитъ наймита, то и противникъ имѣетъ право сдѣлать тоже. Впослѣдствіи наймиты дозволены неограниченно, такъ что въ половинѣ XVI ст. бьются только они, а не сами тяжущіеся: «Готовъ биться на полѣ, и наймита ставлю»—обыкновенный отвѣтъ подсудимаго. Так. обр. идея божества постепенно слабѣла въ поединкѣ, видоизмѣняла его и наконецъ вовсе уничтожила его относительную разумность. Коль скоро бьются наймиты, то не можетъ быть и рѣчи о силѣ внутренняго убѣжденія, слѣдов. является одна дикая форма безъ того содержанія, которое давало ей жизнь и смыслъ. И—фактъ чрезвычайно поучительный — чрезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ Судебника Грознаго, въ которомъ весьма подробно опредѣлена форма пое-

дника съ наймитами, онъ исчезаетъ изъ законодательства, а къ концу XVI в. даже и изъ народнаго обычая. Форма безъ содержанія ничего не значитъ, и у русскаго народа было столько здраваго смысла, что онъ понялъ ея безнравственность и бросилъ ее. Отсюда прямой переходъ къ суду человѣческому—по словамъ, по доказательствамъ актовымъ.

Но не вдругъ окончилась языческо-религіозная идея суда. Между судомъ божьимъ и судомъ человѣческимъ есть посредствующее звено: это та форма словеснаго процесса, на которой еще лежитъ религіозное воззрѣніе. Мы обладаемъ въ исторіи нашего права памятникомъ, въ которомъ находится классическое мѣсто для сознанія этого перехода, именно: въ Псковской Судной Грамотѣ мы читаемъ о словесномъ процессѣ: »А на судъ помочью не ходить; лѣсти въ судебнику двѣма сутяжникома. А пособниковъ не было ни съ одной стороны, опричь жонки, или за дѣтину, или за черньца, или за черницу, или который человѣкъ старъ вельми, или глухъ, ино за тѣхъ пособнику быти«. Разбирая это мѣсто, ясно видимъ въ немъ переходъ отъ божьяго суда къ человѣческому: судотвореніе это тотъ же бой, но бой словами. Слово судебное представляется не только какъ дѣло человѣческаго умѣнья, но и какъ вдохновеніе божества, которое даетъ силу и искуство менѣе-смышленому, но правому. Поэтому »пособники«, т. е. адвокаты, допускались только въ томъ случаѣ, когда было слишкомъ большое неравенство въ нравственныхъ силахъ тяжущихся, именно: когда одинъ изъ нихъ былъ увѣчный, старикъ или женщина. Слѣдов. здѣсь повторилось тоже движеніе идеи, которое было въ поединкахъ: адвокатъ соотвѣтствуетъ наймиту. Слѣдя далѣе эту аналогію между поединкомъ и словеснымъ процессомъ, видимъ, что результатъ послѣдняго былъ тотъ же, что и перваго, т. е. съ окончательнымъ паденіемъ языческо-религіознаго убѣжденія обѣ стороны получили право ставить вмѣсто себя адвокаковъ. Но наше нынѣшнее право до сихъ поръ сохранило яркіе слѣды прежняго религіознаго понятія о словесномъ судѣ: адвокатура не признается въ уголовномъ процессѣ. Любопытно и поучительно, что простонародное убѣжденіе не въ одной Россіи идетъ противъ адвокатуры въ уголовномъ судопроизводствѣ. Для него представляется болѣе нравственнымъ, когда обвиняемый самъ себя защищаетъ; адвокатъ—наемное лицо; у него нѣтъ живаго, непосредственнаго сознанія правоты. Мы сказали, что судотвореніе имѣло отчасти религіозный характеръ. Если это такъ, то слѣдовательно и здѣсь должно быть участіе языческой религіи въ укрѣпленіи идущаго на словесный судъ, подобно тому, какъ это она дѣлала при ордаліяхъ и поединкахъ. Дѣйствительно во 2 т. »Архива« г. Калачова мы находимъ заговоръ идущему на судъ: »Господи отче, благослови! Встахомъ заутра и помолихся Господу Богу в дьнницe, сосходить и зло на врань сковіемъ 327 железнехъ ключей, оловянехъ и мѣднехъ. Заключи имъ, Господи, моемъ супротивникомъ, умъ, и езыкъ, и сердце, отъ нихъ же зломыслеть не ми да суть. А мене да полетить езыкъ всемъ властителомъ и судіамъ поине ее яко дедрословеснику попу евангеліе. Заклапи, Господи, моимъ супротивникомъ езыкы, яко пресвитеръ св. евангеліе, и азъ рабъ божій *имр* въ красоту изидохъ и у завистъ всемъ, всегда, нынѣ и присно и вѣкы вѣкомъ, аминъ«.

Такъ совершился процессъ перехода Божьяго суда въ человѣческій. Но что же двигало и видоизмѣняло этотъ процессъ? Естественная ли сила развитія, или какая-нибудь другая? Для новыхъ народовъ это была другая сила—христіанство. Оно было принято тогда, когда процессъ языче-

скаго сознанія далеко еще не кончилъ своего развитія, и мало по малу разрушило въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ языческо-религіозный характеръ суда. Эта борьба христіанскихъ началъ съ языческими происходила во всѣхъ сферахъ человѣческой, общественной и частной жизни; она отразилась въ измѣненіи понятія о судѣ. Но нигдѣ, м. б , побѣда христіанства надъ языческими началами не была такъ трудна, какъ въ этой сферѣ, п. ч. характеръ суда—коренное произведеніе народнаго духа. На Западѣ усилія церкви противъ ордалій долгое время были безплодны; тоже самое было и относительно поединковъ, которые подъ вліяніемъ рыцарства приняли новый видъ дуэли, и въ этомъ видѣ перешли въ XVIII в. и къ намъ, и до сихъ поръ, не смотря на всѣ усилія законодательства, не перестали существовать.

Обращаясь къ нашему праву, видимъ, что съ самаго принятія христіанства церковь выступила противъ судовъ божьихъ. У Нестора есть классическое мѣсто о началѣ этой борьбы: »И умножишеся разбоевѣ, и рѣша епископи Володиміру: умножишися разбойницы, и почто не казниши ихъ?—Онъ же рече: боюся грѣха.—Они же рѣша ему пакы: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ и на милованіе добрыхъ: достоитъ ти казнити разбойникы, но съ испытаніемъ.—Володиміръ же отвергъ виры, абіе нача казнити разбойникы. И рѣша старцы и епископы: рать многа, а ежъ вира, то на оружьи и на конехъ буди.—И рече Володиміръ: да тако буди.—И живяше Володиміръ по устроенію дѣдню и отню«. Это мѣсто объясняли наши изслѣдователи по крайней—мѣрѣ на 10 ладовъ, и всякій разъ сознавались, что выходитъ противорѣчіе, а м. тѣмъ смыслъ его ясенъ. Баронъ Розенкампфъ и г. Калачовъ положительно доказали, что сл. *разбой* означало также и поединокъ, и кровную месть, и вообще самоуправство. Церковь, въ лицѣ епископовъ, проситъ Владиміра казнить разбойниковъ. *Казнить*—въ древ. Руси употреблялось въ смыслѣ *наказать*, слѣд. »казнить со испытомъ« на языкѣ епископовъ означало: подвергать, послѣ правильнаго суда, уголовному наказанію поединщиковъ, и вообще всѣхъ виновныхъ въ языческомъ самоуправствѣ, тогда какъ тогдашніе земскіе законы не знали вообще другаго наказанія за преступленіе кромѣ *виры*, т. е. денежной пени. Владиміръ, какъ человѣкъ, выросшій среди языческихъ понятій, отвѣчалъ: »боюсь грѣха«, т. е. его смущала мысль разрушить вѣковой обычай народа. Въ такомъ положеніи былъ не одинъ Владиміръ, а и всѣ новообращенные въ христіанство германскіе конунги; Альфонсъ II желалъ уничтожить поединки, но бол. часть народа стояла за нихъ, и король положилъ рѣшить споръ, быть или не быть поединкамъ—поединками! Съ одной стороны вышелъ защитникъ народнаго обычая, съ другой—правильнаго суда, они сразились; первый побѣдилъ, и поединки были сохранены. Но Владиміръ уступилъ: уничтожилъ виры. Отчего же, вслѣдъ за этимъ уничтоженіемъ, не только старцы, какъ блюстители народнаго обычая, но и сами епископы просятъ князя возстановить старый порядокъ? Дѣло оч. понятно: виры были главнымъ доходомъ князя; вспомнимъ—при этомъ, что князь во 1-хъ, до окончательнаго утвержденія христіанства, содержалъ духовенство десятинами изъ своихъ доходовъ, во 2-хъ, князь давалъ оружіе и коней не только дружинѣ, но и земскому (»княже! выдай намъ оружіе и коней«, говорили Кіевляне Изяславу): по этому внезапное уничтоженіе виры имѣло не выгодныя послѣдствія для духовенства и особенно для государства, п. ч. Владиміръ велъ безпрестанныя войны. Поэтому вполнѣ понятны слова епископовъ и

старцевъ: »князь! тебѣ надобно постоянно держать войско въ полѣ; возстанови вѣры, тогда будешь имѣть средство на оружіе и коней«. Владиміръ согласился и сталъ снова жить по уставу отцовъ и дѣдовъ.

И такъ, у насъ была финансовая причина побѣды на 1-й разъ языческаго процесса. Онъ является вполнѣ-торжествующимъ въ Рус. Правдѣ, въ значительной части въ Пск. Судн. Грамотѣ и въ обоихъ Судебникахъ. Но рядомъ съ гражданскимъ обществомъ существовало другое, церковное, въ которомъ господствовали другія начала права. Надобно, впрочемъ, удивляться силѣ языческаго суда: не смотря на проклятіе церкви, поединки существуютъ до конца XV в. Мало того: они признаны законодателемъ такимъ, каковъ былъ царь Ив. Вас. Грозный. Соборы едва успѣваютъ оградить духовенство отъ поединковъ. Мы упоминали, что поединки, какъ актъ языческо-религіознаго сознанія, были связаны съ заклятіями, которыя вначалѣ, конечно, производились жрецами и послѣ введенія христіанства—чародѣями и волхвами, т. е. тѣми лицами, которыя наслѣдовали мистическую часть древней религіи. Противъ этихъ лицъ, которыя поддерживали въ народѣ языческія вѣрованія, и вооружился Стоглавный Соборъ и проклялъ книги, въ которыхъ заключалась ихъ мудрость, какъ бы оставляя въ покоѣ самые поединки. Но ясно, что когда усиліями церкви были истреблены эти лица и книги, то поединки, будучи лишены своей мистической опоры, не могли болѣе существовать.

Безъ сомнѣнія, весьма поучительно прослѣдить подробно побѣду христіанскаго суда надъ язычествомъ; но, по скудости извѣстій, это невозможно. И не мудрено: это была внутренняя, глухая борьба, борьба въ сознаніи, не высказывавшаяся ни въ чемъ осязательно, а поэтому она и прошла какъ-бы незамѣтно. А м.-тѣмъ, здѣсь совершался величайшій актъ въ процессѣ развитія духа рус. народа.

Замѣчательно, что когда формы христіанскаго процесса одолѣвали языческія, то и на нихъ оказывалось вліяніе языческаго воззрѣнія, наприм., на присягѣ. Начиная съ Пск. Суд. Грамоты и оканчивая Уложеніемъ (1649 г.), встрѣчаемъ слѣд. постановленія относительно присяги: за родителей въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны присягать дѣти, за помѣщиковъ—крестьяне, за гостей—ихъ приказщики, наконецъ, вмѣсто царя, при заключеніи трактатовъ, иногда присягали бояре. Такое явленіе съ перваго раза озадачиваетъ: христіанская присяга и обязанность другаго лица приносить ее за того, кто долженъ—это два понятія несовмѣстимыя. Допуская второе положеніе, уничтожается сила и смыслъ присяги; а, м.-тѣмъ, такое явленіе въ нашемъ правѣ объясняется оч. просто: перенесеніемъ на христіанскую присягу учрежденія наймитства и замѣны, употреблявшихся при Божьихъ судахъ.

Разсматривая значеніе Божьихъ судовъ, сравнительно съ смѣнившимъ ихъ судомъ человѣческимъ, мы должны сказать, что въ нихъ, какъ и во всѣхъ явленіяхъ первобытной жизни, есть та непосредственность, то наивное вѣрованіе въ правду, котораго недостаетъ послѣдующему быту. Въ человѣческомъ судѣ идея правды является для массы закрытою сложными и медленными формами; мало того, казуистика лишаетъ ее той святости (опять въ глазахъ массы), безъ которой невозможно ея нравственное существованіе. Нужно долгое развитіе для народа, чтобъ идея правды, со всѣми этими сложными и отвлеченными формами, получила въ его глазахъ нравственное значеніе, какъ, напр., въ настоящее время во Франціи. Тяжко бываетъ для народа то переходное состояніе, которое лежитъ между паденіемъ Божьихъ судовъ

и нравственнымъ сознаніемъ святости человѣческаго суда. Отсюда такое страшное состояніе правосудія у насъ въ XVI и XVII в..... Чернымъ покрываломъ подернулась правда въ сознаніи нашего народа. Это покрывало снимется тогда, когда, вслѣдствіе нравственнаго развитія, чувство долга укоренится въ сердцахъ и всѣ будутъ преклоняться передъ закономъ.

(*Изъ статьи А. В. Лохвицкаго, Отеч. Зап. 1857 г. кн. VI, 1, 509—520*).

199. О юридическомъ значеніи духовенства.

Введеніе у насъ христіанской вѣры, заимствованной изъ Византіи, соединяется съ призваніемъ оттуда-же духовенства, которое должно было насадить и утвердить эту вѣру въ обширныхъ уже предѣлахъ тогдашней Россіи. Такимъ образомъ пастыри греческой церкви, вмѣстѣ съ своими учениками изъ Болгаръ, съ самаго начала являются къ намъ въ довольно значительномъ количествѣ и образуютъ особое сословіе, увеличивающееся постепенно съ присоединеніемъ къ нимъ мало по малу новыхъ органовъ церкви изъ числа туземныхъ жителей, ими воспитанныхъ и наученныхъ правиламъ вѣры. Это сословіе рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ сословій древней Руси и стоитъ высоко надъ ними. Возросшее въ догматахъ византійской церкви, утвержденныхъ неподвижно канонами св. апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. Отцевъ, высоко образованное и основательно изучившее свѣтское, подробно развитое, право своего первобытнаго отечества въ той степени, какъ это было ему нужно для отношеній его къ гражданской власти, оно, естественно, должно было принести съ собою къ нашимъ предкамъ глубокое сознаніе о своихъ достоинствахъ и твердую волю неизмѣнно содержать и въ нашемъ отечествѣ свои уставы, а потому и развивать ихъ въ томъ же духѣ и сообразно византійскому праву, которымъ оно было напитано. Но при этомъ воззрѣніи, что встрѣтило оно въ томъ народѣ, въ той странѣ, гдѣ ему суждено было отнынѣ жить и дѣйствовать? Не болѣе, какъ самые сомнительныя начатки гражданственности: въ сферѣ государственной—верховную власть, связанную съ подданными едва замѣтными, почти временными, узами подчиненія, за исключеніемъ дружинъ и городовъ, болѣе близкихъ къ князьямъ; въ сферѣ частной—бытъ родовой, въ которомъ еще не знаютъ ни отдѣльной недвижимой собственности, ни завѣщанія, ни наслѣдства въ настоящемъ его значеніи; въ сферѣ уголовной—кровную месть, еще господствующую во всей силѣ и отвергающую всякое понятіе о возмездіи со стороны верховной власти. Очевидно, что на такое положеніе вещей пришлое образованное духовенство должно было смотрѣть съ внутреннимъ негодованіемъ и отвращеніемъ и такимъ образомъ даже считать обязанностію своей совѣсти внушать вел. князьямъ, которые старались объ утвержденіи христіанской вѣры въ своихъ областяхъ, о внесеніи новыхъ началъ въ бытъ государственный, гражданскій и уголовный; самымъ же лучшимъ для того средствомъ оно должно было, ко-конечно, признать то, чтобъ познакомить ихъ съ постановленіями и городскимъ бытомъ своего прежняго отечества—Византійской имперіи.... Извѣстно, какое глубокое, живое и теплое сочуствіе возбуждаетъ христіанская вѣра въ душахъ новообращенныхъ язычниковъ, съ какимъ пламеннымъ рвеніемъ они готовы посвятить себя и свое имущество на служеніе одному Богу, съ какою охотою всѣ свои

предпріятія и дѣйствія подчиняютъ высокому духу смиренія и благости, оживотворяющему истинную религію. Св. Владиміръ, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлался христіаниномъ, пересталъ казнить разбойниковъ, »ибо, говоритъ онъ, боюсь грѣха«. Но еще другое событіе, въ высшей степени важное для нашего отечества, является въ тоже самое время въ подкрѣпленіе духовенства. Это развитіе дома Ярослава Великаго сначала въ семейство, а потомъ въ родъ, причемъ всѣ члены рода удерживаютъ бóльшія или мéньшія права на достояніе своего общаго предка.... Каждый отдѣльный князь, какъ скоро онъ истинно проникнутъ всеобъемлющимъ духомъ христіанской вѣры, стремится отдѣльно къ осуществленію великой цѣли—вполнѣ утвердить ее въ своей области, а вслѣдствіе этого весьма естественно приходитъ въ ближайшее соотношеніе съ ея органами—духовенствомъ и вліяніемъ его болѣе или менѣе сознательно пользуется для улучшенія юридическаго быта своихъ подданныхъ, какъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою, такъ и въ примѣненіи ихъ отношеній къ своей власти. Таковы именно были: Святославъ Ярославичъ, сынъ его Глѣбъ и племянникъ Ярополкъ Изяславичъ, Владиміръ Мономахъ, сынъ его Ярополкъ, Андрей Боголюбскій и множество другихъ. И вотъ, при такомъ общемъ стремленіи всѣхъ князей древней Руси, согласныхъ между собою или враждующихъ, быстро на всемъ ея пространствѣ осуществляются одни и тѣже явленія, которыя повсемѣстно возводятъ духовенство на степень одного изъ важнѣйшихъ органовъ юридической дѣятельности въ различныхъ сферахъ общественнаго быта, и плоды этой дѣятельности передаютъ не только современному законодательству, но и отражаютъ ихъ чрезъ все историческое развитіе нашего отечества до настоящаго времени.....

Глубокое сочувствіе нашихъ первыхъ князей къ проповѣдникамъ христіанской вѣры и общее религіозное направленіе, кромѣ внѣшнихъ знаковъ отличнаго уваженія, доставляли часто духовенству не только возможность, но и право быть посредникомъ въ ихъ ссорахъ и распряхъ, участвовать въ ихъ думахъ и совѣщаніяхъ, лично и письменно съ ними бесѣдовать о устроеніи государства и его управленіи, словомъ,—обо всѣхъ дѣлахъ общественныхъ, и въ этой бесѣдѣ не только выхвалять князя за его добродѣтели, но также порицать за пороки и даже силою духовной власти связывать душу виновныхъ, отлучая ихъ отъ церкви. Но важнѣйшимъ правомъ въ сферѣ внѣшнихъ юридическихъ отношеній было, безъ сомнѣнія, право, которое получило духовенство владѣть не только богатою движимостію, не только десятинами отъ княжескихъ доходовъ, но и не движимою собственностью, населенными и не населенными землями, со всѣми угодьями, притомъ владѣть ими въ значеніи отчинниковъ, съ предоставленіемъ сверхъ того множества привилегій, какія изъ прочихъ подданныхъ давались весьма немногимъ, а для духовенства мало по малу сдѣлались почти общимъ правиломъ..... Нельзя вполнѣ исчислить, какимъ именно количествомъ недвижимыхъ имѣній владѣло издревле русское духовенство; но довольно извѣстно, что такихъ имѣній было несравненно болѣе, нежели земель, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, ибо не только князья, но и подданные ихъ, увлекаясь религіознымъ настроеніемъ духа, въ особенности при концѣ жизни, обыкновенно давали въ монастыри и церкви богатѣйшіе вклады населенныхъ и ненаселенныхъ имѣній для вѣчнаго поминанія души своей и своихъ родителей. Въ этихъ отчинахъ духовенство имѣло всѣ права привилегированныхъ владѣльцевъ: оно ими завѣдывало и управляло, собирало съ нихъ

оброки и поземельные доходы, а въ случаѣ возникшихъ между жителями ссоръ и преступленій, имѣло право суда, которое, на основаніи большей части жалованныхъ грамотъ, давалось ему вполнѣ, за исключеніемъ душегубства, татьбы и разбоя, предоставлявшихся только весьма немногимъ изъ привилегированныхъ лицъ и чрезвычайно рѣдко. До насъ дошло значительное число наказовъ, данныхъ монастырями и духовными властями прикащикамъ, которые управляли ихъ отчинами; дошло нѣсколько уставныхъ и правныхъ грамотъ, объясняющихъ намъ порядокъ и правила, на основаніи коихъ духовенство производило въ этомъ случаѣ свой судъ и расправу; дошли, наконецъ, многіе акты съ опредѣленіемъ судебныхъ пошлинъ, какія взимали церковные десятинники съ истца и отвѣтчика. Изъ этихъ документовъ видно, что духовенство дѣйствовало здѣсь точно такъ же, какъ и свѣтская власть, подчиняясь вполнѣ издаваемымъ его постановленіямъ. У него, какъ и у верховной власти, есть свои бояре и боярскіе дѣти, свои волостели и тіуны... Духовенству необходимо знать всѣ уставы, относящіеся до поземельныхъ повинностей и до разныхъ сборовъ, ибо, въ противномъ случаѣ, оно легко можетъ подвергнуться притѣсненіямъ, съ одной стороны отъ воеводъ и намѣстниковъ, а съ другой—отъ мытниковъ и таможенниковъ княжескихъ. Далѣе оно должно знать подробно гражданскіе судебные законы, ибо, въ противномъ случаѣ, въ тяжбахъ, возникающихъ между подчиненными духовенству и сторонними лицами, гдѣ судъ смѣсный производится органами тѣхъ и другихъ, оно не будетъ умѣть охранить интересовъ своей партіи. Наконецъ, оно должно знать и уголовные законы, ибо иначе ему не будутъ извѣстны предѣлы, до которыхъ въ данныхъ случаяхъ можетъ простираться его юрисдикція, такъ какъ оно не имѣетъ права судить дѣла, касающіяся до душегубства, татьбы и разбоя. Но съ другой стороны не менѣе было важно для духовенства помнить свѣтскія узаконенія, когда верховная власть стала ограничивать его отчинныя права, издавая съ этою цѣлью отдѣльныя постановленія, или общія грамоты, которыя тѣмъ самымъ исключали предоставленныя духовенству льготы... Такимъ образомъ духовенство, рядомъ съ постановленіями каноническаго права, иногда вноситъ въ свои сборники также свѣтскіе законы. Конечно, нельзя не согласиться, что часто такія статьи имѣютъ въ себѣ характеръ и значеніе памятниковъ по преимуществу литературныхъ; но на основаніи сказаннаго выше, безъ сомнѣнія, никто не будетъ отрицать, что на свѣтскія узаконенія, имѣвшія практическое значеніе въ нашемъ древнемъ правѣ, должно съ этой самой точки смотрѣть и въ томъ случаѣ, если они включены въ какой—нибудь сборникъ, назначенный для канонической практики... И такъ, заключаю: изученіе сборниковъ каноническихъ не только полезно, но и необходимо для того, чтобъ вполнѣ узнать и исчерпать источники нашего древняго свѣтскаго законодательства.

Кромѣ этой, столь обширной сферы юридической дѣятельности, духовенство имѣло, по собственному своему значенію, еще другую съ одной стороны, по числу подчиненныхъ ей лицъ, еще болѣе обширную, но за то болѣе тѣсную и опредѣленную, по предметамъ юрисдикціи. Я говорю о судахъ духовныхъ. Главныя начала для утвержденія своего права въ этой сферѣ оно принесло уже съ собою изъ Византіи вмѣстѣ съ Номоканономъ, гдѣ во многихъ мѣстахъ исчислены какъ предметы духовнаго вѣдомства, такъ и права и обязанности въ отношеніи къ нимъ духовенства. Но въ Россіи тѣ и другія получили необходимое приращеніе вслѣдствіе мѣстнаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, при грубомъ чувственномъ бытѣ язычника, кото-

рый духовенство застало у нашихъ предковъ, невозможно было во многихъ случаяхъ примѣнять къ нимъ постановленія византійской церкви и императоровъ, если эти постановленія не должны были оставаться совершено безплодными. Въ то же самое время,—такъ какъ отношенія государственныя и гражданскія почти вовсе не были еще сознаваемы при такомъ бытѣ—духовенство не могло бы исполнять и тѣхъ обязанностей, которыя на немъ лежали на основаніи Номоканона, еслибъ не позаботилось о расширеніи круга своей дѣятельности для включенія въ него нѣкоторыхъ правъ, какихъ не имѣло въ первобытномъ своемъ отечествѣ. Такимъ образомъ, утвержденіе со стороны верховной власти церковной десятины, введеніе денежныхъ пеней въ пользу духовенства за преступленія духовныя, участіе въ раздѣлѣ имущества послѣ умершаго между его родственниками,—все было такія права, которыя духовенство получило въ Россіи вслѣдствіе мѣстнаго развитія своихъ основныхъ правъ и преимуществъ. Однако, только рядомъ долговременныхъ усилій удалось ему достигнуть своей трудной задачи—поставить народъ, подчиненный ему въ духовномъ отношеніи, въ уровень источникамъ, на основаніи которыхъ оно должно было дѣйствовать. Выше я уже замѣтилъ, что, для лучшаго достиженія своей цѣли, духовенству было всего выгоднѣе ознакомить вел. князей съ самымъ законодательствомъ Византійской имперіи и убѣждать ихъ объ утвержденіи тѣхъ или другихъ необходимыхъ постановленій въ Россіи. Такъ и дѣйствовало оно въ нѣкоторыхъ, именно извѣстныхъ намъ, случаяхъ. Но возможно ли было такъ круто измѣнить родовой, неустроенный бытъ на государственный, уничтожить вѣковыя понятія, которыя развились сами собою, путемъ естественнымъ, и слѣд. могли также вполнѣ искорениться не иначе, какъ путемъ народнаго сознанія и убѣжденія. Мы знаемъ дѣйствительно, что нѣкоторыя попытки были предприняты съ цѣлію ввести вдругъ новый порядокъ вещей и что они не удались, по крайней мѣрѣ привились не скоро, и, напротивъ, еще долго жили на ряду со старымъ бытомъ. Так. обр., въ нашемъ древнемъ законодательствѣ, съ одной стороны,—вслѣдствіе установленія въ теоріи узаконеній византійскихъ, а съ другой,—вслѣдстіе удержанія на практикѣ прежнихъ народныхъ обычаевъ, является замѣчательная двойственность, которая невольно проглядываетъ во всѣхъ источникахъ до самаго »Уложенія« царя Алексѣя Михайловича. Этой двойственности не чужды даже и тѣ узаконенія, которыя издавались при содѣйствіи духовенства, ибо, повторяю, оно было не въ силахъ сломить вдругъ всѣ обычаи, глубоко укоренные вѣками, а, напротивъ, только постепенно достигало своей цѣли. Такъ, напримѣръ, кровная месть, многоженство, брачные союзы въ близкихъ степеняхъ родства, судебные поединки (*поле*), мѣстничество,—все это было строго запрещаемо, преслѣдуемо или, по крайней мѣрѣ, порицаемо духовенствомъ, но удерживалось упорно вмѣстѣ съ тѣмъ духомъ язычества, который еще доселѣ носится надъ нами, заставляя простолюдиновъ вѣрить въ различныхъ духовъ и волшебниковъ, или въ завѣтные дни совершать обряды, освященные незапамятною древностью. Поэтому въ высшей степени трудно рѣшить, какое значеніе на практикѣ и съ какого именно времени получилъ и у насъ тотъ или другой источникъ византійскаго права; но что, наконецъ, всѣ тѣ изъ нихъ, которые встрѣчаются въ нашей древней письменности, въ большей или меньшей степени, имѣли такое значеніе, видно изъ того, что мѣстами или измѣнены противъ подлинниковъ, часто дополнены цѣлыми статьями, очевидно, русскими, что на основаніи ихъ дѣйствительно рѣшены нѣкоторые практи-

ческіе случаи и что, наконецъ, они перешли въ полномъ своемъ составѣ, или въ отрывкахъ, сначала въ рукописныя, а потомъ и въ печатныя, собранія, составленныя офиціально, подъ вліяніемъ правительства. Таковы въ особенности Кормчія книги. Слѣд., въ послѣднемъ случаѣ источники византійскаго права могутъ быть несомнѣнно названы также источниками и въ примѣненіи къ древнему законодательству нашего отечества, а съ другой стороны памятниками юридическими относительно настоящаго времени. Но для того, чтобъ ихъ вполнѣ понять и оцѣнить, необходимо подвергнуть ихъ самому тщательному сличенію съ памятниками туземнаго права. Тогда только будемъ мы въ состояніи говорить объ нихъ подробнѣе и опредѣленнѣе.

Останавливаясь на источникахъ духовнаго судопроизводства, мы замѣчаемъ, что въ этой сферѣ духовенство дѣйствовало прежде всего на основаніи Номоканона. Здѣсь Правила апостольскія, опредѣленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и постановленія Отцевъ церкви, которыя оно признаетъ неизмѣнными для себя догмами и которымъ подчиняетъ всѣ свои дѣйствія. Но здѣсь же встрѣчаются и постановленія византійскихъ императоровъ, подъ вліяніемъ коихъ церковь получила мѣстное развитіе и утвердилась на почвѣ древней Греціи. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ канцны недостаточны, духовенство руководствуется этими узаконеніями; но также не рѣдко оно подкрѣпляетъ ими и первые. Въ древней Россіи тотъ и другой источникъ, принесенный извнѣ, восполняется еще мѣстными. Такихъ источниковъ также два главныхъ рода: соборы съ правилами Отцевъ церкви и уставы или узаконенія великихъ князей. Первые раздѣляются опять на соборы общіе и слѣд. обязательные для всей Россіи, и на соборы мѣстные. Если соборъ созываетъ митрополитъ кіевскій, владимірскій, московскій; еще болѣе, если въ немъ принимаетъ участіе самъ в. князь, то онъ, конечно, если только касается до устройства и управленія церковнаго вообще, обязателенъ для всѣхъ областей, подчиненныхъ вѣдѣнію м-та. Напротивъ, соборъ должно назвать мѣстнымъ, когда его держитъ архіепископъ, или епископъ, находящійся въ зависимости отъ м-та, при томъ держитъ его въ своей области, хотя бы вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими святителями изъ ближайшихъ епархій. Очевидно, однако, что по мѣрѣ своей важности, постановленія такихъ мѣстныхъ соборовъ могутъ также получить значеніе общихъ источниковъ. Что касается до правилъ Отцевъ церкви, то они заключаются преимущественно, съ одной стороны, въ отвѣтахъ, какіе давали одни изъ пастырей на вопросы другихъ о предметахъ церковнаго устройства, или управленія, о богослуженіи и т. п., а съ другой стороны въ посланіяхъ и поученіяхъ м-товъ и другихъ духовныхъ властей къ князьямъ и прочимъ низшимъ лицамъ, духовнымъ или свѣтскимъ. Наконецъ, узаконенія в. князей заключаются въ уставахъ, имѣющихъ форму грамотъ, данныхъ на имя того или другаго лица. Во всѣхъ изъ нихъ, сколько они извѣстны, сказано, что они даны на основаніи Номоканона, въ связи съ чѣмъ находится исчисленіе предметовъ, подлежащихъ суду церковному, и тѣхъ правъ, которыя предоставляются въ этомъ отношеніи духовенству, или же вмѣсто того подтвержденіе какого либо изъ прежнихъ уставовъ. Таковы уставы о церковныхъ судахъ в. князей Владиміра и Ярослава, князей Всеволода—Гавріила новгородскаго и Ростислава смоленскаго, в. кн. Василія Дмитріевича... Кромѣ этихъ источниковъ, на основаніи дошедшихъ до насъ матеріаловъ, мы знаемъ, что духовенство руководствовалось еще отдѣльными выписками, или росписями, въ коихъ изчислялись подлежащіе его вѣдомству предметы судо-

производства, равно какъ денежныя пошлины, какія слѣдовало взимать въ этомъ случаѣ, и другіе церковные доходы. На основаніи ихъ митрополиты давали иногда грамоты новопоставляемымъ епископамъ съ обозначеніемъ въ нихъ правъ, принадлежащихъ послѣднимъ въ отношеніи церковнаго суда. Сами по себѣ такія выписки не имѣли, конечно, юридической обязательной силы, но на практикѣ духовенство руководствовалось ими, п. ч. онѣ были составлены на основаніи офиціальныхъ документовъ и обычаевъ, имѣвшихъ значеніе законовъ.

Не изчисляя въ подробности всѣхъ предметовъ, подлежавшихъ въ древней Россіи духовному суду, равно какъ и правилъ самого судопроизводства, мы замѣтимъ, относительно первыхъ, что къ нимъ принадлежали преимущественно слѣдующія дѣла: 1) иски родителей на дѣтей, мужей на женъ и женъ на мужей, рабовъ на господъ и, наконецъ, всѣхъ вообще лицъ женскаго пола и дѣтей, когда эти иски относились, въ первомъ случаѣ, къ непослушанію, а во всѣхъ другихъ—къ насилію, беззаконной жизни и инымъ подобнымъ преступленіямъ; 2) иски отцевъ духовныхъ на духовныхъ дѣтей своихъ «въ непослушаніи и во всякомъ безчиніи», какъ сказано въ источникахъ; также иски священнослужителей на своихъ прихожанъ, хотя бы они не были духовными дѣтьми, въ томъ, что они не ходятъ въ церковь, не постятся и не имѣютъ у себя отцевъ духовныхъ; 3) иски на безчестіе особенно зазорное; 4) иски о запрещенныхъ бракахъ и незаконно прижитыхъ дѣтяхъ; 5) иски о сынотвореніи, т. е. усыновленіи пріемыша, и о братотвореніи, и объ учиненіи такихъ пріемышей наслѣдниками; 6) иски господъ на рабовъ, которые женятся, постригутся или живутъ въ бѣгахъ беззаконно; 7) дѣла по духовнымъ завѣщаніямъ и раздѣламъ имущества послѣ умершихъ между ихъ родственниками; 8) чародѣйства, волхвованія, расколы и вообще дѣла, противныя православію, равно какъ иски, относящіеся до святотатства и оскорбленіе церковной святыни; 9) всякаго рода иски, если истецъ предпочтетъ требовать суда у духовной власти. Всѣ эти предметы подлежали во всей обширности вѣдомству духовенства до самыхъ временъ Петра В., какъ можно убѣдиться на основаніи одной росписи, включенной въ грамоту, данную патр. Адріаномъ, архіепископу колмогорскому и важскому, Аѳанасію, объ епархіальномъ управленіи 1694 г. и нѣкоторыхъ другихъ, еще позднѣйшихъ документовъ. Относительно же правилъ судопроизводства въ этой сферѣ, духовенство, какъ видно изъ множества указаній, руководствовалось Номоканономъ, именно: сначала Номоканономъ, привезеннымъ изъ Византіи или Болгаріи, но впослѣдствіи, несомнѣнно, Кормчими, писанными и составленными въ Россіи по образцу греческихъ и болгарскихъ. Вотъ почему составители ихъ включали сюда, кромѣ общихъ неизмѣнныхъ каноновъ церкви, какъ постановленія византійскихъ императоровъ, такъ и дѣянія рускихъ соборовъ съ отвѣтами и поученія Отцевъ церкви, а съ другой стороны узаконенія вел. князей, опредѣлявшія предметы духовнаго суда. Так. обр., Кормчая, вмѣстѣ съ сборниками, составленными духовенствомъ, содержитъ въ себѣ важнѣйшіе источники для того, чтобъ достовѣрно опредѣлить значеніе церковной юрисдикціи, или тѣхъ основаній, которыми руководствовалось духовенство, въ отношеніи своихъ правъ и судопроизводства по предметамъ духовнаго вѣдомства.

Въ ближайшей связи съ дѣятельностію духовенства въ обоихъ разсмотрѣнныхъ нами значеніяхъ, т. е., съ одной стороны, въ сферѣ церковнаго, а съ другой—свѣтскаго судопроизводства, при томъ въ отношеніи къ каждой изъ нихъ подъ вліяніемъ почти тѣхъ же самыхъ источни-

ковъ, находится также дѣятельность его въ примѣненіи къ собственному его составу, иначе кругу лицъ, образующихъ духовную іерархію, или, лучше сказать, какъ къ лицамъ духовнымъ, такъ и приписаннымъ къ церкви. Число принадлежащихъ сюда весьма обширно, ибо кромѣ духовенства въ собственномъ смыслѣ, бѣлаго и чернаго и церковно-служителей, къ церкви въ древней Россіи причислялись всѣ лица, одержимыя природными недостатками, умственными или физическими (*строи*), которыя питаются отъ церкви, какъ замѣчено въ источникахъ; всѣ жившіе въ богодѣльняхъ и больницахъ; далѣе, лица, получившія чудесное изцѣленіе отъ болѣзней (*прощеники*), странствующіе по святымъ мѣстамъ (*паломники*), и изгои или выходцы изъ духовнаго сословія. Въ этой сферѣ высшее духовенство должно было заботиться не только объ исполненіи подчиненными ему лицами обязанностей ихъ званія, но также объ ихъ житейскихъ отношеніяхъ, словомъ,—вполнѣ ими завѣдывать, чинить имъ судъ и расправу, какъ въ дѣлахъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Источниками для своей дѣятельности, въ первомъ отношеніи, оно принимаетъ опять правила апостольскія и постановленія соборовъ, именно, какъ тѣхъ, которыя признаны были въ Византіи, такъ и соборовъ отечественныхъ. Равнымъ образомъ и правила Отцевъ церкви удерживаютъ здѣсь свою силу. Источниками во второмъ отношеніи служатъ, напротивъ, источники свѣтскаго законодательства. Что касается въ особенности до органовъ судопроизводства надъ церковными лицами, то въ дѣлахъ свѣтскихъ они подчинены судьямъ, которые избираются изъ ихъ среды, а въ дѣлахъ духовныхъ—высшимъ духовнымъ властямъ, т. е., епископамъ, или самимъ митрополитамъ. Если по суду окажется, что лицо духовное подлежитъ свѣтской казни, то оно лишается своего сана и отсылается для наказанія къ властямъ свѣтскимъ. Но какъ въ древнѣйшія времена, такъ и впослѣдствіи, право суда надъ самими митрополитами и епископами верховная власть предоставляла самой себѣ: въ этомъ отношеніи въ дѣлахъ свѣтскихъ они подлежали ея исключительному вѣдомству, а въ дѣлахъ духовныхъ она судила съ помощію лицъ изъ духовнаго сословія. Случалось также, что низшимъ духовнымъ властямъ (архимандритамъ, игуменамъ и священникамъ) в. князья давали привилегіи зависѣть непосредственно отъ нихъ самихъ по дѣламъ судебнымъ духовнаго вѣдомства, а еще чаще подчиняли ихъ себѣ въ отношеніи къ гражданскимъ искамъ; но высшее духовенство всячески старалось этому противодѣйствовать, и уже въ Стоглавѣ такія привилегіи признаны недѣйствительными.

Наконецъ, послѣдняя сфера юридической дѣятельности духовенства въ древней Россіи ограничивается тѣмъ участіемъ, какое оно имѣло на дѣла государственныя и на свѣтское законодательство, вслѣдствіе весьма близкаго отношенія его къ первымъ князьямъ, вслѣдствіе общаго участія въ совѣщаніяхъ государей съ представителями сословій отъ всей земли и вслѣдствіе особеннаго голоса, какъ коротко знакомое съ государственными и уголовными законами Византійской имперіи, служившими, безспорно, во многихъ случаяхъ образцомъ для в. князей, когда они, въ одно время съ утвержденіемъ въ Россіи новыхъ, самодержавныхъ отношеній вмѣсто родовыхъ, вводили при своемъ дворѣ церемоніи и обычаи греческихъ императоровъ. Что дѣйствительно духовенство имѣло такое вліяніе на древнее свѣтское законодательство, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Довольно для этого указать на совѣщанія св. Владиміра съ епископами и старцами касательно разбоевъ и казни за нихъ съ вирою, на

многія средства наказаній, и даже на смертную казнь, которая, очевидно, заимствована изъ византійскаго права; далѣе, на нѣкоторые случаи, гдѣ уголовныя дѣла отдаваемы были самою верховною властію на обсужденіе и рѣшеніе духовенства; наконецъ на положительныя и ясныя подтвержденія въ самихъ узаконеніяхъ, что они основаны на правилахъ или постановленіяхъ царскихъ, т. е. византійскихъ императоровъ. Даже самое названіе свѣтской казни—градскою указываетъ на переводъ съ греческаго. Вотъ почему мы встрѣчаемъ въ нашей юридической литературѣ, что, напримѣръ, къ Судебнику царя Іоанна Васильевича приписывались законы Юстиніана. Припомнимъ кстати, что, какъ намъ уже извѣстно, нѣкоторые предметы, принадлежавшіе прежде вѣдомству духовной власти, впослѣдствіи отнесены къ суду свѣтскому; несмотря на то, какъ видно изъ нѣкоторыхъ случаевъ, эти предметы удерживаютъ долго свой прежній характеръ и часто обсуждаются на основаніи тѣхъ-же законовъ, какимъ были подчинены подъ вліяніемъ духовной юрисдикціи. Все это вмѣстѣ даетъ намъ поводъ заключить, что для яснаго уразумѣнія источниковъ, на основаніи коихъ вполнѣ, или только отчасти, составлены наши древніе юридическіе памятники, намъ слѣдуетъ, между прочимъ, короче познакомиться, съ одной стороны съ источниками нашего церковнаго законодательства, при томъ принимая его въ томъ самомъ обширномъ значеніи, какое оно имѣло въ древнемъ періодѣ нашей исторіи, съ другой—съ памятниками свѣтскаго византійскаго права, по крайней мѣрѣ съ тѣми, которые внесены въ наши сборники и Коричіи......

Соединивъ въ одно мѣсто относящіеся сюда выводы, предложенные выше, мы получимъ слѣдующія данныя: 1) въ Кормчей встрѣчаются нѣкоторыя статьи, имѣвшія значеніе юридическихъ источниковъ въ нашемъ древнемъ свѣтскомъ законодательствѣ, статьи, дѣйствительно употреблявшіяся въ этомъ значенія на практикѣ; 2) въ судахъ церковныхъ, т. е. относительно предметовъ, принадлежавшихъ исключительно къ духовному вѣдомству, и самого судопроизводства въ этой сферѣ, Коричая была несомнѣнно сборникомъ вполнѣ практическимъ, какъ для духовенства, производившаго судъ, такъ и для всѣхъ лицъ свѣтскихъ, какъ членовъ одной и той-же церкви; слѣдоват., для насъ, какъ памятникъ права, она содержитъ съ себѣ важнѣйшіе источники для того, чтобъ основательно опредѣлить значеніе церковной юрисдикціи въ нашемъ древнемъ правѣ; 3) извѣстные намъ источники свѣтскаго законодательства до Петра В., равно какъ судебныя рѣшенія, во многихъ случаяхъ составлены подъ непосредственнымъ или посредственнымъ вліяніемъ источниковъ, съ одной стороны, церковнаго законодательства, а съ другой—византійскаго права вообще, притомъ именно тѣхъ самыхъ источниковъ, которые большею частію включены въ Коричую; слѣдоват., какъ памятникъ юридическій, она въ этомъ отношеніи удерживаетъ свою силу......

(*О знач. Кормчей въ системѣ древн. рус. права. Н. В. Калачова. М. 1850 г. 2—16. Также въ Чтен. общ. ист. 1847*).

200. О магдебургскомъ правѣ.

...У береговъ Балтійскаго моря, съ незапамятныхъ временъ, процвѣтали своею торговлею многіе славянскіе города, соединенные между собою торговыми узами и носившіе названіе *Ганзейскаго союза* (отъ hanza, нм. Wanza, узелъ, союзъ, связь, польск. Węzel). По мѣрѣ того, какъ одинъ изъ нихъ падалъ, погребенный въ собственныхъ развалинахъ, Нѣм-

цы вновь отстроивали его и съ этихъ поръ считали его своимъ городомъ. Такая участь постигла *Любеку* (Любекъ), которая, возродившись изъ пепла и получивши привилегію (1158) отъ государя этой страны, саксонскаго князя, Генриха Льва, вскорѣ пріобрѣла такую извѣстность своими учрежденіями, (дошедшими до насъ въ трехъ различныхъ изводахъ), что Пруссаки охотно усвоивали ихъ себѣ, и просили ее снабдить своей свободой и правомъ (jus et libertas) нѣмецкіе и славянскіе города, лежащіе у Сѣвернаго и Балтійскаго морей. Въ 1190 г. Адольфъ, князь Голштиніи, ввелъ Любское право въ Гамбургѣ. Въ 1224 г. Виславъ I далъ позволеніе имъ пользоваться Любечанамъ, жившимъ на островѣ Рюгенѣ; въ 1242 году одинъ изъ мелкихъ славянскихъ князьковъ ввелъ его въ своемъ городѣ Деминѣ (на Поморьѣ), а преемникъ его, Вратиславъ въ Грейфсвальдѣ, 1250; въ 1255 Яромиръ, князь Рюгена, утвердилъ его въ городѣ Бартѣ (Barth), а, наконецъ, Янъ голштинскій дозволилъ пользоваться имъ одному изъ своихъ владѣній.

На *Лабѣ* лежалъ славянскій городъ *Дѣвинъ*, который, онѣмечившись, сталъ называться Магдебургомъ, названіе, цѣликомъ переведенное съ славянскаго (Magd, дѣва, и Burg, городъ). Тамошній архіепископъ, которому, еще при Мечиславѣ I, принадлежала польская или познанская епископія, имѣя въ своемъ подданствѣ Славянъ и Нѣмцевъ, старался слить ихъ въ одинъ народъ посредствомъ равноправнихъ привилегій. Каждый изъ нихъ тѣмъ болѣе долженъ былъ уважать народность другаго, что и другіе полабскіе, полуславянскіе и полунѣмецкіе города, такъ, напр., Штендаль и Ютробогъ (Jüterbock), съ радостію приняли составленное для нихъ *Магдебургское право*, первый въ 1145, а послѣдній 1174 г. Наибольшимъ значеніемъ пользовались привилегіи, данныя Магдебургу 1188 г. архіепископомъ Вихманомъ; списокъ съ нихъ въ послѣдствіи 1201 года граждане Магдебурга подарили жителямъ г. Вратиславли, по усиленной просьбѣ этихъ послѣднихъ. Изъ этого-то мы убѣждаемся, что въ Магдебургѣ были въ ходу и славянскіе обычаи, ибо въ § 8 упомянутой привилегіи читаемъ: »Если случится надобность издать новое постановленіе, а судьи въ это время будутъ отсутствовать, то Бургграфъ или Войтъ (Scultelus) имѣетъ право передать полномочіе изданія закона Думѣ, составленной изъ граждан (cives)«. Но такъ поступать Бургграфъ или Каштелянъ могъ только по общеизвѣстному славянскому обычаю, передавшему ему право надзора надъ городами, лежащими въ его округѣ.

Изъ привилегій этихъ, умноженныхъ статьями Саксонскаго зерцала, а также мѣстными судейскими рѣшеніями, образовалось въ концѣ XIII и въ началѣ XIV в. то славное Магдебургское право, судьбы котораго такъ сильно занимаютъ насъ въ настоящее время. Можно допустить, что въ Магдебургскомъ правѣ, до появленія привилегій, городское и земское право мало чѣмъ, а можетъ быть и совершенно не различалось между собою. Они находились другъ къ другу въ такомъ же отношеніи, въ какомъ и въ другихъ славянскихъ городахъ, прежде нежели они раздѣлились у западныхъ Славянъ на земское и городское. Но вскорѣ Магдебургское право начало принимать все болѣе и болѣе исключительный характеръ: счастливый случай привелъ его къ соединенію съ Саксонскимъ зерцаломъ, которое снова, такъ сказать, онѣмечило его. Это продолжалось до XV в., когда, вслѣдствіе различнаго обряда жизни горожанъ и земскихъ людей, снова порвалась связь между полемъ и городомъ. Впрочемъ, это обособленіе должно было непремѣнно послѣдовать, п. ч. никто не зналъ, какъ предупредить его. Если бы тогда же бы-

ла произведена регулировка городовъ, т. е. если бы были даны особыя постановленія о заработной платѣ, а во всемъ остальномъ уравнены съ селами, какъ это мы видимъ въ настоящее время во Франціи, то, нѣтъ сомнѣнія, что мѣра вполнѣ удовлетворила бы потребностямъ тогдашняго общества.

Магдебургское право распространилось у насъ въ двухъ изводахъ. Иной видъ имѣло оно до соединенія своего съ саксонскимъ правомъ, а иной видъ послѣ него...... Назовемъ тѣ польскіе города, которые, получивъ его уже во второмъ изводѣ, передали его въ такомъ видѣ и городамъ русскимъ, лежащимъ по сю сторону Днѣпра. Еще до 1244 г. Болеславъ Стыдливый пожаловалъ Магдебургское право Кракову и Сандоміру. Немного спустя, 1257 г., онъ даровалъ Кракову еще лучшее право, объявляя, что хотя онъ вводитъ сюда то самое право, которымъ уже пользовалась Вратиславль (съ 1241; или 1242), но съ большими привилегіями. Нѣмцы, проживавшіе на Руси во Львовѣ, Владимирѣ (на Волыни) и Луцкѣ въ 1287 г. имѣли своего войта. Возвращая отъ Польши русскія земли, Москва нашла здѣсь Магдебургское право и подтвердила его въ Кіевѣ, Каневѣ, Переяславлѣ и Стародубѣ, а также въ округахъ нѣжинскомъ, черниговскомъ, козелецкомъ и остерскомъ...... Теперь остановлюсь я на томъ, что у насъ собственно разумѣли подъ именемъ Магдебургскаго права, каково было его значеніе, направленіе и цѣль.

Такъ какъ все дѣло состояло въ томъ, чтобы городу, имѣющему получить иностранное право, пожаловать привилегію, то въ 1231 г. крестоносцы и дали ее Хельму, стольному городу Хельминской области, крѣпко наказавъ называть ее не Магдебургскимъ, но Хельминскимъ правомъ; въ этомъ случаѣ они руководствовались той политикой, чтобы принадлежащій имъ городъ не думалъ, что можно быть подданнымъ своего отечества, а между тѣмъ пользоваться иностраннымъ правомъ. Эта мѣра крестоносцевъ, имѣя важныя послѣдствія, могла бы произвесть еще важнѣйшія, если бы они умѣли взяться за дѣло. Въ послѣдствіи, сохраняя старое названіе и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ примиря прошедшее съ настоящимъ, это право стали называть не Хельминскимъ, но уже »Магдебургскимъ, обязательнымъ для Хельминской области», выражая тѣмъ неувѣренность, что такое было въ самомъ дѣлѣ это право—Магдебургское ли, или какое нибудь другое, составленное по образцу его. Короче: всякое исключительное право называлось у насъ вообще нѣмецкимъ или получало свое прозвище отъ города, гдѣ оно наиболѣе дѣйствовало. Случалось даже и то, что помѣщикъ, заключая условіе съ своимъ поселенцемъ, указывалъ ему на какой-нибудь заграничный городъ, или лежащій въ его странѣ, и дозволялъ ему, въ видѣ исключенія, управляться правомъ этого города; при семъ онъ объявлялъ, что если оно окажется почему бы то ни было стѣснительнымъ для поселенца, то онъ готовъ замѣнить его другимъ.

Видя, какъ свои и чужіе хлопочутъ о томъ, чтобы какъ нибудь уклониться отъ земскаго права, всякій мыслящій законодатель, сознавая, что это право имѣетъ свои недостатки, долженъ бы былъ съ одной стороны дополнить его этими статьями, а съ съ другой—успокоить всѣхъ ревнителей иностранныхъ учрежденій, по крайней мѣрѣ, въ такой степени, чтобы они не пытались отложиться отъ роднаго права. Такой законодатель явился въ лицѣ Казимира В.. Разсуждая о томъ, онъ отмѣтилъ два пути: одинъ велъ къ признанію необходимости польско-нѣмецкаго, такъ сказать, Статута, другой наводилъ его на мысль о соединеніи нѣмецкаго права съ отечественнымъ. Обдумавши хо-

рошо, куда приведетъ каждый изъ нихъ, онъ тотчасъ понялъ, что было бы безполезно избрать первый, п. ч. тогда Статутъ составили бы одни лишь изъятія изъ земскаго права, къ которомъ не слѣдовало бы прибавлять ничего новаго. А потому онъ обратился въ противную сторону, и устремилъ свои старанія къ тому, чтобы безъ всякихъ потрясеній нѣмецкое право приноровить къ польскому. Обративши вниманіе на судопроизводство и на уголовное право, онъ такъ преобразовалъ ихъ, что сами нѣмцы оправдывали его реформу или, по крайней мѣрѣ, не порицали ее, особенно когда Казимиръ (въ пяти извѣстныхъ артикулахъ) согласилъ его съ духомъ старинныхъ нѣмецкихъ учрежденій. Во всякомъ случаѣ, онъ не поднималъ руки на нѣмецкое право; напротивъ того приказалъ ни въ чемъ не нарушать его, въ надеждѣ, что преемники, улучивъ удобное время, поведутъ его преобразованіе далѣе, къ полному удовольствію Нѣмцевъ.

Будучи само по себѣ исключеніемъ изъ мѣстнаго законодательства, нѣмецкое право, конечно, сохраняется путемъ обычая и требовало письменнаго выраженія. Иначе польскій судья, разбирая какую-нибудь тяжбу, не зналъ бы, что это въ самомъ дѣлѣ за право, особенно когда оно на каждую минуту принимало иную форму отъ безпрерывныхъ отступленій и привилегій. При томъ же и судебное устройство его было совершенно самобытно. Право судебнаго рѣшенія какого-нибудь дѣла оно передавало Магдебургу, или искало судебной правды тамъ, гдѣ повелѣлъ основатель поселенія. Желая помочь этому неудобству, Казимиръ В., слѣдуя примѣру крестоносцевъ, которые, посредствомъ Хельмской привилегіи, добились того, что всѣ дѣла между ихъ подданными рѣшались окончательно не въ Магдебургѣ, но въ Хельмѣ, постановилъ 1356 г., чтобы высшее судебное мѣсто для Малой Польши съ этихъ поръ находилось въ Краковѣ, остальныя же области—познанская, сандомирская и львовская, чтобы имѣли тоже такой высшій судъ у себя. Но такъ какъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что еще въ 1459 г. нѣкоторые обращались въ Магдебургъ за рѣшеніемъ дѣлъ, то постановленіе Казимира В. должно имѣть слѣдующій смыслъ: онъ далъ право истцу принудить отвѣтчика разсудиться съ нимъ окончательно въ мѣстномъ судѣ, и хотя тяжущимся позволено было, по взаимному согласію, отправиться за границу за послѣднимъ рѣшеніемъ, но рѣшеніе это не имѣло обязательной силы въ ихъ странѣ, потому и всякій судья, рѣшившійся привести въ исполненіе, рисковалъ всемъ своимъ имуществомъ, которое въ такомъ случаѣ отбиралось въ казну. Отсюда видно, какъ осторожно дѣйствовалъ вислицкій законодатель въ дѣлѣ преобразованія польскаго права, остерегаясь, чтобы чѣмъ нибудь не оскоробить Нѣмцевъ.

Всѣ, принимавшіе участіе въ преобразованіи этого исключительнаго права, ничего не могли сказать противъ этой мѣры. При томъ же она была направлена къ ихъ пользѣ, п. ч. она избавляла ихъ отъ необходимости скитаться по иностраннымъ судамъ. Равно также нѣмецкое уголовное право легко, безъ всякихъ потрясеній, замѣнено было польскимъ, п. ч. послѣднее было несравнено мягче перваго. Зная все это, Казимиръ объявилъ, что онъ не имѣетъ намѣренія нѣмецкое право замѣнить польскимъ, напротивъ того желаетъ, чтобы оно дѣйствовало и въпослѣдствіи, но только въ первобытномъ своемъ видѣ, по смыслу котораго защитникъ долженъ быть судимъ по законамъ обиженной стороны, какъ то было установлено Лонгобардами еще въ 785 г. (о чемъ, однакожь, вислицкій законодатель умалчиваетъ). Слѣдствіемъ этого измѣненія въ уголовномъ искѣ бы-

ло то, что всякій Нѣмецъ, позволившій себѣ насиліе надъ польской женщиной, получалъ наказаніе не по своимъ, но по польскимъ законамъ.

Преемники Казимира В. дѣйствовали въ его духѣ и уважали нѣмецкіе законы и не только не позволяли себѣ измѣнять въ нихъ мѣръ, упомянутыхъ выше, но строго запрещали вносить въ него статьи польскаго права: однако жь всѣ здравомыслящіе горячо желали, чтобы нѣмецкое и польское право слились въ одно и чтобы между ними не было больше никакой разницы....

Лелевель ошибается, думая, что и такъ какъ польскіе горожане были нѣмецкаго происхожденія, и такъ какъ они отдѣльно отъ народа были награждаемы королевскими привилегіями, то народъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на чужестранцевъ и, вслѣдствіе этого, они могли слиться съ ними въ одно государственное тѣло: когда же (продолжаетъ онъ) это отношеніе воздѣйствовало на законодательство, то это послѣднее тщетно прилагало старанія сблизить дворянъ съ горожанами, тѣмъ менѣе изъ нихъ составить одинъ народъ, равно какъ и изъ двухъ уложеній одно«. Мнѣніе это не основательно; напротивъ того, шляхта имѣла много общаго съ горожанами, заимствовала у нихъ нѣкоторыя постановленія, или же по ихъ образцу передѣлывала свои. Мало того: шляхта, преимущественно мазовецкая, владѣла землею по нѣмецкому праву, и тѣмъ показывала готовность отказаться отъ своихъ дворянскихъ правъ. Однакожь въ послѣдствіи дѣйствуя болѣе и болѣе противъ воли своихъ государей, шляхта разорвала связь съ горожанами и неоднократно устраняла ихъ изъ публичныхъ совѣщаній. Другая причина вражды шляхты къ горожанамъ заключалась въ томъ, что горожане, строго сохраняя свои права, запрещали шляхтѣ производить въ городѣ какого бы то ни было рода беспорядки; всякій въ нихъ, уличенный судебнымъ порядкомъ, подвергался строгому взысканію, иногда даже смертной казни. И потому шляхта всячески старалась ограничить права горожанъ, налегая преимущественно на заработную плату, ремесла и торговлю, и на получаемые ими отсюда выгоды и т. д. Пока король сохранялъ свою силу, онъ защищалъ угнетенныхъ отъ обидъ и не позволялъ нарушать права ихъ; потому горожане крѣпко держались короля и были заклятые враги для Рѣчи Посполитой. Когда же королевская власть сама подвергалась различнаго рода стѣсненіямъ, то и города лишились своей защиты, сперва польскіе, потомъ и рускіе, а за тѣмъ потеряли свои права и имущество. Кромѣ того, много дурнаго произошло и отъ того, что города были разъединены между собою: многолюдные и богатые не помогали малымъ, а всѣ вмѣстѣ не пытались защищаться отъ нападеній шляхты. Въ этомъ положеніи сердце горожанъ перестало лежать къ Польшѣ, обратилось къ Нѣмцамъ, что продолжалось до самаго раздѣла Польши, когда они упали невозвратно, а, вмѣстѣ, съ ними погибла и шляхта.

Точь въ точь тоже самое было и въ Чехахъ; въ 1066 г. дана привилегія нѣмецкимъ жителямъ Праги; въ послѣдствіи начали надѣлять Магдебургскимъ правомъ селенія и также духовенство. (Въ настоящее время Магдебургское право издается въ свѣтъ Реслеромъ по рукописямъ XIII и XIV вѣковъ). Эти права, такъ какъ и у насъ, были замѣняемы другими; иногда же нѣкоторые города къ даннымъ имъ правамъ самовольно присоединяли новыя. Только смѣшеніемъ чешской и нѣмецкой стихій въ правѣ можно объяснить то явленіе, что чешскія горожанки находились подъ такой же опекой своихъ родныхъ, какъ и нѣмецкія (in mundio), что супруги имѣли общую собственность, и что селяне по нѣмецко-

му обычаю платили оброкъ и т. п. Хотя еще между 1282 и 1314 г. Чехи весьма неблагопріятствовали Нѣмцамъ, (судя по словамъ Далемила) презирали ихъ, какъ чужестранцевъ, вторгавшихся къ нимъ для высасыванія богатствъ страны, и вслѣдствіе того искоса поглядывали и на города, хотя неизвѣстный писатель, жившій около 1437 или 1439 г., опираясь на исторію, всѣ бѣдствія, постигшія Славянъ, приписывалъ проискамъ Нѣмцевъ.—Однако чешскіе короли славянскаго происхожденія не думали преобразовывать городскіе суды и не предпринимали никакихъ мѣръ не только къ исправленію, но даже къ изданію Городоваго права и Фердинандъ II, эрцъ-герцогъ австрійскій, вступившіи на чешскій престолъ, запретилъ въ 1548 г. городамъ сноситься по судебнымъ дѣламъ съ Магдебургомъ.

И угорскіе города тоже управлялись нѣмецкимъ правомъ, съ тою только разницею, что имъ разъ навсегда было запрещено вершить дѣла въ Магдебургѣ.

(В. А. Мацѣевскаго; Ист. славян. законодат. чт. Общ. 1860, 3. III, 96—132).

Указатель статей и изслѣдованій по Исторіи Русскаго права: —Узаконенія Константиновы и взглядъ на нихъ. Рус. Дост. 1843 г. ч. 2, 138—220. О важности Юстиніанова права: Ж. М. Н. Пр. III. 279. Дѣйствіе Греч. Номоканона въ древ. Россіи. Прав. Собес. 1860 г. 1, 253, 259. О древ. церков. правѣ. Тамъ же. 1860, I, 3. 121. 1862, I, 177; II, 139. 260; III, 3. 125. 1863. II, 41; III, 78. 262. 329. О переводѣ Коричей на славянс. языкъ. *Калайдовича.* Вѣстн. Евр. 1820, ч. 110. № 5, 22. О церков. судоустройствѣ въ др. Россіи. *Н. С.* Чт. общ. ист. 1865, 1. 1—101. О церков. судѣ въ Россіи. *Неволина.* Ж. М. Н. Пр. 1847 г. Опытъ историч. изслѣдованія и описанія старин. судебн. мѣстъ Рос. Госуд. *Т. Малыгина.* Спб. 1803 г. О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи. *Ф. Деппа.* Спб. 1848 г. Разборъ этой книги въ Архивѣ Калачова 2, IV, 5—35. Москвит. 1850 г. II 37. —56; III, 69—84. О круговой порукѣ на Руси. *И. Д. Бѣляева.* Рус. Бес. 1860, II, 2, 1—100. Краткое обозрѣніе исторіи судоустройства и судопроизводства въ Россіи. *С. П. Шипова.* Времен. XXII, 1—36. О поклепной вирѣ, т. е. обвинительномъ процессѣ по Рус. Правдѣ. *В. В. Мстиславскаго.* Рус. Бес. 1858. 3. Смѣсь 113—128. О судебныхъ. поединкахъ. *М. Т. Каченовскаго.* Зап. и Труды общ. ист. 1815, ч. I, 29—43. О разныхъ родахъ присягъ у Славяно-руссовъ. *М. Евгенія.* Тамъ же 1826. ч. III, кн. 1, 77—88. Вѣстн. Евр. 1813, ч. 70, № 13, 28. Древнія и новыя божбы, клятвы и присяги рус. *М. П. Макарова.* Зап. и Труды общ. ист. 1828, ч. 4, кн. 1, 184—218. О формѣ присяги въ Россіи, *Б. Ѳедорова.* От. Зап. Свиньина. Ч. XVII, № 43. 387. Судъ-Жребій. Вѣстн. Евр. 1826, ч. 146, № 6. 81. Историч. взглядъ на правежи въ Россіи. *Ил. В. Васильева.* Зап. и Труды общ ист. 1826. III, 101—109. Третейскій судъ по Рус. праву. *А. Вицына.* Спб. 1856. Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ рус. правѣ. *В. А. Богдановскаго.* 1857. Критич. разборъ въ Отеч. Зап. 1858, CXVII, II. 1—20. Объ отношеніи супруговъ по имуществу по древ. Польскому праву. *В. Спасовича.* Спб. 1857. О мѣрилѣ Праведномъ. Архивъ Колачова I, 3. 28—40. Исторія образованія и развитія системы рус. гражд. судопроизводства до Уложенія. Спб. 1848 г. О вліяніи обществ. состоянія частныхъ лицъ на право поземельной ихъ собственности. *Гладкова.* Разборъ въ Рус. Бес. 1856. II. 3. 91. О преступномъ дѣйствіи по Рус. допетровскому праву. *А. Чебышева-Дмитріева.* Уч. Зап. Казанс. Униврс. 1862, № 1, 1—242. Изслѣд. объ уголовн. правѣ Рус. Правды. *Н. И. Ланге.* Архивъ Колачова 1859, № 1, 3, 5 и 6. О жупныхъ судахъ. *Иречка.* Перев. съ Чешскаго. Тамъ же 1859, № 6, 22—62. Историч. очеркъ законовъ Польши и Литвы до 1520 г. *Ѳ. Чацкаго.* Вѣстн. Евр. 1824, ч. 135, № 10, 120; № 11 199; № 12, 272, ч. 136; № 13, 21; № 12, 187; № 16, 261, ч. 137; № 18, 110. О разныхъ родахъ грамотъ. *Саларева.* Тамъ же. 1819. ч. 103, № 4, 272, ч. 104, № 5, 25, 80. Историч. изображеніе древ. судопроизводства въ Рос. *Куницына.* Спб. 1843. Законы о рабахъ до Судебника. *Грибовскаго.* Изъ его книги: «О сост. крестьянъ въ Россіи». Хар. Вѣст. Евр. 1816. ч. 88, № 16, 275. О правахъ иностранцевъ въ Рос. до Іоанна III. *Ив. Андреевскаго.* Спб. 1854. Дипломат. обычаи древ. Россіи. *А. Сахарова.* Сынъ От. 52, 9—12. Взглядъ на Ист. права и перечень юрид. трудовъ по ист. рус. законодательства. *С. З—на.* Юрид. Журн. 1860. № 1, 1—10. См. еще: Ж. М. Нар. Пр. ч. 73. VI, 137. ч. 74, VI, 229. ч. 80, II, 1. 37. О поэзіи въ правѣ. *Гримма.* От. Зап. 1831, т. XXIII. Древнее право Чеховъ. *Иванишева.* Ж. М. Н. Пр. 1841, т. XXX. О поединкахъ въ Россіи вообще и въ особенности о судебныхъ. *Калайдовича.* Рус. Истор. Сборн. 1, кн. 4. О символизмѣ права. *Калмыкова.* Спб. 1848. Предварит. юридич. свѣдѣнія для полнаго объясн. Рус. Правды. *Н. В. Колачева.* М. 1847. О началахъ наслѣдованія по древн. Рус. Праву. *В.*

Никольскаго. М. 1859. Объ устройствѣ уголовныхъ судовъ въ Московс. царствѣ. А. *Попова*. Ж. М. Н. Пр. ч. 60, II, 77—136. О платѣ за убійство. *Иванишева*. Кіевъ, 1840. О вмѣненіи по началамъ теоріи и исторіи древ. рус. уголов. права. *Власьева*. М. 1860. Исторія судебныхъ инстанцій. *Дмитріева*. М. 1859. Jus Polonicum. *Бандке*. Варшава. 1831. Slovanské pràvo v Čechach a na Moravé. *Иречка*. 1863 — 64. Опытъ истор. государств. и граждане. законовъ. *Рейца* въ переводѣ Марошкина. М. 1836. Указатель Рос. Законовъ. *Максимовича*. М. 1803. Рус. народъ и госуд. *Лешкова*. М. 1858. Древнѣйшее Рус. право. *Эверса* въ перев. Платонова. 1835. Очеръ историч. развитія преступленій противъ жизни и здоровья. *Колосовскаго*. М. 1857. О законахъ Стефана Душана. *Чт. общ. ист. годъ 1-й, № 2, 20*. Первоначальный Славяно-русскій Номоканонъ. А. *Павлова*. Казань, 1868. Союзъ родственной защиты у древнихъ Германцевъ и Славянъ. *С. Шпилевскаго*. Каз., 1866. О судебныхъ доказательствахъ по древне-рус. праву. *С. Пахмана*. М. 1851. Семейныя власти у Славянъ и Германцевъ. *Шпилевскаго*. Каз., 1869. О свидѣтельскихъ показаніяхъ. *Демченко*. Кіевъ, 1859. Объ историч. значеніи римскаго права въ области наукъ юридическихъ. *П. Крылова*. М. 1838. Опытъ возстановленія текста и объясненія Рус. Правды. *Фогеля*. Уч. Зап. Каз. Универс. 1848, кн. 2, 126. Изысканія о Рус. Правдѣ. *Каченовскаго*. Вѣст. Евр. 1829, CLXVI, № 13—15. Сынъ Отеч. 1830, CXXXVII, 224—244. Рус. Правда въ отношеніи къ уголовн. праву. А. *Попова*. М. 1841. Участіе общины въ судѣ по Рус. Правдѣ. *Грицько*. Архивъ Колачова. 1860—61, кн. 5, 97. О судьбѣ науки церков. права. *Н. Соколова*. Московс. Универс. Изв. 1868 г. № 2. О спорѣ Новгородцевъ съ московс. митроп. изъ за мѣсячнаго суда. *Н. З-ва*. Правосл. Обозр. 1863, № 3, 228. Древнее Хорвато-Далматское законодательство. Зап. Новорос. Универс. годъ II, т. 1, в. 3 и 4. Политическое устройство и права прибреж. острововъ и городовъ Далмаціи. *Рейца*. Сбор. историч свѣд. Валуева, 1845. Lex Stephani Dusani изд. Миклошича. Литовскіе Статуты. Временн. № 18, 19 и 23. Объ опекѣ и наслѣдствѣ во время Рус. Правды. А. *Попова*. Сборн. Валуева и Юрид. Зап. Рѣдкина, т. 1. Prawo prywatne Polskie. *Бандке- Стенжинскаго*, 1851. Отношенія супруговъ по имуществу въ Россіи и Польшѣ. Чт. общ. ист. 1868, кн. II, 81—84. Polska wieków srednich. *Лелевеля*. 1851. O Litewskich i Polskich prawach. Личныя отношенія супруговъ по греко-римскому праву. А. *Павлова*. Учен. Зап. Казанс. Универс. 1865, I. О наслѣдствѣ безъ завѣщанія. *Бѣляева*. Церковное право въ Россіи при Монголахъ. Духов. Вѣстн. 1863, № 2. Рус. Правда и Литовскій Статутъ. Кіевс. Универс. Изв. 1865. Рус. юридич. пословицы. *Снегирева*. Москвит., 1849, I, № 7 и 8. Купчія грамоты. *Киндякова*. Юрид. Сборн. Мейера. Каз. 1855. Начерт. рос. гражд.

права въ историч. его разв. А. *Кранхфельда*. Спб. 1843. Опытъ историч. розыск. о слѣдствен. уголовн. судопр. въ Рос. *В. Линовскаго*. Одес. 1849. Источники права и судъ въ древ. Рос. *Дювернуа*. М. 1869. Объ идеи личности въ правахъ богемс. и скандинавс. *И. Иванишева*. Ж. М. Н. Пр. 1842, № 10. Pràvo dédicke. *Грюнвальда*. Прага, 1853. O staročeském dédickém pràvu, *Воцеля*. Прага, 1861. Codex juris bohemici. Прага, 1867. Институты импер. Юстиніана. Перев. *Проскурякова*. Спб. 1859. Исторія Римс. права. *Пухты*. Перев. Лицкой. М. 1863—4. Объ устройствѣ судебно-уголовн. власти въ Греціи и Римѣ. *Калашникова*. Спб. 1830 г. О пространствѣ церков. суда въ Рос. *Неволина*. Спб. 1847. Уставы и управленіе Новгорода въ средніе вѣка. *Порошина*. Ж. М. Н. Пр. 1840, ч. XXVII. Обозрѣніе юридич. быта. *И. Снегирева*. Юрид. Зап., изд. Рѣдкинымъ, т. 2, М. 1842, с. 263. Понятіе о церковномъ правѣ и его исторія. *Гавріила*. Казань, 1844. Объ основаніяхъ Рус. церков. права. Христ. Чт. 1846, ч. IV, ноябрь и декабрь. Обозрѣніе греко-римскихъ законовъ въ отношеніи къ церкви. Ж. М. Н. Пр. 1850, № 1 и 3. О соборахъ бывшихъ въ Россіи до Іоанна IV. *Турчанинова*. Спб. 1829. Опытъ курса церков. законовѣдѣнія. *Архим. Іоанна*. 1851 и 1852. (Продолженіе въ Прав. Собесѣдн. Казанс Духовн. Акад.). Значеніе восточнаго церков. законоположенія въ исторіи Рус. Ц. Христ. Чт. 1852, годъ 1. О вліяніи греко-римскаго права на Рос. зак. *Н. Рождественскаго*. Спб. 1843. Исторія рос. гражданскихъ законовъ. Неволина. Спб 1851. О семейныхъ правахъ Римлянъ, Германцевъ и Славянъ. *Лешкова*. 1838. Объ опекѣ. Юрид. Зап. Рѣдкина. т. 2, 1842. Сборн. Валуева. М. 1845, I, 96. Систематич. обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей. *П. Иванова*. М. 1836. Историч. излож. Рус. законод. о наслѣдствѣ. *Н. Рождественскаго*. Спб. 1839. Исторія древ. наслѣдств. права у Славянъ. *I. Губе*. Сборн. Валуева 1, М. 1845. О владѣніи по началамъ Рос. законодательства. *Ѳ. Морошкина*. М. 1847. Объ обществен. призрѣніи въ Россіи. Спб. 1818. Взглядъ на основныя начала Рус. Законод. и науки. *Тобина*. Ж. М. Н. Пр. 1847, ч. LIV. отд. 2. Опытъ историч. изысканій о тюремномъ заключеніи. *И. Ѳ. Собѣщанскаго*. Ж. М. Н. Пр. 1849, № 2. Опытъ повѣствованія о древн. Рус. *Успенскаго*. Хар. 1818. О формѣ присяги въ Россіи. *Б. Ѳедорова*. Спб. 1824. Судъ Божій. *Н. Л*. Маякъ 1840. О системѣ судебныхъ доказательствъ древняго германс. права, сравнительно съ Рус. Правдою. *Палюмбецкаго*. Кіевъ, 1844. Ж. М. Н. Пр. 1846, ч. 49. Исторія образованія и развитія системы рус. гражд. судопроизводства. *М. Михайлова*. Спб. 1848. Объ устройствѣ уголовныхъ судовъ въ Моск. госуд. А. *Н. Попова*. Ж. М. Н. Пр. 1848, № 11, ч. LX. Исторія судебн. учрежд. въ Рос. *К. Троцины*. Спб. 1851. Объ органахъ судебной власти въ Рос. *П. Чоглокова*. 1855. Юрид. Сборн. Мейера. Казань, 1855. Поле. *И. Бѣляева*. Москвит,

1855, № 13 и 14. О древней Рус. дипломатіи. Рѣчь *Лешкова* на актѣ спб. Унив. 1847. О международныхъ и обществен. отношеніяхъ. *И. Лашнюкова*. Рѣчи въ Лицеѣ кн. Безбородко. Кіев. 1856. Объ ученыхъ трудахъ по части исторіи Рус. законодат. *Морошкина*. Уч. Зап. Московс. Унив. 1835, окт. Указатель историч. статей, помѣщен. въ Губерн. Вѣдом. 1855. *А. Геннади*. Времен. кн. 25. Указат. матеріаловъ и изслѣдов. по исторіи Рус. права, составл. *П А. Муллоевымъ*. Архивъ Калачова. 1859 г. № 6. Пособія и правила изученія Рос. законовъ. *Дегая*. М.1821. О ходѣ законовѣдѣнія въ Рос. *А. Станиславскаго*. Каз. 1853 Объ ученой обработкѣ греко-римскаго права. *А Энгельмана*. Спб. 1858. Перечень юридич. трудовъ по ист. Рус. законодательства. Юр. Журналъ 1860, № 1 и 4. Юридич. Зап. Рѣдкина т. 2 и 4. Систематич. каталогъ книгъ импер. публич. библ. по части правовѣдѣнія. *В. Пфаффа* Спб. 1863. Библіографич. указ. книгъ и статей по части правовѣдѣнія, вышедшихъ въ 1859—1864 г. *И. Межова*.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ, НРАВЫ И ОБЫЧАИ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

201. Извѣстіе о Русскихъ 922 г.

Я видѣлъ (¹) русскихъ купцевъ въ пристани рѣки Итиля (*Волги*). Тѣло у нихъ красное. Они не носятъ ни кафтановъ, ни камзоловъ: мужчина накидываетъ на себя сбоку грубую одежду (Gewand), такъ что одна рука остается свободною. У всякаго топоръ, большой ножъ и мечъ. Никогда не ходятъ они безъ сего оружія. Мечи ихъ широки и работы европейской. У всякой женщины привязана къ грудямъ маленкая коробочка, желѣзная, мѣдная, серебряная или золотая, соразмѣрно съ достаткомъ ея мужа. На коробочкѣ кольцо; къ кольцу привязанъ большой ножъ. На шеѣ цѣпи золотыя и серебряныя. Мужъ, имѣя 10,000 драхмъ, даетъ ей другую и т. д. Богатыя жены носятъ по нѣскольку цѣпей. Главнымъ ихъ украшеніемъ считается земный бисеръ (Falschen Perlen). Мужья платятъ драхму за бисеринку для женскаго ожерелья.

Они самые не чистоплотные люди; никогда не умываются послѣ естественнаго испражненія, ни послѣ ночныхъ грезъ —Приплывая изъ своей земли, бросаютъ якорь на широкой р. Итилѣ; выходятъ изъ судовъ и строятъ себѣ большіе деревянные домы на обѣихъ сторонахъ рѣки. Въ каждомъ живетъ человѣкъ 10 и 20. У всякаго длинная, широкая лавка, на которой онъ сидитъ съ своей женою и невольницами... Всякое утро женщина приноситъ чашу съ водою своему господину; онъ моетъ себѣ лице, руки, волосы, и она чешетъ ему голову гребнемъ, а вся нечистота остается въ чашѣ. Не смотря на то, господинъ полощетъ въ ней ротъ; а за нимъ и другіе съ нимъ живущіе въ той же чашѣ, не перемѣняя воды. Вошедши въ пристань, каждый идетъ съ хлѣбомъ, мясомъ, лукомъ, молокомъ и медомъ (cider) къ высокому деревянному болвану, окуженному маленькими;—падаетъ ницъ и гово-

(¹) Такъ пишетъ арабскій посолъ Ахметъ сынъ Фоцлана, котораго въ 922 г., въ княженіе Игоря, отправлялъ изъ Багдада къ Болгарамъ Калифъ Муктедиръ.

ритъ: »О, владыко! Я пріѣхалъ издалека съ такимъ-то числомъ невольницъ, соболей, шкуръ... вотъ тебѣ мой даръ»! Кладетъ все передъ болваномъ, говоря: »пошли мнѣ добраго купца съ серебряными и золотыми деньгами«! За тѣмъ уходитъ, но въ случаѣ худаго торга, опять идетъ къ болвану съ дарами; приноситъ ихъ и малымъ болванамъ, моля ихъ о заступленіи и кланяясь имъ смиренно. Когда выгодно сбываетъ все съ рукъ, тогда говоритъ: »владыка помогъ мнѣ; теперь я долженъ заплатить ему«. Убиваетъ нѣсколько быковъ, овецъ, — мясо раздаетъ бѣднымъ, кладетъ остатокъ передъ большимъ и малыми истуканами, вѣшаетъ на первомъ головы убитой скотины, — и когда собаки съѣдятъ все мясо, всѣ головы, купецъ говоритъ: »владыка благоволитъ ко мнѣ; онъ скушалъ даръ мой«.

Кто изъ нихъ занеможетъ, для того разбиваютъ вдали шатеръ, переносятъ его въ оный, оставляютъ тамъ хлѣбъ съ водою, не подходятъ къ больному близко и не говорятъ съ нимъ, но ежедневно посѣщаютъ его, особенно бѣднаго или раба. Выздоровѣвъ, онъ возвращается къ своимъ; если же умретъ, то свободнаго предаютъ огню, а раба оставляютъ на съѣденіе собакамъ и хищнымъ птицамъ. На вора или разбойника надѣваютъ петлю, вѣшаютъ его на высокомъ деревѣ, и такъ оставляютъ, пока отъ вѣтра и дождя не истлѣетъ. — Слыша, что они сожигаютъ своихъ умершихъ начальниковъ съ обрядами весьма странными, я ждалъ случая видѣть оные — и видѣлъ собственными глазами. Умершаго опустили въ могилу и 10 дней надъ нимъ сѣтовали, пока скроили и сшили ему одежду. Бѣднаго обыкновенно кладутъ въ новую маленькую ладью и сожигаютъ въ ней; имѣніе же богатаго собравъ, дѣлятъ на три части: одну даютъ родственникамъ, на другую — шьютъ ему платье; на 3-ю покупаютъ меду(?), чтобы пить его въ тотъ день, въ который жена покойника убиваетъ себя и вмѣстѣ съ господиномъ своимъ сожигается. (Вино пьютъ они день и ночь, такъ что нѣкоторые умираютъ, держа стаканъ въ рукѣ). Когда насталъ день сожженія, я пошелъ на рѣку къ ладьѣ умершаго; но ладья уже стояла на 4-хъ столбахъ, окруженныхъ большими деревянными человѣкообразными фигурами (*болванами*). Люди ходили взадъ и впередъ, произнося слова для меня не вразумительныя. Мертвый лежалъ вдали въ своей могилѣ. Принесли скамьи на ладью съ стегаными покрывалами, греческою парчею и подушками изъ такой же парчи.... Вынули мертваго изъ могилы: онъ былъ въ полотняной одеждѣ, въ коей умеръ. Отъ жестокаго холода сей зимы трупъ весь почернѣлъ. Въ могилѣ съ мертвымъ стоялъ медъ, лежали плоды и лютня; ихъ также вынули. Умершій, кромѣ цвѣта, не измѣнился ни въ чемъ. Надѣли на него исподнее платье, сапоги, поясъ, камзолъ, кавтанъ парчевой съ золотыми пуговицами и соболью шапку; отнесли его въ ладью, положили на стеганое покрывало, обклали подушками; принесли медъ, плоды, благовонныя травы, хлѣбъ, мясо, лукъ, и все поставили передъ нимъ или возлѣ; положили съ боку оружіе умершаго. Привели собаку, разрѣзали ее на двѣ части и бросили ихъ въ ладью; привели и двухъ коней, двухъ коровъ, изрубили ихъ мечами и бросили мясо въ ладью; принесли еще пѣтуха съ курицею, зарѣзали и бросили туда же... (*затѣмъ разсказывается о сожженіи жены покойника*)... На берегу, гдѣ стояла ладья, они сдѣлали нѣчто подобное круглому холму, поставили въ срединѣ его столпъ и написали на немъ имя умершаго и короля (*князя*) русскаго. Послѣ этого разошлися по домамъ. Короли русскіе обыкновенно держатъ при себѣ въ своемъ замкѣ или го-

родкѣ 400 храбрыхъ воиновъ (*дружинниковъ*). Нѣкоторые изъ нихъ умираютъ съ ними или жертвуютъ имъ своею жизнью. Каждый (*воинъ*) имѣетъ дѣвицу, которая служитъ ему, моетъ голову, готовитъ пищу, а другая служитъ ему наложницей. Сіи 400 сидятъ внизу на большомъ диванѣ королевскомъ, украшенномъ драгоцѣнными каменьями. Съ королемъ сидятъ 40 дѣвицъ или наложницъ. Онъ же не стыдится ласкать ихъ въ въ присутствіи своей дружины на диванѣ. Когда ему надобно ѣхать верхомъ, то подводятъ лошадь ему къ дивану, съ котораго онъ на нее садится, а съ лошади сходитъ также прямо на диванъ. У него (*князя*) есть намѣстникикъ, который предводительствуетъ войскомъ, воюетъ съ непріятелями и заступаетъ его мѣсто для подданныхъ.

(*Ист. гос. рос. I, пр. 364*).

Нѣмецкій переводъ Френа въ сочиненіи его Ibn-Foszlans und anderer Araber... Berichte. См. выше въ Христом. № 2. Дѣльное разсужденіе объ—извѣстіяхъ арабскихъ писателей о Россіи можно найти въ сочиненіи Котляревскаго; „О погребал. обычаяхъ язычес. Славянъ“.

202. Поученіе архіеп. Луки къ братіи 1036.

Се, братіе, первѣе всего сію заповѣдь извѣстно (*несомнѣнно*) должни есмы вси христіане держати: вѣровати въ единъ Богъ, въ Троици славимъ, въ Отца и Сына и св. Духа, якоже научили св. апостоли, св. отцы утвердиша. Вѣрую въ единаго Бога... *до конца*. Вѣруйте же ми кресенію (*воскресенію*) и жизни вѣчнѣй и муцѣ грѣшнымъ вѣчнѣй. Не ленитеся къ церкви ходити, и на заутреню, и на обѣдню и на вечерню; и въ своей клѣти хотя спати, Богу поклонився, толи (*или*) на постели лязи. Въ церкви предстоите со страхомъ божіимъ, не молви рѣчи, но не мысли (*не думай о мірскомъ*), но моли Бога всею мыслію, да отдасть ти Богъ грѣхи. Любовь имѣйте со всяцѣмъ человѣкомъ, а болѣе съ братіею, и не буди ино на сердци, а ино въ устѣхъ; но подъ братомъ ямы не рой, да тебѣ Богъ въ горшая той не вринетъ. Но буди правдивъ тако, яко не кайся правды дѣла и закона божія и приложа главы, да сочтетъ тя Богъ съ святыми (¹). Претерпите братъ брату, и всякому человѣку, а не воздайте зла за зло; другъ друга похвали да и Богъ вы и похвалитъ. Не моги свадити (*ссорить*), да не наречется сынъ діяволу, но смиряй, да будеши сынъ Богу. Не осуди брата ни рѣчью, ни мыслію, поминая свои грѣхи, да тебѣ Богъ не осудитъ. Помните и милуйте странныя, и убогія и темничники, и своимъ сиротамъ (*рабамъ*) милостиви будете (¹). Москолудство вамъ, братіе, нелѣпо имѣти, ни молвити срамна слова, ни гнѣва на всякъ день имѣти, ни похритайся (*не сердись*), ни посмѣйся никакому же, въ напасти же терпи, на Бога упованіе имѣя. Буести (*буйства*) не имѣйте, ни гордости, ни прилѣпляйся инѣхъ творити, помня, яко утро будемъ смрадъ и гной и червіе. Будете смиренни и кротци, да и послужници будете, и творци божіимъ заповѣдемъ; въ гордаго бо серди діаволъ сѣдитъ, и божіе слово не хощетъ прилнути ему. Чтите стара человѣка и родителя своя, не кленитеся божіимъ именемъ, но иного заклинайте, ни проклинайте. Судите по правдѣ, мзды не емлите, въ лихву не дайте, Бога ся

(¹) Т. е. за правду и законъ божій не отрекайся и голову сложить.

(¹) Въ друг. спискѣ: „Той бо велми милостивъ есть, иже домачняя своя безъ скорби створитъ“.

бойте, князя чтите, раби первое Бога, таже господу (*господина*), чтите отъ всего сердца іерея божія, чтите и слуги церковныя. Не убій, не укради, не солжи, лжи послухъ (*ложный свидѣтель*) не буди, не ненавиди, не завиди, не клевечи, блядни не твори ни съ рабою, ни съ кимъ же не пій безъ года (*безъ времени и мѣры*), но здоволъ, (*умѣренно, вдоволь*) а не до пьянства. Не буди гнѣвливъ, ни напрасливъ буди, съ радующимися радуйся, съ печальными печаленъ, не ядите скверна, святыя дни чтите, Богъ же мира со всѣми вами. Аминь.

(*Рус. Дост. I, 1—16*).

См. Ист. Рус. Ц. Макарія I, 262—265 (прим. 281).

203. Поученіе преп. Өеодосія о тропарехъ и пьянствѣ.

Се вѣдуще, братія, обѣдне и трапезѣ двѣ молитвѣ суть: одина в починцѣ, а другаа в конци обѣда, уставлена самѣмъ Господомъ, потомъ апостолы, таже св. отци. Уставлена же есть кутья въ похвалу святымъ крестити в честь, а не во оставленіе грѣхомъ: ни кацѣмъ бо приношеніемъ оцищаются грѣси, токмо тѣломъ Христовымъ и кровію. Уставлено же за упокой крестити усопшимъ: обѣда же а ужина за упокой крестити усопшимъ: обѣда же и ужина за упокой крестити не уставлено: воды же не повелѣно приставляти кутіи, ни яйца класти на кутью. Въ олтарь же не достойно ничтоже нести свѣдно, ни питія, но токмо проскуру и темьянъ и свѣчю, иже на службу есть. Тропаревъ же не молвити чашамъ в миру, лише три: поставивше обѣдъ славится Христосъ Богъ нашь, и свѣсти пити лѣпо есть и честно; егда же кончается обѣдъ, прославится дѣвица Марія, третье осподарю, а лише не велимъ. Али кто смыслъ имать, да попытай, како рекла св. Богородица къ св. Василію. Тако ему рече: »аще хощеши мя заступницю имѣти въ всѣхъ бѣдахъ твоихъ, послушай мя, отвержися питія всякого и не молитвуй піянъ: не токмо бо не услышанъ будеши, но и Бога безъгнѣвнаго разгнѣвиши, осуженъ будеши въ муку«. (¹). А се указаніе вѣдати в заповѣди св. отецъ; аще упоить другъ друга за любовь, или святыми заклиная, да постится 7 дни; или блюеть, то 40 о хлѣбѣ и водѣ. И многожъ о томъ молвить во отеческыхъ указѣхъ. Но умнымъ се доволѣетъ указаніе, а немысленнымъ, аще бы имъ открылъ всѣхъ книгъ указъ, ни ту бываа разумѣли, ни вѣры ими. Да аще писанію вѣры не имѣте, да своимъ дѣломъ вѣру имѣ. Иже бо кто много піетъ съ тропари: како ти начнеть полозити на колѣну, а не могахъ своихъ не мога отъяти; а другый валяется в калу (*въ грязи*) блюе, въ ругапіи, въ посмѣсѣхъ давъ себѣ всѣмъ людьмъ, а хранителя душа своея, ангела господня, отогнавъ отъ себе. Гдѣ суть многи тропари притворени къ чашамъ, да были избавили ихъ отъ бѣды тоя, бѣсящихся волею своею. Бѣсны стражеть неволею, и добудеть вѣчныя жызни, а піаный волею стражеть, добудеть вѣчныя мукы: пришедъ бо ерей к бѣсному, створить молитву, проженеть бѣса, а надъ піанымъ, аще бы всеа земля сошлися попове и молитву бы сотворили, піанства самовольнаго бѣса. (*т. е. не изгнали бы*).

(*Чт. Зап. 2 отд. Акад. Н. II, в. 2*).

(¹) Это мѣсто вѣроятно, взято изъ апокрифической книги

204. Изъ посланія митроп. Іоанна II до 1089 (¹).

Правило 3-е., А еже емлемыя (*пойманныя*) животны, отъ пса ли, отъ звѣри ли, или отъ орла, или отъ иноя притча и птича, а умираетъ, аще не зарѣзано будетъ человѣкомъ, якоже божественныи отцы повелѣша,—не подобаетъ ясти. Прилѣжнии паче законе, неже обычаю земли, тоже бо эблюдетш звѣрояднымъ. 4, И си, иже опрѣснокомъ служатъ, и въ сырную недѣлю мяса ядуще, и кровь и давленину, сообщатися съ ними или служити не подобаетъ; ясти же съ ними нужно сущю Христовы любви ради не отъинудь естъ возбранно. Аще кто хощетъ сего убѣгати, извѣтъ (*предлогъ*) имѣя чистоты ради, или немощи отбѣгнетъ; блюдѣте же ся да не соблазнъ отъ сего, или ино вражда велика и злопоминаніе родиться, и подобаетъ отъ большаго зла изволити меншее. 5, Иже непричащаются краицѣхъ (*окрайныхъ жителей*) и Русьстѣй земли, якоже еси реклъ, и въ великое говеніе мяса ядятъ и скверное,—подобаетъ всякимъ образомъ направляти и возбраняти ту злобу, наказаніемъ и ученіемъ возвращати на правовѣрное ученіе, и погруженіемъ (*небреженіемъ*) яко не крестьянину сущу, да тѣмъ со страхомъ останутьсея тоя злобы и на вѣру благообразную приложатся. Пребывающу же тако и не приложащуся, не дая (*ти*) имъ св. причащанія, но якого (*какаго*) иноплеменника во истину и вѣрѣ нашей противника, поставити и въ свою волю ходити. 6, Тоже сотвори, иже безъ студа и безъ страха и безъ срама двѣ женѣ имѣють, кромѣ сея вѣры нашея и греческое благовѣрьство житія. 7, Иже волхвованіе и чародѣяніе творяще, аще мужу и женѣ, словесы наказаніемъ показати и обратити отъ злыхъ.... 13, Иже дщерь благовѣрнаго князя даяти за мужъ въ ину страну, иде служатъ опрѣсноки и скверноядѣніемъ (*не*) отметаютьса,—недостоино и вѣло неподобно; правовѣрнымъ се створити своимъ дѣтемъ сочтаніемъ, божественный уставъ и мірскіи уставъ тояже вѣры благовѣрьство повелѣваетъ поимати. 14, Служебникомъ іереемъ, иже облачаются въ порты (*платье*) исподни отъ кожъ животныхъ, ихъ же ядятъ и не снѣдныхъ, великія ради зимы не возбраняемъ, ни въ Грецихъ, ни въ Руси, студенія ради. 15, И еже жрутъ бесомъ и болотомъ и колодяземъ, и иже поимаются безъ благословленія сочтаніе и жены отмѣтаются, и своя жены пущаютъ и прилѣпляются инѣмъ,—не пріимать святыхъ таинъ ни одиною лѣтомъ, аще не отъ отца духовнаго звязани будутъ, не причащатися.—И ты вѣси, яви тѣмъ всѣмъ чужемъ быти нашея вѣры... 16, Иже сходяще къ мірскимъ и пьютъ,—іерейску чину повелѣваютъ святіи отцы благообразно и съ благословленіемъ пріимати предлежащая; играніе и плясаніе и гуденіе, входящемъ востати всѣмъ, да не осквернятъ имъ чувства видѣніемъ и слышаніемъ... 19, Иже ядятъ съ погаными не вѣдая,—молитву творити на оскверненіе токмо, пріимати достоитъ. 20, Матеръ же крестимыхъ дѣтій аще бальни будутъ и поститися не могутъ,—отдаваютъ отцы, да не изнемогутъ постомъ и свой погубятъ живоръ. 21, Иже свое подружіе оставятъ, и поимаютъ инѣхъ, тако же и жены, въ которыя епитимьяхъ влагати?... Не пріимаемъ въ причащеніе, дондеже престанутъ отъ грѣхъ, такоже жену не дѣвицу имѣюще своря... 22, Прашалъ о нѣкихъ еси, иже купятъ челядь, створившимъ обещныхъ молитвъ, ядшихъ съ ними, послѣди же продавше въ поганыя,—которую симъ пріяти епитемью? И речемъ, якоже речено есть въ законѣ:

(¹) Заглавіе этого посланія слѣд. «Правило церковное отъ св. книгъ вкратцѣ Іакову черноризцу.» Кормч. 1180.

крестьяна человѣка ни Жидовину, ни еретику продати; иже продастъ Жидомъ,— есть беззаконникъ, а не токмо законодавцу, но и Богу претыкается. И се внимай о Самфирѣ и о Ананіи образа разумѣй; они бо цѣну своего обѣша Петромъ верховнымъ апостоломъ принести Богу, дажь малу часть удержавше, смерти осужени бывше, украдше часть, иже обѣщашася Богови принести. Купца же, иже знаменавше знаменіе божіе и молитву, иже отъ нихъ купленіе челяди, яже вся псалъ, знаменавше и молитву давше, такоже и поганымъ продавше: не таиное согрѣшеніе, но явлено къ Богу отлученіе. Крадше и чюже собѣ творте, и тако ны ся мнить, ладно съ онѣма согрѣшати, иже гонивше нашу вѣру, и многи отъ вѣры въ невѣрьство приведше, имже достоитъ отврещи сего злаго наказанія и начинанія наученіемъ и наказаніемъ; аще не послушаетъ, ино яко язычники мытаря имѣти... 25, И оже въ пирѣхъ пити, цѣлующеся съ женами безъ смотрѣнія мнихомъ и бѣльцемъ, въ 22 главѣ, иже въ Никіи 2-го збора, иже божественнымъ отцемъ повелѣвшимъ мнихомъ и іереемъ съ инѣми богобоязнивыми и честными мужами, аще и съ женами обѣдаютъ, да и то совокупленіе на совершеніе духовное будутъ. Такоже и съ ближними и на путь шествующе требованіе нудить, и невозбранно вкупѣ и въ гостинницы или въ домъ нѣкоего внидутъ невозбранно, и бѣльцемъ же жены имѣюще и дѣти вкутъ, обѣта же невозбранно, кромѣ начинанія, игранія и бесовскаго пѣнія и блуднаго глумленія: сія убо во опитемья воведуть; иже по смотренію твоему и по образу комуждо и по лицу и по житью наведи... 29, Иже своеи волею ходятъ къ поганымъ купля ради, и скверное ядятъ, сихъ отвѣщаваемъ восхищники, и лихоиманьники, и неправедника, и мездьники, и сребролюбца; нѣсть правило улучая (*отлучая*), аще и велика суть согрѣшенія, оже имѣнія ради или скоталюбства (*сребролюбія*) ради съ погаными оскверняются, иже съ ними пребываніемъ недѣяніемъ отъ церкви не возбраняются, но такию молитвою и моленіемъ очистятся грѣси, и тако причащанія блага пріимутъ, подобаетъ воину (*всегда*) наказаніе имъ дати и учити й, евангельское слово внушати: »о, горе вамъ, яко имя мое въ васъ ради хулу пріимаетъ въ языцѣхъ»! 30, Иже въ монастырехъ часто пиры творятъ, сзываетъ мужа вкупѣ и жены, и въ тѣхъ пирѣхъ другъ другу приспѣваютъ, кто лучій творитъ пиръ. Си ревность не о Бозѣ, но отъ лукаваго бываетъ си, и десною (*кудесною*) лестью приходящее, и образъ милости и духовное утѣшеніе приводящимъ и творящимъ пагубу... И оже сихъ творятъ и собѣ иже съ ними пьютъ черенька и съ черньцѣ погубляютъ, и мнять, что добро творятъ нищелюбія, иже къ мнихамъ любы и не пріимати мзды.

31, Якоже еси реклъ, оже не бываетъ на простыхъ людехъ благословеніе вѣнчанія, но бояре токмо и князи вѣнчаются, простымъ же людемъ якоже именемъ и плесканіемъ. Разумъ даемъ всякъ и речемъ: иже простіи закони простцемъ и невѣжамъ си творятъ совокупленіе. Иже кромѣ божественныя церкви, кромѣ благословленія, творяще свадбу, таино поиманіе наречетъ, иже тако поимаютъ, якоже блуднымъ опитемьи даютъ...

(*Рус. Дост. I, 88—103*).

См. Ист. Р. Цер. *Макарія*. II, 345—352.

Кромѣ этого правила, Іоан. II написалъ 1, посланіе къ папѣ Клименту (Пам. XII стол. изд. Калайдовичемъ, стр. 209—218, Учен. Зап. Акад. № 1, 2, стр. 1—20. Изв. Акад. 11. 95—101) 2, службу Борису и Глѣбу (Изв. Акад. VII, 372).

205. Странникъ Даніила игумена до 1115.

Вступленіе. — Се азъ недостойный Даниль, Рускыа земля, хужьшій въ всѣхъ минсѣхъ, смиренъ сый многыми грѣхы и невѣжьствіемъ о всякомъ дѣлѣ блазѣ, и понуженъ быхъ мыслію своею и нетерпѣніемъ своимъ, въсхотѣхъ видѣти св. градъ Іерусалимъ и землю, обѣтованную Богомъ Авраамy. Волею же божіею хранимій, доходихъ св. града Іерусалима, и видѣхъ всю землю Галилискую и святаа мѣста, и вся обыидохъ всю ту землю, удуже Христосъ Богъ нашъ походи своима ногама и много чюдесъ показа преславно святымъ своимъ апостоломъ и ученикомъ, да то все видѣхъ очима своима грѣшныма, и все ми Богъ показа видѣти, егоже желахъ азъ по многы дни мыслію своею мучимъ. Но, братіе и отци, господіе мои, простите мя, и не зазрите моему худоумію и грубости моей, еже списахъ о Іерусалимѣ, и о землѣ блазѣ, и о пути семъ святѣмъ: иже бо кто путемъ симъ ходить съ страхомъ и съ смиреніемъ, то не погрѣшить милости божія николиже. Азъ же неподобно ходихъ путемъ симъ святымъ, въ всякой слабости и лѣности, пья и ядя и вся неподобная творяхъ, но обаче надѣюся на милость божію и на вашу молитву, негли Христосъ Богъ простить мя грѣховъ моихъ бещисленныхъ, да се и списахъ путь сей и мѣста си святая, не възношаяся, ни величаяся путемъ симъ: не буди то, ничтоже бо не сътворихъ добра на пути семъ, но любве ради св. мѣстъ написахъ все, еже видѣхъ очима грѣшныма, дабы не въ забытіи то было, еже ми показа Богъ недостойному, и убояхся осуженіа оного раба лѣниваго, скрывшаго талантъ господина своего и прикупа не сътвори имъ; да и се написахъ вѣрныхъ—ради человѣкъ, дабы кто слышавъ о мѣстехъ святыхъ и потщался душею и мыслію къ святымъ симъ мѣстомъ и равну мьзду пріимуть съ ходившими до св. сихъ мѣстъ. Мнози же дома суще въ своихъ мѣстехъ добріи человѣци милостынями къ убогымъ и добрыми дѣлы своими достизають сихъ мѣстъ святыхъ, иже болшюю мьзду пріимуть отъ Бога; мнози же и ходивше св. сихъ мѣстъ и видѣвше св. градъ Іерусалимъ, и вьзнесшеся умомъ, яко нѣчто добро сътворше, и пакы погубляють мьзду труда своего, отъ нихъ же первый есмь азъ Мнози же и доходивше до Іерусалима идуть взадъ, многа добра не видѣвше, тщашеся вборзѣ итти; а сего пути вборзѣ нелзѣ ходити, но потиху, не тоскомъ, тоже мочи видѣти вся та мѣста святая въ самомъ градѣ Іерусалимѣ и внѣ града. Азъ бо недостойный игуменъ Даниль пришедъ въ Іерусалимъ, пребыхъ 16 мѣсяцевъ въ метухіи (1) св. Савы, и оттолѣ походивъ испытавъ вся та мѣста святая и видѣхъ добрѣ; невъзможно бо безъ вожа ходити и безъ языка добрѣ испытати и видѣти всѣхъ тѣхъ св. мѣстъ. И что у себе имѣя въ руку моею худого моего добытка, и отъ того всѣмъ подавахъ, вѣдущимъ добрѣ вся св. мѣста въ гради и внѣ града, да быша мнѣ указали все добрѣ, якоже и бысть. И пригоди ми Богъ налѣсти (*найти*) въ лаврѣ св. Савы (2) ту мужа свята и стара деньми и книжьна велми, и тому св. мужу вложи въ сердце Богъ любити мя велми худаго, и той ми указа добрѣ вся мѣста святая, иже суть въ Іерусалимѣ, и по всей земли той поводи мя добрѣ, и до Тявиріадьскаго моря и до Фавора и

---

(1) *Метохіон* — подворье монастыря. Здѣсь разумѣется подворье монастыря св. Савы, которое находилось, какъ говоритъ далѣе Даніилъ, въ самомъ городѣ Іерусалимѣ, близъ водоема, называемаго именемъ Вирсавіи, и принадлежащее до сихъ поръ греческимъ монахамъ; оно называется теперь *монастыремъ св. Димитрія*.

(2) Здѣсь говорится уже о знаменитой лаврѣ св. Савы, близъ Мертваго моря.

до Назарефа, и до Хеврона и до Ердана, и до Виелеома, по всѣмъ тымъ мѣстомъ поводи мя и трудися съ мною любве ради и ины святая мѣста многа видѣхъ, яже о томъ послѣди скажю.

(Самое описаніе путешествія Даніила раздѣляется на XXII отдѣла).

I. О пути иже въ Іерусалимъ.— Путь иже есть въ Іерусалимъ: отъ Цараграда по лукоморію ити 300 верстъ ([2]) до великого мора, до Петалы острова ([3]) 100 верстъ: а то есть первый островъ на уськомъ мори, и есть ту лимень добръ, и ту есть градъ великій Ираклѣй ([4]), и противу тому граду святое мνро выходить изъ глубины морскыя ([5]); ту бо святія мученици погружени суть отъ мучитель. А отъ Петалы острова до Калиполя (*Галлиполя*) 100 верстъ, а отъ Калиполя 30 верстъ до Авида града; и противу тому граду лежитъ св. Еуфимей новый. А оттуду до Криты ([6]) 20 верстъ, и ту есть на великое море выйти, на лѣво въ Іерусалимъ, а на десно ко Святѣй горѣ (*Аѳонской*), и къ Селуню и

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто лѣтописной мы находимъ, для измѣренія одного и того же пространства, версты, а въ другихъ поприща. Въ древнихъ спискахъ поприще (или верста) полагалось въ 750 саженъ, но эти сажени были двух-аршинныя, оно дѣлилось на [illegible]. Ногъ въ поприщѣ считалось 6000, стопъ 3000, стадій 7½. Изъ этого видно, что древнія русскія поприща или версты были совершенно равны нынѣшнимъ верстамъ.

[2]) *Петала*—вѣроятно, Кутали или Кутал., островокъ, находящійся близъ острова *Мармора*, и который есть, дѣйствительно, первый островъ при плаваніи въ Іерусалимъ, или въ узкомъ морѣ [illegible].

([4]) *Ираклея*, [illegible] *Ераклея*, [illegible] острова Кутали, или Петали [illegible].

([5]) [illegible] (VII. 35) говоритъ, что [illegible]

([6]) *Крита* (Kritia) [illegible]

Рину. А отъ Крита до Тенеда острова 30 верстъ, то есть первый островъ на велицемъ мори, и ту лежитъ Анеподимъ (*память 15 іюля*), мученикъ Христовъ; и ту есть противу тому острову городъ великъ былъ, а имя ему Троада: ту бо св. апостолъ Паулъ приходилъ и научилъ страну ту вѣровати въ Христа и крестилъ ихъ. А отъ Тенеда острова до Металина острова 100 верстъ; ту бо лежитъ св. Георгій, Металиньскій митрополитъ; а оттуду до Хіа острова 100 верстъ, и ту лежитъ св. мученикъ Сидоръ; въ томъ бо островѣ ражается мастика и вина добрая и овощь всякъ. А отъ Хіа острова до Ефеса града 60 верстъ; ту бо есть гробъ св. Іоанна Богослова, исходитъ бо персть святая изъ гроба его, на память его, и взимаютъ персть ту на исцѣленіе всякого недуга; и свита (*платье*) Іоаннова ту лежитъ, въ ней же самъ ходилъ. И ту есть близъ печера седми отрокъ, идеже лежатъ тѣлеса ихъ, иже спали 300 и 70 и 2 лѣта: при Декіи цари успуша, а при Феодосіи цари явишася. Въ той же пещерѣ 300 св. Отецъ лежитъ, гробъ Маріи Магдалини, ту же и глава ея, а св. Тимоѳей, ученикъ св. апостола Паула, въ ветсѣмъ градѣ лежитъ. И ту же есть въ ветсѣй церькви икона святая Богородица; сею же иконою св. отци прекрѣли Несторья еретика. И ту есть баня, идѣже работалъ Іоанъ Богословъ съ Прохоромъ, ученикомъ своимъ, у Романины: и видѣхомъ пристанище то, идѣже Іоанна Богослова море вывержее; ту бо стояхомъ 3 дни, зовется пристанище то муроморское. Ефесъ же градъ есть на суши, отъ моря вдале 4 верстъ, въ горахъ, обиленъ же всѣмъ: и ту поклонихомся гробу тому святому. Благодатію же божіею хранимы и молитвами св. Іоанна Богослова, идохомъ радующеся. А отъ Ефеса до Сама острова 40 верстъ, и въ томъ островѣ рыбы много бываютъ, и обиленъ же всѣмъ островъ той. А отъ

Сама острова до Карія острова 20 верстъ, а отъ Карія (1) острова до Патма острови верстъ 60 въ сторонѣ далече въ морѣ Патмъ островъ; въ томъ островѣ Іоанъ Богословъ евангеліе написалъ, егда бѣ заточенъ съ Прохоромъ, ученикомъ своимъ. Отгуду есть Леросъ островъ, таже Калиминосъ островъ, таже Нисера островъ, таже и Косъ островъ великъ велми, богатъ всимъ, людми и скотомъ; таже и Тилосъ островъ: и въ семъ островѣ есть мука изо рва кипитъ сѣрою горячею, и ту сѣру варячи продаютъ купцемъ, ею же мы огнь вытыкаемъ (1); таже Харкія островъ. И вси тѣ острови обилны велми, съ людми и съ скотомъ, близъ себе яко 40 верстъ имуть межу собою. Таже Родъ островъ великъ велми и богатъ всѣмъ; въ томъ бо островѣ былъ Олегъ, князь рускый, 2 лѣта и 2 зимы. А отъ Рода острова до Сама острова 5 верстъ, а отъ Сама острова до Макрія града 60 верстъ: и ту есть градъ Макрій (2).

О темьянѣ гонфитѣ. — Въ томъ градѣ Макріи, по земли той по всей, олно (*даже*) и до Мурь, ту ся ражаетъ темiанъ гоньфитъ черный, и тако ся раждаетъ: исходитъ изъ древа яко мѣзга, и снимаютъ желѣзомъ острымъ; а имя древу тому зигія (*грабина*); есть образомъ акы олха древо то. И другое древо мало, образомъ акы сосна, есть тонко, имя ему стурика (*росной ладанъ*), а въ болѣ яко поноровъ есть; и въ деревцѣ томъ за корою червь, и точитъ древцо то червъ тый, исходитъ червоточина та акы отруби пшеничные; и падаетъ отъ древа того акы клей вишневый: то збираютъ тѣ людіе и смѣшиваютъ съ первореченнымъ древомъ, и вложивше въ котелъ варятъ темiанъ гонфитъ, и кидаютъ въ мѣхи и продаютъ купцемъ. А отъ Макріи до Патера города 40 верстъ; ту есть рождество св. Николы, то есть вотчина его. А отъ Патера града до Миръ 40 верстъ, идѣже есть гробъ св. Николы, а отъ Миръ до Хилидонія (*мысъ*) 60 верстъ, а отъ Хилидонія до Кюпра острова великаго 200 верстъ.

II. О Кипрскомъ островѣ. — Кюпръ же островъ великъ велми и много въ немъ людій, и обиленъ же есть всимъ добромъ, и суть бо епископій въ немъ 24, а все митрополія едина. И святыхъ ту много безъ числа лежитъ: ту бо лежитъ св. Епифаней, и апостолъ Варнава, и св. Зѣнонъ, и св. Филагрисъ епископъ, егоже крестилъ Паулъ апостолъ христовъ. И ту же есть гора высока зѣло, и на той горѣ св. Елена царица поставила крестъ кипарисенъ на прогнаніе бѣсомъ и всякому недугу на изцѣленіе, и вложила въ онь честный гвоздь Христовъ; и бываетъ на мѣстѣ томъ знаменіе и чудеса многа, и донынѣ стоитъ крестъ той на въздусѣ, ничимъ же не придержится къ земли, но тако носимъ на въздусѣ (1) и ту азъ недостойный поклонихся святыни той чюдной. И благодатію же Божіею хранимы, сущею на мѣстѣ томъ, и ту проходихомъ островъ тотъ добрѣ.

(О ладанѣ и темянѣ; о церкви св. Георгія; о горѣ Армаеемѣ)

О Іерусалимѣ. — И есть же святый той градъ Іерусалимъ въ дебрехъ, и около же великы его горы каменны и высокы, олно (*даже*) пришедъ близъ къ граду тоже

(1) *Никарія* (Nikaria), у Плинія Nicasia

(1) Плиній говоритъ, что островъ Тилосъ славился своими мастями. Добываніе сѣры производится въ немъ досель.

(2) Мѣстечко Макри на берегу Ликіи.

(1) Это же самое преданіе у Вилленбранда, который путешествовалъ вѣкомъ позже Даніила. Мы принимаемъ это мѣсто за вставку позднѣйшаго переписчика.

видѣти св. градъ Іерусалимъ: первое видѣти домъ Давидовъ, а потомъ мало пошедъ, видѣти Елеоньская гора и Святая Святыхъ (*мечеть Омара*), а потомь весь градъ видѣти. И ту же есть гора равна у пути близъ Іерусалима, яко версты одной вдале, и на той горѣ ссѣдають люди съ коней, и пѣши ходять вси людіе и поклоняются христіяне св. Въскресенію; и бываеть радость велика всякому христіанину, увидѣвшему св. градъ Іерусалимъ: никто же бо не можетъ прослезитися, видѣвше землю желанную и мѣста святая, идѣже Христосъ Богъ нашъ, нашего ради спасенія, походи; и идуть вси пѣши съ радостію великою къ граду Іерусалиму.

О церкви св. Стефана. — И ту есть церковъ св. первомученика Стефана, у пути близь, на лѣвой странѣ тамо идучи: на томъ мѣстѣ побіенъ бысть каменіемъ св. Стефанъ и архидіаконъ отъ Іюдей, туже и гробъ есть его. И ту же гора каменная, плоска, просѣлася въ распятіе Христово, и то мѣсто зовется адъ (¹); и то есть близь стѣны городныя, яко довержеть мужь каменемъ.

III. О градѣ Іерусалимѣ. — И потомъ входить въ св. градъ Іерусалимъ всякъ человѣкъ съ радостію великою враты, сущими близь дому Давидова: и та суть врата отъ Виѳлеома лицемъ; та бо суть врата зовутся Веніаминова (*Яфскія*); якоже внидучи въ градъ, путь есть сквозѣ врата: направо же къ Святая Святымъ, а на лѣво къ Воскресенію, идѣже есть гробъ господень.

О церкви воскресенія господня. — И есть же церковь та Въскресеніе Господне сяка образомъ: кругло създана; столповъ же имать 12 облыхъ, а 6 зданныхъ, и помощена есть досками муроморяными красно велми; двери же имать шестеры, а на полатахъ столповъ 16, а надъ полатии подъ верхомъ исписани суть святіи пророци вси мусіею, яко живи стоять, а надъ олтаремъ написанъ Христосъ мусіею, а въ олтари же великомъ написано Адамово воздвиженіе; въ самомъ же верху написано есть Възнесеніе господне, обаполы же написано олтаря Благовѣщеніе; а все то подписано есть мусіею. Верхъ же церковный не до конца сведенъ каменіемъ, но тако спертъ досками и древіемъ тесанымъ, плотичнымъ образомъ (¹), и тако есть безъ верха не покрыто ничимъ же.

О гробѣ господни. — Подъ тѣмъ же самымъ верхомъ непокрытымъ есть гробъ господень симъ образомъ, яко печерка мала иасѣчена въ камени, двери имуще малы, якоже можетъ человѣкъ влѣзти, на колѣну поклоншеся, възвыше есть малаго мужа и всямо окачна (*кругловидная*) 4 лакоть въ долину и въ широту. Влѣзячи же въ печерку ту дверцами тѣми малыми, на десной странѣ есть мѣсто, яко лавица (*лавочка*) засѣчена въ томъ же камени печерномъ; и на той лавици лежало тѣло Господа нашего І. Христа, и есть и нынѣ лавица та святая покрыта досками муроморяными (*мраморными*), и суть на сторонѣ продѣлана 3 оконца кругла, и тѣми оконци видѣть святый тъй камень: и ту цѣлують вси христіяне. И висить въ гробѣ господни 5 кандилъ великыхъ съ масломъ сь древянымъ и горять беспрестани кандила

(¹). Это такъ называемая долина *сыновъ Гиномовыхъ*, или долина *Гиномъ*, заключенная между Сіономъ и мрачной горой *Злаго Совѣщанія*, мѣсто ужасныхъ жертвоприношеній Молоху. Блаженный Іеронимъ говоритъ, что адскій огонь, о которомъ упоминается въ евангеліи, сравнивается съ огнемъ нечестивыхъ жертвъ Молоху, и что поэтому адскій огонь называется *геена*, отъ имени *геонъ* или *гионъ*.

(¹) Куполъ храма гроба Господня имѣлъ тогда видъ усѣченнаго конуса.

та святая, не угасають ихъ никтоже, ни въ день ни въ нощь. Лавица же та святая, идѣже лежало тѣло христово, есть въ долину 4 лакоть, а въ ширину два локти, а възвыше полтора локти. Предъ дверми же печерными лежитъ камень, 3-ю стопъ вдале отъ дверецъ тѣхъ печерныхъ: на томъ камени ангелъ сѣдя явися женамъ мѵронасицамъ и благовѣсти имъ христово воскресеніе; и есть печерка та одѣлана яко амбонъ краснымъ мироморомъ и столпци мироморяны жъ около стоять, числомъ ихъ 12. Вверху же надъ печеркою тою созданъ яко теремецъ красно на столпцѣхъ, и вершекъ ему спертъ кругло, и сребряными чешуйками позолочеными покованъ; и на верху же того теремца стоитъ Христосъ сребрянъ сдѣланъ, яко въ мужа вболѣи есть, и то суть Фряжи (*франки*) сдѣлали и поставили, и нынѣ есть подъ самымъ верхомъ тымъ непокрытымъ. Суть же дверци трои у теремца того учинены хитро, яко крестьцы: тѣми бо дверцами влазать людіе къ гробу господню ([1]). Да то есть гробъ господень былъ печерка та, якоже то написахъ, добре испытавъ отъ сущихъ ту издавна вѣдущимъ святая си мѣста.

О пупѣ земляномъ и о церкви. И есть церкви та Въскресеніе господне кругла образомъ, всямо окачьна, въ долину и въ ширину 30 саженъ. Суть же у нея полаты просторони, и въ тѣхъ полатахъ горѣ патріархъ живетъ. И есть отъ дверей гроба господня до стѣны великаго алтаря 12 саженъ; и ту есть, внѣ стѣны за олтаремъ, путъ земленый ([2]) създана же надъ нимъ комара, и горѣ написанъ Христосъ мусіею (*мозаикой*), и глаголетъ грамота (*подпись*): »се пядію измѣрихъ небо, а дланію землю«.

IV. О столпѣ Давидовѣ.—А оттуду до столпа Давидова и до дому его ([1]) 200 саженъ. Столпъ же есть святаго пророка Давида, на немъ же и псалтырь съставилъ, дивенъ вельми столпъ той, краснымъ каменіемъ съдѣланъ, высокъ же вельми, на 4 углы, весь есть черствъ (*твердъ*), днеродны(й) камень уродися посредѣ его ([2]), и воды многы въ немъ; двери же имать пятеры желѣзны, степеней же имать 200, по нимъ же взыти горѣ; и жита въ немъ тогда много безъ числа лежитъ; и есть твердъ ко взятію: то есть голова всему граду тому. Блюдуть же его вельми, не дадять никомуже влѣзти въ онь; но мнѣ худому пригоди Богъ влѣзти въ столпъ той святый, и одва възмогохъ съ собою ввести единаго отъ людей моихъ именемъ Сдѣслава Ивановича, а иныхъ не впустиша никогоже.

(Далѣе о притворѣ Соломони и о купели. О святыя святыхъ; о дому Соломона царя; о Виѳаніи и о Лазори. V. О Гепсиманіи и о гробѣ св. Богородица; о пещерѣ, идѣже преданъ бысть Христосъ; о Елеоньстѣй горѣ, по възнесеніи господни.

О градѣ Іерусалимѣ, иже и окрестъ Іерусалима. Іерусалимъ же градъ есть великъ вельми и твердъ, стѣнами всямо окаченъ, на 4 углы крестнымъ образомъ създанъ; дебри суть многи и горы каменны около града; безводно же есть мѣсто то велми, ни рѣки, ни источника,

---

([1]) *Теремецъ*, который находится надъ самою пещерою гроба господня, накрываетъ круглое отверстіе, придѣланное на верху святой пещеры для свѣшиванія паникадилъ и для очищенія воздуха отъ испареній непрестанно горящихъ лампадъ.

([2]) Такое названіе дано на основаніи псалма LXXIII, стиха 2-го: »Богъ же царь нашъ прежде вѣка содѣла спасеніе посредѣ земли« и ст. 5 гл. V. Прор. Іезекіиля: »сія глаголетъ Адонаі Господь: сей Іерусалимъ, посредѣ языковъ положихъ его, и страны яже окрестъ его«.

([1]) Подъ словами *столпъ* и *домъ* Даніилъ разумѣетъ всю цитадель вообще.

([2]) Здѣсь текстъ теменъ во всѣхъ рукописяхъ.

ни колодезя близъ Іерусалима, но токмо одина Силуамля купель (¹); но дождевою водою живутъ вси людіе и скоти въ градѣ томъ. И жита много и добра ражаются граду тому и окрестъ Іерусалима безъ дождя; но божіимъ благословеніемъ родится пшеница и ячьмень изрядно: одину кадъ сѣявше и пакы взяти кадей 90 или 100 (²). Нѣсть ли то благословеніе Божіе на земли той святой? Ту же и винограды мнози около Іерусалима и овощная древеса смокви, и масличіе, и рожци (*стручки*), и яблони и иная же всякая овощная древеса различная безчисленная. А на горѣ Елеоньстѣй есть печера глубока вельми близъ Възнесенія господня на полдень лицемъ: и въ той печерѣ гробъ св. Пелагіа блудница. И ту же близъ есть столпникъ, мужъ дивенъ и страшенъ видомъ и старъ деньми (³).

(VI. О пути иже къ Іердану).

О Ердањстѣй рѣцѣ. Ерданъ же рѣка течетъ быстро, береги же иматъ обонъ полъ Іердана прикруты (*крутые*), отселе пологы; вода же его мутна и сладка вельми и нѣсть сыти піющимъ воду ту святую, и здрава бысть вода та піющимъ ю, ни съ нея болить, ни пакости въ чревѣ нѣсть; всѣмъ есть подобенъ Іерданъ рѣцѣ Сновьстѣй, въ шире и глубле, лукаво же вельми и быстро тететь; болоніа же (*низменность*) иматъ якоже и Сновь (⁴) рѣка; глубле же есть четырей саженъ среди самой купели, якоже самъ собою искусихъ и измѣрихъ и п[...] бродихъ на ону страну Іердана, и мно[...] походихъ по берегу тому Іерданову любо[...] вію; вшире же Іерданъ рѣка якоже и [...] устьи Сновь рѣка есть. И есть же п[...] сей странѣ рѣцѣ купели тоя яко лѣсок[...] малъ, древіе много по брегу Іердано[...] превысоко, яко вербіе есть, и подобн[...] но нѣсть верба; выше купели яко лоз[...] много по брегу Іердана, но нѣсть на[...] лоза, но инака, яко ксилажи (¹) подоб[...] есть. И есть бо ту тростіе много и зв[...] ріе многи ту живуть, и свиніи дикіи бе[...] числа много ту, и падруси (*леопард[...]* мнози ту суть; ту же суть и лвове обо[...] полъ (*на той странѣ*) Іердана въ г[...] рахъ каменныхъ, ту ся и ражають (²[...] Друзіи же горы суть подъ тѣми гора[...] бѣлы (³) суть вельми, и ти суть бли[...] Іердана, да та зовется земля Заулон[...] Нефталимля обонъ полъ Іердана. И [...] же есть мѣсто близъ яко двою дострѣ[...] вдале отъ рѣкы Іердановы, къ возво[...]

(¹) Даніилъ забылъ, кажется, о колодцѣ Неемія.

(²) Урожай въ самъ-тридцать пять бываетъ не рѣдкимъ въ Палестинѣ.

(³) Здѣсь Даніилъ говоритъ о томъ самомъ пустынникѣ, съ которымъ крестоносцы, по совѣту духовенства, совѣщались во время осады Іерусалима передъ приступомъ. Его называли человѣкомъ божіимъ.

(⁴) Это мѣсто есть единственное, которое служитъ вѣрнымъ указаніемъ на родину Даніила. Рѣка Сновь протекаетъ въ Черниговской губерніи; она вытекаетъ изъ окрестностей Стародуба и в[...] даетъ въ Десну. Другая рѣчка этого имени, въ [...] ловской губерніи, не можетъ быть примѣнена [...] описанію Даніила, тогда какъ первая подходитъ [...] нему довольно близко.

(¹) *Ксилажь* въ нѣкоторыхъ рукопис[...] *силазь* и даже *кислажь*. Вѣроятно *кызыль*, [...] щій сходство съ кустами arbtus andrachn[...] растущими въ изобиліи на берегахъ Іордана. [...] которыхъ говоритъ въ своихъ путешествіяхъ Ир[...] Манглъ.

(²) *Іеремія* (XLIX, 19) и *Захарія* (XI[...] говорятъ объ іорданскихъ львахъ. Въ житіи св. [...] расима, который обиталъ въ іорданской пусты[...] около половины V-го вѣка, мы читаемъ, что л[...] страдавшій отъ занозы въ ногѣ, пришелъ къ [...] и, будучи излеченъ св. отшельникомъ, подчин[...] совершенно его власти. (Четьи-минеи, 4 мар[...] Виллибальдъ 722 г. говоритъ о встрѣчѣ со л[...] въ горахъ самарійскихъ. Если львы не встрѣча[...] уже болѣе собственно въ Палестинѣ, то ихъ [...] дить еще за Іорданомъ.

(³) Вѣрное указаніе на мѣстность; подхо[...] къ Іордану, по ту сторону, холмы составлены [...] бѣловатаго известковаго камня.

лицемъ, идѣже Илія пророкъ въсхищенъ бысть на колесници огненѣ на небо. И ту же есть близъ потокъ Иліинъ воды исполненъ; вода же въ немъ течетъ быстро и красно по каменію въ Іерданинъ; вода же та студена и сладка. И ту же есть печера св. Іоанна Предотечи надъ потокомъ тѣмъ: и ту воду пилъ Іоаннъ Предотеча Христовъ, егда ту жилъ въ той печерѣ святой. И ту же есть близъ другая печера, идѣже жилъ Илія пророкъ съ ученикомъ своимъ Іелисѣемъ. И то все видѣхъ очима своима грѣшныма...

(О горѣ, на ней же Моисій пророкъ престивися и о монастырѣхъ. VII; О ерихоньскомъ градѣ; а се о мѣсто архангела Михаила, гдѣ явися Исусу Навгину; VIII О Лаврѣ Ѳеодосіевѣ и Савинѣ; IX. О Сіонѣ святѣмъ, и о ветьхомъ градѣ Іерусалимѣ, и о дому Іоанна Богослова; о Петровѣ отверженіи; X. О Виѳлеомѣ, идѣже Христосъ родися; о дому Есѣовѣ, Отца Давидова XI. О пути къ Хеврону; о дубѣ Мамврійстѣмъ. XII. О Хевронѣ горѣ; о печерѣ сугубѣй; о жертвѣ Авраамови; XIII. О манастыри св. Харитона. XIV. О пути, иже въ Галилею; о кладязи и о Самаріи градѣ. XV. О Васаньстѣмъ градѣ. XVI. О верховьи Іердановѣ; О мытницы Матѳѣевѣ, апостола Христова. XVII. О градѣ Тиверіадѣ, и о мори, и о чудесѣхъ христовыхъ; о езерѣ Генсаридскемъ и о градѣ; о горѣ Ливаньстѣй. XVIII. О горѣ Ѳаворьстѣй; о печерѣ Мелхиседековѣ. XIX. О градѣ Назареѳѣ; о благовѣщеніи св. Богородицы).

XX. О Кана Галилеи. ...Не видѣхомъ бо зла ничтоже на пути, ни отъ поганыхъ, ни отъ звѣри лютаго, ни болѣзни въ тѣлѣ своемъ не чюяхомъ ни мало, но всегда яко орелъ облегчаемъ и божіею благодатію укрѣпляемъ яко еленъ крѣпкоходимъ, безъ всякяго труда и безъ лѣности. Аще и похвалити ми ся подобаетъ, но силою Христа моего похвалюся; якоже бо Апостолъ Павелъ глаголетъ: сила бо моя въ немощи свершается. Да что въздамъ Господеви моему о всѣхъ, яже въздасть мнѣ худому рабу своему, яко сподоби мя толику благодать видѣти и походити по святымъ симъ мѣстомъ и исполнити желаніе сердца моего; его же не надѣялся есгь видѣти, и то ми все показа Богъ видѣти рабу своему. Да простите мя, отцы и братіе и господіе мои, и не зазрите худоумію моему и грубости моей, еже азъ написахъ не хитро, но просто написахъ о мѣстѣхъ сихъ святыхъ и о св. градѣ Іерусалимѣ и о всей земли обѣтованнѣй древле Богомъ Аврааму; обаче аще не мудростію, но безъ лжи, якоже видѣхъ очима своима грѣшныма, такоже и написахъ.

XXI. О свѣтѣ святѣмъ, како сходитъ съ небесе къ гробу господню.—И се ми показа Богъ видѣти худому и недостойному рабу своему Даниилу иноку, видѣхъ бо очима своима грѣшныма по истинѣ, како сходитъ свѣтъ святый къ гробу животворящему Господа Спаса нашего І. Христа. Мнози бо иніи странници неправо глаголютъ о схоженіи свѣта святаго: иніи убо глаголютъ, яко голубемъ сходитъ Духъ св. къ гробу господню, а друзіи глаголютъ яко молніа сходитъ и вжигаетъ кандила надъ гробомъ господнимъ: то есть лжа, ничтоже бо тогда видѣти, ни голуби, млъніи, но тако невидимо сходитъ благодать божіа, и вжигаются кандила надъ гробомъ господнимъ. Да о томъ скажу еже видѣхъ по истинѣ. Въ великую пятьницу по вечерніи потираютъ гробъ господень и помываютъ кандила сущая надъ гробомъ господнимъ, и наливаютъ каньдила та масла древянаго чиста безъ воды, одного, и вложатъ свѣтилна и не вжигаютъ свѣтиленъ тѣхъ, но тако оставляютъ свѣтилна та не въжжена и запечатаютъ гробъ господень въ 2 часъ нощи (1); тогда же изгасятъ вся кандила не токмо ту сущая, но и по всѣмъ церквамъ иже въ Іерусалимѣ. Тогда и азъ худый идохъ въ ту же пятницу ве-

(1) Не должно забывать, что часы дня и ночи считаются въ Палестинѣ отъ восхожденія и захожденія солнца, такъ что первый часъ дня въ Іерусалимѣ, по нашему счету, есть седьмой часъ утра, а первый часъ ночи въ Іерусалимѣ есть седьмой часъ вечера у насъ.

ликую въ 1 часъ дни къ князю Балдвину, и поклонихомся ему до земля; онъ же видѣвъ мя поклонившася, и призва мя къ себѣ съ любовію, и рече ми: что хощеши, игумене руский?—позналъ бо мя добрѣ и любляше мя велми, якоже бяше мужъ благъ и смиренъ и не гордить ни мало. Азъ же рекохъ ему: господине княже, молюся тебѣ Бога ради и княжей дѣлма (*ради*) рускыхъ, хотѣлъ былъ и азъ поставити кандило свое надъ гробомъ господнимъ за вся князя наша и за всю Рускую землю, за вся христіане Рускыя земля. И тогда же князь повелѣ ми поставити свое кандило, и съ радостію посла съ мною мужа своего лучьшаго къ иконому св. Въскресенія и къ тому, иже держить гробъ господень. Повелѣста ми оба, икономъ и ключарь гроба господня, принести кандило свое съ масломъ; азъ же поклонихся имъ съ радостію великою и шедъ на торгъ и купихъ кандило стклянное велико и наліяхъ масла древянаго чистаго безъ воды, и принесохъ къ гробу господню, уже вечеру сущу, и умолихъ ключаря того единаго и възвѣстихъ ему; онъ же отверзе двери господня гроба и повелѣ ми выступити изъ калигъ и введе мя босого въ гробъ господень съ кандиломъ еже ношахъ азъ рукама своима грѣшныма, и повелѣ ми поставити кандило на гробѣ господни, и поставихъ своима рукама грѣшныма въ ногахъ, идѣже лежаста пречистіи нози Господа нашего І. Христа, въ главахъ стояше кадило гречеекое, на персехъ поставлено бяше кандило св. Савы и всѣхъ монастырей; тако бо обычей имуть, по вся лѣта поставляють кандило гречское и св. Савы. Благодатію же божіею та три кандила въжглися долняя, а фряжская кандила повѣшена суть горѣ, и отъ тѣхъ кандилъ ни единого же не возгорѣся тогда, толико тѣ 3 едини въжьглися. Азъ же поставихъ кандило свое на св. гробѣ Господа нашего І. Христа и поклонихся честному гробу господню, и облобызавъ съ любовію и съ слезами мѣсто то св. и честное, идѣже лежало пречистое тѣло Господа нашего *І. Христа*; и изыдохомъ изъ гроба того святаго съ радостію великою и идохомъ къждо въ келью свою. Заутра же въ великую суботу въ 6-й часъ дни събираются людіе предъ церквію Въскресенія христова безщислено много множество людій отъ всѣхъ странъ пришелци и тоземци отъ Вавилона, и отъ Египта, и отъ Антіохія и отъ всѣхъ странъ ту ся събирають въ тотъ день несказанно много людій и наполняются вся та мѣста около церкви и около Распятія господни; велика же тѣснота бываеть тогда въ церкви и около церкви, многѣ бо тогда задыхаются отъ тѣсноты людій тѣхъ; и тѣ всѣ людіе съ свѣщами стоять невъжжеными и ждуть отверзенія дверій церковныхъ. Внутрь же церкви попове ждуть съ людми, дондеже пріидеть князь Балдвинъ съ дружиною своею, и бываеть тогда отверзеніе дверемъ церковнымъ, и входять тогда вси людіе въ церковь въ тѣснотѣ велицѣ, исполняють церковь ту и полату, и всюдѣ полно будеть въ церькви и околъ Голгоѳы и около Краинева мѣста и дотолѣ, идѣже налѣзенъ крестъ господень все полно будеть людій, много не глаголють ничтоже, но токмо Господи помилуй зовуть не ослабляюще и вопіють сильно, яко тутнати и възремѣти всему мѣсту тому отъ вопля людій тѣхъ; источници ту слезамъ проливаются отъ вѣрныхъ человѣкъ; аще бо кто окаменен сердцемъ своимъ, да и той тогда можеть прослезитися, всякъ бо человѣкъ тогда зазрить себе и поминаеть грѣхы своя и глаголеть въ себѣ: егда моихъ ради грѣховъ не снидеть Духъ Святый! И тако стоять вси вѣрніи, слезно и съкрушено сердце имуще; и той самъ князь Балдвинъ стоить съ страхомъ и смиреніемъ великымъ, источникъ слезъ проливаются отъ очію его; такоже и дру-

жина его стоить около его прямо гробу близъ олтаря великаго (¹). Яко бысть 7 часъ суботнаго дни, поиде князь Балдвинъ изъ дому своего къ гробу господню и съ дружиною своею и вси боси и пѣшіи идуть съ нимъ. И присла князь въ метухію св. Савы, и позва игумена съ черноризцы его; и поиде игуменъ съ братіею къ гробу господню, и азъ худый тутъ же идохъ съ игуменомъ тѣмъ и съ братіею, и пріидохомъ къ князю тому, и поклонихомся ему вси. Тогда и онъ поклонихся игумену св. Савы. И повелѣ князь игумену св. Савы и мнѣ худому съ нимъ пріити близъ себе, а инѣмъ повелѣ предъ собою ити, а дружинѣ повелѣ по собѣ ити. И пріидохомъ въ церковь Въскресенія Христова къ западнымъ дверемъ, и се множество людій заступиша двери церковныя, и не могохъ внити къ церковь. Тогда повелѣ князь Балдвинъ воемъ своимъ разгнати люди насильствомъ; и сътвориша яко улицу сквозѣ люди нолно (*даже*) и до гроба господня и тако възмогохомъ пройти. И пріидохомъ къ восточнымъ дверемъ господнимъ гробнымъ, а князь по насъ пріиде и ста на мѣстѣ своемъ на десной странѣ у перегороды великаго олтаря противу въсточнымъ дверемъ гробнымъ: ту бо есть мѣсто княже создано высоко; повелѣ же игумену св. Савы стати надъ гробомъ съ всѣми черньцы и съ правовѣрными попы, мнѣ же худому повелѣ стати высоко надъ самыми дверьми гробными противу великаго олтаря, яко зрѣти ми бяше въ гробныя двери; двери же гробныя вси три замчены и запечатаны царскою печатію. Латыньскыи же попове въ велицѣмъ олтари стояху. И бысть яко 8 часъ дни, начаша пѣти вечерьнюю правовѣрніи попове на гробѣ горѣ, и вси мужи духовніи черноризцы же и пустынніци мнози бяху пришли; а Латыня же въ велицѣмъ олтари начаша верещати съвойскы, и тако поющымъ имъ. Азъ же ту стояхъ и прилѣжно зрахъ къ дверемъ гробнымъ. И яко начаша паремiи чести суботы великыя, и изыде епискупъ съ діакономъ своимъ изъ великаго олтаря и приде къ дверемъ гробнымъ, и позрѣвъ гробъ господенъ сквозѣ хрестьцы дверей тѣхъ, и не узрѣ свѣта въ гробѣ и възвратися опять въ отларь. Яко начаша чести 6-ю паремію, и той же епископъ съ діакономъ пріиде пакы къ дверемъ гробнымъ, и не увиде ничтоже въ гробѣ господни, тогда же вси людіе възпиша съ слезами *кирѣ елейсонъ* (Господи, помилуй!). Якоже бысть девятый часъ дни минходящу, и начаша пѣти пѣснь преходную «Господеви поемъ», и тогда внезапу пріиде туча отъ въстока мала и ста надъ врьхомъ непокрытымъ тоя церкве и одожди надъ гробомъ святымъ, и смочи насъ добрѣ стоящихъ надъ гробомъ господнимъ; и тогда внезапу облиста свѣтъ святый въ гробѣ господни, и изыде блистаніе свѣта того страшно и свѣтло зѣло изъ гроба того святаго. И пришедъ епископъ съ четырми діаконы отверзоша двери господня гроба и вземъ свѣщу у князя, и вниде епископъ въ гробъ господень и въжже первое ту свѣщу отъ свѣта того святаго, и изнесша изъ гроба свѣщу ту, и вдасть ю самому князю въ руцѣ; и ста князь на мѣстѣ своемъ држа свѣщу ту съ радостію великою зѣло; и тоя свѣща мы въжгохомъ вси свои свѣщи, а отъ нашихъ свѣщь вси своя въжгоша свѣща. Свѣтъ же святый нѣсть яко огнь земный, но инако, свѣтится изрядно пламень той его яко киноварь. И тако вси людіе стоять съ свѣщами горящими и вопіють же вси непрестанно съ радостію великою зѣло и съ веселіемъ, видѣвше свѣтъ святый божій. Иже бо кто не видѣвъ тоя радости въ той день, то не иметь вѣры сказающему о всемъ томъ видѣніи; обаче вѣрніи добріи человѣци велми вѣру-

(¹) Главный престолъ стоялъ передъ аркадою, образующею входъ въ большую церковь грековъ.

ють и въ сладть послушають сказанія сего о святыни сей и о мѣстѣхъ сихъ святыхъ: вѣрный бо въ малѣ и въ мнозѣ есть вѣренъ, а злу человѣку истина крива есть. Мнѣ же худому Богъ послухъ есть и св. гробъ господень и вся дружина моя рускыи сынове, и приключишася тогда Ноугородци и Кіане: Сѣдеславъ Иванковичь, Горославъ Михалковичь, Кашкича два и иніи мнозѣ, иже свѣдають о мнѣ и о сказаніи. Но възвратимся на прежереченное И егда же свѣтъ въсія въ гробѣ господни, тогда пѣніе преста и вси възпиша кіріелейсонъ; потомъ поидоша изъ церкви съ радостію великою и съ свѣщами горящими и съблюдающе къждо свѣща своя отъ угашенія вѣтренаго, и идоша кождо въ домы своя, и отъ того свѣта святаго въжигають свѣща въ своихъ церквахъ къждо ихъ и кончають пѣніе въ своихъ церквахъ кождо ихъ; въ велицѣй же церкви у гроба господня сами попове безъ людій кончають пѣніе вечернее. Тогда же мы съ игуменомъ и съ братіею идохомъ въ свой манастырь несуща свѣща своя горащая, и ту кончахомъ пѣніе вечернее и идохомъ въ келія своя хваляще Бога, показавшего намъ ту благодать видѣти. Въ утрій же день Въскресенія Христова, въ недѣлю св. Пасхы на заутреніи отпѣвше како подобаеть, и бывшу цѣлованію съ игуменомъ и съ братіею в отпущенію бывшу въ 1 часъ дни, и вземъ игуменъ крестъ съ братіею и идохомъ къ гробу господню, поюще глаголюще: «Аще и въ гробъ сниде безсмертьне».—и вшедъ въ гробъ животворящій, и облобызавше съ любовію и слезами теплыми, наслаждшеся ту вонѧ тоя благуханныя св. Духа пришествіемъ, и кандиламъ тѣмъ еще горящимъ дивно же и чюдно и изрядно вельми: та бо кандила три възжглася сама тогда, егда снидеть свѣтъ святый, якоже мы видѣхомъ помянухъ и ключарь господина гроба; а иныхъ засвѣть пять кандилъ надъ гробомъ господнимъ и

горяху тогда же, но свѣтъ ихъ инакъ бѣаше не якоже онѣхъ трехъ кандилъ изрядно и чюдно свѣтятся. И потомъ изыдохомъ изъ гроба господня въ въсточными двермии, и вшедше въ олтарь и створихомъ цѣлованіе съ правовѣрными попы христіаньскыми и сурьянскими (*сирійскими*), изыдохомъ изъ церкви и идохомъ въ свой манастырь и ту опочивше до литургіи.

И по трехъ днехъ и по литургіи идохъ азъ ко ключарю гроба господня и рекохъ ему: хотѣлъ быхъ взяти кандило свое. Онъ же поимъ мене съ любовію, единого токмо введе мя съ собою въ гробъ, и вшедъ въ гробъ обрѣтохъ кандило свое надъ гробомъ господнимъ еще горяще свѣтомъ тѣмъ святымъ. И поклонихся гробу тому святому и облобызавъ мѣсто то честное, идѣже лежало тѣло пречистое господа нашего І. Христа. Тогда бо измѣрихъ гробъ святый въ длину и въ ширину и въ высоту: при людѣхъ бо невозможно измѣрити никомуже; и почтихъ гроба господня како мога, по силѣ, и потому ключареви подахъ нѣчто мало и худо благословеніе. Онъ же видѣвъ любовь мою къ гробу господню и къ тому самому, удвигнувъ же дъскы сущая въ головахъ св. гроба, и уломи ми тако камени того святаго нѣчто мало на благословеніе, и запрети ми съ клятвою не повѣдати никому же въ Іерусалимѣ. Азъ же поклонихся гробу господню и тому ключареви, и вземъ кандило свое съ масломъ еще горящимъ и изидохъ съ радостію великою зѣло, обогатився благодатію Божією, нося въ руцѣ моей даръ св. мѣста и знаменія св. гроба господня, и идяхъ радуяся аки нѣкако съкровище богатьства обрѣтохъ, и идохъ въ келію свою съ радостію великою.

XXI. О мѣстѣ Галилеи и о мучителѣхъ; о мѣстѣ Захарьинѣ, гдѣ Іоанна Крестителя; о Рамѣ и о Еммаусѣ; о мѣстѣ Кармильстѣй.

Послѣсловіе. — Ходилъ есми тамо во княженіе руское в. кн. Святополка Изяславича, внука Ярослава Володимерича кіевьскаго. Богъ тому послухъ и св. гробъ господень. Въ всѣхъ сихъ мѣстѣхъ святыхъ не забывахъ именъ князей рускыхъ, и княгинь ихъ, и дѣтей ихъ, ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтей моихъ духовныхъ, ни всѣхъ христіанъ николиже не забывалъ есмь, но вездѣ поминалъ есмь въ молитвахъ. О семъ похвалю преблагаго Бога моего, яко сподоби мя написати имена рускыхъ князей въ лаврѣ у св. Савы, и нынѣ поминаются въ октеніихъ. Се же суть имена ихъ: Михайло Святополкъ, Василей-Владимерь, Давыдъ Святославичь, Михайло-Олегъ, Панкратей-Ярославь Святославичь, Ондрей-Мстиславъ Всеволодовичь, Ѳеодоръ Мьстиславъ Володимеровичь, Борись Всѣславичь, Глѣбъ Минскій, Давыдъ Всеславичь; — толико бо есмь поминалъ именъ ихъ, да тѣхъ и вписалъ есмь; прочее же о всѣхъ рускыхъ князей и о боярехъ и о всѣхъ христіанехъ Рускыя земля, п отпѣхомъ же литургій всѣхъ 90 за князей и за бояръ и за дѣти моя духовныя и за правѣвѣрныя христіане, за живыя 50, а за мертвыя 40; быша же литургіи ти у гроба господня и въ всѣхъ мѣстѣхъ святыхъ. Буди же всѣмъ почитающимъ писаніе се, благословеніе отъ Бога и отъ св. гроба господня и отъ всѣхъ мѣстъ сихъ святыхъ: пріиметъ бо мьзду равну съ ходившими до св. града Іерусалима и видѣвши(ми) мѣста си святая вся. Блажени бо видѣвше и вѣроваша; треблаженія не видѣвше вѣроваша. Вѣрою бо пріиде Авраамъ въ землю обѣтованную. По истинѣ бо вѣра равна добрымъ дѣломъ. Но Бога дѣля, отцы и братія, господіе мои, не зазрите худоумію моему и грубости моей! да не будетъ въ похуленіе написаніе сіе мене дѣля худаго; Бога дѣля и святыхъ дѣля мѣстъ почтете его съ любовію, да мьзду пріимете равну отъ Бога Спаса Господа нашего І. Христа; да Богъ мира будетъ съ всѣми вами въ вся вѣкы. Аминь.

(*Изд. Археогр. ком.* »*Путеш. Игум. Даніила*». *Спб. 1868*).

См. также путешествіе Добрыни въ Царьградъ и хожденіе Пимена. Сказ. рус нар. Сахарова. VIII.

Этотъ важный памятникъ русской письменности, начала XII в., заключаетъ описаніе паломничества въ св. землю русскаго игумена Даніила, современника лѣтописца Нестора. Можно предположить, что онъ былъ уроженцемъ черниговской губ., судя по дѣлаемому имъ сравненію Іордана съ р. Сновь, *протекающею чрезъ черниговскую губернію. Благочестивый паломникъ говоритъ въ своемъ послѣсловіи: »Ходилъ есми тамо во княженіе русское в. кн. Святополка Изяславича, внука Ярослава Владиміровича кіевскаго« (1093—1113). Мы находимъ также имена нѣкоторыхъ русскихъ князей, жившихъ въ концѣ XI или въ началѣ XII в., которыхъ онъ поминалъ на эктеніяхъ. Ему сопутствовали или одновременно съ нимъ были въ Іерусалимѣ нѣкоторые его соотечественники изъ Новгорода и Кіева. Карамзинъ считалъ весьма вѣроятнымъ, что Алексѣй Комненъ обращался съ воззваніемъ къ Русскимъ для войны противъ общихъ враговъ христіанства. Норвежецъ Сигурдъ былъ не многимъ раньше Даніила въ Палестинѣ. Даніилъ былъ хорошо извѣстенъ королю Балдуину I, мѣстопребываніе котораго было тогда въ Іерусалимѣ. Онъ говоритъ о благосклонномъ расположеніи его къ нему и отзывается съ благодарностію о дозволеніи, данномъ ему королемъ, воспользоваться его походомъ въ Дамаскъ (1115 г.) для обозрѣнія святыхъ мѣстъ Галилеи.*

Это путешествіе тѣмъ любопытнѣе, что оно представляетъ болѣе обширное поле для изслѣдованія Святыхъ мѣстъ, чѣмъ описанія Даніиловыхъ предшественниковъ: Аркульфа, Виллибальда, Бернарда ле-Сажа, Епифанія, Евгезиппа, и его современника Зевульфа, также и писавшихъ уже въ концѣ XII-го вѣка, Веньямина Тудельскаго и Фоки. Даніилъ говоритъ, что онъ ничего не жалѣлъ для того, чтобы имѣть лучшихъ проводниковъ; и дѣйствительно, мы находимъ у него гораздо менѣе неточностей, чѣмъ у его предшественниковъ и современниковъ; эти неточности можно даже отнести къ переписчикамъ, которые искажали часто текстъ и дѣлали въ немъ вставки въ теченіе болѣе семи вѣковъ.

Описаніе Даніилово обнимаетъ всю Святую землю; оно драгоцѣнно по многимъ подробностямъ о святыняхъ этой земли, также и въ отношеніи къ топографіи святыхъ мѣстъ. Его разсказъ о проявленіи святаго огня въ Великую Субботу, въ присутствіи короля Балдуина, весьма любопытенъ. Легко можно убѣдиться, что Даніилъ писалъ свое путешествіе отрывками, послѣ каждой поѣздки, давая особое заглавіе каждому изъ этихъ отрывковъ, которые распологались переписчиками въ произвольномъ порядкѣ; по этой-то причинѣ, путешествіе въ Галилею составляетъ, въ рукописяхъ, отдѣльный разсказъ, который былъ ошибочно помѣщенъ послѣ описанія его обратнаго путешествія въ Константинополь.

Путешествіе игумена Даніила нельзя отстранить позднѣе начала 1113 г., который былъ послѣднимъ владычества Святополкова, умершаго 16 апрѣля, и о кончинѣ котораго Даніилъ во время своего странствованія не зналъ. Возвратъ же Даніила должно полагать въ половинѣ 1115 года, послѣ похода Балдуина на Дамаскъ, въ княженіе Владиміра Мономаха. Поэтому, нельзя принять мнѣнія Карамзина, который полагалъ, что паломникъ Даніилъ могъ быть тотъ самый Даніилъ, который былъ поставленъ юрьевскимъ епископомъ въ 1113 г.

Первымъ изданіемъ Даніила мы обязаны г. Сахарову, который напечаталъ его путешествіе въ 1-й части »Путешествій русскихъ людей по Святой земли« (*Спб. 1839*), *а послѣ 2-мъ изданіемъ въ своемъ сборникѣ: »Сказанія русскаго народа« (Т. II, кн. 8. Спб. 1849).*

206. Поученіе Владиміра Мономаха до 1125.

Азъ худый—сѣдя на санехъ (*на смертномъ одрѣ*), помыслихъ въ души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ дневъ грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся, но ому же любо дѣтій моихъ, а приметь е въ сердце свое и не лѣнитися начнеть, такоже и тружатися.

Первое, Бога дѣля и душа своея: страхъ имѣйте божій въ сердци своемъ, и милостыню творя неоскудну: то бо есть началокъ всякому добру. Аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохритаються (*пусть не сердятся*), но тако се рекуть: на далечи пути, да на санѣхъ сѣдя безлѣпицю (*нелѣпое*) си молвилъ. Усрѣтоша бо мя слы (*послы*) отъ братья моея на Волзѣ, рѣша: »потъснися (*поспѣти*) къ намъ, да выженемъ (*выгонимъ*) Ростиславича и волость ихъ отъимемъ, иже ли не пойдеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ«, и рѣхъ: »аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити«. И отрядивъ я, вземъ Псалтырю, въ печали разгнухъ я, и то ми ся выня: вскую печалуеши, душе, вскую смущаеши мя, и проч.

Якоже бо Василій (*Кесарійскій*) учаше, собравъ ту юноша, душа чисты, нескверни... при старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, съ точными и меньшими любовь имѣти; безълуки бесѣдующе, а много разумѣти; не свирѣповати словомъ, ни хулити бесѣдою, необильно смѣятися, срамлятися старѣйшихъ, къ женамъ нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душю горѣ... О Владычице Богородице! отъими отъ убогаго сердца моего гордость и буесть, да не взношуся суетою міра сего въ пустошнемъ семъ житьи. Научися, вѣрный человѣче, быти блогочестно дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понужался на добрая дѣла Господа ради: лишаемъ не мьсти, ненавидимъ, любо гонимъ, терпи, хулимъ, моли, умертви грѣхъ, избавите обидима, судите сиротѣ, оправдайте вдовицю: придѣте, да сожжемъся, глаголеть Господь: аще будуть грѣси ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю я, и прочее. Восіяеть весна постная, и цвѣтъ покаянья: очистимъ собѣ, братья, отъ всякоя крови плотскыя и душевныя, Свѣтодавцю вопьюще, рцемъ: слава тобѣ, человѣколюбче.

По истинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человѣколюбець Богъ милостивъ и премилостивъ, мы человѣци грѣшни суще и смертни, кто оже (*ежели кто)* ны зло створить, то хощемъ ѝ (*его*) пожрети, и кровь его пользати вскорѣ; а Господь нашъ, владѣяй животомъ и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпить, и пакы и до живота нашего, яко отець чадо своея любя, бья, и пакы привлачить е́ къ собѣ, такоже и Господь нашь: показалъ ны есть на врагы побѣду 3-ми дѣлы добрыми, избыти его и побѣдити его, покаяньемъ, слезами и милостынею; да то вы, дѣти мои, не тяжка заповѣдь божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствія не лишитися. А Бога дѣля не лѣнитеся, молю вы ся, не забывайте 3 дѣлъ тѣхъ, не бо суть тяжка: ни одиночьство, ни черство, ни голодъ, яко иніи добріи терпять, но малымъ дѣломъ улучити милость божью...

Послушайте мене, аще не́ всего пріимете, то половину. Аще вы Богъ умякчить сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своихъ, рекуще: якоже блудницю и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и насъ грѣшныхъ помилуй: и въ церкви то дѣйте, и ложася. Не грѣшите ни одину же ночь, аще можете, поклонитеся до земли, али вы ся начнеть не мочи, а трижды, а того не забывайте, не лѣнитеся, тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человѣкъ побѣжаеть дьявола, и что въ день согрѣшить, а тѣмъ человѣкъ избываеть. Аще и на кони ѣздяче, не будеть ни съ кымъ оруд ья (*дѣла*), аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а »Господи помилуй«, зовѣте безпрестани втайнѣ, та бо есть молитва всѣхъ лѣпши (*лучше*), нежели мыслити безлѣпицю (*глупости)*.

Всего же паче убогыхъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте силнымъ погубити человѣка. Ни права, ни крива (*виноватаго*) не убивайте, ни повелѣвайте убити его: аще будеть повиненъ смерти, а душа не погубляете ни какоя же хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитеся Богомъ, ни хреститеся, нѣту бо ти нужа никоея же, аще ли вы будеть крестъ цѣловати къ братьи, или къ кому, али управивше сердце свое, на немже можете устояти, тоже цѣлуйте, и цѣловавше блюдете, да не преступни погубите душѣ своеѣ. Епископы и попы, и игумены (*чтите*), съ любовью взимайте отъ нихъ благословенье; и не устраняйтеся отъ нихъ, и по силѣ любите и набдите, да пріимете отъ нихъ молитву отъ Бога. Паче всего гордости не имѣйте въ сердци и въ умѣ, но рцѣмъ: смертни есмы, днесь живи, а заутра въ гробъ: се все, что ны еси вдалъ, не наше, но твое: поручилъ ны еси на малю днiй; и въ земли не хороните,—то ны есть великъ грѣхъ (*т. е. не зарывайте кладъ въ землю*).

Старыя чти яко отца, а молодыя яко братяю Въ дому своемъ не лѣнитеся, но все видите: не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящіи къ вамъ, и дому вашему, ни обѣду вашему.

На войну вышедъ не лѣнитеся, не зрите на воеводы, ни питью, ни ѣденью не лагодите (*не льститесь*), ни спанью: и сторожѣ сами наряживайте и ночь отвсюду нарядивше около вой, то же лязите; а рано встанѣте, а оружья не снимайте съ себе: въ борзѣ не розглядавше, лѣнощами внезапу бо человѣкъ погибаеть. Лжѣ блюдися, и пьянства, въ томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начнуть. Кудаже поидете, идѣже станете, напойте

накормите унеина (1), и болѣ же чтите гость, откуду же къ вамъ придеть, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ; ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ. Болнаго присѣтите; надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмы: и человѣка не минѣте не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти.

Се же вы *(вамъ)* конець всему, страхъ божій имѣйте выше всего: аще забываете всего, а часто прочитайте, и мнѣ будеть безъ сорома и вамъ будеть добро. Его же умѣючи, того не забывайте доброго, а его же не умѣючи, а тому ся учите: яко же отецъ мой дома сѣдя изумѣяше 5 языкъ (2), въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земль. Лѣность бо всему мати, еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить; добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе: первое къ церкви, да не застанеть васъ солнце на постели. Тако бо отець мой дѣяше блаженый и вси добріи мужи свершеніи, заутренюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю всходящу, и узрѣвше солнце и прославити Бога съ радостью, и рече: просвѣти очи мои, Христе Боже, и далъ ми еси свѣтъ твой красный, и еще: Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ *(остальное)* грѣховъ своихъ покаявъся, оправдивъ животъ, тако похвалю Бога. И сѣдше думати съ дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть отъ Бога присуждено полудне, отъ чина бо почиваетъ и звѣрь, и птици, и человѣци.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ пути дѣя и ловы 13 лѣтъ. Первое къ Ростову идохъ, сквозѣ Вятичѣ, посла мя отець, а самъ иде Курьску. И пакы 2-е къ Смолиньску, и т. д. (*слѣдуетъ перечень всѣхъ походовъ Мономаха*). А всѣхъ путій 80 и 3 великихъ, а прока (*прочихъ*) не испомню меншихъ. И мировъ есмь створилъ съ половеческыми князи безъ одиного 20, и при отци и кромѣ *(безъ)* отца. А дая скота много, и многы порты своѣ, и пустилъ есмь Половечскыхъ князь лѣпшихъ изъ оковъ 100... по чередамъ избьено не съ 200 въ то время и лѣпшихъ. А се тружахся, ловы дѣя:... конь дикихъ своими руками связалъ есмь въ пущахъ 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ того иже по Роси ѣздя имахъ есмь своима рукама тѣ же кони дикіѣ.

Тура мя 2 метала на розѣхъ и съ конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногама топталъ, а другый рогома болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь отялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь *(волкъ)* скочилъ ко мнѣ на бедры, и конь со мною поверже: и Богъ невережена мя съблюде, и съ коня много падахъ, голову си розбихъ дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередихъ, въ уности своей вередихъ, не блюда живота своего, ни щадя головы своея. Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ дѣла, на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя, напосадники не зря, ни на биричи (*позовщики*) самъ творилъ что было надобѣ, весь нарядъ и въ дому своемъ, то и творилъ есмь, и въ ловчихъ ловчій нарядъ самъ есмь держалъ, и въ конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястрябѣхъ, то же и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есть сильнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ есмь призиралъ.

---

(1) *Унеина*—по объясненію г. Буслаева, можетъ быть, *уне ина*, т. е. лучше накормить иного, кого нибудь. Истор. христ., стр. 4759, Шевыревъ *унеина* переводитъ *хозяина*. Ист. Р. Слов., т. II, стр. 195. Лучше объяснять такъ: *юнеина*, малаго, слабаго, бѣднаго.

(2) Выучился пяти языкамъ.

Да не зазрите ми, дѣти мои, ни инъ кто прочетъ: не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю Бога, и прославляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико (*столько*) лѣтъ соблюдъ отъ тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створилъ худаго на вся дѣла человѣчьская потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потъснѣтеся на вся дѣла добрая, славяще Бога съ святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасть, оже бо язъ (*азъ, я*) отъ рати и отъ звѣри и отъ воды, отъ коня спадаяся, то ни кто же васъ не можетъ вредитися и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно: а иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могутъ отъяти, но оүче добро есть блюсти. Божіе блюденье лѣпле есть человѣческаго...

(Лавр. 100—107).

Сравни «Поученіе отца къ сыну» изъ Акира. Отеч. Зап, 1855, № 2. Изв. Акад. 1855, 151—153. Посланіе нѣкоего отца къ духовному сыну. Ист. Рус. Ц. II, пр. 254.

Обратить вниманіе на княжескій бытъ.

207. Каноническіе вопросы и отвѣти:

а] Вопросы Кирика до 1456. (¹). Оже будеть кый (*какой*) человѣкъ и крещенъ въ латыньскую вѣру, и въсхощеть приступити къ намъ. Ать (*пусть*) ходить въ церковь по 7 днiй, а ты первѣе нарекъ ему имя, таже (*потомъ*) 4 молитвы створяй ему на день, иже то по 10-жды молвяться; а мяса не дай, ни молока, и отъ оглашенныхъ. И тако осмый день измыеться и придетъ къ тобѣ, и створи ему молитвы по обычаю и облечеши й въ порты чисты, или сам ся, и надежеши (*надънешь*) ризы крестныя, и вѣнець, и тако помажеши й святымь мюромь, и дай ему свѣщю. А на литургіи даси ему причастье, и тако держи и, яко и новокрещенаго, Аще мощьно и до осмаго дне...

(¹) Заглавіе въ ркп: »Впрашаніе Кюриково, еже въпраша епископа ноугородьскаго Нифонта и инѣхъ.«

И се ми повѣдалъ чернець пискупль (*епископскій*) Лука Овдокимъ. Молитвы оглашеныя творити: Болгарину, Половчину, Чюдину, преди крещенія 40 днiй поста, исъ церкви исходити отъ оглашеныхъ; Словѣнину за 8 днiй; молуду дѣтяти все (в)другъ. А оже бы предъ за колко днiй, а то то луче вельми...

Достоинъ ли, рече, глиньну съсуду молитву даяти, осквьрнышю ся, цили (*или*) толико древяну, а инѣхъ избывати? — Якоже древяну, такоже глиньну, тако мѣди, и стьклу и сребру, и всему творится молитва.

А за упокой сице веляше служити: сорокоустье на гривну пятью служити, а на 6 кунъ одиною, а на 12 кунчю, или како мога; но все за того единаго и пѣніе и служба: того вино, темьянъ (*θиміамъ, ладанъ*), и свѣщи. Проскуры всегдаже служи 3-ми проскурами: одину великую преже доры выяти, идѣже мертвый не вмѣняется, а онѣ двѣ за упокой; а вино свое држа, купи въ корчагу, такоже темьянъ; а на томь емли собѣ. А испрашай, рече, или самъ разумѣй: коли ти дати вѣверицѣ (¹), а на томь елико службье, разложи свѣчи и все, рече ему: а еже бы елико суботъ вынимати за того и до сорочинъ *(сорока дней)*; обаче много бываеть свѣчь и

(¹) Куны, веверицы, гривны — древнія монетныя единицы.

вѣверицѣ. А наимъ дѣля, рекше лихвы, тако веляше учить. Аже попа, то рци ему: недостоить ти служити, аще того не останеши. А еже простьца, то рци ему: недостоить ти имати и намъ. Мнѣ, рци, грѣхъ не молвивше. Дажь (*если же*) не могуть ся хабить (*отстать*), то рци имъ: будите милосерди, възмете легко; аще по 5 кунъ далъ еси, а 3 куны възми или 4.

И се Владыко, оже жены наиболѣ кланяються въ суботу до земля, тако молвя: за упокой кланяемся? Борони, рече, велми того: въ пятокъ по вечерніи не дай, а въ недѣлю по вечерніи достоить. Достоитъ ли рѣзати въ недѣлю, (*въ воскресенье*) скотъ, оже ся пригодить, или птица? Недѣля честенъ день есть и праздьнъ, иже ити въ церковь и молитися, да того дѣля ать не тому станутъ. Аже рѣзати въ недѣлю что хотяче, нѣту бѣды, ни грѣхъ, спроста, оже ся пригодить или праздникъ или гость, или что отьинудь, невзбраньно есть.

А иже се, рѣхъ: идутъ въ сторону, въ Ерусалимъ къ святымъ, а другымъ азъ бороню (*возбраняю*), не велю ити: сдѣ велю доброму ему быти. Нынѣ другое уставихъ: есть ли ми, владыко, въ томъ грѣхъ? Велми, рече, добро твориши: да того дѣля идеть, абы порозну (*праздну*) ходяче ясти и пити; а то ино зло, борони, рече.

Аже се Родуи Рожаницѣ кроють, хлѣбы и сиры и медъ? Бороняше велми, нѣгдѣ, рече, молвишь: горе пьющимъ рожаницѣ! Въ чистую недѣлю достоить медъ ясти прѣсный, квасъ житный, а икра по все говѣніе бѣлцемъ.

Прашахъ его: гдѣ есть крестъ честный? Тако повѣдають, рече, намъ: яко не дошле Царяграда, егда обрѣтене възнеслъся на небеса, тако зовуть мѣсто то: божіе Взнесеніе, а на земли осталося подножіе.

Канунъ пѣти на заутрени праздникомъ и бесъ кутіи, а за упокой въ суботу. А крестити на блюдѣ, развѣ сочива, вся: горохъ, бобъ, соцевица, равифь, на 4 части всопше (*всыпавъ*) со пшеницею и съ коноплями, а овощь который имѣюче.

Зашедшю солнцю, недостоить мертвеца хоронити, не рци тако: борзо дѣлаемъ, нѣли (*авось, развѣ не*) како успѣемъ до захода; но тако погрѣсти, яко и еще высоко, како и вѣнець ещь на сыйметься съ него: то бо послѣднее видить солнце до общаго воскресенія.

Оже кости мертвыхъ валяються кдѣ, то велика человѣку тому мьзда, оже погребуть ихъ.

Икону погребли баху съ мертвецемъ сватаго Михаила, и не повелѣ възгребати (*отрывать*): Крестьянъ, рече, есть.

Прашахъ причащаніе дѣтемъ на Великъ день. Остави, рече, въ великую суботу служивъ, причащаніе и дору (*просфору*), и дай по заутреней въ недѣлю; таже сыръ, яица; любо си и не было на заутрени, часовъ не пой имъ, и молитву творивъ имъ, и тако дай причащаніе. Сеже написахъ тѣхъ дѣля, иже не могуть до обѣда блюстися не ядуче; а съ ссущими, коли хотяче причащатися, съсавше нѣту бѣды.

А оже то, рѣхъ: Яицемь толчете въ зубы до обѣдни, аще и велицiи? Еже малымъ, рече, то нѣту бѣды, причащаються; а иже съвершену, аще поне единою потолчеть, то нѣсть бѣды причащатися; а иже многажды а помня, а то акы обидно, того възбраняй. То кто, рече, кормить дѣтя, или родная мати, или кормилица, да не ясть до обѣда; аще ли ясть, то не дай дѣтяти причащанія; а на обѣдѣ не ясти ей мяса, ни молока до осмаго дни, нъединой.

Нѣсть ли въ томъ грѣха, аже по граматамъ ходити ногами, аже кто изрѣзавъ помечеть, а слова будуть знатя? Рѣхъ ему: а оже, Владыко, се друзіи

наложници водять явѣ и дѣтя родять, яко съ своею, и друзи съ многими втай рабами, которое луче? Се недобро, рече, ни се, ни оно.

Рѣхъ: владыко! аже пустити свободна? Сдѣ, рече, обычай мѣсть таковъ; а лѣпше иного человѣка въскупити, абы ся и другая на томь казнила (*наказывались, научались*). Прочтохъ же ему изъ нѣкоторой заповѣди: оже въ недѣлю и въ суботу и въ пятокъ лежить человѣкъ, а зачнеть дѣтя, будеть любо тать, любо разбойникъ, любо блудникъ, любо трепетивъ; а родителма опитемья двѣ лѣта. А ты книги годяться съжечи.

А се прочтохъ ему, како опитемьи избавляеть 10 литургій за 4 мѣсяцы, а 20 за 8, а 30 за лѣто. Что, рече, что си написано: Царь бы, али иніи богатіи съгрѣщающе, а даяли за ся службу, а сами ся не отречени мало. Неугодно. (¹)—Прашахъ брашна (*пищи*) дѣля, что-то ѣмы, егоже недостоить, или мы или бѣльци? Всѣ, рече, ѣсти, и въ рыбахъ и въ мясѣхъ, аще и самъ ся не зазрить, ни гнушаеться; ащели зазриться, а ѣсть, грѣхъ есть ему.

А еже, рѣхъ, кровь рыбію ѣмы? Нѣту бѣды, рече, развѣ (*кромѣ*) животьныя кръве и птица.

Рѣхъ ему: творять иніи, слышавъше отъ инѣхъ Епископъ, яко застанешь въ сильцѣ (*въ силкѣ*) уже удавившеся, ту зарѣжи, не вынимая, а сильць того дѣля есть поставилъ. Лъжють, рече, не молъвшѣ (*не говорилъ*) того никоторый же Епископъ. И притчю рече такову. Тако глаголеть Господь: азъ рѣхъ вамъ, ѣсти мяса, еже есть отъ зелій, а кровь всякого живота пролей на землю; ащели ѣси ю, противникъ еси Богу, тогдѣ кръвь вънидѣть. Велми бороняшеть.

А тетеревину принесли ему бяху на пиръ, и повелѣ ему преметати чресъ тынъ (*заборъ*); и причащатися недостоить, рече, ѣдъше. Яковъ братъ господень: ничего не възбраняй, рече, развѣ блуда, и доложертвенна, давленины, крове, звѣрояднны, мертвечины. А смердъ (*простонародье*) дѣля помолвихъ, иже по селомъ живуть, а покаються у насъ, оже то друзіи ядять вѣверечину (*бѣлку*) и ино. Злѣ, рече, въ злѣ ясти давленина; аще быша и вѣверечину яли, или ино не давлено, нѣту бѣды,—вельми лъжае (*Это весьма лживо*). А молозиво (¹), рече, лихо (*худо*), негодно бы ясти его, яко съ кровью есть; да быша съ три дни теляти да яли, а потомь чистое сами ѣли. И повѣда ему попинъ (*попъ*) его: ядять, рече, въ городѣ семь мнози. И онъ помълъче (смолчалъ). А пъртъ дѣля (*о платьѣ*), въ чемъ хотяче ходити? Нѣтуть бѣды, хотя и въ медвѣдинѣ.

Рѣхъ: аже мужь будетъ грѣшенъ человѣкъ, яко связати (*епитеміей*) и на 10 лѣтъ, лзѣ ли первая заповѣдь дати ему съ лѣто, или съ 2 или съ 3; еже отинудь (*отнюдь*) ему не ясти мясъ, ие меду пти и на великъ день (*на пасху*).

(Пам. XII в. 173—195).

6] Савины Главы: Въ клѣти иконы държати или честьный крестъ, достоитъ ли быти съ женою своею? Ни въ грѣхъ, рече, положена своя жена. Аще и что будеть и вкусилъ или пилъ, толико честьный крестъ цѣловавше, али ту нощь съблюсти, чисто омывшеся; цѣловавше, не ясти сыра и мяса томь дни. И Климъ (*епископъ Климентъ*) бяше повелѣлъ. А достойно есть кромѣ Въздвиженія цѣ-

(¹) Эти книги, очевидно, относились къ числу апокрифическихъ, отреченныхъ.

(¹) *Молозиво* — молоко съ кровью, когда только отелится корова.

ловати, ясти все и масо, или глядати, или недѣти на кого,—цѣловати ядъше все.

Аще случиться платъ (*лоскутъ*) женьскый въ портъ (*въ платье*) вшити попу, достоитъ ли въ томь служити портѣ? И рече: достоить, ци (*чѣмъ*) погана есть жена?

Аще грѣхомь упустить проскуру на землю, достоитъ ли проскурмисати (*служить*)? И рече: достоить, како си надеть, отерше добрѣ.

Достоитъ ли, рече, другое говѣніе молоду дѣтяти обаче молоко ѣсти, аже будетъ болно, ци луче уморити, ащели матерь одину, то хотяче 3 лѣта, или 4 или 5, аже не будеть другаго дѣтяти по немь.

(Пам. XII в. 195—200).

в] Ильины правила до 1186. А сего прашахъ: аже въ роботѣ (*въ рабствѣ*) суть душегубци? И повелѣ ми на полы (*на двое*) дати, и льжае: неволни бо, рече, суть. А сего прашахъ: аже у себѣ кладуть дѣти спяче, и угнетають (*задавливаютъ*), убійство ли есть? Онъ же рече: аже терезви, то легъчае; али пьяни, то убійство есть.

А сего прашахъ: аже жены дѣлаюче, что-либо страду, и вережаются, и изметають ([1])? Онъ же рече ми: аже не зѣльемъ (*травою*) вережають, нѣту за то опитемья.

А се есть у женъ: аже не възлюбять ихъ мужи, то омывають тѣло свое водою, и ту воду дають мужемъ. Повелѣ ми дати опитемьи 6 недѣль, в-оже лѣто отъ причащенья (*отлучать*). А ожи се носили къ варяжьскому попу дѣти на молитву? 6 недѣль опитемье, рече, занеже акы двовѣрци суть. А еже дѣтій дѣля жены творять что либо; а еже възболять, или къ вълхвамъ несуть, а не къ попови на молитву? То 6 недѣль или 3, оже (*если*) будуть молоди.

(Пам. XII в. 200).

Всѣ эти вопросы Кирика и другихъ и отвѣты на нихъ имѣютъ для насъ довольно важное значеніе и историческое, и каноническое. Историческое: потому что они живо отображаютъ духъ того времени, когда жилъ Кирикъ, и показываютъ многіе обычаи, тогда у насъ существовавшіе, остатки языческихъ суевѣрій, состояніе нравственности въ нашемъ народѣ и духовенствѣ, какіе предметы наиболѣе занимали нашихъ пастырей и какъ смотрѣли они на эти предметы. Каноническое: потому что одни изъ отвѣтовъ, записанныхъ Кирикомъ, (большая часть) суть не что иное, какъ приложеніе древнихъ церковныхъ каноновъ къ частнымъ обстоятельствамъ и потребностямъ церкви русской, а другіе, и многіе, представляютъ собою личныя мнѣнія нашихъ отечественныхъ пастырей; во всякомъ же случаѣ тѣ и другіе равно служатъ памятникомъ собственно русскаго церковнаго законодательства. (Ист. Рус. Ц. III, 497).

Свѣдѣнія о Кирикѣ м. Евгенія. Зап. и Труды общ. Ист. 1828 г. IV, 1, 122.

Для исторіи пѣнія въ Рос. Москвит. 1841. IX, 191—207. 1846. VI, 173—174. Замѣч. для исторіи церковн. пѣнія въ Рос. *В. М. Ундольскаго*. Чт. общ. ист. 1846, № 3. стр. 1—16. О пѣніи въ Россіи. Ж. М. Н. Пр. 1849. № 7 и 8. О древнерус. пѣніи. День 1864, № 17. Рус. сцена. 1864, № 9. Изв. Археол. общ. 1864. V. вып. 4 Чт. въ москов. общ. любителей просвѣщ. М. 1863. 55—64. Древнее Русское пѣніе *Разумовскаго*.

208. Споръ о постѣ.

Въ 1164 г. Леонъ епископъ не по правдѣ поставися, перехвативъ Нестеровъ столъ, и еще Нестеру сущю живу; и введе ересь, почя учити въ Суздалѣ не ясти мяса въ Господьскыя праздникы, въ среду и пятки, на Рожество Христово и на Крещеніе. И бысть тяжа (*споръ*) велика про то, и упрѣ (*оспорилъ*) его

([1]) Отъ трудной работы повреждаютъ себѣ и выкидываютъ ребенка.

владыка Ѳеодоръ предъ княземъ Андрѣемъ; онъ же иде ко Царюграду, и тамо упрѣ его предъ царемъ Мануиломъ Андрѣянъ архіепископъ Болгарьскый. Оному же молвящу и на царя, и удариша и слугы царевы, сущимъ ту посломъ всѣмъ, Кіевскымъ и Черниговскымъ и Суздальскымъ.

(*I Софійс. 162*).

209. Раскаяніе Игоря въ плѣну 1185.

Рече Игорь: »помянухъ азъ грѣхы своя предъ Господемъ Богомъ моимъ, яко много убійство, кровопролитье створихъ въ землѣ крестьянстѣй, яко же бо азъ не пощадѣ хрестьянъ, но взяхъ на щитъ г. Глѣбовъ у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвиньніи хрестьани, отлучаеми отець отъ роженій своихъ, братъ отъ брата, другъ отъ друга своего, и жены отъ подружій своихъ, и дщери отъ матерій своихъ, и подруга отъ подругы своея. И все смятено плѣномъ и скорбью тогда бывшею, живіи мертвымъ завидять, а мертвіи радовахуся, аки мученици святѣи, огнемъ отъ жизни сея искушеніе пріемши, старцѣ поръвахуться, уноты же лютыя и немилостивыя раны подъяша, мужи же пресѣкаеми и разъсѣкаеми бывають. И та вся створивъ азъ, рече Игорь, не достойно ми бяшеть жити; и се нынѣ вижю отместье отъ Господа Бога моего: гдѣ нынѣ возлюбленный мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ чадо рожденія моего? гдѣ бояре думающѣи? гдѣ мужи храборьствующѣи? гдѣ рядъ полчный? гдѣ кони и оружья многоцѣньная? Не отъ всего ли того обнажихся, и связня преда мя въ рукы безаконьнымъ тѣмъ (Половцамъ)? Се возда ми Господь по безаконію моему и по злобѣ моей на мя, и снидоша днесь грѣси мои на главу мою: истиненъ Господь и прави суди Его зѣло,—азъ же убо не имамъ со живыми части; се же нынѣ вижю, другая мученія вѣньца пріемлюще; почто азъ единъ повиньный не пріяхъ страсти за вся си? Но, владыкѣ Господи, Боже мой, не отрини мене до конца; но яко воля Твоя, Господи, тако и милость намъ, рабомъ Твоимъ.

Замѣчательно, что князья сознавали зло, какое наносили христіанамъ въ войнѣ, и не мирились съ нимъ равнодушно; а при первой невзгодѣ раскаявались въ немъ и несчастье считали Божіимъ наказаніемъ за жестокости противъ своихъ соотечественниковъ. И жестокости однако, во время войны, бывали страшныя, какъ видно изъ этого исповѣданія Игоря.

(*Ипат. 431*)

Обратить вниманіе на жестокость веденія войны въ древнее время.

210. Изъ слова о богатомъ и убогомъ до 1200.

...Безвѣстьно бо есть наше житие: не оставляй богатьства своего инѣмъ, не тружьшинься о немь; яко бо тать въ нощи, тако находить съмьрть; ты тамо отъидеши, а имѣние твое сде останеть; ты желаеши тамо капля водьныя, а сьде инии богатьство твое дѣлять. Такоже въсхотѣ богатый онъ, сый въ огни капля водьныя, и моляше Авраама, глаголя: »помилуй мя и посли Лазоря, да малымъ перстъмь съвлажить ми устнѣ, яко болю въ пламени семъ лютѣ. Тъ (*тотъ*) богато на земли живяше: въ багрѣ и въ наволоцѣ хожаше; кони его тучьни, иноходи, а ..., иаковствующе, златыми тварьми (*збруей*) украшени, седьла его позлащена; раби его предите-

куще мнози въ брачинѣ и въ гривьнахъ златахъ, а друзии позаді въ монистѣхъ и въ обручихъ, и отъинуть рещи—въ велицѣ славѣ излазя. На обѣдѣ же служьба бѣ многа; съсуди златъмь съковани и сребрънь; брашьно много и различно—тетеря, гуси, жеравле, рябі, голуби, куря, заяци, елени, вепреве (кабаны), дичина, чамъри, търтове, печени, крънания, шемьлизи, широ(го)ве, пътъкы (*птицы*); множьство сакачии (*поваровъ*) работающе и дѣлающе съ потъмь, и мнози текуще, и на пьрстѣхъ блюда носяще, ини же махающе съ боязнию; чанѣ срѣбрьны великыя позлащены, кубьци и котьли; питие же многое—медъ и квасъ, вино, медъ чистыи пьпьряныи; пития обнощьная съ гусльми и свирѣльми; веселие многое—ласкавьци, шьпилеве, праздьнословьци, смѣхословьци, плясания, мьрзости, възлеве, пѣсни. Готовять же ему и одръ настьланъ перинъ поволочитыхъ; възлежаему щю же ему и не могущю уснути, друзи ему нозѣ гладять, инии по лядвьямъ тѣшать его, ини по плечема чишють, инии гудуть, инии бають ему и кощюнять. Така бѣ слава и богатаго! Бѣ же единъ нищь, именьмь *Лазорь*, и лежаше прѣдъ враты богатаго, и желаше насытитися отъ крупиць падающихъ съ трапезы богатаго; видя же его богатыи отвращьше лице свое, гнушаяся его... Бысть умрети богатому, и донесену быти въ муку вѣчьную; умре же и нищии *Лазорь*, и донесенъ бысть ангелы на лоно Авраамле. И сый въ огни, богатыи, видя *Лазоря* на лони почивающа Авраамли, и позна его и възъпи, глаголя: »помилуй мя, отче Авраме, і посли *Лазоря*, да съмочить ми водою устьнѣ пьрстъмь своимь, яко горю въ пламени семь. О, богатыи! кде ти богатьство? кде ти злато? кдѣ гърдѣние множьствъмь рабъ? кде медъ проливаемый? А нынѣ капля водьныя желаеши. Кде трапеза великая и обильная? Къде суть, иже ти потаковы

творяху, иже тя ласкаху? Не все ли б[...] стѣнью и мимо иде и хуже паучины!..

(Изв. Акад. X, 548—549).

На это слово походитъ слово Исаія[...] наприм.: »Ты яси тетеря, гуси, рыби[...] куры, голуби и прочее брашьно различн[...] а убогыи хлѣба не имать чимь чрѣво насытити; ты же облачишися и ходиши въ паволоцѣ и въ кунахъ, а убогыи руба[...] (*рубашки*) не имать на телеси; ты же[...] жй въ дому повалушѣ испьсанѣ, а убогыи не имать къде главы подъклонити. Н[...] и ты, богатыи, умреши, и остаеть дом[...] твои, присно обличая твоя дѣяния; ножи[...] отъ мимоходящихъ глаголеть: »сь (*сонъ*) домъ оного есть хищника (*иже?*)... сироты облупи; осе дворъ его тыи[...] (пустъ)«... Не рьци ми, яко болярин[...] есмь, ли посадникъ,—азъ волости (*властей*) не хулю, нъ хулю строящихъ доброе зълѣ.

(Тамъ же 550).

Обѣ эти слова переводныя, но приспособлен[...] къ быту древнерусскаго богача.

211. Похвали княгинямъ.

1. Благовѣрная княгиня Всеволожа[...] (*ум. 1206*) изъ дѣтска въ страсѣ Божьи любяше правду, въздающи честь епископомъ и игуменомъ и черньцемъ и презвитеромъ, и любяше черноризець и подаваше требованіе имъ; бяшеть бо нищелюбица и страннолюбица, печальныя и нужныя (*бѣдныя*) и болныя тѣхъ всѣх[...] утѣшаше, и подаваше имъ требованіе.

(*П. С. Лѣт. I, 178*)

2. Въ 6883 (1375 г.) преставис[...] въ Нижнемъ Новѣгородѣ в. кн. Андре[...] Константиновича супруга, в. княгин[...]

з, во инокѣхъ Θеодора, и положена соборной церкви благолѣпнаго Преображенія. Сія блаженная, памяти достойная кн-ня Васса, въ супружество съ вѣрн. кн. Андреемъ Константиновичемъ вступила съ 6839 (1331 г.) родомъ града Твери, отца Іоанна славнаго и матери Анны. Бысть во дни держ. в. кн. Іоанна Данил. Калиты и Θеогноста, съ младенчества научися св. писанію, и восхотѣ во иноческій ися образъ; но родители ее нуждею или законному браку за помянутаго двоюнадесяти лѣтомъ сущую; въ жествѣ жила 13 лѣтъ во всякомъ удріи и воздержаніи, умильной мо и нескудной милостынѣ, изсушая свое постомъ и чистотою, а подъ имъ одѣяніемъ власяницу ношаше. реставленіи же супруга своего, серебро, жемчугъ и одежды мноныя раздаде,—ово нищимъ, ово имъ божіимъ и монастырямъ,—и свободи (*рабовъ*). Вниде сама въ ырь, его же созда во имя преев. ицы честнаго Ея Зачатія, и постриво иноческій образъ, и наречена Θеодора,—и пребываше въ богоуь постническомъ житіи безмолвно рестанныхъ молитвахъ, и во чтеніи мъ, и питашеся рукодѣліемъ. Табогоугодному Ея житію ревнующи о дому и болярыни, вдовы и дѣмнози соизволиша въ томъ же moѣ пострячея, ихъ же бѣ числомъ гарицъ,—и вѣ обще жестокимъ любнымъ житіемъ живяху. Блаже княгиня инокиня Θеодора, аще тарости достиже, но добраго натого подвига не остави, но паче мъ и дивнымъ подвигомъ препро и своя.

Іижегор. Лѣт. Вивліоѳика Н. Новикова. ч. XVIII, стр. 80 изд. 2-е м. 1791 г.)

212. Похвала князьямъ.

1, Въ лѣто 6720 (1212) индикта, м. априля въ 14 день, на память св. Мартина папы римьскаго, преставися в. князь Всеволодъ, именовавый въ св. крещеньи Дмитрій, сынъ Гюргевъ благочестиваго князя всея Руси, внукъ Володимера Мономаха, княживъ въ суждальстѣй земли лѣтъ 30 и 7. Много мужствовавъ и дерзость имѣвъ, на бранехъ показавъ, украшенъ всѣми добрыми нравы, злыя казня, а добромысленыя милуя: »князь бо не туне мечь носить въ месть злодѣемъ, а въ похвалу добро творящимъ». Сего имени токмо трепетаху вся страны, и по всей земли изыде слухъ (*слава*) его, и вся злосмыслы (*враги*) его вда Богъ подъ руцѣ его: понеже не взношашеся, ни величашеся о собѣ, но на Бога все възлагаше всю свою надежю, и Богъ покараше подъ нозѣ его вся врагы его. Многы же церкви созда по власти (*волости, землѣ*) своей, ибо созда церковь прекрасну на дворѣ своемъ св. мученика Дмитрія, и украси ю дивно иконами и писаньемъ, и принесъ доску гробную изъ Селуня св. мученика Дмитрія, мюро непрестанно точащю на здравье немощнымъ, въ той церкви постави, и сорочку того же мученика ту же положи; и манастырь созда, въ немъ церковь камену Рожество св. Богородица, и ту такоже исполни всѣмъ исполненьемъ, имѣя присно страхъ божій въ сердци своемъ, подавая требующимъ милостыню, судя судъ истиненъ и нелицемѣренъ, не обинуяся лица сильныхъ своихъ бояръ, обидящихъ меншихъ и роботящихъ сироты и насилье творящимъ; любяше же по многу черноризьцьскый и поповскій чины. Тѣмъ и дарова ему Богъ чада добросмыслена, яже и вспита въ наказаньи, въ разумѣ свершенѣ, доже и до мужьства.

(П. С. Лѣт. I, 184—185).

Еще о Васильѣ см. также стр. 199.

2. Бѣ Юрьи сынъ благовѣрнаго отца Всеволода украшенъ добрыми нравы ([1]), ихже имена вмалѣ повѣмы: се бо чюдный князь Юрьи потщася божья заповѣди хранити, и божій страхъ присно имѣя въ сердци, поминая слово господне, еже рече: »о семъ познають вы вси человѣци, яко мои ученицы есте, аще любите другъ друга»; не токмо же друга, но и врагы ваша любите и добротворите ненавидящимъ васъ«. Всякъ зломыслъ его, безбожныя Татары отпущаше одарены, бяхуть бо преже прислали послы своѣ зліи ти кровопійци, рекуще: мирися съ нами; онъ же того не хотяше, якоже Пророкъ глаголеть: »брань славна луче есть мира студна», си бо безбожніи со лживымъ миромъ живуще, велику пакость землямъ творять, еже и здѣ многа зла створиша. Богъ бо казнить напастии различными, да явяться яко злато искушено въ горнилѣ, хрестьяномъ бо многыми напастми внити въ царство небесное; самъ бо Христосъ Богъ рече: »нужно есть царство небесное, и нужницы въсхытають ѐ ([2]). Георгіе, мужьство тезоимените! Кровью омывъся страданья ти; аще бо не напасть, то не вѣнець, аще не мука, ни дарове; всякый бо держася добродѣтели, не можетъ безъ многихъ врагъ быти. Милостивъ же бяше паче мѣры, поминая слово господне: »блаженіи милостиви, яко ти помилованы будуть«; тѣмъ и не щадяше имѣнья своего, раздавая требующимъ, и церкви зижа (*созидая*) и украшая иконами безъцѣнными и книгами, и грады многы постави, паче же Новъгородъ вторый (*Нижній*) постави на Волзѣ усть Окы, и церквы многы созда и манастырь св. Богородица Новѣгородѣ; чтяшеть же излиха черньчьскый чинъ и поповьскый, подая имъ еже на потребу, тѣмъ и Богъ прошенья его свершаше, исполни лѣта его въ доброденьствіи. И посѣде (*сидѣлъ*) въ Володимерѣ на отни столѣ лѣтъ 20 и 4, а на 5 убьенъ бысть отъ безбожныхъ и поганыхъ Татаръ.

(*П. С. Лѣт. I, 200*).

213. Похвали епископамъ.

1, Въ лѣто 6724 (1212). Преставися епископъ Ростовьскый Пахомій, и положенъ бысть въ церкви св. Богородица, въ своей епископьи. Сь (*сей*) бѣ блаженый епископъ избранникъ божій, и истинный бѣ пастырь, а не наимникъ; сь бѣ агня (*ягненокъ*), а не волкъ, не бѣ бо хитая (*похищая*) отъ чюжихъ домовъ богатьства, ни сбирая его, ни тѣмъ хваляся, но паче обличаше грабителя и мздоимца, поревновавъ нраву Златоустаго и переходя отъ дѣла въ дѣлю уншее (*меньшее*), сиротами добрѣ пекыйся, милости въ зѣло къ убогымъ и вдовицамъ, ласковъ ко всякому убогому, не согбенѣ руцѣ имѣя на вданье ихъ, но отверзенѣ отинудь, смѣренъ, кротокъ, исполненъ книжнаго ученья, всѣми дѣлы утѣшая печальныя, не хваляся ни о чемъ же суетствомъ (*ничтожествомъ*) пустошнаго свѣта сего, еже скоро минондеть и хуже паучины, но паче хваляся глаголаше, Павлово слово поминая: »мнѣ ни о чемъ же буди хвалити ся, токмо о крестѣ Христовѣ, имъ же мнѣ міръ распятся, и азъ мірови«; обычныя молбы къ Богу въздая, побѣдивъ мірьскую похоть, черньчьствовавъ преже добрѣ исправлено лѣтъ 5 въ Печерьскомъ манастырѣ, и пакы свое стадо

([1]) Георгій убитъ Татарами въ 1237.

([2]) Восхищаютъ его *Матѳ. XI, 12*. Далѣе подражаніе сочинителю сказанія о убіеніи Андрея Боголюбскаго: Андрей—мужество, но Георгій—земледѣлецъ, съ греч. [illegible].

духовно въ манастыри св. Петра лѣтъ 13, а епископью державъ 2 лѣта, отъиде къ Богу. Костянтинъ же, христолюбивый Князь, съ епископомъ Симономъ и со всѣми черноризцы спрятавше тѣло его честно, вложиша й въ гробъ у св. Богородица Ростовѣ.

(*П. С. Лѣт. I, 185—186*).

Эта похвала слишкомъ общая и фразистая: она весьма хорошо характеризуетъ суздальскаго лѣтописца.

2, Въведоша (1231) священаго епископа Кирила въ св. сборную церковь св. Богородица, м. мая 18, въ недѣлю всѣхъ святыхъ: и сѣде на столѣ своемъ, настолникъ сы и намѣстникъ св. епископъ прежебывши Ростовѣ, Леонтья св. и священаго епископа Исаіа и Нестера, и всѣхъ, яже почиша, пасше св. церковь; сего же произведе Богъ въ дни сія, яже не оста ничимъ же прежнихъ епископъ, вслѣдуя нравомъ ихъ и ученью, не токмо бо словомъ уча, но и дѣломъ кажа (*показывая*). И вся приходящая удивлеся, князя же и велможѣ, всякъ возрастъ града Ростова, не токмо же простьця, но и попы и игумены и весь черноризьчьскый чинъ, и вся приходящая изъ окрестныхъ градъ въ св. сборную церковь св. Богородица, ово послушающе ученья его еже отъ св. книгъ, ова же хотяще видѣти украшенья св. церкви пречистыя владычица нашея Богородици. Бысть убо украшенье ея чюдно зѣло, якоже не бысть о прежбывшихъ епископѣхъ, а по немъ Богъ вѣ (*вѣсть*) или будеть. Леонтій убо св. священый епископъ, то просвѣти св. крещеньемъ градъ Ростовъ, се же священый епископъ Кирилъ украси св. церковь св. Богородица иконами многоцѣньнами, ихже нѣсть мощи и сказати, и съ предполы, рекше пелены; причини же и кивота 2

многоцѣнна, и индитью многоцѣнну досвѣ на св. трапезѣ, ссуди же и рипидьи, ино много множство всякыхъ узорочей; причини же двери церковьныя прекрасны, яже наричются (*называются*) златыя, сущая на полуденьной странѣ; паче же наипаче внесе въ св. церковь кресты честныя, многы мощи святыхъ въ ракахъ прекрасныхъ, въ заступленье и покровъ и утверженье граду Ростову, и христолюбцю князю Василкови, и княгинѣ его и сынови его Борису, и всѣмъ вѣрою приходящимъ въ св. церковь. Любовному ученью же и тщанью дивльса сего честнаго святителя Кирила, съ страхомъ и покореньемъ послушая, въ узцѣ мѣстѣ нѣкоемъ и во входнѣ написанья собѣ вдахъ (1), сего перваго словесе дѣтеля написати...... Кирилъ священый епископъ въ 1-е лѣто, въ онь же поставленъ бысть епископомъ богохранимому граду Ростову, многы добродѣтели показа, якоже истинный святитель, а не наимникъ; якоже самъ истина Христосъ рече въ св. Еуангельи: »отдадите убо Кесарева Кесареви«. Се наполняя (*исполняя*) писанья, княземъ бо и бояромъ и всѣмъ велможамъ бысть на успѣхъ, и все дивно, обидимымъ помагая, печалныя утѣшая, нищая милуя, наполняя слово ап. Павла: »всѣмъ всяко быхъ, да вся пріобрящю«... Много бо попеченье створи о церкви св. Богородица, еже преже сказахомъ, еже есть и до сего дне, день отъ дне начиная и переходя отъ дѣла въ дѣло.

(*П. С. Лѣт. I, 195*).

---

(1) Лѣтописецъ говоритъ о себѣ, что онъ гдѣ-то въ нижнѣ церкви записывалъ поученія Кирилла.

214. Изъ Слова Серапіона о кончинѣ міра до 1275.

Боитеся, братие, грозы и страха суда божіа, внезапу бо день той найдеть страшный, аще не уготовимся добродѣтелми, то назіи страннии в негасимый огнь осудимся. О братие, живите во страсѣ божіи, время бо житіа сего мало есть, яко дымъ исчезаетъ, и много намъ бѣды за грѣхи прилучается и скорбь не мала: поганьская нашествіа, людямъ движеніе, церквамъ нестроеніе, княземъ неуправленіе, безчиніе священникомъ, токмо плотскымъ угажати начнуть, а духовныхъ не пытають, и игумени також. А черньци будуть на пиръ тщивіи и тяжьливіи будуть и гнѣвливіи, неподобная (*не похожая на*) отець святыхъ житіа имущихъ. Владыкы будуть стыдящеся лиць сильныхъ, судяще по издѣ, обидяще сироты, не заступающе вдовиць и убогыхъ. Внидеть же въ люди невѣріе и блудъ, и оставя человѣцы правду, а не правду творити начнутъ. И в таковыхъ днехъ, аще кто хочетъ, той спасется, и великъ наречется въ царствіи небеснемъ. Тако бо и въ дни быша Ноевы, ядяху и піяху, женяхуся, прійде же потопъ, и вся погуби за беззаконіе... Тѣмже хотяй спастися, нынѣ подщися смиреніемъ, алканіемъ и милостынею. Аще бо кто любимии, и в разбойникы впадетъ, како то умилено молится, да быша дали животъ, а имѣніе взяли быша. Да како, братіе, се не зло, худаго дѣля живота всего лишаемся, а душевнаго участія почто щадимъ неимущимъ даяти, почто ся не примѣнимъ от злобъ, и не хощемъ сердца на покаяніе пріклоніти. И земля убо от лица господня трясется намъ на страхъ, и мнози грады пусты быша божіимъ гнѣвомъ. Ни тако не убояхомся, но не престаемъ зло творяще, и поганыя Богъ попусти на ны. Сынове и дщери наша в поруганіе быша, и в полонъ, да быхомъ убоялися, но мы единако (*одинаково*) неправды дѣемъ, гнѣва и зависти не останемъ, блуда и піаньства и грабленія не лишимся, и прочихъ злобъ, яже в ненавистъ Богу. О братие, доколѣ есть время покаянію, потщимся в добродѣтели быти, и будемъ милостивіи, да милостивъ Господь будетъ намъ.

215. Его же о мятежи житія сего.

Уже наводитъ ны время на дѣло вѣчнаго живота и неразоримыя славы. Сію бо жизнь пріимлеть смерть, а славу постигают студи мнози (1). Преже бо года от велможь в пес мѣста (*какъ собакъ*) во ад сведена быша, а богатіи послѣди обнищаша. И судья охужени осуженеи бысть радуются, и восплакася дрьжаву погуби (2) и ничтоже нѣсть извѣсто (*не твердо*) в человѣцѣхъ, но вся сут стропотна суть. Но иному землю изъвати, а инъ имѣніе отъят, и того село слышавше (*слыло*), а домъ много нынѣ есть. Друзіи же имѣніа не насыщешася, и свободныя сирота порабощают и продают, иніи крадут, и разбиваютъ, а имѣніе хощют собрати. И сии вси огнь на своя главы берутъ: ничто правды нѣст в миру. Чада бесчествуют родителя своя, а отцы своих дѣтей отмещаются. Нѣст другу вѣры имѣти и не надѣя бо ся на брата. Мирная бо благодать (3), а и себе злая мыслит и усты токмо любятся, и лесть и зависть токмо жирует (*живетъ*) в васъ, и не сытость дрьжите. А никто Бога не поминетъ, но яко безсмертніи творятся, и никто осужденіа

(1) Славу міра постигаютъ посрамленія, стыдъ.
(2) Судья радуется, осуждая подсудимыхъ, а потомъ восплакалъ, когда потерялъ власть.
(3) Т. е. на словахъ обѣщаетъ миръ.

чает умертіи пріяти. Сего дѣля казни отъ Бога приходят на ны, заие злая творимъ. Силу намъ далъ ест, да правду в немъ содѣемъ, мы же безаконіа в нем содѣваемъ. Богатство намъ далъ ест, да отъ него неимущимъ подамы и убогымъ. Мы же обидимъ еще сирот, и вдовам насилуем, и убогых отъимаем. Области намъ поручилъ ест, да быхомъ обидимыя избавляли. Мы же обидимъ, а праваго по мьздѣ винимъ. Нѣст праваго пути, ни суда права: погыбе любы, ненависть умножися, добродѣтели уничижена быст, изволено цѣломудріе, почтено быст возвышеніе и гордость, погибе истинна, и лжа покрыи землю. Области и глубина божіа долготрьпѣніа! Яко немьщлет о всѣх наших злобах, не яко не могыи нас мучити, но от когождо нас покояніа ждет и обращеніа чает, а не пріемлет гнѣва, но милосердует о нас, яко чадолюбивыи отець.

(*Павосл. Собесѣдн. 1858, II, 475—484*).

216. Поученіе митроп. Петра послѣ 1308, къ епископомъ, и попомъ, и архимандритомъ, и игуменомъ, и дьякономъ и ко всѣмъ православнымъ крестьяномъ, какъ ходити по закону крестьянскому.

Пьянства лишайтеся и лишнихъ пировъ; коли бываетъ говѣйно (*постъ*), тогда бы лишнихъ пировъ не было, а вы, священный чинъ вѣка сего, лишайтеся пьянства въ говѣйно; а который священникъ учнетъ пить до обѣда, ино быти ему безъ ризъ да предстоитъ въ церкви ко всякому правилу церковному. А дѣти своя духовныя учите къ церкви приходити, велите плакатися о своихъ грѣсѣхъ къ Богу, а постъ честно держащи, ни козлогласованіемъ, ни объяденіемъ ни пьянствомъ, но св. дары имати съ году на годъ (*ежегодно*); а кто не емлетъ св. даровъ, попове тѣхъ людей не благословляйте, а проскуръ отъ нихъ не пріемлите и въ домъ ихъ не входите. А гдѣ будетъ не даронмецъ (*непричащающійся св. таинъ*) на пиру, или въ братщину придетъ, и вы, попове, шлите ихъ вонъ, а съ ними не пейте, ни яжьте, ни хлѣбца имъ Богородицына не давайте (1): то есть не крестьянинъ, не дароимець, дара христова не пріемлетъ: лучше бы не родитися тѣмъ. Блудникъ человѣкъ ходитъ основою супротивникъ вѣрѣ Христовѣ; а который попъ не учитъ ихъ, а имъ (*тотъ*) потаковникъ; а проскуръ отъ нихъ не пріимите, а въ церковь ихъ не пущайте; а который попъ хлѣбецъ Богородицынъ даваетъ, быти тому попу безъ ризъ, заие же поручникъ стаду; воленъ отецъ духовный сына вязати и разрѣшити. Св. отцы глаголютъ 318 (2): его же аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшенъ на небеси. Тако ты, человѣче, хулиши слуги божія, отцу своему духовному лаеши или бьеши, то есть дьяволъ; а по правилу св. отецъ Василія В., Григорія Б. и Іоанна З. и всѣхъ св. отецъ по уставу, таковыхъ руки отсѣчь, а въ винѣ воленъ господинъ таковыхъ. И дѣти родимаго отца и матерь чтѣте, и вы долголѣтни будете; а лая отцу или матери или бьетъ, той умретъ злою, лютою смертію. Смерть грѣшнику люта, Давидъ глаголетъ. А который у васъ похочетъ имати съ году на годъ св. дары, то давали бы по собѣ поруки, что имъ васъ слушать. А въ

---

(1) Т. е. просфоры, изъ которой вынимается во время проскомидіи частица во славу Богородицы.

(2) Т. е. 318 св. отцевъ, бывшихъ на 1 вселенс. соборѣ.

пиру случится до обѣда ялъ, Богородицына хлѣбца не давай. А который мужъ женится трема женами, или женѣ три мужи, тѣхъ по божеств. правилу св. отецъ великаго Василья, не давати имъ причастья святаго; а отъ правила церковнаго отлучити, а съ женою третьею разлучити; аще кто будетъ добрѣ (*слишкомъ*) младъ, а дѣтей не будетъ отъ нихъ отъ перваго или втораго, тому надобе разсуженье съ великою епитимьею поняти третью жену.

Аще учите дѣтей духовныхъ отъ сквернословья, неподобно что лаютъ отцемъ или матери; занеже того въ крестьянѣхъ нѣтъ; тако учите родители своихъ дѣтей измлада, чтобы не навыкали говорити лихихъ словъ; а который не учнетъ васъ слушати, тѣхъ отъ церкви отлучити, а св. причащенія не давати имъ, ни даровь ни Богородицына хлѣбця. И паки учите ихъ, чтобы басней не баяли, ни лихихъ бабъ не примали, ни узовъ, ни примолвленія, ни зелье, ни вороженье, занеже божье того дѣля приходитъ разгнѣваніе; а гдѣ таковыя лихія бабы приходятъ, учите ихъ отъ таковаго обычая престати, да покаяли бы ся. А имутъ васъ попове не слушати, и вы ихъ не благословляйте; а крестьяномъ заказывайте, чтобы бабъ межи собою не держали, но гоняйте ихъ отъ себе, и сами бы отъ нихъ бѣгали; а кто не иметъ васъ слушати, и вы бы тѣхъ такоже отъ церкви отгонили. Яко ли творите вѣнчаніе, по обѣдни, а въ полдни не вѣнчайте. Крещеніе творите по преданію св. апостолъ: не обливайте водою, но погружайте въ воду трижды, глаголя на первое погруженіи: *во имя Отца*, на второе: *и Сына*, на третье: *и св. Духа*; да потомъ мажите масломъ; а кумъ единъ, или кума едина: мужескъ полъ, ино—(такъ) кумъ, а женскъ полъ, ино кума. А который игуменъ или попъ, или чернецъ торговалъ преже сего или серебро давали въ рѣзы, а того бы отъ сѣхъ мѣстъ не было, занеже вамъ казненымъ быти за то отъ Бога—отцы святыми и апостолы святыми; не благословляютъ ихъ, и азъ не благословлю. А еще бы дѣвицы не вѣнчали меньше 12 лѣтъ, но вѣнчайте 13 лѣтъ. А въ единомъ бо монастыри черицы съ черницами не жили, но собѣ (*особо*) въ опришнемъ (*въ другомъ*) монастыри; смотрите того, гдѣ черицы, туто бы и игуменъ; а гдѣ черницы, тутъ бы попы бѣльцы съ попадьями, а вдовца бы попа тутъ не было. А еще о семъ тя молю и пишу вамъ: аще который человѣкъ позовется на поле (*на судебный поединокъ*), пріидетъ кому попу да восхощетъ причаститися, и вы ему причастья святаго не давайте; а который попъ дасть ему причастье святое, аще убьютъ на поли того, ино тотъ попъ поповства лишенъ будетъ чрезъ сію заповѣдь. А кто лѣзши на поли убьетъ, ино душегубецъ именуется: по В. Василья слову, въ церковь ему не входити 20 лѣтъ, и св. причастія не примать дзровъ, ни Богородицына хлѣбца; а будетъ убитъ на поли, ино его псомъ поврещи (*бросить собакамъ*), а не проводити его; а который попъ проводитъ (*на похороны*), тотъ попъ поповства лишенъ. А се о семъ пишу по правилу св. отецъ: отца духовнаго чтите, печать есть твоего тѣла. А вшедши въ церковь, стой честно, со страхомъ слушайте чтенія апостола, и евангелія и всего пѣнія; а кто говоритъ въ церкви, то шепчетъ дьяволъ въ уши ваши и сердца разжигаетъ на многое глаголаніе; вельми грѣшно есть въ церкви говорити; то бо есть домъ божій. Приходить къ церкви милостину приносяще о своемъ согрѣшеніи, плакатися, смертный часъ поминати на всяко время, молитися Господеви, да и на страшномъ судѣ твоемъ отвѣтъ добрый и гласъ твой слышати: придите, благословеніи отца моего, наслѣдуйте царство небесное отъ сложенія міра всего; се уго-

тованное вамъ царство небесное отца моего; праведницы яко свѣтила сіяютъ; а грѣшнымъ Господь речетъ: отыдите отъ мене, проклятіи, не знаю васъ, во огнь вѣчный и муку вѣчную: тогда будетъ плачь и скрежетъ зубомъ; но нынѣ пецытеся къ покаянію, скороданныя муки избавитеся. Горе не дароимцу! На что ся надѣетъ? Творится человѣкъ божій, и тѣла христова не примаетъ. Но вы, попове, не благословляйте ихъ, а въ церковь ихъ не пущайте; то ходятъ пси; но песъ господина своего стережетъ. И сія заповѣди Спасовы не примаетъ, се есть дьяволъ, а не человѣкъ.

Аще бы ти на земли, ерей, сильный человѣкъ, не бойся никого; се есть слуга божій, еси учитель стаду своему: овцы пастуха своего слушаютъ, а по чужему не ходятъ; аще же внидетъ волкъ въ стадо и распудитъ овцы, о горе пастуху, иже овецъ своихъ не блюдетъ! руно съ нихъ съемлетъ пастухъ; се овецъ своихъ не блюдетъ, да останетъ, отходитъ, въ грѣхъ не впадетъ (1).

Но слышите слово божіе: да кто церковь божію, или слугу церковнаго пріобидитъ, а того Богъ пріобидитъ. А который іерей св. литургію священствовалъ, тогда царя честнѣй: никто бы не усидѣлъ противу него; аще кто усидитъ, проклятъ тотъ человѣкъ есть отъ небесныхъ силъ. А кто се правилъ св. отецъ не слушаетъ Васильевыхъ, Григорьевыхъ, Златоустовыхъ и всѣхъ святыхъ, и апостольскія заповѣди и моя святительскія митрополичьи заповѣди, и хулятъ ю, да будутъ прокляты. Како начнется въ церкви божіи пѣти на оба лика, скажемъ вкратцѣ: Игнатій Богоносецъ, иже третій по апостолѣ Петрѣ епископъ былъ Антіохіи Сирійстѣй, тотъ убо видѣ ликъ ангельскій на оба лика поюще хвалу трисвятѣй Троицѣ, и образъ тотъ видѣнный Антіохійстѣй церкви предаде, и оттуду преданіе оно во вся церкви распростреся.

(*Памятн. старин. р. литер. в. 4. стр. 186—188*).

Петръ поставленъ былъ митрополитомъ въ Кіевъ въ 1308 и умеръ 21 дек. 1325 г. Житіе его помѣщено въ Степен. кн. I, 410—424. О митроп. Петрѣ см. Г. Карпова статью въ Чт. общ. ист. 1864, кн. 3, 1—101.

217. Грабежи во время пожаровъ.

1. Тои же весны (1311 г.) маія 19, въ ночь, загорѣся на Яневѣ улици, и сгорѣ дворовъ безъ 3 и 40, а головъ сгорѣ 7-ро, и потомъ, Іюня 28 въ ночь, загорѣся на Розважи улици Глѣбовъ дворъ, и погорѣ конецъ Неревьскыи сѣмо до гребли, а онмо и за Борькову улицю; и сгорѣ церковь св. Козмы и Демьяна, и другая св. Савы, и четыридесять *(40 мучен.)* церковь огорѣ, и домове добріи. О горе, братье, лютъ бяше пожаръ, съ вѣтромъ и вихромъ! а зліи человѣцы и не добріи, Бога не боячеся, видяще людемъ погыбель, пограбиша чюжая имѣнія. Потомъ Іюля 16, въ ночь, загорѣся на Ильинѣ улици, и ту такоже бысть лютъ пожаръ, вихромъ, наборзѣ, трескомъ; и погорѣ торгъ и домове по Рогатицю (а сѣмо въ Славно), а церквіи сгорѣ: деревяныхъ 7, св. Дмитрія, и св. Георгія, и св. Бориса и Глѣба, и св. Івана Иѣкова, и св. Катерины, и св. Прокопья,

(1) Въ другомъ поученіи святителя Петра сильнѣе выражается эта мысль; онъ пишетъ *игуменомъ, попомъ, и діакономъ*: «Будите же, дѣти, истиньніи пастуси, а не яко наимници, млеко снѣдающе и волну объемлюще, а о овцахъ не пекущеся. И не входяще дверми во дворъ овчій, таковіи не суть пастуси, но татіе суть и разбойницы». Далѣе увѣщеваетъ отрѣшить сердца отъ всякой душепагубной ярости, зависти, ненависти, пьянства, «еже есть корень всякому злу». (Прибавл. къ твор. св. О. 1844 г., кн. 2, стр. 85—89).

и Христова, а каменыхъ 6 огорѣ, 7 я Варажьская. А оканьнія человѣци, такоже Бога не боящеся, ни суда божія помняще, ни жалующе своея братья, пограбиша чужая имѣнія; вьздать имъ, Господи, по дѣломъ ихъ.

(*I. Нов. 70*).

2. Того же лѣта (1340), м. іюня въ 7, на память св. муч Өеодота, въ вторникъ на троецкои недѣли, загорѣся на Розважѣ улицѣ, въ полѣ, за св. Өеодоромъ, и погорѣ Неревьскыи конець до св. Іакова, а сѣмо и до Чюдинцевѣ улицѣ, и церкви вси и дворове; оттолѣ вржеся въ городъ, и погорѣ дворъ владычень и церкви святыа Софіа, и что дворовъ въ городѣ и церквія, и Людинъ конець и до св. Алексѣя, такоже и церкви и домове, а сѣмо и до Прускои улици, тако бо бяше великъ пожаръ и лютъ, съ бурею и съ вихремъ, яко мнѣти уже кончина: по водѣ огнь горя хождаше, и много людіи истопе на Волховѣ. И перевржеся огнь чрезъ Волхово на ону сторону, и тамо въскорѣ до вечерни погорѣ вся сторона, отъ Өедорова ручья въ Славно и до поля, и церкви камены и древяны и домове; изъ многихъ церквія неуспѣша выносити, ни иконъ, ни книгъ, тако же ни изъ домовъ; а кто что вынеслъ, или на поле, или на огороды, или въ греблю, или въ лодьи, или въ учаны, то все поломянемъ взялося, а иное вынеслъ кто что, а то зліи человѣци разграбиша, иже Бога не боятся, ни чаютъ въскресенія мертвымъ, ни суда божіа, ни въздааніа по дѣломъ. Не токмо же что у человѣкь у своеи братіи у Христіанъ, пограбиша, а иныхъ надъ своимъ товаромъ побиша, а товаръ себѣ поимаша, нъ и въ св. церквахъ, идѣже бы всякому христіанину, хотя бы и свои домъ поврьга, а церкви постеречи. Нъ мы паки въ покааніа мѣсто горшее зло творимъ, а видяще казнь божію надъ нами: церковь св. 40 мученикъ, яже бѣ устроена и украшена иконами, и писменемъ, и кованіемъ, и крутою, запершися въ церкви товаръ весь, чи бы ни былъ, то все разграбиша, а иконъ и книгъ не даша носити, да якоже сами избѣгоша изъ церкви, все поломенемъ взяся, и сторожа два убиша; а у св. Богородица въ торгу попъ сгорѣ, а иніи глаголютъ убиша его надъ товаромъ, поневже церковь вся погорѣ и иконы и книгы, сего же ни власѣ огнь прикоснуся, а товаръ весь разграбиша; а въ св. Пятницѣ сторожь сьгорѣ съ сыномъ, по томъ же пожару и церковь та падеся, другаа святую мученику Бориса и Глѣба на Подолѣ. Много людій погорѣ въ домѣхъ, въ борьзѣ бо огнь заалъ, а великіи мостъ сьгорѣ весь по воду, а изъ св. Софіи не успѣша иконъ всѣхъ выносити, и много бысть пакости. Того же лѣта и Смоленскъ погорѣ весь, въ ночь на Спасовъ день.

(*I Нов. 79*).

218. Изъ поученія до 1350.

Отвьрзися пианьства, а не питія; отвьрзися обьяденья, а не явствы; отвьрзися блуда, а не законьныя женитвы; отвьрзися неправеднаго имѣнья, а праведьнаго не храни, ни щади убогымъ даяти; отвьрзися корчьмы варити и пити въ корчьмѣ; отвьрзися кунъ даяти въ лихву, рекше—въ накладъ, а Бога ради дай; яже есиималъ преже сего въ лихву или иного коего неправьлою, или клеветою, или мьздою неправедною, или грабленьемъ, или ротою, или поклепомъ, или запрѣньемъ чюжаго имѣния,—ино всякое неправедное иманье отмещи отъ себе крадено, или разбоемъ добыто, или въ

пожарѣ граблено, то все неправедно имѣние, то все възврати, чие то было. Аще ли не тѣмъ, то убогымъ (сторицею отдаяти). Краденое десятерицею отдаяти, а грабленье и рѣзоиманье сторицею; тако же и всяко насилное иманье, а праведнымъ имѣньемъ богатитися и отъ него даяти милостыня убогымъ и милость божию обрѣсти, яко же и Соломонъ глаголеть: чьти Бога отъ праведныхъ трудовъ своихъ. А еще пакы се горши всего— изгоиство емлюще на искупающихъся отъ работы (*отъ рабства*). Тацин не имуть милости божия видѣти, непомиловавъше равна собе человѣка богомъ създана, и ненасытившеся цѣною уреченою: не токмо своя души губящи, но и зло поминающи,—и тоже не отъ закона божія, но еще прилагающе горе на горе своеи души губяще; но и послухы въставающи по нимъ и помагающи злобѣ ихъ, иже привлачающи къ своимъ злымъ судіамъ, многыми издами и даръми. Аще ли кто въ невѣдѣние ималъ будетъ изгоиство, ти хочеть избыти вѣчныя мукы; то вороти тѣмь же опять—и не поидеши въ муку, нъ въ жизнь вѣчную съ всѣми святыми. Тако же и челядина (*раба*) кто продаеть, да елико же на немъ вдавше, толико же възяти; аще лише, то горе того, иже наклады емлеть и прасолить (*торгуетъ*) живыми душами, съ ними же и на судищи стати предъ Богомъ. Такожь иже кто выкупается на свободу, да вдасть цѣну, юже вдали на немь; потомь же свободенъ, ти добудетъ дѣтии (*приживетъ*), ти аще начнуть имати изгоиство на нихъ, то обрящуться продающе кръвь неповинньну (яко душегубецъ есть) и взыщеться предъ Богомъ на страшномъ судищи кръвь та: то луче бы имъ не родитися, еже полѣсти имъ въ непроходимыя мукы. Сему же свидѣтель и послухъ самъ богъ Іисусъ Христосъ, искупивый насъ отъ работы вражья своею кровию. Отъ неправды и злѣди (=злобы). Достоино есть сътворити волю Бога и правду, и тако приобрѣсти милость его. Самъ бо Господь рече: Нѣсть милости несътворшему милости; милостивии же на судѣ помиловани будуть. Тако же и вси вѣрнии и смышлении, аще творять неправедное имѣнье и въспять тѣм же отдадять, грѣха избудуть, въ и жизни вѣчьныя сподобять ся. Да и ты, сыне, слыша что имѣеши отъ неправеднаго имѣния в злаго събрания, то дай опять, имъ же еси кого приобидѣлъ и отмещи отъ себе всяко неправедное имѣнье, и потомь приидеши на покаянье: то и Богъ простить тя отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ и спасеть тя....

(*Изв. Акад. Н. X, 645—647*).

См. также Слова древнія въ Москвит. 1851, VI. 119—138. 1845, XII. 140. Посл. м. Алексѣя. Душеполезн. Чт. 1861, ч. 1, 449.

219. Моръ въ Новгородѣ.

1, Того же лѣта 6860 (1354 г.) бысть моръ золъ въ градѣ Псковѣ и по селамъ, смерти належащи многѣ; мроша бо люди, мужи и жены старыи и младыи, и дѣти, и попове, и чернци и черници. Бяше бо тогда знаменіе смертное сице: харкнеть человѣкъ кровью, и до 3 днiй бывъ да умреть. То вскорѣ промышляху о своемъ животѣ (*жизни*), или о души, да сего ради мнози идяху въ монастыри, мужи и жены, и постригахуся въ мнишьскій чинъ и ангельскому чину сподобяхуся, тѣла и крови Христовы причастившеся; и тако въ добромъ исповѣданіи преставляхуся отъ сея временныя жизни на онъ вѣчный свѣтъ къ Богу, и душа своя предаша пришедшимъ по нихъ ангеломъ, а тѣлеса своя предаша гробу. Друзіи же въ міру въ домѣхъ своихъ такожде готовляхуся на душевный

исходъ о душахъ своихъ печалующеся, имѣніе свое отдающе въ милостыню церквамъ и монастыремъ, и попомъ душевнымъ отцемъ и нищимъ, маломожныя и убогія кормяще и напаяюще и милостынею учрежающе; слѣпець помилованъ, тъи вожь бываеть въ царствіе божіе аще нынѣ о стѣны разбивается и въ ямы впадаеть; овіи бо отъ богатьства села даваюті церквамъ святымъ и монастыремъ, друзіи въ озерѣ ловища и исады (*рыболовныя пристани*), или ино что отъ имѣній своихъ дающе, да тѣмъ хотяще себѣ имѣти память вѣчную, по писаному— милостынями и вѣрою очищаются грѣси; и тако очищающе душа своя отъ грѣхъ покаяніемъ и слезами, преставляхуся отъ сего свѣта на онъ покой. И се бяше тогда: попове бо не можаху проводити по единому изъ дворовъ за множество умирающихъ, не успѣвающимъ бо имъ но веляху комуждо мертвыя своя на церковный дворъ приваживатъ; объ нощь бо умершимъ утрѣ обрѣташеся до 30, или и болѣ скопится у единой церкви, а всѣмъ тѣмъ единъ проводъ, отпѣваху надгробную пѣснь, токмо душевную молитву раздрѣшеную комуждо особь измолвливаху, или мужу, или женѣ, или дѣтемъ, и тако полагаху и по 3 или по 5 головъ въ единъ гробъ; тако же бяше по всѣмъ церквамъ, и негдѣ уже бяше погребати умершихъ, все бо могилье въскопано бяше, ини и подалѣ отъ церкви и опрочь церкви могилье на цѣлыхъ мѣстѣхъ въскопавше погребаху. Тогда бяше многъ плачь зѣло и лютое кричаніе, съ горкимъ рыданіемъ: ктоже плакашеся своихъ мертвець, родители по чадехъ своихъ, а чада по родителехъ своихъ и братья по своей братьи, а друзи по друзехъ, и жены по мужехъ своихъ, и сердоболя (*пріятели*) вся по сродницехъ своихъ, прочіи бо вси плакахуся о душахъ своихъ. Кто бо тогда каменосердъ человѣкъ и безъ слезъ можеть быти,

видяще сію великую бѣду, яко мнози вскорѣ и напрасно умираху, и отъ себе вскорѣ отлучаеми, и сами на собе того же пожидающе? мняху (*думали*) бо тогда мнози, яко уже всѣмъ померетъ; егда бо виндяше. гдѣ въ которой родъ, или въ осподу, или въ богатыя, или простыя люди, сирѣчь и до убогыхъ, болѣзнь лютая и смертное то жало, мраху бо сполу (*вполнѣ*). А наборзѣ (*быстро*) и рѣдко кто отъ нихъ оставшеся въ живыхъ, а иныхъ ся не остало. А кто имъ тогда послужилъ, въ часъ исхода душь ихъ отъ жизни сея приглядалъ и попекся ими, якоже ся подобаеть здравымъ промышляти о болящихъ и мертвыхъ, сродници же и друзи, или инъ кто, тако Бога ради послужиша; а богатымъ бо всякъ тщится (*старается*) послужити, при животѣ и при смерти, да наслѣдуеть что отъ имѣній ихъ; но кто аще кому отдаваху остатокъ живота своего, или дѣтей, то и тѣ такоже мнози наборзѣ разболѣвшеся умираху. Си же видяще иніи бояхуся прінмати отъ умершихъ тѣхъ животовъ, страхомъ смертнымъ омрачившеся безуміи, своихъ сродникъ отвращахуся тогда; а иніи же веледушніи весь страхъ смертный отъ сердець своихъ отринувше, тѣ безъ сумнѣнія и чюжая мертвеца, или сироты или убогія небрегоми, тѣхъ спрятывающе и износяще погребаху, и память по нихъ творяще проскурою и службами, спасенія дѣля себѣ и своимъ душамъ. Сана свѣтлостью не умолена бываеть смерть, на всѣхъ бо вынизаеть многоядныя своя зубы. Нѣціи же рѣша: той моръ пошелъ изъ Индѣйскія страны, отъ Солнца—града. Се же ми о томъ написавшу отъ многа мало, еже ми худый умъ постиже и се память принесе; аще кому се непотребно будеть, да сущимъ по насъ оставимъ, да не до конца забвено будеть.

(*IV Новгор. 60—2*).

Въ «Сказ. о плѣнномъ Половчанинѣ» весьма хорошо изображается, какъ люди въ болѣзни и бѣдствіяхъ религіозны, а потомъ въ счастьѣ и при спокойной жизни все забываютъ. См. послѣдній отдѣлъ Христом.

2, Въ тоже лѣто (1417) бысть моръ страшный на людехъ въ Новѣгородѣ, и въ Ладозѣ, и въ Русѣ, и въ Порховѣ, и во Пьсковѣ, и въ Торжку, и въ Дмитровѣ, и во Твери, и по волостемъ и по погостомъ и по монастыремъ. И како могу сказати бѣду грозную и тугу страшную, бывшую во весь міръ, какова туга живымъ по мертвыхъ? Понеже умножися умершихъ во градѣхъ и въ селѣхъ, тамъ не успѣваху живыи мертвыхъ опрятовати, ниже доволни бываху здравіи болящимъ послужити, но единъ здравый десятерымъ болемъ на потребу да послужить; на всякъ же день умираху толико, яко не поспѣваху погребати ихъ въ день до захожденія солнечнаго, и во дворѣ иномъ единъ человѣкъ остася, а во иномъ два, а индѣ единъ дѣтищь, а мнози дворы пусты быша. А болѣзень бысть такова: прежде же яко рогатиною ударитъ за лопатку, или противу сердца, подъ груди и промежду крилъ, и разболится, который начнетъ кровью харкати, и огнь ражжеть, посемъ потъ, потомъ дрожь иметь и по всѣмъ суставомъ походить въ человѣци недугъ той естьственый; железа же неединаче: иному на шеи, другому на стегнѣ, овому подъ пазухою и подъ скулою и за лопаткою и въ паху, и на иныхъ мѣстехъ тѣлесныхъ, и въ болѣзни полежавше и помроша. Мнозѣхъ же крестьянъ Богъ помилова своею милостію, отъидоша житіа сего въ ангельскомъ мнишескомъ чину, отъ ерѣй масломъ мазавшеся; и два посадника преставистася въ томъ же чину, Іоаннъ Александровичь, Борисъ Васильевичь. Владыка же Семіонъ съ всѣмъ священнымъ съборомъ и съ крестьяны, съ кресты, обходи около всего Новагорода и по многимъ церквамъ и по манастыремъ, моляся Богу и преч. его Матере и всѣмъ святымъ о престатіи гнѣва Божія. Крестьяне, ови на конехъ, овіи пѣши, изъ лѣса бревна привозивъ, поставиша церковь св. мученици Анастасіи, въ память ея, мѣс. окт. 29, и священа ю архіеп. Семіонъ, того же дни и св. литоргію сверши; а во останочныхъ бревнахъ поставиша церковь св. Илію, конець Пруской улици. И Новоторжане такоже у себѣ въ городи, единого утра, поставиша церковь св. Аѳанасьй; и попове священа ю съборомъ.

(*П. С. лѣт. IV, 115*).

На построеніе обыденныхъ церквей смотрѣли, какъ на средство умилостивленія разгнѣваннаго Бога.

220. Ушкуйники (1).

а, 1366 г. Пришли Новгородци въ ушкуѣхъ, а воеводы Осифъ Валфромеевичь, Василій Ѳедоровичь, Олександръ Обакуновичь, на Нижній Новгородъ, и много бесерменъ избиша подъ Нижнимъ Новымъ городомъ; а нашихъ пострѣлили Филипа Утреткова и Бориса Квашенкина да 2 человѣка.

1367 г. Князь Дмитрей присла въ Новгородъ, сице рекъ: «за что есте ходили на Волгу и гостей моихъ пограбили много?» —И Новгородци рѣша князю: «ходили люди молодыи на Волгу, безъ нашего слова, но твоихъ гостей не грабили, толко били бесерменъ; а ты нелюбіе отложи отъ насъ».

(*IV Нов. 65—66*).

---

(1) *Ушкуй*—лодка особой формы; ушкуйникъ—разбойникъ, удалой малой.

6. Коли князь Дмитрій былъ подъ Тверью (1375), а въ то время пришедше Новгородци В. Новагорода ушкуйници, 70 ушькуевъ, и старѣйшина бяше у нихъ Прокопъ, а другій Смолнянинъ, и пришедше взяша градъ Кострому. Взятье же ихъ таково: прежде выидоша рѣкою Костромою на Волгу, и сташа ополчившеся на брань, граждане же изидоша изъ града противу, събрашася на бой, а воевода бяше у нихъ, то же и намѣстникъ, Плещеевъ. Новгородци же видѣвше гражанъ Костромичь много, болѣ 5000, а самыхъ мало съ полъторы тысячи, и раздѣлишася Новгородци на 2 части: одину половину отпустиша втай въ лѣсъ, они же обоидоша около по можжеельнику и ударишася на Костромичь въ тылъ, а другая половина въ лице удари. Воевода же видѣвъ бывшее и убояся, нача бѣжати, ни самъ на нихъ ударилъ, ни рати своей повелѣлъ, но выдавъ рать свою и покинувъ градъ свой, подавъ плещи, побѣже къ Кострогѣ; Костромичи же видѣвше то, и не бившеся и побѣгоша, и мнози ту на побоищи побьени быша и падоша, а друзіи по лѣсомъ разбѣгошася, а иныхъ живыхъ поимали и повязали. Новгородци же видѣвше оставленъ градъ и небрегомъ, и нѣсть ему забороны ниоткуду же, и взяша градъ, и пограбиша его до конца, и стоявше въ градѣ недѣлю цѣлу и всякого сокровища изыскавше изнесоша, и всякій товаръ изъобрѣтше и поимаша; не все же товарное съ собою попровадиша, но елико драгое и легчайшее, а прочее тяжкое излишнее множайшее въ Волгу меташа и глубинѣ предаша, а иное огнемъ пожгоша, и множество народа крестьянскаго полониша, мужей и женъ и дѣвицъ съ собою попровадиша, и отъидоша отъ Костромы. И шедше на низъ по Волзѣ, пограбиша Новгородъ Нижній, и много всякого полона взяша и градъ зажгоша. И поидоша на низъ и повернуша въ Каму, и тамо помедлиша нѣколико время, и потомъ внидоша Камою въ Волгу. И дошедше на низъ по Волзѣ града Болгаръ, и тамо полонъ весь крестьянскій попродаша бесерменомъ, или костромскій или Нижнего Новагорода, жены и дѣвици; и сами поидоша въ Насадѣхъ по Волзѣ на низъ къ Сараю, гости крестьянскіе грабяще, а бесермены бьюще. И доидоша на усть Волгы близъ моря града нѣкоего Хазьторокана, и тамо изби ихъ лестью Хазиторокань скій князь, именемъ Салчій. И тако вси безъ милости побьени быша, и ни единъ отъ нихъ не остася, а имѣніе ихъ все взяша бесерменове,—и такова бысть кончина Прокопу и дружинѣ его.

(*П. С. Л. IV*, *71—72*).

221. Поученіе избрано отъ всѣхъ книгъ до 1383 (1).

Пръвіе имѣйте братье страхъ божіи въ срдци своемъ, тѣмъ бо можете въстягнутися отъ всякого зла. Къ церкви будете нелѣниви, та бо есть оцищеніе грѣхъ нашихъ; въ церковь же вшедше стойте съ страхомъ, не бесѣдуя ни с кимъ же, и да и молчащимъ не будеши на пакость, но съ смиреніемъ стойте слушая пѣніа, и взираа образъ божій и на св. иконы, поминаа грѣхы своа, ащели бы умягчить Богъ сердце. А и слезы испустите о грѣсехъ своихъ, и да уподобитеся мытарю, а не фарисею. Болѣжь всего покаальнаго (*духовнаго*) отца слушаите, каитесь емоу по вся дни, исповѣдающе своа грѣхы, аще бо человѣкъ показался будетъ грѣхъ своихъ, ти единого не по-

(1) Поученіе это приписывають Павлу Высокому.

вѣсть грѣха, иня малу вину, то и за то осужденіе пріиметь, якоже птиця оувязнеть въ силѣ, аще не за голову, ни за ногу, а любо си за ноготь, да иже ся трепещеть, да иже оумреть, такожъ и тъ человѣкъ, иже оутаить отъ отца духовнаго грѣх единъ. То тотъ будеть тяжцѣе всѣхъ. На попа хулы не пріемли ни зазри его ни въ чемъ же... Но луче аще кто хощеть ити къ нимъ и побесѣдовати о духовныхъ и о печали свѣта сего. То бо, сынове, бес печали суть, могуть ны оутѣшити. Или что имаете потребно несите къ нимъ, то бо все въ руцѣ божіи влагаете. Но и паче князю своему пріайте всѣмъ сердцемь своимъ и мечемъ своимъ и главою своею и не рци ему зла въ сердци своемъ, глаголеть бо апостолъ Павелъ: вся владычьства отъ Бога оучинена суть, и да аще кто противится властелемъ, то божію повелѣнію противится; а родителя же аще кто имѣеть, да чтить акы Бога,—тѣми познахомъ бо свѣтъ сей; покланяйтесь имъ заоутра и вечеръ и на ложе идя, аще бо человѣкъ чтитъ родителя своего, то весь законъ есть, и тогда сынъ свободенъ есть, егда спрячетъ кости родителю своею. Братію также люби и весь родъ свои; потщивай по силѣ, бо святый Іоаннъ Богословъ глаголетъ: своемъ, ти дасть имъ еже требуеть, болѣ инехъ милостыня вмѣняется предъ Богомъ. Рабы также водите въ наказаніи съ тихостію оучаще добрымъ безъ порченіа и чтя ихъ, да негдѣ ти мѣстять оу притчи (т. е. *при случаѣ*) аще ль не послушають, то раны разумѣють что дати; яко божіи създаніе, но вамъ даны суть Богомь на службу. На расхыщеніе чюжаго имѣніа не буди готовъ, и отрокъ поучивай, да възмеши отне имя и ркуть человѣци: отъ благаго корене благый прозябе плодъ. Рече бо Господь: въ нюже мѣру мѣрите, възмѣрится вамъ. А что суть оу васъ рабы и рабыни Богомъ даны вамъ на службу, тѣмижъ пакы достойно пещися душами ихъ, отъ зла възбраняти имъ и на покааніе приводити, а къ церкви понужати; вы бо есте игумени домовъ своихъ. Аще ли кто безъ покаянія оумреть оу васъ или не крещенъ, то вамъ отвѣщати за душу ту предъ Богомъ. Другы же оубо какы имѣите собѣ и съвѣтники, иже не вся глаголемая вами хвалять, но судомъ божіимь тщатся отъвѣщати; то бо суть не друзи, иже аще вы душевредное слово рчете и они похвалять, но то суть ласкавци свѣта сего, а душамъ губители. Почтите же ся на то, еже желати имени вашему на святыхъ трапезахъ поминаемы іереи къ Богу, велико бо есть о семъ разумѣти. Аще человѣкъ который имѣетъ тяжю съ кымъ, якоже поити ему къ князю на прю, колма молится вамъ близь князя будущимъ и мадить вы, да бы оправилъ отъ тяжи; кольми паче князь іерѣй молится къ небесному царю, къ немуже имѣемь бесчисленныя грѣхы. Всего же паче гордости не имѣйте въ сердци, ни въ оумѣ...... Всего же злѣе, еже преступите крестное цѣлованіе, или ино реченіе, се бо видѣ Захаріа пророкъ серпъ огненъ летяще съ небесѣ по тѣхъ, иже ходять по криву ротѣ, да пожнеть я и племя ихъ, а душа ихъ огню предасться вѣчному. Наипаче оубогыхъ не забывайте, но по силѣ колько мога корми и одѣвай. И творя же милостыню, егда како будеши неправдою ся пріобрѣлъ, неправедная милостыня подобна есть сему: яко бы отець зрѣлъ, егда сына зарѣзывають, коль ему зло,—также и Богови на неправедную милостыню зраще. Да луче бы отъ праведнаго, аще и мало. Якоже она вдовиця двѣ медници въвергъши, болѣ всѣхъ похвалена бысть. Человѣкъ же не мѣни непривѣчавъ. Не стыдися честнѣйшимъ себѣ главы своея преклонити. Не лѣнися съ вятшимъ стояти, то бо все въ честь Богу твориши.... Наипаче больнаго посѣщай, не брани емоу ничтоже отъ дому твоего, аще что въспро-

сять питья или ядения. И къ темници дойди, виждь бѣдоу ихъ и стонаніе ихъ. О колико си стражють отъ земныхъ властелей за единъ спудь, а друзіи оболгани, а мы что створимъ егда предстанемъ предъ царемь небеснымъ, имоуще тьмами грѣховъ? Всегоже паче имѣйте любовь къ великымъ и къ малымъ, рекше съ богатымъ и съ оубогымъ, лицемѣрна бо есть любовь, оже богатаго любите. Егда твориши пиръ и зовеши князя и вельможа и ближніи, то добро; но зови и оубогыя колико мога силѣ, да обою мзду не лихъ будеши..... А ранняго питія и яденія бѣгай: аще человѣкъ рано оупивается, то весь день емоу нощью. Блюди же ся душегубьства, иже есть тяжко вельми. Аще человѣкъ оу человѣка погубить злато, то иню въ то мѣсто обрящеть, то за то ему пойти въ муку;—а оже человѣкъ погубить душу, то гдѣ иноу въ того мѣсто обрящеть? ащель хощете искати ея, то чѣмъ ю можете обрѣсти? или покаяніемъ крѣпкымъ и слезами и алканіемъ и поклоны и милостынею? душегубьства жь разни суть: не то едино еже оубити человѣка, но иноеже, еже озлобити человѣка, или раба, или оубога, и они отъ нужа погубять ся или бѣжать въ поганыя... На наимы жь коунъ не дай отъинудь св. бо апостолъ Павелъ лихоимца съ блудникы вмѣняеть. Зависти жь и ревности бѣгай. Не мози порадоватися, егда найдеть на друга печаль, но больма поскорби съ нимъ и оутѣши его, св. бо писаніе глаголеть: съ веселящимися весели, и съ плачющимися плачи. А молчаніе люби, глаголеть бо премудрость Соломоня: въздержаа языкъ свой испустить жестокъ разумъ. А лжи блюдитеся, и самъ бо вѣси, яко исперва сатана солга Евгѣ и весь родъ человѣчь смерти предасть.

(*Журн. Мин. Нар. Просв., 1854 г, 12. стр. 184—190*).

222. Слово старца о пьянствѣ XIV в.

»Какую муку мы примемъ, живя во *льготь* и лѣнясь въ церкви, и пропивая вечерню и заутреню и часъ молитвы! Что дѣлаешь, человѣче, безчинно и скаредно живя, и любя нравы язычниковъ! И пьянство—веселье язычниковъ, а христіанамъ когда отобѣдать, тогда и *отпить*. А ты сидишь весь день забавляешься питьемъ, ничего не дѣлая въ пользу ни душѣ, ни тѣлу, но все продавая за питье, и *томя* душу и тѣло. По истинѣ удивительно: одинъ часъ употребить на пищу, а весь день погубить на пьянство! Мнится мнѣ, что и безсловесные звѣри и скоты, не вѣдающіе Бога, не чающіе суда, не имѣющіе житейскихъ дѣлъ и во всемъ праздные, и тѣ смѣются надъ нами, и если не говорятъ словомъ, то мыслію: мы безсмысленны, а ѣдимъ и пьемъ въ мѣру; а люди все не сыты; точно у нихъ одна утроба на питье, а другая на пищу! И какъ они не устанутъ *пьючи!* И льютъ вино, будто въ утлую сосудину, понамѣстъ взбѣсятся отъ пьянства. Двоякое бываетъ пьянство. Одно пьянство даже хвалятъ многіе, говоря: то не пьяница, коли упьется да ляжетъ спать; а то пьяница, когда толчется и бьетъ, и ссорится, и ругается. Я же покушаюсь указать, что и кроткій, когда упивается, согрѣшаетъ, хотя бы и спать легъ; и недоумѣваю, къ чему его прировнять! Скотиной ли его назову, но и того онъ *скотѣе*, звѣремъ ли его назову, но и того онъ *звѣрѣе* и неразумнѣе. Ибо кроткій пьяница, какъ болванъ, и какъ мертвецъ, валяется, и много разъ осквернившись, смердитъ. И когда кроткій пьяница въ святой праздникъ лежитъ безъ движенія, разслабивъ свое тѣло и налившись по горло; люди богобоязливые услаждаютъ тогда въ Церкви свои сердца божественнымъ пѣніемъ и чтеніемъ, и будто на небеси предстоятъ передъ самимъ Госпо-

домъ Богомъ: а тотъ и головы своей не можетъ возвести, отрыгая отъ многаго питья, ни чѣмъ не отличаясь отъ поганаго язычника. — И такъ да умолкнетъ говорящій: хоть и упьюсь, но не сотворю лиха.— Видишь, сколько ты творишь лиха, пропивая праздники«.

(*Рус. Вѣстн. 1856 г. № 13, стр. 15*).

Переводъ Буслаева; см. тамъ же и подлинникъ,

223. Слово о Челяди до 1400.

Чада моя милая, еще вы глаголю: челядъ свою кормити, якоже досыти имъ, одѣвайте, обувайте; аще ли не кормите, ни обуваиете, а холопа твоего убьють у татбы или робу, то за кровь его тобѣ отвѣщати. Тѣмже набдите сироты своя во всемъ и учите ѝ на крещение и на покаяние и на весь законъ божии; ты бо еси яко и апостолъ дому своему, кажи (*учи*) грозою и ласкою; аще не учиши, то отвѣтъ въздаси за то пред Богомь. И Аврамъ бо научи своихъ домочадець 318 всему добру закону и добру норову. Страхъ бо божии приимше не опечалятъ на старость тебе; аще ли тебе не послушаютъ ни мало, то лозы нань не щади, якоже Премудрость божия глаголеть до 4 или 6 ранъ или за 12 ранъ. Аще ли рабъ и рабыни не слушаетъ и по твоей воли не ходити, то за года (*заблаговременно*) лозы нань нещадити до 6 ранъ и до 12; аще ли велика вина, то 30 ранъ лозою, а болѣ 30 ранъ не велимъ. Да аще тако кажеши ѝ и добрѣ одѣваеши и кормиши, то благъ даръ приимеши отъ Бога...

(*Ист. Христ. Буслаева, 480*).

Тамъ же (480) см. объ отношеніи главы семейства къ челядинцамъ,

224. Нравственный идеалъ князя.

Посла царь (*Азьякъ*) во Тверь, призва (*князя*) Александра къ себѣ, и убиенъ бысть во Ордѣ и з сыномъ своимъ Ѳеодоромъ; другому же сыну его кн. Михаилу младу зело 9 лѣтъ сущу, и иде в Новъгородъ ко отцу своему крестному Василью архиепископу Новогороцкому грамоте учитись. Онъ же даде его протодиякону своему, мужу богобоязниву и христолюбиву грамоте учити, и всему духовному наказанию и закону християнскому; и вскоре отрокъ грамоте изучись, и духовному любомудрію и закону, и в церкви всегда обреташесь, дѣтцкихъ же игрании и глумленіи отлучашеся, но всегда божеств. писанию прилежаше, и мужей мудрыхъ и благихъ беседамъ внимаше, паче же отца своего крестнаго и духовного Василия владыки поучение и наказание приемляше, и сими наслажашесь и питашеся Егда же сяде на отчинѣ и на дѣдине своей на в. княжени Тверскомъ, тогда божиею благодатию сынове тверстии многа благая восприяша: бѣ бо мужъ боголюбивъ и человѣколюбивъ. Во дни убо княжения его разбоиницы и тати и ябедники пачезоша, и корчемники, и мытари, и торговыя злыя тамги изтребишась, и насилование и грабление нигдѣже обрѣташась, но вси бяху в тихости, в кротости и в смирении, и любви. Понеже убо сей князь всегда имя божие во устѣхъ имѣяше, и славу Богу возсылаше, святители почиташе, и ереи и иноцы любляше и чтяше, церкви созпдаше и украшаше и удоволяше, вся печалныя утешаше, люди отвсюду собираше, грады тверския утверди, враги молитвою и милостынею обзе устраши и оружиемъ победи, его же именемъ сынове Тверскиц

хвалятся; нищихъ милуяше и питаяше, обидимыя избавляяше, болныя посещаше, алчющая кормяше, жаждущая напояше, нагия одеваше, к злымъ страшенъ и яръ бываше, к добрымъ же милостивъ и тихъ бываше, духовныя бесѣды любляше, сквернословия и срамословия ненавидяше, божественная писания прочиташе и сими наслажашесь и внимаше и послушаше чтущихъ прилѣжно со вниманиемъ, ратное художество отвсюду навыцаше и в сихъ искусенъ бываше, и мужественъ и крѣпокъ и страшенъ супостатомъ; отчину свою крѣпко соблюдая отвсюду, и всѣмъ яко отецъ чадолюбивыи бывяше, ноипаче же святителя яко самаго Христа почиташе; толикожѣ милостивъ бѣ на иноческии чинъ, якоже многажды любезне со слезами лобызаше ихъ, и крѣпкимъ желаниемъ сердца зело радуяся предстояше яко ангеломъ божиимъ; сице же и священники, зовяше ихъ князеи царевыхъ, яко тіи глаголаше великия слуги божия и честнѣе насъ суть; обаче же много неизреченно благонравие показа, и к Богу велию вѣру в дѣлехъ стяжа, образъ добръ оставль всѣмъ княземъ хотящимъ властвовати на земли. Тѣмъ же и Господь Богъ возлюби его и многа благая дарова ему, и славою и честию венча его, и в странахъ прослави. (Ум. 1399 г.).

(*Никон. Лѣт. IV, 287—288*).

См. о преставленіи в. кн. тверскаго Михаила (*П. С. Лѣт. IV. 559*). Тамъ разсказывается, какъ князь постригся передъ смертью, что считалось большой нравственной заслугой и залогомъ спасенія

225. Убіеніе Юліаніи Вяземской

Той же осени (1406) князь Юрьи Святославичь Смоленьскій прiиде изъ Новагорода на Москву, и бя челомъ вел. кн. Василью Дмитреевичю въ службу, и князь велики дасть ему половину Торжьку (намѣстничество въ Торжку), а другую половину князю Семену Вяземскому. И уязви въ сердце діаволъ Юрья плотнымъ похотѣніемъ на княгиню на Семенову (на подружіе служащаго ему Симеона Мьстиславича); взять бо на ложе ту княгиню его Ульяну, хотя быти (*жити*) съ нею; (она же предобрая мужелюбица мужески воспротивися ему); онъ же ляже съ нею, она же вземши ножь удари его въ мышку (*на ложи его*). Онъ же возъярися (*вскорѣ самъ*) уби князя ея, а ей (*самой*) повелѣ отсѣщи руки и нозѣ и вовреши въ рѣку. (И бысть ему въ грѣхъ и въ студъ великъ, и съ того) сбѣжа самъ къ ордѣ, не могій трьпѣти срама и горькаго безвеременья и безчестія и студа.

Септября 14 (1407) преставися кн. Юрій Святославичь Смоленьскій, не въ своей отчинѣ, но на чюжей странѣ въ изгнаніи, а своего княженія лишенъ и своей княгини и своихъ дѣтей, но въ Рязаньской Земли въ пустыни въ манастыри у нѣкоего Христолюбца игумена Петра; и ту нѣколико дній поболѣ и скончася, (и проводиша его честно), и погребенъ бысть ту.

(*П. С. Лѣт. IV, 109 — 110, VI, 133—134, VIII, 81*).

Сказаніе о Юліаніи Вяземской см. «Житія св. Рос. Церкви», Декабрь 161—164. Идеальный типъ древне-русской женщины см. въ Сказаніи о *Петрѣ* и Θевроніи Муромскихъ.

226. О началѣ Колочскаго монастыря.

Въ лѣто 6921 (1413) правящу тогда скипетромъ царствія Рускаго, благочестія держателю, христолюбивому в. кн. Васи-

лію Димитріевичу, бысть во области брата его кн. Андрея Димитріевича въ предѣлехъ града Можайска, яко 15 поприщъ, есть мѣсто Колоча зовомо, идѣже живяще нный нѣкій человѣкъ простъ, поселянинъ земледѣлецъ убогъ, именемъ Лука; и той нѣкогда хождаше въ лѣсѣ близь жилища своего, и видѣ на нѣкоемъ древѣ Икону со двѣма затворы стоящу, на ней же написанъ образъ пречистыя Богородицы, держащи на рукахъ превѣчнаго младенца Господа нашего І. Христа; на единомъ же затворцѣ бяше образъ божія ревнителя и великого пророка Иліи, и на друзѣмъ затворцѣ такожe образъ великаго чудотворца и святителя Николы. Лука же пришедъ дерзну взяти съ поклоненіемъ св. ту икону, юже вѣрою многою любезно цѣловалъ, и постави ю у своея нивы на древѣ, на мѣстѣ простѣ и небрегомъ. И пріиде инъ нѣкій человѣкъ такожe убогъ, и взятъ ю оттуду. Лука же шедъ умоли его, и давъ ему хлѣбъ овсянъ, и паки взятъ къ себѣ св. ту икону и принесе въ домъ свой. Въ дому же его бяше человѣкъ расслабленъ, лежаше многа лѣта, ему же Лука сказа подробну вся, како обрѣте св. ту икону. Онъ же удивися, и моляше его, яко до принесетъ къ нему икону тую. Лука же принесе къ нему. Расслабленый же вѣрою утвердися, и знаменася по челу и по очима и по устнама образомъ божія Матере, и въ той часъ здравъ бысть, яко николиже болѣвъ. И сіе слышано бысть отъ всѣхъ, иже тамо живущихъ людей, и стекошася мнози, и принесоша болящая различными недуги, и вси здрави быша. И тамо начаша отвсюду приносити множество недужныхъ и расслабленныхъ, и исцѣлевахуся. И оттолѣ многа чудеса безчислена бываху въ дому Луцинѣ отъ образа пречистыя Богоматери. И того ради вси людіе начаша Луку чтити яко пророка, или яко апостола. И тогда Лука веемъ чудотворную ту икону Богоматери, и понесе ю преже по граду Можайску. И изыде во срѣтеніе самъ благовѣрный кн. Андрей Димитріевичъ и съ боляры своими, и со всѣмъ народомъ града отъ мала и до велика. И быша чудеса многа отъ иконы Богоматери. Таже оттуду пріиде Лука со иконою къ Москвѣ, и срѣтоша ея самъ пресвященный Фотій м-тъ всея Русіи и со епископы и со всѣмъ священнымъ соборомъ и со кресты, такожe и князи и княгини и чада ихъ, и боляре и воеводы и вси вельможи, и все народнее безчисленное множество. И быша чудеса безчисленна, слѣпіи прозираху, хроміи хождаху, разслабленіи востаяху, нѣміи глаголаху, глусіи слышаху, и всякимъ недугомъ одержиміи здрави бываху, и толика безсчисленная и неизреченная тьмами темъ безпрестани тогда чюдеса быша, яко ни умъ человѣческій не можетъ изрещи. И хожаше Лука отъ града во градъ со иконою божія Матере, отъ нея же вездѣ неизчетная чюдеса содѣвахуся, и вси дааху многу милостыню Луцѣ. Онъ же аще и простъ человѣкъ бяше и последній поселянинъ, но обаче добродѣтель законную имѣяше въ себѣ, и возвратися въ Колочю въ свое пребываніе, имѣя съ собою чюдотворной образъ Богоматери, ея же милосердіемъ много и безсчисленно богатства собра, и церковь постави во имя пречистыя Богородицы, въ ней же и чюдесную ту Икону Богородичну постави, идѣже нынѣ есть монастырь Колочскій. И себѣ же домъ созда удивленъ якоже княжескій, въ немъ же храмы свѣтлы и велицы, и многи рабы и рабыни притяжа, и отрока предстоящая ему, и предтекущая свѣтлыми одеждами обоячени, и трапеза его многа драгаго брашна отъ тука (*жира*) и масти (*масла*) исполнена, и многа питія благовоннаго, и всегда въ пищи и въ питіи веселяшеся со служащими своими, и ловы дѣюще со птицами и псы, и медвѣди уханая, таковыми позорными ловитвами

утѣху немалу себѣ притворяя. И тако Лука отъ препростія въ суровство премѣнися, и нетокмо вельможамъ и властелѣмъ и сановникомъ сопротивенъ являшеся, но и самому кн. Андрею Димитріевичу жестокъ и непокоренъ бываше, еще же и ловы дѣющихъ на князя, бьяще ихъ и грабляще, соколы же и ястребы княжіи къ себѣ взимаше. Князь же вся сія терпяше пречистыя ради Богородица. Человѣколюбивый же Богъ, иже судьбами своими всѣмъ хотя спастися и въ разумъ истинный пріити, тако и сего Луку не прарѣ, въ нечувствіи пребывающа; но преже конца на покаяніе обрати его сицевымъ образомъ: Нѣкогда бо ловчій княжъ Андреевъ улови медвѣдя люта, и везяху его въ ларѣ мимо дворъ Лукинъ,ео же узрѣ Лука, и повелѣ медвѣдя тог пусготити изъ ларя на своемъ дворѣ; медвѣдь же выпущенъ, и самого Луку достигши сняте, и еле жива отняша его. Князю же увѣдавшу сія, и въ той часъ самъ потщася скоро пріити отъ града, и посѣтити его, и видѣ его едва дышуще, и глагола ему: »О како неразумѣлъ еси себѣ человѣче! видя, како ти прослави Богъ чудотвореніемъ отъ божественныя иконы пречистыя Его Матери, и почто о суетныхъ потщался еси, и вдался еси на мирскія позоры и глумленія и піянства, и къ неполезному житію сшелъ еси; и того ради сице тебѣ и случися таково искушеніе, да неуповаеши на множество богатства, но Бога помощника имѣя взыщеши и нехотя пути спасеннаго«. Лука же яко отъ сна возбнувъ и въ чувствіе пріиде, раскаяся о непотребномъ житіи, и плачася со слезами горцѣ рыдая, и моляше князя, »да сотворитъ съ нимъ милость, и богатствомъ его промыслитъ, яко богоугодно и пречистой Богородицы, и еже на пользу души его тако да устроитъ«. Князь же Андрей Дмитріевичь боголюбивъ сый, ни мало не закоснѣ, но вскорѣ таковымъ его безчисленнымъ богатствомъ монастырь постави пречистой Богородицы, глаголемый Колочскій, идѣже церковь преже поставлена бысть, въ ней же и чюдотворная бяше икона божія Матери, отъ нея же многая чюдеса содѣяхуся и до сего дни. Тогда же въ томъ монастыри Лука пострижеся во иноческій образъ и поживе въ немъ нѣколико лѣтъ во умиленіи и въ слезахъ и въ покаяніи, дондеже и преставися о Господи. Въ монастыри же томъ и донынѣ сотворяется празднество Явленіе честнаго того и чудотворнаго Богоматери образа м. іюля въ 9 день. Молитвами пречистыя Твоея Матери и св. святителя Николы Мирликійскихъ чюдотворца, и св. и славнаго Пророка Иліи и всѣхъ святыхъ твоихъ, Христе Боже нашъ, помилуй насъ, аминь.

(*Степен. кн. изд. Миллеромъ 1775 г. I, 566—568*).

Степенная книга *составляетъ лѣтописный сборникъ, расположенный* по степенямъ *или родамъ князей. Отъ св. Владиміра до Ивана Вас. IV считается 17 степеней, да упоминается о трехъ степеняхъ отъ Рюрика до Владиміра. Степени идутъ отъ отца къ сыну, правнуку и т. дал. по нисходящей линіи. Миллеръ начало составленія «Степенной книги» приписалъ м-ту Кипріану, но неизвѣстно на какомъ основаніи; скорѣе она составлена при м-тѣ Макаріѣ (ум. 1564 г.), какъ и Четь-Минеи; потомъ послѣ него была дополняема. Взглядъ на событія въ этомъ сборникѣ религіозный и на первомъ планѣ изображаются лица и событія, имѣвшія ближайшее отношеніе къ церкви.*

227. Исповѣданіе ростов. архіеп. Ѳеодосія 1455.

Язъ смиренный Ѳеодосій, архіепископъ ростовски и ярославски, подіаволю искушенію, а по своему скудоумьству, или истиннѣ рещи, по невнимателству, поче же и по мнѣтелству, дерзнухъ сотвори-

ти новоначалствено въ церкви божіей и безчиньство, сопротивно божественнаго и священнаго правила, преданнаго божіимъ церквамъ св. апостолы и богоносными св Отцы, и чрезъ установленное узаконоположеніе въ св. уставѣхъ, Іерусалимскомъ же и въ Святыя Горы, и въ Студитовѣ и въ прочихъ иныхъ уставѣхъ, писаннаго и сице реченнаго: »Яко аще прилучится, рече, на вечеріе Рождества христова или Богоявленіа господня въ суботу или въ недѣлю, то не повелѣно вамъ инокомъ разрѣшити на сыръ и рыбу, а мірьскимъ на мясо, но повелѣно, по отпущеніи литургія, нѣчто мало причаститись, скудно отъ пища; по вечернѣмъ же отпущеніи, ясти совершенно, но постное ядеіе, яко же тамо пишетъ, а не сыръ, ни рыбу, ни мірьстіи человѣци мясо.« По прилучяго же, яко же нынѣ прилучися седмыя тысяща послѣдняго ста 63-го лѣта, индикта третьяго, на вечерію Богоявленіа господня быти въ день недѣлный; азъ же смѣрѣнный и худый, грѣшный, повелѣннаа по уставу церковному о пѣніихъ литургійныхъ и вечерныхъ свершивъ и сѣдохъ за трапезою, и не вѣмъ, какъ по искушенію діаволю, или по своему грѣху, вмѣни ми ся тако, яко да и самъ ямы сыръ и млеко и рыбу, и прочимъ инокомъ повелѣлъ тожъ ядеіа ясти, и мірьскимъ человѣкомъ мясо. Мнози же прилучшася тогда ту, отъ священниковъ и иноковъ, и отъ мірьскихъ благоразумныхъ человѣкъ, много возбраняху ми таковыхъ не творити; азъ же, объятъ діаволскимъ ускушеніемъ, а своимъ грѣхомъ, непослушахъ ихъ, ни внимахъ глаголамъ ихъ, и отвѣщахъ имъ токмо единою рѣчью, недѣлнымъ днемъ, не ставя собѣ грѣха. И тако сотворися мною грѣшнымъ таковое новоначялственное въ церкви божьи злое безчиньство. Господинъ же нашъ и осподарь, и общій отецъ и пастырь и учитель нашъ Іона м-тъ кіевъскій и всеа Руси, по своему святительскому долгу, попеченіе имѣя о многогрѣшной моей души, что быхъ въ вѣкы душею не погиблъ, ни въ безконечныхъ бы вѣчныхъ мукахъ въ адовѣ пропасти не былъ, да собравъ о собѣ божественный и священный съборъ, о св. Дусѣ своихъ сыновъ и сослужебьниковъ, руськіа митропольи епископовъ, суждалского епископа Филиппа, рязанского Ефросима, коломенского Геронтія, и архимандритовъ, и прочее священьство, (собесѣдоваше же тогда съ ними, на томъ священномъ Соборѣ, и в. государь земьскій, в. кн. Василей Васильевичь всея Руси съ своимъ синьклитомъ), да и по меня по грѣшьнаго и по грубаго послали; и возря въ божественная и священная правила и во уставленна отъ закона положенная писанія, да мене смѣреннаго отъ святыхъ своихъ ученій духовнѣ много наказали. Азъ же грѣшный Θеодосіе, пришедъ въ чювьство и поуразумѣвъ свой злый грѣхъ и свое преступленіе, и отъ усердьства всею душею со многыми слезами покаяхся, и каюся, и до конечнаго издыханія имѣю каятися о томъ о своемъ сотвореномъ злѣмъ новоначялствѣ, и прокляхъ его и проклинаю, и имамъ проклинати его и до своего исхода; а вѣрую въ Троицу, въ Отца и Сына и св. Духа, въ не же и крещеніе пріяхъ, потомъ же иноческій образъ, и священническій чинъ, и святительскій великій санъ пріяхъ, и о томъ преданными церкви божіей божественными и священными правилы и св. узаконоположенными писаньми укрѣпляюсь, и почитаю о всемъ и облобызаю ихъ, и въ томъ пребываю и до скончянія своего живота. А черезъ то преступлю ли что или словомъ, или учении, или дѣломъ, или въ смущенье кому буду чимъ, отъ сего времени, въ вѣрѣ черезъ божественая и священная правила и черезъ уставное узаконоположеніе; и та святая правила мене грѣшнаго и осудятъ, по моимъ дѣломъ, въ страшный и грозный и судный

день втораго Христова пришествія. А сію грамоту азъ смиреный Ѳеодосіе, архіепископъ ростовьски и ярославски, самъ на себе написахъ.

(*А. Истор. I, № 57.*).

О почитаніи среды и пятницы въ древ. рус. народѣ. Прав. Собес. 1859, I, 181.

Указанія на черты нравовъ и обычаевъ древнихъ можно найдти еще въ слѣдующихъ отрывкахъ древней христіанской: Объ Андреѣ Переяславцевѣ, о набѣгѣ Печенѣговъ (ниже). О пьянствѣ и пирахъ св. Владиміра см. слово Иларіона и № 138 описание. Въ церкви. Уставахъ говорится о господствующихъ порокахъ того времени; въ словѣ о мытарствахъ и въ поученіяхъ Серапіона указано на жестокость противъ рабовъ. Быть княжескій отчасти изображается въ Посланіи Никифора до 1121. О недостаткахъ христіанской жизни можно читать въ Словѣ Ѳеодосія о казняхъ, въ Словѣ Христолюбца, въ Словѣ М. Кирилла 1274 и въ поученіи 1280 г. О настроеніяхъ во время войны см. *Борьба съ Татарами 1372* и *1375 г.* и проч.

Б. ПРЕДАНІЯ И ПАМЯТНИКИ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

228. Объ образѣ Спаса.

Въ лѣто 6553 (1045). Заложи в. кн. Владимиръ Ярославичь, а внукъ в. кн. Владимира Кіевскаго и всея Росіи, крестившаго Русскую землю, въ В. Новѣградѣ церковь каменную св. Софіи, при второмъ епископѣ Луки; а дѣлали ю 7 лѣтъ, и устроиша вельми прекрасну и превелику; а въ то время служили во храмѣ св. праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны. И устроивъ церковь приведоша иконныхъ писцевъ изъ Царяграда, и начаша подписывати во главѣ, и написаша образъ Г. Бога и Спаса нашего І. Христа со благословящею рукою. Воутріи же день видѣ еп. Лука образъ господень написанъ не благословящею рукою, иконописцы же писаша по три утра, и на четвертое утро гласъ бысть отъ образа господня иконнымъ писцемъ, глаголющь: «Писари, писари, о писари! не пишите мя благословляющею рукою, напишите мя сжатою рукою, азъ бо въ сей руцѣ моей сей В. Новградъ держу; а когда сія рука моя распространится, тогда будетъ граду сему скончаніе.» —Мѣра тому Спасову образу: отъ вѣнца до пояса полъ—4 сажени, а около вѣнца 43 пяди, носу длина полъ — 4 пяди, устнѣ полторы пяди, устнѣ полторы пяди, очи полъ —2 пяди, рука сжатая длань 6 пядей, а простертая длань 8 пядей, подпись — «Іисусъ Христосъ» по 14 пядей; архангелы и херувимы надъ окны написаны стоящія по 16 пядей, а пророцы написаны промежъ оконъ стоящія по 18 пядей мѣрныхъ; а внутри главы кругомъ, гдѣ окна, 12 саженъ; отъ Спасова образа ото лбу до мосту церковнаго 15 саженъ мѣрныхъ. А писали Спасова образа годищное время и болѣ.

(*П. С. Лѣт. III, 211*).

Другой списокъ см. «О малоизв. и неизд. памятн.». IV, 98.

229. О Михалицкомъ монастырѣ.

Повѣдаше нѣкто отъ честныхъ отецъ о просфорѣ, и о церкви пресв. владычицы нашея Богородицы, яже есть на Молотковѣ въ монастырѣ, въ В. Новѣградѣ, на Торговой Сторонѣ. Сице убо бысть: Мужъ нѣкто отъ благочестивыхъ обычай имѣяше отъ дѣтства, по вся дни, приходити въ церковь ко всякому пѣнію церковному, такожъ по отпѣтіи пріима-

ше дору (*просвиру*) и хлѣбъ пречистыя, по обычаю, отъ священника; тоже творяше дору и хлѣбъ Пречистыя по обычаю по отъяденіи обѣда; аще ли прилучится гдѣ священникъ, взимаетъ отъ него часть Пречистыя хлѣба. Званъ же бысть нѣкогда той благочестивый мужъ отъ нѣкіихъ знаемыхъ ему на пиръ, и яко же по обѣдѣ раздаваше священникъ Пречистыя хлѣбъ взятъ же и онъ благовѣрный мужъ часть Пречистыя хлѣба: и яко восхотѣ снѣсти, помяну нѣчто нечаянное сотворшееся ему въ дому, и того ради не яде хлѣба онаго, но связа въ платъ, хотя снѣсти заутра. Таже сѣлъ ясти и пити съ людми на пиру ономъ, и якоже бысть веселъ, поиде въ домъ свой; далече же бяше, и не дошедшу ему двора своего, розъялъ хмѣль его на пути и сонъ, и ляже на пусте мѣстѣ. Спяще же ему, людіе же бяху назираху его изъ домовъ своихъ, когда востанетъ; оному же спящу крѣпко. Случися же плату оному въ руцѣ его быти, въ немъ же хлѣбъ Пречистыя: приступиша къ нему псы діаволимъ новажденіемъ, ощутивше хлѣбъ той, и яко хотяху исторгнути отъ руки мужа онаго хлѣбъ онъ, и абіе паляше ихъ огнь, и многажды покусившеся псы приступити къ хлѣбу Пречистыя, огнь паляше ихъ. Видѣвше же мужи мѣста оного, притекше отгнаша псовъ, и мужа оного возбудиша отъ сна; онъ же повѣдаше всѣмъ сіе бывше чюдо. Они же слышавше удивишася велми, и повѣдоша архіепископу. Онъ же повелѣ поставити церковь пречистыя Богородицы честнаго ея Рождества, таже и монастырь составиша на томъ мѣстѣ, яже и донынѣ стоитъ божіею милостію и молитвами пречистыя его Богоматери; а на томъ мѣстѣ, идѣже огнь схождаше, поставиша св. трапезу, въ славу и честь св. Живоначальныя Троицы и пречистыя его Богоматери.

(III Нов. 218, подъ 1198 г.).

230. Стихъ о страшномъ судѣ.

«Охъ ты матушка, владычица,
Дѣва Марія Богородица!
Ты велишь намъ, матушка, въ рай взойти,
Намъ въ рай взойти, во царство небесное?»
Речетъ имъ матушка владычица
Своимъ громкимъ голосомъ:
—Подите вы, души праведныя,
Подите вы, души спасеныя!
У меня про васъ раствореный рай стоитъ,
Изготовлены про васъ ризы неизносимыя,
(Пища райская не тлѣнная);
Буде мало вамъ покажется,
Возложу я на васъ золотые вѣнцы;
(Буде мало вамъ покажется,
Свѣтлы ризы вамъ сошью
И со ангелами сошлю;
Буде мало вамъ покажется,
Золоты нарушни солью
И со ангелами сошлю);
Буде мало вамъ покажется,
Поставлю я вамъ въ раю престолъ;
Буде мало вамъ покажется,
Ужь я дамъ вамъ въ раю свою волю,
Ужь вы жили—были на вольномъ свѣтѣ,—
Вы охочи были ходить въ божіи церкви,
Вы охочи были Богу молитися,
Вы заутрени не просыпывали,
Обѣдни въ обѣдахъ не прообѣдывали,
Вы вечерни на улицахъ не проигрывали,
Вы на исповѣдь къ отцамъ духовнымъ хаживали,
Вы грѣховъ своихъ не утаивали,
Святыхъ таинъ вы пріимывали.»
Восплакнутъ же души грѣшнія:
—Охъ ты матушка, владычица,
Дѣва Марія, Богородица!
Не можно ли насъ простить грѣшныхъ?
«Отойдите отъ меня прочь, души грѣшныя,
Души грѣшныя, проклятыя,
Проклятыя, беззаконныя!
Ужь вы жили—были на вольномъ свѣтѣ,—
Вы не охочи были ходить въ божіи церкви (¹)
Вы воли господней не творили:
За хрестъ, за молитву не стояли,
Вы другъ друга не любили,
Отца съ матерью не почитали;
Спѣсивые были, гордые, немилостивые,
До нищихъ, до убогихъ не подоптливые;
Были у васъ судьи неправедные,—
Виноватаго—ставили правымъ его,
А праваго—ставили виноватымъ его,
Брали они съ васъ злато и серебро,
Больше того—чистаго земчуга,
Копили себѣ казну неисчислимую,
Клали казну во сыру землю;
Не имѣли вы ни середу, ни пятницу,
Ни св. трехдневнаго воскресенія,
Святыхъ годовыхъ честныхъ праздниковъ,
Вы постовъ, вы молитвъ не знавали,
Поповъ и дьяковъ ни вочто чли,
Земляныхъ поклоновъ не кладали;
Заблудящимъ дороги не показывали
И вы мертвыхъ во гробахъ не проваживали;
Колокольнаго звону вы не слыхали,
Пѣтья церковнаго вы не понимали,
Читанья господня не перенимали,
На божій престолъ свѣчей не приношивали;
Дьявольскія помышленія
Вы всегда помышляли;
Вы въ гусли во свирѣли играли,
Скакали, плясали,

(¹) Далѣе говорится тоже въ противоположность, что было сказано праведникамъ. За тѣмъ мы представляемъ пороки, за которые осуждалась душа въ адъ, по народнымъ понятіямъ, изъ другихъ варіантовъ. Почти всѣ они оказываются преступленіями противъ дѣлъ внѣшняго благочестія и милосердія.

Все ради его, ради дьявола! —
Прогоню я васъ, проклятыихъ,
За три горы за Сіонскія:
Тамъ огни горятъ негасимые;
Пропущу я васъ сквозь матушки сырой земли,
Засыплю я васъ матушкой—землей,
Закладу я васъ камнями горючими,
Завалю я васъ плитами желѣзными,
Чтобы крику и зыку отъ васъ не слышати.

(*Калѣки. 3,* *159—161*).

231. О муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи.

Бѣ убо в Роусийстей землѣ градъ, нарицаемый Муромъ, в немже бѣ самодержавствуяй благовѣрный князь, повѣдаху, именемъ Павелъ. Искони же ненавидяи добра роду человѣческому дияволъ и всели неприязнена летяща змѣя к женѣ князя того на блудъ. И являшеся ей яковъ же бѣяше естествомъ, приходящимъ же людямъ являшеся своими мечты, якоже князь сѣдяше с женою своею; тѣми же мечты мнози времяна преидоша; жена же сего не таяше, но повѣдаше князю своему вся приключившаяся ей; змий же неприязнивый осилѣ наднею Князь же мысляше что змиеви сотворити, но не доумѣяшеся; и рече женѣ своей: мыслю, жено и не доумѣюся что сотворити непріязни тому: смерть убо невѣмъ каку нанесу нань; аще глаголетъ къ тебѣ какова словеса, да воспросиши его лестию о семъ Вѣсть сей непріязненный духомъ своимъ отъ чего ему смерть хощетъ быти; аще ли то увѣси и намъ повѣдаеши, сама свободишися не токмо в нынѣщнемъ вѣце злаго дыхания, и сепения, і всего скаредия, его же смрадъ есть и глаголати, но и въ будущий вѣкъ не лицемѣрнаго судию Христа милостива себѣ сотвориши. Жена же, мужа своего глаголъ въ серцы си твердо приимши умысли во умѣ своемъ добро тако быти.....

Во единъ же отъ дни неприязнивому тому змію пришедшу к ней, она же добру память при сердцы имѣя, глаголъ с лестію прилагаетъ к неприязни тои глаголы многія і иныя речи и по сихъ почтеніемъ въспросивъ его хвали; рече: яко много вѣси и весе ли кончину си какова будетъ и отъ чего? Оный же непріязнивыи прелестникъ и прельщенъ добрымъ прельщеніемъ от вѣрныя жены, яко непыщева таину си, изрече к неи, глаголя: »смерть моя есть от Петрова плеча, от Агрикова же меча.« Жена же слышавъ такову речь, во сердцы твердо сохрани, и, по отшествіи непріязниваго того, поведа князю моужеви своему, якоже реклъ ей змій. Князь же, послышавъ, недооумѣяшеся, что есть смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча. Имѣяше же оу себѣ присна́го брата именемъ князя Петра; въ единъ же от дни призьва его к себѣ и нача повѣдати зміеви речи, якоже реклъ есть женѣ его. Князь же Петръ слышавъ от брата своего, якоже змія нарече тезоименитому исходатая смерти своеи, нача мыслити, недоумѣяся в моужестве, како оубити змія и веще бяше въ немъ мысль, яко невѣдаше Агрикова меча. Имѣяше обычаи ходити по церквамъ оуединяся, бе же вне града церковъ въ женьстемъ монастыри Воздвиженіе честнаго и животворящаго креста, и пріиде к неи единъ помолитися, явижеся емоу отроча, глаголя: княже, хощеши ли да покажу ти Агриковъ мечь. Онъ же хотя желаніе свое исполнити, рече: «да вижду где есть?» Рече же отроча: иди в слѣдъ мене,—и показа емоу во олтарьнои стѣнѣ, межю каменія, средами скважню въ ней же лежаше мечь. Благовѣрный же князь Петръ, веемъ мечь тои пріиде повѣда братоу своемоу, и от того дни искаша подобна времени да оубіетъ змія, по вся же дни ходя ко братоу своемоу и къ снохѣ своей на поклоненія. Приключися же ему пріити въ храмину к брату своему, и о том же часу шедъ къ сносе своеи во ину храмину, и видѣ оу неи брата своего сидяща, и, паки отшедъ отъ нея, въстрете отъ предстоящихъ нѣкоего братоу его и рече емоу: «изыдохъ оубо от брата своего къ сносѣ, братъ же мои оста въ своемъ храмѣ, мнѣ же некоснѣвшу никаможе, но воскорѣ пришедшоу въ храмину къ сносѣ моеи, не свѣмъ и чюжоуся, яко братъ мои напреди менѣ обретеся въ храминѣ оу снохи моея.» Той же человѣкъ рече емоу: никакоже, господи, по твоемъ отшествіи не изыде братъ твои ис своея храмины. — Он же разумѣвъ быти пронырьству лукаваго змія, пріиде къ братоу и рече емоу: »когда оубо сіимо пріиде; азъ бо от тебѣ исъ сея храмины изыдохъ, и негде ли ничесоже помедьливъ, пріидохъ к женѣ твоеи во храмину, и видѣхъ тя съ нею сидяща и чюдяхся како пред мене обрѣтеся; пріидохъ же паки сѣмо, нигдѣ же помедьливъ, ты же невѣмъ како предтече и на преди мене здѣ обрѣтеся.» Онъ же рече: никако же бѣхъ.—Князь же Петръ рече: »се есть, брате, пронырьство лукаваго змія, да тобою ми ся кажетъ, аще не быхъ хотелъ оубити его, яко непыцоуя своего брата тебѣ. Нынѣ оубо, брате, отсюду никакоже иди: азъ же тамо иду братися со зміемъ, да не ли же божіею помощію оубіенъ да будетъ лукавый змій.» И веемъ мечь, нарицаемый Агриковъ и пріиде въ храмину къ сносѣ своей, и видѣ змія зракомъ акы брата, симъ и твердо оуверивъся, яко нѣсть братъ его, но прелесныи зміи, і оудари его мечемъ, змій же явися яко бѣше естествомъ, и нача трепетати, и бысть мертвъ и окропи блаженьнаго князя Петра кровію своею. Онъ же от нѣпріязнивыя тоя крови і острупи і язьвы быша, и

пріиде нань болѣзнь тяжка зѣло; искаше въ своеи дерьжавѣ ото многихъ врачь исцеленіе, ні от единаго получи, и слышавъ же яко многи соуть врачевѣ въ пределехъ Резанскія земьли, повеле себе тамо повести; не бѣ бо самъ мощенъ на конѣ сидѣти от великія болѣзни, привезенъ же беше въ прѣделы резанскія земля и посла суньклитъ свой *(свиту свою)* възыскати врачевъ. Єдінъ же от предстоящихъ емоу юноша оуклонися въ вѣсь нарицающу *Ласково*, пріиде к некоемоу вратомъ, и не видѣ никогоже, и въниде въ домъ, и нѣ бѣ кобы его чтилъ, и вънидѣ въ храмину и зря виденіе чюдно; сидяше бо дѣвица, ткаше красна, предъ нею же скача заецъ, и глаголя дѣвица: »не лѣпо есть быти дому без оушію и храму без очію:« юноша же то не внятъ въ оумѣ глаголъ... рече к дѣвицы: гдѣ есть человѣкъ мужеска полу иже здѣ живетъ? онаже рече: »отецъ мой и мати моя поидоша въ заемъ плакати, братъ же мои идѣ чрезъ ноги въ нави зрѣти;« юноша же тои не разоумѣ глаголъ ея, дивляшеся зря, и слыша вѣщь подобну чюдеси, и глагола дѣвицы: вънидохъ къ тебѣ зря тя дѣлающу, и виде же заяцъ пред тобою скача и слышоу от оустну твою глаголы странны, никако сего не вѣмъ что глаголещи, и ні єдіного слово от тебѣ разоумѣхъ. Она же глагола емоу: »сего же ли не разоумѣеши? пріиде въ домъ мой сіи, въ храмину мою вниде, и видѣвъ мя сидящу въ простотѣ: аще бы былъ въ домоу наю песъ и чювъ тя къ дому приходяща, лаелъ бы на тя: се бо есть домоу оуши; аще бы было въ храминѣ моей отроча и видѣлъ тя ис храмины приходяща, сказала (о) бы ми: се бо есть храму очи; а еже сказахъ ти про отца и матерь и про брата, яко отецъ мой и мати моя идѣ въ заемъ плакати: пошли бо соуть на погрѣбаніе мертваго и тамо плачоутъ: егда же по нихъ смерть пріидетъ, то иніи по нихъ еучнуть плакати: се же есть замованный плачъ; про брата же ти глаголахъ: яко отецъ мои и братъ дрѣволѣзцы соуть, въ лѣсе бо медъ от древъ всякъ въземлютъ; братъ же мой нынѣ на таково дѣло иде, і якоже лѣсти на дрѣво въ высоту чрез ноги въ нави зрѣти, мысля абы не оурьватися с высоты; аще ли кто оурьвется, сеи живота гонзнетъ; сего ради рѣхъ, яко идѣ чрез ноги въ нави зрѣти«. Глагола же ей юноша: вижю тя дѣвицоу мудроу сущоу: повѣжь ми имя свое. Она же рече: »имя ми есть Февронія.« Той же юноша рече къ ней: азъ есми муромьскаго князя Петра служаи ему; князь же мой имѣя болѣзнь тяжкоу и язьву острупьлену, бо бывьшоу от крови летящаго змія, егоже есть оубилъ своими роуками, и во своемъ одерьжаніи искаше исцеленія ото много врачевъ, и ні от єдінаго получи; сего ради семо повелѣ себѣ привести, яко слыша здѣ многи врачевѣ, но мы не вѣмы камо имѣноуются, ни жилище ихъ вѣмы, да того ради въ про-

шаемъ от нею. Она же рече: »аще бы кто требовалъ князя твоего себѣ и моглъ бы оуврачевати.« Юноша же рече: что оубо глаголеши еже ктомоу требовати князя моего себѣ? аще кто оуврачюетъ и князь мои дастъ емоу имѣнія много; но скажі ми врача того, кто есть и камо есть живетъ? Она же рече: »да пріведеши князя моего сѣмо; аще будетъ мяхгосерьдь и смірепъ во отвѣтехъ, да боудетъ здравъ.« Юноша жь скоро возвратися ко князю своему и повѣда ему все порядоу, еже видѣ и еже слыша. Благовѣрный же князь Петръ рече: да везете мя, гдѣ есть дѣвица, и приведоша въ домъ той, в немъ же бѣ дѣвица. И посла к ней от отрокъ своихъ глаголя: повѣжь ми, дѣвице, кто есть хотя мя оуврачевати, да оуврачюютъ мя и возьметъ имѣнія много? Она не обинуяся рече же: »азъ есмь хотя изврачевати, но имѣнія не требоую от него пріяти, імамъ же отъ него слово таково: аще бо не имамъ быти соупруга емоу, не требе ми есть врачевати его.« Пришедъ человѣкъ тои и повѣда князю своему, яко же рече дѣвица. Князь же Петръ яко не брети словеси ея, и помысли: како князю соущу древоласца дщи пояти себѣ женоу и пославъ къ ней, рече: рцыте ей, что есть врачество ея, да врачюетъ. Аще ли уврачюетъ, имамъ пояти ю жену себѣ.— Пришедши же юноша, рѣша ей слово то. Она же, веземъ сосудъ малъ, почерпе киследи *(квасу)* своей и доуну на ня и рече: »да оучредятъ князю вашему баню и да помажутъ по телу своему, идѣ же есть струпы и язвы, и єдінъ строупъ да оставитъ не помазапъ: и боудетъ здравъ.« І принесоша къ нему таково помазаніе. И повелѣ оучредити баню, дѣвицу же хотя искоусити во отвѣтехъ, аще мудра есть, яко слыша глаголы ея от юноши своего, посла къ неи съ единымъ от слоугъ єдіно повѣсмо льноу, рече: яко сія дѣвица хощетъ ми соупруга быти мудрости ради; аще мудра есть, да веземъ льноу оучинитъ ми срачицу, и порты и полотеньцо в ту годину, и нюже в бане пребоуду. Слоуга же принесе къ неи льноу повѣсма и князь же слово сказа. Она же рече слоузе: »взыди на пѣщь нашу и снемъ з грядъ полѣньца, спѣси ми сѣмо.« Онъ же, послушавъ ея, снѣсе поленьца: она же отмѣривъ пядію и рече: »отсѣки се отъ поленьца сего;« онъ же отсѣкъ. Она же глагола: »возми оутинокъ полѣньца сего и шедъ дай же князю своемоу и от мене рьцы емоу: въ кія часъ се повѣсма азъ очешу, а князь твои да приготовитъ ми в сѣмъ оутиньцы станокъ и всѣ строеніе кымъ сочтется полотно.« Слоуга же принесе ко князю оутинокъ поленьца и речи дѣвичи сказа. Князь рече: шедъ, рцы дѣвицы, яко невозможьно есть въ таковѣ древьцы въ малѣ и в такову малу годиноу сицева строенія сотворити. Слоуга же, пришедши, сказа ея князю же речь; дѣвица же отрече князю: »а се ли воз-

можно есть человѣкоу мужеска полу возраста во єдіномъ повѣсмѣ лноу въ малу годину, въ нюже пребудетъ въ бани, сотворити срачницу и порты и оубрусецъ?« Слоуга отъиде и сказа князю. Князь же дивляся отвѣту ея. И по времени князь Петръ идѣ въ баню мытися и повелѣніемъ дѣвица помаза язьвы и строупы своя и единъ строупъ остави непомазанъ, по повѣленію дѣвицы. Изыде же изъ бани ничтоже болѣзьни чюяше; на утрія же оузрѣ и все тѣла здрава и гладка, развѣ єдіна, еже бѣ не помазанъ по повелѣнію дѣвинаго стручю, и дивьяшеся скорому исцѣленію; но не восьхоте поняті ю себѣ женою отчества ради. И посла к неи дары. Она же не пріятъ.

Князь же Петръ поеха въ вочину свою во градъ въ Моуромъ здравствуя. На немъ же бо єдінъ струпъ, еже бе не помазанъ повелѣніемъ дѣвичимъ, и от того строупа, начаша многи струпы расходитися на тѣло его от перваго дни, в нь же поеха во отчиноу свою, и бысть весь остроуплєнъ.

И пакы възвратися на готовое исцѣленіе къ дѣвицѣ; якоже приспѣ въ домъ ея і со студомъ посла къ неи прося врачеванія. Она же, ни мала гнѣва подеръжавъ, рече: »аще боудетъ ми супроужьникъ, да боудетъ оуврачеванъ;« онъ же с твердьостію слово дасть еи, яко имать пояти женоу себѣ. Сія же пакы, якоже и преже, тожъ врачеваніе дасть емоу, се же преже писахъ. Онъ же вскорѣ исцелѣнія получивъ, і поя женоу себѣ. Такою жъ виною бысть Февронія княинѣ. Пріидоша во отчиноу свою градъ Муромъ и живяста во всякомъ благочестіи, ничтоже от божія заповѣди оставльюще.

По малеже дни предреченьныи князь Павелъ отходитъ житія своего; благовѣрный же князь Петръ по брате своемъ єдінъ самодерьжавецъ бываетъ граду своему. Къняини же Февронія бояре же его не любяхоу женъ своихъ ради ея, і яко бысть княгини, отечества ради ея, Богоу прославльяющоу ю добраго ради житія ея. Никогда (нѣкогда) же бѣ нехто от предстоящихъ еи пріидѣ къ благотворному князю Петроу навадити на ню: яко от коегож... своего безчину исходитъ внегьда бо во... еи и взимаетъ въ рукоу свою крохти. Благовѣрный же князь Петръ, хотя ю искусити, повелѣ да обѣдаетъ с нимъ за єдінымъ столомъ. Яко оубо сконьчавьшоуся столоу, ова же яко обычаи имяше вземъ со стола в роуку свою крохи, и князь Петръ пріимъ ю за рукоу и развѣде и видѣ ладонъ добровоньной и фимьянъ, и от того дни оста ю ктому не иськоушати.

По мноземь же врѣмени пріидоша к нему сь яростію бояре рькуще: хощемъ, княже, вси праведно слоужити тебѣ и самодерьжавцомъ имѣти тебѣ, но княини Февроніи не хощемъ, да господьствуетъ женами нашими, а хощеши самодержавцемъ быти, да боудетъ ти иная княгиня, Февронія же возмѣтъ богатества довольно себѣ, и отидетъ, аможе хощетъ. Блаженный же князь Петръ, яко ему обычаи, ни о чесомъ ярости имѣя, смиреніемъ отвѣшая: яко же речете, и тогъда слышимъ. Они жи, невежства напольнивьшеся бесьтоудія, оумыслиша да оучредятъ пиръ. И сотвори имъ. Якоже быша весели, начаша простирати бестоудьныя своя глаголы аки пси лающа отемлюще оу святыя Божіи даръ, ея еже Богъ и по смерти неразлучна обещалъ есть, и глаголаху: Февронія! Весь градъ и бояре глаголютъ тобѣ: даждь его же мы просимъ оу тебѣ? И она рече: »да возмета его же просита.« Она же єдіными оусты рекоша: мы оубо, госпоже, вси князя Петра хощемъ, да самодерьжьствоуетъ надъ нами. А тебѣ жены наши не хотятъ яко господствуеши надъ нимі; веземъ богатество доволно себѣ, отидеши аможе хощеши.—Она же рече: »обещахся вамъ яко елико аще просите и прѣмета. Азъ же вамъ глаголю: дадіте мнѣ егоже аще азъ попрощу ваю.« Они же зли ради бывше и (не) свѣдоуще будоуща его, и глаголаше с клятвою: яко аще просиши единаго, бесъ прекословія веземши.—Она же рече: »иню прошу токмо соупруга моего кн зя Петра.« Они же рѣша: аще самъ восхощетъ, ни о томъ тебѣ глаголемъ. Врагъ бо напольни имъ мысли, яко аще не боудетъ князь Петръ, да поставимъ собѣ иного самодерьжьцемъ. Нѣкии же от бояръ во оумѣ своемъ держаше, яко самъ хощетъ самодерьжьцемъ быти.

Блаженный же князь Петръ не возлюби временнаго самодержьства, кромѣ божіихъ заповѣдеи, но по заповѣдемъ его шествоуя, дѣрьжася сихъ заповедѣи. яко богоглаголаньныя Матьфеи во своемъ благовѣстіи вѣщаетъ, рече бо: »яко аще пострижетъ (пуститъ) женоу свою развѣ словѣси прелюбодѣйнаго и ожениться иною, прелюбы творитъ;« сей же блаженьный князь по евангелію сотвори, да заповѣди божіи не разрушитъ. Они же злочестивіи бояре давше имъ соуды на реце; бѣ бяше под городомъ рѣка, глаголемая Ока; они же пловоуще по рекѣ в соудѣхъ, нѣкто же бѣ человѣкъ оу блаженныи княини Февроніи в соудне и жена его в томъ же соудне бысть; той же человѣкъ, оубо пріимъ помыслъ отъ лоукаваго бѣса, възрѣвъ на святую с помысломъ; она же разоумѣхъ злои его помыслъ, и вскорѣ обличи и рече ему: »почерпи воды из реки сея сію страноу судна сего.« Онъ же почерпе. И повелѣ ему испити: онъ же пивъ. И рече же паки она: »почерьпи оубо воды з другои страны соудна сего.« Онъ же почерьпе. И повелѣ ему паки испити. Онъ же пивъ. Она же рече: »равьна ли оубо си вода есть или єдіна сладши?« Онъ же рече: єдіна есть, госпожа, вода. Паки же она рече: »сице єдіно естество женское есть; ночью оубо свою женоу оставляя и чюжія мыслиши?« Той же человѣкъ оувидѣ, яко въ неи

есть прозрѣніе даръ, боѧся к тому тово помышленія.

Вѣчероу же бывшоу, начаша ставитися на березѣ, блаженный же князь Петръ яко помышьляти начатъ како боудетъ, понеже волею самодерьжаство гознуся. И прѣдивьна яже княиня Февронія глагола емоу: »не скоръби, княже, милостивъ Богъ творецъ и промысленикъ всему не оставитъ насъ въ нищетѣ быти«. На брѣзе же томъ блаженьномоу князю Петру на вечерю его ясть готовляхоу, и потомъ поворъ его дрѣвьце малы, на нихъ же котьлы итяхоу; по вѣчери же святая княгини Февронія ходящи по брѣгоу и видѣвьши дрѣвьца тыи, благослови рекше: »да боудутъ сіи на оу... дрѣва велицы имущи листвія«. И бысть такоже. Въставьши въ оутрѣ, обрѣтоша тыя дрѣвьца велико дрѣвіе, имоуще вѣтвіе и листвіе.

Якоже хотяхоу людіе ихъ роухлеть вмѣтати въ соуды со брѣга, пріидоша же иже вельможа отъ града Мурома, рекоуще: Господи княже! от всѣхъ вельможъ и от всего града пріидохъ к тебѣ: да не оставиши насъ сирыхъ, но возвратишися на свое отечествіе; многи. бо вельможи въ граде погибоша отъ меча, кижьдо ихъ хотя дерьжавствоти, сами изгубиша, а оставьшіи вси с народомъ молятъ, глаголюще: господи княже! аще прогънѣвахъ тя и раздражихъ ти, не хотящимъ княгини Февронія господствуетъ женами нашими, и нынѣ же со всѣми домы своими раби ваю есми, и хотимъ, и любимъ, и молимъ: да не оставите насъ, рабъ своихъ. Блаженный же князь Петръ и блаженьная княгиня Февронія възвратишась во градъ свои, и бяхоу дерьжавьствоущи въ граде томъ, ходяща во всѣхъ заповѣдехъ и оправданіихъ господнихъ бес порока, въ мольбахъ непрестаньныхъ, и молитвахъ, и въ милостыняхъ ко всѣмъ людемъ, под ихъ властію соущимъ, аки чадолюбивіи отецъ и мати имѣста ко всѣмъ любовь равьну имоуща, не любяста горьдости ни грабьленія, ни богатества тлѣньнаго щадяше, но въ Бога богатѣюще. Бѣсто бо своему граду истиньная пастыря, а не яко наемьника: градъ бо свои истиньною кротостію, а не яростію правяще, и странныя пріемьлюще, альчныя насыщающе, нагія одѣвающи, бѣдныя от напасти избавьляющи.

Егъда же приспѣ благочестно преставленію, і оумолиша Бога да во єдінъ часъ боудутъ преставьленіе ею (мхъ), и съвѣтъ сотвориша да боудуть положены оба въ єдіномъ гробѣ, и повелѣша оучредити собѣ во єдіномъ камени два гроба, едину токьмо преградоу имущи межоу собою. Сами же во єдіно время облекошася во мьнишескія ризы, и наречанъ бысту блаженный князь Петръ, во иноческомъ имо Давидъ, преподобная же Февронія наречена бысть во иноческомъ чиноу Евуфросинія.

В тоже время преподобная Февронія, нареченая Евуфросинія, въ храмъ пречистыя соборьныя церкви своима роукама шияше воздоухъ, на немъ же бѣ лики святыхъ, преподобный же и блаженьныи князь Петръ, нареченныи Давидъ, прославъ къ нем, глаголя: о сестро Евфросинія! хощу оуже отити от тѣла, но ждоу тобя, да купно отоидемъ. Она же рече: пожди, господине, да яко дошью воздухъ во святоую церковь. Онъ же въторицею послалъ къ нѣи, глаголя: оуже бо мало пожьдоу тебѣ. І яко же третицею глаголя, прославъ к неи: оуже бо хощу преставитися, не жьдоу тебѣ; она же останошьное дѣло възьдоуха святаго шияше, оужо бо єдінаго святаго ризъ еще не дошивъ, лище же нишивъ, и преста, и вотькне иглоу, и приверьте нитію, еюже шияше, и посла к блаженьномоу нареченномоу и Давидоу о прдставьленіи коупьнѣмъ; и помолимся предста въкоупѣ святая своя душа и руцѣ Божіи мѣсяца іюня въ 25 день.

По преставленіи еже ею, хотѣста людіе, яко да положенъ блаженьныи князь Петръ боудетъ внутри града оу соборныя церкви пречистыя Богородицы, Февронія же вьне града в женстемъ монастыри оу церкви Воздвиженія честнаго креста, рькоуще: яко в мьнишескомъ образѣ не оугодьно есть положити святыхъ въ єдіномъ гробѣ. Оучредиша имъ гробы особны и обложиша телеса ихъ вьне: святаго Петра, нареченнаго Давида, тѣла вложиша во особьныи гробъ, и поставиша вьноутрь града въ церкви пречистыя Богородицы даоутрія, святая же Февронія тѣло вложиша вьне града оу церкви Воздьвиженія честнаго креста; общій же гробъ, егоже сами повѣлеша истесати собѣ во єдиномъ камени, оста тощъ въ томъ же храмѣ пречистые соборьные церкви, иже вьноутрь града. На оутрія же воставша людіе, обрѣтоша гробы ихъ особныя тощи и въ ня же в нихъ вложистася, святая же тѣлеса ихъ обрѣтоста вьноутрь града въ соборныя церкви пречистыя Богородицы во єдіномъ гробѣ, егоже сами себѣ повелѣша сотворити. Людіе же неразумьніи, якоже въ животѣ о нихъ мятущася, тако и по честномъ ею преставленіи, паки разьнесоша; и паки же обрѣтоша на оутріи святіи во єдіномъ гробѣ; и къ тому не смѣяху прикоснутися святыхъ ихъ телесемъ, и положиша во єдіномъ гробѣ, въ немъ же сами повелѣста, оу соборьныя церкви Рожества пречистыя Богородица вьноутрь града, еже есть далъ Богъ на просвѣщеніе и на спасеніе граду томоу; иже бо с вѣрою прирыщущихъ к мощемъ ихъ неоскудьно исцѣленіе пріемьлютъ.

(Памят. Стар. рус. литер. I, 30—34).

232. Василиса Микулишна.

У князя было у Владиміра
У кіевскаго солнышка Сеславича
Было пированьице почестное...
Въ полсыта бояре наѣдалися,
Въ полпьяна бояре напивалися:
Промежъ себя бояре похвалялися:
Сильнай-тъ хвалится силою,
Богатый хвалится богатствомъ;
Купцы-тѣ хвалятся товарами,
Товарами хвалятся заморскими;
Бояре-та хвалятся помѣстьями,
Они хвалятся вотчинами.
Одинъ только не хвалится Данила Денисьевичъ.
Тутъ возговоритъ самъ Володиміръ князь:
»Охъ ты гой еси Данилушка Денисьевичъ!
Еще что ты у меня ничѣмъ не хвалишься?
Али не чѣмъ тебѣ похватися?
Али нѣтъ у тебя золотой казны?
Али нѣту у тебя молодой жены?
Али нѣту у тебя платья свѣтного?«
Отвѣтъ держитъ Данила Денисьевичъ:
»Ужь ты батюшка нашъ, Володиміръ князь!
Есть у меня золота казна,
Еще есть у меня и молода жена,
Еще есть у меня и платье свѣтное;
Нешто такъ я это призадумался.«
Тутъ пошелъ Данила съ широка двора.
Тутъ возговорилъ Володиміръ князь:
»Охъ вы гой есте, мои князья—бояра!
Ужъ вы всѣ у меня переженены,
Только я одинъ холостъ хожу;
Вы ищите мнѣ невѣстушку хорошую,
Вы хорошую и пригожую,
Чтобъ лицемъ красна и умомъ сверстна,
Чтобъ умѣла русскую грамоту
И четью-пѣтью церковному,
Чтобы было кого назвать вамъ матушкой,
Величать бы государыней.«
Изъ за лѣвой было изъ за сторонушки
Тутъ возговоритъ Мишатычка Путятинъ сынъ:
»Много я ѣзжалъ по инымъ землямъ,
»Много видалъ я королевишенъ...
Не нахаживалъ я такой красавицы,
Не видывалъ я эдакой пригожицы,—
У того ли у Данилы у Денисьича,
Еще та ли Василиса Никулишна;
И лицомъ она красна и умомъ сверстна, и т. д.
Еще было бы кого назвать намъ матушкой,
Ввеличать намъ государыней.«
Это слово больно князю не показалося,
Володиміру словечко не полюбилося:
»Еще гдѣ это видано, гдѣ слыхано
Отъ живаго мужа жену отнять.«
Приказалъ Мишатычку казнить вѣшати.
А Мишатычка Путятинъ переметливъ былъ,
На иную сторонушку перекинулся:
»Ужь ты батюшка Володиміръ князь!
Погоди меня скоро казнить вѣшати,
Прикажи, государь, слово молвити.«
Приказалъ ему Володиміръ слово молвити:
»Мы Данилушку пошлемъ во чисто поле.
Во тѣ ли луга леванидовы,
Мы ко ключику пошлемъ ко гремичему,
Велимъ пымать птичку бѣлогорлицу,
Принести ее къ обѣду княженецкому,
Что еще убить ему льва лютаго,
Принести его къ обѣду княженецкому«.
Это слово князю больно показалося,
Володиміру словечко полюбилося.
Тутъ возговоритъ старой казакъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ:
»Ужь ты батюшка Володиміръ князь!
Изведешь ты яснаго сокола:
Не поймать тебѣ бѣлой лебеди«.
Это слово князю не показалося,
Посадилъ Илью Муромца во погребъ.
Садился самъ во золотъ стулъ,
Онъ писалъ ярлыки скорописные,
Посылалъ ихъ съ Мишатычкой въ Черниговъ градъ.

Мишата ѣдетъ въ Черниговъ прямо ко двору Данилину, и безъ доклада входитъ въ палату. Василиса Микулишна называетъ его за это невѣжей; онъ отвѣчаетъ, что присланъ не по своей волѣ, кладетъ на столъ ярлыки Владиміровы. Василиса читаетъ ярлыки и заливается слезами, догадываясь, что Владиміръ посылаетъ Данилу въ луга леванидовы съ цѣлію погубить его. Она надѣваетъ молодецкое платье, и ѣдетъ верхомъ отыскивать мужа: »Не долго намъ съ тобой видѣться, поѣдемъ домой«. Данила ничего не подозрѣвая, хочетъ еще поохотиться и посылаетъ ее за небольшимъ колчаномъ каленыхъ стрѣлъ. Василиса привозитъ ему большой колчанъ; онъ сердится за ослушаніе, но она говоритъ ему: »лишняя стрѣлочка тобѣ пригодится«.

Поѣхалъ Данила во луга леванидовы
И къ колодезю пріѣхалъ ко студеному.
Не были снѣги забѣлѣлися,
Не черныя грязи зачернелися:
Забѣлѣлася, зачернѣлася сила русская
На того ли на Данилу на Денисьича.
Тутъ заплакалъ Данила горючьми слезми,
Возговоритъ онъ таково слово:
»Знать, гораздо я князю сталъ ненадобенъ,
Знать, Володиміру не слуга я былъ!«—
Беретъ Данила саблю боевую,
Прирубилъ Денисьичъ силу русскую,
Погодя того времячко манешенько
Не два слона въ чистомъ полѣ слонятся,
Не два сыры дуба шатаются:
Слонятся, шатаются два богатыря
На того ли на Данилу на Денисьевича,
Его родной братъ Никита Денисьевичъ,
И названой братъ Добрыня Никитовичъ.
Тутъ заплакалъ Данила горючьми слезми:
»Ужъ и вправду, знать, на меня Господь прогнѣвался,
Володиміръ князь на удалого осердился!—
Еще гдѣ это слыхано, гдѣ видано,—
Братъ на брата со боемъ идетъ«,

Братъ Данила свое востро-копье,
Тупымъ концомъ втыкатъ въ сыру землю,
А на вострый конецъ самъ упалъ.
Споролъ себѣ Данила груди бѣлыя,
Покрылъ себѣ Денисьичъ очи ясныя.
Подъѣзжали къ нему богатыря,
Заплакали объ немъ горючьими слезьми!
Поплакавши, назадъ воротилися,
Сказали князю Володиміру: «не стало Данилы
Что того ли удалого Денисьича.»
Тутъ собираетъ Володиміръ поѣздъ-отъ,
Поѣхали ко городу Чернигову,
Пріѣхали ко двору Данилину;
Восходятъ во теремъ Василисинъ-отъ,
Цѣловалъ ее Володиміръ во сахарныя уста,
Возговоритъ Василина Микулишна:
«Ужъ ты батюшка Володиміръ князь!
Не цѣлуй меня во уста во кровавы,
Безъ мово друга Данилы Денисьича.»
Тутъ возговоритъ Владиміръ князь:
«Охъ ты гой еси Василиса Микулишна!
Наряжайся ты въ платье свѣтлое,
Въ платье свѣтлое, подвѣнешное».—
Наряжалась она въ платье свѣтлое,
Взяла съ собой булатный ножъ.
Поѣхали го городу ко Кіеву.
Поверсталися супротивъ луговъ Леванидовыхъ.
Тутъ возговоритъ Василиса Никулишна:
«Ужъ ты батюшка Володиміръ князь!
Пусти меня проститься съ милымъ дружкомъ,
Со тѣмъ ли Данилой Денисьичемъ»
Посылалъ онъ съ ней двухъ богатырей.
Подходила Василиса ко милу дружку,
Поклонилась она Данилѣ Денисьичу;
Возговоритъ она двумъ богатырямъ:
«Вы подите скажите князю Володиміру,
Чтобы не далъ намъ валяться по чисту полю,
По чисту полю, со милымъ дружкомъ,
Со тѣмъ ли Данилой Денисьичемъ.»
Беретъ Василиса свой булатный ножъ,
Спорола себѣ Василисушка груди бѣлыя,
Покрыла себѣ Василиса очи ясныя.
Заплакали по ней два богатыря,
Пошли они ко князю Володиміру:
«Ужъ ты, батюшка, Володиміръ князь!
Не стало нашей матушки Василисы Никулишны,
Передъ смертью она намъ промолвила:
Вы подите скажите князю Володиміру,
Чтобы не далъ намъ валяться по чисту полю,
По чисту полю со милымъ дружкомъ,
Со тѣмъ ли Данилой Денисьичемъ».
Пріѣхалъ Володиміръ во Кіевъ градъ,
Выпущалъ Илью Муромца изъ погреба,
Цѣловалъ его во головку во темячко:
«Правду сказалъ ты, старой казакъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ!»
Жаловалъ его шубой соболиною,
А Мишаткѣ жаловалъ смолы котелъ.

(*Пѣсни Кирѣевск. 5, 32—38*)

Подобное содержаніе имѣетъ былина «Ставръ

Годиновичъ», въ которой жена Ставра нарядилась *грознымъ посломъ* изъ Орды, чтобы выручить мужа изъ глубокихъ погребовъ, куда засадилъ его Владиміръ князь. Пришелъ посолъ во гридни во свѣтлыя, а княгиня отзываетъ Владиміра и тихонько шепчетъ ему:

«Ни о чемъ ты, Осударь, не печалуйся,
А не быть тому грозному послу Василью Ивановичу,
Быть Ставровой молодой женѣ Василисѣ Микулишнѣ;
Знаю я примѣты всѣ по женскому:
Она по двору идетъ, буто уточка,
А по горенкѣ частенько переступываетъ,
А на лавицу садится, коленца жметъ,
А и ручки бѣлы, пальчики тоненьки,
Дужіе изъ перстовъ не вышли всѣ.»
А и тутъ Владиміръ стольной кіевскій
Ну же онъ посла сталъ потчивати:
Всяко вино по таковкамъ пьютъ—
Ужъ тутъ ли посолъ напивается,
А Владиміръ князь сталъ провѣдовати:
«Коли посолъ буде женщина,
Не станетъ-де онъ боротися
Со моими богатыри могучами» ...
Выводилъ тутъ князь семъ борцовъ,
И того *Василей* не пятится,
Вышелъ на дворъ боротися...
Первому борцу изъ плеча руку выдернетъ,
А другому борцу ноги выломитъ,
Третьева *хватила* поперекъ хребта,
Ушибла его середи двора.
А плюнулъ князь, да и прочь пошелъ.
«Глупая княгиня, неразумная!
У те волосы долги, да умъ коротокъ:
Называешь ты богатыря женщиной,—
Такова посла у насъ еще не было.»

Поднялся споръ между Владиміромъ и его женой: князь заставилъ мнимаго посла изъ лука стрѣлять; Василиса беретъ свой лукъ, который неслп 10 человѣкъ, и для потѣхи махнула стрѣлой въ кряковистый дубъ, изломала его въ черенья ножовые; богатыри стали всѣ словно угорѣлые. Владиміръ плюнулъ и сталъ испытывать посла игрой въ шахматы *золотыми тавлеями*,—и три раза проигралъ:

Шахъ да и матъ, да и подъ доску.

Тутъ посолъ спросилъ дани и выходы въ орду за 12 лѣтъ; князь говоритъ, что только и возьметъ онъ его *головой* съ супругою. Посолъ спросилъ веселыхъ молодцевъ, и привели Сатвра:

Сыгрышъ сыгралъ онъ Царяграда,
Танцы навелъ ерусалимскіе,
Величалъ князя со княгинею,
Сверхъ того игралъ еврейскій стихъ.

Посолъ задремалъ, отказался отъ даней и выходовъ и выпросилъ себѣ веселаго молодца Ставра Годиновича. У Днѣпра посолъ перерядился въ женское

платье и тутъ Сатиръ узналъ свою жену и уѣхалъ съ ней въ землю дальнюю. *(Сборн. древн. стихотв. Кирши Данилова. 123—134).*

См. еще былину о Настасьѣ Королевичнѣ и Дунаѣ. Пѣсни Кирѣевс. в. 3, 58—69.

233. Добрыня Никитичъ.

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ
У славнаго сударь князя у Владиміра
Три года Добрынюшка стольничалъ,
Три года Никитичь приворотничалъ,
Онъ стольничалъ, чашничалъ 9 лѣтъ,
На десятый годъ погулять захотѣлъ
По стольному городу по Кіеву.
Вазвши Добрынюшка тугой лукъ,
А и колчанъ себѣ каленыхъ стрѣлъ,
Идетъ онъ по широкимъ по улицамъ,
По частымъ мелкимъ переулочкамъ
По горницамъ стрѣляетъ воробушковъ,
По повалушкамъ (¹) стрѣляетъ онъ сизыхъ
голубей,
Зайдетъ въ улицу Игнатьевску
И во тотъ переулокъ Маринииъ,
Вглянетъ ко Маринѣ на широкій дворъ,
На ея ли высоки терема;
А у молодой Марины Игнатьевны,
У ея на хорошемъ высокомъ терему
Сидятъ тутъ два сизые голубя
Надъ тѣмъ окошкомъ касящатымъ;
Цѣлуются они, милуются
Желты носами обнимаются;
Тутъ Добрынѣ за бѣду стало,
Будто надъ нимъ насмѣхаются!
Стрѣляетъ онъ въ сизыхъ голубей,—
А спѣла вѣдь тетивка у туга лука,
Звыла да пошла калена стрѣла,
По грѣхамъ надъ Добрынею учинилося:
Левая нога его поскользнулася,
Правая рука удрогнула,
Не попалъ онъ въ сизыхъ голубей,
Что попалъ онъ въ окошечко косящатое,
Проломилъ онъ оконницу стекольчатую,
Ошибъ всѣ причалины серебряныя (²),
Разшибъ онъ зеркало стекольчатое;
Бѣлодубовы столы пошаталися,
Что питья медвяныя восплеснулися,
А втапоры Маринѣ безвременье было,
Умывалася Марина, снаряжалася
И бросалася на свой широкій дворъ:

(¹) Горница, устроенная вверху жилья.
(²) *Причалины* — все, что служить оправой стекла: рама, петли, задвижка и т. под.

»А кто это невѣжа въ окошко стрѣляетъ?
Проломилъ оконницу мою стекольчатую,
Ошибъ всѣ причалины серебряныя,
Разшибъ зеркало стекольчатое?«
И въ тѣ поры Маринѣ за бѣду стало,
Брала она слѣды горячіе молодецкіе,
Набирала Марина беремя дровъ,
А беремя дровъ бѣлодубовыхъ,
Клала дрова въ печку муровленую
Со тѣми слѣды горючими,
Разжигаетъ дрова палящатымъ огнемъ,
И сама она дровамъ приговориваетъ:
»Сколь жарко дрова разгораются
Съ тѣми слѣды молодецкими,
Разгоралось бы сердце молодецкое
Какъ у молода Добрыни Никитьевича!«
А и божье крѣпко, вражье-то лѣпко;
Взяло Дубрыню пуще остраго ножа
По его по сердцу богатырскому;
Онъ съ вечера Добрыня хлѣба не ѣстъ,
Со полуночи Никитичу не уснется,
Онъ бѣлаго свѣту дожидается.
По его ли щаски великія (¹)
Рано зазвонили къ заутренямъ;
Встаетъ Добрыня ранешенько,
Подпоясалъ себѣ сабельку острую,
Пошелъ Добрыня къ заутрени.
Прошелъ онъ церковь соборную,
Зайдетъ ко Маринѣ на широкій дворъ,
У высокаго терема послушаетъ,
А у молодой Марины вечеринка была,
А и собраны были тутъ подружечки красны дѣвицы,
Сидятъ и молоденьки молодушки,
Всѣ были дочери отецкія,
Всѣ тутъ были жены молодецкія.
Вошелъ онъ Добрыня во высокъ теремъ;
Которыя дѣвицы *пригovариваютъ* (²)
Одна Марина отказываетъ и прибраниваетъ;
Втапоры добрыня ни во что положилъ
И къ нимъ бы Добрыня въ теремъ не пошелъ;
А стала его Марина въ окошко бранить,
Въ окошко бранить ему больно пенять...
Завидѣлъ добрыня змѣя Горынчата,
Тутъ ему за бѣду стало,
За великую досаду показалося,—
Сбѣжалъ на крылечко на красное,
А двери у терема желѣзныя,—
Заперлася Марина Игнатьевна,—
А молодой Добрыня Никитьевичь
Ухватилъ бревно въ охватъ толщины,
А ударилъ онъ во двери желѣзныя,
Недоладомъ (³) изъ пяты онъ вышибъ вонъ,
И сбѣжалъ онъ на сѣни косящаты:
Бросилась Марина Игнатьевна
Бранить Добрыню Никитича:
»Деревенщина ты, дѣтина, засельщина!

(¹) На его великое счастье.
(²) Т. е. чтобы Добрыня остался въ ихъ компаніи.
(³) Неладно, неловко.

Вчерасъ ты, Добрыня, водворъ заходилъ,
Проломилъ мою конницу стекольчатую,
Ты разшибъ у меня зеркало стекольчатое».
А бросился змѣища Горынчища,
Чуть его Добрыню огнемъ не спалилъ,
А и чуть молодца хоботомъ не ушибъ,
А и самъ тутъ змѣй почалъ бранити его...
(*За то, что онъ разбилъ стекло и зеркало.*)
Ему туто-тко Добрынѣ за бѣду стало
И за великую досаду показалося;
Вынималъ онъ саблю острую,
Воздымалъ выше буйны головы своей;
«А и хощешь ли тебя, змѣя, изрублю я
Во мелкія части пирожныя,
Разбросаю далече по чисту полю?»
А и тутъ змѣй Горыничь, хвостъ поджавъ,
Да и вонъ побѣжалъ.
Бѣгучи онъ змѣй заклинается;
«Не дай Богъ бывать ко Маринѣ въ домъ,
Есть у нея не одинъ я другъ,
Есть лучше меня и повѣливѣе (¹)!»
А молода Марина Игнатьевна
Она высунулась по поясъ въ окно,
А сама она змѣя уговариваетъ.
«Воротись, милъ надежа, воротись другъ!
Хошь,—я Добрыню оберну клячею водовозною;
Станетъ-де Добрыня на меня и на тебя возить?
А еще хошь, — я Добрыню оберну гнѣдымъ туромъ?»
Обернула его, Добрыню, гнѣдымъ туромъ,
Пустила его даже во чисто поле,
А гдѣ то ходятъ 9 туровъ,
А 9 туровъ, девять братанниковъ,
Что Добрыня имъ будетъ десятый туръ,
Всѣмъ атаманъ—золотые рога.
Безвѣстно не стало богатыря
Молода Добрыни Никитича
Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ.
А много-де прошло поры, много времени,
А и не было Добрыни 6 мѣсяцевъ,
По нашему-то по сибирскому словетъ полгода.
У великаго князя вечеринка была,
А сидѣли на пиру честныя вдовы,
И сидѣла тутъ Добрынина матушка,
Честна вдова Аѳимья Александровна,
А другая вдова молода Анна Ивановна.
Что Добрынина матушка крестовая.
Промежу собою разговоры говорятъ,
Всѣ были рѣчи прохладныя.
Не отколь взялась тутъ Марина Игнатьевна,
Водилася съ дитятами княженецкими,
Она больно Марина упивалася,
Голова на плечахъ не держится,
Она больно Марина похваляется:
«Гой еси вы, княжны, боярыни!
Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ
А и нѣтъ меня хитрѣя, мудрѣя,

(¹) Разумѣется, здѣсь змѣй говоритъ съ ироніей о Добрынѣ.

А и я-де обернула 9 молодцовъ,
Сильныхъ могучихъ богатырей гнѣдыми турами;
А и нынѣ я-де отпустила десятаго—
Молодца Добрыню Никитьевича,—
Онъ всѣмъ атаманъ-золотые рога.»
За то-то слово изымается
Добрынина матушка родимая,
Честна вдова Аѳимья Александровна,
Наливала она чару зеленаго вина,
Подносила своей любимой кумушкѣ,
А сама она за чарою заплакала:
«Гой еси ты, любимая кумушка,
Молода Анна Ивановна!
А и выпей чару зелена вина,
Поминай ты любимаго крестника,
А и молода Добрыню Никитьевича;
Извела его Марина Игнатьевна,
А и нынѣ на пиру похваляется.»
Проговоритъ Анна Ивановна:
«Я-де сама эти рѣчи слышала,
А слышала рѣчи ея похваленныя.»
А и молода Анна Ивановна
Выпила чару зелена вина,
А Марину она по щекѣ ударила,
Сшибла она съ рѣзвыхъ ногъ,
А и топчетъ ее...
Сама она Марину больно бранитъ.
А и женское дѣло прелестивое:
Прелестивое перепадчивое:
Обернулась Марина Косаточкой,
Полетѣла далече во чисто поле,
А гдѣ ходятъ девять туровъ,
Добрыня-то ходитъ десятый туръ.
А сѣла она на Добрыню, на правой рогъ,
Сама она Добрыню уговариваетъ:
«Нагулялся ты, Добрыня, во чистомъ полѣ,
Тебѣ чистое поле наскучило
И зыбучія болота напрокучили:
А и хошь-ли, Добрыня, женитися?
Возьметъ-ли, Никитичь, меня за себя?»
—А право возьму, ей Богу возьму!
А и дамъ те Марина поученьице,
Какъ мужья женъ своихъ учатъ.—
Тому она Марина повѣрила,
Обернула его добрымъ молодцомъ,
По старому по прежнему,
Какъ бы сильнымъ могучимъ богатыремъ;
Сама она обернулася дѣвицею:
Они въ чистомъ полѣ женилися,
Кругъ ракитова куста вѣнчалися.
Пошелъ онъ ко граду ко Кіеву,
А идетъ за нимъ Марина .....
Пришли они ко Маринѣ на высокъ теремъ,
Говоритъ Добрынюшка Никитичь младъ:
«А и гой еси ты, моя молодая жена,
Молода Марина Игнатьевна!
У тебя въ высокихъ хорошихъ теремахъ
Нѣту Спасова образа,
Некому у тя помолитися,
Не зачто стѣнамъ поклонитися;
А и чай моя острая сабля заржавѣла?»
А и сталъ Добрыня жену свою учить,

Онъ молоду Марину Игнатьевну,
Еретицу и безбожницу;
Онъ первое ученье—ей руку отсѣкъ,
Самъ приговариваетъ:
»Эта рука мнѣ ненадобна,—
Трепала она, рука, змѣя Горынчища«.
А второе ученье—ноги отсѣкъ,
А третье ученье—губы ей отрѣзалъ и съ посомъ прочь;
»А эти—де губы мнѣ не надобны:
Цѣловали они змѣя Горынчища«.
Четвертое ученье—голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:
»А и эта голова не надобна мнѣ,
И этотъ языкъ ненадобенъ,—
Зналъ онъ дѣла еретическія«.

(*Древн. рос. стих. 61—71*).

Въ нашей народной словесности женщина стоитъ значительно высоко. Это доказывается прежде всего тѣмъ уваженіемъ къ матери (и вообще къ родителямъ, но къ матери особенно), о которомъ не разъ было говорено. Высокій идеалъ жены видѣнъ въ Василисѣ Микулишнѣ. Если же совсѣмъ не то Апраксѣевна, жена Владиміра, и жена Михаила Потыка— то ихъ невѣрность мужу имѣетъ основу миѳическую Изъ Византіи къ намъ перешла не одна книга, въ которой женщина является съ самой дурной стороны: такова она въ апокрифахъ о Давидѣ и Соломонѣ, а эти апокрифы, по занимательности содержанія своего, до такой степени распространились у насъ, что вліяніемъ ихъ осквернилась чистота нашей народной словесности: у насъ явились, какъ было замѣчено, былины о Соломонѣ и о его невѣрной женѣ. Не менѣе содѣйствовали перемѣнѣ народныхъ воззрѣній на женщину и нѣкоторыя, распространившіяся у насъ, поученія. Въ старинныхъ сборникахъ нашихъ не рѣдко попадается „слово о злыхъ женахъ" Іоанна Златоуста. Этотъ великій отецъ древней церкви имѣлъ полное основаніе нападать на женщинъ, живя среди народа вполнѣ испорченнаго, наслѣдовавшаго всю мерзость нравовъ кесарскаго Рима. Точно такое же основаніе имѣлъ онъ нападать на языческій характеръ театральныхъ представленій, доходившихъ до послѣднихъ предѣловъ безнравственности. Между тѣмъ все сказанное Златоустомъ противъ театральныхъ представленій его времени и противъ женщинъ его времени, впослѣдствіи принималось за порицаніе театра вообще, и женщинъ въ особенности. Надѣляя насъ всякаго рода поученіями, Византія не задумалась сообщить намъ и слово Златоуста о злыхъ женахъ, не подумавъ о томъ, что оно было какъ нельзя кстати въ странѣ нравственно-гніющей, но ни мало не шло къ здоровымъ нравамъ молодаго нашего народа. То, что въ Византіи могло способствовать искорененію зла, у насъ только знакомило съ нимъ. Заточникъ, начитавшись всего, въ особенности „Пчелы", набрался изъ нея и нападокъ на женщинъ (въ „Пчелѣ" попадаются поученіе „о злыхъ женахъ"): можетъ быть они особенно понравились ему, потому что онъ, какъ надобно полагать, дѣйствительно имѣлъ причину жаловаться на женщинъ. Впрочемъ Даніилъ, особенно распространяясь о злыхъ женахъ, говоритъ еще нѣсколько словъ и о хорошихъ. Впослѣдствіи времени въ нашихъ благочестивыхъ книгахъ ограничивались одними злыми женами, только и знали, что предостерегали отъ нихъ мужчинъ. Не смотря на эти предостереженія, люди, конечно, женились, но смотрѣли на жену, какъ на что то враждебное; боясь поддаться женѣ, угнетали ее и презрительно съ ней обращались. Такимъ образомъ, по милости переходившихъ къ намъ поученій, все болѣе и болѣе нарушалась святость и тишина супружеской жизни. Съ униженьемъ жены не могло не унизиться и значеніе матери. Благочестивый отецъ считалъ долгомъ передать своему юному сыну, что женщина есть „мірской мятежъ, ослѣпленіе уму, начальница всякой злобѣ, во церкви бѣсовская мытшица, поборница грѣху, засада спасенію." Выслушивая и перечитывая все это, а вмѣстѣ съ тѣмъ видя на каждомъ шагу презрительное обращеніе отца съ матерью, и сынъ могъ легко потерять—по крайней мѣрѣ большую часть прежняго уваженья. И счастье опять, что, какъ холопскіе взгляды, такъ и эта, въ равной степени противная нашей народности, отрава семейныхъ понятій, разлилась преимущественно по верхнему, книжному слою народа, тогда какъ въ массѣ уцѣлѣла священная поэзія старины, а съ нею и прежнее уваженіе къ государынѣ матушкѣ. Между тѣмъ какъ книжники увѣрялись въ томъ, будто бы все, что есть или было злаго на свѣтѣ, происходитъ отъ женщины, что ради ея не только Адамъ былъ изгнанъ изъ рая, но и прекрасный Іосифъ заточенъ въ темницу, и пророкъ Даніилъ въ ровъ ко львамъ.—Между тѣмъ какъ они указывали только на эти ветхозавѣтные примѣры женщинъ, народъ, къ счастію, имѣя возможность слышать въ храмахъ на языкѣ понятномъ высоко человѣческое, новозавѣтное слово, слышать его, какъ оно есть, безъ всякихъ растолковывающихъ привѣсокъ, съ любовію остановился на новозавѣтномъ идеалѣ женщины Богородицы, понялъ въ ней болѣе всего мать и сталъ воспѣвать ее вмѣстѣ съ почтительнымъ ея сыномъ Христомъ. И такъ противодѣйстіе византійскому вліянію проявлялось, но только въ устной словесности, а не тамъ, откуда извергалось на Русь это во многихъ отношеніяхъ развращающее вліяніе,— не въ литературѣ, хотя

вносльдствіи, мы увидимъ и въ ней слабые проблески такого противодъйствія. Западу въ этомъ отношеніи надо отдать преимущество: и тамъ со стороны благочестивой литературы были попользновенія внушить страхъ и презрѣніе къ женщинѣ, но народный духъ умѣлъ явно и побѣдоносно противодъйствовать этимъ попользновеніямъ; на Западѣ не только много писалось въ защиту женщины, но и развилось рыцарство, по крайней мѣрѣ на половину служившее ей. (Опытъ историч. обозр. Рус. Словес. О. Миллера 384—386).

Памятн. старин. воспитанія. Лавровскаго. Чт. общ 1861. 3, III.

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

234. Характеръ Балтійскихъ Славянъ.

Всегда бываетъ особенно трудно обрисовать общими чертами характеръ того безчисленнаго множества лицъ, имѣющихъ всякое свою особенность, изъ коего составляется народъ; но еще труднѣе становится опредѣлить характеръ народа угасшаго, когда онъ себя не высказалъ въ памятникахъ мысли и слова, и когда все, что о немъ извѣстно, хранится въ скудныхъ показаніяхъ его же враговъ и губителей. А по такимъ только показаніямъ мы судимъ о Балтійскихъ Славянахъ. По нимъ, съ трудомъ только и отрывочно, можно составить себѣ кое-какую картину ихъ народнаго характера, и то болѣе его наружныхъ свойствъ, нежели внутренней сущности.

Зная о враждебномъ положеніи Балтійскихъ Славянъ между сосѣдними народами, мы заключаемъ, что главною чертою въ ихъ характерѣ была воинственность. Дѣйствительно, всѣ писавшіе объ нихъ иностранцы представляютъ ихъ народомъ самымъ воинственнымъ и храбрымъ, не рѣдко изображая ихъ свирѣпыми и лютыми. Въ этомъ отношеніи всѣ, и свои, и чужіе, отдавали почетъ и преимущество Лютичамъ (Велетамъ). Всѣ Балтійскіе Славяне признавали ихъ между собою сильнѣйшимъ племенемъ; своимъ мужествомъ они были извѣстны Чехамъ и Полякамъ; въ IX в. Эйнградъ пишетъ: »на южномъ берегу Балтійскаго моря живутъ Славяне и Эсты (т. е. Прусы и Литва) и разные другіе народы, и между ними первое мѣсто принадлежитъ Велетамъ.« Постоянно называютъ ихъ нѣмецкіе лѣтописцы храбрыми, жестокими, лютыми; слава ихъ носилась въ далекихъ странахъ. Въ XI в. Англичанинъ упоминаетъ объ нихъ, какъ о народѣ самомъ воинственномъ на сушѣ и на морѣ, а Италіянецъ говоритъ, что они изо всѣхъ народовъ Германіи самый жестокій, »свирѣпѣе всякой свирѣпости.« И долго послѣ ихъ истребленія, преданіе о Лютичахъ, какъ о народѣ свирѣпѣйшемъ и о

злыхъ людоѣдахъ, жило въ нѣмецкихъ сказкахъ и пугало воображеніе народа.

Другіе Балтійскіе Славяне, впрочемъ немногимъ, кажется, уступали Лютичамъ въ воинской доблести, какъ и въ жестокости. Земля Вагорская, по свидѣтельству Гельмольда, была встарину населена народомъ храбрѣйшимъ, воспитаннымъ въ борьбѣ съ Саксами и Датчанами. Бодричи въ своемъ четырехвѣковомъ бою съ Германіею и Даніей показали себя не хуже Вагровъ. Ранъ называютъ народомъ жестокимъ и кровожаднымъ. Наконецъ Поморяне, по словамъ нѣмецкаго писателя, были люди »опытные въ войнѣ на сушѣ и на морѣ, привыкшіе жить грабежемъ и добычею, неукротимые по врожденной свирѣпости.« Почти тѣми же словами описывалъ Гельмольдъ всѣхъ вообще Балтійскихъ Славянъ, но въ особенности, разумѣется, Вагровъ и Бодричей, съ которыми онъ былъ наиболѣе знакомъ. »Славянамъ, онъ говоритъ, была врожденна свирѣпость ненасытная, неукротимая, которая носила гибель окрестнымъ народамъ на сушѣ и на морѣ.«

Вотъ какое дѣйствіе могутъ на народъ имѣть обстоятельства! Славянское племя вообще такое миролюбивое и кроткое, занесенное на Балтійское поморье, между враждебныхъ ему воинственныхъ Нѣмцевъ и Датчанъ, сдѣлалось само чуть ли не воинственнѣе и свирѣпѣе своихъ противниковъ.

Привившись къ славянскому характеру, который терпѣливъ и сносливъ, этотъ воинственный бытъ Балтійскихъ Славянъ придалъ имъ, кажется, нѣчто изъ тѣхъ свойствъ, которыя и на нашихъ глазахъ получаютъ старые воины, ходившіе съ оружіемъ по разнымъ землямъ, видавшіе всякихъ бѣдъ и опасностей. То были люди крѣпкіе, упорные, честные. Въ отношеніи къ тѣлу, славянская сносливость усилилась въ нихъ до высшей степени. Саксы, которые между всѣми германскими племенами признавались самыми крѣпкими и храбрыми, и тѣ дивились Балтійскимъ Славянамъ. Вотъ слова саксонскаго монаха X в., который писалъ исторію своей родины: »Эти Славяне — народъ крѣпкій и сносливый на трудъ, привыкшій къ самому скудному образу жизни, и что нашимъ приходится въ тягость, то Славянамъ кажется еще роскошью.« Простота славянскаго быта у Нѣмцевъ даже вошла въ поговорку, хотя жизнь, которую вели въ средніе вѣка сами Нѣмцы, была какъ нельзя болѣе проста.

Какъ люди, натерпѣвшіеся на своемъ вѣку всякихъ лишеній и бѣдъ и закалившіеся въ борьбѣ, дѣлаются склонны къ упорству, такъ и Балтійскіе Славяне едва ли былъ на свѣтѣ народъ упорнѣе. Изо всѣхъ народовъ Европы они одни положили свою жизнь за старину свою, за свой старый языческій бытъ: упорная защита старины, вотъ первое свойство всѣхъ этихъ передовыхъ племенъ славянскихъ—Вагровъ, Бодричей, Лютичей, возросшихъ въ бою съ Германцами. Правда, въ непреклонномъ упорствѣ Балтійскихъ Славянъ, которое ихъ и погубило, много виновна, даже виновнѣе ихъ самихъ, была корыстолюбивая исключительность враждебныхъ имъ сосѣдей; но и природный ихъ характеръ былъ сему не послѣднею причиною, и не разъ случалось, что просвѣщенная ревность ихъ брата Славянина предлагала имъ отказаться отъ языческой старины свободною волею и вступить въ семью европейскихъ народовъ, а они упорствовали въ старинѣ и убивали своего благодѣтеля.

Крѣпкіе, закаленные бойцы, Славяне Балтійскіе отличались честностью и вѣрностію. Нѣмецкіе лѣтописцы, часто, правда, жалуются на то, что принужденные неудачею на войнѣ обѣщать покорность Нѣмцамъ, они, при первомъ удобномъ случаѣ, преступали свою клятву, и за это называютъ ихъ вѣроломными и непосто-

янными; но, по тогдашнимъ понятіямъ, возобновить войну съ непріятелемъ, которому поддались на время послѣ какого-нибудь пораженія, не считалось безчестнымъ, и сами Нѣмцы не разъ, собравшись съ силами, нарушали миръ, который прежде должны были просить у Славянъ, и не видѣли въ томъ позора. Но тѣ же самые Нѣмцы, которые укоряютъ Балтійскихъ Славянъ въ несоблюденіи политическихъ договоровъ, громко свидѣтельствуютъ, не смотря на взаимную вражду, о превосходной ихъ честности, даже во время крайняго ихъ упадка. Особенно замѣчателенъ разсказъ одного монаха, жившаго въ концѣ XII в., (когда Вагры начали уже совершенно исчезать), о какомъ то Славянинѣ изъ племени Вагровъ, Трибутѣ Бакафовичѣ съ пятью сыновьями, который, провинившись въ разбоѣ и боясь смертной казни, скрылся и сталъ грабить страну, и даже ограбилъ самый монастырь, гдѣ жилъ повѣствователь (такъ называемый новый монастырь въ землѣ Вагорской): тамошній поселянинъ Годескалкъ, сынъ Дазоновъ, уже прежде, чтобы оградить себя, заключилъ съ нимъ дружеское условіе, и тѣ Славяне—разбойники, такъ говоритъ пострадавшій отъ нихъ монахъ, все время хранили это условіе вѣрно, какъ обычно Славянамъ.« Не менѣе выразителенъ разсказъ другого писателя о честности Славянъ Поморскихъ: »Честность и общительность между ними такова, что они, почти не зная, что такое кража и обманъ, не запираютъ своихъ сундуковъ и ящиковъ. Не видать у нихъ нигдѣ замка или ключа, и они весьма удивились, что вьючные ящики и сундуки епископа (Оттона Бамберпка, который къ нимъ пріѣхалъ) запирались на замокъ. Платье, деньги и всякія драгоцѣнности они прячутъ въ короба и сундуки, просто покрывая ихъ крышкою, и не боятся воровства, и. ч. его не испытывали.«

Замѣчательно, что при этой честности и вѣрности, Балтійскіе Славяне не любили произносить клятвы; только договоры съ другими народами они утверждали (да всегда напрасно) подъ присягою, слѣдуя въ этихъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, иностранному обычаю. Вообще же они допускали клятву чрезвычайно рѣдко и неохотно, считая ее для боговъ не менѣе оскорбительною, чѣмъ самое клятвопреступленіе. Въ особенности, кажется, боялись они клясться своими главными божествами, и если клялись, то не богами, а священными источниками, камнями и деревьями.

Съ вѣрностью данному слову и честностью соединялось крѣпость супружескаго союза и семейнаго быта. Вотъ свидѣтельство древнее (VIII вѣка) и непреложное знаменитаго Бонифація, великаго крестителя Германіи; слышенъ въ немъ голосъ, преданный Нѣмцамъ, но и этотъ голосъ долженъ былъ отдать справедливость славянской вѣрности: »Винеды (т. е. Славяне), такъ пишетъ Бонифацій, народъ мерзѣйшій и самый дурной, хранятъ однако же съ такою вѣрностію въ супружескомъ союзѣ взаимную любовь, что жена, по смерти мужа, сама отрекается отъ жизни, и та считается между ними славною, которая своею рукою убьетъ себя, чтобы сгорѣть съ мужемъ на одномъ кострѣ.«

Правда, въ позднѣйшее время этотъ обычай вывелся, покрайней мѣрѣ не упоминается, и у Славянъ допускалось даже многоженство, но они всегда признавали только одну жену законною, и по всему видно, болѣе допускали многоженство de jure, нежели пользовались имъ de facto. Достовѣрные примѣры многоженства у нихъ чрезвычайно рѣдки, и то встрѣчаются только между Поморянами: поморскій князь Вратиславъ (въ началѣ XII в.) держалъ нѣсколько женъ, и при этомъ случаѣ повѣствователь говоритъ, что мно-

гіе Поморяне дѣлали также; но почти всегда въ домѣ у Балтійскаго Славянина, нетолько бѣднаго, но и самаго знатнаго и богатаго, даже у первыхъ людей на Поморѣ, во время Вратиславова княженья, является одна жена, съ высокимъ значеніемъ въ семьѣ и въ обществѣ. Одна ведетъ хозяйство, принимаетъ гостей, воспитываетъ дѣтей, вдовою по смерти мужа управляетъ всѣмъ домомъ, имѣніемъ и челядью; вообще супруга Балтійскаго Славянина была не раба, а равноправная мужу госпожа въ домѣ. Въ противоположность многоженству Вратислава можно привести въ примѣръ сильнаго князя Бодричей, Крука, родомъ изъ Раны (XI в.): у него, перваго между Славянами ревнителя ихъ старины и языческаго быта, могущественнаго государя всѣхъ почти Балтійскихъ племенъ, была одна жена, которую нѣмецкій лѣтописецъ, какъ бы изъ уваженія, называетъ госпожею Славиною (domina Slavina, uxor Cruconis).

Совершенно непохожіе въ этомъ отношеніи на большую часть языческихъ народовъ, Балтійскіе Славяне считали цѣломудріе угоднымъ богамъ, и кто его нарушалъ въ мѣстѣ, посвященномъ божеству, тотъ, они твердо вѣрили, подвергался мгновенной и ужаснѣйшей карѣ.

Отношенія родителей къ дѣтямъ были также суровы, даже жестоки; родители у Балтійскихъ Славянъ полновластно распоряжались жизнію своихъ дѣтей, и могли, если не захотятъ воспитывать, убить младенца, особливо дочь; что и случалось весьма часто. Обязанности дѣтей къ родителямъ кончались только съ жизнію; Балтійскій Славянинъ считалъ первымъ и главнымъ долгомъ человѣка заботиться о своихъ родителяхъ, кормить и покоить ихъ на старости. Семейный союзъ былъ для него важнѣйшимъ; тотъ и пользовался наибольшимъ уваженіемъ, кто имѣлъ наибольшую семью и родню.

Съ рабами было обращеніе жестокое: природныхъ рабовъ у Балтійскихъ Славянъ не было, какъ вообще у всѣхъ древнихъ Славянъ, но рабами становились военноплѣнные, и такихъ было множество. При всякомъ удачномъ походѣ, при всякомъ ловко исполненномъ набѣгѣ, Балтійскіе Славяне приводили къ себѣ въ рабство большее или меньшее число захваченныхъ въ плѣнъ непріятелей: они ихъ дѣлили между ратниками, или продавали на рынкѣ. Кромѣ того были еще по всему славянскому Поморью, у Вагровъ, у Бодричей, у Лютичей, у Ранъ и Поморцевъ, удальцы—разбойники, для которыхъ уводъ невольниковъ составлялъ настоящій промыселъ. Отъ нихъ страдала Нордальбингія, но еще болѣе Данія, куда былъ всѣмъ, даже отдаленнѣйшимъ Поморянамъ, открытый доступъ съ моря. Отъ того-то и было у Балтійскихъ Славянъ всего болѣе рабовъ изъ Датчанъ: часто удавалось христіанамъ, при взятіи какого нибудь славянскаго города, освобождать цѣлыя толпы ихъ. Покоренные въ концѣ XII вѣка, Вагры и Бодричи не могли уже грабить Данію; но однажды случилось ихъ повелителю, саксонскому Герцогу Генриху Льву, рассориться съ датскимъ королемъ, и онъ далъ имъ волю: въ словахъ лѣтописца слышится, съ какою свирѣпою жадностію эти Славяне бросились на прежнюю свою добычу.

»Кликнули князей славянскихъ, и тѣ сказали: »мы здѣсь, готовы,« и съ радостью послушались. Пустилъ онъ ихъ, (т. е. Генрихъ), и пали плотины, сдерживавшія море, и прорвалась волна, подымаясь и разливаясь и нанося гибель многимъ датскимъ островамъ и прибрежнымъ землямъ. Исправлены были вновь корабли разбойниковъ, и они заняли у Датчанъ богатые острова; пресытились Славяне, послѣ долгаго лишенія, богатствами Датчанъ, упитались ими, говорю, утучнились, разжирѣли. Я слышалъ по разсказамъ, что въ Макленбургѣ, въ день

торга, считалось до 700 душъ плѣнныхъ Датчанъ, выставленныхъ на продажу, только бы нашлись покупатели.«

Но не однихъ чужеземныхъ плѣнниковъ обращали Славяне въ рабство: въ безпрестанныхъ междоусобныхъ войнахъ своихъ, Лютичи уводили въ неволю Бодричей, Поморяне Лютичей, и т. д.; забирали цѣлыя семьи, и располагали ими, какъ добычею, разлучая немилосердо жену отъ мужа, дитя отъ родителей, не внимая никакимъ жалобамъ и воплямъ. Вообще тутъ бывали случаи ужасной жестокости, когда Бодричи, которыхъ Нѣмцы систематически истребляли и выживали изъ ихъ земли, доведенные до отчаянія всемъ этимъ гоненіемъ и посѣтившимъ страну ихъ голодомъ, бѣжали толпами къ Поморянамъ и Датчанамъ, но и свои братья — Поморяне, безъ пощады стали ихъ продавать Полякамъ, Лужицкимъ Сербамъ и Чехамъ, какъ невольниковъ.

Одинаковая съ военноплѣнными была участь неоплатныхъ должниковъ: они становились рабами заимодавца. Иногда у богатаго человѣка было множество такихъ рабовъ. Замѣчательно, что, судя по разсказу жизнеописателя св. Оттона (въ началѣ XII в.), существовало въ этомъ отношеніи нѣчто въ родѣ международнаго права между Поморьемъ и Даніею: у одного знатнаго Поморянина, Моислава, было въ рабствѣ нѣсколько Датчанъ, должниковъ его, и въ томъ числѣ знатный юноша, сынъ датскаго вельможи, котораго отецъ, будучи долженъ Моиславу 500 фунтовъ (серебра), далъ въ заложники; его держали въ погребѣ, въ колодкѣ и цѣпяхъ, чтобы принудить отца къ уплатѣ.

Ужъ изъ этого видно, что обращеніе съ невольниками было не мягкое. Однихъ употребляли въ работу, другихъ держали для выкупа, и этихъ страшно мучили. »Священники христовы въ вагрскомъ городѣ Любицѣ (въ началѣ XII в.) были, говоритъ Гельмольдъ, въ ужасномъ бѣдствіи: кромѣ нищеты и ежедневной опасности смерти, имъ приходилось еще смотрѣть на цѣпи и разнаго рода муки, которыя были удѣломъ христіанъ, приводимыхъ въ плѣнъ разбойниками.« Вотъ что разсказываетъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель, какъ очевидецъ: »Мы (съ епископомъ) остановились въ гостяхъ у Тѣшимира (знатнаго Славянина—Вагра), который принялъ насъ съ большею пышностью. Но не показались намъ сладкими и пріятными славянскіе пиры, п. ч. мы видѣли кандалы и разнообразныя мученія, которымъ подвергались привозимые изъ Даніи христіане. Мы нашли тамъ священниковъ господнихъ, изнеможенныхъ долгимъ заключеніемъ, и епископъ ничѣмъ не могъ имъ помочь, ни силою, ни просьбами.«

У передовыхъ племенъ Балтійскихъ Славянъ, особливо въ послѣдній вѣкъ ихъ существованія, когда они со всѣхъ сторонъ только и видѣли бѣду и погибель, жестокость съ непріятелями, которые попадались имъ въ руки, доходила до изступленія: неистово вымещали они на христіанахъ гнетъ, который сами такъ долго отъ нихъ терпѣли, насильственное обращеніе въ христіанство, истребленіе, и мы поймемъ возможность и правдивость слѣдующей картины, нарисованной тѣмъ же Гельмольдомъ: »Народу славянскому врождена была ненасытная свирѣпость... Какими многоразличными родами смерти Славяне губили христіанъ, разсказывать трудно: однимъ они вытягивали кишки, наматывая ихъ на колъ, другихъ распинали на крестѣ, ругаясь надъ знаменіемъ нашего искупленія... а кого они сажаютъ подъ стражу ради денежнаго выкупа, тѣхъ мучатъ столькими пытками и сковываютъ столькими цѣпями, что незнающему и не повѣрить.«

Все это показываетъ Балтійскихъ Сла-

ванъ народомъ, воспитаннымъ въ воинственной жизни, суровымъ съ чужими, строгимъ у себя, въ своей семьѣ. Но у нихъ сохранились и черты мягкаго нрава, остатки быта кроткаго и мирнаго. Только иностранные писатели меньше говорятъ объ этой сторонѣ ихъ характера, за тѣмъ что она не такъ бросалась имъ въ глаза, какъ ихъ военная доблесть и жестокость ихъ къ несчастнымъ невольникамъ. Можно однакоже по немногимъ ихъ указаніямъ угадать, что и въ груди Балтійскаго Славянина, упорнаго воителя, билось сердце доброе, и что все же въ основаніи его нрава, хоть и ожесточеннаго, оставалась славянская общительность, славянское добродушіе. Доброта души ставила его, конечно, выше въ нравственномъ отношеніи средневѣковаго Нѣмца или Датчанина; разумѣется, мы говоримъ о природномъ характерѣ Балтійскихъ Славянъ и ихъ соперниковъ, независимо отъ вліянія религіи, и не сравниваемъ, напр., язычника, князя поморскаго, который считалъ позволительнымъ имѣть кромѣ жены 24 наложницы, съ Германцемъ, которому христіанская заповѣдь повелѣла хранить вѣрность своей законной супругѣ: но внѣ этихъ вліяній, мы найдемъ въ тогдашнихъ Нѣмцахъ и Датчанахъ менѣе общительности и добродушія и, безспорно, столько же, если не больше, свирѣпости и безчеловѣчія, какъ въ Балтійскихъ Славянахъ. Въ особенности ихъ поведеніе съ Славянами превосходило въ жестокости все то, чѣмъ Славяне старались имъ отплатить. Что значитъ захватъ нѣмецкихъ и датскихъ невольниковъ Славянами, что значатъ всѣ ихъ грабежи, правда ужасные, противъ многовѣковаго порабощенія цѣлыхъ племенъ, такъ что для Нѣмцевъ и Датчанъ *Славянинъ* стало синонимомъ раба, и несчастная участь Славянъ, подпавшихъ ихъ власти, у самихъ Нѣмцевъ сдѣлалась поговоркою (все, что прежде принадлежало нашей Мерзебургской церкви, говоритъ Титмаръ, было тогда распродано, подобно славянской семьѣ, которая, подвергшись обвиненію, распродается и разсѣвается). Что значитъ ненависть Славянъ къ своимъ германскимъ сосѣдямъ, противъ многовѣковой кровавой обиды, которую они отъ этихъ сосѣдей терпѣли? И Саксы называли, по словамъ нѣмецкаго историка, Славянъ собаками, и не признавали ихъ, даже когда они исповѣдывали христіанскую вѣру, равноправными съ собою людьми! Что значатъ тѣ, правда, страшныя мученія, коими Славяне подвергали нѣкоторыхъ плѣнныхъ (особливо нѣмецкихъ священниковъ, которые ихъ насильно обращали), противъ систематическаго истребленія всего народа славянскаго на Балтійскомъ Поморьѣ?—А съ другой стороны въ Балтійскихъ Славянахъ выказываются черты такого высокаго добродушія и человѣколюбія, какихъ напрасно бы стали искать въ средневѣковыхъ Нѣмцахъ и Датчанахъ; и черты эти тѣмъ драгоцѣннѣе и достовѣрнѣе, что ихъ сохранило свидѣтельство враждебныхъ писателей.

Адамъ Бременскій громко выхваляетъ привѣтливую кротость и общительность Волынцевъ (жителей славнаго на славянскомъ Поморьѣ острова и города Волина, противъ устьевъ Одры): они принимали къ себѣ всякаго пріѣзжаго иностранца и безъ ограниченія давали ему всѣ права туземныхъ жителей: «до нынѣ, говоритъ онъ, Волынцы преданы заблужденію языческихъ обрядовъ, но впрочемъ не найдется относительно нравовъ и гостепріимства народа честнѣе и добродушнѣе». Какъ хорошо подтверждается это свидѣтельство разсказомъ другого нѣмецкаго писателя о поступкѣ Волынцевъ съ католическимъ монахомъ, который пришелъ склонить ихъ къ принятію христіанства! Испанецъ родомъ, долго жившій въ Римѣ и назначенный епископомъ какой-то епархіи на мѣсто другого епископа, отста-

вленнаго, Бернардъ, выжитый происками своего совмѣстника, рѣшился итти обращать язычниковъ и, не зная ни слова по-славянски, отправился на Поморье. Въ нищенскомъ рубищѣ явился онъ въ Волинъ и черезъ переводчика началъ проповѣдывать народу. Жрецы и старшины волынскіе, долго толковавъ объ этомъ странномъ для нихъ человѣкѣ и о неслыханныхъ словахъ его, рѣшили, что онъ сумашедшій и опредѣлили дать ему корабль и выслать его изъ своей земли. Но Бернардъ и слушать не хотѣлъ, и, въ пылу восторженной ревности, съ топоромъ въ рукѣ принялся рубить священный столбъ, принадлежавшій божеству Волынцевъ и съ которымъ сопряжено было, по ихъ вѣрованію, благосостояніе города и побѣда надъ врагами. Народъ бросился на него, поваливъ на земь и, сильно избивъ его, отошелъ; жрецы выручили несчастнаго изъ толпы, посадили на корабль и отправили обратно, по Одрѣ, въ Польшу, провожая насмѣшливыми словами: »если такая у тебя охота проповѣдывать, то ступай, проповѣдывай рыбамъ и птицамъ, а насъ оставь въ покоѣ.« —Можетъ ли быть больше добродушія? человѣкъ, котораго ни кто не понимаетъ, приходитъ къ язычникамъ, оскорбляетъ ихъ величайшую святыню, и его берутъ и выпроваживаютъ съ миромъ.

О свирѣпыхъ морскихъ разбойникахъ, закоренѣлыхъ язычникахъ, Ранахъ, лѣтописецъ Гельмольдъ сознается, что имъ были врождены многія добрыя качества, въ особенности почитаніе родителей и гостепріимство. Въ этомъ послѣднемъ качествѣ самымъ виднымъ образомъ проявлялась для иностр̃ца славянская общительность, и, дѣйствительно, нѣмецкіе писатели не надивятся гостепріимству Балтійскихъ Славянъ. Послушаемъ разсказа двухъ свидѣтелей, какъ они изображаютъ, на противуположныхъ концахъ Балтійскаго поморья, одинъ у Вагровъ, другой у Поморянъ, гостепріимство славянскаго народа. Гельмольдъ, повѣствуя о своемъ путешествіи съ однимъ нѣмецкимъ епископомъ по землѣ Вагрской (около 1155 г.), говоритъ слѣдующее: »Прибыславъ (князь Бодричей и Вагровъ, котораго Нѣмцы ужасно притѣсняли) попросилъ насъ завернуть къ себѣ въ домъ, нѣсколько въ сторону отъ дороги, по которой мы ѣхали; онъ принялъ насъ съ великою заботливостью и радушіемъ и приготовилъ богатое угощеніе. Передъ нами помѣстили столъ, уставленный двадцатью кушаньями. Тутъ-то я узналъ на опытѣ, о чемъ прежде слышалъ по разсказамъ, что нѣтъ народа привѣтливѣе Славянъ своимъ гостепріимствомъ. Въ приглашеніи гостя они всѣ какъ бы нарочно соревнуютъ другъ другу, такъ что никогда не приходится страннику самому просить у нихъ пріема. Что ни пріобрѣтаетъ Славянъ своимъ трудомъ, хлѣбъ ли, рыбу ли, дичь ли, онъ все израсходуетъ на угощеніе и считаетъ того лучшимъ человѣкомъ, кто щедрѣе. Случается даже, что эта страсть—показаться пышнымъ и расточительнымъ—ведетъ къ воровству и грабежамъ. На эти вины смотрятъ снисходительно, извиняя ихъ долгомъ гостепріимства; у Славянъ есть поговорка: »что ночью украдешь, заутра раздавай гостямъ«. Если же случится (впрочемъ это бываетъ чрезвычайно рѣдко), что бы кто нибудь отвергъ странника и не принялъ его, то считаютъ дѣломъ правымъ сжечь его домъ и имущество, и всѣ единогласно называютъ такого человѣка безчестнымъ, подлымъ и стоющимъ всякого поруганія, который бы отказался удѣлить гостю часть своего достатка.«

А вотъ что говорится о Поморянахъ: »Удивительное дѣло, у Поморянъ не снимается никогда со стола кушанье; у каждого хозяина есть отдѣльная изба, чистая и нарядная, которая служитъ только для

стола и угощенія: въ ней стоитъ столъ со всякою ѣдою и питьемъ, всегда накрытый, и когда одно блюдо опорожнится, несутъ другое; отъ мышей покрываютъ блюда скатертью самою чистою, и такъ кушанье всегда готово и ждетъ гостей, и во всякій часъ, когда захотятъ поѣсть, гости ли придутъ, или одни домашніе, то, вошедши въ столовую избу, найдутъ все готовымъ.«

Съ такою общительностью и такимъ гостепріимствомъ соединялась у Балтійскихъ Славянъ большая сострадательность къ ближнему. Они не допускали, чтобы кто-нибудь у нихъ впалъ въ нищету или просилъ милостыню; если кто отъ болѣзни или старости становился не мощенъ, то отдавали его на руки роднымъ, и тѣ ходили за нимъ весьма заботливо. Так. обр. не было у Ранъ и Поморцевъ, о которыхъ Нѣмецкіе писатели разсказываютъ эти подробности, людей бѣдныхъ и нищихъ, и если приходилъ къ нимъ нищій изъ чужой земли, то они его гнали съ презрѣніемъ, какъ бродягу, который за что-то недоброе оставилъ свою родину.

Были ли Балтійскіе Славяне, подобно своимъ соплеменникамъ, склонны къ пѣснямъ и веселію, объ этомъ нѣтъ извѣстія; но оно вѣроятно, при всей ихъ воинственной суровости. По крайней мѣрѣ, когда было гдѣ-нибуть празднество въ честь боговъ, то собиралось изо всѣхъ окрестныхъ мѣстъ множество народа, часто нѣсколько тысячъ, и тутъ пѣли пѣсни, играли игры, плясали, кричали.

Таковъ былъ характеръ этихъ людей: основаніе доброе, общительность и любовь къ ближнему; но на этомъ основаніи вызванная обстоятельствами воинственность, породившая бытъ строгій и суровый, воинственность, часто переходившая въ склонность къ разбою, въ жестокость и свирѣпство,—однимъ словомъ, народъ въ сущности добрый и не жестокій, но ожесточенный.

Въ исторіи же, Балтійскіе Славяне выступаютъ не въ полнотѣ своей природы, вмѣстѣ добродушной и суровой: о кротости, объ общительности нѣтъ и помину, и является только война за войною, жестокость за жестокостью. Такъ ихъ поставила судьба: окруженные постоянной опасностью, тѣснимые отовсюду врагами, разъединенные между собою, они не могли не жить одностороннею жизнію народа, который только и думалъ о войнѣ и защитѣ, который вѣчно былъ въ бою.

(*Ист. Балтійс. Славянъ А. Ѳ. Гильфердинга. Т. I, 37—51. М. 1855*).

235. Религіозные обычаи.

Христіанство—вѣра чистая, небесная, вступивъ въ общество русскихъ, нашло сильные безпорядки въ семейномъ быту русскаго народа, безпорядки пагубные и для гражданскаго быта; надобно было много бороться съ язычествомъ.

Прекрасно обыкновеніе русскаго христіанства стараго времени—причащаться св. таинъ брачущимся; Нифонтъ говорилъ, что надобно удостоивать животворящей тайны и тогда, когда на комъ-либо изъ нихъ лежитъ эпитимія. Святое само по себѣ правило сіе спасительно было тогда и въ томъ отношеніи, что учило грубый народъ святости брака. Простой народъ не относилъ къ обязанности испрашивать благословенія церкви, союзу брачному: думалъ, что это благословеніе—преимущество князей и бояръ. Такая вольность была собственно плодъ дикой языческой грубости, предоставлявшей брачный союзъ безусловному произволу, о чемъ писалъ

преп. Несторъ (*Ист. Рос. Арцыбашева. I, 11*). У Сербовъ, даже во время перваго сербскаго архіепископа св. Савы, простой народъ бралъ женъ безъ благословенія въ храмѣ, и точно такъ же, какъ и въ Россіи, считалъ вѣнчаніе отличіемъ людей высшаго класса. Христіанство не могло терпѣть такихъ обычаевъ. »Людямъ простымъ по имени и общему мнѣнію—говоритъ митрополитъ,—даемъ вразумленіе и говоримъ: только одни невѣжи въ законѣ допускаютъ для простыхъ и невѣждъ такое совокупленіе; безъ церкви божіей, безъ благословенія творятъ свадьбу, называя это тайнымъ вѣнчаніемъ; тѣмъ, которые такъ берутъ женъ, налагать эпитимію, какъ блудникамъ. Въ другомъ правилѣ, ясно поставляя такой обычай простонародія, въ связи съ язычествомъ, пастырь повелѣваетъ употреблять все стараніе, чтобы вразумить невѣжество, наставлять, увѣщевать, поражать страхомъ отлученія отъ церкви.

Языческая жизнь Русскихъ дозволяла многоженство. Ярославовъ уставъ о церковныхъ судахъ на мужа, держащаго двухъ женъ, налагалъ пеню; а вторую жену его приказывалъ отводить въ домъ церковный, чтобы родные внесли за нее выкупъ. Митр. Іоаннъ писалъ о безстыдныхъ: »Это противно вѣрѣ и греческому благовѣрному житію», и повелѣвалъ не считать непокорныхъ христіанами. Противъ тогоже говорилъ и Нифонтъ.

Таже языческая жизнь предоставляла право перемѣнять женъ по произволу страстей; но христіанство не дѣйствуетъ за одно съ страстями. Ярославъ опредѣлилъ мужу сверхъ денежнаго штрафа гражданскую казнь, а въ случаѣ обоюднаго согласія четы на разводъ назначилъ только денежное взысканіе; послѣднее было снисхожденіе къ укоренившемуся обычаю, если только не относилось къ случаямъ законнаго развода. М. Іоаннъ нашелъ возможнымъ дѣйствовать ближе къ духу христіанства: онъ отлучалъ виновныхъ отъ причащенія св. таинъ и повелѣвалъ дѣлать увѣщанія простому народу, мало знакомому съ духомъ христіанства. Но тотъ же митрополитъ, въ томъ случаѣ, если кто подъ видомъ благочестія оставлялъ жену, дозволялъ таковаго удостоивать и сана священства, женѣ вступать въ новый бракъ: это было только въ духѣ тогдашняго греческаго благочестія.

М. Іоаннъ своими правилами указывалъ и на тѣ предѣлы, которые полагаетъ природа заключенію браковъ въ степеняхъ родства, повторяя мысли, оправданныя въ греческой церкви. Впрочемъ князья не всегда слѣдовали симъ правиламъ, такъ же какъ и запрещенію того же митрополита заключать бракъ съ иновѣрными.

Священникъ подвергался лишенію сана, когда, зная или не зная, освятилъ бы таинствомъ троеженца; снисхожденіе къ немощи дозволяло только читать молитву...

Торгъ рабами во время язычества былъ дѣломъ обыкновеннымъ на Руси: прибыль оправдывала его для язычника. Страсть къ корысти побуждала нѣкоторыхъ дѣлать то же и въ христіанствѣ; покупали невольниковъ, обращали ихъ въ христіанство, и потомъ продавали ихъ *въ поганые*—язычникамъ, жидамъ, магометанамъ. На вопросъ о таковыхъ м. Іоаннъ писалъ: »Христіанина не продавать ни жидамъ, ни еретикамъ; иначе грѣшатъ не только противъ христіанскаго правителя, но и противъ Бога. Подумай о примѣрахъ Ананіи и Сапфиры, и разсуди: они, принеся цѣну обѣта своего Богу чрезъ верховнаго апостола Петра, удержали только малую часть, и однако осуждены были на смерть, какъ хищники части, обѣщанной Богу. А купцы, которые назнаменали знаменіе божіе на купленныхъ ими рабахъ, освятили молитвою, знаменавъ и молитву давъ, потомъ продаютъ поганымъ. Это уже не тайное согрѣшеніе, но открытое; отдѣ-

лешное для Бога крадутъ и чужое присвоиваютъ. Намъ такъ кажется, что они согрѣшаютъ наравнѣ съ тѣми, которые гонятъ вѣру нашу, обращаютъ отъ вѣры въ невѣріе. Надобно отвлекать ихъ отъ сего злаго дѣла вразумленіемъ и наставленіемъ, если не послушаютъ,—считать ихъ наравнѣ съ язычниками и мытарями«. Когда язычество оставалось по мѣстамъ и между русскими, а еще болѣе у Печенѣговъ, Половцевъ,—неудивительно, что въ невѣденіи иные русскіе христіане раздѣляли трапезу языческую. Для такихъ только творить молитвы на осквернение,—говоритъ митрополитъ. Но языческая страсть къ корысти вовлекала и вольно христіанина въ общеніе съ язычниками,— »своею волею ходятъ къ поганымъ купли ради и скверню ядятъ». Мы причисляемъ ихъ, — говорилъ митрополитъ Россіи,—къ хищникамъ, лихоимцамъ, неправедникамъ, издоимцамъ, сребролюбцамъ. Они не подлежатъ правилу (т. е. нѣтъ на то особаго правила), но не изъяты отъ осужденія. Надобно преподавать имъ наставленіе, учить ихъ, внушать имъ евангельское слово: о, *горе вамъ яко имя Мое васъ ради хулу пріемлетъ въ языцѣхъ*...

Съ привычками языческими заодно дѣйствовалъ во вредъ христіанской жизни духъ времени, невѣжественный и дышавшій кровію во всей Европѣ, довольно мрачный и между Греками. Вѣкъ извиняетъ человѣка: тѣмъ не менѣе христіане страждутъ отъ страстей вѣка, и страдали въ древней Россіи. Исторія древней Россіи представляетъ печальную картину дикихъ раздоровъ. Князья удѣльные дрались другъ съ другомъ за участки, и при первомъ удобномъ случаѣ бросались на вел. князя за его престолъ; братъ возставалъ на брата; не рѣдко дѣти поднимали оружіе на отца, и отецъ на дѣтей. И такъ было не годы, а два столѣтія; и такъ было не по временамъ, а рѣдко проходилъ годъ, о которомъ бы не сказала лѣтопись: *быстъ сѣча зла*, а иногда и рядъ годовъ былъ рядомъ опустошеній, убійствъ, грабежа. Чѣмъ ближе къ времени Монголовъ, тѣмъ больше крови; когда умножилось число князей, съ 1133 г. цѣлые 50 лѣтъ сряду дрались то тамъ, то здѣсь, то по всей Россіи: тогда уже не было пощады и священному;—грабили храмы и монастыри. Самое страшное бѣдствіе бывало тогда, какъ брали народъ на щитъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если среди всеобщихъ грабежей и убійствъ русскій народъ не сдѣлался вовсе дикимъ; то это было дѣло христіанства, и это означало, что христіанство было въ душѣ его. Лучшіе питомцы любви христовой выходили изъ борьбы съ злымъ духомъ времени побѣдителями высокими, мучениками...

При всей неприязненности духа времени, при всемъ вліяніи оставшагося язычества на нравы, искренность и простота нравовъ были украшеніемъ первыхъ христіанъ русскихъ. Эта простота много значила и въ томъ отношеніи, что не давала злу времени—духу вражды, глубоко нисходить въ сердца многихъ; оттого такъ скоро забывались многими обиды, иногда кровавыя. Съ другой стороны, такъ какъ духовное образованіе души совсѣмъ не то, что эстетическое образованіе вкуса, не то, что и образованіе ума познаніями: то недостатки образованія вкуса и ума—не указатели на недостатокъ духовнаго образованія предковъ нашихъ. Напротивъ сердечная простота предковъ нашихъ спасала ихъ отъ толпы мелочей, блестящихъ по виду и весьма вредныхъ по дѣйствію на душу. Она же не допускала ихъ отыскивать тысячи извиненій грѣхамъ, какъ это бываетъ при ея недостаткѣ. Отъ того-то и лѣтописи и жизнь говорятъ такъ часто о простодушномъ и ... тѣмъ болѣе высокомъ покаяніи князей. Впрочемъ несправедливо было бы говорить, что все, что дѣлалось простотою, хотя и благочестивою,

было хорошо (напр. крещеніе мертвыхъ братьевъ св. Владиміра при Ярославѣ 1 — Ярослава и Олега)...

Естественно, что, по введеніи христіанства въ Россію, взоры всѣхъ обратились на востокъ, откуда озарилъ Россію свѣтъ вѣры. Отсюда естественно было желаніе путешествовать на востокъ. Первымъ благочестивымъ путешественникомъ въ Аѳонъ былъ пр. *Антоній*. Пр. *Варлаамъ* ок. 1060 г. путешествовалъ въ Іерусалимъ на поклоненіе св. мѣстамъ его: это былъ, сколько извѣстно, первый русскій полонникъ гроба господня, и онъ же, по возвращеніи изъ Палестины, путешествовалъ въ Царьградъ... Въ половинѣ XII стол. столько являлось желавшихъ идти на востокъ, что пастырямъ церкви надлежало иныхъ останавливать. Хотя и не было у насъ того, чтó въ тоже время было на западѣ—не шли толпы праздныхъ людей съ мечемъ въ рукахъ для защиты памятниковъ вѣчной любви, но и игуменъ Даніилъ замѣчалъ: »многи ходивше, св. тѣхъ мѣстъ и видѣвше градъ Іерусалимъ и вознесшеся умомъ, яко нѣчто доброе сотворше, погубляютъ мзду свою«. Нифонтъ, Новгород. епископъ, не дозволяя разрѣшать каждому идти на востокъ, говорилъ: »иные идутъ съ тѣмъ, чтобы тамъ и здѣсь скитаясь ѣсть и пить,—это худо, надобно запрещать«. А св. Іоаннъ на вопросъ Кирика: что дѣлать съ тѣми, которые связали себя обѣтомъ—идти во Іерусалимъ, отвѣчалъ: «налагать эпитимію, ибо эти обѣты губятъ землю«. Сіи запрещенія, какъ очевидно, не унижаютъ, а возвышаютъ достоинство путешествій, какія дозволяла древняя русская церковь (1)...

Его же любитъ Господь, наказуетъ. Въ его премудромъ планѣ, иго Монголовъ было мѣрою любви, врачующей нравственныя болѣзни русскаго народа. Чѣмъ же былъ народъ подъ этимъ игомъ? Прежде всего общее бѣдствіе пробудило въ народѣ чувство покаянія. Такъ показываютъ памятники. Волею и неволею Русскіе приводили на память примѣръ Ниневитянъ и каялись, вспоминали объ Израилѣ—невольникѣ Египта и обращались отъ земли къ Богу. Вмѣстѣ съ тѣмъ постоянною мыслію народа было, что онъ—народъ христіанскій, а жестокіе владыки его—невѣрные, ненавистные Богу; такимъ образомъ основою жизни была мысль высокая,—вѣра въ превосходство христіанской вѣры. Эта мысль ободряла народъ, когда скорби доходили до глубины души его, и она же заставляла дорожить тѣмъ, чтó внушало ему христіанство; она внушала любить то, чтó любили не чтившіе имени Христова.—Оттого, въ два столѣтія рабства, Русскіе остались съ прежнею любовію къ родинѣ, не приняли отъ Татаръ ихъ дикости хищной. Среди бѣдъ тяжкихъ эта мысль образовала твердость въ характерѣ народа, стойкость въ своихъ правилахъ; тамъ, гдѣ духъ христіанскій благодатно проникалъ въ душу и давалъ высшее направленіе силамъ души, любовь къ Богу не боялась подвиговъ самыхъ суровыхъ, —трудовъ самыхъ тяжкихъ. Благоговѣніе къ вѣрѣ, къ имени Христову было общимъ для всѣхъ состояній. Духъ вражды, властолюбивой въ первые годы ига, волновалъ сердца князей по прежнему; но потомъ мало помалу становился тише, болѣе и болѣе уступалъ мѣсто духу кротости. Волею и неволею князья стали ожидать славы не отъ меча своего, а отъ воли божіей и отъ того, кому покорила ихъ она; волею и неволею стали называться братьями.

Странно, но вѣрно: Новгородцы, которые не видали у себѣ Батыя, которые, по отдаленности отъ орды Кипчакской, рѣдко терпѣли грабежи и насилія Татаръ,

(1) Пам. XII в. 176, 203. См. о важности христ. путеш. къ св. мѣст. А. Зерченинова. М, 1840.

Новгородцы въ монгольскій періодъ пятнали себя звѣрскою необузданностію и злодѣйствами, какихъ не видно было въ другихъ краяхъ Россіи; это всего яснѣе показываетъ, какъ нужно было иго, которое наложилъ промыслъ божій на Россію. Сколько посадниковъ Новгородцы бросили въ Волховъ! Сколько разъ грабили и убивали невинныхъ! Сколько разъ поднимали мятежъ междоусобный, мятежъ противъ в. князя! Не разъ Новгородская вольница толпами ходила жечь города, грабить народъ и убивать собратій по вѣрѣ и крови. Самыя забавы новгородцевъ отличались буйствомъ неистовымъ: такъ въ 1358 г. они обязались клятвою не бить въ бѣсовскихъ забавахъ бочекъ.

Неудивительно, что подъ игомъ тяжкаго рабства, подъ властію дикаго своеволія, для котораго утѣха—мечь и опустошеніе, бѣдные христіане восточной и средней Россіи не имѣли мягкости въ нравахъ. Отсюда нужда заставила добросердечнаго князя Дмитрія ввести смертную казнь, тогда какъ Мономахъ говорилъ: »не убивайте виновнаго,—жизнь христіанина священна«. Прежде денежная пеня удерживала отъ воровства, а въ XIV стол. воровъ вѣшали, за другія же преступленія били кнутомъ. Естественно было и то, что Русскіе въ періодъ монгольскихъ насилій утратили часть довѣрчиваго простодушія;—горькая нужда заставляла ограждать себя хитростію, когда не въ силахъ были противопоставить насилію отпоръ мужества. Это была дань тяжкому времени со стороны слабыхъ.

(*Ист. рус. цер. архіеп. Филарета. М. 1857, 1, 84—87. 132—134. 137. 140—141; II, 105—107*).

136. Несвободныя состоянія въ древней Россіи.

Въ государственномъ быту встрѣчаются учрежденія, которыхъ корни глубоко затаены въ жизни народной. Они не произведеніе вчерашняго дня; ихъ не установило законодательство, имѣющее въ виду потребности времени и измѣняющееся съ ходомъ обстоятельствъ. Они составляютъ наслѣдіе давнихъ временъ, и достаются отъ предковъ отдаленному потомству. Иногда они живутъ, единственно благодаря этой древности. Жизнь ушла впередъ, а учрежденія остаются тѣже. Первоначальный смыслъ ихъ затемняется и забывается; они приноравливаются къ потребностямъ новаго быта, совершенно отличнаго отъ того, который ихъ произвелъ, и представляютъ остатокъ старины, не всегда понятный для современниковъ. Люди, получившіе это наслѣдіе, живущіе подъ вліяніемъ этихъ стародавнихъ учрежденій, стараются однакоже уяснить себѣ ихъ значеніе. Для этого придумываются обыкновенно разныя государственныя соображенія, разныя причины бытія, почерпнутыя изъ настоящей жизни, и дающія имъ смыслъ въ настоящее время. Но такія объясненія могутъ только затемнить истинное дѣло; каждое учрежденіе имѣетъ смыслъ и значеніе единственно на той почвѣ, на которой оно возникло. Чтобы понять его, нужно перенестись мысленнымъ взоромъ къ тому порядку вещей, который присутствовалъ при его зарожденіи, нужно прослѣдить постепенный процессъ его образованія и послѣдующихъ его измѣненій, устранивши современныя софистическія выдумки. Однимъ словомъ —каждое учрежденіе объясняется только своею исторіей; исторія одна даетъ намъ его смыслъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшаетъ, имѣетъ ли оно право на дальнѣйшее существованіе или нѣтъ. Историческая работа должна по этому служить краеуголь-

нымъ камнемъ для пониманія современнаго состоянія общества и народовъ; безъ нея всѣ государственныя соображенія имѣютъ слишкомъ шаткую основу. Отправляясь отъ одного настоящаго, они не могутъ отдѣлить временныхъ стихій отъ постоянныхъ, не могутъ уразумѣть внутренняго смысла жизни, глубоко затаеннаго въ нѣдрахъ исторіи, не могутъ наконецъ и создать прочнаго порядка вещей, ибо ничего не видятъ далѣе минутныхъ потребностей современности, далѣе рутины привычнаго порядка. Но, разумѣется, изучая исторію, мы не должны приступать къ ней съ заранѣе приготовленными убѣжденіями, вносить въ нее современныя требованія, современные интересы; ибо тогда она потеряетъ истинное свое значеніе, и сдѣлается орудіемъ для доказательства той или другой мысли. Поэтому, когда мы изучаемъ исторію какого бы то ни было учрежденія, мы должны прежде всего отдѣлиться отъ настоящаго и разсмотрѣть, при какихъ оно возникло условіяхъ, какая была причина существованія таковаго порядка вещей?

Къ числу учрежденій, составляющихъ завѣщанное вѣками наслѣдіе, у всѣхъ народовъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныя эпохи ихъ жизни, принадлежатъ состоянія несвободныя. Рабство мы видимъ уже въ глубочайшей древности; нѣтъ народа, у котораго бы оно не проявилось въ той или другой формѣ. Начало его теряется во мракѣ; впослѣдствіи оно продолжаетъ существовать, измѣняясь съ теченіемъ времени, принимая въ себя новыя стихіи, но вообще смягчаясь по мѣрѣ развитія началъ человѣколюбія и нравственности. У каждаго народа оно получаетъ свой оттѣнокъ, зависящій отъ народныхъ свойствъ и отъ характера общественнаго развитія. У одного оно принимаетъ черты болѣе суровыя, у другого болѣе мягкія; у одного развивается преимущественно юридическая сторона, у другаго юридическія опредѣленія касаются только самыхъ яркихъ проявленій жизни; у одного мы видимъ строгую послѣдовательность выводовъ, у другого, напротивъ, неопредѣленность отношеній раждаетъ противорѣчія, которыя разрѣшаются только жизнью. Въ какой же формѣ являются несвободныя состоянія у нашихъ предковъ? Откуда они возникли и какимъ подверглись измѣненіямъ? Вопросъ чрезвычайно важный, можно сказать одинъ изъ важнѣйшихъ въ нашей исторіи, если мы взглянемъ на долговѣчность этихъ отношеній и на значеніе, которое они имѣютъ даже въ настоящее время.

У всѣхъ народовъ первоначальнымъ источникомъ рабства былъ плѣнъ. Племена первобытныя лишены сознанія объ общеніи народовъ; у нихъ нѣтъ понятія о человѣкѣ, ибо это понятіе постепенно вырабатывается путемъ историческаго развитія. Для нихъ право и законъ не выходятъ изъ тѣснаго круга національной исключительности, и все, что внѣ этой сферы, попадаетъ подъ ихъ власть, становится законнымъ ихъ достояніемъ. Такимъ образомъ плѣнникъ, взятый на войнѣ, вмѣстѣ съ добычею дѣлается собственностію побѣдителя, и превращается въ раба, находящагося въ полномъ распоряженіи господина. Это явленіе всеобщее. Но отъ племеннаго характера зависитъ состояніе, въ которомъ содержатся плѣнные невольники. Чѣмъ мягче нравы народа, чѣмъ меньше онъ склоненъ къ воинственной жизни, тѣмъ отношенія къ плѣннымъ отзываются большею кротостью. У Славянъ, по свидѣтельству Макарія (*Карамз. т. I, прим. 132*), плѣнные держались въ неволѣ только временно; послѣ извѣстнаго срока имъ предоставлялось на выборъ заплатить выкупъ и возвратиться на родину, или остаться у хозяевъ на свободѣ и жить какъ друзьямъ.

Этимъ скуднымъ извѣстіемъ ограничивается то, что мы знаемъ о рабствѣ, существовавшемъ у нашихъ предковъ. Но

его достаточно для убѣжденія, что не у нихъ мы должны искать начала тѣхъ крѣпостныхъ отношеній, какія развились впослѣдствіи. Настоящее рабство является у насъ вмѣстѣ съ варяжскою дружиной, и, вѣроятно, было принесено ею. Уже въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками встрѣчаются условія о рабахъ, требуется выдача бѣжавшаго раба и устанавляется ему цѣна. Изъ этихъ и другихъ источниковъ (*тамъ же пр. 329*) мы знаемъ, что варяжскіе купцы въ Константинополѣ торговали рабами, плѣнными или купленными. Воинственный характеръ дружины долженъ былъ значительно способствовать умноженію рабовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать положеніе ихъ гораздо худшимъ, нежели какимъ оно было у древнихъ Славянъ. Плѣнные по прежнему считались военною добычею, и князья въ своихъ походахъ выводили ихъ во множествѣ изъ опустошаемыхъ земель. Такъ Ольга, взявши Коростень, многихъ Древлянъ избила, а другихъ отдала въ рабство своему войску. Такъ Ярославъ и Мстиславъ воевали Ляшскую землю и многихъ Ляховъ вывели и раздѣлили между собою (*Рейцъ, изданіе Морошкина, стр. 67*).

Въ Русской Правдѣ рабство является, какъ вполнѣ развитое учрежденіе. Здѣсь исчисляются три источника холопства обѣльнаго, т. е. полнаго: 1) Купля передъ свидѣтелями, при чемъ покупщикъ долженъ былъ дать продавцу по крайней мѣрѣ ногату (мелкую монету) въ присутствіи холопа, а не безъ него. 2) Женитьба на рабѣ безъ ряда; но если женихъ заключалъ особенный договоръ съ хозяиномъ, то условія получали законную силу. Впослѣдствіи всегда существовало правило: по рабѣ холопъ, а по холопѣ раба. Оно возникло не изъ понятія о нераздѣльности семейства; — оно имѣло основаніемъ то, что свободный человѣкъ связывалъ себя съ лицемъ, составлявшимъ собственность другаго, чѣмъ и самъ онъ становился собственностью. Личная зависимость дѣлала человѣка крѣпостнымъ, какъ видно и изъ слѣдующаго источника обѣльнаго холопства. Это 3) принятіе должности тіуна или ключника безъ *ряда*; если же это совершилось на основаніи договора, »то како ся будетъ срядилъ, на томъ же и стоить« (*Рус. Правда изд. Колачова, ст. IV, V, VI*). Здѣсь опять личная зависимость дѣлаетъ человѣка холопомъ, если онъ особеннымъ условіемъ не выговорилъ себѣ право свободы.

Кромѣ того въ Рус. Правдѣ упоминаются и другіе источники рабства. Сюда относится: 1) *Рожденіе отъ рабыни*. Плодъ отъ челяди, такъ же и плодъ отъ скота, составляетъ собственность хозяина (ст. 68). 2) *Неоплатный долгъ*. Если купецъ, взявшій въ долгъ деньги или товаръ, пропьетъ ихъ, или вообще испортитъ и утеряетъ ихъ по своей винѣ, то заимодавцу предоставлялось право либо ждать своего долга, либо продать своего должника (ст. 12). Въ другой статьѣ (55) предписано, всякаго человѣка, кто задолжаетъ многимъ, и не въ состояніи уплатить, вести на торгъ и продать. 3) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ *закупъ*, т. е. человѣкъ, временно отдавшій себя въ работу на долгъ, дѣлался рабомъ хозяина, именно если онъ бѣжалъ отъ хозяина, или совершалъ преступленіе, за которое хозяинъ обязанъ былъ вознаградить истца.

Ко всѣмъ этимъ способамъ укрѣпленія надобно прибавить еще плѣнъ и добровольную продажу себя въ рабство, которая безъ сомнѣнія существовала и въ то время, также какъ и въ послѣдствіи, хотя въ Рус. Правдѣ объ ней не упоминается иначе, какъ въ формѣ добровольнаго вступленія въ должности ключника и тіуна. Въ договорѣ смоленскаго кн. Мстислава Давидовича съ Ригою и

готскимъ берегомъ 1229 г. говорится и о томъ, что если князь разгнѣвается на подвластнаго ему человѣка, онъ можетъ обратить его въ холопство вмѣстѣ съ женою и дѣтьми. Въ другомъ спискѣ того же договора, вмѣсто обращенія въ холопство, сказано: повелѣть его разграбить съ женою и дѣтьми (*Рус. Пр. стр. 158)*.

Изъ этого видно, какъ многочисленны и разнообразны были способы личнаго укрѣпленія. Каждое зависимое отношеніе могло быть источникомъ рабства: плѣнъ, женитьба, заемъ, наемъ, преступленіе, добровольное подданство—все могло свободнаго человѣка сдѣлать рабомъ, не говоря уже о способахъ производныхъ, какъ-то куплѣ и рожденіи въ холопскомъ состояніи. Во времена насилія и неустройства каждое лице стремилось расширить свою власть, укрѣпить за собою все, что примыкало къ нему какимъ бы то ни было образомъ, и тѣмъ увеличить свое значеніе въ обществѣ. Это стремленіе было даже до такой степени сильно, что законодательство принуждено было поставить ему нѣкоторыя ограниченія: по законамъ Рус. Правды, человѣкъ получившій ссуду (дачу) или хлѣбъ или придатокъ, черезъ это не дѣлался холопомъ, но сохранялъ право возвратить данное (милость) и отойдти отъ хозяина (ст. 7). Но самая необходимость такого ограниченія показываетъ, до какой степени каждое лице старалось установить полное свое господство надъ всѣмъ окружающимъ.

Каково же было юридическое положеніе холопа? На это мы найдемъ отвѣтъ въ постановленіяхъ Рус. Правды.

Холопъ считался не лицомъ, а вещью, частною собственностью хозяина, которая подвергалась тѣмъ же юридическимъ послѣдствіямъ, какъ и всякое другое имущество. Плодъ отъ челяди наравнѣ съ плодомъ отъ скота, съ товаромъ и съ деньгами высчитывается въ числѣ движимаго имущества хозяина (ст. 68). Собственности у холопа нѣтъ; все, что бѣглый холопъ пріобрѣлъ, все то, вмѣстѣ съ его лицемъ, поступаетъ къ владѣльцу (ст. 58). Кто даетъ холопу денегъ въ займы, зная, что онъ холопъ, тотъ лишается своихъ денегъ; но если онъ сдѣлалъ это по невѣдѣнію, то хозяинъ обязанъ заплатить за холопа. Въ договорѣ Мстислава Давид. съ Ригою допускается впрочемъ долгъ, сдѣланный холопомъ княжескимъ: если латинскій гость даетъ ссуду княжескому холопу или другому доброму человѣку, а тотъ умретъ, не заплативъ долга, то наслѣдникъ его обязанъ вознаградить Нѣмца; тѣмъ же правомъ пользуются и Русскіе въ Ригѣ и на Готскомъ берегу (*Собр. госуд. грам. II, № 1*). Но въ Рус. Правдѣ объ этомъ исключеніи нѣтъ ни слова. Хозяинъ же платитъ долги холопа, котораго онъ отпустилъ торговать (ст. 57); онъ же вознаграждаетъ истца, если холопъ совершилъ преступленіе, за которое долженъ платить. Такимъ образомъ, если холопъ укралъ что-нибудь, господинъ его платитъ вдвое противъ цѣны вещи, но на холопа пени не налагается, потому что онъ несвободный (ст. 46). Господинъ воленъ однакоже, вмѣсто уплаты, выдать его истцу съ женою и дѣтьми, если они участвовали въ покражѣ или въ утайкѣ украденной вещи, или безъ нихъ, если они ни въ чемъ невиновны (ст. 49). Было одно только преступленіе, которое имѣло послѣдствія и для самого холопа. Это личная обида, нанесенная свободному человѣку. Если холопъ ударитъ свободнаго мужа и убѣжитъ къ хозяину, а послѣдній не захочетъ его выдать, то онъ обязанъ заплатить истцу 12 гривенъ, но обиженный могъ за тѣмъ убить холопа, гдѣ бы онъ его ни встрѣтилъ. Такъ уставилъ Ярославъ Владиміровичъ, но сыновья его

смягчили этотъ законъ; они предоставляли на выборъ обиженному: связать холопа, или бить, или продать его за деньги, или взять гривну кунъ за посрамленіе (ст. 60).

Такимъ образомъ собственность холопа есть собственность господина; за дѣйствія холопа отвѣчаетъ господинъ. Какъ несвободный, холопъ не можетъ быть и свидѣтелемъ въ судѣ; только по крайней нуждѣ допускается свидѣтельство дворскаго тіуна боярскаго (ст. 117). Но во всякомъ случаѣ по свидѣтельству холопа судья не могъ подвергнуть отвѣчика испытанію желѣзомъ и водою, развѣ этого потребуетъ истецъ, сказавши, что испытанію подвергаетъ отвѣтчика самъ онъ, а не холопъ. Однакожъ если отвѣтчикъ не могъ быть уличенъ, истецъ обязанъ былъ заплатить ему гривну за муку, потому что онъ основался на рѣчахъ холопа (ст. 119).

Какъ вещь, холопъ могъ быть уничтоженъ, украденъ, утаенъ. Поэтому въ Рус. Правдѣ постановляются правила для всѣхъ этихъ случаевъ. За убійство свободнаго человѣка платится вира; но за холопа и за рабу виры нѣтъ, а въ случаѣ убійства безъ вины, убійца платитъ урокъ господину, да князю 12 гривенъ пени (ст. 84). Количесгво этого урока опредѣлено въ другой статьѣ (82): за холопа платится 5 гривенъ, за рабу 6. Только за кормильца или кормилицу 12 гривенъ, даже если они холопы (83). Изъ этого послѣдняго выраженія можно заключить, что княжескіе и боярскіе тіуны, также княжескіе конюхи, отроки, старосты, за убійство которыхъ полагаются разныя виры и платы, не принадлежали къ числу холоповъ. Впрочемъ не мудрено, что за холопа княжескаго платилось болѣе, нежели за холопа, принадлежавшаго другимъ лицамъ, точно также, какъ за уничтоженіе борти княжеской платилось 3 гривны, а за борть, принадлежавшую простому человѣку (смерду), 2 гривны. Цѣна, постановленная за убійство холопа (5 гр.) и рабы (6 гр.), равняется цѣнѣ, назначенной и за убійство свободнаго смерда (ст. 82) и наемника (рядовича, ст. 80), что показываетъ низкое состояніе, въ которомъ находился простой народъ. Замѣчательно при этомъ, что убійство лошади или скота, также какъ и за холопа, постановлено 12 гривенъ пени, а господину гривну за пагубу, да урокъ (ст. 101). Въ договорѣ Новгорода съ Готландцами положено за убійство простаго человѣка платить 10 гривенъ серебра, за холопа же 2 гривны, за рану, нанесенную свободному человѣку, 2 гривны, холопу полгривны. Въ договорѣ Мстислава Давид. съ Ригою положено за убійство свободнаго человѣка платить 10 гривенъ серебра, за холопа гривну. За рану и побои, нанесенные холопу, въ первомъ договорѣ положено платить гривну кунъ. Въ Рус. Правдѣ о послѣднемъ нѣтъ ни слова; вѣроятно эти постановленія развились въ послѣдствіи. Не говорится въ ней и о томъ случаѣ, если самъ господинъ убьетъ своего раба, но это молчаніе должно приписать единственно тому, что онъ за это не подвергался никакой отвѣтственности. »Въ холопѣ и въ рабѣ виры нѣтуть«, а есть только пени за уничтоженіе чужой собственности, также какъ и за убіеніе лошади. Поэтому, какъ скотину хозяинъ властенъ былъ убить или оставить въ живыхъ, точно также и надъ рабомъ имѣлъ онъ полное право жизни и смерти. Подобное постановленіе встрѣчается даже въ исходѣ XIV вѣка. Въ двинской грамотѣ, данной великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ въ 1399 г., читаемъ: »а кто осподарь огрѣшится ударитъ холопа или рабу, а случится смерть, въ томъ намѣстници не судятъ, ни вины не емлють.« (*Акты Арх. Эксп. I, № 13*).

Холопъ могъ быть не только убитъ, но и украденъ. Въ древнѣйшемъ спискѣ Правды положено за уводъ чужаго холопа или рабы платить хозяину 12 гривенъ за обиду; въ позднѣйшихъ спискахъ установлено 12 гривенъ продажи въ пользу князя (ст. 107). Купившій чужаго холопа по невѣдѣнію во всякомъ случаѣ получалъ обратно данную цѣну; но тотъ, кто покупалъ его, зная, что онъ чужой, въ наказаніе лишался своихъ денегъ (ст. 9). Въ этихъ постановленіяхъ мы находимъ и объясненіе, для чего нужно было продажу совершать въ присутствіи холопа: его показанія могли облегчить отысканіе настоящаго вора, или удостовѣрить въ томъ, зналъ ли покупщикъ о его принадлежности другому хозяину, или нѣтъ.

Рус. Правда установляетъ пеню и за помощь, оказанную бѣжавшему рабу. Если кто дастъ ему хлѣба или укажетъ ему путь, зная, что онъ холопъ, тотъ обязанъ заплатить хозяину за холопа 5 гривенъ, за рабу 6. Цѣна установлена таже, что и при убійствѣ — ясное доказательство того, что здѣсь главное вниманіе обращено было на лишеніе собственности. Въ обоихъ случаяхъ хозяинъ терялъ одинаково, почему и получалъ одинакое вознагражденіе. Но если оказавшій помощь или передержатель бѣглаго холопа давалъ присягу, что онъ не зналъ его за холопа, то онъ избавлялся отъ всякаго взысканія (ст. 52, 53). Перехватившій чужаго бѣглаго холопа и извѣстившій о томъ хозяина, получалъ за это отъ послѣдняго гривну кунъ за переёмъ; но если онъ его упускалъ, то обязанъ былъ заплатить 4 гривны за холопа и 5 за рабу, ибо гривна оставалась въ его пользу за поимку (ст. 54). Если же хозяинъ самъ отыщетъ холопа въ какомъ либо городѣ, то онъ обязанъ объявить о томъ посаднику, и, взявши у него отрока, пойдти съ нимъ связать холопа. Но если при этомъ онъ его упуститъ, и, погнавшись за нимъ, убьетъ его, то убытокъ остается на немъ, и никто ничего не платитъ (ст. 142).

Таковы постановленія Рус. Правды о холопахъ; изъ нихъ видно, что рабство принималось въ самомъ строгомъ смыслѣ. Рабъ считался полною собственностью хозяина, вещью, лишенною всякихъ правъ. Одно только и встрѣчается законоположеніе въ пользу холоповъ: это то, что дѣти, прижитые хозяиномъ отъ рабыни, послѣ его смерти дѣлаются свободными вмѣстѣ съ матерью. Здѣсь нравственное начало восторжествовало, и ослабило юридическую строгость учрежденій.

Рядомъ съ рабствомъ является въ Рус. Правдѣ другое зависимое состояніе: это состояніе закупа. Закупомъ назывался человѣкъ, который за долгъ отдавался въ работу до уплаты. Въ одной статьѣ Рус. Правды (ст. 20) онъ называется также наймитомъ; и дѣйствительно это былъ родъ личнаго найма, но съ присоединеніемъ къ этому заемнаго обязательства (купы). Поэтому такое состояніе скорѣе можно назвать личнымъ закладомъ, на что указываетъ и слово: закупъ, тождественное съ закладомъ (1). Въ послѣдствіи самое это слово исчезаетъ, и вмѣсто его является названіе: закладня, которое, въ свою очередь, превращается наконецъ въ названіе кабальнаго холопа. Впрочемъ и договоръ найма близко подходилъ къ этому, ибо наемный работникъ часто получалъ отъ хозяина ссуду, которую обязанъ былъ возвратить, когда отходилъ отъ него. (Въ то время ничего не могло быть естественнѣе, какъ такой личный закладъ за недостаткомъ правильнаго общественнаго устройства и законовъ, охраняющихъ

---

(1) См. объ этомъ Неволина Ист. гражд. закон. I, 346, пр. 123; Доп. къ А. И. II, 136; Акты Юридич. № 417. Акты Эксп. I, № 160.

искъ, трудно было найдти другое обезпеченіе для заимодавца. Если у должника было недвижимое имущество, тогда оно могло поступать въ залогъ, и въ такомъ случаѣ оно обыкновенно отдавалось въ распоряженіе заимодавца). Но если такого имущества не было, нужно было искать обезпеченія личнаго, а сдѣлать это было тѣмъ легче, что свобода человѣческая мало цѣнилась, и стремленіе къ личному порабощенію и безъ того сильно проявлялось въ общественномъ быту. Поэтому закупъ становился въ состояніе близкое къ холопству, но тѣмъ не менѣе существенно отъ него различное *(Русская Правда, ст. 17—21 и 117)*. Зависимость была только временная, и онъ долженъ былъ сохранить возможность освободиться отъ нея уплатою долга. У него была своя собственность, своя лошадь; онъ работалъ и на себя, хотя обязанъ былъ также работать и на господина. И то и другое именно говорится о закупѣ ролейномъ, то есть земледѣльческомъ, который вѣроятно сидѣлъ на землѣ своего хозяина. Не обязанъ онъ платить хозяину, если скотину выведутъ изъ хлѣва или забоя безъ его вины; но если это сдѣлается по его оплошности, или если онъ загубитъ ихъ на своей работѣ, то онъ обязанъ вознаградить хозяина. Съ своей стороны и хозяинъ былъ ограниченъ въ своихъ правахъ. Онъ могъ бить закупа, но не иначе какъ за дѣло; если же онъ билъ его безъ вины, будучи пьянъ, то долженъ былъ платить ему за оскорбленіе, наравнѣ съ свободнымъ человѣкомъ. Точно также и неправильно удержанныя или отнятыя у закупа деньги хозяинъ долженъ былъ возвратить, да кромѣ того заплатить ему за обиду. Наконецъ, если хозяинъ продавалъ закупа въ полное холопство, то онъ обязанъ былъ въ наказаніе заплатить пеню въ 12 гривенъ, и кромѣ того лишался отданныхъ закупу денегъ. Вообще закупу предоставлено было

право жаловаться на господина, но не смотря на это постановленіе, положеніе его было весьма зависимое; ибо законныя ограниченія были слишкомъ недостаточны для обезпеченія его свободы. Ими не опредѣлялись ни время, которое онъ долженъ употребить на господскую работу, ни цѣна трудовъ его, ни проценты долга, а такая неопредѣленность, разумѣется, всегда обращается въ пользу сильнаго [1]. Эту зависимость понимало и само законодательство, которое запрещало принимать свидѣтельство закупа иначе, какъ въ самыхъ незначительныхъ тяжбахъ. Оно возлагало на господина и отвѣтственность за преступленія закупа, также какъ за преступленія холопа: если закупъ укралъ что нибудь, то господинъ обязанъ былъ вознаградить истца, а закупъ становился его холопомъ; если же хозяинъ не хотѣлъ платить, то онъ могъ закупа продать, и заплатить украденное изъ вырученной цѣны, а остальное взять себѣ. Совершивши преступленіе, за которое онъ долженъ былъ дать вознагражденіе, закупъ какъ бы принималъ на себя новое обязательство, не исполнивъ прежняго, и тѣмъ самымъ дѣлался какъ бы несостоятельнымъ, вслѣдствіе чего и поступалъ въ холопство къ своему заимодавцу. Точно также закупъ дѣлался рабомъ вслѣдствіе бѣгства: если онъ бѣжалъ отъ господина для того, чтобы жаловаться князю или судьямъ на обиду, то онъ не подвергался взысканію; иначе онъ дѣлался холопомъ своего господина. Бѣгствомъ онъ какъ бы разрушалъ заемное обязательство, и черезъ это закладъ поступалъ въ полную собственность заимодавца. Переходъ въ рабство былъ слѣдственно чрезвычайно легокъ, ибо закупниче-

---

[1] См. статью г. Панова о кабальныхъ людяхъ. Моск. Вѣдом. 1856 г. №№ 24 и 25. Впрочемъ съ нѣкоторыми выводами автора нельзя согласиться.

ство составляло нѣчто среднее между свободою и холопствомъ, а въ то время между тѣмъ и другимъ состояніемъ не было такого рѣзкаго разграниченія, какое дѣлается впослѣдствіи, когда человѣческая свобода получаетъ большую цѣну.

Таковы постановленія Рус. Правды о холопахъ и закупахъ. Относительно первыхъ мы видимъ въ ней довольно строгое развитіе принятыхъ законодательствомъ началъ; относительно послѣднихъ напротивъ является неопредѣленность, составляющая какъ бы принадлежность тогдашняго времени.

Изъ памятниковъ мы видимъ, что холопы раздѣлялись на большихъ и меньшихъ (*Сбор. госуд. грамотъ, т. I, № 83*); первые были приказные люди, ключники, посельскіе, старосты, тіуны, дьяки, казначеи (*Тамъ же №№ 25, 30, 86, 96 и др*). Это были княжескіе дворовые люди, управлявшіе дѣлами князя, которыя, впрочемъ, не отличались отъ дѣлъ общественныхъ. Между этими приказными людьми могли быть и не холопы, но во всякомъ случаѣ они состояли въ тѣсной зависимости отъ господина, и не пользовались правами свободныхъ людей. Такъ въ духовной грамотѣ князя Владиміра Андреевича (*Тамъ же № 40*), мы читаемъ: »а что мои ключники некупленые, а покупали деревни за моимъ ключемъ, сами ключники дѣтемъ моемъ не надобѣ, а деревни ихъ дѣтемъ моемъ, во чьемъ будутъ удѣле.« — Здѣсь не сказано, что они отпускаются на волю, слѣдственно они не были холопы; но мы знаемъ, что должность сельскаго ключника была одна изъ тѣхъ, которыя свободнаго человѣка дѣлали холопомъ, если онъ принималъ ее безъ особеннаго уговора. Въ числѣ обыкновенныхъ холоповъ вычисляются люди полные, купленные, грамотные (подъ которыми разумѣлись и дареные), приданые, доставшіеся за долгъ (въ винѣ), наконецъ кабальные (*Собр. госуд. грам. т. I, №№ 25, 39, 41, 82, 112, 121 и 147*). Нѣкоторые изъ этихъ холоповъ были посажены на оброкъ, и назывались оброчниками (*Тамъ же № 21*), другіе работали на господина и назывались дѣловыми людьми (*Тамъ же № 25. Дѣловыя деревни № 121 и 144*). Холопы сажались и на земли; встрѣчаются цѣлыя села, заселенныя ими [1]. Были также крѣпостные пчеловоды (бортники) (*Тамъ же № 21*); но вообще сельское народонаселеніе состояло изъ свободныхъ крестьянъ, между которыми, только какъ исключеніе, сажались холопы. Послѣдніе большею частью принадлежали къ личной прислугѣ князей и другихъ лицъ, къ ихъ дворовымъ людямъ. Въ нѣкоторыхъ духовныхъ грамотахъ высчитывается множество дворовыхъ должностей, занятыхъ холопами. Изъ этого видно, что бояре наши окружены были многочисленною дворнею, которая слѣдовала за ними въ ихъ переѣздахъ и придавала имъ могущество и значеніе. Такъ кіевскій бояринъ Родіонъ Несторовичъ, переѣхавши въ Москву при Калитѣ, привелъ съ собою 1700 человѣкъ дворни. Не всѣ впрочемъ были крѣпостные, ибо въ числѣ ихъ находились княжата и дѣти боярскіе. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно стремленіе образовать себѣ многочисленную дворню изъ холоповъ. Они, кромѣ личнаго услуженія, дѣлали все нужное для господина; они же слѣдовали за нимъ и въ войнѣ. »Кто кому служитъ, тотъ съ своимъ осподаремъ и идетъ«, это выраженіе встрѣчается во многихъ договорныхъ грамотахъ между князьями. (*Собр. госуд. грам. I, № 54, 56, 60*). Эти обязанности, эта личная принадлежность были вѣроятно причиною, что съ

---

(1) »А што мое село Переславичи въ твоемъ удѣле, а сидятъ въ немъ мои холопы Шипиловы.« Собр. госуд. грам. I, № 127.

нихъ не бралось дани, которой подлежали всѣ свободные слуги, переходившіе съ мѣста на мѣсто. Въ договорахъ, заключаемыхъ между князьями относительно платежа дани, говорится: »а на холопѣхъ (иногда: на полныхъ холопѣхъ) дани не взяти, на которыхъ ключники цѣлуютъ« (*Тамъ же*, № *28*, *76*, *88*, *119*). Ключники были слѣдственно главными начальниками холоповъ. Любопытно впрочемъ, что это условіе встрѣчается только въ договорахъ московскихъ князей съ тверскими; въ другихъ этого нѣтъ. Какая этому причина, за недостаткомъ извѣстій невозможно сказать.

Это стремленіе къ частному укрѣпленію было не только въ боярахъ и слугахъ, но еще въ большей степени въ князьяхъ. Главный интересъ послѣднихъ состоялъ въ промыслѣ, въ покупкѣ селъ, въ пріобрѣтеніи подвластныхъ людей; будущее государственное могущество созидалось на основаніи частнаго пріобрѣтенія. Но понятно, что другіе князья старались противодѣйствовать этому стремленію: имъ непріятно было видѣть укрѣпленіе за другимъ княземъ людей, живущихъ въ ихъ удѣлѣ. Отсюда постоянное условіе, встрѣчающееся въ княжескихъ договорахъ: »а селъ ти въ моей отчинѣ не купити и закладней ти въ моей отчинѣ не держати«. Иногда запрещается держать и оброчниковъ, а въ нѣкоторыхъ договорахъ всѣ эти условія распространяются и на бояръ другаго князя (*тамъ же* № *27*, *35*, *45*, *52*, *56*, *62*, *70*, *71*, *73*, *78*, *92*). Тѣ же условія встрѣчаются и во всѣхъ договорахъ Новгорода съ князьями (*тамъ же* № *1—20*). Князья, владѣвшіе Москвою сообща, обязывались кромѣ того не держать заложниковъ въ городѣ (*Собр. гос. грам. I*, № *35*, *45*, *71*, *78*). Но какъ скоро между князьями вспыхивала война, такъ эти условія тотчасъ нарушались; каждый князь, вступившій въ чужую область, старался захватить какъ можно болѣе людей въ свою власть. Не только плѣнные обращались въ холопство, но и самые жители занятой области укрѣплялись за княземъ и его боярами. Они приводились къ присягѣ, отдавались на поруки, укрѣплялись грамотами и заемными обязательствами, покупались; однимъ словомъ — всякими средствами обращались въ холопство или по крайней мѣрѣ въ кабальную зависимость. Однакоже, какъ скоро возстановлялся миръ, такъ обѣ договаривающіяся стороны обязывались уничтожить эти насильственныя акты укрѣпленія. Такъ въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями читаемъ: »а что селъ или людей во время распри заложилось за князя, за княгиню, за дѣтей ихъ и бояръ, или если кто изъ нихъ села купилъ, то деньги свои взять имъ назадъ, а села Новгороду« (*тамъ же* № *12*). Такія же условія находимъ и въ договорахъ между князьями. Плѣнниковъ обыкновенно князья обязывались отпустить безъ окупа; тѣхъ же, которые уже проданы за границу или гдѣ бы то ни было, выкупить и возвратить (*тамъ же* № *47*, *также* № *35*, *48*, *49*, *52*, *54*, *60*, *66*, *67*). Затѣмъ слѣдовали условія о княжескихъ людяхъ, или нятцахъ (т. е. люди, которыхъ они за себя взяли, укрѣпили); они освобождались отъ всякой зависимости въ отношеніи къ чужому князю: »а хто будетъ нятцевъ изниманъ, или на поруцѣ данъ, или къ цѣлованію приведенъ, а тѣхъ пустити безъ окупа, и порука и цѣлованіе свести на обѣ стороны«. Или: »а хто будетъ, брате, въ нашемъ нелюбіи твоихъ людей на поруцѣ данъ, или кабалы на нихъ, или серебро переведено, и мнѣ съ тѣхъ поруки свести и кабалы отдати и переведенное серебро [1]«. Нѣкоторыя

[1] Собр. госуд. грамот, т. I, № 43, 52, 54, 60, 66, 67, 69. Что нятцы не значило: плѣнные, какъ принимаетъ г. Лохвицкій въ своей диссертаціи »О плѣнныхъ по древнему русскому праву«, стр. 2,

же лица иногда исключались за новымъ хозяиномъ (*Собр. госуд. грам. I, № 60*: »*опроче Василья Вепрева*). Князья требовали слѣдственно только уничтоженія крѣпостныхъ актовъ, взятыхъ на нихъ собственныхъ людей или слугъ, тогда какъ въ договорахъ съ Новгородцами это условіе распространялось на всѣхъ жителей города. Оно подтверждалось и въ тѣхъ между-княжескихъ договорахъ, которые касались Новгорода и его области. Такъ напр. въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ тверскимъ князем̃ъ читаемъ: »а какъ еси взялъ Торжокъ, и кто ти ся будетъ продалъ пословицею Новгорожанъ одернь, или будешь серебро на комъ далъ пословицею, тѣхъ ти отпустити по цѣлованью, а грамоты дерноватыи подрати (*тамъ же № 28*). Одерноватый холопъ значитъ холопъ полный, также какъ и обѣльный.

Изложенныя условія княжескихъ договоровъ показываютъ, что плѣнъ не могъ уже служить такимъ обильнымъ источникомъ рабства, какъ прежде. До этого времени плѣнники постоянно обращались въ рабство, и притомъ не только въ войнахъ съ иноплеменниками, но и въ междоусобіяхъ внутреннихъ. Такъ напримѣръ Изяславъ Мстиславичъ въ 1149 г., опустошивши съ Новгородцами Ростовскую землю, вывелъ оттуда 7000 плѣнныхъ. Новгородцы, отразивши войска Боголюбскаго, набрали столько плѣнныхъ, что продавали десять Суздальцевъ за гривну. Нѣкоторые, какъ сказано выше, продавались и за границу. Вообще безпрерывныя войны и междоусобія должны были страшно умножить количество рабовъ, и хотя договорныя грамоты полагали этому нѣкоторый предѣлъ, но плѣнные иностранцы по прежнему продолжали обращаться въ рабство. Съ Литвою до позднѣйшихъ временъ не было полнаго обмѣна плѣнныхъ по прекращеніи войны, некрещенные же инородцы всегда считались законною добычею (*см. Лохвицкаго* »*О плѣнныхъ по древнему русскому праву*«).

Въ договорахъ между князьями постановлялось условіе и о выдачѣ бѣглыхъ холоповъ. «Холопа, робу, должника, поручьника, бѣглеца, татя, розбойника по исправѣ выдати» (*собр. госуд. грам. I, № 43, 49 и множество другихъ*). Въ договорахъ Москвы съ Тверью предписывается хозяину, отыскавшему холопа или должника, поставить его передъ княземъ, передъ намѣстникомъ или волостелемъ. Если холопъ захочетъ тягаться съ господиномъ за свободу, а порукъ по немъ не будетъ, то обвинить его и выдать господину. Если же господинъ уведетъ холопа самовольно, не поставивъ его передъ волостелемъ, »въ томъ ему вина« (*тамъ же № 28, 76, 88, 119*). Впрочемъ не опредѣлено, какому онъ за это подвергался наказанію. Вообще для отысканія раба не принималось давности: »Суженое, положеное, даное, поручное, холопу, робѣ судъ отъ вѣка« (*тамъ же № 28, 61, 62, 69*). Въ новгородскихъ грамотахъ постанавлялось кромѣ того, чтобы судьи холопа безъ господина не судили; князь же обязывался не вѣрить холопу, который начнетъ доносить на хозяина.

Вотъ что мы знаемъ о холопахъ до второй половины XV вѣка, т. е. до того времени, какъ образуется московское государство. Варяжская дружина принесла къ намъ рабство со всѣми его юридическими послѣдствіями. Дружина основана была на началѣ личности и свободнаго до-

---

примѣч. 2-е, это ясно изъ того, что нятцы вездѣ отличаются отъ полона, а также изъ разныхъ выраженій, напр.: «а что мои люди грабили бояръ твоихъ или нятцевъ или людей» № 49. Названія: твои люди и твои нятцы, принимаются, какъ однозначительныя, хотя первое могло быть шире послѣдняго. Одни и тѣ же условія постановляются то о тѣхъ, то о другихъ. Ср. напр. № 43, 49, 52, 54, 60. Нятцы могли быть князья, княгини, бояре и боярыни. Акты Археогр. Эксп., т. I, № 29.

говора. Каждое лице имѣло только тѣ обязанности, которыя оно добровольно принимало на себя по взаимному условію съ другими, но каждое вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло цѣлью нажить себѣ какъ можно болѣе добычи, пріобрѣсти собственность, расширить свою власть, и тѣмъ пріобрѣсти въ обществѣ значеніе и могущество. Этотъ характеръ сообщился и всему гражданскому быту того времени. Другой общественной связи не было, кромѣ той, которая основывалась на договорѣ свободныхъ лицъ или на личной зависимости отъ того или другого лица. Чѣмъ больше у отдѣльнаго свободнаго человѣка было зависящихъ отъ него людей, тѣмъ онъ становился могущественнѣе. Отсюда стремленіе богатыхъ пріобрѣсти какъ можно болѣе крѣпостныхъ насиліемъ, обязательствами, наконецъ обѣщаніемъ выгодъ, сопряженныхъ съ служеніемъ богатому и сильному лицу. Отсюда съ другой стороны стремленіе бѣдныхъ укрѣпиться или заложиться за богатыхъ, которые могли доставить имъ и средства къ жизни и защиту, необходимую во времена буйства и междоусобій. Препятствій къ этому стремленію не было никакихъ; не было общественной власти, которая принимала бы свободу каждаго подданнаго подъ свою защиту и покровительство, которая требовала бы отъ него обязанностей не частныхъ, а общественныхъ. Въ послѣдствіи, когда возникло государство, явились ограниченія этого выхода изъ подданства въ частную зависимость, сначала для людей служилыхъ, а потомъ для таглыхъ (1). Личность и вытекающее изъ нея частное право, служили коренным началомъ всего общественнаго быта, а господство частнаго права влекло за собою установленіе частной власти, частнаго подданства. Самые князья смотрѣли на себя, какъ на частныхъ собственниковъ, и старались увеличить свое значеніе покупками, промыслами, личнымъ укрѣпленіемъ людей за собою. То же самое дѣлали и бояре, то же дѣлалъ и всякій человѣкъ, ибо не существовало никакихъ ограниченій относительно владѣнія рабами; ихъ могъ имѣть и купецъ и крестьянинъ и всякій свободный человѣкъ. На это было, какъ мы видѣли, множество средствъ; всякое обязательство могло вести къ укрѣпленію, что опять вытекало изъ коренныхъ основъ тогдашняго быта. При развитіи начала общественнаго, власть сосредоточивается въ рукахъ государства или тѣхъ лицъ и сословій, которымъ она вручается государствомъ. Подданные же во взаимныхъ обязательствахъ между собою соприкасаются только отдѣльными сторонами своей жизни, сохраняя независимость лица. При такихъ условіяхъ переходъ отъ частнаго обязательства къ господству не возможенъ, ибо между тѣмъ и другимъ лежитъ все различіе начала частнаго и начала общественнаго. Этотъ переходъ возможенъ только тамъ, гдѣ самое господство считается дѣломъ не общественнымъ, а частнымъ. Тамъ каждое лицо стремится наложить свою власть на окружающую его сферу, и все, что приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе, все, что вступаетъ въ нѣкоторую отъ него зависимость, чрезъ это самое получаетъ уже возможность сдѣлаться полною его собственностью. Изъ лица зависимый человѣкъ дѣлается вещью, ибо по частному праву между лицомъ и вещью нѣтъ такого неизмѣримаго разстоянія: все различіе состоитъ въ большемъ или меньшемъ подчиненіи. Только въ государствѣ лицо получаетъ полное свое значеніе, ибо тогда оно становится членомъ общественнаго союза. Самымъ яркимъ выраженіемъ этой частной власти, этого господства лица надъ окружающею сферою было то, что нѣкоторыя зависимыя

(1) Въ послѣдствіи укрѣпленіе установлено государствомъ, но уже совершенно на другихъ началахъ; это не частное укрѣпленіе лица за лицемъ, а власть, врученная правительствомъ одному сословію, и обязанности, наложенныя на другое.

должности сами собою дѣлали человѣка рабомъ; вступивши въ эту сферу личнаго права, онъ не могъ уже оставаться свободнымъ. Такъ сильно было значеніе частнаго лица въ гражданскомъ быту, такъ самое общество признавало законность этого господства...

Рядомъ съ гражданскимъ обществомъ, въ которомъ господствовало анархическое броженіе буйныхъ средневѣковыхъ силъ, произволъ личности, стремящейся къ преобладанію, стояла церковь, которая говорила, что человѣкъ есть лицо, а не вещь, и стремленію къ паробощенію противополагала стремленіе къ освобожденію. Наставленія пастырей смягчали суровое нравы воиновъ и дѣлали болѣе сноснымъ положеніе рабовъ, предоставленныхъ законодательствомъ въ полное распоряженіе господина. Такъ въ одномъ памятникѣ XII вѣка мы находимъ слѣдующее поученіе: »Сиротъ домашнихъ не обидьте, но больше милуйте, голодомъ не морите, ни наготою, потому что это домашніе твои нищіе. Нищій въ другомъ мѣстѣ себѣ выпроситъ, а рабы только въ твоей рукѣ; милуйте своихъ рабовъ, и учите ихъ на спасеніе и покаяніе, а старыхъ на свободу отпускайте... Если холопа своего или рабу не кормишь и не обуваешь, и убьютъ ихъ у воровства, то за кровь ихъ ты отвѣтишь. Ты какъ апостолъ въ дому своемъ: научай грозою и ласкою. Если рабы и рабыни не слушаются, по твоей волѣ не ходятъ, то лозы не жалѣй до шести ранъ и до двѣнадцати, а если велика вина, то до 20 ранъ; если же очень велика вина, то до 30 ранъ лозою, а больше 30 ранъ не велимъ.... Рабовъ, которыхъ возьмешь съ собою въ походъ, чести и люби, чтобъ они были тебѣ въ обидѣ и въ рати добрыми помощниками« (*Соловьева рус. ист. III, 101*). Въ другомъ памятникѣ читаемъ слѣдующее: »Слухъ ми, господине, приходитъ», пишетъ св. Іосифъ Волоцкій одному вельможѣ, »что будто деи немилосердіе твое и нежалованіе велико къ твоимъ рабамъ и сиротамъ домашнимъ, тѣснота и скудость велика имъ тѣлесныхъ потребъ, пищею и одеждою не токмо доволни, но и гладомъ таютъ и наготою стражютъ, и сего ради азъ грѣшный дерзнулъ тебѣ воспомянути, моему господину, помянувъ твою вѣру къ пречистой Богородици и къ намъ нищимъ великое твое жалованіе и любовь о Христѣ« ... При освобожденіи рабовъ, равно какъ и при продажѣ ихъ, требовалось, чтобы господинъ не бралъ за нихъ болѣе, нежели сколько они стоили ему самому; ибо берущій лишекъ торгуетъ живыми душами, »съ ними же предъ Богомъ стати есть«. Кто съ отпускаемаго на свободу раба, сверхъ цѣны, которую онъ за него далъ, беретъ изгойство (то есть выходъ), тотъ »обрѣтается продая кровь неповинную и взыщется милостыни. Милостивіи бо помилованы будутъ. Аще кто хотя спасенія кается, да опять дасть тѣмъ ихъ же обидѣлъ, а не тако—не быти прощену« (*Архивъ Колачова, кн. 2, отдѣл. 6-го стр. 42*). Такой поступокъ считался въ числѣ самыхъ тяжкихъ грѣховъ: »всего же есть горѣе изгойство взимати« (*тамъ же кн. 1, статья Колачова объ изгояхъ, стр. 63*). Самыхъ вольноотпущенныхъ, изгоевъ, церковь принимала подъ свое покровительство, какъ людей безпомощныхъ, не примкнувшихъ ни къ одному изъ тѣхъ мелкихъ свободныхъ и крѣпостныхъ союзовъ, на которые разбивалось гражданское общество. »То люди церковныи, богадѣльніи».

Безъ сомнѣнія эти правила, эти наставленія не оставались безъ послѣдствій. Должно однакоже сознаться, что на жизнь они дѣйствовали мало, какъ видно изъ другихъ примѣровъ. Кириллъ Бѣлозерскій въ началѣ XV вѣка пишетъ къ князю Андрею Можайскому, чтобъ у него не было корчемъ, ни мыта: »понеже, господине, куны неправедныя« (*акты истор.*

I. № 16). А между тѣмъ само законодательство установляло 20 процентовъ, какъ законный ростъ, и мы знаемъ, что корчмы, мыты, перевозы и мостовщина въ древней Россіи встрѣчались на каждомъ шагу. Жизнь такъ противорѣчила этимъ нравственнымъ требованіямъ, что они не могли получить въ ней большую силу. Человѣкъ въ окружающей его средѣ не находилъ въ себѣ нравственной опоры; все кругомъ него предавалось разгулу, все стремилось къ пріобрѣтенію, къ порабощенію, и самъ онъ невольно увлекался этими страстями и старался увеличить свою силу и значеніе расширеніемъ своей власти, порабощеніемъ окружающихъ его лицъ. Но послѣ буйной жизни наступала минута, когда утихали въ немъ движенія страсти, и всѣ обуревавшія его своекорыстныя и честолюбивыя цѣли блѣднѣли передъ открывающеюся перспективою вѣчности и загробной жизни. Передъ смертію человѣкъ приходилъ въ себя, и тогда сильнѣе слышался ему нравственный голосъ, осуждавшій житейскія его стремленія. Тогда онъ прощался съ міромъ, надѣвалъ на себя монашескую схиму, прощалъ долги, отпускалъ своихъ рабовъ. За стремленіемъ къ порабощенію слѣдовало противоположное стремленіе къ освобожденію. Во всякомъ почти духовномъ завѣщаніи того времени встрѣчаются распоряженія относительно отпущенія на волю рабовъ. Люди бездѣтные обыкновенно освобождали ихъ всѣхъ безъ исключенія, другіе оставляли часть своимъ дѣтямъ, а остальныхъ отпускали на волю, нѣкоторые же, хотя рѣдко, и при смерти не думали разкрѣпить то, что укрѣпили при жизни (*см. духовныя князей въ I т. Собр. г. грам. и духовныя частныхъ лицъ въ Акт. Юр.*). Преимущественно передъ другими отпускались люди приказные, тѣ, которые пользовались наибольшею довѣренностью и оказали наиболѣе услугъ. Нѣкоторые отпускались

на волю и съ землею (*Собр. г. грам. т. I, № 130*), но разумѣется это было исключеніе, ибо холопы принадлежали больше къ личной прислугѣ хозяина. Иногда отпускаемымъ рабамъ давались нѣкоторые пожитки (*Акты Юрид. № 417, 419, 420, 421, 425*). Встрѣчаются и условныя отпускныя, напримѣръ въ случаѣ смерти дѣтей, или если дѣтей не будетъ (*А. Юр. № 409, I, 413*), или послѣ извѣстнаго числа лѣтъ службы у наслѣдниковъ, иногда же до ихъ смерти (*Тамъ же № 420*), или послѣ смерти хозяина, если при жизни еще давалась рабу отдѣльная отпускная (*А. Юр. № 409, X, № 406*), или за деньги (*Тамъ же № 414*). Иногда же передаваемому въ наслѣдство холопу предоставлялось на волю остаться въ холопствѣ или заплатить опредѣленное количество денегъ и получить свободу (*Тамъ же № 410*). Обыкновенно мужья, отпуская людей своихъ на волю, оставляли женамъ тѣхъ изъ нихъ, которые находились въ брачномъ союзѣ (смѣшались) съ ея рабами (*Акты Юрид., № 418, 420*). Но не рѣдко освобождался мужъ, а жена оставалась крѣпостною, и наоборотъ освобождались жена и дѣти, а мужъ оставался рабомъ, или же освобождались дѣти безъ родителей или родители безъ дѣтей (*А. Юр. № 409, I, 410, 420*). Это показываетъ, что въ то время не слишкомъ смотрѣли на святость семейныхъ узъ. Вообще духовная память была устроеніемъ души умирающаго (*Тамъ же № 421*). Эти распоряженія — отпущеніе долговъ, освобожденіе крѣпостныхъ, были послѣднимъ долгомъ, который исполнялъ христіанинъ при прощаніи съ міромъ.

Такимъ образомъ стремленіе каждаго лица къ порабощенію другихъ встрѣчало себѣ противодѣйствіе въ нравственно-религіозномъ началѣ. То, чего человѣкъ старался достигнуть въ продолженіи всей

жизни, въ чемъ онъ полагалъ свою силу и свое значеніе, то отрицалось при смерти. А дѣти, получивши уменьшенное наслѣдіе, снова стремились къ стяжанію и порабощенію, снова пополняли пріобрѣтенными рабами мѣста тѣхъ, которые были отпущены на волю отцомъ, и сами въ свою очередь, прощаясь съ жизнію, отпускали ихъ на волю, и отрицали свою прошедшую дѣятельность. Это было вѣчное движеніе отъ одной противоположности къ другой, отъ корыстнаго житейскаго стяжанія, посягающаго на человѣческую свободу, къ высоконравственной цѣли, отрицающей всякіе личные интересы. Эти рѣзкіе скачки отъ одной крайности въ другую, это вѣчное колебаніе между двумя противоположными стремленіями составляютъ характеристическую черту средневѣковой жизни, какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ.

Такова была эта среднѣвѣковая жизнь, вся слагавшаяся изъ крайностей и противорѣчій!

Это стремленіе личности къ расширенію своей власти, къ порабощенію окружающей среды, встрѣчало себѣ препятствіе и въ другомъ явленіи. На Западѣ народонаселеніе было осѣдлое; дружинники усѣлись въ своихъ замкахъ, вступили съ ленными владѣльцами и королями въ договоры наслѣдственные, и пріобрѣли, такимъ образомъ, значеніе поземельное. Вслѣдствіе этого личная зависимость распространилась тамъ и на жителей земли. Виланы также, какъ и рыцари, заключали съ землевладѣльцами договоры прочные и постоянные; вступая къ нимъ въ наслѣдственную зависимость, они сами собою укрѣпились къ землѣ. На Западѣ вліяніе лица на поземельное его владѣніе было такъ сильно, что во многихъ средневѣковыхъ законодательствахъ существовало правило: воздухъ дѣлаетъ крѣпостнымъ (Luft macht eigen). Проживши годъ со днемъ на владѣніяхъ извѣстнаго лица, подышавши принадлежавшимъ ему воздухомъ, поселянинъ черезъ это уже вступалъ къ нему въ крѣпостную зависимость, точно также, какъ проживши годъ со днемъ въ стѣнахъ города, онъ дѣлался горожаниномъ и пріобрѣталъ городскія права. У насъ не было ничего подобнаго: дружина была кочевая; князья поздно получили осѣдлость, а бояре и слуги постоянно переѣзжали съ мѣста на мѣсто, заключая съ князьями договоры временные, а не наслѣдственные, такъ что поземельнаго значенія они пріобрѣсти не могли. Этотъ же кочевой характеръ сообщился и всему народонаселенію; крестьяне переходили съ мѣста на мѣсто, изъ одного селенія въ другое, изъ одного княжества въ другое, а заключаемые ими договоры никогда не имѣли наслѣдственнаго характера. Потому власть лица распространялась только на среду, окружавшую его лично, а не на жителей земли; стремленіе къ порабощенію находило себѣ предѣлъ и противодѣйствіе въ стремленіи къ кочеванію. Поэтому служебныя должности, личная зависимость могли дѣлать человѣка холопомъ, но поземельныя отношенія оставляли его свободнымъ.

Свободный переходъ крестьянъ—повсемѣстное явленіе въ древней Россіи. Во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ духовенству, монастырямъ и частнымъ лицамъ, встрѣчаются выраженія: «Кого перезоветъ къ себѣ жить». Иногда и въ княжескихъ договорахъ постановлялось: »а бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ и христіяномъ межъ насъ волнымъ воля« (*Собр. г. грам. I № 127*). Вообще свобода лица и свобода отхода остаются неприкосновенными. Только въ Новгородѣ, вѣроятно вслѣдствіе большей осѣдлости народонаселенія, являются и болѣе зависимыя отношенія крестьянъ отъ господъ. Половникъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сравнивается съ холопомъ. Такъ въ договорахъ съ князьями постановляется: »а хо-

лопа и половника безъ осподаря не судити» (*Собр. г. грам. I*, *№ 6*, *7*, *8*, *10*). Еще важнѣе то, что въ договорѣ съ Тверью 1307 года положено бѣглыхъ холоповъ и половниковъ выдавать обратно (*Тамъ же № 10*). Въ Новгородѣ слѣдственно, въ вольной общинѣ, крестьяне не пользовались такою свободою, какъ въ остальныхъ русскихъ областяхъ; поземельныя отношенія ближе подходили къ отношеніямъ крѣпостнымъ. Въ Псковѣ же, какъ видно изъ псковской судной грамоты, этой зависимости не было; крестьяне сохраняли полную свободу и считались вольными наемниками.

Ограниченія перехода выражены въ духовной грамотѣ Владиміра Андреевича, и повторяются во множествѣ договорныхъ и жалованныхъ грамотъ того времени; они возникли изъ поземельнаго значенія князей. Дружина, какъ сказано, была кочевая; бояре и слуги переѣзжали съ мѣста на мѣсто. Тоже самое дѣлали и крестьяне; это было всеобщее броженіе по всей Русской землѣ. Князья первые сдѣлались осѣдлыми, и они-то стали собирателями земли, и въ послѣдствіи созидателями государства. Понятно, что вотчинникъ, имѣвшій значеніе поземельное, старался удержать у себя поселенныхъ на землѣ его хлѣбопашцевъ, и перезвать къ себѣ новыхъ поселенцевъ, обѣщая имъ всевозможныя льготы (*Доп. къ А. Истор. I*, *№ 8*). Они платили ему подати, оброки, несли повинности за владѣніе землею, а въ этомъ состояла его сила. Но при бродячемъ духѣ народонаселенія удержать ихъ было невозможно. Земля по своей обширности имѣла для нихъ слишкомъ мало значенія, и не могла служить крѣпкимъ звеномъ между хозяиномъ и поселенцемъ. Холопство было личное, а не поземельное; личныя отношенія могли установить прочную зависимость, поземельныя же всегда имѣли характеръ временный. Съ другой стороны не возможно было въ то время и запретить переходъ. Такая мѣра могла быть только дѣйствіемъ государственной власти, а государство еще не возникало. Князья были собственно владѣльцы земли, а подданныхъ у нихъ не было, ибо каждый свободно покидалъ одно княжество и переходилъ въ другое, вступая въ добровольныя сдѣлки съ хозяевами тѣхъ земель, на которыхъ онъ поселялся. Поэтому прямыми мѣрами не возможно было дѣйствовать; оставалось употребить мѣры косвенныя, и дѣйствительно князья старались ограничить свободу перехода, обязывая другихъ князей и землевладѣльцевъ не принимать уходящихъ съ земель ихъ крестьянъ. Это относилось въ особенности къ людямъ тяглымъ, то есть тѣмъ, которые поселены были на земляхъ, принадлежавшихъ князю, и несли разныя подати и повинности въ его пользу. Крестьяне же, поселенные на земляхъ духовенства и служилыхъ людей, имѣли непосредственныя обязанности къ своимъ землевладѣльцамъ; они менѣе первыхъ платили податей князю, а иногда и вовсе освобождались отъ княжескихъ повинностей, почему естественно князья менѣе дорожили ими, нежели первыми.

Князья впрочемъ рѣдко договаривались между собою не принимать крестьянъ изъ чужаго княжества. Это условіе встрѣчается только между князьями московскими, которые вмѣстѣ владѣли Москвою и вмѣстѣ блюли живущихъ въ ея уѣздѣ черныхъ людей и дворцовыхъ крестьянъ. Въ этихъ договорахъ встрѣчается постоянное условіе: »а которыи слуги потягли къ дворьскому, а черныи люди къ сотникомъ, тѣхъ ны въ службу не принимати« (*Собр. г. грам. I*, *№ 27*, *33*). или, какъ обыкновенно говорится въ позднѣйшихъ договорахъ, просто: »тѣхъ намъ не принимати« *(Тамъ же № 35, 45, 71, 78, 84, 95)*. Иногда къ этому присоединяется запрещеніе покупать ихъ

земли (*Тамъ же № 33, 95*). Кажется, что условія о непринятіи въ службу и непокупкѣ земель имѣли мѣсто при нераздѣльности владѣнія; когда же участки въ Москвѣ раздѣлялись между князьями, тогда послѣдніе уговаривались не принимать крестьянъ изъ одного участка въ другой. Въ первомъ случаѣ постановленіе распространялось и на купечество (*Собр. грам. I, № 33, 95*). Эти условія не уничтожали однако свободы крестьянъ; сосѣдній землевладѣлецъ могъ не принимать ихъ на свою землю, но они всегда имѣли право уйдти въ другое княжество. Это очевидно изъ приведенной выше духовной грамоты Владиміра Андреевича, въ которой онъ запрещаетъ сыновьямъ своимъ принимать крестьянъ изъ одного удѣла въ другой, а между тѣмъ говоритъ, что крестьянинъ воленъ уйдти, куда хочетъ, но подъ условіемъ потери земли. Владиміръ Андреевичъ былъ тоже участникъ въ Московскомъ удѣлѣ; въ другихъ княжествахъ такихъ условій не встрѣчается. Въ договорѣ рязанскихъ князей прямо сказано: »а христіяномъ межъ насъ волнымъ воля«. Въ договорахъ между князьями различныхъ удѣловъ въ замѣнъ этого ограниченія перехода всегда включалось условіе о выдачѣ холоповъ, рабовъ, разбойниковъ и проч., чего, наоборотъ, нѣтъ въ договорахъ между московскими князьями. Власть великаго князя усилилась и участки удѣльныхъ князей въ Москвѣ и въ окрестныхъ городахъ отошли къ нему; Андрей Васильевичъ сохранилъ только право извѣстное время держать въ Москвѣ своего намѣстника для суда. Въ договорѣ великаго князя Василья Васильевича съ Шемякою встрѣчается также постановленіе, чтобы послѣдній данныхъ людей съ Бѣжецкаго-Верха не принималъ [1]. Но Бѣжецкій-Верхъ былъ областью новгородскою, Новгородцы же постоянно договаривались съ князьями, чтобы послѣдніе не выводили людей въ свое княженіе, ни изъ Бѣжецкаго-Верха, ни изъ другихъ волостей новгородскихъ (*Собр. г. грам. I, № 1, 3, 5, 6, 7, 8, 9*). Въ договорахъ между Москвою и Тверью или Рязанью также включалось условіе: »а вывода и рубежа межи себя не замышляти« (*Тамъ же I, № 28, 32, 36, 48, 76, 88. Срав. № 14*; »*а силою ти гостя въ Тфѣрь не примимати*«). Но выводъ означалъ насильственное завладѣніе людьми, также какъ рубежъ значилъ насильственное завладѣніе имуществомъ, за что виновные выдавались по розыску.

Такія же ограниченія встрѣчаются и въ жалованныхъ грамотахъ духовенству и служилымъ людямъ. Движимые духомъ благочестія, князья одарили церковь многочисленными землями, и жаловали монастырямъ и духовенству разныя льготы и привилегіи, какъ для нихъ самихъ, такъ и для крестьянъ, поселенныхъ на ихъ землахъ. Но понятно, что при такихъ значительныхъ преимуществахъ сосѣдніе крестьяне должны были массами переселяться въ церковныя имѣнія, а необходимымъ слѣдствіемъ такого переселенія было уменьшеніе княжескихъ доходовъ. Для избѣженія этого князья давали льготныя грамоты условно; обыкновенно льготы распространялись только на три разряда крестьянъ: 1) на старожильцевъ, либо уже сидящихъ на землѣ, либо ушедшихъ на другія мѣста, если они возвратятся вновь; 2) на людей купленныхъ (или окупленныхъ), и посаженныхъ на земли; 3) на людей перезванныхъ изъ другихъ

(¹) Собр. гос. грам. I, № 30. Что касается до упрека, который духовенство дѣлаетъ Шемякѣ въ своемъ посланіи (Акт. Ист. I, № 40) въ томъ, что онъ перезываетъ къ себѣ людей великаго князя, то это относится къ Москвѣ, которую оба князя обязывались держать по старинѣ.

княжествъ, а не изъ вотчины того князя или той княгини, которые давали грамоту. При всемъ томъ общаго правила не было: иногда льготы даровались однимъ старожильцамъ (*А. Арх. Эксп. I, № 38, 181*), или однимъ людямъ купленнымъ (*Тамъ же № 52*), или однимъ перезваннымъ изъ другихъ княжествъ (*А. Ист. I, № 36, 88, 108. Акты Эксп., № 17, 19, 28, 41. Доп. къ Акт. Ист. I, № 208*), иногда же тѣмъ и другимъ вмѣстѣ—старожильцамъ и перезваннымъ (*А. Истор. I, № 25, 78. А. Арх. Эксп. I, № 28, 31, 39, 51, 56, 60. Доп. къ А. Ист. I, № 17*), купленнымъ и перезваннымъ (*А. Истор. I, № 28. А. Арх. Эксп. I, № 31*), или старожильцамъ, купленнымъ и перезваннымъ (*А. Арх. Эксп. I, № 53. Доп. къ А. Ист. I, № 198*). На это закона не было, ибо все зависѣло отъ благорасположенія князя; это былъ частный порядокъ, при которомъ можно было давать болѣе или менѣе льготъ. Нерѣдко одинъ и тотъ же князь одному и тому же монастырю на разныя деревни давалъ льготныя грамоты совершенно различнаго содержанія (*А. Истор. I, № 83, 87, 88*). Поэтому и права были чрезвычайно разнообразны: одни получали освобожденіе отъ нѣкоторыхъ податей, другіе отъ всѣхъ, одни на одинъ срокъ, другіе на другой, а третьи на безсрочное время. Во множествѣ жалованныхъ грамотъ нѣтъ рѣшительно никакихъ ограниченій; льготы даруются людямъ, »кто имѣетъ или учнетъ жити на тѣхъ земляхъ«, или »кого къ себѣ игуменъ зоветъ«, или »кого посадитъ на той землѣ« (*А. Ист. I, № 13, 15, 83, 106, 131. А. Эксп. I, № 75, 88, 122. 136, 158, 164, 171, 208. Доп. къ А. Ист. I, № 27*). Это было дѣло совершенно случайное, въ которомъ правительственныхъ видовъ и распоряженій никакихъ не было. Встрѣчается

даже условіе, чтобы не только на церковныя земли не принимать людей в… великаго княжества, но и въ удѣлъ в… ликаго князя не принимать людей … церковной земли (*Опис. госуд. архи… старыхъ дѣлъ, стр. 213*).

Такія же льготныя грамоты, съ его… же различнымъ содержаніемъ, давались частнымъ людямъ; здѣсь также освобо… дались отъ податей и повинностей и… просто люди »кто учнетъ жити« на и… землѣ, или купленные, старожильцы… призванные изъ другихъ княжествъ, и наконецъ »кто перезоветъ неписьменныхъ людей« (*Акты Ист. I, № 115. Д… полн. къ Акт. Ист. I, № 36. Акт… Эксп. I, № 111, 130, 182, 16… 371, 374, 379*). Не только князья, … и духовныя власти и даже частныя ли… давали подобныя грамоты съ ограниченіе… перехода крестьянъ. Въ 1450 году митр… Іона далъ грамоту Андрею Аѳанасьев…, что сидитъ на своей куплѣ, на Полян… ской пустоши, въ волости Пречист… Богородицы и въ моей въ Романовско… и како Андрей на ту пустошь къ себ… перезоветъ людей изъ иныхъ княжест… а не изъ волости ни изъ селъ Пречисто… Богородицы, и тѣмъ людемъ пришлы… не надобѣ съ моими христіяны съ вол… стными тянути ни въ какое дѣло... которой христіянинъ волостной Романовск… или изъ села изъ церковного, выйде за рубежъ, а хотя и и къ Андрею на пустошь, и Андрею тѣхъ христіянъ в… лостныхъ ни сельчанъ церковныхъ … принимати« (*Акты Юрид. I, № 11 VI*). Здѣсь видно стремленіе къ образ… ванію такого же іерархическаго поряд… землевладѣльцевъ, какъ въ феодально… мірѣ на Западѣ. Духовное лицо, монасты… получаютъ отъ князя земли, а вмѣстѣ … тѣмъ и соединенныя съ ними пра… и льготы людямъ, которые поселяли… на ихъ землѣ и черезъ это дѣлаются о… нихъ зависимыми. Но у насъ, вслѣдст…

всеобщаго разъединенія и кочеванія, этотъ порядокъ никогда не могъ получить такой опредѣленности, какъ тамъ. Изъ этого очевидно, что всѣ эти ограниченія перехода были дѣломъ совершенно частнымъ; это было условіе, заключаемое между нѣкоторыми землевладѣльцами, и свобода крестьянина черезъ это не нарушалась.

Съ образованіемъ Московскаго государства исчезли, разумѣется, всѣ ограниченія перехода крестьянъ изъ одного княжества въ другое. Въ большей части жалованныхъ граметъ позднѣйшаго періода употребляется выраженіе: »кто учнетъ жити людей« (*Акты Ист. I, № 163, 188, 217, 226. Акты Эксп. I, № 300, 329, 386. Дополн къ Акт. Юрид. I, № 130*), безъ другихъ условій; только относительно тяглыхъ людей встрѣчаются постановленія. Но съ половины XV вѣка являются ограниченія иного рода,—именно опредѣленіе срока, въ который крестьяне могутъ переходить отъ землевладѣльца къ другому.

Послѣ этого мы можемъ понять все различіе между укрѣпленіемъ холоповъ и укрѣпленіемъ крестьянъ. Первое возникло изъ частнаго права, составлявшаго основаніе общественной жизни въ средніе вѣка, изъ господства личности, не знавшей надъ собою общественной власти, изъ стремленія каждаго человѣка увеличить свое могущество порабощеніемъ окружающей его среды. Второе вышло изъ потребности государства устроиться и укрѣпиться. Образуясь изъ средневѣковой неурядицы, лишенное всякихъ средствъ, и денежныхъ и административныхъ, оно должно было требовать отъ подданныхъ посильной службы для того, чтобы учредить правильное управленіе, водворить благоустройство, создать силу и могущество Россіи. Укрѣпленіе крестьянъ было не частнымъ правомъ, пріобрѣтеннымъ однимъ лицемъ надъ другимъ, а послѣдствіемъ общихъ обязанностей, наложенныхъ на всѣ сословія. Но, при соединеніи крестьянъ и холоповъ подъ рукой одного владѣльца, одно учрежденіе воздѣйствовало на другое, одно сословіе сообщило другому нѣкоторыя черты своего характера.

И такъ, этотъ переворотъ въ судьбѣ крестьянскаго сословія былъ необходимымъ послѣдствіемъ условій тогдашняго быта. Но какимъ же образомъ могъ онъ совершится безъ сильныхъ потрясеній? Только въ пословицѣ: »вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ, день»! сохранилось объ немъ воспоминаніе въ народѣ. Мы найдемъ этому объясненіе, если взглянемъ на способъ укрѣпленія бояръ и служилыхъ людей. Послѣдніе также пользовались правомъ перехода: »а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля». Но когда уничтожилась удѣльная система, московскіе государи стали требовать, чтобъ они перестали отъѣзжать. И вотъ безъ переворота, даже безъ указа, бояре и служилые люди изъ вольныхъ слугъ сдѣлались крѣпостными и стали писаться холопами. Дѣло въ томъ, что требованіямъ государства ни бояре, ни крестьяне не могли противопоставить такого дѣятельнаго сопротивленія, какъ напримѣръ феодальные владѣльцы на западѣ. Они были для этого слишкомъ разрознены. Бояре и слуги могли протестовать только бѣгствомъ, да крамолами; ихъ сдѣлали холопами, а они все таки продолжали отъѣзжать. Точно также и крестьяне, не смотря на укрѣпленіе, продолжали уходить тайкомъ.

(*Изъ статьи Б. Чичерина. Рус. Вѣст. 1858*).

Указатель статей: О частной жизни князей до нашествія Татаръ. *М. Погодина*. Москвит. 1853. II. О скудельницахъ или убогихъ домахъ въ Россіи. *И. М. Снегирева*. Зап. и Труды общ. Ист. 1826, ч. III, 1. 235—263. Пиры и братчины. *А. Попова*. Архивъ ист. Калачова, II, 2. отд. VI, 19. Замѣтки о братчинахъ. Рус. Бес. 1858, I, отд. 3. 1—12. Борцы въ древ. Руси.

Бъляева. Тамъ же 1856, III. Смѣсь 57. О братчинахъ *С. Соловьева*. Тамъ же IV. смѣсь 108—118. Кабальные люди. *А. Панова*. Моск. Вѣд. 1856, № 24 и 26. О древ. бытѣ Славянъ вообще и Русскихъ въ особенности. *К. С. Аксакова*. Пол. собр. Сочин. 1861, 1—311—319. О состояніи крестьянъ въ древ. Рос. Тамъ же 415—494. Взоръ на обычаи древ. Руссовъ. *Н Арцыбашева*. Зап. и Труды общ. Ист. 1824, ч. 2. кн. 2. 90—115. О состояніи женщинъ въ Россіи *В. Шульгина*. Кіевъ 1850. Историч. судьба женщины въ Россіи, *А. Строева*. Моск. Вѣд. 1856 № 145 и 147. О правахъ и обычаяхъ нашихъ предковъ можно почерпать свѣдѣнія изъ иностранныхъ писателей. Memoriae populorum. *Штриттера*. Спб. 1771—1779 г. 4 тома I6 п. Foszlans und anderer Araber Berichte über Russen alterer Zeit. Спб. 1823. Memoires de

l'Academie Imper. des Scieus de St.-Peterb. 1834 VI, 317. *Шармуа*. Записки Археол. общ. VI, 46. *Марко-Поло*. Чт. общ. Ист. 1861.-3. Собр. къ путеш. къ Татарамъ. Изд. *Языкова*. Спб. 1825. Жизнеопис. древнихъ и среднев. путеш. Чт. общ. 1864. кн. 2, 3 и 4. 1865. кн. 1 и 2. Библіотека иностран. путеш. *Семенова*. Спб. 1836, Сказаніе иностр. писат. о Рос. изд. Археогр. ком. Спб. 1851. Путешествіе Ибнъ-Батуты. Рус. Вѣст. 1841 № 2, стр. 462. Жизнь древ. Славянъ по Хроникѣ Дитмара. Спб. 1857. Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Славянахъ и Руссахъ. Ибнъ-Даста *Д. А. Хвольсона*. Спб. 1869. О правахъ и обычаяхъ др. Руси. *С. Соловьева*. Чт. общ Ист. № 1. Взглядъ на Юридич. бытъ др. Руси. *К. Кавелина*. Современ. 1847. № 1. Древн. рус. проповѣдь противъ пьянства. Прав. Собес. 1862, I. 263. 369.

VII. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

237. Грамота Мстислава, данная Юрьеву монастырю 1130.

Се азъ Мьстиславъ Володимерь сынъ дьржа Русьску землю въ свое княжение повелѣлъ есмь сыну своему Всеволоду отдати (Бунцѣ) св. Георгиеви съ данию и и съ вирами и съ продажами и вено вотское, да же который князь по моемь княжении почьнеть хотѣти отъяти у св. Георгия, а Богъ буди за тѣмь и св. Богородица и тъ (*тотъ*) св. Георгий у него то отимаеть. И ты, игумене (Исаие) и вы братиѣ, донелѣже (*пока*) ся миръ сътоить, молите Бога за мя и за моѣ дѣти кто ся изоостанеть въ манастыри, то вы тѣмь дължьни есте молити за ны Бога и при животѣ и въ сьмрти, а язъ далъ рукою своею и осеньнее полюдие даровьное полътретьядесяте (25) гривьнъ святому же Георгиеви. А се я Всеволодъ далъ есмь блюдо серебрьно въ 30 гривнъ серебра святому же Георгиеви, велѣлъ есмь бити въ не на обѣдѣ, коли игуменъ обѣдаеть; да же кто запьртить или ту дань и се блюдо,—да судить ему (Богъ въ) день пришьствія своего и тъ св. Георгии.

(*Изв. Акад. VIII, 339*).

Бунць—селю Бунца около Новгорода. *Вено вотское*—приданое, собираемое въ Вотской пятинѣ, или въ одномъ изъ пяти округовъ, на которые раздѣлялась область новгородская. *Вира*—судебный штрафъ съ преступниковъ. По замѣчанію проф. Буслаева, выраженіе: *своею рукою* указываетъ на юридическій обычай касаться рукой грамоты, если кто не подписывалъ ее или не клалъ на ней собственноручно крестовъ. *Бить въ блюдо*. Обычай этотъ сохранился доселѣ въ монастыряхъ за общею трапезою: настоятель стучитъ о блюдо, когда нужно перемѣнять кушанье. Вѣстн. Европы 1818 г. ч. 100. №№ 15. 16. 20. Зап. и Труды общ. Ист. 1826, III, 1. 65—76. Чт. общ. Ист. 1861, 2, III, 8—10).

238. Уставъ новгор. князя Святослава 1137.

Уставъ, бывшій преже насъ въ Руси отъ прадѣдъ и отъ дѣдъ нашихъ; имати пискупомъ десятину отъ даній, и отъ виръ и продажь, что входить въ княжъ дворъ всего.

А здѣ въ Новѣгородѣ что есть десятина отъ даній, обрѣтохомъ уряжено преже мене бывшими князи; толико отъ виръ и продажь десятины зьрѣлъ, алико даній въ руцѣ княжій въ клѣть его (¹). Нужа же бяше пискупу, нужа же князю въ томь, въ 10-й части божій. Того дѣли уставилъ есть св. Софьи, ать (*пусть*) емлетъ пискупъ за десятину отъ виръ и продажь 100 гривенъ, новыхъ кунъ, иже выдаваеть Домажиричь изъ Онѣга, аче (*если*) не будетъ полна ста у Домажирича, 80 выдасть, а дополнокъ возметь 20 гр. у князя изъ клѣти. Урядилъ есмь азъ св. Софьи и написалъ Никола кн. новгородскій Святославъ; въ Онегѣ на Волдутовѣ погостѣ 2 сорочки (²), на Тудоворѣ погостѣ 2 сорочка, на Ивани погости съ даромъ сорочка, на Ракулѣ 3, на Спирковѣ 2, у Вихтуя сорочекъ, въ Пинезѣ 3, въ Кегрелѣ 3, устье Емцѣ 2, устье Вагъ 2, у Пуите сорочекъ, у Чюдина полсорочка, у Лигуя съ даромъ 2, у Вавдита съ даромъ 2, у Вели 2, у Вехтевѣ 2, на Борку сорочекъ, въ Отминѣ сорочекъ, въ Тимѣ сорочекъ, у Пинемѣ полсорочка, у Тотьмѣ сорочекъ, у Пенинича сорочекъ, у Порогопустцѣ полсорочка, у Валдита 2 сорочка, на Волоцѣ въ Моши 2, у Емьскоря, а на мори отъ чрена и отъ салгы по пузу (¹), у Тудора сорочекъ.

Въ лѣто (6645) индикта 15. Ожели кто въ которое время а то рюшить, или отиметь, что я урядилъ князь Никола Святославъ съ владыкою Нифонтомъ; князь ли, или инъ кто сильныхъ Новогородецъ, а будетъ Богу противенъ и св. Софьи.

А се *объ-онѣзьскій* (²) *рядъ*: во Олонци 3 гривны, на Свѣри гривна, въ Юсколѣ 3 гр., у Вьюницѣ гривна, устье Паши гривна, у Пахитка на Паши полгривна, на Кукуевѣ горѣ гривна, у Перминина гривна, у Кокорка полгривны, на Масиегѣ, низъ Сяси, полгривны, въ поѣздѣ отъ всее земли Владыцѣ 10 гр., а попу 2 гр. у Липсуевичь полгривны, у Тудоря гривна, въ Липнѣ полгривны. А се *бѣжичьскій рядъ*: Въ Бѣжичихъ 6 гривенъ и 8 кунъ, Городецьке полпяты ($4^1/_2$) гривенъ, въ Змени 5 гр. Езьскѣ 4 гр. и 8 кунъ, Рыбаньскѣ гривна волжьская, въ Изьскѣ полгривны волжьская.

(*Рус. Дост. I, 82—85*).

См. въ отдѣлѣ юридическомъ церковные уставы и другія грамоты. Сборъ десятины во владимірской области существовалъ въ XIII в. См. Посл. Симона къ Поликарпу.

239. Надпись на крестѣ княгини Евфросиніи Полоцкой 1161 г.

Въ лѣто 6669 покладаетъ Офросинья чьстьныи крестъ въ манастыри своемъ, въ

(¹) Т. е. сколько приходитъ на долю князя въ кладовую.

(²) *Сорокъ, сорочекъ*—древній счетъ мѣховъ. Собственныя имена здѣсь означаютъ волости новгородскія. См. Матер. для ист.—георг. Слов. Барсова. 1865.

(¹) *Чренъ, црънъ*—желѣзная большая сковорода, въ которой вываривается соль; *салга*—большой котелъ, употребляемый для той же цѣли; *пузъ*—мѣшокъ въ два четверика.

(²) Обонежская пятина лежала около Онежскаго озера и по р. Онегѣ.

церкви св. Спаса. Честьное дрѣво безцѣнно есть, а кованье его, злото и серебро и камѣнье, и жемчюгъ въ 100 гривенъ, а да 40.., гривенъ, да не изнесѣтьюся из манастыря никогдаже, яко ни продати, ни отдати, аще се кто прѣслоушаеть, изнесѣть и отъ манастыря, да не буди ему помощьникъ чьстьный крестъ ни въ сь вѣкъ, ни въ боудоущии, и да боудеть проклятъ св. животворящею троицею и св. отци 300 и 18, семию съборъ святыхъ отець и боуди емоу часть съ Июдою, иже прѣда Христа. Кто же дръзнеть сътворити се... властелинъ, или князь, или епископъ, или игуменья, или инъ который любо человѣкъ, а боуди ему клятва си; Офросинья же раба Христова, сътяжавъши крестъ сии, прииметь вѣчную жизнь съ всѣми святыми.

Господи, помози рабу своему Лазорю, нареченому Богъши, съдѣлавшему крестъ сии цьркви св. Спаса и Офросинии.

О крестѣ Евфросинiи см. Журн. Мин. Н. Пр. 1846. Объ-антиминсѣ 1149 г. Христ. Древн. и Археологiя изд. Прохорова. 1868. № 4. Окладъ Мстиславова евангелiя. Филимонова. Чт. Общ. ист. 1860. IV, 1, 40—115.

240. Защита торговцевъ.

Въ лѣто 6678 (1170). Вложи Богъ въ сердце Мьстиславу Изяславичю мысль благу о Руской земли, зане ей хотяше добра всимъ сердцемь: и съзва братью свою и нача думати съ ними, река имъ тако: »братье! пожальвися о Руской земли и о своей отцинѣ и дѣдинѣ, оже несуть крестьяны на всяко лѣто у вежѣ свои, а съ нами роту взимаюче, всегда переступаюче; а уже у насъ и *Гречьскій путь* изъотимають, и *Соляный*, и *Залозный*; а лѣпо ны было, братье, възряче на божiю помочь и на молитву св. Богородици, поискати отець своихъ и дѣдъ своихъ пути и своей чести.« И угодна бысть рѣчь его преже Богу, и всѣй братьѣ, и мужемъ ихъ. И рекоша ему братья вся: »Богъ ти, брате, помози въ томъ, оже ти Богъ вложи таку мысль въ сердце, а намъ дай Богъ за крестьяны и за Рускую землю головы своѣ сложити и къ мученикомъ причтеномъ быти.« Посла же Чернигову къ Олговичемъ всимъ и къ Всеволодичема, воля имъ быти воимъ у себе: бяху бо тогда Олговичи въ Мьстиславли воли; и всимъ угодна бысть дума Мьстиславля. И съвъкупившеся вся братья и поидоша изъ Кiева м. марта въ 2 день, въ день суботный середохрестьноѣ недѣли...

Идоша князи 9 дновъ изъ Кiева, и бысть вѣсть Половцемъ отъ кощѣя отъ Гаврилова отъ Иславича, оже идуть на нѣ князи рустiи, и побѣгоша лишившеся женъ и дѣтiй; князи же увѣдавше, оже Половци побѣгли, и лишившеся женъ своихъ и возъ. И взяша вѣжѣ ихъ на Углѣ рѣцѣ, а другыѣ по Снопороду, а самѣхъ постигоша въ Черного лѣса, и ту притиснувше къ лѣсу избиша ѣ, а иныи руками изоимаша; Бастiи же и инiи много гониша по нихъ и за Въсколъ, бьюче ѣ; и толико взяша полона множьство, яко же всимъ рускимъ воемъ наполнитися до изообилья, и колодникы, и чагамы, и дѣтми ихъ, и челядью, и скоты и конми, хрестьяны же отполонивше пустиша на свободу вси...

И похваливше князи всемилостиваго Бога и силу честьнаго креста, възвратившася въ свояси, съ радостью великою, и быша въ домѣхъ своихъ на самое въскресенiе; и бысть людемъ двоя радость, и въскресенiе господне и князь своихъ

(¹) О раннихъ торговыхъ сношенiяхъ съ Грецiей см. Договоры Олега и Игоря.

възвращеніе съ побѣдою и съ радостью... И потомъ поналѣ посла Мьстиславъ по братью свою, и съвкупишася вся братья у него Кіевѣ: Ярославъ изъ Лучьска, Володимиръ Андреевичь изъ Дорогобужа, Рюрикъ изъ Вручею, Давыдъ изъ Вышегорода, а Гюргевичь Иванъ изъ Турова. И нача молвити Мьстиславъ братьи своей: »се, братье, Половцемъ есме много зла створили, вѣжѣ ихъ поимали есмы, дѣти ихъ поимали есмы, и стада и скотъ, а тѣмъ всяко пакостити Гречнику нашему и Залознику; а быхомъ вышли противу Гречнику.« И люба бысть рѣчь всеѣ братьѣ, и рекоша Ему братья: »тако буди, то есть намъ на часть и всѣѣ Рускій земли« — и шедше сташа у Канева.

(Ипат. 97—98, 93—94).

241. Владимірскія церкви до 1175.

.....Князь благовѣрный Андрей (ум. 1175 г.) створи церковь (въ Боголюбомъ св. Рождества) въ память собѣ, и украси ю (ее) иконами многоцѣньными, златомъ и каменьемъ драгымъ и жемчюгомъ великымъ безцѣньнымъ, и устрои ѣ различными *цятами* и *аспидными* цатами (1) украси, и всякими узорочьи (*узорами, украшеніями*) удиви ю, свѣтлостью же не како зрѣти, зане вся церкви баше золота; и украсивъ ю и удививъ ю сосуды златыми и многоцѣньными, тако яко и всимъ приходящимъ дивитися, и вси бо видивше ю не могуть сказати изрядныя (*изящныя*) красоты ея: златомъ и финиптомъ (*финифтью*) и всякою добродѣтелью и церковнымъ строеніемъ украшена, и всякыми сосуды церковными, и ерусалимъ (*дарохранительница*) златъ, съ каменьи драгими, и рѣпидіи многоцѣньными, каньдѣлы различными, изъ дну церкви отъ верха и до долу (*до низу*) и по стѣнамъ и по столпомъ ковано золотомъ, и двери же и ободверье (*притолки*) церкви златомъ же ковано, бяшеть же и сѣнь златомъ же украшена отъ верха и до Деисуса и всею добродѣтелью церковьною исполнена, измечтана всею хытростью

Князь же Андрей бѣ городъ Володимерь сильно устроилъ, къ тому же ворота златая доспѣ (*сдѣлалъ, прислѣлъ*), а другая серебромъ учини. И доспѣ церковь камену сборную св. Богородица, пречюдну вельми, и всими различными виды украси ю отъ злата и сребра, и 5 верховъ ея позолоти, двери же церковныя троѣ золотомъ устрои, каменьемъ дорогымъ и жемьчюгомъ украси ю многоцѣньнымъ, и всякыми узорочьи удиви ю, и многими паникандѣлы золотыми и серебряными просвѣти церковь; а онъбонъ (*амвонъ*) отъ злата и серебра устрои, а служебныхъ судъ и рипидьи и всего строенья церковнаго, златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчугомъ великимъ, велми много, а тріе ерусалими велми велицiи, иже отъ злата чиста отъ каменья многоцѣньна устрои, и всими виды и устроеньемъ подобна бысть удивленію Соломоновѣ святая святыхъ; и въ Боголюбомъ и въ Володимерѣ городѣ верхъ бо златомъ устрои, каменьемъ усвѣти и столпъ позлати изовну церкви, и по комаромъ же потки (*птицы*) золоты и кубкы и

(1) *Цяты* или *чаты*—мелкія бляшки. Иногда слово—*цата* замѣняется сл. златница, пенязь, сребреникъ. Теперь въ Тамбовс. губ. цатами называются узоры на плечахъ и подолѣ рубашки, вышитые шелкомъ и унизанные блестками. Что же касается до названія *аспидный*, то это означаетъ цаты изъ темносиняго камня въ родѣ яшмы.

вѣтрила золотомъ устроена постави, по всей церкви и по комаромъ около.

(*Ипат. Л. 111—112*).

См. также *Ослѣпленіе Василька* и *Сказаніе о Довмонтѣ*.

При чтеніи подобныхъ отрывковъ, обратить вниманіе на состояніе ремеслъ и художествъ древняго времени.

242. Вкладная грам. Варлаама Хутынскаго в. 1192.

Се вдале Варлааме св. Спасоу. Землю и огородъ и ловища рыбьная и гоголинаа и пожни (*сѣнокосъ*): 1) рьль (*луга?*) противу села за Волховомъ, 2) на Волховьци коле ([1]), 3) корь, 4) лозы, 5) водмина, 6) на островѣ и съ нивами, ахоу (*всю*) же тоу землю Хоутиньскоую вдале св. Спасоу. и съ челядию, и съ скотиною, а се брат(ии далъ?): 1) отрокъ съ женою. 2) волос (*Власъ?*). 3) дѣвъка Февронія съ двѣма сыновьц(и?). 4) недачь, а конь шестеро, и корова. Се другое село на Своудици за..... бнею вдале св. Спасоу и божниця (*церковь*) въ немь, св. Георгия, и нивы и пожни, и ловища и еже въ немь,— се же все далъ Варламъ Михалевъ сынъ св. Спасоу. Аще кто диаволъмь наоученъ и злыми человѣки наваженъ цьто хочеть отъяти отъ нивъ ли отъ пожнь ли или отъ ловищь, —а боуди емоу противенъ св. Спасъ и въ сь вѣкъ боудущии.

(*Доп. къ Акт. Ист. I, № 5*).

([1]) *Колъ*, также *ѣзъ* — заколъ или запруда рѣки, гдѣ производится рыбная ловля посредствомъ большаго кошеля, сплетеннаго изъ хворосту.

См. Изв. Акад. Н. X, 310. Ист. Рос. Iер. VI, 617. Эта вкладная съ объясненіями помѣщена въ Чт. общ. Ист. 1861, 2, III, 14—5.

243. Данная суздальскому Васильевскому монастырю 1253.

.... и по благословленью государя своего кн. Дмитрея Костянтиновича, во мнишескомъ чину Діонисья, се язъ раба божія Марина черница управила есми душу господина своего Деонисьеву, да есми ю его постриженіе ко св. Василью въ монастырь на поминокъ душѣ его село Мининъское со всѣмъ, что къ нему потяглу, и съ прикупными землями въ семъ въ Мининьскомъ, дала есми съ серебромъ и съ животомъ ([1]), да село Романовъское ко св. же Василью, да въ Романовскомъ же дала есми прикупной лугъ Любошу подлѣ рѣки Нерли отъ Васплковскаго мочища долопъ (*отъ болота низомъ*) да по два озерца, да на вязъ, да на иву, да поперегъ болотца къ Романовской рощѣ на валовую межу ([2]); а дала есми тѣ села и съ животомъ св. Василью по его душѣ игумену съ братьею, покамѣсть и св. обитель сія стоитъ, лѣта 6761.

(*Опис. Рум. Муз. 99*).

См. Акты юрид. б. I, 439.

Данныхъ и жалованныхъ грамотъ монастырямъ сохранилось весьма много съ древняго времени; изъ нихъ видно, какія льготы даны были монахамъ въ древнее время и какъ много находилось монастырскихъ имуществъ.

([1]) Со сборомъ дани и съ пожитками.
([2]) Такими естественными предметами означались грани поземельныхъ владѣній въ древнее время; часто они уничтожались и происходили постоянныя ссоры между владѣльцами.

244. Убранство войска Даніила Галицкаго.

Въ лѣто 6760 (1252). Присла король угорьскы къ Данилу, прося его на помощь: бѣ бо имѣя рать на бои съ Нѣмци; иде ему на помощь и приде къ Пожгу. Пришли бо бяху посли нѣмецкыи къ нему, бѣ бо царь одинъ одержа землю Ракушьску и Штирьску: герцогъ бо уже убіенъ бысть. Бѣ бо имена посламъ: воевода царевъ и пискупъ Жалошь Пурьскый, рекомый Сольскый, и Гарихъ Поруньскый, и Ота Гаретеньникъ Пѣтовьскый. Возъѣха же король съ ними противу же Данилу князю; Данило же приде къ нему, исполчи вся люди своѣ. Нѣмьци же дивящеся оружью татарьскому: бѣша бо кони въ личинахъ и въ коярѣхъ кожаныхъ, и людье во ярыцѣхъ, и бѣ полковъ его свѣтлость велика, отъ оружья блистающася. Самъ же ѣха подлѣ короля, по обычаю руску: бѣ бо конь подь нимъ дивленію подобенъ, и сѣдло отъ злата жьжено, и стрѣлы и сабля златомъ украшена, иными хитростьми, якоже дивитися, кожюхъ же оловира грецького и круживы златыми полоскыми ошитъ, и сапози зеленого хъза (*сафьяна*) шити золотомъ. Нѣмцемъ же зрящимъ, много дивящимся, рече ему король: »не взялъ быхъ тысячѣ серебра за то, оже еси пришелъ обычаемъ рускимъ отцевъ своихъ;« и просися у него въ станъ, зане зной бѣ великъ того дне. Онъ же я й за руку и веде его въ полату свою, и самъ соволочашеть его и оболачашеть й во порты своѣ; и таку честь творяшеть ему, и пріиде въ домъ свой.

(*Ипат. II, 187*).

245. Украшеніе города Холма.

Видивъ князь Данило (1259), яко Бо-
гу поспѣвающу мѣсту тому (г. Холму)
нача призывати прихожаѣ Нѣмцѣ и Русь
иноязычникы и Ляхы; идяху день и в
день, и уноты и мастерѣ всяціи бѣжаху
изъ Татаръ, сѣдѣлници, и лучници,
тулници, и кузницѣ желѣзу и мѣди
сребру, и бѣ жизнь, и наполниша двор
окрестъ града поле и села. Созда же
церковь св. Ивана, красну и лѣпу; зда
нье же еѣ сице бысть: комары 4, с
каждого угла преводъ, и стоянье ихъ н
4 головахъ человѣцскихъ изваяно отъ нѣ
коего хытреца; окна 3 украшена стекл
рамьскими; входящи во олтарь стоят
два столпа отъ цѣла камени, и на не
комара, и выспрь же верхъ украшен
звѣздами златыми на лазурѣ; внутрьні
же еи помостъ бѣ слитъ отъ мѣди и от
олова чиста, яко блещатися яко зерцалу
двери же еи двоя украшены каменье
галичкымъ, бѣлымъ и зеленымъ холм
скымъ, тесанымъ, узоры тѣ нѣкимъ хы
трецемъ Авдьемъ, прилѣпы отъ всих
шаровъ (красокъ) и злата, напреди их
же бѣ издѣланъ Спасъ, а на полуно
ныхъ св. Иванъ, якоже всимъ зрящи
дивитися бѣ; украси же иконы, еже пр
несе изъ Кыева, каменьемъ драгымъ
бисеромъ златымъ: Спаса и преч. Бог
родицѣ, иже ему сестра Өедора вда, и
монастыря Өедора иконы же принесе, и
Уручего Усрѣтенье отъ отца его, ди
подобны, яже погорѣша во церкви с
Ивана, одинъ Михаилъ остася чюдны
тѣхъ иконъ; и колоколы принесе и
Кыева, другія ту солье: то все огнь п
пали (1259). Вѣжа (*башня*) же сре
города высока, якоже бити съ нея окрес
града, подздана каменьемъ въ высоту 1
лакотъ, создана же сама древомъ тес
нымъ и убѣлена яко сыръ, свѣтящи
на всѣи стороны; стюденецъ, реком
кладязь, близъ ея бѣ, саженій имущи 3

храмѣ прекраснiи и мѣдь отъ огня яко смола ползущь; посади же садъ красенъ, и созда церковь святыма безмездникома во честь, имать 4 столпы отъ цѣла камени истесанаго, держаща верхъ, съ тѣхъ же другыи, и въ олтарь пресв. Дмитрея стоить же ти предъ бочными двермии красенъ, принесенъ издалеча; стоить же столпъ поприще отъ города каменъ, а на немъ орелъ каменъ изваянъ, высота же камени десяти лакоть, съ головами же и съ подножьками 12 лакоть. Увидивъ же сицю пагубу граду, вшедъ въ церковь, и видѣ пагубу и сжалися велми, помолився Богу паки обнови и церковь освяти, пискупомъ Иваномъ, и паки помолився Богу и созда ю твьржьша и высша; вежѣ же такое не возможе создати: бѣ бо грады иныя зиждай, противу безбожнымъ Татаромъ, за то не созда ея.

Въ лѣто 6768 (1260). Созда же церковь превелику во градѣ Холмѣ, во имя пресв. приснодѣвыя Марiя, величествомъ и красотою не менѣ сущихъ древнихъ, и украси ю пречюдными иконами; пренесе же чашю отъ земля Угорьскыя мрамора багряна, изваяну мудростью чюдну, и змьевы главы бѣша округъ ея, и постави ю предъ двермии церковьными, нарѣцаемыми царскыми, створи же въ ней крестилницю крестити воду на св. Богоявленiе; створи же въ ней блаженый пискупъ Иванъ отъ древа красна точенъ и позлащенъ днѣ и внѣ, дивленiю подобенъ.

(*Ипат.* *196—197*).

246. Мирная Новгородцевъ съ Нѣмцами 1262—1263.

Се азъ князь Олександръ и сынъ мой Дмитрии съ посадникомъ Михаилъмь и съ тысяцькымь Жирославомь и съ всѣми Новгородци докончахомъ миръ съ посломь Нѣмцькымь Шивордомь и съ Любьцкымь посломь Тидрикомь и съ Гъцкымь посломь Олъстенъмъ и съ всѣмъ Латиньскымь языкомь. Что ся учинило тяже межи Новгороци и межю Нѣмци и Готы ([1]) и со всѣмъ Латиньскымь языкъмь, то все отложихомъ, а миръ докончахъмъ на сей правдѣ: Новгорцмъ гостити на Гоцькыи берегъ безъ пакости, а Нѣмцьмъ и Гтъмъ гостити въ Новгородъ безъ пакости (*безъ обиды*) и всему Латиньскому языку на старыи миръ. Пудъ отложихомъ, а скальи (*вѣсовыя чашки*) поставихомъ по своей воли и по любви. А въ Ратшину тяжю платили есмы 20 гривенъ серебра за двѣ голове, а третьюю выдахомъ. А Нѣмцьмъ и Гтъмъ и всему Латиньскому языку платити по двѣ кунѣ отъ капи и отъ всякаго вѣснаго товара, что кладуть на скальи, и продавше и купивше. А старыи миръ до Котлигнѣ (*до Кронштадта*). А Новгородцьмъ въ становищи (*въ пристани*) на Гоцкомъ березѣ безъ пакости въ старыи миръ. А зимнии гость, оже не пойметь нашего посла ни новгородцьскыхъ купець изъ Новагорода или съ Гъцькаго берега, а что ся учинить изъ Котлингъ до Новагорода или изъ Новагорода до Котлингъ Немецкъму гости, оже безъ посла поидуть: то Новугороду тяжа не надобе, въ старыи миръ ([2]). Оже кто гостить въ Корѣлу или Нѣмци или Гтяне, а что ся учинитъ, а то Новугороду тяжа не надобе. А которыхъ трее дворць ([3]) въпросили ваша

([1]) *Готы* — Готландцы, *Гоцкій берегъ* — островъ Готландъ на Балтійскомъ морѣ.

([2]) Т. е. если учинится обида торговцамъ, ѣдущимъ безъ новгородскаго провожатаго, то Новгородъ не отвѣчаетъ за это.

([3]) Три торговые иностранные двора въ Новгородѣ.

братья посли, а тѣхъ ся есмы отступили по своеи воли. А се старая наша правда и грамота: на чемь цѣловали отци ваши и наши крестъ. А гдѣ ся тяжа родить, ту ѿ кончати. А иное грамоты у насъ нѣтуть, ни потаили есмы, ни вѣдаемъ. На томь крестъ цѣлуемъ.

(*Изв. Акад. Н. VI, 166*).

См. еще Грам. кас. сношен. съ Ганз. гор. № 2.

247. Грамота в. кн. Андрея Александровича на Двину 1294—1304.

Отъ в. князя отъ Ондрея къ посадникомъ, и къ скотникомъ, (*сотникамъ*) и къ старостамъ. Како есмь докончалъ (*сдѣлалъ договоръ*) съ Новымгородомъ ходити тремъ ватагамъ моимъ на море (*сѣверное*), а ватамманъ Ондрей Критцкый, отьдаютъ съ погостовъ кормъ и подводы по пошлинѣ; а сынъ его Кузма како пойдетъ съ моря съ потками (*птицами*) съ данными по данничу пути, дадятъ ему корму и подводы по пошлинѣ съ погостовъ; а какъ пошло при моемъ отцѣ и моемъ братѣ, не ходити на Терскую сторону Ноугородцемъ, и нынѣ не ходятъ.

(*А. Экспед. I, № 1*).

См. Истор. Госуд. Рос. IV, пр. 206.

248. Грамота Рижанъ витебскому кн. Михаилу Константиновичу ок. 1300.

Поклонъ отъ ратмановъ ризкихъ и отъ всѣхъ горожанъ ко князю витебьскому Михаилу. И ныне пришли предъ насъ наши горожане, и то намъ поведали съ великою жалобою: которыи были зимусь съ тобою у Витебьце, какъ то еси товаръ у нихъ отъялъ силою и неправдою. То было в *первое*. Былъ у тебе одинъ дѣтина, нашь горожанинъ, а иногды не бывалъ у васъ; тогды рать была литовская подъ городомъ; онъ же хотелъ у рать ити дѣвкы купити и взялъ мецъ со собою по нашеи пошлинѣ; тогды идя путемъ заблудилъ къ монастыреви,—и выскочивше 3 черньчи, 4-й же человѣкъ иныи съ ними ту его емъшо, били и рвали, и мецъ выстяли силою у него. И потомъ, княже, ты на другый день емъ его оковалъ еси и дѣржилъ его еси до того же дне;, а товара еси отъялъ на 3 берковьскы воску. Княже, то еси неправду дѣялъ; забылъ еси, княжо, своего крестнаго человання, зане же самъ вѣдаешь, княжо, како нетако есть миръ доконцанъ на старыи миръ, и на томъ крестъ челованъ, какъ то намъ вашеи братьи правда дати, а обиды не створити ни малу, ни велику. Тако было и вамъ по крестному человаиью обиды не створити ни малу, ни велику, нашей братіи правда дати, товара силою не грабити, человѣка не мучити безъ вины. Княжо, слышишь самъ отъ своие братье, какъ то мы вашее братие не обидѣли, ни грабили товара силою безъ правды, какъ то ты, княжо, дѣешь.—А се тобѣ поведываемъ *2-ю обиду*. За грѣхы пригодилося такъ, какъ то седѣла дружина у пиру пиючи, другъ друга заразилъ до смерти,—и какъ то тыи бои и удѣялъся, тогды онъ убоявъся живота, утеклъ къ тобе, княжо. Немчи же уведавше, ажо къ тобе, утеклъ разбойникъ, и пришли предъ (тебе), княжо, Немчи и молили ся тобе: выдаи намъ разбойника,—и ты имъ выдавъ разбойника, потомь, княжо, шолъ еси у разбойникову клеть, товаръ еси разбойниковъ взялъ; иныхъ людии товаръ былъ ту, то

ть и то поималъ еси, княжо, то ть еси неправду дѣялъ. Ты самъ вѣдаешь, какъ то не тако есть миръ доконцанъ межи земле; аже другъ друга убиетъ до смерти, а имуть ть того человѣка, кто разбои учинилъ, тому дати вина по его дѣлу, а товаръ его свободенъ своему племени,— и выне мы молимъся тобе, а бы тыи товаръ отдалъ его племени.—А се тобе *3-ю обиду* повѣдываемъ про тую дѣтину, что товаръ его былъ со разбойниковымъ товаромъ у клети. Какъ то поехалъ изъ Витебьска у Смоленескъ потустилъ же у разбойникове клети волны же овчины на 5 серебра; онъ же у Смоленьще услышавъ, аже ты его товаръ со разбойниковымъ товаръмъ узялъ, и онъ уборзѣ на конь въсѣдъ поехалъ у Витьбескъ и молилъся тобе, княжо, абы ты его товаръ отдалъ, что еси взялъ съ разбойниковымъ товаромъ изъ клети, то ты ему не далъ. То еси, княжо, не правду дѣялъ,—и нынѣ, княжо, мы ся тобе молимъ, какъ то тыи товаръ, отдаи, что еси взялъ безъ виньное вины.—Се и еще, княжо, мы тобе поведываемъ *4-ю обиду*, у чомь то еси не правду дѣялъ; какъ то ныне новую правду ставишь, какъ то есме не чювали отъ отчествъ, ни отъ дѣдовъ, ни прадѣдовъ нашихъ, аже ты велишь кликами сквозѣ торгъ: гость съ гостемъ не торгуи,—княжо, а у томь еси не правду дѣялъ. Княжо, аже еси тако у своемь сердучи, то ть то еси неправою думою думалъ; будуть тобе, княжо, лишіи людье тую думу повѣдали, то ть не у честь то ведали тую думу: то есть тобе, княже, достойно, аже бы таке люди казнилъ, какъ то бышь иныи людие боялися, кто лихую думу подъдаваеть. Княжо, нашь горожанинъ Фредрикъ продалъ человѣку мехъ соли, и онъ услышалъ, ажо ты не велелъ гостеви со гостемь торговати и обестилъся тобе, княжо, и ты ему велелъ продати, и онъ шолъ съ темь человѣкомъ соли вѣсить; какъ то еще соли не вѣсили, твои дворяне стояли ту у дворе, у Фредрика ключь взяли силою клетьныи и пошли прочь. Потомъ твои дѣтьскыи Плосъ пришодъ реклъ Фредерику: поиди ко князю,—и онъ пошолъ къ тобе, по твоему слову; и какъ то пришелъ къ мостови, реклъ Плосъ: поиди сѣмо, сдѣ князь. Не ведя его къ тобе, княжо, жо къ собе въ истобъку, и ту порты съ него снемъ, за шию оковалъ и рукы и ноты, и мучилъ его такъ, какъ то буди Богу жаль; и потомъ ты дѣтские свое пославъ на его подворде и велелъ еси товаръ его разграбити на 4 капи воску. И ныне мы ся тобе молимъ, абы ты тыи товаръ отдалъ; княжо, и самъ вѣдаешь, ажо неправдою еси своею крестное челованіе забылъ.—И се нынѣ *5-ю обиду* повѣдываемъ. Какъ то Немчи послали свое коне изъ Смоленьска у Витебескъ, то ты, княжо, тые коне обизрелъ и улюбилъ еси одного коня, —тъи конь былъ Герлаховъ,—то ть ты его хотелъ безъ измѣны; тыи людье рекли: княжо, мы коня не дамы, ни продамы его, не смѣемъ—конь Герлаковъ. И ты, княжо, давалъ еси на кони 10 изроевъ, и они не взяли; то ть ты реклъ, княжо: дайте вы мне конь, я васъ провожю изъ Смоленьска и сквозѣ Касплю Лучаны, хочю проводити съ коньми и до Полотьска; то ть дали тобе конь по твоему слову. Княжо, далъ жо еси приставъ своего человѣка Прокопию, и пріехалъ Прокопии къ Смоленьску, тои первое и дали ему скорлата портъ жо чаторъ; Прокопьево слово такъ: у который день вы будѣте готови, я съ вами готовъ буду. Въ тыи жо день по его слову приготовилися есме были и рекли есме Прокопии: се мы готови, поедимъ; Прокопиево такъ: но могу я изъ свѣта во тму ехати. Прокопии на конь свои уседъ поехалъ у Витьбескъ, а нашю братью по-

пустилъ. Княжо, тимъ словомь не дослужилъся еси того коня, аже бы ты у своемь слове стоялъ, а нашю братию проводилъ бы, мы быхомъ не поминали того коня. И ныне мы ся тобе молимъ, какъ то отдай Герлаху конь, а любо 10 изроевъ, что еси самъ первое давалъ на кони,—и ли того не даси ни коня, ни серебра, Герлахъ хочеть своего коня искати, како мога.—А се еще *6-ю обиду* повѣдываемъ про Ильбранта, что твои братъ торговалъ съ нимь на 30 изроевъ, 17 изроевъ заплатилъ, а 13 не заплатилъ. И ныне, княжо, мы ся тобе молимъ: отдаи Ильбранту товаръ своего брата, душе постерега.—И нынѣ *7-ю обиду* поведываемъ: какъ то было нашен братии поехати изъ Витобеска у Смоленскъ, тогды Литва изънимали ихъ на пути у твоемь городѣ, княже, вязали ихъ и мучали и товаръ отимали въ нихъ, а утвоеи волости ся то дѣяло; товара взяли ту на 70 гривенъ серебра корного и на 3 серебра. Княжо, тобе было тое обиды постеречи; аже бы ся то дѣяло при твоемь отчи Констянтине, тая бы обида ни коли же была нашен братьи, какъ ся тогды удѣяло. И нынѣ, княжо, мы ся тобе молимъ, какъ то темъ людемъ отплати тыи товаръ, которымъ то дѣялося у твое волости и у твоемь городѣ. И ныне, княжо, пришолъ предъ насъ Шахматъ жо Фредрикъ и то намъ поведала ее жалобою, какъ то еси торговалъ съ нима и не заплатилъ. Княже, то было тобе достоино, у кого купишь, тому заплати, то они бышь на тя не жаловали.—И нынѣ *8-ю обиду* поведываемъ про весы, какъ то слышимъ отъ своие брати, ажо ты, княжо, лишнее емлешь, какъ то есме не чювали ни изъ отчины, ни отъ дѣдовъ, ни отъ прадѣдовъ. И нынѣ мы ся вамъ молимъ всемъ сердчемъ, княжо, какъ то есть миръ доконцанъ и крестъ челованъ на старыи миръ, тако и ныне, княжо, отложи лишнее и всяку неправду, ать стоитъ старыи миръ твердо, како доконцано.—И ныне, княжо, то буди тобе ведомо, аже не отложить лишнего дѣла и всякое неправды,—мы хочемъ Богу жаловатися и темъ, кто правду любить, а неправду ненавидить. Мы свое обиды неположимъ, а боле не можемъ терпети.

(*Изв. Акад. Н. X, 633—636*).

249. Грамота новгородск. архіеп. Феоктиста къ Рижанамъ около 1300.

Благословение отъ владыкы Феклиста и отъ посадника, и отъ тысяцьскаго, и отъ всего Новагорода, и отъ всѣхъ купьць, къ попу к Рижьскому, и Гьрлаку, и к Ламбрату и къ всѣмъ ратманомъ, и къ всѣмъ Рижаномъ. Что избили братию нашю у васъ и товаръ поимали, за то вамъ Богъ помози, яже есте розбойниковъ изыскали по хрьстьянскому челованию; правду держите, братеи нашеи товаръ даите и разбоиникы, атъ не будеть промежи насъ рѣци; а кю привезлъ грамоту сию, тому вѣры имите.

(*Изв. Акад. X, 637*).

250. Грамота в. к. Андрея Александр., данная въ Новгородѣ Ганзейскому союзу 1301.

Отъ в. к. Андрея, отъ посадника Смена, отъ тысячкого Машка, отъ всего Новагорода. Се приеха Иванъ Бѣлый из Любка, Адамъ съ Гочкого берега, Инчя

Олчять изъ Рягы (¹) отъ своей братии отъ всѣхъ купѣчь своихъ Латиньского языка. И дахомъ имъ 3 пути горнии по своей волости, а четвертый в рѣчкахъ гости ехати безъ пакости на божии ручѣ и на княжи и на всего Новгорода. Оже будеть не чистъ путь в рѣчкахъ, князь велитъ своимъ мужемъ проводити сии гость, а вѣсть имъ пъдати.

(Доп. къ А. Истор. I, № 8).

См. также Вѣстн. Европы 1811 г. №№ 23 и 24; 1812 г. №№ 3 и 15. Грам. касающ. сношеній Руси съ ганзейс. гор. № IX.

251. Договорная Новгорода съ в. к. Михаиломъ Ярославичемъ до 1307 г.

Благословение отъ владыкы, поклонъ отъ посадника Гюрга, и отъ тысячкого, и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ мьньшихъ, и отъ всего Новагорода, господину князю Михаилу. На семь, княже, цѣлуй хрѣстъ къ всему Новугороду; на чемъ цѣловали дѣди и отець твой Ярославъ. Новгородъ ти дьржати въ старинѣ, по пошлинѣ. Что волостий новгородьскыхъ, тѣхъ волостий, княже, не дьржати ти своими мужи, дьржати мужи новгородьскими; а даръ, княже, тобѣ емати отъ всѣхъ волостий. А бесъ пасадника ти, княже, суда не судити, ни волостий раздавати, ни грамотъ даяти; а безъ вины мужа волости не лишити ти. А что ти, княже, пошло на Тържьку и на Волоцѣ, тивунъ свой дьржати на своей части; а Новгородца на своей части. А въ Бѣжичахъ тобѣ, княже, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ слугамъ селъ не дьржати, ни купити, ни даромъ приимати, и по всей волости новгородьской. А се, княже, волости новгородскыя: Волокъ съ всѣми волостьми, Тържькъ, Бѣжицѣ, городьць Палиць, Мелеча, Шипино, Егна, Заволочие, Тьрѣ, Пьрмь, Печери, Югра, Волъгда. А свинье бити за 60 верстъ отъ города. А въ Русути, княже, ездити на 3-юю зиму; а лѣтѣ ездити на Озвадъ звѣри гонитъ. А въ Ладогу ти, княже, слати осетрьника и медовара, по грамотѣ дѣда твоего Ярослава; а ездити тобѣ, княже, въ Ладогу на 3-нее лѣто. А изъ Бѣжицъ, княже, людий не выводити въ свою волость, ни изъ иной волости новгородьской; ни граматъ имъ даяти, ни закладниковъ приимати, ни твоей княгыни, ни бояромъ твоимъ, ни слугамъ твоимъ, ни смѣрда, ни купцины; а грамотъ ти не посужати. А пожнѣ что твое и твоихъ мужь пошло, то твое и твоихъ мужь; а новгородьское Новугороду. А дворяномъ твоимъ, како пошло, погонъ емати отъ князя по 3 кунѣ, а отъ тиуна по 2 кунѣ. А что, княже, мытъ то Суждальской земли и въ твоей волости, отъ воза имати по 2 вѣкши, и отъ лодье, и отъ хмелна короба, и отъ льняна. А дворяномъ твоимъ у купьць повозовъ не емати, развѣ ратной вѣсти; а свободъ ти ни мытъ на новгородьской волости не ставити. А холопъ или раба почнеть вадить на господу, тому ти вѣры не яти. А на Низу тобѣ, княже, Новгородца не судити, ни волостий раздавати; а кто почнеть вадити къ тобѣ, тому ти вѣры не яти. А въ нѣмѣчкомъ дворѣ тобѣ, княже, търговати нашею братьею; а двора не затваряти, а приставовъ не приставляти. А гости нашему гостити по Суждальской земли безъ рубежа, по царевѣ (*ханской*) грамотѣ. А судье слати тобѣ свое на Петровъ день, тако пошло. А вывода ти, княже, межо Суждальскою землею и Новгородьскою не чинити.

(¹) Т. е. Iohannes Albus de Lubeke, Adam de Gotlandia, Hinricus Holste или Hinze Holtzatus de Riga.

ти. А что закладниковъ въ Тържьку или инде, или за тобою, или за княгынею, или за мужи твоими, кто купьць, поидеть въ свое сто, а смѣрдъ поидеть въ свой погостъ: тако пошло въ Новѣгородѣ; отпусти ихъ прочь. А за Волокъ ти своего мужа не слати, слати Новдородца; а тобѣ серебро емати. А гнѣва ти, княже, до Новгорода не дьржати, ни до одиного человѣка. А ряду въ новгородьской волости тобѣ, княже, и твоимъ судиямъ не посужати, а самосуда не замышляти; а старостѣ ни холопы, ни робы, безъ господаря твоимъ судиямъ не судити. А за рубежъ изъ новгородьской волости твоимъ дворянюмъ суда не водити и ни судити; а свободъ ти и селъ съступитися. А про землю и про села, кто у кого будеть купилъ, знаеть своего истьца про куны; а земля къ св. Софии.

(*Собр. грам. I, № 9*).

(*Къ этой грамотѣ привѣшена печать свинцовая.*

См. также № 4, 8 и 10.

Обратить вниманіе на владѣльческія права новгородскихъ князей).

252. Торговый договоръ между Полоцкомъ и Ригою ок. 1330.

Тако хочемъ мы горожане съ мештеремъ (*магистромъ ордена*): переже, како вѣсити воскъ на скалвахъ, а вамъ чинити также, нъ тяжелѣй нашего полупуда тотъ товаръ, который вѣсити на скалвахъ, а языкъ пускати на товаръ; а коли товаръ на стану станеть, отступи прочь, а рукою не приймай; а вѣсцѣви крестъ цѣловати, какъ ему право вѣсити, какий ни товаръ будеть. А Немцѣмъ да-

ти вѣсчего отъ берковьска заушня отъ воску, отъ мѣди, отъ олова; а соль вѣсити упудный рѣмѣнь, у берковьска узяти ему долгая, отъ рубля дати ему долгая. А въ Ризѣ рускому купцѣви отъ вѣса дати ему отъ бѣрковьска полъовря, отъ воску, отъ мѣди, отъ олова, отъ хмѣлю; а соль вѣсити пуднымъ рѣмѣнемь, отъ бѣрковьска дати ему отъ вѣса любѣцьскый и отъ гривны серебра любецьский. А вѣсти чистый воскъ безъ подъсады (*безъ примѣси*), безъ смолы, безъ сала, какъ вѣрхъ, тако исподъ. А же привѣзеть нечистый товаръ, а не любъ будеть, поехати ему назадъ со своимь товаромь, а свой князь тамо казнить (*накажетъ*) его. Аже найдуть у Немѣць нечистый товаръ у (*въ*) Руской земли, пойти ему назадъ съ товаромъ у Ригу, тамо его свой князь судить.

(*Грам., касающ. снош. съ ганз. гор.* № 7).

См. также договорныя грамоты въ отдѣлѣ юридическомъ.

253. Грамота Двинянамъ до 1340.

Отъ в. князя отъ Ивана, отъ посадника Данила, отъ тысяцкаго Аврама и отъ Новагорода къ двинскому посаднику на Колмогоры, и къ бояромъ двиньскимъ. Приказалъ есмь Печерскую сторону Михайлу, а ходитъ на море въ двадцати человѣкъ: а вы, бояре двинскіе, не вступайтеся въ гнѣздные потъки, ни въ мѣста; а погостъ Кегролскій Волокъ вѣдаетъ Михайло по потлинѣ, какъ то было при моихъ дядяхъ и при моемъ братѣ при старѣйшемъ; а Микифору ненадобѣ

вступатись нивочтожъ, атъ ходитъ Микифоръ въ Михайловѣ ватазѣ.

(*А. Арх. эксп. I, № 2*).

254. Жалованная грамота в. кн. Іоанна Даниловича 1328—1340.

Се азъ князь в. Иванъ Даниловичь всея Руси, пожаловалъ есмь сокольниковъ печерскихъ, кто ходитъ на Печеру, Жилу съ други, а се ихъ имена: Жила, Олюша, Василко, Степанъ, Карпъ, Ѳедець, Острога, Бориско, Кузма, Дмитрокъ, Власій, Микитица Ивановъ сынъ, Семенець, Кондратъ, Чешко, Семенець; Григорь, Степанець, Савица: ненадобѣ имъ никоторая дань, ни ко старостѣ имъ не тянути; и что у нихъ третника и наймиты, кто стражетъ на готовыхъ конѣхъ, а въ кунахъ, и тѣмъ ненадобѣ никоторая дань, ни ко старостѣ имъ не тянути, ни биричь имъ не поторгывать, ненадобѣ ни кормъ ни подвода; кто ли, черезъ мою грамоту, что у нихъ возметъ, и азъ князь в. кажню, занеже ми люди тѣ надобны. А приказалъ есми ихъ блюсти Меркурью: и ты, Меркурей, по моей грамотѣ, блюди ихъ, а въ обиду ихъ не выдавай никому.

(*Акты Арх. Эксп. I, № 3*).

255. Грамота Кестутія и Либарта Торунскимъ гражданамъ послѣ 1341.

Отъ князя отъ Кестутя и отъ князя отъ Либорта у Торунь к мѣстычемъ, што есте просили насъ, а быхомъ васъ пустили до Лучька търговатъ через Берестие, абы вамъ не закажали. Мы хочемъ ради то учинити вамъ, не блюдитеся ничего, поидите. А коли которыи торговець поидеть торговатъ ис Торуня через Берестие до Лучьска, без печали будте; а кто поидеть съ сею грамотою через Дорогычинъ, чесъ Мелникъ и через Берестие до Лучьска торговатъ ис Торуня, язъ князь Кестути не велю ихъ заимати.

(*Изв. Акад. Н. X. в, 7*).

256. Грамота яроslавс. князя Василія Давыдовича Чермнаго Спасскому монас. до 1345.

Се язъ князь Василій Давидовичь докончалъ есмь съ архимандритомъ съ Пиминомъ про домъ св. Спаса по дѣда своего грамотѣ пожаловалъ есмь, что людей у св. Спаса въ городѣ и въ селѣхъ урекль имь есмь на годъ 2 рубля давати, а ненадобѣ имъ ни которая дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни восмничее, ни бобровое [1], ни стану ни чинятъ въ селѣхъ спасскихъ ни дворскаго не емлютъ, ни становщикъ не въѣздитъ ни очемъже, ни бѣгоули мои не имаютъ людей спасскихъ въ сторожу, ни въ корму; а судіи мои вси намѣстници и тіуніи не шлютъ дворянъ своихъ по люди св. Спаса, но шлютъ къ игумену и игуменъ шлетъ по нихъ своихъ людей. А что будетъ судъ спасскимъ людемъ съ моими людьми, пріѣхавъ моему судьи въ монастырь судити ему въ

(1) *Тамга* (по татарс.—родовой знакъ)—пошлина, которая собиралась съ цѣны продаваемаго товара и введена Татарами; обыкновенно брали съ рубля по алтыну. *Восмничее*—пошлина, собираемая тоже при сбытѣ товаровъ. См. Ист. Рос. С. Соловьева, III, пр. 85, IV, стр. 184.

правдѣ по цѣлованію. А вина (*штрафъ*) посулъ и пересудъ на полы, (*пополамъ*), до моего ли дойдетъ, до спасского ли. А что учинится между спасскими людьми бои или татьба или душегубство, или самосудъ (1) то все судитъ игуменъ и вину емлетъ въ домъ Спаса; а нашимъ судьямъ ненадобѣ, ни дворяномъ. А кого перезоветъ игуменъ изъ иныя волости, то люди св. Спаса, а мнѣ ся въ нихъ не вступати, а кто будетъ людей моихъ св. Спаса въ половницы (2), а тѣ потягнутъ ко мнѣ данью и виною, до кого что дойдетъ; а игумену ся не вступати. А что торгованіе на домъ св. Спаса крылошаномъ и черицемъ тамга, не возмничее ненадобѣ. А перевозъ (3) и рѣки бобровые, а то по давной пошлинѣ. А дому св. Спаса блюстити, не пустити ми самому не обидѣти, и въ обиду не давати. А далъ есмь домъ св. Спаса на руцѣ отцу своему примыслитъ ли, умыслитъ ли. А чрезъ сю грамоту кто посягнетъ на домъ св. Спаса, и милости св. Спаса не буди на немъ.

Подлинная грамота писана на бумагѣ съ вислою печатью черного воску.

(*Ист. Рос. Іер. VI, 229—231*).

См. Ист. Г. Рос. IV. пр. 328.

257. Закладная Двинянина 1349.

Се заложи Уласей Степановичь св. Николи въ Чюхченему, и игумну Василью, и старости Юрью, и всимъ чернцамъ никольскимъ, полсела на Косткови гори, въ десяти рублѣхъ да въ трехъ сорокѣхъ бѣлки, на 5 лѣтъ; и старую грамоту той земли Уласей выдалъ св. Николи; а изойде та 5 лѣтъ, ино дати Уласью 10 рублевъ да 3 сорока бѣлки своихъ кунъ св. Николи, ино земля его ему; а у людей Уласью кунъ не имати на тую землю, ино та земля св. Николи и въ вѣки въ тихъ кунахъ; а болши того Уласью кунъ не пріимати на той земли у св. Николы, а очисцивати та земля Уласью; а игумену и черенцамъ по Степанп паметь творити пивомъ по сили. А на то послуси: Михайла Олфромѣевичь, Кузма Тимоѳеевичь, Иванъ Семеновичь, Яковъ Селютинъ, Игнатей Матѳеевичь, Юрьи дьякъ св. Николи, въ лѣта 6857-е тое зимы, коли Корѣла за морomъ Двинянъ грабили. А въ печати стоялъ Уласей Степановичь.

(*А. Юридич. № 234*).

258. Духовная игумена Чюхченемскаго Василія ок. 1350.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се азъ рабъ божіи игуменъ Василей далъ есмъ въ домъ св. Николи въ Чюхченему Урвановскую землю, чимъ есмъ володѣлъ, дворъ и дворищо, орамую (*пахатную*) землю: на гори Круглици 3 участки, подли улицю полоса земли Кузнечовьская, возлѣ кривую полосу полоса земли Урвановьская, и гумнище Урвановьское; и Шипичини полоса земли, промежу Никольскими землями, Ларивонсковьская; за рѣкою, на Носу на Великомъ острови, полоса земли Гаврилковьская и Кузнечовьская Игнатова; у Ѳомини наволоки гоны (1) зе-

---

(1) Собственная расправа или сдѣлка, помимо законной власти.

(2) *Половниками* назывались крестьяне, обработывающіе землю изъ половины прибыли.

(3) *Перевозъ*—пошлина, собираемая съ приставаемыхъ къ берегу судовъ съ товаромъ.

(1) *Наволокомъ* называется мысъ или полуостровъ, поросшій густыми кустарниками и богатый озерами. *Гоны*—загонъ, участокъ.

ѣще (*урочище*) Сокѣрка, двои
и Урвановьской, путъ посередки,
гоны земли, а овинъ стоитъ и
то Николи же, гоны земли подъ
иная земля къ Кутцю идучи, и
притеребы (¹), на рѣпищи, гоны
ритеребъ, и вобчихи (*общихъ*
ми) треть, и у дву мѣстѣ къ
(²) съ Калитиною надвю (*по*
въ межахъ. А ти земли Урва-
и Игнатовьскіи далъ есмъ св.
домъ и въ вѣкъ, по отца сво-
и по своей. А благословляю
кто буде игуменомъ у св. Ни-
старцовъ черенцовъ свою братью:
аметь дѣйте по сили. А на то
гухъ и отець мой духовный, игу-
горей св. Богородици. А кто се
переступитъ, сужусе съ нимъ
гомъ.

(*. Юрид. № 409, V*).

овгородскія купчія XIV—XV в.

купи Павле Труфановичь, у Гри-
Івановича, землю, полъполча Вы-
съ березы на камень да до ру-
омъльской земличи, Миньичкарда,
иску, дарѣнища коньць, Дурьно-
мли крайной наволокъ, отъ ру-
ву, съ иви на березовой пень,
у, да на врагъ, по врагу къ (о)-
даша на той земли 3 сороки
10 бѣлъ; а купи себѣ и своимъ
дерьнь (*навсегда*) и съ притеребы,
пополъньна. А на то послухы: Ти-
доровъ, Іо. Матѳеевъ, Еѳимей По-
повичь. На заводѣ (*разводѣ*) былъ Ер-
мола Тимоѳеевъ; а у печати стоялъ Гри-
горьи Іоновъ.

(*А. Юрид. № 71, XX*).

2. Се купи Тирунъ у Нестера у Па-
влова сына пожню, на Нальѣ строви, на
Батьюрмоли, въ Угли, подлѣ Лыву; а ме-
жа до Степановской пожни, а другая до
Карпа попа пожня межа, а третья межа
до Нестерови пожни Острюкова, прямо на
Шипицю, а Шипици на черьмховъ и кустъ
къ лѣсу. А да на той пожни 5 сѣроковъ
бѣлъ безъ 5 бѣлъ, а куря пополъньна; а
купи одерьнь себѣ и своимъ дѣтемъ. А
буде Тируну не до земли, ино мино зем-
ца (¹) не предати. А на то послухы: Ѳе-
досъ Исаковъ, Власьи Ондроновъ, Демен-
тьи деякъ св. Богоявленья.

(*А. Юрид. № 71, XXIII*).

3. Послѣ 1389 г. Се купили игуменъ
Лука св. Михаила, и староста, и вся
братья, землю по Левковѣ курьѣ, у Га-
вриляка у Носова, по отцѣ своего купли,
усть курьи островъ да наволокъ, а то
сверхъ по кунамъ. А дали на той поло-
винѣ села 7 рублевъ, а по сту бѣлки за
рубль; а оприцѣ того 70 бѣлки на хлѣ-
бѣ, а куница съ шерстью пополонка за
овцу. А межа той земли по Верхней ру-
цей, по поскотину общую (*выгонъ для
скота*) да дворище (*усадьбу*) посторожь
улицы. А на то послухъ Ильюхъ Нела-
динъ, Антина, Иванъ Мининъ.

(*А. Юрид. № 71, XXVII*)

———

итеребы—земли, расчищенныя отъ лѣса.
реложки, перелогъ—перепаханная земля.

(¹) Туземца, тамошняго жителя, принадлежащаго къ обществу.

260. Жалованная кашинскаго в. кн. Василія Михайловича и удѣльныхъ тверскихъ князей, людямъ тверскаго Отроча монас. до 1365.

Се милостыня Князя в. Васильева Михаиловича и его братаничевъ, княжа Всеволожа, кн. Михаилова, Володимерова, Андреева Олександровичевъ, Еремеева, Семенова Костянтиновичевъ, Михаилова Васильевича церкви св. Богородици Отрочью монастырю. Во имя св. Троицы, Отца и Сына и св. Духа, се ми рабы св. Троица, кн. в. Василей Михаиловичъ и его братаничи, князья Всеволодъ, Михаило, Володимеръ, Андрей Олександровичи, Еремѣй, Семенъ Костянтиновичи, Михайло Васильевичъ, по отца моего и нашего дѣда кн. в. Михаиловымъ грамотамъ, Бога дѣля и своего дѣля спасенья, пожаловали есмы отца своего архимандрита, кто ни будетъ у св. Богородици, дали есмы его милостыню церкви св. Богородици Отрочью монастырю, на память преставльшимъся отъ сего житья роду нашему, а намъ пребывающимъ въ житьи семъ за въздоровіе. Архимандриту св. Богородици и игуменомъ тѣхъ монастыревъ, что тягнуть къ св. Богородици Отрочью монастырю, Въскресенье за Волгою, Богородица на Бору, Спасъ во Зьзехъ, Воскресенье и Богородица на Шешѣ, Богородица на Гостомлѣ, и попомъ и дьякономъ, и дьякомъ, и конархистомъ, и чернцемъ, и сторонникомъ, и всему церковному и сполненью, и слугамъ монастырьскимъ, и ключникомъ и волнымъ людемъ, ненадобѣ имъ ни которая дань, ни ямъ, ни подвода; ни тамга, ни осьмничее, ни иныи которыи пошлины кь городу, ни къ волостемъ. Такоже и сиротамъ, кто имѣетъ сѣдѣти на земли св. Богородици Отрочья монастыря и тѣхъ монастыревъ, въ нашей отчинѣ, въ Тфѣрьскихъ волостехъ и въ Кашиньскихъ, по одиному слову со отци своими съ владыкою Ѳедоромъ и съ владыкою Васильемъ, пожаловали есмы тѣхъ сиротъ, ненадобѣ имъ никоторая дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни осминичее, ни сторожевое, ни писчее, ни кормъ, ни медовое, ни иныи которыи пошлины къ городу, ни къ волости, ни служба, ни дѣло княже, ни дворьскіи ни старосты атъ ихъ не займають ни прочто. Такоже и намѣстници наши и волостели атъ не въѣздять и не судятъ тѣхъ людій и не всылають къ нимъ нипочто; и данници наши, и ямьщици, и письци, и пошлинники, кто нибуди, атъ не въѣздять, ни всылають къ монастырскимъ людемъ нипочто. Про все тѣ люди знають архимандрита службою и подможеньемь дому церковному св. Богородици. А архимандриту монастырьскимъ хлѣбомъ кормити клирошанъ и чернцевъ, а преставльшихъся архимандритовъ память ихъ правити. А къ тому кого еще людій перезоветъ архимандритъ изъ зарубежья (*другой области*) въ отчину нашю, на землю св. Богородици, или кого въ городѣ посадить во Тфѣри и Кашинѣ, а тѣмь по тому же не емлютъ на нихъ ничегоже. А что ся учинеть, или розбой, или душегубьство, или татба, который судъ ино будуть межи монастырьскихъ людій, судить ихъ и дворянъ дасть монастырьскіи тивунъ одинъ; а нашимъ судьямъ ненадобѣ ничто, а смѣшаються судить монастырьскіи люди съ волостными людьми, судить монастырьскіи тивунъ съ посельскимъ вмѣстѣ съ нашими судьями, а прибытокъ имъ на полы, а дворянъ дасть тотъ, на чьемъ ищють и судъ туто же, а на правду ѣздять обои. А хотя коли повелимъ имати на тѣхъ, у кого будуть грамоты наши жаловалныи, на монастырскихъ людехъ ни тогды ни кто не емли ничего, по сей нашей грамотѣ.

(*А. Арх. Эксп.* I, *№ 5*).

Обратить вниманіе на разные сборы и повинности крестьянъ.

261. Жалованная в. кн. Димитрія Ив. Новоторжцу Евсевку до 1374.

Се язъ князь в. Дмитріи Ивановичь пожаловалъ есмь Евсѣвка Новоторжца, что идеть изъ Торжку въ мою вотчину на Кострому: не надобѣ ему ни которая дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни осмничее, ни вѣсчее, ни мытъ, ни костки, ни побережное, ни гостиное, никоторая пошлина, а даеть мнѣ оброка на годъ 5 куницъ; а приказалъ есмь его блюсти дядѣ своему Василью тысяцькому; а чрезъ сю грамоту кто что на немъ возметь, быти ему въ казни.

(*Доп. къ А. Ист. I*, № *8*).

262. Духовная Остафья послѣ 1386.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се азъ рабъ божій Остафей списахъ рукописанье при своемъ животѣ. А приказываю животъ свой госпожѣ своей матери Онтоньи и сынови своему Өедору, отцыну свою и дѣдину, землю и воду, по отца своего рукописанью и по володѣнью. А что отцына моя и дѣдина на Волоти, земля, и вода, и пожни, и лѣсы, въ Ходыни, и въ Дроздинѣ, и въ Селской Лукѣ, по володѣнью отца моего, и дяди моего, и по нашему володѣнью, мнѣ съ братомъ своимѣ съ Григорьемъ на полъ; а моя половина сыну моему чиста. А что отцына моя и дѣдина моя, земля и вода за Волокомъ, въ Шенкурьѣ, а въ той землѣ мнѣ съ братомъ съ Григорьемъ половина, и въ лѣсѣ, и въ озерахъ, и въ рѣчкахъ, и въ ловищахъ, по володѣнью отца моего и дяди моего: что прикуплѣ отца моего, а то сыну моему цыста, по купнымъ грамотамъ и по володѣнью отца моего; а съ братомъ моимъ съ Григорьемъ моя половина сына моему цыста, по роздѣлной грамотѣ; а Өедору посаднику и его братаномъ другая половина. А что отцына наша на Кокшенскомъ погостѣ, земля и вода и лѣсъ, а въ томъ мнѣ съ своимъ братомъ съ Григорьемъ и съ дядею съ Семеномъ половина; а посаднику Өедору и его братаномъ другая половина; а въ нашей половинѣ Кокшенскаго погоста Семену половина, а мнѣ и брату моему Григорью другая половина; а въ нашей половинѣ съ Григорьемъ мнѣ двѣ части, а брату моему Григорью треть. А что отцына моя и дѣдина моя въ Ясеничахъ и въ Лопичахъ земля, а въ томъ мнѣ половина съ братомъ съ Григорьемъ; а дядѣ Семену половина. А что земля и вода въ Летмѣ, а въ томъ мнѣ съ братомъ съ Григорьемъ половина; а дядѣ Семену половина; а старая грамота Ясенической земли у Семена. А что купля отца моего Онаньина и Семенова въ Ясеничахъ земля, а то мнѣ съ дядею Семеномъ, по купнымъ грамотамъ, и по серебру и по отца моего рукописанью; а купныя грамоты той землѣ у Семена вси, а невиноваты Семену ничимъ же. А что есмы утагали съ дядею своимъ съ Семеномъ Онисима земля въ той Ясенической землѣ, а та грамота утагалная у Семена. А что въ Шенкурьѣ вода и земля Яропуйская недѣлна, и въ той мнѣ половина, а брату моему Григорью половина. А что земля, наша отцына, на Сиѣ и въ Рокитнѣ, мнѣ съ братомъ съ Григорьемъ половина, а Семену половина. А что бабѣ нашей Өедосьи купля въ Подберезь и Киселево село, а то ми съ братомъ съ Григорьемъ наполъ, а Семену ту ненадоби. И дворъ мой горочкій, а то ми съ братомъ съ Григорьемъ наполъ. А что лавка наша на хопылскомъ ряду и голбецъ во св. Михайлѣ, а въ томъ мнѣ съ Григорьемъ половина, а Семену половина. А пожня на Быстрой, а въ томъ мѣстѣ съ братомъ съ Григорьемъ поло-

вина; а Семену другая половина. А въ Мошковѣ болотѣ, въ пожнякъ, и въ колу и въ маломъ колцу, мнѣ съ братомъ съ Григорьемъ 8-я часть. А что Новгородъ пожаловалъ отца моего и меня и далъ грамоту на Волжане, и въ томъ у отца моего у мене купилъ Александръ посадникъ 4-ю часть, а далъ на ней 20 рублевъ и 100; и послалъ Александръ въ свое мѣсто, на свою часть, Тимоѳея Прокопьина, и Тимоѳей имѣлъ Александрову часть, въ Александрово мѣсто; а что будетъ вписалъ Александръ въ свое рукописанье на отцѣ на моемъ и на мнѣ ту 20 рублевъ и 100, а тымъ отецъ мой, ни азъ, не виноватъ Александру, ни инымъ ничимъ же, по отца моего рукописанью и по моему рукописанью. И была отцу моему говорка съ Александромъ предъ владыкою Олексѣемъ, о томъ серебрѣ; и отмолылся Александра отецъ мой, а взяти ми гдѣ что, по жеребьямъ и по грамотамъ, а то все мое чисто возметъ сынъ мой Ѳедоръ у Матѳеевыхъ, у Болесина у Семена и у Гордѣя 5 рублевъ, за Марѳу за Охромѣеву тещу, у Голузѣ у Чемеркова и у его дѣтей 5 р., у Филипа Яскоминова 3 р.; а грамота въ закладѣ; у Оксентейка въ Ясеничахъ полчетверта рубля ($3\frac{1}{2}$), у Пышкова сына у Степанева 3 р., у Захара съ братомъ у Олферовыхъ дѣтей 6 р. и портище овчинъ, у Устинца полтина, у Демидца полтина; у Кондратка съ братьею у Терентьевыхъ дѣтей 3 четверти, у того жъ Кондратка полтина, опричь (*кромѣ*) братьи, у Семенца у Максимцова пасынка полтина; а Максимке въ поруцѣ. А что моей челяди дерноватой (*крѣпостныхъ людей*), что досталося отцу моему у дяди у Бориса въ отдѣлъ, Степанко Гаврилцовъ съ женою и съ дѣтьми, зять его Яковке съ братомъ, съ женою и съ дѣтми, Иванко Долгой съ сыны, а жена его и дчери свободны; Олекса съ женою и съ дѣтми, Карпъ съ

женою и съ дѣтми, Своръ съ сыномъ и съ снохою, а жена его и дцери свободны, Озарка и Демидецъ съ женою и съ дѣтми, Денесья съ женою, Даниака съ женою и съ дѣтми, Ермакъ съ сыны, а жена и дцери свободны; Обросимецъ съ сыны, а жена и дцери свободны, Павлечь братъ его съ сыны, а жена и дцери свободны; Якимецъ Сушко съ сыны, а жена и дцери свободны, и сестра Якимцева съ дѣтми, Савица съ женою и съ дѣтми, Савостьянецъ Минуковъ и сестра его Килинѣя и дцери, Даниленъ Петеримовъ, мои; а Мину съ женою и съ дѣтми мать моя и азъ отпустили есми на свободь, и Оленицу съ матерью и съ сестрою. А жена моя оже всѣдитъ въ животѣ моемъ, ино осподарыня животу моему, или поидетъ замужъ ино ей надѣлка 10 р.; а что принесла порты и кругу и челядь, а то ей и есть. А будетъ у моей жены сынъ, ино моимъ дѣтемъ животъ мой и села мои и челядь моя наполъ; или будетъ дчи, ино выдастъ ю братъ Ѳедоръ по силѣ; а доколѣ сынъ мой Ѳедоръ подростетъ, а дотолѣ ѣздитъ по моимъ селамъ братъ мой Григорей, въ мое мѣсто, и людии моими володѣетъ: а хлѣбъ и куны, и даръ; а то идетъ матери моей и сыну моему Ѳедору. Или Богъ умыслитъ о дѣтѣхъ моихъ, ино брату Григорью половина въ животѣ моемъ, въ землѣ и въ водѣ; а другую половину въ живота моего, въ землѣ и въ водѣ, ты братъ Григорей испродай да впиша во вседневнии службы отца моего и матерь мою и мене, а остаткомъ и ты по насъ помяни; а челядь мою дерноватую, а то всю братъ мой Григорей отпусти на свободу. А въ приказъ приказываю господину посаднику Ѳедору Тимоѳеевичу, господину посаднику Олексѣю Юрью Дмитреевичу, и господину Олексѣю, и шурьи своей Ивану и Василью, и дядѣ своему Юрью Ѳедорову, и брату своему Ермолѣ Микифорову: а Бога дая,

господо, постерегите матери моей и дѣтокъ моихъ, цы кто иметь обидити; а невиноватъ есми никому ничѣмъ, развіе Богу душею.—А на то Богъ послухъ и отецъ мой духовной попъ Амосъ св. Михаила. А писалъ рукописанье діакъ Еремѣй св. Михаила. А кто сіе рукописаніе преступитъ, судится со мною предъ Богомъ въ день страшнаго суда.

(*Акты Юридичес.* № *409*).

263. Грамота в. кн. Димитрія Ив. Андрею Фрязину (1) 1363—1389.

Се язъ кн. в. Дмитрей Ивановичъ пожаловалъ есмь Андрея Фрязина Печорою, какъ было за его дядею за Матееемъ за Фрязиномъ; а въ Перми емлетъ подводы, такъ было и доселѣ: а вы, Печеряне, слушайте его и чтите, а онъ васъ блюдетъ, а ходитъ по пошлинѣ, какъ было при моемъ дѣдѣ при кн. в. при Иванѣ, и при моемъ дядѣ при кн. в. при Семенѣ, и при моемъ отци при кн. в. при Иванѣ, такъ и при мнѣ.

(*А. Эксп. I*, № *6*).

264. Духовная в. кн. Димитрія Ив. 1389.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Се язъ грѣшный худый рабъ божий Дмитрий Ивановичь пишю грамоту душевную цѣлымъ своимъ умомъ. Даю рядъ сыномъ своимъ и своей княгинѣ; приказываю дѣти свои своей княгинѣ: а вы, дѣти мои, жывите за одинъ, а матери своее слушайте во всемъ. А приказываю отчину свою Москву дѣтемъ своимъ кн. Василью, Юрью, Аньдрѣю, Петру; а братъ мой кн Володимеръ вѣдаетъ свою треть, чѣмъ его благословилъ отецъ его князь Аньдрѣй. А сына своего кн. Василья благословляю на старѣйший путь въ городѣ и въ стѣнахъ моего удѣла двою жеребьевъ половина; а тремъ сынамъ моимъ половина, и въ пошлинахъ въ городьскихъ половина. А тамга изъ двою моихъ жеребьевъ княгинѣ моей половина, а сыномъ моимъ половина; а восьминичее мои два жеребья княгинѣ моей. А на старѣйший путь сыну моему кн. Василью Васильцево сто и Добрятиньская борть зъ селомъ зъ Добрятиньскимъ; а бортьници въ станѣхъ въ городьскихъ, и конюший путь и соколничий, и ловчий, тѣмъ сынове мои подѣлятся ровно. А численыхъ людий моихъ двою жеребьевъ сыномъ моимъ по частемъ, а блюдутъ съ одиного. А се даю сыну своему кн. Василью: Коломну со всѣми волостми и съ тамгою и съ мыты, и съ бортью и съ селы и со всѣми пошлинами; а волости коломенскиѣ: Мещерка, Раменка, Пѣсочна, Брашева съ селцемъ зъ Гвоздною и съ Иваньемъ, Гжеля, деревни Лѣвичинъ, Скульневъ, Маковецъ, Каневъ, Кочема, Комаревъ зъ берегомъ, Городна, Похряне, Устьмерьско. А изъ московъскихъ селъ даю сыну моему кн. Василью: Митинъ починокъ, Малаховъское, Костянтиновъское, Жирошкыны деревни, Островъское, Оринипьское, Копотеньское, Хвостовъское, у города лугъ великий за рѣкою; а изъ юрьевъскихъ селъ даю сыну своему кн. Василью: своего прикупа Красное село съ Елезаровъскимъ, съ Проватовымъ, да с. Василевъское въ Ростовѣ. А се даю сыну своему кн. Юрью: Звенигородъ со всѣми волостми и съ тамгою и съ мыты, и зъ бортью и съ селы и со всѣми пошлинами; а волости звенигородскиѣ: Скирменово зъ Бѣлми, Тростна, Нѣгуча, Сурожыкъ, Замошьская слобода, Юрьева

(1) *Фрязи*—Франки, Французы и Итальянцы.

слобода, Руза городокъ, Ростовци, Кремична, Фоминьское, Угожъ, Суходолъ съ Истею съ Истервою, Вышегородъ, Плѣснь, Дмитриева слободка. А изъ московъскихъ селъ даю сыну своему кн. Юрью: село Михалевъское, да Домантовъское, да лугъ Ходыньский; а изъ юрьевъскихъ селъ ему: прикупа моего с. Кузмыдемъяньское, да Краснаго села починокъ за Везкою придалъ есмъ къ Кузмыдемъяньскому, да с. Богородицьское въ Ростовѣ. А се даю сыну своему кн. Аньдрѣю: Можаескъ со всѣми волостми и съ тамгою и съ мыты, и зъ бортью и съ мыты, и зъ бортью и съ селы и со всѣми пошлинами, и съ отъѣздными волостми; а волости можайскиѣ: Исмея, Числовъ, Боянь, Берестовъ, Поротва, Колоча, Тушковъ, вышнее Глиньско, Пневичи съ Загорьемъ, Болонескъ, а Коржань да Мошлинъ холмъ придалъ есмъ къ Можайску; а се волости отъѣздныѣ; Верея, Рудь, Гордошевичи, Гремичи, Заберега, Сушовъ, да с. Репиньское, да Ивановъское Васильевича въ Гремячахъ. А Колуга и Роща сыну же моему кн. Аньдрѣю; и что вытягалъ бояринъ мой Федоръ Аньдрѣевичь на обчемъ рѣтѣ Товъ и Медынь у Смолнянъ, а то сыну же моему кн. Аньдрѣю. А изъ московъскихъ селъ ему: Напрудьское село, да Луциньское на Яузѣ съ мелницею, Дѣуниньское, Хвостовъское въ Перемышлѣ, да лугъ Боровъский, а другий противу Воскресенья; а изъ юрьевъскихъ селъ ему Олексиньское село на Пѣкшѣ. А се даю сыну своему кн. Петру: Дмитровъ со всѣми волостми и съ селы и со всѣми пошлинами, и съ тамгою, и съ мыты и зъ бортью, и се дмитровъскиѣ волости: Вышегородъ, Берендѣева слобода, Лутосна съ отъѣздьцемъ, Инобатъ. А изъ московъскихъ волостий кн. Петру: Мушкова гора, Ижво, Раменка, слободка княжа Иванова, Вари, Корзенево, Рогожъ, Загорье, Вохна, Селна, Гуслеця, Шерна городокъ; а изъ московъскихъ селъ кн. Петру Новое село, Сулишинъ погостъ; а изъ юрьевъскихъ селъ ему прикупа моего село Богородицькое на Богонѣ. А се даю сыну своему кн. Ивану: Раменейце съ борътьники, и что къ нему потягло, да Звѣрковъское село съ Сохоньскимъ починкомъ, что отошло ото князя отъ Володимера; а Сохна сыну же моему кн. Ивану; а въ томъ удѣлѣ воленъ сынъ мой кн. Иванъ, который братъ до него будетъ добръ, тому дастъ. А се благословляю сына своего кн. Василья своею отчиною великимъ княженьемъ. А сына своего благословляю кн. Юрья, своего дѣда куплею, Галичемъ со всѣми волостми и съ селы и со всѣми пошлинами, и съ тѣми селы, которыѣ тягли къ Костромѣ, Микульское и Борисовъское. А сына своего кн. Аньдрѣя благословляю куплею же дѣда своего, Бѣлымъ озеромъ со всѣми волостми, и Вольскимъ съ Шаготью, и Милолюбъский ѣзъ и съ слободками, что были дѣтий моихъ. А сына своего кн. Петра благословляю куплею же своего дѣда, Углечимъ полемъ, и что къ нему потягло, да Тошною и *Сямою*. А се даю своей княгинѣ: изъ великого княженья у сына у своего у кн. у Василья изъ Переяславля Юлку, а исъ Костромы Иледамъ съ Комелою; а у кн. у Юрья изъ Галича Соль; а у кн. у Оньдрѣя изъ Бѣла озера Вольское съ Шаготью, и Милолюбъский ѣзъ; а изъ володимерьскихъ селъ княгинѣ моей Оньдрѣевьское село, а исъ переяславъскихъ селъ Доброе село, и что къ нимъ потягло; а изъ удѣла сына своего княжа Васильева Каневъ, Пѣсочну, а исъ селъ, Малиньское село, Лысцево; а исъ удѣла изъ Юрьева, Юрьева слобода, Суходолъ съ Истею съ Истервою, да села Оньдрѣевъское, да Каменьское; а изъ удѣла изъ Оньдрѣева Верея, да Числовъ, да село Луциньское на Яузѣ съ мелницею; а изъ удѣла исъ Петрови Ижво, да Сяма. А что есмь далъ своей княгинѣ исъ удѣла

княжа Васильева, и изъ Юрьева, изъ Оньдрѣева, изъ Петрова волости и села; а что Богъ розмыслитъ о моей княгинѣ, и тѣ волости и села во чьемъ удѣлѣ, то тому и есть. А се даю своей княгинѣ: свой примыслъ Скирменовьскую слободку съ Шепковымъ, Смоляныѣ съ Митяевъскимъ починкомъ и зъ бортью, съ вышегородскими бортьники, Кропивну зъ бортники съ кропивеньскими и съ исменьскими и зъ гордошевъскими и съ рудьскими, Желѣскова слободка зъ бортью съ Ивановымъ селомъ съ Хоробров̃а, Исконьская слободка, Кузовъская слободка, и что княгини моее прикупъ, и что къ ней потянуло, то моей княгинѣ. А по которая мѣста слободъскиѣ волостели судили тѣ слободы при мнѣ, и княгини моее волостели судятъ по таже мѣста, како было при мнѣ. А что княгини моее купля Лохно, то ее и есть. А на Коломнѣ мой примыслъ Самойлецевъ починокъ зъ деревнями, Савельевъскый починокъ, Микульское село, Бабышево, Ослебятевъское, а то княгини моей. А что ее село Рѣпеньское и прикупъ, то ее и есть. А изъ московъскихъ селъ даю своей княгинѣ: Семциньское село съ Ходыньскою мелницею, да Остафьевъское село, да Илмовъское; а изъ юрьевъскихъ селъ даю ей куплю свою Петровъское село, да Фроловъское, да Елохъ; а Холхолъ и Заячковъ, то моей княгинѣ. А что ми дала княгини Федосья Суду на Бѣлѣ озерѣ, да Колашну и слободку, и что благословила княгиню мою Городкомъ да Волочкомъ, та мѣста вѣдаетъ княгини Федосья до своего жывота; а по ее жывотѣ, то княгинѣ моей. А тѣми своими примыслы всѣми благословляю княгиню свою, а въ тѣхъ примыслѣхъ волна моя княгиня, сыну ли которому дастъ, по души ли дастъ; а дѣти мои въ то не въступаютьса. А которыѣ деревни отоималъ былъ кн. Володимеръ отъ Лытъкиньского села княгини моее къ Берендѣевѣ слободѣ, а тѣ деревни потянутъ къ Лытъкиньскому селу моее княгини.

А по грѣхомъ которого сына моего Богъ отъиметъ, и княгини моя подѣлитъ того удѣломъ сыновъ моихъ; которому что дастъ, то тому и есть, а дѣти мои изъ ее воли не вымутъ. А дастъ ми Богъ сына, и княгини моя подѣлитъ его, возмя по части у болшиѣ его братьи. А у которого сына моего убудетъ отчины, чѣмъ есмь его благословилъ, и княгини моя подѣлитъ сыновъ моихъ изъ ихъ удѣловъ; а вы, дѣти мои, матери слушайте. А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего кн. Василья, а хто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему Васильевъ удѣлъ, а того удѣломъ подѣлитъ ихъ моя княгини: а вы, дѣти мои, слушайте своее матери; что кому дастъ, то тому и есть. А коли дѣтемъ моимъ взяти дань на своей вотчинѣ, чѣмъ есмь ихъ благословилъ, и сынъ мой кн. Василей возметъ съ своего удѣла съ Коломны и съ коломеньскихъ волостий 300 рублевъ и 40 и 2 рубли, и княгиній моя дастъ ему въ то серебро съ Пѣсочны 8 р. безъ 3-хъ, а съ Канева 25 и 2 р., и княгини моя дастъ ему въ то серебро съ Юрьевы слободы 50 р. съ Смоляныхъ 9 р., а съ Скирменовъскиѣ слободы 9 р. А кн. Оньдрѣй возметъ съ Можайска и со всихъ волостий можайскихъ 100 р. и 70 р. бесъ 3-хъ, а съ отъѣздныхъ мѣстъ 70 р. безъ дву, и княгини моя дастъ ему въ то серебро 25 р. и полътретья ($2\frac{1}{2}$) р. съ Вереи, а съ Числова полъосма ($7\frac{1}{2}$) р., а съ Заячкова 20 р. и 2, съ Холъхла 10 р., съ Желѣсковы 9 р., съ Исконьскиѣ слободки полъсема ($6\frac{1}{2}$) р., съ Кропивны полъсема р. А кн. Петръ возметъ съ своего удѣла 100 р. и 11, и княгини моя дастъ ему въ то серебро съ Ижва 30 р. А кн. Иванъ дастъ кн. Василью съ Сохны 5 р., а съ Раменейця дастъ кн. Петру 5 р., а то

возмутъ въ тысячю рублевъ; а будетъ болѣе или менши, ино по тому розочту.

А перемѣнитъ Богъ Орду, дѣти мои не имутъ давати выхода въ Орду, и который сынъ мой возметъ дань на своемъ удѣлѣ, то тому и есть. А что есмъ подавалъ своей княгинѣ волости и села изъ удѣловъ дѣтий своихъ, и свой примыслъ и слободы и села, и Холхолъ и Заячковъ, а съ тѣхъ волостий, и съ слободъ и съ селъ, что возметъ княгиня моя, то ей и есть; и дѣти мои въ то не въступаються. А изъ тѣхъ волостий и слободъ и селъ, что есмъ вымалъ у дѣтий своихъ изъ удѣловъ, а подавалъ княгинѣ своей, а кому будетъ жалоба сиротамъ на волостели, и тѣмъ людемъ учинитъ исправу княгини моя; а дѣти мои въ то не въступаються. А что есмъ далъ сыну своему кн. Аньдрѣю Заберегу, за то дѣти мои вси даютъ оброкъ св. Спасу 15 р. на годъ на Спасовъ день. А се благословляю дѣтий своихъ: сыну моему старшиему кн. Василью икона Парамшина дѣла, чепь золота, что ми дала княгини Василиса, поясъ золотъ великий съ каменьемъ безъ ремени, поясъ золотъ съ ременемъ Макарова дѣла, бармы, шапка золота; а сыну моему кн. Юрью поясъ золотъ новый съ каменьемъ, съ жомчюгомь безъ ремени, поясъ золотъ Шышкина дѣла, вотола сажена; а сыну моему кн. Оньдрѣю снастъ золота, поясъ золотъ старый новгородьский; а сыну моему кн. Петру поясъ золотъ съ каменьемъ пѣгий, поясъ золотъ съ калитою да съ тузлуки, да наплечки, да аламъ; а сыну моему кн. Ивану поясъ золотъ татауръ, да два ковша золоты по двѣ гривенки. А что ся останетъ золото или серебро, или иное что ни есть, то все моей княгинѣ. А что ся останетъ стадъ моихъ, тѣмъ моя княгини подѣлитъся съ моими дѣтми по частемъ. А хто будетъ моихъ казначѣевъ, или хто будетъ моихъ дьяковъ прибытокъ мой отъ мене вѣдали, или посельских
или тиуновъ, или хто женилъся у тѣх
тѣ всѣ не надобѣ моей княгинѣ, и м
имъ дѣтемъ. А приказалъ есмъ свои д
ти своей княгинѣ: а вы, дѣти мои, сл
шайте своее матери, а будетъ не въ е
воли, на томъ не будетъ моего благос
венья. А дѣти мои, молодшая братья кн
жы Васильевы, чтите и слушайте свое
брата старишаго кн. Василья въ мое м
сто своего отци; а сынъ мой кн. Вас
лий держытъ своего брата Юрья и бы
братью молодшюю въ братьствѣ, бе
обиды. А хто моихъ боаръ иметь сл
жыти моей княгинѣ, тѣхъ боаръ дѣ
мои блюдите съ одиного. А хто сю гр
моту мою порушитъ, судитъ ему Богъ,
не будетъ на немъ милости божiи, и
моего благословенья ни въ сий вѣкъ, и
въ будущий. А писалъ есмъ сю грам
передъ своими отци, передъ игуменом
передъ Сергиемъ, передъ игуменомъ п
редъ Савастьяномъ; а туто были боя
наши Дмитрий Михайловичь, Тимоф
Васильевичь, Иванъ Родивоновичь, Се
менъ Васильевичь, Иванъ Федоровичь,
Олександръ Аньдрѣевичь, Федоръ Ан
дрѣевичь, Иванъ Федоровичь, Иванъ Ан
дрѣевичь; а писалъ Внукъ.

(*Собр. грам. I, 54*).

(Грамота писана на пергаминѣ, къ н
привѣшена серебряная позолоченая печат

См. Ист. Гос. Рос. V, пр. 116. В. кн. Д
митрій Ивановичъ Донской скончался въ Москвѣ
Мая, 1389.

Обратить вниманіе на поземельныя в
дѣнія и домашнее имущество Московски
князей.

265. Уставная м-та Кипріана Константиновскому монаст. 1392.

Се язъ Кипріанъ, митрополитъ всеа Руси, далъ есмь сю грамоту монастырю своему св. Костянтину и игумену. Что ми били челомъ сироты монастырскіе на игумена на Ефрема, такъ ркучи: »наряжаетъ намъ, господине, дѣло не по пошлинѣ, чего при первыхъ игуменѣхъ не бывало; пошлины у насъ емлетъ, чего иные игумены не имали.« И игуменъ м-ту такъ рекъ: язъ, господине, хожу по старой пошлинѣ, какъ было при первыхъ игуменѣхъ; а здѣсь, господине, на Москвѣ игуменъ Царко, тотъ игуменилъ у св. Костянтина передъ мене, того, господине, и въспроси. — И м-тъ послалъ Окинфа къ Царку къ игумену, занеже тогды Царко не издоровѣлъ, и велѣлъ въспросити: какова пошлина въ св. Костянтинѣ и какъ людемъ монастырскимъ дѣло дѣлати? И Царко игуменъ такъ отвѣчалъ Окинфу: »при моемъ игуменствѣ такъ было въ св. Костянтинѣ: болшимъ людемъ изъ монастырскихъ селъ церковь наряжати, монастырь и дворъ тынити, хоромы ставить, игуменовъ жеребей весь рольи орать възгономъ (*всѣмъ вдругъ*), и сѣяти и пожати и свезти, сѣно косити десятинами и въ дворъ въвезти, ѣзъ бити и вешней и зимней, сады оплетать на неводъ ходити, пруды прудить, на бобры имъ въ осениѣ поити, а истоки имъ забивати; а на Великъ день и на Петровъ день приходятъ къ игумену, что у кого въ рукахъ; а пѣшеходцемъ изъ селъ къ празднику рожь молоти и хлѣбы печи, солодъ молоть, пива варить, на сѣмя рожь молотить; а ленъ дасть игуменъ въ села и они прядутъ, сѣжи и дѣли неводные наряжаютъ; а даютъ вcѣ люди изъ селъ на праздникъ яловицу (но одинова ми, господине, добили челомъ, а не въ пошлину, треми бараны, и язъ ихъ пожаловалъ за яловицу, занеже ми ненадобѣ была яловица, а по пошлинѣ по старой всегды ходитъ яловица на праздникъ); а въ которое село пріѣдетъ игуменъ къ братшину и сыпци (*ссыпщики, складчики)* даютъ по зобнѣ (*севалкѣ*) овся конемъ игуменовымъ.« И Окинфъ тѣ рѣчи игуменовы Царковы сказалъ вcѣ м-ту; и потомъ игуменъ Царко омоглъся (*выздоровѣлъ*) и пришедъ самому м-ту тѣ вcѣ рѣчи сказалъ, что приказалъ съ Окинфомъ къ м-ту. И потомъ язъ Кипріанъ м-тъ всеа Руси въспросилъ есмь въ Володимери, своихъ бояръ того монастыря пошлинъ и о яловицѣ о праздничной, Михаила Бирѣева, Юрья Протопопина, Ивана своего повара, — и вѣ ми тѣжъ рѣчи сказали, и о озерѣхъ и о истокѣхъ и о бобровой ловлѣ. И Кипріанъ м-тъ всеа Руси такъ рекъ игумену и христіанамъ монастырскимъ: »ходите жъ вcѣ по моей грамотѣ; игуменъ сироты держи а сироты игумена слушайте, а дѣло монастырское дѣлайте; а хотя кто будетъ иный игуменъ по семъ игуменѣ, и тотъ ходитъ по сей моей грамотѣ.« А сю грамоту велѣлъ есмь положити въ церкви игумену и людемъ, а никоторый игуменъ сее грамоты изъ монастыря да не вынесетъ: аще ли вынесетъ, не буди на немъ милости божіа и моего благословленія. А дана грамота на Москвѣ, въ лѣто 6900, м. Октября нъ 21 день, индикта 15.

Назади подпись: »сее грамоты кн. в. рушити не велѣлъ, а пожаловалъ игумена по сей грамотѣ, что въ ней писано.« А подписалъ в. князя діакъ Иванъ. »Рыболове мои в. князя не въѣзжаютъ въ монастырскіе озера.«

(*А. Арх. Эксп. I, № 11*).

266. Жалованная нижегородскаго в. кн. Бориса Спасскому и Благовѣщенскому монас. 1393.

Се язъ князь в. Борисъ Костянтиновичь пожаловалъ есми Спасского и Благовѣщенского архимандрита Іону съ братьею: далъ въ домъ св. Спаса и св. Благовѣщенья свои рыбные ловли по Сурѣ рѣкѣ, озера—Пашково съ истокомъ, Саларевó, Плоское, Сосновское, Долгое, роздерти съ истокомъ, озеро Мягкое, и всѣ озера отъ рѣчки Курмышки внизъ Сурою, источные и глухіе, и роздерти, и заводи, и пески, и съ падучими рѣками, и бобровые гоны, и стреженъ (¹) по Волгу; и архимандриту Іонѣ съ братьею въ тѣхъ водахъ рыба ловити и всякими угодьи владѣти къ себѣ на монастыри, а опришные (*посторонніе*) люди у нихъ въ тѣ рыбные ловли, и въ бобровые гоны, и по всякія угодья, не вступаются никто ничѣмъ. Дана грамота въ Нижнемъ Новѣгородѣ, лѣта 6902, декабря въ 8 день.

(*А. Арх. Эксп. I, № 12*).

См. Сборн. Муханова, № 117, стр. 195.

267. Жалованная яросл. кн. Ѳедора Толгскому монаст. ок. 1400.

Пречистые ради Богоматери, се язъ, князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ, пожаловалъ есми игумена съ братьею Толсково деревнею Куколщинымъ, и съ лѣсомъ и съ пожнями, куды топоръ ходилъ, куды коса ходила, съ пошлою землею, что къ ней изстарины тянуло: и кто въ ней і жити крестіянъ и тѣмъ крестіяномъ надобѣ имъ моя дань, ни тамга, н вожженная куница, ни кормъ данно таможной кормъ, ни волостелинъ к ни доводщичь кормъ (¹), ни иные никоторые пошлины; ни волостельно доводщикъ къ нимъ не въѣзжаетъ приставовъ своихъ къ нимъ ни всы ни въ чемъ; а что купятъ, или что дадутъ, и нѣ таможникамъ моимъ н ляютъ; а свяжется тѣмъ крестіяномъ съ моими крестіяны съ волостными, ихъ сужу язъ самъ князь Ѳедоръ а будетъ виноватъ пречистые Богом крестіянинъ, и онъ Пречистой; а будетъ мой волостель, или довод или таможници, и нѣ имъ грамоту и а не дадутъ имъ поминка ничего, гостя передъ ними не ставятъ. А моту писалъ Игнаша Пантелѣевъ.

(*А. Арх. Эксп. I, № 15*).

268. Обводная запись до 1400.

Се азъ князь в. Аноѳрей полож есми сие еуангеліе у нашемъ монас въ церкви у св. Іоанна Предтечи на трове, а придалъ есми св. Іоанну н миици землю з бортью. борть по ве дорогу по Соменьцо озеро. на У реце землю з бортью, на Наче на землю з бортью, на Лисне езъ и а въ церковь св. Іоанна и в нашь настырь, и в села и въ люди св. І не вступатися никому: а владыцѣ ст

(¹) *Заводи* — тихія мѣста въ рѣкѣ и заливы. *Стреженъ* — среднее мѣсто въ рѣкѣ; фарватеръ.

(¹) *Вожженная куница* — сборъ съ [illegible] или съ молодыхъ. Всѣ эти кормы [illegible] были разнымъ служебнымъ лицамъ, посылаемымъ [illegible]

Іоанскаго и с нашего монастыря овъского куници не брати а ни капошлинъ. А отъ кого будеть какая нашему монастырю, ино досмотрять онить намъ самимъ, а по насъ рошему, а старци и люди которыи ъ на св. Іоанна земли и судити и і игумену Іоанскому самому братию, му никому не въступатися, а влане въступатися в нашь монастырь.

(*Изв. Акад. Н. X, 369—370*).

9. Купчая на имѣніе въ Червенной Руси 1400.

имя Отца и Сына и св. Духа. А панъ Мацина, воевода Илвовскый, аю тъ тымъ листомъ кождому до-, передъ кымъ коли буде тътъ листъ : аже пришедъ предъ наше обличье, я Ходоръ Шидловскій, своею доброю , здоровымъ животомъ, ничимъ не женъ, продалъ пану Клюсови свою , на имя Шидловъ, а къ тому це Жяворонковича, то естъ, проза 30 копъ рускыхъ безо дву купу кунь, пану Клюсови на вѣки, и ь его, его прирожьнымъ послѣдкомъ;) продалъ, яко самъ держялъ, и съ и, и съ сѣножатми, и со лѣсы, зъ ами и съ пасиками, со всѣми грани, и вдоложь и уперекъ, того исзела и дворища того Жаворонковича; ъ Клюсъ имаеть того исного села зва уживати и дворища того Жавовича на вѣки и дѣты его. А на то і: пано Яшко Мазовшанинъ, пано Куликовскый, Михаилъ Жильховвойтъ Илвовскый Кундратъ, МикоМихала Чабанеского сынъ, Баграмъ й. А на потверженье приложилъ му листу свою печать пано Мацина. А писанъ листъ во Львовѣ, по божымъ нароженіи 1000 лѣтъ 4 ста лѣтъ.

(*А. Юж. и Зап. Рос. I*, № *6*).

270. Жалованная рязанскаго в. к. Олега Ив. Солотчинскому монас. 1402.

Язъ кн. в. Олегъ Ив. придалъ есмь св. Богородици, на Солодшу, Савицкой островъ съ Холковскою лукою; перекопью, съ бортными ухожьи, и съ бобровыми ловли и съ рыбною ловлею, съ озеромъ Тишью, и съ поземомъ и съ рѣзанкою, и съ шестдесятъ, съ виною и съ поличнымъ и съ безатщинами; покомъ Совицкой островъ съ Халковскою лукою, перекопью, съ бортными ухожьи и съ бобровыми ловли, потомъ волостели мои не въѣзжають, ни чашници мои, ни ключници, ни поѣздове, ни ямникъ, ни боровникъ; а ловчане (¹) мои въ Тишь не въѣзжають рыбы ловити нѣкоторыми дѣлы. (*А у подлинной грамоты печать в. князя, вислая чернаго воску*).

(*А. Ист.* I, *№ 14*).

271. Жалованная звенигородскаго кн. Юрія Савво-сторожевскому монас. 1404.

Пречистыи ради милости и честнаго ея Рождества, се язъ, князь Юрьи Дми-

---

(¹) Всѣ эти лица разъѣзжали или для разныхъ сборовъ съѣстными припасами, или для ловли рыбы, птицъ и звѣрей, или для производства суда.

треевичь, что азъ далъ Пречистой въ домъ, на Сторожѣ, отцу своему игумену Савѣ съ братіею, или кто по немъ иный игуменъ будетъ, села свои въ звенигородцкомъ уѣзду, село Бѣлгина и съ деревьнями, деревня Тимонина, д. Павликова, д. Козинская, да Клодубацынское, да деревню Глѣденовскую, да д. Еремѣеву, да селцо Усть Развадни, да къ тому селцу придалъ есми Патрекѣевьской земли, далъ есми въ рузскомъ уѣзду въ Замошьи село свое у Василья святаго и съ деревнями и съ прудомъ и со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому селу изстари потягло (*тянуло*), а что собѣ отецъ мой игуменъ Сава съ братьею прикупятъ земель, или что имъ дадутъ земль по души въ моей вотчинѣ: и которыи люди имутъ жити на тѣхъ землях монастырскихъ, и тѣмъ людемъ ненадобѣ моя дань, ни имъ, ни подводы, ни мытъ, ни тамга, ни писчея бѣлка, ни осьмничіи, ни костки, ни явка, ни иная которая пошлина, ни города не дѣлаютъ, ни двора моего не ставятъ, ни коня моего не кормятъ, ни сѣнъ моихъ не косятъ, такожъ ни къ сотцкому, ни къ дворскому, ни къ десятскому, съ тяглыми людми не тянутъ ни въ которые проторы и въ разметъ, ни въ иныи въ которые пошлины. А намѣстницы мои звенигородцкіи и волостели звенигородцкіи, и рузскіи мои намѣстники и волостели мои рузскіи, и ихъ тіуни, на тѣхъ хрестьянѣхъ на монастырскихъ кормовъ своихъ не емлютъ, ни всылаютъ къ нимъ ни по что, а праветщики и доводщики поборовъ не берутъ, ни въѣжщаютъ; а вѣдаетъ игуменъ Сава самъ свои люди во всѣхъ дѣлѣхъ и судитъ самъ во всемъ, или кому игуменъ прикажетъ, опричѣ душегубства. А случитца судъ смѣсной городцкимъ людемъ или волостнымъ съ монастырскими людьми, и намѣстницы мои Звенигородцкіи и Рузскіи и ихъ тіуни тѣхъ людей судятъ, а игуменъ съ ними судитъ, или кому прикажетъ въ свое мѣсто. А правъ ли будетъ или виноватъ монастырской человѣкъ, и онъ правъ и виноватъ монастырю, игумену съ братьею, а намѣстники мои и волостели и ихъ тіуни въ монастырского человѣка не вступаютца, ни въ праваго, ни въ виноватого; а вѣдаетъ игуменъ въ правдѣ и въ винѣ своего человѣка самъ, а истцево заплатятъ на обѣ стороны. А правъ ли, и виноватъ ли городцкій или волостный человѣкъ будетъ, и онъ въ правдѣ и въ винѣ намѣстникомъ моимъ и волостетелемъ и ихъ тіуномъ, и имъ истцево заплотятъ, а игуменъ съ братьею или ихъ приказщикъ въ городного и волостного человѣка не вступаютца. А пятенщики мои, звенигородскіи и рузскіи у монастырскихъ людей коней не петнятъ, а таможники мои тамги не емлютъ на монастырскихъ людяхъ: язъ кн. Юрьи Дмитреевичь Пречистой далъ пятно и тамгу, на темянъ далъ игумену Савѣ съ братьею: держитъ игуменъ въ манастырѣ свое пятно. Которой хрестьянинъ манастырской купитъ или мѣняетъ, и онъ пятнитъ въ монастырѣ; а которой хрестьянинъ монастырской продасть въ торгу или въ селѣ, и они тамгу платятъ игумену Савѣ въ монастырѣ, а которой пропятнитца или протамжитца манастырскій, игуменъ Сава вину возметъ на монастырь, а таможники мои, звенигородцкіи и рузскіи въ монастырскаго человѣка не вступаютца. Да далъ азъ кн. Юрьи Дмитревичь отцу своему игумену Савѣ борть свою, по рѣчки по Инеvѣ и отъ суходола по Покровъ св. Богородицы, отъ Покрова по Нару вверхъ до Вашнева, до рѣки Москвы, а по другую сторону по правую по Олександрова село по Шубина, да по слободкы по Дмитреевой, да по Нахабну къ рѣцѣ Москвѣ; далъ азъ князь Юрьи Дмитреевичь отцу своему игумену Савѣ бортника Ондрейка Телицына съ деревнею, въ которой живетъ на Рѣпищи, и онъ тѣ борты монастыр-

скіи дѣлаеть. А черезъ сю мою грамоту кто ихъ чимъ изобидитъ, быти отъ меня въ казни. А грамота писана въ лѣта 6912, м. маія 10 день.

(*А. Истор. I, № 15*)

272. Договорная между Полоцкомъ и Ригою 1407.

Мы мужи Полочане даемъ вѣдати, кто на сію грамоту узритъ или услышитъ чтучи. Князь в. Витовтъ литовьскіи, нашъ осподарь, докончалъ промежи насъ и смирилъ насъ вѣчно, межи Полоцкого города и Ризьгского города: чтобы Полочаномъ доброволно ѣхать къ Ризѣ, также Рижяномъ къ Полоцку, безъ всякия зъвады, ни одиного не вълемши доброволно ему купить и продать; также Полочяномъ у Ризѣ, а Рижяномъ у Полоцку, никакоѣ малоѣ торговлѣ не торговати, что розницею зовуть, а то мы какъ у Полоцку, а Рижане у Ризѣ, учинимъ и поставимъ, а любо какъ можемъ межи себе уровнать; также могуть Полочане мимо Ригу у землю, а Рижанамъ мимо Полтескъ у землю, куда хочютъ, то на обѣ сторонѣ межи насъ волю водою и землею. Нынѣ жъ бы кн. в. Витовтъ, осподаръ нашъ, а любо его послѣднове, кто коли будетъ осподаръ полоцки у Полоцку, исклад въчинили, а любо местерь Задвиньскій въ Ризѣ, а тотъ исклад держитъ на обѣ сторонѣ, у Полоцку и въ Ризѣ, такъ какъ уставленъ будетъ. А Полочяномъ блюсти Рижянина у Полоцку какъ себе, а Рижяномъ блюсти Полочянина у Ризѣ себе оборонятъ: аже Полочянинъ что проступитъ у Ризѣ, ино имъ того до Полоцка послать, ино его тамъ Полочане осудятъ по своему праву, также нѣмецкій купецъ что проступить у Полоцку, ино его послать къ Ризѣ, ино его тамъ осудятъ по ризьскому праву. Также у Полоцку соль вѣсити на скалвахъ тымъ же вѣсомъ, что воскъ вѣсять, тыми же колоколы: вѣсу полоцкому быти ризького полупудомъ болши: про то же сперва Рижяномъ послать свои колоколы и скалвы къ Полоцьку на свою истраву, потомъ же сотрутся тыи колоколы или изломятся или погибнуть, ино намъ Полочяномъ послать къ Ризѣ на свою истраву на свои пѣнязи, да учинитъ тыи колоколы по старому праву и полѣпшитъ; также серебрьныи вѣсы у Ризѣ держатъ полузолотникомъ болши во одного рубля; также вѣсцемъ крестъ цѣловатъ нынѣ и потомъ, коли надобѣ что имъ право вѣсити на обѣ сторонѣ одному какъ и другому, а вѣсцю отступить прочь отъ скалвъ, а рукою не примать, а вѣсебное имати вѣсцю, какъ у Полоцку на Рижанехъ емлють, такъ имать у Ризѣ на Полочянехъ вѣсебное. Аже будетъ которая обида, или завадъ, межи кимъ на обѣ сторонѣ, ино знати истцю истьца, а иному иному въ тое ся не вступати, ни томъ рубежя держать на обѣ сторонѣ; аже будетъ межи местеремъ Задвиньскимъ, или которыи опослѣ будетъ межи земли и людьи, ино купцюви чистъ путь его товару на обѣ сторонѣ и его животу, узять ему свой товаръ куда хочетъ ѣхать, и пойти коли ему надобѣ или по водѣ, или по суху, или у городъ, или на пути. Про тожь бы тое смиренье вѣчно стояло непорушено со обою сторону межи нами Полочяны и Рижянъ, и печяти есмо свои привѣсили къ сей грамотѣ. А писана быеть грамота ся у Могилевѣ, по божьемь роженьи 1000 лѣта и 400 и 7 лѣта, а печятана у Ризѣ, у семую суботу м. мая 14 день.

(*А. Арх. Эксп. I, № 16*).

См. также договорная грам. Новгорода съ Ригой 1392. (Русско-ливонс. акты. Спб. 1868, 85—88).

273. Уставная таможенная грамота Молдавскаго господаря, воеводы Александра, Львовскимъ и Подольскимъ купцамъ 1407 г.

Милостію божьею, мы Александръ воевода, господарь земли Молдавскои, чинимъ знаменито и симъ нашимъ листомъ усѣмъ, кто на нь узритъ, или его услышитъ, оже есмы доконали съ радцями и съ мѣстьчяны Илвовского мѣста и съ усѣмъ поспольствомъ ихъ, и учинили есмы уставицьтво о мытахъ у нашея земли; и доконали есмы съ ними, штобы ходили у нашюи земли, и съ своими торговлями. А мыта есмы имъ такъ поставили и улегчили, штобы давали у нашея земли мыто такъ: Наипервое головное мыто Сочавьское, на исkладѣ отъ сукна отъ гривну 3 гроши; а коли имуть купити татарьскый товаръ у Сочавѣ, или шолкъ, или перець, или камкы, или тебенкы, илц темьянъ, или грецкый квасъ, отъ гривну у Сочавѣ по 3 гр.; а коли имуть купити татарьскый товаръ у иныхъ торгохъ нашихъ, тамъ имуть дати, гдѣ его купятъ, отъ гривну 2 гр., а на головное мыто у Сочавѣ отъ гривну 3 гр., та смѣетъ его продати, кому любитъ. А кто идетъ до Илвова, на головное мыто у Сочавѣ: отъ скота 1 грошъ, отъ 10 свиній 1 гр., отъ 10 скота овецъ 1 гр., а отъ кобылы по 6 гроши, а отъ каждого коня по 6 гроши, отъ сто бѣлицъ 1 гр., отъ сто лисицъ 10 гроши, отъ сто овчины сураныи 4 гр., отъ сто кожи ягнячіихъ 2 гр., отъ сто кожи скотіихъ 15 гр.; то мыто Сочавьское. А кто идетъ до татаръскои сторонѣ отъ 12 кантари у Сочавѣ 1 рубель серебра, у Ясы тридесяте грошъ, а у Бѣлый-городъ полърубель серебра, а кто не идетъ на Бѣлый-городъ толко иметъ дати Тягянякячю колко у Бѣломъ-городѣ, опроче перевозовъ, а на сторожу отъ каждого воза по 12 грошъ. А кто иметъ погнати скотъ до Татаръ, на головное мыто у Сочавѣ отъ скота 4 гроши, а у Ясы 2 гр., а на Тягинячю 2 гр.; а отъ 100 овецъ у Сочавѣ 60 гроши, а у Ясы 30 гроши: то мыто тѣмъ што идутъ до Татаръ. А поставы сукна имаютъ ихъ продати на складъ у Сочавѣ, а у нашихъ торгохъ не имаютъ волю продати ихъ. А съ тѣми гроши волю имъ ходити и торгувати соби по усѣхъ торгахъ нашихъ, што коли изнайдутъ. А до Угоръ и до Бесарабъ свободно имъ вывозити сукна.....; а кто повезетъ сукно до Бесарабъ, дати иметъ на головное мыты у Сочавѣ отъ гривну по 3 гроши, а на краи у Баковѣ отъ гривну 2 гр., а што привезетъ изъ Бесарабъ, или перецъ или баволну или будь што: отъ 12 контари у Баковѣ полърубель, а по головное мыто у Сочавѣ отъ 12 кантари 1 рубель серебра. А кто иметъ повезти сукно до Быстрици до Угоръ, у Сочавѣ отъ гривну по 3 гр., а у Бани отъ гривну полъвтора гроша, а у Молдавици отъ гривну полъвтора гроша. А коли ся воротятъ изъ Угоръ, отъ каждого терху у Молдавицы, по 2 гр., а у Бани отъ каждого терху по 2 гр. А кто иметъ новезти сукно до Брашова, на головное мыто у Сачавѣ отъ гривну 3 гр., а у Баковѣ отъ гривну полъвтора гроша; а у Тотруши отъ гривну полъвтора гроши; а коли ся имутъ воротити, отъ каждого терху на Тотруши по 2 гр., а у Баковѣ отъ каждаго терху по 2 гр. А кони, изъ нашои земли, што по 3 гривны, слободни имъ суть, и угоръстіи кони слобни имъ; а у которомъ торгу имуть ихъ купити, тамъ имуть дати отъ каждого коня по 4 гроши, а на складъ у Сочавѣ отъ каждого коня по 6 гр., а на Сирять отъ каждого коня по 2 гр., а у Черновьци по 2 гр.; а кто иметъ повести кони или кобылы до Камянци, што было дати ему у Сирять, то иметъ дати въ Дорошни, а што было дати ему у Черновьци то иметъ дати у Хотини; тако же есть мыто и отъ кобылы, яко и отъ кони. А кто иметъ ку-

пити скотъ или бараны у Баковѣ, либо у Романовѣ у торгу, либо на Нѣмци, либо у иныхъ торгохъ нашихъ: ненадобѣ нигдѣ мыто дати, нижъ тамъ гдѣ купилъ, и возметъ печать отъ мытника; а у которомъ торгу иметъ купити, тамъ иметъ дати отъ скота 1 грошъ, отъ 10 овецъ 1 гр., отъ 10 свиней 1 гр., отъ 100 кожи воловыхъ 10 гр., отъ 100 кожи ягнячіихъ 1 гр., отъ 100 кожи сурганыхъ 2 гр.: ти идуть на головномъ мытѣ Сочавъскомъ. А у Сирятьскомъ—отъ крамныхъ рѣчей, отъ шапокъ, отъ ногавици, отъ корды, отъ меча, отъ гривны по 3 гроши; а што коли идетъ изъ земли champion чересъ Сочавы на Сирятъ, колко давали на Сочавѣ, половина отъ того мыта имуть дати на Сирятъ отъ усего, и отъ кожи и отъ волны и отъ овчины: то мыто Сирятское. А у Черновьци отъ нѣмецкого воза мыто 4 гр., а отъ орменского воза 6 гр.; отъ скота 1 грошъ, отъ 10 свиней 1 гр., отъ 10 овецъ 1 гр., а отъ кони и отъ кобылы по 2 гроши; а на перевози и отъ нѣмецкыхъ возъ цѣлыхъ и отъ орменскыхъ по 4 гроши: то мыто Черновьское. А у Черновци возы не стрясти, але кунецъ дасть свою вѣру, аже не имаетъ заповѣданный товаръ на свой возъ: кунице, серебро, воскъ и кони добріи земъстіи; а имаеться поставити цѣну суннѣ у Сочавѣ, яко во Львовѣ. А львовчяне што имуть поити до Браилово по рыбы на крайнее мыто, или у Баковѣ, или у Берладѣ: тамъ имуть дати отъ гривну по полъвтора гроша, а воза и рыбы не занимати; а тамъ возметь печать, та приідетъ слободно до Сачавѣ, та иметъ дати на головномъ мытѣ у Сочавѣ отъ гривны по 3 гроши, а воза и рыбы не занимати. А на Сирятъ имуть дати отъ гривну по полъвтора гроша, а рыбы и воза не занимати. А на Черновци мыто отъ воза. А львовчяне што имуть принести сами изъ Угоръ серебро жъженое: отъ того серебра што быхомъ мы купили собѣ, колко будетъ намъ надобно, а иное серебро, што останетъ, то имъ слободно. А мунтяньскый воскъ и брашевскый слободно имъ есть; а мыто имуть дати отъ камене у Баковѣ одинъ грошъ, а на искладъ у Сочавѣ отъ камене 1 грошъ, а у Сирять отъ камене 1 гр. А угорьстіи куници слободни имъ; а мыто имуть дати у Бани полъвтора гроша отъ гривну; а на искладъ у Сочавѣ отъ гривну 3 гроши, а у Сирять полъвтора гроша отъ гривну; а отъ тіи куници колько будетъ намъ надобни, а мы имемъ соби купити, а иніи имъ слободни. А еще есмы имъ дали волю, штобы собѣ держяли у Сочавѣ одинъ домъ, а у томъ дому корчьму не держяти, ни пива варити, ни меду, ни месніи клѣткы держяти, ни хлѣба продавати: пакъ ли тотъ, кто иметъ жити у томъ домѣ, бы хотѣлъ нѣшто отъ тѣхъ держяти, тогды мусить съ мѣстомъ терпѣти. А то есмы учинили куницемъ господаря нашего, короля полского изъ усеи Рускои земли съ Подолскои. А то мы, иже есмы выше писали, слюбуемъ имъ вѣчно уздержяти, безо лсти и безъ хытрости, на вѣкы вѣчныя, мы и наши намѣсткы; николи то непорушено, при нашей чти и при нашой вѣрѣ, подлугъ крестьяньского права. А на то свѣдкове: панъ Жюржъ, староста; панъ Михайло Дорогунскый; панъ Владъ Серетскый; панъ Оана (sic), дворникъ Сачовскій; панъ Яцко, и панъ Иліяшъ чашникъ. А еще при томъ были послы съ Львова, што съ нами сесе дѣло доконали: Мычко Куликовьскый, и Зимиръстанъ Ханысъ, и Ханысъ Верзьсть, и Русъ Никлюсъ, и писарь лвовскый Ханысъ. А на потверженіе тѣмъ усѣмъ, велѣли есмы нашему вѣрному братяю Логоѳету писати и привѣсити печять наша великая къ сему листу нашему. У Сочавѣ, у лѣто шестотысячное деятъ сотъ и шестьнадесятое лѣто, Октября 8.

(А. Западн. Рос. I, № 21).

274. Неурожай.

Въ лѣто 6930 (1422). За умноженіе грѣхъ нашихъ, Богу попустившю, на всю Рускую землю бысть гладъ великъ по 3 годы: и преже въ Новѣгородѣ и по всѣмъ ихъ волостемъ и на Москвѣ, и по всей московской и по всей тферской землѣ; и толми бысть тамо дорогъ хлѣбъ, яко на единомъ коврзѣ дати полтына, али каково портище, а ржи наша (*псковская*) четверетка, чего кто запросилъ, а иніи съ усердіемъ даваху, а еже бы гдѣ зобница купити ржи или овса, таковыхъ мало обрѣтаху, и мнози съ глада мряху. А въ Псковѣ тогда бяше старыхъ лѣтъ клѣти всякого обилія изнасыпани на Крому: и поидоша ко Пскову Новгородци, Корела, Чюдь, Вожани и Тфеpечи и Москвичи, и просто рещи съ всей Руской земли, и бысть нахожденіе ихъ во Псковѣ много множество; и начаша по волостемъ и по пригородомъ и въ Псковѣ купяще рожь возити за рубежь, и въ Псковѣ тогда бяше зобница ржи по 70 ногатъ, а жита зобница по 50 ногатъ, а овса по 30 ногатъ, а на полтыну ржи полътретьи ($2\frac{1}{2}$) зобнищи; и оттолѣ Псковичи заповѣдаша не продавати за рубежь ржи и никакаго обилія (хлѣба). А нахожихъ людій начаша изо Пскова проводити и изо всѣхъ волостей, и тако мнози разыдошася; а которіи осталися во Псковѣ и по волости, мужи и жены и маліи дѣти, тѣхъ множество изомроша, и накладоша тѣхъ пустотныхъ въ Псковѣ 4 скуделници, а по пригородомъ и по волостемъ или по могыльемъ въ гробѣхъ покопано, то тѣмъ и числа нѣтъ. И бѣ тогъ гладъ по три года.

(*П. Собр. Лѣт. V, 23—24*).

275. Жалованная Троиц. Сергіеву мон. на рыбную и бобровую ловлю 1423.

Се яз князь Петръ Дмитриевич пожаловал есмь игумена Никона св. Троици Серьгеева монастыря, или... инъ игумен по нем, и его братью, дал есмь имъ в моеи отчинѣ въ Ворѣ, а на рѣцѣ на Ворѣ же омутъ Терьменевьскои рыбы ловити да и бобры ловити; также дал есмь имъ по рѣцѣ по Ворѣ по ихъ земли от рѣчки отъ Талици до Лецетни рыбы ловити да и бобры ловити; а мои рыболове и мои бобровьници тудѣ на меи рыбъ не ловят, ни бобровъ. А черес сию мою грамоту кто имет тудѣ рыбы ловити или бобры в омутѣ в Терьменевьском да и по рѣцѣ по Ворѣ, куды есмь ихъ пожаловал, ино заповѣди 2 рубля; а от меня быти ему в казни. А дана грамота в лѣт 6931-е августа въ 4 день.

(*А. Юрид. б. I, № 41*).

276. Жалованная льготная Троиц. Сергіеву мон. на соляныя варницы 1432—1443.

Святыя дѣля Троици, по отца своег грамотѣ, великог князя Васнлья Дмитреевич, се яз князь велики Василей Васильевич пожаловал есмь Сергеева монастыря игумена Зиновія съ братею, или кто будет по нем иныи игумен: что ихъ 4 варници оу Переяславьскые Соли, и волостели мои оусольскые и ихъ тиоуни и их доводщики с тѣх варниць пошлин никоторых не емлют, ни поборов не берут, ни явленог съ водоливовъ. Да что их дворъ тутож оу Солида деревня ихъ на Хупанѣ горѣ да починок, и кто оу них имет жити людеи в том дворѣ и в де-

февнѣ и тѣм людем манастырьскимъ ненадобѣ им ни мытъ, ни тамга, ни восменичее, ни вѣсчее, ни двора моего ставити, ни коня кормити, ни закосъ имъ ненадобѣ, ни портьное, ни подводы, ни къ дворьскому, ни к сотнику ненадобѣ им тянути никоторыми пошлинами и намѣстници мои переяславьскые и волостели оусольскые и их тивуни дворян своих не всылають къ тѣм людем манастырскымъ къ хупаньскым и къ оусольскым ни по что, ни судят их, опроче душегубьства; ни доводщики оу них побора неберуть; а пятеньщик мои к ним не въездит, ни коневъ оу них не пятнит, а держит игумен свое пятно оу своих людей оу манастырьскихъ или кому прикажет. А вѣдает и судит свои люди игумен самъ или кому прикажет; а смѣшается суд манастырскым людем с городскыми людми или с волостными, и намѣстници мои переяславьскые и волостели оусольскые и их тивуни судят, а игумен съ ними или кому прикажет; а будет прав или виноват манастырьскыи человѣкь, и онъ игумен и в правдѣ и въ винѣ, а намѣстници мои и волостели не вступаються в манастырьског человѣка ни въ праваг, ни в виноватаг, а игумен или кому прикажет не въступается въ их человѣка въ переяславьског, и в оусольског, ни в правог, ни в виноватог. А чересъ сю мою грамоту кто на них что возмет или чим изобидит, быти от меня въ казни... рую грамоту дамъ грамоту, а на сюю гра.... грамоты нѣтъ.

(*А. Юрид. б. I, стр. 91—92*).

277. Въѣзжія послушныя отчинникамъ Протасовымъ 1425 и 1426.

а. Се язъ князь в. Василей Васильевичь всеа Русіи пожаловалъ есми Ивана Григорьевича Расла, прозвище Ивата Протасьева, и сына его Конона Ивановича, волостью Лузою, за ихъ къ намъ выѣздъ, въ кормленья. И вы всѣ люди тое волости, чтите ихъ и слушайте, а они васъ вѣдаютъ, и судити и ходити велятъ у васъ тіуномъ своимъ, а доходъ имать по наказному списку. Писанъ на Москвѣ, лѣта 6933 августа въ 28 день.

А у подлинные грамоты назади пишетъ: »князь в. Василей Васильевичь всеа Русіи«. Печать вислая на красномъ воску—орелъ.

б. Се язъ князь в. Василей Васильевичь всеа Русіи пожаловалъ есми Ивана Григорьевича Расла, прозвища Ивата Протасьева, и сына его Конона Ивановича, въ кормленье въ Мещерѣ городомъ Елатмою и Кадомою, съ мыты и съ перевозы, и со всѣми намѣстьничьи доходы, и съ пошлиною, что было дано за выѣздъ отцу его Ивану. И вы всѣ люди тѣхъ городовъ и становъ и волостей, чтите ихъ и слушайте; а они васъ вѣдаютъ; а судити и ходити велятъ у васъ тіунамъ своимъ, а доходъ имать по наказному списку. Писанъ на Москвѣ, лѣта 6934 году апрѣля въ 20 день.

А у подлинной грамоты назади пишетъ: »князь в. Василей Васильевичь всеа Руси«. Печать на красномъ воску вислая.

(*А. Юрид. № 161, стр. 177*).

278. Заемная и закладная Ивана Кабачина. 1428—1434.

Се язъ Ивашъ Кабачинъ занялъ есми у игумена Христофора полтину да тридцать бѣлъ, а въ томъ есми игумену

Христофору заложилъ пожню на Наичеровѣ наволоцѣ свой жеребей; а внизъ по рѣцѣ съ Васильемъ межа по большой кустъ на березѣ, а съ болшего куста прямо на малый кустецъ къ лѣсу, а съ Мачефою межа верхъ рѣки по колью и по ямамъ наполы; а занялъ есми полтину и бѣлки до Юрьева дни; а не уплачю на срокъ кунъ, ино моя пожня въ томъ. А на то послуси: Тилонъ чернецъ да Микита Ондреевъ. А написалъ сію кабалу Семенъ поповъ Окуловъ. А кабалу есми далъ безъ печати.

(*А. Юрид.* № *232*, *стр.* *260*).

279. Данная на с. Оксиньинское Московскому Успенск. собору 1433—1437 или 1440—1448.

Милостію божіею и пречистыа его Матере и молитвою св. чюдотворца Петра, м-та всея Руси, се язъ Игнатій Васильевичь далъ есмь св. Богородици съ борной на Москвѣ въ домъ и св. чюдотворцу Петру, м-ту всеа Руси, село свое Оксиньиньское, свою отчину, съ церковію съ св. Николою, въ звенигороцкомъ уѣздѣ, и господину своему Іонѣ епископу, нареченному въ святѣйшую митрополью руськую, или кто по немъ будетъ иный митрополитъ, и съ деревнями, что къ нему напередъ того потягивали, куды моа соха ходила, куды коса ходила, куды и топоръ ходилъ и съ луги, и съ пожнями, и съ лѣсомъ, и съ всѣмъ съ тѣмъ, что къ нему издавна потягло; а господинъ мой держитъ то село въ дому пречистыа Богородици, а не продасть его, ни дастъ никому, ни мѣнитъ ни съ кѣмъ; а далъ есмь то село напоминокъ своимъ родителемъ и себѣ и всему своему роду. А на то послуси: Иванъ Ильичь, Ананья діакъ митрополичь, Иванъ Истлѣнье. А грамоту писалъ Семенъ чернецъ; а запечаталъ есмь хрестцемъ (*крестомъ*).

(*А. Юрид.* *б. I*, *стр.* *445*).

280. Показаніе Василія Микулинича королю Казиміру и. 1444 г.

Господину господарю в. королю слуга твой Василей Микулиничъ твоее милости господару своему, низко челомъ бьетъ. Што твоя милость пишетъ, господаръ мой, до мене о тыхъ людехъ о Брунанѣхъ, о пошлинахъ, ино я, господару, Олькирда (*Ольгерда*) не помню, помню князя в. Витовта, дядю твоего; и то, господару, помню: давывали 50 куницъ княгини в. Витовтовой, съ дыма по куницы, а по тры гроши житщины, а въ кухню по курети и по десети яецъ и по полгроша; а бобровникъ одинъ съ конемъ и со псомъ, а дохода ему грошъ; а къ живу 3 дни, и на ярь 3 жъ дни, а сѣна 4 стырты ставять, и на Усоячи ѣзъ забиваютъ—старына жъ, а Варейкинахъ не бывало, то имъ, господару, новина жъ,—а подъ намѣстники у подводахъ не хоживали; хоживали подъ княземъ в. Витовтомъ дяди твоего отъ Витебска до Смоленска, а отъ Смоленска до Полоцка; а о суды межа, головщина, о сокольее гнѣздо, о бобры, зъ ерема; а то суживали на городѣ намѣстники твои.

(*А. Южн.* *и* *Запад.* *Рос. I*, № *23*).

281. Дороговизна и денежное дѣло въ Новгородѣ.

Въ 1446 г. въ Новѣгородѣ хлѣбъ дорогъ бысть, не токмо сего единого году,

но всю 10 лѣтъ, по двѣ коробьи на полтину, иногды болѣ, иногды менши, иногды негдѣ купить; и бысть скорбь и туга крестьяномъ велми, толко слышати плачь и рыданіе по улицамъ и по торгу, и мнози отъ глада падающе умираху, дѣти предъ родители своими, и отци и матери предъ дѣтми своими; и мнози разидошася, иніи въ Литву, иніи въ Латыньство, иніи же бесерменьству и Жидомъ изъ хлѣба даяхуся гостемъ. А въ то время не бѣ въ Новѣгородѣ правдѣ и праваго суда, и возсташа ябедници, изнарядиша четы и обѣты и цѣлованія на неправду, и начаша грабити по селомъ и по волостемъ и по городу, и бѣяхомъ въ поруганіе сусѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости изъѣжа велика и боры частыя, кричь и рыданіе и вопль и клятва всими людми на старѣйшины наша и на градъ нашь, зане не бѣ въ насъ милости и суда права.

Въ 1447 г. начаша людіе денги хулити сребряныя, даже и вси Новгородци другъ на друга смотря, и бысть межи ими голка и мятежь и нелюбовь; и посадникъ и тысяцкій, и весь Новгородъ уставиша 5 денежниковъ и начаша переливати старыя денги, а новыя ковати въ туже мѣру на 4 почки таковы же, а отъ дѣла отъ гривны по полуденгѣ; и бысть крестьяномъ скорбь велика и убытокъ въ городи и по волостемъ...

Того же лѣта Новгородци охулиша сребро, рубли старыи и новыи; бѣ денежникамъ прибытокъ, а сребро передѣлаша на денги, а у денежниковъ поимаша посулы... Выведе Сокира посадникъ ливца и вѣсца серебряного Ѳедора Жеребца на вѣче, напоивъ его нача *сочити* (*хитро розыскивать*): »на кого еси лилъ рубли?« онъ же оговори 18 человѣкъ, и по его рѣчемъ иныхъ съ мосту смѣташа, а иныхъ домы разграбиша и изъ церквей вывозиша животы (*пожитки*) ихъ, а преже того по церквамъ не искивали. И еще того же Ѳедора начаша безъправдивыи бояре научати говорить на многихъ людей, претяще ему смертью; онъ же протрезвився рече: »на всѣхъ есмь лилъ, и на всю землю, и вѣсилъ съ своею братьею ливци.« Тогда бѣ весь градъ въ сѣтованіи многѣ, а голодники и ябедники и посулники радовахуся, толко бы на кого выговорилъ; и того самаго смерти предаша, а животъ его въ церкви раздѣли и разграбиша. И бысть во градѣ мятежь великъ, и оттолѣ и самъ Сѣкира разболѣся и умре.

(*П. С. Лѣт. IV, 124. 125. 126*).

282. Жалованная вел. кн. Маріи Ярославны Чухломскому монас. 1450.

По осподаря своего грамотѣ в. кн. Василія Васильевича, се язъ княгиня в. Марья пожаловала есмь дому пречистые Богородицы честнаго ея Покрова, на Чюхломѣ на городкѣ, игумена Александра съ братьею, или кто иный игуменъ будетъ по немъ у Покрова преч. Богородицы въ монастырѣ: что ихъ монастырской починокъ въ Верховьѣ, въ Усолской волости, и кто людей у нихъ монастырскихъ въ томъ починкѣ живетъ, и тѣмъ ихъ людемъ ненадобѣ ни тамга, ни осминьче, ни явка, ни мытъ, ни костки, ни иные никоторые пошлины, никаковъ проторъ; да что ихъ варница монастырская у Соли съ Суплепскою варницею, и кто у нихъ будетъ закащикъ монастырской, и онъ въ той варницѣ варитъ на монастырь, какъ и на меня на в. княгиню варятъ въ моей варницѣ, безъ череду и безъ стоялницъ. А волостели мои усолскіе и ихъ тіуни того монастырскаго закащика не судятъ ни въ чемъ, ни доводщики въ ту варницу невходятъ. Да что туто жъ у нихъ у Соли монастырская же ихъ полварницы, на великомъ колодязѣ, да и

въ иныхъ варницахъ три четвертины, иио ненадобѣ съ нихъ ни противень, ни плошьки, ни тамга, ни домытницы, ни иные имъ никоторые пошлины не надобѣ, ни явленное; а волостели мои усольскіе, и ихъ тіуни и доводчики, у игуменовыхъ Александровыхъ варницъ дровъ не емлютъ. А коли у игумена Александра бываетъ его суженье, и тіуны и доводщики тогды въ варницу не влазятъ, а въ коробу не приступаютца. А волостели мои усольскіе и ихъ тіуны въ монастырской починокъ въ Верховье въ его людямъ къ монастырскимъ, и къ пришлымъ, и къ старожилцемъ, не всылаютъ къ нимъ ни по что доводщиковъ своихъ ни поборовъ у нихъ не берутъ, ни кормовъ волостели мои на нихъ не емлютъ, и не судятъ ихъ; а вѣдаетъ и судитъ тѣ свои люди игуменъ Александръ, самъ или его братья, или кому прикажютъ; а смесетца судъ съ моими людми съ волостными тѣмъ ихъ людамъ монастырскимъ, и волостели мои усольскіе или ихъ тіуны судятъ, а игуменъ Александръ съ ними судитъ, или кому прикажетъ. А правъ ли будетъ, виноватъ ли волостной человѣкъ, и онъ волостелю въ правдѣ и въ винѣ; а игуменовъ человѣкъ правъ ли, виноватъ ли, и онъ потомужь въ правдѣ и въ винѣ игумену; а волостели мои въ игуменова человѣка невступаютца, ни въ праваго ни въ виноватаго. А черезъ сю мою грамоту кто на нихъ что возметъ, или тѣмъ изобидятъ, быти отъ меня въ казни. А дана грамота въ лѣто 6959-е, октября въ 4 день.

(А. Истор. I, № 49).

283. Купчая Кириллова мон. 1448—1468.

Се язъ Касіянъ игуменъ Кирилова монастыря, Пречистой въ домъ купилъ есмь въ Островьскомъ ѣзу полночи (*рыбу ловить*), у Ондрея у Борисова; а далъ есмь полтора рубля новгороцкіе.— А на то послуси: старець Илья, старець казначеи Сергѣи, старець Тимоѳеи, Грися поповъ, Василь поповъ, Самойло. А грамоту писалъ чернець Митрофанъ; а грамота безъ печати.

(А. Юрид. № 73, стр. 120).

О древнемъ промышленномъ состояніи Россіи можно читать въ Рус. Правдѣ и грамотахъ въ отдѣлѣ *Администрации* и *Юридическомъ*. См. также статьи: о Святославѣ, о Югрѣ, Поуч. Мономаха, Житіе Антонія Римлянина, Слово о богатомъ до 1200 г., Дух Завѣщанія Московс князей, Липицкая битва, Ханскіе Ярлыки, Нашествіе Тохтамыша, Хожденіе въ Царьградъ дьяка Александра и др.

Б. ПАМЯТНИКИ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

284. Сказаніе о Щиловѣ монастырѣ.

Бысть въ В. Новѣградѣ чюдо страшно и оудивленію достойно. Бѣ нѣкій посадникъ, именемъ Щилъ, имѣя оу себѣ сына единаго, бѣ бо богатъ зѣло, и многимъ даяше сребро свое въ лихву: взимаше на годъ по денгѣ, на новогородской рубль новогородскую денгу, и оттого собра много. и помысливъ на то сребро церковь поставити, и монастырь создати. И обрѣте мѣсто отъ града два

поприща и пріиде ко Іоанну архіепископу, прося благословенія отъ него на основаніе церкви пресв Богородицы честнаго ея Покрова. Архіепископъ же даде ему благословеніе на таковое великое дѣло божіе и отъиде. Щилъ же пріимъ благословеніе отъ архіепископа, и посла сына своего наяти дѣлатели и готовити вся потребная на созданіе церкви; сынъ же сотвори вся повелѣнія, и возвѣсти отцу своему. Щилъ же моли архіепископа, дабы ѣхалъ на основаніе церкви оноя, начало положилъ; архіепископъ же моленія его не презрѣ: и иде на основаніе церковное со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ нимъ множество народа, и основаніе церкви положи, со освященнымъ соборомъ. Щилъ же, по совершеніи церковномъ основаніи, постави трапезу велію и добрѣ оучредилъ архіепископа, дарми одаривъ, и отпустивъ во градъ съ великою честію, а самъ въ домъ свой и отъиде, славя Бога. Архіепископъ же, пріѣхавъ въ домъ св. Софіи, и пріятъ книги и чтяше правила св. отецъ, и нача развуждати въ собѣ, вдавъ благословеніе Щилу, а вѣдая его богата суща и мздоимца, понеже не вопроси его отъ коего собранія такое великое дѣло замысли, и о томъ архіепископъ въ великомъ недоумѣніи бысть и въ скорби. Щилъ же нача созидати церкви; по совершеніи же церковнемъ, пріиде ко архіеп. Іоанну, и моли его, дабы освятилъ храмъ той. Архіепископъ же повелѣ ему ісъ собою внити въ тайную храмину. Щилъ же вшедъ въ тайную храмину, и рече ему св. Іоаннъ архіепископъ: повѣждь ми, чадо, не скрый Господа ради, отъ коего собранія своего сицевое дѣло начинаеши? Щилъ же отъ страха и оужаса паде къ ногамъ святителя, и глаголя: согрѣшихъ отче, прости мя; мнози же людіе прихождаху ко мнѣ, взимаху сребро и даяхъ имъ въ лихву, на 44 гривенъ, и на 4 деньги, на годъ по денгѣ. И на то сребро создахъ церковь, и монастырь оградихъ; и нынѣ, владыко, что ми повелѣваеши? Архіепископъ же глагола ему: и нынѣ ти повелеваю, оустрои себѣ вся погребалная, срачицу и саванъ, и вся, яже суть на потребаніе мертвымъ, и исповѣждься отцу своему духовному вся согрѣшенія своя, и въ погребалныхъ ляги въ созданномъ своемъ гробѣ, и надгробная повели надъ собою пѣти, всемогій же Богъ отпрюсты елико хощетъ, а мы, чадо, готови будемъ со всѣмъ соборомъ. Щилъ же, слышавъ отъ святителя, плача и рыдая, и вскорѣ оустроивъ гробъ и погребалная, и исповѣдався согрѣшенія отцу своему духовному: и скрывся во гробѣ, и соборнѣ надъ нимъ пѣвше надгробная пѣнія, и внезапну Щилъ во гробѣ оумре, и разсѣдеся мостъ церковный, и не обрѣтеся гробъ предъ ними. И бысть ту пропасть велія; святитель же пріиде на освященіе церковное, и видѣвъ страшное оное видѣніе, и повелѣ изуграфомъ вапы настѣнномъ писати церковникъ надъ пропастью въ подобіе образъ Щиловъ. Самъ же отъ страха и оужаса отъиде въ домъ св. Софіи, и неосвященну церковь повелѣ запечатати, дондеже изволитъ Богъ той и сотворитъ.

Сынъ же Щиловъ, плача и рыдая, и пріиде, и припаде къ ногама святителя, и рече: святитель великій; помози ми лишенія ради отца моего! что ми повелиши да сотворю? Архіепископъ же повелѣ ему въ постѣ и въ молитвѣ пребыти, и рече: еще заповѣдаю ти, чадо, 40 дней да лутоpгисаютъ оу 40 церквей. Даждь священникомъ доволно, и причетникомъ, и нищимъ и темничникомъ: и въ тѣхъ 40 днехъ на всякъ день понахіды поютъ и литургіи служатъ неизмѣнно, и на распутіяхъ никого не минуй, ни алчна, ни жадна, ни нага, да и монастырь препитай елико возможно, и тако сотвориши и пріиди къ нашему смиренію, и возвести ми о семъ. Сынъ же Щиловъ повелѣ лутургіи служити 40 дней, лишенія ради отца своего, и милостыню нищимъ доволнѣ давати, и сотворивъ всю четыредесятницу елика заповѣда ему святитель. Сынъ же Щиловъ пріиде по архіепископу, и возвести ему что сотворилъ лишенія ради отца своего: вторицею повелѣ ему творити яко же прежде сотворилъ 40 дней. Архіепископъ же посла архідіакона досмотрити въ церкви Щилове пропасти, архідіаконъ же видѣ Щилова гроба наруже не много и отъиде запечатавъ церковь и возвести архіепископу чюдо сіе о немъ. Архідіаконъ же пріиде, и возвести великому святителю, что Щилова гроба наруже не много видѣть. Архіепископъ же повелѣ Щилову сыну въ постѣ, и въ молитвѣ пребыти и творити еще и вторую четыредесятницу: такожде сотворивъ, и пріиде къ нашему смиренію, и возвести о семъ. Архіепископъ же посла того же архідіакона досмотрити Щиловы пропасти, архідіаконъ же пріиде, и видѣвъ того гробъ половина наруже, и пріиде и возвести архіепископу чюдо сіе. Сынъ же реченнаго Щила пріиде ко архіепископу и возвести ему: еже сотворихъ лишенія ради отца своего, по повелѣнію его елико заповѣда ему святитель. Архіепископъ же призва Щилова сына, и повелѣ ему въ тѣхже пребывати въ молитвѣ и въ постѣ, и творити повелѣ ему ту четыредесятницу, вдвое того болши давати божіимъ церквамъ, и нищимъ, и страннымъ. Сынъ же Щиловъ четыредесять дней подаяхъ (лъ) божіимъ церквамъ, священникомъ, и причту, и нищимъ, и темничникомъ и страннымъ, болши прежняго вдвое. Архіепископъ же посла того же архідіакона въ третіе досмотрити того великаго чюдеси. Архідіаконъ пріиде въ церковь, и видитъ той гробъ наруже весь, и возвѣсти святителю чюдо сіе.—Щиловъ же сынъ повелѣ служити лутургіи 40 дней лишенія ради отца своего, и милостыну доволну давати во всю четыредесятницу, елико заповѣда ему святитель.

и сотвори. Сынъ же Щиловъ пріиде ко святителю и возвести ему: что сотворихъ лишенія ради отца своего всю 40 дней. Архіепископъ же повелѣ надъ нимъ соборнѣ пѣти надгробная пѣнія всему освященному собору, и погребе его самъ съ освященцыми собором съ великою честію, а храмъ той освяти самъ съ освящен. собором., во славу Отца и Сына и св. Духа. Аминь.

(*П. стар. рус. лит. I, 21—26*).

О Щилѣ разъясненіе въ очеркахъ Буслаева. II, 58—61.

285. Егорій Храбрий.

Во святой землѣ, православной,
Нарожается желанное дѣтище
У тоя ли премудрыя Софія:
И нарекаетъ она по имени
Свое то дѣтище Георгій,
По прозваньицу-храбрый..
Возрастаетъ Георгій храброй
Промежъ трехъ родныхъ сестеръ,
Отъ добра дѣла не отходючи,
Святымъ словомъ огрожаючи.
Міру крещеному угожаючи,
Какъ и сталъ онъ, Георгій храброй,
Во матеръ возрастъ приходити,
Умъ-разумъ спознавати,
И учалъ онъ во тѣ поры
Думу крѣпкую оповѣдати
Своей родимой матушкѣ,
А и ей ли, премудрой Софіи:
»Сопзволь, родимая матушка,
»Осударыня премудрая Софія
»Ѣхать мнѣ ко землѣ свѣтло-русской
»Утвержать вѣры христіанскія.«
И даетъ ему родимая матушка,
Она ли, осударыня премудрая Софія,
Свое благословеніе великое:
Ѣхать ко той землѣ свѣтло-русской,
Утвержать вѣры христіанскія.
Ѣдетъ онъ, Георгій храброй,
Ко той землѣ свѣтло-русской,
Отъ востока до запада поѣзжаючи,
Святую вѣру утвержаючи,
Бесерменскую вѣру побѣждаючи.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
На тѣ лѣса, на темные,
На тѣ лѣса, на дремучіе;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй туто проторити:
Нельзя Георгію тудо проѣхати,
Нельзя храброму тудо подумати.
И Георгій храброй проглаголуетъ:
»Ой вы, лѣса, лѣса, темные!
»Ой вы, лѣса, лѣса, дремучіе!
»Зароститеся лѣса темные
»По всей землѣ свѣтло-Русской,
»Раскиньтеся лѣса дремучіе
»По крутымъ горамъ по высокіимъ,
»По Божьему все велѣнью,
»По георгіеву все моленью!
По его, слову, георгіеву,
По его ли, храбраго, моленію,
Заростали лѣса темные
По святой землѣ свѣтло-русской,
Раскидалися лѣса дремучіе
По крутымъ горамъ, по высокіимъ.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
На тѣ горы на высокія,
На тѣ холмы на широкія;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй. туто проторити;
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храброй проглаголуетъ:
»Ой вы, горы, горы высокія!
»Ой вы, холмы, холмы шорокіе!
»Разсыпьтеся горы высокія
»По всей землѣ свѣтло-русской,
»Становитесь холмы широкіе
»По степямъ, полямъ зеленымъ,
»По Божьему все велѣнію,
»По георгіеву все моленію!«
По его ли, слову георгіеву,
По его ли, храбраго, моленію,
Разсыпалися горы высокія
По всей землѣ свѣтло-русской,
Становилися холмы широкіе
По степямъ, полямъ зеленымъ.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
На тѣ моря, на глубокія,
На тѣ рѣки, на широкія;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити:
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храброй проглаголуетъ:
»Ой вы моря, моря глубокія!
»Ой вы рѣки, рѣки широкія!
»Потеките моря глубокія
»По всей землѣ свѣтло-русской,
»Побѣгите рѣки широкія
»Отъ востока да и до запада,
»По Божьему все велѣнію,
»По георгіеву все моленію!«
По его слову ли, георгіеву,
По его ли, храбраго, моленію,
Протекали моря глубокія,
По всей землѣ свѣтло-русской,
Пробѣгали рѣки широкія
Отъ востока да и до запада.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
На тѣхъ звѣрей, на могучіихъ,
На тѣхъ звѣрей, на рогатыихъ;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити:
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храбрый проглаголуетъ:
»Ой вы, звѣри, звѣри могучіе!
»Ой вы, звѣри, звѣри рогатые!

«Заселитеся звѣри могучіе
«По всей землѣ свѣтло-русской,
«Плодитеся звѣри рогатые
«По степямъ, полямъ безъ числа,
«По Божьему все велѣнію,
«По Георгіево все моленію!»
И онъ, Георгій храброй, заповѣдуетъ
Всѣмъ звѣрямъ могучіимъ,
Всѣмъ звѣрямъ рогатыимъ:
«А и есть про васъ на съѣдомое
«Во поляхъ трава муравчата,
«А и есть про васъ на пойлицо
«Во рѣкахъ вода студеная.»
По его ли, слову георгіеву,
По его ли, храбраго, моленію,
Заселялися звѣри могучіе
По всей землѣ свѣтло-русской;
Плодилися зрѣри могучіе
По степямъ, полямъ безъ числа;
Они пьютъ, ѣдятъ повелѣнное,
Повелѣнное, заповѣданное
Отъ его, Георгія храбраго.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
На то стадо, на зміиное,
На то стадо на лютое;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити;
И стадо змiиное возговоритъ
Ко тому ли Георгію храброму:
«Али ты, Георгій, не вѣдаешь,
«Али ты, храброй, не знаешь:
«Что та земля словомъ заказана,
«Словомъ заказана, заповѣдана.
«По той землѣ заповѣданной
«Пѣшъ человѣкъ не прохаживалъ,
«На коню никто не проѣзживалъ.
«Уйми ты, Георгій, своего коня ретиваго,
«Воротися ты, храброй, самъ назадъ.»
Вынималъ Георгій саблю острую,
Нападалъ храброй на стадо змiиное.
Ровно три дня и три ночи
Рубитъ, колетъ стадо змiиное;
А на третій день ко вечеру
Посѣкъ, порубилъ стадо лютое.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
На ту землю свѣтло-русскую,
На тѣ поля, рѣки широкія,
На тѣ высоки терема, златоверхіе.
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити.
Какъ и тутъ ли ему, Георгію,
Выходятъ на встрѣчу красны дѣвицы,
Какъ и тутъ ли ему, храброму, приглаголуютъ:
«А и тебя ли мы, Георгій, дожидаючись,
«Тридцать три года не вступаючи
«Съ высока терема, златоверхаго,
«А и тебя ли мы, храбраго, дожидаючись,
«Держимъ на роду великъ обѣтъ:
«Отдать землю свѣтло-русскую,
«Принять отъ тебя вѣру крещеную.»
Принимаетъ онъ, Георгій храброй,
Ту землю свѣтло-русскую
Подъ свой великъ покровъ,
Утверждаетъ вѣру крещеную
По всей землѣ свѣтло-русской.

(*Сказ. Сахарова II. 24—26*).

См. Калѣки Безсонова. 2, 440.

Стихъ о «Егоріи Храбромъ» предлагаетъ грубую смѣсь церковныхъ сказаній съ поэтическими вымыслами, отзывающимися миѳическою стариною. Устроеніе Русской земли Егоріемъ Храбрымъ— будто бы какой нибудь эпизодъ изъ космогонической поэмы о сотвореніи міра. Сестры Егорія въ еловой корѣ, вмѣсто тѣла, и обросшія ковыль-травою, вмѣсто волосъ, къ тому же пасущія волковъ—ни что иное, какъ миѳическія чудовища, перешедшія въ легенду изъ древнѣйшихъ эпическихъ преданій. Самъ басурманскій царь представляется въ образѣ миѳическаго чудовища, которое кричитъ по звѣриному, шипитъ по змѣиному. По одному варіанту, это чудовище, убитое Егоріемъ, своею кровью производитъ потопъ, согласно съ скандинавскимъ миѳомъ о потопѣ, происшедшемъ отъ крови убитыхъ великановъ.

Одолѣла кровь Георгія бусурманская, окаянная;
Стоялъ онъ въ крови не по колѣнъ, не по поясъ,
А стоялъ онъ въ крови по бѣлы груди.

Потомъ, по моленію Егорьеву, разступилась мать-сыра-земля и пожрала эту бусурманскую кровь.

Въ иныхъ варіантахъ смѣшеніе эпохъ и именъ доходитъ до того, что Егорій представляется русскимъ княземъ, сыномъ какого-то Черниговскаго князя, взятымъ въ плѣнъ и мучимымъ отъ татарскаго хана. (Историч. Христ. Буслаева, стр. 1622).

Во всемъ этомъ стихѣ, сквозь миѳическій ликъ св. Георгія Храбраго, сквозь миѳическія черты его богатырской, героическо-полубожской дѣятельности, проглядываютъ нѣкоторые смутные оттѣнки историческіе. Егорій Храбрый является намъ, въ народномъ воображеніи, героемъ-полубогомъ, могучимъ воздѣлывателемъ русской земли, начинателемъ, основателемъ ея физической

культуры, земскаго устроенья (¹). ***Для такого объясненія стиха мы имѣемъ нѣкоторыя историческія основанія. Изъ исторіи колонизаціи видимъ, что на обоихъ путяхъ первоначальнаго движенія и разселенія славянскаго племени по финскому сѣверовостоку, на системѣ волжско-камской или ростовско-суздальской и на системѣ полярно-балтійской или новгородской цивилизаціи,— Егорій Храбрый былъ признаваемъ русскими колонистами спутникомъ и помощникомъ въ борьбѣ съ суровой сѣверо восточной природой, съ Чудью, съ финскимъ язычествомъ, а потомъ съ XIII в., и съ бусурманствомъ. Побѣдоносный Юрій Долгорукій, недаромъ носившій имя Храбраго побѣдоносца, первый неутомимый устроитель сѣверо-восточной, волжской страны Великой Руси, — Юрій Долгорукій, именно, какъ изображаемый народнымъ эпосомъ Егорій Храбрый, героически носился по русской землѣ, вдоль и поперекъ исходилъ ее, въ теченіе своихъ 22 лѣтнихъ походовъ, отъ приднѣпровья до Новгорода, отъ верховьевъ и до низовьевъ Волги, вдоль и поперекъ изъѣздалъ всю лѣс***ную и польскую ***землю. Раздѣляя въ ней лѣсъ и поле, онъ рубилъ лѣса, средоточія звѣрей и звѣроловной Чуди-Мери, и строилъ въ*** полѣ ***свои знаменитые*** польскіе и залѣсскіе ***города — начатки гражданственной культуры—Москву, Юрьевъ Польскій, Юрьевъ Повольскій, Дмитровъ, Переяславль Залѣсскій, Коснятинъ, Кострому, Галичь Мерскій, а по Татищевой лѣтописи, и Ярославль, и еще нѣкоторые другіе города. Строя города и ставя въ уѣздахъ ихъ села, заботясь о распространеніи и утвержденіи христ. вѣры на финскомъ сѣверѣ, Юрій Долгорукій признавалъ своимъ сподвижникомъ въ борьбѣ съ дикой, непочатой почти природой и съ невѣрными финскими и другими племенами сѣверной Руси, св. Георгія Храбраго. Потому онъ любилъ въ городахъ и селахъ, имъ устроенныхъ, ставить первыя церкви во имя Георгія Храбраго. По свидѣтельству Никоновской лѣтописи, онъ не только въ городахъ, но и въ нѣсколькихъ селахъ построилъ церкви во имя Георгія побѣдоносца.*** (Никон. II, 135 и д.). ***Точно также новгородцы, колонизуя сѣверо-восточную финскую страну русской земли за увалами, въ другой полярно-балтійской рѣчной системѣ, также большую часть погостовъ назвали*** георгіевскими ***отъ церквей во имя св. Георгія Храбраго. Въ этомъ всякій можетъ увѣриться изъ Писцовыхъ книгъ пятинъ и погостовъ новгородскихъ. Мало того: путь новгородской колонизаціи среди дремучихъ лѣсовъ въ сѣверо-восточныхъ земляхъ*** «Бѣл глазой Чуди» ***по рѣкѣ Сухонѣ и ея прит камъ ознаменованъ въ лѣтописяхъ новгоро скихъ даже особыми легендами о Геор побѣдоносцѣ*** (¹). ***На основаніи такихъ и торическихъ фактовъ, мы позволяемъ себ догадку, что въ стихѣ о Егоріѣ Храбро народный эпосъ выразилъ идею первоначал*** наго земскаго строенья, ***физической культур русской земли, идею могучей богатырской с лы славянскаго племени въ борьбѣ съ лѣса непроходимыми, дремучими, съ цѣлыми ст дами звѣрей рыскучихъ и рогатыхъ, да Чудью языческой, а съ XIII вѣка и съ Т тарами—бесерменами. Какъ Егорій Хра рый проторялъ себѣ путь до перваго ж лья, поселенія человѣческаго, черезъ тем дремучіе лѣса, черезъ широкія рѣки, чер болота топучія, черезъ стада лютыхъ зв рей и волковъ рыскучихъ, черезъ люты стада змѣиныя; такъ и славянорусское п мя проторяло себѣ пути колонизаціи финскомъ сѣверовостокѣ, сквозь темные д мучіе лѣса, черезъ зыбучія болота и то кучіе холмы, по широкимъ рѣкамъ пробир ясь, съ одной стороны въ слѣдъ за удалы новгородскими*** молодцами, ушкуйниками ***и г*** стями—***устроителями сѣверо-поморской зе ли, съ другой—по слѣдамъ Храбраго Юр Долгорукаго, неутомимаго устроителя вол ской земли. И когда народъ русскій, приз вая на помощь Георгія Храбраго, въ осно ныхъ частяхъ, совершилъ первоначальну подготовительную физическую культур архитектоническую обстройку и погранич ную территоріальную установку русско земли путемъ покоренія и собранія всей зе ли, путемъ вольно-народнаго перехода и ко лонизаціоннаго самоустройства среди л совъ непроходимыхъ, среди финскихъ и ча стію бесерменскихъ племенъ— тогда для н го наступилъ многознаменательный въ на шихъ юридическихъ актахъ*** Юрьевъ день, — ***памятный доселѣ и въ народной земледѣл ческой исторіи и въ народномъ физическо или сельско-хозяйственномъ дневникѣ— де Георгія Храбраго". (А. П. Щапова: „Исто очерки народн. міросозерц. и суевѣрія." Журн. Мин. Народ. Просв. 1863 г. кн. отд. IV, стр. 26—30).***

(¹) По переводу Азбуковниковъ XVII вѣка, Георгій—значитъ *воздѣланный*.

(¹) Легенда разсказываетъ, что въ полови XII в., въ 27 верстахъ ниже нынѣшняго г. Н кольска, на р. Югѣ при впаденіи р. Молоковиц новгородскіе молодцы поселились на лѣвой сторо Юга противъ жилья Чуди. Когда Чудь дѣлала н сколько разъ нападенія на смѣлыхъ пришельце они молились св. Георгію,—и враги, видя явле воина на бѣломъ конѣ, грозящаго имъ съ кров часовни, каждый разъ удалялись. Вологодс. губер Вѣд. 1845, № 11.

286. Олегъ Святославичъ.

Закатилось красное солнышко
За горушки высокія, за моря широкія,
Разсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу небу:
Порождался Вольга сударь Буслаевичъ
На матушкѣ на святой Руси.
Росъ Вольга Буслаевичъ до пяти годковъ,
Пошелъ Вольга сударь Буслаевичъ по сырой
земли:
Мать сыра земля сколыбалася,
И звѣри въ лѣсахъ разбѣжалися,
И птицы по подоблачью разлеталися,
И рыбы по синю морю разметалися.
И пошелъ Вольга сударь Буслаевичъ
Обучаться всякихъ хитростей, мудростей,
И всякихъ языковъ разныихъ.
Будетъ Вольга семнадцати лѣтъ
Прибираетъ дружину хоробрую:
Тридцать молодцевъ безъ единого,
Самъ Вольга былъ во тридцатыихъ.
»Дружина, скаже, моя добрая, храбрая!
»Слушайте большаго братца, атамана-то:
»Вейте веревочки шелковыя,
»Становите веревочки во темну лѣсу,
»Становите веревочки по сырой земли,
»И ловите вы куницъ и лисицъ,
»Дикихъ звѣрей и черныхъ соболей,
»И ловить по три дня и по три ночи.«
Слушали большаго братца, атамана-то
Дѣлали дѣло повеленое:, и т. д.
Не могли добыть ни одного звѣрка.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ левымъ
звѣремъ (львомъ),
Поскочилъ по сырой земли, по темну лѣсу,
Заворачивалъ куницъ, лисицъ,
И дикихъ звѣрей, черныхъ соболей,
Большихъ поскакучіихъ заюшекъ,
Малыхъ горностаюшекъ.
И будетъ во градѣ во Кіевѣ
Со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольга сударь Буслаевичъ:
»Дружинушка ты моя добрая, хоробрая!
»Слушайте большаго братца, атамана-то:
»Вейте сильшка шелковыя,
»Становите сильшка на темный лѣсъ,
»На темный лѣсъ, на самый верхъ,
»Ловите гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
»И малую птицу пташицу.
»И ловите по три дни и по три ночи.«
И слушали большаго брата, атамана-то,
Дѣлали дѣло повеленое;
Не могли добыть ни одной птички.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ Науй-
птицей, (*)
Полетѣлъ по подоблачью,
Заворачивалъ гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
И малую птицу пташицу.
И будутъ во городѣ во Кіевѣ,
Скажетъ Вольга сударь Буслаевичъ:
»Возьмите топоры дроворубные,
»Стройте суденышко дубовое,
»Вяжите путевья шелковыя,
»Выѣзжайте вы на сине море,
»Ловите рыбу семжинку и бѣлужинку,
»Щученьку и плотиченку,
»И дорогую рыбку осетринку,
»И ловите по три дни, и по три ночи.«
И слушали большаго братца, атамана-то,
Не могли добыть ни одной рыбки.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ рыбой
щучиной
И побѣжалъ по синю морю,
Заворачивалъ рыбу семжинку и бѣлужинку,
Щученку и плотиченку,
Дорогую рыбу осетринку.
И будутъ во градѣ, во Кіевѣ,
И скажетъ Вольга сударь Буслаевичъ,
»Дружина моя добрая, хоробрая,
»Кого бы намъ послать во Турецъ-землю,
»Провѣдати про думу, про царскую,
»Что царь думы думаетъ,
»Думаетъ ли ѣхать на Святую Русь?
»Стараго послать,—будетъ долго ждать;
»А середняго послать-то,—виномъ запоять,
»А малаго послать,—заиграется;
»Будетъ, видно, Вольгѣ самому пойти!«
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
Малою птицею, пташицей,
Полетѣлъ онъ по подоблачью.
И скоро будетъ во Турецъ-землѣ,
Будетъ у царя турецкаго,
Противъ самыхъ окошечекъ,
И слушаетъ онъ рѣчи тайныя,—
Говоритъ царь со царицею:
»Ай же ты, царица Панталоновна!
»Я знаю про то, вѣдаю:
»На Руси-то трава растетъ не по старому,
»Цвѣты цвѣтутъ не по прежнему,
»А видно, Вольги-тѣ живого нѣтъ.«
Гогоритъ царица Панталоновна:
»Ай же ты, царь, Турецъ-Санталъ!
»На Руси трава все растетъ по старому,
»А ночесь спалось,—во снахъ видѣлось:
»Бывъ (будто) сподъ восточныя, сводъ сто-
ронушки
Налетѣла птица, малая пташица,
А сподъ западней сподъ сторонушки
»Налетѣла птица черный воронъ;
»Слеталися они во чистомъ полѣ,
»Промежду собой подиралися;
»Малая-то птица пташица
»Чернаго ворона повыклевала,
»По перушку она повыщипала
»И на вѣтеръ все повыпускала.«
Проговоритъ царь Турецъ-Санталъ:
»Ай же ты, царица Панталоновна!
»А я думаю скоро ѣхахъ на Святую Русь,
»Возьму я девять городовъ
»И подарю своихъ девять сыновей,

(*) *Науй*, иначе *ноіь* или *ноіа* является и въ другихъ произведеніяхъ: въ стихѣ о Егоріѣ Храбромъ и въ сказкѣ объ Александрѣ Македонскомъ.

»Привезу себѣ шубоньку дорогую.«
Говоритъ царица Панталовна:
»А не взять тебѣ девяти городовъ«,
Проговоритъ царь Турецъ-Сандалъ:
»Ахъ ты старый чортъ!
»Сама спала, себѣ сонъ видѣла!«
И ударитъ онъ по бѣлу лицу,
И повернется,—по другому, (по другой щекѣ)
И кинетъ царицу о кирпиченъ полъ,
И кинетъ ю во второй-то разъ:
»А поѣду я на святую Русь«, и т. д.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
Малымъ горносталюшкомъ:
Зашелъ во горницу во ружейную;
И повернется онъ добромъ молодцемъ:
И тугіе луки переломалъ,
И шелковыя тетивочки перервалъ,
И каленыя стрѣлы всѣ повыломалъ,
И у оружей замочки повывертѣлъ,
Въ боченочкахъ порохъ перезалилъ.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ сѣрымъ волкомъ:
Поскочилъ онъ на конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коней перебралъ,
А глотки у всѣхъ у нихъ перервалъ.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
Малою птицею пташицей,—
И будутъ во градѣ во Кіевѣ,
Со своею со дружиною со доброю:
»Дружина моя добрая, хоробрая!
»Пойдемъ-те мы во Турецъ-землю!«
И пошли они во Турецъ-землю,
И силу турецкую во полонъ брали.
»Дружина моя добрая, хоробрая!
»Станемъ-те теперь полону подѣлять!«
Что было надѣлу дорого?
Вострыя сабли по пяти рублей,
А оружье булатное по шести рублей,
А добрые кони по семи рублей.....

(*Пѣсни Рыбникова. I, 1—6*).

287. Микула Селяниновичъ.

Молодой Вольга Святославовичъ
Со своею дружинушкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою (данью).
Выѣхалъ въ раздольице чисто-поле,
Онъ услышалъ во чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ. (¹).
Ѣхалъ Вольга до ратая,
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга еще другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ, и т. д.
Ѣхалъ Вольга еще третій день,
Третій день съ утра до пабѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великія-то всѣ каменья въ борозду валитъ;
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые,
Говорилъ Вольга таковы слова:
»Божья ти помочь, оратаюшко!
»Орать, да пахать, да крестьянствовати,
»Съ края въ край бороздки пометывати,
»Коренья, каменья вывертывати!«
Говорилъ оратай таковы слова:
»Подитко, Вольга Святославовичъ
»Со своею со дружинушкой хороброю,
»Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовати!
»Далеко ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
»Со своею со дружинушкой хороброю?«
—»Ай же ты, ратаю, ратаюшко!
»Ѣду къ городамъ за получкою
»Ко первому городу ко Гурчевцу,
»Ко другому ко городу къ Орѣховцу,
»Ко третьему городу ко Крестьяновцу.« (²).
Говорилъ оратай таковы слова:
»Ай же, Вольга Святославовичъ!
»А недавно я былъ въ городни, третьего дни,
»На своей кобылкѣ соловоей,
»Увезъ я оттодь соли только два мѣха,
»Два мѣха соли, по сороку пудъ.
»И живутъ-то мужики все разбойники,
»Они просятъ грошевъ подорожныихъ;
»А былъ я съ шалыгой (³) подорожною,
»Платилъ имъ гроши подорожные:
»Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
»А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ«.
Говорилъ Вольга таковы слова:
»Ай же оратай, оратаюшко,
»Поѣдемъ со мною въ товарищахъ!«
Этотъ оратай оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстегнулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,

(¹) Эта былина записана со словъ крестьянина Олонецкой губерніи, гдѣ почва, особенно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, совершенно каменистая.

(²) Этими тремя городами пожаловалъ Олега Владиміръ стольно-кіевскій, безъ котораго дѣло не обходится ни въ одной былинѣ (кромѣ новгородскихъ): народная фантазія сдѣлала Олега племянникомъ Владиміра.

(³) *Шалыга* — тоже, что *шелепуга*: плеть съ обвязанной пулей, кистень.

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова:
»Ай же Вольга Святославовичь!
»Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
»И не для—ради прохожаго, проѣзжаго,
»А для—ради мужика деревенщины.
»Какъ бы сошка съ земельки повыдернути,
»Изъ омѣшниковъ земельку повытряхнути
»И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ?«
Молодой Вольга Святославовичь
Посылаетъ онъ съ дружинушки хоробрыя
Пять молодцевъ могучіихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Пять молодцевъ могучіихъ
Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
Молодой Вольга Святославовичь
Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ:
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земли поднять нельзя,
Посылалъ онъ всю дружинушку хоробрую,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшниковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
»Постой-ка ты, ратай, ратаюшко!
»Этая кобылка конькомъ бы была,—
»За эту кобылку пятьсотъ бы дали.«
Говорилъ оратай таковы слова:
»Глупый Вольга Святославовичь!
»Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
»И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
»Этая кобылка конькомъ бы была,—
»За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.«
Говорилъ Вольга Святославовичь:
»Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
»Какъ то тебя именемъ зовутъ,
»Какъ звеличаютъ по отечеству?«
Говорилъ оратай таковы слова:
»Ай же, Вольга Святославовичь!
»А я ржи напашу, да во скирды сложу,
»Во скирды складу, домой выволочу,
»Домой выволочу, на дома вымолочу,
»Драни надеру, да и пива наварю,
»Пива наварю, да и мужиковъ напою.
»Станутъ мужички меня покликивати:
»Молодой Микулушка Селяниновичъ!«

(*Пѣсни Рыбников. I, 18—22*).

288. Садко богатый.

Сначала Садко былъ бѣденъ; да умѣлъ онъ играть на гуселкахъ яровчатыхъ. Но вотъ три дня сряду не зовутъ его съ гуслями на пиръ; Садко идетъ къ Ильмень—озеру и начинаетъ играть на берегу. Изъ воды показывается царь морской, и въ награду за удовольствіе, доставленное ему игрою Садка, предлагаетъ ему биться съ купцами новгородскими о великъ закладъ, что въ Ильменѣ водится рыба-золотыя перья.

Идетъ Садко отъ озера, зовутъ его съ гуслями на пиръ, начинаетъ онъ играть, да хвастаетъ, что есть рыба-золотыя перья въ Ильмень-озерѣ. Бьются съ нимъ объ закладъ: онъ закладываетъ буйну голову, трое купцовъ—каждый по три лавки товара краснаго. Закидываетъ Садко шелковый неводъ, добываетъ три рыбки-золотыя перья, и выигрываетъ девятъ лавокъ съ товаромъ краснымъ. Начинаетъ Садко торговать и идутъ къ нему барыши великіе.

Тогда онъ зоветъ къ себѣ на пиръ Новгородцевъ.

Говорятъ настоятели новгородскіе:
»Что же у насъ Садко ничѣмъ не похвастаетъ,
»Что у насъ Садко ничѣмъ не похваляется?«
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
»А чѣмъ мнѣ Садку хвастаться,
»Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалятися?
»У меня-ль золота казна не тощится,
»Цвѣтно платьице не носится,
»Дружина хоробрая не измѣняется,
»А похвастать не похвастать безчетной золотой казной:
»На свою безсчетну золоту казну
»Повыкуплю товары новгородскіе,
»Худые товары и добрые.«
Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
Какъ настоятели новгородскіе
Ударили о великъ закладъ,
О денежкахъ тридцати тысячахъ
Какъ повыкупить Садку товары новгородскіе,
Что-бъ въ Новгородѣ товаровъ въ продажѣ болѣ не было.
Ставалъ Садко на другой день ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ,
Какъ повыкупилъ товары новгородскіе
На другой день ставалъ Садко ранымъ рано,
и т. д.
Вдвойнѣ товаровъ принавезено,
На тую на славу на великую Новогородскую.
Опять выкупалъ товары Новгородскіе.
На третій день вставалъ Садко ранымъ-рано,
и т. д.
Втройнѣ товаровъ принавезено,
Подоспѣли товары московскіе

На тую на великую на славу новогородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
»Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
»Еще повыкуплю товары московскіе,—
»Подоспѣютъ товары заморскіе.
»Не я, видно, купецъ богатъ новогородскій,
»Побогаче меня славный Новгородъ.«
Проигралъ свой закладъ Садко, да не по чемъ ему!

На свою безсчетную казну выстроилъ Садко тридцать кораблей, нагрузилъ ихъ товарами, поплылъ Волховомъ въ Ладожское озеро, изъ Ладожскаго озера Невою въ сине море, продавалъ товары новгородскіе и получалъ огромные барыши. На возвратномъ пути подымается страшная буря: »мы еще никогда не платили дани морскому царю, говоритъ Садко, и спускаетъ въ море бочку серебра. Но буря не унимается. Тогда бросаютъ жребій, кому быть выброшену въ море—живою данью морскому царю; жребій выпадаетъ самому Садко. Онъ пишетъ на коряблѣ духовную—часть имѣнья женѣ, часть церквамъ Господнимъ, часть нищей братіи. Его сажаютъ на доску и спускаютъ съ доскою на воду; Садко беретъ гусли съ собою. Онъ засыпаетъ на доскѣ,

Проснулся Садко во синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ на самомъ днѣ.
Сквозь воду увидѣлъ пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидѣлъ Садко во синемъ морѣ
Стоитъ палата бѣлокаменная,
Заходитъ Садко въ палату бѣлокаменну:
Сидитъ въ палатѣ царь морской,
Голова у царя какъ куча сѣнная.
»Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость!
»Вѣкъ ты, Садко, по морю ѣзживалъ,
»Мнѣ царю дани не плачивалъ,
»А нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.
»Скажутъ, мастеръ играть въ гуселки яровчаты;
„Поиграй же мнѣ въ гусельки яровчаты“
Какъ началъ играть Садко въ гусельки яровчаты,
Какъ началъ плясать царь морской въ синемъ морѣ,

Какъ расплясался царь морской.
Игралъ Садко сутки, игралъ и другіе,
Да игралъ еще Садко и третьи,
А всё пляшетъ царь морской въ синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ вода восколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ,
Стало много гинутъ имѣньицевъ,
Стало много тонуть людей праведныихъ;
Какъ сталъ народъ молиться Миколы Можайскому,
Какъ тронуло Садко въ плечо во правое:
„Ай же ты Садко новгородскій!
„Полно играть въ гусельшки яровчаты!“
Обернулся—глядитъ Садко Новгородскій:
Ажно стоитъ старикъ сѣдатый.
Говорилъ Садко Новогородскій:
„У меня воля не своя во синемъ морѣ,
„Приказано играть въ гуселки яровчаты.“
Говоритъ старикъ таковы слова:
„А ты струночки повырывай,
„А ты шпенечки повыломай.
„Скажи—у меня струночекъ не случилося,
„А шпенечковъ не пригодилося,
„Не во что больше играть:
„Приломалися гуселки яровчаты.“

Садко исполняетъ приказаніе Николы Можайскаго. Тогда царь морской предлагаетъ ему жениться въ синемъ морѣ; онъ также, по совѣту Николы, пересматриваетъ въ три пріема до 900 красавицъ и выбираетъ въ невѣсты девятьсотъ-первую. Садко празднуетъ свадьбу на днѣ морскомъ, а за ночь Микола Можайскій переноситъ его съ женой въ Новгородъ, и онъ изъ благодарности строитъ церковь Миколѣ.

(Пѣсни Рыбник. I, 370—380)

О Садкѣ можно читать въ Сѣверноруc. Народопр. Костомарова.

B. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

289. Торговля въ древней Руси.

Народы, изъ коихъ составлялось государство россійское, и до пришествія Варяговъ имѣли уже нѣкоторую степень образованія: ибо самые грубые Древляне жили отчасти въ городахъ; самые Вятичи и Радимичи, Варвары по описанію Несторову, издревле занимались хлѣбопашествомъ Вѣроятно, что они пользовались и выгодами торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней, но мы не имѣемъ никакого историческаго объ этомъ свѣдѣнія. Первыя извѣствія о нашемъ купечествѣ относятся уже ко временамъ варяжскихъ князей: договоры ихъ съ Греками свидѣтельствуютъ, что въ X вѣкѣ жило множество Россіянъ въ Царѣградѣ, которые продавали тамъ невольниковъ и покупали всякія ткани. Звѣриная ловля и пчеловодство доставляли имъ множество воску, меду и драгоцѣнныхъ мѣховъ, бывшихъ, вмѣстѣ съ невольниками, главнымъ предметомъ ихъ торговли. Константинъ Багрянородный пишетъ, что въ Хазарію и въ Россію шли тогда изъ Царяграда пурпуръ, богатыя одежды, сукна, сафьянъ, перецъ: къ симъ товарамъ, по извѣстію Нестора, можно прибавить вино и плоды. Ежегодное путешествіе россійскихъ купцевъ въ Грецію описываетъ Константинъ слѣдующимъ образомъ: »Суда ихъ приходятъ въ Царьградъ изъ Новагорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышегорсда; подвластные Россамъ Славяне, Кривичи, Лучане и другіе, зимою рубятъ лѣсъ на горахъ своихъ и строятъ лодки, называемыя *моноксиля* (однодеревки), ибо онѣ дѣлаются изъ одного дерева. По вскрытіи Днѣпра, Славяне приплываютъ въ Кіевъ и продаютъ оныя Россіанамъ, которые дѣлаютъ уключины изъ старыхъ лодокъ и веселъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ собирается весь россійскій флотъ въ городкѣ Витичевѣ, откуда идетъ уже къ порогамъ. Дошедши до четвертаго и самаго опаснаго, то есть, Неясытя, купцы выгружаютъ товары и ведутъ скованныхъ невольниковъ около 6000 шаговъ берегомъ. Печенѣги ожидаютъ ихъ обыкновенно за порогами, близь такъ называемаго Крарійскаго перевоза (гдѣ Херсонцы, возвращаясь изъ Россіи, переправляются чрезъ Днѣпръ). Отразивъ сихъ разбойниковъ, и доплывъ до острова св. Григорія, Россіяне приносятъ богамъ своимъ жертву благодарности, и до самой рѣки Селины, которая есть рукавъ Дуная, не встрѣчаютъ уже никакой опасности; но тамъ, ежели вѣтромъ прибьетъ суда ихъ къ берегу, они снова должны сражаться съ Печенѣгами, и наконецъ, миновавъ Конопу, Констанцію, также устье болгарскихъ рѣкъ, Варны и Дицины, достигаютъ Месимвріи, перваго греческаго города.« Сія торговля безъ сомнѣнія весьма обогащала Россіянъ, когда они для ея выгодъ отваживались на столько опасностей и трудовъ, и когда она была предметомъ всякаго ихъ мирнаго договора съ имперіею. Они ходили на

судахъ не только въ Болгарію, въ Грецію, Хазарію или Тавриду, но, если вѣрить Константину, и въ самую отдаленную Сирію. Черное море, покрытое ихъ кораблями, или, справедливѣе сказать, лодками, было названо *Русскимъ*. Но цареградскіе купцы едвали ѣздили чрезъ пороги днѣпровскіе; одни, кажется, Херсонцы торговали въ Кіевѣ. Печенѣги, всегдашніе грабители нашего древняго отечества, имѣли съ нимъ также и мирныя торговыя связи. Будучи народомъ кочующимъ и скотоводнымъ, подобно нынѣшнимъ Киргизамъ и Калмыкамъ, они продавали Россіянамъ множество азіатскихъ коней, овецъ и быковъ; но Константинъ къ сему извѣстію прибавляетъ явную ложь, сказывая, что въ Россіи не было прежде ни лошадей, ни скота рогатаго. Волжскіе Болгары, по сказанію Эбнъ-Гаукала, арабскаго географа X вѣка, доставали отъ насъ шкуры черныхъ куницъ или скиѳскихъ соболей; но сами не ѣздили въ Россію, будто бы для того, что въ ней убивали всѣхъ иноземцевъ. О торговлѣ древнихъ Россіянъ съ народами сѣверными находимъ любопытныя и достовѣрныя извѣстія въ скандинавскихъ и нѣмецкихъ лѣтописцахъ. Средоточіемъ ея былъ Новгородъ, гдѣ со временъ Рюриковыхъ поселились многіе Варяги, дѣятельные въ морскомъ грабежѣ и купечествѣ. Тамъ Скандинавы покупали драгоцѣнныя ткани, домовые приборы, царскія одежды, шитыя золотомъ, и мягкую рухлядь. Первыя не могли быть собственнымъ рукодѣліемъ нашихъ предковъ: вѣроятно, что они покупали сіи богатыя одежды и ткани въ Царѣградѣ, куда, по сказанію Несторову, ѣзжали Новгородцы еще въ Олеговы времена. Въ славной Виннетѣ и другихъ балтійскихъ городахъ находились купцы россійскіе. Мы знаемъ, что Ливонія зависѣла отъ Владиміра: тамъ ежегодно бывали многолюдныя ярмонки, собирались весною норвежскіе и другіе купцы, покупали невольниковъ, мѣха и возвращались въ отечество не прежде осени. Торговля наша столь уже славилась богатствомъ на Сѣверѣ, что лѣтописцы сего времени обыкновенно называютъ Россію страною, изобильною всѣми благами, omnibus bonis affluentem. Вѣроятно, что великіе князья, слѣдуя примѣру скандинавскихъ владѣтелей, сами участвовали въ выгодахъ народной торговли для умноженія своихъ доходовъ. Государственная подать въ IX и X вѣкѣ состояла у насъ болѣе въ вещахъ, нежели въ деньгахъ. Изъ разныхъ областей Россія ходили въ столицу обозы съ медомъ и шкурами, или съ оброкомъ княжескимъ—что называлось: возить повозъ. Слѣдственно казна изобиловала товарами и могла отпускать ихъ въ чужія земли. Россіяне, подобно Норманамъ, соединяли торговлю съ грабежемъ. Извѣстно, что они славились морскими разбоями въ окрестностяхъ Меларскаго озера, и что желѣзныя цѣпи при Стокзундѣ (гдѣ нынѣ Стокгольмъ) не могли удерживать. Требованіе Грековъ въ договорѣ съ Игоремъ, чтобы всѣ мореходцы россійскіе предъявляли отъ своего князя письменное свидѣтельство о мирномъ ихъ намѣреніи, имѣло безъ сомнѣнія важную причину: тутъ, кажется, что нѣкоторые Россіяне подъ видомъ купечества выѣзжали грабить на Черное море; а послѣ, вмѣстѣ съ другими, приходили свободно грабить въ Царьградъ. Надобно было отличить истинныхъ купцевъ отъ разбойниковъ.

(*Ист. госуд. рос. Н. М. Карамзина I, стр. 244—49*).

290. Объ имуществахъ духовенства.

Значительность владѣній духовенства не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; они

была поразить всякого, кому толь-
лось прочитывать, или перели-
наши собранія юридическихъ и
скихъ актовъ. Эти владѣнія бы-
ычайно разнообразны и въ ру-
шего духовенства сосредоточивались
ное время, недвижимыя имущества
рода. Въ числѣ этихъ разнород-
уществъ особеннаго вниманія, ча-
своей многочисленности, частію
льности ихъ для духовенства, за-
отъ слѣдующія: 1 *домы, дворы
рья*, которыми многіе монастыри
въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ
ъ пунктахъ. 2, *разныя хозяй-
ія строенія и заведенія*: амба-
итницы для храненія монастыр-
ипасовъ и товаровъ, гостинные
авки, харчевни и бани, которы-
режнія времена, когда духовен-
дозволялось заниматься торговлей,
въ городахъ и посадахъ духовныя
и лица, мельницы, соляныя вар-
другія сельско-хозяйственныя за-
3, *земли населенныя съ ихъ
лежностями*, пустоши и пороз-
га, лѣса, пожни и сѣнокосы, лу-
стбища, бобровыя и бортныя ухо-
ра, рѣки и болота. Для многихъ
рыбныя ловли составляли исклю-
е средство содержанія. Кромѣ то-
уховныхъ заведеній пользовались
производить рыбную ловлю въ чу-
дахъ и въѣзжать въ княжескіе и
лѣса для рубки дровъ. 4, *земли
ныя*, села, деревни, починки, сло-
жады и даже города.
ества находились главнымъ обра-
владѣніи высшихъ сановниковъ
ъ и знаменитыхъ монастырей;
кже имущества у церквей и у
хъ лицъ бѣлаго и чернаго духо-

Уваженіе нашихъ предковъ къ
й жизни, постриженіе князей и
нь и другихъ богатыхъ лицъ, а
построеніе ими монастырей,—
влекло за собою матеріальное обезпеченіе
ихъ. Желаніе быть погребеннымъ въ
монастырѣ не оставалось безъ вліянія на
его обогащеніе; а уваженіе и довѣрен-
ность, которыми пользовались многіе чле-
ны монашескаго сословія у князей и
частныхъ лицъ, давали первымъ возмо-
жность заботиться съ успѣхомъ объ уве-
личеніи богатства тѣхъ обителей, къ ко-
торымъ они принадлежали. Надо замѣ-
тить и то, что для людей, старавшихся
обезпечить поминовеніе, а слѣдов. спасе-
ніе своей души, монастыри имѣли осо-
бенную важность, п. ч. всего болѣе дѣй-
ствительности и силы можно было ожи-
дать отъ такихъ молитвъ, которыя воз-
носились цѣлымъ собраніемъ людей, отка-
зывавшихся отъ міра и часто прославив-
шихся святостью своей жизни. Понят-
но, что какъ правительство, такъ и част-
ныя лица были гораздо щедрѣе къ оби-
телямъ, прославившимся подвигами сво-
ихъ основателей, чистотою жизни ихъ
преемниковъ, самою древностію своей,—
чѣмъ къ монастырямъ, недавно возник-
шимъ и малоизвѣстнымъ. Нѣкоторыя изъ
обителей различными услугами, оказанны-
ми правительству, пріобрѣли себѣ право
на особенную благосклонность и щедрость.
Наконецъ, къ пожалованію вотчинъ из-
вѣстнымъ монастырямъ преимущественно
предъ другими, содѣйствовало иногда и
то обстоятельство, что монастыри эти
основаны были въ честь тѣхъ святыхъ,
къ которымъ дарители чувствовали осо-
бенное уваженіе и довѣренность.

По всѣмъ этимъ причинамъ, въ то самое
время, какъ нѣкоторые монастыри владѣли
многочисленными вотчинами въ различ-
ныхъ областяхъ,—многіе монастыри имѣ-
ли едва по сотни крестьянъ, а нѣкоторые,
вовсе не получивъ населенныхъ вотчинъ,
разработывали сами принадлежавшія имъ
пустоши, состояли на ругѣ или же со-
держались добровольными приношеніями
мѣстныхъ жителей, находясь въ весь-

ма незавидномъ и крайне бѣдномъ положеніи.

Кромѣ монастырей и домовъ архіерейскихъ, участіе въ поземельномъ владѣніи принимали еще церкви *соборныя и приходскія*. Первыя владѣли богатыми вотчинами съ самыхъ древнихъ временъ; а послѣднія рѣдко владѣли землями и еще рѣже населенными. Содержаніе приходскихъ церквей, въ большей части случаевъ, было не обезпечено, и бѣлое духовенство было очень бѣдно. Всѣ виды церковнаго имущества составляли не частную, но общественную собственность духовенства; они принадлежали не лицамъ, но архіерейскимъ домамъ, монастырямъ и церквамъ. На ряду съ ними существовали, однакоже, хотя и въ несравненно меньшемъ числѣ, такого рода имущества, которыми владѣли, какъ собственностію отдѣльною, лица бѣлаго и чернаго духовенства.—Недвижимыя имущества духовенства состояли иногда *въ оброчномъ*, а частью *въ помѣстномъ* владѣніи; но бол. частію *въ пожизненномъ* и составляли его *вотчину*, т. е. принадлежали ему на правахъ полной собственности, п. ч. жертвователи посвящали свои дары Богу на вѣчныя времена.

Разнообразныя и значительныя привилегіи, которыми пользовалось наше духовенство въ древнее время, не похожи на тѣ преимущества, какія существовали въ Греціи, хотя обычай жертвовать духовенству привилегіи и перешелъ въ Россію изъ Греціи. Въ Греціи они основывались, по бол. части, на общихъ узаконеніяхъ и распространялись одинаково на все духовенство. Въ Россіи, совершенно напротивъ, основаніемъ имъ служили не общіе законы (за исключеніемъ устава о церковныхъ судахъ и ханскихъ ярлыкахъ), а частныя грамоты; сила же ихъ распространялась не на все духовенство, а только на тѣ монастыри и церкви, которымъ они именно были предоставлены. Самыя права духовенства, по владѣнію недвижимыми имуществами, были весьма разнообразны: часто одинъ монастырь въ одной вотчинѣ пользовался обширными привилегіями, а въ другой не имѣлъ никакихъ. Объемъ правъ зависѣлъ отъ содержанія *жалованныхъ* грамотъ, которыя назывались и *тарханами* (1); онѣ опредѣляли подробно и точно эти права.

Жалованныя грамоты монгольскихъ хановъ или *ярлыки*, по большей части, заключали въ себѣ слѣдующія привилегіи и льготы: 1, Признаніе свободы вѣроисповѣданія и неприкосновенности всѣхъ зданій и вещей, служащихъ для богослуженія. 2, Общее признаніе неприкосновенности церковныхъ имуществъ и запрещеніе всѣмъ лицамъ, подчиненнымъ ханамъ Золотой орды, нарушать вещественныя права церкви, какимъ бы то ни было образомъ. 3, Освобожденіе духовенства отъ всѣхъ податей и повинностей. 4, Признаніе за митрополитомъ права судить все духовенство и управлять безотчетно церковнымъ имуществомъ. 5, Льгота отъ податей, которая распространяема была въ ярлыкахъ не только на лицъ духовнаго званія, но и на членовъ ихъ семейства, живущихъ съ ними въ одномъ домѣ.

Жалованныя грамоты князей, княгинь и другихъ лицъ давали духовенству слѣдующія права и преимущества: 1, Право призывать на свои земли людей для заселенія. 2, Освобожденіе духовенства и крестьянъ его отъ податей и повинностей. 3, Право взимать, вмѣсто правительства, извѣстныя подати съ извѣстныхъ лицъ. 4, Особыя преимущества относительно порядка взноса податей. 5, Освобожденіе владѣльцевъ духовнаго званія и ихъ приказчиковъ отъ подсудимо-

---

(1) У Татаръ *тарханомъ* назывался человѣкъ, освобожденный отъ всѣхъ повинностей, налагаемыхъ царемъ, и необязанный дѣлиться съ нимъ полученною на войнѣ добычею.

сти мѣстнымъ властямъ, свѣтскимъ и духовнымъ: 6, Предоставленіе владѣльцамъ права суда и расправы надъ людьми, поселенными на ихъ земляхъ. 7, Право имѣть особыхъ приставовъ по суднымъ дѣламъ. 8, Назначеніе особыхъ сроковъ, въ которые только можно было ихъ призывать къ суду. 9, Освобожденіе крестьянъ духовнаго вѣдомства отъ законной отвѣтственности за смертные случаи, происходившіе въ ихъ селахъ. 10, Право монастырей держать собственное пятно для покупки и продажи лошадей и брать за это пошлины. 11, Запрещеніе княжескимъ чиновникамъ въѣзжать въ села духовнаго вѣдомства, ставиться въ нихъ и брать насильственно кормы, подводы и проводниковъ. 12, Запрещеніе незваннымъ ѣздить въ монастырскія села на пиры и братчины. 13, Запрещеніе попрошатаямъ и скоморохамъ ѣздить въ монастырскія села. Кромѣ этихъ существенныхъ привилегій, въ грамотахъ находимъ нѣкоторыя частныя преимущества, которыя предоставлялись монастырямъ по поводу случайныхъ и временныхъ обстоятельствъ. Жалованныя грамоты духовныхъ властей, митрополитовъ и архіепископовъ, давались монастырямъ и церквамъ: власти освобождали ихъ отъ податей и повинностей, которыя шли въ пользу епархіальнаго начальства, или освобождали отъ подсудности духовныхъ властей.

Доходы, которые получались духовными властями и монастырями съ ихъ населенныхъ имѣній, съ подвѣдомственныхъ имъ крестьянъ, одни имѣли частный характеръ и состояли изъ *оброковъ* и *личныхъ повинностей*, опредѣлявшихся обычаями и договорами, другіе уступлены были государствомъ, а именно: пошлины *судебныя*, *пятенныя*, *таможенныя*, *помѣрныя* и проч. Крестьяне обязаны были исполнять всѣ монастырскія издѣлія въ хозяйственномъ и промышленномъ отношеніяхъ. *Расходы* духовенства были двоякаго рода: предметомъ однихъ были частныя нужды временныхъ владѣльцевъ церковнаго имущества; предметомъ другихъ—постоянныя общественныя нужды церкви и государства. Всѣ расходы перваго рода шли на одинъ предметъ, на обезпеченіе содержанія самихъ служителей церкви и ихъ штата и прислуги. Во второмъ случаѣ издержки шли на богослуженіе, сооруженіе, сохраненіе, украшеніе зданій церковныхъ и монастырскихъ, на благотвореніе бѣднымъ нищимъ и на другія пособія народу. Духовенство обязано было доставлять подати и исправлять повинности въ пользу государства, которыя были весьма многочисленны и разнообразны. Такъ оно уплачивало подати, какъ и всѣ владѣльцы имѣній, иногда вносило особый оброкъ въ замѣнъ повинностей, отъ которыхъ освобождено было тарханными грамотами; архіереи и монастыри дѣлали добровольныя приношенія въ пользу правительства; духовенство обязано было ставить даточныхъ людей въ случаѣ войны, доставлять пошлины въ пользу епархіальнаго начальства и т. под. При богатствѣ нѣкоторыхъ духовныхъ завѣщаній и при той благоразумной распорядительности, которою отличались нѣкоторые изъ архіереевъ и игуменовъ, весьма понятно, что въ монастырской казнѣ оставались часто, за покрытіемъ всѣхъ нужныхъ издержекъ, лишнія суммы. Суммы эти употреблялись иногда для расходовъ, которые можно назвать производительными и которые имѣли цѣлью увеличеніе богатства и доходовъ монастыря или церкви. Сюда могутъ быть отнесены расходы на покупку новыхъ вотчинъ, на содержаніе разныхъ хозяйственныхъ зданій и вообще на поддержаніе и улучшеніе монастырскаго, или церковнаго хозяйства. Вообще доходы превосходили нѣсколько разъ пожертвованія, которыя требовались отъ духовенства въ древнее время.

Въ происхожденіи и быстромъ увеличеніи церковныхъ имуществъ надо видѣть не случайное, но исторически необходимое явленіе, проистекавшее изъ дѣйствительныхъ *потребностей* прежняго общества и вполнѣ соотвѣтствовавшее тѣмъ особымъ религіознымъ идеямъ, которыя господствовали въ жизни нашихъ предковъ. Одно объясненіе причинъ, побуждавшихъ князей и народъ древней Руси къ одаренію вотчинами монастырей и церквей, уже достаточно для того, чтобъ оправдать существованіе церковныхъ имуществъ и раскрыть историческую необходимость, а слѣдовательно и разумность этого явленія. Къ тому же самому заключенію приводитъ насъ и разсмотрѣніе тѣхъ особенныхъ, религіозныхъ, хозяйственныхъ и политическихъ послѣдствій, которыми сопровождалось *скопленіе* недвижимыхъ имуществъ въ рукахъ духовенства и присвоеніе этому сословію обширныхъ вотчинныхъ правъ. Изученіе этихъ послѣдствій показываютъ намъ, что имущества церковныя имѣли свое историческое значеніе, что они въ свое время принесли значительную пользу какъ церкви, такъ и гоударству, и что въ ихъ существованіи заключалось единственное средство достигнуть многихъ важныхъ и необходимыхъ для тогдашняго общества цѣлей. Во всемъ этомъ мы легко убѣдимся, если только взглянемъ ближе на важнѣйшія изъ послѣдствій, которыми сопровождалось существованіе этихъ имуществъ.

Первое и, безъ сомнѣнія, самое важное, самое благодѣтельное изъ этихъ послѣдствій состояло въ томъ, что церковныя имущества, обезпечивъ содержаніе духовенства, упрочили тѣмъ самымъ существованіе церкви, а слѣдовательно утвердили и самое господство христіанства въ нашемъ отечествѣ. Нѣтъ ничего легче, какъ убѣдиться въ томъ, что церковныя имущества дѣйствительно содѣйствовали во многомъ достиженію этого важнаго итога: стоитъ толко вспомнить, что распространеніе христіанства въ Россіи было бы не возможно безъ существованія особаго духовнаго сословія, что существованіе этого сословія было бы не возможно, въ свою очередь, безъ назначенія ему особыхъ и достаточныхъ средствъ содержанія, и что, наконецъ, никакихъ другихъ средствъ содержанія, кромѣ недвижимыхъ имуществъ, назначить въ тѣ времена было нельзя, по самому существу первоначальныхъ хозяйственныхъ и финансовыхъ отношеній. Надо вспомнить еще, что доходовъ съ вотчинъ, предоставленныхъ во владѣніе служителямъ церкви, доставало не только для безбѣднаго ихъ состоянія, но и для множества другихъ расходовъ, между которыми одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ мы уже замѣтили, принадлежало расходамъ на построеніе или украшеніе монастырей, церквей и другихъ богослужебныхъ зданій. Такимъ образомъ недвижимыя имущества, предоставленныя духовенству, обезпечивая его содержаніе и освобождая отъ необходимости снискивать себѣ пропитаніе тяжкими трудами, доставляли ему возможность, съ одной стороны, посвящать себя исключительно прямымъ своимъ обязанностямъ, съ другой— распространять постоянно число своихъ членовъ, а слѣдовательно вмѣстѣ съ этимъ и господство христовой вѣры. Притомъ назначеніе духовному сословію такого прочнаго и самостоятельнаго источника дохода, какимъ были недвижимыя имущества, было важно и въ томъ отношеніи, что ставило служителей церкви въ совершенно независимое положеніе относительно ихъ паствы, а тѣмъ значительно возвышало въ глазахъ народа ихъ значеніе и вѣсъ. Таковы были прямыя послѣдствія существованія церковныхъ имуществъ! Но косвенныя его послѣдствія были еще значительнѣе, п. ч. они состояли во всѣхъ тѣхъ религіозныхъ и гражданскихъ послѣдствіяхъ, которыми сопровождалось въ

и, какъ и во всѣхъ другихъ госу-
вахъ, утвержденіе христіанской вѣ-
Распространяться о важности этихъ
дствій мы считаемъ совершенно без-
нымъ; замѣтимъ только, что церко-
имущества непосредственнымъ обра-
содѣйствовали ихъ осуществленію,
безъ нихъ, въ первыя времена, и са-
ществованіе духовнаго сословія было
возможно. Въ этомъ отношеніи можно
сказать, что еслибъ не имущества
поставившія духовенство съ самаго
а въ безбѣдное и независимое поло-
, то, безъ сомнѣнія, церковь рус-
не могла бы ни выполнить съ такимъ
омъ своего религіознаго призванія,
роизвести на смягченіе нравовъ, рас-
просвѣщенія и успѣхи гражданствен-
того благодѣтельнаго вліянія, ко-
производило оно всегда и вездѣ.
этого мало. Въ послѣдствіяхъ, на-
казанныхъ, заключалось главное, но
динственное назначеніе церковныхъ
ествъ. Существованіе ихъ и во мно-
другихъ отношеніяхъ принесло несо-
ую пользу. Такъ, напримѣръ, на ра-
и улучшеніе *народнаго хозяй-*
имущества эти имѣли вліяніе са-
благодѣтельное, которое можетъ быть
ено къ числу полезнѣйшихъ послѣд-
ихъ существованія. Духовенству до-
ялись по большой части земли пус-
сохранившія тотъ самый видъ, въ
омъ они вышли изъ рукъ природы.
первоначальной неустроенности эко-
ескихъ отношеній, при воинствен-
направленіи тогдашняго общества,
отсутствіи личной и вещественной без-
юсти,—слѣдствіи гражданскаго неу-
ства и безпрестанныхъ войнъ, вну-
нихъ и внѣшнихъ, земли эти, по всей
тности, никогда бы не вышли изъ
о первобытнаго состоянія, если бы
не попали въ руки духовенства, ко-
усердно занялось ихъ заселеніемъ
зработкою. Къ этому побуждали его
собственная выгода и необходимость из-
влечь какую—нибудь пользу изъ имуще-
ствъ, которыя сами по себѣ составляли
только мертвый, безплодный капиталъ.
При томъ владѣльцы духовнаго званія ско-
рѣе всѣхъ другихъ могли взяться за по-
добное предпріятіе и совершить его съ
успѣхомъ: они находились въ этомъ отно-
шеніи въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ,
чѣмъ всѣ другія сословія. Съ одной сто-
роны, они имѣли несравненно болѣе обра-
зованія и были гораздо менѣе отвлекаемы
посторонними занятіями, нежели другіе
классы народа; съ другой—они спокой-
нѣе и безопаснѣе другихъ владѣли свои-
ми вотчинами, и менѣе всѣхъ терпѣли
отъ главнаго бѣдствія тѣхъ временъ, от-
сутствія личной и вещественной безопас-
ности. Князья, въ своихъ безпрерывныхъ
раздорахъ, оказывали болѣе пощады цер-
ковному имуществу, чѣмъ свѣтскому; са-
мые Монголы щадили вотчины духовенства;
а отъ притѣсненій гражданскихъ чиновни-
ковъ и сильныхъ людей монастыри и цер-
кви, вслѣдствіе принадлежащихъ имъ при-
вилегій, скорѣе могли защищаться, не-
жели частныя люди свѣтскаго званія. Дан-
ное духовенству право призывать кресть-
янъ въ свои вотчины облегчало ему воз-
можность заселенія принадлежавшихъ ему
пустошей, а многочисленныя привилегіи,
которыя предоставлены были крестьянамъ
духовнаго вѣдомства, привлекали къ ду-
ховенству множество людей и содѣйство-
вали къ прочному и постоянному водво-
ренію ихъ на церковныхъ земляхъ. Ду-
ховенство вполнѣ понимало выгоды своего
положенія и постоянно дѣятельно забо-
тилось о заселеніи и хозяйственной раз-
работкѣ принадлежавшихъ ему пустошей.
Невозможно опредѣлить съ точностію ко-
личества земель, такимъ образомъ засе-
ленныхъ и разработанныхъ духовенствомъ,
но нѣтъ сомнѣнія, что у насъ точно такъ
же, какъ и на западѣ Европы, количе-
ство это было весьма значительно, и что

подъ покровомъ монастырей возникло множество богатыхъ селеній и городовъ, на мѣстахъ совершенно пустынныхъ. По словамъ автора »Исторіи рос. іерархіи«, монастыри, безпрестанно распространяя хозяйство посредствомъ своихъ подданныхъ, обдѣлали и удобрили многія дикія, впустѣ лежавшія, земли и населили оныя людьми; осушили великія болота, прокапывали многія каналы, и, чрезъ сообщеніе оныхъ съ рѣками, прежде другихъ въ Россіи открыли хозяйственное судоходство; лѣса лишніе вычищали, а сберегали лучшіе; прокладали дороги по мѣстамъ непроходимымъ, построили вездѣ на удобнѣйшихъ мѣстахъ мельницы и другіе заводы; выучивали подданныхъ всѣмъ нужнымъ для общежитія мастерствамъ, и имѣли самыхъ лучшихъ во всемъ мастеровъ; распложали въ вотчинахъ своихъ наилучшія породы домашняго скота; заводили при своихъ мѣстахъ знатные торговые съѣзды и ярмарки, отъ чего вкругъ ихъ населялись потомъ цѣлые посады и города, и обогатились оными» (1). Такая оцѣнка экономическихъ заслугъ монастырей, м. б., нѣсколько преувеличена, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что большая часть этого отзыва совершенно справедлива. Исторія сохранила намъ память о многихъ игуменахъ, отличавшихся особою хозяйственною распорядительностію и сдѣлавшихъ чрезвычайно много для развитія народнаго богатства...

Но если на умноженіе народнаго богатства существованіе церковныхъ вотчинъ имѣло вліяніе чрезвычайно благодѣтельное, то, съ другой стороны, вліяніе его на предотвращеніе золъ, производимыхъ *народною бѣдностью*, было не менѣе ощутительно. Одна изъ причинъ прежней щедрости къ духовенству заключалась въ убѣжденіи, что имущество церковное составляетъ собственность бѣдныхъ, и что важнѣйшее назначеніе его заключается въ доставленіи церкви нужныхъ средствъ для дѣятельнаго благотворенія. Въ большой части случаевъ, духовенство дѣйствительно такимъ образомъ смотрѣло на свои вотчины, и значительную часть доходовъ, съ нихъ получавшихся, употребляло на вспоможеніе бѣднымъ, на учрежденіе человѣколюбивыхъ заведеній. Такимъ образомъ не одно духовенство извлекало пользу изъ своихъ вотчинъ: ими пользовались и бѣдные, участь которыхъ была тѣмъ сноснѣе, чѣмъ богаче надѣляема была вотчинами церковь. Кромѣ духовенства, въ тѣ времена и при тогдашнемъ состояніи общества, никто не могъ дѣйствовать съ успѣхомъ на поприщѣ общественнаго призрѣнія. Государство первоначально не было въ состояніи заботиться само объ этой важной вѣтви общественнаго благоустройства, и потому даже тѣ пожертвованія въ пользу бѣдныхъ, которыя дѣлаемы были непосредственно правительствомъ, *сосредоточивались*, обыкновенно, въ рукахъ церкви и находились въ ея завѣдываніи. Самое понятіе о необходимости помогать бѣднымъ и облегчать ихъ участь принесено было къ намъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ, духовнымъ сословіемъ, которое постоянно увѣщевало и подвигало, какъ князей, такъ и народъ къ подвигамъ благотворенія. Надо замѣтить, что духовенство наше помогало не только тѣмъ бѣднымъ, которые были въ совершенной невозможности удовлетворять своимъ нуждамъ и составляли особое сословіе, находившееся подъ непосредственнымъ покровительствомъ и вѣдѣніемъ церкви, »питавшіеся отъ церкви божіей», но кромѣ того имѣло еще возможность оказывать вспоможенія людямъ всякаго званія, случайно впадавшимъ въ несчастіе. Богатства духовнаго сословія оказывались особенно полезными для всѣхъ разрядовъ народа въ неурожайные годы,

(1) Ист. рос. іерарх. т. II, ст. XVII—XVIII.

при дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ. Полиція народнаго продовольствія въ прежнее время не существовало; средства правительства были слишкомъ ничтожны, чтобы пособить злу; и только одно духовенство, получавшее огромное количество хлѣбныхъ запасовъ съ своихъ вотчинъ и хранившее ихъ въ своихъ житницахъ, могло въ этихъ случаяхъ оказывать нужную помощь. Оно дѣйствительно оказывало ее, продавая свой избытокъ за дешевую цѣну, или даже раздѣляя его безденежно между всѣми нуждающимися.

Кромѣ религіознаго и хозяйственнаго назначенія церковныхъ имуществъ, они имѣли еще назначеніе *политическое*, которому также вполнѣ удовлетворяли. Другими словами, кромѣ церквей и народа, государство, или выражаясь точнѣе—правительство извлекало также изъ ихъ существованія многоразличную пользу. Во 1, существованіе этихъ имуществъ значительно облегчало финансовое положеніе правительства, освобождая его отъ обязанности жертвовать свои доходы на содержаніе духовенства, на призрѣніе бѣдныхъ, на прокормленіе народа во время голода. Въ особенности необходимость содержать духовенство на счетъ казны, необходимость тяжкая и для современныхъ благоустроенныхъ правительствъ, въ тѣ времена, при младенческомъ неустроенномъ состояніи государственнаго хозяйства, могла бы совершенно подавить средства князей и разстроить всю экономію тогдашняго финансоваго быта. Во 2, правительство выигрывало в. много отъ заселенія и разработки монастырями земель пустыхъ, которыя, въ первоначальномъ ихъ видѣ, не приносили и не могли приносить казнѣ никакаго дохода, никакой выгоды. Въ 3, не смотря на освобожденіе крестьянъ, большой части духовныхъ заведеній отъ податей и повинностей, — правительство извлекало положительную финансовую выгоду изъ существованія обширныхъ церковныхъ имуществъ, п. ч. во всѣхъ особенныхъ случаяхъ, и преимущественно въ военное время, получало нужныя ему пособія отъ монастырей, которые имѣли всегда значительные и свободные капиталы и употребляли ихъ часто добровольно, или по необходимости для содѣйствія государственнымъ цѣлямъ. Наконецъ въ 4-хъ, князья извлекали изъ существованія монастырскихъ имуществъ и чисто политическую пользу, ибо посредствомъ этихъ имуществъ, сохраненію и увеличенію которыхъ они могли содѣйствовать или препятствовать,—держали въ постоянной отъ себя зависимости одно изъ самыхъ могущественныхъ и *вліятельныхъ* сословій; съ другой стороны, они выигрывали чрезвычайно много и отъ того, что это сословіе, составлявшее въ прежнія времена главную ихъ опору, присоединяло къ своему нравственному могуществу могущество матеріальное. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ борьбѣ своей съ удѣльными князьями и съ вольными городами, и вообще въ исполненіи своихъ политическихъ видовъ и намѣреній, вел. князья московскіе получали много содѣйствія и помощи отъ духовенства; и нѣтъ сомнѣнія также, что это содѣйствіе не было бы такъ искренно и въ тоже время такъ могущественно, если бы, съ одной стороны, существованіе церковныхъ имуществъ не связывало интересовъ духовенства съ интересами московскихъ князей, а съ другой—не увеличивало бы вліянія его на народъ и не возвышало его значенія въ дѣлахъ общественныхъ. Въ особенности должно обратить при этомъ вниманіе на содѣйствіе, оказанное духовенствомъ, вел. князьямъ московскимъ въ борьбѣ ихъ съ удѣльными князьями и въ стремленіи къ водворенію единодержавія; нѣтъ никакого сомнѣнія, что одна изъ главныхъ причинъ преданности духовенства видамъ и политикѣ князей мо-

сковскихъ было убѣжденіе въ тѣхъ матеріальныхъ выгодахъ, которыя оно должно было пріобрѣсти отъ сосредоточенія всѣхъ владѣній въ рукахъ одного князя. Дѣйствительно при существованіи удѣловъ, съ одной стороны духовенству было гораздо труднѣе охранить безопасность своихъ владѣній и правъ, ибо сохраненіе этой безопасности зависѣло не отъ одного, но отъ многихъ; а съ другой—удѣльные князья чаще нарушали права духовенства, чѣмъ вел. князья, что и было причиною желанія многихъ монастырей освободиться отъ зависимости мѣстныхъ владѣльцевъ и перейти въ непосредственное вѣдѣніе вел. князей московскихъ. Нигдѣ права духовенства не нарушались такъ часто, какъ въ Новгородѣ, и нигдѣ не появилась такъ рано, какъ въ этомъ городѣ, мысль о секуляризаціи,—именно потому, что тамъ покровительство моск. князей и м-та имѣло наименѣе значенія, и мѣстное духовенство находилось въ совершенной зависимости отъ мѣстнаго свѣтскаго правительства. Разсѣянность монастырскихъ вотчинъ по разнымъ княженіямъ еще болѣе заставляла духовенство желать уничтоженія удѣловъ, ибо сопровождалось не только неудобствами въ въ управленіи, но и большею трудностью въ сохраненіи пріобрѣтенныхъ правъ и въ огражденіи ихъ отъ нарушеній. Особенно въ случаѣ войны между удѣльными князьями, духовенство одного удѣла легко могло лишиться своихъ вотчинъ, находившихся въ другомъ удѣлѣ, п. т. въ то время всѣ средства вредить врагу считались дозволенными. По всѣмъ этимъ причинамъ духовное сословіе должно было ревностно желать сосредоточенія всѣхъ удѣловъ въ рукахъ одного князя, ожидая оттого многихъ выгодъ и не предвидя тѣхъ неудобствъ, которыя впослѣдствіи для него возникли именно изъ этого сосредоточенія.

Исчисляя разнаго рода выгоды, полученныя государствомъ, церковью и народомъ отъ существованія церковныхъ имуществъ, мы имѣли въ виду доказать, что имущества эти имѣли свое *историческое* назначеніе, котораго онѣ вполнѣ достигли. Но, съ теченіемъ времени, вотчины духовенства постигла та же самая участь, какая, по общему историческому закону, постигаетъ всякое учрежденіе, теряющее свою необходимость и перестающее находить оправданіе своего бытія въ дѣйствительныхъ потребностяхъ народа или государства. Чѣмъ болѣе устроивалось русское общество, чѣмъ болѣе пріобрѣтало силы и вліянія правительство, тѣмъ слабѣе становилась та польза, которую приносили земельныя богатства церкви, тѣмъ менѣе чувствовали необходимость въ ихъ существованіи. Правительство сдѣлалось мало по малу способнымъ къ удовлетворенію многимъ нуждамъ, попеченіе о которыхъ возлагалось прежде на самое духовенство. Такъ, напр., съ теченіемъ времени, вслѣдствіе развитія и лучшаго устройства финансовыхъ отношеній, исчезла прежняя невозможность казны обезпечивать собственными средствами издержки содержанія духовенства и вспоможенія бѣднымъ. Съ другой стороны, политическія соображенія требовали сосредоточенія той и другой вѣтви администраціи въ рукахъ самого правительства. Польза, которую оказывала обширность церковныхъ владѣній, связывая интересы духовенства съ интересами моск. князей и побуждая первое стоять на сторонѣ послѣднихъ, въ борьбѣ ихъ съ удѣльными князьями, также уничтожилась съ той минуты, какъ уничтожились самые удѣлы, и вел. князь московскій сдѣлался единственнымъ и полнымъ владѣтелемъ всей Россіи. Так. обр. прежнее историческое значеніе церков. имуществъ стало уменьшаться мало по малу

по мѣрѣ измѣненій, происходившихъ въ обстоятельствахъ, правахъ и учрежденіяхъ. Съ теченіемъ времени они перестали доставлять тѣ выгоды, какія доставляли прежде, и въ тоже время стали вести къ очевиднымъ и значительнымъ неудобствамъ; существованіе ихъ стало оказываться не только безполезнымъ, но и положительно вреднымъ,—вреднымъ и для самого духовенства, и для всѣхъ другихъ сословій, и наконецъ для правительства, какъ представителя общихъ государственныхъ интересовъ. Сознаніе этихъ вредныхъ послѣдствій и желаніе пресѣчь ихъ въ самомъ корнѣ и послужило главною причиною появленія мысли *секуляризаціи* и происшедшей, вслѣдствіе того, перемѣны въ отношеніяхъ нашего правительства къ имѣніямъ и правамъ духовнаго сословія.

Мы сказали, что скопленіе значительнаго количества недвижимыхъ имуществъ въ рукахъ монастырей и церквей стало съ теченіемъ времени оказываться вреднымъ для самаго духовенства. Оправдать это замѣчаніе не трудно. Во 1-хъ, надѣлъ церкви недвижимыми имуществами, если разсматривать его какъ особую систему содержанія духовенства, вмѣстѣ со многими выгодами, представлялъ и многія неудобства. Главное изъ этихъ неудобствъ заключалось въ томъ, что при такой системѣ не все духовенство было обезпечено относительно хозяйственнаго своего быта. Недвижимыя имущества распредѣлялись между различными сословіями духовенства вес. неровно; иначе и быть не могло, п. ч. распредѣленіе дѣлалось не на основаніи какихъ-либо правилъ, а совершенно случайнымъ обр.: оно зависѣло отъ произвола и наклонностей вкладчиковъ, которые одаряли одни духовныя заведенія, а не другія, единственно по своимъ личнымъ соображеніямъ. Притомъ, вслѣдствіе общаго и вес. естественнаго стремленія къ одаренію наиболѣе знаменитыхъ обителей,—послѣдніе, и безъ того уже богатые, обогащались съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, тогда какъ другіе монастыри, не успѣвшіе пріобрѣсть себѣ особенной извѣстности, оставались постоянно въ бѣдности и нисколько не улучшали своего положенія. Другое, не менѣе важное, неудобство этой системы заключалось въ томъ, что владѣнія недвижимыми имуществами, налагая на духовенство множество разнаго рода обязанностей по управленію, хозяйству и суду, заставляло его пренебрегать своимъ высшимъ религіозно-нравственнымъ призваніемъ и вовлекало его не только въ многосложный міръ житейскихъ заботъ, но и въ безчисленныя распри и тяжбы съ нарушителями его правъ. Въ особенности затруднительна была для монастырей обязанность содержать въ постоянномъ повиновеніи крестьянъ своихъ, которые, вслѣдствіе самой слабости монастырскаго управленія, прибѣгали в. часто къ насиліямъ, буйствамъ и даже совершеннымъ возстаніямъ. Этого рода неудобства признаетъ и авторъ »Исторіи Рос. Іер.«, по словамъ котораго »монастырскія владѣнія приносили особенную пользу государству, но самимъ монастырямъ всѣ ихъ имѣнія и вотчины гораздо меньше были полезны по всѣмъ отношеніямъ. Попеченіе объ имѣніяхъ естественно долженствовало монашествующихъ отвлекать отъ существенныхъ ихъ должностей и удалять отъ самыхъ монастырей иногда на долгое время, чрезъ что нерѣдко и въ самыхъ начальникахъ ослабѣвало попеченіе о монастыряхъ. Вотчинныя права неминуемо вовлекали ихъ въ тяжбы съ сосѣдними владѣльцами, часто съ насиліемъ вторгавшимися въ монастырскія владѣнія... Самые успѣхи ихъ въ хозяйствѣ и тщаніемъ пріобрѣтаемое изобиліе возбуждали въ прочихъ зависть и алчность, такъ что напослѣдокъ вотчиннымъ монастырямъ надлежало кормить и довольствовать не одну

уже свою братію, нищихъ и сиротъ, но всѣхъ пріѣзжихъ, а особливо властей духовныхъ, земскихъ и областныхъ, которые не отрицаемо требовали кормовъ, подводъ, даровъ, посуловъ и другихъ многихъ поборовъ, коихъ одно исчисленіе можетъ составить длинную роспись« (т. II, ст. XXII—XXIII). Къ этому надо прибавить, что недвижимыя имущества могли обезпечивать содержаніе духовенства и вообще удовлетворять своему назначенію только въ томъ случаѣ, когда управленіе ими совершалось по всѣмъ правиламъ бдительнаго и благоразумнаго хозяйства. Мы уже замѣтили, что этому условію удовлетворяли многіе игумены, отличавшіеся своей хозяйственной распорядительностью; но правило это не было общимъ, и во многихъ монастыряхъ, особенно въ позднѣйшее время, въ управленіи вотчинами допускаемы были не только небрежность и нерадѣніе, но даже многочисленныя и весьма важныя злоупотребленія. Нѣкоторые игумены вес. мало заботились о поддержаніи и улучшеніи монастырскаго хозяйства; другіе употребляли ввѣренное имъ имущество для своей личной пользы, часто даже разоряли и расхищали его.

Но изъ всѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, какія имѣла для духовенства обширность его земельныхъ владѣній, самымъ невыгоднымъ было, безъ сомнѣнія, то вредное вліяніе, которое произвели, съ теченіемъ времени, богатства духовенства *на нравственность* этого сословія. Развивая въ лицахъ духовнаго званія многочисленныя потребности и привязанность къ житейскимъ благамъ, пріучая ихъ къ матеріальному благосостоянію и даже къ роскоши, возбуждая въ нихъ духъ корыстолюбія и страсть къ пріобрѣтенію, богатства эти принесли духовенству болѣе вреда въ нравств. отношеніи, чѣмъ пользы въ матеріальномъ. Само собою разумѣется, что не все духовное сословіе подверглось въ одинаковой степени вліяніямъ этого рода; можно сказать даже, что наибольшая часть его умѣла, не смотря на всѣ искушенія, сохранить въ неприкосновенности и усердіе свое къ вѣрѣ, и духъ строгаго подвижничества, и безукоризненную святость жизни. Тѣмъ не менѣе справедливо, что во многихъ монастыряхъ, и преимущественно въ монастыряхъ богатыхъ, съ теченіемъ времени, начали обнаруживаться явныя уклоненія отъ первоначальной строгости и чистоты нравовъ. Такого рода уклоненія стали появляться даже дов. рано. »Долгъ справедливости требуетъ сознаться, говоритъ арх. Макарій, что и тогда (т. е. въ періодъ до монгольскій), какъ во всякое другое время, на грѣшной землѣ между пшеницей божіей росли и плевелы«. Подтвержденіемъ этихъ словъ можетъ служить, между прочимъ, свидѣтельство м-та Іоанна, пророка Христова, о нравахъ духовенства въ XII стол. (¹).

Нѣтъ сомнѣнія, что чрезмѣрное обогащеніе многихъ духовныхъ заведеній *было* одною изъ важнѣйшихъ причинъ нравственнаго ихъ упадка; сами современники приписывали именно этой причинѣ печальныя явленія, которыя они описывали. Несторъ уже въ XI ст., говоря о монастырѣ св. Димитрія, построенномъ и обогащенномъ в. кн. Изяславомъ, прибавлялъ: »мнози манастыри отъ князь и отъ бояръ и отъ богатства поставлены, но не суть таци (такіе), каци суть поставлены слезами, пощеніемъ, молитвою, бдѣніемъ«. Позднѣйшіе писатели, какъ, напр., Максимъ Грекъ, Вассіанъ, Курбскій и самъ Іоаннъ IV, также смотрѣли на излишнее богатство монастырей, какъ на главный источникъ постепенной нравственной ихъ

(¹) Рус. Дост. 1, 100—101. Ср. тамъ же стр. 95, 98, 102, 103, 116, 117. См. №

порчи. Само духовенство жаловалось на нравственный вредъ, приносимый излишнимъ богатствомъ, и не благопріятно смотрѣло на постоянное накопленіе недвижимыхъ имуществъ въ рукахъ монастырей. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно посланіе м-та Кипріана игумену Аѳанасію (1390—1405), въ отвѣтъ на предложенные послѣднимъ вопросы. Въ посланіи этомъ сказано, между прочимъ: А еже села и люди держати инокомъ, не предано есть св. отци; како можно, иже единаго міра и мірьскихъ отрекшемусь, паки мірьскими дѣлы обязоватися, и яже разори, паки създовати, по апостолу, и преступника себе съставляти? И древніи отци ниже селъ стяжали, ниже богатства и стяжанія, якоже св. Пахомій и св. Ѳеодосій общежитель, и св. Герасимъ, и иніи инозіи святіи въ Палестинѣ и въ той самой Синайской горѣ, и въ Раифу, и въ Святой горѣ, юже и самъ азъ видѣхъ; но еже послѣжде по малу въ разслабленіе пріиде вещь, и начашѣ монастырѣ тѣ и скиты держати села и стяжанія. Должно есть велико соблюденіе и опасеніе держати. Ты жъ вопрошаеши мене о селѣ, еже ти князь въ монастырь далъ есть, о нимъ же како или что сътворити? Слыши же отъ меня отвѣтъ и пріими мой совѣтъ: аще убо уповаеши на Бога съ своею братіею, и даже донынѣ Богъ препиталъ есть васъ и кромѣ села, и напередъ препитаетъ,—почто обязоватися попеченіемъ мірскимъ. И внегда бы Бога помянути, тому единому послужити, тогда о селѣхъ поминати и о мірскихъ попеченіяхъ. Смотри же и се, яко внегда же чернецъ кромѣ есть всякаго попеченія мірскаго, тогда есть съ всѣми міряны, и вси человѣцы любятъ и честь даютъ ему; егда же обяжется селы и мірскими попеченьми, тогда потреба и къ княземъ ходити, и къ властелямъ, и судилища искати, и стояти за обидимыхъ, и сваритись, и смиритись, и нехотя къ всякому человчку, еже не вдати въ обиду своихъ людій, трудъ великъ поднимати и правила своего оставлятися. А еже сего страшнѣйши, яко повнегда чернцемъ начаты селы властвоватись, и мужамъ и женамъ судити, часто хожденія въ нихъ творити и о нихъ печаловатися: чимъ міряника различни суть? Черньцемъ же съ женами обѣщатись и бесѣды съ ними творити, бѣдно есть. Но аще бы мощно, сице быти селу подъ монастыремъ, еже николи же черньцу не быти въ немъ, но міряниву нѣкоему богобоязливому приказати, и тому печаловатися бы о всякихъ дѣлѣхъ; въ монастырь же бы готовое провозилъ житомъ и иными потребами: зане же пагуба черньцемъ селы владѣти и тамо частая происхожденія творити. (А. Истор. I, № 253, стр. 480).

Сдѣлавшись, съ теченіемъ времени, невыгоднымъ для самаго духовенства, существованіе церков. имуществъ было еще невыгоднѣе для всѣхъ прочихъ состояній. Неотчуждаемость всѣхъ вотчинъ, доставшихся церкви, была важнымъ препятствіемъ для лицъ другихъ сословій къ пріобрѣтенію земельной собственности и къ свободному переходу ея изъ однихъ рукъ въ другія. Въ этомъ отношеніи существованіе церк. имуществъ оказывалось невыгоднымъ не только для тѣхъ, которымъ оно затрудняло пріобрѣтеніе земель, но и для всего народнаго хозяйства; для разряда служилаго, для котораго главнымъ средствомъ содержанія служили помѣстья, постоянное пожалованіе казенныхъ земель духовенству было также чрезвычайно невыгодно: оно уменьшало число земель, которыя могли быть отданы въ помѣстья, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшало и самое число лицъ, которыя могли быть обезпечены этимъ способомъ. Дареніе вотчинъ духовенству частными людьми возбуждало обыкновенно неудовольствіе въ родственникахъ дарителей, ибо соединялось всегда съ большимъ или меньшимъ нарушеніемъ

ихъ наслѣдственныхъ притязаній; предоставленное же имъ право выкупать имущества, отданныя въ монастыри *по душѣ*, не совсѣмъ удовлетворяло ихъ желаніямъ и не вполнѣ вознаграждало за вредъ, который приносили имъ подобныя отдачи Въ особенности существованіе обширныхъ привилегій, соединявшихся для духовенства съ владѣніемъ недвижимыми имуществами, казалось тягостнымъ для всѣхъ прочихъ состояній. Вслѣдствіе освобожденія бол. части монастырскихъ вотчинъ отъ податей и повинностей, вся тяжесть послѣднихъ обрушивалась на другіе классы народа. Наконецъ для низшаго дворянства существованіе обширныхъ церк. имуществъ было особенно невыгодно потому, что при множествѣ привилегій, которыми пользовались люди, поселенные на земляхъ духовенства, крестьяне мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ часто переходили, или перебѣгали въ вотчины монастырскія. По всѣмъ этимъ причинамъ, уничтоженіе или ограниченіе вотчинныхъ правъ духовенства находило сильное сочувствіе во всѣхъ другихъ состояніяхъ, а особенно въ нашемъ дворянствѣ и въ городскихъ обывателяхъ.

Можно было бы подумать, что распространеніе вотчинныхъ правъ духовенства, вредное для всѣхъ почти народныхъ состояній, было по крайней-мѣрѣ выгодно для одного изъ нихъ, именно—для крестьянъ, подвѣдомственныхъ духовенству и жившихъ на его земляхъ. Дѣйствительно, многочисленныя привилегіи, которыми пользовались эти крестьяне, побуждали многихъ людей, жившихъ на земляхъ людей свѣтскаго званія, переходить или перебѣгать въ вотчины монастырскія. Въ особенности освобожденіе бол. части крестьянъ духов. вѣдомства отъ податей и повинностей государств. составляло такую значительную выгоду, которая повидимому могла одна противодѣйствовать всѣмъ другимъ возможнымъ неудобствамъ. Но вглядываясь пристальнѣе въ бытъ монастырскихъ крестьянъ, мы легко убѣдимся, что участь ихъ, если не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, была вовсе не такъ блистательна, какъ представляется съ перваго взгляда. Освобожденіе ихъ отъ государственныхъ податей не всегда обращалось въ ихъ пользу: по бол. части пользу изъ этого извлекали сами монастыри, которымъ такое освобожденіе давало возможность увеличивать тѣ оброки и повинности, которые взимали они съ своихъ крестьянъ. Оброки эти были многоразличны и значительны; сверхъ обыкновенныхъ доходовъ, которые получались монастырями, также какъ и всѣми другими земельными владѣльцами, первые взимали еще съ своихъ крестьянъ такія пошлины, которыя въ обыкновенномъ порядкѣ взимаемы были въ пользу самаго государства. Так. обр. крестьяне монастырскіе почти ничего не выигрывали отъ предоставленныхъ имъ льготъ: подати, которыя уплачивались другими въ пользу государства, вносились ими въ пользу монастыря. Съ теченіемъ времени участь ихъ въ этомъ отношеніи сдѣлалась еще невыгоднѣе: государство мало по малу стало уничтожать предоставленныя имъ прежде привилегіи, тогда какъ монастыри нисколько не уменшали, вслѣдствіе этого, оброковъ и повинностей, которыя взимали въ свою пользу. Количество послѣднихъ даже постоянно возрастало, вмѣстѣ съ постояннымъ увеличеніемъ состава монастырей, нуждъ духовенства и привязанности его къ мірскимъ благамъ. Судебныя привилегіи, которыми пользовались крестьяне дух. вѣдомства, представляли также, вмѣстѣ съ значительными выгодами, и столь же значительныя неудобства. Освобождая крестьянъ отъ притѣсненій гражданскихъ чиновниковъ, они въ тоже время ставили ихъ въ полную, безусловную зависимость отъ монастырей, противъ которыхъ они

уже не могли найти ни суда, ни защиты. Многосложная система управленія монастырс. вотчинами представлялась также тягостною для крестьянъ: она налагала на нихъ обязанность содержать значительное число управителей, которые, вслѣдствіе господствовавшей системы кормленія, думали только о томъ, чтобы извлечь изъ своего управленія какъ можно болѣе личной выгоды, а для достиженія этой цѣли не колебались прибѣгать ко всякаго рода притѣсненіямъ и несправедливостямъ.

Если какъ духовенство, такъ и всѣ прочія народныя состоянія терпѣли значительный вредъ отъ излишняго распространенія вотчинныхъ правъ церкви, то понятно, что и для самаго правительства существовавшій порядокъ вещей не могъ оказываться выгоднымъ. Правительство не могло равнодушно смотрѣть на крайне-неравномѣрное распредѣленіе богатствъ между отдѣльными разрядами духовнаго сословія, на злоупотребленія, происходившія въ управленіи монаст. вотчинами, и на уклоненіе значительной части духовенства отъ первоначальной чистоты его нравовъ. Съ другой стороны, будучи представителемъ и высшимъ выраженіемъ всѣхъ народныхъ интересовъ, правительство не могло оставлять безъ вниманія жалобы всѣхъ другихъ состояній народа, и вредъ для нихъ происходившій отъ чрезмѣрнаго обогащенія духовенства. Въ особенности недостатокъ земель для раздачи въ помѣстья служилымъ людямъ былъ невыгоденъ не только для послѣднихъ, но и для всего государства, для котораго обезпеченіе служилаго сословія было однимъ изъ первостепенныхъ и важнѣйшихъ интересовъ. Попеченіе церкви о призрѣніи общественномъ не могло уже имѣть ни большаго значенія, ни успѣха: существованіе привилегій приносило казнѣ очевидный и значительный убытокъ. Все это объясняетъ и оправдываетъ возникшее при Іоаннѣ III стремленіе къ уничтоженію вотчинныхъ правъ духовенства и къ обращенію въ казну многочисленныхъ его владѣній.

(*Изъ соч. Вл. Милютина. Чт. общ. ист. 1860 и 1861*).

291. О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ.

Вся земля, какъ городская такъ и уѣздная, въ Московской сторонѣ (какъ и въ другихъ краяхъ Руси) не составляло собственности князя, но или принадлежала городскимъ и сельскимъ общинамъ, или была въ отчинномъ владѣніи частныхъ лицъ, которыя могли ее дарить, продавать, завѣщавать и закладывать. Свидѣтельствомъ сему служатъ всѣ дошедшія до насъ грамоты московскихъ князей: такъ въ первой же грамотѣ Ивана Даниловича Калиты мы находимъ рѣзкое отличіе земель, принадлежащихъ Москвѣ, т. е. московской общинѣ или государству, отъ поземельной собственности князя; первыя онъ называетъ *волостьми*, а княжую поземельную собственность отличаетъ названіемъ *селъ*. Въ волостяхъ князь имѣлъ только право суда и дани, а земли не могъ ни продавать, ни дарить, ни отчуждать какимъ бы то ни было образомъ; въ своихъ же селахъ онъ былъ полнымъ хозяиномъ, могъ ихъ продавать и мѣнять на села другихъ собственниковъ, закладывать и жаловать ими своихъ бояръ, населять ихъ своими крѣпостными людьми или вольными крестьянами и дѣлать въ нихъ разныя хозяйственныя распоряженія. Села, составляющія собственность князя, частію можетъ быть были уступлены ему при первоначальномъ условіи съ городскою общиною, по которому по-

хозяинъ вотчины могъ ее продать, заложить, промѣнять, подарить и отдать по завѣщанію; а по смерти его она переходила къ законнымъ его наслѣдникамъ, изъ рода въ родъ, если онъ, при жизни, не сдѣлалъ особеннаго на счетъ ея распоряженія. Права собственника въ отношеніи къ вотчиннымъ владѣніямъ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, были неприкосновенныя со стороны государства. Государство проявляло свою власть на вотчинныя земли только въ томъ отношеніи, что признавало ихъ принадлежащими къ своей территоріи, и эту принадлежность защищало даже противъ расчетовъ вотчинника, изъ чего вытекали слѣдующія ограниченія правъ собственника: 1. Владѣлецъ вотчины не могъ ее ни продать, ни заложить, ни отчуждать какимъ бы то ни было образомъ въ пользу лица проживающаго, или состоящаго на службѣ въ другомъ княжествѣ, а не въ московскомъ; это право московскаго государства на вотчинныя земли своей территоріи постоянно подтверждалось всѣми договорами, грамотами московскихъ государей съ другими князьями. Такъ въ договорѣ в. кн. Димитрія Ивановича Донскаго съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ 1388 года сказано: »а селъ ти не купити въ моемъ удѣлѣ, ни въ княженіи, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ бояромъ. ... Впрочемъ таковое право государства на вотчины смягчалось властію князей, на волю которыхъ предоставлялось разрѣшать продажу вотчинъ лицамъ, не состоящимъ на службѣ въ Московскомъ государствѣ...... 2. Владѣлецъ вотчины, переходя въ службу другаго князя, не могъ переносить права на эту вотчину къ своему новому государю.... 3. Вотчинникъ, кому бы онъ ни служилъ, судомъ и данью непремѣнно былъ въ вѣдѣніи того государя, въ территоріи котораго находилась его вотчина: »а судомъ и данью потянути и по землѣ и по водѣ«, какъ выражались древніе московскіе оффиціальные памятники.... 4. Вмѣстѣ съ правомъ суда и дани по землѣ и водѣ государь территоріи могъ требовать отъ вотчинниковъ военной службы въ пользу территоріи; это право сначала простиралось такъ далеко, что всѣ вотчинники безъ различія должны были слѣдовать за государемъ своихъ вотчинъ во всѣхъ его военныхъ походахъ... Но, впослѣдствіи времени, это право ограничивалось только требованіемъ службы на защиту области, въ которой живетъ вотчинникъ, служащій другому князю, во всѣхъ же другихъ военныхъ дѣлахъ онъ уже обязывался сопутствовать тому князю, которому служилъ, а не тому, въ чьемъ владѣніи его вотчина. »А хто которому князю служитъ, гдѣ бы ни былъ полѣсти ему съ тѣмъ княземъ, которому служитъ; а городная осада, гдѣ хто живетъ, тому туто сѣсти«, какъ начали обыкновенно писать во всѣхъ договорныхъ грамотахъ московскихъ князей съ 1405 г.

Какъ между землями, принадлежащими нераздѣльно цѣлой общинѣ, первоначально произошла частная поземельная собственность съ правомъ продажи и перехода отъ предковъ къ потомкамъ, мы не знаемъ, да и не можетъ знать, ибо до насъ не дошло ни лѣтописныхъ извѣстій, ни оффиціальныхъ документовъ объ этомъ предметѣ; всѣ же догадки и умозаключенія a priori ни къ чему не поведутъ, и только запутаютъ дѣло; а посему этотъ вопросъ, при всей его важности, невольно должно оставить безъ рѣшенія. И только можно сказать одно, что вотчинная земля въ Московскомъ краѣ были еще до водворенія тамъ князей Всеволодова дома, ибо первые московскіе князья не только не давали вотчинъ своимъ боярамъ, но даже сами старались, сколько можно болѣе, скупать и пріобрѣтать ихъ у племенныхъ или земскихъ бояръ, у епископовъ и монастырей, чему служатъ свидѣтельствомъ

всѣ почти духовныя грамоты московскихъ князей... Князья уже застали въ Москвѣ вотчинныя владѣнія, и до того не были ихъ учредителями, что даже сами старались покупать ихъ у другихъ, и конечно поощряли къ тому же и пришлыхъ съ ними бояръ и слугъ; на что также есть, хотя не ясные, намеки во многихъ древнихъ княжескихъ грамотахъ. Такъ напримѣръ въ духовной грамотѣ князя Владиміра Андреевича, писанной въ 1410 году.

Боярскія вотчины не исключали и не ограничивали власти владѣльца располагать ими по своему благоусмотрѣнію, продавать ихъ, мѣнять, дарить, отдавать за дочерьми въ приданое и завѣщевать; но это безъ ограниченій относилось только къ первому пріобрѣтателю; какъ же скоро вотчина отъ перваго пріобрѣтателя переходила по завѣщанію, или по праву наслѣдства, или по рядной къ его родственникамъ, то въ нѣкоторомъ смыслѣ она дѣлалась собственностію цѣлаго рода, къ которому принадлежалъ первый пріобрѣтатель, и этимъ хотя не исключалось прямое право его наслѣдниковъ, къ которому вотчина поступала во владѣніе, но тѣмъ не менѣе родичи всегда могли удерживать вотчину въ своемъ родѣ, даже вопреки распоряженіямъ прямаго наслѣдника, т. е. они могли выкупать вотчину, проданную наслѣдникомъ въ чужой родъ. Это право рода на вотчины своихъ родичей вѣроятно было съ первыхъ временъ московскаго государства, ибо еще в. кн. Васильемъ Димитріевичемъ, сыномъ Донскаго, законно назначался пятнадцатилѣтній срокъ для выкупа вотчинъ родичами по всему московскому государству, какъ прямо и опредѣленно говоритъ одна грамота в. кн. Ивана Васильевича III.

Земли княжескія, или подклѣтныя, впослѣдствіи дворцовыя. Земли сіи очевидно должны быть моложе черныхъ волостей и вотчинъ, ибо могли произойти только со времени водворенія князей Всеволодова дома въ Московскихъ владѣніяхъ. Мы не имѣемъ офиціальныхъ актовъ объ уступкѣ земщиною нѣкоторыхъ земель въ поземельную собственность князя, но что таковая уступка точно была, въ этомъ не можемъ сомнѣваться: на нее довольно ясно намѣкаютъ всѣ грамоты первыхъ московскихъ князей; въ нихъ купленныя князьями села вездѣ прямо отличаются отъ уступленныхъ народомъ; первыя называются: *а се моя купля се купля моея бабы, купленыя села и проч.*, вторыя же вездѣ носятъ названія по территоріи: *московскія, коломенскія,* села *дмитровскія* и под... Ежели бы всѣ княжескія села были купленными, то конечно князьямъ не нужно бы было нѣкоторыя изъ нихъ отличать именемъ купленныхъ; здѣсь нѣтъ причины думать, что купленными селами каждый князь называлъ только свою покупку, ибо во второй духовной грамотѣ Ивана Даниловича Калиты это ясно опровергается словами: »а что село Павловское бабы нашея купля». Здѣсь князь прямо говоритъ о старинной покупкѣ, едва ли не современной Александру Невскому....... Подклѣтныя, или дворцовыя села, составляли полную собственность князя; онъ могъ ихъ продать, промѣнять, подарить и отдавать въ помѣстное владѣніе своимъ боярамъ и слугамъ рѣшительно по своему произволу; всѣ доходы съ этихъ селъ шли не въ государственную, а въ дворцовую или княжескую казну; самое назначеніе доходовъ зависѣло не отъ земщины, а отъ самого князя, который могъ ихъ уменьшать и увеличивать, когда угодно, вовсе безъ отношеній къ народу и не по извѣстному установленному закону, а рѣшительно по произволу. Дворцовыя земли, какъ чистая собственность князя, не входили въ составъ другихъ земель государства и имѣли свое управленіе, а по сему и не зависѣли ни отъ общихъ во-

лостелей, ни отъ намѣстниковъ, но управлялись своими волостелями, или посельскими, или приказчиками, или иногда отдавались княземъ въ кормленье дворцовымъ чиновникамъ, стольникамъ, ловчимъ селами стольнича пути, ловчаго пути и подоб.; все отношеніе дворцовыхъ земель къ намѣстникамъ состояло въ одномъ судѣ по уголовнымъ дѣламъ и въ дѣлахъ общихъ между волостными и дворцовыми крестьянами. Московскіе великіе князья, не смотря на постепенное развитіе своей власти, постоянно находили нужнымъ увеличивать свою поземельную собственность покупкою вотчинныхъ земель у частныхъ лицъ и другими средствами. Формы пріобрѣтенія дворцовыхъ земель были слѣдующія: 1. уступка общинныхъ черныхъ земель, сдѣланная при самомъ водвореніи княжескаго рода въ Москвѣ, это была самая первая форма пріобрѣтенія, а 2-ю, почти современною ей, должно считать покупку вотчинныхъ земель у частныхъ собственниковъ, которая, по свидѣтельству второй духовной грамоты Калиты, началась чуть ли не при Александрѣ Невскомъ и продолжалась до позднѣйшаго времени, можетъ до Θеодора Ивановича, или Бориса Θ. Годунова.

Помѣстныя земли. Помѣстными землями назывались вообще всѣ земли, которыя государи давали на содержаніе бояръ и другихъ людей, состоящихъ въ ихъ службѣ; они не составляли собственности своихъ владѣльцевъ; ихъ нельзя было ни продать, ни заложить, ни отдать по душѣ; помѣщикъ только имѣлъ право пользованія, да и то на время, пока онъ служилъ. Таковое отношеніе помѣстныхъ земель къ своимъ временнымъ владѣльцамъ опредѣленно и ясно изображаетъ вторая духовная грамота Ивана Даниловича Калиты; въ ней сказано: А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородичьское, а далъ есмь Бориску Воръкову, аже иметь сыну моему, которому служити, село будетъ за нимъ; не иметь ли служити дѣтемъ моимъ, село отоимутъ». Таковыя же права въ отношеніи къ помѣстнымъ землямъ были и въ юго-западной Руси; такъ въ духовной грамотѣ князя Андрея Владимировича, Ольгердова внука, писанной въ 1446 году, сказано: «что есмь подавалъ имѣнія боярамъ своимъ, а хто всхочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служити и они служать съ тыхъ имѣній женѣ моей и дѣтемъ моимъ: а хто невсхочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служити, и язъ тыя имѣнія далъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ». Сія послѣдняя грамота прямо говоритъ, что владѣльцы помѣстья, за пользованіе помѣстною землею, должны были нести службу, смотря по помѣстью: «и они служать съ тыхъ имѣній», слѣдовательно, служба опредѣлялась помѣстною дачею, или иначе помѣстная дача соразмѣрялась съ службою. Впрочемъ таковое положеніе помѣстныхъ земель не препятствовало имъ переходить отъ отцовъ къ дѣтямъ и потомъ къ внукамъ; ежели отецъ, по старости или болѣзни, не годился въ службу, то его мѣсто занималъ сынъ и помѣстье оставалось въ ихъ родѣ до тѣхъ поръ, пока въ немъ были люди, состоящіе на службѣ государя; даже не только сыновья, но и племянники и другіе родственники, могли получать помѣстье ихъ родичей, занимая ихъ мѣста по службѣ. Такъ жалованною грамотою в. к. Димитрія Ив. Донскаго Андрей Фрязинъ былъ утвержденъ во владѣнія Печорою, бывшею прежде въ помѣстьѣ за его дядею Матвеемъ Фрязинымъ. Впрочемъ опредѣленныхъ и постоянныхъ правилъ объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ своимъ помѣстьямъ и службѣ мы не имѣемъ до самого царя Ивана Васильевича IV-го и кажется здѣсь рѣшительно дѣйствовалъ произволъ государей московскихъ, которые распоряжались помѣстными землями, какъ дѣйствительною свою собственностію и не слѣдовали никакимъ установленнымъ зако-

намъ; кому давали больше, кому меньше, смотря потому, каковою казалось имъ служба помѣщиковъ... Частныя отношенія помѣстій къ своимъ владѣльцамъ опредѣляютъ характеръ помѣстныхъ земель слѣдующими общими чертами: помѣстныя земли составляли собственность государя; онъ могъ ихъ раздавать и отнимать рѣшительно по своему разсмотрѣнію такъ, что помѣщики, чтобы удержать за собою владѣніе этими землями, непремѣнно должны были нести государеву службу, съ усердіемъ подчиняясь всѣмъ распоряженіямъ правительства; всякое отступленіе отъ правительственныхъ распоряженій подвергало ихъ опасности лишиться помѣстья, такимъ образомъ помѣстье, въ сущности своей, было даже менѣе, нежели пожизненнымъ владѣніемъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ на дѣлѣ оно носило даже нѣкоторый характеръ наслѣдственности. Государи московскіе преимущественно хотѣли, чтобы помѣстье оставалось въ одномъ родѣ и съ этою цѣлію не только дозволялось однорядцамъ просить, чтобы ихъ верстали помѣстьями ихъ умершихъ родственниковъ, но даже положено было правиломъ: оставить помѣстныя земли отцовъ дѣтямъ во владѣніе до ихъ возраста и поступленія на службу только съ тѣмъ, чтобы всѣ доходы съ таковыхъ помѣстій, за исключеніемъ прожиточныхъ вытей, сбирались въ казну самими же помѣщиками... По первоначальному своему происхожденію помѣстныя земли принадлежали къ дворцовымъ владѣніямъ, ибо московскіе государи, въ первыя времена своего владычества, могли произвольно распоряжаться только своими собственными землями, вотчинныя же зависѣли отъ частныхъ собственниковъ, а черныя отъ общины; ни община, ни собственники не имѣли нужды раздавать помѣстій, ибо помѣщики служили не имъ, а князю. Но въ послѣдствіи времени, когда власть московскихъ государей усилилась и границы владѣній распространились завоеваніями, которыя уже зависѣли отъ князя, а не отъ общины, въ надѣлъ помѣстныхъ земель стали поступать и такія, которыя не принадлежали къ дворцовому вѣдомству...

Виды земель по различію населенія.—Земли Московскаго государства, по различію населенія, раздѣлялись на городскія и не городскія, или уѣздныя; первыя составляли собственность города, а вторыя принадлежали сельскимъ общинамъ, и только признавали свою подчиненность и независимость отъ города, какъ представителя цѣлой территоріи.

Городскія земли по владѣнію были черныя, принадлежащія собственно городской общинѣ, вотчинныя, бывшія во владѣніи частныхъ собственниковъ и наконецъ помѣстныя, данныя для жительства служилымъ людямъ. Это дѣленіе городскихъ земель по владѣнію влекло за собою другое дѣленіе на тяглыя и бѣломѣстныя или не тяглыя земли; владѣльцы первыхъ земель несли въ нихъ всѣ городскія повинности; а эти земли нельзя было ни продать, ни заложить бѣломѣсту, или въ противномъ случаѣ бѣломѣстецъ, принявши таковую землю во владѣніе, долженъ былъ нести съ нея всѣ повинности и городскіе расходы наравнѣ съ тяглыми людьми; бѣломѣстныя же, или не тяглыя земли, освобождались отъ многихъ городскихъ повинностей, и несли ихъ только въ крайнихъ случаяхъ государственной нужды. Но замѣчательнѣйшее отличіе городскихъ земель отъ не городскихъ состояло въ томъ, что они раздѣлялись не на обжи, или четверти, и десятины, а на дворы: дворъ былъ единственно закономъ утвержденною единицею городскихъ земель при соразмѣреніи ихъ въ раскладкѣ податей и повинностей. А посему дворъ, какъ общая единица мѣры, естественно долженъ былъ имѣть одно опредѣленное пространство земли для

всего города, и нельзя было не увеличить, ни уменьшить своего двора при посредствѣ частной сдѣлки; всякое уменьшеніе или увеличеніе двора могло быть сдѣлано не иначе, какъ съ разрѣшенія городовой общины, и непремѣнно влекло за собою увеличеніе и уменьшеніе податей и повинностей съ домохозяина увеличеннаго или уменьшеннаго двора, а отъ этого въ древнихъ административныхъ городскихъ книгахъ городскіе домохозяева раздѣлялись на владѣльцевъ двухъ, трехъ или болѣе дворовъ, на владѣльцевъ цѣлаго двора, или полдвора, или трети, четверти двора и писались обыкновенно такъ: такой-то живетъ на трети двора, на полдворѣ, на двухъ дворахъ, на одномъ дворѣ и пр. Увеличніе или уменьшеніе городскихъ дворовъ могло быть сдѣлано или принятіемъ отъ общины пустопорожнихъ земель на оброкъ, или при помощи частной сдѣлки съ сосѣдомъ-домохозяиномъ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія общины, которая отмѣчала таковую сдѣлку въ своихъ мѣрныхъ и платежныхъ книгахъ, и зачисляла одного изъ участниковъ сдѣлки владѣльцемъ увеличеннаго двора, а другаго уменьшеннаго, и сообразно съ таковою сдѣлкою соразмѣряла раскладку податей и повинностей... Кромѣ дворовыхъ земель, отдававшихся городскимъ людямъ въ потомственное владѣніе съ правомъ передачи на извѣстныхъ условіяхъ, городская община владѣла какъ бы угодьями всѣми торговыми и ремесленными мѣстами, и огромною выгонною землею за городомъ, а также иногда мельницами рыбными и звѣриными ловлями въ уѣздѣ; всѣ сіи угодья, какъ непосредственная собственность городской общины, не могли состоять въ частномъ владѣніи, и отдавались самою общиною въ наемъ или въ оброчное содержаніе по условіямъ съ частными лицами на извѣстное опредѣленое время, по истеченіи котораго назначался новый торгъ, и, смотря по цѣнамъ, состоявшимся на торгу, оброчная земля или отдавалась новому наемщику или оставалась за прежнимъ. Оброчныя статьи, собственно городскія, носили названіе лавокъ, шалашей, стуловъ, анбаровъ, прилавковъ, кузницъ... Городскія угодья первоначально, кажется, составляли частную собственность города, и получаемыми съ нихъ доходами покрывались различныя общественныя издержки, по крайней мѣрѣ до в. кн. Ивана Васильевича III мы не имѣемъ никакихъ, ни оффиціальныхъ, ни лѣтописныхъ, свидѣтельствъ о вмѣшательствѣ московскихъ государей въ это обширное дѣло. Относительно же Новгорода есть даже прямыя свидѣтельства, что городская община, въ самыхъ договорныхъ грамотахъ съ князьями, опредѣленно требовала, чтобы князья не вступались въ городскія торговыя мѣста; такъ напр. въ договорной грамотѣ Новгорода съ в. кн. Александромъ Мих. Тверскимъ, писанной въ 1327 году, прямо сказано: »А въ немецкомъ дворѣ тебѣ, княже, торговати нашею братьею, *а двора* незатворяти, а приставовъ не приставляти...« Угодья и оброчныя статьи, принадлежащія городу, но находящіяся въ уѣздѣ, также составляли собственность общины, на которую частныя лица имѣли только право пользованія, и, кажется, община, въ отношеніи къ нимъ, умѣла удержать свои исключительныя права до позднѣйшаго времени и государи московскіе постоянно старались защищать эти права отъ населенія частныхъ собственниковъ... Собственно городская земля въ каждомъ городѣ московскаго государства, по населенію своему, состояла изъ трехъ частей: собственно *города* или *крѣпости*, *посада и слободъ*. Въ крѣпости или собственно городѣ жили князь или его намѣстникъ и воевода со служилыми людьми; тутъ же находились правительственныя или казенныя мѣста, осадные дворы посадскихъ уѣздныхъ жителей для защиты,

въ случаѣ нападенія непріятелей, и даже въ нѣкоторыхъ городахъ разныя торговыя заведенія; на посадѣ жили собственно граждане, посадскіе люди; у нихъ тамъ обыкновенно устраивались рынки, торговые ряды и гостиные дворы; между посадскими людьми здѣсь жили также разные помѣщики и вотчинники, служилые люди на бѣлыхъ земляхъ; жители слободъ исключительно состояли изъ ремесленниковъ и разныхъ служилыхъ людей нижнихъ чиновъ, напр. воротниковъ, пушкарей, затинщиковъ и подоб... Уѣздныя, или не городскія земли, по заселенію своему, раздѣлялись на слободы, села, деревни и починки; или, какъ и городскія земли, по владѣнію были черныя, вотчинныя, дворцовыя и помѣстныя; къ каждой слободѣ, селу и деревнѣ приписаны были пахатныя земли, лѣса, рыбныя, звѣриныя ловли и другія угодья.

Слободы преимущественно населялись ремесленниками и разными промышленными людьми, напр. рыболовами, бобровниками, бортниками и другими подобными, а также ямщиками и разными служилыми людьми, стрѣльцами, казаками, пушкарями; были слободы и торговыя, что-то въ родѣ городовъ, но не города, ибо не имѣли уѣздовъ съ помѣщичьими и вотчинными землями. Къ слободамъ причислялось по нѣскольку деревень и починковъ, вѣроятно населенныхъ людьми одного вѣдомства; они обыкновенно управлялись слободчиками, старостами и сотскими, и судомъ и данью тянули къ тому городу, въ уѣздѣ котораго находились; по владѣнію слободы бывали дворцовыя, вотчинныя, монастырскія, владычьи, черныя и служилыя. Свидѣтельства о слободахъ начинаются довольно рано: они упоминаются еще въ духовной Калиты 1328 г. Слѣды слободъ и теперь еще остались въ разныхъ уѣздахъ около Москвы и въ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ замѣтно, что они заселялись ремесленниками... Жители слободъ хотя и тянули судомъ и данью къ городамъ, наравнѣ съ волостными людьми, но такъ какъ они не были часто земледѣльцами, то разрубами и разметами своими не вкладывались въ одну кость съ селчанами, но считались во всѣхъ раскладкахъ податей только сами собою... Села были заселены преимущественно землевладѣльцами; къ каждому селу было приписано по нѣскольку деревень и починковъ, жители которыхъ, также землевладѣльцы, складывались во всѣхъ разметахъ въ одну кость съ своими сельчанами, и потому составляли съ ними одно углое, имѣли свою управу, которая всегда находилась въ селѣ и состояла изъ старостъ, сотскихъ и десятскихъ, выбираемыхъ крестьянами изъ своей среды; въ селѣ и деревняхъ земля была общая, и крестьяне владѣли своими участками, или вытями не иначе, какъ по приговору всей своей общины. Всѣ выти были равны между собою, и по нихъ раскладывались подати и повинности, но какъ средства и силы не у каждого крестьянина были одинаковы, то посему болѣе зажиточный крестьянинъ могъ жить на двухъ, на трехъ вытяхъ, бѣдный же на одной выти, на полвыти и на четвертивыти. Крестьянинъ, съ согласія общины, могъ мѣнять свою выть на другую, конечно незанятую другими, или идти на порозжую, которыхъ всегда было много, ибо крестьяне, не прикрѣпленные къ землѣ, свободно переходили изъ уѣзда въ уѣздъ, изъ волости въ волость; община, владѣя землею, не имѣла никакого права на своихъ сочленовъ, какъ скоро они оставляли землю, лишь бы за ними не было недоимокъ по мірскимъ разрубамъ и разметамъ...

Уѣздныя, т. е. не городскія земли, раздѣлялись на волости и станы; цѣль такового дѣленія была чисто административная, и нельзя отыскать слѣдовъ какого либо территоріальнаго или родоваго нача-

ла, [illegible] ему [illegible]: волости или станы никогда не составляли самостоятельнаго, отдѣльнаго цѣлаго: они всегда были въ зависимости отъ своихъ городовъ; слѣдовательно, ихъ раздѣленіе было произведено городами же, которые сдѣлали это для большей удобности въ управленіи. Когда и кѣмъ были учреждены волости и станы въ московской землѣ — мы незнаемъ; но то несомнѣнно, что они были уже при в. кн. Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ; въ его духовной грамотѣ сказано: «Се далъ есмь сыну своему большому Семену: Можаескъ, Коломну со всѣми коломенскими волостьми, Городенку Мезыню, Пѣсочну, Похрянe, Брошевую, Гвоздну», и проч... По нашимъ же свидѣтельствамъ волости поставлены въ одинаковомъ разрядѣ съ станами; такъ въ духовной грамотѣ князя Юрья Дмитріевича 1434 года сказано: «азъ благословляю сына своего Дмитрія меньшого городомъ Галичемъ и съ станы городскими и со всѣми волостьми». Волость, или въ послѣдствіи станъ, составляла отдѣльную часть уѣзда, и состояла изъ нѣсколькихъ селъ, слободъ, деревень, приселковъ и починковъ, которые управлялись однимъ волостелемъ или становщикомъ, имѣли общую раскладку податей и повинностей; подлежали одному суду, такъ что, въ случаѣ суда между двумя лицами разныхъ волостей или становъ, волостели должны были судиться съ общаго согласія другъ съ другомъ и дѣлится доходами отъ суда пополамъ; даже въ случаѣ выдачи въ замужество дѣвицъ изъ одной волости въ другую полагалась особая пошлина, извѣстная подъ именемъ выводной куницы; при не отъисканіи убійцы дикая вира раскладывалась на всю волость, гдѣ найденъ былъ убитый; все это можно найти въ любой уставной грамотѣ.

(*Изъ статьи И. Д. Бѣляева. Москвит. 1848. №№ 1. 2. 5. 7. (Отд. IV)*).

О [illegible] Археологіи. А. А. *Писарева.*
[illegible] IV. [illegible] I. 1—
[illegible]
Кирпора. [illegible] 18[illegible]
I. 23—39. Русская старина въ памятн. [illegible]
А. *Мартынова.* М. 1846—1857 г. [illegible]
[illegible] губ. XII в. *К. Тихонра*[illegible]
Труды статист. [illegible] 1864. Памятн. древн. [illegible]
[illegible] М. 1849. [illegible] Памят[illegible]
1844. [illegible] 2. 1860 г. [illegible] Дмитрі[illegible]
Соборъ. *Изо. Гр. Строганова.* Древности.
Кіевс. [illegible] для разбора актовъ. Кіевъ. 18[illegible]
Опис. Кіева въ отношеніи къ древнос. Кіевъ [illegible]
Древности Босфора Киммерійскаго, хранящ. [illegible]
[illegible] Спб. 1854—1855. Древности рос.
Солнцева. Изд. по Высоч. повел. М. 1849. [illegible]
1853 (5/6) рисунков. Цѣна 205 р.). Зап. Ар[illegible]
Нумизм. общ. Спб. съ 1847 г. 8 томовъ. Зап[illegible]
тѣл. Рус. и Славянс. Археол. Спб. 1851 и [illegible]
Памяти. Моск. древн. *И. Снегирева.* М. 18[illegible]
1845. Опис. памятн. древн. церк. и гражд.
изъ музея Коробанова, М. 1849. Роспись [illegible]
Рус. утвари. *Д. Солнцева.* М. 1857. Зап[illegible]
обозр. рус. древ. Спб. 1851. Зап. Археолог.
Спб. съ 1853 г. 14 томовъ. Церк. древности [illegible]
хеологія. Изд. *Прохорова.* Собр. рус. [illegible]
Изд. Археогр. Ком. Спб. 1840—1846. Деньг[illegible]
пули. *Сонцева* М. 1862. Опис. древн. рус.
нетъ. *Черткова.* М. 1837—42. Обозр. рус.
негъ и иностр. монетъ, употребл. въ Рос. *Ба*[illegible]
Шодуара. Спб. 1837—41. Опис. рус. мо[illegible]
и медалей. *Шуберта.* М. 1843. Монеты х[illegible]
Золотой Орды. *Френа.* Телеграфъ. 1833. [illegible]
413—419. Обозр. валовъ и городищъ кіевс.
изд. *Фундуклея.* О Каменецкой вежѣ. *О* [illegible]
памяти. *Срезневскаго.* Спб. 1867. I, 7—10.
писки Спб. Московс. Археологич. общ. О позе[illegible]
собств. въ древ. Руси. Розысканія о финансах[illegible]
Руси. *Гагемейстера.* Спб. 1833. Статист. и
нанс. свѣдѣнія о др. Россіи. Рус. Вѣстн. 184[illegible]
9 и 10. Начало и постепенное преобразованіе
стемы поземельныхъ налоговъ. *К. С. Весолов*[illegible]
го. Ж. Мин. Гос. имущ. 1841. ч. I, ст. [illegible]
Очеркъ Ист. др. монетной системы на Руси.
ляева. Чт. общ. Ист. 1846 № 3. О рас[illegible]
на государс. защиту въ Россіи *Н. Янышевс*[illegible]
Чт. Зап. Казанс. Унив. 1850. I, 73—222. [illegible]
о др. рус. монетной системѣ въ XI, XII и XI[illegible]
П. С. Казанскаго. Зап. Археол. общ. III,
1851 г. Ист. обзор. питейныхъ сборовъ въ Р[illegible]
Н. Розенталь. Сынъ отеч. 1852 № 10.
ли монету на Руси до XIV ст? *Бѣляева.*
Арх. общ. 1853. т. V. вып. 2 и 3. О пр[illegible]
налогахъ въ др. Руси. *В. Курц.* Юрид. сборн.
Мейеромъ. Казань 1855, 105 и д. Деньги в.
города. *Осьленскаго.* М. 1834. Опытъ о кожа[illegible]
деньгахъ. *Руссова.* Спб. 1835. О кожанныхъ
гахъ. *Каченовскаго.* Уч. Зап. Моск. Универ[illegible]
VII. 1835. О торговлѣ нѣмецкихъ купцо[illegible]
Россіею. Ж. М. Н. Пр. 1839. Іюль. ч. XXII
древнихъ иностран. портахъ въ Россіи. *Адел*[illegible]
Ж. М. Н. Пр. 1840. Монеты Джигудовъ, Ге[illegible]
цевъ и Гиреевъ. *В. Григорьева.* Одесса. 1[illegible]

Объясненія рус. старин. мѣръ, линейной и путевой. *Буткова*. Ж. М. Внутр. Д. 1844. Др. рус. торговля. *М. П. Погодина*. Ж. М. Н. Пр. 1845. Очерк. др. Рус. законовъ о торговлѣ. *В. Лешкова*. Москвит. 1852. № 17 и 23. О городахъ русскихъ. Тамъ же 1844. № 8 и 9. О Ямахъ. Тамъ же 1841. № 8 ч. XXXI. 1853. Дек. о народномъ продовольствіи въ др. Россіи. *Лешкова*. Москвит. 1853. № 5. О позем. собств. и постепенномъ ея измѣненіи. *А. Гирса*. Библ. для чт. 1835. т. XII. № 21. О поземельномъ влад. въ Московс. государ. Времен. XI, 1—82. О земледѣліи въ др. Рос. *Бѣляева*. Тамъ же XXII, 37—50. О древнѣйшихъ торгов. связяхъ рос. Славянъ съ другими народами. Зап. и труды общ Ист. ч. II. кн. 2. 67—89. О торговлѣ древ. Руси съ Азіей. Маякъ. 1842. 12. Торговля Волжскихъ бояръ. Ж. Мин Н. Пр. ч. 49. II. 31. Торговля Новгорода. Тамъ же ч. XVII 564. XXII. II. 1. Ганзейская контора въ Новгородѣ. Тамъ же XXVII. 100. О торговлѣ изъ Сарторія. М. Телеграфъ 1825. III. 360—378. Скандинавскій корабль на Руси. *А. Котляревскаго*. Моск. Древ. вып. I. 39 О понятіи промысловаго налога и объ историч. его развитіи въ Россіи. *Е. Г. Осокина*. Казань. 1856. О цѣнностяхъ въ древ. Руси. *М. Заблоцкаго*. Спб. 1854. О цѣнности денегъ и книгъ. О малоизв. пам. *Срезневскаго*. II. 92—96. III. 61—64. Мѣра, вѣсъ и монета. *Прозоровскаго*. Ж. М. Н. Пр. 1855. Май. Зап. Археол. общ. XII. О деньгахъ, обращавшихся въ Россіи. *Н. Лебедева*. Новгородъ 1855. О важности изученія восточ. нумизматики и археологіи. *П. С. Савельева*. Спб. 1847. Мухамед. Нумизматика. *П. С. Савельева*. 1847. Пути сообщенія въ др. Рос. *Ходаковскаго*. Рус. Ист. Сборн. 1838. I. 1—50. О торговлѣ Хозаръ. Чт. общ. Ист. 1846, № 3. III, 47. Восточн. извѣстія о Руссахъ изъ соч. Френа Ibn-Foszlans... Berichte. Сѣверн. Архивъ ч. 22, № 16. 281. ч. 23, № 17 и 18. 109. № 19 и 20. 289. О сношеніяхъ русскихъ съ Востокомъ. Вѣстн. Геогр. общ. 1854. 1. 52. О Волжскихъ Булгарахъ. Ж. Мин. Н. Просв. 1836. 97. О сѣверо-восточ. Руссахъ. Тамъ же XII, 459. О чудскихъ копяхъ *Эйхвальда*. Зап. Археол. общ IX. 2. 270. Металлы и ихъ обработка въ доисторич. пору у племенъ Индоевроп. *А. Котляревскаго*. Моск. Древности. 1868. О финнахъ. *Шегрена*. Gesammelte Schriften. Спб. 1861. Историч. опис одеждъ и вооруженій русскихъ войскъ. Ганза, ея законы и факторіи. Библ. для чт. 1834. IV, 3. Ист. финанс. учрежд. въ Рос. *Графа Д. Толстаго* 1848. Внутр. тамożен. пошлины въ Рос. *Е. Г. Осокина*. Казань 1850 г. О договорахъ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ. *Андреевскаго*. Спб 1855 г. Историч. обозр. торговыхъ сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ. *М. И. Славянскаго*. Спб. 1847. Древніе договоры Руссовъ съ Норвежцами и Шведами. *Буткова*. Ж. М. Вн. Дѣлъ. 1837, ч. 23. Хозяйств. дѣятельн. Соловец. мон. въ Бѣломорскомъ краѣ. *В. О. Ключевскаго*. Моск. Универс. Изв. 1866—67 г. № 7.

VIII. ОБЛАСТНАЯ БОРЬБА И ВОЗВЫШЕНІЕ МОСКВЫ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

292. О племенахъ славянскихъ.

Се повѣсти времянныхъ лѣтъ (черноризца Өедосьева монастыря Печерьскаго), откуду есть пошла Руская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду Руская земля стала есть. Се начнемъ повѣсть сію. По потопѣ первіе сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ. И яся въстокъ Симови....... Хамови же яся полуденьная страна...... до Понетьского (*Чернаго*) моря на полънощныя страны, Дунай, Дънѣстръ, и Кавкасинскія горы, рекше Угорьски, и оттудѣ даже и до Днѣпра; и прочая рѣки: Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Волъга, яже идеть на встокъ въ часть Симову. Въ Афетовѣ же части сѣдять Русь, Чюдь и вси языци, Меря, Мурома, Весь, Моръдва, Заволочьская Чудь, Пермь, Печера, Ямь, Угра, Литва, Зимѣгола, Корсь, Сѣтьгола, Любь; Ляхове же, и Пруси, Чюдь присѣдять къ морю Варяжьскому; по сему же морю сѣдять Варязи сѣмо къ въстоку до предѣла Симова; по тому же морю сѣдять къ западу до землѣ Агнянски и до Волошьски. Афетово бо и то колѣно: Варязи, Свеи, Урмане, Готѣ, Русь, Агняне, Галичане, Волъхва, Римляне, Нѣмци, Корлязи, Веньдици, Фрягове и прочіи; даже присѣдять отъ запада къ полуденью и съсѣдяться съ племянемъ Хамовымъ... По многѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Морава и прозвашася Морава, а друзіи Чеси нарекошася; а се ти же Словѣни Хровате Бѣліи, и Серебь и Хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне Ляхове, друзіи Лутичи, иніи Мазовшане, иніи Поморяне. Такоже и тіи Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекошась Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ, а друзіи сѣдоша межи Припятью и Двиною, и нарекошася Дрегвичи-

нія сѣдоша на Двинѣ и нарекошасѧ
зане, рѣчьки ради, яже втечеть въ
, имянемъ Полота, отъ сея прозва-
Полочане. Словѣни же сѣдоша око-
ера Илмеря, прозвашася своимъ имя-
, и сдѣлаша градъ, и нарекоша й
городъ; а друзіи сѣдоша по Деснѣ,
Семи, по Сулѣ, и нарекошася Сѣ-
Тако разидеся Словѣньскій языкъ;
же и грамота прозвася Словѣньская.
омъ же жившимъ особѣ по горамъ
, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки; и
Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра
къ до Ловоти, по Ловоти внити въ
рь озеро великое, изъ него же озе-
течеть Волховъ и вътечеть въ озе-
ликое Нево, того озера внидеть устье
оре Варяжьское, и по тому морю ити
ма, а отъ Рима прити по тому же
къ Царюгороду, а отъ Царягорода
в Понтъ море, въ не же втечеть
ръ рѣка. Днѣпръ бо потече изъ
ьскаго лѣса, и потечеть на полъдне;
ина изъ того же лѣса потечеть, а
на полунощье, и внидеть въ море
жьское (*Балтійское*); изъ того же
потече Волга на въстокъ, и вътe-
семьюдесятъ жерелъ въ море Хва-
ское (*Каспійское*). Тѣмже и изъ Ру-
ожетъ ити въ Болгары и въ Хвали-
на въстокъ доити въ жребій Симовъ;
Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до
, отъ Рима до племени Хамова. А
ръ втечеть въ Понетьское море же-
ъ, еже море словеть Руское, по не-
е училъ святый Оньдрѣй братъ Пе-
ь..... Поляномъ же живущемъ особѣ
одѣющемъ роды своими, иже и до
братьѣ бяху Поляне, и живяху кож-
ь своимъ родомъ и на своихъ мѣ-
ь, владѣюще кождо родомъ своимъ.
а 3 братья, единому имя Кій, а дру-
Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра
Лыбедь. Сѣдяще Кій на горѣ, гдѣ
ынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣ-
на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Ще-
ковица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ
него же прозвася Хоревица; и створиша
градъ, во имя брата своего старѣйшаго,
и нарекоша имя ему Кіевъ. Бяше около
града лѣсъ и боръ великъ, и бяху лова-
ща звѣрь; бяху мужи мудри и смыслени,
нарицахуся Поляне, отъ нихъ же есть
Поляне въ Кіевѣ и до сего дне.... И по
сихъ братьи держати почаша родъ ихъ
княженье въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое,
а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Но-
вѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже По-
лочане. Отъ нихъ же Кривичи, иже сѣ-
дятъ на верхъ Волги, и на верхъ Дви-
ны и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ
есть Смоленьскъ; туда бо сѣдять Криви-
чи, таже Сѣверъ отъ нихъ. На Бѣлѣозе-
рѣ сѣдять Весь, а на Ростовьскомъ озе-
рѣ Меря, а на Клещинѣ озерѣ Меря же;
по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Му-
рома языкъ свой, и Черемиси свой языкъ,
Моръдва свой языкъ. Се бо токмо Сло-
вѣнескъ языкъ въ Руси: Поляне, Дерев-
ляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи,
Сѣверъ, Бужане, зане сѣдоша по Бугу,
послѣже Велыняне. А се суть иніи язы-
ци, иже дань дають Руси: Чюдь, Меря,
Весь, Мурома, Черемись, Моръдва, Пермь,
Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь,
Норова, Либь; си суть свой языкъ иму-
ще, отъ колѣна Афетова, иже живуть
въ странахъ полунощныхъ....

Поляномъ же живущемъ особѣ, суще
отъ рода Словѣньска, и нарекошася По-
ляне, а Древляне же отъ Словѣнъ же, и
нарекошася Древляне; Радимичи бо и Вя-
тичи отъ Ляховъ. Бяста бо 2 брата въ
Лясѣхъ, Радимъ, а другій Вятко; и при-
шедъша сѣдоста, Радимъ на Съжю, про-
звашася Радимичи, а Вятко сѣде съ ро-
домъ своимъ по Оцѣ, отъ него же про-
звашася Вятичи. И живяху въ мирѣ По-
ляне, и Деревляне, Сѣверъ, и Радимичь,
и Вятичи и Хрвате. Дулѣби живяху по
Бугу, гдѣ нынѣ Велыняне, а Улучи,
Тиверьци сѣдяху къ Дунаеви; бѣ множь-

стѣны ихъ, сѣдятъ бо по Днѣстру или по морю, суть грады ихъ и до сего дне, а ты ся зовутъ отъ Грекъ Великая Скуѳь.

(Лавр. 3. 5).

293. Выдержка изъ Синопсиса 1674 г.

О народѣ Русскомъ, или свойственнѣе россійскомъ, и о нарѣчіи, или названіи его. Руссія или паче россійскія народы тыяжде суть Славяне. Единаго бо естества, отца своего Афета и тогожде языка ибо яко Славяне отъ славныхъ дѣлесъ своихъ первѣе славянское имя себѣ пріобрѣтоша, тако по времени отъ россѣянія по многимъ странамъ племене своего, *Россьяны*, а потомъ *Россы* прозвашася. Иніи бо въ нынѣшнихъ временѣхъ сказоваху Россовъ отъ городка *Русы*, недалече В. Новгорода лежаща; иныи отъ рѣки Роси; другіи отъ русыхъ волосъ, съ яковыми и нынѣ вездѣ много суть Руси. Но паче всѣхъ тѣхъ подобіи достовѣрнѣе и приличнѣе отъ россѣянія своего Россы имя то отъ древнихъ временъ себѣ стяжаша. Ибо на широкой части свѣта по многимъ различнымъ странамъ, инымъ надъ моремъ Чернымъ, Понтскимъ Евксиномъ, иныи надъ Танаисъ или Дономъ и Волгою рѣками, иныи надъ Дунайскими, Днѣстровыми, Днѣпровыми, Десновыми берегами, широко и различно селеньями своими россѣяшася. Тако всѣ древніи лѣтописцы греческіи, россійскіи, римскіи и польскіи свидѣтельствуютъ; наипаче и божественное писаніе отъ пророчества Іезекіилева въ главѣ 39 имя тое Россовъ приличнѣ изъявляетъ, нарицающе князя, Росъ, Мосохъ и прочая. И тако *Россы отъ россьянія* своего прозвашася, а отъ Славяновъ именемъ точію разнствуютъ; по роду же своему едино суть, и яко единъ и тойжде народъ Славенскій, нарицается славенорусскій или славянороссійскій.

О народѣ Сарматскомъ и о нарѣчіи его. Сарматіа, или Сарматія страна есть въ той же Европѣ 3-й части Свѣта, кромѣ Азіатскія, юже сугубо есть: едина Славенска, идѣже нынѣ сидятъ Славяне или Татаре нѣціи, идѣже Москва, Русь, Поляки, Литва, Пруссы и прочая обитаютъ. Сарматія прозвася гречески отъ народа шумна вельмѣ сердитыхъ или ящуровидныхъ очесъ. Ибо саура гречески ящерица, а омма очима нарицается. Обаче толиками странными нарѣчіемъ ненавистнѣ естество очесъ, но паче страхъ и мужество оного народа Сарматскаго изображуется, за не прежде вся земля отъ сихъ людей трепеташе. Иныи лѣтописцы родъ Сарматовъ производятъ отъ Асармоеа, или отъ Сармоеа, праправнука Арфаксадова, сына Симова. Иніи отъ Рифада, внука Афетова, того ради, яко Асармоеа и Рифада племена совокупившеся купно обитали, откуду подъ тѣмъ сарматскимъ именемъ всѣ прародители наши славенароссійскіи, Москва, Россы, Поляки, Литва, Поморяне, Волынцы и прочая заключаются. Понеже и Сарматовъ такожде, яко и Россовъ отъ мѣста на мѣсто преносящимися и распространенными и россѣянными гречестіи древніи лѣтописцы съ россійскими и съ прочіими согласно нарицаютъ.

О народѣ Роксоланстѣмъ, и о нарѣчіи его. О тѣхъ же сарматскихъ и славяно-россскихъ осадъ той же народъ Россскій изыде, отъ него же нѣціи нарицахуся Россы, а иныи Аланы, а потомъ прозвашася *Роксоланы*, аки бы *Росси и Аланы*. Понеже всѣ лѣтописцы всѣхъ тѣхъ народовъ предреченныхъ нарѣчіемъ паче, нежели естествомъ раздѣляютъ, Афетово вящше племя быти повѣдающе, и Сармоѳа праотца Мосоха сына его нарицающе; ибо тыяжде народы славеноросссійскія, по времени умнажающеся, и по различныхъ мѣстѣхъ вселяющеся, еще и

иными различными имены отъ рѣкъ, лѣсовъ, примѣтовъ, поль, отъ дѣлъ, и отъ князей своихъ именъ и нарѣй, прозваны быша, якоже Болгары и Волонцы отъ рѣки Волги; Муровляне отъ рѣки Муравы, или отъ князя Мората; Полочане отъ рѣки Полоты; Донцы отъ Дону; Запорожцы отъ Запорожья; козаки отъ славнаго своего древняго нѣкоего вожда прозвищемъ Козака, побѣдивше съ нимъ Таровъ, прозвашася; Древляне или Полѣсяне отъ древесъ, или отъ лѣсовъ густыхъ; Поляне, или Поляки отъ поль; Половцы отъ лова звѣрина и отъ плѣну людей; Печѣнези отъ жестокости и мучительства своего; Татаре отъ рѣки Тартаръ. А тыижъ народы татарскіи, егда посѣдоша страну Ѳракійскую, идѣже Константинополь и прочія грады, прозвани бяху отъ Ѳраковъ, то есть отъ жителей страны, нарицаемой Ѳракія, Труки, а потомъ преложеніемъ двоихъ словесъ азбучныхъ Турки прозвашася. Скиѳи, тыижъ Татаре отъ горы Скиѳи нареченны суть; зане подъ тою горою яко и Кавказскою сначала обитаху; Сѣверяне отъ страны Сѣверскія надъ Десною и Сеймомъ рѣками сѣдшія; Литва отъ Литвоса сына царя Вейдевута Прусскаго; Чехи отъ Чеха князя; Ляхи или Лехи отъ Леха перваго короля польскаго; Москва народъ отъ Мосоха праотца своего и всѣхъ Славеноросcовъ, сына Афетова: а царствующій градъ Москва отъ рѣки Москвы, и прочая симъ подобная.

О Мосохѣ—прародителѣ славенороссійскомъ и о племени его. Мосохъ, 6-й сынъ Афетовъ, внукъ Ноевъ, толкуетъ же ся отъ еврейскаго славенски вытягающій и ростягающій, отъ вытяганія лука и отъ разширенія великихъ и множественныхъ народовъ московскихъ, славеноросcійскихъ, польскихъ, волынскихъ, чешскихъ, болгарскихъ, сербскихъ, карвацкихъ и всѣхъ обще, елико ихъ есть, славенска языка природнѣ употребляющихъ. Той бо Мосхъ по потопѣ лѣта 131 шедши отъ Вавилона съ племенемъ своимъ абіе въ Азіи и Европѣ надъ берегами Понтскаго или Чернаго моря народы *Московитовъ* отъ своего имени осади и оттуду умножшуся народу, поступая день отъ дне въ полунощныя страны за Черное море, надъ Дономъ и Волгою рѣками, и надъ озеромъ или отногою морскою Меотисъ, идѣже Донъ впадаетъ, въ поляхъ широко селеньми своими распространишася, по свойству и истолкованію имени отца своего *Мосоха*. Ибо яко Афетъ толкуется разширеніе, или разширителенъ; тако подобно сказуется и Мосохъ растягающій и далече вытягающій. И тако отъ Мосоха, праотца славеноросcійскаго, по наслѣдію его, не токмо Москва народъ великій, но и вся Русь или Россія вышереченная произыде, аще въ нѣкихъ странахъ мало что въ словесѣхъ и премѣнися обаче единымъ Славенскимъ языкомъ глаголютъ.

О нарѣчіи Москвы народа и царственнаго града. Нарѣчіе то Москва отъ имени праотца Мосоха изшедше, аще оно искони вѣстно древнимъ лѣтописцемъ бѣ, обаче на мнозѣ и въ молчаніи пребываше. Ибо егда тріе братія князіе варязстіи, о нихъ же будетъ нижае, и в. княгиня Ольга, или Елена, и всея Россіи первый самодержецъ Владиміръ, и вторый Мономахъ, Россіею обладаша, тогда Россами или Русаками звахуся; а въ россійскихъ земляхъ точію кіевскій, владимірскій, великоновгородскій, черниговскій, галицкій, славенскій и прочіи князи имениты бяху. Москва бо городъ надъ рѣкою Москвою отъ имени ея нареченный, наипервѣе изъ древа созданъ бысть и назначенъ даже до в. кн. Іоана Даниловича, иже престолъ княженія отъ Владиміра града въ Москву градъ пренесе.

И тако величествомъ славы Престола княженія отъ Владиміра града пренесеннаго, богоспасаемый градъ Москва про-

славися, и прородительное въ немъ имя Мосоха въ народѣ россійскомъ обновися, еже неувядомою въ вѣки памятію цвѣтущи, изряднѣе же благодатію божію отъ силы въ силу отъ славы въ славу преспѣвая, на высочайшій степень самодержавнаго царства востече и благочестіемъ, силою и мужествомъ православныхъ царей, наипаче великими чудесы святыхъ россійскихъ московскихъ чудотворцевъ на высоту добродѣтелей возвысившися, яко солнце по вселенѣй просвѣтися и паче иныхъ сіяетъ.

(*Кіевс. Синопсисъ 1836 г Кіевъ. стр. 8—16*).

Синопсисъ *или сокращеніе русской исторіи—былъ первой попыткой систематическаго ея изложенія и эта книга въ свое время была единственнымъ учебникомъ. Составителемъ ея былъ Кіевопечерскій архимандритъ Иннокентій Гизель и въ первый разъ напечаталъ ее въ 1674 г. До XIV в. онъ сократилъ хронику Θеодосія Софоновича, игумена Кіево-михайловскаго Златоверхаго монастыря, изданную въ 1672 г. Нѣкоторыя извѣстія заимствованы изъ польскихъ хроникъ и преимущественно изъ исторіи Стрыйковскаго, который пользовался такими лѣтописями, которыя или пропали, или переиначены польскими писателями. Поэтому Синопсисъ относится къ источникамъ Русской Исторіи, и Академія Наукъ съ 1736 г., въ продолженіе столѣтія, издавала его 18 разъ. Эта книга, по всей вѣроятности, была поводомъ къ сочиненію „Сокращенія Рос. Ист.“ въ 36 главахъ дьякомъ Θедоромъ Грибоѣдовымъ 1676 г.; книга эта, написанная для царя Θедора Алексѣевича, не была издана. Точно также не издано сочиненіе по Русской Исторіи справщика типографіи Θедора Поликарпова: въ 1708 г. Петръ В. поручилъ ему написать обзоръ событій Рус. Исторіи отъ Василія Ив. до своего времени въ сжатомъ и пространномъ видѣ. Въ 1716 г. Поликарповъ исполнилъ свой трудъ, но онъ не понравился Петру и не извѣстно, куда дѣвался. Синопсисомъ пользовался А. Манкіевъ при составленіи извѣстной книги „Ядро Рос. Исторіи“, которая несправедливо приписывалась кн. Хилкову Миллеромъ, издавшимъ въ 1770 г. Какъ Гизель, такъ и Манкіевъ, держались показаній Стрыйковского и внесли въ свои исторіи много баснословныхъ повѣстей, нелѣпыхъ соображеній и разсказовъ, образчикъ которыхъ мы представили. Оба они согласны, что в. кн. Ольга была правнукой Гостомысла,—Радимъ, Вятко и Дулѣбъ состояли полководцами Кія, Щека и Хорива,—Славяне помогали Александру Македонскому; но только Манкіевъ прибавляетъ, что грамота, написанная Славянамъ золотыми буквами Александромъ, хранится въ архивѣ Турецкаго султана. „Но какъ ни странны, говоритъ С. М. Соловьевъ, иногда отступленія автора Ядра, какъ ни ошибочны бываютъ иногда его показанія, все онъ несравненно выше автора Синопсиса, который, слѣдуя постоянно литовскимъ и польскимъ источникамъ, преимущественно Стрыйковскому, перемѣшиваетъ князей и событія, опуская главное, выставляя незначущее, сопоставляя разнорѣчивыя свидѣтельства объ одномъ и томъ же событіи; такъ, напр., говоритъ, что Владиміръ Мономахъ добылъ цѣпь, поясъ и шапку княжую отъ старосты кафинскаго, котораго поборолъ на поединкѣ, и на другой же страницѣ говоритъ, что всѣ эти вещи присланы были Мономаху изъ Византіи; Романъ Ростилс. смоленскій смѣшанъ съ Романомъ Мстисл. волынскимъ и т. под. Напротивъ труду Манкіева мы не усумнимся дать почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ: исключая древнѣйшій періодъ, событія переданы въ немъ беззатѣйно, обстоятельно, почти безошибочно; не забудемъ, что и послѣ, когда начали появляться болѣе обширныя сочиненія по части Русской Исторіи, то они касались обыкновенно древнѣйшихъ ея періодовъ, и Ядро оставалось относительно самымъ полнымъ руководствомъ къ изученію Русской Исторіи; этимъ объясняется то, что оно достигло четырехъ изданій (1770, 1784, 1791, 1799)“. Арх. Калачова. кн. 2 полов. I. отд. III, стр. 3—15.*

294. Смерть Игоря и месть Ольги.

Въ лѣто 6453 (945). Въ се же лѣто рекоша дружина Игореви: »отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази; поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы«. Послуша ихъ Игорь, иде въ Дерева въ дань, и примышляше къ первой дани, насиляше имъ, и мужи его; возъемавъ дань, поиде въ градъ свой. Идущю же ему въспять, размысливъ рече дружинѣ своей: »идѣте съ данью домови,

а я возвращюся, похожю и еще«. Пусти дружину свою домови, съ маломъ же дружины возъвратися, желая больша имѣнія. Слышавше же Деревляне, яко опять идеть, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: »аще ся въвадить (*повадится*) волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьють его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить«, послаша къ нему глаголюще: »почто идеши опять? поималъ еси всю дань«. И не послуша ихъ Игорь, и вышедше изъ града Изъкоръстѣня Деревляне убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь; есть могила его у Искоръстѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне.

Вольга же бяше въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, воевода бѣ Свѣнелдъ, то же отецъ Мистишинъ. Рѣша же Деревляне: »се князя убихомъ рускаго; поимемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ, и Святослава, и створимъ ему якоже хощемъ«. И послаша Деревляне лучьшіе мужи, числомъ 20, въ лодьи къ Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ въ лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы кіевьскія, и на Подольи не сѣдяху людье, но на горѣ; градъ же бѣ Кіевъ, идѣже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжь бяше въ городѣ, идѣже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевѣсище (¹) бѣ внѣ града, и бѣ внѣ града дворъ другый, идѣже есть дворъ Демьстиковъ, за святою Богородицею надъ горою дворъ теремный, бѣ бѣ ту теремъ каменъ. И повѣдаша Ользѣ, яко Деревляне придоша, и возва е Ольга къ собѣ: »добри гостье придоша« и рѣша Деревляне: »придохомъ, княгине«. И рече имъ Ольга: »да глаголете, что ради придосте сѣмо«? Рѣша же Древляне: »посла ны Деревьска земля, рькуще сице: мужа твоего убихомъ, бяше бо мужъ твой яки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть (*управили*) Деревьску землю; да пойди за князь нашь Малъ«; бѣ бо имя ему Малъ, князю Деревьску. Рече же имъ Ольга: »любa ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ мужа своего не (*вос*)кресити; но хочю вы почтити наутрія предъ людьми своими, а нынѣ идѣте въ лодью свою и лязите въ лодьи величающеся, азъ утро послю по вы, вы же рьцѣте: не ѣдемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны въ лодьѣ; и възнесуть вы въ лодьи«, и отпусти я въ лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьстѣмъ, внѣ града. И заутра Волга, сѣдящи въ теремѣ, посла по гости, и придоша къ нимъ глаголюще: »зоветь вы Ольга на честь велику«. Они же рѣша: »не ѣдемъ на конихъ, ни на возѣхъ, ни пѣши идемъ, понесѣте ны въ лодьи«. Рѣша же Кіяне: »намъ неволя; князь нашь убьенъ, а княгини наша хоче на вашь князь« и понесоша я въ лодьи. Они же сѣдяху въ перегъбѣхъ въ великихъ сустугахъ гордящеся (¹); и принесоша я на дворъ къ Ользѣ, несъше вринуша е въ яму и съ лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ: »добра ли вы честь«? они же рѣша: »пущи ны (*хуже намъ*) Игоревы смерти« и повелѣ засыпати я живы, и посыпаша я. Пославши Ольга къ Деревляномъ рече имъ: »да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да въ велицѣ чти приду за вашь князь, еда (*иначе*) не пустять мене людье Кіевьстіи«. Се слышавше Деревляне, избраша лучьшіе мужи, иже дерьжаху Деревьску

(¹) *Перевѣсище*—сѣть для ловли птицъ.

(¹) Вѣроятно, перегибаясь, важничая и кривляясь. *Сутуга*—на простонародномъ языкѣ—кривизна, кривлянье.

землю, и погребоша и. Деревляномъ же приходящимъ, повелѣ Ольга мовь створити, рькуще сице: «измывшеся придите ко мнѣ». Они же пережьгоша истопку, и влѣзоша Деревляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истобъку, и повелѣ зажечи я отъ дверий, ту изгорѣша вси. И посла къ Деревляномъ, рькущи сице: «се уже иду къ вамъ, да пристройте меды многи въ градѣ, идеже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему». Они же то слышавше, съвезоша меды многи зѣло, възвариша. Ольга же, поимши малы дружины, легъко идущи приде къ гробу его, и плакася по мужи своемъ; и повелѣ людемъ своимъ съсути могилу велику, яко соспоша (насыпали), и повелѣ трызну творити. Посемъ сѣдоша Деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними; рѣша Деревляне къ Ользѣ: «кдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя?» она же рече: «идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего». Яко упишася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня, а сама отъиде кромѣ (прочь), и повелѣ дружинѣ сѣчи Деревляне. И исѣкоша ихъ 5000; а Ольга возвратися Киеву, и пристрои вои на прокъ ихъ (*на остальныхъ*).

Въ лѣто 6454. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои многи и храбры, и иде на Деревьску землю. Изидоша Деревляне противу; сънемъшемъся обѣма полкома на скупь (*вместе*), суну копьемъ Святославъ Деревляны, и копье летѣ сквозь уши коневи, удари въ ноги коневи, бѣ бо дѣтеекъ. И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ: «князь уже почалъ; потягнѣте, дружина, по князѣ». И побѣдиша Деревляны. Деревляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ. Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростѣнь градъ, яко тѣ бяху убили мужа ея, и ста около града съ сыномъ своимъ, а Деревляне затворишася въ градѣ и борягуся крѣпко изъ града, вѣдяху бо, яко сами убили князя и на что ся предати. И стоя Ольга лѣто, и не можаше взяти града, и умысли сице: посла ко граду глаголющи: «что хочете доседѣти? а вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя; а вы хочете измерети гладомъ, не имучеся по дань». Деревляне же рекоша: «ради ся быхомъ яли по дань, но хощеши мьщати мужа своего». Рече же имъ Ольга: «яко азъ мьстила уже обиду мужа своего, когда придоша Киеву, второе, и третьее, когда творяхъ трызну мужеви своему; а уже не хощю мщения, но хощю дань имати помалу, и смирившися съ вами поиду опять». Рекоша же Деревляне: «что хощеши у насъ? ради даемъ медомъ и скорою». Она же рече имъ: «нынѣ у васъ нѣсть меду, ни скоры, но мало у васъ прошю: дайте ми отъ двора по 3 голуби да по 3 воробьи: азъ бо не хощю тяжьки дани възложити, якоже и мужь мой, сего прошю у васъ мало, вы бо есте изнемогли въ осадѣ; да сего у васъ прошю мала». Деревляне же ради бывше, и собраша отъ двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша къ Ользѣ съ поклономъ. Вольга же рече имъ: «се уже есть покорилися мнѣ и моему дѣтяти, а идѣте въ градъ, а я заутра отступлю отъ града и поиду въ свой градъ». Деревляне же ради бывше внидоша въ градъ, и повѣдаша людемъ, и обрадовашася людье въ градѣ. Волга же раздая воемъ по голуби комуждо, а другимъ по воробьеви, и повелѣ комуждо голуби и къ воробьеви привязывати цѣрь (1), обертывающе въ платки малы, нитъкою поверзывающе къ коемуждо ихъ; и повелѣ Ольга, яко смерчеся, пустити голуби и воробьи воемъ своимъ.

(1) *Цѣрь*—горючее вещество.

Голуби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своя,ови въ голубники, врабьѣве же подъ стрѣхи; и тако възгарахуся голубьници ово клѣти, ово вежѣ (1), ово ли одрины (2), и не бѣ двора идѣже не горяше, и не бѣ льзѣ гасити, вся бо двори възгорѣшася. И побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати é; яко взя градъ и пожьже и, старѣйшины же града изъима, и прочая люди овыхъ изби, а другія работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань. И възложи на ня дань тяжку, 2 части дани идеша Кіеву, а третьяя Вышегороду къ Олзѣ; бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ. И иде Вольга по Деревьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки; суть становища еѣ и ловища. И приде въ градъ свой Кіевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ, и пребывши лѣто едино.

(*Лавр. I, 23—25*).

295. Убіеніе Бориса и Глѣба да 1093.

Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отци своемь, и съзва Кыяны, и нача даяти имъ имѣнье; они же приимаху, и не бѣ сердце ихъ съ нимъ, яко братья ихъ бѣша с Борисомъ. И Борису же възъвратившюся съ вои, не обрѣтшю Печенѣгъ, вѣсть приде къ нему: отець ти оумерелъ. И плакася по отци велми, любимъ бо бѣ отцемъ своимъ паче всѣхъ, и ста на Льтѣ пришедъ. Рѣша же ему дружина отня: се дружина оу тобе отьня и вои, поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отни; онъ же рече: не буди мнѣ възняти рукы на брата своего старѣйшаго; аще и отець ми оумре, то сь ми буди въ отца мѣсто. И се слышавше вои, разидошася отъ него, Борисъ же стояше съ отрокы своими. Святополкъ же исполнивъся безаконья, Каиновъ смыслъ приимъ, посылая к Борису, глаголаша: яко с тобою хочю любовь имѣти, и къ отцю придамъ ти, а льстя подъ нимь, како бы й погубити. Святополкъ же приде ночью Вышегороду отаи, призва Путшю и вышегородьскыѣ болярьцѣ, и рече имъ: приязните ли ми всѣмъ сердцемъ? рече же Путьша с Вышегородьци: можемъ главы своя сложити за тя. Онъ же рече имъ: не повѣдуче никомуже, шедше оубиите брата моего Бориса, они же вскорѣ обѣщашася ему се створити. О сяковыхъ бо Соломонъ рече: скори суть пролити кровь бес правды; ти бо обьщаются крови, сбираютъ себѣ злая; си путье суть скончавающихъ безаконье, нечестьемь бо свою душю емлють. Послании же придоша на Льто ночью, и подъступиша близко, и слышаша блаженаго Бориса поюща заоутреню; бѣ бо ему вѣсть оуже, яко хотять погубити й. И вставъ нача пѣти, глаголя: Господи, что ся оумножиша стужающии мнѣ? мнози въстають на мя, и проч... И кончавъ оксапсалма (*шестопсалміе*), оувидѣвъ, яко послани суть губитъ его, нача пѣти псалтырю, глаголя: яко обидоша мя оунци тучни, и сборъ злобивыхъ осѣде мя; Господи Боже мой, на тя оуповахъ, и спаси мя и отъ всѣхъ гонящихъ избави мя. Посемъ же нача канунъ пѣти; таче кончавъ заоутреню, помолися глаголя, зря на икону на образъ Владычнь, глаголя сице: Господи Іисусе Христе, иже симь образомъ явися на земли спасенья ради нашего, изволивъ своею волею пригвоздити на крестѣ руцѣ свои, и приимъ страсть грѣхъ ради нашихъ, тако и мене сподоби прияти страсть; се же не отъ противныхъ приимаю, но отъ брата своего, и не створи ему, Господи, в семь грѣха. И помоливъся ему, възлеже на одрѣ своемь. И се нападоша акы звѣрье дивии около шатра, и насунуша й копьи, и прободоша Бориса, и слугу его, падша

(1) *Вежа*—шалашъ.
(2) *Одрина*—клѣть, гдѣ спятъ.

на немь, прободоша с нимь; бѣ бо се любимъ Борисомь. Баше отрокъ сь родомъ сынъ Оугърескъ,именемь Георгии, егоже любляше повелику Борисъ, бѣ бо възложилъ нань гривну злату велику, въ нейже предъстояше предь нимь: и избиша же и ины отрокы Борисовы многы. Георгеві же сему не могуще вборзѣ сняти гривны съ шиѣ, оусѣкнуша главу его, и тако сняша; и тѣмь же послѣже не обрѣтоша тѣла сего въ трупии. Бориса же убивше оканьнии, оувертѣвше въ шатеръ, взложивше на кола, повезоша и, и еще дышющю ему. Оувѣдѣвше же се оканьныи Святополкъ, яко еще дышеть, посла два Варяга прикончить его: онѣма же пришедшема, и видѣша, яко и еще живъ есть; единъ ею извлекъ мечь, проньзе и къ сердцю. И тако скончася блаженыи Борисъ, вѣнецъ приемъ отъ Христа Бога съ праведными, причетъся съ пророкы и апостолы, с ликы мученичьскыми водворяяся, Аврааму на лонѣ почивая, видя неиздреченьную радость, въспѣвая съ ангелы, и веселися в лику святыхъ. И положиша тѣло его, принесше отаи Вышегороду, оу церкве св. Василья. Оканьнии же си оубиицѣ придоша къ Святополку, акы хулу имуще, безаконьници. Суть же имена симъ законопреступникомъ: Путьша, и Талець, Еловить, Ляшько; отець же ихъ сотона. Сици бо слугы бѣси бывають; бѣси бо на злое посылаеми бывають, ангели на благое посылаеми. Ангелъ бо человѣку зла не створяеть, но благое мыслить ему всегда, паче же хрестьяномъ помогають, и заступають отъ супротивнаго дьявола: а бѣси на злое всегда ловять, завидяще ему; понеже видять человѣка Богомъ почьщена и завидяще ему, на зло слеми скори суть. Золъ бо человѣкъ, тщася на злое, не хужи есть бѣса; бѣси бо Бога боятся, а золъ человѣкъ ни Бога боится, ни человѣкъ ся стыдить; бѣси бо креста ся боять господня, а человѣкъ золъ ни креста ся боить.

Святополкъ же оканьныи помысли въ собѣ, рекъ: се оубихъ Боріса, како бы оубити Глѣба? І приемъ помыслъ Каиновъ, с лестью посла къ Глѣбу, глаголя сице: поиди вборзѣ, отець тя зоветь, не здравить бо велми. Глѣбъ же, вборзѣ всѣдъ на конѣ, с малою дружиною поиде, бѣ бо послушливъ отцю. И пришедшю ему на Волгу, на поли потчеся конь въ рвѣ, и наломи ему ногу мало; и приде Смоленьску, и поиде отъ Смоленьска яко зрѣемо, и ста на Смядинѣ въ насадѣ. В се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу отъ Передъславы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: не ходи, отець ти оумерлъ, а братъ ти оубьенъ отъ Святополка. Се слышавъ Глѣбъ, възпи велми съ слезами, плачася по отци, паче же по братѣ, и нача молитися съ слезами, глаголя: »оувы мнѣ, Господи! луче бы ми оумрети съ братомь, нежели жити на свѣтѣ семь; аще бо быхъ, брате мой, видѣлъ лице твое ангельское, оумерлъ быхъ с тобою: нынѣ же что ради остахъ азъ единъ? кдѣ суть словеса твоя, яже глагола къ мнѣ, брате мой любимыи? нынѣ оуже не оуслышю тихаго твоего наказанья: да аще еси получилъ дерзновенье оу Бога, молися о мнѣ, да и азъ быхъ туже страсть приялъ; луче бо ми было с тобою жити, неже въ свѣтѣ семь прелѣстнѣмь«. И сице ему молящюся съ слезами, се внезапу придоша посланни отъ Святополка на погубленье Глѣбу, и ту абье посланни яша корабль Глѣбовъ, и обнажиша оружье. Отроци Глѣбови оуныша; оканьныи же посланыи Горясѣръ повелѣ вборзѣ зарѣзати Глѣба; поваръ же Глѣбовъ, именемь Торчинъ, вынезъ ножь, зарѣза Глѣба. Акы агня непорочно принесеся на жертву Богови, въ воню благооуханья, жертва словесная, и прия вѣнець; вшедъ въ небесныя обители, и оузрѣ желаемаго брата своего, и радовашеся съ нимь неиздреченьною радостью, юже оулучиста братолюбьемъ своимь. Се коль

добро и коль красно, еже жити братома вкупѣ! Окаяньии же възвратиша въспять, якоже рече Давидъ: да възвратятся грѣшници въ адъ. Онѣм же пришедшимъ, и повѣдаша Святополку: яко створихомъ повелѣная тобою. Онъ же се слышавъ, вознесеся сердце его болма, невѣдый Давыда глаголюща; что ся хвалиши о злобѣ, сильныи? безаконье весь день оумысли языкъ твои. Глѣбу же оубьену бывшю и повержену на брезѣ межи двѣма колодама, посемъ же вземше везоша й, и положиша й оу брата своего Бориса оу церкве св. Василья.

И съвкуплена тѣломь, паче же душама оу въладыкы Всецаря, пребывающа в радости бесконечнѣи, во свѣтѣ неиздреченьнѣмь, подающа и цѣлебныя дары Русьстѣи земли, и инѣмъ приходящимъ страннымъ с вѣрою даета ицѣленье: хромымъ ходити, слѣпымъ прозрѣнье, болящимъ цѣлбы, окованнымъ разрѣшенье, темницамъ отверзенье, печалнымъ оутѣха, напастнымъ избавленье, и еста заступника Русстѣи земли, и свѣтилника сияюща и молящася къ Владыцѣ о своихъ людехъ. Тѣмже и мы должны есмы хвалити достоино страстотерпца христова, молящеся прилѣжно к нима, рекуще: радуитася, страстотерпца христова Русьскыя земля, яже ицѣленье подаета приходящимъ к вамъ вѣрою и любовью. Радуитася, небесная жителя, въ плоти ангела быста, единомысленая служителя, верста единообразна, святымъ единодушьна; тѣмъ стражющимъ всѣмъ ицѣленье подаета. Радуитася, Борисе и Глѣбе богомудрая, яко потока точита отъ кладязя воды живоносныя; ицѣленья истѣкають вѣрнымъ людемъ на ицѣленіе.

(По изд. Тимковс. 92—99. Лавр. 55—56).

Кромѣ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, Черноризецъ Іаковъ написалъ 1. житіе и похвалу св. Владимиру (Христ. чт. 1849 г. II, 317) и 2. Слово в. кн. Димитрію не позже 1078 г. (Ист. рус. цер. Макарія II, 303—306). Объ этомъ писателѣ см. замѣчанія Погодина и другихъ. Изв. Акад. I, 326. II, 81. 113. 157. 209. 145. Чт, общ. Ист. 1859. Матер. 1.

296. Ослѣпленіе Василька.

Въ лѣто 6605 (1097). Придоша Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ Игоревичь, и Василко Ростиславичь, и Давыдъ Святославичь, и братъ его Олегъ, и сняшася Любячи на устроенье мира, и глаголаша къ собѣ, рекуще: »почто губимъ Русьскую землю, сами на ся котору *(раздоръ)* дѣюще«? а Половци землю нашю несуть розно, и ради суть, оже межю нами рати; да нонѣ отселѣ имемься въ едино сердце и блюдемъ Рускыѣ земли, кождо да держить отчину свою: Святополкъ Кыевъ Изяславлю, Володимеръ Всеволожю, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославлю; а имъ же роздаялъ Всеволодъ городы, Давыду Володимерь, Ростиславичема Перемышль Володареви, Теребовль Василкови«. И на томъ цѣловаша крестъ, »да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будемъ вси и крестъ честный«; рекоша вси: »да будеть на нь крестъ честный и вся земля Русьская«, и цѣловавшеся поидоша всвояси. И приде Святополкъ съ Давыдомъ Кыеву, и ради быша людье вси; но толкмо дьяволъ печаленъ бяше о любви сей, и влѣзе сотона въ сердце нѣкоторымъ мужемъ, и почаша глаголати къ Давыдови Игоревичю, рекуще сице: »яко Володимеръ сложился есть съ Василкомъ на Святополка и на тя«. Давыдъ же емъ вѣру *(повѣрилъ)* лживымъ словомъ, нача молвити на Василка, глаголя: »кто есть убилъ брата твоего Ярополка? а нынѣ мыслить на мя и на тя, и сложился есть съ Володимеромъ; да промышляй о своей головѣ«. Святополкъ же смятеся умомъ, река: »еда се право будеть, или лжа«, не вѣдѣ; и рече Святополкъ къ Давыдови: »да аще

право глаголеши, Богъ ти буди послухъ (*свидътель*); да аще ли завистью молвишь, Богъ будеть за тѣмъ«. Святополкъ же сжалиси по братѣ своемъ и о собѣ, нача помышляти, еда се право будеть? и ѧ̀ (*взялъ*) вѣру Давыдови, и прелсти Давыдъ Святополка, и начаста думати о Василкѣ, а Василко сего не вѣдяше и Володимеръ. И нача Давыдъ глаголати: »аще не имевѣ (*не поймаемъ*) Василка, то ни тобѣ княженья Кыевѣ, ни мнѣ въ Володимери«. И послуша его Святополкъ. И приде Василко въ 4 ноямьбря, и перевезеся на выдобычь, и иде поклонится къ св. Михаилу въ манастырь, и ужина ту (*тутъ*), а товары (*обозъ, запасы*) своя постави на Рудици, вечеру же бывшю приде въ товаръ свои. И наутріа же бывшю, присла Святополкъ, река (*рекъ*): »не ходи отъ именинъ моихъ«. Василко же отпрѣся, река: »не могу ждати; еда будеть рать дома«. И присла къ нему Давыдъ: »не ходи, брате, не ослушайся брата старѣйшаго«, и не всхотѣ Василко послушати. И рече Давыдъ Святополку: »видиши ли, не помнить тебе, ходя въ твоею руку; аще ти отъидеть въ свою волость, да узришь, аще ти не займеть градъ твоихъ Турова и Пиньска, и прочихъ градъ твоихъ, да помянешь мене; но призвавъ Кіяны и емъ, и дажь мнѣ«. И послуша его Святополкъ, и посла по Василка, глаголя: »да аще не хощешь остати до именинъ моихъ, да приди нынѣ цѣлуеши мя, и посѣдимъ вси съ Давыдомъ«. Василко же обѣщася прити, не вѣдый лсти, юже имяше на нь Давыдъ. Василко же всѣдъ на конь поѣха, и устрѣте ѝ дѣтьскый его и повѣда ему, глаголя: »не ходи, княже, хотять тя яти«, и не послуша его, помышляя, »како мя хотять яти? и оно мнѣ цѣловавше крестъ, рекуще: аще кто на кого будеть, то на того будеть крестъ и мы вси«, и помысливъ си прекрестися, рекъ: »воля господня да будеть«. И пріѣха въ малѣ дружинѣ на княжь дворъ; и вылѣзе (*вышелъ*) противу его Святополкъ, и идоша къ истобку, и приде Давыдъ, и сѣдоша. И нача глаголати Святополкъ: »останися на *святокъ*«. И рече Василко: »не могу остати, брате; уже есмъ повелѣлъ товаромъ поити переди«. Давыдъ же сѣдяше акы нѣмъ, и рече Святополкъ: »да заутрокай, брате!« и обѣщася Василко заутракати. И рече Святополкъ: »посѣдита вы сдѣ, а язъ лѣзу, наряжю«, и лѣзе вонъ, а Давыдъ съ Василкомъ сѣдоста. И нача Василко глаголати къ Давыдови, и не бѣ въ Давыдѣ гласа, ни послушанья; бѣ бо ужаслъся, и лѣсть имѣя въ сердци. И посѣ(и)дѣвъ Давыдъ мало, рече: »кдѣ есть братъ«? Они же реша ему: »стоить на сѣнехъ«. И вставъ Давыдъ, рече: азъ иду по нь; а ты брате, посѣди«. И вставъ иде вонъ. И яко выступи Давыдъ, и запроша Василка въ 5 ноямьбря, и оковаша ѝ въ двои оковы, и приставиша къ нему сторожѣ на ночь. Наутріа же Святополкъ созва *болярѣ* и Кыянъ, и повѣда имъ, еже бѣ *ему повѣдалъ* Давыдъ: »яко брата ти убилъ, а на тя свѣчался (*совѣщался*) съ Володимеромъ, и хотять тя убити и грады твоя заяти«. И рѣша боляре и людье: »тобѣ, княже, достоить блюсти головы своее; да аще есть право молвилъ Давыдъ, да пріиметь Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыдъ, да прииметь месть отъ Бога и отвѣчаеть предъ Богомъ«. И увѣдѣша игумени, и начаша молитися о Василкѣ Святополку; и рече имъ Святополкъ: »ото Давыдъ«. Увѣдѣвъ же Давыдъ, нача поущати (*научать*) на ослѣпленье: »аще ли сего не створишь а отпустишь ѝ, то ни тобѣ княжити, ни мнѣ«. Святополкъ же хотяше пустити ѝ, но Давыдъ не хотяше, блюдася его. И на ту ночь ведоша ѝ Бѣлугороду, иже градъ малъ у Кіева яко 10 верстъ въ дале, и привезоша ѝ на колѣхъ (*на колесахъ, на телѣгѣ*), окована суща, ссадиша ѝ съ колъ, и ведо-

ша ѝ въ истобку малу. И сѣдящю ему, узрѣ Василко Торчина остряща ножь, и разумѣ, яко хотятъ ѝ слѣпити, възпи къ Богу плачемъ великимъ и стенаньемъ. И се влѣзоша посланіи Святополкомъ и Давыдомъ, Сновидъ Изсчевичь конюхъ Святополчь, и Дьмитръ конюхъ Давыдовъ, и почаста простирати коверъ, и простерша яста Василка и хотяща ѝ поврещи; и боряшется съ нима крѣпко, и, не можаста его поврещи и се влѣзше друзіи повергоша ѝ, и связаша ѝ, и снемше доску съ печи, и въложиша на перси его; и сѣдоста обаполы Сновидъ Изечевичь и Димитръ, и не можаста удержати; и приступиста ина два, и сняста другую доску съ печи и сѣдоста, и удариша ѝ рамяно (*сильно*), яко персемъ троскотати (*трещати*). И приступи Торчинъ, именемъ Беренди, овчюхъ (*пастухъ*) Святополчь держа ножь и хотя ударити въ око, и грѣшися (*не попалъ*) ока и перерѣза ему лице, и есть рана та Василкѣ и нынѣ; и посемъ удари ѝ въ око, и взяша зѣницю, и посемъ въ другое око, и взя другую зѣницю, и томъ часѣ бысть яко и мертвъ. И вземше ѝ на коврѣ, взложиша на кола яко мертва, повезоша ѝ Володимерю. И бысть везома ему, сташа съ нимъ перешедше мостъ Звиженьскый, на торговищи (*рынкѣ*), и сволокоша съ него сорочку крovаву сущю, и вдаша попадьи оправи (*вымыть*); попадья же оправши взложи на нь, онѣмъ обѣдующимъ, и плакатися нача попадья, яко мертву сущю оному. И очюти плачь и рече: »кдѣ се есмъ«? Они же рекоша ему: »въ Звиждени городѣ«. И впроси воды, они же даша ему, и испи воды, *и вступи въ онь душа*, и упомянуся, и пощюпа сорочкы и рече: »чему есте сняли съ мене? да быхъ въ той сорочкѣ кровавѣ смерть пріялъ и сталъ предъ Богомъ«. Онѣмъ же обѣдавшимъ, поидоша съ нимъ вскорѣ на колѣхъ, а по грудну пути, бѣ то тогда мѣсяцъ *груденъ*, рекше (*то есть*) ноябрь (¹). И придоша съ нимъ Володимерю въ 6 день. Приде же и Давыдъ съ нимъ, акы нѣкакъ (*какъ будто какой*) уловъ уловивъ, и посадиша ѝ въ дворѣ Вакѣевѣ, и приставиша 30 мужь стеречи и 2 отрока княжа, Уланъ и Колчко. Володимеръ же слышавъ, яко ятъ бысть Василко и слѣпленъ, ужасеся, и всплакавъ и рече: »сего не бывало есть въ Русьскѣй земли, ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцихъ нашихъ, сякого зла«. И ту абье посла къ Давыду и къ Олгови Святославичема, глаголя: »поидѣта къ Городцю, да поправимъ сего зла, еже ся створи се въ Русьскѣй земли и въ насъ и братьи, оже вверже въ ны ножь; да аще сего не правимъ, то большее зло встанеть въ насъ, и начнеть братъ брата закалати, и погыбнеть земля Руская, и врази наши Половци пришедше возмуть землю Русьскую«. Се слышавъ Давыдъ и Олегъ, печална быста вели и плакастася, рекуща: »яко сего не было въ родѣ нашемъ«. и ту абье собравъша воѣ, придоста къ Володимеру. Володимеру же съ вои стоящю въ бору, Володимеръ же,

(¹) Славянскія названія мѣсяцевъ сохранились въ церковномъ обиходѣ XIII в. Мѣсяцъ Сентябрь, ркомый *Рюинъ*, Октябрь—*Листопадъ*, Ноябрь—*Груденъ*, Декабрь—*Студенъ*, Генварь—*Просинечь*, Февралъ—*Сѣченъ*, Мартъ—*Сухій*, Апрѣль—*Брѣзозоръ*, Май—*Травенъ*, Іюнь—*Изокъ*, Іюль—*Червенъ*, Августъ—*Заревъ*. (Опис. Рум. Муз. стр. 105. Ист. рус. ц. III, пр. 179).

Карамзинъ объясняетъ названія мѣсяцевъ слѣд. обр.: *Рюенъ*—ревунъ, отъ рева звѣрей; *Груденъ*—отъ грудъ снѣга или мерзлой грязи; *Промнецъ*—отъ синеты неба; *Березозолъ* — отъ золы березовой; *Изокъ*—отъ какой то пѣвчей птицы (*изокъ—кузнечикъ*); *Червенъ*—отъ красныхъ ягодъ или плодовъ; *Заревъ*—отъ Зари или Зарницы. (Ист. гос. Рос. I, пр. 159 и текстъ),

О славянскихъ названіяхъ мѣсяцевъ см. Вѣст. Евр. 1818, ч. 97, № 4. 283 Рус. Бес. 1857, II. 88, 1858, 1, II. 116. Ж. М. Н. Пр. 1863, Іюль 1. V, 9—10.

и Давыдъ, и Олегъ послаша мужѣ своя, глаголюще къ Святополку: »что се зло створилъ еси въ Русьстѣй земли, и ввергль есе ножь въ ны? чему еси слѣпилъ братъ свой? аще ти бы вина кая была нань, обличилъ бы ѝ предъ нами, и упрѣвъ (*доказалъ*) бы ѝ створилъ ему; а нынѣ яви вину его, оже ему се створилъ еси«. И рече Святополкъ: яко »повѣда ми Давыдъ Игоревичь, яко Василко брата ти убилъ Ярополка, и тебе хочеть убити и заяти волость твою, Туровъ, и Пинескъ, и Берестіе, и Погорину а заходилъ ротѣ (*принималъ присягу*) съ Володимеромъ, яко сѣсти Володимеру Кыевѣ, а Василкови Володимери; а неволя ми своее головы блюсти, а не язъ яго (*его*) слѣпилъ, но Давыдъ и велъ ѝ къ собѣ«. И рѣша мужи Володимери, и Давыдови, и Олгови: »извѣста о семъ не имѣй, яко Давыдъ есть слѣпилъ ѝ: не въ Давыдовѣ городѣ ятъ, ни слѣпленъ, но въ твоемъ градѣ ятъ и слѣпленъ«. И се имъ глаголющимъ разидошася разно. Наутріа же хотящимъ чрезъ Днѣпръ на Святополка, Святополкъ же хотѣ побѣгнути изъ Кіева; не даша ему Кыяне, но послаша Всеволожюю (*княгиню*) и митрополита Николу къ Володимеру, глаголюще: »молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли; аще бо възмете рать (*будете воевать*) межю собою, поганіи имуть радоватися и возмуть землю нашю, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣды ваши, трудомъ великимъ и храбрьствомъ побарающе по Русьскѣй земли, ины земли пріискываху; а вы хочете погубити землю Русьскую«. Всеволожая же и митрополитъ придоста къ Володимеру, и молистася ему, и повѣдаста молбу Кыянъ, яко творити миръ и блюсти землѣ Русьскіѣ, и брань имѣти съ погаными (*Половцами*). Се слышавъ Володимеръ, расплакавъся и рече: »по истинѣ отци наши и дѣди наши сблюли землю Русьскую, а мы хочемъ погубити«. И преклонися на молбу княгинину, чтяшеть ю аки матерь, отца ради своего, бѣ бо любимъ отцю своему повелику (*сильно*), и въ животѣ и по смерти не ослушаяся его ни въ чемъ же; тѣмже и послуша ея, акы матере, и митрополита, также чтяше санъ святительскый, не преслуша молбы его. Володимеръ бо такъ бяше любезнивъ: любовь имѣя къ митрополитомъ и къ епископомъ и къ игуменомъ, паче же и черньчьскый чинъ любя, и черници любя, приходящая къ нему напиташе и напаяше, аки мати дѣти своя; аще кого видяше ли шюмна, ли въ коемъ зазорѣ (¹), не осудяше, но вся на любовь прекладаше. Но мы на свое възвратимся. Княгини же бывши у Володимера, приде Кыеву и повѣда вся рѣчи Святополку и Кіяномъ, яко миръ будеть. И начаша межи собою мужѣ слати, и умиришася на семъ, яко рѣша Святополку: »яко се Давыдова сколота; то иди ты, Святополче, на Давыда, любо ими (*возьми*), любо прожени (*прогони*) ѝ«; Святополкъ же емъся по се, и цѣловаша крестъ межю собою, миръ створяше. Василкови же сущю Володимери, на прежерѣченѣмъ мѣстѣ, и яко приближися постъ великый, и мнѣ ту сущю Володимери, въ едину нощь присла по мя князь Давыдъ. И придохъ къ нему, и сѣдяху около его дружина, и посадивъ мя и рече ми: »се молвилъ Василко си ночи къ Уланови и Колчи, реклъ тако: се слышю, оже идеть Володимеръ и Святополкъ на Давыда; да же бы мене Давыдъ послушалъ, да быхъ послалъ мужь свой къ Володимеру воротиться, вѣдѣ бо ся съ нимъ что молвивъ, и не поидеть; да се, Василю, шлю тя, иди къ Васил-

(¹) *Шумна*—задорна, буйна, или въ какомъ либо проступкѣ.

гезу своему (1), съ сима отрокома,
и ему тако: оже хощеши послати
свой, и воротится Володимеръ, то
ти которой ти городъ любъ (*нра-*
), любо (*или*) Всеволожь, любо
ь, любо Перемиль«. Азъ же идохъ
илкови, и повѣдахъ ему вся рѣчи
вы. Онъ же рече: »сего есмъ
вилъ; но надѣюся на Богъ, пошлю,
іа не прольяли мене ради крови;
у ми дивно, даеть ми городъ свой,
Торебовль, моя власть« (*волость*).
ши и нынѣ якоже и бысть; веко-
прія власть свою. Мнѣ же рече:
къ Давыдови и рци ему: пришли
льмѣя, то пошлю къ Володимеру«.
послуша его Дадыдъ, и посла мя
јека: »нѣту Кулмѣя«, И рече ми
о: »посѣди мало«, и повелѣ слу-
ему ити вонъ, и сѣде со мною, и
и глаголати: »се слышю, оже мя
дати Ляхомъ Давыдъ; то се мало
сытилъ крове моея, а се хочеть
іасытитися, оже мя вдасть имъ,
Ляхомъ много зла творихъ, и хо-
јсмь створити и мстити Русьскѣй
й аще мя вдасть Ляхомъ, не бою-
рти; но се повѣдаю ти: по истинѣ
мя Богъ наведе за мое възвы-
(*самонадѣянность*), яко приде
ть, яко идуть ко мнѣ Берендичи,
нѣзи, и Торци, и рекохъ въ умѣ
: оже ми будуть Берендичи и Пе-
и Торци, реку брату своему Во-
и и Давыдови: дайта ми дружину
олодшюю, а сама піита и весели-
помыслихъ: на землю Лядьскую
скую) наступлю на зиму, и на лѣ-
возму землю Лядьскую, и мьщю
ую землю; и посемъ хотѣть есмъ
і (*взять*) Болгары Дунайскыѣ, и
ти я у собе; и посемъ хотяхъ

просится у Святополка и у Володимера ити на Половци, да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Русскую землю. Ино помышленье въ сердци моемъ не было ни на Святополка, ни на Давыда, а се кленуся Богомъ и его пришествіемъ, яко не помыслилъ есмъ зла братьи своей ни въ чемъ же, но за мое възнесенье (*гордость*) низложи мя Богъ и смири«. Посемъ же приходящю велику дни, поиде Давыдъ, хотя переяти Василкову волость; и усрѣте й Володарь, братъ Василковъ, у Божьска, и не смѣ Давыдъ стати противу Василкову брату Володарю, и затворися въ Бужьскѣ, и Володарь оступи й въ городѣ. И нача Володарь молвити: »почто зло створивъ и не каешися его? да уже помянися, колико еси зла створилъ«. Давыдъ же на Святополка нача извѣтъ имѣти (*свалиевать вину*), глаголя: »ци я се створилъ, ли въ моемъ городѣ? я ся самъ боялъ, аще быша и мене яли и створили такоже; неволя ми было пристати въ съвѣтъ, ходяче въ руку«. И рече Володарь: »Богъ свѣдѣтель тому; а нынѣ пусти братъ мой, и створю съ тобою миръ«. И радъ бывъ Давыдъ, посла по Василка, и приведъ й дасть Володарю, и створися миръ, и разидостася. И сѣде Василко Теребовли, а Давыдъ приде Володимерю и наставши веснѣ, придѣ Володарь и Василко на Давыда, и придоста ко Всеволожю, а Давыдъ затворися Володимери. Онѣма же ставшима около Всеволожа, и взяста копьемъ градъ и зажгоста огнемъ и бѣгоша людье огня и повелѣ Василко исѣчи вся, и створи міщенье на людехъ неповинныхъ, и пролья кровь неповинну. Посемъ же придоста къ Володимерю, и затворися Давыдъ въ Володимери, и си оступися градъ. И послаша къ Володимерцемъ, глаголя: »вѣ не пріидоховѣ на градъ вашъ, ни на васъ, но на врагы своя, Турака, и на Лазаря, и на Василя, ти бо суть намолвили (*подучили*)

Теза—теска: писатель сказанія былъ Ва-
Василько также Василій.

Давыда, и тѣхъ есть послушалъ Давыдъ и створилъ зло; да аще хощете за сихъ битися, да се мы готовы; а любо дайте врагы наша«. Гражане же се слышавъ, созваша вѣче, и рѣша Давыдови людье: »выдай мужи сія, не бьемъся за сихъ, а за тя битися можемъ; аще ли, то отворимъ врата граду, а самъ промышляй о собѣ«,—и неволя бысть выдати я̀. И рече Давыдъ: »нѣту ихъ здѣ«,—бѣ бо я̀ (*схватив*ъ) послалъ Лучьску; онѣмъ же пошедшимъ Лучьску, Турякъ бѣжа Кыеву, а Лазарь и Василь воротистася Турійску. И слышаша людье, яко Турійскѣ суть, кликнуша людье на Давыда и рекоша: »выдай кого ти хотять; аще ли то предаемыся«. Давыдъ же пославъ приведе Василя и Лазаря, и дасть я̀; и створиша миръ въ недѣлю, а заутра по зори, повѣсиша Василя и Лазаря и растрѣляша стрѣлами Василковичи, и идоша отъ града. Се же 2-е мщенье створи, его же не баше лѣпо створити, дабы Богъ отместникъ былъ, и възложити было на Бога мщенье свое, якоже рече пророкъ: и вздамъ месть врагомъ, и ненавидящимъ мя вздамъ, яко кровь сыновъ своихъ мщаеть и мстить, и вздасть месть врагомъ и ненавидящимъ его. Симъ же отъ града отшедшимъ, сею же снемше погребоша я̀. Святополку же обѣщавшюся прогнати Давыда, поиде къ Берестью къ Ляхомъ (*Полякомъ*); се слышавъ Давыдъ, иде въ Ляхы къ Володиславу, ища помощи. Ляхове же обѣщашася ему помагати, и взяша у него злата 50 гривенъ, рекуще ему: »пойди съ нами Берестью, яко се вабить (*манитъ*) ны Сватополкъ на снемъ; и ту умиримъ тя съ Святополкомъ«; и послушавъ ихъ Давыдъ, иде Берестью съ Володиславомъ. И ста Святополкъ въ градѣ, а Ляхове на Бугу, и сослася рѣчьми Святопокъ съ Ляхы, и вдасть дары великы на Давыда; и рече Володиславъ Давыдови: »не послушаеть мене Святополкъ; да иди опять«. И приде Давыдъ

Володимерю, и Святополкъ съвѣть с
съ Ляхы, поиде къ Пиньску, послав
воѣ; и приде Дорогобужю, и дож
вой своихъ, и поиде на Давыда къ г
и Давыдъ затворися въ градѣ, чая (о
дая) помощи въ Лясѣхъ, бѣша б
рекли: »яко аще придуть на тя ру
князи, то мы ти будемъ помощни
и солгаша ему, емлюще злато у Д
и у Святополка. Святополкъ же о
градъ, и стоя Святополкъ около гр
недѣль; и поча Давыдъ молитися: »
мя изъ града«; Святополкъ же о
ему, и цѣловаста крестъ межи с
и изиде изъ града, и приде въ Чер
а Святополкъ вниде въ градъ въ ве
суботу, а Давыдъ бѣжа въ Ляхы.
тополкъ же прогнавъ Давыда, нача
ти на Володаря и на Василка, гл
»яко се есть волость отца моего и
та«,—и поиде на ня. Се слышавъ
дарь и Василко, поидоста противу,
ше крестъ, его же бѣ цѣловалъ къ
на семъ, яко »на Давыда пришелъ
а съ вама хочю имѣти миръ и *люб*
И преступи святополъ крестъ, на
на множьство вой. И срѣтошася на
на Рожни, исполчившимся обоимъ,
силко възвыси крестъ, глаголя: »яко
еси цѣловалъ, се перьвѣе взялъ
зракъ очью моею, а се нынѣ хо
взяти душю мою; да буди межи
крестъ сь (*сей*)«,—и поидоша къ
къ боеви, и сступишася полци, и
человѣци благовѣрніи видѣша крест
Василкови вои, възвышься велми.
же велицѣ бывши и многѣмъ пада
отъ обою полку, и видѣвъ Свято
яко люта брань, и побѣже, и пр
Володимерю; Володарь же и Васил
бѣдивша, стаста ту, рекуща: »дов
(*слѣдуетъ*) нама на межи своей ст
и не идоста никаможе. Святополкъ
прибѣже Володимерю, и съ нимъ
его 2, и Ярополчича 2, и Святоша
Давыдовъ Святославича, и прочая др

на. Святополкъ же посади въ Володимери Мстислава, иже бѣ ему отъ наложницѣ, а Ярослава посла въ Угры (*къ Венграмъ*), вабя Угры на Валодаря, а самъ иде Кыеву. Ярославъ же, сынъ Святополчь, приде съ Угры, и король Коломанъ и 2 пископа, и сташа около Перемышля по Вагру, а Володарь затворися въ градѣ. Давыдъ бо въ то чинъ (*часъ*) пришедъ изъ Ляховъ, и посади жену свою у Володаря, а самъ иде въ Половцѣ; и устрѣте й Бонякъ, и воротися Давыдъ, и поидоста на Угры. Идущема же има, сташа ночлѣгу, и яко бысть полунощи, и вставъ Бонякъ отъѣха отъ вой, и поча выти волчьскы, и волкъ отвыся ему, и начаша волци выти мнози; Бонякъ же пріѣхавъ повѣда Давыдови, яко »побѣда ны есть на Угры заутра (1)«. И наутріа Бонякъ исполчи вои своѣ, и бысть Давыдовъ вой 100, а у самого 300; и раздѣли на 3 полкы, и поиде къ Угромъ, и пусти на воропъ (*набѣгомъ*) Алтунапу въ 50 чади (*человѣкъ*), а Давыда постави подъ стягомъ (*подъ знаменемъ*), а самъ раздѣлися на 2 части, по 50 на сторонѣ. Угри же исполчишася на заступы (*застава*), бѣ бо Угръ числомъ 100 тысящь. Алтунопа же пригна къ 1-му заступу, и стрѣливше побѣгнуша предъ Угры, Угри же погнаша по нихъ; яко бѣжаще минуша Боняка, и Бонякъ погнаше сѣка въ тылъ, а Алтунопа възвратяшеться вспять (*назадъ*), и не допустяху Угръ опять, и тако множицею убивая сбиша ѣ въ мячь; Бонякъ же раздѣлися на 3 полкы, и сбиша Угры акы въ мячь, яко се соколъ сбиваетъ галицѣ (*галокъ*). И побѣгоша Угри, и мнози истопоша въ Вагру, а друзіи въ Сану, и бѣжаще возлѣ Санъ у гору, и спихаху другъ друга, и гнаша по нихъ 2 дни, сѣкуше. Туже убиша и пископа ихъ Купана, и отъ бояръ многы; глаголаху бо, яко погыбло ихъ 40 тысящь. Ярославъ же бѣжа на Ляхы, и приде Берестью, а Давыдъ заимъ Сутѣску, Червенъ, приде внезапу и зая Володимерцѣ, а Мстиславъ затворися въ градѣ съ засадою, иже бѣша у него Берестьяне, Пиняне, Выгошевци, и ста Давыдъ, оступивъ градъ, и часто приступаше. Единою поступиша къ граду подъ вежами, овѣмъ (*инымъ*) же бьющимъ съ града, и стрѣляющимъ межи собою, идяху стрѣлы акы дождь; Мстиславу же хотящю стрѣлити, внезапу ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою, на заборолѣхъ, сквозѣ дску скважнею, и сведоша й, и на ту нощь умре, и таиша й 3 дни, и въ 4-й день повѣдаша на вѣчи. И рѣша людье: »се князь убьенъ; да аще ся вдамы, Святополкъ погубить ны вся«, и послаша къ Святополку, глаголя: »се сынъ твой убьенъ, а мы изнемогаемъ гладомъ; да аще не придеши, хотять ся людье предати, не могуще глада терпѣти«. Святополкъ посла Путяту, воеводу своего; Путята же съ вои пришедъ къ Лучьску къ Святоши, сыну Давыдову, и ту бяху мужи Давыдови у Святошѣ, заходилъ бо бѣ ротѣ Святоша къ Давыдови: »аще поидеть на тя Святополкъ, то повѣмъ ти«; и не створи сего Святоша, но изъима мужи Давыдовы, а самъ поиде на Давыда. И приде Святоша и Путята авг. въ 5 день, Давыдовымъ воемъ облежащимъ градъ, въ полуденье Давыдови спящю, и нападоша на нь и почаша сѣчи; и горожане скочиша съ града, и почаша сѣчи воѣ Давыдовы, и побѣже Давыдъ и Мстиславъ, сыновець его. Святоша же и Путята пріяста градъ, и посадиста посадника Святополча Василя; и приде Святоша Лучьску, а Путята Кыеву. Давыдъ побѣже въ Половцѣ, и усрѣте й Бонякъ; и поиде Давыдъ и Бонякъ на Святошю къ Лучьску, и от-

(1) Суевѣрное понятіе о признаках побѣды. Сличи съ Сл. о пол. Игор. и сказан. о Куликовс. битвѣ.

ступиша Святошю въ градѣ, и створиша миръ. И изиде Святоша изъ града и приде къ отцю своему Чернигову; а Давыдъ перея Лучьскъ, и оттуду приде Володимерю; посадникъ же Василь выбѣже, а Давыдъ перея (*занялъ*) Володимерь и сѣде въ немъ. А на 2-е лѣто Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ и Олегъ привабиша Давыда Игоревича, и не даша ему Володимеря, но даша ему Дорогобужь, въ немъ же и умре; а Святополкъ перея Володимерь, и посади въ немъ сына своего Ярослава.

(*Лавр. I, 109—116*).

297. Борьба между князьями.

Бысть вѣсть (1146) къ Коснятковн мужю Святославлю, оже Давыдовича думаста яти брата своего Святослава; и присла Коснятко ко князю своему, река: »княже! думають о тобѣ, хотять яти, аче по тя прислета братья, не ѣзди къ нима«. Лукавый бо пронырливый дьяволъ, не хотяй добра межи братьею, хотяй приложити зло ко злу, и вложи има мысль не взискати брата Игоря, ни помянути отецьства и о хрестѣ утвержденія, ни божественныя любве, якоже бѣ лѣпо жити братьи единомысленно укупѣ, блюдучи отецьства своего; но преступивша крестьное утвержденіе и забыша страха божія, и посластася къ Изяславу: »Игорь како то тобѣ золъ былъ, тако и нама, а держи твердо« —а къ Святославу посласта, рекоста: »пойди изъ Новагорода Путивлю, а брата ся Игоря лиши«. Святославъ же рече: »ни волости хочу, ни иного чего, развѣ толико пустите ми брата« —óна же рекоста: »цѣлуй къ нама крестъ, яко не просити брата, ни его взищеши, а волость держи«. Святославъ же, прослезився, рече, пославъ къ Юргеви у Суждаль: »брата ми Всеволода Богъ поялъ, а Игоря Изяславъ ялъ, а пойди въ Рускую землю Кіеву, милосердовавъ ми налѣзи брата; а язъ ти сдѣ, надѣяся Бозѣ и силѣ животворящаго хреста, буду ти помощникъ«. Въ тоже веремя, божьемъ милосердьемъ, прибѣже отъ строи Святославичь Володимиръ, Ярославль внукъ, къ Святославу, Новугороду, и тогда съ полку прибѣже къ нему Иванъ Берладникъ. Въ тоже веремя посла Святославъ въ Половцѣ къ уемъ своимъ, и пріиде ихъ къ нему въ борзѣ 300. Изяславъ же водивъ Всеволодовича Святослава хресту, и дá ему Бужьскый и Межибожье, 5 городовъ, а изъ Володимиря выведе. Вячеславъ же, се слышавъ, надѣяся на старишьство и послушавъ бояръ своихъ, не приложи чести ко Изяславу, отъя городы опять, иже бяшеть отъ него Всеволодъ отъялъ; не токмо же то, но Володимиръ зая и посади въ немъ Андреевича. Изяславъ же се слышавъ, посла брата своего Ростислава и Всеволодовича Святослава на стрыя своего Вячьслава, и отъя отъ него Туровъ, и епископа туровьскаго Акима, и посадника его Жирослава Иванковича, и посади сына своего Ярослава въ Туровѣ. Давыдовича же рекоста: »се есвѣ зачала дѣло зло, а свершивѣ до конца братоубийство; пойдивѣ, искоренивѣ Святослава и перенмевѣ волость его«; сгадаша же то въспросиша Изяслава ити на Святослава Новугороду. Томъ же лѣтѣ (1146) ходи Изяславъ къ Давидовичема на снемъ, и рече има: »пойдита на Олговича на Святослава«; и посла съ нима сына своего Мьстислава, съ Переяславчи и съ Берендѣи, рекъ имъ: »идите нань, оже передъ вами не выбѣгнеть, станьте же около его; аче вы ся сътрудите, а я пакъ чѣлъ приду къ вамъ и стапу около его, а вы домовь поидете« и поидоша Новугороду. И пришедше сташа у пересны, оттуда идоша стрѣлци изъ товаръ къ граду къ вратомъ Черниговьскимъ, и ту бишуся много; утрѣи же

день исполчившася и поидоша къ вратомъ Курьскимъ. И посла Мьстиславъ Изяславичь ко Володимиру и къ Изяславу Давыдовичема, и реша има: »братъ ваю, а мой отецъ, тако реклъ: къ городу же не приступайте, доколѣ же приду азъ, а како же угадаетъ, тако створимъ;« óна же рекоста тако: »аже тако братъ велѣлъ, а тако и учинимъ«, и не доидуча пакы града, стаста близъ. И съѣхавшася Володимиръ, Изяславъ Давыдовича, и Мьстиславъ Изяславичь, вси на мѣсто, и пустиша стрѣлцѣ къ граду, хрестьяны и Берендѣя, а сами сташа полкы и начаша ся бити, и бысть налога велика гражданомъ, и вбодоша ӑ въ врата острожная, и много бѣ у нихъ убитыхъ иураненыхъ; въ той же свадѣ убиша Дмитра Жирославича и Андрея Лазоревича. Бывшимъ же ся имъ и до вечера, и оттуда шедше сташа у Мелтековѣ селѣ, и оттуда пославше и заграбиша Игорева и Святославля стада въ лѣсѣ по Рахни, кобылъ стадныхъ 3000, а конь 1000; пославше же по селомъ, пожгоша жита и дворы. Въ тоже веремя послася Святославъ къ Гюргеви, и чѣлова къ нему крестъ Гюрги, яко искати ему Игоря; и поиде Гюрги въ помочь ему. Услышавшю же Изяславу, яко Гюрги идетъ въ помощь къ Святославу, и послася Изяславъ Мьстиславичь полемъ къ Ростиславу Ярославичу у Рязань, а самъ Изяславъ всѣде на конь, на Святослава къ Новугороду иде, идѣже бѣ Володимиръ и Изяславъ Давыдовича и сынъ его Мьстиславъ; послушавъ же Изяслава Мьстиславича Ростиславъ воюеть волость его, и поча стеречи волости его. Гюргеви же бысть вѣсть, оже Ростиславъ воюетъ волость его, и пусти Гюрги сына своего Иванка къ Святославу, а самъ узвратися изъ Козельска. Иванкови же Гюргевичу пришедшю въ Новъгородъ Святославу, и да ему Курескъ и съ Посемьемъ, а съ мужьми своими сгадавъ, попина своего послa къ Давыдовичема, рекъ има: »брата моя! се еста землю мою повоевали, и стада моя и брата моего заяли, жита пожьгли и всю жизнь погубила есте.....« По дьяволю наученію, не бѣ то и еще досыти, но идоста на Игорево сельце, идѣже бяше устроилъ дворъ добрѣ; бѣ же ту готовизни много въ бретьяницахъ (*медушахъ*), и въ погребѣхъ вина и медове, и что тяжкаго товара всякаго, до желѣза и до мѣди, не тягли бяхуть отъ множества всего того вывозити. Давыдовича же повѣлеста имати на возы собѣ и воемъ, и потомъ повѣлеста зажечи дворъ и церковь св. Георгія и гумно его, въ немъ же бѣ стоговъ 9 сотъ. И съѣхавшеся Изяславъ, Володимиръ Давыдовича съ Мьстиславомъ Изяславичемъ, сдумавше послашася противу Изяславу Мьстиславичю, а сами поидоша къ Путивлю, на Рожество хрестово, и тако приступиша къ граду; и не вдашася имъ Путивлечи, доидеже приде Изяславъ съ силою кіевьскою. Онѣмъ же крѣпко бьющимъся съ града, поѣхаста Давыдовича и рекоста имъ: »не бойтеся, цѣлоимы на томъ святою Богородицю, оже не дати васъ на полонъ« — они же не дашась имъ. И пріиде Изяславъ Мьстиславичь съ полкы своими къ нимъ; они же выслашась къ Изяславу Мьстиславичу и поклонишась ему и тако рекоша: »тебе есмы ждали, княже, а чѣлуй къ намъ хрестъ«. Изяславъ же цѣлова къ нимъ хрестъ и посадника ихъ выведе, а своего у нихъ посади. И ту дворъ Святославль раздѣли на 4 части, и стотьницѣ, бретьяницѣ, и товаръ, иже бѣ немочно двигнути, и въ погребѣхъ было 500 берьковсковъ меду, а вина 80 корчагъ; и церковь св. Вьзнесенія всю облупиша (*ободрали*), съсуды серебряныя, и индитьѣ, и платы служебныя, а все шито золотомъ, и кадѣлници двѣ, и кацьи ([1]),

([1]) *Кацьи*—глиняныя кадильницы съ ручками.

и еуангеліе ковано, и книгы, и колоколы; и не оставиша ничто же княжа, но все раздѣлиша, и челяди (*людей*) 7 сотъ. И приде Святославу вѣсть, оже Изяславъ Мьстиславличь пришелъ и городъ его взялъ, и вся яже въ немъ Святославле, и повѣда ему́ отца его мужь, идѣ же бѣ у Володимира, оже Изяславь идеть на нь и хочеть оступити Новѣгородѣ; Святославъ же повѣда Иванкови Гюргевичу, Иванови Ростиславичу Берладнику, и дружинѣ своей, и Половцемъ дикымъ уемъ (*дядьямъ*) своимъ, Тюнракови Осулуковичу и брату его Камосѣ: »се на мя идетъ Изяславъ Мьстиславличь, а промышляимы о собѣ«—они же рекоша: »княже! не стряпая поѣди, здѣ ти не о чемъ быти, нѣтуть ни жита, ни что, поиди въ лѣсную землю и оттудѣ ти ся близь слати къ отцю своему Гюргеви«. И тако побѣже Святославъ изъ Новагорода Корачеву; дружина же его, они по немъ идоша, а друзіи осташа его, и жена и дѣти съ нимъ, и ятровъ свою Игоревую поя съ собою.

(*Ипат. II, 25—27*).

298. Переговоры съ Володимеркомъ.

Изяславъ посла къ Володимиру галичскому (1152) Петра Бориславича, съ крестьными грамотами, зане тый же бяшеть и въ Перемышли съ королевы мужи водилъ къ хресту; и рече ему Изяславъ: »крестъ еси къ нама съ королемъ цѣловалъ на томъ, яко что Руской волости, то ти все воротити, и того еси всего не управилъ; нынѣ же азъ того не поминаю всего, но оже хощеши хрестьному цѣлованію управити и съ нама быти, то узворотя моя городы, на нихъ же еси къ нама съ королемъ крестъ цѣловалъ, не хощеши ли дати, то съступилъ еси крестьного цѣлованія; а се твоѣ грамоты крестьныя, а нама королемъ съ тобою како Богъ дасть«. И рече Володимиръ: »рци, брате, извеременилъ еси на мя и короля еси на мя възвелъ; но оже буду живъ, то любо свою голову сложю, любо себе мьщю«. И рече ему Петръ: »Княже! крестъ еси къ брату своему къ Изяславу и къ королеви цѣловалъ, яко ти все управити и съ нима быти; то ти еси уже съступилъ крестьного цѣлованія«. И рече Володимиръ: »сій ли крестець малый?« ([1]) И рече Володимеру Петръ: »Княже! аче крестъ малъ, но сила велика есть его на небеси и на земли; и тобѣ есть, княже, король являлъ того честнаго хреста, оже Богъ своею волею на томъ руци свои простерлъ есть, и привелъ й Богъ по своей милости къ св. Стефану, и то ти явилъ, оже цѣловалъ всечестнаго хреста, а съступиши, то не будеши живъ«; и рече ему Петръ: »а у королева еси мужа слышалъ ли о томъ честномъ крестѣ?« И рече Володимеръ: »вы того до сыти (*вполнѣ*) есте молвили; а нынѣ полѣзи (*ступай*) вонъ, поѣди же къ своему князю«. Петръ же положа ему грамоты крестьныя, лѣзе вонъ, и не даша Петрови ни повоза, ни корма; Петръ же поѣха на своихъ конихъ. И якоже съѣха Петръ съ княжа двора, и Володимиръ пойде къ божници къ св. Спасу на вечерню: и якоже бѣ на переходѣхъ до божници, и ту видѣ Петра ѣдуща и поругася ему: »поѣха мужь Руский объимавъ вся волости«; и то рекъ иде на полати (*на хоры*). И отпѣше вечерню, Володимиръ же пойде отъ божници, якоже бы на томъ мѣстѣ, на степени, идѣже поругася Петрови, и рече: »оле тѣ нѣкто удари мя за плече«,—и не може съ того мѣста ни мало ноступ-

---

([1]) Т. е,—что мнѣ сдѣлаетъ этотъ маленькій крестикъ?

пити, и хотѣ летѣти (*слетѣлъ—было*); и ту подъхытиша й подъ руцѣ, и несоша й въ горенку, и вложиша й въ укропъ (*въ теплую воду*), и молвяхуть, яко дла есть подъступила, иніи же друго яко молвяху, и много прикладывахуть. И бысть велми вечеръ, Володимиръ же нача изнемаготи велми; и якоже бы влягомо (¹), и тако Володимиръ галичьскый князь преставися. Петрови же выѣхавшю изъ Галича, и бѣ ему уже вечеръ, и лѣже у Болшевѣ; и якоже бысть убо къ куромъ (²), и пригна дѣтьскій изъ Галича къ Петрови, река: »князь ти молвить: неѣзди ни камо же, но жди ту, доколѣ по тя вышлю«. Петрови же не вѣдущю княжѣ смерти, ни тъй ему дѣтьскій не повѣдѣ, Петръ же тѣмъ печаленъ бяше велми, оже ему бяше опять въ городъ поѣхати, творятеться пріяти муку пуще того; Петръ же тужашеть. Яко бѣ еще до обѣда, и тако изъ града пригнаша по Петра, рекуще: »князь ти зоветь«. Петръ же поѣха въ градъ, и пріѣха на княжь дворъ, и ту снидоша противу ему съ сѣней слугы княжи вси въ черниxъ мятлихъ (*верхнихъ одеждахъ*), и видѣвъ се Петръ и подивися, что се есть; и яже взиде въ сѣни, и видѣ Ярослава сѣдяща на отни мѣстѣ въ черни мятли и въ клобуцѣ, такожe и вси мужи его; и поставиша Петрови столець (*стулъ*) и сѣде. Ярославъ же възрѣвъ на Петра и расплакася, Петръ не вѣдая сѣдяше, и нача прашати: »что се есть«? И повѣдаша ему: »Богъ сы ночи князя поялъ«; и рече Петръ: »а сы ночи есмь поѣхалъ, а онъ добръ здоровъ«; они же рекоша: »что си усунулъ за плече, и съ того нача велми изнемогати; и тако Богъ поя й«; и рече Петръ: »воля божія, а всимъ тамо быти«. Ярославъ же рече Петрови: »мы есмы тебе того дѣля позвали: се Богъ волю свою, како ему угодно, тако створилъ есть; а нынѣ поѣди къ отцю моему Изяславу, а отъ мене ся ему поклони, и се ему явиши: аче Богъ отца моего понялъ, а ты ми буди въ отца мѣсто, а ты ся съ моимъ отцемъ самъ вѣдалъ, что межи вама было, а то уже Богъ осудилъ; аче Богъ отца моего понялъ, а мене Богъ на его мѣстѣ оставилъ, а полкъ его и дружина его у мене суть, развѣ одиню копіе поставлено у гроба его, а и то въ руку моею есть; нынѣ, отце, кланяютися, пріими мя яко сына своего Мьстислава, такожe и мене, ать ѣздить Мьстиславъ подлѣ твоей стремень по одиной сторонѣ тебе, а азъ по другой сторонѣ подлѣ твоей стремень ѣждю всими своими полкы«. И тако отпустиша Петра.

(*Ипат. II, стр. 71—73*).

299. Борьба Новгородцовъ съ Суздальцами.

а. Ходи изъ Новагорода Даньславъ Лазутиничь на Двину (1169) дани имать, въ 500 мужь, и срѣтоша Суздальцѣ на Бѣлѣозерѣ въ 7000 мужь, и бишася, и паде Суздалець 1000 и 300, а Новгородець 15 мужь (¹); и взяша на Заволочанехъ дань, а другую на Суздальскыхъ смердехъ. На зиму придоша Суздалци ратью къ Новугороду, на сборъ (*въ воскресенье 1-й недѣли поста*), князь Романъ Андрѣевичь, а съ нимъ князь Мьстиставъ съ Смолняны, съ Рязанци, съ Муромци, съ Торопчаны, съ Полэчаны, вся земля просто Руская, и бысть всѣхъ

(¹) Когда ложатся спать.
(²) Когда пѣтухи поютъ, т. е. среди ночи.

(¹) Разумѣется, это не вѣрно, но выражаетъ взглядъ современниковъ на силу Новгородцевъ.

и обступиша градъ, и бияшася крѣпко, Всеволодъ же Гюргевичь посла къ нимъ въ помощь Ярослава Володимерича, свояка своего, а изъ Мурома Володимера и Давыда, и быша у Коломны; слышаша идуща изъ Володимеря, бѣжаша отъ града. И видѣ Всеволодъ бѣжаща ихъ отъ града, выѣха изъ града, оставивъ брата Святослава въ градѣ, а самъ ѣха къ Коломнѣ противу Ярославу, Воломеру и Давыдови, и повѣда имъ, како бѣжали отъ града; и они услышавше, възвратишася Володимерю, Всеволодъ же иде съ ними на совѣтъ ко Всеволоду великому Юргевичю. Услышавъ же Романъ, Игорь и Володимеръ, оже воротилися опять, и братъ ихъ шелъ Володимерю на совѣтъ ко Всеволоду Юргевичю, идоша ко граду; и Святославъ затворися въ градѣ, и бишася крѣпко, и перяша воду у нихъ, изнемагаху же людье въ градѣ безводьемъ. И послаша въ градъ къ брату Святославу, глаголюще: »не морися голодомъ съ дружиною, и людій не помори, но лѣзи сѣмо къ намъ; ты намъ братъ свой, ци снѣмы тя? толико не приставай къ брату Всеволоду«. Онъ же послушавъ бояръ своихъ, оже молвяхуть ему: »братъ твой шелъ Володимерю, а тобе выдавъ, и отвори градъ. Они же въѣхавше даша ему городъ, а крестъ цѣлова къ нимъ, и посадиша й въ томъ же градѣ, а что дружины Всеволожи, повязаша всѣхъ, жену же его и съ дѣтми, а свою ятворь (*свекровь*), ведоша въ Рязань, и бояръ его, и имѣнье ихъ розграбиша; и Володимерци многы повязаша иже бяху послани въ засаду къ нимъ. Услышавъ же Всеволодъ полонену жену и съ дѣтми, и до бояръ, и имѣнье взято, печаленъ бысть велми, а братъ ся передалъ, приде изъ Володимеря и сѣде въ Коломнѣ; и почашася воевати, и бысть ненависть межю ими люта. Всеволодъ же Гюргевичь слышавъ то, оже передался Святославъ на льсти, а дружину его выдалъ, нача сбирати вои, река: »дай мою дружину добромъ, како то еси у мене поялъ; аще ся миришь съ братьею своею, а мои люди чему выдаешь? язъ къ тобѣ послалъ, а ты у мене выбилъ челомъ, приславъ; аще ты ратенъ, си ратни же, аще ты миренъ, а си мирни же«. Они же слышавше, оже хочетъ ити на нь Всеволодъ, послаша къ нему глаголюще: »ты отець, ты господинъ, ты братъ; гдѣ твоя обида будеть, мы переже тобе главы свое сложимъ за тя, а нонѣ не имѣй на насъ гнѣва; аще есмы воевали на своего брата, оже насъ не слушаеть, а тобѣ ся кланяемъ, а мужѣ твои пущаемъ«. Всеволодъ же не всхотѣ мира ихъ, якоже пророкъ глаголеть: брань славна луче есть мира студна (*худаю*), съ лживымъ же миромъ живуще, велику пакость земламъ творять.

(*П. С. Лѣт. I, 169—170*).

301. Борьба г. Владиміра съ Рязанью 1207.

Всеволодъ в. князь рече слово Давыдово: ядый хлѣбъ мой възвеличилъ есть на мя лесть; и пакы рече: не убоюся зла, яко ты еси со мною, Господи, и поиде съ Москвы, совкупяся съ сынми своими, съ Костянтиномъ, и Юргемъ, и Ярославомъ, и съ Володимеромъ, и придоша до Окы, и сташа възлѣ рѣку шатры, на березѣ на пологомъ. Того дне придоша къ нему и Рязаньскыѣ князи, Романъ, Святославъ братъ его съ двѣма сынома, а Игоревича 2 братья его Инъгваръ и Юрги, и Володимерича 2 Глѣбъ и Олегъ, а Всеволодъ бяше умерлъ въ Проньскѣ братъ ихъ, и изъ Мурома Давыдъ; и цѣловавъ ихъ повелѣ имъ сѣсти въ шатрѣ, а самъ князь в. сѣде въ по-

ищи (*постельномъ шатрѣ*), и на-
нимъ слати князя Давыда муром-
и Михаила Борисовича, мужа свое-
і обличенье ихъ; и ходящимъ имъ
время межи ими, онѣмъ же кле-
ся и ротящимъ, яко нѣсть то та-
лѣбъ же и Олегъ Володимерича,
ича имъ своя, пришедше обличиста
князь же вел. слышавъ, яко въоб-
а (¹) бысть истина, повелѣ изъи-
ихъ съ своими думцами (*совѣтни-*
) и вести ихъ въ Володимерь, м.
ря въ 22 день св. Фоки, въ день
ый. И обыстьея на нихъ Давыдово
глаголющее: се болѣ неправдою,
болѣзнь, и роди безаконье; ровъ
и ископа, и впадеся въ яму, юже
; и обратися болѣзнь его на гла-
у, и на верхъ его неправда его
ь. А самъ внязь в. наутріи день
одися черезъ Оку, въ день недѣ-
и поиде къ Проньску; слышавъ же
(*господинъ*) Михаилъ, оже ему
е изимаша, а отець ему мертвъ, а
нь рать идеть, онъ же убоявся
ко тьети своему Чернигову. Про-
ке пояша къ собѣ Изяслава Волод-
ича, и затворишася съ нимъ въ
князь же в. пришедъ ста у горо-
оньска въ день суботный, и не хо-
дѣти кровипролитья, и посла къ
мужа своего Михаила Борисовича
ъ ихъ; они же не внушиша гла-
го, надѣющеся на градную твер-
не вѣдуще реченаго пророкомъ
мъ: аще не Господь созижеть дому,
трудишася зиждющеи, аще не Гос-
трежеть града, и прочая. Слышавъ
язь в. рѣчь ихъ буюю (*грубую*)
ыѣ приступити ко граду со всѣ
і, они же приступивше отъяша отъ
оду, они же бьяхутся крѣпко изъ
и мнози отъ обоихъ уязвляеми бя-

———

(¹) Изображена, открыта, видима.

ху, и выходяща нощью крадяху воду. То слышавъ князь Всеволодъ, повелѣ стрещи (*стеречь*) въ оружьи день и нощь около града, и роставля полкы по вратомъ: Костянтину, сынови своему, съ Новгородци и Бѣлозерци одина врата на горѣ, а Ярославу съ Переяславци 2-я врата, Давыду съ Муромци третьяя врата, а самъ князь в. ста за рѣкою съ поля Половецькаго, съ сынма своима Юргемъ и Володимеромъ, и съ нимъ Глѣбъ и Олегъ Володимерича. Они же бьяхуться, излазящи изъ града не брани дѣля, но жажы (*жажды*) ради водныя, измираху бо мнози людье въ градѣ. Тогда же посла в. князь полкъ свой къ людьямъ по корѣмъ на Оку, и престави къ нимъ Олга Володимерича; и бывшимъ имъ въ Ужеска (*Ожьска*), бысть имъ вѣсть, оже вышелъ изъ Рязаня Романъ Игоревичь съ полкомъ и бьеться съ лодейникы у Олгова. Они же [illegible] къ лодьямъ, си же видѣвше полкъ нашь, отступиша отъ лодьи и поставиша полкъ; наши же поставиша противу имъ, а по единой странѣ лодейници; и побѣди Олегъ Романа, и възвратишася наши опять къ Проньску съ побѣдою ко князю великому. И стояша около города 3 недѣли, и передашася людье въ четвергъ 3-іѣ недѣли м. октября въ 18 день, на память св. апостола Луки еуангелиста; князь же в. омирѣвъ ихъ, и посади у нихъ Олга Володимерича, а самъ поиде къ Рязаню, посадникы посажавъ своѣ по всѣмъ городомъ ихъ. И бывшю ему у Добраго, въста и хотяше наутріа бродитися черезъ Проню рѣку и поити къ городу; Рязанци же прислашася къ нему съ поклономъ, молящееся, дабы не приходилъ къ городу; и епископъ ихъ Арсеній моляся, часто шля и глаголя: »князь великый! не опусти (*не опустоши*) мѣстъ честиыхъ, не пожжи церквій святыхъ, въ нихъ же жертва Богу и молба створяетея за тя; а нонѣ всю волю твою створяемъ, чего

то хощеши«. Князь же в. милосердъ сы, послуша молбы ихъ и поиде отъ нихъ къ Коломнѣ. То же слышавъ Рюрикъ князь, оже Всеволодъ в. князь стоить у Рязаня, и князи ихъ изимавъ, онъ же совокупяся и гна изъѣздомъ къ Кыеву, и выгна Всеволода Чермнаго изъ Кыева, а самъ сѣде въ немъ. И мы та оставльше, на преднияя възвратимся. Князь же в. приде отъ Коломны на устъ Мерьскы, и постиже й епископъ ихъ съ молбою и съ поклономъ отъ всѣхъ людий, князь же в. оттолѣ поиде въ Володимерь, и вниде въ градъ м. ноября въ 21 день въ среду, на Введенье св. Богородица, и бысть радость велья въ градѣ Володимери.

(*П. С.-Лѣт. I*; *181—183*).

302. Липицкая битва.

Въ лѣто 6724 (1216). Князь в. Мстиславъ поиде съ Новогородци на зятя своего кн. Ярослава, м. марта въ 1 день, въ вторникъ; а въ четвертокъ побѣгоша къ Ярославу крестопреступници Володиславъ Завидовичь, Гаврило Игоревичь, Юрьи Олексиничь, Гаврило Милятиничь, и съ женами и съ дѣтми. Князь же съ Новогородци быша верху Волгы, и кн. Святославъ обшедъ городець Ржевку Мстиславль съ полкы въ 10,000, Мстиславъ же съ Владимеромъ съ плесковьскымъ, поиде вборзѣ въ 500, толко бо вефилъ вой бяше, и пригониша, а они бяху побѣгли прочь; Ярунъ затворися въ градѣ въ 100, и отбися ихъ, и Мстиславъ взя Зубцевъ. И быша на Волзѣ, приде Володимеръ Рюриковичь съ Смолняны, и послаша на Торжекъ къ Ярославу о миру, а сами сташа на Холохолнѣ. Ярославъ же отвѣтъ да(*лъ*): »миру не хощу, пошли есте, поидите же, но ни сту васъ достанется одинъ васъ«. И рекоша промежу себе князи: »ты, Ярославе, съ плотью, а мы съ крестомъ честнымъ«. Ярослави же мужи учиниша тверль (*крѣпость*) а пути отъ Новагорода засѣкоша и рѣку Тферцу. И рекоша Новогородци княземъ: »поидемъ мы къ Торжьку«; а князи рекоша: »аще поидемъ къ Торжку, попустошимъ новгородскую волость«. И поидоша къ Тфери, и начаша имати села и жечи, а на Ярослава не бѣ вѣсти, въ Торжку ли, или въ Тфери. И Ярославъ слышавъ, оже (*что*) емлють села, ѣха изъ Торжку въ Тферь, поимавъ (*взявъ*) съ собою старѣйшія боляре и Новогородци и молодыхъ изборомъ (*по выбору*), а Новоторжьци вси, и посланша 100 мужь избранныхъ въ сторожу; они же выѣхавше, за 15 верстъ отъ града явишася, ту бо стали бяху князи наши, поставльше полкы творяхуу рать велику. И посласта Яруна съ молодыми людьми, и наѣхавше на Новоторжьци Ярославли, и пособи Богъ Яруну, изымаша сторожевъ Ярославлихъ 30 и 3, а 77 ихъ убиша, а иныя убѣжа въ Тверь; то же бысть первая побѣда на нихъ, на Благовѣщеніе. И бѣ вѣсть у тѣхъ, что Ярославъ въ Тфери и тако ѣздяху въ зажитье (1) не боащеся. И оттолѣ послаша Яволода, боарина Володимеря, ко кн. Констянтину Всеволодичю въ Ростовъ, а Володимера пьсковьского со Пьсковичи и Смолнянъ на рубежь послаша проводити, а сами съ Новогородци поидоша по Волзѣ воюючи; и пожгоша Шешу и Дубну, а Володимеръ со Пьсковичи и со Смолняны взяша г. Коснятинъ, и пожгоша й, и все Поволжье. И срѣте воевода Еремѣй отъ кн. Костянтина изъ Ростова нашихъ князей, и рече: »кн. Костянтинъ кланяется вамъ, и азъ радъ слышавъ

---

(1) *Ѣхать въ зажитье*—отыскивать по волостямъ припасы для войска; такими сборами князья часто опустошали собственныя земли, отнимая у жителей насильно и притѣсняя ихъ.

ъ вашь, се вамъ отъ мене въ по-
500 мужь; да пришлета ко мнѣ
ьми рѣчьми Всеволода, шурина мое-
И ту отрядиста Всеволода съ вои
ги, и послаша къ кн. Констянтину,
и поидоша по Волзѣ въ низъ, и ту
ша возы, на кони полѣзоша, и по-
къ Цереяславлю воюючи. И быша
родищѣ на рѣцѣ Сарре у св. Мари-
апрѣля 9, на великъ день; и ту
Костянтинъ съ Ростовци, и возра-
ся видѣвшеся и крестъ цѣловаша.
ядиша кн. Владимера пьсковьскаго
ужиною въ Ростовъ, а сами при-
съ полкы, сташа противу Пере-
ю, въ Ѳомину недѣлю. И ѣхавше
лковъ подъ городъ, яша человѣка
яташа, оже кн. Ярослава въ го-
гѣту, пошелъ бо бяше къ кн. Юрью
лкы, съ Новогородци и съ Ново-
ци, а кн. Юрьи Всеволодичь съ
лавомъ и съ Володимеромъ вышелъ
изъ Володимеря съ всею братьею.
у полци силни велми, Муромци, и
пци, и Городчане, и вся сила Суз-
ой земли; бяшеть бо погнано и изъ
и (*изъ поселянъ*) и до пѣшьца.
грашно чюдо и дивно, братье! пои-
сынове на отца, и отци на дѣти,
на брата, рабы на господину, а
инъ на рабы. И ста кн. Ярославъ
и съ братьею на рѣцѣ Кзѣ, а кн.
лавъ и Володимеръ съ Новгородци
иста свои полкы близь Юрьева, и
ояста; а кн. Костянтинъ далече
съ своими полкы, на рѣцѣ Ли-
И узрѣша полкы стояща Ярославли
евы, и послаша Ларіона сотьского
Юрью: »кланяемся, нѣту намъ съ
обиды, обида намъ съ Ярославомъ«.
авъ же кн. Юрьи: »одины есмя
съ Ярославомъ«. И посласта къ
ву, глаголюща: »пусти мужи Но-
ци и Новоторжьци; что еси зашелъ
ль) волости Новогородскіа, Волокъ
ти (*возврати*), а миръ съ нами

възми, а крестъ къ намъ цѣлуй, а крови не проливай«. Отвѣшавъ же Ярославъ: »мира не хощу, а мужи у мене; а далече есте шли, и вышли есте, акы (*какъ*) рыба на сухо«. И сказа Ларьанъ ту рѣчь княземъ. И пакы посласта къ обѣма княземъ послѣднюю рѣчь: »мы пришли есмя, брате кн. Юрьи и Ярославе, не на кровопролитіе, крови не дай Богъ створити, да до того управимся; мы есмы племенници себѣ, а дадимъ старѣйшиньство кн. Костянтину, а посадите й въ Володимерѣ, а вамъ земля Суздальская вся«. Кн. Юрьи же рече: »рци братьѣ моей, кн. Мстиславу и Володимеру: пришли есте, да куды хотите отъити; а брату кн. Костянтину молви: »перемога насъ, тобѣ вся земля«. Тако князи възнеслися славою Юрьи и Ярославъ: видѣвше у себе силу великую, не пріяста мира, и начаста пирити (*пировать*) въ шатрѣ съ своими боляры. Бояринъ молвитъ: »твори миръ, кн. Юрьи и Ярославе, меншаа братья въ вашей воли; оже бы по моему гаданію (*мнѣнію*), луче бы миръ сътворити и дати старѣйшиньство кн. Костянтину; ци зримъ, оже (¹) при нашихъ полцѣхъ тѣхъ мало Ростиславля племяни, да князи мудри суть и рядни (*урядливы, ловки*) и хоробри, а мужи ихъ Новогородци и Смолняне дерзи (*храбры*) къ боеви, а Мстислава Мстиславича и сами вѣдаета въ томъ племяни, оже дана ему отъ Бога храбрость изо всѣхъ; а господина, гадайта«. И не люба бысть рѣчь си кн. Юрью и Ярославу. Нѣкто же болярь князь Юрьевыхъ рече: »княже Юрьи и Ярославе! не было того ни при прадѣдахъ, ни при дѣдѣ, ни при отцѣ вашемъ, оже бы кто вшелъ ратью въ силную землю въ Суздальскую, оже вышелъ цѣлъ, хотя бы и вся Русская земля, и галичьская и кіевьская и смо-

---

(¹) Чего смотрѣть что...

ленская и черниговьская и новогородская и рязаньская, никако противу сей силѣ устоять: аже княжии волци, право покидаемъ ихъ сѣдлы (1)«. И люба бысть рѣчь кн. Ярославу; и созваша бояры и первыя своя люди, начаста глаголати: »се пришелъ вы товаръ въ руки, вамъ же буди кони, брони, порты (2): а человѣка, оже кто имѣть живаго, то самъ будеть убитъ; аще и золотомъ шито оплечье будеть (3), убій, да не оставимъ ни единаго же живаго: аще кто изъ полку утечеть (убѣжитъ), не убитъ, имемъ, а тѣхъ вѣшати или распинати; а о князьхъ, оже будуть у насъ въ рукахъ, то сгадаемъ«. И отпустиша люди, вшедъша въ шатеръ съ братьею, и начаста дѣлити городы, и рече кн. Юрьи: »мнѣ, брате княже Ярославе, Володимерская земля и Ростовская, а тобѣ Новгородъ, а Смоленскъ брату нашему Святославу, а Кievъ дай черниговьскимъ княземъ, а Галичь намъ же«: и цѣловаша крестъ межи собою, и писаша грамоты того не преступити, тыи же грамоты взяша Смольняне по побѣдѣ въ станѣхъ Ярославлихъ, и даша своимъ княземъ. Князь же Юрьи и Ярославъ, раздѣливше вся городы русскыи, надѣющеся силѣ своей великой, почаста (начали) позывати къ Липицамъ на бой. Князи Мстиславъ и Володимеръ приваста кн. Костянтина, и гадаша съ нимъ много и цѣловаста крестъ, яко не быти въ нихъ перевѣту (измѣны), и поидоша тоѣ нощи. Пополошилися стояша за щиты всю нощь, кликаша бо во всѣхъ полцѣхъ, и въструбиша въ княжихъ Костянтиновыхъ полцѣхъ; слышаста кн. Юрьи и Ярославъ, хотѣста побѣгнути, и уташася (остановились) за валомъ. За-

утра же прiидоша князи къ Липицамъ, и ихъ позывали, а они тое ночи пресѣкли бѣгу за дебрь; и есть гора словеть Авд ту поставиша князи Юрьи и Яросл свои полкы, а сіи князи. Мстиславъ, Володимеръ, и Костянтинъ, и Всевол поставиша полкы своя на другой го еже словеть Юрьева гора, а ручей м среди тоя горы, имя Тунегъ. И пос ста князи къ кн. Юрьи 3 мужи, пр просяще: »или не даси мира, да от ните далѣ на ровно мѣсто, а мы и наши стороны поидемъ; или мы отсту на Липици, а вы на наши станы«. Кн же Юрьи рече: »мы мира не имемъ, а і ступаю; пошли чрезъ землю, то ли дебри не прейдете«? надѣяше бо ся і тверды, бяше бо плетенемъ оплете мѣсто и насовано колья, ту бо си глаголюще: »егда ударять на нь. поидемъ«. То слышавъ князи, и поси противу Ярославлихъ людій молоди тися и бишася ти день и до веч бьяхутся не прилежно (неусердно), б бо того дни буря и студено вель. утра же хотѣша поити къ Вол не заиначи полковъ, начаша дей въ станѣхъ (въ обозахъ): они же і ше, съ горы начаша сходити, глаго »отбѣжати ихъ«: си же тече (бы ли) въсватиша ихъ назадъ, а ту стиже кн. Володимеръ Плесковьскій Ростова И начаша думати князи: стантивъ полкомъ: »брате кн. Мсти и Володимере! аже поидемъ мимо и вынуть мы въ тылъ (сзади), а гое ини люди къ боеви не дерзи. и разидутся въ городы«: кн. Мсти же рече: »княже Володимере и Ко тинъ! горе намъ не поможетъ, і ра насъ побѣдитъ: но зряще на і честнаго и на правду, поидемъ къ н И почаша ставити полкы: Володимер Смоленьскый постави полкы сво краи, а отъ него ста Мстиславъ и полкъ съ Новгородци, и Вол

(1) Закидаемъ ихъ седлами.
(2) Брони — панцыри, кольчуги, порты — платье.
(3) Т. е. хоть бы знатный, именитый будетъ.

овьскы съ Плесковичи, а отъ него
кн. Костянтинъ съ Ростовци; Яро-
же ста съ своими полкы съ му-
кыми и съ Городчаны и съ Бронни-
отиву Володимеру и Смолняномъ, а
ста противу Мстиславу и Новогоро-
иъ со всею землею Суздальскою, а
ная братья его противу кн. Костян-
Нача же Мстиславъ съ Володиме-
укрѣпляти Новогородци и Смолняны:
іе! се вошли есмя въ землю силь-
а позря въ Бога (*взирая на Бога*),
іъ крѣпко, не озиранися назадъ,
пе не уйти; а забудемъ братье, до-
(*дома*), женъ и дѣти; а кому не
ти? а хто хощеть пѣшь, а хто хощеть
нехъ«. Новогородци же рекоша: »а
хощемъ изъмрети на конехъ, но яко
наши билися на Колагшѣ пѣши«.
же Мстиславъ радъ бысть тому.
родьци же ссѣдше съ конь, и пор-
латье) и сапазѣ сметавше, боси
иша, а Смолняне такоже поскочиша
а по нихъ отряди кн. Володимеръ
Михаиловича съ полкомъ (*коннымъ*),
к князи и вси воеводы поидоша по
на конехъ. И егда бѣ полкъ Иворь
ри ([1]) подчеся подъ Иворомъ конь,
же не ожидаючи Ивора, удариша
рославлихъ пѣщцевъ и кликнуша,
эргше кіи ([2]) а они топоръ, от-
я имъ; они же побѣгоша, и нача-
бити, подтяша стягъ Ярославль, и
иже Иворъ съ Смолняны же, и
шася другаго стяга Ярославля, а
еще не доѣхали. Видѣвъ же кн.
лавъ и рече: »не дай Богъ выдати,
княже Владимере, добрыхъ лю-
и удариша на нихъ сквозѣ свои
Мстиславъ съ своимъ полкомъ, а
имеръ съ своимъ, а Всеволодъ
Мстиславичь съ дружиною, а Володимеръ съ Плесковичи пристиже (*прибѣжали*), и кн. Костянтинъ съ Ростовци. Кн. Мстиславъ, проѣхавъ 3-жды сквозѣ полкы княжи Юрьевы и Ярославли, сѣкучи люди, бѣ бо у него топоръ съ паворозою на руцѣ ([1]), и тѣхъ сѣчааше, такоже и кн. Володимеръ; и створиша брань велику, и досѣкошася и до товаровъ. Князь же Юрьи и Ярославъ, видѣвше аки на нивѣ класы пожинаху, побѣгоста съ меншею братьею и съ муромьскими князи. Князь же Мстиславъ рече: »братья Новодородци! не стойте къ товару ([2]), прилежите боеви; възвернуть ли ся (*оборотятся*) на насъ, измятуть ны (*изомнутъ насъ*)«; Новогородци же не рада товаровъ ([3]) бьяхуться, а Смолняне нападоша на товарѣ и одирааху мертвыя, а о бои не праваху (*не радѣли*). Побѣжени же бывше полкы силніи суздальскіе м. апрѣля въ 21, въ четвертокъ 2 недѣли по пасцѣ. О великъ, братіе, промыслъ божій! на томъ бо побоищѣ только паде Новогородцевъ 5 человѣкъ да одинъ Смолнянинъ, а силою честнаго креста вси сохранени быша и правдою. О многы побѣды, братіе! бесчисленное множество, яко не можетъ умъ человѣчьскый достигнути, княжихъ Юрьевыхъ и Ярославлихъ избіеныхъ, а изыманыхъ баше въ станѣхъ въ всѣхъ 60 мужь; аще быста вѣдали се князь Юрьи и Ярославъ, то мирилася быста, се бо слава ею и хвала погыбе, и полци силніи ни во что же быша. Баше бо у князя у Юрья стяговъ 13, а трубъ и бубновъ 60; молвяхуть бо и про Ярослава, стяговъ у него 17, а трубъ и бубновъ 40. И ркоша (*рекоша*) люди о Ярославѣ: яко тобою ся намъ много зла створи,

---

Чаща, трудно проходимое мѣсто отъ бохвороста.
Палка, палица, дубина.

([1]) Со шнуркомъ, съ наручникомъ.
([2]) *Къ пожиткамъ*, или не корыстуйтесь.
([3]) Бросили товары.

про твое бо преступленіе крестное речено быстъ: пріидѣте, птица небесная, напитайтеся крови человѣчьскія; звѣріе, наѣдѣтеся мясъ человѣчьскыхъ. Не 10 бо убито, ни 100, но тысуща тысущами, а всѣхъ избитыхъ 9000 и 200 и 30 и 3 мужи, бяше бо слышати крикъ живыхъ, иже не до смерти убитыхъ, и вытье (*вой*) прободеныхъ въ Юрьевѣ городѣ и около Юрьева, не бѣ кто погребаяй; а мнози истопоша бѣжачи къ рѣцѣ, а иніи ранены зашедъ изомроша, а живыи побѣгоша овіи къ Володимерю, а иніи къ Переяславлю, а иніи въ Юрьевъ. Князь же Юрью стоялъ противу Костянтину, и узрѣ Ярославль полкъ побѣгше, и той прибѣже въ Володимерь о полудни на 4-мъ кони, а трехъ одушилъ, въ первой сорочицѣ, подъкладъ и тыи вывергль ([1]); а съступъ былъ во обѣдъ годъ ([2]). Въ Володимери же остася не противный народъ, попове, черньци, жены и дѣти, видѣвше радоваахуся, творяаху посла отъ князя, и ти бо глаголаху: »наши одолѣваютъ«; и се кн. Юрьи прибѣгъ одинъ, нача ѣздити около града, глаголя: »твердите городъ«; они же слышавше смятошася, быстъ въ веселья мѣсто плачь; къ вечеру же прибѣгоша людіе, инъ раненъ, инъ нагъ, такоже нощи тоя. И заутра кн. Юрьи созва люди: »братья Володимерци! затворимся въ градѣ, негли (*авось*) отбьемся ихъ«; молвятъ людіе: »княже Юрье! съ кимъ ся затворимъ? братья наша избита а иніи изимани, а прокъ (*остатокъ*) нашь прибѣгли безъ оружія, то съ кымъ станемъ«? князь же Юрьи рече: »то азъ все вѣдаю, а не выдайте мя ни брату кн. Костянтину, ни Володимеру, ни Мстиславу, да быхъ вышелъ по своей

воли изъ града«; они же тако обѣщашася ему. Ярославъ же такоже прибѣгъ одинъ въ Переяславль на 5-мъ кони, а 4 одушилъ, и затворися; и не довлѣ ему о первомъ злѣ, не насытися крови человѣчьскыя, изби въ Новѣгородѣ людій много, и въ Торжьцу и на Волоцѣ, но и ту вбѣгъ изыма Новогородци и Смолняны, иже бяху зашли гостьбою (*для торгу*) въ землю его, повелѣ въ погребы вметати ихъ, что есть Новогородцевъ, а иныхъ въ гридницу ([1]), и ту ся изодхоша, а иныхъ повелѣ затворити въ тѣснѣ избѣ, и издуши ихъ полтораста, а Смолнянъ 15 мужь затвориша кромѣ (*особо*), тѣже быша вси живи. Князи же милостиви племя Ростиславле, и до христіянъ добри, тый день стояша на побоищѣ, и аще быша гонилися по нихъ, то было кн. Юрью и Ярославу не утти, а градъ бы Володимерь изгонили (*завоевали*); но тихо пріидоша къ Володимерю, и объѣхавше его, сташа въ недѣлю порану и думаху, откуду взяти. И тое ночи загорѣся въ городѣ княжь дворъ, и хотѣша Новогородци полѣзти (*приступить*) къ городу, и не да́ имъ кн. Мстиславъ; во вторникъ на ночь, въ 2 часъ нощи, загорѣся городъ и горѣ до свѣта, Смолняне же прошаху *отъ чинъ* ([2]) взяти градъ, и кн. Володимеръ не пусти ихъ. И высла кн. Юрьи съ челобитьемъ къ княземъ: »не идѣте мене днесь, а заутра поиду изъ града«. И заутра же рано выѣха кн. Юрьи съ двѣма браты, и поклонися княземъ Мстиславу и Володимеру, и рече: »братья! вамъ челомъ бью, вамъ животъ дати и хлѣба накормити; а братъ мой Костянтинъ въ вашей воли«; и да́ имъ дары многы, и даша ему миръ. Князь же Мстиславъ и Воло-

(1) Подкладъ у седла, войлокъ.
(2) Сраженіе, вступленіе въ бой было въ объденное время.

(1) Въ комнату назначенную для войска.
(2) *Отъ чинъ* значитъ: въ то время или въ тотъ часъ.

ръ управиста ихъ, кн. Костянтину
димерь, а кн. Юрью Радиловъ горо-
И тако наборзѣ въспрятавшеся (*по-
ались*) на лодьи, въ насады (*боль-
суда*), владыка, и княгини, и лю-
го вси поидоша внизъ; самъ же кн.
і вшедъ въ церковь въ св. Богоро-
дари челомъ у отечьня (*у отцов-
ь*) гроба и плакася глаголюще: »суди
брату моему кн. Ярославу, оже мя
доведе«,—и тако поиде изъ Володи-
въ малѣ въ Городець. И поѣде кн.
янтинъ къ Володимерю, и срѣтоша
ородомъ князя весь священьскый чинъ
діе вси, и сѣде въ Володимерѣ на
ѣ отнѣ; кн. же в. Костянтинъ въ
день одари князи и боляре многыми
, а Володимерци вводи къ кресту.
ь же Ярославъ еще пребывая въ
; и дыша гнѣвомъ не покаряшеся,
рися въ Переяславлѣ и творяшеся
избыти; князи же сдумавше поидо-
ъ Переяславлю, въ пятокъ 3 недѣли
асцѣ. И се слышавъ кн. Ярославъ,
ся, нача высылати люди, моляся о
, и бысть въ вторникъ заутра выѣ-
н. Ярославъ, и удари челомъ кн.
тянтину, и рече: »господине! азъ
въ твоей воли, не выдайте мя тцю
тю) моему кн. Мстиславу, ни Во-
іеру, а самъ, брате, накорми мя
мъ«; князь же Костянтинъ управи
слава съ Ярославомъ со зятемъ, и
ишася не доидучи Переяславля, а въ
у на Преплловленье пріидоша къ Пе-
явлю, и ту кн. Ярославъ одари кня-
воеводы дары многыми. А кн. Мсти-
ь, не идя къ городу, поимавъ дары,
сла въ городъ и поя дщерь свою,
нягиню Ярославлю, и что живыхъ
Городець, и что было съ Ярославомъ
у, и выѣха въ станы за городъ.
ь же Ярославъ многажды сосылая
ою къ кн. Мстиславу, прося княгини
і къ собѣ, глаголя: »чи не бываетъ
вражда княземъ, то ни сяка ([1]); по
правдѣ мя крестъ убилъ«; князь же
Мстиславъ не пусти дочери своея къ не-
му. И тую нощь стоявше князи поидоша
разно (*порознь*), князь в. Костантинъ
къ Володимерю, а Мстиславъ къ Новуго-
роду, Володимеръ ко Смоленьску, а дру-
гый Володимеръ Плескову, побѣдивше
силніи полкы, вземше свою честь и славу.

(*П. С. Лѣт. I, 211—215*).

303. Междоусобія во Владимірѣ.

Въ лѣто 6725 (1217). Искони злый врагъ дьяволъ, ненавидяй всегда добра роду человѣчю, паче же хрестьяномъ не хотя, дабы не одинъ въ вѣчнѣй муцѣ былъ, яже есть уготована ему и сущимъ съ нимъ; сь (*сей*) оканьный дьяволъ въздвиже нѣкую котору злу межи князи, сыны Всеволожи, Костянтиномъ, и Юргемъ, и Ярославомъ, и бишася у Юрьева, и одолѣ Костянтинъ; но пакы Богъ и крестъ честный и молитва отца ихъ и дѣдня введе я̂ въ великую любовь, и сѣде Костянтинъ въ Володимери на столѣ, а Юрги Суждали. И бысть радость велика въ земли Суждальстѣй, а дьяволъ единъ плакаше своея погыбели. Того же лѣта Глѣбъ кн. рязаньскый Володимеричь, наущенъ сотоною на братоубійство, сдумавъ въ своемъ оканьнѣмъ помыслѣ, имѣя поспѣшника брата своего Костянтина и съ нимъ дьявола, иже ею прельсти своимъ злокозньствомъ, въ помыслъ има вложь, рекшема има: »яко избьевѣ сихъ, а сами пріимевѣ едина всю власть«. А не вѣси ли, оканье, божья строенья, даетъ бо власть, ему же хощеть, постав-

---

([1]) Мало ли бываетъ вражды между князьями, но все таки не такой.

ляеть царя и князя Вышній? Что бо прія Каинъ отъ Бога, убивъ Авеля брата своего? не проклятье ли и осуженье и трясенье? или Ламехъ? не казнь ли злобѣ? или вашь сродникъ Святополкъ, избивъ братью, онѣма вѣнець исходатайствова, а собѣ вѣчную муку? Сь бо Глѣбъ ту же мысль Святополчю прiимъ и скры ю въ сердци своемъ съ братомъ своимъ. Снемшимся имъ всѣмъ на Исадѣхъ на порядъ, Изяславъ, кюръ Михаихъ, Ростиславъ, Святославъ, Глѣбъ, Романъ, Инъгваръ же не успѣ прiѣхати къ нимъ, не бѣ бо прислѣло еще время его, Глѣбъ же Володимеричь съ братомъ позва я къ собѣ, яко на честь пиренья (*пированья*) въ свой шатеръ. Они же не вѣдуще злыя его мысли и прелести, вси 6 князій кождо съ своими боляры и слугы придоша въ шатеръ ею. Сь же Глѣбъ, преже прихода ихъ изнаряди свои слугы и братни, и поганыхъ Половець множство въ оружьи, и скры я въ полъстници ([1]) близъ шатра, въ немъ же бѣ имъ пити, не вѣдущю ихъ никому же, развѣ тою зломысльною князю и ихъ проклятыхъ думець; и яко начаша пити и веселитися и ту абье проклятый Глѣбъ съ братомъ иземъша меча своя, начаста сѣчи преже князи, таже боляры и слугы ихъ, много множство, одинѣхъ князій 6, а прочихъ боляръ и слугъ безъ числа изби съ своими слугы и съ Половци. Си же злоба сключися м. іуля въ 20 день, на память св. пророка Ильи огньнаго въсхоженья.

(*П. С. Лѣт. I, 186*).

([1]) *Полстница* — постельный шатеръ для спальни князя, отъ слова полсть, кошма, войлокъ,

304. Договорная Новгорода съ вел. кн. тверскимъ Александромъ Михайловичемъ 1327 г.

Благословление отъ владыцѣ Моисѣя, поклонъ отъ посадника Данила, отъ тысяцкого Аврама, и отъ всего Новагорода къ господину в. кн. Олександру. На семь, княже, цѣлуй хрестъ къ всему Новугороду; на чемь цѣловалъ дѣдъ твой Ярославъ. Новъгородъ держати ти въ старой пошлинѣ. Что волости новгородьскыхъ, тѣхъ ти волостий, княже, тобѣ своими мужи не держати, дьржати мужи новгородьскыми; а даръ тобѣ, княже, имати отъ тѣхъ волостий. А безъ посадника ти, княже, суда не судити, ни грамотъ давати, ни волостий раздавати; а безъ вины ти, княже, мужа волости не лишати. А что ти, княже, пошло на Торжьку и на Волоцѣ, тивунъ свой держати на своей части, а Новгородца на своей части. А въ Бѣжищахъ тобѣ, княже, и твоимъ бояромъ, и твоей княгыни, и твоимъ слугамъ селъ не держати, ни купити, ни даромъ приимати, и по всей волости новгородьской. А что Олександровыхъ княжихъ селъ купленыхъ, или его мужь, а то поидеть къ Олександру князю по исправѣ, по хрестьному цѣлованію, по заводъ; а исъ тыхъ селъ суда имъ не судити, ни дворяномъ ѣздити, ни людій новгородьскыхъ приимати, ни земли. А се, княже, волости новгородьскыи: Волокъ со всѣми волостьми, Торжекъ, Бѣжици, Городець, Палець, Мелеча, Шипинъ, Егна, Заволочье, Трѣ, Пермь, Печера, Югра, Вологда. А кто будеть купилъ села въ всей волости въ новгородьской при дѣдѣ моемь Ярославѣ и при Васильи, при Дмитрии, при Андрѣи, и при отци моемъ Михаилѣ, и при князи Юрьи, при Дмитрии, кто будеть даромъ отъялъ, или силою; а то поидеть безъ кунъ къ Новугороду: а кто купилъ будеть въ новго-

родьской волости, знати имъ своего истьца; или не будеть истьца, како не вѣдаеть истьца своего, цѣловавъ ему крестъ, куны (*деньги*) ему взяти у Новагорода, колько будеть далъ, а земля поидеть къ Новугороду; или не окупять, сѣдѣти ему доколѣ окупять. А нелюбья (*вражды*) ти, княже, не держати къ Новугороду до посадника, и до тысяцкого, и до всего Новагорода отъ мала и до велика, ни мщатися ни судомь, ни чимъ же. А што ся дѣяло до твоего княжение, и въ твое княженье, того ти не поминати; што продано княжихъ волостий до велика дни, а што будеть не продано по велицѣ дни, то по цѣлованью повѣдати. А въ Русу ти, княже, ѣздити на третьюю зиму, по грамотѣ дѣда своего Ярослава; а лѣтѣ на Озвадъ звѣрий гонитъ. А въ Ладогу ти, княже, ѣздити на третьее лѣто. А изъ Бѣжиць ти людий не выводити въ свою волости, ни изы иной волости новгородьской, ни грамотъ давати ни закладниковъ примати, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ слугамъ, ни смерда, ни купчины. А безъ вины ти мужа волости не лишати; а грамотъ ти не посужати. А пожни, княже, что твои и твоихъ мужь, то твое, что пошло. А што будеть дѣдъ твой сильно дѣялъ или иный князь на Новѣгородѣ, того ти не дѣяти. А рубежь ти, княже, дати правый бесъ перевода межю отчиною своею и новгородьскою всею волостью. А Новгородьцемъ волости и оброковъ княжихъ не таити. А дворяномъ твоимъ, какъ пошло отъ князя по 5 кунъ погонъ имати, а отъ тиуна по 2 кунѣ. А что, княже, мытъ по суждальской землѣ и въ твоей волости, отъ воза имати по 2 вѣкшѣ, и отъ лодьи, и отъ хмельна короба, и отъ льняна. А дворяномъ твоимъ у купцевъ повоза не имати, развѣ ратной вѣсти: а свободъ и мытъ на новгородской волости не ставити. Холопъ или роба почнеть вадити на господаря, тому ти вѣры не яти. А на Низу, княже, Новгородця не судити, ни даний роздавати; а кто почнеть къ тобѣ вадити, тому ти вѣры не яти. А гости гостити по суждальской земли новгородьскому бесъ пакости, безъ рубежа, по царевѣ (*ханской*) грамотѣ. А въ немецкомъ дворѣ, княже, торговати тобѣ нашею братьею; а двора ти не затворяти, а приставовъ не приставляти. А села св. Софии исправи св. Софии. А судьи слати на Петровь день, какъ пошло: кто купецъ, тый подеть въ сто, а смедръ въ свой погостъ. А ряду вольнаго не посужати, а самосуда въ новгородьской волости не замышляти по пошлинѣ. ***А суждальскому гости гостити въ Новгородъ безъ рубежа, безъ пакости.*** А свиньи ти, княже, гонити за 60 верстъ около города; а въ той шьтидесятъ Новгородцю гонити, князя докладая, а дале куды кому годно. А за Волокъ ѣздити судьи, какъ пошло; по новгородской пошлинѣ. На семь на всемь князь в. цѣловалъ крестъ къ всему Новугороду; такоже посадникъ и тысяцкый и весь Новъгородъ цѣловали къ в. князю, по любви въ правду, безъ всякого извѣта.

(*Къ сей грамотѣ привѣшена печать свинцовая*).

(*Собр. грам. I, № 15, стр. 19—20*).

305. Отношенія между Новгородомъ и Псковомъ.

Въ тоже время (1331 г.) пріидоша послове изъ Плескова отъ кн. Александра, и отъ Гидимона послове, и отъ всѣхъ князей литовъскихъ, къ митрополиту, и приведоша съ собою Арсенія, хотяще его поставити на владычьство въ

Плесковъ, а Новагорода не творя ничимъ: възнесъ бо ся высокоуміемъ своимъ, нъ Богъ и св. Софіа низлагаеть всегда высокомыслящихъ; зане Плесковичи измѣнили крестное цѣлованіе къ Новугороду, посадили себѣ князя Александра изъ литовскіа рукы. Арсеніи съ Плесковичи посрамленъ бысть, и прочь поиде отъ митрополита изъ волыньскіа земля на Кіевъ, на память св. отца Симеона столпника; а Василіи владыка Новгородскіи, въ тоже время, отъ митрополита поиде, съ своими бояры. Яко пришедшу ему къ городу Чернѣгову, и ту, наученіемъ діаволимъ, пригнася кн. Θеодоръ кыевскы, съ баскакомъ, въ 50 человѣкъ разбоемъ; и Новгородци остерегошася и сташа доспѣвъ противу себе, мало ся зло не учини промежу ими, а князь въспріемъ срамъ побѣже прочь, а отъ Бога казни неубѣжа, помроша бо у него кони. И оттолѣ пакы поиде владыка на Брянескъ, и пріиде въ Торжокъ, на память св. священномуч. Алепсимы; и ради быша Новоторжци своему владыцѣ, а въ Новѣгородѣ печални быша, зане же вѣсти не бяше, нъ вѣсть бяше сице, яко владыку Литва изымали, а дѣти его избиша. Того же лѣта поиде кн. в. Иванъ въ Орду, съ кн. Костантиномъ. Того же лѣта пріиде архіеп. новогородскіи Василіи владыка въ Новъгородъ, м. декабря, на память св. отца Патапія, въ день недѣлныи, изъ волынскои земли, пріимщи санъ святительства отъ митроп. Θеогноста, и ради быша Новогородци своему владыцѣ, а при кн. Иванѣ, при посадницѣ Варθоломеи, при тысячкомъ Остафіи.

(*I. Нов*. *75—6*).

306. Борьба Москвы съ Рязанью 1371.

Въ Филипово говѣнье м. декабря предъ Рожествомъ христовымъ, бысть побоище, Москвичемъ съ Рязанци; кн. в. Дмитрей Ивановичь посла рать на Рязань на кн. Олга рязаньского, а воеводу отпусти кн. Дмитрія Михайловича Волыньскаго; князь же Олегъ събра вои многы, иде ратью противу ихъ. Тогда Рязанци, суровыи человѣци и свѣрѣпы людіе, высокоумни суще, възнесшеся мыслью и възгордѣшася величаніемъ, и помысляша высокоумьемъ своимъ, и рѣша другъ къ другу: »не емлите съ собою ни щита, ни копья, ни иного ни коего же оружья, но токмо съ собою емлите едины ужища (*веревки*), коегождо изимавше Москвичь, да есть вы чѣмъ вязати, понеже суть слаби, страшливы и некрѣпцы«; наши же съ смиреніемъ и съ воздыханіемъ уповаша на Бога, крѣпльшаго въ бранехъ, и мы не въ силѣ, но въ правдѣ, даеть побѣду и одолѣніе Богъ же, видя сихъ смиреніе и онѣхъ гордость. Якоже рече Соломонъ: Господь гордымъ супротивится, смиренымъ же даеть благодать; и въ еуангеліи речется: всякъ возносяйся смирится, а смиривыйся възнесется, и пророкъ Давыдъ рече: не спасется царь многою силою, ни исполинъ, ни храборъ не спасется множествомъ крѣпости своея. И срѣтошася обой на Скорнищевѣ, и бысть имъ брань люта и сѣча зла, и поможе Богъ кн. Дмитрею и его воемъ, и одолѣша Рязанцевъ, а кн. Олегъ одва убѣжа въ малѣ дружинѣ; князь же Дмитрей посади на княженіи рязаньскомъ кн. Володимера проньского.

(*П. С. Лѣт. IV*, *67*).

307. Борьба Новгорода съ Тферью 1372 г.

Того же лѣта 6880 (1372 г.) о Петровѣ заговѣньи, Новгородци В. Новаго-

рода бояре пріѣхаша въ Торжекъ ставити городъ, съвокупишася и единишася съ Новоторжьци, и укрѣпишася крестнымъ цѣлованіемъ, и сдумаша думу, еже быти и стати за единъ; и заратишася съ кн. Михаиломъ тферьскимъ, и съслаша намѣстники его съ города съ Торжку, а что гостей Тферичь торговцевъ, тѣхъ поимаша и пограбиша, а лодьи (*лодки*) ихъ съ товаромъ, а то взяша. Слышавъ же се князь Михайло, съвокупивъ съ собой токмо тферьскую силу, и пришедъ ратью ста у города у Торжку, м. маія 31 день, на память св. мученика Еремѣя, въ понедѣльникъ порану по заутреніи; и начатъ съ смиреніемъ посылати послы къ Новгородцемъ и къ Новоторжцемъ, глаголя: »выдайте ми тѣхъ, кто моихъ Тферичь поималъ и билъ и грабилъ, и намѣстника моего опять посадите, и азъ у васъ иного не хощю ничего же«, и ждаше отъ нихъ мира и чистосердечнаго покаянія отъ утра и до полудни. И бысть въ нихъ мятежь и раздора, и смятеся весь градъ, они же нимало не хотяху покоритися, и послы посылаху отвѣтъ съ высокоумьемь, и устремишася на бой, и сами бояре новгородцкія, похвалившеся силою и мужествомъ своимъ, въоружившеся выѣхаша изъ города, купно (*вмѣстѣ*) же съ ними гражане Новоторжци, битися съ Тферичи, и бысть сѣча на полѣ, и одолѣ кн. Михайло, и побѣжени быша Новгородци. И ту же и первое (*прежде*) всего срѣте воевода ихъ Александръ Обакуновичь, и убьенъ бысть на первомъ суймѣ (*стычкѣ*), и костью паде за святый Спасъ и за обиду новгородцкую, и съ нимъ убиша Ивана Шаховича, Ивана Тимофѣевича, Григорья Щебелкова, и иныхъ прочихъ нѣколико мужь паде; и то видѣвше Новгородци, смятошася зѣло, ови побѣгоша на поле, еже есть къ Новугороду В., но и тамо не убѣгоша, а друзіи назадъ побѣгоша, а множайшіи на побоищи избьени быша, а иныхъ бояръ новгородцкихъ и новоторжьскихъ, и людей полона и женъ безъ числа множество изнимавше, приведоша на Тферь яко плѣнники. И тогда Тферичи зажгоша съ поля посадъ (*предмѣстіе города*) съ конца града съ повѣтрія, и udари съ огнемъ вѣтръ силенъ на весь градъ, вкупѣ и буря велика, и поиде огнь пламенный и пожаръ по всему граду, и тако вборзѣ погорѣ весь градъ, и церкви 3 каменыя и деревяныя вся и монастыреве; а что людей, которыи были въ городѣ, или на площади, или по улицамъ, мужи и жены и дѣти многое множество, ти вси погорѣли, и товаръ ихъ, и скоты ихъ, и все имѣніе ихъ, то все съ ними вкупѣ погорѣло. И бысть пагуба велика крестьяномъ: овіи огнемъ погорѣша въ дворѣхъ и надъ животы (*пожитки*), а друзіи вбѣжали въ церковь въ св. Спасъ и ту задхошася и огнемъ изгорѣша, иніи же отъ огня бѣжаще въ рѣцѣ въ Тферци истопоша; а добрыя жены и дѣвица видяще надъ собою лупленіе (¹) отъ Тферичь, а они одираху до послѣдней наготѣ, его же и поганіи не творять тако, тыи же отъ срамоты и бѣды въ водѣ истопишася, черици и черници всѣ до наготы излуплены; а и товара что ся остало отъ огня, иконної круты, сребра много поимаша. И кто, братіе, о семъ не поплачется кого ся остало живыхъ, видѣвъ како они нужную и горкую смерть подъяша, а св. церкви пожжени суть и городъ весь отъинудь пустъ, еже ни отъ поганыхъ не было такого зла? И наметаша избьеныхъ людій, и ижженыхъ и истоплыхъ 5 скудельницъ (*кладбищъ*), иніи же погорѣли безъ останка, а иніи истопли безъ вѣсти, поплыли внизъ по Тферци.

(*П. С. лѣт. IV, 68—69*).

(¹) Лупить—обдирать, снимать платье.

308. Борьба Москвы съ Тверью 1375.

Мѣсяца іюля 27 на Тфери, въ церкви въ Покровѣ предъ иконою свѣча сама ся загорѣла, а въ 29 бысть въ солнци знаменіе. Того же лѣта князь Дмитрій поиде ратію къ Тфери, на кн. Михаила Александровича, а съ нимъ (*князья*): тесть его Дмитрій Костянтиновичь суздальскій, Володимеръ Андрѣевичь, Борисъ Костянтиновичь, Семенъ Дмитріевичь, Андрѣй Өедоровичь ростовскій, Василей Костянтиновичь, братъ его Александръ, Иванъ Васильевичь смоленьскій, Василей Васильевичь ярославьскій, Романъ Васильевичь, Өедоръ Романовичь бѣлозерьскій, Василей Михайловичь кашиньскій, Өедоръ Михайловичь моложьскій, Андрѣй Өедоровичь стародубьскій, Романъ Михайловичь бряньскій, Романъ Семеновичь новосильскій, Семенъ Костянтиновичь оболеньскій, братъ его Іоаннъ торужьскій, и вси князи рустіи, кійждо отъ своихъ градовъ со своими полки, служаще князю великому (¹). И бысть іюля въ 29 поиде кн. в. Дмитрій съ Волока, съ всѣми речеными князи рускими съвокупяся и съ всею силою рускою, въ той же день нача воевати волости тферьскія; такоже и съ всѣхъ порубежныхъ мѣстъ съ вся стороны, кто же отъ себе, Кашинци и Новоторжьци яко и пѣшіи ополчишася на грабежь, и окружняя мѣста съ всѣхъ порубежей тяжко плѣниша. Мѣсяца же августа 1 взяша городъ Микулинъ, а людей изъ города въ полонъ поведоша, а въ 5 день, въ недѣлю порану, въ канунъ (*наканунѣ*) Спасова дни, пріиде вся сила къ Тфери, и сташа вси порану рати около всего города вкругъ, аки расхитити хотяще, а посадъ и церкви и монастыри пожгоша, а около всего города острогомъ (*стѣною*) огородиша. А преже того по Новгородцевъ князь в. послалъ въ В. Новгородъ, и Новгородци же своего князя честь изводяще, паче же свою отмщающе обиду, бывшую у Торжьку, въскорѣ пріидоша ратью великою и предсташа абіе подъ Тверью, скрегчюще зубы своими на Тферичь; и на Волзѣ два моста великая доспѣша чрезъ Волгу. А князь Михайло баше затворился въ своемъ градѣ Тфери; стоящимъ же ратемъ 3 дни у города, а 4 день, еже есть и. августа въ 8 день, въ среду порану, приступиша всею силою къ городу, и туры (*стѣнобитныя орудія*) прикатиша, и приметы приметаша (¹) около всего града, и тако пошли бьючися къ Тмаческимъ воротамъ, мостъ и стрѣльницю (*башню*) зажгоша. И бысть тогда скорбь велика гражаномъ въ осадѣ, и вси людіе сущіи въ градѣ створиша молитву, постъ съ слезами въ церкви св. Спаса; молитвами св. Богородица пожалована святый Спасъ послалъ свою помощь: отбилися гражане отъ ратныхъ, а князь Михайло съ Тферичи выѣхалъ, и туры посѣкоша и огнь погасиша, а Семена Ивановича Добрыньского убиша, а ратныхъ отгнаша; они же бившеся весь день, едва въ вечернюю годину отступиша отъ города, а на 2 день паки обступили градъ со всѣ стороны и по заволожью, и тако по многи дни бьющеся боряхуся. Князь же Дмитрій стоялъ у Тфери мѣсяць съ всѣми ратьми, и учинилъ пусто тферьское княженіе, волости и села пожгоша, а городки поимаша: Зубцевъ, Бѣлгородъ, Городокъ; а людій въ полонъ разведоша, а имѣнія ихъ пограбиша, а скоты ихъ посѣкоша, а жита ихъ потравиша, мнози Тферичи язвени быша отъ нахоженія ратныхъ, мнози оружіемъ падоша, мнози

(¹) Замѣчательно, что всѣ князья областныя были уже въ подчиненіи москов. князя.

(¹) *Приметъ*—солома, дрова и всякій горючій матеріалъ, чтобы зажечь крѣпость.

отъ острія меча умроша. Князь Михайло, видѣвъ изнеможеніе граду своему, видѣвъ озлобленіе людемъ своимъ, видѣвъ трудъ и погибель человѣкомъ и скотомъ, отъ глада бывающій, въспрія смиреніе и высла изнутри града послы свои, владыку тферьского Еуѳимья да бояръ своихъ нарочитыхъ (*знатныхъ*), къ кн. Дмитрію съ покореніемъ и съ поклономъ, прося мира, а даяся во всю волю его. Князь Дмитрій съ Новгородци, не хотя видѣти разоренія града, ни погибели людій своихъ, и не хотя видѣти кровопролитія крестьяньского взя миръ съ кн. Михаиломъ на всей своей воли и новгородцкой, и тако докончаша и грамоты пописаша, отступиша отъ града отъ Тфери м. сентября 3; а Новгородци стояли подъ Тферью 4 дни, и възвратишася кіиждо въ свояси, и поидоша прочь. А въ градѣ въ Тфери бяше тогды скорбь немала, такова же не бывала въ мимошедшая лѣта: бысть моръ на люди и на скотѣ; а надѣялися помочи отъ Литвы и отъ Татаръ, и не улучиша, а ждучи тоя помощи много лиха доспѣлося. Добро бы намъ надѣятися на Бога, якоже пророкъ Давыдъ глаголеть: »добро есть на Бога уповати, нежели на человѣка.«

(*П. С. Лѣт. IV*, *70—71*).

309. Договорная в. кн. рязанскаго Олега Ив. съ в. кн. Дмитріемъ Ив. и братомъ его кн. Владиміромъ Андреевичемъ 1381.

По благословленью отца нашего Киприяна м-та всея Руси. На семъ, братъ старѣйши кн. в. Дмитрей Ивановичь и братъ твой кн. Володимеръ Андрѣевичь, целуйте ко мнѣ крестъ къ своему брату къ молодшему ко кн. къ в. къ Олгу Ивановичю. Имѣти ти мене собѣ братомъ молодшимъ, а брату твоему имѣти мене собѣ кн. Володимеру братомъ; а добра вы мнѣ хотѣти во всемъ въ Ордѣ и на Руси отъ чистосередья; а что вы слышавъ о моемъ добрѣ или о мнѣ отъ хрестьянина или отъ поганина, то вы мнѣ повѣдати въ правду, безъ примышленья. А вотчины вы моеѣ блюсти, а не обидѣти; а мнѣ вашиѣ вотчины блюсти, а не обидѣти, Москвы и Коломны и всѣхъ московьскихъ волостей и коломеньскихъ, что ся потягло въ Москвѣ и къ Коломнѣ по реку по Оку, и всего великаго княженья подъ вами ми блюсти, а не обидѣти. А межи насъ роздѣлъ земли по реку Оку, отъ Коломны верхъ по Оцѣ, на московьсторонѣ Почепъ, Новый городокъ, Лужа, Верея, Боровескъ, и иная мѣста рязаньская, которая ни будуть на той сторонѣ, то къ Москвѣ; а на низъ по Оцѣ, по реку по Тцну отъ усть Тцны въ верхъ по Тценѣ, что на московьской сторонѣ Тцены, то къ Москвѣ; а что на рязаньской сторонѣ, а то къ Рязани. А володимерское по рубежь, по тому, какъ то было при вашемъ дѣдѣ, при в. кн. при Иване Даниловиче, и при вашемъ дядѣ, при в. кн. при Семенѣ, и при твоемъ отци, при в. кн. при Иванѣ. А что на рязаньской сторонѣ за Окою, что доселе потягло къ Москвѣ, Почепъ, Лопастна, уѣздъ Мьстиславль, Жадѣне городище, Жадемль, Дубокъ, Броднячь съ мѣсты, какъ ся отъступили князи Торускіе Ѳедору Святославичю, та мѣста къ Рязани. А что мѣсто кн. в. Дмитрия Ивановича на рязаньской сторонѣ, Тула, какъ было при царицѣ при Таидулѣ, и коли ее баскаци вѣдали, въ то ся кн. в. Олгу ее вступати, н кн. в. Дмитрию. А что мѣста Талица, Выползовъ, Такасовъ, та мѣста кн. в. Дмитрию, кн. в. Олегъ ступился тѣхъ мѣстъ кн. в. Дмитрию Ивановичю. А что купля князя в. Мещера, какъ было при Александрѣ Уковичѣ, то к. в. Дмитрию; а к. в. Олгу не вступатися по тотъ розъѣздъ. А что татарская

мѣста отнималъ к. в. Дмитрий Ивановичь за себя отъ Татаръ до сего до нашего доконьчанья, та мѣста кн. в. Дмитрию; а что кн. в. Олегъ отнималъ татарская отъ Татаръ дотоле же, а то кн. в. Олгу та мѣста. А къ Литвѣ кн. в. Олгу цѣлованье сложити. А будетъ кн. в. Дмитрий Ивановичь и братъ князь Володимеръ съ Литвою въ любви, ино и князь в. Олегъ съ Литвою въ любви: а будетъ кн. в. Дмитрий и князь Володимеръ съ Литвою не въ любви, и кн. в. Олгу быти со княземъ съ в. съ Дмитриемъ и со князем съ Володимеромъ на нихъ съ одиного. А съ Татары аже будетъ кн. в. Дмитрию миръ и его брату князю Володимеру или данье, ино и князю в. Олгу миръ или данье съ одиного со князем в. съ Дмитриемъ: а будетъ не миръ кн. в. Дмитрию и брату его кн. Володимеру съ Татары, кн. в. Олгу быти со князем в. съ Дмитриемъ и съ его братомъ съ одиного на Татаръ, и битися съ ними. А съ рускихъ князей, кто князю в. Дмитрію другъ и князю Володимеру, то и князю в. Олгу другъ: а кто не другъ князю в. Дмитрию и князю Володимеру, а то и князю в. Олгу не другъ, итти нань съ одиного. А что князь в. Дмитрий и братъ кн. Володимеръ бялися на Дону съ Татары, отъ того времени что грабежь, или что пойманые у князя в. люди у Дмитрия и у его брата кн. Володимера, тому межи насъ судъ вопчий, отдати то по исправе. А что ся ни дѣяло дотоле, какъ есмя целовали крестъ, тому всему погребъ, до Спасова преображенья дни за 4 дни: а судъ вопчий межи насъ отъ того празника всему; а о чемъ судьи наши сопрутся, ѣдутъ на третий, кого себѣ изберутъ. А судомъ вопчимъ не переводити; а кто иметъ переводити, правый у того возметъ, а то ему не въ измѣну. Суженаго не посужати, а положеное дати: холопа, робу, должника, поручника, татя, разбойника, душегубца ны выдати по исправе. . *шлины съ семьи 6 денегъ, съ к ходовъ 2 алтына; а съ од не имати. А мыты намъ держ давныи пошлыи, а непошлыхъ мы и пошлинъ не замышляти; а . съ воза по денге, а съ пѣшехода . нѣтъ. А вывода ны и рубежа . собе не замышляти; а кто за лить, того выдати по ис*
А боярамъ и слугамъ межи нас нымъ воля. На семъ на всемъ, старѣйший кн. в. Дмитрий Иванов братъ твой кн. Володимеръ Андре целуйте ко мнѣ крестъ къ брату молодшему ко кн. в. къ Олгу Иван по любви въ правду, безъ хитрости

(*Собр. гос. грам. и догов.* **I**, №

. См. «духовн. и договор. грам. рус. *Чичерина* Рус. Вѣст. 1857. № 4 и 5.

310. Подчиненіе Нижняго Новго Москвѣ.

Того же лѣта (1364) князь Д Костянтиновичь суздальскии, внукъ сильевъ, правнукъ Михаиловъ, пра нукъ Андрѣевъ, препраправнукъ Але дра Ярославича прииде въ Новгород жнии на вел. княжение с матерью с ною и со владыкою своимъ Алек суздалскимъ и новгородцкимъ и го кимъ,—и не сступися ему княжени городцкаго братъ его меншиі кн. Б Константиновичь внукъ Васильевъ.

Того же лѣта прииде посолъ от ря изо Орды Борамхозя, а царицы—А и посадиша на новгородцкомъ княжен Бориса Конст., внука Васильева, нука Михаилова, праправнука Ан Александровича.

Того же лѣта прииде изо Орды о ря Озиза кн. Василей Кирдяпа сузда сынъ Дмитреевъ, внукъ Костянти

правнукъ Васильевъ, а с нимъ царевъ посолъ, имя ему Урусъмалды, і вынесе ярлыки на княженіе великое владимерское князю Дмитрею Костянтиновичю суздалскому; онъ же не восхотѣ, и сступися вел. княжения володимерского в. к. Дмитрею Ив. московскому, а испросилъ у него силу к Новугороду к Нижнему на своего меншаго брата на князя Бориса Костянтиновича. Князь же вел. Дмитреи Ив. посла к нимъ послы своя, чтобы ся помирили и поделилися вотчиною своею, князь же Борисъ не послуша.

Того же лѣта Алексѣй м-ть отня епискупию новгородцкую и городецкую отъ владыки суздалского Алексѣя.

В тожъ время отъ в. кн. Дмитрея Ив. прииде съ Москвы посолъ, препод. Сергии игуменъ Радонежскии в Новъгородъ в Нижнии ко кн. Борису Костянтиновичу, зовя его на Москву; он же не послуша его, и на Москву не поиде. Преп. же Сергіи игуменъ по митрополичью слову Алексѣева и в. кн. Дмитрея Ив. церкви вся затвори. И даде силу к. в. Дмитрей Ив. старѣишему брату Дмитрею Костянтиновичю на меншаго его брата Бориса Костянтиновича. Князь же Дмитрей Костант. еще к тому в своей отчинѣ в Суздале собра силу многу, и поиде ратью к Новугороду Нижнему; и егда доиде до Бережния, и тамо срете его брать его меншиі князь Борисъ Костант. з бояры своими кланяяся и покаряяся и прося мира, а княжения сступаяся. Кн. же Дмитреи Кост. не остави челобитья и моления брата своего, и взя с нимъ миръ, и поделишась княжениемъ суздальскимъ, и Нижнего Новагорода и городецкимъ. И сяде самъ кн. Дмитрей Костянтиновичь на вел. княжении в Нижнемъ Новѣгороде, а брату своему меншему кн. Борису Кост. даде Городецъ.

Тогожъ лѣта (1391) сложи кн. в. Василеи Дмитревичъ крестное целование к в. кн. Ворису Кост., Васильеву внуку,

Михаилову правнуку, Андреѣву праправнуку, и поиде во Орду ко царю Тахтамышу со многою честию и дары; и нача просити в. княжения Нижняго Новагорода подъ в кн. Борисомъ Кост , к своему в. княжению к Москвѣ, и умзди (*одарилъ*) князей царевыхъ, чтобъ печаловались о немъ царю Тахтамышу. Они же взяша многое злато и сребро и велики дары, и даде царь Тахтамышъ подъ в. кн. Борисомъ Кост. великое его княжение Новгородское к Москве в. кн. Василью Дмитр. И поиде кн. в. Василей Дмитреевичъ изо Орды отъ царя Тахтамыша с радостию с посломъ царевымъ на Русь, и пришедъ на Коломну и оттуду самъ поиде к Москве, а посла царева Тахтамышева отпусти в Новъгородъ Нижнии з бояры своими.

Слышавъ же сия, кн. в. Борисъ Кост. Нижч. Новагорода, тогда ему сущу в своей отчине въ Нижн. Новѣградѣ, и созва бояре свои и начатъ имъ молитисъ с плачемъ и со слезами, гаголя сице: »господя моя, и братия, бояре и друзи, попомните господне крестное целование, какъ есте целовали ко мнѣ и любовъ нашу и усвоение к вамъ«. Бяше же тогда у него старѣишии бояринъ его, ему же имя Василеи *Румянецъ*, и рече ко господину своему кн. Борису К.:—ни скорби, ни печалуи, господине княже, вси есмы единомысленни к тебѣ, и готови за тя главы своя сложити и кровъ излияти.—Се же глаголаше лстя господина своего и изсылашеся съ в. кн. Василиемъ Дм. и хотяше господина своего выдати ему. Приближающимжеся ко граду Татаромъ Тахтамышевымъ и московскимъ бояромъ и не восхотѣ кн. в. Борисъ Кост. попустить ѝ во градъ к себѣ. И рече ему старѣишии его бояринъ Василеи Румянецъ:—Господине княже, се царевъ посолъ Тахтамышевъ, а се в. кн. Василия Дм. московскаго бояре хотяще миръ подкрепити и любовъ утвердити вѣчную, а ты самъ

брань и рать воздвизаеши; пусти убо ихъ во градъ, а мы вси съ тобою, и что могутъ сіи сотворити? — И тако Татарове внидоша во градъ и бояре московстии, и начаша въ колоколы звонити, и стекошась людие. Кн. в. Борисъ К. посылаше къ своимъ бояромъ, глаголя: »господия моя и братия и милая дружина! попомните крестное целование, ежъ есте целовали ко мнѣ, и не выдаите мене врагомъ моимъ«. И отвещеваше отъ нихъ единъ старѣишии его бояринъ Василей Румянецъ:—господине княже, не надѣися на насъ, уже убо есми мы отныне не твои, и нѣсть съ тобою есмя, но на тя есмы; и тако пониманъ бысть кн. в. Борисъ К. Нижнего Новагорода. И по малѣ времени пріиде кн. в. Василей Дм. в Новгородъ Нижнии, и посади в немъ своя намѣстники, а кн. Бориса К. и з женою его и з детми его, и елико еще быша доброхотовъ его, всѣхъ повелѣ по градомъ розвести, и вериги желѣзныя связати, и в велицеи крѣпости держати ихъ. И се прииде посолъ изо Орды отъ царя Тахтамыша и позва в. кн. Василья Дмитреевича во Орду ко царю, такоже и посла своего. Князь великии жъ поиде ко царю во Орду и многу честь прия отъ царя Тахтамыша, яко ни единъ отъ прежнихъ князеи; и предаде ему царь Тахтамышъ Новгородъ Нижнии и Городецъ со всѣмъ, и Мещеру и Торусу,—и много любезно его жаловаше и отпусти его на Русь.

(*Никоновс. лѣт. 1788 г. Спб. ч. IV, 9—10; 239—241*).

311. Борьба Москвы съ В. Новгородомъ.

а. Въ лѣто 6901 (1393). Взя розмиріе кн. вел. Василій Дмитреевичь съ В. Новымъградомъ, про грамоту, что записалъ В. Новъгородъ грамоту къ митрополиту не зватися на Москву, а повѣствуя тако: чтобы есте къ м—ту грамоту отслали; а что есте цѣловали, а тои грѣхъ м-тъ съ васъ снимаетъ,—и В. Новъгородъ того не похотѣлъ, и князь вел. взя у Новагорода пригородъ Тръжекъ съ волостьми, и Волокъ Ламскій и Вологду, и волости много повоева, а Новогородци взяша у князя вел. Устьюгъ г., Устижню и много волости поимаша; и въ то время много кровопролитія учинилося, и Новогородци, не хотя видѣти болшаго кровопролитія въ крестіанѣхъ, послаша послы къ в. князю съ челобитіемъ о старинѣ, а къ м-ту послаша грамоту цѣловальную; и м-тъ словомъ повѣствоваше: язъ у васъ грамоту цѣловальную емлю, а грѣхъ съ васъ снимаю, а васъ благословляю,—а князь в. новогородское челобитіе пріялъ, и взя миръ по старинѣ.

(*I, Новг. 96*).

б. Того же году (1397) насла князь в. Василеи Дмитреевичь, за Волокъ на Двину, бояръ своихъ Андреа Албертова съ другы, ко всеи двиньскои свободѣ, а повѣствуа имъ тако: чтобы есте задалися за князь великіи, а отъ Новагорода бы есте отнялися; а князь в. хощетъ васъ отъ Новагорода боронити, а за васъ хощеть стояти и Двиняне Иванъ Никитинъ и бояре двинскіи, и вси Двиняне, за великіи князь задалися, а къ князю в. цѣловаша крестъ. И князь в. на крестномъ цѣлованіи, у Новогорода отъялъ Волокъ Ламьскіи съ волостьми, Тръжекъ съ волостьми, и Вологду, и Бѣжитьскіи Връхъ; и потомъ къ Новугороду съ себе цѣлованіе сложилъ и крестную грамоту скинулъ, а Новогородци съ себе цѣлованіе сложили и грамоту крестную князю в. скинули. И по семъ присла Кипріянъ м-тъ въ В. Новъгородъ столника своего,

гіа, къ сыну своему къ владыцѣ
и повѣствуа тако: пойди на Мо
зветь тя отець твои митрополитъ
тельскихъ дѣлѣхъ; и владыка ми-
ча боярина отпусти на Москву, а
ьсхотѣ пойти къ отцу своему къ
посадникъ и тысяцской, и бояре,
В. Новъгородъ, биша челомъ го-
своему отцу владыцѣ Іоанну: что-
, господине, князю в. слово добро
словеніе бы еси подалъ, за свои
в. Новъгородъ,—а Новогородци
мъ отцомъ съ владыкою послаша
, посадника Богдана Обакуновича,
Дмитріевича и житьихъ людей,
ю в. И владыка Іоаннъ князю в.
звеніе и слово добро подалъ, а
отъ Новагорода челобитье; рекъ
тобы еси, господине сыну князь
мое благословеніе и слово добро
а Новогородское челобитіе, а отъ
ода отъ своихъ мужіи отъ волныхъ
бы еси отложилъ, а пріялъ бы
старину; а при твоемъ бы, сыну,
ы промежи христіанъ другое бы
олитіе не у чинилося; а что еси
нязь великіи, на крестномъ цѣло-
Новагорода отнялъ еси Заволочье,
ъ, Волокъ, Вологду, Бѣжитскіи
а того бы еси, князь в. сступилъ
зошло бы то къ Новугороду въ
; а про вопчіи судъ на порубе-
то, сыну, отложилъ бы еси, за-
господине князь в., то не стари-
князь в. владычьня благословеніа
добра не пріялъ, а отъ пословъ
одскихъ челобитья не пріялъ, а
вогорода не любіа не отложилъ,
не взялъ. А м-тъ Кипріанъ своего
адыку Іоанна и пословъ новогo-
ихъ отпустилъ въ Новъгородъ, съ
и съ благословеніемъ.

(*I, Нов. 98*)

юбнѣе см. въ Никон. л. IV, 272—277.

в. Въ лѣто 6906 (1398). По велицѣ дни, на веснѣ, Новогородци рекоша своему господину владыцѣ отцу Іоанну: не можемъ, господине отче, сего насиліа тръпѣти отъ своего князь в. Василіа Дмитреевича, что у насъ отнялъ у св. Софіи и у В. Новагорода пригороды и волости, нашу отчину и дѣдину; нъ хотимъ поискати св. Софіи пригородовъ и волостей, своеи отчины и дѣдины—и цѣловаша крестъ за единъ братъ, како имъ св. Софіи и В. Новагорода пригородовъ и волостеи поискати и биша челомъ посадникъ Тимоѳеи Юрьевичь, посадникъ Юрьи Дмитреевичь, Василіи Борисовичь, и бояре, и дѣти боярьскіа, и житьи люди, и купетскіи дѣти, и вси ихъ вои: благослови,господине отце владыко, поискати св. Софіи пригородовъ и волостеи; или пакы изнаидемъ свою отчину къ св. Софіи и къ В. Новугороду, пакы ли свои головы положимъ за св. Софѣю и за своего господина за В. Новъгородъ. И владыка Іоаннъ благослови своихъ дѣтей, и воеводъ новогородскыхъ, и всихъ вои; а Новогородци отпустиша свою братію, и рекъ имъ тако: поидѣте, святѣи Софіи пригородовъ и волостеи поищите, а своеи отчины. Воеводы же Новогородскіи, посадникъ Тимофеи, посадникъ Юрьи и Василіи, и вси вои, поидоша за Волокъ на Двину къ городку къ Орлецу; и срѣте ихъ съ Вели владычьнь волостель Исаіа, рекъ имъ тако: господо воеводы Новогородъскіи! поѣхавъ, господо, князя в. бояринъ Андреи, съ Іоанномъ съ Микитинымъ и съ Двиняны на св. Софіи волость на Вель, въ самъ великъ день, св. Софіи волость повоеваша, а на головахъ окупъ поимаша; а отъ кн. в. пріѣхалъ въ засаду, на Двину, кн. Ѳедоръ ростовьскіи, городки блюсти и судити и пошлины имати съ новогородскыхъ волостеи; а двиньскіи воеводы Иванъ и Кононъ, съ своими другы, волости новогородскіи и бояръ новогородскихъ подѣлиша себѣ на части. Се

же слышавше воеводы новогородскіи, рекоша своеи братіи воеводамъ: »братіе! аще тако съдумалъ господинъ нашъ князь в., съ крестопреступникы съ двинскыми воеводами,—сице ркоша: братіе! лучши намъ есть умрети за св. Софію, нежели въ обидѣ быти отъ своего в. князя«. И пакы поидоша на в. князя волости, на Бѣлоозеро, и взяша бѣлозерскіи волости на щитъ, повоевавъ и пожгоша; а изъ Новагородка вышедши князи бѣлозерскіи и воеводы князя в., и добиша челомъ воеводамъ новогородскымъ и всимъ воемъ—и взяша у нихъ окупа 60 рублевъ, и полона поимаша безъ числа, и животовъ много поимаша; и Кубеньскіи волости поимаша, и около Вологды воеваша, и Устьюгъ городъ повоевавъ и пожгоша, и стояша на Устюгѣ 4 недѣли. И въ то время воеводы послаша Дмитрея Ивановича, Ивана Богдановича, а съ ними дѣти боярьскіи, воеваша волости князя в., толко за днище Галича не доходиша, а волости повоевавъ и пожгоша и полона (*плѣнныхъ*) поимаша безъ числа, а на полону окупъ поимаша, понеже бо суды не подъимуть, а иныи полонъ пометаша; и оттолѣ поидоша по Двинѣ къ городку къ Орлецу, воюя волости князя в. И пріидоша къ Орлецу городку и стояша подъ городкомъ 4 недѣли, поставиша порокы и оступиша городокъ, и начаша бити порокы; и вышедши Двиняне изъ городка, и начаша бити челомъ, съ плачемъ воеводамъ и всѣмъ воемъ новогородскымъ; и воеводы новогородскыи и вси вои, по своего господина по новогородскому слову, челобитіе пріяша Двинянъ, а нелюбья имъ отдаша; а воеводъ заволотскыхъ Ивана и Конона съ другы изымаша, овыхъ смертію казниша, а Ивана и брата его Алфана и Герасима и Родивона изковаша, кто водилъ двинскую землю на зло; а у кн. Өеодора ростовьскаго взяша присудъ и пошлины, что поималъ, а самому съ другы животъ даша; а у гостій князя в.

взяша съ головъ окупа 300
Двинянъ, за ихъ преступленіе
вину, воеводы и вси вои Но
взяша 2000 рублевъ, а 300
бяше бо всѣхъ Новогородцевъ 3
це бысть божіе милосердіе, т
шедъ Руской земли и у столь
городка не бысть пакости в
токмо у городка единого человѣ
дѣтьскаго Левушку Өедорова
а городокъ разгребоша (*разруи*
(*I Нов. 98—100*).

312. Подчиненіе Суздаля

Въ тоже лѣто (1402) слыш
Семенъ Дмитреевичь суздальскі
гини его и зъ дѣтми изнимана,
его взята, самъ бо бѣше тогда
татарскимъмѣстомъ, и посла к
(московскому) съ челобитіемъ
реніемъ; князь же вел. опасъ
ему, онъ же пріиде на Москв
ды, и взя миръ съ в. князем
съ Москвы на Вятку съ княги
дѣтми, боленъ бо бяше уже,
въ Вяткѣ 5 мѣсяць, и впаде
недугъ, преставися дек. 21,
Петра чюдотворца. Сей же кн
вотѣ своемъ много напасти п
многы истомы претерпѣ въ О
Руси, добиваяся своей отчины,
поряду въ Ордѣ служи четыре
прьвому Тахтамышу, другому А
мирю, третьему Темирь-Кутлу
тому Шадѣбѣку, а все то подн
на в. кн. московскаго, како
свою отчину, новогородское (*н*
ское) княженіе, и того ради
да подъя, не обрѣтаа покоа н
има, и не успѣ ничтоже, но
тружася...

(*П. С. Лѣт. VIII*, 7.

(¹) Опасную грамоту, чтобы пр
ненно.

313. О изниманіи вел. князя въ Сергіевѣ монастырѣ.

Въ лѣто 6954 (1446). Князю Димитрею Шемякѣ вложи діаволъ мысль хотѣти великаго княженіа, и начятъ посылати къ князю Ивану Можайскому съ тѣмъ, что, рекши царь на томъ отпустилъ в. князя, а онъ къ царю цѣловалъ, что царю сидѣти на Москвѣ и на всѣхъ градехъ рускыхъ и на нашихъ вотчинахъ, а самъ хочетъ сѣсти на Твери. И тако по дьяволю наученію обсылающися и здумавшеся съ своими съвѣтники злыми, иже нехотящеи добра своимъ государемь и всему христіанству, и посылаютъ съ предреченными рѣчми къ в. кн. Борису тверьскому; онъ же слышавъ то убояся, и бысть единомысленикъ съ ними. Мнози же и отъ Москвичь въ думѣ съ ними бяху, бояре же и гости; бѣ же и отъ черньцовъ въ той думѣ съ ними. И тако начяша князи и съ своими съвѣтники безвѣстно въоружатися и искати подобна времени, како бы изгонити в. князя. Усмотривъ же сіи таковъ получей, подобенъ ихъ злому съвѣту, въсхотѣвшу в. князю итти поклонитися Живоначалной Троици и мощемъ чюдотворца Сергіа: пошедшу ему и съ своими благородными чады, съ кн. Иваномъ и съ кн. Юрьемъ, и съ малыми зѣло людми, ничтоже иного чаа, но токмо накормити сущую тамо братью великіа тоя лавры; а къ кн. Дмитрею Шемякѣ и Ивану можайскому вѣсти по вся дни посылаеми бяху съ Москвы отъ измѣнниковъ, а они съвокупившеся стояша въ Рузѣ, готови суще, яко пси на ловъ или яко дивіи звѣріе, хотяще насытитися крове человѣча. Бывши же къ нимъ вѣсти той, что князь в. изыде изъ града, они же часа того поидоша изгономъ къ Москвѣ и пріидоша февраля м. въ 12. въ 9 часъ нощи, противу недѣли иже о блудномъ сыну, и взяша градъ: не бяше бо въ немъ противящагося имъ и никому вѣдущу сего, токмо единомысленникомъ ихъ, иже и градъ отвориша имъ; они же вшедше въ градъ великихъ княгинь изнимаша, Софью и Марью и казну в. князя и матери его разграбиша, а бояръ сущихъ ту изнимавше и пограбиша, и иныхъ многихъ и горожанъ. И тоя же нощи пакы отпущаетъ князь Дмитрей Шямяка кн. Ивана можайскаго на в. князя Василья къ Троици изгономъ съ многими людми своими и съ его. Въ самую же литургію пригонилъ къ в. князю, въ недѣлю о блуднемъ, Бункомъ зовутъ, повѣдая ему, что идутъ на него кн. Дмитрей Шемяка, да кн. Иванъ можайской ратью, и не ятъ ему вѣры, понеже бо тотъ Бунко за мало преже сего отъѣхалъ къ кн. Дмитрію, и рече: »сіи смущаютъ насъ, а азъ съ своею братьею въ крестномъ цѣлованіи, то какъ можетъ то быти такъ«? И повелѣ того исъ монастыря збити и назадъ воротити его, како бывшу тому на Вори, яша его ратніи сторожи и биша его. А князь в. хотя ему не имя вѣры, а единако посла сторожи къ Радонежу. Они же пришедше сташа на горѣ надъ Радонежемъ стеречи, и познаша ихъ ратніи сторожи издалеча, а си тѣхъ ратныхъ не усмотриша, и не имяху вѣры тѣмъ вѣстемъ; а тѣ сторожи и сказаху князю Ивану, что есть сторожи за Радонежемъ на горѣ, онъ же повелѣ сани многи изрядити какъ возы съ рогозинами, а иніи съ тѣстми, а въ нихъ по два человѣка въ доспѣсѣ, а третій послѣ идетъ какъ бы за возомъ; и какъ предніе уже минуша ихъ и тако выскакаша вси изъ саней и изнимаша ихъ, а убѣжати имъ нѣкако бяше, понеже бо тогда снѣгъ былъ девяти пядей. И тако вскорѣ поидоша къ монастырю, и какъ явишася скачюще на конехъ зъ горы тоя къ селу Климентьевскому, якоже на ловъ сладокъ, и ако увидѣвъ ихъ князь в., потече самъ на конюшенной дворецъ, и не бѣ ему коня

уготована; самъ бо се яко ложъ вмѣни, надѣяся на крестное цѣлованіе, и не повелѣ себѣ ничего уготовати, а люди вси въ унынія быша и въ торопѣ велицѣ яко изумлени. Видѣвъ же князь в. яко нѣсть ему никакіе помощи, скоро поиде на монастырь къ церкви св. Троица каменыя; пономарь же имянемь Никифоръ, инокъ притекь и отмче церковь, князь же в. вниде въ церковь, и онъ замкнувъ его отшедъ схоронися. А они убійци, яко же сверѣпія влъци, възгониша на монастырь на конехъ, преже всѣхъ Никита Костянтиновичь, и на лѣсницу на конѣ къ предниимъ дверемъ церковнымъ, и ту пошедшу съ коня ему и заразися о камень, иже предъ двермн церковными въздѣланъ на примостѣ, и пришедше прочіи взяяша его; онъ же едва отдохнувъ, и бысть яко піанъ, а лице его яко мертвецу бѣ. Потомъ же и самъ князь Иванъ взгони на монастырь и все воинство ихъ, и начять въпрошати князь Иванъ: »гдѣ князь великии«? Князь же великій внутрь церкви услыша князя Ивана глаголюща и въспи велми глаголя: »брате! помилуйте мя, не лишите мя зрѣти образа божія и пречистыя матере его и всѣхъ святыхъ его; а не изыду изъ монастыря и власы главы своея урѣжу здѣ«. И шедъ къ дверемъ южнымъ отпре ихъ самъ, и взятъ икону• иже надъ гробомъ св. Сергіа, Явленіе св. Богородица съ двѣма апостолома св. Сергію, и срѣте въ тѣхъ дверехъ церковныхъ князя Ивана, глаголя: »брате! цѣловали есмя животворящій крестъ и сію икону въ церкви сей живоначалноа Троица, у сего же чюдотворцова гроба Сергіева, яко не мыслити намъ, ни хотѣти ни которому же отъ братіи межу себе никоего лиха; а се нынѣ не вѣмъ, что есть на мнѣ«. Князь же Иванъ рече къ нему: »господине государь! аще ли ти въсхощемъ коего лиха, буди то надъ нами лихо; но се творихомъ христіанства ради и твоего окупа: видѣвше бо се Татари пришедшіи съ тобою облегчать окупъ, что ти царю давати«. Князь же в. поставль икону на мѣстѣ своемъ и паде ниць у гроба чюдотворцева Сергіева, слезами обливаа себе и велми въздыхаа кричаніемъ моляся захлипаяся; яко удивитися всѣмъ сущимъ ту и слезы испустити и тѣмъ злодѣемъ противнымъ; а князь Іоанъ мало поклонся въ церкви изыде, рече Микитѣ: »възми его«. И князь в. много молився въставъ отъ нечяанія своего и възрѣвъ рече велми: »гдѣ братъ князь Иванъ«? Приступль же злый рабъ гордыхъ и немилосердыхъ мучитель Никита,-ятъ (*взялъ*) за плечи в. князя, глаголя: »пониманъ еси в. княземъ Дмитреемъ Юрьевичемъ«. Оному же рекшу: »воля божіа да будетъ,« — онъ же злодѣй выведе его изъ церкви и съ манастыря сведе, и посадиша его въ голыи сани, а противу его чрънца, и тако отъидоша съ нимъ къ Москвѣ; а бояръ его всѣхъ поимаша, а прочихъ всѣхъ пограбивше нагихъ попущаша. А сынове князя в. князь Іоанъ да кн. Юріи, ухоронишася въ томъ же монастыри; а они кровопійци, яко же нѣкоторый сладкій ловъ уловивше, отъидоша, а о сихъ небрегоша, ниже пытаху о нихъ. Си же в. князя сынове, Иванъ и Юрій, въ туже нощь побѣгоша, изъ манастыря съ оставшими съ ними людми, кои ухоронишася, и прибѣгоша къ кн. Ивану Ряполовскому въ Юрьевъ, въ село его Боярово; князь же Іоанъ съ всею братьею, съ Семеномъ і зъ Дмитріемъ, и съ всѣми людми своими бѣжаша съ ними къ Мурому и тамо затворишася съ многими людьми. А князя в. Василіа въ понедѣлникъ на ночь на Мясопусной недѣли, февраля 14 приведоша его на Москву и посадиша на дворѣ Шемякинѣ, а самъ князь Дмитрей стоялъ на дворѣ Поповкѣнѣ; въ среду на той же недѣли на ночь ослѣпиша князя в. и отослаша его на Углече Поле и съ его княгинею, а матерь его, в. княгиню Софью

послаша на Чюхлому... (Ослѣпиша его про сію вину: »чему еси Татаръ привелъ на Рускую землю, и городы далъ еси имъ и волости подавалъ еси въ кормленіе? а Татаръ любишь и рѣчь ихъ паче мѣры безъ милости, а злато и сребро и имѣніе даешь Татаромъ«; а и за тотъ гнѣвъ, ослѣпилъ бѣ брата Дмитріева Юрьевича кн. Василія (Косаго). И сѣде на вел. княженіи кн. Дмитрій Юрьевичь на Москвѣ).

(П. С. Лѣт. VIII, 115—117; IV, 125—126).

314. Посланіе м-та Іоны Вятчанамъ ок. 1452 г.

Отъ Іоны, м-та кіевьскаго и всея Руси, на Вятку и въ всю вятьскую землю воеводамъ земьскымъ Якову Пугвину и Оникею и Юрью Алексѣевымъ Мышкина, и всѣмъ ватаманомъ, и подвойскымъ, и бояромъ, и купцемъ, и житьимъ людемъ и всему нарицающемуся именемъ христіяньству тамошнія земля. Невѣмы убо, како васъ нарещи: зоветесь именемъ христіяне, а живете дѣлающе злая горше нечестивыхъ, ни по христьяньству, ни по крестному цѣлованью, ни по божественному писанію православныя истинныя христіяньскыя вѣры; св. сборную и апостольскую церковь рускыя митрополія обидите и законы церковные старые разоряете, а за вся своему господарю в. князю грубите и приставаете къ его недругу, и издавна, и съ поганьствомъ съединяющесь, и съ отлученнымъ отъ божья церкве съ кн. Дмитріемъ съ Шемякею приходили есте многажды на в. князя вотчину, на Устюгъ, на Вологду, на Галичь, а черезъ крестное цѣлованье, цѣловавъ животворящей крестъ у кн. Дмитрія Ивановича у Ряполовьского, у Глѣба у Семенова трижды крестъ цѣловавъ, у Олександра у Мякинина двожды крестъ цѣловавъ, на в. князя добро, да то крестное цѣлованье забывъ, да зався измѣняюще, и христіяньство губите, и съ тѣми христіяньскыми губители и сами собою вотчину его воюете безпрестанно, христіяньство губите убійствомъ и полономъ и грабленіемъ, и церкви божьей разоряете и грабите вся церковная священная приходія, кузнь и книгы и колоколы, и вся творите злая и богомерьзская дѣла, якоже погані̇я. И нынѣ ново, сими часы, воевали есте в. князя вотчину, Сысолу и Вымъ и Вычегду, да людей есте православного христіянства много перемучили, переморили, а иныхъ въ воду пометали, а иныхъ въ избы и въ хоромы насаживая, мужей, старцевъ и малыхъ дѣтокъ, безчислено пожигали, а инымъ очи выжигали, а иныхъ младенцовъ на колъ сажая умертвяли, подобяся злочестивому губителю и христіяномъ убійцѣ Ироду; а полону есте взяли болѣ полуторы тысячи душь, да который нынѣ себѣ держите, а иныхъ въ поганьство продаете и въ дары даете; да отъ того своего злаго дѣла не престанете, а своему господарю в. князю зався грубите, а челомъ ему за свою грубость не бьете. Но какъ Богъ своимъ милосердіемъ положилъ на сердцѣ в. господарю, в. князю, васъ еще жаловалъ, а и нашего смиренія послушалъ, какъ есмь его богомолецъ о васъ молилъ его съ многыми слезами, и съ молбою, и съ благословеніемъ, по своему святительскому долгу: и в. господарь, в. князь и до сѣхъ мѣстъ вамъ терпѣлъ, васъ не казнилъ, ожидая отъ васъ вашего челобитья и покаянія, отъ злаго вашего дѣла престать; ино отъ васъ таки нѣтъ управленія. И язъ, его богомолецъ, уже то конечное, послалъ есмь къ вамъ сего своего старца, кинешемскаго игумена Нафона, съ сею своею управою и кроткою грамотою и съ своими рѣчми, васъ жа-

луи, чтобы есте отъ своего злаго дѣла престали, а своими бы есте душами непогыбли и нынѣ временно, а въ будущемъ ономъ вѣцѣ не были есте въ безконечной оной муцѣ: церковь бы есте божію держали по христіяньству по старинѣ честно, а господарю бы есте своему, а нашему сыну в. князю, за свою злую створенную къ нему грубость, челомъ добили; а грабежи бы есте церковные отдавали, и полонъ бы есте весь отпущали безхитростно, а по сы бы есте часы отъ своего злаго дѣла престали. И послушаите, ино еще на васъ будетъ милость божія и нашего смиренія благословеніе, а в. господаря в. князя жалованье, по вашему къ нему исправленію; а не послушаете насъ, а своему господарю в. князю челомъ не побіете и къ нему не исправитесь въ всемь безъ хитрости, ино небудетъ на васъ милость божія и пречистыя его Богоматере и всѣхъ святыхъ молитвы, и нашего благословенія, и нынѣ и въ вся безконечныя вѣкы; а та кровь христіяньская вамъ отольется, то вамъ все отъ себя пріидетъ. А рѣчми своими, съ симъ своимъ старцемъ, то же есмь къ вамъ приказалъ...

(*А. Истор. I, № 261.*

315. Усмиреніе Новгорода Московскимъ княземъ.

Тое же зимы (1456) м. генваря 19 въ понедѣльникъ, князь в. Василей Васильевичь за неисправленіе Новгородець поиде на Новгородъ В. и бывшу ему на Волоцѣ, и ту пріидоша къ нему братія его, и вси князи его и воеводы съ множествомъ воинства, а изъ Новагорода на Волокъ же пріиде къ нему посадникъ Василей Степановъ съ челобитьемъ, чтобы князь в. пожаловалъ на Новгородъ не шелъ, а гнѣвъ свой отложилъ; и непріатъ князь в. челобитіа ихъ, но поиде на нихъ. Пришедъ же въ землю новгородскую и отпусти князя Ивана Васильевича Оболенскаго Стригу и Феодора Басенка на Русу; они же тамо пришедше многое множество богатства взяша, понеже бо неуспѣша выбѣжати люди сущіи тамо, ниже товара вывести или похоронити гдѣ и съ тою многою корыстію вся люди своя впередъ себе отпустиша, а сами главами своими воеводы и дѣти боарскіе съ малыми людми, безъ коихъ нелзѣ быти имъ, по осташася, выпустивъ своихъ подалѣ, за ними же поитти назадъ къ в. князю. И тогда бысть вѣсть имъ, а и сами видяху, что идетъ на нихъ отъ Новагорода рать велика, 5 тыс. ихъ бяху, а сихъ до дву сотъ не осташася; видѣвше же устрашишася, потомъ же начаша глаголати межь собою: »что сътворимъ? аще не поидемъ противу ихъ битися, то погибнемъ отъ своего государя в. князя, понеже корысть взяхомъ и воа съ тѣмъ отпустихомъ; но лучши помремъ съ ними за правду своего государя, а за ихъ измѣну«, и поидоша противу ихъ; бысть же плетень межь ихъ и суметы снѣжные велики, и не бѣ имъ лзѣ вмѣсто снятися. Вои же в. князя видѣвше крѣпкіи доспѣхы Новгородцевъ и начаша стрѣлами бити по конемъ ихъ, кони же ихъ яко възбѣснѣша и начаша метатися подъ ними и съ себе сбивати ихъ; они же незнающе того бою яко омертвѣша и рукы имъ ослобѣша, копіи же имяху длъга и неможаху и възнимати ихъ тако, яко же обычай есть ратнымъ, но на землю испущающе ихъ, а конемъ біющемся подъ ними, и тако валяхуся подъ кони свои, немогуще съдръжати ихъ; и сбысться реченное пророчьское слово надъ ними, глаголющее: »ложь конь въ спасеніе, въ множествѣ силы своеа не спасется«! И тако въскорѣ побѣгоша гоними гнѣвомъ божіимъ, и множество же ихъ избіено бысть,

а иніи поимани; тогда поиманъ бысть посадникъ ихъ болшой Михайло Туча, а убьенъ Есипъ Носовъ и иніи мнози, а поиманныхъ не много бысть того ради, нѣкому было ихъ имати, понеже бысть мало воинства в. князя; гониша же ся воеводы в. князя и воинство, иже съ ними, біюще и грабяще и въ плѣнъ ведуще, и тако възвратишася и пріидоша къ своему государю в. князю здрави вси. А Новгородцы прибѣгоша въ Новгородъ, повѣдаша бывшее надъ собою, и бысть въ Новѣгородѣ скорбь и туга и плачь многъ о избіенныхъ, и плѣненныхъ и о своей измѣнѣ къ в. князю. По обычаю же своему начаша звонити въ вѣчный колоколъ, и снидеся весь градъ на вѣче то, посадники и тысячскіе и прочіе вси людіе, и неимѣюще, что млъвити, но смутишася и въсколебашася яко піаны и иная глаголаше, такоже вси умысливше начаша бити челомъ архіепископу своему Евфимію, чтобы шедъ молилъ в. князя, да помиловалъ бы отчизну свою и отвратилъ бы ся отъ гнѣва ярости своеа чтобы до конца не погибли есмы за свою измѣну къ нему, господину своему в. князю. Архіепископъ же, видя людіе въ бѣдѣ сущихъ, и рече къ нимъ: »дѣти мои! за ваше неисправленіе не мощно ми есть ни на очи пріити господина моего в. князя за ваше преступленіе, а за свое съгрѣшеніе; но милостивъ есть, иду молити его, да отдасть намъ зло сіе, еже не токмо измѣна наша къ нему, но и руку вашу поднясте противу его«. И тако поиде къ в. князю, а съ нимъ посадници, и тысячскіе и люди житьи, по своему имъ обычаю; архіепископъ же Евфимій пріиде къ в. князю, и начать челомъ бити и молити его за его отчину за Новгородъ, а преже бивъ челомъ и братіи его и боаромъ. Князь же великій послуша моленіа богомолца своего архіеп. Евфиміа, и братіа своеа и боаръ своихъ, и тѣхъ Новгородцевъ, которые пришли съ архіепископомъ, пожалова ихъ, а за свою истому взя у нихъ князь в. 10,000 р. новгородцкимъ серебромъ, опричь братіи боаръ своихъ, и посла боаръ своихъ въ Новъгородъ и приведоша весь Новгородъ къ цѣлованію, что имъ быти у него въ послушаніи, а его лиходѣевъ, измѣнниковъ, у себе не дръжати; и тако възвратися князь в. на Москву.

(П. С. Лѣт. VIII, 145—147).

О внутреннихъ раздорахъ въ Новгородѣ см. статью: »Вліяніе владыки 1418 г.« О борьбѣ областей, см. договорныя грамоты въ отдѣлѣ администраціи и въ отдѣлѣ юридическомъ.

Б. ПРЕДАНІЯ И БЫЛИНА.

316. Сказаніе о началѣ Москвы.

Почему было бы на Москвѣ царствомъ быти, и кто зналъ, что Москвѣ государствомъ слыти; были на семъ мѣстѣ по Москвѣ рѣкѣ села красныя хорошаго болярина Кучка Степана Ивановича, болярина [illegible] сына вельми красны. И с[illegible] Даніила Александрович[illegible] сити у Кучка бол[illegible] себѣ во дворъ съ [illegible] гола ему: »аще [illegible]

во дворъ и азъ на тя войною пріиду и тебе мечемъ побью, а села твои красныя огнемъ пожгу». И бояринъ Кучко убояся страха князя Даніила суждальскаго; и отдадѣ сыновъ своихъ обоихъ князю Даніилу суждальскому. И князю Даніилу полюбишася оба Кучкова сына; и нача ихъ князь Даніилъ любити и жаловати, и пожаловалъ единаго въ стольники, а другаго въ чашники. И полюбишася тѣ два юноша Даниловѣ княгини Улиты Юрьевны, и уязви ю врагъ на тѣхъ юношъ блудною яростію, возлюби бо красоту лица ихъ, и діаволимъ разженіемъ смѣсися любезно, и умыслиша они со княгинею, како бы имъ предати князя Даніила смерти и начаша звати князя Даніила въ полѣ ѣздити, утѣшенія ради смотрѣти звѣрска уловленія заецевъ.

И бысть ему на поли, и егда поѣхаша въ дебри, и начаша они Кучковы предавати его злой смерти; князь же Даніилъ ускочивъ отъ нихъ на конѣ своемъ въ чащу лѣса; и бѣжа отъ нихъ подлѣ Оки рѣки, оставя коня своего. Они же зліи человѣцы и убійцы, аки волцы лютіи напрасно хотяху восхитити его, и сами быша во ужасѣ мнозѣ, искавше его и не обрѣтоша, но токмо нашедше коня его. Князь же добѣжавъ съ нуждою до перевозу, и не имѣя что дати перевознику за перевозъ, но токмо бѣ у него на рукѣ перстень златый, и той перстень дая перевознику; перевозникъ же глаголаше: «лихи дѣ вы люди, оманчивы, какъ дѣ васъ перевезу рѣку, и вы не давъ ничего, такъ и уходите»; а не познавъ его, что онъ князь Даніилъ Александровичь; онъ же обѣщался ему той златый перстень дати. Перевозникъ же пріѣхавъ близъ брега з другія страны Оки рѣки, и бывъ противъ князя и протяжѣ весло князю и рече: «подай перстень на весло, и азъ тя перевезу»; князь же Даніилъ, мнѣвъ его яко правдива человѣка, и мня яко не солжетъ, и возложи ему на весло перстень свой златый. Перевозникъ же той взявъ на веслѣ отъ князя перстень къ себѣ и отторжеся отъ брега. Князь же Даніилъ побѣже подлѣ Оки рѣки, боялся за собою гонившихъ людей, и прейде день той къ вечеру, и не имѣя гдѣ прикрытися,—пусто бо мѣсто бѣ въ дебри,—и по прилучаю найде той дебри струбецъ малъ стоящъ, подъ нимъ же погребенъ бысть ту нѣкоторый мертвый человѣкъ, князь же влѣзъ въ струбецъ той, закрыся въ немъ, забывъ страхъ отъ мертвыхъ, и почи тое нощь темную до утрія.

Сынове же болярина Степана Ив. Кучка быша въ сѣтованіи и въ печали и въ скорби велицей, что упустиша князя Даніила жива отъ рукъ своихъ ранена; и пріидоша въ раскаяніе и рѣшавъ себѣ: «лучше бы намъ было и не мыслити надъ княземъ таковаго дѣла смертнаго; понеже убѣжа отъ насъ раненъ во градъ Владиміръ къ брату своему Андрѣю Александровичу, и будетъ намъ отъ

нихъ принять злая казнь и смертъ ра
и лютая, такожде княгини Улиты пов
быти».

И злая княгиня Улита, наполни
волъ сердце злыя мысли на мужа сво
зя Даніила Алекс. аки лютую змію, и
лися сотанинымъ навожденіемъ блуд
хоти. Возлюбивъ, бо окаянная мало
наложниковъ Кучковыхъ дѣтей любо
своихъ, и повѣда имъ вся тайны му
го, глаголя: «есть де у мужа моего п
жлецъ, и какъ де онъ князь Даніилъ
противъ враговъ своихъ на побоища
таръ или на крымскихъ людей, и при
етъ мнѣ поѣзжая: егда де я отъ Татар
буду. или инымъ какимъ случаемъ п
смерть мнѣ безвѣстная, или на бою
пѣхъ человѣческихъ сыскати и поз
не мощно; и ты пошли на взысканіе
своихъ съ тѣмъ псомъ моимъ, и ве
пустити того пса передъ собою прост
мимъ ѣхати за псомъ; и той песъ в
мя неложно, и тѣло мое будетъ лизат
стно».—И наутріи княгиня Улита, да
пса любовникамъ своимъ и прика
«гдѣ князя Даніила обрящете, тамо е
ти предайте». Они же зліи убійцы, з
злоядницы княгини Улиты наполни
вземше пса поѣхаша на то мѣсто, г
ша князя смерти предати; и съ тог
пса пустиша напредь себя, той же п
жа предъ ними, они же за нимъ ско
ша. И бѣжавъ песъ по брегу Оки
набѣжавъ оный струбецъ, гдѣ хо
князь Даніилъ; увѣдавъ песъ князя Да
нача шіею вертѣти и махати радуя
тѣмиже искоміи его увидѣвше пса рад
и хвостомъ машуща; и скоро скочивш
ваютъ струбецъ, и обрѣтъ ту князя
Александровича, и скоро смерти пр
мечи и копіи прободоша ребра ему
отсѣкоша его, и паки въ той струб
крыша тѣло его.

Благовѣрный князь Даніилъ бысть
ченикъ, пріятъ мученическую сме
прелюбодѣевъ и жены своея. Въ п
мученики Борисъ и Глѣбъ и Святослав
ны быша отъ брата своего окоаннаго
полка, рекомаго Поганополка; тако и
чковы дѣти пріѣхаша во градъ Су
привезоша ризу кровазу князя Даніил
ша ю княгинѣ Улитѣ, и живяху съ
томъ же прелюбодѣяніи беззаконномъ
жнему. Не скоро же убо ходитъ в
Владимиръ градъ ко князю Андрѣю А
дровичу, что сотворися таковое убійст
братомъ княземъ Даніиломъ Алекса
чемъ.

Сыну же князю Ивану Даниловичу
ку Александрову, оставшуся младу су
кмо яръ и лютъ бысть, и пріяхъ отъ
нія его, именемъ Давыдъ Тудери
смерти же Даніиловѣ, пришедше уже д

), и сжалися той вѣрной слуга Давыдъ
тѣ князя Іоаннѣ Даниловичѣ, и взятъ его
нощію, и паде на конь и гнавъ съ нимъ
ко граду Владиміру ко князю Андрѣю
андровичу къ дядѣ его, и сказа вся слу-
й по ряду, что сотворися во градѣ та-
ое убійство надъ братомъ княземъ Да-
мъ.
нязь же Андрѣй сжалися по братѣ сво-
яко же князь Ярославъ Владиміровичь
атіи своей Борисѣ и Глѣбѣ, и собра
аяннаго злаго убійцу свое войска, и Бо-
ѣ въ помощь призва, ратію отмстивъ
братню праведныхъ своихъ Бориса и
и Святослава и побѣди окаяннаго Свя-
ка. Тако же и сей новый Ярославъ
Андрѣй Ал. прослезився горцѣ по бра-
оемъ, князѣ Даніилѣ суждальскомъ, и
въ руцѣ свои на небо, и речѣ со слеза-
Господи владыко, творче всѣхъ и содѣ-
отмсти кровь праведнаго Бориса и Глѣ-
язю Ярославу на окаяннаго Святополка,
Господи владыко, отмсти кровь сію не-
ную мнѣ, грѣшному, брата моего князя
ла сихъ злыхъ блудниковъ и наложни-
тоя блудницы... Святополкъ бо окаянный
убійство сотвори, очи его зліи прель-
ся, несытіи сребра и злата и имѣнія
го, власти и царствія его восхотѣ на
часъ насладитися, а небеснаго царствія
ки отпаде и во днѣ адовѣ во вѣки му-
восприятъ. Тако и сія скверная и не-
блудница, княгиня Улита блуднаго
ненія, похоти несытства на единъ часъ
дися, и не токмо небеснаго царствія ли-
, но сего свѣта власть отринувъ, и
би скверну злую, блудную похоть, и
вися діаволу невѣста и (окоянному Свя-
ку) во днѣ адовѣ отъ сатаны законъ во-
гъ и вѣчное мученіе наслѣдова».
Собра князь Андрѣй во градѣ Влади-
войска своего 5,000, и пойде во градъ
зль, и слышаху во градѣ Суждальцы и
не Степана Ив. Кучка дѣти, что идетъ
ихъ изъ Владиміра града князь Андрѣй
йскомъ, и объятъ ихъ страхъ и тре-
что напрасно проліяша кровь неповин-
и не возмогоша они стати противъ кня-
ндрѣя ратоватися, и бѣжаша ко отцу
у, боярину Степану Ив. Кучку. Князь
ндрѣй съ воинствомъ пришедъ въ Суж-
радъ; суждальцы же не противишася
глаголюще: «мы бо не совѣтницы на
ъ государя своего, и не приложихомся
брата твоего князя Даніила; но вѣмы
жена его злую смерть умыслила съ лю-
ками своими Кучковичи, и мы можемъ
пособствовати на тѣхъ злыхъ измѣнни-
Князь же Андрѣй повелѣ княгиню Ули-
имать и казнить всякими муками, и
ю лютой смерти, понеже она злая та-
безстудная дѣла содѣла, и не устра-
Бога содѣтеля, и вельможъ и великихъ людей не устрамися, и отъ добрыхъ женъ укоризны и посмѣху не постыдѣся, своего мужа злой смерти предаде, и сама окаянная злую тую смерть пріяла. И собравши суждальцы 3,000 войска князю Андрѣю Ал. въ помощь, и пойде князь со всѣмъ воинствомъ на боярина Степана Ив. Кучка, и не бысть у Боярина Кучки кругъ красныхъ его селъ ограды каменныя и острога деревяннаго и не возможе Кучко бояринъ противъ князя Андрѣя боемъ битися, и вскорѣ князь Андрѣй всею силою на приступъ ѣмлетъ села и слободы красныя и самаго Кучка боярина и съ его дѣтьми въ плѣнъ и повелѣ ихъ оковати желѣзы крѣпкими, и потомъ казни боярина Кучка и зъ дѣтьми его всякими казньми различными, въ лѣто 6797 (1289), марта въ 17 день. И князь Андрѣй Ал. отмсти кровь брата своего, побѣди боярина Кучка и злыхъ убійцовъ, иже убили князя Данила, и все имѣніе ихъ и богатство разграбивъ, а селъ и слободъ красныхъ не пожегъ, а препочи ту. Наутріи же воставъ и посмотрѣвъ по всѣмъ краснымъ селамъ и слободамъ, и вложи Богъ въ сердце князю Андрѣю на томъ мѣстѣ градъ поставити; видѣ бо мѣсто прилично, еже граду быти, и воздохнувъ изъ глубины сердца своего, и воздѣвъ руцѣ на небо, и рече молитву со слезами: «Боже вседержителю, творче всѣмъ и создателю! Прослави мѣсто сіе и подаждь помощь желанію моему устроити градъ и создати св. церкви».

И оттолѣ князь Андрѣй сядетъ въ красныхъ тѣхъ селахъ и слободахъ нача жительствовати; а во градѣ Суждали и во Владимірѣ посаждая державствовати сына своего Георгія, а племянника своего братня сына Іоанна Даниловича къ себѣ взявъ, и воспитавъ его до возраста въ добромъ наказаніи.

Той же благовѣрный князь Андрѣй Ал. воздвиже церковь древяну пресв. Богородицы честнаго ея благовѣщенія невелику сущу, и Бога въ помощь себе призывая и пречистую его Богоматерь, такожде повелѣ и градъ основати около тѣхъ красныхъ селъ по Москвѣ рѣкѣ и именованіе граду тому положи *Москва*; пособствоваша Суждальцы и Владимірцы и Ростовцы и вси окрестніи.

И тако сотвориша и состроиша градъ въ лѣто 6799 (1291) іюля мѣсяца въ 17 день, на память св. мученика Пантмеймона, и оттолѣ нача именоватися градъ Москва. Поживе же той благовѣрной князь Андрѣй во градѣ Москвѣ, и устроя божія церкви многи, и преставися въ лѣто 6813 (1305); оставляетъ градъ Москву и приказываетъ державствовати племяннику своему князю Ивану Даниловичу. Сыну же Андрееву Георгію, нарицаемому Юрью суздальскому и владимірскому, преставльшуся прежде смерти отца своего Андрея московскаго единымъ лѣтомъ. Но токмо у него наслѣдникъ по немъ

сынъ его Димитрій, еще бо ему младу сущу, яко 4 лѣта и двою мѣсяцъ.

(Пѣсни Рыбникова IV, LIX. Временникъ 1855 г, кн. XL).

При всей нелѣпости главнаго содержанія, это сказаніе представляетъ много подробностей очень замѣчательныхъ, которыя довольно живо рисують бытъ древней сѣверовосточной Руси, и во многомъ объясняютъ разные намеки обо этомъ предметѣ, встрѣчающіеся въ лѣтописяхъ. (См. Убіеніе Андрея Боголюбскаго). Этимъ подробностямъ въ отношеніи къ древнему быту мы можемъ довѣрять; ибо преданіе, искажая иногда главное содержаніе, всегда сохраняетъ форму подробностей, старую обстановку событій и особенно дорожитъ ими.

317. Пророчество о Москвѣ святителя Петра.

Божій человѣкъ пресвященный м-тъ великій чудотворецъ Петръ, прохожаше многи грады и веси, якоже обычай имяше поучати Богомъ порученное ему стадо, въ преславномъ же градѣ Москвѣ начатъ пребывати больши инѣхъ градовъ. Видяше бо въ немъ благочестія держателя сего благолюбиваго в. кн. Ивана Даниловича, православіемъ сіяюща, и богоугодно живуща, и всякими добрыми дѣлы украшена, и милостива до нищихъ, и честь велію подавающа служителѣмъ св. божіихъ церквей и тѣхъ ученію внимающа, его же зѣло отъ душа возлюби великій чудотворецъ Петръ, съ нимъ же часто бесѣдуя, и мудрствуя о всѣхъ благихъ и полезныхъ душевныхъ же и тѣлесныхъ, еще же совѣтъ благопотребенъ предлагая ему, и пророчествуя глаголаше: »О боголюбезнѣйшій и в. княже! аще совѣта моего, сыну! послушаеши, и во градѣ своемъ Москвѣ соборную церковь каменну поставиши во имя пречистыя Богоматери, и тебѣ самаго иматъ Богъ благословити и прославити наче инѣхъ князей, и разпространити градъ сей паче инѣхъ градовъ, и имя Его святое сугубо прославится въ немъ, и не оскудѣютъ Державніи отъ сѣмяни твоего, обладая и царствуя мѣстомъ симъ въ роды и роды и во вѣки, изыдутъ руки ихъ на плещу врагъ ихъ, еще же и святители поживутъ въ немъ, паче же и моя кости здѣ имутъ положени быти«.— Сія убо словеса в. князь отъ учителя съ радостію великою пріемъ, и честь велію воздавая отцу своему, и бяше всегда посредѣ обоихъ веселіе духовное, и вся потребная ко церковному зданію готовляху. Къ симъ же еще чудно сказаніе многи въ повѣстѣхъ обносятъ, сице глаголюще:
яко бысть нѣкогда сему христолюбиво
кн. Ивану Даниловичу по нѣкоему прилу
ѣздящу ему на конѣхъ близъ рѣки Негл
идѣже нынѣ есть монастырь, именуемы
сокій, въ немъ же церковь во имя чуд
ца Петра, и внезапу зрить в. кн. на
мѣстѣ гору высоку и превелику, и
горы тоя бяше вельми снѣженъ. Сіе в
зря и дивися и сущимъ съ нимъ вельм
своимъ рукою показуя, и вси недоумѣ
о не обычной горѣ, и абіе видяху снѣг
верьху горы, вскорѣ невидимъ бысть, и
же надолзѣ смотряющимъ имъ и гора
кая и привеликая невидима бысть.—В
сія возвѣщена бысть отъ в. князя божі
тителю Петру; святый же паки пророч
глаголаше: »Разумно да будетъ ти, о
яко гора высокая и превеликая, юже
еси, подобіе образуетъ твоего благород
сочайшихъ добродѣтелей исправленіе,
гомъ дарованнаго ти отеческаго скипет
жанія крестоносныя хоругви рускаго ц
величества; горы же оныя снѣжный
близъ являетъ моего житія скончаніе, я
снѣгъ, иже на горѣ, скоро скрыся от
твоею, надолзѣ же сихъ сматряющу ти
ра невидима бысть: таковымъ образов
мнѣ преже тебѣ житія сего отъити ест
томъ же и ты, яко гора высока пре
богоудно и доволно царствовавъ, и я
броплодная маслина благородная чада
дивъ, и въ добрѣ наказаніи воспитавъ,
томъ егда услышиши старца къ теб
шедша, и тогда уразумѣеши и ты добр
житія сверпіеніе теченія и къ Богу
ствіе«.—Великій же князь Иванъ Дани
внимаше умомъ словеса сія, сугубо ум
стяжа, и всегда необычна старца приш
ожидаше, вся бо, яже глагола святый,
же дѣломъ исполняя, и донынѣ прор
его сбывахуся...

*(Степ. кн. издан. Миллеромъ 177
I, стр. 404—405).*

318. Василій Буслаевичъ.

Во славномъ великомъ Новгородѣ
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ;
Съ Новымъ-городомъ жилъ не перечился
Со мужики новогородскими
Поперегъ словечка не говаривалъ.
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и преставился.
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалося его житье бытье
И все имѣніе дворянское;
Осталася матера вдова,
Матера Мамелфа Тимоѳеевна,

И осталося чадо милое
Молодой сынъ Василій Буслаевичъ.
Будетъ Васенька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая
Учить его во грамотѣ,
А грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила перомъ его писать,
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣнью учить церковному,
Пѣнье Василью въ наукъ пошло.
А и нѣтъ у насъ такова пѣвца
Во славномъ Новѣгородѣ
Супротивъ Василья Буслаева.
Повадился вѣдь Васька Буслаевичъ
Со пьяницы, со безумницы,
Съ веселыми удалыми добрыми молодцы,
До пьяна ужь сталъ напиватися;
А и ходитъ въ городѣ, уродуетъ:
Котораго возметъ онъ за руку,
Изъ плеча тому руку выдернетъ;
Котораго хватитъ поперегъ хребта,
Тотъ кричитъ—реветъ, окорачь ползетъ.
Жалуются васенькиной матушкѣ.
Матушка журитъ молодца,
Журьба Васькѣ не взлюбилася.
Садился Васька на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты:
«Кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
Валися къ Васькѣ на широкій дворъ;
Тотъ пей и ѣшь готовое
И носи платье разноцвѣтное».
Раасылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ
На тѣ улицы широкія
И на тѣ частыя переулочки.
Въ тоже время поставилъ Васька чанъ середи
двора,
Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,
Опущалъ онъ чару въ полтора ведра.
Во славноемъ было Новѣ-градѣ
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
Пошли къ Васькѣ на широкій дворъ
Ко тому чану, зелену вину.
Въ началѣ былъ Костя Новотorженинъ,
Пришелъ онъ, Костя, на широкій дворъ.
Василій тутъ его опробовалъ,
Сталъ его бити червленымъ вязомъ,—
Въ половинѣ было налито
Тяжела свинца чебурацкаго,
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ,
А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ.
Стоитъ тутъ Костя, не шевельнется.
И на буйной головѣ кудри не тряхнутся.
Говорилъ Василій, сынъ Буслаевичъ:
«Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
А и будь ты мнѣ названой братъ,
И паче мнѣ брата родимаго.»

Такъ Василій набралъ себѣ дружину изъ 29 молодцовъ—самъ тридцать.

Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
«Гой еси вы, мужики новогородскіе!
Бьюсь съ вами о великъ закладъ,
Напущаюсь я на весь Новгородъ
Битися, дратися
Со всею дружиною храброю;
Тако вы меня съ дружиною побьете Новымъ-
городомъ,
Буду вамъ платить дани, выходы по смерть
свою,
На всякій годъ по три тысячи;
А буде же я васъ побью,
И вы мнѣ покоритеся,
То вамъ платить мнѣ такову же дань».
И въ томъ-то договорѣ руки они подписали.

Начинается бой—Василій съ дружиною такъ и истребляетъ Новгородцевъ. Они жалуются опять Васильевой матушкѣ; Мамелфа Тимофеевна сажаетъ его въ глубокій погребъ. Тогда Васильеву дружину начинаютъ одолѣвать Новгородцы. Видя это, дѣвушка чернавушка выпускаетъ Василья изъ погреба; схвативъ тележную ось, онъ бросается на помощь своимъ,—мужики новгородскіе опять такъ и валятся. Снова просятъ они васильеву матушку, чтобъ уняла свое чадо милое.

Она посылаетъ ихъ къ Васильеву крестовому батюшкѣ—старику пилигримищу, живущему въ монастырѣ Сергіевскомъ.

Старчище Пилигримище сокручается,
Сокручается онъ, снаряжается
Ко своему ко крестнику любимому:
Одѣваетъ старчище кафтанъ въ сорокъ пудъ,
Колпакъ на голову полагаетъ въ двадцать пудъ,
Клюку въ руки беретъ въ десять пудъ,
И пошелъ ко мостику ко Волховскому
Со тыми князьями новогородскими.
Приходитъ на мостикъ на Волховскій,
Прямо ему во ясны очи,
И говоритъ ему таковы слова:
«Ай же ты, мое чадо крестное!
Укроти свое сердце богатырское,
Оставь мужичковъ хоть на сѣмена».—
Богатырское сердце разъярилося:
«Ай же ты, крестный мой батюшка!
Не далъ я ти яичко о христовомъ дни,
Дамъ тебѣ яичко о петровомъ дни»!
Щелкнулъ какъ крестнаго батюшку
Тою осью желѣзною;—
Отъ единаго удара Васильева
Крестовому батюшкѣ славу поютъ...
Тогда государыня его матушка
Одѣвала платьица черныя,
Одѣвала шубу соболиную,
Полагала шеломъ на буйну голову,
И пошла Мамелфа Тимофеевна
Унимать своего чада любимаго.
То выгодно собой старушка догадалася,—
Не зашла она спереди его,
А зашла она позади его,
И пала на плечи на могучія:
«Ай же ты, чадо мое милое,
Укроти свое сердце богатырское,
Не сердись на государыню на матушку,

Уброси свое смертное побоище,
Оставь мужичковъ хоть на сѣмена«.
Тутъ Василюшка Буслаевичъ
Опускаетъ свои руки въ сырой землѣ,
Выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ
На тую на матерь на сыру землю:
»Ай ты, свѣтъ государыня матушка,
Умѣла унять мою силу великую,
Зайти догадалась позади меня.
А ежели бъ ты зашла впереди меня,
То не спустилъ бы тебѣ, государынѣ матушкѣ,
Убилъ бы за мѣсто мужика новгородскаго«.
И тогда Василюшка Буслаевичъ
Оставилъ тое смертное побоище,
Оставилъ мужиковъ малу часть,
А набилъ тѣхъ мужиковъ, что пройти нельзя.

(Пѣсни Рыбникова I, 348—351).

См. Сказ. рус. нар. I, 16—17.

Былина о Василіѣ Буслаевѣ он характеризуетъ внутреннія смуты Н да и борьбы бояръ съ новгородскими ками. Старикъ Буслай прожилъ 90 и поперегъ словечка не говаривалъ муж за то оставилъ большое имѣніе двор Но вотъ сынъ его Василій подобрал компанію удальцовъ и пьяницъ и ста довать встрѣчнаго и попеченнаго, а вступилъ въ открытый бой съ муж новгородскими. Былина какъ бы хоче разить, что бояре въ старое время в городѣ не имѣли такой силы, какъ и не старались забирать въ руки населеніе; но вотъ съ развитіемъ бо элемента болѣе и болѣе возникали вн нія смуты въ Новгородѣ и борьба ок лась не въ пользу низшаго класса Эти-то раздоры и положили конец ности Новгорода.

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

319. Взглядъ на древне-русскую жизнь.

»Богъ, говоритъ одинъ великій историкъ, Богъ держитъ въ рукѣ своей бразды всѣхъ царствъ, и всѣхъ сердца въ десницѣ Его. Иногда Онъ воздерживаетъ страсти, послабляетъ имъ, и возмущаетъ родъ человѣческій. Угодны-ли волѣ Его завоеватели?—Онъ ниспосылаетъ имъ своего духа мудрости и предвѣдѣнія, воспящающаго бѣдствія государствъ, и крѣнящаго основы общественнаго благотишія. Онъ вѣдаетъ мудрость человѣка, близорукую во многомъ и просвѣщаетъ ее, дѣлаетъ дальновидною или предоставляетъ ее собственному ея невѣдѣнію, ослѣпляетъ, движетъ на гибель и губитъ ее ею самою: она запутывается, сбивается въ своихъ собственныхъ хитростяхъ, и уловляется самою своею предосторожностью. Таковы средства, коими исполняются невѣдомыя судьбы Бога. Онъ готовитъ дѣйствія въ причинахъ самыхъ от ныхъ; Онъ поражаетъ царства вел ударами, отраженіе коихъ разли столь обширно. Когда погибнутъ ца все дѣлается слабо и нестройно в совѣтахъ«.

Посмотрите на начало Руси: как но воины Скандинавіи ведены бы югъ, черезъ моря и пустыни; смѣлыхъ дѣйствователей посылало Провидѣніе; какъ оно давало имъ ср положить *основаніе русскому н* какъ внушило оно честолюбивому міру желаніе просвѣтиться христіа вѣрою, послало послѣ него долгоден наго Ярослава, и отдѣлило міръ В въ зародышѣ маломъ отъ міра З развивавшагося въ огромныхъ объе

Начало было положено. Самоб Руссъ потекъ поприщемъ общест жизни. Онъ не могъ уклониться основныхъ законовъ человѣчества.

религія истебляла язычество, и образовывала духъ народа, новый порядокъ правленія истребилъ феодализмъ, перенесенный изъ Скандинавіи, и сдѣлался условіемъ будущей судьбы Руссовъ. Пройдите мыслію столѣтіе послѣ Ярослава. Какія малыя, но вѣрныя причины, и какіе сообразные каждому времени дѣйствователи! Когда, кажется, все вело къ спокойствію—являлось новое препятствіе; когда мудрость человѣческая думала, что создала твердое и незыблемое—одна ошибка, одинъ ничтожный дѣйствователь, и все разлеталось въ обломкахъ. *Основаніе* находилось въ самомъ образованіи русскихъ княжествъ; *стихіи* въ политическомъ отношеніи одного княжества и одного рода князей къ другому княжеству, другому роду князей; *средства*, отъ коихъ кипѣли сіи стихіи—характеры князей. Прежде всего явились 3 князя, 3 брата, 3 врага: Изяславъ, можетъ быть, добрый по душѣ, но имѣвшій всѣ недостатки людей малодушныхъ; *Святославъ*, мужественный, но не знавшій союза совѣсти съ честолюбіемъ; *Всеволодъ*, робкій угодникъ, то Святослава, то Изяслава. Смерть двухъ другихъ братьевъ, Вячеслава и Игоря, дала имъ поводъ къ несправедливости. Первый шагъ былъ сдѣланъ, и Изяславъ заплатилъ за согласіе на обиду ближнихъ потерею престола. Смерть Святослава возвратила ему право его, но боязнь и мщеніе отразились въ бѣдствіяхъ и изгнаніи сыновъ Святослава. Надобно было, чтобы обдѣленные и оскорбленные племянники были люди, подобные *Володарю* и *Васильку*, *Олегу* и *Роману*, *Борису* и *Давыду* (хотя и злодѣю, но мужу съ крѣпкою душею). Борьба ихъ съ дядями была неудачна, но неудача только усилила взаимную ненависть. Изяславъ погибъ. Владиміръ Мономахъ, подъ щитомъ имени отцовскаго, умѣлъ стать противъ всѣхъ; но блестящія достоинства его помрачало холодное, своекорыстное честолюбіе. Законностью избранія Святополка онъ хотѣлъ добыть себѣ новое орудіе на враговъ, и не зналъ, что возводитъ на престолъ человѣка безъ души и безъ сердца. Затаивъ въ глубинѣ души сознаніе своей ошибки, когда смерть Святополка сняла позоръ съ трона велико-княжескаго, Мономахъ пожертвовалъ смиреніемъ властолюбію, сѣлъ на тронѣ отцовъ, каралъ, ничтожилъ противниковъ—было поздно: самобытность Новгорода, Галича, Чернигова, была уже неистребима! Едва умеръ Мономахъ, все созданное имъ упало при слабыхъ сынахъ его, Мстиславѣ и Ярополкѣ. Руссы привыкали уже къ мысли, что только родъ Всеволода долженствовалъ быть на великомъ княжествѣ, потому 25 лѣтъ они видѣли великихъ князей изъ сего рода. Но Всеволодъ Олеговичъ разрушилъ сіе повѣріе, умѣлъ завладѣть великимъ княжествомъ; держался на престолѣ; передавалъ его братьямъ. Въ тоже время родъ Мономаха раздѣлился. Законный наслѣдникъ, Вячеславъ, былъ добрый, но неспособный человѣкъ, отверженный отъ престола, кажется, самою волею отца; другой, Георгій Долгорукій, губилъ свои права странною нерѣшительностью, робостью, безпечностью. Третій представитель Мономаховичей, Изяславъ Мстиславичъ, былъ противоположенъ Вячеславу и Георгію, но не имѣлъ законнаго права. Дерзкою отвагою, ловкостью ума и силою руки, сдѣлавшись великимъ княземъ, онъ погубилъ достоинства сана, въ то время дѣлами своими, показывая другимъ, что надобно было для успѣха въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Борьба Изяслава съ потомками Олега и съ Георгіемъ; странное лицо—Вячеславъ; безпрерывная мѣна удачь и неудачь между соперниками, сдѣлали наконецъ тронъ велико княжескій игрушкою князей, дружинъ ихъ, и даже народа, который не ожидалъ, не узналъ блага законной свободы, но съ

клеймомъ рабства буйствовалъ при каждой неудачѣ повелителей. Краткое княженіе Георгія было какъ-будто гранью, рѣзко отдѣлившею новый порядокъ политическаго быта Руси, изъ прежняго явившійся.

Совершенно отличенъ могъ-бы быть ходъ событій, если-бы Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ мирно соблюли совѣтъ отца; или Святополкъ, сынъ Изяслава, не былъ такъ ничтоженъ и черенъ душею; или дѣти Мономаха: Мстиславъ, Ярополкъ, Вячеславъ, Георгій, были подобны отцу своему; даже если бы Всеволодъ Олеговичъ не успѣлъ на время одолѣть Мономаховичей. По причинамъ маловажнымъ князья пятнали себя кровью ближнихъ, и въ то же время, въ минуты самыя рѣшительныя, важныя, мечъ убійцъ какъ будто притуплялся .... Что ихъ удерживало?..... Есть Провидѣніе, есть судьбы Имъ предначертанныя! Кого въ семъ не убѣждаетъ исторія, тотъ недостоинъ ея великихъ уроковъ.

Новый порядокъ дѣлъ произошелъ отъ того, что съ униженіемъ достоинства великаго князя, въ борьбѣ за мечту власти, за право обладать благословенными городами Кіева, явилась самобытная жизнь частей. Здѣсь видимъ предметъ для наблюденій. Непонятная вражда русскихъ князей съ Полоцкомъ ослабила сію естественную преграду между Югомъ и Сѣверомъ, положила пустыню на мѣстѣ жилищъ, и какъ будто очистила мѣсто для жизни новаго народа, новаго государства, тутъ увидимъ *Литовцевъ*. Съ другой стороны, серпъ судебъ пожиналъ дикихъ обитателей приволжскихъ и придонскихъ: въ собственныхъ междоусобіяхъ, и въ войнахъ Руссовъ, гибли Половцы: отъ нихъ и отъ другихъ народовъ оставались только мелкія семена новыхъ поколѣній, очищалось обширное поприще чему-то грозному, чему-то страшному, темнѣвшему въ дали степей восточныхъ! Руссы безпрерывно ожидали представленія свѣта: не ему долженствовало наступить, но слѣдовало быть послѣднему изверженію изъ Азіи. Отъ смерти Георгія Долгорукаго протекло *не болѣе вѣка человѣческаго до появленія Монголовъ*. Пережившаго сей вѣкъ ожидали *трудъ* и *болѣзнь*

Если здѣсь видимъ всюду какое-то разрушеніе, паденіе, въ то время посмотрите, какъ жизнь будущаго готовилась въ другихъ мѣстахъ, и не гасла, но живилась. Волынь, и потомъ Галичь, долженствовавшіе быть оплотомъ Руси отъ могущества Венгріи и Польши, были управляемы князьями могущественными, сильными; такъ княжилъ Володарь, Василько, Владимірко и, достойный сынъ его, Ярославъ — *Осмомысли, подпиравшіе Угорскія горы желѣзными палками, заступавшіе путь королямъ, затворявшіе ворота отъ Дуная*. Если Черниговъ разрушался, будучи терзаемъ враждою съ Кіевомъ, въ то же время вражда сія возстановила Рязань, Муромъ, Курскъ, Новгородъ Сѣверскій, наконецъ Владиміръ Залѣскій, и отодвинула гнѣздо будущихъ событій на Сѣверъ, на крайней оконечности коего жизнію народной свободы кипѣли Новгородъ и Псковъ.

Повѣсть о второй половинѣ періода удѣловъ рѣшитъ намъ то, что кажется еще не яснымъ въ событіяхъ первой половины. Мы тамъ видимъ ниспроверженіе, уже не великаго княжества,—оно пало съ смертію Мономаха,—но даже самаго мѣста, гдѣ оно существовало—Кіева, дотолѣ только для Половцевъ не бывшаго предметомъ благоговѣнія; видимъ, какъ разгаръ страстей довелъ до рѣшительнаго раздѣленія сѣверъ, югъ, всѣ части Руси, унизилъ характеръ однихъ до грубыхъ злодѣйствъ перваго времени Руссовъ, сдѣлалъ другихъ какими-то странствующими рыцарями удальства и чести, умалилъ души, истощилъ сердца, и довелъ всю Русь до кровавой бани очище-

.. Если исторія есть бесѣда ума съ
тью, на развалинахъ царствъ и гро-
народовъ, то справедлива ли послѣ
унылая дума, тревожащая душу,
созерцаніи того времени въ *исторіи*
каго народа, которое мы предпри-
емъ описывать? — Ужасенъ былъ
тцамъ нашимъ 1237-й годъ, предвоз-
енный, какъ они думали, страшными
сными и земными чудесами и знаме-
і; ужасны были и *два столѣтія*,
имъ слѣдовавшія... *двѣсти лѣтъ*
тва, страха смертнаго, гибели въ
едшемъ, безнадежности въ будущемъ!
умъ не поколебался-бы, сердце не
гнулось бы, созерцая въ XIII, XIV
аже въ половинѣ XV вѣка судь-
Руси! Дивиться ли, послѣ сего, что
тцы наши, цѣлыми поколѣніями,
колыбели до гроба, неся тяжкія
рабства иноплеменниковъ, чуж-
родомъ, нравами, обычаями, отвра-
тьныхъ по религіи и ужасныхъ дикою
ю владычества, наполнили преданія
го времени какою-то грустью безна-
ности, какимъ-то отчаяніемъ, какимъ-
жасомъ, выражающими состояніе души,
бное тому, въ которомъ бываютъ оби-
ли города, пораженнаго тлетворною
о? Иго, наложенное иноплеменникомъ,
а тяжко; но живые завидуютъ мерт-
, если повѣлители—иноплеменники—
ры свирѣпые, чуждые самой началь-
гражданской образованности, и въ
й гордости почитающіе себя чѣмъ-то
имъ противъ несчастнаго раба свое-
Тогда нѣтъ мѣры скорби и позору,
людей подвластныхъ имъ.

о, мы потомки отстрадавшихъ праот-
, съ безстрастіемъ разсматриваемъ
едшіе вѣка ихъ, соболѣзнуя сердцемъ
твіямъ отцовъ нашихъ, въ тоже вре-
олжны созерцать бытіе предковъ съ
й точки зрѣнія.

а же *необходимость* событій, какая
рывается передъ нами въ удѣльномъ
періодѣ, раскроется для насъ и въ по-
слѣдовавшемъ за тѣмъ періодѣ монголь-
скаго владычества надъ землями русскими.
Онъ былъ необходимъ, сей періодъ, не-
обходимъ по таинственнымъ судьбамъ Про-
видѣнія, для того, чтобы переживъ оный,
Русь явилась *самобытнымъ государ-
ствомъ* въ ряду другихъ государствъ.
Изображая періодъ удѣловъ, и находя,
что сущность его заключается въ разви-
тіи общественности по дикимъ странамъ
сѣвера, мы видѣли въ событіяхъ какое-
то распаденіе цѣлости народной, какое-то
стремленіе частностей къ самобытному
образованію. Въ періодѣ владычества мон-
гольскаго найдемъ совсѣмъ другой поря-
докъ дѣйствій: мы увидимъ, какъ объятыя
внезапною бурею бѣдствій, и залитыя
потоками крови, самобытныя частности
станутъ исчезать постепенно; какъ въ
одномъ мѣстѣ дѣйствій сохранится оста-
токъ древней Руси, какъ все будетъ по-
томъ стремиться къ сему остатку прежня-
го, или лучше сказать, къ сему зародышу
новаго; какъ Провидѣніе явитъ тамъ лю-
дей сильныхъ духомъ, какъ всѣ прежнія
частности Руси постепенно будутъ ими
соединяемы, и, по глаголу Бога, раздѣ-
лятся вóды отъ суши и будетъ свѣтъ,
возстанетъ изъ мелкихъ *русскихъ кня-
жествъ* великое *Россійское государ-
ство*.

Не унывать, но поучаться должно че-
ловѣку, созерцая такое дивное устройство
судебъ божіихъ, и тѣмъ поучительнѣе
подобное зрѣлище жизни человѣка, утуч-
няющей ниву жизни человѣчества, когда
для сего соединяются дѣйствователями
Европа и Азія, народы идутъ отъ песча-
ныхъ пустынь далеко Востока въ лѣса и
дебри волжскіе и днѣпровскіе, и рука
Провидѣнія пишетъ исторію ихъ огромны-
ми, могучими чертами, являя потомъ
совсѣмъ новый народъ, совсѣмъ новое
образованіе. Мы видимъ судьбу такого
новаго образованія, новаго народа въ Ру-

си—судьбу великую! Разсматривая событія отъ пришествія Норманновъ, или Варяговъ къ Славянамъ до нашествія Монголовъ на русскія земли, мы видимъ начало и жизнь *русскаго народа*. Со времени нашествія Монголовъ, до низверженія рабства; ими наложеннаго, мы видимъ начало и жизнь *русскаго государства*.

Сей великій періодъ, заключающій въ себѣ болѣе 200 лѣтъ, подобно періоду удѣловъ, само собою, естественно, дѣлится на двѣ половины: первую—до основанія самобытности *московскаго княжества*; вторую—до основанія самобытности *россійскаго государства*. Разница та, что въ періодѣ *русскаго народа* мы видимъ сначала безпрерывное возвеличеніе, и дѣйствователей сильныхъ духовъ, подвизавшихся для возвеличенія Руси, потомъ находимъ постепенный упадокъ, униженіе: мужи сильные умалялись, исчезали, или бездѣйствовали и тѣ, которые еще не угашали духа, оказывались безсильны противъ потока событій, ихъ увлекавшаго. Противное увидимъ въ періодѣ жизни *государства Россійскаго*. Первая половина его представитъ намъ еще болѣе глубокое паденіе духа, еще большее бездѣйствіе общественной силы; мужей крѣпкихъ духомъ не будетъ вовсе, или силу души будутъ они показывать только въ безстрашіи мученичества, только въ самоотверженіи предъ гибельною кончиною. Но чудно все станетъ оживать предъ нами во второй половинѣ сего періода! Отколѣ явятся новые люди, и отколѣ новая сила! Какіе смѣлые подвигоположники возстанутъ на дѣло Провидѣнія! И что всего изумительнѣе: Провидѣніе, удивляющее насъ въ слабости человѣческой, умудряющее слѣпца, поведетъ и слабыхъ, и безсильныхъ къ величію, чести и благу подвластныхъ имъ; предъ ними падутъ люди, далеко превышавшіе ихъ умомъ и крѣпостію души, и—в[...] лачится *Россія!*..

Судьбы Провидѣнія соединяли [...] Европу съ Азіею; ставили въ рядъ [...] пейскихъ народовъ новый, сильный и [...] гучій народъ; сливали Русь съ Евр[...] дотолѣ отъ нея отдѣльною, и между [...] достигшею совершенно новаго образов[...] Такъ въ горнилѣ двухвѣковаго бѣд[...] перегарала Русь—Европа кончила [...] *ріодъ среднихъ вѣковъ*, и вступил[...] вѣкъ новаго бытія, до насъ продо[...] юющійся...

Изумляясь исполинскому *началу Р*[...] дивному, безпримѣрному въ лѣтопи[...] другихъ странъ и народовъ; полагая, [...] Русь въ самомъ началѣ уже образ[...] собою обширное, могущественное и [...] *новластное государство*, предста[...] намъ донынѣ періодъ Удѣловъ волнен[...] бунтовщиковъ противъ великихъ кн[...] главныхъ повелителей и единовластит[...] русскихъ странъ. Вопреки явному об[...] нію дѣлами, историки мечтали видѣть [...] основаніе въ жизни русскихъ стран[...] думали, что оно ослабило наконецъ [...] Руси, хотя и не разрушило системы [...] новластія. Несправедливость сихъ пре[...] ложеній обнаруживается передъ нами, [...] безпристрастномъ и вѣрномъ излож[...] событій. Нашествіе монгольскихъ орд[...] иго рабства, наложенное ими на Р[...] подавали поводъ къ новымъ заблужде[...] историковъ. Не простирая взора за [...] дѣлы Руси, какимъ-то *отвратим*[...] зломъ почитали они сіе бѣдствіе и [...] вали о судьбѣ Руси, увѣренные, [...] *безъ междоусобій удѣльныхъ*, Ру[...] могли-бы разбить полчища Монголовъ [...] отвратить грозу власти ихъ.

Сказать: *что было, то долж*[...] *ствовало быть*, значило-бы ввасть [...] фатализмъ, не достойный исторіи. Мы [...] довольствуемся имъ—нѣтъ! Вопрошая [...] нашъ, при повѣркѣ событій не [...] Руси, но всей Европы и Азіи въ [...]

вѣкѣ, мы узнаемъ, какъ малъ и недостаточенъ обзоръ былъ тѣхъ людей, чье мнѣніе о періодѣ монгольскаго владычества мы теперь изложили. Исторія двухъ частей свѣта, Европы и Азіи, посредницею коихъ была Русь »вѣчное поприще перехода народовъ изъ Азіи въ Европу«, представляетъ намъ совсѣмъ новый взглядъ на періодъ монгольской власти.

Въ сей періодъ всколебались волны послѣдняго великаго движенія народовъ; онѣ обхватили пространство отъ острова Явы до Новгоргда, отъ береговъ Корейскихъ до береговъ Адріатическаго моря, и отъ Индіи до Перми. Сіе движеніе человѣческихъ обществъ было ужасно, какъ ужасны буря, потомъ, землетрясеніе: кровь и слезы обильно лились въ сей періодъ на берегахъ Инда, Гоангъ-го, Аракса, Волги, Одера и Дуная. Думать, что сила какого нибудь Юрія, или хитрость какого нибудь Даніила, могли отвратить сію грозу отъ земель русскихъ, и при переворотѣ всемірномъ не стараться узнавать въ прошедшемъ тайнъ жизни человѣчества въ настоящемъ и будущемъ, скорбя только объ участи погибшихъ нашихъ праотцевъ—было-бы несообразно съ великимъ назначеніемъ исторіи.

(*Ист. Рус. Нар. Н. К. Полеваго. 1833—1834 г. III, 7—15; IV, 7—15*).

Когда безмолвно принимали на вѣру положенія Карамзина, смѣло выступилъ на учено-литературное поприще Н. А. Полевой болѣе съ отвагою мысли, чѣмъ съ учеными позпаніями. Онъ началъ писать »Исторію Рус. Народа« и этимъ названіемъ заявилъ, что »Исторія Государства Рос.« недостаточна, необходимо изученіе жизни народной. Въ этомъ заслуга талантливаго писателя: онъ указалъ новое направленіе въ русской исторической наукѣ; но полемическій тонъ мѣшалъ ему взглянуть на дѣло безпристрастно и спокойно; а увлеченіе иностранными теоріями и недостатокъ матеріаловъ привели его къ ложнымъ воззрѣніямъ на русскую жизнь.

320. Областная раздробленность и единство русской земли.

Первые три брата князя, призванные славянами, пришедши съ дружиною, сейчасъ размѣстились по городамъ, и съ перваго раза видимъ мы явленіе, совершенно противуположное единодержавію: сейчасъ являются три князя. При Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ по видимому возникаетъ единодержавіе, но совершенно случайно, ибо у этихъ князей не было братьевъ. Къ тому же договоры ихъ съ Греками показываютъ, что въ городахъ было много подручныхъ имъ князей. Въ послѣдствіи, когда родъ княжой размножился, вся Россія управлялась всѣмъ этимъ княжимъ родомъ, всѣми наличными князьями. Такимъ образомъ Россія не представляла единаго цѣльнаго государства, но съ другой стороны не представляла и отдѣльныхъ государствъ, не представляла даже федеративнаго государственнаго союза, ибо владѣнія князей были непрочны, и они сами переходили изъ города въ городъ. Возможность этихъ переходовъ показываетъ, что въ то же время *почва была одна*, что вся Россія была едина. И точно, Россія была едина, какъ одна Русская земля, соединенная вѣрою, языкомъ, жизнію и бытомъ; но, какъ Русское государство, цѣлости она не представляла. На единой русской землѣ строились государственныя перегородки; князья вмѣстѣ со своими дружинами, переходили изъ города въ городъ, ссорились, сражались, выгоняли другъ друга. Несложившееся государственное устройство носилось надъ землею. Но какъ же могла выносить русская земля такое безпокойное устройство, это множество воинственныхъ, задорныхъ князей, сейчасъ прибѣгающихъ къ мечу въ своихъ спорахъ? Мы знаемъ притомъ, что въ каждомъ городѣ собиралось народное вѣче. Отвѣтъ на это одинъ: мѣнялись князья, но отно-

шеніе ихъ къ народу не мѣнялось; устройство народное отъ этой перемѣны не терпѣло: и потому Ростиславъ или Изяславъ, Всеволодъ или Олегъ,—для народа было все равно, ибо отношенія князя къ народу и народное устройство оставались тѣже: какое тутъ дѣло до лица самаго князя? Всѣ эти ссоры и споры князей были дѣломъ промежду ихъ; въ этомъ дѣлѣ непосредственное участіе принимали ихъ княжія дружины. Народу не было дѣла до ихъ родовыхъ счетовъ, до ихъ правъ на старшинство; родовое устройство, бывшее отчасти въ Рюриковскомъ родѣ (родѣ пришломъ, не забудьте), чуждое русскому народу совершенно, не могло возбуждать въ немъ участія, ни даже быть ему понятно. Впрочемъ иногда народъ вмѣшивался въ княжую борьбу; это бывало: или когда эти безпрестанныя сраженія уже слишкомъ вредили его матеріальному благосостоянію, и тогда народъ удалялъ отъ себя князя, изъ-за котораго шелъ споръ; или же, имъ князь лично былъ по душѣ,—и тогда народъ вооружался за него, какъ напр. Кіевъ за Изяслава Мстиславича. Но и тутъ, если борьба должна была быть тяжела и разорительна для общественнаго благосостоянія, народъ говорилъ даже и любимому князю (наприм. тому же Изяславу Мстиславичу): мы тебя любимъ, князь, но нечего дѣлать, иди прочь, не твое время.—Иногда ссорились и воевали городъ съ городомъ, и тогда князья были ихъ военачальниками и служили иногда для нихъ предлогомъ.—Скажутъ, что такое устройство было для народа обременительно, имѣло много недостатковъ: нѣтъ спору; но какое же ихъ не имѣетъ? И такъ какъ всякое устройство имѣетъ свои недостатки, то русская земля терпѣла и это устройство, стараясь по возможности уменьшать его неудобства и брать противъ нихъ мѣры, не участвуя въ княжихъ распряхъ и иногда прекращая ихъ,

чрезъ объявленіе князю, чтобъ онъ у
лился; дальнѣйшее улучшеніе госуд
ственнаго устройства русская земля п
доставляла времени и постепенному х
жизни.—И такъ русскою землею влад
князья. Правда, одинъ изъ нихъ, е
въ самыя первыя времена, называ
великій, но это не былъ титулъ, оз
чающій особую власть. Это значи
старшій,—какъ и теперь *большой* з
чить *старшій* (*большой* сынъ, *больш*
братъ, употребляется въ смыслѣ *ста*
шій). Уже самое множество князей,
одной землѣ, уничтожало единодержа
лишало ихъ значенія самовластнаго го
даря.—Сверхъ того князь изначала я
ся на Руси, окруженный дружиною; з
ченіе дружины было важно; это бы
совѣтъ, общество князя, мнѣніемъ д
жины онъ дорожилъ и совѣту ея слѣ
валъ; здѣсь не было прямаго огранич
власти князя, но, единственно въ с
обычая, дружина имѣла постоянный в
въ его намѣреніяхъ и предпріятіяхъ
являлась сама независимою: дружинни
имѣлъ право переходить отъ князя
князю. Дружина, съ своей стороны, х
тя только въ силу обычая, какъ мы с
зали, умѣряла самовластіе князя.—Та
было сначала государственное устройс
въ Россіи. Споры у князей шли за Кіе
Кіевъ былъ для нихъ домъ отцовс
здѣсь была мысль *о чести* княжеск
стола, и споръ былъ за нее. Но вре
шло своимъ необходимымъ ходомъ; зна
ніе государства выступало; междоусо
князей приняло иной характеръ. Кіе
потерялъ свое значеніе. Возникъ Вла
міръ. Князь его, Андрей суздальскій,
словамъ лѣтописи, хотѣлъ быть *самов*
стецъ (единодержецъ) въ русской зем
Явилась мысль у князей, уже не тол
о чести княжескаго стола, но о матері
номъ могуществѣ княжества. А въ
время нагрянули Татары и соедин
Русь новымъ общимъ союзомъ, союзо

ей бѣды, общаго плѣна. — Русскіе ья давно знали, что есть иная власть царева, власть царская, власть единодержавная и нераздѣльная. Духовенство) имъ говорило объ этой власти. Это ическое понятіе сообщено было имъ нтіею; оно осѣнило Владиміра Моно-, но тогда это было преждевременно, пе какъ пророчество. Теперь явилась дъ Россіею или, лучше, вознеслась нею иная, цѣльная, страшная власть, ть татарскаго хана. Въ Россіи ему давать титулъ *царя.* Татары не вовали Россіею, но держали ее подъ ь, оставя ей прежнее устройство и подчинивъ его своей верховной вла- и отъ времени до времени вторга въ нее, все истребляя и разрушая. ья, признавъ власть татарскаго хана, лжали между собою тѣ же отношено уже въ измѣненномъ видѣ. Посшись, они принуждены были ѣздить рду: тамъ выпрашивать себѣ права еликое княженіе, тамъ искать рѣшесвоего спора. Тамъ видѣли они песобою и чувствовали на себѣ страшцѣльную, единую власть, въ лицѣ кскаго хана; но между собою они не вали при этомъ и другаго способа: о стараго боеваго варяжскаго меча. нѣсколько времени, — и подъ властію ъ междоусобіе князей приняло прещій отпечатокъ: то есть стремленіе ить свое княжество на счетъ друкъ усиленію своего могущества ятся и Рязань, и Тверь, и Нижній ородъ. Наконецъ Москва поднимаетъ я *всей Руси,* не только въ земь, но и въ гасударственномъ значеСъ этой минуты, какъ поднято надъ это знамя, прекращеніе междоустановится неизбѣжнымъ. Передъ ъ знаменіемъ все было должно смиса! Единство русскаго государства динство русской земли должны быконецъ возникнуть рядомъ, ибо доселѣ дробленіе государственное затрудняло единство русской земли. Около знамени всей Россіи, поднятаго Москвою, начинаетъ собираться вся Россія. — Великій князь московскій именуется *великимъ княземъ всея Руси,* и удѣльные князья быстро падаютъ передъ нимъ одинъ за другимъ, и нигдѣ не видимъ мы ни малѣйшаго сожалѣнія о ихъ паденіи. Единая цѣльная земля тяготилась государственнымъ раздѣленіемъ и была рада, когда Москва сильною рукою стала ломать всѣ эти государственныя перегородки. Русская земля, очевидно, охотно признаетъ единодержавіе великаго князя, уже не только московскаго, но всея Руси. Два царства, столь близко знакомыя Россіи по различнымъ отношеніямъ, — падаютъ въ это время: падаетъ Византія, разваливается Орда; но соблазнительная теорія византійскаго императора и соблазнительная практика татарскаго хана сильно дѣйствуютъ на великаго князя московскаго и оставляютъ на немъ слѣды. Онъ не сдѣлался ни Грекомъ, ни Татариномъ; онъ только невольно принялъ на себя эти оттѣнки, данные исторіей, и тѣмъ быстрѣе и рѣзче пошелъ къ *своей* самостоятельной предположенной цѣли. Изъ подъ двухъ разрушенныхъ, хотя и различныхъ, царствъ, является новое, цѣльное, единое царство — *Царство Русское*; является новый самодержавный царь — царь русскій. Но не смотря на посторонніе вліянія, новое русское царство и новый русскій царь были своеобразны, самобытны и представили міру новое еще не бывалое явленіе. Вліянія, оттѣнки могли быть посторонніе; но царство русское, въ существѣ своемъ, было создано народнымъ самостоятельнымъ духомъ Россіи...

Чѣмъ же теперь могла быть при царѣ древняя княжая дружина? Времена измѣнились. Настала иная пора. Уже не было переходныхъ князей, съ которыми

переходила и дружина, не пуская корней въ землю, составляя бродячій совѣтъ князя,—князя, который и самъ не имѣлъ настоящей осѣдлости. Съ жизнью народной дружина была прежде мало связана и не могла тяготѣть надъ нею, по крайней мѣрѣ, сильно. Въ послѣдствіи удѣльные князья стали оставаться долѣе, и потомъ даже постоянно, на своихъ удѣлахъ. Наконецъ и удѣлы исчезли,—и явился уже одинъ царь и в. князь московскій и всея Руси, единый царь и единая цѣльная русская земля. Дружина окружила престолъ царя. Дружина была доблестна, правда, но, не смотря на всю свою доблесть, дружина уже начала составлять теперь сословіе, болѣе или менѣе втягивающее въ себя благородныя силы народа, себѣ предоставляющее подвиги, себѣ присвоивающее исключительную славу, мѣшающее дружному теченію всего народа; а дружнаго теченія всего народа не замѣнятъ никакія доблести извѣстнаго сословія. Дружина, съ своимъ прежнимъ значеніемъ, была необходима для князей, переносившихся изъ города въ городъ; она не нужна, она вредна для единаго царя и для всей земли. Становясь между народомъ и царемъ, дружина стѣсняла обоихъ. Народъ, призывая нѣкогда государственную власть, призывалъ князя, а не дружину: народъ хотѣлъ знать его да себя; повиноваться боярамъ русскій народъ никогда не думалъ. Съ другой стороны, новое самодержавіе не хотѣло дѣлиться властію съ дружиною. Мы сказали, что права дружины не были опредѣлены, но, вслѣдствіе обычая, значеніе ея было велико. Теперь, когда идея самодержавія, идея власти государственной, цѣльной и нераздѣльной, проникла убѣжденіе правительства, правительство не захотѣло быть *обязаннымъ*, хотя и по обычаю, во всѣхъ дѣлахъ совѣтоваться съ дружиною...

Государство, какъ мы видѣли, было въ разрозненномъ и раздробленномъ видѣ надъ единою русскою землею. Земля русская, въ ту пору, являлась отдѣльными общинами, имѣвшими отдѣльныхъ князей, не сознавала свою общую цѣлость. Жизнь земская выражалась вѣчами, бывшими въ этихъ отдѣльныхъ общинахъ. Съ этими вѣчами совѣщался князь, и въ нихъ вообще выражалось тогда отношеніе и соприкосновеніе *власти* государственной къ *мысли* народной. Входить здѣсь въ подробности, мы не имѣемъ нужды.—Мы видѣли также, что земля была равнодушна къ распрямъ князей, во сколько онѣ не касались ея благосостоянія и быта. Мы уже сказали, что это государственное дробленіе мѣшало цѣлости всей русской земли. Какъ скоро государство стало единымъ надъ единою русскою землею; какъ скоро оно почувствовало свою цѣлость, какъ скоро великій князь московскій сталъ царемъ: тогда государство, единое, обращается къ единой русской землѣ и зоветъ ее всю на совѣтъ. Первый царь созываетъ первый земскій соборъ. На этомъ соборѣ встрѣчаются земля и государство, и между ними утверждается свободный союзъ. Отношенія царя и народа опредѣляются: правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія. На земскомъ соборѣ торжественно признаются эти двѣ силы, согласно движущія Россію: власть государственная и мысль народная.

Вотъ тѣ отношенія, въ которыя стала, пріобрѣтшая единство, государственная власть къ землѣ. Древнія областныя вѣча, невсегда остававшіяся въ предѣлахъ одного мнѣнія, но примѣшивавшія не рѣдко употребленіе грубой внѣшней силы, преобразовались, при единодержавіи, въ земскій соборъ всей Россіи,—явленіе, уже имѣющее одну *чисто нравственную* силу мнѣнія, безъ всякой примѣси внѣшней принудительности,—силу, къ которой об-

ращалось правительство, какъ къ самой надежной и вѣрной подпорѣ. Выборные на земскомъ соборѣ обыкновенно отвѣчали въ такомъ родѣ: »Какъ поступить въ этомъ дѣлѣ, государь,—это твоя воля, а наша мысль такова«.

(Изъ статьи К. С. Аксакова. Рус. Бесѣда. 1856. кн. IV, отд. 2. 21—29).

Указатель статей: Древнѣйшій періодъ исторіи Славянъ. *А. Ѳ. Гильфердинга.* Вѣстн. Евр. 1868 г. № 7 и 8. Славянскія племена нынѣшней Россіи. *Шафарика.* Рус. Ист. Сборн. I, кн. 4. 39—97. Краткій чертежъ народовъ Славянскихъ, обитавшихъ на мѣстахъ нынѣшней Россіи. *П. Ѳ. Калайдовича.* Зап. и Труды общ. Ист. 1815. ч. 1. 145—158. Двѣ русскія народности *Костомарова.* Основа 1861. 3. Лекціи по Исторіи Запад. Рос. *М. Кояловича.* День 1864. Ист. югозап. Рос. *А. Клеванова* 1850. Разборъ книги въ Отеч. Зап. 1850. LXXII, V. 1. Исторія Червонной Руси. *Смирнова.* Были ли Малороссы исконными обитателями Полянской земли или пришли изъ-за Карпатъ. *А. Котляревскаго.* Основа 1862. 10. Ист. Рязанс. Княжества. *Иловайскаго.* О постепенномъ образованіи Рязанс. губерніи. *М. Барановича.* Рязанс. Губ. Вѣдом. 1860. № 34—36. *Его же:* Статист. опис. Рязанс. губ. 1859. Объ основаніи Нижняго Новгорода. *Н. Овсянникова.* Нижег. Губ. Вѣд. 1861. № 25. О древней области Вятичей. *І. Л.* Чт. общ. Ист. 1862. кн. 2. 1. 1—156. Опытъ историч. описанія о началѣ Москвы. *М. Ильинскаго.* м. 1795. Преданія объ–основаніи Москвы. *Н. Д. Бѣляева.* Рус. Вѣст. 1868. № 3. Сказаніе о началѣ Москвы. Времен. XI. Смѣсь 25. О началѣ града Москвы и о в. кн. Даніилѣ Александровичѣ. Памятн. кн. Олонец. губ. 1864. 185—191. О преданіяхъ Новгородскихъ, Московскихъ и Владимірскихъ. Лѣтоп. Рус. Литер. т. IV. I. Еще VI т. Пророчественное благословеніе св. Петра, данное Москвѣ. Воскрес. Чт. 1859. № 5, 44. Г. Москва съ его уѣздомъ. Москвит. 1844. I. 298—310, V, 177—185. О постепенномъ увеличеніи Москов. Госуд. Сѣверн. Архивъ ч. 2. № 8, 122. О причинахъ возвышенія Московс. Княжества. *Вл. Вешнякова.* Спб. 1851. Великорус. области и смутное время. *А. Щапова.* От. Зап. 1861. Октябрь 579. О вліяніи природы Рус. Государст. области на ея исторію. От. Зап. 1850. LXIX, II. 229. 1853. LXXXVI, II. 87. LXXXVIII, II. 39. Исторія Княжества Псковскаго. Кіевъ. 1831 г. Историко-статист. очерки Псковс. губ. *Бочкова.* Псковъ 1862. Исторія Галицкой Руси. *Зубрицкаго* въ перев. *Бодянскаго.* Ист. города Смоленска. *Никитина,* м. 1848. Начало Казанскаго царства. *В. И. Поваляева.* Моск. Универс. Изв. 1866—1867, № 12. См. Пермскій Сборникъ, Древности Владиміра и т. под. изданія областныя, Губернс. Вѣдом., Памятныя книжки и изданія этногр. общества.

IX. БОРЬБА РУСИ СЪ РАЗНЫМИ ПЛЕМЕНАМИ И НАРОДАМИ.

1. СТЕПНЯКИ.

А. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННЫЕ.

321. Борьба съ степняками.

1. Авары или Обры: Придоша Угри Бѣліи, наслѣдиша землю словеньску; сибо Угри почаша быти при Иракліи цари, иже находиша на Хоздроя царя перьскаго. Въ си же времяна быша и Обри ходиша на Ираклія царя и мало его не яша, си же Обрѣ воеваху на Словѣнѣхъ и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣны, и насилье творяху женамъ дулѣбскимъ: аще поѣхати будяше Обрину, не дадяше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ въ телѣгу и повезти Обърѣна; тако мучаху Дулѣбы. Быша бо Обърѣ тѣломъ вѣлици и умомъ горди, и Богъ потреби я̑, помроша вси, и не остася ни единъ Обърinъ; есть притъча въ Руси и до сего дне: погибоша аки Обрѣ, ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдъка. По сихъ же придоша Печенѣзи; паки идоша Угри Черніи мимо Кіевъ, послѣ же при Олзѣ... (*Лавр*. *5*).

2. Хозары: По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьѣ сея (Кія, Щека и Хорива), быша обидимы Древляне, инѣми околними, и наидоша я̑ Козарѣ сѣдящая на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ, и рѣша Козари: »платите намъ дань«. Съдумавше Поляне и вдаша оть дыма мечь, и несоша Козари ко князю своему и къ старѣйшинамъ, и рѣша имъ: »се налѣзохомъ дань нову«. Они же рѣша имъ: »откуду«? они же рѣша: »въ лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпровскою«. Они же рѣша: »что суть вдали«? Они же показаша мечь. Рѣша старци козарьстіи: »не добра дань княже! Мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною, рекше — саблями, а сихъ оружье обоюдо остро, рекше — мечь; си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ... (*Лавр*. 7).

3. Печенѣги: *а*) Въ лѣто 6423 (915) Прiидоша Печенѣзи первое на Рускую землю, и створивше миръ съ Игоремъ, идоша къ Дунаю...

б) Въ лѣто 6476 (968). Придоша Печенѣзи на Руску землю первое, а Святославъ бяше Переяславци; и затворися Вольга въ градѣ со оунуки своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ градѣ Кіевѣ. И оступиша градъ въ силѣ велицѣ, бещислено множьство около града и не бѣ льзѣ изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людье гладомъ и водою. Собравшеся людьѣ оноя страны Днѣпра въ лодьяхъ об ону страну стояху, и не бѣ льзѣ внити в Киевъ ниединому ихъ, ни изъ града к онѣмъ. Въстужита людье въ градѣ и рѣша: нели

е бы моглъ на ону страну дон-
и имъ: аще кто не приступить
предатися имамы Печенѣгомъ. И
нъ отрокъ: азъ преиду, и рѣша:
же изиде изъ града с уздою и
сквозѣ Печенѣги, глаголя: не
оня никтоже? бѣ бо оумѣя Пе-
и, и мняхуть й своего. Яко при-
и рѣцѣ, сверга порты (*платье*),
ь Днѣпръ и побреде; видѣвше
ѣзи, оустрѣмишася нань, стрѣ-
го, и не могоша ему ничтоже

Они же видѣвше ё с оноя стра-
эпѣхаша в лодьи противу ему, и
в лодью, и привезоша й къ дру-
рече имъ: аще не подъступите
къ городу, предатись хотять лю-
нѣгомъ. Рече же воевода ихъ,
Прѣтичь: подъступимъ заоутра в
и попадше княгиню и княжичѣ,
на сю страну; аще ли сего не
, погубити ны имать Святославъ.
гь, заоутра всѣдъше в лодью про-
ту и вструбиша вельми, и лю-
градѣ кликнуша; Печенѣзи же
нязя пришедша, побѣгоша разно
з, и изиде Ольга со оунуки и с
къ лодьѣ. Видѣвъ же се князь
жии, възратися единъ къ воево-
ичю и рече: кто се приде? и ре-
лодья оная страны. И рече князь
кии: а ты князь ли еси? онъ
азъ есмь мужь его, и пришелъ
сторожѣхъ, по мнѣ идеть полкъ
къ, бе-щисла множьство, се же
зя имъ. Рече же князь пече-
къ Прѣтичю: буди ми другъ,
рече: тако створю. И подаста
ию собою, и въдасть печенѣжскии
Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы;
дасть ему бронѣ, щитъ, мечь.
а Печенѣзи отъ града и не бя-
коня напоити: на Лыбеди Пече-
послаша Кияне къ Святославу,
е: ты, княже, чужея земли ище-
юдеши, а своея ся охабивъ; ма-
лы бо насъ, не взяши Печенѣзи, матерь
твою и дѣти твои: аще не поидеши, ни
обраниши насъ, да паки ны возмуть, аще
ти не жаль отчины своея, ни матери
стары суща, и дѣтии своихъ. То слышавъ
Святославъ, вборзѣ всѣде на конѣ съ дру-
жиною своею, и приде Киеву, цѣлова ма-
терь свою и дѣти своя; и съжалися о
бывшемъ отъ Печенѣгъ, и собра вои, и
прогна Печенѣги в поле, и бысть миръ...
(*Лавр*. 27).

в) Въ лѣто 6479 (971). Створив же
миръ Святославъ съ Греки, поиде въ ло-
дьяхъ къ порогомъ, и рече ему воевода
отень (*отцовъ*) Свѣнделъ: поиди, княже,
на конихъ около, стоять бо Печенѣзи в
порозѣхъ. И не послуша его, поиде въ
лодьяхъ, и послаша Переяславци къ Пе-
ченѣгомъ, глаголюще: се идеть вы Свя-
тославъ в Русь, веземъ имѣнье много оу
Грекъ и полонъ бещисленъ, съ малыми
дружины. Слышавше же се Печенѣзи, за-
ступиша пороги, и приде Святославъ къ
порогомъ, и не бѣ лзѣ пройти порогъ;
и ста зимовати въ Бѣлобережьи, и не бѣ
оу нихъ брашна оуже, и бѣ гладъ ве-
ликъ, яко по полугрівнѣ глава коняча, и
зимова Святославъ ту.

Въ лѣто 972 поиде Святославъ в по-
роги, и нападе нань Куря князь пече-
нѣжския, и оубиша Святослава. Взяша
главу его и во лбѣ его съдѣлаша чашю,
оковавше лобъ его и пьяху по немъ;
Свѣналдъ же приде Кіеву къ Ярополку.
И всѣхъ лѣтъ княженья Святославля лѣтъ
20 и 8.

(*По изд. Тимсковскаго*, *39—40*;
въ П. С. Лѣт. I, *30*).

322. Набѣгъ Печенѣговъ.

Въ лѣто 6500 (992). Иде Владиміръ
на Хорваты. Пришедшю бо ему съ вой-

ны Хорватьскыя, и се Печенѣзи придоша по оной сторонѣ отъ Сулы; Володимеръ же поиде противу имъ, и срѣте ѝ на Трубежи на бродѣ, кдѣ нынѣ Переяславль. И ста Володимеръ на сей сторонѣ, а Печенѣзи на оной, и не смяху си на ону страну, ни они на сю страну. И прїѣха князь печенѣжскый къ рѣкѣ, возва Володимера и рече ему: »выпусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета; да аще твой мужь ударить моимъ, да не воюемъ за три лѣта, аще ли нашъ мужь ударить, да воюемъ за три лѣта, и разидостася разно. Володимеръ же приде въ товары, посла биричи (*глашатаи*) по товаромъ, глаголя: »нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ съ Печенѣжиномъ«? и не обрѣтеся никдѣже. Заутра прїѣхаша Печенѣзи и свой мужь приведоша, и въ нашихъ не бысть. И поча тужити Володимеръ, сля по всѣмъ воемъ, и приде единъ старъ мужь ко князю и рече ему: »княже! есть у мене единъ сынъ меньшей дома, а съ четырми есмь вышелъ, а онъ дома; отъ дѣтьства бо его нѣсть кто имъ ударилъ: единою бо ми й сварящю, и оному мьнущю усніе (*кожу*), разгнѣвавъся на мя, преторже череви рукама«. Князь же се слышавъ радъ бысть посла по нь, и приведоша й ко князю, и князь повѣда ему вся; се же рече: »княже! не вѣдѣ могу ли ся, и да искусять мя: нѣту ли быка велика и силна? И налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздражити быка; возложивша на нь желѣза горяча, и быка пустиша, и побѣже быкъ мимо й, и похвати быка рукою за бокъ, и выня кожю съ мясы, елико ему рука зая; и рече ему Володимеръ: »можеши ся съ нимъ борoти«. И наутрія придоша Печенѣзи, почаша звати: нѣ ли мужа? се нашъ доспѣлъ? Володимеръ же повелѣ той нощи облещися въ оружье; и приступиша ту обои. Выпустиша Печенѣзи мужь свой, бѣ бо превеликъ зѣло и страшенъ; и выпусти мужь Володимеръ, и узрѣ ѝ Печенѣзинъ и посмѣяся, бѣ бо середній тѣломъ. И размѣривше межи обѣма полкома, пустиша я къ собѣ, и ястася, почастася крѣпко держати, и удави Печенѣзина въ руку до смерти и удари имъ о землю; и кликнуша, и Печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша по нихъ сѣкуще, и прогнаша я. Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томъ и нарече ѝ Переяславль, зане перея славу отрокъ—отъ...

(*Лавр. 52—3*).

323. Осада Бѣлгорода 997.

Володимеру же шедшю Новугороду по верховьніѣ воѣ на Печенѣгы, бѣ бо рать велика безперестани, въ се же время увѣдѣша Печенѣзи яко князя нѣту, придоша и сташа около Бѣлагорода. И не даяху вылѣзти изъ города, и бысть гладъ великъ въ городѣ, и не бѣ лзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, Печенѣгъ же множьство много. И уложися остоя въ городѣ, и бѣ гладъ великъ, и створиша вѣче въ городѣ, и рѣша: »се уже хочемъ померети отъ глада; а отъ князя помочи нѣту; да луче ли ны померети? вданимыся Печенѣгомъ, да кого живять, кого ли умертвять; уже помираемъ отъ глада«, и тако свѣтъ створиша. Бѣ же единъ старець не былъ на вѣчи томъ и впраша: »что ради вѣче было«? и людье повѣдаша ему, яко утро хотять ся людье передати Печенѣгомъ. Се слышавъ посла по старѣйшины градьскыя, и рече имъ: »слышахъ, яко хочете ся передати Печенѣгомъ«; они же рѣша: »не стерпять людье глада«. И рече имъ: »послушайте мене, не передайтеся за 3 дни и я вы что велю, створите«. Они же ради обѣщашася послушати, и рече имъ: »сберѣте аче и по горости овса, или пшеницѣ, ли отрубъ«; они же шедше ра-

искаша. 'И повелѣ женамъ створити
, въ немъ же варять кисель, и
ѣ выкопати колодязь, и вставити та-
дь, и нальяти цѣжа кадь, и повелѣ
й колодязь ископати, и вставити
кадь. И повелѣ искати меду, они
едше взяша меду лукно, бѣ бо по-
зо въ княжи медуши; и повелѣ роз-
и велми, и вътьяти въ кадь въ дру-
колодязи. Утро же велѣ послати по
гѣгы; и горожане же рѣша шедше
еченѣгомъ: поимѣте къ собѣ таль
жники) нашь, а вы поидѣте до 10
въ градъ, да видите, что ся дѣеть
адѣ нашемъ«. Печенѣзи же ради
;, мняще, яко предатися хотять,
у нихъ тали, а сами избраша луч-
ужи и послаша въ градъ, да роз-
отъ въ городѣ, что ся дѣеть. И
па въ городъ, и рекоша имъ лю-
»почто губите себе? коли можете
яти насъ? аще стоите за 10 лѣтъ,
жете створити намъ? имѣемъ бо
о отъ землѣ; аще ли не вѣруете,
ите своима очима«. И приведоша
кладязю, идѣже цѣжь, и почерпоша
ъ и льяша въ латки: и яко сва-
кисель, и поимше придоша съ ни
другому кладязю, и почерпоша сы-
почаша ясти сами первое, потомъ
ченѣзи. И удивишася, и рекоша:
муть вѣры наши князи, аще не
сами«. Людье же нальяша корчагу
и сыты отъ колодязя, вдаша Пече-
ь; они же пришедше повѣдаша вся
я. И варивше яша князи Печенѣзь-
и подивишася, и поимше тали своя
хъ пустивше, въсташа отъ града,
яси идоша...

(*Лавр.* 54—5).

Хозарахъ см. Сѣвер. Архивъ ч. 20, № 6,
ѣстн. Евр. 1823, ч. 132, № 23, 161.
отеч. 1835, CLXX, 565. Чт. общ. ист.
№ 3, 1—68. Ж. М. Н. Пр. ч. 37. VI,
57, ч. 43, II, 1—67. ч. 80, VI, 170. Изслѣдов.
Лерберга спб. 1819, 321.

О Печенѣгахъ см. Чт. Общ. Ист. 1846 г.
№ 1, смѣсь, Ж. М. Н. Просв. ч. 79. VI, 2.
Москвит. 1853. III. 121.

324. Косоги.

Въ лѣто 6530 (1022). Приде Ярославъ къ Берестію. Въ си же времена Мьстиславу сущю Тмуторокано, поиде на Косогы. Слышавъ же се князь косожьскый Редедя, изиде противу тому, и ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мьстиславу: »что ради губивѣ дружину межи собою? но съидевѣ ся сама боротъ; да аще одолѣеши ты, то возмеши имѣніе мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то възму твое все«;—и рече Мьстиславъ: »тако буди«. И Рече Редедя къ Мьстиславу: »не оружьемъ ся бьевѣ, но боробью.« И ястася бороти крѣпко, и надолзѣ борющемася има, нача изнемагати Мьстиславъ, бѣ бо великъ и силенъ Редедя; и рече Мьстиславъ: »о пречистая Богородице! помози ми; аще бо удолѣю сему, сзижю церковь во имя твое«. И се рекъ, удари имъ о землю, и вынзе ножь, зарѣза Редедю; шедъ въ землю его, взя все имѣнье его, жену его и дѣти его, и дань възложи на Косогы. И пришедъ Тмутороканю, заложи церковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоить и до сего дне Тмуторокани...

(*Лавр.* 63).

325. Половцы.

а) Въ лѣто 6569 (1061). Придоша Половци первое на Русьскую землю воевать, Всеволодъ же изиде противу имъ,

м. Февраля во 2 день; и бившимся имъ, побѣдиша Всеволода, и воевавше отъидоша. Се бысть первое зло отъ поганыхъ и безбожныхъ врагъ, бысть же князь ихъ Искалъ... (*Лавр. 70*).

б) Въ лѣто 6575 (1067). Придоша иноплеменници на Русьску землю, Половьци мнози, Изяславъ же, и Святославъ, и Всеволодъ изидоша противу имъ на Льто; и бывши нощи, подъидоша противу собѣ, грѣхъ же ради нашихъ попусти Богъ на ны поганыя, и побѣгоша русьскыи князи и побѣдиша Половци. Наводить бо Богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю, и тако скрушеныимъ имъ въспомянутся къ Богу; усобная же рать бываеть отъ соблажненья дьяволя... Се бо не погански ли живемъ, аще усрѣсти (*встрѣчи*) вѣрующе? Аще бо кто усрящеть черноризьца, то възвращается, ли единець (*борова*), ли свиньи, то не поганьскы ли се есть? Се бо по дьяволю наученью кобь сію держать, друзіи же и закыханью вѣрують, еже бываеть на здравье главѣ. Но сими дьяволъ лстить, и другыми нравы, всячьскыми лестьми превабляя ны отъ Бога, трубами и скоморохы, гусльми и русальи. Видимъ бо игрища утолочена, и людій много множьство, яко упихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣсы замышленаго дѣла, а церкви стоять, егда же бываеть годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви. Да сего ради казни пріемлемъ отъ Бога всячскыя, и нахоженье ратныхъ, по Божью повелѣнью пріемлемъ казнь грѣхъ ради нашихъ.

(*Лавр. 72—73*).

326. Борьба съ Половцами.

Въ се время (1093 г.) поидоша Половци на Русьскую землю; слышавше,
яко умерлъ есть Всеволодъ, послаша с
къ Святополку о мирѣ. Святополкъ
не сдумавъ съ большею дружиною от
и строя своего, но съвѣтъ створи
пришедшими съ нимъ, изъимавъ слы и
жа я въ истобъку (*избу*); слышавше
се Половци, почаша воевати. И при
Половци мнози, и оступиша Торчійск
градъ. Святополкъ же пусти слы по
вецьскыѣ, хотя мира; и не всхотѣша П
ловци мира, и ступиша Половци вое
Святополкъ же поча сбирати воѣ, и
на нѣ. И рѣша ему мужи смыслені
»не кушайся противу имъ, яко малоп
ши вои«. Онъ же рече: »имѣю отр
своихъ 800, иже могуть противу и
стати«. Начаша же друзіи несмыслен
глаголати: »поиди княже«, смысленіи
глаголаху: »аще бы пристроилъ и 8 т
сячь, не лихо то есть, наша земля
кудѣла есть отъ рати и отъ продаж
но послися къ брату своему Володимер
дабы ти помоглъ«. Святополкъ же
слушавъ ихъ, посла къ Володимеру,
бы помоглъ ему; Володимеръ же со
свои вои, и посла по Ростислава бр
своего Переяславлю, веля ему помог
Святополку. Володимеру же пришед
Кіеву, совокупистася у св. Михаила,
взяста межи собою распря и котор
(*ссоры, брани*), и уладившася, цѣлова
крестъ межи собою. Половцемъ вое
щимъ по земли, и рѣша има мужи см
сленіи: »почто вы распря имата ме
собою? а поганіи губять землю Русьску
послѣди ся уладита, а нонѣ поидита п
тиву поганымъ, любо съ миромъ, л
ратью«. Володимеръ хотяше мира, Св
тополкъ же хотяше рати; и поиде Свя
полкъ, и Володимеръ, и Ростиславъ
Треполю. Придоша къ Стугнѣ, Свя
полкъ же, и Володимеръ, и Ростисла
созваша дружину свою на съвѣтъ, хот
поступити черезъ рѣку, и начаша ду
ти. Глаголаше Володимеръ: »яко
стояче чрезъ рѣку, въ грозѣ сей, ст

миръ съ ними, и пристояху совѣ-
ему смысленіи мужи, Янъ, и прочіи.
е же не всхотѣша, но рекоша: »хо-
ся бити, поступимъ на ону сторо-
ѣки«; възлюбита съвѣтъ ось (*сей*),
еидоша Стугну рѣку; бѣ бо наводни-
велии тогда. Святополкъ же, и Во-
иеръ, и Ростиславъ исполчивше дру-
, поидоша; и идяше на деснѣй сто-
Святополкъ, на шюей Володимеръ,
эдѣ же бѣ Ростиславъ; минувше Тре-
проидоша валъ. И се Половци идя-
ротиву, и стрѣлци предъ ними; на-
же ставшимъ межи валомъ, поста-
стяги свои, и поидоша стрѣлци изъ
и Половци пришедше къ валови,
вша стягы своѣ; и налегша первое
Святополка и взломиша полкъ его.
ополкъ же стояше крѣпко, и побѣго-
юдье, не стерпяче ратныхъ против-
и побѣже Святополкъ. Потомъ на-
ша на Володимера, и бысть брань
, побѣже и Володимеръ съ Рости-
омъ. Прибѣгоша къ рѣцѣ Стугнѣ, и
е Володимеръ съ Ростиславомъ, нача
ти Ростиславъ предъ очима Володи-
; и хотѣ похватити брата своего, и
не утопе самъ; и утопе Ростиславъ,
Всеволожь. Володимеръ перебредъ
съ малою дружиною, мнози бо па-
отъ полка его, и боляре его ту
па; и перешедъ на ону сторону Днѣ-
плакася по братѣ по своемъ и по
инѣ своей, пришедъ Чернигову печа-
зѣло. Свягополкъ же вбѣже въ
оль и затворися ту, и бѣ ту до ве-
, и на ту ночь приде Кіеву. Полов-
е видѣвше, одолѣвше, пустиша по
воююче, а друзіи възвратишася къ
ьскому. Си же ся злоба сключи въ
възнесенья Господа нашего Исуса
та, м. мая въ 26 день. Ростислава
искавше обрѣтоша въ рѣцѣ; вземше
есоша й Кіеву, и плакася по немъ
его, и вси людье пожалиша си по
по велику, уности его ради, и со-

брашася епископи и попове и черноризци, пѣсни обычныя пѣвше, положивша й у церкви св. Софьи, у отца своего. Половцемъ же осѣдящемъ Торцьскый, противящимъ же ся Торкомъ и крѣпко борющимъся изъ града, убиваху многы отъ противныхъ; Половци же начаша налегати, и отъимаху воду, и изнемагати начаша людье въ градѣ водною жажею и голодомъ. И прислаша Торци къ Святополку, глаголюще: »аще не пришлеши брашна, предатися имамы«; Святополкъ же посла имъ, и не бѣ лзѣ вкрастися въ градъ, множьствомъ вой ратныхъ. Стояше около града недѣль 9, и раздѣлишася на двое: одини сташа у града, рать борюще, а друзіи поидоша Кыеву, пустиша на воропъ межи Кіевъ и Вышегородъ. Святополкъ же выиде на Желаню, и поидоша противу собѣ обои; и съступистася, и укрѣпися брань, побѣгоша наши предъ иноплеменьникы, падаху язвени предъ врагы нашими, и мнози погыбоша мертви, паче неже у Трьполя. Святополкъ же приде Кіеву самъ третій, а Половци возвратишася къ Торцьскому, быша же си злая м. іуля въ 23. Назаутріе, яже въ 24, въ святою мученику Бориса и Глѣба, бысть плачь въ градѣ, а нерадость, грѣхъ ради нашихъ великихъ и неправды, за умноженье беззаконій нашихъ... Ибо лукавіи сынове Измаилеви пожигаху села и гумна, и многы церкви запалиша огнемъ, да не чюдится никтоже о семъ: идѣже множьство грѣховъ, ту видѣнья всякого показанье. Сего ради вселенная предасться, сего ради гнѣвъ простреся, сего ради земля мучена бысть: ови ведуться полонени, друзіи посѣкаеми бывають, горкую смерть пріемлюще, друзіи трепечють, зряще убиваемыхъ, друзіи гладомъ умаряеми и водною жажею; едино прещенье, едина казнь, многовѣщныя имуще раны, различныя печали и страшны мукы, овы вяжемы и пятами пхаеми, и на зимѣ держи-

ми и ураняеми, и се пристраннѣе и страннѣе, ако на хрестьяньстѣ родѣ страхъ и колебанье, бѣда упространися... Половци воеваша много и възратишася къ Торцьскому, и изнемогоша людье въ градѣ гладомъ, и предашася ратнымъ; Половци же, пріимше градъ, запалиша й огнемъ, люди раздѣлиша и ведоша въ вежѣ къ сердоболемъ своимъ и сродникомъ своимъ. Много роду хрестьяньска стражюще: печални, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи и въ жажи и въ бѣдѣ опустнѣвще лици, почернѣвше тѣлесы; незнаемою страною, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, ногы имуще сбодены терньемъ. Со слезами отвѣщеваху другъ къ другу, глаголюще: »азъ бѣхъ сего города«, и другія: »азъ сея вси«; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе, и вздышюче, очи возводяще на небо къ Вышнему, свѣдущему тайная...

(*Лавр. 93—96).*

327. Нашествіе хана Боняка.

...Приде (1096 г.) второе Бонякъ безбожный, шелудивый отай (¹), хыщникъ, къ Кыеву внезапу, и мало въ градъ не въѣхаша Половци, и зажгоша болонье (²) около града, и възратишася въ манастырь, и въжгоша Стефанечь манастырь, и деревнѣ, и Германечь. И придоша въ манастырь Печерьскый, намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутрени (³), и кликнуша около манастыря, и поставиша стяга два предъ враты манастырьскыми, намъ же бѣжащимъ за домъ манастыря, а другимъ възбѣгшимъ на полати, безбожныѣ же сынове Измаилеви высѣкоша врата манастырю и поидоша по кельямъ, высѣкающе двери, и износяху аще что обрѣтаху въ кельи; по семъ въжгоша домъ св. Владычицѣ нашея Богородицѣ, и придоша къ церкви, и зажгоша двери еже къ угу устроеніи, и вторыя же къ сѣверу, влѣзше въ притворъ у гроба Ѳеодосьева, емлюще иконы, зажигаху двери и укоряху Бога и законъ нашь... Тогда же зажгоша дворъ красный, его же поставилъ благородный кн. Всеволодъ на Холму, нарѣцаемѣмъ Выдобычи: то все окаяніи Половци запалиша огнемъ... Исшьли бо суть си отъ пустыня Нитривьскыя, межю востокомъ и сѣверомъ; исшьли ихъ суть колѣнъ 4: Торкъмени и Печенѣзи, Торци, Половци. Меѳодій же свидѣтельствуетъ о нихъ, яко 8 колѣнъ пробѣгли суть, егда исѣче Гедеонъ, да 8 ихъ бѣжа въ пустыню, а 4 исѣче. Друзіи же глаголють: сыны Амоновы. Се же нѣсть тако: сынове бо Моавли Хвалиси, а сынове Аммонови Болгаре, а Сарацини отъ Измаила творяться Сарини, и прозваша имена собѣ Саракыне, рекше: Сарини есмы. Тѣмъ же Хвалиси и Болгаре суть отъ дочерю Лотову, иже зачаста отъ отца своего, тѣмъ же нечисто есть племя ихъ; а Измаилъ роди 12 сына, отъ нихъ же суть Торкъмени и Печенѣзи, и Торци, и Кумани, рекше Половци, иже исходять отъ пустынѣ, и по сихъ 8 колѣнъ къ кончинѣ вѣка изидуть, заклепеніи въ горѣ Александромъ Македоньскымъ, нечистыя человѣкы...

(*Лавр. 99—100*).

(¹) Шелудивый, коростовый, паршивый—ругательныя слова; *отай*—тайно.
(²) Низмѣнное мѣсто около Днѣпра.
(³) Изъ этого видно, что лѣтописецъ былъ монахъ и свидѣтель происшествія.

328. Походъ на Половцевъ Игоря 1185.

Святославичь Игорь, внукъ Олговъ, поѣха изъ Новагорода, м. апреля въ 23

во вторникъ, поймя (*взялъ*) съ со-
брата Всеволода изъ Трубецка, и
эслава. Олговича сыновця своего изъ
ска, и Володимера сына своего изъ
вля, и у Ярослава испроси помочь
тина Олексича, Прохорова внука, съ
(*степные народы*) черниговьски-
и тако идяхуть тихо, сбираюче дру-
свою: бяхуть бо у нихъ кони туч-
елми. Идущимъ же имъ къ Донцю
, въ годъ *(во время)* вечерній,
ь же возрѣвъ на небо и видѣ солн-
тояще яко мѣсяць, и рече бояромъ
гъ и дружинѣ своей: »видите ли что
знаменіе се«? Они же узрѣвше, и
па вси и поникоша главами, и ре-
мужи: »княже! се есть не на до-
знаменіе се«. Игорь же рече: »бра-
и дружино! тайны божія никто же
ѣсть, а знаменію творець Богъ и
у міру своему; а намъ что сотворить
, или на добро или на наше зло, то
намъ видити«. И то рекъ, перебреде
щь, и тако пріиде ко Осколу и жда
дни брата своего Всеволода, тотъ бя-
шелъ инѣмъ путѣмъ изъ Курьска; и
да поидоша къ Салницѣ, ту же къ
и сторожеви пріѣхаша, ихъ же бя-
посланѣ языка ловить (1), и реко-
пріѣхавше: »видихомся съ ратными,
ици ваши со доспѣхомъ ѣздятъ; да
поѣдѣте борзо, или возворотися до-
, яко не наше есть веремя«. Игорь
рече съ братьею своею: »Оже ны
ть не бившися возворотитися, то со-
(*срамъ, стыдъ*) ны будеть пуще
ти; но како ны Богъ дасть.« И та-
угадавше, и ѣхаша черезъ ночь, зау-
же пятъку наставшу, во обѣднее ве-
і усрѣтоша полкы половецькіѣ: бя-
бо до нихъ доспѣлѣ *(достигли)*, ве-
(*ставки, кибитки*) своѣ пустили

(1) Т. е. плѣнить Половчина, который бы раз-
алъ о силахъ и мѣстѣ остановки своего народа.

за ся, а сами собравшеся отъ мала и до
велика, стояхуть на оной сторонѣ рѣкы
Сюурлія. И ти изрядиша полковъ 6:
Игоревъ полкъ середѣ, а по праву брата
его Всеволожь, а по лѣву Святославль
сыновця его, напередѣ ему сынъ Володи-
меръ и другій полкъ Ярославль, иже бя-
ху съ Ольстиномъ Коуеве, а третій полкъ
напереди же стрѣлци, иже бяхуть отъ
всихъ князій выведени; и тако изрядиша
полкы своя. И рече Игорь ко братьи сво-
ей: »братья! сего есмы искалѣ, а потя-
гнемъ«; и тако пойдоша къ нимъ, поло-
жаче на Бозѣ упованіе свое. И яко бы-
ша къ рѣцѣ ко Сюурлію, и выѣхаша изъ
половецькихъ полковъ стрѣлци, и пустив-
ши по стрѣлѣ на Русь и тако поскочиша.
Русь же бяхуть не переѣхалѣ еще рѣкѣ
Сюурлія; поскочиша же и ти Половци
силы половецькіи, которіѣ же далече рѣ-
кы стояхуть. Святославъ же Олговичь, и
Володимеръ Игоревичь, и Ольстинъ съ
Коуи, и стрѣлци поткоша по нихъ, а
Игорь и Всеволодъ помалу идяста, не
роспустяста полку своего, переднія же ти
Русь биша ѣ, имаша; Половцѣ же про-
бѣгоша вѣжѣ, и Русь же дошедше вѣжь
и ополонишася, друзіи же ночь пріѣхаша
къ полкомъ съ полономъ. И яко собра-
шася Половци вси, и рече Игорь ко бра-
тома и къ мужемъ своимъ: »се Богъ си-
лою своею возложилъ на врагы наша по-
бѣду, а на насъ честь и слава; се же
видихомъ полки половецькіи, оже мнози
суть, ту же ци вся си суть совокупили?
нынѣ же поѣдемъ черезъ ночь, а кто по-
ѣдетъ заутра по насъ, то ци вси поѣ-
дуть, но лучьшіи коньници переберуться,
а самѣми какъ ны Богъ дасть«. И рече
Святославъ Олговичь строема своима:
»далече есть гонилъ по Половцехѣ, а ко-
ни мои не могутъ; аже ми будетъ нынѣ
поѣхати, то толико ми будетъ на дорозѣ
остати« —и поможе ему Всеволодъ, ако-
же облечи ту. И рече Игорь: »да неди-
вно есть разумѣющи, братья, умрети

и облегоша ту. Свѣтающи же суботѣ, начаша выступати полци половецкіи, акъ борове; изумѣшася князи рускіи, кому ихъ которому поѣхати, бысть бо ихъ безчисленое множество. И рече Игорь: »се вѣдаюче собрахомъ на ся землю всю: Концака, и Козубурновича, и Тоскобица, Колобича, и Етебича и Терьтробюга«. И тако угадавше вси съсѣдоша съ коній, хотяхуть бо бьющеся дойти рѣкы Донця; молвяхуть бо: »оже побѣгнемъ, утечемъ сами, а черныя люди оставимъ, то отъ Бога ны будеть грѣхъ, сихъ выдавше, пойдемъ; но или умремъ, или живи будемъ на единомъ мѣстѣ«. И та рекше вся сосѣдоша съ коней, и поидоша бьючеся; и тако, божіимъ попущеніемъ, уязвиша Игоря въ руку и умрътвиша шюйцю его, и бысть печаль велика въ полку его, и воеводу имяхуть, тотъ напереди язвенъ бысть. И тако бишася крѣпко ту днину (*тотъ день*) до вечера, и многи ранени и мертви быша въ полкохъ рускихъ; наставши же нощи суботніи, и поидоша бьючися; бысть же свѣтающе недѣлѣ, возмятошася Ковуеве въ полку, побѣгоша. Игорь же бяшеть въ то время на конѣ, зане раненъ бяше, пойде къ полку ихъ, хотя возворотити къ полкомъ, того дѣля, что быша познали князя и возворотилися быша; и тако не возворотися никтоже, но токмо Михалко Гюргевичь познавъ князя и возворотися; не бяхуть бо добрѣ смялися съ Ковуи, но мало отъ простыхъ или кто отъ отрокъ боярьскихъ, добри бо вси бьяхуться идуще пѣши—и посреди ихъ Всеволодъ не мало мужьство показа. И яко приближися Игорь къ полкомъ своимъ, и переѣхаша поперекъ и ту яша, единъ перестрѣлъ одалѣ отъ полку своего. Держимъ же Игорь видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своей смерти, ако да бы не видилъ паденія брата своего; Всеволодъ же толма бившеся, яко и оружья въ руку его не доста, и бья-

ху бо ся идуще вкругъ при езерѣ. И
ко, во день св. Воскресенія, наведе и
Господь гнѣвъ свой, въ радости ни
наведе на ны плачь и во веселье ни
желю (*жалость*), печаль на рѣцѣ
ялы.

...Тогда кончавшюся полку, розве
быша, и поиде кождо во своя вѣжа. И
ря же бяхуть яли Тарголове, мужь и
немъ Чилбукъ, а Всеволода брата его
Романъ Кзичь... Тогда же на поли
Концакъ поручися по свата Игоря, з
бяшеть раненъ. Отъ толикихъ же л
мало ихъ избысть, нѣкакомъ полученіи
не бяшеть бо лзѣ ни бѣгаючимъ уте
зане яко стѣнами сильными огоро
бяху полкы половецькими; но нашихъ
си съ 15 мужь утекши, а Ковуемъ
(*менье*), а прочіи въ морѣ истопоша.
то же время в. князь Всеволодичь Свя
славъ шелъ бяшеть въ Корачевъ, и с
рашетѣ отъ верхънихъ земль вои,
ити на Половци къ Донови на все л
Яко возворотися Святославъ и быст
Новагорода Сѣверьского, и слыша о б
тьи своей, оже шли суть на Полов
уставившеся его: и не любо бысть е
Святославъ же идяше въ лодьяхъ и
приде къ Чернигову, и во тъ годъ и
бѣже Бѣловолодъ Просовичь, и пов
Святославу бывшее о Половцѣхъ; Свя
славъ же то слышавъ и вельми воз
нувъ, утеръ слезъ своихъ и рече: »о.
ба моя братья и сынове и мужѣ зе
Рускоѣ! далъ ми бы Богъ притомити
ганыя, но не воздержавше уности от
риша ворота на Русьскую землю, в
господня да будеть о всемъ; да к
жаль ми бяшеть на Игоря, тако н
жалую болши по Игорѣ братѣ моем
Посемъ же Святославъ посла сына с
го Олга и Володимера въ Посемье: то
слышавше возмятошася городи посемьс
и бысть скорбь и туга люта, якоже
колиже не бывала во всемъ Посемьи
въ Новѣгородѣ Сѣверьскомъ, и по в

волости черниговьской, князи изымани и дружина изымана, избита; и мятяхуться акы въ мотви (1), городи воставахуть и не мило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, ню многѣ тогда отрекахуся душь своихъ, жалующе по князихъ своихъ. Посемъ же посла Святославъ ко Давыдови Смоленьску, река: »рекли бяхомъ пойти на Половци и лѣтовати на Донѣ; нынѣ же Половци се побѣдилѣ Игоря, и брата его съ сыномъ; а поѣди, брате, постерези землѣ Рускоѣ«. Давыдъ же приде по Днѣпру, придоша же ины помочи и сташа у Трополя, а Ярославъ въ Черниговѣ совокупивъ вои своя стояшеть. Погаными же Половци побѣдивше Игоря съ братьею, и взяша гордость велику и съвокупиша весь языкъ свой на рускую землю; и бысть у нихъ котора (*ссора*) молвяшеть бо Кончакъ: »пойдемъ на кіевьскую сторону, гдѣ суть избита братья наша и в. князь нашь Бонякъ«; а Каа молвяшеть: »пойдемъ на Семь, гдѣ ся осталѣ жены и дѣти, готовъ намъ полонъ собранъ, емлемъ же городы безъ опаса«; и тако раздѣлишася надвое, Кончагъ пойде къ Переяславлю и оступи городъ, и бишася ту весь день. Володимеръ же Глѣбовичь бяше князь въ Переяславлѣ, бяше же дерзъ и крѣнокъ къ рати, выѣха изъ города и потче къ нимъ, и по немъ мало дерьзнувъ дружинѣ, и бися съ ними крѣпко; и объступиша многіи Половцѣ, тогда прочіи видивше князя своего крѣпко бьющеся, выринушася изъ города, и тако отъяша князя своего, язвена суща треми копьи. Сій же добрый Володимеръ язвенъ труденъ въѣха во городъ свой, и утре мужественнаго пота своего за отчину свою. Володимеръ же слашеть ко Святославу, и ко Рюрикови, и ко Давыдови, и рече имъ: »се Половьци у мене, а помозите ми«; Святославъ же слашеть ко Давыдови, а Давыдъ стояшеть у Треполя со Смолняны. Смолняне же почаша вѣче дѣяти, рекуще: »Мы дошли до Кіева, да же бы была рать, билися быхомъ; намъ ли иноѣ рати искати, то не можемъ, уже ся есмы изнемоглѣ«; Святославъ же съ Рюрикомъ и со инѣми помочьми влегоша во Днѣпръ, противу Половцемъ, а Давыдъ возвратися опять со Смолняны. То слышавше Половци, и возвратишася отъ Переяславля, идущи же мимо приступиша Римови; Римовичи же затворишася въ городѣ, и возлѣзще на заборолѣ, и тако, божіимъ судомъ, летѣста двѣ городници съ людми, тако къ ратнымъ, и на прочая гражаны найде страхъ, да которѣи же гражане выйдоша изъ града и бьяхуться ходяще по римьскому болоту, то тѣ и избыша плѣна, а кто ся осталъ въ городѣ, и тѣ вси взяти быша. Вододимеръ же слашеться ко Святославу Всеволодичю и ко Рюрикови Ростиславичю, понуживая ихъ къ собѣ, да быша ему помоглѣ; они же опоздишася сжидающе Давыда Смолняны, и тако князѣ рускіѣ опоздишася и не заѣхаша ихъ. Половци же веемше городъ Римовъ, и ополонишася полона и пойдоша во свояси; князи же возворотишася въ домы своя, бяхуть бо печални, и со сыномъ своимъ Володимеромъ Глѣбовичемъ, зане бяшеть раненъ велми язвами смертьными, и хрестьянъ плѣненыхъ отъ поганыхъ. И се Богъ казня ны, грѣхъ ради нашихъ наведе на ны поганыя, не аки милуя ихъ, но насъ казня и обращая ны къ покаянью, да быхомся востягнули отъ злыхъ своихъ дѣлъ; и симъ казнить ны нахожденіемъ поганыхъ, да некли смиривъшеся воспомянемся отъ злаго пути. А друзіи Половцѣ идоша по оной сторонѣ къ Путивлю, Кза у силахъ тяжькихъ, и повоевавши волости ихъ и села ихъ пожгоша, пожгоша же и острогъ у Путивля и возвратишася во свояси. Игорь же Святославличь тотъ годъ бяшеть въ Половцехъ,

(1) Какъ въ *мотнѣ* невода рыба?

и глаголаше: »азъ по достоянью моему восприяхъ побѣду отъ повелѣнія твоего, Владыко Господи, а не поганьская дерзость обломи силу рабъ твоихъ; не жаль ми есть за свою злобу пріяти нужная вся, ихъ же есмь пріялъ азъ«. Половци же аки стыдяшеся воевъдства его и не творяхуть ему пакости, но приставиша къ нему сторожовъ 15 отъ сыновъ своихъ, а господичичевъ пять, то тѣхъ всихъ 20: но волю ему даяхуть, гдѣ хочеть ту ѣздяшеть и ястрябомъ ловяшеть, а своихъ слугъ съ 6 и съ 6 съ нимъ ѣздяшеть; сторожеве же тѣ слушахуть его и чьстяхуть его и гдѣ послашеть кого, безъ пря (*распри*) творяхуть повелѣное имъ. Попа же бяшеть привелъ изъ Руси къ собѣ, со св. службою: не вѣдяшеть бо божія промысла, но творяшеться тамо и долго быти. Но избави й Господь за молитву хрестьяньску, имъ же многѣ печаловахуться и проливахуть же слезы своя за него. Будущю же ему въ Половцехъ, тамо ся налѣзѣ мужь, родомъ Половчинъ, именемъ Лаворъ: и тотъ пріимъ мысль благу, и рече: »пойду съ тобою въ Русь«. Игорь же испервa не имяшеть ему вѣры, но держаше мысль высоку своея уности, мышляшеть бо емше мужь и бѣжати въ Русь, молвяшеть бо: »азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда отъ дружины, и нынѣ не славнымъ путемъ не имамъ поити«. Съ нимъ бо бяшеть тысячкого сынъ и конюшій его, и та нудяста й, глаголюща: »пойди, княже, въ землю Рускую, аще восхощеть Богъ избавить тя«; и не угодися ему время таково, какого же искашеть. Но яко же преже рекохомъ, возвратишася отъ Переяславля Половци: и рекоша Игореви думци его: »мысль высоку и неугодну Господеви имѣешь въ собѣ, ты ищеши няти (*взяти*) мужа и бѣжати съ нимъ, а о семъ чему не разгадаешь, оже пріѣдуть Половци съ войны, а се слышахомъ, оже избити имъ князей васъ и всю Русь? да не будеть славы тобѣ, ни живота«. Князь же Игорь пріимъ во сердце съвѣтъ ихъ, уполошася пріѣзда ихъ и возъиска бѣжати: не бяшеть бо ему лзѣ бѣжати въ день и въ нощь, иже сторожеве стрежахуть его, но токмо и веремя таково обрѣте въ заходъ солнца. И посла Игорь къ Лаврови конюшаго своего, река ему: »переѣди на ону сторону Дона, съ конемъ поводнымъ«: бяшеть бо съвѣчалъ съ Лавромъ бѣжати въ Русь. Въ тоже время Половци напилися бяхуть кумыза, а и бы при вечерѣ: пришедъ конюшій повѣда князю своему Игореви, яко ждеть его Лаворъ. Се же вставъ ужасенъ и трепетенъ, и поклонися образу божію и кресту честному, глаголя: »Господи сердцевѣдче! аще спасеши мя, Владыко, ты недостойнаго«—и возмя на ся крестъ, икону и пойдоша стѣну и лѣзе вонъ. Сторожемъ же его играющимъ и веселяшимся, а князя творяхуть спяща. Сіи же пришедъ ко рѣцѣ и перебредъ, и всѣде на конь: и тако поидоста сквозѣ вѣжа. Се же избавленіе створи Господь въ пятокъ, въ вечерѣ. И иде пѣшь 11 денъ до города Донца, и оттолѣ иде во свой Новъгородъ—и обрадовашася ему; изъ Новагорода иде ко брату Ярославу къ Чернигову, помощи прося на Посемье, Ярославъ же обрадовася ему и помощь ему дати обѣща; Игорь же оттолѣ ѣха ко Кіеву къ в. к. Святославу, и радъ бысть ему Святославъ, также и Рюрикъ сватъ его.

(*Ипат. 129—134*).

Б. ПАМЯТНИКИ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

Слово о пълку Игоревѣ, Игоря, сы-
на Святославля, внука Олгова.

лѣпо ли вы бяшеть, братіе, начати
ии словесы трудныихъ повѣстій ([1])
у Игоревѣ, Игоря Святъславлича? На-
же ся тъй пѣсни по былинамъ се-
мени, а не по замышленію Бояню?
бо вѣщій, аще кому хотяаше пѣснь
и, то растѣкааше ться мыслію по дре-
рыимь вълкомь по земли, шизымь
подъ облакы. Помняшеть бо речь
хъ временъ усобіця: тогда пуща-
10 соколовъ на стадо лебедій; кото-
отечааше, та (*лебедь*) преди пѣснь
старому Ярославу, храброму Мсти-
иже зарѣза Редедю предъ пълкы
ьскыими, красному Романови Святъ-
ичю ([2]). Боянъ же, братіе, не 10
въ на стадо лебедій пущааше, нъ
вѣщія пръсты на живыя струны
дааше; оны же самы княземъ славу
ху.

немъ же, братіе, повѣсть сію отъ
го Владимера до нынѣшняго Иго-
; иже истягну умь крѣпостію сво-
, и поостри сердца своего муже-
, наплънився ратнааго духа, наведе
своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: »Братіе и дружино! луцежъ бы потяту (*побиту*) быти, неже полонену быти: а всядемъ, братіе, на своя бръзыя комони (*кони*), да позримъ синего Дону«. Спала князю умь по хоти ([1]) и жалость ему знаменіе заступи ([2]) искусити Дону великаго. »Хощу бо, рече, копіе преломити конець поля Половецкаго (*т. е. въ самыхъ дальнихъ предѣлахъ земли половецкой*) съ вами, Русици; хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону«! О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сія плъкы ущекоталъ (*воспѣлъ*), скача, славію, по мыслену древу, летая умомь подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени ([3]). Рища въ тропу Трояню чрезъ поля на горы, пѣти было пѣснь Игореви, того (Ольга) внуку: »Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады (*стаями*) бѣжать къ Дону великому«. Чили въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ внуче: »Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ« (*Сѣверскомъ*)?

Трудными назывались повѣсти, въ кото-
исывались важныя событія.
Родной братъ Олегу, дѣду Игоря, героя

Удѣльный князь Новгородъ-Сѣверскій, ге-
ы; внукъ Олега Тмутараканскаго.
Т. е. вошелъ въ совершенный смыслъ.

([1]) Т. е. припала ему мысль поохотиться на хановъ (предпол. Дубенск.).
([2]) Жалость къ родинѣ заступило, загородило знаменіе—затмѣніе (Дуб.).
([3]) Соединяя обѣ половины славы сего времени, (т. е. прошедшее или настоящее и будущее?) Буслаевъ.

Стоять стязи въ Путивлѣ, Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему буй туръ (*ярый, дикій волъ*) Всеволодъ: »Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю! оба есва Святъславличя! Сѣдлай, брате, своя бръзыя комоня, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти Куряни свѣдоми къмети (*пальздники, воины служители*): подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, конець копія въскръмлени. Пути имъ вѣдоми, яругы (овраги) имъ знаемы, луци у нихъ напряжени, тули (*колчаны*) отворени, сабли изъострены; сами скачють, аки сѣріи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славы«.

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тъмою путь заступааше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ въ стазби (*на пастбищѣ*); дивъ (*птица зловѣщая*) кличеть връху древа: велить послушати земли незнаемѣ—Влъзѣ и Поморію, и по Сулію, и Сурожу (*Азовскому морю*), и Корсуню, и тебѣ, тьмутораканьскый блъванъ! А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому; крычать тѣлѣгы полунощи, рци (*словно, точно*) лебеди роспущены. Игорь къ Дону воя веведеть; уже бо бѣды (*бѣда*) его пасеть (*кормитъ*) птиць; (*по*)подобію влъци грозу въсрожать ([1]) по яругамъ; орлы клектомъ на кости звѣря зовуть; лисици брешуть на чръленыя щиты. О Руская земле! уже за шеломянемь еси!

Длъго ночь мркнеть; заря—свѣтъ запала; мъгла поля покрыла; щекотъ славій успе; говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищуче себѣ чти, а князю славы.

([1]) Отъ рогъ (труба;—т. е. трубятъ, предвѣщаютъ

Съ заранія въ пятъкъ потопташа п
ныя плъкы половецкыя; и рассушась (
совавшись) стрѣлами по полю, помч
красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними
то, и паволокы, и драгыя оксамиты. Ор
мами (*наметами, шалашами*) и я
чицами (*епанчами*) и кожухы начаша
сты мостити по болотомъ и грязи
мѣстомъ, и всякыми узорочьи половѣцк
ми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чр
на чолка ([1]), сребрено стружіе (*др
копья*)—храброму Святъславличю!
илеть въ полѣ Ольгово хороброе гнѣз
Далече залѣтѣло... Не было нъ (*оно*) о
порождено—ни соколу, ни кречету, н
бѣ чръный воронъ, поганый Полов
Гзакъ бѣжить сѣрымь влъкомь; Конч
ему слѣдъ править къ Дону вел
му ([2]).

Другаго дни велми рано кровавыя
свѣтъ повѣдають; чръныя тучя съ
идуть, хотять прикрыти 4 солнца ([3]);
нихъ трепъщуть синія млънія; быти
му великому, итти дождю стрѣлами
Дону великаго: ту ся копіемъ прилам
ту ся саблямъ потручати (*притупи
ся*) о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ
Каялѣ, у Дону великааго. О, Русская
мле! уже не шеломянемь еси.

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють
моря стрѣлами на храбрыя плъкы Иго
вы! земля тутнеть (*гремитъ, гуди
рѣкы мутно текуть; пороси поля (
маны) прикрывають, стязи глагол
Половци идуть отъ Дона, и отъ моря
отъ всѣхъ странъ, Рускыя плъкы осту
ша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прег
диша, а храбріи Русици преградиша ч

([1]) То, чѣмъ полотно знамени прикрѣплен
древку.

([2]) Гзакъ и Кончакъ—ханы половецкіе. (Бу

([3]) Игорь, братъ его Всеволодъ, сынъ И
Владиміръ Путивльскій и племянникъ Святосл
говичъ Рыльскій.

леными щиты. Яръ туре Всеволоде! стоиши на борони (*въ передовомъ отрядѣ*), прищеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными (*булатными*). Камо Туръ поскочаяше, своимь златымь шеломомь посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы Половецкыя; поскепани (*по расколоты*) саблями каленыими шеломи Оварьстіи отъ тебе, Яръ Туре Всеволоде! Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чернигова, отня злата стола, и своея милыя хоти красныя Глѣбовны, свычая и обычая? Были вѣчи (*вѣци—вѣка*) Трояни, минула лѣта Ярославля; были плъци Олговы, Ольга Святьславличя. Тъй бо Олегъ мечемь кромолу ковааше, и стрѣлы по земли сѣяаше, ступаеть въ златъ стремень въ Тьмуторокани. Тоже звонъ слыша давный великый Ярославль сынъ Всеволодъ, а Владиміръ по вся утра уши закладааше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславлича слава на судъ (*Божій, т. е. на смерть*), приведе и на канину зелену паполому (*покровъ*) постла, за обиду Олгову, храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы Святоплъкъ повелѣ я(*ти?*) (*т. е. тѣло*) отца своего между Угорьскыими иноходьцы къ Святѣй Софіи къ Кыеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи (¹) сѣяшеться и растяшеть усобицами; погыбашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжіихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась (²). Тогда по Рустѣй земли рѣтко (*рѣдко*) ратаевѣ кикахуть (*кричали, погоняя воловъ*); нъ часто врани граяхуть (*каркали*), трупія себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полѣтѣти на уѣдіе (*на ѣду, на пиръ*). То было въ ты рати и въ ты

(¹) Олегъ Святославичь или—какъ далѣе онъ называется—Гореславичь (славный горемъ, какое онъ причиналъ), дѣдъ Игоря, главный виновникъ междоусобій своего времени (Бусл.)

(²) Дажь Богъ—божество солнца. Жизнь Дажь Божа внука (потомка), т. е. жизнь руских (Бусл.).

плъкы; а сицеи рати не слышано: съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя, гримлють сабля о шеломы, трещать копія харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земля половецкыя. Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна; тугою взыдоша (*горемъ, печалью взошли онѣ, т. е. посѣянныя кости*) по Рустѣй земли.

Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаеть: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый: третьяго дне къ полудію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрыя Каялы. Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо стугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братіе, невеселая година въстала; уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ (*т. е. ратяхъ*) Дажь Божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣемь морѣ у Дону плещучи: убуди жирня времена. Усобица княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: »се мое, а то мое же«; и начяша князи про малое »се великое« млъвити, а сами на себе крамолу ковати: а погаціи съ всѣхъ странъ прихождаахху съ побѣдами на землю Рускую. О! далече зайде соколъ (*т. е. Игорь*), птиць бья,—къ морю!

А Игорева храбраго плъку не крѣсити. За нимъ кликну Карна, и Жля (¹), поскочи по Рустѣй земли, смагу (*огонь*) людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ (²). Же-

(¹) Ханы половецкіе.

(²) Съ ханомъ Кончакомъ былъ Бесерменинъ, стрѣлявшій живымъ огнемъ изъ наполненнаго пламенемъ рога.

ны Рускыя въсплалашась, аркучи (*говоря*): »уже намъ своихъ милыхъ ладъ (*мужей*) ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати«.

А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разліяся по Рустѣй земли; печаль жирна тече средь земля Рускыя. А князи сами на себе крамолу ковааху; а поганіи сами побѣдами нарищуще (*набѣгая*) на Рускую землю, емляаху дань по бѣлѣ (*бѣлкѣ*) отъ двора. Та бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста, которую то бяше успилъ отець ихъ Святъславъ грозный великый кыевскый (¹). Грозою бяшеть притрепеталъ своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю половецкую, притопта хлъми и яругы, възмути рѣки и озера, иссуши потокы и болота, а поганаго Кобяка изъ луку моря, отъ желѣзныихъ, великыихъ плъковъ половецкыихъ, яко вихрь, выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридници Святъславли (²). Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ (*клянутъ*) князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы половецкыя, рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кощіево (³). Уныша бо градомъ забрали (*городскія стѣны*) а веселіе пониче.

А Святъславъ мутенъ сонь видѣ въ Кіевѣ на горахъ си ночь: «съ вечера одѣвахъте мя, рече, чръною паполомою, на кровати тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено; сыпахуть ми тъщіими тулы поганыихъ тльковинъ великый женчюгъ на лоно, и нѣгуютъ мя. Уже дьскы безъ кнѣса (¹) въ моемь теремѣ златовръсѣемь; всю нощь съ вечера босуви врани възграяху у Плѣсньска на болони бѣша дебрь кисаню и несошлю къ синему морю». И ркоша бояре князю «Уже, княже, туга умь полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону, уже соколома крильца припѣшали (*подрѣзали*) поганыхъ саблями, а самаю опуташа въ путины желѣзны». Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста (*т. е. Игорь и Всеволодъ*), оба багряная стлъпа погасоста, и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ (*Олегъ сынъ; Святославъ племянникъ Игоря*) тьмою ся поволокоста и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подаста хинови. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Рустѣй земли прострошася Половци, акы пардуже гнѣздо (*племя рысей*). Ихъ въ морѣ погрузиста и великое буйство подасть хинови. Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну (*разразилась*) нужда на волю; уже връжеся дивъ на землю. Се бо готьскыя красныя дѣвы (²) въспѣша на брезѣ синему морю; звоня рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю (³). А мы уже дружина, жадни веселія.

Тогда великый Святъславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: »О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! рано еста начяла половецкую землю мечи цвѣлити (*мечами производить плачь*), а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣста: нечестно бо кровь поганую пролія-

---

(¹) Святославъ Всеволодовичь, в. кн. кіевскій, сынъ Всеволода Ольговича, былъ Всеволоду и Ольгу двоюродный братъ, но, какъ старшій, *въ отца мѣсто*.

(²) Кобякъ, ханъ половецкій, взятъ въ плѣнъ Святославомъ за годъ до похода Игоря.

(³) Кощеями назывались плѣнники, невольники половецкіе, печенежскіе, хозарскіе, литовскіе и др. что свидѣтельствуется лѣтописями. Кощей также значитъ—отрокъ княжеской дружины. (Дуб.).

(¹) Кнѣсъ—перекладина, матица, на которой утверждается потолокъ.

(²) Готы—поселенцы, съ III в. Черноморскіе, покорены были Половцами около 1050 г.

(³) Шароканъ или Шаракунъ—извѣстный полководецъ половецкій. Бусъ—тоже имя собственное.

ста. Ваю храбрая сердца въ жестоцѣемь харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створиста моей сребренѣй сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаага, и богатааго, и много вой брата моего Ярослава, съ Черниговьскыми былями (1), съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчакы, и съ Ребугы, и съ Ольбры (2). Тіи бо безъ щитовъ съ засапожникы кликомъ плъкы побѣждають, звоняче въ прадѣднюю славу (*Святосл. Ярослав.*). Нъ рекосте: »мужаимѣся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ».

А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываеть, высоко птицъ възбиваеть; не дасть гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло: княже ми не пособіе; наниче ся годины обратиша. Се у Римъ кричать подъ саблями половецкыими, а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову.

Великый княже Всеволоде (3)! не мыслію ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти (4). Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага (5) по ногатѣ (=*50 к. с.*), а кощей по резанѣ (=*20 к. с.*). Ты бо можеши по суху живыими шереширы (*мечь, шпага*) стрѣляти—удалыими сыны Глѣбовы (6). Ты, буй Рюриче и Давыде (7)! не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають, акы тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? Вступита, г—на, въ злать стремень—за обиду сего времене, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича! Галичкы Осмомысле Ярославе (1)! высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣемъ столѣ. Подперъ горы Угорскыя своими желѣзными плъкы, заступивъ королеви путь, затвори въ Дунаю ворота, меча бремены (*огромныя тяжести*) чрезъ облакы, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текуть; оттворяеши Кыеву врата; стреляеши съ отня злата стола салтаны за землями. Стрѣляй, господине, Кончака, поганаага Кощея—за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича! А ты, буй Романе и Мстиславе (2)! храбрая мысль носить вашь умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзнии папорзи подъ шеломы латинскыими. Тѣми тресну земля, и многы страны хановы. Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулиця своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ тыи мечя харалужныя.

Нъ уже, княже, Игорю утръпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони: по Рсіи и по Сули грады подѣлиша, а Игорева храбраага плъку не крѣсити. Донъ ти, княже, кличеть и зоветь князя на побѣду.

Олговичи, храбрыи князи (3), доспѣли на брань, Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичя, не худа гнѣзда шестокрильця, не побѣдными жребіи собѣ власти расхитисте? Кое ваши златыи шеломи и сулиця ляцкыя (*польскіе копья*) и щити?

---

(1) *Быль* можетъ быть отъ былой, т. е. бывалый въ походахъ.

(2) Здѣсь, вѣроятно, исчисляются отряды Ковуевъ, которыхъ Игорь пригласилъ къ себѣ на помощь.

(3) Всеволодъ Юрьевичь—в. кн. Владимірскій на Клязьмѣ, по прозванію *Большое гнѣздо*.

(4) Т. е. Кіевскаго, стола Юрья Долгорукаго.

(5) Чага—жена, взятая въ плѣнъ у Половцевъ.

(6) Дѣти Глѣба Ростиславича, князья рязанскіе.

(7) Дѣти Ростислава, сына Мстислава Великаго.

---

(1) Сынъ Владиміра Володарича, по прозванію Осмомыслъ.

(2) Романъ Владиміро—волынскій, сынъ в. кн. Мстислава; Мстиславъ—двоюродный братъ Романа, сынъ Ярослава Изяславича Луцкаго.

(3) Черноговскіе князья.

Загородите полю (*степнякамъ*) ворота своими острыми стрѣлами—за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

Уже бо Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ Полочаномъ, подъ кликомь поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи и шеломы литовскыя, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскыими мечи и схоти ю на кровать... И рекъ: »дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша». Не бысть ту брата Брячислава, ни другаго Всеволода; единъ же изърони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чрезъ злато ожереліе. Уныли голоси, пониче веселіе. Трубы трубять Городеньскыя.

Ярославе, и вси внуци Всеслави! уже понизите стягы своя, вонзите своя мечя вережены; уже бо выскочисте изъ дѣдней славы. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю рускую, на жизнь Всеславлю, которою бо бѣаше насиліе отъ земля Половецкыя. На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружіемь злата стола Кыевьскаго. Скочи отъ нихъ лютымь зверемь къ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ, утръже возни стрикусы (*стѣнобитное орудіе*), оттвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немигы съ Дудутокъ. На Немизѣ снопы стелють головами, молотять чепы харалужными, на тоцѣ животъ кладуть, вѣють душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брези не бологомь бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускыхъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяаше, княземъ грады рядяате, а самъ въ ночь влъкомь рыскааше; изъ Кыева дорыскааше до куръ Тмутороканя; великому Хръсови влъкомь путь прерыскааше. Тому въ Полотстѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софія въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдааше. Тому вѣщій Боянъ и пръвое припѣвку смысленый рече: »Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути».

О! стонати Русѣй земли, помянувъ пръвую годину, и пръвыхъ князей! Того стараго Владиміра нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кыевскымъ; сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давыдовы; нъ рози нося имъ хоботы пашуть.

Коніа поютъ на Дунаи. Ярославнинъ (¹) гласъ слышить: зегзицею незнаемь, рано кычеть:

»Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣемь (*твердомъ, мужественномъ*) его тѣлѣ.« Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: »О вѣтре, вѣтрило! чему, господине насильно вѣеши? Чему мычеши хановскыя стрѣлкы на своею нетрудною крильцю на моея лады (*мужа*) вои? Мало ли ти бяшеть горъ подъ облакы вѣяти, лелѣя корабля на синѣ мори? Чему, господине, мое веселіе по ковылю развѣя?« Ярославна рано плачеть Путивлю городу на забороли, аркучи: »О Днѣпре словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославля носады (*суда, ладьи*) до плъку Кобякова (²): възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано.« Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: »Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно

(¹) Ярославна-Евфросинья, дочь Ярослава Владиміровича Галицкаго, вторая супруга Игоря. (Бусл.).

(²) Кобякъ—Половецкій ханъ, разбитый Игоремъ въ 1171 г.

иу, г-не, простре горячюю свою
ляды воя? въ полѣ безводнѣ жа-
ъ лукы съпряже, тугою имъ тулы

ну море полунощи; идуть сморци
) мьглами; Игореви князю Богъ
жеть изъ земля Половецкыя на
ускую, къ отню злату столу. По-
вечеру зари. Игорь спить, Игорь
Ігорь мыслію поля мѣрить отъ ве-
Дону до малааго Донца. Ко-
полуночи. Овлуръ (¹) свисну за
велить князю разумѣти: князю Иго-
ыть. Кликну стукну земля; въшу-
. Вежя ся Половѣцкыя подвизаша-
горь князь поскочи горнастаемь къ
и бѣлыимь гоголемь на воду;
ся на бръзъ комонь, и скочи съ
ыимь влъкомь, и потече къ лугу
і полетѣ соколомь подъ мьглами,
гуся и лебедя завтраку, и обѣдѣ
. Коли Игорь соколомь полетѣ,
луръ влъкомь потече: труся собою
росу: претръгоста (*надорва*-
своя бръзая комоня. Донець ре-
яже Игорю, не мало ти величія,
ику нелюбія, а Русстѣй земли
Игорь рече: »О, Донче! не
величія, лелѣявшу князя на
стлавшу ему зелену траву на
ребреныихъ брезѣхъ, одѣвавшу его
мъглами подъ сѣнію зелену дре-
жаше й гоголемь на водѣ, чай-
струяхъ, чрьнядьми на вѣтрѣхъ.
ли, рече, рѣка Стугна худу
мѣя, пожръши чужя ручья, и
остре на кусту? Уношу князю Ро-
затвори Днѣпръ темны берегы.
я мати Ростиславля по уноши кня-
славѣ. Уныша цвѣти жалобою, и
угою къ земли прѣклонило.«
сороки въстроскоташа: на слѣду
ѣздить Гзакъ съ Кончакомь. То-
гда врани не граахуть, галици помлъкоша, сороки не троскоташа, по лозіюползоша только, дятлове тектомь путь къ рѣцѣ кажуть, соловіи веселыими пѣсньми свѣтъ повѣдають.

Млъвить Гзакъ Кончакови: »Аже соколъ къ гнѣзду летить, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами (¹)«. Рече Кончакъ ко Гзѣ: »аже соколъ къ гнѣзду летить, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею.« И рече Гзакъ къ Кончакови: »аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будеть сокольца, ни нама красны дѣвиця. То почнуть наю птиця бити въ полѣ половецтѣемь.«

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣснотворца стараго времени, Ярославля, Ольгова коганя хоти: »Тяжко ти головѣ, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы« ! Русѣй земли безъ Игоря. Солнце свѣтиться на небеси: Игорь князь въ Рустѣй земли. Дѣвиця поють на Дунаи. Вьються голоси чрезъ море до Кыева. Игорь ѣдеть по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей, страны ради, гради весели.

Пѣвши пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти слава: Игорю Святъславличю, буй туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу: »Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки! Княземъ слава, а дружинѣ аминь!«

(Сказ. Р. Н. Сахар. т I).

330. Сказаніе о плѣнномъ Половчинѣ.

Бѣ нѣкій человѣкъ цѣломудренъ и смысленъ въ славнемъ градѣ въ Киевѣ, имѣя вѣру велику и любовь ко св. Николѣ, и не вѣмъ, коею притчею сѣдяше у него Половчинъ все лѣто желѣзы око

...ія Половчинина, помогшаго Игорю бѣжать.

(¹) Соколъ—Игорь, Соколичь—сынъ его Владиміръ.

ванъ; во единъ же отъ дней глагола ему крестьянинъ: »доколѣ хощеши сидѣти у мене? дай на себѣ искупъ и отпущю тя въ землю твою.« Онъ же рече ему: — аще мя отпустиши, принесу ти искупъ; аще ли мя держиши, не имѣю, что ти дати.—Христіанинъ же рече ему: »дай по себе поруку; отпущю тя.« Половчинъ же рече ему:—ты самъ вѣси, яко нѣсть кто въ Руси поручаяся по мнѣ!—И глагола ему христіанинъ: »Хощеши ли дамъ тя на поруку св. Николѣ?« Онъ же рече:—не знаю его, ни онъ мене; то како поручиться по мнѣ?—Христіанинъ же веде его въ церковь, и показа ему икону св. Николы, глаголя: »хощеши ли, сему тя дамъ на поруку?« Половчинъ же рече съ радостію:—хощю; аще мя пожалуете и все привезу, имъ же долженъ есмь тебѣ!— Мняше бо яко ничтоже въ Руси вѣра человѣка того, еже ко св. Николѣ. Дивно бо есть, братіе, како не смятеся, пущая сего плѣнника; ни помысли въ сердцѣ своемъ: принесеть ли ему искупъ или не принесеть! Но едино во умѣ имѣ порученіе св. Николѣ — и не имать погинути. И си рекъ чюдный мужъ, отпусти плѣнника, давъ ему одѣніе и потребу на путь доволну, и на конь свой всадивъ и обязь давъ, рече ему: »брате, не мози солгати, ему же ся еси обѣщалъ принеси искупъ или прислати; аще ли же солжеши, извѣсто ти буди: не имаши убѣжати руки поручившагося по тебѣ.« Онъ же рече: — створю все, о немъ же глаголеши.—И си рекъ, поклонивъся поѣде. Едуще же путемъ, злу мысль во сердцѣ смысливъ, глаголаше: нѣсть смысла воистину въ Русинѣ семъ, еже мя предаеть образу на поруку, на дскѣ написану, Николѣ нарицаему, что ми можеть створити? нынѣ бо не вижю его, ни онъ мене! како бо можеть доска ходити или ѣздити? аще бы и велику человѣку далъ мя на поруку, и того въ своей земли не боюся, ни искупа дамъ!

И ту мысль имѣя, пріѣха въ земл[...]
домашніи же его мнѣша таковке, я[...]
ума отпущена; а не вѣдущи силы [...]
и чудеси св. Николы; безумніи [...]
гордящися суетнымъ богатствомъ, [...]
шавши у него, не боятися ему [...]
своего поручника, мнящи яко игру [...]
бывши, самѣ безумни во игрѣ не [...]
о семъ.

Мало же дний мину, явися ему [...]
ный и неложный и незамедленны[...]
мощникъ и поборникъ христьяно[...]
вел. Никола, глаголя: »Знаеши л[...]
друже?« Половчинъ же рече: — [...]
Кто ты еси? И глагола ему св. [...]
»не азъ ли поручихся по тебѣ, пр[...]
было ти искупъ хрѣстьянину оно[...]
же что ради медлиши? Се глаго[...]
повези на себѣ искупъ, да бѣды [...]
сътворю!« И си рекъ, невидимъ [...]
Половичинъ же дивися явленію, [...]
ничтоже сутъ—и скоро забы. Еди[...]
всѣдъ на конь поѣха на полѣ, [...]
св. Никола, и исторже съ коня, [...]
трясе имъ, глаголя: »не рехъ [...]
окаянне, повези на себѣ искупъ хр[...]
нину оному, яко данъ ми еси [...]
руку; и вскорѣ забылъ глаголанное [...]
и се еще ти глаголю: пожалуй себе [...]
повези на себѣ искупъ; аще ли забуде[...]
то узриши, что ти будеть отъ мене[...]

И си рѣкъ св. Никола къ нему, [...]
димъ бысть. Половчинъ же той вс[...]
конь, поѣха въ домъ, на сердцѣ [...]
мысль повѣсти скоро искупъ, имѣ [...]
каку болезнь отъ втораго явленія св. [...]
колы; и бывшю ему во мнозѣ пити[...]
скотскомъ житіи, забы и то, [...]
мимо шло и ничтожь ему будеть, [...]
и нынѣ многихъ видимъ: аще и [...]
божій свѣдять, егда найдеть бѣ[...]
на нихъ или бѣда велика, молятся [...]
ви со слезами и на помощь приз[...]
попы, и мниси и нищіи, глаголюще[...]
сподіе, помолитеся о насъ, да пом[...]
ны Богъ васъ ради; тацѣ уже не б[...]

зкіе) же нынѣ, но инъ обычай
ъ, иже богоугодно. Разумѣваемъ,
е мятемся въ житьи семъ; егда
гъ намъ Богъ тѣхъ молитвами, къ
е вѣру приложиша, тогда забудуть,
полегчить имъ, еже ркоша въ бо-
ли въ бѣдѣ молящеся: и здрави бы-
ѣхъ озлобляютъ, ихже призываша
ітву, не знающе ихъ творятся, а
ихъ гнушаются и возрити, яко без-
сотворшся. Также и сей поганій
нъ, егда потрясе имъ явивъся св.
тогда убояся его; егда же мину
о дней не являяся ему, тогда онъ

ли же потомъ за мало дній при-
сонму быти княземъ ихъ и вель-
, съѣхавшимся множѣмъ, и тому
ну туже пріѣхавшю, и егда став-
кони въ сонмищи съ ними, стор-
съ коня сила Божія невидимая,
зращимъ и видящимъся, нача тер-
порѣвати его, глаголя: »не рѣхъ
окаянне, повези на себѣ искупъ,
орѣе ти сего будеть; онъ бо хрѣ-
ъ теплою вѣрою прибеже ко мнѣ,
рже печаль свою на мя, то како
ѣти его въ печали той; ты же,
й варваръ, гордый, не помяну мо-
ученіа, ни убояся суда божіа, иже
ла тя скоро, ни моего перваго и
явленіа! И се нынѣ уже въ тре-
ихъ ти ся, терпѣніе (*терпи же?*)
и за преслушаніе»!—Страшно же
ратіе, видити мученіа его: овогда
главою потченъ о землю, овогда же
іля восхыщенъ и о землю разра-
иногда же бяше глава его междю
о, и ктому невидимо аки батоги
го сила божіа, единако глаголю-
овези на собѣ искупъ христіанину
. Около же его стоящіи всѣ раз-
ся; онъ же лежаше аки мертвъ.
і же повѣдаша, ѣхавши, роду его
мученіе то надъ нимъ, онѣже, пріѣ-
зяша его ель жива. Многи же дни

лежа не могы глаголати, но яко отъ сна возбнувъ и брашна вкусивъ, укрѣпися, и повѣда роду своему вся бывшая: 1-е явленіе и 2-е св. Николы, и казнь и глаголаніе. Онѣ же, ничтоже вѣдущи бывшаго ему, нынѣ слышавши, начаша гнѣватись нань, сице глаголющи: »кто тако безуменъ, якоже ты? Видивъ явленіе 1-е и 2-е поручника своего и не убояся, ни повѣда намъ; мнихомъ бо якоже прежъ глагола намъ: кому мя дá на поруку? безъ ума данъ есмь Богови русскому»! Онъ же рече имъ:— ей не самому Богу, но *святцю* его Николѣ!—Онѣ же рѣша ему: »аще не Богу ихъ, но слузи его; не вѣси ли яко великъ есть Богъ русскій и дивна чюдеса творить; то великіи слуги его; не токмо самъ дѣеть преславная, но и тѣ слуги его, аще бо бѣда кая—любо отъ насъ бываеть имъ, то глаголють: за грѣхи наша Богъ не помогаетъ намъ; аще бы имъ помоглъ, то ни единъ бы насъ осталъ отъ нихъ! Ты же, безъ ума не убояся Бога ихъ и святця того, вижь, что еси пріобрѣлъ еси! Аще нынѣ не поѣдеши со искупомъ въ Русь, то отъиди отъ насъ, и единъ погини, да и мы съ тобою казни не пріимемъ».

Половчинъ же той убоявъся, то слышавъ отъ нѣхъ, ни мало пождавъ, повелѣ рабомъ своимъ нарядитися и стадо коней отлучити, имъ же бяше дати искупъ, и малое стадце къ тому прилучити, еже дати отъ порученія св. Николѣ, дабы уже не мучилъ его; бяше бо богатъ зѣло. И тако скоро поѣха на Русь съ кони тѣми и не токмо искупъ пригна господину своему, но и боле боюся поручика своего, нашего поборника вел. помощника св. Николы. Егда же пригнася ко граду Киеву, не ѣха на дворъ, идѣже бѣ сѣдѣлъ у господина оного, но ѣха преже ко церквѣ св. Николы, идѣже бѣ данъ на поруку ему, и слѣзъ съ коня, далече пѣшъ приде, ведый за собою малое оно стадце

коней, и вшедъ въ притворъ, узрѣ икону ону св. Николы, сице со слезами падъ на землю рече:—Не мучи мене, господи мой, поручниче, святче божій Николо, се искупъ весь пригнавъ христіянину твоему и тебѣ нечто мало отъ порученіа, да не гнѣваешися на мя; понеже хотѣхъ солгати и не добро ми бысть.—И се изрекъ и кони отдавъ іерѣю тоя церкви, поѣха ко господину своему, и пригнавъ на дворъ его большее стадо коней, поклонивъся рече ему:—Се искупъ мой, господи, а у поручника быхъ уже!—И сказа ему все по ряду бывшее. Христіянинъ же той, се слышавъ, и видивъ, ужасеся сердцемъ и удивися о преславнемъ семъ чудесе, и скоро вставъ, тече въ церковь св. Николы, и падъ предъ образомъ его, многи слезы пролія, хваля милосердіе его, глаголаше: »Что ти принесу, святче божій, за вся, яже ми воздалъ недостойному рабу твоему; твоихъ бо даровъ весь есмь обиленъ, имѣяй бо ты широту царства небеснаго, и намъ оттуди даровая дары; мы жъ точію сія ти приносимъ, удивляемся твоей милости. Хвалимъ твоя щедроты, блажимъ твое заступленіе»!—И таку умножену створивъ молитву къ св. церкви его, иде въ домъ свой, и созва весь родъ свой, и племя и други, и сусѣды своя, глаголя: «срадуйте ми ся, яко удиви милость свою на мнѣ убозѣмъ святитель христовъ Николае»!—И сказа имъ все поряду, еже створи Половчинъ; онѣ же вси слышавши се, яко едиными усты похвалиша глаголюще: »дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, творяй чюдеса святыми своими« ! Боголюбивый же той мужъ створи праздникъ честенъ св. Николѣ, яко же на память его творити чрезъ нощь стояніемъ и пѣніемъ, попы же и мнисѣ на обѣд
и нищая милостынею учреди.

(*Памятн. старин. рус.*
71—73).

Это сказаніе получило начало
дотатарскія и составляетъ драгоц
мятникъ для исторіи. Изъ этой
мы видимъ, что во время борьбы
русскаго населенія съ Половцами,
держали въ желѣзахъ попадавших
ныхъ и отпускали ихъ за выкупъ.
нинъ смотрѣлъ на пойманнаго
какъ на доходную статью. Все
степныхъ народовъ состояло изъ
табуновъ. — Поручительство у
издавна было юридическимъ обычаем
бенно клятва предъ иконой служил
гомъ вѣрности обѣщаній. За пору
ство обычай требовалъ приносит
ріальную благодарность. Древній
обычай требовалъ всякаго человѣка,
ключая иновѣрца и должника,
напоить и надѣлить всѣмъ нуж
дорогу. Такъ отпускалъ Владимір
вѣдника Бруно къ Печенѣгамъ. (Рус.
1856 г. кн. 1, отд. 2, стр. 1—55).
Изъ этого сказанія видны
черты внутренняго быта Половцев,
напр. ихъ съѣзды на совѣщанія;
важно то значеніе христіанской
русской цивилизаціи, которое обнар
лось въ средѣ степныхъ варваров.
всѣ русскіе инородн ы доселѣ
особенное уваженіе къ святителю
такъ и Половчинъ и его семейство
сятся къ нему съ почтеніемъ.
Самое важное достоинство «Сказ
Половчинѣ» заключается въ живомъ
женіи крѣпкой простодушной вѣры
человѣка.
О борьбѣ съ Половцами см. въ
ніи Мономаха. Сначала Половцы
нападали на Русскихъ, потомъ пород
князья половецкіе съ русскими и
принимали православную вѣру.

Объ Уцахъ и Половцахъ. *П. Фр. Сум*
Общ. Ист. 1848 г, № 8, III, 15. О
Ж. М. Н. Пр. VI, 178. Торки, Берендѣ
ные Клобуки. *Н. Самчевскаго.* Архивъ
кн. 2, 1. отд. III. 83—106. Толкова
Половецкаго. Москвит. 1850, V, 7—9. I

2. ВОЛЖСКІЕ БОЛГАРЫ.

31. Сношенія и борьба съ Болгарами.

ı. 6514 (1006). Прислали Болгары ›лскіе) пословъ съ дары многими, да- Владиміръ позволилъ имъ въ городахъ Волгѣ и Окѣ торговать безъ опасенія, что имъ Владимиръ охотно соисволилъ, алъ имъ во всѣ града печати, дабы вездѣ и всѣмъ волью торговали, и кіе купцы съ печатьми отъ намѣст- овъ въ Болгары съ торгомъ ѣздили ь опасенія, а Болгарамъ всѣ ихъ то- ы продавать во градахъ купцамъ, и нихъ купить что потребно, а по се- ъ не ѣздить тіуномъ вирникомъ, огнев- ѣ и смердинѣ продавать, а отъ нихъ купить. (*Ист. россійская В. Н. тищева. Кн. II, 88 — 89. М. '3*).

Сіи Болгары довольно видно, колико о ›слахъ и купечествѣ прилежали, что въ ію чрезъ Персію, чрезъ Россію на сѣверъ Швецію и Данію, чрезъ Черное море до іта, для торгу ѣздить не лѣнились... Не ļно имѣ было магометанской законъ имѣть. *иъ же примѣч. 173. 208).*

) Въ тоже лѣто (1164) иде князь рѣй на Болгары, съ сыномъ своимъ славомъ, и съ братомъ своимъ Яро- омъ, и съ муромьскымъ кн. Гюргемъ: оможе имъ Богъ и св. Богородица на гары, самѣхъ исѣкоша множьство, а ы ихъ поимаша, и одва въ малѣ дру- ѣ утече князь болгарьскый до вели- города; князь же Ондрѣй воротися побѣдою, видѣвъ поганыя Болгары ты, а свою дружину всю сдраву. іху же пѣши съ св. Богородицею на ищѣ, подъ стягы: и пріѣхавъ до св, Богородици кн. Андрей, съ Гюргемъ и со Изяславомъ и съ Ярославомъ, и со всею дружиною, ударища челомъ передъ св. Богородицею, съ радостью великою и слезами хвалы и пѣсни въздавающе ей, и шедше взяша градъ ихъ славный Бряхимовъ, а переди 3 городы ихъ пожгоша. Се же бысть чюдо новое св. Богородици Володимерское, юже взялъ баше съ собою благовѣрный кн. Андрѣй, и принесъ ю съ славою, постави ю въ св. Богородицѣ Володимери въ Золотоверстѣй, идѣже стоитъ и до сего дне. (*Лавр. 150—151*).

в) Тое же зимы (1172) посла князь Андрѣй сына своего Мстислава на Болгары, и муромскый князь сына своего, и рязаньскый князь сына своего; бысть не любъ путь всѣмъ людемъ симъ, зане непогодье есть зимѣ воевати Болгаръ, и поидуче не идяху. Бывшю же кн. Мстиславу на Городьци, совкупльшюся со братома своима, съ муромьскымъ и съ рязаньскымъ, на усть Окы, и ждаша дружины 2 недѣли, и не дождавше ѣхаша съ переднею дружиною, Борису Жидиславичю воеводѣ въ то время нарядъ весь держащю и выѣхаша въ поганыя безъ вѣсти, взяша селъ 6, самое городъ, мужи исѣкоша, а жены и дѣти поимаша. Слышавше же Болгаре въ малѣ дружинѣ кн. Мстислава прииедша, идуща опять съ полономъ, доспѣша вборцѣ и поѣхаша по нихъ въ 6000, за малымъ не постигоша ихъ за 20 верстъ, кн. Мстиславу на устьи съ малою дружиною, а всю дружину пустившю отъ собе; и възврати отъ него Богъ поганыя Болгары, хрестьяны покрывъ рукою своею. Слышавше бо наши се, прославиша Бога: заступи бо

очивѣсть (*очевидно*) отъ пòганыхъ св. Богородица и хрестьянская молитва; поганіи бо възвратишася вспять, а хрестьяне хваляще Бога, взвратишася всвояси.

(*П. С. Лѣт. I, 155*).

332. Побѣды надъ Болгарами 1183.

Болгары Волскіе съ бѣлою Русью имѣя непрестанной торгъ, множество привозили, яко житъ, тако разныхъ товаровъ и узорочи, продавая въ городахъ руских по Волгѣ и Окѣ; но Рускіе многіе собрався тайно по Волгѣ купцовъ болгарскихъ грабили, а потомъ по Волгѣ сéла ихъ и городà разоряли, о чемъ Болгары два раза присылывали Всеволода о управѣ просить; но понеже люди тѣ были Рязанцы, Муромцы и другихъ городовъ не вѣдомые, не могъ Всеволодъ ни какой управы учинить, только во всѣ свои области послалъ запрещеніе, чтобъ такихъ разбойниковъ ловя приводили, а ловить ихъ по Волгѣ не послалъ, чемъ Болгары озлобясь, собравъ войска великія, пришли въ лодіахъ по Волгѣ къ берегамъ въ области бѣлорускія, которыя около Городца, Мурома и до Рязани великое разореніе учинили (1183), и войска посланныя противо ихъ не могли для множества ихъ оборонить, даже сами, набравъ множество въ плѣнъ людей и скота, возвратились. Всеволодъ вельми оскорбяся симъ, и желая Болгарамъ отмстить; но единъ не надѣялся своими войски достаточно учинить, послалъ въ Кіевъ ко Святославу, объявля ему о томъ учиненномъ отъ Болгаръ разореніи, и просилъ его о помощи, написавъ ему тако: »Отче и брате! Се Болгары сосѣди наши, народъ безбожный, суть вельми богаты и сильны, нынѣ пришедъ по Волгѣ и Окѣ, якоже и коньми, съ великимъ войскомъ, многіе города разорили, людей безчислено
плѣнили, которымъ единъ против
не могу, наипаче, что рязанскіе
между собою братья, имѣя вражду
друга воюютъ свои области разор
о Руской землѣ отечествѣ нерад
Половцовъ же призывать не хочу
они съ Болгары языкъ и родъ е
опасаюся отъ нихъ измѣны, ниже
чтобъ они за мое саблею плѣни
набравъ ко вреду Русской земли у
вались; того ради прошу у теб
пришлешь ко мнѣ во помочь достат
войско, сколько самъ заблагоразсу
а когда тебѣ на иновѣрныхъ помочь
требна, я не облѣнюся самъ итти,
всѣ мои войска тебѣ послать«.

Святославъ принялъ сіе заполезн
отвѣчалъ посламъ: »Дай Боже!
намъ во дни наши въ братіи имѣть
бовь и тишину, а на нечестивых
вать обще«. И немедленно послал
Всеволоду сына своего Владимира съ
скомъ, такожъ писалъ ко всѣмъ бра
и сыновцамъ, которымъ Ярославъ ч
говскій и Игорь сѣверскій присовок
свои полки съ воеводами, а Изя
переяславскій самъ пошелъ, Давидъ
ленскій послалъ сына Мстислава.

Наступившей веснѣ пришли всѣ
рускіе къ Окѣ, а оставя войска въ
ломнѣ, Растиславли и Борисове
насады (*струга*) готовить, а князи
хали въ Владимиръ: Изяславъ Глѣб
переяславскій, Владимиръ Святосла
Мстиславъ Давыдовичь смоленскій,
манъ и Игорь Глѣбовичи рязанскіе,
димиръ муромскій, которыхъ кня
принялъ съ любовію и честію, и
валъ съ ними 5 дней, доколѣ пол
извѣстіе, что войска суда изготовя
по Окѣ къ устью Клязьмы, и въ
день, маія 20, самъ Всеволодъ со
князи поѣхалъ въ Городецъ, гдѣ
войска были готовы: другіе пош
Клязьмѣ, и всѣ совокупясь на устьѣ
войска конныя отправили полемъ съ

сами пошли внизъ по Волгѣ. ди шли Изяславъ Глѣбовичь и иръ Святославичь, позади рязан- і муромскій и смоленскій съ в. ь въ срединѣ; и тако пришли къ , называемому Сады, на устіи Цевцы іунія 8 дня: тутъ вышли эгъ, понеже войска конныя тутъ ожидались, и оставили на томъ лодіи и насады, да прі оныхъ Ѳому Назаріевича съ Бѣлозер- полкомъ, да Дорожая, которой служилъ княгинѣ Олгѣ галицкой. ихъ начальниковъ, сами пошли на въ землю Болгарскую; Мордва же со Всеволодомъ учинили, и приво- ь войско всякіе запасы продавать. ідъ пришелъ ко граду серебрян- Болгаръ, сталъ у Тухчина городка, ывъ тутъ два дни, послалъ напе- азъѣздъ къ великому городу, а въ ень самъ пошелъ. Разъѣздъ же въ сторонѣ полкъ стоящей, дума-) Болгары идутъ, стали пріугото- і къ бою, но вскорѣ отъ онаго и 5 человѣкъ, и объявили о себѣ, и присланы отъ князя половецкаго которой увидавъ, что князь в. съ войскомъ на Болгары, общихъ гелей, пришедъ здѣсь, велѣлъ спро- есть ли вамъ непротивно, то онъ и обще пойдетъ? Князь в. созвавъ всѣхъ и вельможъ совѣтовалъ, имъ отповѣдь дать, и положили на что взявъ отъ нихъ роту, велѣлъ близъ полковъ рускихъ, что они учинили, и пошли вкупѣ къ вели- городу. Перешедши же Черемисъ і къ великому городу, и въ пер- ень устроя полки, стали совѣтывать, ѣлать; ибо чаяли Болгаръ встрѣ- ъ полѣ, но оные всѣ заперлися дѣ, и предъ градомъ укрѣпя опло- крѣпкимъ, стали со всѣмъ войскомъ ь.

славъ Глѣбовичь переяславскій, будучи въ передовомъ полку, хотѣлъ первый опытъ учинить, видя пѣхоту болгарскую предъ оплотомъ стоящую, вооружа полкъ свой, пошелъ прямо ко граду, и приближась напалъ на оныхъ такъ мужественно, что оные потерявъ немало людей, принуждены были уйти въ оплотъ, и гналъ ихъ до самыхъ вратъ рубя и плѣня. Тутъ ударенъ былъ Изяславъ стрѣлою сквозь бронь подъ сердце такъ тяжко, что уже принуждены его на рукахъ въ станъ отнести. Сіе учинило великую печаль Всеволоду, и всѣмъ князьямъ, паче же всему войску, зане храбрости его ради и добраго въ войскѣ распорядка у всѣхъ любимъ и почитаемъ былъ.

Въ то время Болгары собравъ совсѣхъ окольныхъ градовъ и предѣлъ *Кусяне, Себи, Елмата*, такожъ называемые *Мстили дюдичи* болѣе 5000, пошли въ лодіяхъ къ острову, гдѣ стояли насады руские, и изъ Торцеса пришли ко оному жъ конницею, и пришедъ вышли на островъ прямо на Рускихъ воніюще, яко пожрени хотя; воеводы же рускіе, устроя полки своя, не хотѣли ожидать во окопѣ сдѣланномъ, разсудя, естьли они въ одномъ мѣстѣ въ окопъ прорвутся, то всѣ придутъ въ смятеніе, пошли прямо противо ихъ брегу. Болгары увидя войско, чего не чаяли, съ великимъ смятеніемъ не учина бою, побѣжали къ своимъ дощеникамъ оставленнымъ, а Рускіе за ними погнали, рубили ихъ и кололи, мало живыхъ брали. Оные прибѣжавъ къ Волгѣ, метались въ ихъ дощаники, и тутъ многіе тонули; дощаники бо отъ множества сѣдшихъ людей тонули и опрокидались, гдѣ ихъ болѣе 2000 потонуло, и едва половина отъ всѣхъ въ домы возвратились.

Князь в. стоялъ около града серебряныхъ Болгаръ 10 дней, и выслалъ князь болгарскій вельможъ просить о мирѣ. Всеволодъ, видя сыновца Изяслава изне-

могающа, учинилъ съ Болгары миръ, взявъ отъ нихъ дары многіе, паче же Рускихъ, бывшихъ въ плѣнѣ, сколько они имѣли, всѣхъ освободилъ, а которые вдаль развезены, обѣщали всѣхъ отпустить, и потомъ со всѣми войски пошли паки ко острову, гдѣ стояли насады, не вѣдая, что Болгары на оные приходили и погибли; но пришедъ уже о томъ увѣдали, и весьма радовались о сугубой непріятелей побѣдѣ, и воздали хвалу Господу Богу; но радость та на утріе премѣнилась въ тяжкую печаль. Ибо преставился Изяславъ Глѣбовичь, котораго положа въ лодію отправили на скоро во Владимиръ, и самъ Всеволодъ возвратился въ насадахъ, а конницу отъ рѣки Суруи (*нынѣ Сура*) отпустилъ берегомъ на Мордву, которые идущимъ на нихъ за Всеволодомъ вредъ дѣлали, и людей побили. Оные воеводы пришедъ въ Мордовскую область, много селъ ихъ до рѣки Цны разорили, и со многимъ полономъ возвратились. Всеволодъ пришедъ во Владимиръ, велѣлъ Изяслава погребсти у св. Богородицы.

(*Ист. Рос. В. Н. Татищева 1774 г. III, 248—252*).

О томъ же П. С. Лѣт. I, 164—165, подъ 1184 г. и 169.

333. Отношенія къ Болгарамъ.

а. Въ лѣто 6728 (1221). Георгій в. князь, сынъ Всеволожь, посла брата своего Святослава съ полкы и воеводами на безбожныя Болгары. И яко приде Святославъ подъ градъ ихъ Ошелъ, и изидоша изъ лодьи вси полци пѣши, видѣвше же си безбожніи Болгаре, скоро доспѣвше, ови на конихъ, а друзіи пѣши, устремишася на бой и изидоша изъ града противу; наши же, силою креста честнаго укрѣпляеми, поидоша проти[…] стрѣляюще я, они же забѣгше за […] бьяхутся крѣпко, наши же […] плотъ, вбиша я въ градъ и […] нихъ врата, и зажгоша градъ […] взяша и на щитъ. И поможе Бо[…] тославу м. іюня въ 15 день, на […] св. Амоса. (*П. С. Лѣт. I, 18*[…]

б. Того же лѣта (1229) страс[…] ваго мученика Христова, его […] ша Болгаре въ Великомъ град[…] сь бысть нѣкого языка не Рускаго, […] янъ же сы, имѣяще имѣнье мн[…] стешбу (*торговлю*) дѣля по г[…] вниде въ Болгарьскый градъ, […] емше нудиша и много дній, ласк[…] и прещеньемъ (*угрозами*), от[…] Христа и вѣры хрестьянскыя, онъ […] покорися, но вся оставивъ, изво[…] умрети за Христа; усѣченъ бы[…] апрѣля въ 1 день, его же русь […] яже веемше тѣло положиша въ гроб[…] же вси хрестьяне лежать и створ[…] милость вскорѣ, за кровь его, по[…] него большая половина города Во[…] а потомъ оставшая часть загор[…] днемъ дважды и трижды; такоже и […] по много дни, мало остася города, […] погорѣ, и товара погорѣ множест[…] числено, за кровь мученика Хр[…] Того же лѣта Саксини и Половци […] гоша изъ низу къ Болгаромъ пере[…] тары, и сторожеве Болгарьскыи […] гоша, бьени отъ Татаръ близъ рѣк[…] же имя Яикъ.

в. Въ лѣто 6738 (1230), м[…] та въ 9 день, 40 св. Мученикъ, […] несенъ бысть Христовъ мученикъ […] мій новый изъ Болгарьское зе[…] славный градъ Володимерь, его ж[…] гаре въ минувшее лѣто, м. апрі[…] день, много мучивше нудяще от[…]

(¹) Плотъ, оплотъ, плетень, стѣна.

ценья, онъ же не отвержеся, но оставль имѣнье свое, усѣченъ бы, яты быша мощи св. страстотерпца імья, и принесенъ бывъ въ Володи-, и в. кн. благочестивый Георгій те й передъ городомъ за версту, съ кою честью, съ свѣщами, и епископъ юфанъ со всѣмъ клиросомъ и со ены, и княгыни съ дѣтьми, и вси е; и положенъ бысть въ церкви св. родица, въ монастыри великыѣ Княя Всеволожіѣ. (*П. С. Лѣт. I*, *—193*).

Въ 1236 г. »пришедше безбож- Татарове, поплениша всю землю ірскую и насѣкоша всѣхъ мужей, женъ гей, а прочихъ въ полонъ взяша«.

(*Никон. л. подъ 1236 г.*).

Битва съ Болгарами и казанскими Татарами.

ю же зимы (1376) посылалъ кн. в. рей Ив. кн. Дмитрея Мих. Волын- ратію на безбожныя Болгары, а Дмитрей Конст. суздальскій посла своа кн. Василія и кн. Ивана, съ же боаръ и воя многи; и пріидоша Болгаромъ въ вел. говѣніе, марта 16, въ понед. на Вербной недѣли. Поганіи же изыдоша противу ихъ и сташа на бой, и начаша стрѣляти, а иніи въ города громъ пущаху страшаще Рускіе полкы, а иніи изъ самострѣловъ стрѣляху, а друзіи на вельбудехъ выѣжжаша, полошаще кони Руские; они же никако же сего страшахуся, но крѣпко сташа противу на бой, и устремишася единодушно на нихъ, они же окаанніи побѣгоша въ градъ свой, и погониша Русь по нихъ, бьюще ихъ, и убиша ту бесерменъ 70. Кн. же Болгарьскій Асанъ и Махметъ салтанъ добиста челомъ вел. князю и тестю его кн. Дмитрію Костянт. двѣма тысячма рублевъ, а ратемъ ихъ трема тысячма рублевъ, а дарагу (*пошлинника*) и таможника посадиша князя вел. въ Болгарехъ, и отъидоша прочь, много зла створивше поганымъ, суды ихъ и села и зимницы пожгоша, а людей изсѣкоша.

(*П. С. Лѣт. VIII. 24—25*).

Волжскіе Булгары *В. В. Григорьева*. Библ. для Чт. 1836, т. 19, 1—32. О Булгарахъ. *М. Гастева*. Вѣст. Евр 1827, ч. 156. № 21. 40. № 22. 102. *Кеппена*. Ж. М. Н. Пр. ч. XII, 64. Сѣверн. Архивъ ч. 27, № 9, 47. № 10, 126. № 11. 210. Библ. для Чт. 1847. LXXXII, 41—66. *Френа:* Die ältesten Arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren. Mem. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Petersb. VI serie, t. 1. Ж. М. Н. Пр. ч. 49. 1846 г.

3. ТАТАРЫ.

335. Битва при Калкѣ послѣ 1227 ([1]).

По грѣхомъ нашимъ, пріидоша языцы незнаеми, при Мстиславѣ князѣ Романовичѣ, въ 10-е лѣто княженья его въ Кіевѣ. И пріиде неслыханная рать, безбожніи Моавитяне, рекомія Татарове, ихже добрѣ никтоже вѣсть ясно, кто суть и отколѣ пріидоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ; и зовутъ ихъ Татары, а иніи глаголють Таурмени, а друзія Печенѣзи, иніи же глаголють, яко же се суть, о нихъ же Меѳодій епископъ Патаромьскый свидѣтельствуетъ: яко сія суть вышли изъ пустыня Етривьскія, сущи межи въстокомъ и сѣверомъ, ко скончанію времяни явитися имъ, яже загна Гедеонъ, и поплѣнять всю землю отъ въстока и до Ефранта и отъ Тигръ до Понтійскаго моря, кромѣ Еѳіопія. Богъ же единъ вѣсть ихъ; но мы здѣ вписахомъ о нихъ памяти ради русскихъ князей и бѣды, яже бысть имъ отъ нихъ. Слышахомъ бо яко многы страны поплѣниша, Ясы, Обезы, Косагы; и пріидоша на землю Половетьскую, Половцемъ же ставшимъ, а Юрьи Кончаковичъ бѣ бо лише всѣхъ Половець, не може стати противу лицу имъ. Бѣгающю же ему, Половци же не могоша противися имъ, побѣгоша до рѣкы Днѣпра безбожніи Половци, а иныхъ загна по Дону и въ лукоморя (*излучина, заливъ моря*) и тамо изомроша, убиваеми гнѣвомъ божьимъ и пречистыя его Матере; много

бо тѣ Половци зла створиша Рустѣ
или, того ради всемилостивый Богъ,
тяй погубити безбожныя сыны Измаі
вы, Куманы, яко да отмьститъ к
крестьяньскую и еже бысть надъ н
безбожными, побѣдиша ѝ Татари, н
языкъ 7. И преидоша всю страну
маньску, и пріидоша близь Руси, а
танъ съ иными князьями и со остан
Половець прибѣгоша, идѣже зовется
Половецькый, а Данилъ Кобяков
Урій убьена быста, а иніи Половци
зи разбѣгошася въ Русскую землю.
же Котянъ бѣ тесть Мстиславу Мсти
вичю галичьскому, и пріиде съ покло
съ князи половетьскыми въ Галичь
князю Мстиславу, къ зятю, и ко вс
княземъ русскимъ, и дары принесе
гы, кони, вельбуды, и буйволы и д
и одари князей русьскыхъ, а ркучи т
»нашу землю отъяли денесь, а вашу
утра возмутъ пришедъ, побороните н
аще не поможете намъ, мы нынѣ и
чени будемъ, а вы наутрія иссѣчени
дете.« И помолися Котянъ зятю сво
о пособьи, Мстиславъ же нача моли
княземъ русскымъ, братьи своей, р
»аже мы, братіе, симъ не поможе
то си имутъ предатися имъ, то
болши будетъ сила;« и тако ду
ше много, и яшася пособити Котяню,
ленія слушая князь половечьскыхъ. Б
шу съвѣту всѣхъ князей въ градѣ
Кіевѣ, и створиша съвѣтъ сице: »л
бы ны есть пріять ѝ на чюжей зем
нежели на своей;« и начаша вои стр
ти которыйждо свою власть. Тогда бо
Мстиславъ въ Кіевѣ, а Мстиславъ
зельскый въ Черниговѣ, а Мстиславъ

([1]) О томъ же въ П. Собр. Лѣт. I, 189; II, 163—165; III, 39—41; VII, 129—132.

Галичѣ, то бо бѣаху старѣйшины въ Руской земли, князя же великаго Юрья суздальскаго нѣту въ совѣтѣ томъ; се же пакы младіи князи: князь Данило Романовичь, князь Михайло Всеволодичь, князь Всеволодъ Мстиславичь кіевьскый, и иніи мнози князи, тогда же князь половецькій крестися Басты, Василка же не бѣ, въ Володимери младъ. И совокупивше землю Русскую всю противу Татаромъ, и пріидоша къ рѣцѣ Днѣпру на Зарубъ къ острову Варежьскому. Тогда увѣдавше Татарове, что идуть князи русстіи противу имъ, и прислаша послы къ княземъ русскымъ: »се слышимъ, оже противу намъ идете, послущавше Половець, а мы вашей земли не заяхомъ, ни городовъ вашихъ, ни селъ, ни на васъ пріидохомъ; но пріидохомъ, Богомъ попущени, на холопи наши и на конюси свои, на поганыя Половци, а возмите съ нами миръ, а намъ съ вами рати нѣту; оже бѣжать къ вамъ Половци, и вы бейте оттолѣ, а товаръ емлите себѣ, занеже слышахомъ, яко и вамъ много зла творять, того же ради мы ихъ отселѣ бьемъ.« Князи же русстіи того не послушаша, и послы татарьскыя избиша, а сами поидоша противу имъ, и не дошедше Олешья, и сташа на Днѣпрѣ; и прислаша Татарове второе послы, глаголюще: »аще есте послушали Половець, а послы наши есте избили, а идете противу намъ, то вы поидѣте; а мы васъ не замаемъ ничимъ, то всѣмъ намъ Богъ,« и отпустиша послы ихъ. И пріиде ту вся земля Половецьская и вси ихъ князи, а изъ Кіева князь Мстиславъ со всею силою, а изъ Галича князь Мстиславъ со всею силою, Володимеръ Рюриковичь съ Чернѣговци, и вси князи чернѣговьскіи, а изъ Смоленьска на Зарубъ 100 мужь и инѣмъ странамъ. Тогда же князь Мстиславъ галицкій пребродися Днѣпръ въ 1000 мужь на сторожи татарьскія, и побѣди я̑, а останокъ ихъ побѣже съ воеводою съ Гемябѣкомъ, и ту имъ не бѣ помощи; и погребоша воеводу своего Гемябѣка жива въ землю, хотяще жива ублюсти, и ту наидоша его, и испросиша его Половци, и убиша его. Слышавше же се князи русстіи, поидоша вси за Днѣпръ на множествѣ людей, а Галичане и Волыньци кыйждо съ своими князьми, а Куряне, и Трубчане и и Путивльци кыйждо съ своими князи, и пріидоша коними; а выгонци галичьскыи пріѣхаша въ лодьяхъ по Днѣпру, и поидоша въ море, бѣ бо лодій 1000, и поидоша въ рѣку Днѣпръ, и возведоша порогы, и сташа у рѣкы у Хортици на броди на протолчьи; бѣ бо съ ними Домамеричь Юрьи, Держикрай Володиславичь. Пришедшѣ вѣсти въ станы, яко пришли суть предвидѣти оляди русскыя, слышавъ же Данилъ Романовичь, и гнавъ вѣдъ на кони и сущіи съ нимъ конници, и иніи мнози князи съ нимъ гнаша видѣти рати; онѣмъ же отшедшимъ, Юрьи же имъ сказаше, яко стрѣлци суть, иніи же молвяаху, яко простіи людіи суть пуще и Половець; Юрьи же Домамеричь молваше: »ратници суть и добраа вои.« Пріѣхавше сказаша Мстиславу, Юрьи же все сказа, и рекшимъ молодымъ княземъ: »Мстиславе и другый Мстиславе! не стоита, пойдемъ противу имъ.« Преидоша же вси люди, и князи вси, и Мстиславъ чернѣговьскый рѣку Днѣпръ, и поидоша на конехъ въ поле половецьское, и усрѣтоша Татарове полкы русьскыя побѣдиша ихъ и гнаша въ поле далече, сѣкущи я, и взяша скоты ихъ, а съ стады утекоша, яко всимъ воемъ наполнитися скотомъ. И оттуда же идоша по нихъ 8 дній до рѣкы Калкы, и ту срѣтоша сторожеве Татарове, и ударита на Половцы Русскыя, сторожемъ же бившимся съ полкы русскыми, и убіенъ бысть ту Іоанъ Дмитреевичь и иная 2 съ нимъ; Татаромъ же отъѣхавшимъ прочь, на рѣцѣ Кальцѣ устрѣтоша Татарове половецьскыя полкы и русскыи. Князь же Мстиславъ Мсти-

славичь повелѣ преди перейти рѣку Калку Даниловя съ полкы и инѣмъ полкомъ съ нимъ, а самъ по нихъ переиде; и заидоша за рѣку за Калку, и послаша въ сторожѣхъ Яруна съ полкы съ Половци, а сами станомъ сташа ту, а князь Мстиславъ самъ ѣха вборзѣ послѣ. Видѣвшю же ему полкы татарьскыя, пріѣхавъ рече, вооружитися повелѣ вборзѣ; а князю Мстиславу и другому Мстиславу, сѣдящима има въ стану, не вѣдущима, Мстиславъ же не повѣда имъ зависти ради, бѣ бо котора (*распря*) межи ихъ велика. Сразившимся полкомъ на мѣсто, Даниль же выѣха напередъ, и Семьюнъ Олюевичь и Василко Гавриловичь, и разидошася въ полкы татарьскыя. Василкови же свободену бывшу, а Данилу бодену бывшу въ перси, младеньства ради и буести не чюаше раны, бывши на тѣлеси его; бѣ бо възрастомъ 16 лѣтъ, бѣ бо силенъ. Данилови же крѣпко избивающю Татары, видѣвъ то Мстиславъ Нѣмый, мнѣвъ яко Данилъ свободенъ бысть, потече и самъ въ нѣ; бѣ бо мужь той крѣпокъ, понеже ужика сы Роману, отъ племяни Володимеря, прирокомъ Манамаха: бѣ бо велику любовь имѣя къ отцу его, ему же поручивши по смерти свою волость, дая князю Данилови. Татаромъ же бѣгающимъ, Данилови же избивающю я своимъ полкомъ, и Олгови Курьскому крѣпко бьющюся, тогда же Ярунъ и иніи полци Половецьстіи ступишася съ ними, хотяще битися, и Половци побѣгоша; и потопташа бѣжаще станы князій русскыхъ, а князя не успѣша ополчитися противу имъ, и смятошася вси полци русстіи, и бысть сѣча зла и люта, грѣхъ ради нашихъ русскымъ полкомъ побѣженымъ бывшимъ. Данилъ же видѣвъ, яко крѣпчае брань татарьская належитъ, и обрати конь свой и бѣжа отъ устремленія противныхъ, и вжада воды и пи, и почюти рану на тѣлеси своемъ, въ брани не позна ея крѣпости ради мужества

възраста своего; бѣ бо дерзъ и храбр
отъ главы и до ногу его не бѣ на не
порока. И бысть побѣда на вси кня
русстіи, яка же не бывала отъ нача
Русской земли никогдаже. Самъ бо вел
кый князь Мстиславъ Кіевьскій, видя
зло, не движеся никакоже съ мѣст
сталъ бо бѣ на горѣ надъ рѣкою Кал
бѣ бо мѣсто каменисто, и туто учини
городъ съ кольемъ, и бися съ ними и
града по 3 дни. А иніи же Татари
поидоша послѣ Русскыхъ князей, бьюн
ихъ и до Днѣпра, а у города остави
два воеводы, Чегирканъ а Ташуканъ,
князя Мстислава и на зятя его Андрѣ
Александра Дубравьскаго; бѣста бо
два князя со Мстиславомъ. Ту же и Бр
дници быша старые, и воевода ихъ П
скыня, и тъи окаянный цѣловавъ крес
ко князю Мстиславу и обѣма княз
яко ихъ не избити и пустити ихъ
искупъ, и сългавъ окаянный предас
ихъ связавъ Татаромъ, а городъ взяш
люди посѣкоша; а князій имаша, изда
ша й подкладше подъ доскы, а са
верху сѣдоша обѣдати, и тако князи ж
вотъ свой скончаша. И много убійст
безчисленое створися, а иныхъ кня
гонячи до Днѣпра 6 убиша: князя Свят
слава яневьского, Изяслава Ингворови
Святослава шумьскаго, Мстислава черн
говьскаго съ сыномъ, Юрья несвѣжьск
го, много воя когождо десятый пріиде;
Александръ Поповичь ту убіенъ бысть с
инѣми 70 храбровъ. И тогда же кня
Мстиславъ Мстиславичь преди перебѣ
Днѣпръ, и пріиде къ лодьямъ, повел
жещи я, иныя сѣчи и отринути отъ бр
га, боёся по себѣ погони отъ Татаръ,
самъ едва убѣжа въ Галичь: а молод
князи прибѣжали въ малѣхъ людій,
князь Володимеръ Рюриковичь прибѣже
Кіевъ и сѣде на столѣ. Сіи же зл
створися отъ Татаръ м. іюня въ 16 дн
Татаромъ же побѣдившимъ русскыя кн
зи, за прегрѣшеніе хрестьянское, и я

имъ Татаромъ до Новагорода свято-ьскаго, не вѣдущимъ же Руси льсти рьскія, исходяаху противу имъ со гы, они же избиша вся; и ожидааше покаянія хрестьанскаго и обрати ръ вспять отъ рѣкы Днѣпра на зем-ъсточную, и повоеваша землю Тано-жую и ины страны; тогда же Чаго-канъ ихъ убіенъ бысть. Се же ь намъ за грѣхи наша, Богъ вложи умѣніе въ насъ, и погыбе безъ чи-много людій, и бысть вопль и въды-и печаль по всѣмъ градомъ и по тсемъ. Сихъ же злыхъ Татаръ Таур-не свѣдаемъ, откуду были пришли асъ и гдѣ ся дѣли опять; только вѣсть.

(*Полн. собр. Лѣтоп. т. I, стр. 16—219*).

336. Нашествіе Батыя.

ь лѣто 6745 (1237). На зиму при-отъ восточьныѣ страны на рязань-землю, лѣсомъ, безбожніи Татари, и ша воевати рязаньскую землю, и оваху и до Проньска; поплѣнивше нь весь. и пожгоша, и князя ихъ я, ихже емше овы растинахуть, дру-же стрѣлами растрѣляху въ ня, а опакы руцѣ связывахуть; много же ыхъ церквій огневи предаша, и ма-ырѣ и села пожгоша, имѣнья не ма-бою страну взяша, потомъ поидоша на мну. Тое же зимы поиде Всеволодъ, Юрьевъ, внукъ Всеволожь, проти-Татаромъ, и сступишася у Коломны, ять сѣча велика, и убиша у Всеволода оду Еремѣя Глѣбовича, а иныхъ мужій убиша у Всеволода; и прибѣжа Всево-въ Володимерь въ малѣ дружинѣ, а Та-ве идоша къ Москвѣ. Тое же зимы взяша кву Татарове, и воеводу убиша Фили-Нянка за правовѣрную хрестьяньскую вѣру, а князя Володимера яша руками, сына Юрьева, а люди избиша отъ старьца и до ссуща младенца; а градъ и церкви святыя огневи предаша, и манастыри вси и села пожгоша, и много имѣнья вземше отъидоша. Тое же зимы выѣха Юрьи изъ Володимеря въ малѣ дружинѣ, урядивъ сыны своя въ собе мѣсто Всеволода и Мстислава, и ѣха на Волгу съ сыновци своими, съ Василкомъ и со Всеволодомъ и съ Володимеромъ и ста на Сити станомъ, а ждучи къ собѣ брата своего Ярослава съ полкы, и Святослава съ дружиною своею; и нача Юрьи князь великый совокупляти вое противу Татаромъ, а Жирославу Михаиловичю приказа воеводство въ дружинѣ своей. Тое же зимы придоша Татарове къ Володимерю, м. февраля въ 3, на память св. Семеона, во вторникъ преже мясопуста за недѣлю. Володимерци затворишася въ градѣ, Всеволодъ же и Мстиславъ бяста, а воевода Петръ Ослядюковичь. Володимерцемъ не отворящимся, прiѣхаша Татари къ Золотымъ воротомъ, водя съ собою Володимера Юрьевича, брата Всеволожа и Мстиславля; и начаша просити Татарове князя великаго Юрья, есть ли въ градѣ. Володимерци пустиша по стрѣлѣ на Татары и Татарове также пустиша по стрѣлѣ на Золотые ворота; и посемъ рекоша Татарове Володимерцемъ: »не стрѣляйте«. Они же умолчаша. И прiѣхаша близь къ воротомъ и начаша Татарове молвити: »знаете ли княжича вашего Володимера»? бѣ бо унылъ лицѣмъ. Всеволодъ же и Мстиславъ стояста на Золотыхъ воротѣхъ, и познаста брата своего Володимера. О умиленое видѣнье и слезъ достоиное! Всеволодъ и Мстиславъ съ дружиною своею, и вси гражане плакахуся, зряще Володимера. А Татарове отшедше отъ Золотыхъ воротъ, и объѣхаша весь градъ, и сташа станомъ предъ Золотыми враты назрѣемѣ (*на виду*), множество вой безчислено около всего града. Всеволодъ же и Мстиславъ сжа-

лістася, брата своего дѣля Володимеря, и рекоста дружинѣ своей и Петру воеводѣ: »братья! луче мы есть умрети передъ Золотыми враты за св. Богородицю и за правовѣрную вѣру хрестьяньскую»; и не да воли ихъ быти Петръ Ослядюковичь. И рекоста оба князя: »си вся наведе на ны Богъ грѣхъ ради нашихъ»... Створися велико зло суждальской земли, якоже зло не было ни отъ крещенья, яко же бысть нынѣ. Но то оставимъ. Татарове станы своѣ урядивъ у города Володимеря, а сами идоша, взяша Суждаль и святую Богородицю разграбиша, и донъ княжь огнемъ пожгоша, и манастырь святаго Дмитрія пожгоша, а прочіи разграбиша; а черньци и черници старыя и попы, и слѣпыя и хромыя и слукыя *(разслабленныя)* и трудоватыя, и люди всѣ иссѣкоша, а что чернець, уныхъ и черницъ, и поповъ и попадій и дьяконы и жены ихъ, и дчери и сыны ихъ, то все ведоша въ станы своѣ, а сами идоша къ Володимерю. Въ суботу мясопустную почаша наряжати лѣсы и порокы ставиша до вечера, а на ночь огородиша тыномъ около всего города Володимеря; въ недѣлю мясопустную по заутрени приступиша къ городу, м. февраля въ 7, на память св. мученика *Ѳеодора Стратилата*. И бысть плачь великъ въ градѣ, а не радость, грѣхъ ради нашихъ и неправды; за умноженье беззаконій нашихъ попусти Богъ поганыя, не акы милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ встягнулися отъ злыхъ дѣлъ... И взяша градъ до обѣда; отъ Золотыхъ воротъ у св. Спаса внидоша по примету черезъ городъ, а сюдѣ отъ сѣверныя страны отъ Лыбеди ко Орининымъ воротомъ и къ Мѣдянымъ, а сюдѣ отъ Клязмы къ Волжьскымъ воротомъ, и тако вскорѣ взяша Новый градъ. И бѣжа Всеволодъ и Мстиславъ, и вси людье бѣжаша въ Печерній городъ; а епископъ Митрофанъ, и княгыни Юрьева съ дчерью и съ снохами и со внучаты, и прочіѣ княгини, Во-

лодимеряя съ дѣтми, и множество
бояръ и всего народа людій затвор
въ церкви св. Богородица, и тако о
безъ милости запалени быша. И п
ся боголюбивый епископъ Митрофан
голя: »Господи Боже силъ, свѣт
сѣдяй на херувимѣхъ, и научи Ос
окрѣпивъ пророка своего Давыда н
яда, и въздвигнувый *Лазаря* четве
наго изъ мертвыхъ! простри руку
невидимо, и прійми въ миръ душ
своихъ»; и тако скончашася. Татар
силою отвориша двери церковныя,
дыма овы огнемъ скончавшася, о
оружьемъ до конца смерти предаш;
Богородицю разграбиша, чюдную
одраша, украшену златомъ и сереб
каменьемъ драгымъ, и манастыри
иконы одраша, а иныѣ изсѣкоша,
поимаша, и кресты честныя и ссуд
щенныя и книгы одраша, и порты
женыхъ первыхъ князій, еже баху
шали въ церквахъ святыхъ на памя
бѣ, то же все положиша собѣ въ по
И убьенъ бысть Пахоми архимандр
настыря Рожества св. Богородица, а
менъ Успленьскый, Ѳеодосій Спас
и прочіи игумени и черньци и ч
и попы и дьяконы, отъ унаго и д
ца и ссущаго младенца; и та вся
коша, овы же ведуще босы и без
кровенъ въ страны своѣ, издыхающ
зомъ. И бѣ видѣти страхъ и тр
яко на хрестьянскѣ родѣ страхъ и
банье и бѣда упространися. Согрѣ
казними есмы... Татарове взя
Володимерь, и поидоша на в. кн.
гія оканніи ти кровопійци, и ови
Ростову, а ини къ Ярославу, а
Волгу на Городець, и ти плѣниша
Волзѣ, даже и до Галича Мерьск
ини идоша на Переяславль, и тъ
и оттолѣ всю ту страну и грады
все то плѣниша, даже и до Торж
нѣсть мѣста, ни вси, ни селъ
рѣдко, идѣже не воеваша на Сужд

и; и взяша городовъ 14, опрочь свободъ
гостовъ, въ одинъ мѣсяць февраль.
ны на предняя взидемъ. Яко приде
ь къ в. кн. Юрью: »Володимерь взятъ
ркви сборная, и епископъ и княги-
ъ дѣтьми и со снохами и со внуча-
гнемъ скончашася, а старѣйшая сы-
севолодъ съ братомъ внѣ града уби-
люди избиты, а къ тобѣ идуть »; онъ
е слышавъ възпи гласомъ великымъ,
езами, плача по правовѣрнѣй вѣрѣ
тьяньстѣй преже, и наипаче о цер-
и епископа ради и о людехъ, бяше
илостивъ, нежели собѣ и жены и дѣ-
и въздохнувъ изъ глубины сердца,
: «Господи! се ли бы годѣ твоему
ердью »? Новый Іовъ бысть терпѣнь-
и вѣрою яже къ Богу. И нача мо-
ся, глаголя: »увы мнѣ Господи! луче
умрети, нежели жити на свѣтѣ семъ;
же что ради остахъ азъ единъ »?
ще ему молящюся со слезами, и се
ну поидоша Татарове, онъ же отло-
всю печаль, глаголя: »Господи Бо-
юй! на тя уповахъ, и спаси мя, и
сѣхъ гонящихъ избави мя«. И по-
безбожніи Татарове на Сить про-
в. к. Гюргю, слышавъ же князь
, съ братомъ своимъ Святославомъ,
сыновци своими, Василкомъ и Все-
омъ и Володимеромъ, и съ мужи сво-
поидоша противу поганымъ. И сступ-
ся обои, и бысть сѣча зла: и побѣ-
наши предъ иноплеменникы, и ту
ъ бысть князь Юрьи, а Василка яша
и безбожніи, и поведоша въ станы
Се же зло сдѣяся м. марта въ 4
на память св. мученику Павла и
ьяны. И ту убьенъ бысть князь в.
на Сити на рѣцѣ, и дружины его
убиша; блаженный же епископъ
ъ взя князя мертва, идый съ Бѣ-
ра, и принесе ѝ въ Ростовъ, и пѣвъ
имъ обычныя пѣсни со игумены и
пресвитеры и съ попы, со многами
ми, вложиша ѝ въ гробъ у святое

Богородици. А Василка Костянтиновича
ведоша со многою нужею до Шерньского
лѣса, и яко сташа станомъ, нудиша ѝ
много проклятіи Татарове обычаю по-
ганьскому быти въ ихъ воли и воевати
съ ними; но никакоже не покорися ихъ
безаконью, и много сваряше я, глаголя:
»О глухое царьство скверньное! никако-
же мене не отведе хрестьянское вѣры,
аще и велми въ велицѣ бѣдѣ есмъ; Бо-
гу же какъ отвѣтъ дасте, ему же многы
душа погубили есте безъ правды? ихъ ра-
ди мучити вы имать Богъ въ безконеч-
ныя вѣкы, истяжеть бо Господь душѣ тѣ,
ихже есте погубили ». Они же въскреж-
таша зубы на нь, желающе насытитися
крове его. Блаженный же князь Василко
помолися, глаголя: »Господи Исусе Хри-
сте! помагавый ми многажды, избави мя
отъ сихъ плотоядецъ ». И пакы помоливъ-
ся рече: «Господи Исусе Христе Все-
держителю! пріими духъ мой, да и азъ
почію въ славѣ твоей.» И се рекъ, абье
безъ милости убьенъ бысть. И повержe-
ну на лѣсѣ, видѣ ѝ етера (*нѣкая*) же-
на вѣрна, и повѣда мужю богобоязливу
поповичу Андріяну, и взя тѣло князя Ва-
силка и понявицею обитъ, реку (*т. е.*)
саваномъ, и положи его въ скровнѣ (*скры-
томъ*) мѣстѣ. Увѣдѣвъ же боголюбивый
епископъ Кирилъ и княгыни Василкова,
послаша по князя, принесоша ѝ въ Ро-
стовъ; и яко понесоша ѝ въ градъ и
множство народа изидоша противу ему,
жалостныя слезы испущающа, оставше та-
кого утѣшенья. Рыдаху же народа мно-
жество правовѣрныхъ, зряще отца сирымъ
и кормителя отходяща, печалнымъ утѣ-
шенье великое, омрачнымъ звѣзду свѣто-
носну зашедшю; на весь бо церковный чинъ
отверзлъ бяшетъ ему Богъ очѣ сердечнѣи,
и всѣмъ церковникомъ и нищимъ и пе-
чалнымъ яко възлюбленный бяше отець,
паче и на милостыню прилѣжа, поминая
слово Господне, глаголющее: блажени ми-
лостивіи, яко ти помилованы будуть, и

Соломонъ глаголеть: милостынями и вѣрою очищаются грѣси, тѣмже и не погрѣши надежи, его же просяще у Бога: Господи! спаси любящихъ тя. Сего бо блаженаго князя Василка спричте Богъ смерти подобно Андрѣевѣ, кровью мученичьскою омывся прегрѣшеній своихъ, съ братомъ и отцемъ Георгіемъ съ великимъ княземъ. Се бо и чюдно бысть, ибо и по смерти совкупи Богъ тѣлеси ею: принесоша Василка и положиша ѝ въ церкви святыя Богородица въ Ростовѣ, идѣже и мати его лежить, тогда же принесоша голову великаго князя Георгія, и вложиша ю въ гробъ къ своему тѣлу. Бѣ же Василко лицемъ красенъ, очима свѣтелъ и грозенъ, храбръ паче мѣры на ловѣхъ, сердцемъ легокъ, до бояръ ласковъ; никтоже бо отъ бояръ, кто ему служилъ, и хлѣбъ его ѣлъ и чашю пилъ и дерыималъ, тотъ никакоже у иного князя можаше быти за любовь его; излише же слугы своя любляше. Мужьство же и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходяста; бѣ бо всему хытръ и гораздо умѣя, и посѣде въ доброденьствіи на отни столѣ и дѣдни, и тако скончася, якоже слышасте.

(*Пол. Собр. Лѣт. I, 196—199*).

337. Побоище Батыево ([1]).

Въ лѣто 6745 (1237). На зиму придоша безбожніи Измалтяне, прежде бившеся со князи рускими на Калкохъ. Бысть первое приходъ ихъ на землю рязаньскую, и взяша градъ Разань копьемъ, изведше на льсти князя Юрья и ведоша Прѣньску, бѣ бо въ то время княгини его въ Прь-

([1]) Для сличенія изъ другаго списка лѣтописей.

ньскы; изведоша княгиню его на
убиша Юрья князя и княгиню его,
землю избиша, и не пощадѣша от
до ссущихъ млека. Киръ (*господин*
хаиловичь же утече со своими лю
Суждаля, и повѣда в. кн. Юрьеви
жныхъ Агарянъ нашествіе; то слы
князь Юрьи, посла сына своего Вс
со всими людьми, и съ нимъ кар
хаиловичь. Батыеви же устремлен
землю суждальскую, и срѣте ѝ Вс
на Колоднѣ: и бившимся имъ и н
многимъ отъ нихъ отъ обоихъ, по
бывшу Всеволоду, исповѣда отцю б
брань устремленныхъ на землю и
его. Юрьи же князь, оставивъ сын
во Володимерѣ и княгиню, изыде из
да, и совокупляющу ему около се
и не имѣющу сторожій, наѣхань
безаконійымъ Бурондаемъ, весь
изогна и самаго князя Юрья убиша.
тыеви же стоящу у града, бор
крѣпко о градъ, молвящимъ имъ
гражаномъ: »гдѣ суть князи ря
вашь градъ и князь вашь великій
не рука ли наша емши ѝ смерти пре
И услышавъ о семъ преподобный М
фанъ епископъ, начатъ глаголати с
зами ко всимъ: »чада! не убо
прельщеньи отъ нечестивыхъ, не прі
си во умъ тлѣньнаго сего и скоро
щаго житья, но ономъ скоромину
житьи попеченся, еже со ангелы ж
аще и градъ нашь плѣнише копіемъ
муть и смерти ны предадуть, азъ о
чада, поручьникъ есмь, яко вѣнц
тлѣньнаа отъ Христа Бога пріиметe
О семь же словеси, слышавше вси,
чаша крѣпко боротися. Татаромъ же
рокы (*стѣнобитныя орудія*) п
бьющимъ, стрѣлами безъ числа стрѣ
щимъ, се увидѣвъ князь Всеволодъ,
крѣпчѣе брань належить, убоася, б
и самъ младъ, самъ изъ града изы
маломъ дружины, несы со собою
многіи: надѣяшебося отъ него жи

пріати; онъ же, яко свѣрпый звѣрь, не пощади уности его, велѣ предъ собою зарѣзати и градъ весь избье. Епископу же преподобному во церковь убѣгшу, со княгинею и съ дѣтми, и повелѣ нечестивый огньмъ зажещи: ти тако душа своя предаша въ руцѣ Богу. Градъ ему избившу Володимерь, поплѣни грады суждальскіе и приде ко граду Козельску; будущу въ немъ князю младу, именемъ Василью, увѣдавъши же нечестивіи, яко умъ крѣпкодушьный имѣють людье въ градѣ, словесы лестьными не возможно бѣ градъ пріяти. Козляне же съвѣтъ створше не вдатися Батыю, рекше: »яко аще князь нашь младъ есть, но положимъ животъ свой за нь; и сдѣ славу сего свѣта пріимше, и тамъ небесныя вѣнца оть Христа Бога пріимемъ«. Татаромъ же бьющимся о градъ, пріята хотящимъ градъ, разбившимъ граду стѣну и возъидоша на валъ Татаре; Козляне же ножи рѣзахуся съ ними, съвѣтъ же створиша изъити на полъкы татарскые, и исшедше изъ града исѣкоша праща ихъ, нападше на полъкы ихъ и убиша отъ Татаръ 4 тысящи, и самѣ же избьени быша. Батый же взя городъ, изби вси, и не пощадѣ, отъ отрачатъ до сосущихъ млеко; о князи Васильи невѣдомо есть, иніи глаголаху, яко во крови утонулъ есть, понеже убо младъ бяше. Оттуду же въ Татарѣхъ не смѣють его нарещи градъ Козлескъ, но *градъ злый*, понеже бишася по семь недѣль; убиша бо отъ Татаръ сыны темничи 3, Татари же искавше и не могоша ихъ изнайти во множествѣ трупъ мертвыхъ. Батыеви вземшю Козлескъ, и поиде въ землю половецькую. Оттуда же поча посылати на грады рускые: и взятъ градъ Переяславль копьемъ, изби весь, и церьковь архангела Михаила скруши и сосуды церковныя безчисленныя златыя и драгаго каменья взятъ, и епископа препод. Семеона убиша. Въ тоже время посла на Черниговъ: обступиша градъ въ силѣ тяжцѣ, слышавъ же Мьстиславъ Глѣбовичь нападеніе на градъ иноплеменьныхъ, приде на нѣ со всими вои; бившимъся имъ, побѣженъ бысть Мьстиславъ и множество отъ вой его избьеныхъ бысть, и градъ взяша и запалиша огньмъ, епископа оставиша жива и ведоша й во Глуховъ. Меньгуканови же пришедшу сглядать града Кыева, ставшу же ему на оной странѣ Днѣпра во градка Песочного, видивъ градъ удивися красотѣ его и величеству его, присла послы свои къ Михаилу и ко гражаномъ, хотя ѣ прельстити; и не послушаша его...

Въ лѣто 6748. Приде Батый Кыеву въ силѣ тяжцѣ, многомъ множьствомъ силы своей, и окружи градъ и остолпи сила татарьская, и бысть градъ во обдержаньи велицѣ... И бѣ Батый у города и отроци его обсѣдяху градъ, и не бѣ слышати отъ гласа скрипанія телѣгъ его, множества ревѣнія вельблудъ его, и рьжанія отъ гласа стадъ конь его; и бѣ исполнена земля Руская ратныхъ. Яша же въ нихъ Татарина, именемъ Товрулъ, и тъ исповѣда имъ всю силу ихъ; се бяху братья его сильныи воеводы: Урдюй, Байдаръ, Бирюй, Кайданъ, Бечакъ и Меньгу и Кююкъ (иже вратися увѣдавъ смерть канову *(ханову)* и бысть каномъ, не отъ роду же его, но бѣ воевода его перьвый), се Бѣдяй Богатуръ и Борунъдой богатырь, иже вза болгарьскую землю и суждальскую, инѣхъ безъ числа воеводъ, ихъ же не исписахомъ здѣ. Постави же Баты порокы городу, подлѣ вратъ Лядьскыхъ, ту бо бѣаху пришли дебри; порокомъ же беспрестани бьющимъ день и нощь, выбиша стѣны, и возіидоша горожаны на избыть (*конецъ*) стѣны, и ту бѣаше видѣти ломъ копейны и шитъ скепаніе, стрѣлы омрачиша свѣтъ побѣженымъ; и Дмитрови ранену бывшу, взіидоша Татаре на стѣны и сѣдоша того дне и нощи. Гражане же создаша пакы другій градъ, около святое Богоро-

дицѣ. Наутрѣя же пріидоша на нѣ, и бысть брань межи ими велика, людемъ же узбѣгшимъ на церковь и на комары церковныя, и съ товары своими, отъ тягости повалишася съ ними стѣны церковныя, и пріятъ бысть градъ сице вои-ми. Дмитрѣя же изведоша язвена и не убиша его, мужьства ради его. Въ то же время ѣхалъ бяше Даниілъ во Угры королеви, и еще бо бяшетъ не слышалъ прихода поганыхъ Татаръ на Кыевъ, Батыю же взешю градъ Кыевъ и слышавшу ему о Даниілѣ, яко въ Угрѣхъ есть, поиде самъ Володимерю и приде къ городу Колодяжьну, и постави порока 12 и не може разбити стѣны, и начать перемолвливати люди; они же, послушавше злого свѣта его, передашася и сами избити быша. И приде Каменцю, Изяславлю, взять ѝ; видивъ же Кремянецъ градъ Даниловъ яко невозможно пріяти ему и отъиде отъ нихъ и приде къ Володимерю, и вза ѝ копьемъ и изби ѝ не щадя, тако же и градъ Галичь, иныи грады многы, имъ же нѣсть числа. Дмитрови же, Кыевьскому тысяцкому Данилову, рекшу Батыеви: »не мози стряпати въ землѣ сей долго, время ти есть на Угры уже пойти; аще ли встряпаеши, земля ти есть сильна, сберутся на тя и не пустять тебе въ землю свою«; про то же рече ему, види бо землю гибнущу Рускую отъ нечестивого. Батый же послуша съвѣта Дмитрова, иде во Угры, Король же Бѣла и Коломанъ срѣте ѣ на рѣцѣ Солоной; бившимся имъ полкомъ, бѣжаша Угре, и гнаша ѣ Татаре до рѣкѣ Дунаья; стояша по побѣдѣ три лѣта. Преже того ѣхалъ бѣ Данило князь къ королеви во Угры, хотя имѣти съ нимъ любовь сватьства: и не бы любови межи има и воротися отъ короля, и прїѣхавъ въ Синеволодьско во монастырь святыа Богородица, на утрѣя же востав видѣ множество бѣжащихъ отъ безбожныхъ Татаръ, и воротился назадъ въ Угры, не може бо пройти Рускоѣ земли, зане [...] ло бѣ съ нимъ дружины; и оста[...] сына своего во Угрѣхъ и не вдасть въ руцѣ Галичаномъ, вѣдаа невѣрьств[...] ихъ, про то его не поя съ собою, [...] изо Угоръ во Ляхы, на Бардуевъ, и [...] де во Судомирь. Слыша о братѣ си [...] дѣтехъ и о княгини своей, яко ви[...] суть изъ Рускоѣ земли въ Ляхы [...] безбожными Татары, и потосиуся (и старался) взискати ихъ, и обрѣте [...] на рѣцѣ, рекомѣй Полцѣ; и возрадова[...] ся о совокупленьи своемъ, и жали[...] о побѣдѣ землѣ Рускоѣ и о взятьи гр[...] отъ иноплеменьникъ множьства. Дани[...] же рекшу, яко »не добро намъ сто[...] сдѣ близъ воюющихъ насъ иноплемени[...] ковъ«, иде въ землю во Мазовьскую Болеславу, Кондратову сынови: и вда[...] ему князь Болеславъ градъ Вышегор[...] и бысть ту, дондеже вѣсть пріа, [...] сошли суть изъ землѣ Рускоѣ безбож[...] и возвратися въ землю свою.

(*Ипат.* 175—178).

338. Сказаніе о Татарахъ Плано-Кар[...] 1245.

Татары имѣли широкое лицо съ бол[...] ми скулами, приплюснутый носъ, мале[...] глаза, рѣдкіе волосы на бородѣ. Они бы[...] высокаго роста и сухи тѣломъ, а ли[...] смуглы и рябы. Они брили волосы отъ [...] кушки къ ушамъ и спереди на лбу [...] пальца, отпускали усы и длинныя косы [...] зади. Жили они въ круглыхъ юртахъ, [...] тенныхъ изъ хворосту и покрытыхъ в[...] локомъ: посрединѣ юрты разводили огон[...] дымъ отъ него уходилъ въ отверстіе, бы[...] на верху. Такія юрты Татары легко р[...] рали, когда нужно, или и не разобра[...] возили за собою на телѣгахъ. У нихъ [...] множество скота: верблюдовъ, быковъ, о[...] козъ и лошадей; ѣли они всякое мясо и [...] кую кашу изъ проса, и не знали хлѣба,- все нечистыми руками, обтирая ихъ о [...] ги или о траву, не мыли ни котловъ ни [...] жды, упивались до-нелзя кумысомъ (ко[...] имъ молокомъ). Мужчины ничего не

огъ, какъ только стрѣляютъ изъ луковъ, да немного присматриваютъ за стадами. Всѣ они отличные стрѣлки: дѣти двухъ, трехъ лѣтъ уже ѣздятъ верхомъ и стрѣляютъ въ цѣль. Дѣвушки и женщины также ѣздятъ верхомъ и хорошо владѣютъ луками. Онѣ однѣ занимаются хозяйствомъ и очень трудолюбивы: стряпаютъ, шьютъ платье, сапоги, шиватъ телѣги, вьючатъ верблюдовъ. Вообще онѣ были въ уважении, и жена хана садилась на тронѣ рядомъ со своимъ мужемъ. Татары вѣрили въ одного Бога, но также дѣлали идоловъ изъ войлока и шелковой матеріи на подобіе людей, ставили ихъ противъ дверей юрты и молились имъ, какъ покровителямъ скота. Они боготворили также своихъ умершихъ хановъ и покланялись солнцу, лунѣ, водѣ и землѣ. Но вообще у нихъ было много терпимости въ вѣрѣ, и христіанскіе священники исполняли свою службу въ ставкѣ самаго хана. Татары держались разныхъ суевѣрій: считали за грѣхъ дотронуться ножемъ до огня, ловить и бить молодыхъ птицъ, переломить кость о кость, пролить на землю молоко или другой напитокъ: но убивать людей было у нихъ ни по чемъ. Они сильно вѣрили гаданіямъ и чарамъ, думали что огонь все очищаетъ, и потому пословъ проводили между двухъ огней, чтобы они не сдѣлали вреда ихъ хану: волхвы и гадатели у нихъ имѣли большую власть. Когда татаринъ захвораетъ, то передъ шатромъ ставили копье, обвитое чернымъ войлокомъ: это значило, что посторонніе должны удалятся; отъ умирающаго удалялись и родные. Кто былъ при умершемъ, тотъ до новой луны не могъ видѣть ни хана, ни князей. Знатныхъ хоронили тайно, и въ могилу ставили пищу, осѣдланнаго коня, серебро и золото; телега и ставка покойнаго сожигались, и имя его не произносили даже до 3-го поколѣнія. У татаръ никто не могъ называть какой нибудь вещи своею: скотъ и люди—все принадлежало хану. Воеводы имѣли подобную же власть надъ своими подчиненными. Татары были необыкновенно послушны своимъ начальникамъ, рѣдко бранились между собою и никогда не дрались; воровъ у нихъ вовсе не было, и юрты и кибитки ихъ никогда не запирались. Они охотно помогали другъ другу, и терпѣливо переносили невзгоду: день, два не поѣсть имъ ничего незначило; поютъ и играютъ, какъ будто сытно пообѣдали. Но за то, какъ были они ласкавы и обходительны между собою, такъ жестоки къ другимъ народамъ. Жадные, свирѣпые, лживые и коварные, они жили грабежемъ и убійствомъ.

Въ войскѣ Татаръ были начальники надъ десятками людей, надъ сотнями и надъ тысячами: десятники, сотники, тысячники; надъ десятью тысячами былъ особый начальникъ, и такое число называлось »тьмою«, а сторожевые отряды назывались караулами. Бѣжавшихъ съ поля битвы убивали; если изъ десятка кто нибудь попадалъ въ плѣнъ и товарищи его не освобождали, то ихъ также убивали.

Каждый татаринъ имѣлъ при себѣ лукъ, колчанъ со стрѣлами, топоръ и веревки, чтобъ тащить осадныя машины. Кто побогаче, имѣлъ кривую саблю, шлемъ, броню и лошадь; иногда дѣлали броню для себя и для лошади изъ кожи, иногда вооружались копьями и щитами изъ хвороста. Когда татары входили въ чужую землю, то посылали передовые отряды, которые ничего не грабили, а старались только убивать какъ можно больше людей; потомъ слѣдовало войско, которое уже все жгло и истребляло на пути. Черезъ большія рѣки они переправлялись на кожаныхъ мѣшкахъ съ пожитками: эти мѣшки они привязывали къ хвостамъ лошадей, которыхъ пускали вплавь. При встрѣчѣ съ непріятелемъ, передовой отрядъ бросить 3 — 4 стрѣлы, и, если видитъ, что не въ силахъ одолѣть, пускается бѣжать, чтобы заманить непріятеля въ засаду. Болѣе 40 лѣтъ они вели войны, и были опытнымъ и хитрымъ народомъ въ битвѣ. Вожди ихъ сами не сражались, а стояли вдали, окруженные дѣтьми и женщинами на лошадяхъ; иногда сажали на лошадей чучелъ, чтобы казалось больше войска Прямо противъ непріятелей высылали они отряды изъ покоренныхъ народовъ, а самыхъ храбрыхъ людей посылали толпами вправо и влѣво, чтобы потомъ вдругъ обхватить противниковъ. Они были не охотники до ручныхъ схватокъ, и не рѣдко сначала бѣжали, стараясь, какъ можно больше перебить людей и лошадей стрѣлами, а потомъ уже схватывались съ ослабленными непріятелями. Осаждая крѣпкіе города, они разбивали стѣны машинами, бросали стрѣлы въ осажденныхъ, бились днемъ и ночью, и одинъ отрядъ безпрестанно замѣняли другимъ, недавая покою противнику. Они умѣли бросать огонь изъ машинъ, отводили рѣки отъ городовъ, или потопляли города, дѣлали подкопы, огораживали свой станъ, чтобы непріятельскія стрѣлы не вредили имъ. Но прежде, чѣмъ начать долгую осаду, они старались уговорить жителей сдаться, и, когда тѣ согласятся, татары говорили: »Выходите, чтобы, по своему обычаю, мы могли пересчитать васъ«. Когда жители выйдутъ, они спрашивали: кто знаетъ какое нибудь искуство или ремесло? Такихъ они сохраняли, и также тѣхъ, кого выбирали въ рабы, а прочихъ избивали: людей знатныхъ, вельможъ и бояръ они никогда почти не оставляли въ живыхъ. Назначенныхъ къ смерти распредѣляли по сотникамъ, которые раздавали ихъ своимъ людямъ, по 10 каждому, и эти рубили ихъ топорами. Чингисъ-Ханъ завѣщалъ Монголамъ завоевать всѣ народы. Когда какой нибудь народъ покарялся, то они требовали, чтобы всѣ жители шли съ ними на войну по

первому зову, и давали 10-ю часть всего: людей и вещей; они брали также 10-го отрока и дѣвицу и отводили ихъ въ рабство въ свои кочевья, а остальныхъ перечисляли для сбора подати. Князья завоеванныхъ земель также должны были ѣхать въ Орду и привозить богатые подарки хану, его женамъ, тысячникамъ и сотникамъ; князья часто погибали въ Ордѣ, или возвращались, оставляя заложниками сыновей своихъ и братьевъ; Татары посылали въ ихъ земли баскаковъ, которымъ всѣ должны были повиноваться; съ баскаками шла толпа Татаръ, которые грабили и убивали, кого угодно.

Батый жилъ на берегахъ Волги, имѣлъ около себя до 600,000 войска, 160,000 татаръ и 450,000 иноплеменниковъ. Пословъ вели къ его ставкѣ между двумя огнями; они должны были нѣсколько разъ кланяться и войти въ шатеръ, не дотрогиваясь до порога. Батый сидѣлъ на тронѣ съ одною изъ женъ своихъ; его братья, дѣти и вельможи сидѣли на скамьяхъ, а другіе на землѣ: мужчины по праву сторону, а женщины по лѣвую. Принимая пословъ Батый и его вельможи пили изъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ: при этомъ играла музыка и пѣли пѣсни. Ханъ имѣлъ лицо красноватое; онъ былъ ласковъ въ обращеніи, но всѣ его боялись. Отсюда Карпини отправился къ великому хану въ Монголію. Тогда Октай уже умеръ и готовились избрать сына его, Гаюка; до того времени управляла Монголами мать Гаюка. Ея ставка, обнесенная тыномъ, могла вмѣщать болѣе 2,000 человѣкъ. Воеводы сидѣли на коняхъ, богато убранныхъ серебромъ, и совѣтовались между собою. Ихъ одежда на первый день была бѣлая, на другой—красная, на третій—синяя, на четвертый—алая. У воротъ стояли воины съ мечами наголо. Вельможи безпрестанно пили кумысъ и угощали имъ пословъ. Такъ прошло съ мѣсяцъ; потомъ дворъ переѣхалъ въ другое мѣсто, и тутъ поставили шатеръ, подъ названіемъ: »Золотая Орда,« убранный богатыми тканями и золотомъ. Тутъ избрали Гаюка: вельможи долго молились, смотря на югъ, потомъ посадили Гаюка на тронъ и стали передъ нимъ на колѣни, а послѣ свели съ трона и посадили на войлокъ. Когда обѣ стороны дали клятву, то Гаюка подняли на рукахъ, провозгласили ханомъ и принесли къ нему множество серебра, золота и дорогихъ камней. Послѣ избранія, Гаюкъ принималъ разныхъ пословъ съ дарами; не вдалекѣ отъ шатровъ находилось болѣе 500 телѣгъ съ золотомъ, серебромъ и шелковыми одеждами; все это роздарено чиновникамъ.

Карпини познакомился при дворѣ хана съ однимъ Русскимъ, который былъ любимцемъ Гаюка и сдѣлалъ для него печать и тронъ изъ слоновой кости, украшенный золотомъ и дорогими каменьями, съ разными изображеніями. Онъ видѣлъ здѣсь также русскаго князя Ярослава, пріѣхавшаго изъ В[…]диміра съ поклономъ. Вельможи хана об[…]дились съ Ярославомъ довольно учтиво, […] онъ никогда не садился выше своихъ прис[…]вовъ, онъ и умеръ на возвратномъ пути […] Орды. Въ этихъ дальнихъ странствіяхъ [г]ибали многіе Русскіе; самъ Карпини видѣлъ […] степи кости бояръ Ярослава, умершихъ […] голоду. Русская земля тогда уже была об[…]жена данью. Баскакъ, посланный отъ Ба[…] и Гаюка, нахваталъ множество людей б[ез] разбора, переписалъ всѣхъ жителей Рос[…] какъ данниковъ, и обложилъ каждаго шкур[…] бѣлого медвѣдя, бобра, куницы, хорь[…] черною лисью, а не платившіе дани сд[ѣ]лись рабами Монголовъ. Впрочемъ по за[…] Чингисъ-Хана, духовенство избавлялось […] подати.

(Въ латинскомъ подлинникѣ и въ р[ус]скомъ переводѣ записки Плано-Карпини […]ходятся въ »Собраніи путешествій къ […]тарамъ.« Изд. Языкова, Спб. 1825).

Когда страшныя татарскія орды уг[ро]жали завоеваніемъ Европѣ, папа Инноке[нтій] IV на соборѣ въ Ліонѣ опредѣлилъ от[пра]вить посольство къ страшнымъ вра[гамъ] христіанства. Въ числѣ пяти мона[ховъ] посланъ былъ Іоаннъ де Плано—Карп[ини] въ 1245 г. Послы получили настав[ленія] отвращать Татаръ отъ Европы и поб[у]дать къ войнѣ съ Сарацынами и Турк[ами,] пытаться склонить монголовъ къ христі[ан]ству и собрать свѣдѣнія объ-этомъ м[ало] извѣстномъ народѣ. Плано-Карпини от[пра]вился чрезъ Германію, Богемію, Силе[зію,] Польшу въ Кіевъ, бывшій тогда во вла[сти] Татаръ, оттуда черезъ Днѣпръ, Дон[ъ и] Волгу въ Кипчакъ, которымъ владѣлъ […]тый. Отсюда поѣхалъ чрезъ земли Ку[ма]новъ къ хану Гаюку, начальнику всѣхъ М[он]гольскихъ Ордъ, и возвратился въ Евр[опу] послѣ 16-мѣсячнаго странствованія. Лу[чшее] изданіе, критически обработанное, Запис[окъ] Плано-Карпини слѣд: ,,Relation des M[on]gols on Tartares par le Frère Iean […] Plan de Carpin de l'ordre des Frè[res] Mineurs, légat du Saint Siège Apos[to]ligue, Nonce en Tartarie pendant […] années 1245, 1246, 1247, et Arche[vê]que d'Antirari. Paris. 1838''.

339. О мученической кончинѣ черни[гов]скаго князя Михаила и боярина Өео[дора] и. 1246.

Сій блаженный в. кн. Михайло […]уныя версты Бога възлюби и пречис[…]

терь, и умъ свой къ нему впе-
ротостію и милостынею къ убогимъ
пустошная міра сего отвергъ, бо-
о и славу суетную, иже есть хуж-
чины. Бысть нахождение безбож-
Гатаръ на землю Русьскую, гнѣ-
ожіимъ, за умноженіе грѣховъ на-
якоже при Нои и яко при Лотѣ
ожія на землю нахождааше, тако-
ъ послѣдняя времяна сія наведе
укою своею на землю христіань-
Се же грядущю гнѣву божію, бысть
мосланъ незнаемъ отъ Бога, скру-
ды, побѣжая брани, овіи убо за-
ся въ градѣхъ, в. же князю Ми-
держащю Кіевъ тогда, и пріѣхаша
отъ царя Батыя, онъ же слышавъ
льсти ихъ, и повелѣ ихъ избити,
побѣжа въ Угры и съ домачни-
ими; иніи же бѣжаша въ дальнія
; иныя же крыяхуся въ пещерахъ
ихъ, а иніи затворишася въ градѣ:
со слѣзами и покаяніемъ Богу мо-
, ти тако отъ поганыхъ немило-
избіени быша, а иже крыяхуся въ
и въ пещерахъ и въ лѣсѣхъ,
ѣхъ остася, тѣхъ же непоколицѣхъ
эхъ оставиша въ градѣ, и сочтоша
исло, и начаша на нихъ дань има-
э же слышавъ в. кн. Михайло,
:ися къ Кіеву и вси людіе съ
и еже бѣху разбѣглися на чужіе
пріидоша на свою землю. Татарове
аша звати нужею къ канови и Ба-
глаголюще имъ: »не подобаетъ
жити на земли Батыевѣ и кановѣ
донившеся има;« многи же ѣхавше
ишася ему. Обычай бо имѣя канъ
ий, аще кто пріидетъ поклонитися
е повелѣваша первіе привести предъ
приказаню бяше волхвомъ вести я
огнь и поклонитися кусту, и ог-
и идоломъ ихъ; а иже что прино-
съ собою дары цареви, и отъ
того взимающе волсви, и метахуть
ь, тоже предъ царя пущаютъ са-
мѣхъ съ дары. Мнози же князи съ бояры своими идяху сквозѣ огнь, и кланяхуся кусту и идоломъ, славы ради свѣта сего и прашааху койждо себѣ власти; они же безъ възбраненія даяхуть имъ, да прелестять я славою свѣта сего. Преподобному же в. кн. Михаилу пребывающу въ Черниговѣ, и видѣ многи прельщающася славою свѣта сего, и посла Богъ благодать и даръ св. Духа на нь, и вложи ему въ сердце ѣхати предъ царя Батыя и обличити прелесть его, еюже лестить хрестіяны. И пріѣха къ отцю своему духовному и повѣда ему, глаголя: »хощю ѣхати предъ царя Батыя.« И отвѣща ему отецъ его Иванъ: »мнози ѣздивше створиша волю поганаго, прелестишася славою свѣта сего, идоша сквозѣ огнь, и поклонишася кусту и солнцю, и погубиша душа и тѣлеса своя; и ты сыну княже Михаиле, аще хощеши ѣхати, не створи тако якоже прочіи, не иди сквозѣ огнь, ни поклонися кусту ни идоломъ ихъ, ни брашна ихъ яжь, ни питія ихъ пій, и не пріимай ничтоже скверна во уста своя; но исповѣжь вѣру християньскую, яко не достоить христіаномъ ничему же кланятися твари, но токмо единому Господу нашему Ісусу Христу.« Великій же князь Михайло и Ѳеодоръ болярин его глаголаста ему: »молитвою твоею, отче, яко же Богъ въсхощеть, тако да будеть; азъ бы того хотѣлъ, что за Христа моего кровь свою проліяти и за вѣру христіяньскую;« такоже и бояринъ его Ѳеодоръ глаголаше. И глагола имъ отецъ ихъ духовный: »вы будете въ нынѣшній вѣкъ новоявленна мученика христова на утвержение вѣрнымъ человѣкомъ, аще тако створита человѣчьскы.« Великый же князь Михайло и бояринъ его Ѳеодоръ обѣщастася тако створити, и благословистася у отца своего духовнаго; и тако отецъ ихъ духовный дасть имъ причастіе на путь, рекше прежесвященное, и благослови я и отпусти, глаголя има: »Господь Богъ да

укрѣпить ваю и пошлеть вамъ помощь святаго Духа, за негоже тщитася пострадати, за Христа кровь свою проліяти и за правовѣрную вѣру.« Тогда же в. кн. Михаилъ и бояринъ его Ѳеодоръ ѣхаста въ домы своя, и взяша отъ имѣнія своего, еже есть имъ на потребу на путь; многи же земля преѣхавшима, и доѣхаша до царя Батыя. И повѣдаша Батыеви о немъ: »кн. в. русскый Михаилъ пріѣха поклонитися тебѣ;« царь же повелѣ привести волхвы своя, волхвомъ же пришедшимъ предъ царя Батыя и рече имъ царь: »еже есть по обычаю вашему сътворите Михаилу кн. в. руському, и потомъ приведите его ко мнѣ. Волсви же пришедши ко кн. Михаилу, глаголаша ему: »Батый царь зоветъ та;« онъ же поимъ съ собою Ѳеодора боярина своего и идяше съ нимъ. И дошедше мѣста, идѣше бяше огнь накладенъ по обѣ стороны, и мнози погани идяху сквозѣ огнь и покланяхуся солнцю, и огню и кусту и идоломъ ихъ, волсви же хотѣша в. кн. Михаила и Ѳеодора болярина его вести сквозѣ огнь; в. же князь Михаилъ глагола имъ: »не достоить христіяниномъ ходити сквозѣ огнь, ни кланятися имже си кланяются; така есть вѣра христіяньская, не кланятися твари, ни идоломъ, но кланятися святѣй Троици, Отцю и Сыну и св. Духу.« Великый же князь Михаилъ глагола болярину своему Ѳеодору: »луче ны есть не кланятися, емуже ся сіи кланяютъ.« Они же оставлеше ихъ на мѣстѣ, идѣже бяху приведени, идоша же повѣдати цареви: »в. кн. Михайло руськый повелѣнія твоего не послушаеть, сквозѣ огнь не идеть, а богомъ твоимъ не поклоняется, а глаголеть тако: не достоить христіяномъ ходити сквозѣ огнь, ни покланитися твари, ни солнцю, ни идоломъ, но кланятися створшему вся Отцю и Сыну и св. Духу. Царь же възъярився велми, и посла единого отъ велможъ своихъ, столника именемъ Елдегу, и рече: »почто

повелѣніе мое преобидилъ еси, б
могимъ не поклонился еси? то отсел
не отъ двою избери себѣ живот
смерть: аще повелѣніе мое сти
живъ будеши и великое княжен
все пріимеши: аще ли не прошед
зѣ огнь и непоклонишися кусту, н
цю, ни идоломъ, то злою смерті
ши.« Тогда отвѣща в. кн. Михаилъ:
бѣ царю кланяюся, понеже ти пр
Богъ царствіе и славу свѣта се
емуже си кланяются, то азъ не к
ся:« И рече ему Елдега: »Михаил
домо буди мертвъ еси.« Великий
князь Михайло рече ему: »азъ т
хощю еже за Христа пострадати, и
правовѣрную вѣру кровь свою пролі
Тогда же глагола ему князь Борис
стовскій съ плачемъ: »господине о
поклонися, створи волю царевy«, Б
Борисовы глаголаша: »вcѣ за ти е
мію пріимемъ, княже, со всею о
своею.« Рече же имъ в. кн. Ми
»не хощю азъ именемъ токмо
христіянъ, а дѣла творити погa
Егда же си глаголаше къ нимъ
Михаилъ, бояринъ же его Ѳеодоръ
шляше въ себѣ глагола: »егда к
лабѣеть в. кн. Михаилъ, моленіемъ
помянувъ женьскую любовь и дѣті
каніе, и послушаеть сихъ моленія;«
да помянувъ Ѳеодоръ бояринъ его
отца своего духовнаго, и рече в. кн.
хайлу: »помниши ли, господине,
отця своего духовнаго, еже учаш
отъ св. евангелія? рече бо Господ
хощеть душю свою спасти, погуб
а иже погубить душю свою мене р
евангелія, то спасеть ю; аще ли
кто отвержется предъ человѣкы, от
ся его и азъ предъ Отцемъ моимъ
есть на небесѣхъ.« Сія же гла
Ѳеодору къ в. кн. Михаилу, они
чаша молити, да послушаеть ихъ;
князь Михайло глаголаше къ нимъ
послушаю васъ, на душа своея пог

,нма съ себе кочь свой и верже
», глаголя: »пріимите славу свѣта
азъ не хощю.« Слышавъ се Ел-
ю си не увѣщаша его, тогда ѣха
повѣдати еже глаголаше ему ве-
князь Михаилъ. Стоящима же на
гомъ, множество крестьяныхъ и
ъ слышаху словеса сіи, яже от-
кн. Михаилъ царю. Тогда бла-
сій в. кн. Михаилъ и бояринъ
дорь начаста пѣти себѣ; по отвѣ-
вдаста себѣ причастіе, еже бѣ
ъ отецъ ихъ духовный, и благо-
я на то яже пострадати за Хри-
глаголаху предстоящіи: »княже
! идуть отъ царя убивать ваю:
гася, жива будета.« Великый же
ихаилъ и бояринъ его Өеодоръ
нѣми усты отвѣщаста: »не клани-
слушаевѣ васъ; славы свѣта се-
ощемъ.« И начаста себѣ пѣти:
ици твои, Господи, не отвергоша-
, ни отступиша отъ заповѣдій
« и пакы: »страдавше тебѣ ради,
многыя мукы претерпѣша,« и
мученича. Сія же блаженная,
шася надежею христовою и моли-
в. мученикъ, стаста яко стодпа
ебдема и неподвижима. Тогда же
ти оконьни прискѣша, и сночиша
, и яша святаго в. кн. Михаила
бнаго, растягоша за рудѣ и за
начаша его бити рукама по серд-
посемъ повергоша его ниць на зе-
біяхуть его пятами; и сему же
надолзѣ, нѣкто же бывъ преже
инъ, послѣди же бысть поганъ и
реступникъ, отвергся вѣры хри-
кыя, именемъ Доманъ, Сѣверя-
одомъ, и огорчися, отрѣза ножемъ
св. мученику в. кн. Михаилу и
о ю прочь. Потомъ же глаголаша
у его Өеодору: »ты поклонися бо-
ащимъ, жавъ будеши и пріимеши
іе князя твоего.« Глагола же имъ
ь: »не хощю знаменія господина
своего в. кн. Михаила, а богомъ вашимъ
не кланяюся; но хощю пострадати за
Христа, якоже и князь мой.« Тогда же
Өеодора начаша мучити, якоже прежде
в. кн. Михаила, послѣди же честную его
главу отрѣзаша. Ти тако пострадаста бла-
годаряще Христа, предаста святѣи своя
души въ руцѣ Господеви, новосвятая му-
ченика: святая же тѣлеса ихъ повержена
быста псомъ на снѣденіе. На многы же
дни лежащима има, божіею благодатію
съхранены быста невредены тѣлеси ею;
но человѣколюбецъ Богъ милосердый Го-
сподь нашь, прославляя святыя своя
угодникы, посрадавша его ради за право-
вѣрную вѣру христіяньскую, столпъ ог-
ненъ явися надъ тѣлесѣхъ ею сіяющъ
пресвѣтлыми зарями, и свѣща многы го-
ряща, и пѣнія ангелская слышаху на
утвержденіе христіяномъ и на обличеніе
тѣмъ, еже оставише Бога истиннаго и
покланяхуся твари, и на устрашеніе по-
ганымъ. Святѣи же и честнѣи тѣлесѣ ею
нѣкыми христіяны богобоязливыми мужи
сохранени быша. Бысть же убіеніе ею
м. сентября въ 20 день; ею же молит-
вами и моленіемъ достойни будемъ обрѣ-
сти милость и отпущеніе грѣховъ отъ
Господа нашего Ісуса Христа, въ нынѣш-
ній вѣкъ и въ будущій.

(*Пол. Собр. Лѣт. V, 182—186*).

Это сказаніе составлено священникомъ Андрѣемъ, который, вѣроятно, былъ свидѣтелемъ кончины Михаила въ Ордѣ.

240. Даніилъ въ Ордѣ 1250 г.

Приславшу Могучѣеви посолъ свой къ
Данилови и Василкови, будущю има во
Дороговьскы: »дай Галичь«. Бысть въ
печали велицѣ, зане не утвердилъ бѣ

землѣ своея городы, и думавъ съ братомъ своимъ и поѣха ко Батыеви, река: »не дамъ полуотчины своей, но ѣду къ Батыеви самъ«. Изиде же на праздникъ св. Дмитрѣя, помолився Богу, и приде Кыеву, обдержащу Кыевъ Ярославу бояриномъ своимъ Ейковичемъ Дмитромъ; и пришедъ въ домъ архистратига Михаила, рекомый Выдобичь, и созва калугеры и мнискій чинъ, и рекъ игумену и всей братьи, да створять молитву о немъ—и створиша,—да отъ Бога милость получитъ; и бысть тако, и падъ предъ архистратигомъ Михаиломъ, изыиде изъ манастыря въ лодьи видя бѣду страшьну и грозну. И пріиде Переяславлю, и срѣтоша Татарове. Оттуда же ѣха къ Куремѣсѣ и видѣ, яко нѣсть въ нихъ добра, оттуда же нача болми скорбѣти душею, видя бо обладаемы дьяволомъ: скверная ихъ Кудешьская и Чигизаконова мечтанья, скверная его кровопитья, многыя его волъшбы; приходящія цари, и князи и велможѣ, солнцю и лунѣ и земли, дьяволу и умерш‍имъ въ адѣ отцемъ ихъ и дѣдомъ и матеремъ, водяше около куста покланятися имъ. О скверная прелесть ихъ! Се же слыша велми нача скорбѣти. Оттуда же приде къ Батыеви на Волгу, хотящу ся ему поклонити. Пришедшу же Ярославлю человѣку Сънъгурови, рекшу ему: »братъ твой Ярославъ кланялъся кусту, и тобѣ кланятися«; и рече ему: »дьяволъ глаголеть изъ устъ вашихъ, Богъ загради уста твоя и не слышано будеть слово твое«. Во тъ часъ позванъ Батыемъ, избавленъ бысть Богомъ злого ихъ бѣшенія и кудешьства, и поклонися по обычаю ихъ и вниде во вѣжю ихъ. Рекшю ему: »Данило! чему еси давно не пришелъ, а нынѣ оже еси пришелъ, а то добро же; пьеши ли черное молоко, наше питье, кобылій кумузъ«? Оному же рекшу: »доселѣ есмь не пилъ, нынѣ же ты велишь, пью«. Онъ же рече: »ты уже нашь же Татаринъ, пій

наше питье.» Онъ же испивъ ...
ся по обычаю ихъ, изъмолвя сло...
рече: »иду поклониться великой ...
Баракъчинови«. Рече: »иди«. П...
клонися по обычаю: и присла ви...
и рече: »не обыкли пити моло...
пиво«. О злѣе зла честь тата...
Даниловi Романовичю князю бы...
лику, обладавшу рускою землею, ...
вомъ и Володимеромъ и Галичем...
братомъ си (*содимъ*) инѣми стр...
нынѣ сѣдить на колѣну и холоп...
зываеться, и дани хотять, жи...
чаеть, и грозы приходять. О зл...
татарьская! Его же отець бѣ ц...
руской земли, иже покори Полов...
землю и воева на иные стран...
сынъ того не прія чести: то ...
кто можеть пріяти? Злобѣ ихъ ...
нѣсть конца: Ярослава великого ...
суждальского зеліемъ умориша, ...
князя Черниговьскаго, не покл...
кусту со своимъ бояриномъ Ѳе...
ножемъ заклана быста, еже вѣ...
ста мученицкы; инія мнозія кня...
ни быша и бояре. Бывшу же ...
нихъ дній 20 и 5, отпущенъ бы...
поручена бысть земля его ему, ...
бѣяху съ нимъ; и приде въ зем...
и срѣте его братъ и сынове его, і ...
плачь обидѣ его, и болшая бѣ р...
о здравьи его.

(*Ипат. 184—5*)

340. Возстаніе противъ Татаръ

Въ лѣто 6769. Въ лѣто 6770 (12...
Избави Богъ отъ лютаго томленія б...
меньскаго люди Ростовскія земля, ...
вами св. Богородица, и вложи ярость ...
стіяномъ въ сердце, не терпящимъ ...
лія отъ поганыхъ; и созвониша вѣ...
выгнаша изъ городовъ, изъ Ростова,
Володимеря, изъ Суздаля, изъ Ярос...

Переяславля. Откупаху бо ти ока-
бесермени дани у Татаръ, и отъ
елику пагубу людемъ творяху, ра
це люди христіяньскыя въ рѣзѣхъ
остахъ, процентахъ), и мнози
разведени быша; видѣвъ же се бля-
еловѣколюбецъ Богъ нашь, и моле-
атерня послушавъ, и избави люди
отъ великыя бѣды милосердіемъ
ь: Того же лѣта убиша Зосима
пника; той бѣ мнихъ образомъ то-
отонѣ же съсудъ, бѣ бо піяница,
ословецъ, и празнословецъ, кощюн-
конечнѣе же отвержеся Христа и
бесерменинъ, въступивъ въ пре-
лжаго пророка Махмета. Бѣ бо того
ріѣхалъ посломъ на Русь отъ царя
каго именемъ Кутлубѣя, золъ сы
енинъ; того поспѣхомъ окаанный
икъ (*отступникъ*) вѣры творя
номъ велику досаду, и кресту и
рквамъ ругаяся. И егда людіе по
ъ на враги своя гнѣвахуся, и под-
ся на бесерменъ, и изгнаша я
изъ градовъ, а иныхъ избиша, тогда
безаконнаго и скверного и зако-
тупника и еретика Зосиму убиша
родѣ Ярославѣ. Бѣ бо тѣло его
пища) псомъ и враномъ, а ноги
злое бѣху быстри, тѣ же влачи-
ку отъ псовъ по граду, всѣмъ лю-
а удивленіе.

(П. С. Лѣт. V, 190).

насъ мало обращают вниманія на частную
народа съ Татарами, а ограничиваются толь-
й борьбой княжеской съ ними: борьба народ-
разныхъ мѣстностахъ, особенно по украй-
велась постоянно и много содѣйствовала
оружія князей противъ Татаръ.

342. Убіеніе князя Романа.

1270 г. убіенъ бысть князь Ро-
Олговичь рязанскій отъ погаными Татаръ; и бысть сице убіеніе его: заткоша уста его убрусомъ, и начаша рѣзати его по суставамъ и метати разно, и яко разоимаша, и остася трупъ единъ, они же одраша главу его и на копіе взоткоша. Сей новый мученикъ есть подобенъ страстію Якову Перьскому. О, возлюбленіи князи русьстіи! не прельщайтеся пустошною славою свѣта сего, еже хуждьше паучины есть, яко сѣнь мимоидеть; не принесосте бо ничтоже на свѣтъ сей, ни отнести что можете; да не обидите меньшихъ сихъ сродниковъ своихъ, ангели бо ихъ воину видять лице Отца вашего, иже есть на небесехъ; възлюбите чистоту и правду, да радости святыхъ сподобитеся, якоже сій блаженный Романъ купи страстію царство небесное и вѣнець пріятъ отъ руки господня, съ сродникомъ своимъ княземъ Михаиломъ черниговскимъ. Убіенъ же бысть м. іюля въ 19 день.

(I Софійс. 197).

343. Житіе Петра ордынскаго царевича [1].

Святому архіепископу ростовскому Кирилу ходящу (1262 г.) в Татары съ честію къ царю Берки (*ум. 1266 г.*) за домъ св. Богородица; царь же слышавъ отъ него, иже о св. Леонтіи, отъ Греческія земли родомъ, и како благословеніемъ патріарха пріиде; како крести градъ Ростовъ, и како увѣри люди и како честь пріа (отъ) рускихъ князей и отъ греческаго цара и отъ патріарха вселѣньскаго собора; како по преставленіи

---

(1) Петръ крестился и жилъ въ концѣ XIII стол., а Житіе его составлено не ранѣе 1462—67 г. Кирилъ посвященъ въ епископа 1231 и ум. 1262 г.

его съ дѣвающая чюдеса прославлена отъ рака мощей его и до сего дни, и има многа ученія отъ евангельскихъ указаній глаголя. И слышавъ царь Берка отъ епискона, возрадовася, и почести воздa ему, его же требуетъ, и отпусти й съ миромъ царь Берка; но его животѣ много прославстія годовыя оброки носить на гробъ. В тоже лѣто разболѣся сынъ его, единъ бо бѣ у него; царь же отъ врачевъ не обрѣте никоея пользы, и умысли сице: посла в Ростовъ по святаго владыку—и обѣща ему дары многа, да исцѣлить сына его. Владыка же повелѣвъ пѣти молебны в Ростовѣ по всему граду; *освятивъ воду и пришедъ въ Татары, и исцѣли сына царева.* Царь же возрадовася со всемъ домомъ и всею ордою своею, и *повелѣ давати владыцѣ оброки годовыя* в домъ св. Богородица. Некто же отрокъ брата царева, сынъ юнъ сый, предстоя предъ царемъ всегда, слыша поученіе св. владыкы, умилися душею и прослезився, выходя на полѣ уединяяся и размышляя, како си вѣруютъ царе наши солнцу сему и мѣсяцу и звѣздамъ и огневи? кто сей есть истинный Богъ? Размышляя. аки древній Авраамъ, отъ благаго корени я лѣторасль блага, и умысли сицѣ уйти съ святымъ видѣти божницу (*церковь*) Руськыя земли, чюдѣса бываема въ нашихъ божницахъ: отъ солнца сего и отъ мѣсяца и огня не бываютъ. Бѣ бо тогда отцу его брату царевy умерщу, а матери его дръжащу многа имѣнія ему: онъ же вся та ни во что же вмѣне душею своею, развѣе единоя вѣры. Мати же его слѣвающи о размыслѣ отрока, и показа ему имѣнія многа отца его; онъ же вся та раздa нищимъ татарскымъ требующимъ, и много имѣнія владыцѣ давъ, и устався всѣхъ...

Пріидо съ владыкою в Ростовъ и видѣ церковь украшену златомъ и жемчюгомъ, и драгимъ каменіемъ, аки невѣсту украшену, в ней пѣнія доброгласна, аки ангельскаа: бѣ бо въ [illegible] св. Богородицы тогда лѣвый [illegible] греческимъ пому, а правый [illegible] Слышавъ же сія отрокъ сій, [illegible] вѣтріи (*съ подоуманіи*), и въ [illegible] ріся въ сердцы его, и всія [illegible] души его. И припаде к ногам [illegible] дыкы и рече: »господи святе [illegible] азъ размышляхъ о богѣхъ [illegible] родительскыхъ—о солнцѣ, и о [illegible] о огнѣ, яко тварь суть, а [illegible] права и добра, вашъ Богъ [illegible] молю ти, да быхъ и азъ пріялъ [illegible] щеніе«. И владыка почти й, и [illegible] ждати: бѣ бо размышляя о [illegible] ка; и по малѣ преставися царь [illegible] умершу, и Ордѣ мятущися, и [illegible] отроку не бѣ,—и просви отрока [illegible] Кирилъ, и нарече имя ему Петр. [illegible] Петръ ученіе господне (*служба*) [illegible] дни во святилищѣ и у владыки; [illegible] ставися св. владыка Кирилъ, и [illegible] бояше его честно, с пѣсньми [illegible] память! И пріа престолъ св. [illegible] Игнатей ([1]), и нача церковь [illegible] воать и дно постити [illegible] св. Богородицы ростовскыя, *въ Ор[illegible] дяще емля оброкы царскыя.* [illegible] же, яко обычие у владыкы, [illegible] чевныя дневныя и нощныя [illegible] Богу, непрестанного поста [illegible] и царскіа своея не преставая [illegible] выѣздяй при озѣре Ростовстѣмъ [illegible] птицами лова.

Единому же ему при озѣри [illegible] обычнѣй молитвѣ, уснy,—и [illegible] боку сущу, пріидоста к нему [illegible] свѣтла суща, аки солнцѣ, и [illegible] й глаголюще: »друже Петре, [illegible] бысть молитва твоя, и милостыни [illegible] пріидоша предъ Богомъ«. Оле [illegible] тіе! како не удивися милостыней [illegible]

---

[1] Игнатій былъ епископомъ съ 12[illegible] 1288 г.

ріи раздаванный, а в вѣрѣ услы-
іти... Петръ же возбнувъ (*про-*
и видѣ два сія мужа, паче въ-
ловѣча, мнѣти ему отъ ужасти,
блакъ, а свѣтлостію аки весь
нощи, въ ужасти ставъ и паде
ьста и надеся, и третіе такоже.
вѣтлая мужа яста за руку его
іеста ему: »друже Петре, не бой-
есмя послана и тобѣ Богомъ,
вѣрова и крестися, укрѣпи(ти)
и племя и внуцы твои до скон-
а, и въздати тобѣ мзду мило-
оея, а противу трудомъ твоимъ
благая пріимеши«. И въда ему
ильника), и глаголаста: »возми
а, въ единомъ ти злато, а въ
серебро; утро идѣши въ градъ,
ши 3 иконы, икону св. Богоро-
младенцемъ, икону св. Дмитрѣа
иколы, и вдаси на нихъ еже про-
іящіи«. Петръ же възрѣвъ на ня
аки человѣка, и взя мѣшца, и
ко въ татарѣхъ племя его укрѣ-
и не разумѣ глаголемаго ими, и
: »господье мои, аще въспро-
іящіи мешцевъ отъ иконъ, что
а вы кто есте«? И рѣста ему
иая мужа: »мѣшца сія держи у
неусѣ инѣми невѣдоми, а просять
9 сребряныхъ и 10-й злата,
іже по единому, и вземъ иконы
і къ владыцѣ и рци ему: Петра
Христова апостола посласта мя
а устроиши церковь, идѣже спахъ
и; а се знаменіе ею (*ихъ*): ико-
ымѣнихъ, а мѣшца сія вдаста ми,
иъ велици сътворити, елико ти
сотвори; а мы есмы Христова
Петръ и Павелъ«,—и невиди-
і... В той нощи явистася стра-
тая апостола владыцѣ и рѣста
устроиши церковь и епископью
шему Петру, много бо злата въ
ю вдавъ, освятиши ю (*ее*) в наше
ь ли сего не сътвориши, то смер-
тію уморитъ тя«—и се рекше невидими
бысте. И св. Игнатей вста отъ сна, и
размышляя о видѣніи злата и сребра въ
епископьи, и призва князя и рече ему,
»что сътворю невѣде: явистанися Петръ
и Павелъ, аки зракъ на иконѣ написанъ
ею, устраши(ша) мя, а глаголы ею устро-
ити церковь ею, невѣмъ гдѣ, камо«.
Князь же рече ему: вижду тя, господи,
ужасена суща. Сіа же имъ бесѣдующа въ
епископьи, и узрѣ князь Петра идуща отъ
церкви св. Богородица въ епископью, и
свѣтъ сіяющь отъ иконъ его выше цер-
кви паче огня. И ужасеся и рече: о вла-
дыко, что есть сій огнь?—мнѣти имъ че-
ловѣка горяща, инъ же никтоже не ви-
дяше огня. Петръ же утро иде въ градъ
иземъ иконы, по повелѣнію св. апостолъ,
иде въ епископью и поставлей иконы предъ
княземъ и владыкою и поклонися до зе-
мли и рече: »о владыко, Петръ и Па-
велъ Христова апостола посласта мя к то-
бѣ, да устроиши церковь, идѣже азъ спахъ
при езѣре, а се ти есть зна(меніе) ею,
а мѣшца сія вдаста ми, да что ми вели-
ши сътворити«? Бѣже в то время предъ
службою; князь же и владыка въста и
поклонися св. иконамъ, и невѣдяху отку-
ду: иноца въ градехъ не бысть. Петра
знаяху суща отъ татаръ, и въпрашахуть
и: кто суть нося щіи иконы сія? Петръ
же рече: »на торгу вымѣнихъ я, госпо-
ди«. И размышляхъ о видѣніи, аще сему
быти; свѣту же сущу въ храминѣ отъ
иконъ, идѣже бѣаху, яко солнцѣ. И вси
предстоящіи ужасошася, и по службѣ пѣвъ
молѣбны, и почти св. Игнатей Петра, и
повелѣ взяти на колесницу съ иконами,
и повелѣ итти до мѣста, идѣже спа. Самъ
же владыка и князь и весь градъ прово-
диша с пѣсньми иконы до мѣста Петрова,
и на мѣстѣ спанія пояста молебны св.
апостоламъ. Князь же и владыка со сле-
зами на молебнѣ и радостію призваста имя
св. апостолъ Петра и Павла, и *обрѣко-*
ста имъ домы и села. Сія молебны

пояху—и людіе клѣть сградиша повелѣніемъ князя, и привезше изъ града, плотомъ оградивше и възвратишася. И ту Петръ иконы постави; князь же всѣдъ на конь, и глумяся изрече Петру: »Петре, владыко тобѣ церковь устроитъ, а азъ мѣста недамъ, что съворишн«? Петръ же рече: »повелѣніемъ, княже, св. апостолъ, азъ куплю у тобѣ, елико отлучитъ благодать твоя, и земля сіа«... И рече играя Петру: »Петре, въпрошу тя, якоже вда на иконахъ, сице по моеі земли кладеши ли 9 литръ сребра, а 10-й злата? Сътвориши ли тако«? Петръ же рече: »святіи апостоли рекоша ми, якоже владыка ми повелитъ створити, сътворю да въпрашаю, господи«. И въпраша владыкы, владыка же вземъ крестъ благослови и рече: »чадо Петре, господь рече своими усты всякому просящему дай, ты убо непощади родитель именіа«... Петръ же поклонися владыцѣ до земля, вѣруя въ глаголъ его; пришедъ ко князю и рече ему: »да будетъ, княже, воля св. апостолъ и твоя«. И повелѣ князь извлещи вѣрвь отъ воротъ до воды, отъ воротъ до угла, отъ угла возлѣ езера: се мѣсто великое. Петръ же рече: »да повелиши княже ровъ копати, якоже въ Ордѣ бываетъ, да не будетъ погыбѣніа мѣсту тому«. И бысть тако: граждане же, иже провождаша иконы, въ той часъ ископаша ровъ, иже есть и до нынѣ. Петръ же нача отъ воды класти, емля изъ мешецъ по единому, 9 литръ сребра, а 10-й златъ и наполниша возила петровыхъ кунъ *(денегъ)*, и тыя колѣсница, на нихже клеть въздааху, едва можаху какъ подвизати ихъ. Видѣвъ же князь и владыка множество злата и сребра, еже бысти 10 выходъ дати *(т. е. за 10 лѣтъ, татарскихъ податей)*, а мешцы цѣлы,—и рекоста к собѣ: »что се есть, Господи, не по нашимъ грѣхомъ сіа сотворишася! Велію бо благодать человѣкъ сей обрѣте предъ Богомъ, по силѣ св.

апостолъ«. И поставльша стражбы
ра у Петрова обѣщанныя людіе,
молѣбнѣ, и повелѣша Петру итти
и бысть радость веліа во градѣ,
Петра великою честію и многыми
на многы дни поюще молебены,
славяху Бога и св. апостолъ о
бывшемъ в наша дни; *и многу*
бывшу милостыня и кормле
щихъ. Не вѣдяше же Петръ, что
творися о чюдеси семъ и бѣ
пяася. Видѣвъ же князь и влады
тра умолкающа и рекоша к собѣ:
сей мужь, царево племя, иде(тъ)
ду,—и будетъ спона граду
бо Петръ возрастомъ великъ и
красенъ. И рече ему: Петре,
поймавѣ за тя невѣсту? Петръ
слезився и отвѣщавъ: »азъ госпо
злюбихъ вашу вѣру, и оставль
скую вѣру и пріидохъ к вамъ:
сподня и ваша будетъ«! князь же
ему отъ великихъ вельможъ невѣст
ша бо тогда в Ростовѣ ординьстіи
можи. Владыка же вѣнча Петра
церковь ему и святи ю, по запо
апостолъ. Князь же поимаше Петр
царскую утѣху около езера съ
тѣшаше его, дабы ся в нашей вѣр
жалъ, и рече ему: »Петре, велію
годать обрѣте предъ Богомъ (себѣ)
ду нашему, писано бо есть: что
господеви о всѣхъ, яже въздасть
Прими, господине Петре, малое
мля нашіа отчины противу дому св.
столъ отъ езера сего; азъ тобѣ гра
испишу«. Отвѣщавъ же Петръ: азъ
же отъ отца и матери не знаю
владѣти, а грамоты сіа чему суть?
же рече: »азъ тебѣ все уряжу Петр
грамоты суть на се, да не отым
тѣхъ земель мои дѣти и внуцы у
внукъ по насъ«. Петръ же рече:
господня да будетъ, княже! И
князь предъ владыкою грамоты
множество земли отъ езера воды

ь и до нынѣ, и урядиша ему до-
го землямъ. Орда же тѣха (*ти*-
тогда на многа лѣта. Бяху бо
сладцы отвѣти, добрыа обычая
, и тольми любляше князь Пе-
и хлѣба без него не ясти, яко
братати Петра въ церкви съ
(1), и прозваста Петра брата
I родиша(ся) Петру сыновѣ в не-
, и по малѣхъ лѣтехъ св. Игна-
гавися, пріятъ царство небесное—
ему память! Старый же князь
ѣ не по многѣхъ днехъ престави-
же князя дѣти зваху Петра дя-
старости,—и (бысть) миръ на
лѣта. Поживъ же преставися
ь глубоцѣ старости, въ мнишес-
у къ господу отъидѣ, егоже воз-
положиша у св. Петра у его
и отъ того дни уставися мона-
й. Внуцы же стараго князя за-
тра и добродѣтель его, начаша
лузи и украйны земель у Пе-
дѣтей; сынъ же Петровъ шедъ
, сказася брата царева внукъ,—
вашася ему дяди его, и почти-
и многы дары даша ему и по-
царя исправиша ему. Пришедъ же
аревъ в Ростовъ и возрѣвъ въ
ты Петровы стараго князя и су-
и положи рубежъ землямъ по
ь стараго князя и оправи Петро-
и вда ему грамоту со златою
еже у младыхъ князей, и внукъ
князя по цареву слову, отъидѣ.
же князи рѣша в себѣ и своимъ
: слышахомъ еже родители наши
дею его отца Петра, дѣдъ бо
го сребра у него взятъ и бра-
имъ въ церкви, а родъ татар-
сть не наша, что есть намъ за
сребра намъ не остави ни сей ни родители наши«. Сицевыми бесѣдами глаголаху и не искаху чюдотвореніа св. апостолъ, а прародителю любовь забыша; и тако пожиша лѣта многа, зазирающе Петровымъ детемъ, еже въ ордѣ выше ихъ честь пріимаху. Сыну же петрову родиша сыновѣ и дщери, въ глубоцѣ старости къ господу отъиде; внукъ же Петровъ именемъ Юрье, якоже навыче у родителей своихъ, честь творити св. Богородици въ Ростовѣ и гривны на ню возлагати, и пированія владыкомъ и всему клиросу и собору церковному, и праздникомъ св. апостолъ Петра и Павла, и память творити родитель и прародитель—вѣчная ихъ память по вся лѣта! Ловцемъ же ихъ задѣвахутца рыбы паче градцкихъ ловцевъ: аще бо играя петровстіи ловцы ввѣряли суть сеть, то множество рыбъ; а градстіи ловцы тружающеся много, оскудѣваху. Рѣша же ловцы: »Господіе князи, аще петровстіи ловцы непрестанутъ ловити, то езеро наше будетъ пусто; они бо вся рыбы поймаху.« Правнуцы же стараго князя глаголаша Юрью: »слышахомъ исперва, еже дѣдъ вашъ грамоты взя у прародитель нашихъ на мѣсто монастыря вашего и рубежи землямъ его; а езеро есть наше, грамоты нань не взясте, да уже не ловятъ ловцы ваши.« И збыстся пророчество стараго князя брата Петрова, еже рече о обидѣ внукъ предъ грамотою. Слышавъ же сія, Юрьи внукъ Петровъ, иде въ Орду, и сказася правнукъ брата царева; дяди же честьми многими почтоша и дары многы даша и посолъ у царя исправиша ему. Пріиде посолъ въ Ростовъ и сѣдъ при езерѣ у св. Петра, и бысть боязнь княземъ царева посла, и суди ихъ съ внуки Петровыми. Юрье же предъ посломъ положи вся грамоты, и посолъ возрѣ въ грамоты и рече княземъ: »не ложь ли суть грамоты сія и купля сія? ваша ли есть вода, есть ли подъ нею земля? можете ли воду сняти съ земли

—

(1) Обрядъ побратимства совершался въ церк-
...ихъ славянскихъ народовъ.

той?« И отвѣщаша князи реша:—ей господи, не ложь суть грамоты сія; а земли подъ нею несть, а вода наша есть вотчина, господине, а сняти ей не можемъ. И рече посолъ сице царевъ судія: »аще не можете сняти воду съ земля, то почто своею имѣнуета? а сотвореніе есть вышняго Бога на службу всѣмъ человѣкомъ.« И присуди внукомъ Петровымъ Юрью, »какъ есть землямъ купля, такъ и водамъ,«—и вдасть Юрью грамоту съ златою печатію по цареву слову, и отъиде, князи же не можаху зла сътворити ничтоже Юрью. И утѣшися житіе на многа лѣта, и славляху Бога, якоже навыкоша у родитель своихъ творити, памяти св. апостолъ съ слезами и радостію, поминающе съ воздыханіемъ чюдеса ихъ и памяти годовніи родитель с великими милостыняии. Возрасте же правнукъ Петровъ, а Юрьевъ сынъ Игнатъ, и при его животѣ сдѣяся сія: пріиде Ахмылъ на Рускую землю и пожже градъ Ярославль, и пойде к Ростову с всею силою своею. И устрашися его вся земля, и бѣжаша князи ростовстіи и владыка побѣже Прохоръ (¹). Игнатъ извлече мечь и угна владыку и рече ему: »аще не идеши съ мною противу Ахмыла, то самъ посѣку тя: наше есть племя и сродичи.« И послуша его владыка, и ко всѣмъ клиросомъ взирахъ, вземъ крестъ и хорюговь, и пойде противу Ахмыла; а Игнатъ, предъ кресты съ гражданы, вземъ тѣшь царьскую—кречеты, шубы и питіе, и край поля езера ста на колѣну предъ Ахмыломъ, и сказася ему древняго брата царево племя; а се есть село царево и твое, господи, купля прадѣда нашего, идѣже чюдеса творяхуся господи. И страшно, еже видѣти рать его вооруженну, и рече Ахмылъ: »ты тѣшь подаеши, а сіи суть в бѣлыхъ ризахъ и хорюговь, егда сѣщися с нами хотять?« Игнатъ отвѣщавъ: сіи богомольцы церкви суть, да благословятъ тя; а се божницу по закону нашему. В томъ мя у *Ярославля, в тяжцѣ быстъ сынъ Ахмыловъ, вожахут на возилѣхъ,—и повелѣ вести да благословитъ его; владыка Прохоръ святи воду, и вда ему ти, и благослови его крестомъ— быстъ здравъ.* Ахмылъ же видѣ здрава, възрадовася, и сниде с коня противу крестовъ, и въздѣвъ руцѣ и рече: »благословенъ Богъ вышній, вложи ми в сердцѣ идти до здѣ, денъ еси, господи Прохере, яко твоя въскреси сына моего! Благослови ты Игнатій, иже упасе люди своя сій, царева кость— наше племя; здѣ будетъ обида, да неленися нась.« И веземъ 40 литръ сребра, владыцѣ, а 30 литръ дасть клиросу,— и взя тѣшь у Игната и поклонися дыцѣ, и взыдѣ на конь, и отъиде своясн. Игнатъ же провожая Ахмыла возвратися съ владыкою и съ гражданы, и возрадовашася, и пѣвъ молебенъ, прославиша Бога. Дайже Господи почитающимъ и пишущимъ древнихъ прародитель дѣянія здѣ и в будущемъ вѣце; а Петрову роду сему соблюдение умноженіе живота, не оскудѣетъ бес печали,—вѣчная ихъ память до скончаніа міру! Богу нашему слава, и нынѣ и присно, и ввѣки вѣкомъ, аминь.

(Правосл. Собесѣдн. 1859 I. 3, стр. 356).

(¹) Прохоръ былъ епископомъ въ Ростовѣ 1311—1328 г.; нашествіе Ахмыла случилось въ 1322 г. П. С. Лѣт. III, 72; IV, 49. VII, 198.

Обратить вниманіе, какъ вѣра христіанская и цивилизація Руси дѣйствовали на Татаръ.

Сказаніе о Михаилѣ Тверскомъ (1).

блаженный, приснопамятный, бого-
й князь Михайло Ярославовичь,
ı. кн. Всеволода Юріевича, скон-
в ему нужною смертію въ Ордѣ
тіяны; роди же ся воистину отъ
ıыя и преподобныя матери в. кня-
ксиніи, егоже св. та и мудрая
спита въ страсѣ господни и научи
гамъ и всякой премудрости. Кня-
иму въ отчинѣ своей во Тфѣри,
ися в. кн. Андрѣй, и благослови
свой столъ на в. княженіе сего
юбиваго кн. Михаила, емуже по
пиньству дошелъ баше степень
ія великого; и поиде въ орду ко
якоже и преже его князи быв-
ваху обычай тамо взимати вел. кня-
Въ то же время сыновецъ его в.
ій Даниловичь поиде въ Орду же;
ему бывшю въ Володимери, блажен-
е и приснопамятный митрополитъ
і и всея Руси Максимъ съ многою
браняшеть итти въ Орду, глаго-
азъ имаюся тебѣ съ в. княгинею
ю матерію в. кн. Михаила, чего
шь изъ отчины вашея, то ти
Онъ же обѣщася, рекъ: »хотя,
иду въ Орду, но не хощу в. кня-
И бывшю ему въ Ордѣ, не хо-
человѣчю добра всепагубный врагъ
, вложи въ сердце княземъ татарь-
свадиша братію, ркуще в. кн.
Даниловичу: »оже ты даси выходъ
кн. Михаила тфѣрьского, мы тебѣ
княженіе дадимъ;« и тако пре-
а сердце его, и нача искати в. княженія. Обычай бо поганыхъ и до сихъ мѣстъ внещуще вражду межю братія князей русьскыхъ, и себѣ болшая дары взимаху. И бывши прѣ велицѣ межи ими, и бысть тягота велика въ Русьской земли за наша согрѣшенія... Но милостію пресв. Богородица и всѣхъ святыхъ, пріиде благовѣрный князь Михайло въ Русь, и посаженъ бысть на столѣ в. княженія въ Володимери блаженнымъ и приснопамятнымъ м-томъ кіевскимъ и всея Руси Максимомъ. Княжившу же ему 8 лѣтъ на в. княженіи, а въ Ордѣ сѣде иный царь именемъ Озбякъ, войде въ богомерзьскую вѣру Срачиньскую, и оттолѣ наипаче не пощадѣти нача роду христіяньского. Якоже бо о таковыхъ рекоша царьскыя дѣти, иже плѣнени въ Вавилонъ, сице глаголааху: предасть ны въ руцѣ царю нечестивому, и законопреступному, и лукавнѣйшю паче всея земля... Но мы бывшее възглаголемъ. И оттолѣ нача быти вражда промежи князей сихъ; аще и творяста миръ межи себе, но врагъ нашъ всепагубный дьяволъ пакы рать вздвизааше. И пакы бывшимъ великимъ княземъ въ Ордѣ, и бывши прѣ велицѣ межи има и оставиша в. князя Юрія Даниловича у себе въ Ордѣ, а князя Михаила отпустиша на Русь; минувшу же единому лѣту, и паки безаконніи Измаилтяне не сыти суще мьздоимьства, егоже желааху, вземше много сребра, и даша великое княженіе в. кн. Юрію Даниловичю, и отпустиша съ нимъ на Русь единого отъ князь своихъ, безаконнаго и треклятаго Кавгадыя. Блаженный же в. кн. Михайло срѣте его съ полкы своими, и посла къ в. кн. Юрію Даниловичю, рекъ тако: »брате! аже далъ царь тебѣ великое княженіе, то и азъ отступаюся тебѣ, княжи на великомъ княженіи, а въ мою опришнину не вступайся;« и роспусти вся воя своя, и поиде въ свою отчину съ домачадци своими. И паки діяволъ не престаяше желая кровопролитія, еже и створи-

---

Это сказаніе составлено послѣ 1318 г.
его былъ современникомъ убіенія князя
и слышалъ все, что написалъ, отъ священ-
іковъ онъ самъ говоритъ въ сказаніи. Это
можно читать въ Софійс. Временникѣ I,
3, въ Полн. Собр. Р. Лѣт. VII, 188—
Никоновск. Лѣтоп. III, 116—124.

ся за грѣхы наша. Пріиде бо в. кн. Юрій ратію ко Тфѣри, совкупивъ всю землю Низовскую и съ кровопивцемъ Кавгадыемъ, и множество Татаръ и Бесерменъ и Моръдвы, начаша городъ жечи и многа села; и бысть туга не мала, имающе мужи и мучащи различными муками и смерти предаяху, а жены ихъ оскверниша поганіи; и пожгоша всю власть тфѣрскую и до Волгы, и поидоша на другую страну Волгы, и на той странѣ тоже хотяху творити. Блаженный же князь Михайло призва епископа своего и князей и бояръ, и рече къ нимъ: »братіе! видите ли, княженія великого отступился есмь брату моему и выходъ давалъ есми, и се надъ тѣмъ колико зла сътвориша въ вотчинѣ моей? азъ же терпяхъ имъ и чаяхъ, уже престанеть злоба си, но и паче вижю еже головы моея ловять; нынѣ же не творюся въ чемъ виноватъ, буду ли въ чемъ виноватъ, скажите ми.« Они же яко единѣми усты со слезами рекоша: »правъ еси, господине, во всемъ; предъ своимъ сыновцемъ таковое смиреніе сътворилъ еси, и се взяша всю власть твою, а другую страну також хотять пусту сътворити; а нынѣ, господине, поиди противу имъ, а мы, господине, за тебя хощемъ животомъ своимъ потягнути.« Блаженный же князь Михайло также съ многымъ смиреніемъ рече: »братіе! слышите что глаголеть господь въ евангеліи: иже аще кто положить душу свою за другы своя, той великъ наречется въ царствѣ небеснѣмъ; намъ же нынѣ не за единъ другъ, ни за два голова положити и душа своя; но за толико народа въ полону суща, а иніи избіени суть« ... И утвердившеся честнымъ крестомъ и поиде противу ратнымъ, и яко быша близъ себе, и бысть видѣти ратьныхъ безчисленое множество, и яко съступишася полци и бысть сѣча велика, не могуще брани носити, вдаша противніи плещи свои, милостію великаго Спаса, и пречи-

стыя его Матери, и помощію вели
архангела Михаила побѣди благовѣр
князь Михайло, и бысть видѣти бе
леное множество ратныхъ падающе
кони язвени, яко снопы въ жатву
вѣ. Великій же князь Юрій Дани
видѣ многы падающа воя его
отъѣха въ Торжекъ въ малѣ ратны
отътолѣ ѣха въ В. Новъгородъ; а
наго же Кавгадыя съ другы его и
велѣ князь избивати, въ немъже
няя болши погыбель. Си же
сътворися м. декабря 22. Самому
Михаилу видѣти доспѣхъ свой весь
венъ, на тѣлеси же его не
никоеяже раны... И избави изъ
множество душа, бывшая въ скве
рукахъ поганьскыхъ, и възвратися въ
отечьство съ великою радостію, и
де окааннаго Кавгадыя въ градъ сво
много чествъ и одаривъ его, и
сти его; онъ же много съ лестію
шеся не вадити нань ко царю,
»занеже воевали есми власть твою
царева слова и повелѣнія.« Вели
кн. Юрій Даниловичь совкупивъ
ство Новгородцевъ и Пьсковичь, и
ко Тфѣри, и срѣте его князь Ми
противу Синѣевского, и пакы не
видѣти другаго кровопролитія за то
лы дни, умирившися и крестъ цѣл
и рече кн. Михайло: »поидевѣ,
оба въ Орду, жалуемся вмѣстѣ
абы ны чимъ помочи христіяномъ.«
ликый же кн. Юрій Даниловичь
съимася съ Кавгадыемъ, и поидоша
передъ въ Орду, поимши князи вс
зовскіе съ собою, и бояре съ горо
отъ Новагорода, по повелѣнію ока
Кавгадыя; (и написаша многа лже
тельства на блаженаго в. князя Ми
Князь же Михайло посла сына
князя Костянтина; а самъ послѣ въ
ду же поиде, благословяся у епи
своего Варсонофія, и отъ игумен
отъ поповъ, и отъ отца своего дух

Ивана. И послѣднее исповѣданіе
на рѣцѣ на Нерли... До того же
оводи его благородная его кня-
а и сынъ его кн. Василей, и
тася со многимъ рыданіемъ, не
разлучитися отъ възлюбленнаго
ъ же поиде къ Володимерю, а
сынъ его кн. Дмитрій да кн.
ръ. И бывшу ему въ Володиме-
пріѣха посолъ отъ царя изъ
енемъ Ахмылъ, глаголя: »зоветь
поиди вборзѣ, буди за мѣсяць;
не будеши, то уже воимянова на
ь и на твои городы; обадилъ тя
царю Кавгадый, глаголя: не бы-
въ Ордѣ.« Думаша же бояре
е: »се сынъ твой въ Ордѣ, а
аго посли;« такоже и сынове
ласта ему: »господине драгый
ѣзди въ Орду самъ, наю кото-
ни, аще вехощеши« ...

князь все таки отправился самъ, видя что
кого не требуетъ „развіе" его самаго).

ию же ему въ Орду, м. сентя-
, на усть рѣкы Дону, идѣже
ь море Сурожьское, и ту срѣте
Костянтинъ. Царь же дасть ему
не дадуща никому же его оби-
бо умякнуша исперва словеса
елея, и та бо нынѣ быша стрѣ-
гда же одари всѣ князи ординь-
арици, послѣди же самого царя,
е ему въ Ордѣ полтора мѣсяца,
царь князем своимъ: »что ми
вили на кн. Михаила, сътворите
съ в. кн. московскимъ Юріемъ
чемъ; да котораго правду скаже-
того хощю жаловати, а винова-
ш предати,« а не вѣси, окаанне,
своею казнію сплелъ ему вѣ-
свѣтелъ. Въ единъ убо день со-
вси князи ординьскыя въ едину
царевъ дворъ, и покладаху мно-
ты со многымъ замышленіемъ на
хаила, глаголюще: »многы дани

поималъ еси на городѣхъ нашихъ, царю же не далъ есми.« Истинный же христовъ страдалецъ Михайло любяй правду, глаголя истину, со всякою правдою обличаше лжы ихъ свидѣтельства... И паки минувшей единой недѣли по судѣ томъ, въ день суботный, отъ нечестивыхъ изиде повелѣніе безаконно, поставиша его на другомъ судѣ связана блаженнаго кн. Михаила, износяше ему неправедное осужденіе: »царевы дани не давалъ еси, противу посла билея еси, а княгыню в. князя Юрія уморилъ еси.« Благовѣрный же кн. Михайло со многымъ свидѣтельствомъ глаголаше: »колико скровищь издавалъ есмь цареви и княземъ,« все бо исписано имѣяше; »и посла паки избавихъ на брани и со многою честію отпустихъ его;« а про княгыню Бога послуха призывааше, »яко ни на мысли ми того створити.« Но безаконніи,... яко въсхотѣша, то и сътвориша. Въ настоящую убо нощь приставиша 7 сторожовъ отъ 7 князей и иныхъ немало, и покладаху предъ блаженнымъ многа ужа (*узы*) желѣзныя, хотяще отягчати нози его, и вземши отъ юртъ его и подѣлишася; въ ту нощь мало отпустища ему отъ узъ желѣзныхъ, но связанъ тако пребысть всю нощь. Тое же нощи отгнаша отъ него вся бояре его и слуги сильно біюще, и отца его духовнаго игумена Александра, и оста единъ въ руку ихъ; глаголаше бо къ себѣ: »удалиша отъ мене дружину мою и знаемыя отъ страсти.« Наутріе же, въ недѣлю, повелѣніемъ безаконныхъ възложиша колоду велику отъ тяжка древа на выю святому, прообразующе ему поносную муку, юже пріимъ благодараше Господа Бога, съ радостію и со слезами глаголя: »слава тебѣ, Владыко человѣколюбче, яко сподобилъ мя еси начатокъ пріяти мученія моего, сподоби мя и кончати подвигъ сей; да не прелестять мене словеса лукавыхъ, ни да устрашать мя прещенія нечестивыхъ.« И повелѣша бе-

законніи вести святаго послѣ царя, баше бо пошелъ на ловы, преподобный же и благовѣрный кн. Михайло яко изъмлада имяше и никаго же измѣняше правила своего, въ нощи пояше псалмы Давыдовы; а како поиде изъ Володимеря, то отъ недѣли до недѣли пощашеся и причащашеся пречистаго тѣла и крови господни, а отнелѣ же ятъ бысть, наипаче безпрестани вся нощи не дядаше сна очима своима, да не въздремлеть ни уснеть храня его ангелъ. Но пакы славяше Бога, съ многыми слезами и глубокымъ въздыханіемъ исповѣдаяся ему, глаголаше: »Господи! услыши молитву мою и вопль мой къ тебѣ да пріидетъ« ... И егда безаконьніи стражи они въ нощи забиваахy въ той же колодѣ святѣи руцѣ его, но ни тако озлобляемъ пояше псалтирь непрестанно, а единъ отъ отрокъ его сѣдяше предъ нимъ прекладывая листы, онъ же прилежно глаголаше: »Господи! не отврати лица твоего, яко скорблю, скоро услыши мя, вонми души моей, избави ю отъ врагъ сихъ« ... И тако на всякъ часъ моляся Богови и глаголя; во дне же всегда бѣше видѣти его свѣтлымъ лицемъ и весела взоромъ, и словесы сладкыми и веселыми тѣшаше бояръ и слугъ своихъ, и бяше видѣти его яко никоегоже озлобленія пріемлюща.. Минувшимъ же днемъ 20 и 4-мъ, святому бывшу въ неизреченномъ томъ терпѣніи, нечестивый же Кавгадый имѣя ядъ аспиденъ подъ устнама своима, и пакы досажая души терпѣливаго кн. Михаила, повелѣ его привести въ торгъ въ таковой укоризнѣ, созва вся заимодавца, повелѣ святаго поставити предъ собою на колѣну; величаашеся безаконный, яко власть имый на праведнѣмъ, и много словеса изорче досадна праведному. И посемъ рече: »вѣдая буди, Михаиле, такъ царевъ обычай: ажѐ будетъ ему на кого гнѣвъ, хотя и на своего племянника, ти такоже древо въскладаютъ на него, егда же гнѣвъ

его минеть, и паки въ первую ...
вводить его; утро бо или въ прегы...
день тягота си отидеть отъ тебе, и
большей чести будеши« . И възрѣ...
сторожемъ его: »почто не облегч...
древа сего«? они же рекоша: ...
или на другій день тако створимъ ...
голу твоему« . И рече окаанный: ...
жите ему древа сего, да не от...
ему плеща« , и тако единъ отъ пре...
щихъ за нимъ подъимъ держаше ...
Многу же часу минувшу, о ...
праведному отвѣты дающе, и посем...
велѣ вонъ вести блаженнаго; и вы...
ему вонъ, и рече слугамъ своимъ: ...
те ми стулецъ, да почію и пріиму ...
ногама своима« , бѣста бо отягча...
многаго труда. Въ то же время с...
лося бѣше множество отъ всѣхъ ...
сшедшеся зряще святаго; рече же ...
отъ своихъ, предстоящихъ ему: ...
дине княже! видиши ли селико ...
множество стоящихъ, видяще тя въ ...
вой укоризнѣ, а преже тя слыша...
ствующа въ своей земли; абы, гос...
еси пришелъ въ свою вежю« . Бл...
ный же рече съ слезами: »яко ...
быхомъ ангеломъ и человѣкомъ, ...
дящеи мя покиваахy главами свои...
паки: »уповаю на Господа, да ...
мя и спасеть якоже хощеть, яко т...
исторгый мя отъ чрева матери ...
въставъ иде къ вежѣ своей, глаго...
чее псалма того. И оттолѣ бяше ...
очи его полны слезъ, чюяше бо въ ...
ци, яко уже скончатися доброму е...
ченію. Бывшу же блаженному въ ...
рѣченномъ томъ томленіи и тягот...
26 за рѣкою Теркомъ, на рѣцѣ ...
венцѣ, подъ городомъ Тетяковым...
нувшю всѣ горы высокія Яськыя ...
касьскые, близь Воротъ желѣзны...
среду рано повелѣ отъпѣти заутр...
часы... И посемъ нача каятися ...
цемъ своимъ духовнымъ со ...
смиреніемъ, очищая свою душю; б...

игуменъ да два попа. Посемъ
сѣдящю у него сыну его князю
иму, онъ же приказываше ко князю
ко сынома своима про отчину
про бояре, и про тѣхъ иже съ
или и до меншихъ, не веля през-
ь. И посемъ уже часу прибли-
и, и рече: »дадите ми псалтирь,
ю прискорбна душа моя«, чуяше
иверѣхъ пришедша отъ Бога свя-
ам по святую душу его. И раз-
салтырь, и обрѣте псаломъ: »вну-
е молитву мою и вонми моленіе
скорбѣхъ печали моея смутихся
са вражія, яко въ гнѣвѣ враждо-
инѣ«, въ той бо часъ окаанный
й вхождааше ко царю и исхожа-
отъвѣты на убіеніе блаженнаго;
чтяше: »сердце мое смутися во
страхъ смертный пріиде на мя«.
попомъ: »что молвитъ псаломъ
жите ми«? они ркоша не хотяще
го смутити: »се, господине, зна-
псалмы въ послѣдней главизнѣ:
на Господа печаль свою, и той
итаеть и не дасть въ вѣки смя-
аведнику« ... И скончавъ псалмы
ъ псалтырь, и се въ той часъ
окъ его въскочи въ вежу, обле-
(*поблѣднѣвшимъ*) лицемъ и
имъ гласомъ: »господине княже!
же отъ Орды Кавгадый и в. кн.
аниловичь со множествомъ народа
ъ твоей вежѣ«. Онъ же наборзѣ
и въздохнувъ рече: »вѣдаю на
ъ, на убіеніе мое«, и отсла вско-
своего Костянтина къ царици;
рашно въ той часъ, братіе, ви-
ь многыхъ странъ множество же-
къ вежѣ княжѣ Михаиловѣ. Кав-
се и в. кн. Юрій послаша убійци,
ссѣдше съ конь въ торгу, близь
е торгу яко каменемъ веречи.
же яко дивіи звѣріе, немилостиви
вци, разгнавше отъ блаженнаго
іе его, въскочиша въ вежу, обрѣ-
тоша его стояща, и тако похватиша его за древо еже бѣ на выи его, и удариша имъ силно, и възломиша й на стѣну, и проломися вежа: онъ же въскочи, и тако многи емше и повергоша его на земли, и біяхуть пятами нещадно. И се единъ отъ беззаконныхъ, именемъ Романецъ, извлекъ великый ножь и удари въ ребра святаго въ десную страну, и обращая ножь сѣмо и овамо, и отрѣза честное сердце его.

И тако предасть святую и блаженную свою душу въ руцѣ Господеви, м. ноября въ 22, въ среду 7 часа дни; и причтеся съ лики святыхъ, и съ сродникома своима св. Борисомъ и Глѣбомъ и съ тезоименитникомъ своимъ в. кн. Михаиломъ черниговскимъ, и пріятъ вѣнецъ неувядаемый отъ руку господня, егоже вжелѣ. Вежу же блаженнаго разграбиша Русь и Татарове, а честное тѣло его повергоша наго, никимъже небрегомо; единъ же отъ нихъ пріѣха въ торгъ, рече: »се уже повелѣное вами сътворихомъ«. Кавгадый же и в. кн. Юрій пріѣхаша вскорѣ надъ тѣло его; Кавгадый же видѣ тѣло наго повержено, и глагола съ яростію в. кн. Юрію, рена: »не братъ ли ти старѣйши какъ отецъ, да чему тако лежитъ тѣло его наго повержено«? в. же кн. Юрій повелѣ своимъ покрыти тѣло его; и се единъ прикры тѣло его своею котыгою, юже ношаше. И положиша его на велицѣй досцѣ, и въвложиша на телѣгу, и увиша ужи крѣпко, и превезоша за рѣку, рекомую *Адьжь*, еже зовется горесть; горесть бо се нынѣ, братіе, и есть, въ той часъ таковую видѣвши нужную смерть господина своего кн. Михаила. А бояре его и слуги немнози гоньзнуша рукъ ихъ, и еже дерзнули убѣжати въ Орду ко царици; а иныхъ изнимавше влечахуть нагихъ, терзающе нещадно акы нѣкыя злодѣя, и приведше въ станы своя утвердиша я въ оковахъ. Сами же князи и бояре въ единой вежѣ

піяху вино, повѣствующе, кто какову вину изрече на святаго. Створившеся чудо велико да скажемъ: въ настоящюю бо нощь в. кн. Юрій Даниловичь двѣма отъ слугъ своихъ повелѣ стрещи тѣлесе святаго, и якоже начаша стрещи, пріятъ ихъ страхъ и ужасъ велій, не могуще терпѣти отбѣгоша въ станы своя; и рано пріидоша, не обрѣтоша телѣси его святаго на дъскѣ, но телѣга стояше и доска на ней единако ужи привязана, тѣло же святаго о себѣ на единомъ мѣстѣ лежаше раною къ земли, и кровь многу изшедшю изъ язвъ, десная же рука его бѣ подъ лицемъ его, а лѣвая у язвы его, а порты единако одѣнъ. Преславно бо Господь прослави вѣрнаго раба своего кн. Михаила; тако бо удиви и, объ нощь лежа тѣло его на земли, а не прикоснуся ему ничтоже отъ звѣрій, а множеству безчислену сущу: хранить бо Господь вся кости ихъ, ни едина же отъ нихъ не скрушится, смерть же грѣшникомъ люта; еже бысть безаконному и проклятому Кавгадыю, и не пробывъ убо ни единого лѣта и злѣ изверже оканный животъ свой. Мнозіи же вѣрніи и отъ невѣрныхъ тое нощи видѣша чудо преславно: два облака свѣтла всю нощь осѣняста надъ тѣломъ святаго, разступающеся и пакы съступающеся вмѣсто и сіяюще акы солнце. Наутрія же глаголааху, яко святъ есть князь сій и убіенъ неповинно, облакомъ бо симъ являеть просвѣщеніе ангелское надъ нимъ; еже исповѣдаша намъ со слезами и со многими клятвами, ако истина есть бывшее. И отътолѣ посла тѣло блаженнаго въ Мождьчары съ своими бояры, и тамо слышавше гости знаменія ему и хотяша прикрыти плащаницами многоцѣнными тѣло его, съ честію и свѣщами славно въ церкви поставити; приставленіи же немилостивіи бояре не даша имъ ни видѣти блаженнаго, но со многою укоризною поставиша его въ единой хлѣвинѣ за сторожы. Но и ту прос-

лави его Господь: мнози бо отъ ... ныхъ языкъ, живуще на мѣстѣ ... вся нощи видяху столпъ огнен... отъ земля до небеси, инін же ... небесную прокланяющося надъ ... святаго, идѣже лежить тѣло. И ... везоша его къ Бездѣжу, и ... живишися имъ ко граду, и ... ше изъ града около саней ... рода идяху съ свѣщами, а иніи ... съ фонари на въздусѣхъ ѣздящ; ... привезоща й въ градъ, и не ... церкви, но въ дворѣ стрежахуть ... се отъ стрегущихъ единъ въ нощ... же верху саней сущихъ съ ... святаго, и тако невидимо ... сверже его далече съ саней ... же великою болѣзнію одва вста, ... живу ему сущю, пришедше ... сущему іереови бывшая ему, отъ ... слышахомъ и написахомъ. И отто... везоша его въ Русь, везущимъ ... по городомъ по русьскымъ, и ... Москвы положиша й въ церкви ... въ монастыри; княгынѣ же и сын... не вѣдущимъ ничтоже створшагося, ... че бо бѣ земля и не бѣ кому вѣст... нести. На другое же лѣто при... Русь в. кн. Юрій Даниловичь на ... княженіе, приведе съ собою кн. ... стантина Михаиловича и бояръ ... отца его. И се увѣдавше княги... Анна, и епископъ Варсонофей, и ... его, послаша увѣдывати на Моск... сланіи же пріѣхавше и повѣдаша ... кн. Михайло убіенъ есть, и пла... на многи дни неутѣшно. Бывшю ... кн. Юрію Даниловичу въ Волод... посла къ нему кн. Дмитрей Миха... брата своего кн. Александра, и ... своихъ, и едва умолиша кн. в. ... Даниловича; онъ же повелѣ отъ... тѣло блаженнаго. Они же посл... Москву бояръ своихъ съ игумены ... пы, и привезоша тѣло святаго въ ... со многою честію, и срѣтоша его

Дмитрей, кн. Александръ, кн.
и княгыни его Анна, по Волзѣ
ѣхъ, а епископъ Варсонофей со
ъ игумены и попы, и безчисле-
ество народа срѣтоша его у св.
Михаила на брезѣ; и отъ мно-
я не баше слышати поющихъ и
у донести ракы къ церкви, и
предъ враты церковными, и
многы часы плакаху, и едва
ъ церковь. И пѣвше надъ нимъ
пѣніе, и положиша въ церкви
на десной странѣ, еже бѣ самъ
посторонь преп. епископа. Семе-
сентября въ 6 день, на Чюдо
Михаила. И се чуднѣе сътвори
ю неизреченною милостію: изъ
чіе земли везено тѣло святаго
ѣ и въ санѣхъ, и потомъ же
таго лежало на Москвѣ лѣто
брѣтеся тѣло все цѣло, а не
како удиви Богъ святыя своя
пострадавшая за ны.

Собр. Лѣт. V, 207—215).

тіе Александра Михайловича твер-
скаго.

е лѣта (1338) (1) князь в. Але-
Мих. тверскии поиде во Орду, а
кн. Өедору тогда во Ордѣ сущу,
его и бояря его и гости и жите-
и і весь градъ плакаше о немъ
е его много, да не идетъ во
царю; вѣдомо ти есть, царь гнѣ-
себя и смерти предати тя хо-

щетъ, божественное жъ писаніе не пове-
леваетъ самому себя на смерть предати.
Онъ же речѣ: »Господь во евангели сво-
емъ глаголетъ: не убоитеся отъ убиваю-
щихъ тѣло, душе же немогущи что со-
творитъ!... Азъ отъ чрева матери своея
согрѣшихъ и согрешая не престаю, како
не имамъ пострадати въ настоящемъ семъ,
и скоро минующемъ житиі? все бо наше
житие мимо граде, і яко дымъ изчезаетъ,
и яко сонъ ни вочтоже бываетъ». Они
же вси о семъ оскорбишася, глаголаше,
воля господня да будетъ, и тако умолча-
ша. Онъ же внидѣ въ насадъ съ сущи-
ми съ нимъ, и тогда воста вѣтръ силенъ
зело онемъ гребущимъ, а насадъ назадъ
идяше и симъ тружающися; и тако много
тружающеся едва проидоша землю рускую.
А братъ его кн. Василей Мих. съ боя-
ры своими и слугами проводиша его до
Святославля поля, а брату его кн. Ко-
стянтину Мих. тогда въ велицѣ болѣзни
лежаще, и плакася по немъ кн. в. Але-
ксандръ Мих. тверскии глаголя сице: »се
есть при кончинѣ нашей наставникъ и
собратель отчинѣ нашей, о немъ же утвер-
дишася люди его по рати сей». Тогда же
съ нимъ поидоша въ Орду ко царю Аз-
бяху кн. в. Василей Давыдовичь ярослав-
скии внукъ Өедоровъ, правнукъ Рости-
славль, праправнукъ Мстиславль, препра-
правнукъ Давыдовъ и кн. Романчюкъ бе-
лозерскии. Пришедшимъ же имъ во Ор-
ду, обрѣте кн. Александръ Мих. твер-
скіі сына своего Өедора во Ордѣ и це-
ловавшеся плакашеся. Исповѣда ему сынъ
ево гнѣвъ царевъ, онъ же речѣ воля го-
сподня да будетъ, и вземъ дары многи
даде царю, и царице и княземъ и прот-
чимъ радцемъ. И пребысть единъ мѣсяцъ
во Ордѣ у царя Азбяка и мнози глаго-
лаху ему татарове, иже друзи ему суще,
хощетъ тя царь убити, оклеветанъ бо еси
къ нему на крепко. Онъ же глаголаше къ
нимъ: »что имамь сотворити? Аще Богъ
восхощетъ мя предати на смерть, да кто

—

. Мих. Тверской князь избилъ татаръ и
ела Шевкала въ 1327 г. За это его
ь не только ханъ, но князь и митропо-
вскіе, по этому онъ рѣшился идти въ
ъ милости хана.

мя отъ нея избавитъ»? И нача прилежати къ молитвѣ и покаянию исповѣдавшеся всегда у отца своего духовнаго, и приближися память св. великомуч. Димитрея, и прииде ему паки вѣсть о убиенiи его, яко по триехъ днехъ злѣи смерти преданъ будетъ. Онъ же глаголаше: »Господи буди воля твоя, яко же хощеши»,— и весь день сетуя хожаше и молящеся и скорбяше. И наста память св. мученикъ Терентия и Неонилы, и препод. Стеѳана творца канономъ и Саванта и св. мученицы Параскoвеи нареченныя Пятницы, воста рано повелѣ пѣти завтреню..... И егда начаша глаголати окса псалмы (*шестопсалмiе*) Давыдовы: »Господи чтося умножишася стужающiи ми»..... и повелѣ умолчати и прииде ко иконе и знаменася целова глаголя сице: «аще царь Давыдъ толикъ Богоотецъ пророкъ велiи духъ св. имяше въ себѣ, и напасти и беды многи претерпѣ, азъ ли не хощу пострадати многогрѣшенъ сыи! Господи, воля твоя да будетъ, тотовъ есмъ на все за имя Твое святое»; и тако повелѣ глаголати вся по ряду, таже и протчiе правило все и молитвы изглаголаше. И по семъ многу часу мимошедшу, посла ко царице вестеи пытати, таже и самъ вседъ на конь и нача ѣздити вестеи пытати о смерти своей отъ знаемыхъ друговъ своихъ; и увѣдевъ истинно, яко въ си.часъ смерти преданъ будетъ. Онъ же объемъ сына своего и бояръ своихъ целоваше и о вотчинѣ своей глаголавъ, и отъ сына своего и бояръ своихъ и отъ всѣхъ слухъ своихъ, паче же отъ отца своего духовнаго прощение вземъ, и ихъ простивъ, и любезно о всѣхъ слезы проливъ, и конечно исповѣдася отцу своему духовному о всемъ, i тако священныхъ и божественныхъ таинъ причастися; и тако же и сынъ его Ѳедоръ и бояре его, i вси сущи съ нимъ; никто же бо отъ нихъ чаяше себѣ живота. И по семъ малу часу пришедшу пригнаша къ нему отроцы его глаголюще съ горькимъ плачемъ, и многими слезами: Господинѣ нашъ ми мыi княже, се уже градутъ на убиен твое посланнии отъ царя Азбяка Бер и Черкасъ; онъ же воздѣвъ руцѣ на н нача молитись: »Господи буди воля тв а не моя, якоже хощеши, да аще ж или мертвъ есмь, даждь ми милость св и прости ми вся согрешения моя«. И с ему глаголющу и слезамъ непреста отъ очию текущимъ, и протчимъ вс въ слезахъ стоящимъ, и се приидоша п сланницы отъ царя къ стану его; и же выиде противу имъ со смиренiемъ. тако ту убiенъ бысть и съ сыномъ с нимъ Ѳедоромъ, и отсекоша главы и бояре же его и слуги все разбѣжаш елицы жъ осташася ту, вземше телес повезоша на Русь. И бывшимъ им Володимере, срете ихъ Ѳеогнастъ м кыевски всеа Русiи священнымъ собор и пѣвше надъ ними надгробное п отпустиша ихъ.

(*Никон. лѣтоп. III, 166*).

346. Битва съ Арапшей 1378.

Перебѣжа изъ Синей орды за Во нѣкоторый царевичь Арапша, и въсх ити ратью къ Новугороду Нижнему, кн же Дмитрiй Костянтиновичь посла вѣ къ зятю своему Дмитрiю, кн. же Ди трiй Ив. прiиде къ Новугороду Нижн въ силѣ тяжцѣ, и не бысть вѣсти царевичя Арапшю, и възвратися на М скву, и посла на нихъ воеводы сво съ ними рать: володимерьскую, переясл скую, юрьевьскую, муромьскую, яросл скую, а кн. Дмитрiй суздальскiй п сына своего кн. Ивана, да кн. Се Михайловича, а съ ними вои. Бысть р велика зѣло, и поидоша за рѣку за П ну (*Симбирс. губ.*). И прiиде къ н

вѣсть повѣдаша имъ царевича на Волчьи водѣ, они же оплошишася и небреженіемъ хожаху, доспѣхи своя складоша на телегы, а иныи въ сумы, а у иныхъ сулици (*копья*) еще не насажени бѣху, а щиты и копья не приготовлены, а ѣздять порты (*платье*) своя съ плечь спустя, а петли разтегавъ, аки распрѣли, бяше бо имъ варно, бѣ бо въ то время знойно; а гдѣ наѣхаша въ зажитіи медъ и пиво, испиваху допьяна безъ мѣры, и ѣздять пьяни, *по истинѣ за Пьяною пьяни;* а князи ихъ, или бояре старѣйшіи, велможи и воеводы, ти вси поѣхаша ловы дѣюще, утѣху себѣ творяще, мнящеся яко дома. А въ то время поганіи князи мордовьстіи подведоша втай рать татарьскую, изъ Мамаевы орды, на князей нашихъ, а княземъ нашимъ не вѣдущимъ и про то имъ вѣсти не было. И доидоша на Шипару, и абье поганіи борзо раздѣлишася на 5 полковъ, и внезапу безъ вѣсти удариша на нашю рать въ тылъ, біюще и колюще и сѣкуще безъ милости; наши же не успѣша ничтоже, чтобы имъ сътворити, побѣгоша ко Пьянѣ рѣцѣ; а татарове послѣ бьюще, и ту убиша кн. Семена Михайловича; князь же Иванъ Димитріевичь прибѣжа во торопѣ къ рѣцѣ, гонимъ напрасно, и вержеся на конѣ въ рѣку и утопе, и съ нимъ истопоша въ рѣцѣ множество бояръ и слугъ, и народа безчислено, а иніи побьени быша. Сіа же злоба сдѣяся м. августа въ 2 въ въ недѣлю (*въ воскресенье*) въ 6 часъ о полъдни. Татарове же одолѣвше крестьяны, и сташа на костѣхъ, полонъ весь и грабежь ту оставиша, а сами поидоша къ Нижнему Новугороду изгономъ (*набѣгомъ*), безъ вѣсти; князю же новгородцкому не бысть силы стати противу ихъ на бой, но побѣжа въ Суздаль, а люди гражане разбѣгошася въ судѣхъ по Волзѣ къ Городцю. Татарове же пришедше къ городу августа въ 5 въ среду, остаточныхъ людей гражанъ избиша, и градъ весь и церкви и монастыри пожгоша; и отъидоша иноплеменници отъ града въ пятницю, волости новгородцкія воююще, а села жгуще, и множество людей посѣкоша, а жены и дѣти и дѣвици въ полонъ поведоша. А татарове взяша Переяславль рязаньскій, а самъ князь Олегъ изъ рукъ убѣжа изстрѣлянъ.

(*П. Собр. лѣт. IV*, 73 - 74).

347. Слово о задонщинѣ послѣ 1380 (¹).

Снидемся братія и друзи и сынове рускіи составимъ слово къ слову, возвеселимъ Рускую землю, возверземъ печаль на восточную страну въ Симовъ жребій, и воздадимъ поганому Мамаю побѣду, а в. кн. Дмитрею Ивановичу похвалу и брату его князю Владиме-

---

(¹) *Задонщина, или слово о в. кн. Дмитреѣ Ивановичѣ и о братѣ его князѣ Владимерѣ Андрсевичѣ, яко побѣдили супостата своего царя Мамая.*

Описаніе Мамаева побоища дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ: одна въ Словѣ о *Задонщинѣ*, которое отличается народнымъ, поэтическимъ складомъ; другая—въ Сказаніи, которое носитъ на себѣ характеръ книжной рѣчи, украшенной искусственными, риторическими выраженіями. Въ которой изъ нихъ удержалось болѣе отъ первоначальнаго сочиненія Рязанца Софронія, сказать трудно. Нельзя однако не замѣтить, что въ первой редакціи разсказъ круглѣе, и самое впечатлѣніе, имъ производимое, полнѣе и яснѣе. Что же касается до второй редакціи, то слѣдуетъ упомянуть, что она сохранилась въ наибольшемъ числѣ списковъ.

Сочинитель *Задонщины*, или *Мамаева Побоища* подражалъ *Слову о полку Игоревѣ*, даже иногда рабски. Въ предлагаемой редакціи замѣтно болѣе подражанія: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очевидно, что сочинитель Побоища искажалъ выраженія Слова о п. Иг., вѣроятно, имѣя его подъ рукою въ неправильномъ или въ написанномъ нечетко спискѣ. Такъ напр. вм. *Боянъ* онъ прочелъ *бояринъ (вещаннаго боярина*, т. е. вѣщаго Бояна. *Тотъ бояринъ воскладоша—Боянъ вскладаше;* вм. *за шеломенемъ* т. е. за горою, онъ прочелъ: *за Соломономъ*, прибавивъ отъ себя *какъ за царемъ—побывала* и нѣк. др.). Что это слово не принадлежитъ самому Софронію, а только у него заимствовано, явствуетъ изъ словъ: азъ же помяну Рязанца Софронія. Впрочемъ это нисколько не мѣшаетъ предполагать, что

ру Андреевичю. И рцемъ таково слово. лудчи бо намъ, брате, начати повѣдати иными словесы отъ похвальныхъ сихъ и о нынѣшнихъ повѣстехъ похвалу в. кн. Дмитрея Ив. и брата его кн. Владимера Андреевича, а внуки в кн. Владимера кіевскаго. Начаша ти повѣдати по дѣломъ и по былинимъ, не проразимся мыслію по землями, помянемъ первыхъ лѣтъ времена, похвалимъ вещаннаго боярина горазна гудца въ Кіевѣ. Тотъ бояринъ воскладоша горазная своя персты на живыя струны, пояша рускимъ княземъ славу, первому кн. кіевскому Игорю Бяриковичю и в. кн. Владимеру Всеславьевичю кіевскому и в. кн. Ярославу Володимеровичю. Азъ же помяну Рязанца Софонія, и восхвалю пѣснеми, гусленными словесы, сего в. кн Дмитрея Ив. и брата его кн. Владимера Андр., а внуки св. в. кн. Владимера кіевскаго, и пѣніе княземъ рускимъ за вѣру христіяньскую..

Се бо князь в. Дмитрей Ив. и братъ его кн. Владимеръ Андр. помолился Богу и пречистей Его Матери, изтезавше умъ свой крѣпкою крѣпостью, и поостриша сердца своя мужествомъ, и наполнися ратнаго духа, уставиша себѣ храбрыя воеводы въ Руской землѣ, и помянуша прадѣда своего в. кн Владимера кіевскаго.

Оле! жаворонокъ лѣтняя птица, красныхъ день утѣха, возлети подъ синее небеса, посмотри къ сильному граду Москвѣ, воспой славу в. кн. Дмитрею Ив. и брату его кн. Владимеру Андр. Ци буря соколы снесетъ изъ земли Залѣскія въ полѣ Полотское! На Москвѣ кони ржутъ, звѣнитъ слава по всей земли Руской, въ трубы трубятъ на Коломнѣ, въ бубны бьютъ въ Серпуговѣ, стоятъ стези у Дунаю (*Дона*) великого на брезѣ, звонятъ въ колоколы вѣчныя (*вѣчевые*) въ В. Новѣгородѣ. Стоятъ мужи новгородскіе у Софѣи премудрые, а ркутъ тако: уже намъ, брате, не поспѣть на посопь (*пособіе*) къ в. кн. Дмитрею Ив.; и какъ слово изговариваютъ, уже аки орли слетѣшась; то ти были не орли слетѣшася, выѣхали посадники изъ В. Новагорода 7000 войска къ в. кн. Дмитрею Ив. и къ брату его кн. Владимеру Анд. Къ славному граду Москвѣ съѣхалися вси князи рускіе, а ркутъ таково слово: у Дуная сто-
ятъ Татаровя поганые, и Мамай царь на р
ки на Мечи, межу Чюровымъ и Михайлова
брести хотятъ, а предати животъ свой на
славѣ И рекше кн. в. Дмитрей Ив: бра
кн. Владимеръ Андреевичь! поѣдемъ та
укупимъ животу своему славы, а стари
повѣсть, а молодымъ память, а храбрыхъ с
ихъ испытаемъ, а рѣку Донъ кровью пр
емъ за землю Рускую и за вѣру кресті
скую. И рекше имъ кн. в. Дмитрей И
братія и князи рускіе, гнѣздо есмя были
кн. Владимера кіевскаго, не въ обидѣ с
были по роженію ни ястребу, ни кречету, н
черному ворону, ни поганому сему Мама

О! соловей лѣтняя птица, что бы ты с
ловей пощекоталъ славу в. кн. Дмитрею И
и брату его кн. Владимеру Андр., и зе
Литовской дву братомъ Ольгордовичамъ, А
дрею и брату его Дмитрею, да Дмитрею В
лынскому; тѣ бо суть сынове храбры креч
въ ратномъ времени, и вѣдомы полково
подъ трубами подъ шеломы злачеными. И
Литовской земли молвяше Андрей Олгорд
вичь своему брату: брате Дмитрей! сами е
мя собѣ два браты, сынове Олгордовы, а вну
ки мы Доментовы, а правнуки есмя Ски
мендовы. Зберемъ, брате, милые панове у
лые Литвы, храбрыхъ удальцовъ, а сами с
демъ на добрыекони своя, и посмотри
быстрого Дону, испытаемъ мечевъ своихъ л
товскихъ о шеломы татарскіе, а сулицъ н
мецкихъ о боеданы бусорманскіе. И ре
ему Дмитрей: брате Андрей! не пощади
живота своего за землю Рускую, и за вѣ
крестьянскую, и за обиду в. кн. Дмитрея И
Уже бо, брате, стукъ стучитъ, а громъ гре
митъ въ каменомъ градѣ Москвѣ. что, брат
стучитъ великая сильная рать в. кн. Дмитр
Ив. и брата его кн. Владимера Андр.; гр
мятъ удальцы рускіе злачеными доспѣх
черлеными щиты московскими. Сѣдлай, бр
то Андрей, свой добрый конь, а мой гото
осѣдланъ; выѣдемъ, брате, въ чистое поле
посмотримъ своихъ полковъ, сколько съ н
ми храбрые Литвы, а храбрые Литвы съ н
ми 7000 окованые рати. Уже бо брате во
віяли по морю на усть Дону и Нѣпра пр
леяша (*прилелѣяша*) тучи на Рускую зе
лю, изъ нихъ же выступали кровавые з
ри, а въ нихъ трепещутся сильные молни
Быти стуку великому на рѣчкѣ Напряд
межи Дономъ и Нѣпромъ, пасти трупу чел
вѣческому на полѣ Куликовомъ, пролити
крови на рѣчкѣ Напрядѣ; уже бо скрипѣ
телеги межу Дономъ и Нѣпромъ, а идутъ Хи
новѣ поганыя къ Руской земли, притекош
сѣрые волцы отъ усть Дону и Нѣпра, и ста
ши воютъ на рѣкѣ хотятъ на Мечи поступ
ти въ Рускую землю, и то были не сѣры
волцы, пріидоша поганые Татаровя, хотя
пройти воюючи всю Рускую землю. Тог
гуси возгоготали и лебеди восплескаша кр
лами своими, поганый Мамай пришелъ

въ Словѣ могло удержаться весьма многое отъ этого сочинителя. Точно также встрѣчаемъ имя Даніила упомянутымъ въ словѣ, которое приписывается ему самому. Не смотря на подражаніе слову о полку Игоревѣ, нѣкоторыя мѣста отличаются высокимъ художественнымъ достоинствомъ; какъ напр. плачь княгинь и боярынь и воеводскихъ женъ, и особенно конецъ Слова, гдѣ описывается, какъ великій князь съ своимъ братомъ и остальными воеводами сталъ на костяхъ, какъ считали они убитыхъ, и какъ прощался съ убитыми великій князь.

ую землю, и воеводы своя привелъ; а
бѣды ихъ пасоша, птици крилати подъ
ъ летятъ, вороны часто граютъ, а га-
своею рѣчью говорятъ, орли хлѣкчютъ,
цы грозно воютъ, а лисицы на костѣхъ
утъ. Русская земля то первое еси какъ
аремъ за Соломономъ побывала, то уже
ы бѣлозерстіи и ястреби хваруются (*по-
ются)*, отъ златыхъ колодицъ изъ каме-
рада Москвы возлетѣша подъ синее не-
возгремѣша злачеными колоколы (1) на
ромъ Дону. Тогда кн. в. Дмитрей Ива-
чь воступивъ во златое свое стрѣмя, и
ь свой мечь въ правую руку; и помоли-
Богу и пречистой Его Матери; солнце
на востокъ сіяетъ и путь повѣдаетъ, а
съ и Глѣбъ молитву воздаютъ за срод-
своя
то шумитъ и что гремитъ рано передъ
ми! Князь Владимеръ Андр. полки пере-
етъ и ведетъ въ великому Дону; и мол-
брату своему в. кн. Дмитрею Ив.: не
ливай, брате, поганымъ Татаровямъ, уже
ые поля русскіе наступаютъ и вотчину
маютъ. И говоритъ ему кн. в. Дмитрей
овичъ: брате Владимеръ Андр. сами ес-
а внуки в. кн. Владимера кіевскаго, а
ды у насъ уставлены отъ боярпновъ, и
цы бысть князи бѣлозерстіи Ѳеодоръ
новичь, да Микула Васильевичь, да два
Олгордовичи, да Дмитрей Волынской,
имофей Валуевичь, да Андрей Серки-
ь, да Михайло Ивановичь, а вою съ
300,000 окованые рати, а воеводы у
уставлены, а дружина свѣдана, а подъ
о имѣемъ добрые кони, а на собѣ зла-
е доспѣхи, а шеломы черкаскіе, а щиты
вскіе, а сулицы нѣмецкіе, а кинжалы
кіе, а мечи булатные, но еще хотятъ
ы своя положить за землю Русскую и
ѣру крещеную.
ашутъ бо ся аки живи хоругови, ищутъ
чести и славнаго имени. Уже бо тѣ со-
и кречаты за Донъ борзо перелетѣли и
ился о многіе стада лебединые; то ти
али рускіо князи на силу татарскую, и
иша копье ѳарафужными о доспѣхи та-
кіе, возгремѣли мечи булатные о шеломы
вскіе на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ На-
ѣ. Черна земля подъ копыты, а костьми
скими поля насѣяша, а кровью ихъ зе-
пролита бысть, а сильны полки ступи-
въ мѣсто (*вмѣстѣ*) и протопташа хол-
луги, и возмутишася рѣки, потоки,
, и кликнули быша дивы въ Русской
, а глава шибла къ желѣзнымъ вратамъ,

ли къ Караначи Криму, и х Сафѣ (*къ каѳѣ*), по морю и къ Которнову, а оттолѣ ко Царюграду на хвалу русскимъ княземъ. И одолѣша рать татарскую на полѣ Куликовѣ на рѣчкѣ Напрядѣ.

На томъ полѣ сильныи тучи ступишася, а изъ нихъ часто сіяли молыньи и загремѣли громы велицыи; то ти ступишася русскіе удальцы съ погаными Татарами за свою великую обиду, а въ нихъ сіяли сильные доспѣхи злаченые, а гремѣли князи русскіе мечьми булатными о шеломы хиновскіе. А билися изъ утра до полудни въ суботу на рожество св. Богородицы. Не тури возгремѣли у Дунаю великаго на полѣ Куликовѣ, и не тури побѣждени у Дунаю великаго; но посѣчени князи рускіе и бояры в. кн. Дмитрея Ив., побѣждени князи бѣлозерстіи отъ поганныхъ Татаръ: Ѳедоръ Семеновичь, да Семенъ Михайловичь, да Тимофей Волуевичь, да Андрей Серкизовичь, да Михайло Ивановичь и иная многая дружина.

Пересвѣта чернца, брянскаго боярина, на суженое мѣсто (*на смерть)* привели. И рече Пересвѣтъ чернецъ в. кн. Дмитрею Ив.: лутчи бы намъ потятымъ быть, нежели полоненымъ отъ поганыхъ Татаръ. Тако бо Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ добрѣ конѣ, а злаченымъ доспѣхомъ посвѣчиваетъ, а иные лежатъ посѣчены у Дунаю великого на брезѣ; и въ то время стару надо помолодѣть, а удалымъ людямъ плечь своихъ попытать. И молвяше Ослабя чернѣцъ своему брату Пересвѣту: брате Пересвѣте вижу на тѣлѣ твоемъ раны великія: уже, брате, летѣти главѣ твоей на траву ковыль, а чаду твоему Іякову лежати на зеленѣ ковылѣ травѣ, па полѣ Куликовѣ на рѣчкѣ Напрядѣ, за вѣру крестьянскую за землю Рускую и за обиду в. кн. Дмитрея Ивановича.

И въ то время по резанской землѣ около Дону ни ратаи ни пастухи въ полѣ некличютъ, но едины вороны граютъ трупи ради человѣческія, грозно и жалосно въ то время бяше тогды слышати: за неже трава кровію пролита бысть, а древеса тугою къ земли приклонишася, а воспѣли бяше птици жалостные пѣсни. Восплакашася вся княгини и боярыни и вси воеводскіе жены о избіенныхъ, Микулина жена Васильевича Ѳедосья да Дмитріева жена Марья рано плакашася у Москвы града на забралахъ стоя: а ркутъ тако: Доне! Доне! быстрая рѣка прорыла еси ты каменныя горы и течеши въ землю Половецкую, прилелѣй моего господина Микулу Васильевича ко мнѣ; а Марья про своего господина то же рекла, а Тимоѳеева жена Волуевича такоже плакахуся, и рече тако: се уже веселіе мое пониче во славномъ градѣ Москвѣ, и уже невижу своего Государя, Тимоѳея Волуевича въ животѣ нѣту. А Андреева жена Марья да Михайлова жена Оксинья рано плакашася: се ужо обѣма намъ солнце померкло въ слав-

---

) *Колодица* или колодка: умен. отъ *колода*
лада, т. е. двѣ плахи съ выемками посреди,
концамъ съ петлями и замками. *Колокола*
олокольцы навязывались на ловчихъ птицъ.

номъ градѣ Москвѣ; примахнули къ нимъ отъ быстраго Дону поломянные вѣсти, нося-ше великую бѣду и ссѣдоша удальцы 3 добрыхъ коней на суженое мѣсто на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Напрядѣ. И восплакалися жены коломенскіе, а ркутъ тако: Москва, Москва, быстрая рѣка! чему еси залелѣяла мужей нашихъ, ркутъ, отъ насъ въ землю Половецкую, и тако: можешь ли господине князь в. веслы Нѣпръ запрудить; замкни государь Окѣ рѣкѣ ворота, чтобы потомъ поганые Татаровѣ къ намъ не ѣздили, уже мужей нашихъ рать трудила.

Того же дня въ суботу на рожество св. Богородицы иссѣкша христіане поганые полки на полѣ Куликовѣ, на рѣкѣ Напрядѣ; и нюкцувъ (?) в. кн. Владимеръ Андр. гораздо и скакаше во полцѣхъ поганыхъ въ Татарскихъ, а злаченымъ тымъ шеломомъ посвѣчиваетъ, а скакаша со всѣмъ своимъ войскомъ. и загремѣли мечьми булатными шеломы хиновскіе. И восхвалитъ брата своего в. кн. Дмитрея Ив.: брате. Дмитрій Ивановичь, туто у.. шна времени... а забрала не оставай, и свои полки понужай коромольщикамъ; уже бо поганые Татары поля наступаютъ, а храбрую дружину у насъ истеряли, а въ трупи человѣчьѣ борзи кони не могутъ скочити, а въ крови по колѣно бродятъ, а уже бо, братье, жалостно видѣти кровь крестьянская. И князь в. Дмитрей Ив. рече своимъ бояромъ: братія бояра и воеводы и дѣти боярскіе, то ти ваши московскіе сладкіе меды и великіе мѣста, туто, брате, стару помолодѣть, а молодому чести добыть. И рече князь в. Дмитрей Ив.: Господи Боже мой! на тя уповахъ да не постыжуся въ вѣкъ, и да не посмѣютмися враги моя мнѣ; и помолился Богу и пречистой Его Матери и всѣмъ святымъ Его, и прослѣзися горько, и утеръ слезы. И тогда аки соколи борзо полетѣли. И поскакиваетъ князь в. Дмитрей Ив. съ своими полки и со всею силою. И рече: брате, князь Владимеръ Андр.: тутъ брате, испити медвяна чара, наѣждяемъ, брате, своими полки сильными на рать Татаръ поганыхъ.

Тогда князь в. наступаетъ на рать силу татарскую, и гремятъ мечи булатные о шеломы хиновскіе, и поганые бусорманы покрыша главы своя руками своими; тогда поганые борзо вся отступиша. И отъ в. кн. Дмитрея Ивановича стези ревутъ, а поганые бѣжатъ, а рускіе князи и бояры и воеводы и все великое войско широкія поля кликомъ огородиша, и злачеными доспѣхами освѣтиша. Ужо бо ста туръ на боронь; тогда князь Дмитрей Ив. и братъ его кн. Владимеръ Андр. полки поганыхъ вспять поворотили; и нача ихъ бусормановъ бити и сѣчи гораздо безъ милости, и князи ихъ падоша съ коней загремѣли, а трупьми татарскими поля насѣяша, и кровію ихъ рѣки потекли. Туто поганые разлучишася розно, и побѣгше неуготованными дорогами въ лукоморье, скрегчюще зубами са-
ми, дорушн (?) лица своя; а ркуще такъ: уж
намъ брате въ земли своей небывать и дѣ-
своихъ невидать, а въ Русь ратью намъ н
хаживать а выхода ([1]) намъ у рускихъ
не прашивать; уже бо востона земля Тата-
ская, бѣдами и тугою покрыша бо
ихъ, хотеніе (?) князомъ и похвала Руской
ли ходити; уже бо веселіе наше пониче,
бо рускіе сынове разграбиша татарскі
рочья, и доспѣхи и кони, и волы, и
ды, и вино, и сахаръ дорогое узорочье,
жены русскіе восплескаша татарскимъ
томъ.

Уже бо по русской землѣ прострѣся
ліе и буйство (*раздолье*); вознесеся слава
ская по всей земли; а на поганыхъ Тата-
промчеся злыхъ бусормановъ хула и
уже бо вержено диво на земли: и уже гр
в. кн. Дмитрея Ив. и брата его кн. Влади-
ра Андр. по всѣмъ землямъ текутъ грозы
князь в. своею храбростію и дружиною
мая поганаго побилъ за землю русскую и
вѣру крещеную; уже поганые оружія
повергоша подъ мечи русскіе, и трубы
не трубятъ, и уныша гласи ихъ. И отсту
поганый Мамай отъ своея дружины,
волкомъ взвылъ, и притече къ Хаеестѣ
ду. Молвяше же ему Ѳрязовѣ (*Франки*):
ты поганый Мамай посягаешь на Русск
млю; то тя била орда (*войско*) Залѣская:
бывати тебѣ въ Батыя царя, у Батыя
было 400,000 кованные рати, а воевалъ
Русскую землю отъ востока и до запа
казнилъ Богъ Русскую землю за своя
шенія. И ты пришелъ на русскую
царь Мамай, съ многими силами, 39-ю
и 70-ю князьями; а нынѣ ты поганый
самъ-девятъ въ Лукоморье, не съ кѣмъ
зимы зимовати въ полѣ; не што (*разве*)
князи русскіе гораздо подчивали, ни
съ тобою ни воеводъ: не что гораздо
ся у быстраго Дону на полѣ Куликовѣ на
вѣ ковылѣ. Побѣжи ты поганый Мамай
насъ, позаденешь и намъ отъ земли рус

Уподобился еси милому младенцу у
тери своей, тако господь Богъ помилова
князей русскихъ, в. кн. Дмитрея Ив. и бра-
его кн. Владимера Андр межъ Дона и Нѣпр
И сталъ в кн. Дмитрій Ив. съ своимъ
томъ съ Владимеромъ Андр. и съ остал
ми своими воеводами на костѣхъ, на полѣ
ликовѣ на рѣчкѣ Напрядѣ. Грозно бо и
лостно, брате, въ то время посмотрѣти,
лежатъ трупи крестьянскіе у Дуная вели
на брезѣ, и Донъ рѣка три дни кровію те

([1]) *Выхода—дани*. Въ Древн. Рус.
Бралъ онъ младъ Щелканъ дани, невыходы.
невыплаты. Все это мѣсто отличается
пѣсеннымъ складомъ.

че князь в. Дмитрей Ив., считайтеся бра-
колько у насъ воеводъ нѣтъ, и сколько
цытъ людей нѣтъ. Тогды говоритъ стоя
йло Александровичь, московскій бояринъ,
о Дмитрею Ивановичю: государь кн. в.
рей Ивановичь! нѣту, государь, у насъ
бояриновъ Московскихъ, 12 князей бѣло-
ихъ; 30 новгородскихъ посадниковъ, 20
иновъ коломенскихъ, 40 бояръ серпухов-
ь, 30 пановъ литовскихъ, 25 бояръ ко-
скихъ, 35 бояръ володимеровскихъ, 8
ь суздальскихъ, 40 бояръ муромскихъ,
бояръ рязанскихъ, 34 бояриновъ ростов-
ь, 23 бояръ дмитровскихъ, 60 бояръ мо-
кихъ, 30 бояръ звѣнигородскихъ, 15 бо-
углецкихъ; а посѣчено отъ безбожнаго
я полтретья ста (270) тысечь и 3 тыся-
лава тебѣ Господи Боже нашь, помило-
на съ. И рече кн. в. Дмитрей Ивановичь:
я боара и князи и дѣти боярскіе, то
суженo мѣсто межъ Дономъ и Нѣпромъ
олѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Напрядѣ, и по-
ли еста головы своя за св. церкви за зе-
рускую. за вѣру крестьянскую; прости-
братія и благословите, всѣмъ вѣнецъ
дущемъ. И пойдемъ брате, кн. Влади-
Андреевичь во свою Залѣскую землю
лавному граду Москвѣ, и сядемъ брате
воемъ княженіи, а чти есми, брате, до-
и славнаго имени, Богу нашему слава.

(Времен. моск. общ. ист. кн. XIV).

побоищѣ на Дону въ IV Новгор. лѣт. 75—
Рус. историч. сборн. III, 1838 г. Сказаніе о
щѣ изд. *Снегирева* 1829. См. Журн. Мин.
. Просв. VII, 5—71. Уч. Зап. Акад. V, 3
Изв. Акад. VI, 337; VII, 96. Объ-украшен.
іяхъ въ Ист. Рос. *Соловьева*. IV, 360—71.
ѣчанія къ сказанію въ Христом *Буслаева*.

О плѣненіи и о прихожденіи Тахта- а царя, и о московскомъ взятьи 1382.

ысть нѣкое проявленіе, по многіи но-
влятеся таковое знаменіе на небеси:
остоцѣ, предъ раннею зарею, звѣзда
я, аки хвостата и якоже копейныйъ
зомъ, овогда вечерней зарѣ, овогда же
трепей, тоже многажды бываше. Се
знаменіе проявляше злое пришествіе
амышево на русскую землю, и горь-
поганыхъ татаръ нахожденіе на кре-
ны; якоже и бысть, гнѣвомъ божіимъ,
множеніе грѣховъ нашихъ. Бысть въ

3-ее лѣто царства Тахтамышева, царствующему ему въ Ордѣ и въ Сараи, и того лѣта царь Тахмамышь посла слуги своя въ градъ нарицаемый Болгары, еже есть на Волзѣ, и повелѣ торговци рускія и гости крестьяньскія грабити, а суды ихъ и съ товаромъ у нихъ отнимати и продавати къ собѣ на перевозъ; а самъ потщася съ яростію, събравъ воя многы, и подвижеся къ Волзѣ съ всею силою своею, перевезеся на сію страну Волгы съ всѣми своими князьми, съ безбожными вои съ татарьскими полки, поиде изгономъ на в. кн. Дмитія Ив. и на всю Русь; ведяше же рать внезапу изневѣсти (*неизвѣстно, невѣдомо*), умѣніемъ тацѣмъ же злохитріемъ, недающе вести предъ себе, да не услышано будетъ на Руси устремленіе его. И то слышавъ князь Дмитрій Костянтиновичь суздальскій посла къ царю Тахтамышю 2 сына своя, Василья да Семіона; они же пришедше не обрѣтоша его, бѣяше бо грядя борзо (*быстро*) на крестьянъ и гнаша въ слѣдъ его нѣколико дній, перенхаша дорогу его на мѣстѣ нарицаемѣмъ Серьнацѣ, и поидоша по дорозѣ его съ тщаніемъ, и постигоша его близъ предѣлъ Рязаньскія земля. А князь Олегъ Рязаньскій срѣте царя Тахтамыша преже, даже не вниде въ землю рязаньскую, и бивъ ему челомъ бысть ему помощникъ на побѣду Руси, но и споспѣшникъ на пакость крестьяномъ, иная нѣкая словеса изнесе о томъ, како плѣнити землю рускую, како безъ труда взяти каменный градъ Москву, како побѣдити и издобыти князя Дмитрія; еще же ктому обведе царя около всей своей отчины рязаньскія земли хотяше бо добра не намъ, но своему княженію помагаше. А въ то время поздѣ нѣкако (*какъ то*) си едва пріиде вѣсть князю великому, възвѣщающи рать татарьскую; аще бо и не хотяше Тахтамышь, дабы кто принеслъ вѣсть на Русь о его приходѣ, того бо ради вси гости рус-

кія поимани быша и пограблени и удержани, дабы не было вѣсти Руси, но обаче суть нѣціи доброхоты на предѣлѣхъ ордыньскихъ на то устроени, поборници суще земли Рустѣй. Слышавъ же князь великій таковую вѣсть, како идетъ на него самъ царь въ множествѣ силы своея, нача сбирати воя и съвокупляти полки своя, и выѣха изъ града Москвы, хотя ити противу Татаръ; и ту начаша думу думати князь Дмитрій и съ прочими князи рускими, и съ воеводами и съ думцами и съ вельможами и съ боляры старѣйшими, и всячески гадавше, и обрѣтеся разно въ князехъ, и не хотяху пособляти другъ другу, и не изволиша помагати братъ брату. Не помянуша Давыда пророка, глаголюща: се коль добро и коль красно, еже жити братіи вкупѣ! и друго̓му присноподнимому рекшю: другъ другу пособляя и братъ брату помагая яко градъ твердъ. Бывшю же промежи ими нееднначьству по неимовѣрьству (*разногласью*), и то познавъ и разумѣвъ и разсмотревъ благовѣрный князь бы въ недомышленіи велицѣ и убояся стати въ лице самаго царя, и не ста на бой противу его и не подня руки на царя; но поѣха въ градъ свой Переяславль, и оттуду мимо Ростовъ, и паки реку вборзѣ на Кострому. А Кипріанъ митрополитъ пріѣха на Москву. А во градѣ Москвѣ бысть мятня (*смута*) многа и мятежь великъ зѣло, бѣху людіе смущени, яко овца не имуще пастуха, гражаньстіи людіе възмятошася и въсколебашася яко пьяни: ови сѣдѣти хотяху затворившеся въ градѣ, а друзіи бѣжати помышляху, и бывши промежи ими распрѣ велицѣ, ови же съ рухлядью въ градъ вметахуся, а друзіи изъ града бѣжаху ограблени суще; и створиша вѣче, позвониша во вся колоколы, и въсташа вечемъ народи мятежници, недобріи человѣци, людіе крамольници: хотящихъ изыти изъ града не токмо не пущаху вонъ изъ града, но и

грабляху, ни самого митрополита
дѣшася, ни бояръ нарочитыхъ не
шишася, ни усрамишася сѣдины
многолѣтныхъ, но и на вся
ставше на всѣхъ вратехъ градски
ху каменіемъ шибаху, а долѣ
земли съ рогатынями и съ су
съ обнаженнымъ оружіемъ стояху,
пущающе вылѣзти вонъ изъ града,
умолени быша, поздѣ нѣкогда
ихъ изъ града, и то ограбивше.
же единаче въ мятежи смущающеся,
морю мутящуся въ бури велицѣ,
откуда же утѣшенія обрѣтающю,
болшихъ и пущьшихъ золъ ожидаху;
же тако бывающимъ, и потомъ
къ нимъ въ городъ нѣкоторый
товскій, именемъ Остѣй, внукъ О
и той окроти народъ и мятежь
уставивъ, и затворися съ ними
во осадѣ съ множествомъ народа
ми, елико осталося гражданъ, и
бѣжанъ сбѣжало съ волости, и
отъ иныхъ градовъ и отъ странъ
чишася въ то время боляре и Су
суконники и прочіи купци, и
дриты и игумены и протопопы,
теры, дьякони и чернци, и
възрастъ мужеска полу и женеска
младенци. Князь же Олегъ обведе
около своея отчины и земли и
вся броды сущая на рѣцѣ на Окѣ.
же перешедъ рѣку Оку, и прежде
взя градъ Серпоховъ и огнемъ
оттуда тако поиде къ Москвѣ,
устремився, духа ратнаго наполн
волости и села жгущи и воюющи
народъ крестьяньскій сѣкущи и
й убивающи, а прочая люди въ
емлющи. И паки пріиде къ городу
Москвѣ ратью, а сила татарьская
де м. августа въ 23 въ понедѣльн
и пріѣхаша не вси полци къ граду:
чаша кличюще въпрашивати,
глаголюще: »есть ли здѣ князь Дмитрі
они же съ града съ заборолъ отвѣща

а: »нѣту.« Татарове же отступивше
іече, и поѣхаша около города, обзи-
це и разсмотряюще приступы, и рвы,
ата, и забралы, и стрѣльници, и па-
тояху зряще на градъ. А тогда въ
з внутрьуду добріи людіе моляхуся
день и нощь, пристояще посту и
гвѣ, ожидающе смерти, готовляхуся
окаяніемъ и съ причастіемъ и сле-
Нѣціи же недобріи человѣци нача-
бходити по дворомъ, износяще изъ
бовъ меды господскія, а сосуды сре-
ля и сткляници драгія, и упиваху-
аже и допьяна, и къ шатанію дер-
прилагаху, глаголюще: »не устра-
ся поганыхъ нахожденія татарьскаго,
ъ (*такъ*) твердъ градъ имуще, еже
стѣны каменны и врата желѣзна;
зрпять бо ти долго стояти подъ го-
ъ нашимъ сугубъ страхъ имуще,
рь града бойци, а внѣуду града кня-
нашихъ съвокупляемыхъ устремленія
ются.« И паки възлазяще на градъ,
і суще, шатахуся, ругающеся Тата-
, образомъ безстуднымъ досажающе и
я словеса износяще исполнь укориз-
і хулы, а кидаху на ня, мнѣху то-
той есть силы татарьскія; Татарове
рямо къ нимъ на градъ голыми са-
и своими машюще, образомъ аки ти-
(*сѣчаху*) накивающе издалеча. И
ой день къ вечеру тѣ полци отсту-
отъ града, и наутрія самъ царь
гупи съ всею силою и съ всѣми
і своими подъ градъ, граждане же
рада узрѣвше силу велику и убояша-
ьло; Татарове же тако и поидоша
ороду, граждане же съ града пусти-
на ня стрѣлы, и они паче стрѣляше
зами своими, и идяху стрѣлы ихъ на
ь аки дождь великъ умноженъ зѣло,
адуще ни прозрѣти, и мнози на гра-
тоящіи на забралѣхъ отъ стрѣлъ па-
, одоляху бо татарьскія стрѣлы паче,
ли гражаньскія: бѣху бо у нихъ
лци горазднн велми, ови отъ нихъ

стояще стрѣляху, а друзіи скоро рищю-
ще (*быстро бѣгая*), изучени суще, а
иніи на кони борзо гоняще на обѣ руцѣ,
и паки напредъ и назадъ, скоро получно
(*улучно, благополучно*) безъ погрѣха
стрѣляху; а друзіи отъ нихъ створше лѣ-
ствици и прислоняюще я лѣзяху на стѣ-
ну, граждане же воду въ котлѣхъ варя-
ще, кипятню, и льяху на ня варъ, ти
(*да*) тако възбраняхуть имъ. Отшедшимъ
же симъ и паки приступившимъ, и тако
по 3 дни бьяхуся межи собою, пренема-
гающеся; егда бо Татарове приступаху
къ граду, близъ приступающе къ стѣ-
намъ градскымъ, тогда же граждане
стрегуще градъ, супротивишася имъ
възбраняюще, ови стрѣляху стрѣлами съ
заборолъ, ови же каменіемъ шибаху на
ня, а иніи самострѣлы напрязающе пру-
гаху, друзіи же тюфяки (*изъ ружей*)
пущаху на нихъ и пороки, есть же нѣ-
ціи, яко и самыя тѣ пушки пущаху. Въ
нихъ же бѣ единъ нѣкто гражданинъ Мо-
сквитинъ, суконникъ, именемъ Адамъ,
иже бѣ надъ враты Флюрълаврьскими,
примѣтивъ, назнаменовавъ единаго Татари-
на парочита (*знатнаго*) и славна, иже
бѣ сынъ нѣкоего князя ординьскаго, на-
прягъ стрѣлу самострѣлную, юже испу-
сти напрасно, ею же уязви въ сердце
его гнѣвливое и вскорѣ смерть ему на-
несе, се же бысть велика язва всѣмъ
Татаромъ, яко и самому царю стужити о
семъ. Симъ же тако бывающимъ, царь
же стоявъ у города 3 дни, а на 4 день
оболга князя Остѣя лживыми рѣчми и
лживымъ миромъ, и вызва его вонъ изъ
града и уби его предъ враты града, а
ратемъ своимъ всѣмъ повелѣ обступити
градъ съ всѣ стороны. Такова же бысть
облесть (*оболганье*) Остѣю и всѣмъ гра-
жданомъ, сущимъ въ осадѣ: и понеже
царю стоящу 3 дни около града, а на 4
день наутрія въ полъобѣда, по повелѣнію
цареву, пріѣхаша Татарове нарочитіи
большіи князи ординьскіи и рядци его, съ

ними же 2 князя суздальскій, Василей да Семіонъ, сынове князя Дмитрія суздальскаго; и пришедше подъ градъ, приближившеся близъ стѣнъ градскихъ по опасу (*осторожно*), и нача глаголати къ народу сущему въ градѣ: »царь васъ своихъ людей хощеть жаловати, понеже неповинни есте и нѣсте достойни смерти; не на васъ бо воюя пріиде, но на Дмитрія ратуя пріиде ополчився, вы же достойни есте милованію, много же ничтоже не требуетъ отъ васъ, развѣ токмо изыдите противу его въ срѣтеніе ему съ честью и съ дары, купно и съ своимъ княземъ; хощеть бо видѣти градъ сей и въ онь внити и въ немъ побывати, а вамъ даровати миръ и любовь свою, а вы ему врата градныя отворите;« такожe и князи Нижняго-Новагорода глаголаху: »имите вѣру намъ, мы есмя ваши князи крестьяньстіи, вамъ на томъ правду даемъ.« Народи же градстіи вѣру яша словесемъ ихъ, си помыслиша и прелстишася, ослѣпи бо я злоба татарьская и омрачи ихъ прелесть бесерменьская, ни познаша, ни помянуша глаголющаго: »не всякому духу вѣруйте,« отвориша врата градная; и выидоша съ своимъ княземъ и съ дары многими къ царю, такожe архимандритове и игумены и попове съ кресты, а по нихъ боляре болшіи мужи, и потомъ народъ и черныи люди. И въ томъ часѣ начаша татарове сѣчи всѣхъ, по ряду напрасно: прежде всѣхъ убьенъ бысть князь ихъ Остѣй предъ градомъ, и потомъ начаша сѣчи поповъ и игуменовъ, аще и въ ризахъ съ кресты, и черныхъ людій, и ту бяше видѣти святыя иконы повержены и на земли лежаща, и кресты честныя безъ чести небрегома, ногами топчемы, обоиманы же и одраны. Татарове же тако и поидоша въ градъ, сѣкуще, а иніи по лѣствицамъ взыдоша на градъ, никому же възбраняющю съ заборолъ, не сущю забралнику на стѣнахъ и не сущю избавляющему, ни спасающему. И бысть внутрь града сѣча велика, а внѣуду сѣча, в
лико же сѣчаху, дондеже руцѣ ихъ и пле
ихъ измолкоша (*ослабѣли*), сила ихъ в
неможе, сабли ихъ не имуть, острія ихъ
тупишася. Людіе же крестьяньстіи сущі
гда въ градѣ, бѣгающе по улицамъ сѣм
овамо, скоро рищуще толпами, вълію
глаголюще, и въ перси своя біюще: к
гдѣ избавленія обрѣсти, и нѣсть гд
смерти избыти, и нѣсть гдѣ остреа ме
укрытися, оскудѣ князь и воевода ихъ и
воиньство ихъ потребися, и оружія ихъ
до конца изчезоша; овіи въ церкв
сборьныхъ каменныхъ затворишася, но
тамо не избыша, безбожніи бо си
разбиша двери церковныя, и сихъ ме
изсѣкоша; вездѣ крикъ и вопль вели
страшенъ бываше, яко не слышати др
друга въпіюща, множествомъ вар
кричаща, они же крестьянъ изводяще и
церкви лупяще (*обирающе*) и обнажа
ще сѣчаху. А церкви сборныя разграби
ша олтаря святыя и мѣста попраша, и
кресты честныя и иконы честныя ок
ша украшены златомъ и сребромъ и ж
чюгомъ и бисеромъ и каменіемъ драг
и пелены златомъ шитыя и женчю
саженыя оборваша, съ святыхъ ик
кузнь (*металическія украшенія*) съдр
ше, а святыя иконы попраша и съсу
церковныя, служебныя, священныя, з
токованныя и сребряныя многоцѣн
поимаша, и ризы поповьскія многоцѣн
и многія расхитиша; книгъ же им
множество снесено съ всего града,
сборныхъ церквахъ до *стропа* (¹) на
тано, съхраненія ради спроважено, то
безъ вѣсти створиша. Что же изрек
о казнѣ князя великаго, яко и тоя м
гоцѣнное съкровище съкровенное с
истощися, и велехвалное богатство и
гатотворное имѣніе быстрообразно ра

(¹) *До стропа*—до верха; оттуда сл. *ст*
пилы.

сеию бысть? Пріидемъ же въ сказаніе и прочихъ и многихъ болярь старѣйшихъ, ихже казны долговременствомъ сбираеми и благоденьствомъ наполняеми, и хранилища ихъ исполнь богатствомъ имѣнія многоцѣннаго и неисчетнаго, то все взяша и понесоша; и паки другія сущеи въ градѣ купци, яже суть богатіи людіе, храмины ихъ наполнени всякого добра разноличнаго, та вся взяша и расхитиша; многи монастыри разориша и многи церкви раздрушиша, въ св. церквахъ убійство сдѣяша, и въ священныхъ олтарѣхъ кровопролитіе сътвориша оканніи, и святая мѣста поганіи оскверниша. Якоже пророкъ глаголаше: Боже! пріидоша языци въ достояніе твое, и оскверниша церковь святую твою; положиша Іерусалима, яко овощное хранилище, положиша трупья рабъ твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ твоихъ звѣремъ земнымъ, проліяша кровь ихъ яко воду, окрестъ Іерусалима, не бѣ погребая ихъ; дѣвица ихъ неосѣтовани быша, и вдовици ихъ неоплакани быша, и священници ихъ оружьемъ падоша. Была бо тогда сѣча зла зѣло, и много множество ту паде трупія Руси, отъ татаръ избьеныхъ, и многихъ мертвыхъ лежаху тѣлеса мужь и женъ непокровены. И ту убьенъ быстъ Семіонъ архимандритъ Спасовьскій, и другій архимандритъ Іаковъ, и иніи мнози игумены и попове и дьякони, крилошане, четци и пѣвци, черици, простьци, и отъ юнаго и до старца, мужеска полу и женьска, ти вси посѣчени быша; а друзіи въ огнѣ изгорѣша, а иніи въ водѣ истопоша, а иніи множайшіи отъ нихъ въ полонъ поведени быша и въ работу (*въ рабство*) поганьскую въ страну татарьскую плѣнени быша. И бяше видѣти тогда въ градѣ плачь и рыданіе и вопль многъ и слезы неисчетныя, крикъ неутолимый, стенаніе многое, оханіе сѣтованное, печаль горкая, скорбь неутѣшимая, бѣда нестерпимая, нужа ужасная, горесть смертная, страхъ и трепетъ и ужасъ, драхлованіе и изчезнованіе, попраніе, безчестье, поруганіе, посмѣханіе врагомъ, укоръ, студъ и срамота, поношеніе и уничиженіе. Сія вся приключишася на крестьянскомъ роду отъ поганыхъ за грѣхи наша. И тако злѣ и вскорѣ взяша градъ Москву, м. августа въ 26 день, на память св. мученикъ Андрѣяна и Натальи, въ 7 часъ дни въ четвертокъ по обѣдѣ, товаръ же и всякія имѣнія пограбиша, и градъ огнемъ зажгоша, а люди мечю препадаша; и бысть оттолѣ огнь, а отселѣ мечь, ови огня бѣжаще мечемъ умроша, а друзіи меча бѣжаще въ огнѣ изгорѣша, и бысть имъ четверообразна пагуба 1-е отъ меча, 2-е отъ огня, 3-е въ водѣ, 4-е въ плѣненіе поведени быша. И бяше дотолѣ преже видѣти было Москва градъ великъ, градъ чюденъ, градъ многочеловѣченъ, въ немже множество господьства, въ немже множество всякаго узорочья (*драгоцѣнностей*), и паки въ единомъ часѣ измѣнися видѣніе его, егда взятъ бысть и посѣченъ и пожженъ: и нѣчего его видѣти, развѣи токмо земля и персть, прахъ, пепелъ, трупья мертвыхъ многа лежаща, и святыя церкви стояща аки разорены, аки осиротѣвши, аки овдовѣвши; плачется церкви о чадѣхъ церковныхъ, паче же о избьеныхъ, яко матерь о чадѣхъ плачющися: о чада церковная, о страстотерпци избьеніи, иже нужную кончину полъясте, иже нужную смерть претерпѣсте отъ огня и меча; отъ поганыхъ насильства церкви стоять, не имуще лѣпоты, ни красоты. Гдѣ тогда красота церковная? понеже престала служба церковная, ею же многа блага у Господа просимъ, престала обѣдняя св. литургія, престала святая просфура, приношеніе еже на святѣмъ жерьтвеници, престала молитва заутреняя и вечерняя, преста гласъ псалму, по всему граду умолкоша пѣсни. Увы мнѣ страшное се слышати, страшнѣе же тогда было видѣ-

ти! грѣси же наши то намъ сътворили. Гдѣ благочестіе и благосостояніе церковное? гдѣ четци и пѣвци? гдѣ клиросиници, церковници? гдѣ суть ереи, священници, служащеи Богу день и нощь? вси лежатъ, вси усвуша и почиша, вси посѣчени быша и избьени быша, усѣченіемъ меча умроша: нѣсть позвоненія въ колоколы, ни въ било (¹), нѣсть зовущаго, ни текущаго, не слышати въ церкви гласа поюща, ни слышати славословія и хвалословленія, не бысть въ церквахъ стихословія и благодаренія—въ истину суета человѣческая, и бысть мятежь человѣческій. Сице же бысть конець московьскому плѣненію. Не токмо же едина Москва взята бысть тогда, но и прочіи грады и страны плѣнени быша. Князь же великій съ княгинею и съ дѣтми пребысть на Костромѣ, а братъ его Володимеръ на Волокѣ, а мати Володимерова и княгини въ Торжку, а Герасимъ владыка коломеньскій въ Новѣгородѣ. Кто насъ, братье, о семъ не устрашится, видя таковое смущеніе Руской земли? Якоже Господь глагола пророкомъ: аще хощете, послушаете мене, благая земная снѣсте, и положю страхъ вашь на вразѣхъ вашихъ; аще ли не послушаете мене, то побѣгнете никимъ же гоними, пошлю на вы страхъ и ужасъ, побѣгнеть васъ отъ пяти сто, а отъ ста тысяща. Елма же царь распусти силу татарьскую по земли Руской воевати княженіе великое, ови изшедше къ Володимерю и много людей посѣкоша и въ полонъ поведоша, а иніи полци ходиша къ Звенигороду и къ Юрьеву, а иніи къ Волоку и къ Можайску, а друзіи къ Дмитрову, а иную рать послалъ въ градъ Переяславль, они же его взяша и огнемъ

пожгоша, а Переяславци выбѣгоша в
изъ града, а градъ повергше, ио се
въ судѣхъ, а тамо избыша, Татарове
многи грады поимаша и волости пово
ваша и села пожгоша, а монастыри
грабиша, а крестьянъ посѣкоша, а ини
въ полонъ поведоша, и много зла Ру
сътвориша. Князь же Володимеръ Ан
рѣевичь стояше ополчився близъ Воло
събравъ силу около себе; и нѣціи от
Татаръ, не ведуще его, ни знающе, ѣх
ша на нь, онъ же о Бозѣ укрѣпився
удари на нихъ, и тако милостію божі
овыхъ убилъ, а иныхъ живыхъ поима
и иніи побѣгоша, и прибѣгоша къ цар
и повѣдаша ему бывшее. Онъ же от
того побѣдився, и оттолѣ начатъ по ма
отступати; идущю же ему отъ Моск
и оттолѣ отступиша рать къ Коломнѣ,
тѣ шедше взяша градъ Коломну и от
идоша. Царь же перевезеся за Оку
рѣку, и взя землю Рязаньскую и огне
пожже, и люди посѣче, а иніи разбѣго
шася, а полона поведе въ Орду бесч
сленое множество; князь же Олегъ Р
заньскій то видѣвъ побѣже. Царь же
Ордѣ идущи отъ Рязани, отступи посоль
ствомъ посла своего Шихмата, свое
шюрина, къ Дмитрію суздальскому, му
пѣ съ его сыномъ съ княземъ Семіоно
а другаго сына его князя Василья поят
съ собою въ Орду. Отшедшимъ же Та
таромъ, и потомъ не по многѣхъ днех
благовѣрный князь Дмитрій и Володимер
коиждо съ своими боляры старѣйшин
въѣхаста въ свою отчину въ градъ Мо
скву, и видѣша градъ взятъ, и плѣнен
и огнемъ пожженъ, и святыя церкви р
зорены, а людій побитыхъ, трупья мерт
выхъ безъ числа лежащихъ; и о сем
ожалишася зѣло, яко и росплакатися им
съ слезами. Кто бо не въсплачется т
ковыя погибели градныя? Кто не жалует
толика народа людій? Кто не потужит
о селицѣ множествѣ крестьянъ? Кто н
сѣтуеть сицеваго плѣненія я съкрушені

(¹) *Било*—деревянная доска, употребляемая вмѣсто колокола въ Греціи и названіе это сохранилось въ Рускомъ Церкови. Уставѣ.

і тѣлеса мертвыхъ хоронити,
ъ 40 по полтинѣ, а отъ 50
и съчтоша, всего того дано
погребанія мертвыхъ 300
). А опроче того елико сдѣя-
напастію убытка Руси и кня-
кому, елико створиша протора
своимъ ратнымъ нахожденіемъ,
довъ поимаша и плѣниша, и
га и сребра и всякаго товара
емлю его до останка взяша и
ориша, и всякого уворочья,
остій (*областей*) повоеваша,
мъ пожгоша, колико мечемъ
елико въ полонъ поводоша, и
щно было ти вси убытки и
протори изчитати, убо, не
, мню, яко ни тысяща тысящь
иметъ числа. Не по мнозѣхъ
нязь Дмитрій посла свою рать
лга рязаньскаго; Олегъ же не
дружинѣ едва утече, а землю
нка взяша и пусту сътвориша,
ысть и татарьскія рати. Тогда
сущю Кипріяну м-ту на Тфе-
избывшю ему ратнаго нахож-
іѣха на Москву октября 7.
ени къ князю Дмитрію на
ъ Тахмамыша посолъ пріѣха
иру; князь же повелѣ кресть-
ти дворы и съзидати грады.

С. Лѣт. IV, 84—90).

вниманіе на украшенный языкъ мо-
ой повѣсти, и на искуственные пріемы

Крещеніе Татаръ 1390 ([1]).

осени пріѣхаша 3 Татарины
Василью въ рядъ (*на службу*
по уговору), и биша ему челомъ, хотя-
ще ему служити, иже бѣша знакомитіи
(*знаменитые*) двора царева и нарочитыи
поставленици царевы, въсхотѣша быти
въ вѣрѣ крестьяньской, и жити на Руси
и креститися, и пришедше къ м-ту Ки-
пріяну, просиша отъ него св. крещенія;
онъ же поучивъ отъ святыхъ книгъ, и
молитву створивъ, и приготовавъ я яко-
же подобаетъ, и бысть въ время, егда
подобаетъ крестити я, позвониша во вся
колоколы, и събрася множество народа
аки на дивное чюдо, митрополитъ же
облечеся въ вся своя ризы, и съ всѣмъ
своимъ съборомъ, съ кресты и съ икона-
ми и съ еуангеліемъ и съ кандилы и
съ свѣщами, снидоша на рѣку Москву,
ту абіе митрополитъ самъ крести я во
имя Отца и Сына и св. Духа; бѣша же
имъ до крещенія 3-мъ симъ Татариномъ
имена были, по татарьски наречени бы-
ша: Бахтыхозя, Кидирьхозя, Маматхозя,
претвори же и преименова въ св. кре-
щеніи ихъ имена: Ананья, Азарья, Ми-
саилъ; и бысть радость въ градѣ Москвѣ,
по реченому: радость бываетъ на небе-
сѣхъ о единомъ грѣшницѣ кающемся,—
и вси вѣрніи человѣчи слышавшеи и ви-
дѣвшеи, прославиша Бога, благодаряще и
глаголюще: обрати, Господи, поганыя въ
крестьяньство, да и ти будуть братья
наша, пріемше св. крещеніе, и да будеть
едино стадо и единъ пастырь.

(*П. С. Лѣт. IV, 97—98*)

Чрезвычайно замѣчательный взглядъ рус. лѣто-
писца на иновѣрцевъ: во всякомъ человѣкѣ, присое-
диняющемся къ обществу православныхъ христіанъ,
онъ видитъ брата, какой бы онъ ни былъ націи.

350. Объ избавленіи Москвы отъ Тамерлана.

Въ лѣто 6903 (1395). Во дни кня-
женія благовѣрнаго и христолюбиваго в.

ю. труповъ похоронено 24,000.
віе этой статьи слѣд.: «о трехъ Та-
изъ Орды пріидоша на Москву к кре-

кн. Василія Димитреевича, самодержца руськой землѣ, внука в. кн. Ивана Ивановича, правнука в. кн. Ивана Даниловича, при благолюбивомъ архіепископѣ Кипріянѣ митрополитѣ кіевскомъ и всея Руси, въ 15-е лѣто, царства Тахтамышева, а въ 7-е лѣто княженія в. кн. Василія Димитреевича, а индикта въ 3. а въ 13 лѣто по татарщинѣ, по московскомъ взятіи, бысть замятня велика въ Ордѣ: пріиде нѣкоторый царь Темиръ Аксакъ, восточныя страны, отъ Синіе орды, отъ Самархиской земли, велику брань сотвори, много мятежа воздвиже въ Ордѣ и на Руси своимъ приходомъ. О семъ убо Темиръ Оксацѣ повѣдаша, яко исперва не царь бѣ родомъ, ни сынъ царевъ, ни племени царьска, ни княжьска, ни боярьска, но тако изъ проста единъ сый отъ худыхъ людей, отъ Заацкихъ Татаръ, отъ Самархиньскія земли, отъ Синіе орды, иже бѣ за Желѣзными враты; ремествомъ же кузнецъ бѣ желѣзныи, обычаемъ же же и дѣломъ немилостивъ, хищникъ, и ябедникъ, и грабежникъ; иже бѣ преже холопъ былъ у нѣкоего государя, егоже за злонравіе отвержеся его государь, бивъ отсла его отъ себе, онъ же не имѣ чимъ питатися и пребываше татбою кормяся. Единаче бо ему тогда сущу младу, во убожествѣ крады и ядяше, онъ же у нѣкоего украде овцу, они же абіе очутивше его, онъ же мняшеся убѣжати, но скоро многими постиженъ бысть, ятъ бысть и удрьжанъ крѣпко, и биша его нещадно по всему тѣлу, и умыслиша ему дати язву смертную, яко да убіютъ й, и пребиша ему ногу и бедру на полы, и абіе повергоща его мертва не движущеся и не дышуща; мняху бо якоже умре, и оставиша его псомъ на снѣденіе. Едва уздравися отъ таковыя смертоносныя язвы, воста, перекова себѣ желѣзомъ ногу свою перебитую, таковою нужею хромаше; того ради прозванъ бысть Темиръ Аксакъ, Темиръ бо зовется желѣзо, а Аксакъ хро-

мець; тако бо толмачетъ [illegible]
языкомъ, яко таковою [illegible]
бысть Темиръ Аксакъ, еже [illegible]
желѣзный хромець, яко отъ [illegible]
дѣлъ званіе пріимъ, по дѣйству [illegible]
бѣ ветяжа. Таже потомъ, [illegible]
отъ ранъ, по великихъ тѣхъ [illegible]
лишился бѣ лихого своего обычая [illegible]
го, не смирился, ни укротился, [illegible]
на большее совращеся: горѣ [illegible]
пуще прежняго бысть лютъ [illegible]
Потомъ же къ нему приложиша [illegible]
немилостивіи, мужіе суровіи, [illegible]
ловѣци, подобници ему, таковіи [illegible]
бойници и хищници; и умножиша [illegible]
И егда бысть числомъ яко 100, [illegible]
рекоша его надъ собою старѣйшиною [illegible]
бойникомъ; а егда бысть ихъ числомъ
и до 1000, тогда уже княземъ [illegible]
ху; а егда ихъ болѣ умножиша, [illegible]
числомъ, многи земли поплѣни, [illegible]
ды и царства понимали, тогда [illegible]
его у себе именоваху. Сій же [illegible]
Аксакъ нача многи рати творити, [illegible]
ги брани воздвиже, многи побѣди [illegible]
многимъ полкомъ сопротивнымъ одолѣ [illegible]
гы грады раскопа, многи люди [illegible]
многи страны и земли повоева, [illegible]
сти и языки поплѣни, многи [illegible]
царьства покори подъ себе; [illegible]
Крещенія полони, царство за себе [illegible]
се имена тѣмъ землямъ и царствамъ [illegible]
бѣ поплѣнилъ Темиръ Аксакъ: [illegible]
Хосуранiй, Голустанiй, Китай, [illegible]
да, Ширасъ, Испагань, Орначь, [illegible]
Сизъ, Шибрень, Шамахiинкъ, [illegible]
зунумъ, Тефлизiй, Теврязiй, [illegible]
Обезнiй, Багдатъ, Тимиръ Кабы [illegible]
Желѣзная врата, и Асирiю, и [illegible]
ское царство, идѣже былъ Навх[illegible]
царь, иже плѣнилъ Іерусалимъ [illegible]
роки, Ананiю, Азарiю, Мисаила
пророка, и Севастiю градъ, [illegible]
мученiе св. мученикъ 40, иже
стѣи, и Арменiю, идѣже былъ
горей епископъ великiя Армен[illegible]

кій; и сія имена тѣмъ землямъ, домъ, и тѣмъ царствомъ, надъ арствова Темиръ Аксакъ, со земель дани и оброки даютъ семъ ему повинующися. Онъ ги брани хожаше, а они съ волю его творяще; царя Кре- го во клѣцѣ желѣзной вожаше того ради, да аще бы видѣли такую его славу, и силу без- ага и гонителя. Пріиде ратію царя Тахтамыша, и бысть имъ тѣ нарицаемыхъ Ораиньскомъ, дѣ царя Тахтамыша; и прогна мыша. Оттолѣ возгордѣся ока- ча мыслити во сердци своемъ жую землю, поплѣнити ю; аки , за грѣхи наша пустивну Бо- царь Батый Русьскую землю, свирѣпый царь Темиръ Аксакъ шляше, хочетъ взяти Русь- . И собравъ все вое свое, про- рду и всю землю Турскую, пріи- редѣлъ разаньскія земля, взя ь, и князя елечьскаго изыма и помучи. И се слыша кн. в. итреевичь, собра воя своя мно- съ Москвы къ Коломнѣ, хотя у ему во срѣтеніе; пришедъ у Оки рѣки на березѣ. Темиръ стоящу на единомъ мѣстѣ 15 шляя окаянный, хотѣ ити на тую землю, аки вторый Батый, ристіяньство. Слышавъ же бла- христолюбивый в. кн. Василей ь, самодрьжецъ Русьскія земля, мъ онаго безаконнаго и свирѣпа мучителя и губителя Аксакъ Те- како помышляше на правосла- боголюбивый же в. кн. Ва- греевичь руцѣ на небо воздѣю- ми моляшеся, глаголюще: «со- аступниче нашъ Господи, Го- ри отъ св. жилища твоего... ь и градъ нашъ отъ окаянна- миръ Аксака». Князь же Ва- силей Дмитреевичь посла весть ко отцу своему, боголюбивому архіеп. Кипріяну, м-ту кіевскому и всея Руси, чтобы на- роду повелѣлъ пріяти постъ и молитву, со усердіемъ и со слезами Бога призы- вати. Пресвященный же Кипріянъ слы- шавъ таковую рѣчь отъ господина своего в. кн. Василія Дмитр. призва къ себѣ вся архимандриты и игумены, и повелѣ имъ пѣти по всему граду молебны, а дѣ- ти своя духовныя повелѣ имъ наказати, дабы пріяли постъ и молитву и покаяніе со усердіемъ отъ всея душа своея. Самъ же м-тъ Кипріянъ такоже по вся дни призывая къ себѣ благовѣрныя князи, благочестивыя княгини и вся волостели и воеводы, по вся часы наказая ихъ уча- ше; самъ же Кипріянъ по вся дни и ча- сы отъ церкви не отступая, принося мо- литвы къ Богу за князя и за люди. Та- коже повелѣ князь намѣстникомъ своимъ и властелемъ и воеводамъ граднымъ укрѣ- пити осаду. Благовѣрный же в. кн. Ва- силей Дмитр. помянувъ послать по ико- ну пречистыя Владычица наша Богороди- ца, призва князей своихъ и бояръ, и ре- че имъ: «хощу послати во градъ Влади- меръ по икону Богородица, та можетъ преложити печаль нашу въ радость, мо- жетъ заступити насъ и градъ нашъ Мо- скву отъ нахоженія иноплеменныхъ, отъ нападенія вражія, отъ нашествія ратныхъ, отъ междуусобныя рати и кровопролитія всякого, и отъ мірскія печали, отъ на- прасныя смерти, отъ всякого зла, нахо- дящая на ны... Протопопъ совѣщася съ крилошаны пречистую и чудную икону взяша и понесоша отъ Владимера на Мо- скву, страха ради Темиръ Аксакова Та- тарска, егоже иногда въ повѣстѣхъ слы- шахомъ далече суща подъ востоки солне- чными, нынѣ же близь яко при дверехъ приближился, и готовится, и пощряется, и вооружается на ны велми; и бысть тогда, м. августа 15 день... Егда же принесена бысть икона сія близь града Москвы, то-

гда весь градъ изыде противу иконы на срѣтеніе ея, и стрѣтоша ю честно Кипреянъ м-тъ со епископы и архимандриты; со благовѣрными князи, со благовѣрными княгинями, съ боляры, всякъ возрастъ мужеска полу и женьска, отъ млада и до велика, все множество безчисленое народа людей, со кресты и со иконами, съ евангеліи и свѣщами и съ кандилы, со псалмы и пѣсньми и пѣніи духовными, паче же рещи вси со слезами, маліи и велицін, иже не обрѣсти человѣка не плачущася, но вси съ молитвою и съ плачемъ, вси воздыханіи немолчными и рыданіемъ и благодареніемъ руцѣ воздѣюще на высоту, вси моляхуся ко св. Богородицѣ, вопіюще и глаголюще: »о всесвятая Владычице Богородице! избави градъ нащъ Москву отъ нахоженія ратныхъ иноплеменныхъ.« Тако божіею благодатію, неизреченнюю милостію, молитвамя св. Богородица, градъ нашъ Москва цѣлъ и сохраненъ бысть; а Темиръ Аксакъ царь возвратися воспять, поиде въ свою землю. Оле преславное чудо! О превеликое удивленіе! О многое милосердіе къ роду христіанскому! въ который день принесена бысть икона пречистая Богородица изъ Володимера на Москву, въ той день Темиръ Аксакъ царь убояся и устрашися, и ужасеся и смятеся, и нападе на нь страхъ и трепетъ, и вниде страхъ во сердце его и ужасъ въ душу его, вниде трепеть въ кости его, и скоро отвержеся и охабися воевати Русьскія земли, и восхитишася быстріе путнаго шествія, скорѣе грядяху къ ордѣ, а къ Руси тылъ показающи, и обратися съ сродницы своими восвояси, возвратишася и возколебашеся аки нѣкими гоними быша; не мы бо ихъ гонихомъ, но Богъ прогони ихъ невидимою силою своею и пречистыя его Матери, скорыя заступница нашея въ бѣдахъ, и молитвою угодника его боголюбиваго пресвященнаго Петра м-та кіевскаго и всея Руси крѣпкаго заступника граду нашему Москвѣ

и молебника находящія на ны бѣды
на нихъ страхъ и трепетъ, да
Милостивъ бо есть Богъ и силенъ,
хощетъ и можетъ, еще нынѣ
насъ, яко избавилъ ны Господь
врагъ нашихъ Татаръ, избави
отъ сѣчи и меча и отъ
тія, мышцею силы твоея
га наша, сыны Агарины,
и мышцею высокою устрашилъ
Измаиловы: не наши воеводы
миръ Аксака, не наши воинство
щили его; но силою
нь страхъ и трепетъ, страхомъ
устрашился, гнѣвомъ божіимъ
потщався отъидо отъ руськія
ступивъ поиде прочь отнюде
рустѣй не прикоснуся, ни оскорби,
жи, ни вреди ея, но поиде без
щенія; мы же востахомъ и
онъ же заиде изчезе, мы же
цѣлени быхомъ, помощь наша отъ
сотворшаго небо и землю.

(*Пол. Собр. Лѣт. VI, 124–*

См. V. 247—249. VIII, 65—68
258—264.

351. Нашествіе Едигея.

а) Тое же зимы (1408)
князь ординскій, именемъ Едигей,
лѣніемъ Булата царя, пріиде
Рускую землю, а съ нимъ 4
да мнози князи татарскіе. А
царевичемъ: Бучакъ, Тергиберди,
мирь, Булатъ, а князи: в. кн.
кн. Махметъ Исупу Селемову
гиня Шиховъ сынъ, Обрягимъ
зевъ сынъ, Акшибѣй Едигѣевъ
Сентялибій, Бурнакъ, Ериклибер
же слышавъ кн. в. Василій
не сталъ на бой противу Татаръ
ѣха вборзѣ на Кострому. И
филипово говѣнье, м. декабря въ

Едигей къ Москвѣ ратью съ всею
татарскою, и распусти ихъ по
вел. княженію и разсыпашася по
емли, аки зліи вълци по всѣмъ
ь и по странамъ и по волостемъ и
омъ, и не остася таковаго мѣста,
небывали Татарове; овыя градъ
авль и огнемъ пожгоша, такоже и
ь, и Дмитревъ, и Серпуховъ, и
родъ Нижней и Городецъ. А за
за великимъ посланъ бысть въ
царевичь Тегриберди́й, да князь
й сынъ Едигѣевъ, да кн. Сенти-
а съ ними изборныя рати 30 ты-
и тѣ гнавшеся по немъ не постиг-
го, ниже обрѣтоша его и паки
тишася къ Едигѣю. Стоя же Еди-
Москвы, въ селѣ Коломенскомъ, и
юсылаетъ послы своя Булата ца-
да кн. Ерикли́бердѣя па Тверь,
в. Ивану Мих. тверскому, веля
ти у Москвы часа того съ всею
тверскою, и съ пушками, и съ
, и съ самострѣлы и съ всѣми
градобійными, хотя разбити градъ
; князь же Иванъ не хотя сего
ти, ни измѣнити крестнаго цѣло-
давнаго мира и любви съ в. кн.;
умысли: съ Твери поиде безъ
ю въ многѣ дружинѣ и не доѣ-
осквы възвратися паки съ Клина
рь; сіе же сътвори дабы, ни Еди-
гневити, ниже в. князю погруби-
боимъ обоего избѣжа, премудри бо
вори. Градъ же Москва въ печа-
цѣ бысть вои обстоимъ, а людіе
ь затворишася, посадъ же около
и пожгоша, боящееся примета; въ
бо бяше затворилися съ ними:
Володимеръ Андрѣевичь, кн. Ан-
Дмитреевичь, и братъ его кн.
и кн. Иванъ Юріевичь, и мнози
ъ ними, и епископи, и весь свя-
ский чинъ и многое множество
ночислено, отъ иноныхъ бо градъ
ъ обѣющеся твердости ради град-

ные; скорбію же великою одержими бяху,
ни откуду пособія имуще, но точію отъ
единаго Бога помощи получити прошаху,
и пречистѣй Матери его молящеся, ско-
рой въ бѣдахъ помощници христіаньскому
роду, и постъ и молитву сътвориша, мол-
бы же и моленіа приносяще съ слезами
и въздыханіемъ, и покаяніе же чисто отъ
душа кійждо положиша, отъ грѣхъ очи-
щающеся и смерти ожидающе. Всеблагій
же милостивый человѣколюбецъ Богъ
услыша скорбь людій своихъ и молитвъ и
моленіа и въздыханіа ихъ не презрѣ, но
обычнымъ своимъ человѣколюбіемъ поми-
лова люди своя, отъ безбожныхъ Измаил-
тянъ избави. Въ время бо се, въ неже
Едигѣй пришелъ у Москвы стояше, хотя
и зимовати ту, всячески же похваляшеся
градъ взяти хотяаше, се нѣкій царевичь,
въ то время, усмотривъ себѣ время по-
лучно, егда вся Орда истощися и вои
Татарове на Русь взыдоша въевати, а
мало ихъ около царя остася, той же ца-
ревичь усмотривъ себе время таково и
пріобрѣтъ поборники себѣ, и пріиде на-
прасно изгономъ на Орду; но сътвори ему
спону проводникъ его: не на царя приве-
де его, но на торгъ, еще же и мгла
бысть велика въ день той, егда же не-
получи желаемаго, тогда пресѣщи повелѣ
проводящаго его, замятню же велику
сътвори и по премногу смути всю Орду
за маломъ бо самого царя не захвати.
Царь же Булатъ въ ужасѣ вѣло бысть,—
и посылаетъ вскорѣ на Русь по Едигѣя
скороносолники своя, веляще ему безъ
всякаго пожданиа поити къ себѣ съ мно-
гою скоростію, боася да не паки прииедъ
изгонятъ его съ Орды или имутъ. Слы-
шавъ же се Едигей, и искаше подобна вре-
мени, како бы отступити отъ Москвы,
неяко не одолѣвъ, но всячески побѣдивъ,
и нача просити окупа за города; сущіи
же въ градѣ князи и бояре и вси людіе
невѣдуще бывшаго подвигнушася дати окупъ
3,000 рублевъ. Едигѣй же вземъ окупъ

поиде отъ Москвы въ Орду, стоя же у города 3 недѣли, а къ граду не приступалъ, ни рати припущалъ, но стоялъ все въ Коломенскомъ селѣ; егда же отъити хотяше, и тако отпусти преже своя воя съ множествомъ полона, а самъ съ всею ратью поиде м. декабря въ 20 день, въ оньже празднуютъ память преставленіа Петра м-та, новаго чюдотворца Рускаго. Мню бо яко и того молитва еже къ Господу Богу избави люди и градъ отъ толикіа нужи и бѣды, належащаа на нихъ; еще бо въ животѣ своемъ превозлюби градъ свой паче всѣхъ градъ, въ немже и цѣлбоносный гробъ его бяше, имѣя честныя мощи его; его же ради молитвъ избавленъ бысть градъ сей отъ поганыхъ нашествіа; якоже и великій христовъ мученикъ Дмитрій избавляше многажды градъ свой Селунь отъ нахожденіа Срацинъ, тако же и сему граду и людемъ сущимъ въ немъ дасть Богъ сицеваго святителя, заступати и спасати могуща отъ всѣхъ злыхъ находящихъ на насъ. Отшетшимъ же Татаромъ съ множествомъ полона, и всякого товара и всякого узорочіа наимавшеся, полона же толико множество ведяху, яко многы тысяща числомъ превосхождааше; жалостно же бѣ видяху и достойно слезъ многихъ, яко единъ Татаринъ до 40 христіанъ ведяше, съ нужею повязавши; многое множество иссѣчено бысть, иніи же отъ мраза изомроша, друзіи жажею и гладомъ умираху; отци и матери плакаху зрящи чадъ своихъ разбиваемыхъ и умерщвляемыхъ, тако же и чада рыдаху разлученіа отъ родитель своихъ, и небысть помилующаго, ниже избавляющаго, ни помогающаго. И бысть тогда во всей Руской земли всѣмъ христіанамъ туга велика, и плачъ не утѣшимъ, и рыданіе и кричаніе; вся бо земля плѣнена бысть, начень отъ земля Разанскіа и до Галича и до Бѣлаозера, вси бо подвизашася и вси смутишася, многи бо напасти и убытки всѣмъ человѣкомъ съдѣяшася, и бо-
шимъ, и меншимъ, и ближнимъ, и д-
нимъ, и небысть такова, иже бы
убытка былъ, но вси въ тузѣ и
мнозѣ и печалію одержими. Се
скорбь за много время нѣціи же отъ
жникъ провозвѣстиша, глаголюще, же
преидущее лѣто будетъ скорбь
еже и збысться въ время се; въ
гихъ же мѣстехъ отъ св. иконъ
исхождааше, а отъ иныхъ кровь
на наказаніе (*поученіе*) намъ грѣш
Преже бо казненіа бываютъ знаменія
прещеніа, да еще не покаемся тогда,
томъ казнь божіа приходитъ на ны
наша прегрѣшеніа.

(*П. С. Лѣт. VIII*, 82—84).

б) Се же великое зло сътвори
земли Руской, на родѣ христіанск
грѣхъ ради нашихъ. А иній цар
пріиде къ Новугороду къ Нижнему, и
нимъ мнози Татарове, и болгарски
и Мордва, взяша Новградъ Нижній и
жгоша весь, монастыри и св. церкви
то огневи предаша, а люди старыя
щаа младенци иссѣкоша, а молодыя
полонъ поведоша. Оттолѣ оканніи
ядци поидоша къ Городку, и городъ
ша, огнемъ пожгоша весь, монасты
вси и св. церкви огневи предаша, а лю
ди побѣгоша кто кудѣ; они же окан
всѣми путми гонишася въ слѣдъ
сѣкуще люди акы траву. И поидоша
Городца въ верхъ по Вьлзѣ, воюючи
странѣ, и быша въ Бѣлогородіи, и
стиже ихъ вѣсть отъ Едигѣа, и
имъ увернутися въ Орду; они же окан
ніи хотѣша ити на Кострому и на Во
гду, въ слѣдъ вел. княины. Господь
избави градъ Кострому и Вологду
насиліа поганыхъ, молитвами св. Бо
родица, и не предасть Господь лю
своихъ въ руцѣ невѣрныхъ. Они
окаянніи поидоша вззадъ къ Городцу и

Новугороду (*Нижнему*), воюючи и сѣкучи остатка людей, и поидоша отъ Новагорода воюючи Уяды и Березово поле, тако поидоша обаполъ и по лѣсомъ ищучи людей, и многа люди по лѣсомъ иссѣкоша; и оттолѣ поидоша къ Сурѣ, начаша Суру воевати, Кормышъ пожгоша, и Сару Великую пожгоша, и епископы всѣ избиша, а иніе огнемъ скончашася, а люди всѣ посѣкоша, а иніе огнемъ скончашася, а градъ весь сожгоша, и мѣсто града того разориша Сары Великыа, и манастыри пожгоша, погосты и села повоеваша, и все огневи предаша, полонъ акы скотъ погнаша въ свою землю, молодіи черници и черноризици все обнажено, все поругано.

(*П. С. Лѣт. XV, 484*).

352. Посланіе Едигея Московскому князю.

Тое же лѣта (1409), Едигѣи князь ординскій прислалъ къ в. кн. Василью Дмитреевичу тако рkучи:

»Слышание намъ учинилось таково, что Тахтамышевы дѣти у тобя, и того ради пришли есмя ратью, да еще слышахомъ тако, что ся неправо у тебя чинитъ в городехъ; послы царевы и гости изо Орды къ вамъ приѣздятъ, и вы послов і гостеи на смѣхъ поднимаете, да еще велика имъ обида і истома у васъ чинится ино то недобро. А преже сего улусъ былъ царевъ и державу держалъ и пошлины, и пословъ царевыхъ чтили, и гостеи держали безъ истомы и безъ обиды, і ты бъ спросилъ старцевъ, коко ся дѣело преже сего, и ты нынѣ того не дѣешь ино тако ли то добро? А Темиръ Кутлуи сѣлъ на царствѣ, а ты услугу государь учинился, и отъ тѣхъ мѣстъ у царя еси во Ордѣ не бывалъ, царя еси во очи не видалъ, ни князеи, ни старѣишихъ бояръ, ни меншихъ, ни иного еси ни кого не присылывалъ, ни сына, ни брата ни съ которымъ словомъ непосылывалъ. И потомъ Шадибѣкъ осмъ лѣтъ царствовалъ, и у того еси також не бывалъ и никого еси ни с которымъ же словомъ не посылывалъ, и Шадибѣково царстве также минуло; и ныне царь Булатъ—салтанъ сѣлъ на царствѣ, и уже третеі годъ царствуетъ, также еси самъ не бывалъ, ни сына, ни брата, ни старѣишаго боярина не присылывалъ, а надъ толикимъ великимъ улусомъ старѣишій еси великиі князь, а вся твоя дѣла не добры и неправы. Добры нравы и добра дума и добрая дѣла были, ко Ордѣ отъ Ѳеодора, добрыи былъ человѣкъ. Которые добрые дѣла ординские тои тебѣ воспоминалъ и то ся минуло, и ныне у тебя сынъ его Иванъ казначеи твои и любовникъ и старѣишина; и ты ныне ис того слова и іс тои думы не выступаешъ, и отъ того дума учинилася твоему улусу пакость и християне изгибли; и ты бъ опять тако не дѣялъ, а молодыхъ не слушалъ, а собралъ бы еси старѣишихъ своихъ бояръ и многихъ старцевъ земскихъ, да думалъ бы еси с ними добрую думу, коя бы пошла на добро, чтобъ твоимъ християномъ малымъ и великимъ было добро, не погибли бы отъ твоея гордости в твоеі державе до конца никтожъ. Аще ли ты не восхощеши тако чинити, но осваиватися восхощешъ, іно ти ся робятити и бѣгати, добро ти тако быти, како бы ти прожити, и какъ быти пошлина вѣдати, і како быти во улусе семъ жити безбѣдно и княжити. А обиды каковы ни будутъ или отъ князеи руских или отъ Литвы, и ты къ намъ на нихъ жалобныя шлешъ ежелѣтъ, и жалобныя грамоты, и обороны у насъ отъ нихъ просишъ, і покоя в томъ намъ отъ тебя нѣтъ николи, а ркучи тако, что ся улусъ истомилъ и выхода взяти нѣначемъ. И мы прежъ сего улуса твоего сами своима очима не видали, толко есмя слухомъ

слышали, а что твои приказы и грамоты твои к намъ во Орду посылалъ еси, то еси намъ все лгалъ, а что еси имал въ твоей державѣ со всякого улуса по дву сотъ рублевъ, и то серебро гдѣ ся деваетъ? Ино бъ добро было тако какобы тебѣ познатись, како бы то отдано по старинѣ по правдѣ, ино бы того зла улусу не учинилось, а христьянѣ бы не погибли до конца, и ярости бы и брани нашея на тебѣ не было.«

(*Рус. Лѣтоп. по Никон. сп. 1789 г. Спб. ч. V, 26—27*).

См. еще собр. госуд. грам. II, № 15; IV. Новг. лѣт. 110—111.

353. Плѣненіе Володимера Талычемъ 1410.

Князь Данило Борисовичъ Нижнего Новагорода приведе къ себѣ царевича Талыча, и посла съ нимъ изгономъ къ Володимерю боярина своего Семена Карамышева, а съ нимъ 150 Татаръ, а Руси полтораста же. И пріидоша къ Володимерю лѣсомъ безвѣстно изъ-за р. Клязмы, людемъ въ полдень спящимъ, а града (*ограды*) тогда не было, а намѣстника Юрія Васил. Щоки не было же въ градѣ; они же оканнніи и прьвое за Клязмою стадо градское взяша, и потомъ на посадъ пришедше начаша люди сѣщи и грабити. Потомъ же пригониша къ церкви св. Богородицы соборныя, въ ней затворися ключарь попъ Патрекѣй и иными людми, и поимавъ отсуды сс. церковныя златыя и сребреныя и елико возможе успѣ похватити, и вънесе на церковь св. Богородица съхрани, и люди сущихъ съ нимъ тамо посади, а самъ слѣствица отмета, и ста въ церкви предъ образомъ Пречистыя плачася. А они безбожніи высѣкши двери св. Богородицы внедше въ ню, икону чюдную св. Богородица одраша, такоже и прочая иконы и всю церковь разграбиша; а попа Патрикѣя емше начаша мучити о прочей кузни церковней и о людехъ, иже с нимъ въ церкви были; онъ же ничтоже не сказа того, но многи муки претерпѣ, на сковрадѣ пекоша и, и за ногти щепы биша, и ногы прорѣзавъ ужа вдергаша, по хвостѣ у конь волочиша, и тако въ той муцѣ и скончася. Они же изграбивши вся церкви и градъ весь, и люди поплѣнивше изсѣкши, огнемъ градъ запалиша и многое множество богатства, злата и сребра, вземше отъидоша; такоже глаголаху иже тогда въ плѣнѣ томъ бывшея, яко не имаша портъ (*платья*), и иное ничто же, но токмо златое и сребреное, и отъ кузни многое бесчисленое поимаша множество, а деньги мѣрками дѣлиша межи собою. Тогда же въ томъ пожарѣ и колоколы разлишася. Сія же злоба сключися іюля въ 3 день отъ своихъ братій христіанъ.

(*П. С. Лѣт. VIII, 85—86*.

Б. ПАМЯТНИКИ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

354. Отчего перевелись богатыри на святой Руси?

Возгордились богатыри своими побѣдами и до того расхвастались, что стали вызывать на бой силу нездѣшнюю:

»Не намахалися наши могутныя плечи,
Не уходилися наши добрые кони,
Не притупились мечи наши булатные.«
И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:
«Подавай намъ силу не здѣшнюю, —
Мы и съ той силою, витязи, справимся!»
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей,
И крикнули они громкимъ голосомъ:

…вайте съ нами, витязи, бой держать —
…дите, что насъ двое а васъ семеро».
…зали витязи воителей.
…ился Алеша Поповичъ на ихъ слова,
…алъ онъ коня борзаго,
…алъ на воителей
…рубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
…четверо — и живы всѣ.
…алъ на нихъ Добрыня молодецъ,
…билъ ихъ пополамъ со всего плеча:
…восьмеро — и живы всѣ.
…алъ на нихъ Илья Муромецъ,
…билъ ихъ пополамъ, со всего плеча:
…вдвое болѣе и живы всѣ.
…лися на силу всѣ витязи:
…сили силу колоть-рубить…
…а все растетъ-да растетъ,
…а витязей съ боемъ идетъ…
…ютъ витязи три дня, три часа, три минуточки,
…алися ихъ плечи могутныя;
…мились кони ихъ добрые;
…тупились мечи ихъ булатные…
…а все растетъ, да растетъ,
…а витязей съ боемъ идетъ…
…лися могучіе витязи:
…жали въ каменныя горы, въ темныя пещеры…
…подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣетъ;
…подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣетъ;
…подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ.
…ѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси! —

(Сынъ отечества 1856, № 17).

355. Щелканъ Дудентьевичъ.

А и дѣялося въ Ордѣ,
Передѣялось въ Большой, —
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ,
На червчатой камкѣ
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ; —
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ
Шурьевъ царь дарилъ,
Азвякъ Тавруловичъ,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордѣя въ Вологдѣ,
Ахрамея въ Костромѣ;
Одного не пожаловалъ
Любимаго шурина
Щелкана Дудентьевича:
За что не пожаловалъ?
И за то онъ не пожаловалъ,
Его дома не случилося,
Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
Въ дальную землю Литовскую,
За моря синія.
Бралъ онъ, младъ Щелканъ
Дани, невыходы, царскія невыплаты;
Съ князей бралъ по сту рублевъ, —
Съ бояръ по пятидесять,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ, —
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ
У того жену возметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самаго головой возметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани выходы, царски невыплаты;
Вывелъ младъ Щелканъ
Коня во сто рублевъ,
Сѣдло во тысячу,
Уздѣ цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тѣмъ узда дорога,
Царское жалованье
Государево величество;
А нельзя, дескать,
Тое узды ни продать, ни промѣнять
И друга дарить,
Щелкана Дудентьевича.
Проговоритъ младъ Щелканъ,
Младъ Дудентьевичъ:
«Гой еси, царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ!
Пожаловалъ ты молодцовъ
Любимыхъ шуриновъ,
Двухъ удалыхъ Борисовичевъ:
Василья на Плесу,
Гордѣя въ Вологдѣ,
Ахрамея въ Костромѣ,
Пожалуй ты, царь Азвякъ,
Пожалуй ты меня:
Тверью старою, Тверью богатою
Двумя братцами родимыми,
Двумя удалыми Борисовичи».
Проговоритъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
«Гой еси, шуринъ мой
Щелканъ Дудентьевичъ!
Заколи-ко ты сына своего,
Сына любимаго,
Крови ты чашу нацѣди,
Выпей ты крови той горячія;
И тогда я тебя пожалую
Тверью старою, Тверью богатою;
Двумя братцами родимыми,
Двумя удалыми Борисовичи».
Вскорѣ младъ Щелканъ
Сына своего заколалъ,
Чашу крови нацѣдилъ,

Ты не хочешь служить за вѣру христіанскую»!
Пала лошадь во тревей подкопъ,
Остался Илейко во подкопѣ.
Набѣжали злыя Татаровья,
Оковали Илеюшку желѣзами,
Ручными, ножными и заплечными,
Проводили ко Батыю Батыевичу.
Говорилъ ему Батый царь, сынъ Батыевичь:
—Ужь ты гой еси, старъ казакъ Илья Муромецъ!
Послужи мнѣ-ка также, какъ Владиміру,
Вѣрою неизмѣнною ровно три года!—
Отвѣчалъ старъ казакъ Илья Муромецъ:
«Нѣтъ у меня съ собой сабли вострыя,
Нѣтъ у меня копья мурзамецкаго,
Нѣтъ у меня палицы боевыя:
Послужилъ бы я по твоей по шеѣ по татарскія»!
Говорилъ Батый царь, сынъ Батыевичь:
—Ой вы, слуги мои вѣрныя!
Вы ведите Илейку на широкій лугъ.
Вы стрѣляйте его стрѣлами калеными!—
То Илеюшкѣ не поглянулося,
Говорилъ онъ таково слово:
«Ой ты гой еси, Батый царь, сынъ Батыевичь!
Ты такъ казни, какъ на Руси казнятъ богатырей:
У насъ выведутъ на поле на Куликово,
Положатъ голову на плашку на липову,
По плечь отсѣкутъ буйну голову;
Не толь старику будетъ смерть страшна»!
То Батыю слово показалося:
—Выводите его на поле Куликово,
Положите голову на плаху на липову,
По плечь срубите буйну голову!—
Возмолится старъ казакъ Илья Муромецъ
Тому угоднику божьему Николаю:
«Погибаю я за вѣру христіанскую»!
У Илейки силы вдвое прибыло;
Рвалъ онъ оковы желѣзныя,
Хваталъ онъ поганаго Татарина,
Который покрѣпче, который на жилѣ не рвется,
Взялъ Татариномъ помахивать:
Въ которую сторону махнетъ,—улица.
Подбѣгаетъ къ Илеюшкѣ добрый конь,
Садился онъ на добра коня,
Билъ Татаръ чуть не до единаго.
Убирался Батый царь съ большими убытками,
Съ большими убытками, съ малыми прибытками,
Съ малыми прибытками, со срамотою вѣчною,
На мелкихъ судахъ на павозкахъ.

(Пѣсни Кирѣевскаго, 4, 38—46).

357. Изъ пѣснопѣній въ честь св. Меркурія Смоленскаго.

«Како быша злыхъ Измаилтенъ наше плѣненіе, тогда земля всплакася яко нѣкая чадолюбивая мати, мы же тогда возрадовахомся, и возвеселилися, видяще божіе милосердіе и пречистые Богородицы защищеніе, и страданія воина христова благочестно хвалим. Како быша отъ невѣрныхъ православным стонаніе, веліе сѣтованіе и вопль къ Господу Богу, тогда наша мати земля жерломъ (т. е. горломъ, голосомъ) возстонаше, вопіюще: Чаде мои, чаде мои! прогнѣвовавше Господа своего, а моего Творца и Бога! Мы же паки къ Господу Богу и къ пречистѣй Богородицы умильно возопихомъ, глаголюще: заступнице наша госпожа Богородица! избави насъ варварскаго нахожденія и злаго плѣненія. Тогда земля зря и возрыдала, како отъ нагуны и православніи отторгаемы и безмилостивно посѣкаемы; тогда мы руцѣ въздѣюще и съ воздыханіемъ слезы испущающе, молящеся Христу Богу и пречистой его Матери, вопіюще и глаголюще: Слава Тебѣ, Іисусе сыне божій! Слава Тебѣ, св. Богородице, избави насъ отъ агарянскаго насилованія и горкаго томленія! Како намъ даровала еси кратное и милостивое заступленіе, госпоже и Богородица, тогда възопихомъ къ Богородицы съ усердіемъ молящеся, слезы отъ очію точаще и глаголюще: пресвятая госпоже и Богородица! Ты избавила родъ христіанский отъ адова мучительства, и нынѣ насъ избави поганыхъ нахожденія, и злаго и непостижимаго плѣненія и посѣченія! Мы же тебя, Богородицу, пѣснено славимъ и величаемъ и поклоняемся пречистому Твоему образу».

«Римъ оставль к намъ пришелъ еси; богатество римское оставль и пріятъ богатество на небесѣхъ, и нынѣ со ангелы водворишися. Римское княженіе и славу суетную и во что же вмѣнивъ, оставль княженіе, и пріятъ царство небесное и нынѣ живеши со лики ангельскими. Римскихъ родителей своихъ небрегъ, едино вождѣлѣлъ еси, за вѣру христову кровь свою проліяти и за православныхъ, вѣрующихъ въ Господа, и сего ради веселишися въ селехъ небесныхъ»...

«Начнемъ касатися духовнѣй бесѣды страданія воспомянемъ угодника и мученика христова Меркурія, како злочестивый и богопротивный царь Батый наиде на градъ нашь пустъ сотворити, а насъ погубити; и Богомъ и пресвятою его Матеріею и страданіемъ угодника воина христова, спасенъ градъ и люди. По благовѣщенію св. Богородица, пріиде святый въ церковь Богородичну, и обрѣтоша свѣщу горащу предъ самою иконою госпожи Богородицы, отъ нея же единъ гласъ понамарю, и падше святый предъ образомъ, чюдотворнымъ, наче моляшеся: госпоже

! буди помощнице на супротив-
. И тако гласъ бысть отъ иконы
:ородицы и явленіе святому, без-
захожденіе, и посла побѣдити ихъ
:товою. Отъ чюдотворныя иконы
Богородица бысть гласъ глаголюще:
Іеркуріе! иди злотворнаго Батыя и
ы люди огрози; плѣнны свободи да-
Христовымъ; домъ мой и градъ и
дны и сотвори. Отъ пречистаго и
го образа пресв. Богородица бысть
)брому воину христову: Рабе мой
иди, убій сильнаго исполина, а
іго царя Батыя и поганыхъ Ага-
:оня; божіею благодатію люди и
нихъ спасутся. Пречистая госпожа
аца! некосная наша заступнице!
ржава, непобѣдимый воевода града
мучи во своемъ градѣ таковаго
'годника своего Меркурія, и тако
спосылаше огрозити и побѣдити
, и прогонити отъ лица нашего«...

е святый на мѣсто, идѣже повелѣ
)дица, и ту побѣдилъ много вой
, и оставшія варвари разъяряхуся
распыхахуся суемысленными ду-
)гохранимъ градъ Смоленскъ. И бѣ
превелику и пресвѣтлу солнцооб-
множествомъ вой небесныхъ, и
, въскорѣ отъбѣжа отъ насъ. Ша-
зумніи въ молвѣ горкаго своего
)ія, яко провидѣли госпожю Бого-
іче солнца сіяющу и помогающу
днику; и тако расыпашася мысли
:ть яко прахъ, и побѣгоша въскорѣ,
себе вдаша. Пріиде святый въ
)нный градъ, и ту блаженная гла-
)роплодная маслина, процвѣте«...

зліи Агаряне отсѣкоша главу св.
и въспріатъ ю самъ святый и
градъ, предъ всѣми людьми, гла-
іоюще глава, како бысть побѣда
гъ госпожи и Богородици заступле-
му отъ нея поможенія«... »Красно
ято, на немъ же твои всечестнѣи
гѣ, идѣже твоя святая глава усѣ-
бѣ воинъ Христови свыше отъ
царскую діадиму пріатъ, сіяя въ
хъ мученикъ, яко солнце посредѣ
вая градъ и люди«...

)едставленіи явися святый тому же
яко живъ, въ воинскомъ подобіи,
рцу: повѣждь гражаномъ, да устро-
и копіе мое надъ гробомъ моимъ,
'детъ гражданомъ притуженіе отъ
)жденій тогда износятъ мое оружіе,
ще Господа славы и того рождь-
іатерь, и мене смиренаго раба бо-
)іа поминающе, да подастъ Господ-
іъ на супротивныхъ крѣпость и
—»Спомочника имѣяху вси гражда-
)терпче христовъ доблестный! ко-
піе и щитъ твой выну пособіе имущи, тя величаютъ, Христа Бога славяще, вѣнчавшаго тя!«

(*Очерки Буслаева, II, 182—185*).

Когда Батый задумалъ плѣнить богоспасаемый градъ Смоленскъ, тогда св. Богогодица явилась отъ иконы пономарю и послала его за Меркуріемъ, который происходилъ »отъ римскихъ пазухъ«, отъ славнаго княжескаго рода, изъ земли римской, а заѣхалъ въ Смоленскъ еще въ юномъ возрастѣ на службу къ самодержцу того города. Послала его Богородица на долгой мостъ и сказала, что онъ побѣдитъ мучителя—исполина и обѣщала ему свою помощь—и вѣнецъ мученичества. Меркурій побѣдилъ враговъ и они предались бѣгству, но и ему отрубк.. голову, которую онъ принесъ въ городъ собственными руками—въ виду всѣхъ. Потомъ Меркурій явился тому же пономарю и велѣлъ поставить надъ гробомъ копье и щитъ. Это оружіе для гражданъ Смоленска было знаменіемъ побѣды и избавленія отъ вражескихъ нашествій. Какъ однажды этимъ оружіемъ отражены были Татары, такъ и всегда впредь будетъ оно символомъ божеств. могущества противъ враговъ православія. Къ этому нужно добавить, что каждая почти мѣстность въ россіи имѣетъ свои преданія о героахъ, сражавшихся противъ Татаръ, (*Очерки Буслаева II, 185—198*).

358. Легенда о Егоріѣ и Татарахъ.

Не въ чуждомъ царствѣ, а въ нашемъ государствѣ было, родимый, времячко—охъ-охъ-охъ! Въ то время было у насъ много царей, много князей, и Богъ вѣсть кого слушаться; ссорились они промежъ себя, дрались и кровь христіанскую даромъ проливали. А тутъ набѣжалъ злой татаринъ, заполонилъ всю землю мещерскую, выстроилъ себѣ городъ Касимовъ, и началъ онъ брать вьюницъ (*мололыхъ женщинъ*) и красныхъ дѣвицъ себѣ въ прислугу, обращалъ ихъ въ свою вѣру поганую, и заставлялъ ихъ ѣсть пищу нечистую, махапину (*лошадиное мясо*). Горе да и только; слезъ-то, слезъ-то что было пролито! всѣ православные по лѣсамъ разбѣжались, подѣлали тамъ себѣ землянки и жили съ волками; храмы Божіи всѣ были разорены, негдѣ было и Богу помолиться.

И вотъ жилъ да былъ въ нашей мещерской сторонѣ добрый мужичокъ Антипъ, а жена его Марья была такая красавица, что ни перомъ написать, только въ сказкѣ сказать. Были Антипъ съ Марьею люди благочестивые, часто молились Богу и далъ имъ Господь сына красоты невиданной. Назвали они сына Егоріемъ; росъ онъ не по днямъ, а по часамъ; разумъ-то у Егорья былъ не младенческой: бывало, услышитъ какую молитву—и пропоетъ ее, да такимъ голосомъ,

что ангелы на небеси радуются. Вотъ услыхалъ схимникъ Ермогенъ объ умѣ-разумѣ младенца Егорія, выпросилъ его у родителей учить слову Божьему. Поплакали, погоревали отецъ съ матерью, помолились и отпустили Егорья въ науку.

А былъ въ то время въ Касимовѣ ханъ какой-то Брагимъ, и прозвалъ его народъ Змiемъ-Горюнычемъ: такъ онъ былъ золъ и хитеръ! просто православнымъ житья отъ него не было. Бывало выѣдетъ на охоту—дикаго зрѣря травитъ, никто не попадайся, сейчасъ заколитъ; а молодицъ да красныхъ дѣвицъ тащитъ въ свой городъ Касимовъ. Встрѣтилъ разъ онъ Антипа да Марью, и больно полюбилась оне ему, сейчасъ велѣлъ ее схватить и тащить въ городъ Касимовъ, а Антипа тутъ-же предалъ злой смерти. Какъ узналъ Егорій о несчастной долѣ родителей, горько заплакалъ и сталъ усердно Богу молиться за мать за родную,—и Господь услышалъ его молитву. Вотъ какъ подросъ Егорій, вздумалъ онъ пойти въ Касимовъ-градъ, чтобъ избавить мать свою отъ злой неволи, взялъ благословеніе отъ схимника и пустился въ путь-дорожку. Долго ли, коротко ли шелъ онъ, только приходитъ въ палаты Брагимовы и видитъ: стоятъ злые нехристи и нещадно бьютъ мать его бѣдную. Повалился Егорій самому хану въ ноги и сталъ просить за мать за родную; Брагимъ грозный ханъ закипѣлъ на него гнѣвомъ, велѣлъ схватить и предать различнымъ мученіямъ. Егорій не устращился, и сталъ возсылать мольбы свои къ Богу. Вотъ повелѣлъ ханъ пилять его пилами, рубить топорами; у пилъ зубья посшиблись, у топоровъ лезвія выбивались. Повелѣлъ ханъ варить его въ смолѣ кипучей, и святой Егорій поверхъ смолы плаваетъ. Повелѣлъ ханъ посадить его въ глубокой погребъ; тридцать лѣтъ сидѣлъ тамъ Егорій—все Богу молился; и вотъ поднялась буря страшная, разнесли вѣтры всѣ доски дубовыя, всѣ пески желтые, и вышелъ святой Егорій на вольный свѣтъ. Увидалъ въ полѣ—стоитъ осѣдланный конь, а возлѣ лежитъ мечъ-кладенецъ, копье острое. Вскочилъ Егорій на коня, пріуправился и поѣхалъ въ лѣсъ; повстрѣчалъ здѣсь много волковъ и напустилъ ихъ на Брагима хана грознаго. Волки съ нимъ не сладили, и наскочилъ на него самъ Егорій и закололъ его острымъ копьемъ, а мать свою отъ злой неволи свободилъ.

А послѣ того выстроилъ святой Егорій соборную церковь, завелъ монастырь, и самъ захотѣлъ потрудиться Богу. И много пошло въ тотъ монастырь православныхъ, и создались вокругъ него келіи и посадъ, который и понынѣ слыветъ *Егорьевскимъ*.

(*Легенды Аѳанасьева, стр. 132—134*).

Образъ жизни Русскихъ столкнулся съ образомъ жизни Татаръ и не вольно подчинился ихъ вліянію: подчиненіе царю, *т. е. Хану заставляло перенимать его придворныя церемоніи, чины и хозяйственный бытъ. Отъ Татаръ перешло въ Россію много вещей азіатской работы и это имѣло вліяніе на русское зодчество и мастерства; въ постройкахъ и украшеніяхъ древне-русскихъ можно уловить черты Восточнаго вкуса. Ни начемъ такъ ярко и наглядно не отразилось татарское вліяніе, какъ на средневѣковой пошлинной русской системѣ: тутъ и названія пошлинъ и названія таможенныхъ приставниковъ — все обличаетъ татарскій строй. Подъ вліяніемъ страха, жестокости со стороны завоевателей, послѣ татарскаго порабощенія, развилась сильно въ народѣ фантазія и аскетическое направленіе: когда лопнула надежда на свои силы, оставалась единственная надежда на помощь свыше. Оттого въ это время построено было громадное количество монастырей и надѣлены были они имуществами отъ усердія вѣрующихъ. Съ другой стороны долговременное подчиненіе и униженіе низшаго предъ сильнымъ способствовало развитію хитрости, осторожности и стойкой политики московской; тяготѣніе деспотизма надъ Москвою вызвало въ ней самой деспотическія стремленія противъ подчиненныхъ и слабыхъ областей, и титулъ* царя, *принадлежавшаго прежде хану, перешелъ на в. князя Московскаго.*

Первое нашествіе Монголовъ на Европу изъ „Histoire des Mongols depuis Tchinguis — Klan jusq'a Timour — Lang". Paris. 1824. Сѣвер. Архивъ ч. 24, № 21 и 22. 43. № 23 и 24. 277, 1828 г ч. 26, № 7. 209, № 8, 291. Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингизова. *О. Іакинфа*. Моск. Телеграфъ. 1829, XX 529—532. 1828, XXII. 129—135. О Монголахъ *Абульгази*. Тамъ же 1826. XII, 301—304. О Монголахъ *Іакинфа Бичурина*. Москвит. 1850. XXIV, 85—92. О Монгольс. ханахъ—*Буткова*. Сѣвер. Архивъ ч. 10, № 12. 279. ч. 11, № 13 и 14. 1. Нѣчто о вліяніи Монголовъ и Татаръ на Россію. *А. Рихтера*. Спб. 1822 г. *Его же:* Изсл. о вліяніи Монголо-Татаръ на Россію Спб. 1825. Объ отношеніяхъ Рос. Князей къ Монгольс. ханамъ. *П. Наумова*. Спб. 1823, также: Сынъ Отеч. 1823, LXXXVII, 69. 120. LXXXVIII, 20. 99. О мнимомъ запустѣніи Украйны въ нашествіе Батыево. Рус. Бес. 1857. 4, III, 22—34. О золотой Ордѣ изъ сочин. *Шилдбергера*. Зап. и Труды общ. Ист. 1824. ч. 2, кн. 2. 198—232. Ибнъ-Батута. Рус. Вѣстн. 1841. 1, 462. Марко-Поло. Чт. общ. Ист, 1861. кн. 3. См. еще: Библ. иностр. писат. о Россіи. Изд. Семенова. Спб. 1836. Ж. М. Н. Просв. I. 299. V, 594. ч. 37. VI. 168. ч. 38. II, 19. ч. 40. VI. 123. 131. ч. 44, II, 30. VI. 189 ч. 45 VII. 1 ч. 48.

II. 1. ч. 70. VI. 27. ч. 79. II, 221. Избавленіе Костромы отъ Татарс. нашествія. *А. Кавелина.* Маякъ. 1845. 2. Повѣсть о разореніи Рязани Батыемъ въ 1237 г. О малоизв. памятн. *Срезневскаго.* IV, 77—94. Изъясненіе словъ, перешедшихъ изъ восточн. языковъ въ Россію. *Фр. Ердмана.* Зап. и Труды общ. Ист. 1830. ч. V, 215—245. Ж. М. Н. Пр. 1842 ч. 36. Историч. сказанія о борьбѣ съ разными племенами и народами. Ист. Рос. *С. М. Соловьева.* IV, 388—400. Ист. Рус. Словес. *Галахова.* I, 81—83. О вліяніи татарс. языка. Шевырева. ч. III. Москвит. 1854. № 22. *Гаммера.* geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist der Mongolen in Russland. Пештъ. 1840. Изслѣдов. о Касимовс. царяхъ и царевичахъ. *В. Вельяминова-Зернова.* Лѣтописецъ Казанскаго царства. *И. Глазатова.* Ркп. Казанс. Универс., изд. въ 1791 г.: »Ист. о Казанс. царствѣ«. Начало Казанс. царства. *В. И. Повалиева.* Моск. Универс. Изв. 1866—67 № 12.

---

4. ПЛЕМЕНА ФИНСКІЯ.

(Чудь, Емь, Корела, Водь, Югра).

359. Борьба съ Финнами въ XI и XII в.

а) Въ лѣто 6550 (1042). Иде Володимеръ, сынъ Ярославль на Ѣмы, и побѣди я҆, и плѣни множество Ѣмы; и помроша кони у воевъ Володимеровыхъ, яко еще дышющимъ конемъ, сдираху кожи съ нихъ съ живыхъ, — толикъ моръ бысть на кони. *(I Соф. 137).*

б) Въ 1054 г. иде Остромиръ съ Новгородци на Чюдь, и убиша его Чюдь, и много паде съ нимъ Невгородцевъ. И паки Изяславъ иде на Чюдь, и взя осѣкъ Деклипивъ, сирѣчь Солнца рука.

в) Въ 1058 г. побѣди Изяславъ Голядь. (*I Соф. 139*).

г) Въ 1113 г. побѣди Мьстиславъ на Бору Чюдь. (*I Нов. 9).*

д) Въ 1116 г. иде Мьстиславъ на Чюдь съ Новгородьци, и възя Медвѣжю Голову (*Оденпе*) на 40 святыхъ. (*I Соф. 156*).

е) Въ 1123 г. ходи Всеволодъ съ Новгородьци на Емь въ великое говѣніе, и побѣди я҆; нъ лютъ бяше путь, оже купляху по ногатѣ хлѣбъ. (*I Соф. 156*).

ж) Въ 1130 г. иде Всеволодъ съ Новгородьци на Чюдь зимѣ въ говѣніе; и самы изсѣце, а хоромы пожьже, а жены и дѣти приведе домовь и дань на нихъ възложи. (*IV Нов. 3*).

з) Въ 1133 г. иде Всеволодъ съ Новгородци на Чюдь, и взя градъ Юрьевъ (*Дерптъ*) февр. 9. (*I Соф. 156*).

и) Въ 1142 г. приходиша Емь, и воеваша область новгородьскую; избиша я҆ (*ихъ*) Ладожане 400, и не пустиша ни мужь. (*I Нов. 9*).

і) Въ 1149 г. на зиму пріидоша Ѣмь на Водь ратью, онѣхъ 1000; и услышавше Новгородци, съ пятію сотъ съ воеводою идоша на нихъ, и не упустиша ни единого мужа. *(I Соф. 160).*

к) Въ 1176 г. зимой приходиша вся Чюдьская земля Пльскову, и бишася съ ними, и убиша ту Вячеслава и Микиту Захаріинича и Станимира Иванича и инѣхъ, а Чюди множьство избиша. *(I Нов. 16).*

л) Въ 1179 г. Мьстиславъ Ростисл. вниде въ Новгородъ ноябр. 1, и рече имъ: »братіе! се обидятъ ны поганыи, да быхомъ възрѣвше на Богъ и на св. Богородици помочь, помьстили себе и

свободили быхомъ Новгородцкую землю отъ поганыхъ.« И ркоша ему Новгородци: »княже! аще се Богови любо и тебѣ, а се мы готови есмы.« И скопивъ вой новогородцкыхъ 20,000, и поиде на Чюдскую землю на Очелу, и стоя въ ней недѣлю, воюя по всей земли ихъ, а они отбѣгоша къ морю, и пожже села ихъ, и ополонившеся челядью и скотомъ, и пріидоша во свояси. (*IV Новг. 15*).

м) Въ 1187 г. избьени быша даньники перемьскіи и югорьскіи, а друзіи за Волокомъ, и паде головъ о стѣ кмѣтей (*бояръ*, *знатныхъ*). (*IV Новг 17*).

н) Въ 1191 г. ходиша Новгородци съ Корѣлою на Емь, и воеваша землю ихъ, и пожьгоша, и скотъ изсѣкоша. (*I Новг. 20*),

о) Въ 1194 г. идоша изъ Новагорода въ Югру ратью съ воеводою Ядрѣйкомъ, и пріидоша въ Югру и взяша градъ; и пріидоша къ другому граду, и затворишася въ градѣ. И стояша подъ градомъ 5 недѣль, и высылахуть къ нимъ съ рѣчію льстивою, глаголюще тако, »яко копимъ сребро и соболи и иная узорочія, а не губите своихъ смердовъ и своея дани,« и льстячи имъ, а вои свои копячи; и яко скопиша вои, и выслашася изъ града къ воеводѣ: »поиди въ градъ, поими съ собою 12 мужь.« И иде въ градъ, поимъ съ собою попа Иванка Легена и инѣхъ болшихъ, и иссѣкоша ѝ въ канунъ св. Варвары; и выслаша пакы, и пояша ихъ 30 мужъ лучьшихъ, и тѣ всѣ иссѣкоша, и потомъ 50. И потомъ рече Савка князю Югорскому: оже и еще, княже, не убіеши Якова Прокшинича, а жива пустиши въ Новъгородъ, ино ти, княже, опять вои приведетъ сѣмо и землю твою пусту сътворитъ.« И призвавъ же князь Яковца, и повелѣ убити; и рече Яковъ Савкѣ: »судитъ ти, брате, Богъ и св. Софія, оже еси подумалъ на кровь братіи своей, и станеши съ нами предъ Богомъ и отвѣщаеши за кровь нашу;« и то рекшу, убіенъ бысть; той бо Савица перевѣтъ дръжаше отай съ княземъ Югорьскымъ. И потомъ яко изнемогоша гладомъ,—стояли бо бяху 6 недѣль, слушающе льсти ихъ,—и на праздникъ св. Николы вылѣзъше изъ града иссѣкоша вся, и бѣ туга и бѣда останку живыхъ, бѣ бо осталося 80 мужь; и не бяше вѣсти чрезъ всю зиму въ Новъгородъ на нихъ, ни на живыхъ, ни на мертвыхъ, и печаловахутся въ Новѣгородѣ князь, и владыка и весь Новгородъ.

п) Въ лѣто 6702 (1194). Пріидоша избытокъ живыхъ изъ Югры, и убиша Збышьку Волосовичь, и Завида Нѣговичь, и Моислава Поповичь, сами отбѣгоша, а иныя кунами ся откупиша: творяхуть бо я свѣтъ дръжаще съ Югрою на свою братью, а то Богъ вѣсть. (*I Соф. 169—170*, *I Нов. 21—22*).

360. Борьба съ Финнами въ XIII в.

а) Въ 1212 г. Ходи Мьстиславъ на Чюдь, рекомую Търму съ Новгородьци, и много полониша, скота безъ числа приведоша. Потомъ же на зиму иде князь Мьстиславъ съ Новгородьци на Чюдскыи городъ, рекомыи Медвѣжю Голову, села ихъ потрати, и придоша подъ городъ, и поклонишася Чюдь князю и дань на нихъ възя; и придоша вси здрави, (*I Пск. 177*; *I Новг. 31—2*).

б) Въ 1214 г. иде князь Мьстиславъ съ Новгородьци на Чюдь на *Ереву* (Jerwen) сквозѣ землю Чюдскую къ морю, села ихъ потрати и осѣкы ихъ възма; и ста съ Новгородци подъ городомъ Воробіинымъ (*Варболе?*), и Чюдь поклонишася ему; Мьстиславъ же князь възя на нихъ дань, и да̀ Новгородьцемъ двѣ чясти дани, а третью чясть дворяномъ, бяше же ту и Пльсковьскыи князь Всеволодъ Борисовичь съ Пльсковици, и торопьцьскыи князь Давыдъ Володимирь

братъ, и придоша здрави вси съ множьствомъ полона. (*I Нов. 32*).

в) Въ лѣто 2725 (1217). Воеваша Литва на Шелонѣ, Новгородцы же поидоша по нихъ, и не согнаша ихъ (*не нагнали*); и оттолѣ поидоша на Чюдь къ Медвѣжьи Головѣ, со Псковичи со княземъ Володимеромъ. Чюдь же начаша съ поклономъ высылати лестію, а къ Нѣмцамъ послаша; и съ Нѣмцы бишася, и убиша двѣ воеводѣ, а третьяго руками яша, а лошадей отняли 700, и пріидоша вси здрави. (*I Пск. 177*).

г) Въ лѣто 6731 (1223). Ходи Ярославъ князь съ силою многою къ Колываню (Ревелю), и повоева всю землю Чюдскую, и полона приведе много; а города не взя, а злата взятъ много. (*I Пск. 177*).

д) Въ 1228 г. придоша Емь воевать въ Ладозьское озеро въ лодкахъ и приде на Спасовъ день вѣсть въ Новгородъ; Новгородци же въсѣдавъше въ насады, въгребоша въ Ладогу съ княземъ Ярославомъ. Володиславъ посадникъ Ладозьскыи съ Ладожаны не жля Новгородьць, гонися въ лодіяхъ по нихъ въ слѣдъ, кдѣ они воюють, и постиже я̆, и бися съ ними; и бысть нощь, и отступиша въ Островълець, а Емь на брезѣ съ полономъ, воевали бо бяху около озера на Исадѣхъ и Олоньсь; тои же нощи просивъше мира, и не да́ имъ посадникъ съ Ладожаны, а они изсѣкше полонъ весь, а сами побѣгоша на лѣсъ, лодкы пометавъше, пѣши; много ихъ ту паде, а лодкы ихъ изъжгоша. Новгородьци же стоявъше въ Невѣ нѣколико днїй, створиша вѣче и хотѣша убити Судимира, и съкры ѝ князь въ насадѣ у себе; оттолѣ въспятившася въ Новгородъ, ни Ладожанъ ждавъше. Послѣдь же оставъшеся Ижеряне усрѣтоша ихъ бѣгающе, и ту ихъ избиша много, а прокъ ихъ разбѣжеся, куды кто видя; нъ тѣхъ Корела, кдѣ обидуче, въ лѣсѣ ли, выводяче избиша. Бѣ бо ихъ пришло творяху 2000, или болѣ — Богъ вѣсть, а то все мьртво. (*I Нов. 42. П. С. Л. I, 219*).

е) Въ 1256 г. на зиму пріѣха князь Олександръ и митрополитъ съ нимъ, и поиде князь на путь и митрополитъ съ нимъ; и Новгородци не вѣдяху, кдѣ князь идеть, друзіи творяху, яко на Чюдь идеть—идоша до Копорьи; и поиде Александръ на Емь, а митрополитъ поиде въ Новгородъ, а иніи мнози Новгородци въспятишася отъ Копорьи, и поиде князь съ своими полкы и съ Новгородци; и бысть золъ путь, акы же не видали ни дни, ни ночи, и многымъ шестникомъ бысть пагуба, а Новгородцевъ Богъ сблюде; и пришедъ на землю Емьскую, овыхъ избиша, а другыхъ изъимаша. И придоша Новгородци съ княземъ Олександромъ вси здорови. (*I Нов. 56*; *I Соф. 189*).

ж) Въ 1268 г. Совокупишася вси князи: князь в. Димитрій Александровичь, Святъславъ, братъ его Михаилъ, Константинъ, Юрьи, Ярополкъ, Домонтъ Псковскій, и иныхъ князей нѣколико, и поидоша къ Раковору (*на Нѣмцы*) м. генваря въ 23 день. И яко внидоша въ землю ихъ, и раздѣлишася на 3 пути, и много множество воеваша; и ту наѣхаша пещеру глубоку непроходну, въ ней же много бяху чюди, и бяше не лзѣ ихъ взяти, стояша ту три дни; мастеръ же порочныи (*стѣнобитныя орудія—пороки*) хитростію пусти на нихъ воду. Чюдь же побѣгоша сами вонъ, и изсѣкоша ихъ, а товаръ великій князь Дмитрей весь взя... (*I Соф. 194*).

з) Въ лѣто 6786 (1278). Князь в. Дмитрей Алексан. (*переяславскій*) съ Новгородци и съ Низовци казнѝ Корѣлу и всю землю ихъ взя на щитъ. (*I Соф. 199*).

361. Борьба съ Финнами въ XIV.

а) Въ 1311 г. ходиша Новгородци воиною на Нѣмецьскую землю за море на Емь, съ кн. Дмитріемъ Романовичемъ и переѣхавше море, взяша первое Купецьскую рѣку, села пожгоша и головы поимаша, а скотъ изсѣкоша; и ту убіенъ бысть Костянтинъ Ильинъ сынъ Станимировича въ загонѣ. Потомъ взяша Черную рѣку всю, и тако по Черной придоша къ городу Ванаю и взяша городъ и пожгоша, и Нѣмци вбѣгоша на дѣтинець (*крѣпость*); бяше бо мѣсто велми силно твердо, на камени высоцѣ, не имѣя приступу ни откуду же. И сослаша съ поклономъ просяще мира; Новгородци же мира не даша и стояша 3 дни и 3 ночи волость труче, села великая пожгоша, обиліе все потравиша, а скота не оставиша ни рога; и потомъ идуче, взяша Кавгалу рѣку и Перну рѣку, и выидоша на море, и придоша здорови вси въ Новъгородъ (*I Новг. 69*; *I Соф. 205*).

б) Въ лѣто 6822 (1314). Избиша Корѣла городчанъ, кто былъ Руси въ Корѣльскомъ городкѣ, и въведоша къ собѣ Нѣмець; Новгородци же съ намѣстникомъ Ѳедоромъ идоша на нихъ, и передашася Корѣла, и избиша Новгородци Нѣмець и Корѣлу перевѣтниковъ. (*I Новг. 70*).

в) Въ лѣто 6826 (1318). Ходиша Новгородци воиною за море въ Полную рѣку и много воеваша, и взяша Людеревъ, городъ Сумьскаго князя, и пискупль; и придоша въ Новъгородъ вси здорови (*I Новг. 72*).

г) Въ лѣто 6832 (1324). Идоша Новгородци съ княземъ Юрьемъ, и взяша Устьюгъ на щитъ, и придоша на Двину; и ту прислаша послы князи Устьюжьскыи къ князю и къ Новгородцемъ, и докончаша миръ по старой пошлинѣ, и придоша Новгородци вси здорови.

д) Въ 1329 г. Зимой избиша Новгородцевъ, которіи были пошли на Югру, Устьюжьскыи князи. (*I Новг. 74*).

е) Въ 1345 г. бысть мятежъ въ Нѣмцѣхъ великъ: избиша чюдь своихъ бояръ земьскихъ, и въ Колыванськой земли и въ Ругодивьской земли 300 ихъ; и потомъ сташа на нихъ Велневичи и Юрьевци, и избиша чюдь 14,000, а избытокъ (*остатокъ*) ихъ убѣжа въ Островьскую землю, и тамо по нихъ ходиша Велневичи въ Островьскую землю и ихъ не взяша, но сами биты отъидоша. (*I. Соф. 224*).

362. Мордва.

а) Въ 1103 г. побѣдиша Ярослава Моръдва Муромѣ.

б) Въ 1226 г. посла в. кн. Гюрги Святослава, Ивана, брату своюю, на Мордву и побѣдиста Мордву и взяста нѣколико (*нѣсколько*) селъ, и възратистася съ побѣдою. Тое же зимы Ярославъ, сынъ Всеволожь, ходи изъ Новагорода за море на Емь, гдѣ же ниединъ отъ князь рускихъ не взможе бывати, и всю землю ихъ плѣни; и възвратися Новугороду, славя и хваля Бога, ведый множество полона, якоже сущіи съ нимъ не возмогоша всего полона отнести, но овыхъ сѣчаху, а иныхъ множество пущахуть опять всвояси. (*П. С. Лѣт. I, 190*).

в) Того же лѣта (1228), м. Семтабря, в. кн. Гюрги посла на Мордву Василка Костянтиновича, и своего мужа Еремѣя Глѣбовича воеводьствомъ съ полкомъ: и бывшимъ имъ за Новымъгородомъ на предѣлѣхъ морьдовьскыхъ, пославъ Гюрги взврати ихъ, не дасть имъ воевати, зане погодья имъ не бысть, бахуть бо дождове велми мнози день и нощь... Тогоже мѣсяца въ 14 день в. кн. Гюрги, и Ярославъ, и Костянтиновичи Василко, Всеволодъ идоша на Мордву; и муромскый князь Гюрги Давыдовичь вшедъ въ землю Мордовьскую,

Пургасову волость, пожгоша жита (*хлѣбъ*) и потравиша, и скоты избиша, полонъ послаша назадъ, а Мордва вбѣгоша въ лѣсы своя, въ тверди, а кто не вбѣглъ, тѣхъ избиша наѣхавше Гюргеви молодіи въ 4 день генваря. То видѣвше молодіи Ярославли и Василкови и Всеволожи, утаившеся, назаутріе ѣхаша въ лѣсъ глубокъ, а Мордва давше имъ путь, а сами лѣсомъ обидоша ихъ около, избиша ѝ, а иныхъ изъимаша; бѣжаша въ тверди, тѣхъ тамо избиша, и княземъ нашимъ не бысть кого воевати. А болгарскый князь пришелъ былъ на Пуреша, ротника Юргева [1], и слышавъ, оже в. кн. Юрги съ братьею жжеть села мордовьская, и бѣжа прочь ночи; а Юрги съ братьею и со всѣми полкы взвратишася всвояси добри здорови...

г) Въ лѣто 6737 (1229) м. априля, придоша Мордва съ Пургасомъ къ Нову-городу (***Нижнему***), и отбишася ихъ Новгородци; и зажегше манастырь св. Богородици и церковь, иже бѣ внѣ града, того же дни и поѣхаша прочь, поимавъ своѣ избьеныя болшія. Того же лѣта побѣди Пургаса Пурешевъ сынъ съ Половци, и изби Мордву всю и Русь Пургасову, а Пургасъ едва вмалѣ утече. *(П. С. Лѣт. I, 192)*.

д) Того же лѣта (1239) взяша Татарове Черниговъ. Того же лѣта взяша Мордовьскую землю, Муромъ, по Клязмѣ повоеваша, городъ св. Богородици взяша. Того же лѣта бысть пополохъ золъ по всей земли, не вѣдяху и сами, кто гдѣ бѣжитъ. (*П. С. Лѣт. I, 225*).

е) Въ 6811 (1303 г.) къ Новугороду Нижнему пришли Мордва ратью безвѣстно, и в. кн. Димитрій Константиновичь посла противу ихъ брата своего кн. Бориса, да сына своего кн. Симеона, со многими ратными людьми, воевать поганую Мордву, а в. кн. Дмитрій Ив. московскій прислалъ къ нему на помочь воеводу своего Ѳеодора Андреевича Свиблова со многою московскою силою, и дойдоша до мордовской земли, Мордву посѣкоша, а женъ ихъ и дѣтей въ полонъ взяша, и жилища ихъ взяша, и всю землю ихъ пусту учиниша, и въ городъ приведоша, и многихъ на льду волочили, и псами травили, и различно казнили. (***Нижегородс. лѣтоп. Древн. рос. Вивліоѳика. Н. И. Новикова. ч. XVIII, стр. 73. Изд. 2-е М. 1791 г.***).

Обратить вниманіе, какъ легко Русскіе побѣждали финскія племена.

О Финнахъ *П. Фр. Сума*. Чт. общ. Ист. 1847. № 9. III. 1—12. Водь въ Спб. губерніи. *П. Кеппена*. 1851. Самоѣды. Финс. Вѣстн. 1845, IV. Смѣсь 43. 1846, VII. 43 VIII, 13. 847. XV, 32. Печерскій край. Сынъ отеч. 1852. VI, 13. Чудь. Финс. Вѣст. 1845. IV. сѣвер. ист. 21. V, 1—36 VI. I, 1847. XXIV. I. Ж. М. Н. Пр. ч. 51, VI. 290. О Суми *г. Гаге*. Вѣстн. Евр. 1828. ч. 159. № 12, 241. О Голяди. *Ходаковскаго*. Сѣвер. Архивъ ч. 2. № 10, 314. № 12, 465. О Вагѣ. Тамъ же ч. 27. № 9. 3. № 10. 89. № 11. 189. № 12. 273. Исторія Финляндіи и Риги. Сынъ отеч. 1836. CLXXXI. III. 53. 1842. VIII. 31. Эстонцы. Тамъ же 1819. LIII, 124. 219. Хронологич. указатель матеріаловъ для ист. инородцевъ Европ. Россіи. Составилъ *Лашбонъ* подъ руководствомъ *П. Кеппена*. Спб. 1861. О географич. положеніи и исторіи Югорской земли. *А. Лерберга*. Изслѣд., служащія къ объясненію Рус. Исторіи. Спб. 1819. О жилищахъ Ем. іЬ. 83—192.

---

[1] Сторонника Юрьева, который обѣщался клятвою служить ему вѣрно.

5. НѢМЦЫ И ШВЕДЫ.

363. Отношеніе Новгорода къ Нѣмцамъ и Шведамъ.

а) Въ лѣто 6725 (1217). Поиде Мьстиславъ Кыеву, оставивъ Новѣгородѣ княгыню и сына своего Василія; и поя съ собою Гюргя Иванковиця, Сбыслава Степаниця, Ольксу Путиловиця. Тъгда же пойде Володимиръ въ Новъгородъ своими орудіи, и воеваша Литва въ Шелонѣ. Новгородци идоша по нихъ, и не състигоша ихъ; и поидоша къ Медвѣжи Головѣ съ кн. Володимиромъ и съ посадникомъ Твьрдиславомъ, и сташа подъ городомъ. Чюдь же начаша слати съ поклономъ льстью, а по Нѣмьци послаша; и начаша Новгородци гадати съ Пльсковичи о чюдьскои рѣчи, отшедъша далече товаръ, а сторожи ночьніи бяху пришли, а дневніи бяху не пошли; и наѣхаша на товары безъ вѣсти, Новъгородци же побѣгоша съ вѣчя въ товары, и поимавше оружіе и выбиша є изъ товаръ, и побѣгоша Нѣмци къ городу, и убиша Новгородци два воеводѣ, а третіи руками яша, а коневъ отъяша 700, и придоша здрави вси, князь же Мьстиславъ приде въ Новъгородъ безъ нихъ, ня (*схватилъ*) Станимира Дьрновиця съ сыномъ Нѣздилою и оковавъ потоци, и товаръ поима безъ числа; и опять пусти. (*I Новгор. 35*).

б) Въ лѣто 6742 (1234). Иде князь Ярославъ съ Новгородци и съ всею областью и съ полкы своими на Нѣмьци подъ Гюргевъ (*Дерптъ*), и ста князь недошедъ града съ пълкы, и пусти люди своя въ зажитіе воевать. Нѣмци же изъ града высунушася, а иніи изъ Медвѣжѣ Головы на сторожи, и бишася съ ними и до пълку; и поможе Богъ князю Ярославу съ Новгородьци, и биша і и до рѣкы, и ту паде лучьшихъ Нѣмьць нѣколико; и яко быша на рѣчѣ на Омовыжи Нѣмьци, и ту обломишася, истопе ихъ много, а ини язвьни въбѣгоша въ Гюргевъ а друзіи въ Медвѣжю Голову. и много попустошиша землѣ ихъ и обилье потратиша. И поклонишася Нѣмьци князю; Ярославъ же взя съ ними миръ на всеи правдѣ своеи, и възвратишася Новгородци здрави вси, а Низовьчь нѣколико паде. (*I Новг. 49*).

в) Въ 1262 г. Поиде кн. Ярославъ и Дмитрей Александровичь съ Константиномъ зятемъ Александровымъ и со кн. полотьскимъ съ Товтивиломъ, а съ нимъ Полочанъ и Литвы 500, а княжихъ полковъ и Новогородцевъ безчисленое множество; и пріидоша къ городу къ нѣмецскому Юріеву (*Дерпту*), и сташа подъ градомъ. Бѣ бо велми крѣпокъ, о три стѣны каменые, и множество людей въ немъ всякихъ бяху пристроили велику брань на городѣ, но честнаго креста сила всегда низлагаетъ неправду дѣющихъ; такоже и си градъ, ни во чтоже бысть крѣпость его, но помощію божіею единѣмъ приступленіемъ взятъ бысть великій градъ Юріевъ нѣмецскый, и люди многы града того, овыхъ избиша, а иныхъ изъимаша живыхъ, а иные огнемъ пожжени быша. И пріидоша въ землю свою вси здрави, со множествомъ полона и съ честію великою. (*I Софійс. 190—191*).

364. Повѣсть объ Александрѣ Невскомъ послѣ 1263.

О велицѣмъ князи нашемъ Александрѣ Ярославичѣ, о умномъ и кроткомъ и смыс-

ленномъ, о храбромъ, тезоименитомъ царя Александра Макидоньскаго, подобникѣ царю Алевхысу (*Ахиллесу*) крѣпкому и храброму, сице бысть повѣсть о немъ; ему же бяше Богъ лѣта приложилъ по его правдѣ, и угобзи ему Богъ дни и чьсти въ славу его.

О господѣ бозѣ нашемъ, азъ худый и грѣшный и малосмысленный покушаюся написати житіе св. в. кн. Александра Ярославича, внука в. кн. Всеволода. Понеже слышахомъ отъ отецъ своихъ, и самовидецъ есмь възраста его, и радъ быхъ исповѣдалъ святое и честное житіе его славное; но яко же Приточникъ рече: »въ злохитру душю не внидетъ мудрость; на высокихъ бо краѣхъ есть, посреди же стезь стояще, при вратѣ сильныхъ присѣдить«. Аще грубъ есмь умомъ, но молитвою св. Богородица и поспѣшеніемъ св. в. кн. Александра начатокъ положю. Сей бѣ князь. в. Александръ Богомъ роженъ отъ отца боголюбива и мужелюбца, паче же и кротка, в. кн. Ярослава Всеволодовича и отъ матери св. в. княгини Θеодосіи. Якоже рече Исаія пророкъ: »тако глаголетъ Господь: князи азъ учиняю, священи бо суть, азъ вожу я въистину; безъ божія повеленія не бѣ княженіе его«. И възрастъ его паче инѣхъ человѣкъ, гласъ его яко труба въ народѣ, лице же его бѣ Іосифа прекраснаго, оже бѣ поставилъ его египетьскый царь втораго царя въ Египтѣ, сила же его бѣ вторая часть отъ силъ Самсоня; и далъ ему бѣ Богъ премудрость Соломоню, храбрость же яко царя римскаго Еуспасьяна, еже бѣ плѣнилъ всю землю іудейску. Иногда же исполчився къ граду Антупату приступити, и вышедше гражане побѣдиша полкы его, онъ вста възврати силу ихъ вратомъ граднымъ, и посмѣяся дружинѣ своей, рече: »оставите мя единого«; тако же и сій в. к. Александръ Ярославичь бѣ побѣжая вездѣ, а не побѣдимъ николиже. Сего ради пріиде нѣкто отъ Западныя страны, еже нарицаются Слуги божія, оттолѣ пріиде, хотя видѣти дивный възрастъ. Якоже древле царица Южьская приходи ко царю Соломону, хотя слышати премудрость его; такоже и сій, именемъ Андрѣяшъ, видѣвъ в. кн. Александра Ярославича, възвратися къ своимъ и рече: »проходихъ многы страны и языкы, не видѣвъ такова ни въ царихъ царя, ни въ князихъ князя«. Се же слышавъ король части римьскія, отъ полунощныя страны, таковое мужество в. кн. Александра Ярославича и помысли въ себѣ побѣдити его, или руками яти, а В. Новгородъ плѣнити и вся грады ихъ и люди Словѣньскія къ себѣ въ работу створити, и рече: »поиду и плѣню землю в. кн. Александра Ярославича«. И собра силу велику, местери и бискупи свои, и Свѣя, и Мурмане, и Сумь, и Емь, и наполни корабля многи зѣло полковъ своихъ, и подвижеся въ силѣ велицѣ, пыхая духомъ ратнымъ, и пріиде въ рѣку Неву, и ста-ша усть Ижеры, шатаяся безуміемъ своимъ, хотя въсприяти Ладогу, прочее же рку и Новгородъ и всю новогородскую область; но еще преблагій, премилостивый человѣколюбецъ Богъ ублюде ны и защити отъ иноплеменникъ, и всуе трудишася безъ божія повелѣнія. Пріиде бо вѣсть тогда, яко Свѣи идуть къ Ладозѣ, и въ то время присла король послы, загордѣвся, къ в. кн. Александру Ярославичю въ Новгородъ, а рка тако: »аще можеши противити ми ся, то есмь здѣ уже и плѣню землю твою«. Великый же кн. Александръ Ярославичь, слышавъ словеса ихъ и разгорѣся сердцемъ, и вниде въ церковь св. Софіи, паде на колѣну предъ олтаремъ и нача молитися со слезами св. Софіи, поминая исправленія родитель своихъ и глаголя: »Суди Господи, обидящимъ мя и възбрани борющимся со мною, пріими оружіе и щитъ, встани въ помощь мнѣ«. И кончавъ молитву вставъ и поклонися архіепископу; архіеп. же Спири-

донъ новогородскій благослови его и отпусти съ миромъ, и Новгородцевъ. В. кн. Александръ иде изъ церкви, и нача крѣпити воя своя и рече: »не въ силахъ Богъ, но въ правдѣ; помянемъ пѣснописца Давыда глаголюща: сіи въ оружіи, а сіи на конѣхъ, мы же имя Господа Бога нашего призовемъ, и ти въспяти быша и падоша«. И поиде на нихъ въ ярости мужества своего, въ малѣ вой своихъ, и недожда многа вой своихъ съ великою силою; но уповая на св. Троицю. Жалостно и слышати, яко отецъ его честный князь Ярославъ Всеволодовичь не бѣ вѣдалъ таковаго встанія на сына своего милаго в. кн. Александра, ни оному бѣ вѣсти когда послати ко отцю, уже бо приближашася ратніи; тѣмже и мнози Новгородци не совокуплешеся, понеже ускори в. кн. Александръ Ярославичь поити противу ратныхъ. И пріиде на ня въ недѣлю на Съборъ св. Отецъ 630, иже въ Халкидонѣ, на память святою мученику Кирика и Улиты и св. в. кн. Владимира, крестившаго Русьскую землю и нареченнаго въ св. крещеніи Василія.

Имѣяше велику вѣру и надежду къ святыма мученикома Борису и Глѣбу, бѣ нѣкто мужъ старѣйшина въ земли Ижерьской, именемъ Пелгусій, поручена же бысть ему стража морьская; и въспріятъ св. крещеніе, и живяше посредѣ рода своего погана суща, наречено бысть ему имя въ св. крещеніи Филипъ, живяше же богоугодно, въ среду и въ пятокъ пребывая въ альчбѣ, тѣмже сподоби его Богъ видѣнію страшну, скажемъ въкратцѣ. И увидѣвъ силу ратныхъ Пелгусій, иде противу в. кн. Александра Ярославича, да скажеть ему силу варяжьскую и станы ихъ; обрѣте бо я. Стоящю же ему при краи моря, стрегущю ему обои пути, и пребывъ всю нощь въ бдѣніи, и якоже нача въсходити солнце, и услыша шумъ страшенъ по морю и видѣвъ насадъ единъ гребущъ, посредѣ же насада стояща свя-

тая мученика Борисъ и Глѣбъ въ (
дахъ червленныхъ, и бѣста рукы де
ща на рамѣхъ, гребци же сѣдяху въ
садѣ яко мьглою одѣни; и рече Бо
»брате Глѣбе! вели грести, да пом
сроднику своему в. кн. Александру
сливичю«. Видѣвъ же се Пелгусій
вая вѣдѣнія, и гласъ слыша таковы
св. Мученикъ Бориса и Глѣба, ст
трепетомъ въ ужасѣ, дондеже насадъ
иде отъ очію его: потомъ же поѣха
ро, и срѣте й в. кн. Александръ
славичь, онъ же видѣ его радост
очима, исповѣда ему единому все
видѣ и слыша; великыи же князь
ща ему: »сего не рци никомуже, о
же«! Отътолѣ же потщася наѣха
нихъ, въ 6 часъ дне, и бысть
велика надъ Римляны, и изби множ
безчисленное Римлянъ и самому к
възложи печать на лице острымъ с
мечемъ. Здѣ же явишася въ полку
Александра Ярославича 6 мужь храб
иже съ нимъ крѣпко мужьствоваху.
вый именемъ Гаврило Олексичь: с
наѣха на шнеку (*судно*), и видѣ ко
вича мчаща подъ руки, и изъѣха з
ми по досцѣ до самаго корабля, по
схожаху; и текоша въ корабль предъ
и паки обратишася и свергоша его с
скы и съ конемъ въ море. Божіе
волею оттолѣ изиде невреженъ; и
наѣха, бися крѣпко съ самимъ вое
посредѣ полку ихъ, и ту убіенъ б
воевода ихъ Спиридонъ, и бискупъ
убіенъ бысть ту же. Вторый же Н
родецъ именемъ Сбыславъ Якуновичь
же наѣхавъ многажды біяшется еди
топоромъ, не имѣя страху въ сердци,
колко отъ рукы его паде, и подиви
силѣ его и храбрости. Третій же Я
Полочанинъ, ловчей бѣ у князя: си
хавъ на полкъ съ мечемъ, и мужьс
вавъ крѣпко, и похвали его князь.
вертый же Новгородецъ именемъ Миша;
же пѣшъ съ дружиною своею натече

погуби Римлянъ 3 корабли. Пятый же отъ молодыхъ его нѣкто именемъ Сава: сій же наѣхавъ великый шатеръ златоверхій, подсѣче столпъ ему, шатеръ же падеся, полци же в. кн. Александра Ярославича видѣвше паденіе шатра възрадовашася. Шестый же отъ слугъ его именемъ Ратмиръ: си бися пѣшь, и оступиша его мнози Римляне, и паде отъ многыхъ ранъ, и тако скончася. Си же вся слышахъ отъ господина своего кн. Александра Ярославича, и отъ иныхъ, иже обрѣтошася въ то время въ той сѣчи. Бысть же въ то время чюдо дивно: яко въ древняя дни при Езекіи цари, егда пріиде Сенахиримъ царь асурійскій на Ерусалимъ, хотя плѣнити святый градъ, и внезапу пріиде ангелъ господень и изби отъ полка асурійска 100 и 80 и 5 тысящь, и въставше утро и обрѣтоша вся трупія мертвыхъ; такоже и при побѣдѣ в. кн. Александра Ярославича, егда побѣди короля объ онъ полъ рѣкы Ижеры, идѣже и не бѣ проходно полку в. кн. Александра Ярославича, и тамо обрѣтошася много множество избіенныхъ отъ ангелъ божіихъ, обрѣтохомъ много трупія избіенныхъ лежаша. Остатокъ же ихъ побѣже посрамлени, а трупія же мертвыхъ своихъ наметаша 3 корабли великыхъ воеводовъ, и потопишася вси на мори, а прочимъ ископаша ямы и вметаша въ нея безчислено, а инія мнози язвени быша, и тое нощи побѣгоша; Новгородцевъ же ту паде: Костянтинъ Луготиничь, Юрята Пинящиничь, Намѣсть, Дрочило Нѣздиловъ сынъ кожевниковъ, а всѣхъ 20 мужь паде и съ Ладожаны, или менши, то Богъ вѣсть. Великій же князь Александръ Ярославичь съ Новгородци възвратися съ великою побѣдою, и пріиде въ Новъгородъ, сохранени вси Богомъ и св. Софіею, хваля и славя св. Троицю, Отца и Сына и св. Духа, аминь...

Въ лѣто 6750 (1242). Поиде в. кн. Алексанрдъ съ братомъ своимъ Андрѣемъ, и съ Новогородци и съ Низовци, на Нѣмецкую землю въ силѣ велицѣй, да не хвалятся ркуще: »укоримъ Словѣньскый языкъ, нежели себе«; уже бо бящеть взятъ градъ Пьсковъ, и тіуни ихъ посажени въ градѣ. Великій же князь Александръ зая всѣ пути до Пьскова и изгони градъ, и изыма въ Нѣмци и Чюдь, и намѣстникы нѣмецкыя исковавъ поточи въ Новгородъ, а градъ Псковъ свободи отъ плѣна; а землю ихъ пожже и повоева, и полона много взя, а иныхъ изсѣче. Они же гордіи совкупившеся, и рѣша: »поидемъ, погубимъ в. кн. Александра и имемъ его руками«; и егда же приближишася, и почюдишася стражіе в. кн. Александра силѣ нѣмецкой, самъ же в. кн. Александръ Ярославичь поклонися св. Троици, и поиде на землю нѣмецкую, хотя мьстити кровь христіяньскую. Бѣ бо зима въ то время, якоже бысть на земли ихъ, пусти вся полкы своя въ зажитія, а Доманъ Твердиславичь и Кербетъ быша въ розгонѣ; и убиша ту Домаша брата посаднича, мужа добра, и иныхъ много избиша съ нимъ, а иныхъ руками яша, а иные прибѣгоша къ в. князю въ полкы. Се же слышавъ местеръ, изиде противу имъ со всѣми бискупы своими и со всѣмъ множествомъ языка ихъ и власти ихъ, что ни есть на сей сторонѣ, и съ помочію королевою, и снидоша на озеро глаголемо Чюдское. Велики же князь Александръ Ярославичь вспятися на озеро, Нѣмци же и Чюдь поидоша по нихъ, князь же великы постави полкы на озерѣ Чюдьскомъ, на Узмени, у Воронія камени, и укрѣпився силою крестною, ополчився поиде на нихъ; наступиша же озеро Чюдское, бысть же обоихъ множество велми. Отецъ же его в. кн. Ярославъ Всеволодичь прислалъ бѣ ему на помощь брата его меншаго кн. Андрѣя, со множествомъ вой своихъ. Тако бо бяше у кн. в. Александра множество храбрыхъ, якоже древле у Давыда царя си-

ніи и крѣпціи; такоже воя в. кн. Александра исполнишася духа ратна, бяху бо сердца ихъ акы львомъ, и ркоша: »о княже нашь честный и драгій! нынѣ присиѣ время положити главы своя за тя«. Великы же князь Александръ, въздѣвъ руцѣ на небо, и рече: »суди, Боже, и разсуди прю мою отъ языка велерѣчива; помозй ми, Господи, яко же древле Моисѣеви на Амалика и прадѣду моему в. кн. Ярославу на окааннаго Святополка«. Бѣ бо тогда день суботный, солнцю всходящю, и съступишася обои полци: Нѣмци же и Чюдь пробишася свиніею (*угломъ*) сквозѣ полкы, и бысть ту сѣча зла и велика Нѣмцамъ и Чюди, и трускъ отъ копей ломленія и звукъ отъ мечнаго сѣченія, якоже морю померашю двигнутися, и не бѣ видѣти леду, покрыло бо есть все кровію. Се же слышахъ отъ самовидца, рече ми: яко видѣхъ полкы божія на въздусѣ, пришедше на помощь в. кн. Александру Ярославичю. И побѣдивъ силою божіею, и св. Софіи, и святою мученику Бориса и Глѣба, еюже ради кровь свою проліяша: и даша ратніи плещи своя, и сѣчахуть я гонаще акы по аеру, и не бѣ имъ камо утещи, и биша ихъ на семи верстахъ по леду до Суболичьскаго берега; и паде Нѣмець 500, а Чюди безчисленное множество, а руками наша Нѣмець 50 мужь нарочитыхъ воеводъ, и приведоша я въ Новгородъ, а иныхъ вода потопи, а иніи злѣ язвени отбѣгоша. Бысть же бой сій априля въ 5, на похвалу св. Богородица, на память св. мученика Клавдія; здѣ же прослави Богъ в. кн. Александра предъ всѣми полкы, яко Исуса Навгина у Ерихона. Се же рькли Нѣмци: »имемъ в. кн. Александра руками«; и сихъ ему предасть Богъ въ руцѣ его, и не обрѣтеся противникъ ему въ брани никогдаже. Възвратившю же ся в. кн. Александру съ славною побѣдою, бяше же полона много въ полку его, ведяхуть бо я подле конь иже именуются ритори (*рыцари*); и якоже приближися в. кн. Александръ къ граду Пскову и срѣтоша его со кресты игумени и попове въ ризахъ и народъ многъ предъ градомъ, поюще славу Господеви и в. кн. Александру Ярославичю: »пособивый, Господи, кроткому Давыду побѣдити иноплеменники и вѣрному князю нашему оружіемъ крестнымъ, свободи градъ Пьсковъ отъ иноязычныхъ и отъ иноплеменникъ рукою в. кн. Александра Ярославича«. О невѣгласи Пьсковичи! аще забудете се и до правнучатъ в. кн. Александра Ярославича, уподобитеся Жидомъ, ихже препита Господь въ пустыни крастелми печеными, и сихъ всѣхъ забыша благъ Бога своего, изведшаго ихъ изъ работы египетьскія Моисіомъ, се же вамъ глаголю: аще кто пріидетъ и напослѣдокъ рода его великихъ князей, или въ печали пріѣдетъ къ вамъ жити въ Псковъ, а не пріимете его, или не почтите его, наречетеся вторая Жидова. И нача имя слыти в. кн. Александра Ярославича по всѣмъ странамъ, отъ моря Варяжьского и до моря Понтьского, и до моря Хупожьскаго, и до страны Тиверійскыя, и до горъ Араратьскыхъ, объ ону страну моря Варяжьского и горъ Аравитьскихъ даже и до Рима великого; распространи бо ся имя его предъ тмы тмами и предъ тысящи тысящами. И тако пріиде къ Новугороду съ великою побѣдою....

Преставленіе в. кн. Александра Ярославича, внука в. кн. Всеволода. Горе тебѣ, бѣдный человѣче! како можеши написати кончину господина своего в. кн. Александра Ярославича? како не испадета зеници твои вкупѣ со слезами? како ли не разсѣдеся сердце твое отъ многыя тугы? отца бо человѣкъ можеть забыти, а добра господина, аще бы съ нимъ и въ гробъ влѣзлъ. Пострада Богови крѣпко. М--тъ же Кириллъ глагола людемъ: »чада моя милая! разумѣйте, яко заиде солнце земли Русьской«; іерея, и діяконы, и

чернориэца, нищіи, богатіи, и вси людіе мнозіи вопіяху, глаголюще: »уже погибаемъ«. Святое же тѣло его несоша къ граду Володимерю, м-тъ же Кирилъ съ чиномъ церковнымъ, вкупѣ же князи и бояре, и весь народъ, мали и велиціи, срѣтоша его у Боголюбова съ свѣщами и кандилы; отъ множества народа изъгнѣтаахуся людіе, хотяще прикоснутися честнѣмъ тѣлѣ его, бысть же плачь велій и кричаніе и туга, якоже нѣсть такова бывала, токмо и земли трястися. Положиша же его въ Володимери, въ церкви въ Рожествѣ св. Богородица м. ноября въ 23 день, на память св. Анфилофія. Бысть тогда чюдо видно, памяти достойно: егда же вложиша тѣло святое его въ раку, икономъ же Севастіянъ м-та Кирила приступилъ и хотѣ разняти руку его, да вложитъ митрополитъ грамоту душевную, онъ же самъ яко живъ сущи, распростеръ руку свою и взя грамоту отъ руки митрополита; пріятъ же я всихъ ужасъ великъ, егда отъ раки отступиша. Се же бысть проповѣдаво всѣмъ отъ Кирила м-та и отъ иконома его Савастіяна. Се же слышавше, братіе, кто не дивится о семъ, яко тѣлу бездушну сущю, привезену отъ дальнихъ мѣстъ во время зимы? тако прослави Богъ угодника своего, иже много тружшеся за землю Русьскую, и за Новъгородъ и за Псковъ, и за все великое княженіе животъ свой отдавая, и за правовѣрную вѣру.

(*II. Собр. Лѣт. V, 176—179, 180 181, 191*).

См. в. кн. Александръ Ярославичъ Невскій. *Бѣляева*. Времен. IV. Изсл. 1—42.

365. Борьба съ Шведами.

а. Того же лѣта (1300) придоша изъ-за морія Свѣи, въ силѣ велицѣ, въ Неву, приведоша изъ своеи земли мастеры, изъ великого Рима отъ папы мастеръ приведоша нарочитъ, поставиша городъ надъ Невою, на усть Охты рѣкы, и утвердиша твердостію несказанною, поставиша въ немъ порокы, похвалившеся оканьніи нарекоша его *Вѣнець земли* (Landskrone); бѣ бо съ ними намѣстникъ королевъ, именемъ Маскалка (1); и посадивше въ немъ мужи нарочитыи съ воеводою Стенемъ, и отъидоша, князю вел. тогда не будущю въ Новѣгородѣ.

б. Въ лѣто 6809 (1301). Приде князь вел. Андреи съ полкы низовьскыми, и иде съ Новгородци къ городу тому, и приступиша къ городу м. маія 19, на память св. Патрикія, въ пятокъ предъ сшествіемъ св. Духа, и потягнуша крѣпко; силою св. Софья и помощью св. Бориса и Глѣба, твердость та ни во чтоже бысть за высокоумье ихъ, зане всуе трудъ ихъ безъ божіа повелѣнія: градъ взятъ бысть, овыхъ избиша и исѣкоша, а иныхъ извязавше поведоша съ города, а градъ запалиша и разгребоша. А покои, Господи, въ царствіи своемъ душа тѣхъ, иже у города того головы своя положиша за св. Софью... (*I Нов. 67—8*).

в. Въ лѣто 6819 (1311). Ходи князь Дмитрей Романовичь съ Новогородци на нѣмецкую землю, за море на Емъ: и переѣхавше море, первое взяша Купецьскую рѣку, и села пожгоша и въ полонъ поимаша многыхъ, и скоты посѣкоша,—и ту убіенъ бысть Костянтинъ Ильинъ сынъ Станимирова въ загонѣ; и потомъ взяша Черную рѣку и вси села по Черной рѣцѣ повоеваша, и пріидоша къ г. Ванаю, и городъ взяша и пожгоша, а Нѣмци вбѣгоша въ дѣтинець; бѣ градъ той крѣпокъ велми, на камени высоцѣ, не имѣя приступа никуды же; и

---

(1) Marschalcus—Маршалъ Torkel Кнутсонъ. *Гейера* Geschichte Schwedens. I. 172.

прислаша Нѣмци съ поклономъ къ Новгородцемъ, просячи мира у нихъ, Новгородци же миру имъ не даша, и стояша у града того 3 дни и 3 нощи, волости воююще, и села великая ихъ пожгоша, и обилiе все потравиша, а скота не оставиша ничтоже; и потомъ взяша, идущи назадъ, рѣку Кавгалу и Перну рѣку, и выидоша на море, и прiидоша въ Новъгородъ вси поздорову. (*I Софійс. 205*).

г. Въ лѣто 6830 (1322). Приде князь Юрьи въ Новгородъ, позванъ Новгородци, и повелѣ пороки чинити; тогда же приходиша Нѣмци ратью къ Корѣлскому городку, и не взяша его. Того же лѣта поиде кн. в. Юрьи съ Новгородци къ Выбору, къ городу нѣмецьскому, и биша й 6-ю пороковъ, твердъ бо бѣ, и избиша много Нѣмець въ городѣ, а иныхъ извѣшаша, а иныхъ на Низъ поведоша; и стоявше мѣсяць, приступиша, и не взяша его, но за грѣхи наша, нѣколико мужь добрыхъ паде...

д. Въ лѣто 6831 (1323). Ходиша Новгородци, съ кн. Юрьемь, и поставиша городъ на усть Невы, на Орѣховомъ островѣ. Ту же прiѣхавше послы великы отъ Свѣискаго короля, и докончаша миръ вѣчныи съ княземъ и съ Новымъгородомъ, по старои пошлинѣ.

(*I Новг. 72—73*).

366. Договоръ Новгородцевъ съ Шведами 1323 г.

Я в. кн. Юрiй съ посадникомъ Офромеемъ, тысяцкимъ Авраамомъ и со всѣмъ Новгородомъ заключилъ миръ съ братомъ моимъ, королемъ шведскимъ Магнусомъ Эриксономъ. По этому случаю къ намъ прибыли шведскiе послы: Эрикъ Турсонъ, Геммингъ Одгильсонъ (*а не Эдрислесонъ*), Петръ Iонсонъ, Видемундъ священникъ; съ ними же были голландскiе купцы, Людвигъ и Федверъ,—представители голландскихъ торговцевъ. Мы возобновили вѣчный миръ и цѣловали крестъ. Ради дружбы, в. кн. Юрiй, со всѣмъ Новгородомъ, уступили три округа: Саволаксъ, Эскисъ и Эврепе—корельскую часть. Грани и межи идутъ такъ: отъ моря до р. Сестры, отъ Сестры къ Моссенѣ до горы Runetae, далѣе до р. Саи, которая впадаетъ въ Оксенъ, отъ Саи... (¹). Потомъ въ Петаiоки и наконецъ на сѣверѣ къ морю. Нашей новгородской области должны принадлежать р. Иловесь съ рыбными ловлями, (половина Ватукиви, половина Самевеси, половина Упелакса, 6-я часть боброваго улова въ Кодевѣ и 6-я часть въ Кунустайнѣ). Все по сю сторону грани принадлежитъ Новгороду. Купцы нѣмецкiе, изъ Любека, Готланда и Швецiи могутъ безпрепятственно прiѣзжать по Невѣ въ Новгородъ, какъ водою, такъ и сухимъ путемъ. Шведы и граждане Выборга обязаны не задерживать новгородскихъ купцовъ и другихъ лицъ, мирно отправляющихся изъ Россiи въ Швецiю или изъ Швецiи въ Россiю: въ силу этого договора, они должны пользоваться полною безопасностью. Съ этихъ поръ ни мы, ни вы не должны строить никакихъ крѣпостей въ Карелiи. Должники, поручники, рабы или разбойники, бѣжавшiе къ намъ отъ васъ или отъ насъ къ вамъ, имѣютъ быть поправу выдаваемы. Шведы, равно какъ и граждане выборгскiе, не должны покупать ни земель, ни водъ, лежащихъ въ новгородской Карелiи; къ тому же обязываются

(¹) Здѣсь подробно обозначены границы новгородскихъ владѣнiй на финскомъ сѣверѣ; съ этой стороны грамота имѣетъ большую важность. Изслѣд. о ней *П. Г. Буткова* см. въ Ж. М. Внутр. Д. 1837 г. ч 23. № 2. 325. Также не мѣшаетъ заглянуть въ Учен. Зап. Казанс. Универс. 1855, кн. 2. 103.

и Новгородцы относительно земли и воды шведской. Въ избѣжаніе розрыва, съ нашей или съ вашей стороны, должно соблюдать заключенный миръ ни въ чемъ не нарушеннымъ. Если же кто изъ насъ или изъ васъ нарушитъ что-либо, тотъ да подвергнется наказанію; нарушитель долженъ исправить свою ошибку по правдѣ божіей. Да будетъ всѣмъ Новгородцамъ миръ, всѣмъ ихъ городамъ и всей землѣ ихъ. В. князь новгородскій со всѣмъ Новгородомъ заключилъ вѣчный миръ съ королемъ шведскимъ и жителями Выборга въ пятницу предъ Успѣніемъ (во вторникъ послѣ Рождества Богородицы). В. князь русскій или Новгородскій обязывается не домогаться королевскихъ земель въ Швеціи, также и король шведскій обязывается не домогаться земель русскихъ и новгородскихъ. Этотъ миръ утвержденъ съ обѣихъ сторонъ крестнымъ цѣлованіемъ. Кто его нарушитъ, тому да отмститъ всемогущій Богъ и св. Дѣва Марія.

(*Antiquités Russes. 1851 г. II, 490—491*).

367. Борьба съ Шведами.

а. Тои же зимы (1337) Корѣла, подведши Нѣмець, побиша Русь, Новогородцевъ много и Ладожанъ гостеи, и кто жилъ Христіянъ въ Корѣлѣ, а сами побѣжали въ нѣметьскій городокъ; и потомъ много посѣкоша христіанъ изъ Нѣмецскаго города...

б. Тои же весны (1338) ходиша Новогородци, съ посадникомъ Өеодоромъ, въ Неву, и стояша подъ Орѣховымъ, съсылающеся послы съ воеводою нѣметскимъ съ Стенемъ, и не бысть миру; но тако възвратишяся Новогородци въ Новъгородъ. Воеваша Нѣмци съ Корѣлою много, по Обонѣжію, послѣдь же и Ладогу пожгоша, пригонивше, посадъ; нъ города не взяша. Потомъ же ходиша молодци новогородстіи съ воеводами, и воеваша Городецкую Корелу нѣмецскую, и много попустошиша земли ихъ, и обиліе пожгоша, и скотъ изсѣкоша; и пріидоша вси здрави, съ полономъ. Того же лѣта приходиша Нѣмци изъ городка воевати на Толъдогу, и оттолѣ идяху на Вотскую землю, и не взяша ничтоже, остерегли бо ся бяху; и пакы вышедше Копорьяне, съ Өедоромъ Васильевичемъ, и биша я, и убиша ту Михаила Копорьянина, мужа добра; а подъ Өедоромъ конь раниша, нъ самому не бысть пакости; а они вышли бяхуть вмалѣ. Князь же Наримонтъ бяше въ Литвѣ, и много посылаша по него, и онъ не идяше, нъ и сына своего выведе изъ Орѣховаго, именемъ Александра, токмо намѣстникъ свои остави... Тои же зимы прислаша послы изъ Нѣметскаго городка изъ Выбора, о миру, въ Новгородъ, отъ Петрика воеводы, рекуще: »яко князь свѣискіи того не вѣдаеть, что учинилося розмиріе съ Новымъгородомъ, нъ то подъялъ Стень воевода о своемъ умѣ«. Новогородци же послаша Козму Твердиславича и Олександра Борисовича посольствомъ, и привезоша миръ, докончавше по тому миру, что докончали съ в. кн. Юрьемъ въ Невѣ; а про Кобылитьскую Корѣлу послати къ свѣискому князю.

в. Того же лѣта (1339) послаша Новогородци Кузму Твердиславля и Олександра Борисовича, съ другы, а отъ владыкы сестричича его Матвеа, за море, къ свѣискому князю, посольствомъ и наѣхаша его въ Мурманьскои земли, въ г. въ Людовли, и докончаша миръ по старымъ грамотамъ. А про Корѣлу тако рекоша: »оже къ вамъ наши бѣжать, сѣките ихъ или вѣшайте, или ваши къ намъ, такоже имъ створимъ, дажь не пользтять промежу нами; а сихъ не вы-дадимъ, крещени суть въ нашу вѣру«; а

и безъ того мало ихъ бѣ осталося, а то вси помроша гнѣвомъ божіимъ (*отъ мора*).

(I Новг. 78—79).

368. Борьба съ Нѣмцами

Въ лѣто 6851 (1345), индикта 11 м. маія 26, на память св. апостола Карпа, нагадавшеся Псковичи съ Изборяны, подъяша всю область псковскую и поѣхаша воевати земли нѣмецкія о князи Иванѣ, и о изборскомъ князи Остафьи, и о посадникѣ Володшѣ, и воеваше села нѣмецкая около Медвѣжьѣ Головѣ 5 дней и 5 ночей, не слазячи съ коней, гдѣ то не бывали отцы и дѣды, и поѣхаше Псковичи во Псковъ съ многимъ полономъ. А Нѣмци скопивше силу, ополчився погнаша въ слѣдъ Псковичь, хотяще яти руками князя Остафья и Ивана, лютой смерти предати, а мужи Псковичи мечи изсѣчи; и надгониша Псковичи за 2 поприща (*версты*) не доѣхавше Нового городка нѣмецкаго, на Маломъ Борку, на тѣсни. И сташа Псковичи боеви, помолившеся св. Троици и Всеволожи молитвѣ и Тимофѣевѣ, и взяша прощеніе промежи себе и ркоша: »братья мужи Псковичи! не посрамимъ отець своихъ и дѣдовъ, кто старъ, то отець, а кто младъ то братъ; се же, братья, предлежитъ намъ животъ и смерть; потягнемъ за св. Троицу и за св. церкви, за свое отечество«. И бысть бо сѣча велика Плесковичамъ съ Нѣмци, м. іюня въ 1, на память св. мученика Іустина Философа, въ самый Троицынъ день, и на первомъ ступѣ убиша кюра Костянтиновича, и Кормана Постника, и Онтона сына посадника Ильина и инѣхъ Псковичь; и Богъ поможе мужемъ Псковичемъ и Изборяномъ, посѣкоша Нѣмець помощью св. Троица и молитвою кн. Всеволода и Тимофѣя, овыхъ побиша, а иніи прочь побѣгоша посрамлени. И сташа Псковичи на костехъ, убиша Псковичь на томъ бою 17 чe вѣкъ, а иніи Псковичи безсоніемъ одур ли старыя и молодыя, и тако блуд по лѣсу много ихъ погибло; а иные л слѣ рати вышли. А коли Псковичи ст пишася съ Нѣмци битися, а въ то вре Руда попъ Борисоглѣбскій, Ломако внукъ, пригнавъ въ Изборескъ и пові имъ лихую вѣсть: »всѣхъ Псковичь и Изборянъ побили«; такожe и во Пск пришедъ тую же вѣсть повѣда: »Пск вичь всѣхъ побили и Изборянъ«. И бы во Псковѣ плачь великъ и кричаніе, я же не бывало николиже такого пла И Псковичи отрядиша гонцемъ въ Нов родъ Ѳому попа, старосту поповско »Псковичи всѣ побиты, а вы, Ново родцы братья наша, поѣдьте наборзѣ, гоните Псковъ перво Нѣмець, оже Нѣ ци не загонять«. И не поемше вѣ Рудинѣ рѣчи, не отпускаючи попа Новгородъ, послаша въ Изборескъ у дывать на Псковичь Якова Домашинич Андрея Степановича, Жидила Шестько ча; и пріѣхаше въ Изборескъ, оже Пск вичи подъ Изборскомъ въ станахъ ст ять, опочиваючи, и въ томъ часѣ посл ша во Псковъ вѣсть добру, и бысть р дость и веселіе въ градѣ Псковѣ. И п томъ сами пріѣхаше, князь и посадни и Псковичи, во Псковъ къ св. Троици

(*П. С. Лѣт. IV, 189*).

369. О королѣ Магнусѣ.

Въ лѣто 6856 (1348). Магнушь, коро Свѣиской земли, прислалъ къ Новог родцемъ, рекъ: »пошлѣте на съѣздъ св философъ, азъ послю свои философъ, да поговорять про вѣру; а азъ то хощу сл шеть, коя будеть вѣра лучши: а и ваша будеть вѣра лучши, ино азъ иду

вашу вѣру, или паки аще наша вѣра лучши, и вы поидѣте въ нашу вѣру, и будемъ вси за единъ человѣкъ; или не поидете въ единачьство, и азъ хощу ити на васъ, съ всею моею силою. Владыка же Василiи, и пôсадникъ Ѳеодоръ Даниловичь, и тысяцкои Абрамъ, и вси новогородци, погадавше отвѣщаша Магнушу: »аще хощеши увѣдати, кая вѣра лучши, наша ли, или ваша, пошли въ Царьградъ къ патрiарху, зане мы приняли отъ Грець правовѣрную вѣру, а съ тобою ся не спираемъ про вѣру; а кая будеть обида межю нами, а о томъ шлемь къ тебѣ на съѣздъ«.—И послаша Новогородци къ Магнушу Абрама тысяцского, Кузму Твердиславля и иныхъ бояръ. Абрамъ же, съ своими друзи, прiиде въ Орѣховець и хотѣ поити къ Магнушу, а Магнушь тогда былъ въ Березовомъ островѣ, съ всею своею силою. Орѣховци же биша челомъ Абраму, чтобы не ходилъ отъ нихъ изъ городка; и поиде къ Магнушу Кузма Твердиславль съ други. Магнушь же отвѣчалъ Кузмѣ: »обиды ми съ вами нѣту никоеи«—но сице рче имъ: »поидѣте въ мою вѣру, а не поидете, иду на васъ съ всею моею силою«—и отпусти Кузму съ други. И абiе дошедши Орѣховца, затворишася въ городкѣ вси, а Магнушь баше приступль къ городку ратiю, съ всею своею силою; а Ижеру почалъ крестити въ свою вѣру, а кои не крестятся, а на тѣхъ рать пустилъ. Слышавши же Новогородци, яко уже король рать отпустилъ на Ижеру, послаша противу нихъ Онцифора Лукинича, Якова Хотова, Михайлу Ѳеофилатова, съ малою дружиною. Молитвами же св. Богородица, и св. Софѣа пособiемъ, и св. мученикъ Бориса и Глѣба помощiю, Богъ пособи Онцифору: избиша нѣмцевъ 500, а иныхъ живыхъ изымаша, а перевѣтьниковъ казниша; и прiидоша въ Новъговодъ вси здрави, развѣ 3 человѣкы убиша Новогородцевъ. Посадникъ же Ѳеодоръ Даниловичь, и намѣстници князя в., и вси Новогородци, и Плесковичь немного, и Новотръжци, и вся волость Новогородскаа, поидоша въ Ладогу, а къ князю Семену Ив. послаша послы, а рекъ тако: »поиди, княже, къ намъ боронити своеа отчины, яко идеть на насъ король свѣискiи, на крестное цѣлованiе«; великiи же князь Семенъ отвѣщалъ Новогородцемъ: »радъ, иду къ вамъ«. Медливъ же князь долго, поиде въ Новъгородъ; отшедши же отъ Тръжку до Ситна, и възвратися назадъ на Москву, а въ Новъгородъ посла брата своего Ивана; князь же Иванъ пришедши въ Новгородъ, нъ не поидяше къ Новогородцемъ въ Ладогу. Въ то же время Магнушь король взя Орѣховець, на Спасовъ день; Абрама же и Кузму и иныхъ бояръ 8 взялъ къ себѣ, а иныхъ всѣхъ пустилъ изъ городка, а самъ поиде прочь отъ городка, а въ Орѣховцѣ оставивъ рать. Князь же Иванъ слышавъ, яко взяша Нѣмци Орѣховець, и поидяше изъ Новагорода назадь, не прiявъ владьчьня благословенiа и новогородскаго челобитiа,—и Новогородци поидоша изъ Ладогы и сташа у Орѣховца.

(I Нов. 83—84).

370. Рукописанiе Магнуша короля свѣйскаго.

Въ лѣто 6860 (1352). Се азъ Магнушь король свѣйскый, нареченый въ св крещенiи Григорiй, отходя сего свѣта, пишу рукописанiе при своемъ животѣ, а приказываю своимъ дѣтемъ, и своей братiи, и всей земли Свѣйской: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованiи, занеже намъ не пособляется. Первiе сего подъялся шестерь Белгерь и вшелъ въ Неву, и срѣте его кн. в. Александръ Ярославичь на Ижерѣ рѣцѣ, и самого прогна, а рать его поби. И потомъ братъ мой Маскалка, вшедъ въ Неву, городъ

постави на Охтѣ рѣцѣ и намѣстникы своя посади со множествомъ Нѣмець, а самъ поиде за море; и пришедъ в. кн. Андрѣй Александровичь городъ взя, а намыстникы и Нѣмець поби. И потомъ было намъ розмиріе съ Русію 40 лѣтъ; и потомъ за 40 лѣтъ съ в. кн. Юріемъ Даниловичемъ взяли есмы миръ вѣчный на Невѣ, земли есмя и водѣ учинили роздѣлъ, кому чимъ владѣти, и грамоты есмя написали и попечатали. И потомъ за 30 лѣтъ язъ Магнушь король того не порядя, поднялся есмь со всею землею Свѣйскою, и вшедъ въ Неву, взяхъ городъ Орѣховъ и намѣстникы свои есмь въ городѣ посадилъ, а съ ними нѣколико силы моея оставихъ, а самъ есмь пошелъ за море; и потомъ Новгородци пришедъ городъ свой взяли, а моихъ намѣстниковъ и Нѣмець побили, которые были въ городѣ. И язъ того не порядя, за одинъ годъ, опять пошелъ къ Орѣхову со всею Свѣйскою землею; и срѣте мя вѣсть, что Новгородци подъ Орѣховцемъ, и язъ опять пошелъ подъ Копорію, и подъ Копоріею есмь ночевалъ. И пріиде ко мнѣ вѣсть: Новгородци на укрѣ (*на краѣ*) земли, и язъ то слышавъ побѣглъ за море, ино въ валу парусовъ не знати (¹), веста буря сильна, и потопи рати моее много на усть Неровы рѣкы; и пошелъ есмь въ землю свою съ останкомъ рати. И отъ того времяни наиде на нашу землю Свѣйскую погибель, потопъ, моръ, голодъ и сѣча межи собою. У самого у мене отъя Богъ умъ, и сѣдѣхъ въ полатѣ прикованъ годъ чепію желѣзною и задѣланъ есмь былъ въ полатѣ; и потомъ пріѣха сынъ мой Сакунъ изъ Мурманьскіе (*Нормандской*, *Скандинавской*) земли, и выня мя изъ полаты, и везе въ свою землю Мурманьскую. И удари на мене опять потопъ, корабли мои и люди мои истопи вѣтръ, а самъ створихся плавы на днѣ корабленомъ, *исторцьнемъ* пригвоздихся 3 дни и 3 нощи; и по божію повелѣнію, принесе мя вѣтръ подъ монастырь св. Спаса въ Полную рѣку, и сняху мя съ доскы чернеци, и вънесоша мя въ монастырь и постригоша мя въ черньци и въ скиму, и сътвори мя Господь жива 3 дни и 3 нощи; а все то мене Богъ казнилъ за мое высокоуміе, что есмь наступалъ на Русь, а на крестномъ цѣлованіи. А нынѣ приказываю своимъ дѣтемъ и своей братіи: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи; а кто наступитъ, на того Богъ, и огонь и вода, иже мене казнилъ, а все ми створилъ то Богъ къ моему спасенію.

(*П. С. Лѣт. V, 227*).

(¹) Невидно парусовъ отъ высокихъ волнъ.

Характеръ Норманновъ и морскія ихъ набѣги. Перев. изъ сочин. Деппинга: Histoire des expédixions maritimes des Normands etc. Paris. 1826. Сѣверн. Архивъ ч. 22 № 14 и 15. с. 184. ч. 23, № 17 и 18. с. 3. № 19 и 20. с. 261. ч. 24, № 21 и 22, с. 60. См. Ист Шведс. Госуд. Олофа Далина, перев. съ Шведскаго 1805 г. Борьба съ Шведами и Тевтонсскимъ орденомъ. Н. И. Костомарова Сѣверно рус. народопр. I, 329—394. Погодина Норманскій період. древ. Руси и его же Лекціи, замѣч. О Варягахъ *Байера* въ перев. *К. Кондратовича*. Спб. 1767.

371. Борьба съ Нѣмцами.

а. Въ лѣто 6877 (1369). Пріидоша Нѣмцы ко Изборску ратью въ силѣ велицѣ, со многимъ запасомъ замышленій своихъ, съ пороки великими и съ грады и затворы, наричающе *раныимъ*, хупучися (*отъ сл. хапать*) безбожніи на домъ св. Николы (*соборную церковь*), хотя взяти градъ; и стояша 18 дней, пороки шибаючи во градъ, възгради привлачающеся, сами о стѣну толкуще, и много безумніи всуе трудишася, не могоша зла ничтоже сотворити, Богъ бо храняше градъ отъ супротивныхъ супо-

статъ иноплеменныхъ Нѣмецъ; тогда же и Новгородцы пріѣхаша въ пособіе къ Пскову, то же слышавше и видѣвше Нѣмци, побѣгоша отъ Изборска прочь и запасъ свой весь повергоша. Потомъ, на другое лѣто, пріидоша Нѣмци ко Пскову и стояша 3 дни на двѣ ночи, и поидоша во свою землю, а ничтоже не вземше; тогда же убиша Нѣмци за Псковою на поли нѣколико мужей Псковичь, Якима Троидилова внука, Артемья діаконова брата, а Лутѣ Писоломиницы живого емше, поведоша во свою землю, но тамо его затравили (*собаками?*). На зиму пріѣхавше Новогородцы ко Псковичемъ въ пособіе, и пріидоша къ Новому городку, и не поидоша отъ городка въ Нѣмецкую землю; но възвратилися оттуду взадъ, а Псковичемъ не учиниша пособья ни мало. А съ того же розратья Псковичи ѣхавше, съ божіимъ пособіемъ, взяша городъ Нѣмецкій Кирьпигу и пожгоша, а много полона взяша, а Нѣмецъ овыхъ избиша, а иніи въ погребехъ запечатавшеся подхоша (*подохли*) зноемъ, аки свинія погорѣша; а Псковичи пріѣхаша со множествомъ полона. Тоже бысть Псковичемъ Богомъ дарована война; а то розратье бысть съ Нѣмци *про Жолчь* обида много время, али по 5 лѣтъ, много же нужно (*нужды, скорби*) бяше людемъ тогда и болѣзньми и моромъ, и бѣды ратныя, и всѣхъ настоящихъ на ны золъ за грѣхи наша. Тогда же и миръ Псковичи съ Нѣмци взяша. (*I Псковс. 192—193*).

б. Въ лѣто 6956 (1448). Князь Александръ Васильевичь съ мужи Новогородци поиде противу князя Ризскаго местера (*магистра ордена*), и противъ короля прусского, и противъ короля свейскаго Карла, и сташа Новогородци на Норовѣ со княземъ Александромъ, біющеся черезъ Норову рѣку съ погаными Нѣмци; и пособи Богъ и св. Софея пре мудрость божія мужемъ Новогородцемъ, и побиша много поганыхъ Нѣмецъ, а иныхъ на мори въ бусахъ (*судахъ*) много побиша, а иніи истопоша въ мори, а иныхъ руками поимаша 84, а съ ними два князя нѣмецкая яша, и много добытка добыта, молитвами благовѣрныхъ князей; а иныхъ подъ Ямою городкомъ (*Ямбургомъ*) побиша князь Василей Васильевичь (*суздальскій*) съ мужи Новгородци...

в. Въ лѣто 6957 (1449). Послаша Псковичи своихъ пословъ на съѣздъ, на Норову рѣку, подлѣ новогородцкихъ пословъ, и докончаша миръ, по благословенію архіепископа В. Новгорода и Пскова владыцѣ Еуѳимія: взяша миръ на полтретьядцать (25) лѣтъ съ княземъ местеромъ ризскымъ и съ его князьми, такоже и съ пискупомъ юрьевскымъ и съ юрьевичи (*жителями Дерпта*). А что отняли бяше Юрьевци старинъ псковскихъ много, и милостію св. Троица и молитвою благовѣрныхъ князей, они поганіи возвратиша съ студомъ и срамомъ вся старины псковскія ко Пскову, а докончаша той миръ на Успеніе св. Богородица. (*I Псковс. 213—214*).

372. О томъ же.

а. Въ лѣто 6967 (1459). Князь Александръ Васильевичь и посадники псковскія, съ мужи Псковичи, ѣхавше на землю св. Троица (*т. е. Псковскую, п. ч. соборный храмъ во Псковѣ былъ во имя св. Троицы, какъ въ Новгородѣ—во имя св. Софіи*) на Озолицу и на Желачкѣ сѣно покосиша и ловцомъ своимъ повелѣша рыбы ловити по старинѣ; и церковь поставиша во имя св. архистр. Михаила, и Чюдь на Рожкинѣ повѣсиша... Того же лѣта въ вел. постъ, поганая Латиня изгонивше изгонаю, и не вѣруя въ крестное цѣлованіе, на то обидное мѣсто па Озолицу, на землю св. Троица, и церковь св. Миха-

мла сожгоша и 9 человѣкъ. Въ тоже время, на тоже мѣсто, князь псковскій Александръ Вас. съ посадники псковскими и со Псковичи ѣхавше въ насадѣхъ (*большихъ судахъ*) и въ лодьяхъ на Озолицу и шедше въ Нѣмецкую землю, такоже много мужей и женъ пожгоша, и месть истиша за тыя головы неповинныя. Того же лѣта за мало время, ѣхавше Нѣмцы въ снекахъ (*судахъ*) и въ лодьяхъ во Псковскую землю въ Норову рѣку, и насаду псковскую у ловцовъ отъяша съ пущичами и со всѣмъ запасомъ ратнымъ и въ Березской волости 42 двора выжгоша, а людей Богъ ублюде...

б. Въ лѣто 6968 (1460). Тоя же осени пріѣха посолъ отъ Новагорода во Псковъ, посадникъ Карпъ Савиничь и съ нимъ дружина его, по челобитью нѣмецкому и по ихъ сроку, и поѣха князь Александръ Вас. и посадникъ Новгородскій, и посадники псковскія, и бояре изо всѣхъ концевъ на Озолицу и на Желачко на обидное мѣсто, и досмотрѣли того мѣста обидного, а тое земля и вода св. Троица. И поганія Нѣмцы, познавше свою вину, не сташа на то обидное мѣсто на свой срокъ, и князь псковскій Алелсандръ Вас. и посадникъ новгородскій и посадники псковскія и бояре много ждавше поганыхъ на то мѣсто, и отъѣхаша прочь. Тое же зимы въ Рожественское говѣнье, князь псковскій съ посадники съ Псковичи, ѣхавше въ Нѣмецкую землю, и много шкоты учинили, повоевали землю Нѣмецкую на 70 верстъ, и 3 нощи ночеваша въ Нѣмецкой земли и много живота (*пожитковъ*) пограбиша и погостовъ нѣмецкихъ много пожгоша, и божницу велику выжгоша, и крестъ съ божницы взяша и 4 колоколы сняша, и попа нѣмецкаго поимаша и головъ нѣмецкихъ много поимаша, а все то—и животъ и животину и головы провадиша ко Пскову; а Псковичь всѣхъ ублюде Богъ и св. Троица, не единъ человѣкъ не погиблъ; а тую месть мьстили Псковичи что на Норовѣ поганія повоевали и въ Березской волости что пожгли.

Того же лѣта м. генваря 20 день на память св. и препод. и богоноснаго Евфимія Великаго, князь Василей Васильевичь пріѣха съ Москвы въ свою отчину въ В. Новгородъ съ своими сынми, съ княземъ Юрьемъ и Андрѣемъ, о всѣхъ своихъ управахъ; и услышавше Псковичи князя великаго въ Новгородѣ, и послаша пословъ своихъ въ В. Новгородъ, Юрья посадника Тимофеевича, Максима Ларивоновича и бояръ изо всѣхъ концевъ, и даша Псковичи на дарове князю вел. 50 рублевъ. И повелѣша имъ бити челомъ господину и государю в. князю Василью Вас. о жалованіи и о печалованіи своеи отчинѣ, мужей Псковичь добровольныхъ людей, что »есмя пргобижени отъ поганыхъ Нѣмець, и водою и землею и головами, и церкви божія пожжени отъ поганыхъ на миру и на крестномъ цѣлованіи«; и потомъ биша челомъ князю вел. о князи Александрѣ Вас., чтобъ »ему быти отъ тебе намѣстникомъ, а во Псковѣ княземъ«. Князь вел. отвѣща сице: »азъ васъ, свою отчину, хощу жаловати и боронити отъ поганыхъ, якоже отцы наши и дѣды наши князи великіи; а что мнѣ повѣстуете о князи Александрѣ Черторизскомъ, и о томъ васъ свою отчину жалую: аже толко поцѣлуетъ животворящей крестъ князь Александръ ко мнѣ къ в. князю и къ моимъ дѣтемъ къ в. княземъ, что ему зла на насъ не хотѣти, ни мыслити, ино буди вамъ князь, а отъ мене и намѣстникъ«. И услышавъ князь Александръ отвѣтъ князя в., и не въсхотѣ цѣловати къ нему, ни къ его дѣтемъ и молвилъ: »не слуга—де язъ в. князю, и не буди цѣлованіе ваше на мнѣ и мое на васъ; коли—де учнутъ Псковичи соколомъ вороны имать, ино тогда—де и мене Черторискогo воспомянете«,—и попрощався на вѣчѣ,—»язъ—де вамъ не князь«; а дво-

о кованой рати боевыхъ людей 300
ѣкъ, опричь копіовыхъ,—и поѣха изо
а; а Псковичи ему много биша че
чтобы ся осталъ и онъ поѣха въ
, а псковскаго челобитья не пріятъ,
враля въ 10, на память св. муче
Харлампія...
Въ лѣто 6969 (1461). Пріѣхаша
кіи послове, судья великій отъ ар
купа ризскаго и отъ юрьевскаго пи
и отъ всея нѣмецкія земли въ В.
родъ ко владыцѣ Іонѣ и къ посадни
новгородскимъ и ко всему В. Но
ду бити челомъ послу в. кн. Ва
Вас. и мужемъ Новогородцемъ, та
и псковскому послу посаднику Зено
Михайловичю, о перемирьи... И князь
силей Вас. доволилъ В. Новугороду
ову дати перемирье на ту 5 лѣтъ.
местера ризскаго послы и юрьев
ослы, на томъ перемирьѣ въ В.
родѣ и крестъ цѣловаша, такоже и
псковскія; а въ ту 5 лѣтъ на спор
мѣстѣ ловити Псковичемъ къ своему
, а Юрьевцомъ и пискупу къ сво
ерегу. И пріѣхавше изъ Новаго
ю Псковъ послы нѣмецкія, и тако
ловаша крестъ во Псковѣ по князя
окончанію; и еще отъ Пскова предъ
такоже крестъ цѣловаша судьи псков
соцкіи, что на томъ перемирьи
ны грамоты и печати прикладены,
е перемирье держати крѣпко въ ту
ъ.

1 Псковс. 218—219. 230).

373. Ятвяги.

Въ 6491 (983). Ходилъ Владиміръ
вягъ, и побѣдя ихъ, покоря землю
возвратился къ Кіеву, и творя жер
уміромъ съ людьми своими, прино
ь отъ людей плѣненныхъ и скотовъ
ство...

Ятвежи, Ятьячи, Язиги, единое есть, народъ сарматской, весьма жестокосердой и военной, съ Литвою единъ языкъ имѣли, надревле обитали они по Дунаю, и распространялись до Чернаго моря. Ихъ географы раздѣляли тремя званіи, яко Язиги Метанасты, Язиги Сарматы и Язиги Базилеи: первые жили вверхъ по Дунаю и р. Тейсѣ при границахъ Венгровъ, другіе по Черному морю названы Сарматы, третьи Базилеи, по сказанію Пливіа (*кн. 4 гл. 12*), жили при Меотическомъ озерѣ по р. Геррусу, и сіи знатно перешедъ поселились въ Литвѣ и въ Подляшіи по Бугу, (*о чемъ Плиній кн. 4, гл. 12, Птоломей кн. 3, гл. 7, Овидій въ стихахъ*). Другіе просто Язиги были Вязи близъ Евфрата, потомъ Язиды, послѣди Курди въ Дагистани именованы и доднесь знаемы (*Лексиконъ историческій и Стрыковскій*). Сіи, о которыхъ сказуется, жили около Буга, что нынѣ Подляшіе и Брестъ литовская. Историки польскіе Кромеръ, Бѣльскій, Стрыковскій и пр. согласно сказуютъ о нихъ, что никто съ бою бѣжать или въ плѣнъ живъ отдаться не хотѣлъ, но съ женами въ бояхъ охотно умирали,—и для того въ одной несчастливой имъ битвѣ въ 1264 г. отъ Болеслава Стыдливаго такъ побиты, что и памяти ихъ не осталось. (*Ист. Рос. В. Н. Татищева. М. 1773. II, 62 и прим. 167*).

б) Въ лѣто 6764 (1256). Поиде Данило на Ятвязѣ съ братомъ, и сыномъ Львомъ и съ Шварномъ младу сущу ему, и посла по Романа въ Новгородокъ. И пріиде къ нему Романъ, со всѣми Новгородци и со цтемъ своимъ Глѣбомъ, и со Изяславомъ со Вислочьскымъ, и со сеѣ стороны приде Сомовитъ со Мазовшаны, и помочь отъ Болеслава со Судимирци и Краковляны; и бысть рать велика, яко же наполнити болота Ятвяжьская полкомъ. Сотворивше же съвѣтъ вси князи рустіи и лядьстіи, и рѣша мужи браньніи: »ты еси король, голова всимъ полкомъ; аще насъ послеши напередъ кого, не послушно есть вѣси бо ты воинскій чинъ, на ратехъ обычай ти есть, и всякый ся тебе усрамить и убоится; изъиде самъ напередъ«. Данилъ же изрядивъ полкы, кому полкомъ ходити самъ изыде напередъ и стрѣльцѣ же пусти напередъ, а другія обаполы дорогы; дворьскому же повелѣ за собою ходити, самъ же ѣха въ малѣ от-

рокъ оружныхъ. Ѣдущу же ему, и пріѣха къ нему сынъ Левъ одинъ, и рече ему: »яко никто съ тобою нѣсть, азъ же ѣду съ тобою«; рече король ему: »буди тако« и идяше путемъ своимъ. Анкадъ же вожь ему бѣ и обѣща ему, да село его непожьжено будеть. И пріѣха къ нему Романъ сынъ одинъ. И пріѣхавъ же ко вси, рекомѣй Болдикища, посла Лва съ братомъ, Левъ же тихо объѣхавъ село, исѣче вcѣ, одинаго же приведе; король же упроси его; одному же рекьшу: яко »во вси рекомѣй Привища, собралися суть Ятвязи«, слышавъ король, посла отрока Андрѣя, рекый дворьскому: »аще узриши насъ погнавшихъ, скорѣе по насъ пожени и роспусти полкъ, якоже кто можетъ гнати«. Василкови же князю инѣмъ полкомъ рекшу, да поидутъ тихо на грунахъ, и своему полку такоже; оному же молоду сущу, и пакы слово рекшу, запрети дворьскому не распустити людій и удержати полкъ. Одиному же Ятвяжину гоньзнувшу изъ весцѣ Олыдикищь, онѣмъ же воружившимся, стрѣтоша стрѣлци конецъ вси, рекомѣй Привища, и возгнаша ѝ. Данило же и Левъ тоснущася къ нимъ, кликоста великимъ гласомъ: «бѣжъ, бѣжъ»! Ятвяземъ же видившимъ скорое пришествіе, и нестерпѣша и увратишася набѣгъ; бывшимъ же имъ средѣ вси, пакы возвернушася. Данилови же и Лвови одинако належащима на нѣ и вергшимъ сулицами, и пакы навратишася на бѣгъ. Стрѣлцемъ же стрѣляющимъ, оружникомъ же небывшимъ съ ними, прибѣгъшимъ же имъ къ воротомъ и смятшимся, и прибѣгшимъ же у ворота, друзіи же навернушася, многимъ же лѣтѣвшимъ другъ на друга, бѣ бо ледъ ползокъ; Данило же и Левъ вборзѣ скочиста на нѣ воротъ, они же побѣгоша и пакы не вратишася. И бысть милость велика надъ королемъ, во день тъи, и надъ воими его, яко въ селицѣ дружинѣ побѣдивъ горды Ятвязѣ, и Злиньци, и Крисменцѣ, и Покѣнцѣ; якоже пишеть

во книгахъ: нѣсть въ силѣ брань, н
Бозѣ стоить побѣда. Хотящю же ц
леви далече гонити, по нихъ ити, і
брани ему Левъ, рекы: »пошли
нихъ«; отець же не пусти его. О
же воинъ управи десьницю свою,
рогтичю изъ пояса своего, далече
срази князя ятвяжьского съ коня
и летящу ему до землѣ изыде ду
со кровью во адъ. Данилови же і
ви онѣхъ вяжюще, иныя же изъ
ста ведущу, сѣцахуть я. И пріиде
скый съ полкомъ, Данилу же кор
рекшу ему: »злѣ створилъ еси«.
скому же отвѣщавшу: »не язъ, не
ніе мое, но злое мы створилъ
не изнесъ слова права намъ«. П
же король и Левъ изоима колод
возвратися къ Василкови и Сене
и срѣтшимся имъ, и бысть радость
ка о погибели поганьской; и жьжа
мы ихъ и плѣняху села ихъ. Ста
Правищихъ на ночь и поимавши же
нія ихъ, пожгоша домы ихъ. Наутрѣ
поидоша плѣняюще землю и жгуще:
жгоша Таисевиче, и Буряля, и Ра
и Комата, и Дора, и грады плѣня
паче домъ Стекинтовъ зажгоша, и
на селѣ Корковичихъ; и пристрань
яко селицѣмъ воемъ множьствомъ
титися, конемъ и самѣмъ, на дву
яко не возмогоша поясти сами и
ихъ, прокъ же пожгоша. Наутрѣ
пріѣха отъ Ятьвязь Юндилъ, рекшу
сице: »Данило добру дружину дер
и велици полци твои«.

Наутрѣя же поидоша плѣняюще
ще землю ихъ, и небысть пакости
ихъ, якоже иногда храбріи бѣаху,
Богъ страхъ во сердце ихъ. Тоя ж
щи ста на болотѣхъ во островѣхъ;
трѣа же пріѣхаша Ятвязѣ дающе
(*заложниковъ*) и миръ, молящеся,
не избилъ колодниковъ. Потомъ же б
ею милостью приде въ землю свою с
стью и славою, одолѣвъ ворогомъ сво

щу же ему паки изыти на нѣ на
и сбирающу воя, увѣдавше же Ят-
се, послаша послы своя, и дѣти своя
ь даша, и обѣщевахуся работѣ бы-
у и городы рубити землѣ своей.
т. 192—4).

Въ лѣто 6765 (1257). Данило по-
Коснятина, рекомаго Положишила,
беретъ на нихъ дань; ѣхавъ же Ко-
нъ поима на нихъ дань, черныя куны
ь сребро; и вдасть ему изъ дани
ьской даръ Сигнѣву воеводѣ, послушь-
ради, да увѣсть вся земля Лядьскаа,
ань платити суть Ятвязи королеви
у, сынови в. кн. Романа. По вели-
бо князѣ Романѣ никтоже не бѣ во-
на нѣ въ русскихъ князихъ, раз-
ына его Данила, Богомъ же дана ему
послушьство створи Лядьскою землею,
ь во память дѣтемъ своимъ, яко отъ
мужьство ему показавшу; якоже
дрый хронографъ списа, якоже добро-
я въ вѣкы святяться... (*Ипат. 194*).

Отношенія Русскихъ къ Ятвягамъ.

Въ (1273) сдумавше князи пойти
гвязи, приспѣвши же зимѣ сами кня-
идоша, но послаша воеводы своя
: Левъ же посла со своею ратью
я Путивлича, а Володимеръ посла
оею ратью Желислава, а Мстиславъ
со своею ратью Володъслава Ломо-
); ходивше же и взяша Злину, Ят-
ь же собравшимся и не смѣша би-
съ ними, и тако придоша съ побѣ-
честью великою ко своимъ кня-
И посемъ пріѣхаша князи ятвяжь-
Минтеля, Шюрпа, Мудѣйко, Пести-
о Львови и Володимерови и Мьсти-
, мира просяче собѣ; они же одва
имъ миръ, и ради быша Ятвязѣ о
и тако поѣхаша во свою землю.
т. 205).

Въ лѣто 6787 (1279). Голодъ
бысть по всей землѣ и въ Руси, и въ
Ляхохъ, и въ Литвѣ, и въ Ятвязѣхъ. По
семъ же Ятвязѣ прислаша послы своя къ
Володимерови, тако рекуче: »господине
княже Володимере! пріѣхали есмя къ то-
бѣ ото всихъ Ятвязь, надѣючесь на Богъ
и на твое здоровіе; господине, не помори
насъ, но перекорми насъ собѣ; пошли,
господине, къ намъ жито свое продаять,
а мы ради купимъ: чего восхочешь, во-
ску ли, бѣли ль, бобровъ ли, черныхъ
ли кунъ, серебра ль, мы ради дамы».—
Володимеръ же изъ Берестья посла къ
нимъ жито въ лодьяхъ по Бугу, съ людь-
ми съ добрыми, кому вѣря. Идущимъ же
имъ по Бугу, и тако возiидоша на Наровь
и поидоша по Нарови и прiидоша подъ
городъ подъ Полтовескъ, ту же сташа на
нощь опочивать собѣ; и тако избити бы-
ша вси подъ городомъ, въ ночь; жито по-
имаша, а лодьи потопиша. Володимеръ же
искашеть сего велми, хотя увѣдати, кто
се учинилъ, а ко Кондратови брату сво-
ему слашеть, тако река ему: »подъ тво-
имъ городомъ избиты мое людье, любо
твоимъ повелѣніемъ или иного, ты вѣдае-
ши во твоей землѣ; повѣжь». Кондратъ
же запрѣся: »я не избивалъ, а иного не
вѣдаю, кто избилъ«. Олны же повѣдѣ
Володимеру уй его, князь Болеславъ, на
сыновца своего на Кондрата, тако река:
»безъ лѣпа ти ся прить, а самъ ти из-
билъ твои люди«; тогда Болеславъ въ не-
любіи живяше со сыновцемъ своимъ Кон-
дратомъ; Болеславъ же рече Володимеро-
ви: »увѣдайся съ нимъ, великъ бо со-
ромъ возложилъ на тя; а сложи съ себе
соромъ свой«. Володимеръ же посла на
Кондрата рать свою, и воеваша по сей
сторонѣ Вислы, и взяша полона много.
По семъ же Кондратъ присла ко брату
своему Володимеру, мира хотя съ нимъ;
Володимеръ умирися, и начаста быти во
велицѣ любви. Володимеръ же и челядь
ему вороти, што была рать повоевала...
(*Ипат. 207—208*).

6. ЛИТВА.

375. Литовскія вѣрованія: »Оуказъ же поганской прельсти сице, яко Совия богомъ нарицаютъ«.

а) *Совій* бѣ человѣкъ. Оуловившю емоу дивий вепрь, иземше из него 9 слезениць и вълдасть ей (?) испечи роженымъ отъ него. Онѣмъ же изъѣдшимъ ѐ, разнѣвався на рождьшихъся отъ него, покушашеся снити во адъ. Осмерыми враты не възмогъ, девятыми хотѣніе свое оуполоучивъ. Роженымъ отъ него, рекше сыномъ, братіи же его негодовавшимъ на нь, испросися оу нихъ дошедъ възыщю отца своего,—и прінде въ адъ. Отцю же вечерявшю с нимъ, сътвори емоу ложе и погребе ѝ въ земли. На оутріе въпроси его въставшима: «добро ли покоище имѣ«?—Ономоу же възпившу: охъ, чрьвми изъѣденъ быхъ и гады.—Пакы же наоутрій сътвори емоу вечерю, и вложьшемоу ѝ въ древо и положи ѝ. Наоутріе въпроси ѝ; он же рече, яко бчелами и комары многыми снѣденъ быхъ,—»ухъ ми, яко тяжко спахъ«. Пакы же на оутріе сътворивъ крадоу огненоу великоу и връже ѝ на огнь. На оутріе жъ въпроси его: »добрѣ ли почи«? Ономоу же рекшу: яко дѣтищь въ колыбѣли сладко спахъ.

О великаа прелесть діавольскаа, яже въведе въ литовскый родъ и Ятвезѣ, и въ Проусы, и въ Емь, и во Либь и иныя многы языкы, иже *Совицею* нарицются, мняще и душамъ своимъ суща проводника въ адъ Совья. Бывшоу емоу въ лѣта Авимелеха, иже и нынѣ мертва телеса своя съжигають на крадахъ, якожъ Ахилеосъ и Еантъ и иніи по радоу Еллини. Сию прелесть Совій въведе въ нѣ, ижъ приносити жрътвоу скверным богомъ Андаеви и Перкоунови, рекше громоу, іѣ
роунѣ, рекше Соуцѣ, и Телявел і
коузнею, сковавше емоу солнце, я
тити по земли и възвергьшю емоу н
бо солнце. Си же прелесть скверна
иде в нѣ отъ Еллинъ. *Лѣтъ* же п
отъ Авимелеха и многого родоу скве
Совья до сего лѣта, в няже нач
писати книгы сия есть лѣтъ 3000 и
и 40 и 6 лѣтъ ([1]). *(Изъ византій
го хронографа Іоанна антіохій
Малалы по ркп. XV в. Лѣтоп. L
ясл. Суздал. предисл. XIX—XX*

б) Миндогъ (*литовскій князь*)
къ папѣ и прия крещеніе. Крещен
его льстиво бысть: жряше богомъ
имъ вътайнѣ, первому *Нънадѣеви*,
лявели, и *Диверикъзу* заячему б
Мѣидѣину. Егда выѣхаше на поле
бѣгняше заяць на поле, въ лѣсъ ро
не въхожаше..., и мертвыхъ тѣлес
жигаше, и поганьство свое явѣ
ше ([2]). (*Ипат. 188*).

в) Романови же пришедшу ко гр
Литвѣ, потекши на градъ *Литвѣ* н
дѣша ништоже, токмо и головнѣ ти,
течюще по городищу; тужаху же и
ваху, по свойскы рекуще: *Янда*! в
ющe богы своя *Андая* и *Диврик*
вся богы своя понимающе, рекомы
си. (*Ипат. 188. 195*).

([1]) Авимелехъ, царъ герарскій, былъ сов
никъ Авраама, а отъ Адама до Авраама 332
отъ Авимелеха до писателя рукописи 3446
слѣдов. книга писана отъ сотворенія міра 677
въ 1261 г.

([2]) Обрядъ сожженія покойниковъ оставал
Литвѣ до позднѣйшаго времени: въ 1345 г., по с
в. кн. Гедимина, тѣло его по древнему обычаю
гли на кострѣ вмѣстѣ съ боевымъ конемъ и с
носцемъ.

Приведенное мѣсто изъ хронографа Іоанна Малалы, представляющее нѣсколько свѣдѣній о литовской миѳологіи, можетъ служить пополненіемъ и поясненіемъ указаній на литовскія божества ипатьевской лѣтописи. Переписчикъ ли хронографа взялъ изъ лѣтописи свои замѣтки о литовскихъ вѣрованіяхъ, или лѣтописецъ Ипатьевскій заимствовалъ изъ древне-болгарскаго перевода Малалы, — это остается загадкой.

376. Борьба съ Литовцами.

а) Въ лѣто 6639 (1131) князь в. Мьстиславъ ходилъ съ Низовци на Литву, и плѣни ихъ. (*I Соф. 156*).

б) Въ 1234 г. изгониша Литва Русу оли до търгу, и сташа Рушане и сасада, огнищане и гридба, и кто купьць и гости, и выгнаша я̑ изъ посада, опять бьющеся на полѣ, и ту убиша нѣколико Литвы, а Рушанъ 4 мужи, попа Петрилу, 2. Павла Обрадица, и ина два мужа; а манастырь св. Спаса весь пограбиша, и церковь полупиша (*ободрали*) всю и иконы и престолъ, и цьренци (*чернецовъ, монаховъ*) 4 убиша, и оступиша на Клинъ. Тъгда же вѣсть приде въ Новъгородъ къ кн. Ярославу; князь же съ Новгородци всѣдавъше въ насады, а иніи на конихъ, поидоша по нихъ по Ловати; и яко быша у Моравіина, и въспятишася лодьиници оттолѣ въ городъ, и князь я̑ отпусти, не достало бо у нихъ баше хлѣба, а самъ поиде съ коньникы по нихъ; и постиже я̑ на Дубровнѣ на селищи, въ Торопьчьской волости, и ту ся бі съ безбожными оканьною Литвою, и ту пособи Богъ и крестъ честный и св. Софія Премудрость божія надъ погаными кн. Ярославу съ Новгородци, и отъяша у нихъ конь 300 и съ товаромъ ихъ, а сами побѣгоша въ лѣсъ, пометавъше оружія и щиты и совни (*длинныя копья*) все отъ себе, а иніи ту костью падоша, а Новгородьць ту убиша 10 мужь: Ѳеодора Якуновича тысячьского, Гаврила Щитника, Нѣгутина на Лубяници, Нѣжилу серебреника, Гостилца на Кузмодемьяни улици, Ѳедора Ума княжь дѣцкои, другое городищанинъ, и инѣхъ 3 мужеви. А покои, Господи, душа ихъ въ царствіи небеснѣмъ, пролившихъ кръви своя за св. Софью и за кровь хрестьяньскую. (*1 Новг, 49—50*).

377. Сказаніе о благовѣрнѣмъ князи Домонтѣ и о храбрости его ц. 1299.

Въ лѣто 6773 (1265) заратишася Литва межю собою, якоже и всегда бываетъ княземъ межю ими брани многы и кровопролитія о суетнѣмъ царствіи свѣта сего: и взя Вънъшеглъ (*Воишелкъ*) землю литовскую. Тогда блаженый князь Домонтъ съ дружиною своею и съ всѣмъ домомъ своимъ оставль отечьство свое, землю литовскую, и прибѣже въ Псковъ. Сій же кн. Домонтъ отъ племени литовскаго, первіе имѣя къ идоломъ служеніе, по отчю преданію; егда же Богъ всхотѣ избрати собѣ люди новы, и вдохну во нь благодать св. Духа, и взбну (*пробудился*) яко отъ сна отъ идольскаго служенія. И крещенъ бысть во имя Отца и Сына и св. Духа въ церкви св. Троици [1], и наречено бысть имя ему въ св. крещеніи Тимоѳей; и бысть радость велика въ Псковѣ, и посадиша его на княженіи въ градѣ Псковѣ. И нѣпоколицѣхъ днехъ поимъ съ собою Псковичь ратныхъ мужь, три девяноста [2], иде въ землю литовскую и отечьство свое повоева, и княгиню Ерденевую (*Герденя*) полони тетку свою Еупраксію и дѣти ея, и вся имѣнія ихъ, и возвратися со множествомъ полона. И перебродивше-ся Двину, отъѣха за 5 верстъ, и сташа шатры на бору чистѣ, а стражи поста-

---

[1] Главная церковь во Псковѣ, который и назывался отчиной или домомъ св. Троици, какъ Новгородъ землей св. Софіи.

[2] Народный счетъ, какъ *тридевять*.

ви на рѣцѣ на Двинѣ, Давыда Якуновича съ Лукою Литвиномъ; двѣ же девяностѣ мужь отпусти съ полономъ, а въ единомъ девяностѣ самъ ся оста, жда (*ожидая*) по собѣ погони. Герденю же съ своими князми дома не бывшю, и пріѣхаша въ домы своя, оже домове ихъ и вся земля ихъ плѣнена; и ополчися Герденій, и Гортуить, и Люмбій, и Люгайло и прочіи князи, въ 7 стахъ рати, и погнаша въ слѣдъ Домонта, хотяще й руками яти и лютой смерти предати, а мужій его Псковичь мечи изсѣчи. И пребродившеся Двину рѣку, сташа на брезѣ; стражіе же видѣвше рать велику, пригнавше повѣдаша Домонту, что рать пребродилася Двину. Домонтъ же рече Давылу и Лукѣ: »помози вама Богъ св. Троица на стражи вашей«; и пакы рече: »братіе мужи Псковичи, кто́ старъ то отецъ, а кто младъ, то ми братъ! слышалъ есми мужество ваше въ всѣхъ странахъ; се же вамъ предлежитъ животъ и смерть; братіе моя, потягнете за домъ св. Троица и за св. церкви, за свое отечество«. Тогда же бѣ приспѣлъ день вел. и славнаго воеводы мученика христова Леонтіа; и помолися глаголя: «св. живоначальная Троица, и св. в. воевода Леонтіе, и благовѣрный княже Всеволоде! помозите намъ въ часъ сій на супротивныя врагы». И сіа рекши, двигнушася, и тако божіею помощію единѣмъ девяностомъ 700 ратныхъ побѣди. Тогда убіенъ бысть кн. в. литовскый Гоиторгъ, и инѣхъ князей много избиша, а иная Литва въ Двинѣ истопоша, а инѣхъ Двина изверже 70 на островъ Гойдовъ, а инѣхъ на прочая островы, а иніи въ низъ по Двинѣ отплыша. Тогда же убіенъ бысть единъ Псковитинъ Антоній, сынъ Лочковъ, братъ Смолиговъ, а иніи вси безъ вреда съхранени быша, помощію св. Троица и молитвою и воеводьствомъ св. Леонтіа и благовѣрнаго кн. Всеволода; и возвратишася съ радостію къ городу Пскову и съ многою корыстію. И потомъ благовѣрный кн. Домонтъ испроси за себе в. кн. Димитрія Александровича дщерь княгиню Марью. Пакы же, на другый годъ кн. Домонтъ съ мужи своими Псковичи иде въ пособіе тестю своему в. кн. Димитрію на Нѣмець: и бившеся на Раковорѣ, и одолѣша. Потомъ по нѣколицѣхъ днехъ останокъ събравшееся поганое Латины, и пришедше тайно взяша украйни нѣколико псковскыхъ селъ, и взвратишася вскорѣ. Боголюбивый же кн. Домонтъ не стерпѣ обидимъ быти отъ нападенія поганыхъ Нѣмець, вытѣка въ погоню въ пятихъ насадѣхъ съ 60-ю мужи Псковичь: и тако божіимъ пособіемъ 800 побѣди Нѣмець, на рѣцѣ на Мироповнѣ, овыхъ изсѣче, а иніи истопоша въ водѣ, а двѣ насадѣ бѣжаша въ иныя островы. Князь же Домонтъ ѣхавъ повелѣ зажещи островъ, и егда начаша погании бѣгати, палимѣ травѣ, въсполѣша огнемъ и изгорѣси на нихъ и порты, и тако войска ихъ априля 23, на памать св. великомуч. Георгіа, помощію и молитвою его. Слышавъ же местеръ земля Рижьскыя мужество кн. Домонта, съвокупи много и своихъ и ополчився въ силѣ тяжцѣ безъ Бога и пріиде ко Пскову, ови на конѣхъ, а иніи въ кораблѣхъ и въ лодіахъ и сънорокы, хотяще плѣнити домъ св. Троица, а кн. Домонта руками яти, а мужей Псковичь мечи изсѣчи, а непротивный народъ жены и дѣти плѣнивше въ работу вести. Слышавъ же Домонтъ, ополчающася люди безъ ума и множествѣ силы безъ Бога, и вниде въ церковь св. Троица, и положивъ мечь свой предъ олтаремъ господнимъ (¹), падъ и моляшеся много съ плачемъ, сице глаголя: »Господи Боже силъ! мы людіе твои, овца пажити твоея, имя твое призываемъ, призри на кроткыя люди своя, и смиреныя възвыши, и гордыхъ высокыя мысли

(¹) Средневѣковой обычай—освящать оружіе в церкви для успѣшныхъ дѣйствій на войнѣ.

низложи, да не опустѣетъ пажить овецъ твоихъ». Игуменъ же Сидоръ и весь іерейскій чинъ, вземше мечь и препоясавше, благословиша и. Домонтъ же въ множествѣ ярости мужества своего, не дождавъ полковъ новгородскыхъ, съ малою дружиною съ мужи Псковичи выѣхавъ, изби полкы ихъ, и самого местера раниша по лицю; они же трупіа своа многы учаны (¹) накладше отвезоша въ землю свою, а прочій останокъ ихъ устремишася на бѣгъ, м. іуня въ 8 день, на память пренесенію мощей св. мученика Ѳеодора. По прехоженіи же нѣколика времени начаша Латина насиліе Псковичемъ дѣяти, нападеніемъ и грабленіемъ; боголюбивый же кн. Тимоѳей не стерпѣ обидимъ быти отъ поганыя Латины, ѣха съ мужи своими Псковичи и плѣни землю ихъ, и села чюдская пожже, и полона много приведоша въ землю свою. И пакы въ 33-е лѣто княженіа Домонтова, отнелѣ же во Псковѣ бысть, изгониша Нѣмци безвѣстно ратью посадъ у Пскова, марта въ 4 день, и тогда убиша Василіа игумена св. Спаса, Іосафа игумена Снѣтныя горы, и черноризець много избиша и женъ и дѣтей, а мужей Богъ ублюде. Въ утріи же день поганіи Нѣмци оступиша градъ; князь же Домонтъ не стерпѣ дождати мужь своихъ большая рати, выѣха съ малою дружиною, противу имъ ополчися, съ Иваномъ Дорогомиловичемъ. И помощію св. Троица побѣди я у св. Петра и у Павла на брезѣ, овѣхъ избиша и овыхъ раниша, а иніи метахуся съ брега въ кручю, а самого Кумендеря раниша по главѣ, а Велневиць руками нѣколико ихъ имше, послаша къ в. кн. Андрѣеви, а прочіи воскорѣ повергъше оружіа устремишяся на бѣгъ, страхомъ грозы мужества Домонтова и мужей Псковичь. И бяше тогда въ Псковѣ моръ вельми золъ; тогда и благовѣрный князь Тимоѳей, мало поболѣвъ, престанися къ Богу въ вѣчную жизнь, м. маіа въ 20 день, на память св. мученика Фалелѣя. Бяше бо милостивъ паче мѣры, священникы любя, церкви украшая, нищая милуя, и вся праздникы честно проводя, сироты и вдовица заступая и обидимыя изимая. И проводиша его священноиноки, и священники и діякони, мнихи и черноризици, и все множество людій; и тако святое и честное его тѣло положиша въ церкви св. Троици, съ похвалами и пѣсньми духовными. Бысть же печаль и жалость велика тогда Псковичемъ.

(П. С. Лѣт. V, 6—8).

379. Гедиминъ.

а) Въ лѣто 6813 (1305) (¹) нача княжѣти Кгедиминъ Витуновичь въ Литвѣ, въ Новогородку и Керновѣ, и воева на Русь крѣпко. Сихъ временъ прежде, Премышлява короля полского убили самы Ляхы пьяного, въ мѣстѣ Рогозномъ, а забили бояре лядскіи Налецъ и Зарембa; Богъ сотворилъ отмщеніе ему, понеже онъ преже жену свою, именемъ Лукерію, удави ради другое, которая просися у него, да въ единой ризцѣ пуститъ ю въ домъ; она бо бѣ рода князей сербскихъ съ Кашубъ, отъ Поморія Варязскаго, отъ стараго града за Кданскомъ. По немъ Ляхи избрали Вацлава ческаго на королевство свое, понеже Премышлявъ не имѣ сына; Владислава Локетка не восхотѣли взяти, сей Локетко много имъ зла въ земли творилъ, изогнали его изъ землѣ, ходилъ до Риму, жалуяся папѣ на Ляховъ,—онъ ихъ проклял. По смерти Вацлавовой избрали его собѣ паномъ. Имѣ у себе сына Казимѣра, за него же взятъ въ жену дщерь

(¹) Учанъ—отъ слова *чанъ*, плоскодонное судно.

(¹) Годы означены не вѣрно; слѣдуетъ—1315.

Кгедимина кн литовскаго, поганку, и перекрести ю; и много Ляховъ полоненыхъ Литва вмѣсто дара брачнаго пусти, много бо зла Ляхомъ Литва, Жмонтъ, прежде сотвори, Ляховъ и Мазуровъ полками въ полонъ бра, сице Ляхъ единъ по гривнѣ, се есть по 10 грошей литовскихъ, въ Литвѣ и въ Руси Бѣлой продаванъ былъ, и на лошата и волы Литва межи собою ихъ замѣниваху... (*Ипат. 227*).

б) Паки Гедиминъ, кн. литовскій, Овруче и Житомиръ взятъ подъ кн. кіевскимъ Станиславомъ. Въ тоже время и самаго кн. Станислава кіевского, и Льва луцкого, и Романа брянского и прочіихъ порази, и Кіевъ подъ нимъ взятъ и потомъ Каневъ, Черкасы, Путывль, Брянско и Волынь. Въ сіе лѣто Гедиминъ заложи мѣсто Троки и Вилно, брани же непрестанныя имѣ зъ Ляхами, Крыжаками, Мазовшаны, плѣняя ихъ землю. (***Густынс. 348***).

379. Казимiръ.

а) Въ лѣто 6848 (1340) Казимеръ король Полскій, собрався и пойде на Русь: во 1, прійде м. апреля подъ Львовъ и обляже его, Львовяне же, не имѣюще ни откуду помощи, поддашася Казимеру королю, единаче варуючи собѣ, абы въ старожитной вѣрѣ никто имъ николи ничого не чинилъ; еже Казимеръ обѣща имъ. Они же отверзоша градъ и поддашася зъ обоими замками, высокимъ и низкимъ, идѣже Казимеръ обрѣте безчисленная сокровища и богатства, отъ злата и сребра и каменія многоцѣннаго; къ симъ же обрѣте тамо два кресты отъ злата чиста, посажена каменіемъ многоцѣннымъ, а въ единомъ бѣ часть животворящаго древа. Сей же нынѣ крестъ обрѣтается въ костелѣ на замку краковскомъ. Обрѣте же тамо и двѣ коронѣ отъ злата и каменія многоцѣнного, и престолъ царскій отъ злата и каменія многоцѣнного, и престолъ царскій отъ злата и каменія, и одежду златотканную со к[а]меніемъ, и прочее, еже все побра Каз[и]меръ и въ Краковъ отнесе. И потомъ с[о]бравъ еще болшую силу, пойде на Русь и взятъ, въ самую жатву, Володымеръ, Премышль, Галичъ, Ловичъ, Санокъ, Лу[цкъ], Любочовъ, Трембовлю и проч. А потом сей Казимеръ кролъ собравъ сеймъ, и [на] немъ же Рускую землю на повѣты и воеводства раздѣли, и шляхту рускую единою волностію зъ полскими волностами совокупи и утверди, а потомъ Львовъ муромъ обмурова; и оттолѣ сія повѣты даже донынѣ (1670 г.) при лядзкихъ короляхъ неотступнѣ зоставаютъ. Въ сіе лѣто Олгердъ Гедиминовичъ поятъ себѣ жену Юліяну, дщерь витепского князя, ея же ра[ди] крестися со всѣми бояры и людьми (1).

б) Въ лѣто 6851 (1343). Данко староста премыслскій, и Даніилъ острозскій и прочія князи боячися, абы Ляхи не чинили имъ якого насилія въ вѣрѣ, понеже многихъ уже прелстиша на свою вѣру, и збунтовавшися призваша множество Татаръ на Польскую землю; но Казимеръ король не пусти ихъ чрезъ Вислу. (*Густынс. 349—350*).

380. Походъ Ольгерда на Новгородъ.

Въ 1346 г. в. кн. Олгердъ литовскій и братъ его Кестутей пріидоша со всею литовскою землею, и сташа на Шелони на усть Шпагы рѣкы, а позывая Новгородцевъ: »хочю съ вами битися и воевати городы и волости, занеже ми лаялъ посадникъ вашъ Остафей Дворянинцевъ, называлъ мя *псомъ*«; и взя Шелону и ... Голинъ и Лугу до Сабля, а съ Порховскаго городка взя окупъ 300 рублев

---

(1) Ульяна была дочерью тверскаго князя, а я витебскаго и женился Олгердъ не 1340 г. а 13.. когда братъ его Любартъ взялъ за мужъ дочь кн[язя] Константина ростовскаго (Ист. гос. рос. IV, п[рим.] 351).

И Новгородци выѣхаша противу его до Луга и въспятишася въ городъ, и созвониша вѣче на Ярославлѣ дворѣ у св. Николы, и убиша посадника Остафія Дворяниницева на вѣчѣ, а ркучи: »яко въ тебѣ волости наши поиманы отъ Литвы».

(*I Софійс. 225*).

381. О приходѣ Олгердовѣ къ Москвѣ.

Того же лѣта (1368) кн. в. Дмитрей Ивановичь събра воа многи и посла на кн. Михаила Александровича тверскаго; князь же Михайло бѣжа въ Литву къ в. кн. Олгирду зятю своему, бѣ бо за нимъ сестра родиаа княже Михаилова, и жаловашеся ему на в. кн. Дмитреа Ив., и просяше у него помощи себѣ и обороны, паче же самого поущаше итти къ Москвѣ ратью и сестру свою научаа глаголати ему. Послушавъ же его Олгирдъ, и събра силу многу, и поиде къ Москвѣ въ силѣ тяжцѣ на в. кн. Дмитреа Ив., а съ нимъ братъ его Кестутей съ сыномъ Витовтомъ, и сынове Олгирдови, и вся князи литовстіи, и кн. Михайло тверскій, и смоленскаа сила. Ведяше же ихъ съ собою, а невѣдя того никто камо идяше; бѣ бо обычай его таковъ: когда ни поидяше на вой, то не вѣдяше мысли его ни кто же камо идетъ, се творяше того ради, да не будетъ вѣсть земли той, на ню же идяше. И таковою козніею многы грады и земли поима и повоева, не токмо силою, но и злохитростводмъ симъ. Тако же и сего похода его не вѣдуще на себѣ в. кн. Дмитрію Ив., еже идеть на него Олгердъ съ силою, донележе приде близь рубежу, и тогда бысть вѣсть в. кн. Дмитрію; онъ же то слышавъ нача розсылати грамоты по всѣмъ городомъ своимъ, веля быти къ себѣ воемъ своимъ, и неуспѣ ничтоже: близъ бо уже пришедшу Олгирду, а его воини которіи не успѣша отъ далнихъ мѣстъ, но елици близъ его обрѣтошася, сихъ отпусти въ заставу противу Олгирда, еже есть сторожевый полкъ, а воеводство приказа Дмитрею Минину, а тъ кн. Володимера Андреевича воевода бѣ Акинѳъ Ѳедоровичь, нарицаемый Шуба, а съ ними: Москвичи, Коломенци, Дмитровцы; Олгердъ же прешедъ рубежь и начать воевати порубежнаа мѣста, жещи и грабити. а люди сѣщи, потомъ же на стрѣчѣ уби кн. Семена Дмитреевича стародубскаго Кропиву въ Холхлѣ, по семъ же въ Оболенсцѣ уби кн. Костянтина Юрьевича Оболенскаго и доиде рѣки Тростныи, и ту изби сторожевый полкъ князя в., заставу московскую, и уби ту Дмитреа Минина и Акинѳа Шубу и иныхъ многыхъ, м. декабря 21 въ вторникъ. Нача же Олигердъ спрашивати изыманныхъ: »гдѣ есть князь в. съ силою своею«? Они же отвѣщаху вси, яко единѣми усты глаголюще: »князь в. въ градѣ своемъ Москвѣ, а рати не успѣли къ нему събратися«. И оттолѣ начатъ Олгердъ подвижнее быти, и болше дрързновеніе пріимъ, напрасно устремися къ Москвѣ, и пришедъ ста около града, посадъ же прежде ихъ пожженъ бысть примету дѣля; князь же в. Дмитрей Ив. и кн. Володимеръ Андрѣевичь и Алексѣй м-тъ въ градѣ затворишася, съ ними же боаре ихъ и вси прилучшіися тогда съ ними и вси христіане. Стоавъ же Олгердъ у города 3 дни и 3 нощи, отъиде прочь, неуспѣвъ граду ничтоже; но остатокъ пожже, и монастыри, и церкви и волости и села попали, а христіаны изсѣче, а ины въ полонь поведе, иже не успѣли разбѣжатися, имѣніе же ихъ пограби, и много зла сътворивъ възвратися въ землю свою. Се же прьвое зло Москвѣ отъ Литвы сътворися: отъ Ѳедорчюковы бо рати татарскіе въ 40 и въ едино лѣто таковое ино не бывало ей ничтоже.

(*П. С. Лѣт. VIII, 15—16*).

382. О второмъ походѣ Олгердовѣ къ Москвѣ.

Князь Михайло прибѣгъ въ Литву (1370), и нача намолвити в. кн. Олгирда зятя своего, дабы мьстилъ его отъ в. кн. московскаго; Олгердь же послушавъ князя Михаила и поиде вдругіе про него къ Москвѣ на в. кн. Дмитріа Ив. съ силою многою, съ нимъ же братъ его Кестутій и вси князи литовстія, и кн. Святославъ смоленскій съ силою смоленскою, и кн. Михайло съ Тверичи. Пріиде же Олгердъ съ своими силами къ Волоку и ста около города, тогда же на мосту у града стояша кн. Василей Ив. березуйскій, бѣ ту воеводствуя; нѣкій же Литвинъ единъ утаися отъ рати, и иде подъ мостъ той; и сквозѣ мостъ пронзе князю сулицею (*копьемъ*), и отъ тоа язвы и разболѣвся, и постригся въ черньци преставися. Олгердъ же неуспѣвъ граду Волоку ничтоже, и поиди отъ него къ Москвѣ, и пришедъ ста около Москвы декабря 6 на Николинъ день; а кн. в. Дмитрій Ив. затворися въ градѣ, а Олексѣй м-тъ въ то время бѣ въ Новгородѣ въ Нижнемъ, а кн. Володимеръ Андрѣевичь съ силою собравшеся стояше въ Перемышли и опочившеся; ту же пріиде къ нему кн. Володимеръ Дмитреевичь пронскій, съ нимъ же рать рязанскаа. Слышавъ же то Олгердъ убоися, и нача мира просити; князь же в. Дмитрій взя съ нимъ миръ до Петрова дни, Олгердъ же въсхотѣ вѣчнаго мира, и тако смирися, поиде отъ Москвы въ свою отчину, и идяше съ многимъ опасеніемъ, боася за собою погони. Стоа же тогда Олгердъ у Москвы 8 дній, и посадъ пожже, но не весь, а волости повоева и пожже, а люди въ полонъ веде...

(*П. С. Лѣт. VIII, 17*).

383. Битва подъ Мстиславлемъ.

Того же лѣта (1386) бишася Л
съ Смоляны подъ г. подъ Мьстислав
и на томъ съступѣ убиша кн. вел. С
тослава смоленьскаго, и брата его
Ивана, а кн. Глѣба изымаша... А въ
говѣніе на средокрестной недѣли, и. в
въ 22, кн. вел. Святославъ Ив. смол
скій съвокупи около себе силу вели
съ нимъ братаничь его кн. Иванъ Ва
да кн. Глѣбъ Святославичь, и б
его Юрьи, и поиде ратью къ г.
Мьстиславлю, занеже Мьстиславль п
того былъ городъ смоленьскій; но Л
отняли за себе, онъ же хотяше
отъ Литвы отняти; идуще же во
землю Литовьскую, а кого гдѣ изым
мучаху нещадно различными казньми,
жей и женъ и дѣтей, а иныхъ въ
мины насажавше запирающе зажи
а младенци на колы встыкаху. И п
Святославъ къ Мьстилавлю на стра
недѣли въ среду м. апр. 18 д., гр
не же затворишася въ градѣ, а на
никъ у нихъ бяше Коригайло; и с
Смолняни и видѣша въ полѣ, и се
вися стягъ (*знамя*), еже есть п
рати литовьскія, въ немъ же бѣ кн.
Скиригайло Олгердовичь, а мало п
другій полкъ кн. Корибутъ братъ
а третій полкъ кн. Семіонъ Лугвень
ними же вкупѣ и кн. Витовтъ К
тьевичь, и ти полця литовьстіи бяху
зо идуще на поле. Смолняни же вид
смутишася, и начаша скорѣе въ б
крутитися, и поидоша къ бою обои п
противу себе, и съступишася на
подъ Мьстиславлемъ, на р. на Вехр
людіе граждане стояще на забралахъ
стѣнахъ, на заборахъ), зряще съ
рода; а бысть имъ бой надолзѣ, и
семъ князи литовьстіи Олгердовичи
лѣша, а Смолняни побьени быша, а
чіи вдавше тылъ побѣгоша. И уб
бысть кн. Святославъ, сынъ Иван

внукъ Александровъ, правнукъ Глѣбовъ, отъ нѣкоего Ляха въ дубравѣ; наѣхаша его ели жива суща, ту же и скончася. Таkоже и братанича его убиша Ивана; а сыновъ Святославлихъ поимаша Литва и поведоша я̀, прочихъ Смолнянъ бояръ и слугъ побиша, а иныхъ живыхъ поимаша, а друзіи бѣжаще назадъ къ рѣцѣ къ Вехрѣ истопоша. Князи же литовстіи такожде погнаша въ погоню за ними изгонок къ г. къ Смоленску, и пришедъ подъ городъ взяша окупъ съ города, а тѣлеса избьеныхъ князей вьдаша, а всю свою волю ваяша, вся елико въсхотѣша и створиша; а на княженіи на Смоленьскомъ изъ своея руки посадиша кн. Юрья Святославлича, а брата его кн. Глѣба съ собою поведоша въ Литовьскую землю, и оттолѣ поидоша во свояси съ вел. побѣдою. Се бысть побоище м. апр. 29.

(*П. С. Лѣт. IV, 92—93*).

384. Листъ перемирный Бориса Александровича в. кн. тверскаго съ в. кн. литовскимъ Витовтомъ 1393.

Се язъ, кн. в. Борисъ Александровичь тферскій, взялъ есми любовь такову съ своимъ господиномъ съ дѣдомъ в. кн. литовскимъ Витовтомъ и многихъ рускихъ земель государемъ, быти ми съ нимъ за одинъ при его сторонѣ и пособляти ми ему на всякого не выймая; а господину моему дѣду в. кн. Витовту, мене в. кн. Бориса Александровича, своего внука, боронити отъ всякого думою и помочію; а въ земли и въ воды, и во все мое в. княженіе тферское моему госп. дѣду в. кн. Витовту не вступатися; а дядемъ моимъ, и братьи моей и племени моему, княземъ, быти въ моей послусѣ. Я кн. в. Борисъ Александровичъ воленъ, кого жалую, кого казню; а моему г дѣду, в. кн. Витовту не вступатися; а который всхочетъ къ моему г. дѣду, къ в. кн. Витовту со отчиною, и моему г. дѣду, в. кн. Витовту, со отчиною не прыймати; пойдетъ ли который къ моему г. дѣду къ в. кн. Витовту, и онъ отъ отчины лишенъ, а въ отчинѣ его воленъ я, в. кн. Борисъ Александровичь: а моему г. дѣду в. кн. Витовту не вступатися. А рубежъ отчинѣ моего г. дѣда, в. кн. Витовта, по старинѣ; а которыи мѣста порубежныи потягли будутъ къ Литвѣ или къ Смоленску, а подать будутъ давали ко Тфери, ино имъ и нынѣчи тягнути по старому; а которыи мѣста порубежныи потягли будуть ко Тфери, а подать будутъ давали къ Литвѣ или ко Смоленску, то имъ и нынѣчи тягнути по давному, а подать давати по давному. А што вчинится межи вашими людьми и нашимя, и волостели наши вчинять исправу: а чому наши волостели не вчинятъ исправы, и намъ съѣхався да вчинить исправу безъ перевода; а земли и водѣ и всему обидному дѣлу межи нами судъ обчый; а што будетъ вчинилося въ нашей любви и въ нашихъ перемиріяхъ, тому всему судъ и право безъ перевода; а судити судьямъ обчымъ цѣловать крестъ; а о што ся сопрутъ судьи, ино положити на моего г. дѣда, в. кн. Витовта; а суженое, заемное, положеное, поручное отдати по исправѣ; а холопа, робу, должника, поручника, татя, разбойника, выдати по исправѣ. А людемъ нашимъ гостемъ гостити межи насъ путь чистъ, безъ рубежа и безъ пакости, и пошлины имати съ моихъ тферскихъ людей въ моего г. дѣда, в. кн. Витовтовѣ отчинѣ въ Смоленску, въ Витебску, на Кіевѣ, въ Дорогобужѣ, въ Вязмѣ и по всему его в. княженію, по давному, а новаго не примыслятя. А по моей отчинѣ, кн. в. Бориса Александровича, пошлины имати съ людей моего г. в. кн. Витовта, во Тфери, въ Кашинѣ, въ городку въ Зыбцевѣ, и по всему моє-

му в. княженію, по давному, а новаго не примыслати. А на сеимъ на всѣмъ я кн. в. Борисъ Александровичь далъ есьми правду своему г. дѣду в. кн. Витовту, и кресть цѣловалъ къ нему, а по сей ми грамотѣ правити. Писанъ въ Тфери въ лѣто 6901 августа 3, индиктъ 5.

(*Сборникъ Муханова № 1*).

385. Подчиненіе Смоленска.

Въ лѣто 6913 (1405) Витовтъ съ Олгердовицы, съ Корибутомъ, съ Лугвенемъ, и съ Свѣтригайломъ, и со всею силою пріиде ратью къ Смоленску; а кн. Юрьи затворися въ городѣ со всѣми Смолняны. Витовтъ же весну всю стоявъ, колико бився и тружався и пушками бивъ, не може его выстоять, градъ бо Смолнескъ крѣпокъ бѣ велми; 7 недѣль бывъ, и потомъ по велицѣ дни отступи прочь, а по зажитьемъ и по волостемъ смоленьскымъ много зла учини. А кн. Юрьи, сослався съ Васильемъ съ кн. съ московьскымъ, выѣха изъ города не во мнозѣ дружинѣ, а княгыню свою остави съ бояры въ Смоленьскѣ и приказавъ имъ ждати себе первой срокъ, и на другый, и на третей; а самъ пріѣха на Москву и билъ чоломъ кн. Вас. Дмитрѣевичю, давался ему самъ и со всѣмъ своимъ княженіемъ смоленьскымъ. Кн. же Василій не пріа его, ни всего его княженія, не хотя измѣнити къ Витовту. Егда же бысть кн. Юрьи на Москвѣ, а въ то время Витовтъ собравъ силу многу и ста у Смоленьска; граждане же не могуще терпити глада въ градѣ, изнеможеніемъ и отъ всякоя истомы градъ Смолнескъ (перевѣтницѣ) предаша Витовту. Се бысть послѣднее плѣненіе Смоленьску отъ Витовта, въ Петрово говѣніе, м. іюня въ 26 д. въ четвергъ. И тако Витовтъ взя градъ и все смоленьское княженіе за себе, а княгыню Ю[рьеву] поимавъ сосла ю въ Литовьскую з[емлю], а князей смоленьскыхъ поимавъ и б[ояръ], которыи хотѣли кн. Юрью добра, а т[ѣхъ] разведе и растоци, а иныхъ ... въ Смоленьскѣ свои намѣстникы ... Ляхы, и тѣмъ Ляхомъ предасть г[радъ] держати, а по кн. по Юрья посл[а] взисканіе. И кн. Юрьи то слыш[авъ] сыномъ своимъ съ Ѳедоромъ, съжал[ився] въ горести душа, побѣжа съ Моск[вы] Новгородъ; и тамо Новгородци пріи[ша] въ честь и городы подаваша ему 1...

(*П. С. Лѣт. IV, 145*).

386. Опустошеніе Псковской обл[асти].

а. Въ лѣто 6914 (1406) пріи[де] ганый отступникъ правыя вѣры хр[истіан]скыя и отметникъ божій, сынъ діавол[ь], ... вѣрникъ правдѣ, ни крестному цѣл[ованію], кн. литовскій Витовтъ, съ множе[ствомъ] ратныхъ, а миру не отказавъ, ни ... наго цѣлованіа сложивъ, а розметну[въ гра]моту псковскую отсла къ Новгоро[ду], самъ изгономъ пришедъ градъ Колож[е], а люди сущая въ градѣ и по воло[стемъ] ... овыхъ изсѣче, а во плѣнъ сведе ... душъ 11 тысящь, мѣс. февр. въ 5 ... Черкисовѣ недѣли въ пятокъ; и мног[о зла] учинивше, отъидоша прочь. И не по[многу] времени, того же мѣс. февр. въ 28, ... посадникъ Козачковичь поимя съ ... мало дружины, охвочихъ людій Пско[вичь], Изборянъ, Островичь, Вороначанъ, ... янъ, и шедше повоеваша Ржову и ..., а на Лукахъ на Великыхъ и стягъ ко[лывань]скый взяша; и возвратишася со мно[гимъ полоно]вомъ цолона. А къ Новгородцамъ тог[да] слаша Псковичи послы своя и биша че[ломъ], чтобы пособили противу Литвѣ, они ... прислаша нѣколико мужей своея сил[ы] съ лукавствомъ глаголюще: »намъ В. ... городъ не указалъ, ни владыка благосло[вилъ]...

ити на Литву; идемъ съ вами на Нѣмци«; и Псковичи отрекошя имъ по лукавьству сердца ихъ, они же возвратишася.

б. Того же лѣта (1407) князь местеръ събравъ силы многыя, и задвиньскую силу курскую подъемъ, пріиде отъ Бѣлого Камени въ землю Псковскую, мѣс. авг. въ 18 д., а Псковичи безъ пригородовъ поидоша противу имъ, токмо совокупивше волости своя, и усрѣтоша ихъ на броду у Выбута, а броды вси бяху затворены ворами (¹), и стоиша поганіи ту 4 дни, и многажды хотяху пребрести рѣку, и не возмогоша, Псковичемъ біющемся съ ними, и поидоша прочь, а не учинивше ничтоже; и Псковичи идоша въ слѣдъ ихъ, и постигоша ихъ за Камномъ на Логовицкомъ поли, а Нѣмци станы сташа, въ недѣлю о вечернемъ годѣ, авг. въ 21 д., на память св. апост. Фаддея и св. муч. Вассы; и Нѣмци вскорѣ исполчишася, и тако Псковичи удариша на нихъ, и много бившеся одолѣша Нѣмци, а Псковичи побѣгоша, и убиша на сступѣ Елентіа посадника, и Картата посадника, и Панкрата посадника, и бояръ много, а всѣхъ людей избиша 700 чел., и паде тогда и Нѣмець много. А въ то время иная рать Псковскаа ѣздиша въ лодьяхъ и въ насадехъ за Норову, и егда быша на Псковскомъ озерѣ въ Осатнѣ, и Нѣмци въ шнекахъ постигше ихъ ударишася на нихъ: и Псковичи пометавше 7 насадовъ и прочіи посуди, и побѣгоша, и прибѣгоша ко Пскову пѣшь. И бысть Псковичемъ тогда многыя скорби и бѣды, ово отъ Литвы, а иное отъ Нѣмець и отъ своея братья отъ Новэгорода, ово смерти належащи, а все то Богу попустившю грѣхъ ради нашихъ. И егда коли бяше кн. Костянтинъ въ Псковѣ, тогда бяше овсяная зобница по гривнѣ, а ржи по 3 мѣрѣ за полтыну, а соль по гривнѣ да по 8 мордокъ пудъ, а полтына серебра 15 гривенъ.

(*П. С. Лѣт. V, 19. 20*).

(¹) Воръ, ворокъ—загорожа изъ жердей.

387. Нашествіе Витовта на Псковъ.

а. Въ лѣто 6934 (1426). За старымъ Коложемъ, на Каменѣ озерѣ, бысть знаменіе: отъ иконы св. Богородица идяше кровь, м. сентевріа въ 16 д.; сіе убо знаменіе прояви нахоженіе поганаго кн. Витовта, и многое пролитіе христіанскихъ кровей. Того же лѣта, м. іуня въ 29, на самъ Петровъ день, поганыи кн. литовскій, отступникъ христ. вѣры, Витовтъ разверже миръ съ Псковичами, и Псковичи послаша въ Новгородъ бити челомъ, абы помогли; и не помогоша, но еще и послаша Александра Игнатьевича къ Витовту на псковское зло. И егда минонде 4 недѣли и 4 днѣ, и онъ гръдый князь Витовтъ, собравъ силы своя многыя и Татаръ множество, пріиде преже къ Опочкѣ мѣс. авг. въ 1 д., и начаша прилѣжно къ городу лѣзти, а Опочани бьяхуть ихъ ово каменьемъ, ово колодьемъ, отъ заборолъ отсѣкая, и множество ихъ побиша; и много поганіи всуе трудившеся, 2 дни и 2 нощи стоявше отъидоша, не учинивше граду ничтоже, Богъ бо св. Спасъ блюдяше градъ (¹). И тако възъярився пріиде къ Вороначю, авг. въ 5 въ понедѣльникъ; и исчинивше пороки, шибаху на градъ каменіе великое. И бѣ Вороночаномъ притужно велми, и послаша гонца ко Пскову, чтобы печаловалися о нихъ, и Псковичи послаша къ Витовту посадника Ѳедора Шибалкина, а съ нимъ бояръ, и

(¹) См. Никон. лѣт. подъ 1426 г.

биша много челомъ; онъ же челобитья не пріатъ. И тако начаша прилѣжнѣе къ городу лѣзти, пушками шибая и пороками. И приспѣвши нощи, и бысть чюдо страшно: внезапу нанде туча страшна и грозна, и дождь силенъ, и громъ страшенъ, и млъніа безпрестани блистая, яко мнѣти уже всѣмъ отъ дождя потопленымъ быти, али отъ грому каменіемъ побіенымъ быти, или отъ млъніа сожженнымъ. А Вороначани безпрестани съ слезами моляхуся Богу и св. муч. Христову Георгію о избавленіи града; а Псковичи видѣвше, что Витовтъ челобитья ихъ не пріа, ожгоша посады своя. И Витовтъ въ велицѣ страсѣ бывъ, и призва къ собѣ Вороначанъ и обольстивъ ихъ взя съ ними перемирье, и Вороначани послаша гонца своего ко Пскову, и Псковичи послаша къ кн. Витовту Якима посадника, и Ѳедоса посадника, и инѣхъ бояръ. Еще же и о семъ повѣмъ: а въ засаду къ Котелну городу тогда же послаша посадн. Селивестра и посадн. Ѳедора Шибалкина, и съ ними 400 мужь, а Витовтъ слышавъ то, посла къ Котелну 7000 мужь Литвы и Татаръ, а Псковичемъ того не вѣдущимъ; и егда быша Псковичи подъ Котелномъ, ударигша на нихъ Литва и Татаре и убиша Псковичь 17 мужь, а руками яша 13 мужь, а Псковичи съ ними бишяся, побѣгая къ городку, и побиша Литвы много, и тако вбѣгше въ Котелно и затворишася. А Островичи тогда ходиша торономъ (*набѣгомъ*) къ Велью, и наѣхаша на ночлезѣ Татаръ и убиша отъ нихъ 40 мужь, а мало ихъ убѣжа, а иныхъ подо Вревомъ Вревичи побиша. Мы же сія оставльше на предняя возвратимся. И пріѣхавше Якимъ посадникъ и Ѳеодосій биша много челомъ и срядишася дати 1000 рублевъ, и взяша миръ съ кн. Витовтомъ авг. 25, а полоненныхъ вдаде на поруку посадникомъ; а срокъ положиша привезти сребро 1000 р. и полоненыхъ всѣхъ въ Вилни

поставити предъ кн. Витовтомъ на Кр
щеніе господне, и отъидоша.

б. Въ л. 6935 (1427), м. сен
вріа въ 5 д., бысть знаменіе въ солн
около солнца 6 явися круговъ, а кру
за кругъ связался, и различни ѣх
цвѣтами, овъ черменъ (*красный*), и
зеленъ, а иный жолтъ. Того же л
Псковичи послаша къ в. кн. Вас. В
сильевичю Юрья посадн. Тимоѳѣевича,
съ нимъ бояръ, и биша челомъ, что
послалъ своихъ бояръ къ дѣду сво
кн. Витовту, и вдарили бы челомъ
Псковичь; и бише ему тогда брань ве
ка съ кн. Юрьемъ стрыемъ своимъ
вел. княженіи, нъ обаче о всемъ т
не брегъ, вречеся (*отвернулся*). И
зиму присла князь в. своихъ бояръ въ Пск
и Псковичи послаша съ ними посадн. Я
ма Павловича, и посадн. Ив. Сидоров
и иныхъ бояръ, и даша имъ рече
Витовту сребро, и поставиша плѣне
предъ кн. Витовтомъ и сребро полож
1000 р., и много биша челомъ; он
поганый немилостиво имѣа сердце, ср
взя, а плѣненыхъ на крѣпости по
Того лѣта умножи Богъ всякого оби
хлѣба въ Псковѣ по 7 зобницъ ржи
полтыну, а говядъ 3 яловичи (*коро*
телки) на полтыну.

в. Тоя же осени (1431) умре п
ный кн. литовскій Витовтъ, и сѣде
столѣ его кн. Свитригайло Олгердови
Въ лѣто 6940 (1432). Послаша Пс
вичи къ кн. литовскому Свитригайлу Я
ма посадника, и Алексѣя Ефремовича,
инѣхъ бояръ, и биша челомъ о ми
и Свитригайло дастъ миръ и рубе
земли и водѣ, по старинѣ, по крестн
цѣлованію кн. Витовта; и утверди
миръ, цѣловаша на томъ крестъ.

(*П. С. Лѣт. V. 25. 26. 27*)

O narodach Litewskich. *Пашкеви*
1829. Lithanische Märchen, sprichw
te, Räthsel und Lieder. *Августа Шл*

хера. Веймаръ. 1857. Obraz Litwy. *Ярошевича*. Вильно. 1844 Лѣтописецъ Литвы и Хроника Русская. *И. Даниловича*. Вильно. 1827 г. *Его же:* О Литовскихъ Лѣтописяхъ Ж. М. Н. Пр. 1860. № 11. Лѣтопись князей Литовскихъ. *А. Н. Попова*. Уч. Зап. Акад. I, III. 21. Литовское племя и отношеніе его къ Россіи. *Костомарова*. Рус. Сл. 1860. № 5, 1-100. Свитригайло. А. Коцебу. Библ. для Чт. 1835, XIII, 25. Бѣглый взглядъ на исторію Литвы. *Бандтке*. Вѣстн. Евр. 1826. ч. 146. № 7. 191. Латыши и Литва. Сынъ От. 1842. 1. 40. 1838. II, 161. 1839. XI, 115. Древности Литвы. Сѣверн. Архивъ. ч. 1, № 3. 221. Могилы древ. Ливовъ. *Бэра*. Библ. для Чт. 1853. CXVII. 29—44. Ливонія. Сынъ Отеч. 1822. LXXVII 3

В. СТАТЬИ ИЗЪ НОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

388. Слѣдствія татарскаго нашествія.

Татарское нашествіе произвело сильное впечатлѣніе на людей религіозныхъ. Они приписывали его гнѣву божію, карѣ за недостойную жизнь народа, которая и прежде возбуждала въ нихъ отвращеніе. Найдя такимъ образомъ причину страшныхъ бѣдствій, они еще внимательнѣе начинаютъ вглядываться въ окружающую жизнь и приходятъ въ ужасъ отъ ея противорѣчія съ требованіями христіанской жизни. Теперь въ нихъ возбуждается энергія дѣйствовать на народъ сильнымъ обличительнымъ словомъ, призывать къ покаянію, къ благочестивой жизни, развивать взаимную любовь для единодушія, которое необходимо было, чтобъ свергнуть съ себя тяжелое ненавистное иго. Жизнь, несогласная съ христіанскими понятіями, замѣчается не только въ народѣ, но и въ средѣ духовенства. Так. обр. за совершившійся страшный фактъ оправдывается провидѣніе, допустившее его. Напуганное воображеніе слагаетъ всю вину на народъ. Теперь уже нельзя было уединяться въ монастырскихъ стѣнахъ: нужно было такъ или иначе дѣйствовать. М-тъ Кирилъ II созываетъ во Владимірѣ соборъ епископовъ, чтобы дать правила для жизни духовенства сообразно съ православнымъ идеаломъ. Положено было уничтожить всякую симонію, которая, какъ видно, распространялась между духовными лицами: »семью гривнами на клирошанъ должна была ограничиваться вся издержка попа или дьякона«. »Мздоимцы да будутъ извержены изъ церкви и ходатайствующіе за нихъ прокляты«. Рабъ не могъ быть поставленъ, не принявъ отпускной отъ своего господина. Житіе ставленика должны были свидѣтельствовать 7 священниковъ и добрыя сосѣди, знавшіе его съ дѣтства. Не одни преступленія важныя мѣшали ставленію: кто отдавалъ деньги въ ростъ, удручалъ слугъ голодомъ и наготою, страдою убѣгалъ дани, *чародѣйствовалъ*, не могъ быть ни попомъ, ни дьякономъ, ни даже причетникомъ. Въ священники ставили возрастомъ не менѣе 30 лѣтъ. Пьяницы всѣ отвергались, если не покаятся: »лучше одинъ достойный служитель алтаря, нежели тысяча беззаконныхъ«... (*Ист. Шевыр. т. III, стр. 27—28*). Черезъ 10 лѣтъ (1284) м-тъ Максимъ сбираетъ соборъ въ Кіевѣ, гдѣ составлены правила, касающіяся другихъ предметовъ. Тотъ же Кириллъ II по свидѣтельству лѣтописей проходилъ города всей Руси, неутомимо училъ, наставлялъ, исправлялъ. Г. Шевыревъ приводитъ коротенькое его Слово, характеризующее его ученіе, основанное на любви и снисхожденіи. Оно было сказано

ростовскому епископу Игнатію, который, вѣроятно, желая дать сильный примѣръ своей паствѣ, приказалъ вынести прахъ покойнаго ростовскаго князя Глѣба Васильковича изъ соборной церкви и просто закопать въ землю. »Не возносись, не считай себя безгрѣшнымъ, сказалъ ему Кириллъ: не столько запрещай и отлучай, сколько освобождай и прощай; прощеніе грѣхамъ нашимъ мы обрѣтаемъ въ прощеніи братій нашихъ, милость господня скрывается для насъ въ личности нашей къ ближнему. Плачься чадо и кайся до смерти о своей безстыдной дерзости, ты прежде суда божія осудилъ уже скончавшагося; а отъ живого ты принималъ дары; ты ѣлъ и пилъ съ нимъ, ты живалъ у него и веселился съ нимъ; когда можно было его исправить, ты не исправилъ и нынѣ ли исправить хочешь мертваго жестокимъ отлученіемъ? А ежели желаешъ сотворить ему помощь, твори ее милостынями нищимъ, молитвою и божественною службою«. (*Ист. Шевыр. III, 32—33*)... Съ энергическими словами обращался къ народу и суздальскій епископъ Серапіонъ, указывая на народныя бѣдствія отъ Татаръ и на причину ихъ, нехристіанскую жизнь людей, за которую Богъ и караетъ ихъ... Но проповѣдникъ требовалъ слишкомъ быстрой перемѣны въ своихъ слушателяхъ. Онъ упрекаетъ ихъ, что видитъ слишкомъ мало плодовъ отъ своего ученія: »Много разъ я говорилъ вамъ, но не вижу въ васъ перемѣны... Чѣмъ мнѣ утѣшиться, чѣмъ обрадоваться? Всегда сѣю въ ниву сердецъ вашихъ сѣмя божественное, и никогда не вижу, чтобы оно прозябало и плодъ породило... Я, грѣшный, всегда учу васъ, дѣти, велю вамъ каяться, вы же не перестали отъ злыхъ дѣлъ«. Впрочемъ онъ хвалитъ ихъ и радуется тому, что они ходятъ съ великою любовью въ церковь и стоятъ съ благоговѣніемъ. »О если бы, при этомъ восклицаетъ онъ, я могъ наполнить сердце и утробу каждаго разума божественнаго«!

Конечно, всѣ эти рѣчи не могли дохо дить до народа. Они обращались въ со борныхъ церквахъ къ горожанамъ. Общ бѣдствія дѣйствительно сблизили ихъ с духовенствомъ, которое въ лицѣ своих митрополитовъ и епископовъ стало дѣ тельнѣе и практичнѣе въ отношеніи к народу, и религіозное вліяніе на вообра женіе массы стало сильнѣе. Горожан мало—по—малу дѣйствительно успѣли от стать отъ язычества и даже подъ влія ніемъ дѣйствій, иногда одушевлялись фа натизмомъ противъ языческихъ явлені гнѣздившихся еще по деревнямъ въ сель скомъ населеніи. Они стали выказыват свою ревность къ христіанству въ сож женіи волхвовъ, которые появлялись в народѣ, такъ что тѣ же самые пропо вѣдники, настроившіе на религіозный пут ихъ воображеніе, должны были сильным словами и укорами сдерживать ихъ фана тическую ревность...

Так. обр. первое слѣдствіе суровал татарскаго владычества выразилось в возбужденной дѣятельности, которая с юга мало по малу переходила на сѣверо востокъ, гдѣ народъ былъ еще въ самом грубомъ состояніи; югъ сталъ пустѣт отъ татарскихъ набѣговъ и отъ выселе нія многихъ жителей на сѣверъ. Въ преж немъ идеалѣ духовенства теперь особен выдается одна черта, вызванная време немъ—это безпрестанное покаяніе и сокру шеніе о грѣхахъ своихъ, которые накли кали на Русь страшное бѣдствіе. Поле дѣятельности его—призываніе къ покая нію и благочестивой жизни. Понятно, что при такомъ стремленіи число монастырей должно было значительно увеличиться. Г. Шевыревъ насчитываетъ, что уже въ XIII ст. основано было 22 монастыря, а въ XIV доходить число ихъ до 80, если не болѣе. (*Ист. Шевыр. стр. 187*). Въ одномъ безыменномъ *ученіи*, обра щенномъ »ко всѣмъ христіанамъ«, совѣтуется любить монастыри, п. ч. *они*

панища сего свѣта, сыновья свя-
»Входя въ нихъ, вы увидите, какъ
въ пасетъ свое стадо; одинъ чер-
не говоритъ страха ради божія,
і возноситъ руки и сердце горѣ, а
ержитъ долу, тотъ плачетъ въ своей
и лежитъ ницъ; тотъ работаетъ
полоненный, тѣ заняты дѣломъ,
стоятъ въ церкви будто каменные
подвижные, возсылая молитвы къ
за весь міръ«.
ъ та монастырская жизнь, привле-
я людей, воображеніе которыхъ съ
стороны было напугано, съ другой
влено на религіозный путь. Этотъ
сдѣлался единственнымъ для всѣхъ
ыхъ натуръ, которые искали себѣ
ьности или высшаго духовнаго про-
нія: никакихъ другихъ поприщъ для
творенія духовныхъ стремленій че-
ı болѣе не было. Усвоивъ себѣ
ическій идеалъ, сообразно съ нимъ
располагали и свою жизнь и дѣя-
сть. Так. обр. въ монастыри пе-
ıтъ изъ князей, изъ дружинъ, изъ
анъ; монашество быстро увеличи-
ı. Въ число важныхъ добрыхъ дѣлъ
ежнему ставится милостыня—раз-
имѣнія нищимъ и монастырямъ.
честивые люди дѣйствительно завѣ-
› монастырямъ села. Многіе князья
строятъ монастыри и щедро надѣ-
ихъ, чтобы они могли надѣлять

уры дѣятельныя и страстныя, оду-
яныя своимъ монашескимъ идеаломъ,
самой суровой аскетической жизни,
этся въ глушь, въ лѣса, и въ де-
юселяются и сбираютъ вокругъ се-
дражателей, и вотъ основывается
монастырь. Строгій пустынникъ
аетъ славы, о немъ говорятъ въ
ностяхъ, къ нему стекается на-
дивится его жизни, полной лишеній
довъ, слушаетъ его ученіе. Вотъ
ь образомъ распространились хри-
стіанскія понятія по деревнямъ и селамъ. Это было дальнѣйшее слѣдствіе татарскаго владычества. Монастыри наполнялись нерѣдко людьми, утомленными трудною жизнію, вѣчною боязнію огня и меча татарскихъ полчищъ, разграбленными, лишившимися родныхъ, захваченныхъ въ полонъ. Пристанищемъ и мѣстомъ успокоенія имъ служили монастыри, которые пользовались привиллегіями отъ Татаръ и были безопаснѣе всякаго другаго жилища. Были между энергическими дѣятелями и такіе, которые отправлялись для распространенія христіанства въ мѣста, гдѣ еще господствовало язычество...

При особенномъ религіозномъ направленіи духа въ монастырскихъ стѣнахъ, послѣ смерти каждаго благочестиваго дѣятеля, быстро составлялись о немъ сказанія по тому аскетическому монашескому идеалу, который привлекалъ воображеніе набожныхъ людей. Основаніемъ этихъ сказаній, конечно, были дѣйствительные факты изъ его жизни, и вотъ они наконецъ записывались какимъ либо грамотнымъ монахомъ, иногда распространялись и разукрашивались разными риторическими красками и въ такомъ видѣ переходили въ послѣдующія поколѣнія. И иногда изъ такихъ сказаній составлялись сборники подъ названіемъ Прологовъ и Патериковъ, образцомъ которыхъ служилъ патерикъ печерскій, составленный еще въ XIII ст.

Так. обр. мало по малу въ разныхъ областяхъ составились свои мѣстныя святыни, равно какъ и мѣстныя сказанія, достойныя полнаго вниманія историка литературы; но ихъ только начинаютъ у насъ разработывать, и нѣтъ сомнѣнія, что впослѣдствіи, при болѣе подробной разработкѣ, они доставятъ богатый матеріалъ для исторіи...

И доселѣ еще каждый изъ древнихъ городовъ, каковы Новгородъ, Муромъ, Ростовъ, Рязань, Смоленскъ, Псковъ сберегли свои мѣстныя преданія и сказанія,

которыя даютъ особую нравственную физіономію каждому изъ нихъ. Эти мѣстныя особенности обязательны для всякаго русскаго человѣка, п. ч. всѣ вмѣстѣ составляютъ они его завѣтное національное сокровище.

Г. Буслаевъ такимъ образомъ характеризуетъ Москву сравнительно съ другими городами: »Мрачнымъ тономъ отличаются преданія объ основаніи нѣкоторыхъ московскихъ святынь... Татарщина захватила своимъ темнымъ колоритомъ мѣстныя сказанья и нѣкоторыхъ другихъ народовъ сѣверовосточной Руси, но не такъ полно и всецѣло обняла всѣ элементы жизни, какъ въ Москвѣ... Изъ самыхъ отношеній къ Татарамъ Москвы и другихъ городовъ уже явствуетъ, что нравственныя понятія, состоявшія тогда преимущественно въ противуположеніи русскаго и христіанскаго иноземному, татарскому и поганому, неодинаково были развиты въ Ростовѣ, Ярославлѣ, Смоленскѣ, Твери, Псковѣ, Новгородѣ и Москвѣ. А такъ какъ нравственныя начала историческаго народа возникаютъ и совершенствуются на основѣ историческихъ родовыхъ преданій, разработываемыхъ въ теченіи вѣковъ изустно и письменно, то бѣглый взглядъ на русскіе города и области XIV в. даетъ уже намъ разумѣть о неодинаковой степени ихъ просвѣщенія, т. е. грамотности и слѣдовательно литературы. Москва не только въ XIV, но даже и въ XV в. въ отношеніи литературномъ стояла несравненно ниже Кіева или Новгорода XII ст....

Въ татарское время прежній эпосъ не утратилъ для народа своего значенія; надъ нимъ продолжала работать фантазія, видоизмѣняя и перерождая его подъ вліяніемъ новыхъ вѣрованій и новыхъ событій. Тогда для героическаго эпоса не находилось темъ изъ современной жизни, и онъ продолжалъ развивать прежнія темы, сближая ихъ съ современностью. Причина такого явленія ясно выразилась въ одной рапсодіи, которая заключаетъ собою богатырскій циклъ и которая сложилась именно въ этотъ періодъ, слѣдующій за богатырскимъ. Она и по содержанію и по поэтическимъ образамъ заслуживаетъ полнаго вниманія историка. *Я* имѣю въ виду «Сказаніе, отчего перевелись витязи на Руси». Здѣсь мы видимъ еще въ полной мѣрѣ наивную вѣру въ богатырей, какъ существовавшихъ дѣйствительно въ былое время, видимъ и вѣрованіе въ языческое чудесное, хотя разсказъ по своему содержанію современенъ историческимъ пѣснямъ. Тутъ самъ народъ смотритъ на прекращеніе богатырской жизни так. обр.: онъ представляетъ какую то *нездѣшнюю* силу, которая подавила богатырскія стремленія народа, и обратила богатырей въ камни. На многіе камни въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи народъ и теперь указываетъ, какъ на окаменѣвшихъ богатырей. Эти камни служатъ ему какъ бы памятниками, подъ которыми схоронена могучая сила прошлаго. Какая же это нездѣшняя сила? Эта сила—сила историческихъ обстоятельствъ, поставившая народъ въ такое положеніе. Въ разсказѣ ясно выразилось сознаніе силы подавляющей, наводящей страхъ и окаменяющей—передъ нею земская, богатырская сила приходитъ въ положеніе страдательное и каменѣетъ. Вотъ отвѣтъ, который сложилъ самъ народъ на собственный вопросъ: отчего въ его средѣ теперъ нѣтъ богатырей? Время настало не то: самое сознаніе въ себѣ силы было подавлено. Первою изъ такихъ постороннихъ гнетущихъ силъ, конечно, была сила татарская, которая, поставивъ народъ въ страдательное положеніе, перемѣшала даже его нравственныя понятія—тутъ приходилось стонать подъ игомъ, подавлявшимъ всякія силы, а было не до богатырскихъ стремленій, въ которыхъ выражается свободное проявленіе силъ. Въ сборникѣ русскихъ пѣсенъ Саратовской губ., г-жи

цевой и г. Костомарова мы находимъ
), сложенную въ тяжелыя татарскія
на, пѣсню, замѣчательную въ томъ
еніи, что ея тема основана на из-
ніи тѣхъ нравственныхъ законовъ,
ыя народъ выработываетъ себѣ вѣ-
по своимъ понятіямъ и которыми осо-
дорожитъ, какъ основою нравствен-
жизни. Татаринъ извращаетъ эти за-
ставитъ членовъ одной и той же
въ самое неестественное положеніе:

за рѣченькой за быстрою,
онь горитъ, а полымья;
Татарченки города берутъ,
а берутъ, по себѣ дѣлятъ,
ому что достанется:
золото, кому серебро,
добрый конь, кому платье цвѣтное,
платье цвѣтное, кому руска нянюшка.
валася теща зятюшкѣ.
беретъ тещу за бѣлы руки,
влъ ее во колясочку,
зилъ тещу къ широку двору,
кнулъ, взгаркнулъ громкимъ голо-
сомъ,
кимъ голосомъ молодецкіимъ:
встрѣчай меня молода жена,
звезъ тебѣ руску нянюшку,
нянюшку—полоняночку.
аставь ее дѣлать три дѣла:
е дѣльцо—ковры вышивать,
е дѣльцо—гусей стеречи,
тіе—дѣтей качати».
руками ковры вышивала,
азами гусей стерегла,
ами дитю качала:
ачу-баю, мое дитятко,
о батюшкѣ злой татарченокъ,
е крещеной не молитвенной,
матушкѣ мой боярченокъ ([1]).
боярченокъ—руска косточка»!

Услыхала молода княжна:
«Почему знаешъ моя нянюшка,
Что по батюшкѣ—злой татарченокъ,
А по матушкѣ—боярченокъ»?
—»Какъ мнѣ не знать, моя доченька,
Ты семи лѣтъ во полонъ взята» ([2]).

Мать—рабой у дочери, русская, пра-
вославная нянчитъ внука—татарина, не-
крещенаго, ненавистнаго русскому чело-
вѣку, который въ своихъ пѣсняхъ не ина-
че произноситъ, какъ съ эпитетомъ *злой*.
Любовь и ненависть къ одному ребенку—
два противуположныя чувства соединяют-
ся въ ней. Вотъ эти то извращенныя
нравственныя отношенія и смущали рус-
скаго человѣка. Вообще надо замѣтить,
что нѣкоторыя историческія пѣсни отлича-
ются замѣчательнымъ драматизмомъ, есте-
ственно вытекающимъ изъ самыхъ обсто-
ятельствъ, въ которыя жизнь ставила
народъ. Подробный разборъ этихъ пѣсенъ,
разумѣется, по мѣстностямъ, гдѣ они мо-
гли сложится, могъ бы раскрыть намъ и
нравственныя понятія народа въ его иде-
альныхъ стремленіяхъ, и взглядъ его на
разныя событія изъ его исторической
жизни.

(*Изъ сочиненія Вл. Стоюнина*: «*О преподаваніи Рус. литературы*. *Спб. 1864*, *стр. 75—95*).

389. Куликовская битва.

XIV вѣкъ былъ великимъ историчес-
кимъ періодомъ въ жизни Славянскаго сѣ-
вера. Это было время одряхлѣнія стараго
удѣльно-вѣчеваго порядка, сформировавша-
гося въ первые вѣка нашего тысячелѣтія,
и время юности новаго строя, возмужав-

[1]) У Сахарова: «А по матушкѣ милъ вну-
къ».

([2]) Лѣтоп. рус. лит. и древ. IV стр. 47—48.

шаго и окрѣпшаго въ XVI в. Москва возвышалась посреди русско-славянскихъ земель и тянула ихъ къ себѣ волею и неволею. Тверская земля, оспаривавшая у нея право вести пéредъ рус. міра, уже склонялась пéредъ нею въ своей безсильной борьбѣ. Недоставало у князей ея ни той хитрости и изворотливости въ затупанныхъ обстоятельствахъ, ни того умѣнья выбирать удачно и ловко минуты, благопріятныя для дѣла, выжидать, когда нужно, мириться и ссориться впору, по расчету а не по влеченію сердца, ни той рѣшимости отважиться на все, лишь бы оно приносило пользу и вело къ цѣли,—ничего того, чѣмъ отличались одинъ за другимъ московскіе князья. Въ 8-мъ десяткѣ XIV в. тверскіе князья дошли до печальной необходимости стать въ оборонительное положеніе. Послѣдняя неудавшаяся попытка Михаила Александровича отнять у моск. князя великое княженіе не удалась; съ тѣхъ поръ ему и преемникамъ его оставалось только охранять себя отъ московскихъ покушеній,—плохая роль! Съ изначала между Москвою и Тверью шло дѣло не о взаимной независимости; то была борьба на жизнь или на смерть: если не Тверь, то Москва; если Тверь взяла бы верхъ, независимость Москвы должна была бы погибнуть. Также точно не могла уже долго оставаться независимою и Тверь, когда Москва нѣсколько разъ одерживала верхъ въ борьбѣ съ нею. Тверь послѣ того просуществовала еще сотню лѣтъ въ оборонительномъ положеніи, но какъ земля подручная Москвѣ,—и легко было потомъ Іоанну III добить ее, какъ только онъ захотѣлъ этого.

Въ подобномъ отношеніи находилась Москва къ Владимірской или Ростовско-Суздальской землѣ, съ тою разницею, что здѣсь Москва не боролась, какъ съ Тверью, за достиженіе первенства и власти надъ русскимъ міромъ, а преемственно овладѣла тѣмъ, что принадлежало прежде пер-

вой. Раздѣленная на мелкіе удѣлы, земля эта не могла соединиться и постоять за себя: въ ней уже не стало центра, порвалась земельная связь ея удѣловъ, или лучше сказать—Москва, бывъ прежде ея пригородомъ, сама собою дѣлалась ея новымъ центромъ. Оттого-то независимость ея не устояла такъ долго, какъ тверская, и пала при наслѣдникѣ Димитрія.

Великій Новгородъ былъ въ иномъ положеніи, чѣмъ эти обѣ земли: Новгородъ не шелъ за новымъ строемъ Руси. Новгородъ оставался вѣренъ старинѣ; онъ не хотѣлъ ни властвовать, ни расширять своихъ предѣловъ; онъ хотѣлъ и самъ быть и видѣть вокругъ себя русскій міръ въ такомъ положеніи, въ какомъ онъ выросъ въ протекшіе вѣка; готовъ былъ, по стариннымъ обычаямъ, признавать надъ собою первенство в. князя въ качествѣ перваго между равными, но не въ значеніи властвующаго князьями; хотѣлъ, чтобы собственная его автономія не была нарушена. Но не возможно было устоять старому противъ молодаго, дряхлѣющему противъ исполненнаго свѣжихъ силъ. Москва еще не была сильна на столько, чтобы погубить его; на это потребовалась еще сотня лѣтъ; но она уже выросла до того, что старыми узами, которыя Новгородъ уважалъ, могла опутать его, и судьба Новгорода была привязана уже къ судьбѣ Москвы задолго до паденія его свободы.

На юго-востокъ отъ Москвы была земля Рязанская. И ей приходилось только оборонять себя. О первенствѣ и о спорѣ съ Москвою не было рѣчи, но она не хотѣла подчиняться Москвѣ; она думала только удержать старину, какъ и Новгородъ, и обезопасить себя отъ возникающаго единовластія. Положеніе этой страны было болѣе печально, чѣмъ какой нибудь другой рус. земли; она стояла на окраинѣ рус. міра, на границѣ съ татарщиною и подвластною Ордѣ Мордвою, и безпре-

станно терпѣла отъ нашествія Татаръ и Мордвы. По мѣрѣ возвышенія Москвы, которая и ей, какъ другимъ русскимъ краямъ, грозила покореніемъ, Рязанская земля должна была, ради своей безопасности, опираться на Орду; Орда не уничтожала автономіи земель русскихъ, оставляла въ нихъ порядокъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находились тогда, когда подпали подъ власть хановъ. Рязанцы были въ непріязни съ Москвичами, они смотрѣли презрительно на московскій народъ и подозрительно на московс. политику. Рязань должна была, болѣе чѣмъ другія русскія земли, покоряться Ордѣ: съ одной стороны для того, чтобъ если не совсѣмъ избѣгнуть своевольныхъ опустошеній, то, по крайней мѣрѣ, чтобъ эти опустошенія были не такъ жестоки; съ другой—чтобъ удержаться съ помощію Орды противъ Москвы. Рязань не была, какъ В. Новгородъ, защищаема отъ ней естественными средствами обороны.

Что касается до множества мелкихъ князей, не входившихъ въ эти земли, то безсиліе управляемыхъ ими удѣловъ и волостей болѣе всего наклоняло ихъ, а еще болѣе народъ, управляемый ими, примыкать къ сильному центру, который образовался бы на Руси: оттого нѣкоторые изъ нихъ охотно покорялись Москвѣ, а другіе легко и безропотно были покоряемы или лишены своихъ удѣловъ.

Тогда какъ Москва дѣлалась русскимъ центромъ и приготовляла въ себѣ для руси новый государственный строй, на западномъ концѣ рус. міра у ней явилась сильная соперница—Литва. Литовскіе князья Гедиминъ и Ольгердъ успѣли соединить въ своей державѣ западныя и южныя русскія земли. Въ однихъ мѣстахъ князья Рюрикова дома поступили въ число подручниковъ великихъ литовскихъ земель, въ другихъ замѣнены были князьями изъ Гедиминова дома. Литва расширялась на востокъ. У литовскихъ великихъ князей образовывалось такое же стремленіе, какъ и у московскихъ—подчинить русскій міръ, а самимъ стать его владыками. Литва стояла Москвѣ поперекъ дороги; Литвѣ суждено было задержать ей путь тогда, когда она успѣла уже совершить свое дѣло надъ половиною Руси. Въ XIV в. закладывалось начало той многолѣтней борьбы, которая наполняетъ нашу исторію XV и XVI в.,—борьбы, которая въ началѣ XVII в. разразилась надъ Москвою эпохою смутнаго времени, потомъ на полвѣка избрала себѣ исходъ въ Малороссіи,—борьбы, которой слѣды отзываются до нашего времени, въ покушеніяхъ Польши, по древней передачѣ ей литовскими князьями своихъ покушеній. Во 2-й половинѣ XIV в. въ Литвѣ противодѣйствующая Москвѣ сила сосредоточилась въ двухъ одинъ за другимъ князьяхъ: то были Ольгердъ, могучій дарованіями, политикою и мужествомъ воитель, и Ягейло, его сынъ, который шелъ по дорогѣ отцовской и наконецъ нашелъ новый, выгодный поворотъ въ союзѣ съ Польшею. Подъ предлогомъ защиты своего шурина, Михаила тверскаго, два раза Ольгердъ подходилъ къ Москвѣ и два раза опустошилъ ея окрестности. Московская политика нашла тогда способъ вывернуться изъ бѣды на время. Ольгердъ съ своей стороны расчелъ, что разорить Москву хотя можно, но покорить ее еще не пришло время, и предпочелъ союзъ съ нею. Этотъ союзъ скрѣпленъ былъ бракомъ его дочери съ Володимеромъ Андреевичемъ, двоюроднымъ братомъ в. кн. московскаго. На нѣсколько лѣтъ Москва избавилась отъ Ольгерда. Но не стало Ольгерда, Ягейло сдѣлался великимъ княземъ. Для него родственныя связи съ Москвою были слишкомъ ничтожны; напротивъ другія связи съ Русью ставили его во враждебное положеніе къ Москвѣ: онъ былъ сынъ Тверитянки, и старая вражда его дѣ-

довъ съ матерней стороны сходилась съ политическими стремленіями.

Страшное ордынское владычество тотчасъ стало упадать, какъ только досталo Москвѣ главенство въ Руси. Еще недавно царствовалъ 30 лѣтъ въ Кипчакѣ Узбекъ. Русь трепетала передъ нимъ. Покушеніе освободиться отъ его власти было немыслимо ни для князей, ни для народа. По приказанію грознаго властителя, 10 русскихъ князей было казнено въ Ордѣ. Властитель по произволу тѣхъ каралъ своимъ гнѣвомъ, другихъ осыпалъ милостями. Московскіе князья были его любимцами. Ему преимущественно обязана была возвышеніемъ Москва. Но тѣ времена прошли скоро. Съ Кипчакскимъ царствомъ повторилась одна изъ обыкновенныхъ судебъ, которымъ подвергались всѣ завоевательныя восточныя царства, какія только извѣстны исторіи съ отдаленныхъ временъ библейской древности. Продержавшись съ небольшимъ сто лѣтъ, оно обезсилѣло чрезъ нравственный упадокъ силъ своихъ владыкъ, промѣнявшихъ поле битвы и разрушительный огонь на дворецъ и гаремъ; внутреннія усобицы и споры за престолъ разлагали его. Эпоха паденія наступала. Послѣ грознаго Узбека, усвоившаго уже съ магометанствомъ пріемы восточной цивилизаціи, царствовалъ братоубійца Джанибекъ, которому злодѣянія не мѣшали у восточныхъ историковъ прослыть такимъ же мудрымъ властителемъ, какъ и отецъ его; Джанибека отправилъ на тотъ свѣтъ его сынъ Бердибекъ въ 1357 г., а на другой годъ нашелся за отца мститель: Кульна, какъ говорятъ, сынъ Бердибека, убилъ отца и съ тѣхъ поръ въ теченіе 10 лѣтъ перемѣнилось хановъ 15; ихъ было иногда по нѣскольку разомъ; они свергали другъ друга съ престола. Ханское достоинство упало до значенія жалкихъ куколъ, которыхъ честолюбцы стали возводить на престолъ, чтобъ властвовать ихъ именемъ; части Кипчакской орды начали отлагаться и образовались въ самобытныя государства. Так. обр., въ срединѣ Золотой орды образовалось два ханства: одно — на Волгѣ въ Сараѣ, другое, заложенное Мамаемъ, княземъ Орды между Волгой и Дономъ. Онъ самъ долго не хотѣлъ принимать на себя ханскаго достоинства, а возводилъ на престолъ и низводилъ съ престола своихъ креатуръ и правилъ ихъ именемъ. Въ землѣ мордовской (*нынѣшней Пензен. губ.*) отдѣлился отъ Орды и сдѣлался самобытнымъ государемъ князь Тагай, основавшій свою столицу въ Наровчатѣ. Въ Булгарской землѣ утвердился Булатъ-Темиръ и положилъ начало Казанскому царству. Явился свой властитель въ Астрахани — Салчей. Въ Крыму возникла независимая Перекопская орда, а на Яикѣ — Яицкая орда съ городомъ Сарайчикомъ; далѣе на востокъ выдѣлилась изъ Кипчака самобытная Шейбанская орда, и такъ пошла врозь *Монархія Батыева*.

Въ это-то время было естественно и Руси, входившей въ число ханскихъ владѣній, по примѣру отложившихся частей, покуситься на отторженія, и, конечно, знамя возстанія должно было подняться въ Москвѣ. Московскій князь былъ уже признаваемъ отъ хана намѣстникомъ русскаго міра; московскій великій князь естественно могъ и долженъ былъ захотѣть также сдѣлаться независимымъ, въ качествѣ особаго хана, какъ дѣлали другіе.

Таково было положеніе дѣлъ, которое привело къ знаменитой Куликовской битвѣ.

Было естественно, что, при внутреннихъ смятеніяхъ въ Ордѣ, русскіе князья пользовались полученіемъ своихъ достоинствъ отъ хановъ и той и другой партіи. По смерти в. кн. Ивана Ив. озвалось двое претендентовъ на великое княженіе: нижегородско-суздальскій князь Димитрій Констант. и московскій Димитрій Ив., за котораго по несовершеннолѣтію стояли бояре. Они вѣрно проводили дѣло москов-

скаго главенства, и тѣмъ доказывали, что оно было дѣломъ не одного княжескаго дома, а всей земли московской. Ханъ Неврусъ назначилъ в. княземъ суздальскаго, но самъ этотъ ханъ вслѣдъ за тѣмъ былъ низвергнутъ и убитъ Хидирбергомъ или Хидиремъ. Воспользовались этимъ Москвичи и выпросили у новаго хана ярлыкъ для своего князя; но потомъ вскорѣ Тимуръ Ходжа, сынъ Хидиревъ, убилъ отца и самъ былъ изгнанъ Мамаемъ. Въ самой Ордѣ вступили въ борьбу двѣ партіи, одна: противная Мамаю, провозгласила ханомъ Мюрида, другая, Мамаева—Абдулла. Мюридъ разбилъ Мамая. Услышавъ объ этомъ, Москвичи тотчасъ обратились къ Мюриду, какъ къ сильнѣйшему, и выпросили у него подтвержденіе на достоинство вел. кн. Но вслѣдъ за тѣмъ услышали они, что Мамай беретъ верхъ, обратились къ Мамаю и получили для Димитрія ярлыкъ на в. княженіе отъ имени Абдулла, Мамаевой креатуры. Тогда Мюридова партія, въ отмщеніе за то, вручила ярлыкъ на вел. княженіе сопернику Москвы, Димитрію Констант. суздальскому, чрезъ случившагося въ то время въ Ордѣ бѣлозерскаго князя Ивана. Суздальскій князь, сопровождаемый своимъ подручникомъ бѣлозерскимъ княземъ и 30 ю Татарами, на челѣ которыхъ былъ посломъ какой то Илякъ, сѣлъ въ другой разъ на столѣ во Владимірѣ и возвратилъ древнее первенство этому городу, уже со времени Калиты принужденному уступить его Москвѣ. Тогда Москва пошла на Владиміръ. На Руси двѣ партіи шли подъ знаменемъ двухъ партій въ Ордѣ. Суздальскій долженъ былъ уступить, побоявшись подвергать разоренію свою область, и примирился съ Димитріемъ московскимъ. Чрезъ два года, въ 1364 г., сынъ Димитрія суздальскаго, Василій Кирдяпа, снова выпросилъ для отца ярлыкъ у хана, противнаго московской партіи, и опять готовы были отразиться на Руси слѣды ордынскихъ междоусобій; но и на этотъ разъ отецъ побоялся вести споръ съ Москвою, помирился. Димитрій Константиновичь на другой годъ скрѣпилъ съ нею союзъ родствомъ, отдавъ за Димитрія Ив. дочь свою Евдокію.

Годы были тяжелы въ то время на Руси. Предъ тѣмъ только свирѣпствовала смертельная зараза, а на слѣдующій годъ повторилась она, да еще сверхъ того настала засуха и неизбѣжное ея слѣдствіе —голодъ.

Так. обр. московскій князь утвердился и поддерживался съ помощію Мамая. Расчетъ былъ вѣренъ: Мамай былъ умнѣе и потому сильнѣе другихъ претендентовъ на власть въ Ордѣ. Нѣсколько лѣтъ Москва держалась Мамая и было между ними доброе согласіе. Московскіе и суздальскіе полки ходили вмѣстѣ съ посломъ изъ Орды противъ непокорнаго Мамаю казанскаго владѣтеля. Но въ 1370 г. соперникъ моск. князя, в. кн. Тверской земли Михайло Александровичъ, подвигнувши на Димитрія своего родственника Ольгерда, подорвалъ было его значеніе и у Мамая. Онъ, по преданію, всѣми силами противодѣйствовалъ возвышенію Москвы и сверхъ того мстилъ лично за себя за то, что его коварно задержали—было въ Москвѣ. Онъ съѣздилъ въ Орду и получилъ отъ имени Мамаева царя ярлыкъ на в. княженіе. Мамаю нужны были деньги. Неизвѣстно разщедрился ли тверской князь въ Ордѣ, или—что вѣрнѣе—заскупился московскій, Тверской князь шелъ въ Русь съ ханскимъ посломъ Сарыходжею. Этотъ посолъ призывалъ московскаго князя во Владиміръ слушать ярлыкъ. Но Димитрій не поѣхалъ во Владиміръ, да и сами Владимірцы воспротивились признать великимъ княземъ Михаила Алексан. и нехотѣли сажать его на столѣ у себя. Димитрій пригласилъ Сарыходжу въ Москву и тамъ одарилъ его такъ, что тотъ, вмѣсто того, чтобы по ханскому ярлыку принудить

ъ, что не боится Орды, не слу-
Мамая. Мамай не приходилъ.
слѣдующій годъ, вмѣстѣ съ дружи-
суздальскими и нижегородскими,
кіе полки, подъ начальствомъ
Дим. Мих. Волынскаго, двину-
на Казань. Война была удачна.
ы пугали Русскихъ какимъ-то
ь со стѣнъ своихъ, выпустили
довъ, чтобъ переполошить рус. вой-
Іо всѣ эти хитрости восточнаго
за не удались имъ. Русскіе вогна-
въ городъ, осадили Казань, а двое
ихъ князей, Гассанъ и Махметъ,
еломъ в. князю и заплатили боль-
купъ и ему, и союзнику его, и
мъ со ратію, всего 5000 р., да
къ Русскіе посадили въ Казани та-
овъ, слѣдов. подчинили своей вла-
правленіе Казани. Это было уже
гельство отплатить Татарамъ тѣмъ,
сихъ поръ отъ нихъ получалось.
были въ зависимости у Русскихъ—
невиданное, странное до того
и. Оно указывало, до чего можетъ
Русскихъ борьба съ Татарами;
усскіе одолѣютъ—они не ограни-
собственнымъ освобожденіемъ, они
гъ въ свою очередь Татарщину.
было не допустить Руси и думать,
можетъ мѣряться съ Ордою; на-
было вогнать ее въ прежнія гра-
поработить снова. Еще Мамай не
я съ силами, чтобъ идти самому,
ничивался посылкою своихъ подчи-
ъ. Въ 1376 г. (?) какой-то ца-
Арапша изъ Синей орды пришелъ
маю, а Мамай послалъ его воевать
Это былъ большой воитель, очень
ый, ростомъ очень малъ, да му-
ъ великъ. (*Онъ перебилъ рус-
на р. Пьянѣ и самъ князь ни-
одскій Иванъ Димитріевичъ
лъ въ рѣкѣ, а съ нимъ много
См. »Витва съ Арапшей
.«).*

На слѣдующій 1377 г. Мамай послалъ опять Орду свою на Русь. Татары напали на Нижній. Князя не было въ городѣ. Люди пустились бѣжать; оставшіеся заперлись и предлагали за себя окупъ. Но Татары не взяли окупа, взяли городъ, сожгли его и опустошили весь уѣздъ. Другое Мамаево войско подъ начальствомъ Бегича пошло на в. князя. Оно шло чрезъ Рязанскую землю на Москву. Но в. князь предупредилъ Бегича и самъ вышелъ ему на встрѣчу въ Рязанскую землю. Они встрѣтились на р. Вожѣ. Москвичи дали врагамъ переправиться на другую сторону Вожи и потомъ ударили на нихъ съ разныхъ сторонъ: съ одной—полоцкій князь Андрей Ольгердовичъ, съ другой—пронскій князь; прямо ударилъ на нихъ московс. князь Димитрій. Татары побѣжали; Москва наперла на нихъ и множество враговъ потонуло. На утро при туманѣ переправились Русскіе и погнались за Татарами. Татары убѣжали, покидавъ свои шатры, кибитки и телѣги; а въ телѣгахъ нашли Русскіе много добра. Тогда поймали Москвичи какого то измѣнника; былъ онъ Иванъ Васильевичъ, тысячскаго сана сынъ, и шелъ изъ Орды съ Татарами на своихъ собратій. У него нашли цѣлый мѣшокъ какого-то зелья, должно быть, какъ думали, лихаго, и послѣ разспроса послали его въ заточеніе на Лать озеро въ Каргополь, въ Новгородскую землю. Эта побѣда была предвѣстницей рѣшительной войны Мамай ожесточился. Онъ рѣшился наказать страшно своихъ рабовъ. Въ то время Мамай пересталъ ставить куколъ, называемыхъ ханами или царями. Онъ самъ назвался наконецъ царемъ. Онъ думалъ возстановить потерянное могущество Кипчака. Онъ началъ съ Русскихъ.

Прежде всего должна была нести отвѣтъ за пораженіе на Вожи Рязанская земля, п. ч. въ этой землѣ случилось посрамленіе Орды... Самъ в. князь Олегъ

Ив. не въ силахъ былъ противостоять Татарамъ. Онъ бѣжалъ за Оку, покинувъ свои города на волю врагамъ. Они сожгли Дубокъ и Переяславль, сожгли и другіе города, и опустошивъ землю, ушли во свояси. Наконецъ самъ Мамай, нанявъ войска, двинулся на Россію. Олегъ рязанскій присталъ къ Мамаю и послалъ къ нему грамоту такого содержанія: »Восточному вольному великому царю царямъ, Мамаю, посаженикъ твой и присяженикъ Олегъ князь Рязанскій много молитъ тебя. Я услышалъ, господинъ, что ты хочешь идти и грозишся на твоего служебника Димитрія князя Московскаго; теперь, всесвѣтлый царь, приспѣло время злата и многихъ богатствъ. Князь Димитрій, какъ только услышитъ имя ярости твоей, убѣжитъ въ далекія мѣста, или въ В. Новгородъ или на Двину, а богатство московское будетъ въ рукѣ у тебя; а меня Олега Рязанскаго, раба твоего, сподоби своей милости. Мы оба твои рабы; но я служу тебѣ со смиреніемъ и покорствомъ; а онъ къ тебѣ съ гордостію и непокорствомъ. Я много великихъ обидъ принялъ отъ твоего улусника, Димитрія. А когда я погрозилъ ему твоимъ именемъ, онъ не посмотрѣлъ на это, а еще заграбилъ себѣ городъ мой Коломну. Молю тебя, царь, и бью тебѣ челомъ: накажи его, чтобъ онъ чужаго не похищалъ. (*См.* »*Сказаніе о Мамаев. побоищѣ*« *у Сахарова*).

Въ тоже время Олегъ отправилъ нословъ къ Ягейлу, в. кн литовскому. Кромѣ того политическаго антагонизма Литвы съ Москвою, по которому каждый литовскій в. князь былъ естественнымъ соперникомъ возрастающей Москвы, Ягейло имѣлъ свѣжія причины неудовольствія противъ нея и ея князя. Послѣ переворота, отъ котораго погибъ дядя Ягейловъ Кейстутъ, Ягейло сдѣлался в. княземъ литовскимъ. Димитрій московскій сталъ покровителемъ и сторонникомъ князей

противныхъ Ягейлу. Братъ Ягейла А
рей, полоцкій князь, нашелъ пріютъ
Москвѣ. Вмѣстѣ съ съ московским
скамп, онъ ходилъ на Трубчевскъ;
и другой братъ Ягейла, Димитрій (
гердовичь, призналъ надъ собою гл
ство московскаго князя. Такъ моско
князь распространялъ московс. госу
ство и уже посягалъ на то, что ус
прежде захватить себѣ государство
товское. Олегъ, по увѣренію лѣто
писалъ къ Ягейлу: »ты давно ж
прогнать московс. князя и овладѣть
сквою; теперь пришло время; Мамай
на него, соединимся съ нимъ; пос
своихъ пословъ къ нему съ дарами. (
лучше меня знаешъ, какъ поступить

Расчетъ у Олега былъ таковъ: съ
мощію Мамая и Ягейла ниспроверг
моск. государство, пресѣчь ходъ мос
самовластію, Москву отдать Литвѣ, а
занская земля увеличится частію
владѣній, которыя прежде у другихъ
хвачены Москвою... Так. обр. сообр
тогдашнимъ обстоятельствамъ, естеств
было Олегу, дѣйствуя вмѣстѣ съ М
емъ, искать сколько возможно болѣе вр
дебныхъ Москвѣ силъ, чтобъ ниспро
нуть это могущество, начинавшее
тяготѣть надъ Русью подобно татарск

Всѣ эти сношенія должны были
исходить въ 1379 г., и вѣроятно
концѣ. Веспою 1380 г. получилъ
митрій извѣстіе, что Мамай уже на
ронежѣ. Самъ Олегъ Рязанскій, скр
свое соглашеніе съ врагами Москвы,
вѣщалъ вел. князя объ опасности к
будто дружелюбно. Вслѣдъ за тѣмъ
были послы отъ Мамая съ требован
такой дани, какую Москва платила
Узбекѣ и Джанибекѣ, а не такой, к
рая была постановлена съ Мамаемъ
первомъ признаніи имъ Димитрія мос
скимъ княземъ. Димитрій оскорбѣ
опечалился зѣло—говоритъ лѣтопис
началъ прежде всего молиться... Онъ

слалъ въ Орду посла Захарія Пулчева съ двумя толмачами. Онъ везъ покорную грамоту и дань Мамаю; но дань была не въ той пропорціи, въ какой хотѣлъ получить властитель, думавшій о возстановленіи блеска и силы Кипчака. Посолъ этотъ едва вступилъ на Рязанскую землю, какъ узналъ, что Олегъ передался Мамаю, и извѣстилъ объ-этомъ Димитрія... Мамай отвергъ умѣренную дань, предъ окончательнымъ опустошеніемъ и завоеваніемъ земли русской...

В. Князь послалъ по всѣмъ землямъ русскимъ свои грамоты, призывалъ всѣхъ князей и дружины ихъ и всѣхъ людей русскихъ сходиться на рать... Прошло нѣсколько времени. Въ Москву приходили ополченія за ополченіями уже не только по призыву, но и добровольно, услыхавъ, что идетъ туча на Русь...

Готовясь къ выходу, Димитрій отправился къ Троицѣ. Живъ еще былъ основатель этой святыни московской земли; его благословенія испрашивалъ Димитрій. Преподобный устроилъ трапезу въ своемъ монастырѣ для князя и для тѣхъ, кто прибылъ тогда съ нимъ. За трапезою стояла св. вода. Вѣрный православному смиренію, предпочитавшій лучше златомъ и сребромъ отдѣлаться отъ враговъ, чѣмъ отваживаться на кровопролитіе, за столомъ Сергій сказалъ в. князю: »почти дарами и честью нечестиваго Мамая; Господь увидитъ твое смиреніе и вознесетъ тебя, а его неукротимую ярость низложитъ«. Димитрій отвѣчалъ: »Я уже поступилъ такъ, отче, но онъ тѣмъ болѣе несется на меня съ гордостію»...

Послѣ трапезы Сергій благословилъ в. князя и бывшихъ съ нимъ крестомъ и окропилъ св. водою. Старецъ исполнился вдохновеніемъ и пророчески сказалъ в. князю: »Господь Богъ будетъ тебѣ помощникъ и заступникъ, онъ побѣдитъ и низложитъ сопостатовъ твоихъ и прославить тебя«. Эти слова обрадовали в. князя...

20 августа былъ день выхода войскъ изъ Москвы. В. князь, князья и воеводы молились въ Успенскомъ соборѣ, кланялись мощамъ Петра м-та, благословившаго въ началѣ главенство Москвы... Димитрій съ московскими полками въѣхалъ въ Коломну; на другой день, въ воскресеніе 21 авг. онъ велѣлъ всѣмъ собраться на лугу, который назывался Дѣвичьимъ полемъ, близъ сада какого-то Памфила. Все поле было усѣяно необозримымъ воинствомъ. Никогда еще силы русской земли не были въ такомъ числѣ собраны на защиту родной земли.

Димитрій устроилъ все свое ополченіе въ боевой порядокъ: каждый полкъ съ воеводою составлялъ отдѣлъ войска, а всѣ вмѣстѣ изображали собранную русскую землю. ...Выбрали вожаковъ, знающихъ дорогу, а это были купцы Сурожане. Въ тотъ вѣкъ никто столько не путешествовалъ, никто такъ часто не передвигался съ мѣста на мѣсто, какъ торговцы, а потому естественно было ихъ употребить провожатыми. Димитрій нашелъ такихъ, что много разъ бывали и въ Ордѣ, и въ Каѳѣ, и въ разныхъ далекихъ краяхъ, и знали обычаи чужихъ земель и народовъ; ихъ было числомъ 10; они должны были вести войско... Въ первый разъ со времени Батыева ига, Русь, собранная въ лицѣ воинственныхъ дѣтей своихъ, рѣшилась предпочесть смерть рабству. Войско двинулось къ Дону, и увидѣло его наканунѣ праздника Рождества Богородицы 7 сент. Пришла вѣсть: Мамай узналъ, что идетъ на него Димитрій; передовые отряды Семена Меліка уже бились съ Татарами; Мамай уже видѣлъ своихъ Татаръ, изсѣченныхъ русскимъ оружіемъ. »Всѣ силы темныя, силы всѣхъ властей и князей своихъ Мамай ведетъ на насъ—говорилъ Семенъ Меликъ—онъ уже на Гусиномъ броду.

Только одна ночь между нашими и ихъ полками. Вооружайся, княже! Завтра нападутъ на насъ Татары«.

Русскіе стали строить мосты, искать бродовъ, и перешли черезъ Донъ... Утромъ рано все войско стало готовиться къ битвѣ. Взошло солнце, но густой туманъ покрывалъ землю и ничего не было видно. Такъ прошло часа два. Эта мгла помогла Русскимъ. Димитрій отправилъ тѣмъ временемъ Владимира серпуховскаго и Димитрія Боброка съ избраннымъ войскомъ на верхъ по теченію Дона за лѣсъ въ засаду. Наконецъ туманъ сталъ подыматься, засіяло солнце... Русское войско пошло къ устью Непрядвы... Такъ сходились русскія силы съ татарскими съ противоположныхъ возвышеній; и было страшно видѣть —говоритъ сказаніе—какъ двѣ великія силы шли на кровопролитіе и скорую смерть.

Мамай стоялъ на возвышеніи со своими князьями и сталъ оттуда наблюдать битву. Враждебныя полчища смотрѣли другъ на друга...

Послѣ единоборства Телебега и Пересвѣта, данъ былъ знакъ. Затрубили трубы. Крикнули Русскіе: »Богъ Христіанскій, помоги намъ«! Крикнули Татары, призывая Магомета. Началась всеобщая сѣча, и неистовая сѣча. Такой сѣчи, по сказанію современниковъ, не было еще на Руси. Бились не только оружіемъ, но и рукопашно; задыхались отъ тѣсноты; умирали подъ конскими копытами. Кровь полилась потоками по травѣ. Христіане и невѣрные испускали дыханіе, переплетаясь между собою руками и ногами въ предсмертныхъ страданіяхъ. Часа черезъ два Татары стали одолѣвать... Было полное пораженіе русскихъ силъ, полное торжество Мамая... Рвались Русскіе изъ-засады, плакали надъ гибелью своихъ, а Боброкъ все ихъ удерживалъ и велѣлъ ожидать 8-го часа. Русскіе сердились, роптали, и не смѣли поступить противъ Боброка, и. ч. считали его знахаремъ. Наконецъ, когда уже Татары считали себя окончательно побѣдителями, именно тогда-то приближался обѣтованный 8-й часъ... Боброкъ сказалъ: »*Княже* Владиміре и вы, сыны русскіе, братья и друзья! часъ приспѣлъ и пора пришла: идемъ, и поможетъ намъ благодать св. Духа«. Вѣтеръ южный дулъ имъ сзади. Выскочили они стремительно изъ засады, словно соколы на журавлиное стадо, говоритъ сказаніе, съ крикомъ и шумомъ, прямо въ тылъ Татарамъ и начали поражать ихъ. Нежданное появленіе свѣжаго войска оттуда, гдѣ никакъ его не предполагали, навело на Татаръ страхъ. Потерявъ уже свой *строй*, они не могли стать въ боевой порядокъ. »Бѣда намъ!—кричали они—Русь перехитрила насъ: худыхъ мы побили, а лучшіе теперь на насъ обрушились«. Показалось тогда имъ, что они совсѣмъ уже разбиты. Стали бить Татаръ со всѣхъ боковъ; а Татары сначала черезчуръ горячо напали и утомили себя. Оказалось, что тогда, когда напали на нихъ свѣжія силы, у нихъ и кони утомились и руки ихъ ослабѣли и ноги устали, и въ *безпорядкѣ* не видѣли и не знали они, гдѣ свой, гдѣ чужой, куда имъ повернуться. Русскіе прорывали ихъ толпы, били и вправо и влѣво, и сзади и спереди. Татары, метая оружіе, бѣжали. Русскіе догоняли и убивали ихъ. Мамай, увидя такое смятеніе, вмѣсто того, чтобъ послать на помочь силы, которыя еще оставались около него, бросилъ свое возвышеніе и бѣжалъ; за нимъ бѣжали князья и всѣ, кто только успѣвалъ спастись отъ Русскихъ. Однѣ толпы Татаръ бѣжали за Непрядву, и множество ихъ потонуло въ Непрядвѣ; другія толпы бѣжали вправо къ рѣкѣ Красивой—Мечи. Русскіе гнались за ними и били ихъ уже безропотно. Татары кидали свои возы и свое имущество въ добычу побѣдителямъ. ...Восемь дней послѣ того стояли Русскіе на полѣ, кото-

рому суждена была неувядаемая слава въ Русской исторіи. Ратные люди разбирали тѣла, христіанъ отдѣляли отъ невѣрныхъ, оставили татарскія тѣла гнить на поверхности земли, а христіанскія предали погребенію съ обрядами. И воспѣли, говоритъ лѣтопись, священники вѣчную память избіеннымъ отъ Татаръ на Куликовомъ полѣ, между Дономъ и Мечею; и князь великій съ братомъ своимъ и все воинство пропѣли вѣчную память съ плачемъ и слезами. На сердцѣ у Русскихъ осталась скорбь о томъ, что не всѣхъ земляковъ своихъ тѣла могли они отдѣлить отъ татарскихъ и похоронить съ честью: многимъ крещенымъ пришлось гнить вмѣстѣ съ обрѣзанными и идолопоклонниками. »Это за грѣхи наши попустилъ намъ такъ Богъ«, говорили Русскіе, вспоминая это обстоятельство.

Мамай бѣжалъ. Преслѣдуемый новымъ соперникомъ своимъ Тохтамышемъ, онъ искалъ убѣжища въ Каѳѣ. Генуэзцы тамъ и убили его. Ягейло не успѣлъ дойти къ союзнику и, стоя подъ Одоевымъ, услышалъ, что Русскіе разбили его союзника; онъ воротился съ своими и не сталъ уже нападать на Москву. Олегъ бѣжалъ изъ земли своей, а впослѣдствіи покорился Москвѣ. Русь торжествовала. Русь одною битвою, трудами одного дня покупала себѣ свободу отъ полуторавѣковаго рабства. Но свобода не дается ни быстро, ни дешево. Черезъ два года послѣ того, Тохтамышъ, ниспровергнувши державу Мамая и ставши самъ ханомъ Золотой орды, нагрянулъ на Москву: онъ искалъ возвращенія правъ ханскихъ надъ строптивымъ рабомъ. Москва была разорена. Русь признала снова такъ внезапно сверженное иго. За то Куликовская битва всетаки предуготовила на будущее время независимость русскихъ земель и открыла борьбу на жизнь и на смерть между Славянами и Татарами. Память объ этой побѣдѣ напечатлѣлась въ русскомъ духѣ. Много разъ, послѣ того, Татары давали Русскимъ чувствовать себя, но впечатлѣніе Куликовской битвы не умирало: Русь уже испытала, что можно не только отбивать грозныхъ Татаръ, но истреблять многочисленныя ихъ полчища; а въ многочисленномъ полчищѣ была вся сила, все могущество Орды. Съ памятью Куликовскаго побоища, Русь возрастала и дожидала лучшихъ временъ, и когда пришли они, Русь совершила надо всею силою завоевательнаго полчища то, что сдѣлала прежде на Куликовомъ полѣ надъ полчищемъ Мамаевымъ. Русь разсѣяла, истребила, стерла съ земли эту грозную завоевательную силу. Так. обр. побѣда Куликовская нравственнымъ вліяніемъ на духъ народный стала какъ бы первообразнымъ событіемъ не только освобожденія Руси отъ Татаръ, но и обратнаго пораженія первою послѣднихъ,—господства славянскаго племени надъ завоевательными и разрушительными племенами Средней Азіи.

(*Изъ статьи Н. Ив. Костомарова. »Прилож. къ мѣсяцеслову на 1864 г.« стр. 1—24*).

390. О литовскомъ княжествѣ.

Нашествіе Татаръ, поразившее русскій народъ, около половины XIII ст., отодвинуло два центра политической русской жизни другъ отъ друга: восточный центръ отодвинулся на юго-востокъ отъ Суздаля къ Москвѣ; западный центръ или волынско-галицкій, послѣ кратковременнаго колебанія, уступилъ мѣсто литовско-русскому центру на сѣверо-восточной оконечности нынѣшней Западной Россіи.—Русскій народъ Западной Россіи потѣсненъ былъ Татарами съ юга-запада къ областямъ литовскаго племени, занимавшаго юго-во-

сточную прибалтійскую страну и также потѣсненнаго отсюда Нѣмецкими рыцарями. Благодаря этому двойному натиску и движенію—Русскихъ съ юга на сѣверо-западъ и Литовцевъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ—образовалось литовское великое княжество, которое съ 1-й половины XIV ст. занимало всю площадь отъ низовьевъ Нѣмана вверхъ по обѣимъ сторонамъ этой рѣки, затѣмъ на югъ черезъ Нарву до Буга, Карпатскихъ горъ и по восточному склону ихъ до степей Черноморскихъ и Днѣпра; далѣе простиралось вверхъ по Днѣпру,—захватывало многія области къ востоку отъ Днѣпра, наконецъ на сѣверѣ простиралось по обѣимъ сторонамъ Западной Двины до низовьевъ ея.

Исторія этого новаго государства открывается передъ нами съ жизнію русскою. Малочисленное литовское племя, взявшее въ свои руки политическую судьбу русскаго народа, покоряется сильному русскому элементу на всѣхъ пунктахъ соприкосновенія съ нимъ, особенно въ сферѣ государственной и религіозной. Литовскіе великіе князья принимаютъ титулъ *русскій князь*; руское право, выработанное русскимъ народомъ подъ властію рода Рюрика, сохраняетъ свою силу въ литовскомъ княжествѣ; русскій языкъ становится государственнымъ, общественнымъ до такой степени, что на немъ пишутся грамоты, привиллегіи, даваемыя собственно литовскому народу—такъ называвшемуся Жмудскому княжеству, т. е. области, населенной чисто литовскимъ народомъ.

Вмѣстѣ съ русскимъ правомъ, русскимъ языкомъ господствовала фактически и русская вѣра—православная.—Она исповѣдывалась па всемъ пространствѣ нынѣшней Малороссіи и Бѣлоруссіи, въ которой жилъ русскій народъ. Отсюда она шла съ русскими колонистами подвинулась въ самую Литву. Въ столицѣ литовскаго княжества—Вильнѣ были десятки русскихъ церквей. Такое направленіе жизни въ литовскомъ княжествѣ явно вело къ тому, чтобы въ скоромъ времени оно сдѣлалось чисто русскимъ и православнымъ. Надъ литовскими князьями и ихъ народомъ готова была повториться исторія княжескаго рода Рюрика и его варяжской дружины въ Россіи, они близко были къ тому, чтобы всѣмъ имъ сдѣлаться русскими.—Между тѣмъ, въ то время, какъ на западной сторонѣ Днѣпра образовывалось русское государство при содѣйствіи литовскаго элемента, къ востоку отъ Днѣпра силы того же русскаго народа мало-по-малу группировались около Москвы, формировалось московское государство, подготовляло конецъ татарскаго ига и выступало на поприще такой же русской жизни.

Образовалось, такимъ образомъ, два русскія государства—литовское и московское изъ одного и того же народа, не раздѣленныя притомъ никакими рѣзкими физическими границами. Само собою разумѣется, что между ними немедленно должна была возникнуть борьба и, раньше или позже, племенное единство народонаселенія этихъ государствъ, должно было пересилить государственное раздѣленіе. Раньше или позже должно было образоваться одно государство. Этотъ результатъ явно подготовлялся особенно слѣдующими двумя обстоятельствами: многочисленными родственными связями литовскихъ и русскихъ князей и столь же многочисленными враждебными столкновеніями между ними. Въ томъ и другомъ случаѣ обѣ половины Россіи сближались, обобщались и такимъ образомъ подготовлялись къ тому, чтобы при первой случайности слиться въ одно цѣлое.

Но этотъ естественный процессъ образованія одного государства на всемъ пространствѣ, населенномъ русскимъ народомъ, очень усложнился и долженъ былъ совершаться очень медленно, благодаря

соединенію литовскаго княжества съ Польшею,—соединенію, которое внесло въ исторію западной Россіи новые элементы, запутавшіе естественное развитіе сознанія и жизни западнорусскаго народа.

Соединеніе литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ произошло въ 1386 г. Оно вызвано было внѣшними и большею частію совершенно случайными обстоятельствами. Литвѣ нужна помощь противъ непримиримыхъ враговъ—нѣмецкихъ рыцарей. Польша, не знавшая покоя отъ тѣхъ же рыцарей, очень рада была такой союзницѣ, какъ Литва, тѣмъ болѣе, что посредствомъ этого союза избавлялась и отъ постоянныхъ набѣговъ самой Литвы. Кромѣ того, тогдашній литовскій князь Ягайло находился во враждѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Витовтомъ, боялся быть низвергнутымъ съ престола и очень нуждался въ надежномъ союзникѣ. Съ другой стороны, Польша въ это время имѣла на своемъ престолѣ молодую королеву Ядвигу и пріискивала ей выгоднаго жениха. Вслѣдствіе такого неожиданнаго стеченія обстоятельствъ, союзъ двухъ государствъ совершился быстро и безъ всякихъ видимыхъ препятствій.

Обязанный такимъ внѣшнимъ и случайнымъ обстоятельствамъ союзъ Литвы съ Польшей былъ чисто внѣшнимъ союзомъ и могъ разрушиться отъ самыхъ маловажныхъ причинъ.—Онъ заключался въ слѣдующемъ: 1) Оба государства обѣщали имѣть одного государя, т. е. соединялись посредствомъ такъ называемаго—unio personalis. 2) Оба государства обѣщали имѣть общихъ друзей и общихъ враговъ, т. е. заключили союзъ политическій. 3) Внутреннее управленіе обоихъ государствъ было совершенно отдѣльно. Они имѣли особыя войска, особыя должности, особые чины для управленія. Постановлено даже было, какъ неизмѣнное правило, чтобы ни въ какомъ случаѣ не смѣшивались люди литовскаго княжества и польскаго королевства. Житель литовскаго княжества не имѣлъ права занимать должности и селиться въ Польшѣ, Полякъ въ литовскомъ княжествѣ.—Этими условіями различные элементы обоихъ государствъ повидимому хорошо были гарантированы отъ взаимнаго столкновенія, которое могло быть очень опаснымъ при столь непрочномъ союзѣ двухъ рѣзко различныхъ государствъ. Русскіе и Литвины литовскаго княжества повидимому могли и при союзѣ съ Польшей свободно развивать начала своей самостоятельной жизни. Даже можно было ожидать, что они будутъ развивать ихъ свободнѣе, чѣмъ прежде, потому что могли быть теперь безопаснѣе отъ нападеній сосѣдей. На дѣлѣ, однако, оказалось иначе. Соединеніе литовскаго княжества съ Польшей повело къ жестокому столкновенію всѣхъ различныхъ элементовъ соединенныхъ государствъ—польскаго, литовскаго, русскаго. Важнѣйшимъ поводомъ къ столкновенію было латинство.

Однимъ изъ первыхъ условій согласія польской королевы Ядвиги на бракъ съ Ягайлою—было обращеніе литвы въ латинство. Литовскій народъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. главнымъ образомъ Жмудины, бывшій еще тогда въ значительной массѣ языческимъ, первый испыталъ на себѣ силу этого условія. Онъ былъ крещенъ въ латинство правительственною властію при ближайшемъ участіи самого Ягайлы. Этотъ насильственный переворотъ, очень обыкновенный, впрочемъ, въ тѣ старыя времена, повелъ къ очень важнымъ послѣдствіямъ въ области чисто гражданскихъ дѣлъ. Латинская пропаганда между Литвинами, подкрѣпленная мѣрами правительства, естественно должна была положить предѣлъ распространенію здѣсь русской православной цивилизаціи. Это не могло не раздражить русскихъ жителей литовскаго княжества, привыкшихъ уже такъ давно видѣть въ этой

странѣ господство своихъ началъ. Мало того, латинская пропаганда коснулась русскихъ еще ближе. Мы говорили, что многіе литвины, особенно изъ высшаго сословія, были уже православными. Между тѣмъ, по условію соединенія съ Польшей, они должны были сдѣлаться латинянами, и многіе дѣйствительно сдѣлались вмѣстѣ съ Ягайлой. Русскіе увидѣли, что имъ не только заграждается путь къ распространенію своей цивилизаціи, но еще угрожаетъ опасность быть подавленными. Всѣ эти опасности они явно предвидѣли въ самое первое время какъ только начались переговоры о соединеніи литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ. Едва Ягайло женился на Ядвигѣ, какъ въ русскихъ областяхъ литовскаго княжества поближе къ московскому государству (въ Бѣлоруссіи) поднялось возстаніе. Двигателемъ его былъ родной братъ Ягайлы, православный полоцкій князь, Андрей, который объявилъ, что Ягайло, соединившись съ латинскою Польшей и принявъ латинскую вѣру, не можетъ быть государемъ литовскаго княжества. Возстаніе это было подавлено соединенными силами Литвы и Польши. Русскіе литовскаго княжества очутились именно къ томъ положеніи, котораго боялись. Ихъ стали принуждать къ латинству; Ягайло способенъ былъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ по отношенію къ русскимъ, и приказалъ, что всѣ Литвины должны быть латинской вѣры, что эту вѣру должны принимать и тѣ русскіе, которые породнились съ литвинами и латинянами, что въ этихъ случаяхъ русскихъ нужно принуждать къ латинству даже посредствомъ тѣлеснаго наказанія.

При тѣхъ тѣсныхъ связяхъ, какія имѣли Русскіе съ Литвинами—это было крайне жестокое постановленіе. Оно отрывало Русскихъ отъ Литвиновъ, рвало вѣковой союзъ между ними, полагало начало народной и религіозной борьбѣ между Русскими и Литвинами. Къ счастію, однако,

тѣхъ и другихъ, неожиданныя обсто тельства отсрочивали не разъ печальн послѣдствія раздѣленія между ними и с единяли тѣхъ и другихъ для общей борь бы съ Польшей.—Для успѣшнаго веден латинской пропаганды необходимо был имѣть значительное количество духовен ства. Новообращенная Литва не имѣ его дать. Нужно было брать его изъ Пол ши. Кромѣ того для поддержанія ли духовенства нужно было имѣть нако чиновныхъ людей. Между новообращен Литвинами такихъ было не много. Ока валось нужнымъ призывать для этого те Поляковъ. Многочисленныя войны того вре мени Литвы и Польши съ рыцарями те давали возможность Ягайлѣ наполнять Л тву Поляками и поручать имъ разныя д жности. Так. обр. нарушалось то ус віе союза литовскаго княжества съ По шей, по которому литовское и поль управленіе и литовскіе и польскіе л не должны были смѣшиваться. Но Я ло пошелъ еще дальше.

Тревожное состояніе литовскаго кня ства требовало особеннаго вниманія, (жайшаго наблюденія. Ягайло, отвлекае дѣлами Польши, счелъ необходимымъ значить литовскому княжеству особаго вителя въ качествѣ намѣстника и на чилъ имъ своего любимаго брата С гайлу. Это было большое униженіе литовскаго княжества, привыкшаго им самостоятельнаго государя. Въ особен сти это было чувствительно для мо щественнаго удѣльнаго литовскаго к зя Витовта, который потому и содѣйст валъ соединенію Литвы съ Польшей, надѣялся самъ управлять литовскимъ к жествомъ. Поддерживаемый сочувствіе Русскихъ и особенно Литвиновъ—Жму новъ, Витовтъ возсталъ противъ Ягай и для большаго успѣха соединился съ р царями. Много прошло времени и мн потрачено было силъ и крови, пока Яга ло успѣлъ отвлечь Витовта отъ рыцар

и заключить съ нимъ миръ. Витовтъ сдѣланъ былъ великимъ литовскимъ княземъ, но долженъ былъ признать союзъ съ Польшей и часто потомъ возобновлять это признаніе. Это отшатнуло отъ него русскихъ. Въ южныхъ областяхъ литовскаго княжества, въ нынѣшней Малороссіи въ нѣсколькихъ мѣстахъ произошли возстанія противъ Витовта. Поляки съ замѣчательнымъ искуствомъ воспользовались этимъ раздѣленіемъ между Литвой и Русью, посѣяли между ними новыя сѣмена раздора и этимъ отсрочили опасность грозившую союзу литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ. Руководимый ими Ягайло даетъ природнымъ литовцамъ въ 1400 и особенно 1413 г. на Городельскомъ сеймѣ особыя преимущества, даетъ имъ право составлять сеймы подобно Полякамъ, установляетъ должности подобно польскимъ, даруетъ гербы польскаго дворянства, словомъ—снимаетъ съ нихъ, по его выраженію, узы рабства и даетъ польскую свободу; но Русскихъ онъ лишаетъ этой свободы. Только тѣ изъ нихъ, которые измѣнятъ своей православной вѣрѣ, могутъ участвовать въ этихъ преимуществахъ.

Эта была первая попытка внести въ литовское княжество пагубное польское шляхетство, то шляхетство, по которому одна часть народа произвольно удостоивается всѣхъ правъ и благъ, а другая столь же произвольно лишается ихъ. Литвины поставлены въ положеніе господъ, пановъ,—Русскіе въ положеніе рабовъ, хлоповъ. Система эта противорѣчила всѣмъ, исторически установившимся отношеніямъ литовскаго народа къ западно-русскому. Она подвигала дальше и дальше разъединеніе между ними, вредное имъ обоимъ. Это и обнаружилось послѣ смерти Витовта (1430). Русскіе, подъ предводительствомъ литовскаго кн. Свидригайлы, пытались снова оторваться отъ Польши,—Литвины латиняне, подъ знаменемъ Ягайлы и его брата Сигизмунда, назначеннаго правителемъ Литвы, давили Русскихъ и притягивали ихъ къ Польшѣ.

Къ счастью опять среди этихъ раздоровъ и смутъ, незамѣтно и неожиданно для Поляковъ, вырабатывалось объединеніе Литвы и Руси. Когда въ 1400 г. объявлено было, что только тѣ изъ русскихъ могутъ пользоваться политическими и гражданскими правами, которые примутъ латинство, то безъ сомнѣнія, между русскими находились охотники получить житейскія выгоды и принимали латинство. Въ тридцатыхъ годахъ XV ст. Полякамъ представился удобный случай увеличить число такихъ людей. На западѣ Европы тогда устроялось соединеніе церквей. Литовско-польское правительство немедленно воспользовалось этимъ и требовало, чтобы Русскіе принимали унію. Старый вызовъ на отступничество отъ народныхъ началъ, смягченный такимъ образомъ, не могъ не увеличивать числа людей, отрывавшихся отъ русскаго народа. Но въ то время этотъ разрывъ не былъ еще такъ силенъ, какъ въ послѣдствіи. Уніатское вѣроисповѣданіе тогда еще не существовало, какъ особое. Оно выражалось только въ отвлеченномъ, отрѣшенномъ отъ практической жизни признаніи главенства папы. Даже принимая чистое латинство, Русскій тогда не переставалъ быть русскимъ, и ужъ во всякомъ случаѣ не дѣлался Полякомъ, п. ч. Поляковъ не было тогда въ литовскомъ княжествѣ, или если они бывали, то временно, и вовсе не въ такомъ числѣ, чтобы могли составить вліятельное общество. Русскіе того времени, принимавшіе латинство или унію, ненамѣренно выработывали для ближайшаго времени даже добро. Они естественно сближались этимъ путемъ съ Латинянами—литовцами и сближали ихъ съ своими братьями православными, отъ которыхъ на дѣлѣ ничѣмъ не отличались они сами.

После этого, раздѣленіе между Литвой и Русью, такъ насильственно внесенное

Ягайлой въ законодательство и жизнь, становилось крайне неестественнымъ. Его и начали уничтожать сперва подъ благовиднымъ предлогомъ, а потомъ и прямо. Въ 1443 г., грамотой Владислава Варнскаго, Русскіе уравнены были въ правахъ съ Латинянами по тому поводу, что церкви восточная и западная будто бы соединились на Флорентинскомъ соборѣ! (*А. Зап. Рос. I, № 42*). Этою грамотою сильно былъ подорванъ Городельскій актъ, даровавшій права только Латинянамъ литовскаго княжества, и проложенъ былъ путь къ открытому и законному возстановленію правъ западно-русскаго народа безъ всякаго отношенія къ вѣрѣ.—Въ 1440 г. убитъ былъ Сигизмундъ, управлявшій литовскимъ княжествомъ по назначенію Ягайлы. На польскомъ престолѣ былъ тогда старшій сынъ Ягайлы Владиславъ, извѣстный подъ именемъ *Варнскаго*. Вельможи литовскаго княжества не подчинились власти польскаго короля, какъ того требовало Городельское постановленіе, но избрали себѣ, помимо воли Поляковъ и ихъ короля, младшаго брата Владиславова, малолѣтняго Казиміра (*Нарбутта, т. VIII, 9*). Пользуясь большою властью при малолѣтнемъ князѣ, вельможи литовскаго княжества постарались сейчасъ же порвать главнѣйшіе узы, соединявшіе ихъ съ Польшей. Они торжественно объявили, что считаютъ Казиміра неподручнымъ польскому королю, а самостоятельнымъ, независимымъ княземъ. За тѣмъ обязали его клятвою возстановить цѣлость литовскаго княжества и не допускать Поляковъ въ Литву. Черезъ нѣсколько лѣтъ, обстоятельства стали очень неблагопріятны литовцамъ. Владиславъ палъ въ битвѣ съ Турками (1444 г.) Казиміръ избранъ польскимъ королемъ. Но это не ослабило энергіи литовскихъ и русскихъ вельможъ, добивавшихся независимости своей страны. Мало по малу они возвратили подъ власть Литвы всѣ земли южной части этого княжества, присвоенныя Польшей. Благодаря этому, они стали еще сильнѣе и громче поговаривать о своей независимости отъ Польши. На многочисленныхъ сеймахъ, происходившихъ въ правленіе Казиміра, они постоянно поднимали вопросъ о незаконности актовъ уніи при Ягайлѣ,—объ исключеніи изъ нихъ выраженій:— «одно государство, одинъ народъ», и т. п. Все это литовскіе и русскіе вельможи называли порабощеніемъ, рабствомъ Литвы и требовали уничтоженія этого позора. (*Нарбуттъ, т. VIII, 9*). Казиміръ явно стоялъ на сторонѣ литовской. Онъ былъ воспитанъ въ Литвѣ, большею частію жилъ въ ней и искренно любилъ эту страну. Для нашей цѣли важна еще та особенность, что Казиміръ очень расположенъ былъ къ русскимъ своимъ подданнымъ и пользовался у нихъ большою популярностію. Популярность его въ этомъ отношеніи была такъ велика, что нѣкоторые князья русскіе и цѣлыя области, какъ напр. Новгородъ, стали примыкать къ литовскому княжеству.—При такомъ направленіи дѣлъ, и при такомъ настроеніи Казиміра, враждебныя отношенія между литвинами и русскими литовскаго княжества и юридическая неравноправность между ними должны были уничтожиться. Возстановленіе единства и равноправности между тѣми и другими дѣйствительно и послѣдовало въ 1457 г. Въ этомъ году Казиміръ на Виленскомъ сеймѣ далъ своимъ подданнымъ грамоту, которая разрушала Городельскую неправду. По этой грамотѣ оба народа литовскій и русскій получаютъ равныя права безъ всякаго различія по вѣрѣ и главное получаютъ ихъ не во имя союза съ Польшей, какъ говорилось въ Городельскомъ актѣ, а просто по любви Казиміра къ своимъ подданнымъ и въ награду за ихъ вѣрность къ нему,—вѣрность, съ кото-

торой такъ неразрывно соединена была любовь къ родинѣ и защита ея отъ Польши (*А. Зап. Рос. I, № 61*).

Къ концу жизни Казиміра объединенныя силы литовскаго княжества обнаружили еще большую энергію въ борьбѣ съ Польшей (*Стрыйковскаго Kronika II, 232. по изд. 1846*). Поляки и самъ король имѣли серьезное опасеніе, что союзъ Литвы съ Польшей разрушится (*Тамъ же 291*). Опасеніе это было совершенно справедливо.—Какъ только умеръ Казиміръ, литовскіе вельможи немедленно написали посланіе къ южно-русскимъ князьямъ и вельможамъ, усердно приглашая ихъ быть съ ними за одно, какъ братья. Призывъ этотъ былъ вызванъ очень важнымъ обстоятельствомъ. Литовскіе вельможи рѣшились настоять, чтобы у нихъ по прежнему былъ свой независимый государь. Въ союзѣ съ русскими людьми они избрали себѣ княземъ младшаго сына Казимірова Александра и потребовали, чтобы уничтожены были всѣ условія соединенія литовскаго княжества съ польскимъ, невыгодныя для литовскаго княжества, какъ то: «оба государства составляютъ одно государство, подъ однимъ государемъ, сливаются въ одинъ народъ, одно тѣло»! Мы должны здѣсь замѣтить, какъ весьма важное явленіе, то, что въ это время во главѣ вельможъ литовскаго княжества стоялъ русскій православный князь Михаилъ Глинскій. Независимость Литвы отъ Польши, казалось, теперь была упрочена и можно было думать, что при первой случайности оба эти государства разойдутся. Для этого оставалось только уничтожить тотъ видимый признакъ соединенія между ними, какой выражался въ съѣздахъ на общій сеймъ, и въ общихъ походахъ противъ непріятеля. — Но на дѣлѣ обстоятельства приняли обратный поворотъ, и повели къ скрѣпленію, а не къ расторженію союза Литвы съ Польшей...

(*Изъ статьи М. О. Кояловича. Докум. объясняющіе исторію зап. р. с. края. Спб. 1865, стр. XXVI—LXVI).*

УКАЗАТЕЛЬ ДРЕВНИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ.

Вѣкъ X.

До 950 г. №№ 3. 292. 321. 1. 321, а. 2. 201. 189. 294. 38.

До 1000 г. №№ 4, а. б. 321, б. 4, в. 321, в. 5. 6. 373, а. 7. 37. 114. 8. 9. 10. 322. 138. 323.

Вѣкъ XI.

До 1050 г. №№ 331, а. 162. 173. 324. 202. 39. 359, а.

До 1100 г. №№ 11. 163. 359, б. 40, а. 359, в. 325, а. 50. 325, б. 12. 13. 203. 68. 69. 40, б. 115. 204. 70. 41. 94. 295. 326. 327. 296. 95. 14.

Вѣкъ XII.

До 1125 г. №№ 52, а. 362, а. 51. 359, г. 205. 359, д. 186. 359, е. 206.

До 1150 г. №№ 42. 359, ж. 237. 376, а. 359, з. 164. 165. 139. 238. 15. 359, и. 297. 96. 140. 359, і.

До 1175 г. №№ 166. 298. 207, а. 97. 239. 331, б. 208. 43. 299. 240. 333, в. 71. 241.

До 1200 г. №№ 141. 359, к. 299, в. 359, л. 332. 328. 209. 329. 207, б. 300. 359, м. 53, а. 359, н. 242. 116. 359, о. п. 54, а. 73. 190. 210. 74.

Вѣкъ XIII.

До 1225 г. №№ 52, б. 142. 75. 53, б. 211, а. 301. 212, а. 213, а. 360, а. б. 302. 360, в. 363, а. 303. 143. 144. 333, а. 360, г. 117.

До 1250 г. №№ 362, б. 335. 145, а. 360, д. 362, в. 118. 56. 146. 362, г. 191. 46, а. 333, б. в. 57. 54, б. 213, б. 363, б. 376, б. 98. 212, г. 336. 337. 362, д. 99. 145, б. 338. 339. 55.

До 1275 г. №№ 340. 244. 243. 119. 147. 360, е. 373, б. в. 245. 148. 76. 363, в. 341. 346. 364. 58, а. б. 149. 360, ж. 60, а. 342. 150. 374, а. 120. 16. 214. 215.

До 1300 г. №№ 60, б. 44. 60, в. 360, з. 374, б. 121. 192. 174. 45. 187. 247. 176. 59, а. 377. 248. 175.

Вѣкъ XIV.

До 1325 г. №№ 365, а. 249. 365, б. 250. 362, е. 251. 46, б. 216. 217, а. 361, а. 365, в. 122. 361, б. 378, а. б. 151. 361, в. 344. 343. 365, г. д. 366. 361, г.

До 1350 г. №№ 124. 304. 152. 361, д. 252. 305. 123. 367, а. б. 345. 60, г. 367, в. 253. 254. 177. 379, а. 59, б. 153. 217, б. 46, в. 255. 154. 368. 379, б. 256, 361, г. 380. 78. 178. 77, а. 369. 257. 179. 258. 218. 259. 375.

До 1375 г. №№ 370. 61, а. 125. 219, і. 46, г. 180. 167. 193. 60, д. 260. 220, а. 181. 381. 371, а. 382. 306. 307. 47. 261.

До 1400 г. №№ 308. 211, г. 220, б. 334. 346. 100. 168. 126. 347. 309. 127. 348. 221. 383. 262. 128. 263. 264. 182. 349. 310. 103. 130. 265. 384. 311, а. 266. 129. 350. 169. 131. 77, б. 102. 101. 183.

311, б. в. 267. 104. 268. 224. 155. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 48. 49. 79. 222. 223.

Вѣкъ XV.

До 1425. г. №№ 269. 105. 170. 270. 58, в. 312. 271. 194. 156. 385. 225. 60, е. 286, а. 272. 273. 61, б. 386, б. 351. 352. 195. 353. 184. 226. 132. 133. 219, г. 134. 106. 135. 62, 274. 275.

До 1462 г. №№ 107. 277. 397, а. 60, ж. 397, б. 278. 136. 60, г. 196. 59, в. 276. 280. 313. 108. 281. 60, и. 379. 371, б. 109. 371, в. 197. 62, в. 282. 314. 227. 315. 63. 372. 185. 283. 171.

УКАЗАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВЪ ПО РОДАМЪ И ВИДАМЪ.

Лѣтописи:

Текстъ лѣтописи, приписываемой преп. Нестору: №№ 3. 292. 321, 1. 321, 2. 37. 321, а. 189. 294. 4, а. б. 321, б. 4, в. 321, в. 5. 6. 7. 114. 8. 322. 138. 323. 295. 324. 39. 325, а. 50. 325, б. 12. 326. 327. 206. 296.

Лѣтопись Суздальская: №№ 70. 52, а. 51. 331, б. 299, б. 331, в. 299, в. 300. 52, б. 211, а. 53, б. 301. 212, а. 213, а. 303. 333, а. 362, а. б. в. г. 333, б. в. 54, б. 213, б. 336. 212, б.

Троицкая: №№ 47. 302. 335. 362, д.

Кіевская: №№ 15. 297. 140. 298. 240. 241. 328. 209. 53, а. 141. 54, а.

Волынская: №№ 143. 444. 145, а. 337. 145, б. 55. 244. 375. 119. 373, б. в. 245. 58, б. 374, а. 44. 374, б. 174. 45.

Густынская: №№ 24. 378, а. 58, а. 60, а. б. в. 378, б. 60, г. 379, а. б. 132.

I Новгородская: №№ 359, г. и. к. н. 116. 359, п. 360, б. 363, а. 360, д. 146. 56. 57. 363, б. 376, б. 360, е. 147. 148. 150. 59, а. 365, а. б. 361, а. 217, а. 361, б. 151. 361, в. 365, г. д. 361, г. д. 305. 367, а. б. в. 217, б. 153. 154. 369. 311, а. б. в. 60, ж. 59, в.

II Новгородская: №№ 60, д. 106. 62, а.

III Новгородская: №№ 9. 178.

IV Новгородская: №№ 299, а. 359, л. м. 59, б. 219, а. 220, а. 306. 307. 308. 220, б. 346. 348. 383. 128. 349. 58, в. 225. 219, б. 133. 134. 281. 60, и. 385.

I Псковская: №№ 360, б. в. г. 124. 368. 61, а. 60, з. 371, а. б. в. 372, а. б. в. 77, б.

II Псковская: №№ 377. 386, а. б. 61, б. 274. 397, а. б. в.

I Софійская: №№ 142. 359, г. б. в. д. е. ж. 376. 359, з. 139. 359, і. 208. 359, о. 363, в. 341. 360, ж. 342. 360, з. 365, в. 344. 361, е. 380. 370. 62, в.

II Софійская: №№ 78. 103. 350. 60, е. 62, б. 63.

Воскресенская: №№ 381. 382. 334. 126. 312. 351, а. 353. 107. 136. 313. 108. 315.

Никоновская: №№ 345. 310. 100. 224. 352.

Тверская: № 351, б.

Нижегородская: №№ 362, е. 211, б.

Степенная книга: №№ 101. 226.

Синопсисъ: № 293.

Сводная лѣтопись В. Н. Татищева: №№ 373, а. 10. 331, а. 332.

Житія: №№ 37. 41. 94. 95. 97. 98. 99. 343. 345. 100. 103. 101.

Отдѣльные разсказы и повѣствованія: №№ 295. 296. 140. 141. 302. 335. 336. 337. 339. 364. 377. 344. 348. 350. 226. 136. 63.

Путешествія: №№ 205. 77, а. б.

Извѣстія иностранцевъ: №№ 2. 201. 338.

Слова: №№ 11. 69, а. б. 14. 71. 75. 16. 214. 215. 210. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 49. 222. 223. 155.

Поученія: №№ 114. 202. 38. 203. 13. 206. 121. 216. 218. 221. 134.

Посланія: №№ 204. 115. 186. 117. 118. 76. 78. 129. 104. 105. 352. 133. 109. 314.

Церковные уставы и правила: №№ 162. 163. 164. 165. 238. 166. 207. 120.

Судебные своды: №№ 173. 178. 185.

Грамоты.

Благословенная: № 135.

Ввозныя послушныя: № 277.

Вкладная № 242.

Данныя: №№ 243. 279.

Договорныя: №№ 189. 191. 149. 251. 366. 304. 252. 193. 181. 309. 156. 194. 272. 196. 197.

Душевныя или духовныя завѣщанія: №№ 96. 174. 175. 152. 258. 180. 260. 262. 264.

Жалованныя: №№ 237. 177. 254. 255. 256. 261. 263. 266. 267. 270. 271. 184. 275. 276. 282.

Заемныя и закладныя: №№ 257. 278.

Кобальная № 182.

Купчія: №№ 179. 259. 269. 283.

Мирныя: №№ 190. 246. 192. 249. 250. 195.

Грамоты разнаго содержанія: №№ 247. 248. 253. 125. 131. 169. 171.

Настольная № 130.

Обводная или межевая № 268.

Рядная № 176.

Таможенная № 273.

Уставныя: №№ 127. 265. 183. 170.

Ярлыки ханскіе: №№ 122. 123. 167. 168.

Показаніе № 280.

Исповѣданіе № 227.

Плачъ № 102.

Записи, предисловія и послѣсловія: №№ 40, а. б. 41. 42. 239. 43. 46, а. б. в. г. 47. 48.

Ложныя или апокрифическія книги: №№ 79. 65. 66. 74. 80. 81. 82.

Легенды: №№ 83. 84. 85. 137. 338.

Преданія и сказанія: №№ 64. 172. 187. 228. 229. 231. 284. 316. 317. 330. 370.

Свѣтскія повѣсти: №№ 329. 73. 347. 188. 86.

Былины: №№ 25. 26. 110. 232. 233. 286. 287. 288. 318. 354. 355. 356.

Стихи: №№ 27. 28. 87. 88. 89. 90. 230. 285.